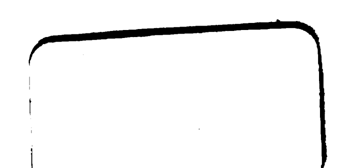

VE RI
TAS

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXIII.

1899.

МАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95

1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

За редактора Э. Радловъ.

(*Вышла 1-го мая*).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ CCCXXIII.

1899.

МАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Наб. Фонтанки, 95.

1899.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ ДАННЫЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

(1899 года, марта 27-го). „Окружному инспектору Московскаго учебнаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику *Баранову*— Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія".

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (8-го февраля 1899 года). *Объ измѣненіи штата Эриванской учительской семинаріи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта объ измѣненіи штата Эриванской учительской семинаріи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія, объ измѣненіи штата Эриванской учительской семинаріи, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Въ измѣненіе и дополненіе Высочайше утвержденнаго, 20-го октября 1880 года, штата Эриванской учительской семинаріи: 1) присвоить существующимъ въ сей семинаріи должностямъ учителей армянскаго и татарскаго языковъ жалованье въ размѣрѣ 500 рублей въ годъ каждому, X классъ по чинопроизводству, X разрядъ по шитью на мундирѣ и пенсію по учебной службѣ; 2) учредить новую штатную должность учителя рисованія, черченія и чистописанія, съ присвоеніемъ оной тѣхъ же служебныхъ и пенсіонныхъ правъ, коими пользуются учители рисованія въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, и 3) размѣръ жалованья врача семинаріи увеличить до 440 рублей въ годъ.

II. Расходъ, потребный на увеличеніе жалованья учителя татарскаго языка и врача семинаріи, а также на производство жалованья учителю рисованія, черченія и чистописанія, всего въ размѣрѣ *восьмисотъ девяносто пяти* рублей въ годъ, отнести на равную сумму, освобождающуюся отъ уменьшенія содержанія учителя армянскаго языка съ 1.395 рублей до 500 рублей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

2. (15-го февраля 1899 года). *О кредитѣ на содержаніе пансіона съ церковью при Читинской женской гимназіи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о кредитѣ на содержаніе пансіона съ церковью при Читинской женской гимназіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о кредитѣ на содержаніе пансіона съ церковью при Читинской женской гимназіи, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Учредить при пансіонѣ Читинской женской гимназіи должности врача и письмоводителя (онъ же экономъ), съ присвоеніемъ первой должности оклада содержанія въ 450 рублей въ годъ, VIII класса по чинопроизводству, VIII разряда по шитью на мундирѣ и пенсіи по медицинской службѣ, а второй—оклада содержанія въ 600 рублей

въ годъ, X класса по чинопроизводству, X разряда по шитью на мундирѣ и VIII разряда по пенсіи.

II. Отпускать изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1900 года, на содержаніе пансіона и церкви при упомянутой гимназіи (отд. I) по *девяти тысячъ шестисотъ* рублей въ годъ; расходъ же на указанный предметъ въ 1899 году отнести: въ размѣрѣ *восьми тысячъ шестисотъ пятидесяти* рублей на кредитъ въ равной суммѣ, назначенный къ условному отпуску по ст. 2 § 15 дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія, и въ размѣрѣ *девятисотъ пятидесяти* рублей—на общіе остатки по названной смѣтѣ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

3. (22-го января 1899 года). *О предоставленіи министерству народнаго просвѣщенія права измѣнять объемъ учебнаго курса и таблицу недѣльныхъ уроковъ въ Астраханскомъ армянскомъ Агабабовскомъ уѣздномъ училищѣ.*

По выслушаніи записки управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, отъ 9-го декабря 1898 года за № 30081 (по деп.), о предоставленіи министерству народнаго просвѣщенія права измѣнять объемъ учебнаго курса и таблицу недѣльныхъ уроковъ въ Астраханскомъ армянскомъ Агабабовскомъ уѣздномъ училищѣ, комитетъ министровъ полагалъ: представленіе это утвердить.

Государь Императоръ, въ 22-й день января 1899 года, на положеніе комитета Высочайше соизволилъ.

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(20-го марта 1899 года). *Назначается*, экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ международнаго права *Казанскій*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ международнаго права.

Утверждается, въ должности егермейстера Высочайшаго Двора, отставной поручикъ князь *Голицынъ*—вновь, почетнымъ попечителемъ

Новгородскаго реальнаго училища, согласно избранію, на три года съ оставленіемъ его въ придворной должности.

Увольняются, согласно прошеніямъ: инспекторъ и ординарный профессоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, докторъ греческой словесности, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Добіашъ*—отъ первой изъ означенныхъ должностей; чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Никифоровъ*—отъ означенной должности, по случаю причисленія его къ министерству.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Косинскій*, за выслугою срока, съ 1-го марта, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершіе исключаются изъ списковъ: окружной инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Бржезинскій*, съ 6-го марта, и почетный попечитель Могилевской гимназіи, статскій совѣтникъ *Василевскій*, съ 21-го февраля.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники:* по Московскому учебному округу: почетный членъ попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища *Губонинъ*—съ 30-го августа 1898 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Калужской губерніи *Ѳедоровъ*—съ 15-го сентября 1898 г.; учителя гимназій: Владимірской, *Страховъ*—съ 30-го мая 1898 г., Калужской: *Сумароковъ* (бывшій, нынѣ въ отставкѣ)—съ 7-го февраля 1898 г. и *Миролюбовъ*—съ 1-го сентября 1898 г., Московской 1-й, *Сетинсонъ*—съ 20-го октября 1898 г., Московской 5-й (сверхштатный), *Гіацинтовъ*—съ 1-го февраля 1896 г., Ярославской, *Романовскій*—съ 1-го августа 1898 г.; прогимназій: Орловской шестиклассной, *Мышцынъ*—съ 1-го іюля 1898 г., Карачевской четырехклассной, *Овсянниковъ*—съ 1-го августа 1898 г.; реальныхъ училищъ: Нижегородскаго Владимірскаго, *Сафоновъ*—съ 17-го марта 1898 г., Тульскаго, *Вихертъ*—съ 1-го августа 1898 г., Комисаровскаго техническаго училища, *Баюковъ*—съ 28-го августа 1898 г.; наставники учительскихъ семинарій: Новоторжской, *Папковъ*—съ 1-го августа 1898 г. и Поливановской, *Аржениковъ*—съ 1-го сентября 1898 г.; по Казанскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Симбирской губерніи *Самосатскій*—съ 21-го февраля 1896 г.; учителя гимназій: Императорской Казанской 1-й: *Горталовъ*—съ 1-го августа 1898 г.

и *Черняевъ*—съ 16-го августа 1898 г.; Казанской 3-й: *Сухановъ*—съ 28-го іюля 1898 г. и *Корниловъ*—съ 1-го августа 1898 г., Казанской Маріинской женской, *Хохряковъ*—съ 10-го августа 1898 г. и Самарскаго реальнаго училища, *Волковъ*—съ 31-го іюля 1898 г.; наставники учительскихъ семинарій: Казанской, *Алексѣевъ*—съ 1-го сентября 1898 г. и Вольской, *Фармаковскій*—съ 12-го сентября 1898 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Московскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Орловской губерніи *Протопоповъ*—съ 1-го іюня 1898 г.; библіотекарь и исполняющій должность младшаго наблюдателя гимназическихъ классовъ Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая *Муравьевъ*—съ 30-го августа 1898 г.; учителя: Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, *Кизиветтеръ*—съ 12-го сентября 1898 г., гимназій: Московской 3-й, *Ланьовой*—съ 1-го сентября 1898 г., Московской 4-й, *Алексѣевъ*—съ 21-го августа 1898 г., Тверской, *Владиславлевъ*—съ 17-го августа 1898 г.; надзиратель средняго механико-техническаго училища, состоящаго при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ, *Нечаевъ*—съ 23-го декабря 1897 г.; наставники учительскихъ семинарій: Киржачской, *Андреевъ*—съ 1-го августа 1897 г. и Новоторжской, *Одинцовъ*—съ 1-го сентября 1898 г.; учитель частной женской гимназіи Калайдовичъ въ Москвѣ *Мамаевъ*—съ 19-го ноября 1898 г.; по Казанскому учебному округу: учителя гимназій: Казанской 2-й, *Ложкинъ*—съ 15-го сентября 1898 г., Царицынской женской, *Рождественскій*—съ 12-го сентября 1898 г., реальныхъ училищъ: Казанскаго, *Ажаевъ*—съ 17-го мая 1898 г., Вольскаго, *Гокъ*—съ 8-го ноября 1898 г., Камышинскаго: *Арбузовъ*—съ 18-го сентября 1894 г. и *Морозовъ*—съ 20-го октября 1897 г., Казанской татарской учительской школы, *Коржавинъ*—съ 24-го октября 1898 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Московскому учебному округу: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Коммиссаровскаго техническаго училища *Бѣлоцерковецъ*—съ 12-го іюля 1898 г.; врачъ Нижегородской гимназіи *Томсонъ*—съ 5-го іюля 1897 г.; учители: Карачевской четырехклассной прогимназіи, *Поповъ*—съ 11-го августа 1897 г., реальнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ Москвѣ, *Лебертъ*—съ 26-го октября 1897 г.; надзиратель низшаго Иваново-Вознесенскаго механико-техническаго училища *Колесниковъ*—съ 9-го сентября 1898 г.; врачъ Новинской учительской семинаріи *Дешевой*—съ 29-го мая 1898 г.; учителя-инспекторы городскихъ трехклассныхъ училищъ: Малоярославецкаго, *Ковалевъ*—съ

1-го іюля 1893 г., Епифанскаго, *Баршевъ* — съ 1-го іюля 1898 г., Духовщинскаго, *Морозкинъ* — съ 1-го августа 1897 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Московской 3-й (сверхштатный), *Глаголевскій*—съ 1-го августа 1898 г., Рыбинской, *Малининъ* — съ 11-го сентября 1898 г.; учитель Бѣльскаго городскаго училища *Клеминъ*—съ 8-го сентября 1897 г.; по Казанскому учебному округу: учители гимназій: Казанской 2-й, *Ѳирсовъ*—съ 25-го августа 1897 г. и Царицынской, *Горбатовъ*—съ 1-го августа 1897 г.; лаборантъ Императорскаго Казанскаго университета *Вормсъ*—съ 10-го декабря 1898 года; инспекторъ Царицынскаго ремесленнаго училища *Воскобойниковъ*—съ 20-го октября 1897 г.; учители-инспекторы городскихъ училищъ: Саратовскаго четырехклассиаго, *Соловьевъ*—съ 1-го іюля 1898 года, Астраханскаго 3-го четырехклассиаго, *Жуковъ*—съ 11-го августа 1898 г. и Красноярскаго трехклассиаго, *Михайловъ-Дойниковъ*—съ 1-го іюля 1898 г.; врачъ Астраханскаго 1-го городскаго четырехклассиаго училища *Балыклейскій*—съ 22-го марта 1898 г.; учители городскихъ училищъ: Свіяжскаго двухклассиаго (завѣдывающій), *Анамнешевъ*—съ 9-го августа 1898 г., Ставропольскаго двухклассиаго (завѣдывающій), *Лебедевъ*—съ 13-го іюля 1898 г., Камышинскаго четырехклассиаго, *Сусловъ*—съ 20-го октября 1898 г., Ставропольскаго двухклассиаго, *Воротниковъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Московскому учебному округу: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Коммиссаровскаго техническаго училища *Гивартовскій*—съ 14-го августа 1898 г.; врачъ Серпуховскаго городскаго училища *Игнатовъ*—съ 31-го января 1895 г.; учитель того же училища *Кадушновъ*—съ 1-го іюля 1897 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Нижегородской гимназіи, *Позняковъ*—съ 1-го сентября 1898 г. и Московскаго реальнаго училища *Смирновъ*—съ 13-го января 1898 г.; учители городскихъ училищъ: Коломенскаго, *Карпинъ*, Тульскаго, *Кузьминъ*, оба—съ 1-го іюля 1898 г., приготовительныхъ классовъ: Рославльской шестиклассной прогимназіи, *Зуевъ*—съ 13-го сентября 1898 г. и Нижегородскаго Владимірскаго реальнаго училища, *Нелидовъ* — съ 18-го августа 1898 г., по Казанскому учебному округу: учитель-инспекторъ Царицынскаго городскаго трехклассиаго училища *Лазаревъ*—съ 28-го августа 1896 г.; сверхштатный ассистентъ при каѳедрѣ психіатріи Императорскаго Казанскаго университета *Воротынскій*—съ 12-го мая 1895 г.; сверхштатные ординаторы того же университета при клиникахъ: акушерско-гинекологической, *Каземъ-Бекъ*—съ 1-го декабря 1896 г. и кожныхъ

и венерическихъ болѣзней, *Лаптевъ*—съ 29-го ноября 1896 г.; сверхштатный помощникъ прозектора Казанскаго ветеринарнаго института *Степановъ*—съ 7-го октября 1898 г.; завѣдывающій Самарскою низшею ремесленною школою, имени Кириллова, *Дмитріевскій*—съ 27-го февраля 1897 г.; учители городскихъ училищъ: Астраханскаго 3-го четырехкласснаго, *Пуховъ*—съ 14-го марта 1897 г., трехклассныхъ: Сызранскаго, *Сухановъ* — съ 22-го августа 1895 г. и Алатырскаго, *Зефировъ*—съ 6-го сентября 1897 г. и Астраханскаго 1-го четырехкласснаго (сверхштатный), *Акатьевъ* — съ 17-го сентября 1898 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по Московскому учебному округу: почетный членъ попечительнаго совѣта Коммиссаровскаго техническаго училища *Фоссъ*—съ 5-го декабря 1888 г.: преподаватель Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища *Грдина*—съ 20-го февраля 1898 г.; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Теодоровичъ*—съ 14-го декабря 1898 года; экономомъ и смотритель зданій Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая *Егоровъ*—съ 3-го мая 1897 г.; бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ Орловскаго Александровскаго реальнаго училища *Яньшинъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; учители городскихъ училищъ: 3-го Московскаго, *Зеленинъ*—съ 1-го іюля 1896 г., Болховскаго, *Марковъ*—съ 1-го февраля 1894 г., Карачевскаго, *Подшиваловъ*—съ 10-го сентября 1895 г. и Дмитровскаго, Орловской губерніи, *Карелинъ*—съ 20-го ноября 1893 г.; по Казанскому учебному округу: учитель городскихъ четырехклассныхъ училищъ: Балашовскаго, *Захаровъ*—съ 24-го сентября 1895 г. и Самарскаго 1-го (сверхштатный), *Солдатовъ*—съ 16-го іюля 1896 г.; Астраханскаго армянскаго Агабабовскаго уѣзднаго училища, *Остроумовъ*—съ 12-го февраля 1896 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Московскому учебному округу, почетный смотритель Алексинскаго уѣзднаго училища *Глѣбовъ*—съ 24-го марта 1898 г.; по Казанскому учебному округу, учитель Самарскаго 2-го городскаго четырехкласснаго училища *Енгалычевскій*—съ 4-го ноября 1890 г.; письмоводитель Казанской 3-й гимназіи *Казанскій*—съ 1-го сентября 1898 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Московскому учебному округу: учитель Карачевскаго городскаго приходскаго училища *Рождественскій*—съ 17-го февраля 1893 г.; помощники учителей городскихъ училищъ: Коломенскаго, *Картелевъ*—съ 7-го сентября 1896 г. и 3-го Московскаго, *Страховъ*—съ 1-го февраля 1896 г.; по Казанскому учебному округу, учитель Карсунскаго уѣзднаго училища *Суровъ*—

съ 1-го октября 1898 г.; помощникъ учителя Чистопольскаго городскаго двухкласснаго училища *Преображенскій*—съ 3-го мая 1889 г.; учители городскихъ приходскихъ училищъ: Самарскаго 9-го, *Тиминскій*—съ 17-го августа 1894 г., Астраханскаго 3-го, *Пучекъ*—съ 14-го апрѣля 1887 г. и Астраханскаго 4-го, *Данилевскій*—съ 1-го сентября 1898 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Московскому учебному округу: учители: Мясницкаго казеннаго начальнаго училища, *Втюровскій*—съ 23-го августа 1896 г.; городскихъ приходскихъ училищъ: Болховскаго: *Холчевъ*—съ 13-го ноября 1897 г. и (бывшій нынѣ въ отставкѣ) *Шеверницкій* — съ 8-го декабря 1893 г., Крапивенскаго (бывшій, нынѣ за штатомъ), *Черкасовъ* — съ 1-го іюля 1898 г.; по Казанскому учебному округу: письмоводитель Императорской Казанской 1-й гимназіи *Камневъ*—съ 27-го ноября 1898 г.; учитель Тетюшскаго приходскаго городскаго училища *Шувагинъ*—съ 4-го іюля 1898 г.

Утверждаются: въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*, по Казанскому учебному округу, инспекторъ народныхъ училищъ Астраханской губерніи *Воскресенскій*—съ 1-го августа 1894 года; *надворнаго совѣтника*: по Московскому учебному округу: преподаватели Императорскаго Московскаго техническаго училища: коллежскій ассессоръ *Реформатскій* и *Киферъ* оба—съ 16-го іюля 1898 года, *Газанъ* — съ 1-го марта 1898 г.; завѣдывающіе мастерскими того же училища: кузнечною, инженеръ-механикъ *Шутковъ*—съ 18-го іюня 1898 г. и механическою, *Розановъ*—съ 24-го іюля 1898 г.; *коллежскаго ассессора*: по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета сверхштатные ассистенты: при факультетской хирургической клиникѣ, *Рудневъ*—съ 31-го мая 1895 г., пропедевтической клиникѣ, *Предтеченскій*—съ 4-го мая 1896 г., помощники прозектора при каѳедрахъ: анатоміи человѣка, *Стопницкій*—съ 31-го мая 1897 г., оперативной хирургіи, *Лысенковъ*—съ 14-го декабря 1896 г. и при бактеріологическомъ институтѣ, находящемся при Императорской Екатерининской больницѣ (сверхштатный) *Берестневъ*—съ 13-го декабря 1897 г., всѣ пятеро по степени доктора медицины; учители гимназій: Вяземской, Императора Александра III, Смоленскаго земства, *Ловцовъ*—съ 15-го сентября 1894 г., Нижегородской, *Юшковъ* — съ 1-го іюля 1894 г., Тверской, *Зенбушъ*—съ 29-го сентября 1894 г., реальныхъ училищъ: Ливенскаго, *Липпе*—съ 16-го августа 1894 г., Московскаго, *Лавриновичъ*—съ 1-го августа 1894 г., гимназическаго отдѣленія Московскаго Петропавловскаго

мужскаго училища, *Бемъ*—съ 16-го августа 1894 г., Орловскаго Александровскаго, *Зейтцъ*—съ 4-го ноября 1893 г., Касимовскаго средняго семиклассснаго техническаго училища, *Сердцевъ*—съ 29-го сентября 1894 г., Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища, *Покровскій* — съ 1-го сентября 1894 г., Елисаветинской женской гимназіи въ Москвѣ, *Саломонъ* — съ 27-го октября 1894 г., учитель-инспекторъ 2-го Московскаго городскаго училища *Кирилловъ*—съ 1-го іюля 1893 г.; инспекторъ школы ремесленныхъ учениковъ княгини Тенишевой при Брянскомъ заводѣ Орловской губерніи, *Смирновъ*—съ 22-го сентября 1898 г.; лаборантъ при лабораторіи органической химіи Императорскаго Московскаго техническаго училища, инженеръ-технологъ *Шарвинъ*—съ 13-го августа 1898 г.; по Казанскому учебному округу: учители гимназій: Императорской Казанской 1-й: *Пермяковъ*—съ 10-го ноября 1890 г. и *Некрасовъ*—съ 1-го августа 1892 г., Казанской 2-й, *Селенкинъ*—съ 1-го сентября 1894 г., Казанской 3-й, *Кильдюшевскій*—съ 15-го августа 1894 г., Астраханской, *Юргенъ*—съ 1-го ноября 1894 г., Казанской Ксеніинской женской, *Фроловъ*—съ 10-го сентября 1894 г.; сверхштатные учители Саратовскаго реальнаго училища: *Рахмановъ* — съ 15-го августа 1894 г. и *Байковъ* — съ 15-го сентября 1894 г.; *титулярнаго совѣтника*: по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета: сверхштатные ассистенты при клиникахъ: госпитальной хирургической, *Янковскій*—съ 12-го мая 1893 г., психіатрической, *Бернштейнъ* — съ 18-го марта 1894 г., факультетской терапевтической, *Егоровъ*—съ 11-го апрѣля 1894 г., сверхштатный помощникъ прозектора при каѳедрѣ оперативной хирургіи *Волынцевъ*—съ 5-го апрѣля 1894 г. и сверхштатный лаборантъ при институтѣ судебной медицины *Крюковъ* — съ 22-го сентября 1893 г.; врачи при городскихъ училищахъ: Козельскомъ, *Поповкинъ* — съ 11-го февраля 1894 г., Кромскомъ, *Унтиловъ*—съ 12-го мая 1894 г., всѣ семеро—по степени лѣкаря; учитель чистописанія и рисованія Тульской женской гимназіи *Саммшинъ*—съ 1-го іюля 1893 г.; *коллежскаго секретаря:* по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета: сверхштатный лаборантъ при лабораторіи органической и аналитической химіи *Крапивинъ*—съ 17-го января 1897 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета, помощникъ библіотекаря *Страховъ*—съ 17-го августа 1871 г. и хранитель кабинета практической механики *Мерцаловъ*—съ 16-го сентября 1897 г., оба — по степени кандидата Императорскаго университета; помощникъ архитектора

Московскаго учебнаго округа *Никитинъ* — съ 1-го января 1899 г., по званію гражданскаго инженера; завѣдывающій Подольской низшей ремесленной школой, имени Я. И. Козлова, *Гороховъ*—съ 1-го января 1898 г., по званію инженеръ-технолога; учители городскихъ училищъ: Малоярославецкаго, *Крыловъ* — съ 1-го іюля 1894 г., Жиздринскаго, *Скворцовъ*—съ 1-го іюля 1894 г., Московскаго 2-го, *Цыпленковъ* — съ 1-го іюля 1894 г., Солодовниковскаго въ Москвѣ, *Дорманъ*—съ 24-го августа 1894 г., Епифанскаго, *Сахаровъ*—съ 1-го іюля 1894 г.; по Казанскому учебному округу: хранитель музея при лабораторіи органической химіи Императорскаго Казанскаго университета *Любарскій*—съ 28-го октября 1894 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета, учители городскихъ училищъ: четырехклассныхъ: Саратовскаго: *Казиміровъ*—съ 18-го августа 1894 г. и *Аринушкинъ*—съ 7-го сентября 1894 г., Астраханскаго 1-го, *Петровъ-Кобяковъ*—съ 24-го сентября 1892 г., Астраханскаго 2-го, *Пименовъ*—съ 3-го октября 1894 г., Балашовскаго, *Матвѣевъ*—съ 12-го сентября 1894 г. и двухклассныхъ: Царевскаго, *Ермаковъ*—съ 6-го октября 1893 г. и Свіяжскаго, *Шатовъ*—съ 4-го марта 1894 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Казанской 2-й гимназіи *Потѣхинъ* — съ 1-го сентября 1894 г.; *губернскаго секретаря*, по Московскому учебному округу, учитель Воровскаго уѣзднаго училища *Хрѣновъ*—съ 3-го іюня 1893 года; *коллежскаго регистратора*; по Московскому учебному округу, помощникъ учителя Вяземскаго городскаго училища *Ивановъ*—съ 1-го января 1892 г.; по Казанскому учебному округу: учитель чистописанія и рисованія Слободской женской гимназіи *Хлѣбниковъ*—съ 1-го августа 1894 г.; домашніе учителя: *Баумъ*—съ 1-го сентября 1895 г. и *Зиньковскій*—съ 1-го іюля 1897 г.

Переименовываются въ *губернскіе секретари*, по Московскому учебному округу, помощникъ эконома-экзекутора клиникъ Императорскаго Московскаго университета, подпоручикъ арміи въ отставкѣ *Салтыковъ*.

(27-го марта 1899 года). *Назначаются*: окружной инспекторъ Московскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Барановъ*—членомъ совѣта министра; директоръ Сосновицкаго частнаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Холодовскій* — директоромъ Люблинской гимназіи; заслуженный преподаватель Виленской первой гимназіи, статскій совѣтникъ *Счастливцевъ* — окружнымъ инспекторомъ Виленскаго учебнаго округа; доцентъ хирургіи Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ

Цеге-фонъ-Мантейфель сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ хирургіи.

Утверждается статскій совѣтникъ *Малевинскій* — почетнымъ попечителемъ Елатомской гимназіи, согласно избранію, на три года.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Виленскому учебному округу: исправляющій должность инспектора Минской гимназіи *Коссаковскій*— съ 27-го января 1899 г.; учителя: Виленской 2-й гимназіи *Шнекъ*— съ 15-го ноября 1898 г., Александровскаго Могилевскаго реальнаго училища, *Кудрицкій*—съ 24-го декабря 1898 г., Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища, *Громачевскій*—съ 29-го ноября 1898 г.; по Оренбургскому учебному округу: преподаватель Пермскаго реальнаго училища *Торопов*ъ—съ 5-го декабря 1898 г.; по Рижскому учебному округу: учитель, исправляющій обязанности инспектора Митавскаго реальнаго училища *Шаровскій*—съ 20-го сентября 1898 г.; учителя реальныхъ училищъ: Ревельскаго, *Жемчужинъ*—со 2-го декабря 1898 г., Рижскаго городскаго, *Нилендеръ* — съ 1-го января 1899 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: дѣлопроизводители VII класса департамента народнаго просвѣщенія *Маннъ* и *Дьяковъ*, оба — съ 1-го января 1899 г.; по Виленскому учебному округу: учителя: Виленской 1-й гимназіи, *Ивановъ* — съ 18-го сентября 1896 г., Мозырской прогимназіи, *Созоновъ* — съ 1-го сентября 1898 г., Бѣлостокскаго реальнаго училища, *Глѣбовскій* — съ 1-го октября 1898 г.; по Оренбургскому учебному округу: врачъ Ирбитской женской прогимназіи и Ирбиткаго городскаго трехкласснаго училища *Зенковъ* — съ 3-го октября 1896 г.; преподаватели гимназій: Уфимской, *Соколовскій* — съ 5-го декабря 1898 г., Уральской женской, *Казанскій*—съ 5-го сентября 1898 г.; по Рижскому учебному округу: учителя Ревельской гимназіи Императора Николая I: *Соколовскій*—съ 23-го октября 1898 г. и *Гоппе*—съ 1-го января 1899 г., реальныхъ училищъ: Рижскаго городскаго, *Вестбергъ* — съ 13-го ноября 1898 г., Либавскаго, *Бергманъ*—съ 7-го января 1899 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Виленскому учебному округу: столоначальникъ канцеляріи попечителя *Ковалевъ*— съ 1-го января 1897 г.; учителя гимназій: Гомельской, *Крашенинниковъ*—съ 21-го ноября 1896 г., Слуцкой, *Каммишевъ*—съ 5-го октября 1897 г., Двинскаго реальнаго училища, *Шантыръ*—съ 21-го ноября 1897 г. Минской школы ремесленныхъ учениковъ, *Бѣляковъ*—съ 16-го сентября 1898 г., Тельшевскаго городскаго училища, *Михалкевичъ*—

съ 1-го октября 1898 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Ирбитскаго трехкласснаго, *Замотринскій* — съ 1-го іюля 1897 г., Стерлитамакскаго, четырехкласснаго, *Ивановъ*, общеобразовательныхъ предметовъ Уральской школы ремесленныхъ учениковъ *Квасовъ* и учитель-инспекторъ Стерлитамакскаго городскаго четырехкласснаго училища *Діановъ*, всѣ трое — съ 1-го іюля 1898 г.; преподаватели: общеобразовательныхъ классовъ Красноуфимскаго промышленнаго училища, *Кузнецовъ* и Пермскаго реальнаго училища, *Ги*, оба—съ 1-го августа 1897 г.; по Рижскому учебному округу: столоначальникъ канцеляріи попечителя *Горскій* — съ 1-го февраля 1899 г.; учитель-инспекторъ Аренсбургскаго трехкласснаго городскаго училища *Богаевскій*—съ 1-го іюля 1896 г.; учителя гимназій: Ревельской Императора Николая I, *Ястремскій*—съ 15-го ноября 1897 г., Либавской Николаевской, *Аксеновъ*—съ 1-го декабря 1898 г., Полангенской мужской прогимназіи: *Корфъ*—съ 20-го октября 1896 г. и *Байдалаковъ*—съ 10-го сентября 1897 г., Рижскаго реальнаго училища Императора Петра I, *Осипъ*—съ 1-го августа 1897 г., Рижскаго Петропавловскаго трехкласснаго городскаго училища, *Бобровъ* — съ 6-го сентября 1898 г.; врачъ Виндавскаго трехкласснаго городскаго училища, докторъ медицины, *Фейтельбергъ*— съ 1-го апрѣля 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Рижскаго реальнаго училища Императора Петра I *Фельдманъ*—съ 1-го сентября 1898 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: дѣлопроизводители VII класса департамента народнаго просвѣщенія *Георгіевскій*—съ 17-го декабря 1898 г. и *Александровскій*—съ 14-го іюня 1898 г.; по Виленскому учебному округу: штатный смотритель Климовичскаго уѣзднаго училища *Мамовичъ*—съ 7-го іюля 1895 г., учитель приготовительнаго класса Бѣлостокскаго реальнаго училища *Морозъ*—съ 7-го іюля 1898 г.; по Рижскому учебному округу: учителя Аренсбургской гимназіи, *Поль*—съ 3-го ноября 1898 г., трехклассныхъ городскихъ училищъ: Александровскаго Эстонскаго, *Николаевъ*—съ 1-го августа 1894 г., Якобштадтскаго, *Раценъ*—съ 15-го августа 1896 г.; почетный смотритель Гапсальскаго трехкласснаго городскаго училища *Кюне*—съ 6-го іюня 1898 г.; экзекуторъ Юрьевскаго ветеринарнаго института *Гольцъ* — съ 1-го апрѣля 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Рижской гимназіи Императора Николая I *Устиновъ*—съ 21-го сентября 1898 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: дѣлопроизводитель VII класса особаго отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія для завѣдыванія промышлен-

ными училищами *Дебольскій* — съ 20-го октября 1898 г.; по Виленскому учебному округу: учителя Могилевскаго городскаго четырехклассцаго училища: *Котляръ*—съ 9-го августа 1896 г. и *Ляшевичъ*—съ 13-го января 1896 г.; помощники классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ: Бѣлостокскаго: *Дыринда*—съ 1-го февраля 1897 г. и *Смольскій* — съ 1-го апрѣля 1897 г., Александровскаго Могилевскаго, *Гаховичъ*—съ 27-го ноября 1895 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Кунгурскаго, четырехклассннаго, *Зиновьевъ* — съ 1-го іюля 1895 г., Алапаевскаго трехкласснаго. *Рѣшетовъ*—съ 24-го августа 1896 г.; бухгалтеръ при пансіонѣ Уфимской гимназіи *Жуковъ*—съ 26-го ноября 1898 г.; по Рижскому учебному округу: лаборантъ при химическомъ кабинетѣ Императорскаго Юрьевскаго университета *Богоявленскій* — съ 1-го іюля 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Митавской мужской гимназіи *Богдановичъ* — съ 1-го марта 1897 г.; письмоводитель Рижской городской гимназіи *Бергфельдъ*—съ 24-го января 1899 г.; учитель приготовительнаго класса Либавскаго реальнаго училища *Василевскій* — съ 15-го октября 1898 г.; бывшій учитель приготовительнаго класса и помощникъ классныхъ наставниковъ Юрьевской гимназіи, нынѣ въ отставкѣ, *Васильевъ*—съ 1-го іюля 1887 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: дѣлопроизводитель VII класса особаго отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія для завѣдыванія промышленными училищами *Удовиченко* — съ 1-го мая 1898 г.; по Виленскому учебному округу: письмоводитель Виленскаго еврейскаго учительскаго института *Обросовъ*—съ 22-го сентября 1898 г.; учитель Гомельской женской прогимназіи *Ровгачъ* — съ 26-го іюля 1894 г.; по Оренбургскому учебному округу: учитель Камышловскаго уѣзднаго училища *Губинъ* — съ 10-го октября 1896 г.; инспекторъ Камбарской школы ремесленныхъ учениковъ *Кочеговъ*—съ 23-го февраля 1897 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія *Герасимовъ*—съ 21-го января 1899 г.; по Виленскому учебному округу: учитель Рѣчицкаго приходскаго училища Минской губерніи *Благовѣщенскій*—съ 8-го октября 1896 г.; по Оренбургскому учебному округу: учитель 1-го Пермскаго мужскаго приходскаго Кирилло-Меѳодіевскаго училища *Дунаевъ* — съ 21-го октября 1887 г.; письмоводитель Красноуфимскаго промышленнаго училища *Вяткинъ*—съ 5-го августа 1898 г.; по Рижскому учебному округу: учителя-завѣдывающіе городскими мужскими начальными училищами: Юрьев-

скими: 1-мъ, *Лауге* — съ 15-го іюля 1889 г., 3-мъ, *Колеръ*—съ 2-го сентября 1890 г., Митавскимъ 1-мъ св. Анны, *Розманъ* — съ 1-го августа 1898 г.; исправляющіе должности: втораго учителя 1-го Юрьевскаго городскаго мужскаго начальнаго училища, *Семеновъ*—съ 28-го января 1892 г., помощникъ дѣлопроизводителя Рижскаго политехническаго института, *Бѣляевъ*—съ 7-го іюня 1898 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* канцелярскій служитель департамента народнаго просвѣщенія *Штейнъ*—съ 1-го февраля 1899 г.; по Виленскому учебному округу: письмоводители: Гомельской гимназіи, *Голодковскій*—съ 1-го октября 1898 г., Виленскаго учительскаго института, *Путырскій*—съ 1-го ноября 1898 г.; учитель Мозырскаго приходскаго училища Минской губерніи *Боборыкинъ* — съ 26-го октября 1898 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя приходскихъ училищъ: Уфимскаго 1-го городскаго, *Поповъ*—съ 15-го августа 1891 г., Уфимскаго 2-го, *Мухачевъ*—съ 15-го августа 1889 г.; по Рижскому учебному округу: учителя городскихъ мужскихъ начальныхъ училищъ: Рижскаго Гаррасскаго, *Калнинъ*—съ 3-го января 1894 г., Перновскаго двухкласснаго 2-го, *Круминъ*—съ 1-го января 1895 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ, *надворнаго совѣтника*: по Рижскому учебному округу: преподаватели Рижскаго политехническаго института: *Шталь-Шредеръ* — съ 1-го іюля 1896 г., *Берловъ* — съ 1-го сентября 1898 г. и *Бухгольцъ* — съ 1-го января 1898 г.; ассистенты химическаго отдѣленія Рижскаго политехническаго института: *Ведекиндъ*—съ 1-го іюля 1896 г. и *Альтгофъ*—съ 1-го октября 1898 г.: *коллежскаго ассессора*: по Виленскому учебному округу: учителя гимназій: Минской, *Черняевскій*—съ 11-го сентября 1894 г., Слуцкой, *Флеринъ*—съ 26-го октября 1894 г., Витебской, *Емельяновъ* и Свислочской учительской семинаріи, *Цвѣтковъ*, оба—съ 1-го сентября 1894 г.; бывшій преподаватель Черниговскаго духовнаго училища, нынѣ инспекторъ народныхъ училищъ Гродненской губерніи *Тичининъ* — съ 18-го октября 1890 г.; по Оренбургскому учебному округу: преподаватели: Троицкой гимназіи, *Никольскій* — съ 10-го августа 1894 г., Уральскаго реальнаго училища, *Самекъ* — съ 3-го октября 1894 г.; по Рижскому учебному округу: учителя гимназій: Митавской мужской, *Хваленскій* — съ 1-го іюля 1894 г., Рижской городской, *Черняевъ*—съ 1-го августа 1894 г.. Ревельской Императора Николая I, *Маштаковъ* — съ 1-го октября 1894 г., реальныхъ училищъ: Митавскаго, *Мельниковъ*—съ 1-го іюля 1894 г., Ревельскаго, *фонъ-Валь* — съ 15-го октября 1894 г., Рижскаго Императора Петра I, *Павлиновъ*—съ 1-го ноября 1894 г.; по-

мощникъ прозектора Юрьевскаго ветеринарнаго института *Пучковскій*—съ 20-го октября 1893 г.; *титулярнаго совѣтника*, по Рижскому учебному округу, врачъ Тальсенскаго трехкласснаго городскаго училища *Крюгеръ*—съ 1-го декабря 1893 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по Виленскому учебному округу: бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ виленскаго реальнаго училища, нынѣ учитель Бѣлостокской Николаевско-Александринской женской гимназіи *Якубовскій*—съ 13-го декабря 1894 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Двинскаго реальнаго училища *Герасимовичъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя Ирбитской женской прогимназіи, *Логиновъ* — съ 1-го іюля 1894 г., городскихъ четырехклассныхъ училищъ, Стерлитамакскаго: *Никитинъ*—съ 28-го сентября 1894 г. и (сверхштатный) *Кадошниковъ*—съ 4-го октября 1894 г., Кунгурскаго, *Паршаковъ*—съ 1-го августа 1894 г.; надзиратели учительскихъ школъ: Бирской инородческой, *Кондратьевъ*—съ 23-го сентября 1894 г., Оренбургской киргизской, *Лапшинъ*—съ 8-го октября 1894 г.; по Рижскому учебному округу: учителя трехклассныхъ городскихъ училищъ: Перновскаго: *Бонче-Осмоловскій*—съ 1-го ноября 1892 г., *Галилеевъ*—съ 11-го ноября 1892 г., Верроскаго, *Флору*—съ 1-го октября 1894 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Митавскаго реальнаго училища *Туппуль*—съ 13-го сентября 1894 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ и учитель приготовительнаго класса Юрьевскаго реальнаго училища *Гоппе* — съ 21-го октября 1894 г.; ассистентъ при минералогическомъ кабинетѣ Императорскаго Юрьевскаго университета *Култашевъ*—съ 1-го ноября 1898 г., по степени кандидата химіи; *губернскаго секретаря*: по Виленскому учебному округу, учитель Климовичскаго уѣзднаго училища *Орловскій* — съ 11-го марта 1894 г.; по Оренбургскому учебному округу, учитель Кушвинскаго городскаго двухкласснаго училища *Щербаковъ* — съ 18-го іюля 1894 г.; *коллежскаго регистратора*: по Оренбургскому учебному округу, учитель Нытвинскаго двухкласснаго приходскаго училища *Салминъ*—съ 25-го августа 1895 г., по званію студента духовной семинаріи; по Рижскому учебному округу, секретарь правленія Императорскаго Юрьевскаго университета *Шульцъ*—съ 1-го іюня 1894 г., на основаніи ст. 76 т. III уст. служб. прав., изд. 1896 г.

(2-го апрѣля 1899 года). *Назначается*, надворный совѣтникъ *Іозефовичъ*—вновь, почетнымъ попечителемъ Вологодской гимназіи, на три года, съ 27-го февраля.

Утверждаются: дѣйствительные статскіе совѣтники *Шетохинъ* и *Маховъ*—почетными попечителями: первый—вновь, Корочанской Александровской гимназіи, а второй—Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища, оба согласно избранію, на три года.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, профессоръ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I, докторъ химіи, статскій совѣтникъ *Львовъ*.

Умершій исключается изъ списковъ, директоръ Вологодской гимназіи, статскій совѣтникъ *Алюхинъ*, съ 12-го марта.

(9-го апрѣля 1899 года). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, губернскій секретарь *Ахматовъ*, съ утвержденіемъ его помощникомъ попечителя Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, согласно избранію на три года.

Назначается, инспекторъ Варшавской 1-й мужской прогимназіи, коллежскій ассессоръ *Пфейферъ*—директоромъ Сосновицкаго частнаго реальнаго училища.

Утверждаются: тайный совѣтникъ *Терещенко*, дѣйствительные статскій совѣтники: *Савельевъ*, *Маховъ* и *Шубинъ*, статскій совѣтникъ *Полянскій* и въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго Двора, коллежскій совѣтникъ *фонъ-Дервизъ*—вновь, почетными попечителями: Терещенко—Глуховской гимназіи, Савельевъ—Олонецкой гимназіи, Маховъ—Вяземской Императора Александра III гимназіи Смоленскаго земства, Шубинъ—Вятскаго Александровскаго реальнаго училища, Полянскій—Курской учительской семинаріи, а фонъ-Дервизъ—Рязанской гимназіи, всѣ шестеро согласнс избранію, на три года, изъ нихъ фонъ-Дервизъ, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи; въ званіи камергера Высочайшаго Двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Косаткинъ-Ростовскій*, статскій совѣтникъ *Карнѣевъ* и состоящій въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ званіи камергера Высочайшаго Двора, статскій совѣтникъ *Зыбинъ*—почетными попечителями: первый—Курской гимназіи, второй—реальнаго училища при евангелическо-реформатской церкви, въ Москвѣ, а третій—Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, всѣ трое согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ изъ нихъ князя Косаткина-Ростовскаго и Зыбина въ придворномъ званіи, а послѣдняго сверхъ того и въ вѣдомствѣ означеннаго министерства.

Умершій исключается изъ списковъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Троицкій*, съ 22-го марта.

IV. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ.

8-го минувшаго февраля въ С.-Петербургскомъ университетѣ возникли безпорядки, выразившіеся въ прекращеніи студентами посѣщенія лекцій до удовлетворенія предъявленныхъ ими къ учебному начальству требованій. Къ этому движенію, изъ чувства товарищества, примкнули студенты и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы и Имперіи. Въ виду непрекращавшагося движенія, 20-го февраля послѣдовало Высочайшее повелѣніе о возложеніи на генералъ-адъютанта Ванновскаго изслѣдованія причинъ и обстоятельствъ, возникшихъ въ С.-Петербургѣ съ 8-го того же февраля студенческихъ безпорядковъ. Встрѣченное съ глубокимъ сочувствіемъ и почтеніемъ тою частью учащейся молодежи, которая примкнула къ движенію для поддержки товарищей, Высочайшее повелѣніе оказало вліяніе на прекращеніе волненія. Такое же успокоеніе было достигнуто и въ С.-Петербургскомъ университетѣ, но затѣмъ, благодаря нѣкоторымъ побочнымъ причинамъ, а также подстрекательству со стороны студентовъ Кіевскаго университета, данъ новый толчекъ къ возобновленію безпорядковъ, принявшихъ болѣе рѣзкую форму и характеръ сравнительно съ предыдущими. Тайная студенческая организація университета св. Владиміра, присвоившая себѣ названіе „Кіевскаго союзнаго совѣта“, въ воззваніи отъ 3-го марта, разосланномъ въ другіе университеты, выразила порицаніе с.-петербургскимъ студентамъ за прекращеніе забастовки, безъ соображенія съ положеніемъ дѣлъ въ другихъ университетахъ и не выждавъ исполненія начальствомъ предъявленныхъ студентами требованій.

Воззваніе это распространилось между студентами университета около 12-го марта, одновременно съ сообщеніемъ изъ Московскаго университета о ходѣ мѣстныхъ волненій. Подъ вліяніемъ этихъ воззваній многіе студенты стали склоняться къ мнѣнію о необходимости собрать сходку въ университетѣ съ цѣлью обсудить вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли, въ виду положенія дѣлъ въ Кіевѣ и Москвѣ, вновь возбудить вопросъ о возобновленіи „обструкціи“. Сходка эта состоялась 16-го марта въ актовомъ залѣ, куда силою вошли до 1.000 студентовъ и куда прибылъ также находившійся въ С.-Петербургѣ делегатъ Кіевскаго университета, обратившійся къ собравшимся съ просьбою поддержать кіевскихъ товарищей и ихъ требованіе о возвращеніи высланныхъ студентовъ. Большинство присутствовавшихъ

на сходкѣ высказалось за закрытіе университета и продолженіе обструкціи.

17-го марта студенты, собравшіеся въ университетъ, раздѣлились на двѣ партіи. Часть „обструкціонистовъ" ходила по аудиторіямъ, препятствуя правильному чтенію лекцій, а другіе уговаривали въ это время слушателей примкнуть къ рѣшенію, принятому наканунѣ сходкой. Студенты, желавшіе продолженія лекцій, устроили сходку въ IX аудиторіи; туда, однако, стали проникать и „обструкціонисты", грозившіе и мѣшавшіе говорить своимъ противникамъ. Сходка эта, тѣмъ не менѣе, отправила депутатовъ къ ректору съ заявленіемъ, что часть студентовъ не могла быть на лекціяхъ не по своему желанію, а исключительно чтобы не вступать въ столкновеніе съ „обструкціонистами". Черезъ нѣкоторое время въ аудиторію прибылъ ректоръ, но, встрѣченный сильными свистками студентовъ-демонстрантовъ, вынужденъ былъ удалиться, послѣ чего около 1.400 человѣкъ [1]) вновь собрались въ актовомъ залѣ на сходку, на которой предсѣдательствовавшій студентъ предложилъ ораторамъ обѣихъ партій высказаться по вопросу о продолженіи обструкціи, такъ какъ рѣшеніе, и притомъ окончательное, необходимо принять немедленно, въ виду проявленія уже вновь безпорядковъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ а затѣмъ сговориться объ образѣ дѣйствій въ случаѣ закрытія университета. Послѣ рѣчей и взаимныхъ пререканій, во время коихъ часть студентовъ покинула залъ, началась баллотировка, причемъ большинство высказалось за „забастовку".

Руководящую роль въ агитаціи захватила въ свои руки часть студентовъ, назвавшаяся „организаціоннымъ комитетомъ", который и началъ съ 18-го марта продолжать изданіе ежедневныхъ бюллетеней о ходѣ безпорядковъ, причемъ въ первомъ изъ нихъ заявлено было, какъ лозунгъ—возвращеніе всѣхъ студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній и предъявленіе вновь „прежнихъ требованій".

Въ виду указанныхъ безпорядковъ, 17-го марта сдѣлано было распоряженіе объ увольненіи изъ университета всѣхъ студентовъ, при условіи допущенія черезъ извѣстный срокъ, по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія, новаго пріема по прошеніямъ. Эту же мѣру предположено примѣнять ко всякому учебному заведенію, въ коемъ обычный порядокъ занятій будетъ нарушенъ.

Въ виду невозможности собираться въ университетѣ, съ слѣдую-

---

[1]) Всего въ университетѣ около 3.700 студентовъ.

щаго дня начались собранія демонстрантовъ, доходившія до 1.000 человѣкъ, въ помѣщеніи университетской столовой, по 10-й линіи Васильевскаго острова, гдѣ продолжалась раздача разныхъ изготовленныхъ бюллетеней и воззваній отъ имени группъ какъ обструкціонистовъ, такъ и ихъ противниковъ. Въ столовой же впервые появилась 18-го марта крайне дерзкая, печатанная ручнымъ способомъ, прокламація со штемпелемъ „кассы взаимопомощи", указавшая на противоправительственный характеръ движенія и на необходимости борьбы для достиженія политическихъ реформъ.

Чтеніе этой прокламаціи вызвало, однако, въ большей части присутствовавшихъ негодованіе и заявленія, что „организаціонный комитетъ" поступаетъ не честно, придавая дѣлу нежелательную окраску, почему воззваніе это и не получило большаго распространенія

Въ виду вышеизложенной прокламаціи и въ предупрежденіе дальнѣйшаго развитія агитаціи и устройства сходокъ, было сдѣлано распоряженіе объ арестѣ выясненныхъ уже главныхъ агитаторовъ и руководителей. Лица эти въ числѣ 20, въ ночь на 21-е марта арестованы, причемъ въ квартирѣ одного студента задержанъ почти весь составъ „организаціонаго комитета", собравшійся туда на совѣщаніе. Обыскомъ, произведеннымъ въ упомянутой квартирѣ, обнаружено: редакціонный складъ бюллетеней и возваній „кассы взаимопомощи" и комитета", мимеографъ съ оттискомъ послѣднихъ бюллетеней, а также масса переписки и другихъ замѣтокъ, касающихся студенческаго броженія. Въ фуражкѣ студента, предсѣдательствовавшаго на сходкѣ 17-го марта, найдено 2 экземпляра № 4 революціонной подпольной газеты „Рабочая Мысль" и 1 экземпляръ 5 нумера той же газеты. Въ квартирахъ прочихъ лицъ обнаружены: дѣловая переписка „кассы" и „комитета", списки лицъ, прикосновенныхъ къ „кассѣ", пригласительные на сходки билеты, отчеты прихода и расхода суммъ „кассы" и пожертвованій на студенческое движеніе, черновики рукописей многихъ изданныхъ „кассою" бюллетеней и воззваній; коробка съ 3-мя штемпелями: каучуковымъ—„кассы взаимопомощи студентовъ С.-Петербургскаго университета", такимъ же—„организаціоннаго комитета при С.-Петербургскомъ университетѣ" и металлическимъ—того же „комитета" и гектографъ съ принадлежностями и свѣжими оттисками послѣднихъ бюллетеней и объявленій; 250 экземпляровъ революціонной брошюры, отпечатанной въ подпольной типографіи въ 1896 году, и нѣсколько экземпляровъ другихъ изданій революціоннаго характера.

На слѣдующій день въ университетской столовой вновь собралась,

въ томъ же приблизительно количествѣ, часть студентовъ университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Среди присутствовавшихъ циркулировали опять разныя изданія агитаторовъ той или другой партіи, а также извѣщеніе объ арестѣ „комитета", взамѣнъ коего въ тотъ же день сорганизовался „2-й комитетъ".

22-го, 23-го и 24-го марта группы студентовъ, собиравшихся въ той же столовой, вели оживленныя пренія по поводу забастовки и положенія дѣлъ и знакомились съ послѣдующими изданіями какъ „комитета Петербургскаго университета", такъ и документами, получавшимися изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Между прочимъ, 22-го числа было въ обращеніи новое воззваніе „кіевскаго союзнаго совѣта", присланное въ отвѣтъ на вышеуказанную печатную прокламацію, появившуюся 18-го марта, въ коемъ содержится упрекъ за несвоевременное разоблаченіе главарями агитаціи будто бы истинныхъ, революціоныхъ цѣлей движенія.

Вечеромъ 24-го марта въ квартирѣ одного изъ студентовъ былъ арестованъ „2-й организаціонный комитетъ", въ числѣ 8 человѣкъ. Лица эти застигнуты расположившимися вокругъ стола, на коемъ были разложены послѣднія изданія „комитета" до 27-го бюллетеня включительно: въ углу комнаты найдены брошенными свѣже-изорванные клочки бумаги, составляющіе изъ себя разорванную въ моментъ входа полиціи черновую рукопись только-что составленнаго для слѣдующаго дня 28-го бюллетеня и рукописный матеріалъ для послѣдняго.

25-го, 26-го и 27-го марта сходки въ столовой продолжались при тѣхъ же условіяхъ, поддерживаемыя послѣдующими изданіями и сообщеніями, а также агитаціей членовъ „3-го комитета", заступившаго мѣсто арестованныхъ наканунѣ, причемъ особыя старанія прилагались къ тому, чтобы распространить „обструкцію" и на экзамены, а части студентовъ, принадлежащихъ къ партіи „обструкціонистовъ" и получившихъ новые входные билеты въ университетъ, даны надлежащія указанія.

28-го и 29-го марта въ средѣ обструкціонной партіи сталъ замѣчаться нѣкоторый упадокъ духа; оставшіеся агитаторы, однако, продолжали употреблять всѣ усилія для достиженія своей ближайшей задачи—недопущенія экзаменовъ. Окончательно овладѣвъ, во главѣ съ третьимъ комитетомъ, студенческой столовой, они производили тамъ систематическую раздачу разныхъ изданій, не допуская никакихъ возраженій противъ своихъ рѣшеній и требуя продолженія

прежняго образа дѣйствій, въ виду наступленія самаго серьезнаго момента борьбы.

29-го марта подвергнуты задержанію выясненные участники 3-го комитета и нѣкоторые другіе, наиболѣе выдающіеся, агитаторы, въ числѣ 15 человѣкъ.

18-го марта начались сходки въ технологическомъ институтѣ, причемъ первоначально студенты, незначительнымъ большинствомъ голосовъ, высказались противъ обструкціи; сходки повторились и въ послѣдующіе дни, въ виду чего всѣ студенты института 20-го марта уволены на тѣхъ же основаніяхъ, какъ студенты С.-Петербургскаго университета.

Безпорядки въ лѣсномъ институтѣ возобновились съ 17-го марта; означеннаго числа въ институтѣ, въ присутствіи присланнаго изъ университета делегата, собрана была сходка, на коей присутствовало 312 человѣкъ изъ общаго числа 506 студентовъ; сходка эта большинствомъ голосовъ высказалась за продолженіе обструкціи. Тогда же для руководства безпорядками изъ числа агитаторовъ образовался особый комитетъ, проявившій затѣмъ свою дѣятельность также изданіемъ бюллетеней и разныхъ воззваній.

18-го марта къ безпорядкамъ примкнулъ также и горный институтъ, гдѣ собрана была сходка изъ 385 студентовъ (общее число слушателей названнаго учебнаго заведенія 485). На сходкѣ присутствовали делегаты университета и лѣсного института, но, несмотря на старанія агитаторовъ, по произведенной баллотировкѣ только меньшинство присутствовавшихъ высказалось за обструкцію. Изъ числа послѣднихъ нѣсколько человѣкъ составили изъ себя мѣстную „группу инициіаторовъ“, которая продолжала волновать товарищей путемъ выпуска бюллетеней и другихъ воззваній; лица эти 26-го марта, въ моментъ сходки, были задержаны, причемъ по произведенному тогда же обыску найдены и вещественныя доказательства ихъ агитаціонной дѣятельности.

Затѣмъ, въ виду продолжавшагося волненія и невозможности правильнаго чтенія лекцій, было признано необходимымъ 21-го марта уволить всѣхъ студентовъ горнаго института съ правомъ подачи прошеній о пріемѣ, который производится по усмотрѣнію начальства.

Въ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи волненіе, возникшее для поддержки петербургскихъ товарищей, подъ вліяніемъ разосланныхъ писемъ и отправленныхъ делегатовъ, выразилось въ нижеслѣдующемъ.

Москва. Волненія среди студентовъ Московскаго университета и другихъ мѣстныхъ высшихъ учебныхъ заведеній возникли съ половины февраля по полученіи свѣдѣній о петербургскихъ безпорядкахъ, но, благодаря своевременно принятымъ со стороны учебнаго начальства и администраціи мѣрамъ, въ теченіи цѣлаго мѣсяца могли быть удержаны въ предѣлахъ, допускавшихъ возможность благоразумной части студенчества посѣщать лекціи и продолжать учебныя занятія въ университетѣ.

При самомъ началѣ движенія изъ среды студенчества выдѣлились наиболѣе горячія головы, старавшіяся усилить безпорядки и волновать громадное большинство студентовъ, державшихъ себя спокойно. На дѣятельность этихъ лицъ было обращено вниманіе какъ университетскаго начальства, такъ и со стороны полиціи.

Принимая во вниманіе, что возникшее броженіе не имѣло никакихъ мѣстныхъ поводовъ и возникло на почвѣ товарищеской поддержки, и пользуясь приближеніемъ Масляной недѣли, а также полагая, что волненіе уляжется само собой ко времени возобновленія учебныхъ занятій, было рѣшено, до наступленія поста, временно удалить въ мѣста жительства родныхъ, изъ числа вышеозначенныхъ лицъ, 222 человѣка административнымъ порядкомъ, а правленіе университета, съ своей стороны исключило 2-хъ и уволило 162 студента университета, предполагая ходатайствовать предъ министромъ народнаго просвѣщенія о возвращеніи таковыхъ по возстановленіи академическаго порядка. Во исполненіе сего, съ 1-го же числа марта сдѣлано было распоряженіе о возвращеніи въ Москву удаленныхъ по распоряженію администраціи студентовъ, за исключеніемъ лишь 16-ти, наиболѣе виновныхъ, въ агитаціи коимъ пребываніе въ Москвѣ воспрещено въ теченіе года на основаніи положенія объ охранѣ.

Лишившись значительнаго числа единомышленниковъ, часть студенчества, стоявшая за продолженіе безпорядковъ, тѣмъ не менѣе продолжала всѣми способами поддерживать волненія между учащеюся молодежью, не останавливаясь даже передъ угрозами физическаго воздѣйствія [1]) въ отношеніи посѣщающихъ лекціи товарищей, фамиліи коихъ, независимо сего, распубликованы были ими для общаго свѣдѣнія.

Выпущенное по этому поводу 20-го февраля отъ имени „группы борьбы противъ университетскаго режима“ воззваніе, съ обращеніемъ

[1]) Чему и было нѣсколько примѣровъ.

къ товарищамъ, указывая, что, изъ-за посѣщенія отдѣльными лицами лекцій, университетъ „не закрытъ", предъявляло нижеслѣдующее требованіе. „Въ виду того, что наши цѣли безконечно велики по сравненію съ низкими побужденіями этихъ отщепенцевъ, въ виду того, наконецъ, что было бы глумленіемъ надъ здравымъ смысломъ прилагать къ поведенію этихъ вредныхъ для среды существъ принципъ свободы „взглядовъ" и „убѣжденій", мы просимъ товарищей о принятіи по отношенію къ нимъ слѣдующихъ мѣръ: установивъ ихъ личность, мы предлагаемъ подвергнуть ихъ физическому воздѣйствію, считая приэтомъ допустимыми всѣ формы и всѣ степени въ виду указанной уже вредности этихъ антиобщественныхъ элементовъ. Желательно только сдѣлать это съ минимумомъ риска и жертвъ: безъ свидѣтелей съ малымъ числомъ участниковъ и т. п., что будетъ виднѣе взявшимся за это дѣло".

Броженіе находило для себя пищу въ тѣхъ прокламаціяхъ и воззваніяхъ, которыя издаваемы были стоявшимъ во главѣ движенія „исполнительнымъ комитетомъ", а также присылались въ Москву изъ другихъ университетскихъ городовъ. Особенно вредное въ этомъ отношеніи вліяніе имѣли: воззваніе „кіевскаго союзнаго совѣта объединенныхъ землячествъ и организацій", отъ 12-го февраля и появившаяся въ Москвѣ прокламація „Къ учащейся молодежи", отъ имени „союза соціалистовъ-революціонеровъ". Первое воззваніе указывало на цѣли студенческаго движенія, признавая таковое „не минутной, быстро гаснущей вспышкой возмущеннаго чувства, а сознательнымъ и стойкимъ протестомъ противъ общаго режима", и на „близость того дня, когда изъ студенческихъ протестовъ выростетъ общественное движеніе", а упомянутая прокламація „Къ учащейся молодежи" выражала сочувствіе студентамъ со стороны революціонеровъ и указывала на важность движенія въ смыслѣ политическаго воспитанія молодежи, которая, несомнѣнно, должна затѣмъ придти къ сознанію необходимости примкнуть къ активной борьбѣ съ правительствомъ.

По полученіи въ университетѣ свѣдѣній о состоявшемся 20-го февраля Высочайшемъ повелѣніи о разслѣдованіи причинъ петербургскихъ безпорядковъ, „исполнительный комитетъ" 23-го февраля выпустилъ особое воззваніе о необходимости „держаться прежней тактики впредь до выясненія дѣла и возвращенія высланныхъ изъ Москвы товарищей"; 26-го февраля появилось подобное же „извѣщеніе" отъ студентовъ Императорскаго техническаго училища.

Несмотря на происки неблагонамѣренной части студенчества, цѣль агитаціи — закрытіе университета — не могла быть достигнута къ началу марта, и съ понедѣльника первой недѣли поста назначено было возобновленіе занятій въ университетѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, временно пріостановленныхъ по случаю Масляной недѣли. 1-го марта на лекціи явилось сравнительно незначительное число слушателей (въ университетѣ 450, техническомъ училищѣ 100, сельско-хозяйственномъ институтѣ—25), причемъ медики одного изъ курсовъ, собравшись на сходку, отправили отъ себя депутацію къ ректору, съ заявленіемъ, что студенты не могутъ приступить къ занятіямъ до возвращенія высланныхъ товарищей.

2-го марта лекціи въ университетѣ продолжались, за исключеніемъ лекціи профессора Соколовскаго, въ аудиторіи коего студенты, числомъ до 150 человѣкъ, стали шумѣть и кричать, а затѣмъ толпою удалились. Въ анатомическомъ театрѣ состоялась сходка при участіи болѣе 400 студентовъ, признавшая необходимымъ требовать: 1) возвращенія высланныхъ товарищей и 2) устраненія на будущее время высылки безъ суда и слѣдствія по дѣламъ академическаго характера.

Въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы занятія въ это время возобновились.

3-го марта лекціи въ университетѣ посѣщались весьма немногими; въ 2 часа на дворѣ собралась сходка болѣе 1.000 человѣкъ, впущенныхъ затѣмъ, съ разрѣшенія ректора, въ актовый залъ. По окончаніи сходки, къ ректору отправлена была депутація, заявившая, что изъ числа 1.055 присутствовавшихъ 724 высказались за продолженіе обструкціи до удовлетворенія ходатайства правленія университета о смягченіи участи уволенныхъ студентовъ; по вопросу же о продолженіи обструкціи до обнародованія результатовъ разслѣдованія генералъ-адъютанта Ванновскаго 800 голосовъ высказались противъ.

4-го марта лекціи вновь слушались незначительнымъ числомъ, съ 12-ти часовъ начались сходки по факультетамъ, причемъ медицинскій и естественный факультеты изъявили желаніе посѣщать лекціи, а юристы младшихъ курсовъ высказались за забастовку.

На слѣдующій день на лекціи явилось большее число слушателей (въ клиникахъ присутствовало до 700); на всѣхъ курсахъ происходили допущенныя ректоромъ собранія, участники коихъ, по произведенному подсчету голосовъ, высказались въ числѣ 1.130 за прекращеніе обструкціи, а 622—за продолженіе ея.

6-го марта университетъ посѣтило 1.829 студентовъ. Въ понедѣльникъ 8-го марта количество слушателей увеличилось еще болѣе; сходки хотя и происходили, но внѣ опредѣленнаго для занятій времени. Университетское начальство признало порядокъ возстановленнымъ, и, съ согласія министра народнаго просвѣщенія, 8-го марта въ университетѣ, ректоромъ было выставлено объявленіе слѣдующаго содержанія: „Въ виду возстановленія нормальнаго порядка учебной жизни въ университетѣ, ходатайство правленія объ обратномъ принятіи студентовъ, исключенныхъ и уволенныхъ правленіемъ 15-го, 17-го и 18-го февраля сего года, утверждено министромъ народнаго просвѣщенія 7-го марта. Вмѣстѣ съ симъ объявляется, что сходки запрещены § 15 правилъ для студентовъ, собранія же, разрѣшенныя временно ректоромъ университета для нѣкоторыхъ разъясненій, въ настоящее время безусловно воспрещаются". Того же числа московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ сдѣлано было распоряженіе объ объявленіи уволеннымъ по распоряженію правленія университета студентамъ о разрѣшеніи вернуться имъ въ Москву для обратнаго поступленія въ университетъ.

Стоящая за продолженіе „обструкціи" партія (до 600 человѣкъ), съ „исполнительнымъ комитетомъ" во главѣ, съ перваго дня занятій возобновила свою агитаціонную дѣятельность, дѣйствуя на студентовъ, главнымъ образомъ, посредствомъ ежедневно выпускаемыхъ особыхъ бюллетеней въ коихъ, отчасти съ извращеніемъ фактовъ и помѣщеніемъ въ своихъ цѣляхъ ложныхъ свѣдѣній, излагался ходъ движенія. результаты голосованій на сходкахъ, сообщались фамиліи студентовъ, посѣщавшихъ лекціи, и свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, о движеніи пожертвованій въ пользу товарищей, и давались указанія на слѣдующіе дни. Изъ другихъ листковъ, ходившихъ по рукамъ, наибольшее вліяніе опять оказало воззваніе „кіевскаго союзнаго совѣта" отъ 3-го марта, заключающее въ себѣ порицаніе петербургскимъ студентамъ, по поводу ихъ отказа отъ обструкціи, и указаніе на необходимость продолженія начатой борьбы.

9-го, 10-го и 11-го марта лекціи продолжались, причемъ студенты ежедневно собирались также и на сходки; 10-го, по распоряженію исправляющаго должность ректора, въ университетѣ выставлено было новое объявленіе, гласившее, что „принятыя временно чрезвычайныя мѣры теряютъ силу и взамѣнъ ихъ вступаютъ въ дѣйствіе обычныя

правила" и съ указаніемъ, между прочимъ, на то, что „посылка депутатовъ дѣйствующими правилами воспрещается".

Это объявленіе, а равно таковое же ректора отъ 8-го марта, истолковано было главарями обструкціонной партіи въ смыслѣ нарушенія ректоромъ даннаго имъ ранѣе согласія собираться на курсовыя совѣщанія и притомъ внѣ надзора чиновъ инспекціи. „Исполнительный комитетъ" тотчасъ же воспользовался въ своихъ цѣляхъ появившимся среди студентовъ недовольствомъ на университетское начальство и развилъ на этой почвѣ сильную агитацію, внушая студентамъ надежды на отсрочку предстоящихъ экзаменовъ, распространяя слухи, что не всѣ уволенные по распоряженію правленія университета будутъ возвращены обратно, и т. п. Благодаря этому, къ 11-му марта число сторонниковъ обструкціи возросло на нѣсколько сотъ человѣкъ; на сходкахъ же, состоявшихся 9-го и 10-го марта, рѣшено собрать къ 12 числу окончательныя свѣдѣнія о количествѣ стоящихъ за продолженіе безпорядковъ и установить самую форму послѣднихъ.

По подсчету курсовыхъ голосованій оказалось, что 1.366 студентовъ высказались, противъ 679, за забастовку, указавъ, какъ на причину послѣдней: 1) оскорбленіе студентовъ-делегатовъ, которымъ даются обѣщанія, тотчасъ же отмѣняемыя, и 2) недостаточность гарантій слова ректора относительно упорядоченія дѣйствій инспекціи (бюллетени 12-го и 13-го марта), а къ этимъ двумъ причинамъ сходка, собравшаяся на слѣдующій день, прибавила еще требованіе о допущеніи со стороны ректора частныхъ совѣщаній по вопросу объ отношеніи къ студентамъ чиновъ инспекціи, впредь до выработки правленіемъ новой инструкціи недѣлямъ (бюллетень 13-го марта).

15-го марта на занятія явилось незначительное число студентовъ; остальные, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, явились въ университетъ лишь для присутствія на сходкахъ; 14 человѣкъ, собравшихся въ аудиторіи для слушанія лекціи профессора Соколовскаго, силою выгнаны были оттуда своими товарищами-забастовщиками.

16-го марта лекціи состоялись лишь на 5 курсѣ медицинскаго факультета, студенты коего отказались принимать дальнѣйшее участіе въ забастовкѣ; на юридическомъ факультетѣ 12 человѣкъ, прибывшихъ на лекцію профессора Алексѣева, ожидались толпою въ 150 студентовъ, угрожавшихъ употребить противъ нихъ физическое насиліе, что вынудило университетское начальство объявить имъ, что будетъ призвана полиція, послѣ чего толпа разошлась. Въ выпущенномъ того же числа бюллетенѣ „исполнительный комитетъ", высказавъ

порицаніе части студентовъ, продолжающихъ посѣщать лекціи, рекомендовалъ распространить забастовку и на предстоящіе экзамены, и, сознавая, что поведеніе демонстрантовъ должно повлечь за собою самыя рѣшительныя мѣры со стороны начальства, впередъ совѣтовалъ, въ случаѣ увольненія изъ университета всѣхъ студентовъ, „немедленно подавать прошенія о пріемѣ вновь и давать всякія вынудительныя подписки, а затѣмъ, по примѣру Кіева продолжать забастовку".

17-го марта занятія въ университетѣ прекращены до 22-го; всѣ студенты признаны уволенными съ предоставленіемъ права подачи прошеній объ обратномъ пріемѣ, зависящемъ отъ усмотрѣнія учебнаго начальства.

Въ теченіе этихъ дней, подача прошеній сначала задерживалась и положеніе было выжидательное; вышедшіе же 17, 18, 20, 22 и 24-го марта бюллетени за подписью „исполнительнаго комитета" вновь настоятельно требовали подачи всѣми прошеній, подписи всякихъ обязательствъ, возобновленія забастовки, съ распространеніемъ ея на экзамены, и затѣмъ предъявленія требованія, съ цѣлью обобщенія студенчества, о возвращеніи товарищей, высланныхъ изъ всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, а равно требованія о реорганизаціи университетской инспекціи.

Благодаря этой агитаціи, университетское начальство вынуждено было съ особой осторожностью отнестись къ обратному пріему студентовъ; изъ общаго числа (4.407) прошенія объ обратномъ пріемѣ подали 4.129; изъ нихъ принято 3.318 и отказано въ пріемѣ 774, изъ коихъ 404, пріемъ коихъ обратно въ Московскій университетъ нежелателенъ, и 370, кои могутъ быть приняты обратно въ университетъ въ будущемъ году. Кромѣ того, отказано въ пріемѣ 37 студентамъ, о коихъ имѣлись неблагопріятныя полицейскія свѣдѣнія.

Непринятые студенты удаляются постепенно изъ Москвы въ мѣста родины, за исключеніемъ постоянныхъ московскихъ жителей, отданныхъ на попеченіе родственниковъ.

49 лицамъ, изъ числа непринятыхъ, особенно замѣченнымъ въ агитаціонной дѣятельности и арестованнымъ на сходкахъ внѣ университета, воспрещено, на основаніи положенія объ охранѣ, жительство въ столицахъ и университетскихъ городахъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе, что за все это время громадное большинство студентовъ не принимало участія въ безпорядкахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и въ средѣ демонстрантовъ нѣкоторая часть, не сочувствующая насильственному способу дѣйствій, высказалась за

прекращеніе безпорядковъ, продолженіе коихъ не вызывалось, по мнѣнію ея, никакими основательными причинами. Выраженіемъ этого мнѣнія явилось, между прочимъ, воззваніе, выпущенное 16-го марта за подписью „группы независимыхъ студентовъ", указывающее на совершенную случайность состоявшагося 12-го марта большинства, высказавшагося за повтореніе обструкціи.

Для обратно принятыхъ въ университетъ 3.318 человѣкъ предстояли еще въ теченіе 2-хъ недѣль учебныя занятія, но, въ виду угрозъ со стороны агитаторовъ и опасенія возбудить между послѣдними и благоразумной партіей рѣзкія столкновенія, признано было необходимымъ, не возобновляя лекцій, приступить къ экзаменамъ по утвержденному росписанію, обставивъ таковые мѣрами предосторожности для охраны порядка и экзаменующихся.

Кіевъ. Въ Кіевскомъ университетѣ броженіе среди студентовъ возникло еще въ ноябрѣ прошлаго года, сначала на почвѣ чисто-національныхъ интересовъ, въ виду выраженнаго нѣкоторыми студентами, преимущественно поляками и евреями, желанія послать въ Варшаву ко дню открытія памятника польскому поэту Мицкевичу, адресъ отъ имени студентовъ Кіевскаго университета всѣхъ національностей съ восхваленіемъ политической дѣятельности названнаго писателя и съ порицаніемъ постановки памятника въ Вильнѣ графу Муравьеву. Вопросъ о посылкѣ такого адреса возбудилъ протестъ среди русскихъ студентовъ, и движеніе это, сопровождавшееся цѣлымъ рядомъ демонстративныхъ выходокъ со стороны польско-еврейской части студентовъ, привело къ открытому столкновенію представителей обѣихъ партій. Въ декабрѣ мѣсяцѣ положеніе дѣла въ университетѣ обострилось настолько, что учебное начальство оказалось вынужденнымъ исключить изъ университета 9 человѣкъ главныхъ зачинщиковъ безпорядковъ, а учебныя занятія прекратить до наступленія обычнаго срока передъ рождественскими каникулами. Во время этихъ волненій тайная организація, существующая среди студентовъ университета св. Владиміра подъ именемъ „кіевскаго союзнаго совѣта объединенныхъ землячествъ и организацій", выпустила нѣсколько воззваній противоправительственнаго характера, направленныхъ къ порицанію памяти графа Муравьева и къ восхваленію революціонной дѣятельности Мицкевича.

Съ началомъ учебныхъ занятій въ январѣ текущаго года волненіе среди кіевской учащейся молодежи нѣсколько поулеглось, но внутренній порядокъ установился еще не вполнѣ. Такъ, 25-го января

въ университетѣ, человѣкъ около 100 студентовъ произвели манифестацію въ одной изъ аудиторій, а 12-го февраля, еще до полученія подробныхъ свѣдѣній о петербургскихъ событіяхъ, кіевскій союзный совѣтъ выпустилъ воззваніе съ призывомъ къ упорной борьбѣ за свободу личности.

Такимъ образомъ призывъ с.-петербургскаго студенчества къ участію въ поднятомъ имъ движеніи нашелъ въ городѣ Кіевѣ вполнѣ благопріятную почву и живой откликъ среди студентовъ университета, и проявился здѣсь въ иной формѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи. 16-го февраля, по полученіи свѣдѣній изъ С.-Петербурга о возникшемъ студенческомъ движеніи и его причинахъ, „союзный совѣтъ" особымъ воззваніемъ пригласилъ товарищей на сходку 17-го февраля, которая и состоялась въ зданіи университета, при участіи около 1.000 человѣкъ студентовъ; присутствовавшіе рѣшили присоединиться къ требованіямъ петербургскихъ товарищей и до удовлетворенія ихъ требованій отказаться отъ посѣщенія лекцій. Постановленіе сходки было прочитано ректору университета, пришедшему на сходку, и затѣмъ собравшіеся разошлись по домамъ, а человѣкъ около 80 студентовъ остались въ зданіи университета и, переходя изъ одной аудиторіи въ другую, гдѣ происходило чтеніе лекцій, заявляли профессорамъ о принятомъ сходкой рѣшеніи, послѣ чего лекціи прекратились.

18-го февраля и въ послѣдующіе дни студенты университета продолжали агитацію и не допускали чтенія лекцій, не останавливаясь даже передъ мѣрами открытаго насилія по отношенію многихъ товарищей, не желавшихъ примкнуть къ ихъ движенію. Участіе въ движеніи принимали, главнымъ образомъ, студенты первыхъ двухъ курсовъ университета, старшіе же ихъ товарищи менѣе поддавались подстрекательству агитаторовъ.

Волненіе въ городѣ Кіевѣ не прекратилось и по воспослѣдованіи Высочайшаго повелѣнія 20-го февраля. „Союзный совѣтъ", игравшій все время роль главнаго органа агитаціи, подстрекалъ товарищей въ издаваемыхъ имъ бюллетеняхъ и воззваніяхъ къ продолженію забастовки и указывалъ на солидарность, проявленную студентами всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи.

Продолжавшіяся столь долгое время волненія въ университетѣ, въ связи съ рѣзкими демонстративными выходками студентовъ, вызвали со стороны учебнаго начальства необходимость исключить изъ университета 52 человѣка главныхъ агитаторовъ, которые вслѣдъ

затѣмъ и были удалены административнымъ порядкомъ изъ предѣловъ Кіевской губерніи, а учебныя занятія были прекращены, съ предупрежденіемъ, что всѣ нежелающіе приступить къ занятіямъ послѣ 4-го марта будутъ считаться уволившимися изъ университета.

Одновременно съ дѣятельностью группировавшейся около „союзнаго совѣта" партіи, стоявшей за продолженіе безпорядковъ, возникла въ Кіевскомъ университетѣ другая партія, присвоившая себѣ наименованіе „русское общество націоналистовъ" и выпустившая особое воззваніе, въ которомъ хотя и выражается сочувствіе петербургскому студенчеству, но безусловно отвергается путь, выбранный студентами для выраженія своего протеста.

Происходившіе въ городѣ Кіевѣ безпорядки среди учащейся молодежи нашли себѣ горячее сочувствіе въ мѣстной подпольной революціонной организаціи, именовавшей себя „кіевскимъ союзомъ соціалистовъ-революціонеровъ", которая почти тотчасъ же послѣ возникновенія броженія въ университетѣ выпустила два воззванія возмутительнаго содержанія: одно, озаглавленное „Къ учащейся молодежи", заключаетъ въ себѣ призывъ къ общей борьбѣ противъ существующаго государственнаго строя, а другое воззваніе „Къ кіевскимъ рабочимъ" указываетъ, что студенты, благодаря твердой сплоченности и полной солидарности въ своихъ дѣйствіяхъ, добились, будто бы, крупныхъ уступокъ отъ правительства; слѣдовательно, и рабочимъ, для облегченія своего положенія, необходимо дружно соединить свои силы.

Послѣ прекращенія лекцій въ университетѣ, студенты продолжали собираться на сходки въ корридорѣ при университетской шинельной и комнатѣ для выдачи заказной корреспонденціи, такъ какъ всѣ остальныя помѣщенія университета были закрыты.

Въ теченіе первой недѣли Великаго поста занятія въ университетѣ не производились, такъ какъ, по установленному учебнымъ начальствомъ порядку, недѣля эта предоставляется студентамъ для говѣнія. Тѣмъ не менѣе, студенты, собираясь значительными группами въ тѣхъ помѣщеніяхъ университета, куда имъ былъ открытъ доступъ, продолжали обсуждать вопросъ о дальнѣйшемъ движеніи въ особенности по полученіи свѣдѣній о прекратившейся въ Петербургѣ забастовкѣ. По этому поводу „союзный совѣтъ" выпустилъ два воззванія: одно отъ 3-го марта съ выраженіемъ рѣзкаго порицанія С.-Петербургскому университету за то, что онъ „забылъ свои общегражданскія требованія, во имя которыхъ возстали сами петербургскіе сту-

денты и призвали къ протесту провинціальные университеты", а другое отъ 7-го марта, въ коемъ „союзный совѣтъ" требовалъ возвращенія высланныхъ товарищей. Вмѣстѣ съ тѣмъ „союзный совѣтъ" обратился съ воззваніемъ къ московскому студенчеству, и призывалъ его принять на себя руководящую роль въ студенческомъ движеніи.

6-го марта около 200 человѣкъ студентовъ, проникнувъ въ одну изъ университетскихъ аудиторій, занялись обсужденіемъ вопроса о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій, причемъ среди нихъ появилось новое воззваніе „союзнаго совѣта", съ призывомъ на сходку 8-го марта.

Съ открытіемъ университета спокойно прошли только 3 первыя лекціи, но затѣмъ послѣ перерыва студенты потребовали прекращенія занятій, врывались въ аудиторіи, препятствовали чтенію лекцій и, наконецъ, выбивъ дверь въ самую обширную изъ аудиторій, собрали многочисленную сходку, на которой послѣ долгихъ и бурныхъ споровъ большинство пришло къ заключенію продолжать забастовку до тѣхъ поръ, пока не будутъ возвращены высланные товарищи.

Въ противовѣсъ рѣшенію этой сходки, „группа націоналистовъ", стоявшая за водвореніе въ университетѣ порядка и начало лекцій, собралась также, въ числѣ около 200 человѣкъ, въ отдѣльномъ помѣщеніи. Результаты ихъ переговоровъ выразились въ появившихся вслѣдъ затѣмъ воззваніяхъ этой группы отъ 8-го и 11-го марта, гдѣ подвергается рѣшительной критикѣ дѣятельность „союзнаго совѣта" и партіи забастовщиковъ и доказывается, что разъ студенты С.-Петербургскаго университета, непосредственно заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, отказались отъ дальнѣйшей забастовки, то странно Кіевскому университету выступать въ защиту чужихъ интересовъ болѣе ревностно, чѣмъ сами потерпѣвшіе.

9-го марта въ зданіи университета произошли особенно бурные безпорядки, перешедшіе въ открытое столкновеніе представителей двухъ партій студенчества за и противъ забастовки.

Партія „націоналистовъ", къ которой присоединились студенты юристы 4-го курса, обратилась къ ректору университета съ просьбой начать чтеніе лекцій, но на первой же лекціи забастовщики выломали скамейкой окна въ дверяхъ и пытались проникнуть въ аудиторію, гдѣ собралось около 300 слушателей. Эти послѣдніе, вооружась банками отъ физическихъ приборовъ, отогнали нападающихъ. Безпорядки произошли также и въ клиникѣ Кіевскаго военнаго госпиталя, гдѣ читались лекціи студентамъ медикамъ, причемъ они встрѣтили вошедшаго къ нимъ начальника госпиталя шумомъ и криками.

Вслѣдствіе сего 10-го марта въ зданіи университета вывѣшено объявленіе слѣдующаго содержанія: „По распоряженію министра народнаго просвѣщенія всѣ студенты университета св. Владиміра признаются уволившимися. Желающіе вновь поступить въ университетъ и продолжать слушаніе лекцій, подаютъ о томъ прошеніе г. ректору. Обратный пріемъ будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія университетскаго начальства".

12-го марта происходилъ пріемъ прошеній отъ студентовъ 4-го и 5-го курсовъ, изъявившихъ желаніе поступить обратно въ университетъ, причемъ въ первый же день было принято 510 прошеній. Студенты впускались группами по мѣрѣ прибытія и безпорядковъ не производили. Такъ же спокойно съ внѣшней стороны прошли и остальные дни при пріемѣ прошеній отъ студентовъ другихъ курсовъ.

Всего прошеній объ обратномъ пріемѣ поступило 2.425, принято правленіемъ обратно въ университетъ 2.181 человѣкъ, отказано въ пріемѣ 244 лицамъ, изъ нихъ 160 евреямъ. Въ общую цифру студентовъ, которымъ отказано въ пріемѣ, еще не вошли I, II и III курсы всѣхъ факультетовъ.

Тѣмъ не менѣе, внутренній порядокъ въ университетѣ далеко еще не установился, броженіе среди студентовъ продолжается, выражаясь пока въ сходкахъ главныхъ дѣятелей агитаціи по частнымъ квартирамъ и въ демонстративныхъ выходкахъ на вокзалѣ при отъѣздѣ непринятыхъ обратно въ университетъ товарищей. На ряду съ этимъ „союзный совѣтъ" не прекращалъ своей агитаціонной дѣятельности и участіе его въ студенческомъ движеніи за указанное время выразилось въ изданіи тѣхъ двухъ воззваній къ петербургскому студенчеству, которыя, повидимому, сдѣлались одной изъ главныхъ причинъ возникновенія новыхъ безпорядковъ въ С.-Петербургѣ.

Въ Кіевскомъ политехническомъ институтѣ броженіе проявилось съ 17-го февраля и выразилось въ сходкѣ около 300 студентовъ, которые заявили о своемъ намѣреніи отказаться отъ дальнѣйшихъ занятій; въ послѣдующіе дни волненія продолжались, и 19-го студенты, стоявшіе за безпорядки, не допустили въ чертежные залы своихъ товарищей, явившихся туда съ цѣлью взять на домъ свои чертежи; 22-го февраля студентамъ института объявлена была директоромъ телеграмма министра финансовъ съ предложеніемъ возобновить занятія, приступить къ которымъ, однако, еще не оказалось возможности, въ виду возбужденнаго вообще настроенія молодежи.

25-го студентамъ была объявлена новая телеграмма министра,

заключавшая въ себѣ предостереженіе о томъ, что непосѣщающіе лекцій будутъ признаны уволенными.

По возобновленіи лекцій послѣ Масляной недѣли, часть студентовъ, явясь на лекцію естественной исторіи, предложила профессору удалиться, но собранная въ тотъ же день сходка признала, однако, большинствомъ голосовъ, возобновленіе занятій желательнымъ, что и было исполнено тогда же большей частью студентовъ; послѣ сего волненіе въ институтѣ стало постепенно утихать, и учебныя занятія продолжались нѣкоторое время обычнымъ порядкомъ.

26-го марта около 200 студентовъ не пошли на лекціи и съ этого времени мѣшаютъ заниматься своимъ товарищамъ; полное спокойствіе еще не возстановлено, и слушателямъ назначенъ срокъ для возобновленія всѣми слушанія лекцій.

Руководящая безпорядками въ Кіевскомъ университетѣ группа „союзнаго совѣта“ пыталась, съ своей стороны, оказывать по возможности вліяніе и на студентовъ политехническаго института и, смотря по ходу дѣлъ въ послѣднемъ, выражала политехникамъ въ своихъ воззваніяхъ сочувствіе или порицаніе.

Одесса. Подъ вліяніемъ полученныхъ въ Одессѣ, чрезъ посредство прибывшаго, 19-го февраля, изъ Кіева делегата, извѣстій о волненіяхъ среди студентовъ С.-Петербургскаго университета, 20-го февраля въ университетѣ состоялась сходка студентовъ, человѣкъ до 300; явившійся на сходку инспекторъ вынужденъ былъ удалиться, а явившемуся вслѣдъ затѣмъ ректору студенты заявили, что они присоединяются къ требованіямъ своихъ товарищей С.-Петербургскаго университета и прекращаютъ посѣщеніе лекцій, покуда эти требованія не будутъ удовлетворены. На сходкѣ распространялась гектографированная прокламація, кіевскаго изданія, приглашавшая Новороссійскій университетъ послѣдовать примѣру С.-Петербургскаго и Кіевскаго университетовъ и прекратить посѣщеніе лекцій.

22-го февраля было издано на гектографѣ воззваніе, въ которомъ излагалось рѣшеніе, принятое 20-го числа, и на сходкѣ, бывшей въ этотъ же день, на которой участвовало всего около 150 человѣкъ, рѣшено продолжать не ходить на лекціи и препятствовать посѣщать лекціи другимъ.

23-го февраля вновь состоялась сходка, на которую прибылъ ректоръ и, указавъ на незаконность дѣйствій студентовъ и на состоявшееся, 20-го февраля, Высочайшее повелѣніе о назначеніи генералъ-адъютанта Ванновскаго для производства разслѣдованія о причинахъ

волненій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, добавилъ, что большаго удовлетворенія не можетъ быть. Рѣчь ректора была выслушана студентами въ молчаніи, и 24-го февраля, хотя лекціи не посѣщались, но броженіе между студентами, подъ вліяніемъ сказаннаго ректоромъ наканунѣ, стало замѣтно ослабѣвать, и число противниковъ забастовки стало увеличиваться.

25-го, 26-го, 27-го и 28-го университетъ былъ закрытъ по случаю Масляницы, и въ это время ректоръ ежедневно вызывалъ по нѣсколько человѣкъ студентовъ, убѣждая ихъ возвратиться къ нормальному порядку, причемъ всѣ вызванные ректоромъ держали себя съ нимъ вполнѣ почтительно, но заявили о своей полной солидарности съ участниками сходокъ и съ принятыми на сходкахъ рѣшеніями. Такъ продолжалось до 3-го марта, когда студенты, послѣ сходки, письменно заявили ректору, что, въ виду полученія свѣдѣній о возобновленіи занятій въ С.-Петербургѣ, они, съ слѣдующаго числа (4-го марта) прекращаютъ стачку.

Съ 4-го марта лекціи въ университетѣ возобновились и продолжались до 22-го числа. Во весь этотъ промежутокъ времени, между вожаками студенческаго движенія шли безпрерывныя сношенія съ другими университетами, преимущественно съ Кіевскимъ, изъ котораго получены упреки одесскимъ студентамъ за прекращеніе забастовки.

22-го марта въ университетѣ появилась прокламація, приглашающая вновь начать забастовку; около 200 человѣкъ студентовъ собрались на сходку и вновь рѣшили забастовать, что и было ими сообщенно исправляющему должность ректора. Несмотря на увѣщанія ректора, съ 23-го марта посѣщеніе лекцій большинствомъ студентовъ прекратилось, хотя значительное число продолжало приходить въ университетъ, а 30-го марта, въ виду продолжавшагося уклоненія отъ слушанія лекцій, всѣ студенты уволены на тѣхъ же основаніяхъ, какъ студенты С.-Петербургскаго университета.

Варшава. Въ первые дни по полученіи свѣдѣній изъ С.-Петербурга о безпорядкахъ, среди варшавской учащейся молодежи броженія не замѣчалось: 16-го февраля прибылъ въ Варшаву депутатъ отъ Кіевскаго университета для уговора мѣстныхъ студентовъ примкнуть къ общей студенческой забастовкѣ и передалъ воззваніе „Кіевскаго союзнаго совѣта объединенныхъ землячествъ и организацій“ отъ 12-го февраля, призывающее всѣхъ студентовъ сплотиться въ одно цѣлое для начатой борьбы.

17-го числа прибылъ съ тою же цѣлью другой делегатъ отъ С.-Петербургскаго университета.

Одновременно съ этимъ, изъ С.-Петербурга стали получаться во множествѣ письма съ изложеніемъ событій и приглашеніемъ учащейся молодежи къ выраженію своимъ товарищамъ сочувствія въ какой-либо формѣ.

Вслѣдъ засимъ варшавскіе студенты устроили рядъ сходокъ для обсужденія вопроса о способѣ выраженія сочувствія; сначала рѣшено было послать сочувственную телеграмму петербургскимъ товарищамъ, но затѣмъ это отмѣнено и постановлено прекратить посѣщеніе лекцій, если также поступятъ кіевскіе студенты. и предъявить свои требованія въ петиціяхъ. 19-го февраля вечеромъ изъ Кіева получены условныя телеграммы, склоняющія къ непосѣщенію лекцій, а 20-го утромъ среди студентовъ появилась прокламація, на польскомъ языкѣ, отъ „группы прогрессивной польской молодежи", приглашавшая студентовъ-поляковъ понудить своею численностью товарищей другихъ національностей примкнуть къ всеобщему движенію молодежи. Въ тотъ же день многіе студенты на лекціи уже не явились.

22-го февраля демонстранты-студенты университета устроили шумную манифестацію: съ утра занятія шли своимъ обычнымъ порядкомъ во всѣхъ аудиторіяхъ; въ третьемъ часу толпа студентовъ, преимущественно младшихъ курсовъ, человѣкъ болѣе 300, заперлась въ лабораторію, а вошедшихъ туда съ трудомъ ректора, инспектора и одного изъ профессоровъ не слушали и двухъ послѣднихъ осыпали ругательствами и бросали въ нихъ разными предметами. На сходкѣ предположили подать ректору петицію о возстановленіи дѣйствія стараго университетскаго устава; но когда ректоръ потребовалъ, чтобы она была подписана, то студенты побоялись это исполнить и стали выходить, направившись сперва въ аудиторіи читавшихъ лекціи профессоровъ, гдѣ заставили ихъ силою окончить чтеніе лекцій, причемъ выдвинули изъ-подъ нихъ стулья и сдвинули каѳедры.

Въ тотъ же день, въ ветеринарномъ институтѣ, студенты, собравшись на лекціи, потребовали къ себѣ директора и хотѣли ему подать петицію, но директоръ отказался принять ее, и студенты разошлись.

Въ виду изложеннаго, лекціи въ университетѣ и ветеринарномъ институтѣ, по распоряженію попечителя учебнаго округа, были временно прекращены.

Содержаніе поданныхъ петицій, приблизительно, однородно и сводится къ слѣдующему: студенты постановили выразить свою полную

солидарность съ протестомъ студентовъ другихъ учебныхъ заведеній противъ своеволія властей и требовать возвращенія исключенныхъ товарищей, гласнаго университетскаго суда, выборовъ профессоровъ профессорскимъ собраніемъ, уничтоженія должностей педелей, уменьшенія платы за право слушанія лекцій, уравненія національностей и религій, отмѣны обязательности курса русскаго языка на всѣхъ факультетахъ, кромѣ филологическаго, свободы студенческихъ организацій и сходокъ и т. д.

Послѣ прекращенія лекцій демонстранты-студенты стали организоваться въ группы и избрали изъ своей среды особый комитетъ подъ названіемъ „Общестуденческій комитетъ манифестацій", состоящій изъ семи членовъ, которому предоставлено издавать прокламаціи, и руководить сходками; 26-го февраля члены означеннаго комитета были арестованы, причемъ у нихъ обнаружены гектографированныя воззванія на польскомъ языкѣ.

4-го марта лекціи въ варшавскомъ университетѣ возобновились, хотя и при не полномъ числѣ слушателей.

Начиная съ 18-го февраля студенты и Варшавскаго политехникума стали собираться на сходки для обсужденія вопроса о прекращеніи лекцій и подачи петиціи директору съ изложеніемъ своихъ требованій, въ общемъ согласныхъ съ таковыми же, заявленными прочими варшавскими студентами; 22-го на лекціи явилось только 90 человѣкъ, но затѣмъ съ 4-го марта занятія послѣ масляничныхъ вакацій возобновились хотя и не при полномъ числѣ слушателей. Сочувствовавшіе обструкціи студенты политехникума, независимо отъ нехожденія на лекціи, проявили свое участіе въ безпорядкахъ еще и изданіемъ на польскомъ языкѣ особаго воззванія „Къ товарищамъ студентамъ", въ коемъ призывали польскую молодежь примкнуть къ общему движенію.

По распоряженію учебнаго начальства, наиболѣе замѣченные въ агитаціи студенты были тогда же удалены изъ учебныхъ заведеній, что̀ повлекло затѣмъ удаленіе ихъ изъ Варшавы въ мѣста, избранныя ими для жительства. Мѣра эта принята была въ отношеніи 333 лицъ.

Новая-Александрія. Въ Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства первая сходка состоялась 17-го февраля въ институтскомъ саду, при участіи всѣхъ студентовъ. Тутъ же было подписано, подъ вліяніемъ небольшой группы агитаторовъ, 203 студентами постановленіе не посѣщать лекцій, а также рѣшено требовать предоставленія имъ бо̀льшихъ правъ и возстановленія уни-

верситетскаго устава 1863 года, и съ 18-го февраля студенты на лекціи болѣе не ходили.

28-го февраля, была вновь сходка студентовъ въ частномъ домѣ, на которой рѣшено не прекращать стачки до удовлетворенія общестуденческихъ претензій и ихъ собственныхъ требованій, но, получивъ извѣщеніе о возобновленіи занятій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, ново-александрійскіе студенты на сходкѣ 3-го марта рѣшили прекратить забастовку, что и было приведено въ исполненіе по окончаніи сходки.

По полученіи, однако, свѣдѣній о возобновленіи безпорядковъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, студенты института собрали, 20-го и 22-го марта, сходки, на которыхъ незначительнымъ большинствомъ голосовъ присутствовавшихъ вновь рѣшили поддержать своихъ товарищей и прекратить посѣщеніе лекцій.

23-го марта въ институтскомъ паркѣ состоялись двѣ сходки, на которыхъ сторонники забастовки, составлявшіе, однако, на этихъ сходкахъ значительное меньшинство, заявили, что они считаютъ объявленное наканунѣ рѣшеніе окончательнымъ и употребятъ насиліе противъ желающихъ посѣщать лекціи; вечеромъ директору института предъявлены были требованія, аналогичныя съ требованіями с.-петербургскихъ студентовъ.

На слѣдующій день, въ виду продолженія броженія въ стѣнахъ института, всѣ студенты уволены, съ правомъ подачи прошеній объ обратномъ пріемѣ.

Томскъ. По полученіи въ городѣ Томскѣ извѣстій о студенческихъ безпорядкахъ въ С.-Петербургѣ, 24-го февраля студенты мѣстнаго университета, въ числѣ до 400 человѣкъ, собрались на сходку, отказались разойтись по требованію учебнаго начальства и постановили: присоединиться къ товарищамъ и выразить согласіе въ общемъ протестѣ, предъявить требованія объ удовлетвореніи оскорбленныхъ петербургскихъ студентовъ, о гарантіи неприкосновенности личностей студентовъ, и т. п., а до удовлетворенія требованій рѣшили не посѣщать лекцій и добиваться оффиціальнаго закрытія университета. Противъ профессоровъ, которые будутъ продолжать занятія, рѣшено принять систему обструкціи. Постановленіе сходки было издано особымъ воззваніемъ, и, начиная съ упомянутаго числа, студенты дѣйствительно прекратили посѣщеніе лекцій и занятій въ клиникахъ, являясь въ университетъ лишь для присутствованія на сходкахъ, на увѣщанія учебнаго начальства не обращали никакого вниманія, а тѣхъ

изъ числа своихъ товарищей, которые хотѣли войти въ университетъ 1-го марта для слушанія лекцій, силой не допустили проникнуть въ зданіе.

2-го марта, по постановленію правленія университета, исключено 45 студентовъ, особенно замѣченныхъ въ подстрекательствѣ къ безпорядкамъ, которые затѣмъ и удалены, въ числѣ 36 человѣкъ изъ Томска, за исключеніемъ мѣстныхъ уроженцевъ.

4-го марта въ университетѣ занятія временно прекращены до 8-го, но въ дѣйствительности, за отсутствіемъ слушателей, возобновлены не были. 15-го, въ виду настойчиваго непосѣщенія лекцій, всѣ студенты признаны уволенными съ предоставленіемъ права подавать вновь прошенія о пріемѣ, при условіи подчиненія существующимъ правиламъ. Прошенія поступаютъ пока не въ значительномъ числѣ, вслѣдствіи мѣръ, принимаемыхъ партіей обструкціонистовъ, не допускающихъ прочихъ студентовъ въ университетъ, клинику и даже на почту. Между студентами распространяются гектографированные листки и воззванія, въ томъ числѣ перепечатываемыя въ Томскѣ воззванія „кассы взаимопомощи Петербургскаго университета".

20-го марта удалены изъ города еще 14 человѣкъ демонстрантовъ.

Рига. Въ Рижскомъ политехническомъ институтѣ сходка состоялась 18-го февраля, числомъ около 160 студентовъ, на которой читались письма, полученныя изъ Петербурга съ описаніемъ студенческихъ безпорядковъ и съ призывомъ пристать къ общему движенію. Сходка постановила, въ знакъ сочувствія петербургскимъ товарищамъ, прекратить слушаніе лекцій. 19-го февраля утреннія лекціи въ институтѣ прошли, однако, безпрепятственно, но около 3-хъ часовъ вновь собралась сходка, числомъ до 300 человѣкъ, причемъ сторонники безпорядка препятствовали чтенію лекцій и вынуждали профессоровъ прекращать занятія. По распоряженію попечителя, учебныя занятія въ институтѣ 20-го февраля прекращены.

Въ описанныхъ безпорядкахъ принимали участіе 300—400 студентовъ, преимущественно 1-го курса, большинство коихъ держалось довольно пассивно, активное же участіе проявила относительно небольшая группа студентовъ человѣкъ 60—70, причемъ болѣе замѣтное и видное участіе на сходкахъ принимали студенты еврейскаго и армянскаго происхожденія.

5-го марта лекціи въ институтѣ возобновились и продолжались безпрепятственно до 27-го марта, когда около 200 студентовъ, собравшись на сходку, вновь вынудили прекратить лекціи, въ виду

чего всѣ студенты института уволены, съ правомъ подачи прошеній объ обратномъ пріемѣ.

Юрьевъ. По полученіи свѣдѣній изъ Петербурга, студенты Юрьевскаго университета, въ числѣ до 508 человѣкъ, собрались 23-го февраля, на сходку въ аудиторіи патологическаго института, но, благодаря убѣжденіямъ учебнаго начальства, разошлись затѣмъ спокойно. предъявивъ, однако, предварительно свои требованія, заключавшіяся въ нравственномъ удовлетвореніи петербургскихъ товарищей, возвращеніи исключенныхъ, огражденіи студентовъ отъ дѣйствій полиціи, автономіи университетовъ и свободы сходокъ, уничтоженіи или уменьшеніи платы за слушаніе лекцій, уничтоженіи всѣхъ ограниченій по національностямъ и допущеніи пріема въ университетъ всѣхъ окончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. До удовлетворенія же этихъ требованій, изложенныхъ затѣмъ въ особомъ воззваніи, сходка рѣшила прекратить посѣщеніе лекцій.

Волненіе въ университетѣ отозвалось и на ветеринарномъ институтѣ, гдѣ на сходку, собранную въ клиникѣ, явилось до 200 студентовъ. Директоръ института убѣдилъ, однако, студентовъ разойтись, что̀ они и сдѣлали, заявивъ, впрочемъ, что посѣщать лекцій болѣе не намѣрены, и собрались съ цѣлью выразить сочувствіе невинно пострадавшимъ петербургскимъ студентамъ.

24-го февраля студенты университета, стоявшіе за забастовку, обходили группами аудиторіи, прося профессоровъ прекратить чтеніе лекцій и заявляя, что въ противномъ случаѣ могутъ произойти нежелательныя непріятности; находившимся въ аудиторіяхъ своимъ товарищамъ они предлагали немедленно покинуть зданіе университета.

Въ виду изложеннаго, въ университетѣ и ветеринарномъ институтѣ 24-го февраля занятія были временно пріостановлены.

Впослѣдствіи выяснилось, что волненіемъ среди студентовъ руководилъ образовавшійся въ университетѣ „союзный совѣтъ дерптскихъ организацій", выпустившій отъ своего имени и распространявшій два воззванія, изъ коихъ первое заключало въ себѣ весьма тенденціозное и извращенное изложеніе петербургскихъ безпорядковъ 8-го февраля, а второе призывало „дерптское студенчество" присоединиться къ примкнувшимъ уже къ обструкціи иногороднымъ товарищамъ.

4-го марта лекціи возобновились, первоначально при незначительномъ числѣ слушателей, къ 10-му же числу на занятія въ университетъ и институтъ начали являться почти всѣ студенты.

По этому поводу вышеуказанный „союзный совѣтъ" выпустилъ

особое воззваніе съ заявленіемъ, что онъ слагаетъ съ себя обязанность дальнѣйшаго веденія дѣла, такъ какъ не видитъ смысла въ продолженіи забастовки, какъ въ виду прекращенія таковой въ С.-Петербургѣ, такъ и въ виду несоотвѣтствующаго настроенія мѣстнаго студенчества.

27-го марта, однако, около 500 студентовъ Юрьевскаго университета вновь собрались на сходку и высказались за возобновленіе обструкціи, вслѣдствіе чего и въ означенномъ университетѣ принята мѣра увольненія всѣхъ студентовъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ другихъ университетахъ, гдѣ эта мѣра примѣнена.

Харьковъ. По полученіи предложенія петербургскихъ студентовъ устроить забастовку впредь до измѣненія существующаго университетскаго устава, среди студентовъ университета, технологическаго и ветеринарнаго институтовъ съ 15-го февраля начались сходки, окончившіяся рѣшеніемъ не посѣщать лекцій и препятствовать ихъ чтенію впредь до удовлетворенія требованій, выставленныхъ петербургскими товарищами.

На состоявшихся въ стѣнахъ технологическаго института сходкахъ 18-го и 20-го февраля выработаны были затѣмъ и свои требованія, которыя переданы на обсужденіе студентовъ университета и ветеринарнаго института и, на состоявшихся по сему поводу сходкахъ въ стѣнахъ названныхъ учебныхъ заведеній, приняты единогласно. 20-го февраля по городу разбросаны гектографированныя прокламаціи, по поводу происходившихъ волненій, съ порицаніемъ дѣйствій Правительства.

24-го февраля въ стѣнахъ университета, за подписью ректора, было вывѣшено слѣдующее объявленіе: „Въ виду того, что студенты Императорскаго Харьковскаго университета, въ теченіе значительнаго времени настойчиво отказывались отъ посѣщенія лекцій и прочихъ учебныхъ занятій, они признаны, согласно распоряженію высшаго учебнаго начальства, уволившимися изъ университета". Затѣмъ указывался порядокъ полученія увольнительныхъ свидѣтельствъ и пріема прошеній отъ желающихъ возвратиться въ число студентовъ.

По возобновленіи затѣмъ лекцій, вновь распространились воззванія, отъ 12-го марта, за подписью „группы непримиримыхъ", съ цѣлью возобновить прекратившееся волненіе, но сочувствія не встрѣтили, и занятія продолжались до 30-го марта.

Казань. 23-го февраля, среди студентовъ Казанскаго университета появилось воззваніе, приглашающее ихъ присоединиться къ про-

тесту студентовъ С.-Петербургскаго университета. По этому поводу 24-го числа студенты собрались въ университетѣ въ значительномъ числѣ и рѣшили прекратить посѣщеніе лекцій съ 1-го марта. 25-го же февраля чрезъ 12-ть уполномоченныхъ, подали ректору петицію съ съ заявленіемъ, что они съ своей стороны не желаютъ производить безпорядковъ, но въ видахъ сочувствія студентамъ С.-Петербургскаго университета, согласились прекратить посѣщеніе лекцій впредь до рѣшенія дѣла о безпорядкахъ въ этомъ университетѣ и возобновленія въ немъ занятій. Засимъ, по изложеніи ходатайства о пересмотрѣ дѣйствующаго университетскаго устава или по крайней мѣрѣ объ измѣненіи нѣкоторыхъ его параграфовъ, въ петиціи выражалось требованіе объ освобожденіи всѣхъ арестованныхъ въ Петербургѣ студентовъ и возвращеніи высланныхъ.

По возобновленіи занятій къ 1-му марта, послѣ масляницы, первые дни студентовъ на лекціяхъ было дѣйствительно весьма незначительное число, но, по полученіи свѣдѣній о возобновленіи занятій въ Петербургѣ, съ 4-го числа они начали посѣщать лекціи на всѣхъ факультетахъ въ обычномъ числѣ.

Несмотря на то, что въ безпорядкахъ принимала участіе сравнительно меньшая часть слушателей, изъ большинства высшихъ учебныхъ заведеній, оказалось необходимымъ исключить довольно значительное число студентовъ, упорство коихъ къ продолженію безпорядковъ не давало возможности терпѣть такихъ слушателей долѣе въ средѣ учащейся молодежи. Эта мѣра будетъ принимаема и впредь, такъ какъ, по требованію учащихся, никакого отступленія отъ уставовъ, положеній и правилъ, дѣйствующихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, и отъ установленнаго порядка учебныхъ занятій и времени экзаменовъ, допущено быть не можетъ. Принятіе этой мѣры не лишитъ многихъ изъ уволенныхъ, отрезвившихся отъ заблужденій, въ которыя они были вовлечены, по юношескому невѣдѣнію и неопытности— возможности быть вновь принятыми въ учебныя заведенія и окончить свое образованіе, но во всякомъ случаѣ это снисхожденіе можетъ быть лишь послѣдствіемъ сознанія ими своихъ ошибокъ и заблужденій, а не результатомъ насильственныхъ дѣйствій скопомъ, въ ошибочномъ расчетѣ, что значительное число исключенныхъ изъ заведеній поставитъ эти заведенія въ затруднительное положеніе.

Что же касается тѣхъ, которые, пользуясь случаемъ, направляютъ свои усилія къ тому, чтобы увлекать учащуюся молодежь на путь преступныхъ дѣйствій, преслѣдующихъ противоправительственныя и

ничего общаго съ назначеніемъ учебныхъ заведеній не имѣющія цѣли, то въ отношеніи этихъ лицъ будутъ неуклонно принимаемы установленныя закономъ мѣры взысканія.

V. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (21-го января 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго рижскаго и митавскаго, нынѣ казанскаго и свіяжскаго архіепископа Арсенія при Рижской Ломоносовской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Рижской Ломоносовской женской гимназіи учреждается стипендія имени бывшаго рижскаго и митавскаго, нынѣ казанскаго и свіяжскаго архіепископа Арсенія на проценты съ капитала въ *одну тысячу двѣсти* руб., собраннаго по добровольной подпискѣ между служащими въ разныхъ учрежденіяхъ Лифляндской и Эстляндской губерній въ память архипастырскаго служенія его высокопреосвященства на Прибалтійской окраинѣ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, составляетъ собственность Рижской Ломоносовской женской гимназіи и и хранится въ числѣ ея спеціальныхъ средствъ въ Рижскомъ губернскомъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ выхода въ тиражъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ заключается стипендіальный капиталъ, попечительный совѣтъ гимназіи пріобрѣтаетъ новыя соотвѣтственной цѣнности государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 4. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются предсѣдателемъ педагогическаго совѣта гимназіи стипендіаткѣ или родителямъ ея, пополугодно впредь, въ январѣ и августѣ.

§ 5. Если вслѣдствіе временнаго незамѣщенія стипендіи или по какой-либо другой причинѣ проценты останутся невыданными, то они присоединяются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Стипендіальный капиталъ можетъ увеличиваться путемъ пожертвованій на сей предметъ со стороны частныхъ лицъ и обществъ.

§ 7. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи православнаго исповѣданія, отличающихся безукоризненнымъ поведеніемъ, хорошимъ прилежаніемъ и удовлетворительными успѣхами въ наукахъ, преимущественно изъ дочерей лицъ, служащихъ и служившихъ по гражданскому или военному вѣдомствамъ въ губерніяхъ Лифляндской и Эстляндской.

§ 8. Выборъ стипендіатки предоставляется пожизненно высокопреосвященнѣйшему Арсенію, который назначаетъ стипендіатку по собственному усмотрѣнію, или по представленію педагогическаго совѣта гимназіи; послѣ же его смерти, право назначенія стипендіатки переходитъ къ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 9. Стипендіатка лишается получаемой ею стипендіи: 1) при оставленіи ею гимназіи и 2) по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназіи за неодобрительное поведеніе, а также за малоуспѣшность, если для послѣдней не было какихъ-либо уважительныхъ причинъ.

§ 10. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

2. (22-го января 1899 года). *Положеніе о капиталѣ имени Василія Аверьяновича Смирнова при Дорогобужской женской прогимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, при Дорогобужской женской прогимназіи учреждается капиталъ имени Василія Аверьяновича Смирнова въ *двѣ тысячи* руб., пожертвованныхъ дочерью его вдовою титулярнаго совѣтника Екатериною Васильевною Михневичъ.

§ 2. Означенный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, остается навсегда неприкосновеннымъ и хранится вмѣстѣ съ другими суммами прогимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность.

§ 3. Проценты съ упомянутаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, выдаются полностью въ пожизненныя пособія учительницѣ, прослужившей въ приготовительномъ классѣ прогимназіи не менѣе 25-ти лѣтъ, и въ половинномъ размѣрѣ учительницѣ, прослужившей въ означенной должности не менѣе 15-ти лѣтъ.

§ 4. Время, проведенное учительницей въ должности помощницы учительницы въ названномъ учебномъ заведеніи, засчитывается въ срокъ выслуги на полученіе пособій.

§ 5. Выдачѣ пособій не препятствуетъ занятіе лицами, имѣющими право на полученіе оныхъ, какой-либо частной или правительственной должности.

§ 6. Въ случаѣ, еслибы не оказалось лица, удовлетворяющаго условіямъ сего положенія, то полученные съ означеннаго капитала проценты причисляются къ капиталу и размѣръ учреждаемыхъ пособій увеличивается. При существованіи такихъ остатковъ, могутъ быть оказываемы, по постановленіямъ попечительнаго совѣта Дорогобужской женской прогимназіи, единовременныя пособія учительницѣ приготовительнаго класса названной прогимназіи.

§ 7. Означенныя пособія назначаются попечительнымъ совѣтомъ Дорогобужской женской прогимназіи.

3. (23-го января 1899 года). *Положеніе о трехъ стипендіяхъ имени переяславской мѣщанки Екатерины Семеновны Сергѣевой при Переяславской женской прогимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Переяславской женской прогимназіи учреждаются три стипендіи имени переяславской мѣщанки Екатерины Семеновны Сергѣевой на проценты съ капитала въ *пятьсотъ* руб., пожертвованнаго членомъ попечительнаго совѣта означенной прогимназіи Иваномъ Ѳедоровичемъ Сергѣевымъ въ память перваго истекшаго 25-тилѣтія существованія прогимназіи.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% свидѣтельствахъ государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ прогимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе въ прогимназіи избранныхъ стипендіатокъ.

§ 4. Стипендіатки избираются изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ Переяславской женской прогимназіи, дочерей гражданъ города Переяславля, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатокъ предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Переславской женской прогимназіи.

§ 6. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія и малоуспѣшности сти-

пендіатокъ педагогическому совѣту прогимназіи предоставляется право лишать стипендіи стипендіатокъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ накапливаются до суммы *шести* рублей и выдаются еще одной воспитанницѣ.

§ 8. Въ случаѣ же повышенія платы за ученіе остатки отъ процентовъ употребляются на покрытіе платы за ученіе.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипедіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 10. Въ случаѣ преобразованія Переславской женской прогимназіи въ какое-либо другое заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе этого послѣдняго, для употребленія по назначенію.

4. (25-го февраля 1899 года). *Положеніе о стипендіи Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича при Шушинскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу пятьсотъ* рублей, пожертвованнаго шушинскимъ общественнымъ собраніемъ, учреждаются при Шушинскомъ реальномъ училищѣ три стипендіи Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, въ ознаменованіе пятидесятилѣтія государственной дѣятельности Его Высочества.

> *Примѣчаніе*. Означенный капиталъ заключается въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ. Забота о томъ, чтобы билеты, вышедшіе въ тиражъ, были своевременно обмѣнены на другія таковыя же бумаги лежитъ на обязанности начальства училища.

§ 2. Обезпечивающій стипендіи капиталъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Шушинскаго реальнаго училища. Проценты съ этого капитала, составляющіе три стипендіи, за удержаніемъ 5% государственнаго налога, вносятся полугодно за право ученія стипендіатовъ, въ количествѣ двадцати рублей въ годъ.

§ 3. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту училища.

§ 4. Стипендіаты избираются изъ числа бѣдныхъ учениковъ училища, безъ различія вѣроисповѣданія и національности.

§ 5. Стипендіаты, въ теченіе всего времени пользованія стипендіею, должны отличаться вполнѣ безукоризненнымъ поведеніемъ и оказывать удовлетворительные успѣхи въ наукахъ. Въ противномъ случаѣ, производство стипендіи прекращается и въ стипендіаты избирается другой ученикъ. Стипендіатъ, оставленный на второй годъ въ томъ же классѣ, сохраняетъ право на полученіе стипендіи только въ томъ случаѣ, если педагогическій совѣтъ признаетъ, что не переходъ ученика въ слѣдующій классъ произошелъ по уважительной причинѣ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ присоединяются къ стипендіальному капиталу и, по накопленіи въ достаточномъ количествѣ, обращаются въ государственныя процентныя бумаги. Полученный излишекъ процентовъ, сверхъ нормы, указанной въ § 2, выдается стипендіатамъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, на покупку учебныхъ пособій и на другія нужды.

§ 8. Еслибы Шушинское реальное училище было преобразовано въ какое-либо другое учебное заведеніе, то стипендіи сохраняются въ этомъ послѣднемъ на тѣхъ же основаніяхъ. Въ случаѣ же совершеннаго упраздненія реальнаго училища въ Шушѣ, стипендіи передаются въ другое учебное заведеніе вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, по усмотрѣнію попечителя Кавказскаго учебнаго округа.

5. (25-го февраля 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени нижегородскаго мѣщанина Ивана Ивановича Яшнова при Нижегородской Маріинской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Нижегородской Маріинской женской гимназіи учреждается стипендія имени нижегородскаго мѣщанина Ивана Ивановича Яшнова на проценты съ капитала въ *три тысячи пятьсотъ* руб., пожертвованнаго имъ съ этою цѣлью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ средствъ женской гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіатки и на снабженіе ея платьемъ и учебными пособіями, причемъ означенные расходы производятся попечительнымъ совѣтомъ гимназіи или же стипендія выдается на руки родителямъ ученицы.

§ 4. Право выбора стипендіатки принадлежитъ учредителю стипендіи, а по смерти его переходитъ къ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 5. Стипендія предоставляется бѣднѣйшей ученицѣ православнаго исповѣданія изъ числа дѣтей мѣщанъ города Нижняго-Новгорода, обучающейся преимущественно въ младшихъ классахъ гимназіи и отличающейся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, причемъ преимущественнымъ правомъ на занятіе стипендіи пользуются родственники учредителя стипендіи И. И. Яшнова и притомъ независимо отъ сословія, къ которому они принадлежатъ.

§ 6. Стипендіатка пользуется стипендіей въ продолженіе всего курса ученія въ женской гимназіи. Оставленіе же на второй годъ въ однихъ и тѣхъ же классахъ не лишаетъ ученицу права пользоваться стипендіей.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ и стипендіальнаго капитала остатки выдаются стипендіаткѣ немедленно по окончаніи семиклассннаго или восьмиклассннаго курса. При этомъ, если стипендіатка выбудетъ до окончанія курса, то остатки выдаются той стипендіаткѣ, которая окончитъ полный курсъ.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

6. (6-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендіи при Маріупольской Александровской гимназіи имени Александра Сергѣевича Пушкина.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *одну тысячу* руб., пожертвованнаго обществомъ для пособія нуждающимся воспитанникамъ Маріупольской Александровской гимназіи, учреждается при сей гимназіи стипендія имени Александра Сергѣевича Пушкина въ память столѣтія со дня его рожденія.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ $4^1/_2$% облигаціи внутренняго займа хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ

числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи и составляетъ неотъемлемую ея собственность, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ 5% государственнаго налога, составляютъ стипендію для взноса платы за ученіе одного изъ учениковъ гимназіи.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ изъ лучшихъ по поведенію и успѣхамъ учениковъ названной гимназіи, безъ различія вѣроисповѣданія и сословія, и утверждается правленіемъ упомянутаго въ § 1-мъ общества; при неуспѣшности въ наукахъ или неодобрительномъ поведеніи ученикъ лишается стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта.

Примѣчаніе. Въ случаѣ закрытія общества окончательное рѣшеніе объ избраніи стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (6-го марта 1899 года). *Положеніе о капиталѣ имени штатнаго преподавателя Московскаго учительскаго института, статскаго совѣтника Михаила Петровича Вараввы при Московскомъ учительскомъ институтѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, при Московскомъ учительскомъ институтѣ учреждается капиталъ въ *одну тысячу* руб. имени штатнаго преподавателя сего института статскаго совѣтника Михаила Петровича Вараввы, пожертвованнаго имъ съ этою цѣлью.

§ 2. Означенный капиталъ, по обращеніи въ правительственныя или правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ института и составляетъ его неотъемлемую собственность, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ упомянутаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются въ пособіе одному изъ оканчивающихъ ежегодно курсъ воспитанниковъ, отличающемуся во все время пребыванія въ институтѣ хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 4. Право выбора воспитанниковъ изъ числа оканчивающихъ курсъ института принадлежитъ педагогическому совѣту института.

§ 5. Пользованіе пособіемъ не налагаетъ на воспитанника никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ упомянутаго капитала остатки причисляются къ сему послѣднему, для увеличенія размѣра пособія.

8. (9-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени Софіи Томамшевой при 3-й Тифлисской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣ тысячи пятьсотъ* рублей, пожертвованнаго почетнымъ попечителемъ Тифлисской 3-й гимназіи Иваномъ Григорьевичемъ Томамшевымъ, учреждается при гимназіи стипендія, которой присвоивается наименованіе: „стипендія, учрежденная въ память матери окончившаго курсъ юридическихъ наукъ въ университетѣ съ дипломъ 1-й степени Ивана Григорьевича Томамшева—Софіи Томамшевой".

§ 2. Означенный капиталъ хранится въ одномъ изъ отдѣленій государственнаго банка, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ и составляя неотъемлемую собственность гимназіи.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, въ размѣрѣ 100 руб., за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго налога, употребляются на воспитаніе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ названнаго заведенія, лучшаго по успѣхамъ и поведенію, безъ различія національности и вѣроисповѣданія.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназіи съ согласія учредителя стипендіи.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендіальной суммы причисляются къ капиталу для увеличенія впослѣдствіи размѣра стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія третьей Тифлисской гимназіи въ другое какое либо учебное заведеніе, стипендія переходитъ на вышеизложенныхъ основаніяхъ, въ это послѣднее заведеніе; въ случаѣ же окончательнаго упраздненія гимназіи въ соотвѣтствующее ей мужское учебное заведеніе, по усмотрѣнію управленія Кавказскаго учебнаго округа.

9. (9-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Егора Васильевича Козмина при Царскосельскомъ четырехклассномъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 г. училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Царскосельскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 г. училищѣ учреждаются три стипендіи имени статскаго совѣтника Егора Васильевича Козмина на проценты съ капитала въ *одну тысячу десять* руб., пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ М. Я. Томасовымъ и другими обывателями города Царскаго Села въ память пятидесятилѣтней службы Козмина въ Царскосельскомъ дворцовомъ управленіи.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ бумагахъ государственной 4% ренты, хранится въ Царскосельскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіатовъ.

§ 4. Стипендіаты избираются изъ числа учениковъ училища, по преимуществу изъ дѣтей бѣдныхъ родителей, жителей города Царскаго Села, безъ различія сословій и вѣроисповѣданія, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ, а равно и лишеніе ихъ стипендій, въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія, предоставляется статскому совѣтнику Е. В. Козмину, а послѣ его смерти,— педагогическому совѣту училищу.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки причисляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій, или выдаются стипендіатамъ на учебныя пособія, книги, и проч.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Царскосельскаго городскаго училища въ какое либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе этого послѣдняго для употребленія по назначенію.

10. (13-го марта 1899 года). *Положеніе о капиталѣ имени врачей выпуска 1873 года Императорскаго университета Св. Владиміра.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Врачами выпуска 1873 года университета Св. Владиміра пожертвовано названному университету *три тысячи* руб., собранныхъ между ними въ день празднованія двадцатипятилѣтія ихъ врачебной дѣятельности.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, носитъ наименованіе капитала врачей выпуска 1873 года университета Св. Владиміра и хранится въ кіевскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ двухъ тысячъ руб. пожертвованнаго капитала расходуются представителемъ каѳедры гистологіи на нужды гистологической лабораторіи университета, а проценты съ одной тысячи руб. выдаются въ пособіе нуждающимся студентамъ медицинскаго факультета, по усмотрѣнію правленія университета.

11. (15-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендіи учреждаемой при Зарайскомъ реальномъ училищѣ въ ознаменованіе двадцатипятилѣтія существованія сего училища.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *тысячу* рублей, пожертвованнаго педагогическимъ персоналомъ, принадлежащимъ къ настоящему и прежнему служебному составу Зарайскаго реальнаго училища, родителями обучающихся нынѣ въ немъ учениковъ, бывшими воспитанниками и нѣкоторыми другими лицами, учреждается при названномъ училищѣ одна стипендія въ ознаменованіе двадцатипятилѣтія его существованія.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты на сумму тысячу руб., хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ 5% государственнаго налога, выдаются стипендіату понолугодно, для взноса платы за ученіе.

§ 4. Въ стипендіаты избираются бѣднѣйшіе ученики училища,

вполнѣ удовлетворительные по успѣхамъ и поведенію. Оставленіе по болѣзни на второй годъ не лишаетъ ученика права пользоваться стипендіей.

§ 5. Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Зарайскаго реальнаго училища.

§ 6. Пожертвованные на стипендію сверхъ упомянутаго выше капитала *сто* рублей, а равно имѣющіе вновь поступить пожертвованія и могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, присоединяются къ сему послѣднему, для увеличенія размѣра настоящей стипендіи или для образованія новой. Съ цѣлью приращенія процентами суммы, не обращенныя въ процентныя бумаги, могутъ быть помѣщаемы въ сберегательную кассу.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

12. (15-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго самарскаго купеческаго сына Ивана Михайловича Коренева при Самарскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу* рублей, пожертвованнаго самарской купчихой Матреной Васильевной Кореневой, учреждается, въ память покойнаго ея сына Ивана Михайловича Коренева, одна стипендія при Самарскомъ реальномъ училищѣ, гдѣ ея покойный сынъ получилъ воспитаніе.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ $3^1/_2\%$ билетѣ государственной комиссіи погашенія долговъ, составляетъ неприкосновенную собственность названнаго училища и хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, назначаются на уплату за право ученія одного бѣднаго ученика училища, оказывающаго при отличномъ поведеніи хорошіе успѣхи въ наукахъ.

§ 4. Назначеніе стипендіата предоставляется пожизненно жертвовательницѣ, а послѣ ея смерти право это переходитъ къ педагогическому совѣту училища.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендіальнаго капитала присоединяются къ капиталу, или выдаются

въ пособіе стипендіату по усмотрѣнію жертвовательницы и педагогическаго совѣта.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

13. (15-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени умершаго титулярнаго совѣтника Григорія Аракеловича Вахрамова при первой Тифлисской Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при первой Тифлисской Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны женской гимназіи учреждаются двѣ стипендіи имени умершаго титулярнаго совѣтника Григорія Аракеловича Вахрамова, на счетъ процентовъ съ капитала въ *три тысячи* руб., завѣщаннаго умершимъ врачемъ коллежскимъ совѣтникомъ Александромъ Григорьевичемъ Вахрамовымъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ тифлисскомъ отдѣленіи государственнаго банка, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ и составляя неотъемлемую собственность гимназіи.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г. употребляются на взносъ платы за право ученія стипендіатокъ лишь обязательнымъ предметамъ.

§ 4. Стипендіатки избираются изъ бѣднѣйшихъ и достойныхъ по успѣхамъ и поведенію ученицъ армяно-григоріанскаго исповѣданія, при чемъ, если количество стипендіальной суммы не будетъ покрывать всей причитающейся со стипендіатокъ годовой платы за ученіе ихъ, недостающее количество должно быть доплачиваемо ими изъ собственныхъ средствъ; но если будетъ оставаться остатокъ, то таковой выдается на руки для пріобрѣтенія необходимыхъ учебныхъ пособій.

§ 5. Выборъ стипендіатокъ предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Стипендіальный капиталъ, въ случаѣ преобразованія гимназіи въ другое какое-либо учебное заведеніе, передается въ вѣдѣніе этого послѣдняго, для употребленія по назначенію.

14. (15-го марта 1899 года). *Циркулярное предложеніе господину попечителю учебнаго округа.*

По обсужденіи сообщенныхъ попечителями учебныхъ округовъ предположеній относительно предстоящихъ празднествъ по случаю исполняющейся 26-го мая сего года столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина, считаю нелишнимъ сдѣлать нѣкоторыя указанія относительно устройства сказаннаго торжества въ подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія учебныхъ заведеніяхъ, причемъ, однако, указанія эти предлагаются мною лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, и усмотрѣнію начальства подлежащихъ заведеній предоставляется допускать отъ нихъ отступленія, если таковыя будутъ признаны необходимыми по мѣстнымъ условіямъ. Посему, придавая высокое воспитательное значеніе предстоящему торжеству, но не желая стѣснять распоряженій мѣстнаго учебнаго начальства, я нахожу нужнымъ ограничиться слѣдующими указаніями:

I. 26-го мая, въ присутствіи имѣющихся на лицо въ учебныхъ заведеніяхъ воспитанниковъ и воспитанницъ, отслужить заупокойную литургію и панихиду по усопшемъ поэтѣ.

II. По отправленіи богослуженія устроить:

1) въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ торжественныя собранія съ произнесеніемъ соотвѣтственныхъ рѣчей, гдѣ то окажется возможнымъ;

2) въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—акты съ произнесеніемъ рѣчей, чтеніемъ статей о значеніи Пушкина для русскаго народа и отрывковъ изъ сочиненій поэта и исполненіемъ музыкальныхъ пьесъ, написанныхъ на слова Пушкина.

3) въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ—чтеніе статей о Пушкинѣ и отрывковъ изъ его произведеній.

Къ сему нелишнимъ считаю присовокупить, что министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ въ виду: 1) выбиваемыя Императорскою Академіею Наукъ медали въ память А. С. Пушкина, для раздачи выпускнымъ воспитанникамъ и воспитанницамъ, которые будутъ удостоены награжденія въ настоящемъ году; 2) сборникъ избранныхъ стихотвореній Пушкина, изданія министерства финансовъ, для раздачи лучшимъ ученикамъ и ученицамъ высшихъ классовъ среднихъ

учебныхъ заведеній и 3) портреты Пушкина, издаваемые по иниціативѣ Академіи Наукъ, для разсылки въ народныя школы. Если предположенія министерства осуществятся, то о количествѣ и порядкѣ распредѣленія медалей и экземпляровъ сборника и портрета ваше превосходительство будете поставлены въ извѣстность особымъ сообщеніемъ.

Временемъ празднованія юбилея устанавливается 26-е мая, каковой день приходится между двумя свободными отъ учебныхъ занятій днями; такимъ образомъ, учащіеся будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи три дня, которые и могутъ быть удѣлены на устройство торжества безъ особаго обремененія воспитанниковъ, если только они не будутъ заняты сложными приготовленіями къ этому торжеству. Что же касается прекращенія всѣхъ учебныхъ занятій къ сроку празднованія юбилея, то изъ высказанныхъ начальствами нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ соображеній, я убѣдился въ крайней затруднительности и нежелательности окончить ученіе въ текущемъ году къ 26-му мая, такъ какъ учебное время вслѣдствіе этого сократилось бы почти на двѣ недѣли, что могло бы вредно повліять на ходъ ученія, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ году Пасха поздняя и для производства испытаній остается слишкомъ мало времени. Наконецъ, откладывать торжество на осень, какъ предполагалось то въ нѣкоторыхъ округахъ, я нахожу неудобнымъ, такъ какъ при столь запоздаломъ празднованіи юбилея учащаяся молодежь отстала бы по времени отъ остальнаго населенія Имперіи, не говоря уже о неизбѣжной въ такомъ случаѣ потерѣ учебнаго времени.

15. (18-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени Александра Өедоровича Черненка при Полтавской Маріинской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Полтавской Маріинской женской гимназіи учреждается стипендія имени Александра Өедоровича Черненка на проценты съ капитала въ *двѣ тысячи* рублей, пожертвованнаго правленіемъ Полтавскаго земельнаго банка.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ бумагахъ 4% государственной ренты, хранится при Полтавской Маріинской женской гимназіи въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи и составляетъ

ея неотъемлемую собственность, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за обученіе въ гимназіи стипендіатки, излишекъ же выдается родителямъ, опекунамъ или другимъ лицамъ, на попеченіи или иждивеніи коихъ находится стипендіатка.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениць гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Стипендіатка избирается Александромъ Өедоровичемъ Черненкомъ, а въ случаѣ неназначенія имъ стипендіатки или въ случаѣ смерти А. Ө. Черненка—попечительнымъ совѣтомъ гимназіи.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

16. (18-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени Ричарда Каэтановича Каменскаго при Полтавской Маріинской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Полтавской Маріинской женской гимназіи учреждается стипендія имени Ричарда Каэтановича Каменскаго на проценты съ капитала въ *двѣ тысячи* рублей, пожертвованнаго правленіемъ Полтавскаго земельнаго банка.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% бумагахъ государственной ренты, хранится при Полтавской Маріинской женской гимназіи въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи и составляетъ ея неотъемлемую собственность, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за обученіе въ гимназіи стипендіатки, излишекъ же выдается родителямъ, опекунамъ или другимъ лицамъ, на попеченіи или иждивеніи коихъ находится стипендіатка.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Стипендіатка избирается Ричардомъ Каэтановичемъ Каменскимъ, а въ случаѣ неназначенія имъ стипендіатки, или въ случаѣ смерти Р. К. Каменскаго—попечительнымъ совѣтомъ гимназіи.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

17. (20-го марта 1899 года). *Положеніе о 4-хъ стипендіяхъ имени бывшихъ учениковъ Костромскаго реальнаго училища при томъ же училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу шестьсотъ* рублей, собраннаго по подпискѣ между бывшими воспитанниками Костромскаго реальнаго училища. учреждается при семъ училищѣ четыре стипендіи, въ память двадцатипятилѣтняго его существованія.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ процентныхъ бумагахъ, составляетъ собственность училища и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названнаго заведенія.

§ 3. Проценты съ части стипендіальнаго капитала въ восемьсотъ рублей, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора, употребляются на плату за обученіе двухъ бѣднѣйшихъ учениковъ училища, христіанскаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословія.

Примѣчаніе. Если плата за ученіе въ училищѣ увеличится или проценты съ этой части капитала настолько уменьшатся, что ихъ будетъ недостаточно для взноса платы за двухъ учениковъ, то вносится плата только за одного ученика, а остатки причисляются къ стипендіальному капиталу, пока онъ не увеличится до той суммы, проценты съ которой будутъ достаточны для взноса платы за ученіе второго ученика.

§ 4. Проценты съ остальнаго стипендіальнаго капитала (800 р.), за удержаніемъ 5% государственнаго сбора, употребляются на вы-

дачу ежегодныхъ пособій двумъ бѣднѣйшимъ ученикамъ, окончившимъ курсъ въ училищѣ, безразлично по основному или коммерческому отдѣленію, отправляющимся куда либо для продолженія образованія каждому поровну.

Примѣчаніе. Послѣдними двумя стипендіями могутъ пользоваться ученики, которые получали и первыя двѣ стипендіи.

§ 5. Стипендіи должны быть выдаваемы бѣднѣйшимъ ученикамъ училища, независимо отъ ихъ успѣховъ и способностей въ ученіи, причемъ ученикъ, пользующійся стипендіей для взноса платы за ученіе, не можетъ быть лишенъ ея до выхода изъ училища, исключая тѣхъ случаевъ, когда измѣнится его матеріальное положеніе.

§ 6. Назначеніе стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту училища на условіяхъ, изложенныхъ въ семъ положеніи.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ процентовъ причисляются къ стипендіальному неприкосновенному капиталу на предметъ платы за обученіе, а также причисляются къ этому капиталу имѣющія быть впослѣдствіи пожертвованія.

§ 8. Въ случаѣ закрытія Костромскаго реальнаго училища стипендіальный капиталъ на вышеозначенныхъ условіяхъ переходитъ въ собственность того учебнаго заведенія, которое замѣнитъ училище.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

18. (22-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго магистра фармаціи, нынѣ покойнаго, Северина Сикорскаго при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На пожертвованный С.-Петербургскому университету по духовному завѣщанію магистра фармаціи Северина Сикорскаго капиталъ, обращенный въ свидѣтельства 4% государственной ренты, на сумму *три тысячи* рублей, учреждается при семъ университетѣ стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Доходъ съ сего капитала, за удержаніемъ 5% государственнаго сбора, выдается, согласно волѣ завѣщателя, студенту университета изъ родственниковъ Северина Сикорскаго, имѣющаго фамильный гербъ Сикорскихъ, а въ случаѣ отсутствія таковыхъ изъ родственниковъ и потомковъ доктора Эдуарда Викентьевича Волка и отставнаго чиновника министерства финансовъ Юліана Чаевскаго; въ

случаѣ же неимѣнія и таковыхъ лицъ,—другимъ бѣднѣйшимъ студентамъ С.-Петербургскаго университета изъ дворянъ по выбору правленія университета и согласно съ существующими правилами о назначеніи студентамъ стипендій.

§ 3. Капиталъ сей хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ и составляетъ неприкосновенную собственность С.-Петербургскаго университета.

§ 4. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 5. Могущіе образоваться отъ выдачи сей стипендіи остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

19. (26-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендіи Августѣйшаго Имени Его Императорскаго Величества на юридическомъ факультетѣ Императорскаго Томскаго университета.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ ознаменованіе открытія при Императорскомъ Томскомъ университетѣ юридическаго факультета учреждается при семъ университетѣ стипендія Августѣйшаго Имени Его Императорскаго Величества въ размѣрѣ *трехсотъ* рублей въ годъ, отчисляемыхъ ежегодно въ распоряженіе правленія университета изъ городскихъ средствъ города Томска, впредь до образованія соотвѣтственнаго сему ассигнованію капитала, собраннаго на этотъ предметъ по подпискѣ Томской городской думою.

§ 2. Стипендія эта предоставляется студентамъ юридическаго факультета университета изъ дѣтей жителей города Томска, успѣшно окончившимъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ города Томска.

§ 3. Для полученія стипендіи, равно какъ и для сохраненія ея нужно имѣть не менѣе 4 балловъ въ среднемъ выводѣ, при хорошемъ поведеніи.

§ 4. Избраніе стипендіата предоставляется Томской городской думѣ по соглашенію съ правленіемъ университета.

§ 5. По образованіи означеннаго въ § 1-мъ капитала, онъ долженъ быть обращенъ въ процентныя бумаги, внесенъ въ казначейство и записанъ на приходъ въ спеціальныя средства Императорскаго Томскаго университета.

20. (30-го марта 1899 года). *Циркулярное предложеніе господину попечителю учебнаго округа.*

Циркуляромъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 6-го іюля 1898 года, за № 17000, были предложены къ руководству отпечатанные вторымъ изданіемъ „Учебные планы и примѣрныя програмы предметовъ, преподаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія", кромѣ програмы по Закону Божію для V—VII классовъ.

Напечатанная въ минувшемъ году програма по Закону Божію какъ для V—VII, такъ и для низшихъ классовъ реальныхъ училищъ, съ объяснительною запискою, была вновь разсмотрѣна и исправлена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія согласно указаніямъ святѣйшаго синода.

Препровождая при семъ экземпляры напечатанной по распоряженію министерства „програмы преподаванія Закона Божія въ реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія", покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить эту програму педагогическимъ совѣтамъ реальныхъ училищъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа къ руководству съ начала будущаго 1899—1900 учебнаго года.

21. (2-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени протоіерея Стефана Ѳедоровича Тринитатова при Череповецкомъ городскомъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Череповецкомъ городскомъ училищѣ учреждаются двѣ стипендіи имени протоіерея Стефана Ѳедоровича Тринитатова на проценты съ капитала въ двѣсти рублей, собраннаго по подпискѣ прихожанами городской Благовѣщенской церкви въ память исполнившагося 27-го ноября 1898 года пятидесятилѣтія служенія протоіерея Тринитатова, состоявшаго 20 лѣтъ законоучителемъ городского училища.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе или на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій двумъ ученикамъ городского училища.

§ 4. Стипендіями пользуются мѣщанскія дѣти бѣднѣйшихъ родителей, по преимуществу сироты, изъ прихожанъ Благовѣщенской церкви, отличающіяся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ предоставляется усмотрѣнію протоіерея Тринитатова, а по смерти его—педагогическому совѣту училища.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Череповецкаго городского училища въ какое либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается тому училищу, которое будетъ наиболѣе соотвѣтствовать по курсу городскому училищу.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюру: „*А. Ѳ. Фортунатовъ*, профессоръ Ново-Александрійскаго института. Населеніе и хозяйство Австраліи. Изъ журнала *Русская Мысль* 1898 года. Отдѣльное изданіе въ пользу студентовъ Ново-Александрійскаго института. М. 1898. Стр. 46. Цѣна 25 коп.“— рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для учительскихъ и ученическихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ и для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*В. А. Яковлевъ*. Учебный курсъ теоріи словесности. Изданіе четвертое (исправленное). С.-Пб. 1898. Стр. IV+155. Цѣна

85 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*К. Гофманъ*. Ботаническій атласъ по системѣ де-Кандоля. 80 хромолитографированныхъ таблицъ, изображающихъ 459 растеній въ краскахъ, и 42 листа текста съ 735 политипажами. Съ измѣненіями и дополненіями примѣнительно къ Россіи подъ редакціею *Н. А. Монтеверде*, главнаго ботаника Императорскаго С.-Петербургскаго Ботаническаго сада. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1899. Стр. 273+XVI въ 4-ку. Цѣна 12 руб."—рекомендовать для учительскихъ библіотекъ средне-учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ преподается естествознаніе, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, а также для ученическихъ библіотекъ реальныхъ училищъ и для раздачи ученикамъ этихъ училищъ въ награду.

— Книгу: „*А. Сахаровъ*. По Русской землѣ. Географическіе очерки и картины для чтенія въ семьѣ и школѣ. Изданіе третье, дополненное. Изданіе книжнаго магазина А. Д. Карчагина. М. 1899. Стр. VIII+478. Цѣна 1 р. 50 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книжку: „Жизнь растеній. Популярная бесѣда о томъ, въ какихъ странахъ какія живутъ растенія, подъ редакціей профессора академика *Н. Н. Бекетова*. Съ 21 рисункомъ, гравированными на деревѣ. С.-Пб. Изданіе Н. С. Аскарханова. 1898. Стр. 39. Цѣна 15 коп."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподается естествознаніе, а равно и въ ученическія библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Общедоступныя лекціи и рѣчи *Александра Григорьевича Столѣтова*. Съ фототипическимъ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, составленнымъ *К. Тимирязевымъ*. Изданіе редакціи журнала *Русская Мысль*. М. 1897. Стр. XXVI+260"—рекомендовать для учительскихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а также и учительскихъ институтовъ и семинарій, и для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе *К. А. Бороздина*: „Россійскій царственный домъ Ро-

мановыхъ. Хромолитографическое изданіе на 1896 годъ. Десять портретовъ. Цѣна за 10 портретовъ, изданныхъ въ 1896 году, безъ доставки 1 р. 50 коп., съ доставкою—2 руб. Цѣна всего изданія (40 портретовъ) 6 руб. безъ доставки и 8 руб. съ доставкою"—одобрить, наравнѣ съ тремя предыдущими выпусками, для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Карту: „Кавказъ. Продольный профиль Военно-Грузинской дороги отъ города Владикавказа черезъ Крестовый перевалъ до города Тифлиса, съ планомъ ея и перспективою Кавказскихъ горъ. Составилъ *Дынникъ*. Цѣна не обозначена"—одобрить въ видѣ классснаго учебнаго пособія для употребленія въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и учительскихъ институтахъ, а равно въ учительскихъ семинаріяхъ и городскихъ училищахъ.

— Книгу: „Русскіе путешественники-изслѣдователи. Путешествія Г. Н. Потанина по Китаю, Тибету и Монголіи. Обработаны по подлиннымъ его сочиненіямъ *М. А. Лялиной*. Съ 48 рисунками, портретомъ и картою. С.-Пб. Изданіе А. Девріена. Стр. XII+224. Цѣна не обозначена"—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возрастовъ, библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и городскихъ училищъ, а также для ученическихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*М. М. Лютовъ*. Жизнь и труды Гиббона, съ его портретомъ и fac-simile. С.-Пб. 1899. Стр. 64. Цѣна 75 коп."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Разказы о подвигахъ человѣческаго ума или о чудесахъ науки. Съ рисунками. Товарищество И. Д. Сытина. Отдѣлъ Н. А. Рубакина. № 7. М. 1898. Стр. 97+II. Цѣна 30 коп."—одобрить для ученическихъ, средняго возраста, библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и городскихъ училищъ, а также и для ученическихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Родная рѣчь. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I (для младшихъ классовъ). Составилъ инспекторъ классовъ состоящаго подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны покровительствомъ Усачевско-Чернявскаго женскаго училища и преподаватель

Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *В. Соколовъ*. Изданіе шестое. М. 1899. Стр. XIV+457. Цѣна 1 рубль"—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Научно-популярная библіотека *Русской Мысли*. Проф. *П. Гиро*. Фюстель-де-Куланжъ. Перев. *А. Н. Чеботаревская*. М. 1898. II + 208. Цѣна 50 коп." — одобрить для учительскихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ и семинарій и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Русская христоматія съ примѣчаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній составилъ *Андрей Филоновъ*. Часть третья. Изданіе шестое, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1898. Стр. XVIII + 605. Цѣна 1 р. 25 коп."—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для пріобрѣтенія, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, въ ученическія библіотеки гимназій, реальныхъ и городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарій, а равно и въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Книгу: „*Полибій*. Всеобщая Исторія въ сорока книгахъ. Переводъ съ греческаго *Ѳ. Г. Мищенка*, съ его предисловіемъ, примѣчаніями, указателемъ, картами. Томъ III (книги XXVI—XL. Указатель). Изданіе наслѣдн. *А. Г. Кузнецова*. М. 1899. Стр. IV+785+XI. Цѣна 4 руб."—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Прямолинейная тригонометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *П. Злотчанскій*, преподаватель Одесскаго реальнаго училища св. Павла. 3-е улучшенное изданіе. Одесса. 1899. Стр. VIII+124. Цѣна 75 коп."—одобрить въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Б. Ауэрсвальдъ* и *Э. А. Россмеслеръ*. Ботаническія бесѣды. Переводъ академика *А. Н. Бекетова*. Изданіе третье, исправленное и обновленное переводчикомъ. Съ 50-ю хромолитографіями на отдѣльныхъ таблицахъ и 399 политипажами въ текстѣ. М. 1898. Стр. XII+419. Цѣна 3 руб."—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги, подъ общимъ заглавіемъ: „Въ защиту идеаловъ разума.

Избранная библіотека современныхъ западныхъ мыслителей": I. „Что такое философія? (La définition de la philosophie) *Эрнеста Навиля*, заслуженнаго профессора Женевскаго университета. Переводъ съ французскаго подъ редакціей доцента философіи въ Московской духовной академіи *А. И. Введенскаго*. М. 1896. Стр. XIV+319. Цѣна 1 р. 25 коп.", II. „Цѣнность жизни. *Оле-Лапрюнъ*, профессоръ Высшей Нормальной школы въ Парижѣ. Переводъ съ французскаго подъ редакціею профессора философіи въ Московской духовной академіи *А. И. Введенскаго*. Харьковъ. 1898. Стр. II+441. Цѣна 1 р. 50 коп.", III. „Идеи Бога и безсмертія души передъ судомъ новѣйшихъ критиковъ. *Каро*, члена Парижской Академіи Наукъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціею профессора философіи въ Московской духовной академіи *А. И. Введенскаго*. Харьковъ. 1898. Стр. II+551. Цѣна 1 р. 75 коп.", IV. „Философская основа эволюціи. *Дж. Кроля*. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею доцента Московской духовной академіи *П. П. Соколова*. Харьковъ. 1898. Стр. II + 192. Цѣна 75 коп."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Русскій синтаксисъ. *Владиміра Стоюнина*. С.-Пб. 1871. Стр. IV+114. Цѣна 35 коп."—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Общедоступныя статьи въ защиту христіанской вѣры противъ невѣрія. Протоіерея *Іоанна Петропавловскаго*. Выпускъ I. Изданіе второе, исправленное и дополненное. М. 1898. Стр. IV+338. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 коп.—Выпускъ II. Двѣ части. М. 1898. Стр. II+II+560+186. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 25 коп. Цѣна обоихъ выпусковъ вмѣстѣ 4 р. съ перес."—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги: „Сочиненія протоіерея *Петра Смирнова*. Выпуски II и III. С.-Пб. 1897.—Выпускъ IV. 1898."—рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги: 1) „*Тихоміровъ, Н.* Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе. С.-Пб. 1896."—2) *Алларъ, П.* Христіанство и Римская Имперія отъ Нерона до Θеодосія. С.-Пб. 1898. Изданіе Синодальной типографіи." — одобрить для фундаментальныхъ и

ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Свящ. *Вл. Ангельскій*. Разказы изъ исторіи западно-русской церкви. Вильна. 1898. Стр. IV+152. Цѣна 60 коп.“— одобрить для ученическихъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Праздникъ Рождества Христова. Сборникъ статей съ рисункомъ Рождества Христова. Изданіе *И. Преображенскаго*. С.-Пб. 1898.“—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданный товариществомъ *М. О. Вольфъ* портретъ А. С. Пушкина. представляющій автотипію съ картины О. А. Кипренскаго. Цѣна, при покупкѣ отдѣльными экземплярами, 10 коп., на толстой веленевой бумагѣ—15 коп.; при покупкѣ свыше 100 экз. уступается 25%, свыше 500 экз.—30%, свыше 1000 экз.—40% — допустить въ ученическія библіотеки гимназій, реальныхъ училищъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, а равно и для раздачи воспитанникамъ и воспитанницамъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Арабелла Бёклей*. Бесѣды съ дѣтьми о природѣ. Перев. съ 25-го англійскаго изданія *Д. А. Коропчевскаго*. Съ 63 рис., гравированными на деревѣ. Изд. 2-е, свѣренное съ 29 англ. изд. С.-Пб. Изданіе Н. С. Аскарханова. 1893. Стр. 175. Цѣна 60 коп.“— одобрить для ученическихъ, младшаго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Руководство для теоретическаго изученія литературы по лучшимъ образцамъ русскимъ и иностраннымъ. *Владиміра Стоюнина*. Шестое изданіе (дополненное). С.-Пб. 1879. Стр. 189. Цѣна 50 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „*Е. Марлиттъ*. Женщина съ рубинами (Яхонтовая діадема). Романъ. Переводъ *А. Заблоцкой*. М. 1898. Изданіе Д. Ефимова и М. Клюкина. Стр. 340. Цѣна 1 р. 50 коп.“ — допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „Энциклопедическій словарь, издаваемый Акціонернымъ обществомъ „Издательское Дѣло“, бывш. Брокгаузъ и Ефронъ.“, начатый подъ редакціей проф. *И. Е. Андреевскаго* и продолжаемый подъ редакціей *К. К. Арсеньева* и заслуж. проф. *Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго* (вышло 50 полутомовъ; цѣна каждаго полутома 3 р. въ пере-

плетѣ и 2 руб. 70 коп. безъ переплета)" — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ. (Повторяется въ виду напечатанія въ апрѣльской книжкѣ неполнаго заглавія этого изданія).

— Книжку: „Приложеніе къ новымъ стѣннымъ таблицамъ (зоологіи и ботаники), изящно отпечатаннымъ красками на черномъ фонѣ, для преподаванія естественной исторіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, народныхъ школахъ, земледѣльческихъ, лѣсничихъ, школахъ плодоводства и т. п. Обработаны, писаны и изданы *Генрихомъ Юнгомъ*, преподавателемъ при среднемъ дѣвичьемъ училищѣ въ Дармштадтѣ, при сотрудничествѣ господъ проф. д-ра *Г. фонъ-Коха*, проф. зоологіи при высшемъ техническомъ училищѣ въ Дармштадтѣ, и инспект. государств. зоологич. музея, и д-ра *Ф. Квентелля*, директора Великогерцогскаго реальнаго училища въ Михельштадтѣ. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра *М. Л. Крымюльца*. Дармштадтъ. 1898."—рекомендовать для употребленія, въ качествѣ учебнаго пособія, въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ которыхъ преподается естествознаніе.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Новый букварь для обученія грамотѣ по генетическому способу съ первою книжкою для чтенія. Составилъ *І. Паульсонъ*. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1898. Стр. 138. Цѣна 35 коп."—допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „Практическій курсъ русской грамматики. (Элементарныя правила, этимологія и синтаксисъ). Для начальныхъ училищъ. Составили *С.* и *В. Гречушкины*. М. 1898. Стр. 144. Цѣна 30 коп."—допустить для класснаго употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— Книгу: „*Ивановъ, Ив. Ив.* Учитель взрослыхъ и другъ дѣтей (Бичеръ-Стоу). Біографическій очеркъ. М. 1898. Стр. 122. Цѣна 30 коп. (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія")"—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжки, подъ общимъ заглавіемъ: „Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова": 1) Ѳ. Г. Волковъ (основатель русскаго театра). Его жизнь въ связи съ исторіей театральной старины. Біографическій очеркъ *А. А. Ярцева*. Съ портретами Волкова, Дмитревскаго, Яковлева, Плавильщикова и Семеновой. С.-Пб. 1891. Стр. 94. Цѣна 35 коп."—2) „М. С. Щепкинъ. Его жизнь и сценическая дѣятельность въ связи съ исторіей современнаго ему театра. Біографическій очеркъ *А. А. Ярцева*. Съ портретомъ Щепкина. С.-Пб. 1893. Стр. 96. Цѣна 25 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюрки *И. Селивановскаго*, изданныя К. И. Тихомировымъ: 1) „Изобрѣтатель берестяныхъ тростей. Руководство по выдѣлкѣ берестяныхъ, бумажныхъ и кожаныхъ тростей. Съ 9-ю рисунками. М. 1897. Стр. 27. Цѣна 10 коп." — 2) „Самопрялочникъ. Разказъ. Руководство къ выдѣлкѣ самопрялокъ. Съ 46 рисунками. М. 1897. Стр. 55. Цѣна 20 коп."—3) „Опытный крупеникъ-толоконникъ. Руководство по приготовленію запарной крупы и толокна изъ овса. М. 1897. Стр. 36. Цѣна 6 коп."—допустить въ ученическія и учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги, составленныя *І. Паульсономъ*: 1) „Первая учебная книжка. Классное пособіе при обученіи письму, чтенію и началамъ родного языка. Новое стереотипное изданіе. С.-Пб. 1898. Стр. 192. Цѣна 20 коп."—2) „Вторая учебная книжка. Классное пособіе при обученіи родному языку въ элементарной школѣ. Стереотипное изданіе (8-й десятокъ тысячъ). С.-Пб. 1897. Стр. 378. Цѣна 35 коп.";—3) „Обученіе грамотѣ и родному языку по „Первой учебной книжкѣ". Дидактическое руководство для элементарныхъ учителей и учительницъ. Часть 1-я. Съ политипажами и нотами. 2-е, испр. изданіе С.-Пб. 1884. Стр. XI+304+64. Цѣна 1 руб.—Часть 2-я. С.-Пб. 1878. Стр. XC+272. Цѣна 80 коп.";—4) „Учебный матерьялъ для практическихъ упражненій въ родномъ языкѣ по „Второй учебной книжкѣ". Дидактическое руководство для элементарныхъ учителей и учительницъ. С.-Пб. 1881. Стр. LXXVII+516. Цѣна 1 руб. 50 коп."—допустить къ употребленію въ городскихъ начальныхъ училищахъ

(первыя двѣ въ качествѣ классснаго пособія по русскому языку, прочія три въ учительскія библіотеки), но не иначе какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ онѣ были исправлены согласно замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книжку: „Новѣйшіе успѣхи въ области ветеринаріи. Борьба съ туберкулезомъ у животныхъ по датскому способу. *Бейсвенгеръ* въ Штутгартѣ. Переводъ подъ редакціей *Г. Гурина* (преподавателя ветеринаріи въ Московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ). Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1899. Стр. 76. Цѣна 30 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюрку: „*Ф. Лавровъ.* Объ англійской болѣзни или рахитѣ. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1898. Стр. 26. Цѣна 10 коп."—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ господиномъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Сочиненія *В. Гебеля:* 1) „Десятичная или метрическая система мѣръ и вѣсовъ", съ приложеніемъ таблицы метрическихъ мѣръ. Изд. второе. Москва, 1897. 28 стр. Цѣна 25 коп. 2) „Таблица метрическихъ мѣръ" (на одномъ листѣ), изд. второе. Цѣна 10 коп.—рекомендовать, въ качествѣ учебнаго пособія, для всѣхъ промышленныхъ училищъ. 3) „Сборникъ примѣровъ и задачъ для усвоенія метрической системы мѣръ и вѣсовъ". Москва. 1895. 25 стр. Цѣна 10 коп.—одобрить, какъ учебное пособіе, для ремесленныхъ училищъ. 4) „Краткій курсъ алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ". Москва, 1895. 85+62 стр., Цѣна 50 коп.—одобрить, въ качествѣ руководства, для низшихъ техническихъ училищъ. 5) „Дополненіе къ краткому курсу алгебры", съ приложеніемъ таблицъ пятизнач-

ныхъ логариѳмовъ и задачъ. Москва, 1895. 43+25 стр. Цѣна 30 коп.—допустить въ библіотеки низшихъ техническихъ училищъ. 6) „Начала алгебры". Москва, 1897. 86 стр., Цѣна 35 коп.—допустить, въ качествѣ руководства, для низшихъ техническихъ училищъ. 7) „Сборникъ геометрическихъ задачъ". Москва, 1897. 100 стр. Цѣна 40 коп. — допустить, въ качествѣ учебнаго пособія, для низшихъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

— Сочиненіе *В. Гебеля*: „Начала прямолинейной тригонометріи". Съ приложеніемъ таблицъ тригонометрическихъ величинъ для вычисленія безъ логариѳмовъ. Москва, 1898. III+36+2 стр. Цѣна 30 коп.—одобрить, какъ учебное руководство по тригонометріи, для низшихъ техническихъ училищъ.

— Брошюру *Клаусена:* „Бесѣды по плодоводству". Часть I. „О томъ, какъ разводить плодовыя деревья". С.-Пб. 1897. 36 стр. Цѣна не обозначена—допустить въ библіотеки городскихъ и сельскихъ школъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію попечителю Казанскаго учебнаго округа, въ ноябрѣ минувшаго года открыты три новыхъ чувашско-инородческихъ начальныхъ училища въ слѣдующихъ пунктахъ Буинскаго уѣзда, Симбирской губерніи: въ селѣ Тургаевѣ, при 52 учащихся, въ деревнѣ Бюрганахъ, при 40, и деревнѣ Чувашско-Дрожжанамъ, при 58 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, 22-го ноября минувшаго года на станціи Сызрань, сызрано-вяземской желѣзной дороги, открыто одноклассное сельское училище министерства народнаго просвѣщенія, при 50 учащихся.

— По донесенію канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа, 12-го текущаго марта состоялось открытіе двухклассн

аго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Петровѣровкѣ, Тираспольскаго уѣзда, при 200 учащихся.

— По донесенію попечителя Кіевскаго учебнаго округа, Александромъ Николаевичемъ *Терещенко*—пожертвовано на нужды народнаго образованія въ Кіевскомъ учебномъ округѣ 1.700 рублей.

ТРИ ГЛАВЫ ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ [1]).

II.

Отъ пѣвца къ поэту. Выдѣленіе понятія поэзіи.

I.

Мы видѣли, какъ изъ хороваго синкретизма выдѣлились при условіяхъ, которыя мы пытались углѣдить, формы эпики, лирики и драмы; какъ изъ связи хора вышли пѣвцы, продолжавшіе его пѣсенное преданіе; какъ съ переходомъ обряда, которому служилъ хоровой синкретизмъ, къ устойчивымъ формамъ культа, явились особые блюстители ритуала и гномики. Выдѣленіе совершалось, какъ уже было сказано, групповымъ путемъ, отлагалось въ формы родовой, сословной, кастовой профессіи, которая создавала школу, съуживала и берегла преданіе, вырабатывала и перерабатывала по наслѣдству пріемы стиля и составъ репертуара. Обрядовая заплачка и теперь еще находится кое-гдѣ въ рукахъ особыхъ плакальщицъ; учатся причитать; у слѣпцовъ свои пѣсни отъ Россіи и Греціи до Италіи; во Франціи XIV—V вѣковъ они явились на смѣну жонглеровъ, распѣвая на площадяхъ старыя пѣсни подъ звуки скрипки или chifoine; кавказскіе ашуги, большею частью армянскіе переселенцы изъ Турціи, слѣпцы, и теперь еще поютъ о подвигахъ Каръ-Оглы или разказываютъ подъ звуки гонгури какую-нибудь сказку.—Это переживаніе старыхъ порядковъ, послужившихъ когда-то эволюціи поэзіи, групповыхъ выдѣленій, которыя можно представить себѣ совершав-

[1]) *Окончаніе*. См. апрѣльскую кн. *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

шимися то совмѣстно, то послѣдовательно, что приводило къ смѣшенію и чередованію вліяній. Не принявъ во вниманіе этихъ условій не объяснишь многаго въ исторіи пѣвца и праисторіи поэта.

Чѣмъ ближе пѣвецъ къ началамъ хоровой поэзіи, тѣмъ шире его репертуаръ. Онъ еще не спеціализировался; при отсутствіи извѣстныхъ историческихъ и бытовыхъ условій эта спеціализація можетъ и не состояться. У финновъ эпика не развилась, потому что не было обособившихся профессіональныхъ пѣвцовъ: финская руна охватываетъ и заклятіе и обрядовую заплачку и сказочный сюжетъ; эпическій стиль смѣшанъ съ лирическимъ; всякій пѣвецъ споетъ про все, преданіе открыто ему цѣликомъ, онъ выросъ въ немъ, подслушалъ у отцовъ и дѣдовъ, „Я знаю сотни пѣсенъ", говоритъ финскій laulaja, „онѣ висятъ у меня на поясѣ, на кольцѣ, при бедрѣ; не всякій ребенокъ ихъ споетъ, мальчикъ не знаетъ и половины... Моя наука—пѣсня, стихи—мое достояніе: я подобралъ ихъ по дорогѣ, срывалъ съ вѣтокъ, сметалъ съ кустовъ; когда ребенкомъ я пасъ ягнятъ на медвяныхъ лугахъ, на золотистыхъ холмахъ, вѣтеръ навѣвалъ мнѣ пѣсни, сотни ихъ носились въ воздухѣ, наплывали, что волны, и присловья падали дождемъ... Ихъ пѣлъ мой отецъ, дѣлая топорище, научился я имъ отъ матери, когда она вертѣла веретено, я же, шалунъ, возился у ея ногъ".

Къ тому же типу принадлежали, вѣроятно, и старосѣверные þulir, бродячіе и осѣдлые, съ такимъ же синкретическимъ репертуаромъ, обнимавшимъ и сагу, и заговоръ, и всю народно-поэтическую мудрость. þulr (англійск. þyle), собственно, человѣкъ мудрый, знающій присловія, знахарь. Если въ нынѣшнемъ словѣ þula—стихотвореніе не строфическаго характера—сохранилось его древнее значеніе, то въ дошедшей до насъ строфической поэзіи сѣвера трудно услѣдить формальное вліяніе þulir: имъ приписываютъ такія пьесы, какъ Voluspá, Grimnismál, Harbarðsliođ, Hávamál, Vikarsbalkr, гномическо-миѳологическаго содержанія, діалогизмъ которыхъ указываетъ на старое начало амебейности, пренія вопросами и отвѣтами. Таковъ ли былъ характеръ изложенія þul'я, мы не знаемъ [1]); его чествовали, какъ носителя заповѣдной обрядовой мудрости; когда онъ являлся—садили на особое мѣсто, сѣдалище þul'я (þularstóll), съ котораго онъ вѣщалъ; его эпитеты: великій (hár þulr, fimbulþulr),

---

[1]) См. мартовскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.*, стр. 131, и мои Эпическія повторенія, стр. 299.

старый (gamli). „Не смѣйся надъ великимъ þul'емъ, часто хорошо бываетъ то, что вѣщаютъ старики“ (Hávam. 135); „попытаемъ, кто больше знаетъ, гость или старый þulr“ (Vafþrudnismál 9).

Такъ чествовали и пѣвца военныхъ былей и подвиговъ, и мы приходимъ къ спеціализаціи, получившей особое развитіе въ *дружинно-боевой* эпикѣ. Когда слѣпаго Демодока привезли къ Алкиною, ему подали „стулъ сребрhistory“, повѣсили надъ головой лиру, угощаютъ; Одиссей велитъ удѣлить ему почетную часть веприны. И онъ запѣлъ.

VIII. 73. Муза внушила пѣвцу возгласить о вождяхъ знаменитыхъ,
Выбравъ изъ *пѣсни* въ то время вездѣ до небесъ возносимой,
Повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ царѣ Одиссеѣ.

Одиссей втихомолку опечаленъ содержаніемъ пѣсни, но и печальный несказанно чтитъ пѣвца.

VIII. 481. Всѣмъ на обильной землѣ обитающимъ людямъ любезны,
Всѣми высоко чтимы пѣвцы; ихъ сама научила
Пѣнію Муза; ей мило пѣвцовъ благородное племя.
. . . .
Такъ, обратясь къ Демодоку, сказалъ Одиссей хитроумный:
„Выше всѣхъ смертныхъ людей я тебя, Демодокъ, поставляю;
Музою, дочерью Дія, иль Фебомъ самимъ наученный,
Все ты поешь по порядку, что было съ Ахейцами въ Троѣ,
Что совершили они и какія бѣды претерпѣли;
Можно подумать, что самъ былъ участникъ всему иль отъ вѣрныхъ
Все очевидцевъ узналъ ты. Теперь о конѣ деревянномъ.
. . . .
Спой намъ . . . .
. . . .
Если объ этомъ по истинѣ все намъ, какъ было, споешь ты,
Буду тогда передъ всѣми людьми повторять повсѣмѣстно
Я, что божественнымъ пѣніемъ боги тебя одарили“.
Такъ онъ сказалъ, и запѣлъ Демодокъ, преисполненный бога.

Демодокъ поетъ про событія, знакомыя Одиссею, такъ точно, какъ будто былъ самъ ихъ очевидцемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ только выбираетъ эпизодъ „изъ пѣсни въ то время вездѣ до небесъ возносимой“. Въ сущности не изъ пѣсни, а изъ былеваго цикла, (какъ понимаютъ οἴμή въ ст. 74 и 483; сл. Od. X, 347), успѣвшаго распространиться. Такія пѣсни унаслѣдовались въ поколѣніяхъ профессіональныхъ эпическихъ пѣвцовъ. Какъ даръ пророчества держался въ родѣ Ямидовъ, лирическое преданіе въ Косской школѣ, такъ Гомериды Хіоса, аэды, ведшіе свой родъ отъ Гомера, блюли пѣсенное преданіе,

связанное съ его именемъ, спѣвая его до извѣстной цѣльности, видоизмѣняя въ пѣсенной практикѣ, какъ и въ живомъ эпическомъ преданіи пѣсни постоянно варьируются и сливаются въ границахъ своего же стиля и упрочившихся общихъ мѣстъ.—Индійскіе bharata'ы, первые среди кастъ рапсодовъ, пѣвцы народныхъ эпопей, такой же родъ, γενεή Bharata'ы, какъ Гомериды.

Дружинно-родовой бытъ—естественная почва для продукціи профессіональной, эпико-лирической, для обереженія эпической пѣсни. Жизнь въ дробныхъ центрахъ, неизбѣжность столкновенія, масса энергіи въ тѣсномъ кругозорѣ, жажда добычи, переходившая въ жажду удальства—все это плодило сюжеты, тогда какъ память о прошломъ обязывала человѣка, не вышедшаго изъ родовыхъ понятій, уходившаго въ нихъ, какъ греческій дѣятель позднѣйшей поры исчезалъ въ величіи политіи. И эта память хранилась. Оттуда значеніе пѣвца, хранителя памяти, творца славы; ему всюду почетъ. Такова роль аэдовъ въ гомеровскомъ мірѣ; я назвалъ Демодока и Фемія; таково положеніе филовъ при дворахъ ирландскихъ царьковъ, индійскихъ bharata'овъ при именитыхъ семьяхъ: они знаютъ ихъ родословную, носители эпическаго преданія, поютъ на праздникахъ и религіозныхъ торжествахъ про дѣянія предковъ; окружены суевѣрнымъ уваженіемъ: рука разбойника ихъ не коснется и ихъ присутствіе въ караванѣ обезпечиваетъ его отъ нападенія.

У старыхъ германцевъ (англо-саксовъ, франковъ) scôp — ближній къ царю, вождю человѣкъ, сидитъ у его ногъ (ät his hlâfordes fôtum; сл. Bi manna vyrde v. 80—1, Beov. v. 500, 1166), поетъ на пирахъ, подъ звуки арфы, старыя были (Беовульфъ), одинъ или вдвоемъ (Vidsîđ 104 слѣд.); умѣетъ пѣть и сказывать (singan and secgan spell, ib. 54), но исполняетъ и важныя, отвѣтственныя порученія: Видсидъ сопровождаетъ супругу своего короля Eádgils'а ко двору Эрманариха (какъ въ Одиссеѣ III 267 слѣд. Агамемнонъ, отправляясь въ Трою, поручаетъ своему пѣвцу блюсти Клитемнестру); онъ изъ хорошаго рода (Vidsîđ: fram Myrgingum äđelu).

Все это указываетъ на почетную роль стараго пѣвца; его-то, очевидно, имѣютъ въ виду фризскіе законы, взыскивавшіе за пораненіе его (harpatorem) въ руку строже, чѣмъ за рану, нанесенную другому человѣку того же общественнаго положенія. Такіе пѣвцы селились при дворахъ: таковъ скопъ короля Гродгара (Беовульфъ); Deór долго пѣлъ при Геоденингахъ, былъ имъ любъ, пока не смѣнилъ его властитель пѣсней Heorrenda, и Deór сѣтуетъ. Пѣвцовъ зазываютъ:

франкскій король Хлодвигъ проситъ Теодориха прислать ему искуснаго пѣвца, citharoedum arte sua doctum, который могъ бы забавлять его за столомъ пѣсней и игрой на арфѣ. Пѣвцы странствуютъ, какъ Vidsið, объѣхавшій много странъ и народовъ, побывавшій при разныхъ дворахъ, собирая дары и сѣя пѣсни. Такъ распространились элементы германскаго эпоса; по свидѣтельству Павла Діакона (I, 21) пѣсни объ лангобардскомъ Альбоинѣ извѣстны были въ Баваріи и Саксоніи.

Эпика циклизовалась, но движеніе было заторможено; развитіе большихъ государственныхъ цѣлыхъ расширило горизонтъ, создало новые интересы; христіанскіе идеалы и классическая культура расшатали цѣльность германскаго міросозерцанія; все это не по плечу дружиннымъ пѣвцамъ. Имъ нѣтъ мѣста въ средѣ, гдѣ Карлъ Великій собираетъ древнія пѣсни, scripsit memoriaeque mandavit; о старыхъ пѣвцахъ не слыхать. Когда въ феодальную эпоху явятся профессіональные пѣвцы, выразители новаго групповаго выдѣленія, они назовутся римскими именами: histrio, scurra, mimus, thymelicus, joculator, jocularis; воспреобладало послѣднее: французское jongleur, въ нѣмецкомъ переводѣ spiliman, spilman [1]). Ихъ генеалогія сложная, возбуждающая вопросы. Мимы, joculatores послѣдней греко-римской поры, наводнили германскій міръ: фигляры и пѣвцы, представлявшіе въ лицахъ потѣшныя, но и грязныя сценки, вожаки медвѣдей и ученыхъ собачекъ, разкащики и знахари; греческіе магоды, представлявшіе комическія сценки, знали магическія формулы и силу врачебныхъ средствъ (Athen. XIV, 621). Типъ намъ знакомый, мы встрѣтили его въ зачаточномъ развитіи на границѣ обрядовой поэзіи, въ пѣвцахъ-скоморохахъ, поющихъ и лицедѣйствующихъ, какъ армянскій tzoutzg, грузинскій мествыре; сѣверные þulir знаютъ присловья, заговорныя молитвы. Подобный типъ пѣвцовъ, не прошедшій идеализацію дружинной эпики, могъ существовать и на германской почвѣ, отвѣчая низменнымъ спросамъ потѣхи и чудеснаго. Жонглёры— продуктъ ихъ смѣшенія съ мимами, ихъ программа та же, только къ чужимъ расказамъ, которые приносили съ собою южные гости, они присоединили и мѣстные, овладѣли народнымъ пѣсеннымъ матерьяломъ, слагаютъ пѣсни на историческія событія. Они—профессіональные пѣвцы феодальной эпохи; въ ихъ рукахъ ближайшія судьбы французскаго и нѣмецкаго эпосовъ. Дружинные пѣвцы забыты. Такъ за-

---

[1]) Для слѣдующаго см. мои Разысканія VII, стр. 128 слѣд.

бытъ былъ нашъ Боянъ; стиля его „замышленій“ не раскрыть подъ реторической фразеологіей автора слова о Полку Игоревѣ, пересказывавшаго „былины“ своего времени; наши былины сложились въ средѣ другихъ пѣвцовъ, въ которыхъ силенъ былъ элементъ захожихъ скомороховъ = жонглёровъ.

Новое движеніе вызываетъ и новыя силы, порой выводя къ жизни заглохшія; подборъ и развитіе подсказывается историческими условіями. Когда въ Уэльсѣ подавлено было друидическое преданіе и заглохли серьезные, школьные пѣвцы, единственными представителями преданія и пѣсни стали барды, игравшіе въ древне-кельтской народной поэзіи лишь послѣднюю роль. Здѣсь развитія не было, но когда военно-колонизаціонное движеніе эпохи викинговъ обновило условія дружиннаго быта, изъ народныхъ þulir, знахарей и сказителей, выработался классъ дружинныхъ пѣвцовъ, скальдовъ, бродячихъ и присталыхъ къ дворамъ, явилась школа и съ нею профессіональная поэтика. Такъ вышли на сцену на плечахъ феодальнаго движенія и тѣ низменные пѣвцы, которые, обновившись приливомъ мимовъ, стали во главѣ новаго эпическаго развитія. Къ нимъ могъ принадлежать scurra, cantor бургундцевъ XI вѣка, ободрявшій воиновъ пѣснями о res fortiter gestas et priorum bella; таковъ былъ cantor, ѣхавшій въ войскѣ Вольдемара, возбуждая его былью о предательствѣ Свена (parricidialem Svenonis perfidiam famoso carmine prosequendo). Въ войскѣ Вильгельма завоевателя при Гэстингсѣ какой-то histrio, mimus игралъ по скоморошьи мечами, подбрасывая ихъ; онъ палъ въ битвѣ; въ позднѣйшихъ свидѣтельствахъ у него есть имя, Taillefer, у Gaimar'a онъ juglere, но hardiz et noble vassal; у Wace онъ поетъ пѣсню о Ронсевалѣ, онъ рыцарь, какъ въ Нибелунгѣ Volker—spilman и edel herre.

Жонглёры-шпильманы стали проходить въ люди; тѣмъ не менѣе печать происхожденія долго лежала на сословіи. Когда на западѣ иные изъ нихъ стали пѣть кантилены и chansons de geste и христіанскія легенды, церковь отличила ихъ отъ тѣхъ ихъ родичей, которые продолжали паясничать и москолудить. Къ нимъ духовная и свѣтская власть относилась сурово, какъ въ Византіи къ скиникамъ; ихъ отлучали отъ причастія, отказывали въ предсмертномъ напутствованіи, лишали права наслѣдства [1]). Такое отношеніе церкви понятно: она не любила ничего мірскаго, веселье отводило отъ спасенія,

[1]) См. Разысканія l. c. стр. 134—5, 152—3.

было язычествомъ, своимъ или чужимъ—все равно. Непонятнѣе, на первый взглядъ, отношеніе общества: потѣшниковъ, пѣвцовъ звали, слушали охотно, кормили ихъ и одѣвали, за угощеніе и подарки они отплачивали хвалой (guot durch êre nemen), ихъ злоязычія (diu scelta) боялись, славословіе покупали — и вмѣстѣ съ тѣмъ юридически они были безправны; у нихъ нѣтъ права собственности, наслѣдства, за ихъ жизнь полагается призрачная пеня; они—безродные; Богъ далъ попа, а чортъ скомороха; они кичливо вели свое происхожденіе отъ царя Давида, изобрѣтшаго подъ Троей игру на арфѣ (Salman und Morolf). Какъ нѣмецкаго шпильмана садили на конецъ стола, такъ на пирахъ у Владиміра скоморохамъ мѣсто скоморошеское, „на той печкѣ на муравленой“, „на печкѣ на земленыя“ и т. п. [1]); съ этого-то непочетнаго мѣста переводитъ князь Добрыню, „удалаго скоморошину“, за дубовъ столъ, предоставляя ему выборъ трехъ мѣстъ „любимыихъ“, либо „золотъ стулъ“ [2]).

Мы далеки отъ почета, который окружалъ полноправнаго родоваго, дружиннаго пѣвца. Съ моей точки зрѣнія это положеніе жонглёровъ объясняется ихъ генезисомъ. Народный пѣвецъ вышелъ изъ обрядовой связи и бродилъ на сторонѣ. Онъ помнитъ заговоры, магическія дѣйства, и пользуется ими на свой страхъ; его зовутъ и боятся, какъ знахаря. Онъ поетъ, и потѣшаетъ, и побирается; пристаетъ къ тѣмъ, кто его кормитъ, льститъ и бранитъ, кого попало, смотря по обстоятельствамъ и кошельку. Онъ дѣлаетъ, ничего не дѣлая, у него профессія безъ профессіи, его не уважаютъ, не признаютъ за нимъ правъ, гнушаются имъ и продолжаютъ къ нему обращаться. Онъ не обезпеченъ тѣмъ групповымъ выдѣленіемъ, которое создало дружиннаго пѣвца и феодальную эпику.

Нѣсколько фактовъ выяснятъ этотъ взглядъ. Выше мы привели параллель между общественнымъ положеніемъ греческихъ актеровъ и безправностью индійскихъ и китайскихъ, указавъ на причины этого различія. Африканскіе народные пѣвцы безправны и по тѣмъ-же поводамъ: они являются на общественныхъ, обрядовыхъ празднествахъ (обрѣзанія, похоронахъ), сопровождаютъ войско въ набѣгахъ, ободряя его пѣснями, служатъ развѣдчиками, состоятъ при короляхъ и властныхъ людяхъ; если они не достаточно вознаграждены—ходятъ

---

[1]) См. Рыбн. I, 136, сл. Гильф. 44 — 5; Рыбн. II, 31, сл. Гильф. 1029; Рыбн. I, 144.

[2]) Рыбн. I, 135, Гильф. 136.

по окрестнымъ деревнямъ, хуля тѣхъ, кого восхваляли. Они богатѣютъ отъ подачекъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ нимъ относятся съ презрѣніемъ. Примѣромъ послужатъ суданскіе гріоты и гріотки. Это народные пѣвцы и пѣвицы, скоморохи и паясы, играющіе на тамъ-тамъ, офиціальные льстецы, умѣющіе сложить похвальное слово и получить за него мзду. Ихъ зовутъ къ себѣ на потѣху, князьки и вожди держатъ ихъ при себѣ въ качествѣ буффоновъ и музыкантовъ, и они славятъ ихъ съ чисто восточной невоздержностью. Ихъ кормилецъ непремѣнно взысканъ Дугой, миѳической птицей о восьми крыльяхъ, отъ полета которой дрожитъ земля, которая излюбила только храбрыхъ, вождей, гнушаясь остальными. Однажды гріотъ Diali-Koma является къ Музò, властителю Сегу, и велитъ доложить о себѣ; ему говорятъ, что Музò нельзя видѣть. Онъ проситъ о томъ-же проходившую гріотку; „если ты гріотъ, то не въ обычаѣ докладывать о немъ, гріотъ долженъ объявить о себѣ самъ", отвѣчаетъ она. И Diali-Koma берется за гитару и наигрываетъ Дуга: „Сынъ Makaго, я слышалъ о тебѣ на западѣ, слышалъ, что исходъ войны благополученъ для тебя; слышалъ, что ты никогда не показываешь тыла врагу, никогда не берешь въ жены дочь труса, что всѣ женщины свободнаго состоянія томятся желаніемъ быть твоими супругами. Ты храбръ и всегда благополученъ на войнѣ; богатъ тотъ человѣкъ, которому улыбнулось въ ней счастье. Я пою Дугу, ибо во всемъ Diamanka-Dougou тебѣ одному дано быть его властелиномъ".

При дворѣ Madembа'ы, властителя Sansanding'а, два гріота встрѣтили французскихъ путешественниковъ речитативомъ воинственнаго содержанія, перешедшимъ въ панегирикъ. Внезапно одинъ изъ нихъ подскочилъ къ нимъ, и протянувъ кулаки, съ свирѣпымъ выраженіемъ глазъ, почти выходившихъ изъ орбитъ, обратился къ старшему съ страстною, взволнованною рѣчью: Ты всѣхъ сильнѣе! Больше, храбрѣе всѣхъ! Ты властелинъ пушки и скорострѣльныхъ ружей! Ты побѣдитель Omssebougou, Segou! и т. д. И онъ яростно набросился на товарища, точно готовъ былъ разорвать его: Ты говоришь, что это не правда? Повтори-ка, что это не такъ, повтори! — Да, это правда, отвѣчалъ тотъ, таково было желаніе боговъ: онъ всѣхъ сильнѣе, онъ побѣдитель Segou и т. д. Въ такомъ чередованіи, поддержанный возгласами толпы, развивался далѣе этотъ импровизованный панегирикъ. Вечеромъ Мадемба устроилъ для гостей торжественный тамъ-тамъ и показалъ одну изъ своихъ гріотокъ, древнюю сухопарую старуху, съ морщинистымъ лицомъ, исполосованнымъ ударами.

Это моя „военная“ гріотка, объяснилъ онъ, она ободряетъ моихъ воиновъ въ дни битвы, снова ведетъ въ дѣло слабѣющихъ, бьется, какъ мужчина, убиваетъ безъ жалости, любитъ бойню и приканчиваетъ побѣжденныхъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ она водила людей на приступъ, первая взбиралась на стѣны, снимала головы ударомъ сабли.—Церемонія тамъ-тамъ — одна изъ тѣхъ мимическихъ плясокъ, съ образцами которой мы уже знакомы. Въ началѣ пляшутъ дѣвушки, раздѣлившись на двѣ группы, то набѣгая другъ на друга съ угрожающими жестами, то расходясь подъ тактъ музыки и хлопанье въ ладоши. Ихъ смѣняютъ мужчины: они подражаютъ движеніемъ войны, подстерегаютъ, выслѣживаютъ, бросаютъ вызовъ, обращаются въ бѣгство, стрѣляютъ другу другу въ упоръ; когда къ нимъ возвращаются женщины, дѣйство мѣняется, пѣсенный и музыкальный аккомпаниментъ становится нѣжнѣе, сладострастнѣе: мимируютъ любовныя сцены, быстро принимающія нескромный, обсценный характеръ, заражающій толпу. Затѣмъ настаетъ второй актъ дѣйства; въ его центрѣ гріотка „войны“; мужчины строятся въ два ряда, которые ходятъ и вьются вокругъ нея, то удаляясь, то сходясь тѣснымъ кругомъ, запирая ее; вся эта группа движется на слушателей и зрителей, всѣ возбуждены; раздается дикій вопль и настаетъ очередь гріотки. Въ ея рукѣ кинжалъ, наполненный какимъ-то составомъ, цвѣта крови, брызги летятъ, когда она машетъ руками. Она начинаетъ тихо, постепенно приходя въ волненіе, гипнотизируя себя и другихъ: говоритъ о томъ, какъ снаряжаются къ бою, какъ весело блестятъ на солнцѣ сабли; славитъ свѣтлоокихъ витязей, упивается картиной битвы, разгрома и рѣзни, не знающей пощады, побѣды, не знающей сострадания. Въ толпѣ раздаются вопли, проклятія, точно слово дѣется на виду, реально. Когда гріотка кончила словами хвалы и пожеланіями Мадембѣ, она упала въ изнеможеніи на руки окружавшихъ ее женщинъ.

Гріоты прославляютъ военные подвиги, побѣды, хвалятся нѣкоторыми изъ своихъ, оказавшими храбрость, но не живутъ общей народной жизнью, гдѣ все дѣло въ физической силѣ, въ презрѣніи опасностей, и трусость считается постыдной. Ихъ слушаютъ, но презираютъ, они вхожи въ дома, но обычай поставилъ ихъ внѣ закона: они не могутъ разсчитывать на успокоеніе въ другой жизни, и ихъ лишаютъ погребенія; хоронятъ въ дуплистыхъ баобабахъ, гдѣ ихъ пожираютъ шакалы. Туземцы считаютъ ихъ порожденіемъ діавола, и сами гріоты убѣждены, что созданы исключительно для того, чтобъ

веселиться, пѣть и веселить другихъ. Они вѣруютъ, что по смерти они пребудутъ въ покоѣ до страшнаго суда и снова вернутся на землю, чтобы зажить по прежнему. Все дѣло въ томъ только, чтобы не дать діаволу поглотить душу гріота; и вотъ, когда онъ скончался, другіе собираются вокругъ его тѣла, и дѣвушки, вооруженныя копьями, голосятъ въ теченіе всей ночи, чтобы удалить нечистаго, который сторожитъ выходъ души.—Сами гріоты пошли отъ чорта. Объ этомъ разказывается такая легенда: какъ-то разъ чортъ обратился въ человѣка, его узнали и бросили въ море. Рыба проглотила его частицу, рыбу съѣлъ рыбакъ и злой духъ тотчасъ-же вселился въ него. Рыбака побили камнями, но чортъ переселился въ другаго человѣка, и такъ нѣсколько разъ, пока люди не махнули рукой, оставивъ въ живыхъ послѣдняго изъ бѣсноватыхъ. Отъ этого-то бѣсноватаго и пошли гріоты.

Мы привели примѣры профессіональныхъ пѣвцовъ, результатъ груповыхъ выдѣленій: пѣвцовъ дружинныхъ, въ средѣ которыхъ творится старая эпика, и тѣхъ, которые, выйдя изъ обряда, унесли съ собою въ народъ наслѣдіе сказа, лицедѣйства и знахарства, пѣвцовъ бродячихъ, пріобщившихся въ Европѣ къ движенію феодализма, оставшихся въ другихъ случаяхъ за чертой дальнѣйшаго развитія. Культовой пѣвецъ, ставшій съ ними рядомъ, еще не былъ нами затронутъ. Народная поэзія Пенджаба даетъ примѣры. Я оставлю въ сторонѣ народныхъ случайныхъ пѣвцовъ-сказителей, разказывающихъ въ кружкѣ пріятелей и ближнихъ мѣстныя легенды и сказки. Вся остальная область носителей поэзіи дѣлится на три профессіональныя группы. Въ религіозную, культовую группу входитъ знатокъ священныхъ индусскихъ преданій, сказывающій и частью представляющій съ своей труппой полурелигіозныя стихотворныя пьесы, извѣстныя подъ названіемъ Swâng'овъ. Его призываютъ, разумѣется, за воздаяніе, во время опредѣленныхъ годовыхъ празднествъ, весной къ Holî, осенью къ Daskhrâ. Къ той же категоріи принадлежитъ и святоша, поклонникъ того или другаго индусскаго или мусульманскаго угодника: онъ поетъ въ честь ихъ легенды на празднествахъ, собирая подаяніе на ихъ святилища. Слѣдуетъ другая группа пѣвцовъ, напоминающихъ родовыхъ и дружинныхъ, типъ древнихъ bharata, спустившихся къ уровню гріотовъ; они пристроились къ магнатамъ, поютъ на темы народныхъ преданій, пѣсни о боевыхъ подвигахъ, знаютъ родословную и семейную исторію мѣстнаго властителя, котораго, однако, мѣняютъ и которому измѣняютъ по обстоятельствамъ. Почетомъ они не поль-

зуются; типическіе представители служебнаго люда при дворѣ индійскаго князька. Наконецъ, третья профессіональная группа: балладный пѣвецъ (mīrâsâ), который аккомпанируетъ танцовщицамъ и поетъ за вознагражденіе на свадьбахъ и другихъ подобныхъ торжествахъ; въ его репертуаръ входятъ и народныя преданія и разказы самого нескромнаго свойства. Особо стоитъ пѣвецъ изъ обездоленныхъ кастъ Индіи, поющій на торжествахъ для своихъ же родичей, то подражая брахманскому swâng'y, то долговязо пересказывая какую нибудь легенду языкомъ, понятнымъ его слушателямъ, подхватывая ее у профессіональнаго пѣвца, либо выбирая подходящую къ предмету торжества или мѣстнаго культа.

Всѣ три категоріи профессіональныхъ пѣвцовъ мы встрѣчаемъ и въ древней Ирландіи, но упроченныя въ систему, устроенныя корпоративно. Прежде всего друиды, свѣдѣнія о которыхъ на кельтской почвѣ Западной Европы восходятъ къ III и IV вѣкамъ до Р. Хр. Они—хранители религіозно-культурнаго преданія, вѣроятно, вынесеннаго ими изъ Британіи; памятниковъ ихъ литературы не сохранилось, объ ирландскихъ друидахъ извѣстно, что они не излагали письменно своего ученія. Въ Ирландіи они были прорицателями, знахарями, врачами, жрецами, наставниками; освобождены были отъ военной службы и окружены большимъ почетомъ; друидъ шелъ рядомъ съ королемъ, во главѣ общества. За ними филы, то-есть, провидящіе, отвѣчающіе вѣщунамъ Діодора Сицилійскаго, Страбоновскимъ οὐάτεις и euhages Тимогена, сохранившагося въ переводѣ Амміана Марцеллина. Они вѣщуны, заклинатели, но, главное, разкащики, сказываютъ и поютъ подъ звуки crott'ы (арфы), переплетая разказъ стихами о бранныхъ подвигахъ и любви, празднествахъ и странствованіяхъ. Они діаскевасты ирландской эпической литературы, древнѣйшія записи которой восходятъ къ VII вѣку, вѣку особаго процвѣтанія филовъ. Они творятъ ее и берегутъ преданіе школы, законы композиціи; ихъ іерархія построена на знаніи большаго или меньшаго числа разказовъ, scêl (отъ 350 до 7); смотря по тому они и распредѣляются по разнымъ классамъ (ихъ насчитываютъ различно: 10, 11 и 7) и пользуются неодинаковыми правами, напримѣръ, относительно количества свиты, мѣста, куска за царскимъ столомъ и т. п. Когда съ водвореніемъ христіанства значеніе друида поблекло, его мѣсто за царской трапезой занялъ священникъ, но непосредственно за нимъ сидитъ ollam, королевскій филъ, старшій въ іерархіи. Пред-

ставители свѣтскаго знанія и преданія, филы остались, и ихъ ореолъ лишь немного потерялъ отъ своего прежняго блеска.

Ниже ихъ стояли въ Ирландіи и вообще у древнихъ кельтовъ барды. Это пѣвцы низменнаго типа, полуученые, не соблюдающіе традиціонныхъ пріемовъ поэзіи филовъ, не прошедшіе ихъ школы, поющіе отъ себя, какъ подскажетъ фантазія. Мы уже знаемъ, какія историческія событія выдвинули ихъ на первый планъ въ Уэльсѣ.

Барды—это балладные пѣвцы Пенджаба, бродячіе, не пріуроченные пѣвцы, предположенные нами въ основѣ того синкретическаго типа, который называется жонглеромъ. Филы—это дружинные пѣвцы; развитіе дружинной эпики, затроженное на германской почвѣ, нашло въ Ирландіи особыя условія, которыя позволили ей сложиться и досказаться до конца, до обширной циклизаціи, до эпопеи. Условія эти: жизненность дружиннаго быта съ одной стороны, съ другой грамотность и образовательныя начала ирландской культуры, съ привнесенными въ нее латинскими и греческими элементами, которые сдѣлали ирландцевъ сѣятелями перваго въ Европѣ классическаго возрожденія. Дружинный бытъ поддерживалъ традиціи подвига и пѣсни, схемы и стилистика пѣсни попали въ оборотъ школы и нашли въ ней болѣе устойчивыя формы; я уже сказалъ о поэтикѣ скальдовъ; народно-пѣсенная традиція получила школьный колоритъ, ее не перенимали, а ей учились. Пѣсня, сказаніе, становятся не только объектомъ памяти, но и объектомъ науки, изученія. Сличите легенду о происхожденіи гріотовъ, о скоморохѣ, какъ созданіи чорта, съ слѣдующей ирландской о томъ, откуда пошли филы: у бога Dagdé, властителя высшей науки, была дочь Brigit, вышедшая за Bress'а, сына Elatha'ы, что означаетъ: знаніе литературной композиціи. У нихъ три сына, боги искусствъ, сообща родившіе Icne=Мудрость; у него послѣдовательное потомство: Знаніе, Великая Разсудительность, Великая Наука, Размышленіе, Великое Просвѣщеніе, Искусство, которое и было отцомъ перваго фила. Оно не всякому дается; не изъ всякаго пѣвца выходитъ поэтъ; традиціонная, профессіональная пѣсня уже вызвала эгоистическое сознаніе, что пѣсенное слово—сила; теперь явится сознаніе, что она пріобрѣтается трудомъ и искусствомъ; одинъ изъ этаповъ на пути къ пониманію пѣсеннаго акта, какъ личнаго, поэтическаго. Когда это сознаніе явилось, оно дѣйствуетъ заразительно, ускоряя процессъ такого же перехода въ границахъ своего вліянія. Поэзія сѣверныхъ скальдовъ, смѣнившая древнихъ þulir, сложилась, по мнѣнію Бугге, по образцамъ ирландской, и

мы, можетъ быть, еще не достаточно взвѣсили, на сколько классическіе примѣры повліяли на выдѣленіе художественной лирики изъ средневѣковой народной и профессіональной пѣсни. Когда средневѣковымъ людямъ раскрылись впервые чудеса античной поэзіи и они бросились подражать ей на ея же языкѣ,—матеріальный трудъ усвоенія и воспроизведенія естественно перенесся для нихъ на свойство поэтическаго акта: поэзія, искусство—это трудъ, плодъ томительныхъ ночныхъ бдѣній, школы. На ея то плечахъ выросъ изъ жонглера, смѣси мима и народнаго пѣвца, личный поэтъ—труверъ.

Названія поэта лишь мало освѣщаютъ намѣченный нами переходъ отъ унаслѣдованной пѣсни къ личной, отъ пѣвца къ поэту; древнія названія могли исчезать, но замѣнялись ли онѣ новыми въ уровень съ измѣнившимся пониманіемъ, или обновлялось въ иномъ освѣщеніи какое нибудь старое, до тѣхъ поръ не бывшее въ ходу? Скальдъ, напримѣръ, означаетъ просто разказчика ($\sqrt{}$ сеп, sec въ ἔννεπε, inquam; ирланд. scél = разказъ); со времени Гезіода и Пиндара ἀοιδός = пѣвецъ уступилъ мѣсто поэту, ποιητής, но это слово относится собственно къ складу, внѣшнему построенію пѣсни, что не исключаетъ элементовъ унаслѣдованной пѣсни и могло сложиться въ ея предѣлахъ. Поэтъ (ποιέω отъ $\sqrt{}$ к³еі, к³оі: насланвать, образовать, формовать), собственно, строитель, формовщикъ—своей или чужой пѣсни, какъ рапсодъ ихъ спѣваетъ, собственно сшиваетъ (ῥάπτειν ἀοιδήν): образъ, родственный гомеровскому μύθους ὑφαίνειν (Il. III, 212), финскому säistäja (сплетающій, вьющій пѣсню — о второмъ пѣвцѣ, подхватывающемъ пѣсню главнаго, старшаго), малорусскому: „се нова пісня чтеться". Такъ и въ Ведахъ о пѣснѣ говорится, что она строится; англос. scôp, староверхненѣм. scoph=poeta (сл. scoph—острота, ludibrium, scophsanc = poesis, scophliod = carmina rustica et inepta) едва ли отъ scaffan, но староверхне-нѣмецкое lileodarsezzeo = тотъ, кто устраиваетъ, ставитъ, упорядочиваетъ звукъ, пѣсню, снова возвращаетъ насъ къ тому же техническому представленію. Интересно съ точки зрѣнія синкретизма глоссы къ этому слову: ariolus, zouprari: знахарь, кудесникъ, и cervulus = олень; первая указываетъ на одну изъ спеціальностей средневѣковыхъ шпильмановъ [1]), вторая имѣетъ въ виду маску западнаго святочнаго обихода [2]).

Иначе сложеніе пѣсни выражается образомъ кованія: въ ста-

---

[1]) См. выше, стр. 5.

[2]) См. мартовскую книжку *Жур. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ, стр. 93.

росѣверномъ языкѣ ljoðarsmiðr, galdra-smiðr=ковачъ пѣсенъ; финскій laulaja = пѣвецъ и знахарь, но Вейнемейненъ—ковачъ пѣсенъ, и въ томъ же значеніи употребляется laulaseppä, runoseppä. — Съ средневѣковыми трубадурами и труверами мы уже соединяемъ представленіе о личномъ пѣвцѣ, но спеціальное значеніе trobar, trover указываетъ лишь на музыкальный ладъ, мелодію, тонъ, греч. τρόπος, какъ нѣмецкое Dichter, латинское dictator (отъ dictare), на наслѣдіе и образцы латинской школы.

Слова переживали, возникали и обновлялись на путяхъ развитія, и значеніе переростало этимологію.

II.

Обособленіе понятія поэзіи отъ пѣсни совершилось по тѣмъ же путямъ, по какимъ пѣвецъ проходилъ отъ обрядоваго и хороваго строя къ профессіи и самосознанію личнаго творчества.

а) Въ началѣ: *пѣсня—сказъ—дѣйство—пляска*: греческое ἀοιδός = ἀϝοιδός отъ ἀείδω=ἀϝείδω, отъ √ vad=говорить, кликать, пѣть; латинское vates отъ √ ga, gā, gva, va: пѣть; но нѣмецкое leich (родъ пѣсни въ неравномѣрныхъ строфахъ) связано съ понятіемъ движенія, игры, пляски: готское laikr=χορός, сѣв. leikr=бой, но въ норв. пляска и сопровождающая ее музыка; это бросаетъ свѣтъ на орхестическій элементъ hîleich и charaleich=брачной и похоронной плясовой пѣсни. Spil объединяло различныя движенія, пляску съ музыкой и пѣніемъ; оттуда spilman; нѣмецкое Lied, (старогерм. *leuþom изъ *leúto-m) объясняютъ, какъ „разрѣшеніе сплетеній“ при (хоровой) пляскѣ, либо какъ „отдѣлъ, отрѣзъ“, что указывало бы на строфическій строй и на чередованіе въ хорѣ; литовск. daina—народная пѣсня свѣтскаго содержанія, былина, но латышское diet: плясать, прыгать, chorum ducere; dei-ja: пляска, хороводная пляска, dei-ni-tis= плясунъ; греческія μολπή и μέλπεσθαι означаютъ не только пѣніе, но и пляску и вообще всякое граціозное движеніе въ игрѣ; у якутовъ одно и то-же слово обнимаетъ понятіе пѣсни и боя, состязанія. Въ семитическихъ языкахъ общее названіе для пѣсни восходитъ къ √ sch(s)-v(j)-r съ первоначальнымъ значеніемъ: разъединять, собирать, сопоставлять, colligere; сура въ классическомъ арабскомъ языкѣ означаетъ рядъ камней, собранныхъ, сложенныхъ вмѣстѣ, стѣну; впослѣдствіи: пѣсню, отдѣлъ религіознаго кодекса; въ сирійскомъ: каменную стѣну и хороводъ.

b) Въ другихъ обозначеніяхъ пѣсни-сказа сохранились слѣды ея древняго прикрѣпленія къ *обрядовому акту*, именно къ акту заговора, заклинанія, гаданія. Таковы основныя понятія реальнаго и даже матеріальнаго свойства, соединенныя съ германскими spel, runa, siggvan.

Готское siggvan=legere, собирать, староверхненѣмецкое, старосаксонское, старофранкское lesan, сѣверное lesa=colligere, legere; староанглійское raēdan=conjicere, legere—всѣ эти глаголы относятся къ акту обрядоваго гаданія и волхвованія по биркамъ и гадальнымъ палочкамъ, которыя бросали, собирали и толковали, заключая по ихъ сочетанію о волѣ боговъ (conjicere и conjectura), о будущемъ; греческое ὀμφή, этимологически тождественное съ готскимъ siggvan, сѣвернымъ syggja, нѣмецкимъ singen, означаетъ, собственно, пророческое изреченіе [1]). Матеріальный актъ собиранія, siggvan, перенесенъ былъ на изреченіе, на сопровождавшую обрядъ пѣсенную формулу или сказъ; оттуда новое значеніе singen, syngja: пѣть; на переходную степень указываетъ сѣверное: lesa söng, пѣть, въ сущности, собирать пѣсню.

Гадали по биркамъ, рѣзамъ, ex assulis ligneis cultro elaboratis, говорится о древнихъ финнахъ; это Тацитовскія surculi (Germ. c. 10): Virgam frugiferae arbori decisam in surculos amputant eosque notis quibusdam super candidam vestem temere ac fortuito spargunt. Mox, si publice consul(t)etur, sacerdos civitatis, sin privatim, ipse pater familiae precatus deos coelumque suspiciens ter singulos tollit, sublatos secundum impressam ante notam interpretatur. Это толкованіе выражалось въ заповѣдной формулѣ, названіе которой могло перейдти на гадальныя бирки съ рѣзами, notae, какъ это совершилось впослѣдствіи на сѣверѣ, когда захожей рунической азбукѣ присвоено было обозначеніе, указывающее на сказъ, совѣщаніе, таинственное нашептываніе или напѣваніе: готское runa=μυστήριον, συμβούλιον, βουλή; староверхненѣмецкое rûna, garûni—mysterium, rûnen, rûnazan=шептать; старосаксонское rûna=совѣщаніе, бесѣда; староанглійское rûn=тайна, rûnian=шептать; старосѣверное rûn=тайна, бесѣда; rûni—собесѣдникъ, совѣтникъ, пріятель. Значеніе финскаго runo=пѣсня, заимствованнаго у сѣверныхъ сосѣдей, можетъ и не принадлежать къ обобщеніямъ вродѣ siggwan=пѣть, а указываетъ на древній характеръ исполненія, забытый въ германскихъ варіантахъ слова.

---

[1]) Иначе: siggwan=recitare къ √ seq, откуда и skáld. см. выше, стр. 13.

Сходное развитіе, но еще болѣе разнообразное по результатамъ, привязывается къ германскому spel. И здѣсь, какъ полагаютъ (Schröder), оно пошло отъ гадальной бирки, дощечки: готское spilda, сѣверное speld, spjáld = πινακίδιον, πλάξ; староанглійское speld: лучина, осколокъ; средневерхненѣмецкое spelte: отрубокъ дерева. Ихъ такъ же бросали, какъ тацитовскіе surculi, и собирали, складывали, толковали; таково значеніе англійскаго spell: читать по складамъ, французскаго (съ германскаго) espeler, épeler, съ старымъ добавочнымъ значеніемъ: объяснять; въ голландскомъ: читать по складамъ, собирать ихъ и—объяснять, толковать; можетъ быть, и современное значеніе этого слова: вѣщать, предсказывать относится къ переживанію обрядоваго акта; съ староанглійскимъ anspell: conjectura.

Въ кругу обрядоваго акта удерживаетъ насъ Шекспиръ, открывая и новыя точки зрѣнія: у него spell—магическое дѣйство, формула волшебства, чары, и это значеніе, очевидно, древнее, удержалось въ языкѣ, поддержанное сѣверными параллелями: сѣверное spjáll = слово, изреченіе, рѣчь; spjálli—собесѣдникъ, вѣстникъ, но féspjöll spaklig ясно указываетъ на обрядовую, заговорную или гадальную формулу: мудрыя чары. Обобщеніе вышло отъ этого понятія къ значенію рѣчи, бесѣды; въ другихъ случаяхъ оно издавна развилось при словахъ, видимо стоящихъ внѣ матеріальныхъ условій обряда: сѣверное ljöð = Lied въ старомъ языкѣ преимущественно пѣсни чаръ; galdr, отъ gala = пѣть—заговорная, знахарская формула, вѣдовство; слов. баіати не только μυθεύεσθαι, fabulari, но и incantare.

Остальныя германскія отраженія spel'я стоятъ уже на точкѣ зрѣнія обобщенія: удержалась память о сказѣ, она то и подвергалась различнымъ измѣненіямъ. Въ староверхненѣмецкомъ spel = рѣчь, разказъ, парабола, басня; bîspel = parabola; spellunga = tragoediae; wârspello у Таціана = propheta. Въ среднеанглійскомъ spel = разказъ, поученіе, небольшая повѣсть; говорится и о сказываніи Отче Нашъ. Въ средневерхненѣмецкомъ spelen—разказывать, бесѣдовать, spel—разказъ, сказка, болтовня, сплетня, позднѣе литературный родъ, разказъ наставительнаго содержанія: bîspel, съ XVI вѣка Beispiel.

Не къ литературному роду, а къ формамъ скоморошьяго и пѣвческаго сказа приводитъ насъ исторія другаго слова: гот. hlauts = κλῆρος, англос. hlot, сѣв. hlutr, нѣм. Loos, жребій. На сѣверѣ гадающіе намѣчали, надрѣзали свои жеребьи (skera, marka hluti), бросали ихъ въ полу платья, вынимало ихъ третье лицо. Hlutir звались также талисманы, изображавшіе обыкновенно человѣческія

фигуры, ихъ носили на себѣ, и съ ними соединена была идея судьбы, доли: чей hlutr куда попадетъ, тамъ быть и его хозяину. Оба значенія: вѣщанія по жеребьевымъ палочкамъ и талисмана отразились, быть можетъ, въ кобольдахъ нѣмецкихъ скомороховъ, которыхъ они показывали изъ подъ плаща, чтобы разсмѣшить зрителей (Hugo von Trimberg, Renner 5065) и въ ихъ loterholz'ѣ: онъ служилъ имъ для какихъ-то шутовскихъ или знахарскихъ продѣлокъ, можетъ быть, для сказыванія? Böckel сравниваетъ съ нимъ бирки слѣпыхъ пѣвцовъ въ Бретани, по нарѣзамъ которыхъ они припоминаютъ порядокъ изложенія, и представляетъ себѣ таковой же роль ῥάβδος'а, жезла, отличительнаго признака рапсодовъ. Къ традиціонному слѣпцу Гомера шло-бы такое именно представленіе, поддержанное Пиндаромъ (Pind. Isth; III, 55: Ὅμηρος κατὰ ῥάβδον ἔφρασεν), но не всѣ же рапсоды были слѣпцами и значеніе пѣвческаго жезла было очевидно, другое. Музы вручили лавровую вѣтвь-жезлъ Гезіоду (Theogon. въ началѣ); при пѣніи застольныхъ сколій такая вѣтка переходила изъ рукъ одного пѣвца къ другому; такъ могъ чередоваться и ῥάβδος при амебейномъ исполненіи эпическихъ пѣсенъ.

Runa, spel, siggvan, loterholz привели насъ къ обрядовому моменту гаданья; сѣверное сказаніе о происхожденіе напитка, сообщавшаго поэтическій даръ, привязывается, по моему мнѣнію, къ другому обрядовому же акту: родоваго замиренія, виры, которую распиваютъ сообща. Легенда наслоилась посторонними чертами, но основныя черты носятъ слѣды опредѣленнаго бытоваго происхожденія. Разказывается, что послѣ долгой распри Азы и Ваны заключили между собою миръ; закрѣпился онъ образно, какъ смѣшеніемъ крови совершалось и совершается еще принятіе въ родъ и союзъ побратимства. Враждовавшіе приступили къ одному сосуду и смѣшали въ немъ свою слюну, изъ которой и сотворили Kvâsir'a, мудрѣйшаго и разумнѣйшаго изъ всѣхъ созданій. Онъ далеко ходилъ по свѣту, наставлялъ людей, пока два дверга, Fialar и Galar, не убили его. Его кровь они спустили въ два сосуда, Bođn и Sôn, и котелъOđhroerir, примѣшали туда мёду: вышелъ драгоцѣнный напитокъ, мёдъ, сообщавшій каждому, кто его отвѣдалъ, даръ поэзіи и мудрости. Великанъ Suttungr принудилъ двергов отдать ему этотъ медъ, какъ виру за убійство его отца, скрылъ его въ Hnitbjörg'ѣ, а хранительницей поставилъ дочь свою, Gunnlöđ. Одинъ проникъ въ гору, принявъ образъ змѣи (червя?), и провелъ три ночи съ дѣвушкой, которая обѣщала ему за то три глотка мёду; въ три пріема онъ опорожнилъ

всѣ три сосуда и пустился въ обратный путь въ образѣ орла. Суттунгъ погнался за нимъ, также обернувшись орломъ, но Одинъ раньше его добрался до Асгарда, гдѣ извергнулъ изъ себя напитокъ въ сосуды, подставленные Азами. Медъ онъ даровалъ Азамъ и поэтамъ; оттуда разнообразныя наименованія поэзіи, дара пѣсни: кровь Квасира, изобрѣтеніе (fundr), напитокъ Одина, волна Boðn'a, кубокъ (fyllr) Sôn'a, словесное сѣмя Sôn'a (orðasað Sónar).

Начала разказа переноситъ насъ на почву древняго обряда: справляется мировая смѣшеніемъ слюны и крови (сюда относится кровь Квасира), при чемъ участвующіе пили и пѣли. Kvásir (заимствованное слово?) относится, вѣроятно, къ √ кыс: квасить, заквашивать; слюна и медъ играютъ ту же роль, какъ въ финской рунѣ объ изобрѣтеніи пива. Пѣсня вызвана хмѣльнымъ напиткомъ, и тѣмъ и другимъ закрѣплялось обрядовое дѣйство замиренія. Передъ нами всѣ моменты, сошедшіеся въ образованіи миѳа о происхожденіи меда и пѣсни, нѣкоторыя изъ собственныхъ именъ указываютъ на каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Напомнимъ еще Boðn = бочка (по иному объясненію: oblatio), Són, названіе другаго сосуда=вира, примиреніе, reconciliatio. Старосѣверный обрядъ виры (sónar-blót) совершался въ навечеріи Рождества: закалался вепрь (sónar-göltr), на его гриву возлагали руки и произносили клятвы за кубкомъ Bragi (bragarfull); при этомъ гадали, вѣроятно по кускамъ свернувшейся крови; оттуда другое значеніе sónar-blot: пророчество. Кубокъ Bragi пили и при другихъ обрядовыхъ дѣйствахъ: на похоронахъ, свадьбахъ; brag, даръ Одина скальдамъ,—поэзія; мы увидимъ, какъ обособился со временемъ и особый богъ поэзіи—Bragi.

c) Обрядовая пѣснь не творится, она — унаслѣдованное *знаніе*; вѣщій пѣвецъ, собственно, знающій: церковнославянское вѣшть — peritus, вѣдь—saga (словинская vešča — то же), церковнославянская (сербская) вѣштица—maga; сл. еще одну изъ этимологій, предложенныхъ къ vates: √ vat = знать, примѣчать, понимать. Пѣсня—знаніе. а знаніе—*сила*: заговоръ обрядоваго пѣвца, жреца, принуждаетъ боговъ проявить себя, подѣйствовать; онъ властенъ надъ ними, его мановенію повинуется природа. Таково дѣйствіе ведійскаго гимна на божество, позднѣе молитва буддійскаго риши; до крайности доведено это воззрѣніе въ индійскомъ представленіи, что жрецъ древнѣе міра и что міръ созданъ культомъ, какъ и друиды утверждали о себѣ, что они сотворили небо и землю и море, солнце и луну. Первыя пять изъ индійскихъ мелодій (Rangs, Rangenes) вышли изъ головы бога

Mahades, ихъ исполненіе вызывало ночь и дождь, наводненіе и пожаръ и т. п.

Съ греческими легендами мы переходимъ на менѣе зыбкую почву: сказанія объ Амфіонѣ, подъ пѣсню котораго камни сами собой складывались въ стѣну, объ Орфеѣ, за которымъ слѣдовали скалы и деревья и дикіе звѣри, о Марсѣ и орлѣ Зевса, усыпленныхъ звуками киѳары—вводятъ насъ въ многочисленный рядъ сказаній о вліяніи пѣсни, музыки, въ которыхъ старыя представленія объ ихъ волшебномъ, неотразимомъ вліяніи, напоминающемъ силу заговора, чередуются съ эстетическими, порой переходя въ комическій шаржъ. Antoninus Liberalis такъ разказываетъ, слѣдуя Никандру, о преніи музъ съ дочерьми Піэрія на Геликонѣ: при пѣніи музъ остановились небо и звѣзды, моря и рѣки, самъ Геликонъ, исполненный веселья, выросъ въ небо, пока не остановилъ его, по повелѣнію Посейдона, Пегасъ, ударивъ копытомъ въ его вершину. Въ старо-ирландской поэмѣ объ убійствѣ сыновей Usnech'a, когда игралъ Noïsé, коровы и женщины давали втрое болѣе молока, всѣ слышавшіе его испытывали невыразимое наслажденіе. Иное дѣйствіе арфы Dagdé (въ поэмѣ о битвѣ при Moytura); у нея было два названія: дубъ о двухъ голосахъ и рука о четырехъ напѣвахъ; сорвавшись со стѣны, при чемъ она убила девять человѣкъ, она помѣстилась въ рукѣ Dagdé, и онъ сыгралъ три мелодіи, что отличаетъ искуснаго игрока: мелодіи жалобы, смѣха и сна; отъ первой заплакали жены, отъ второй засмѣялись жены и молодые люди, подъ третью всѣ заснули.

Пѣсня Горанта въ Гудрунѣ дѣйствуетъ волшебно на больныхъ и на здоровыхъ, кто заслышитъ ее, притихаетъ, и звѣри, и змѣи, и рыбы:

389. Die tier in dem Walde ir weide liezen stên,
Die würme, die dâ solten in dem grase gên,
Die vische die dâ solten in dem wâge vliezen,
Die liezen ir geverte.

Пѣсня Горанта стала типической, когда говорили о волшебномъ вліяніи пѣсни, называли ее. Ея мелодію играетъ Bósi въ сагѣ его имени: у него похитили его невѣсту, и онъ является съ товарищами на брачный пиръ, переодѣтый, принявъ имя Сигурда, и играетъ передъ королемъ и молодыми. „Когда принесли заздравный кубокъ, онъ ударилъ по струнамъ, и всѣ сказали, что подобнаго ему нѣтъ и не бывало. „Это что, только начало!“ говоритъ онъ, а король проситъ его постараться. Принесли кубокъ, посвященный Тору; Сигурдъ измѣнилъ темпъ, и зашевелилось все, что не было прикрѣплено, ножи,

и блюда, и все, чего не держали; многіе повскакали со своихъ мѣстъ и принялись плясать по покою; такъ шло долго. Затѣмъ явился кубокъ, посвященный всѣмъ Азамъ, Сигурдъ опять взялъ другой темпъ, и заигралъ такъ громко, что эхо отдалось въ залѣ; всѣ, что были тамъ, поднялись, кромѣ молодого, молодой и короля, и начался плясъ по всей палатѣ; и это долго длилось. Спросилъ король Сигурда, знаетъ ли онъ и другіе наигрыши; онъ отвѣтилъ, что осталось еще нѣсколько, небольшихъ, и велѣлъ всѣмъ напередъ отдохнуть. Усѣлись и стали пить. Сыгралъ онъ „волшебный наигрышъ" (Gýgjarslag), „усыпляющій" (Drŏmbud) наигрышъ и напѣвъ Горанта (Hjarranda—hljóđ). Когда принесли кубокъ Одина, Сигурдъ раскрылъ арфу; она была такъ велика, что въ ней могъ бы выпрямиться человѣкъ, точно вся изъ золота; досталъ онъ оттуда бѣлыя, отороченныя золотомъ перчатки, заигралъ наигрышъ, что зовется Faldafeykir (faldr—чепецъ), и чепцы полетѣли съ головъ женщинъ и унеслись подъ потолокъ; женщины и мужчины повскакали, и не было вещи, которая осталась бы на мѣстѣ. А когда миновалъ этотъ кубокъ и принесли тотъ, что посвященъ Фреѣ, — его надо было пить послѣднимъ, — Сигурдъ ударилъ по струнѣ, что натянута поперекъ другихъ, и велѣлъ королю изготовиться къ Rammarslag, „сильному наигрышу". И король тотчасъ вскочилъ, съ нимъ женихъ и невѣста, и никто не плясалъ такъ бойко, какъ они".—Этимъ и пользуются товарищи Сигурда, чтобы похитить невѣсту.

Кто не вспомнитъ по этому поводу пляску морского царя, когда играетъ Садко (Рыбник. I, 369; Кир. V, 39), волшебное дѣйствіе гуслей-самогудовъ въ народныхъ сказкахъ, сангульдана въ бытовой сценкѣ медвѣжьяго праздника. Бози играетъ на свадьбѣ своей жены, какъ Добрыня скоморохъ; у Бози нѣсколько чудесныхъ, но и страшныхъ мелодій; у Дагде ихъ три. Въ Гудрунѣ Горантъ завлекаетъ красавицу пѣсней, и говорится о трехъ „тонцахъ", drî doene; у Добрыни три наигрыша [1]); наиболѣе поэтическую параллель представляетъ слѣдующая якутская:

„Есть три пѣсни, выросшія изъ одного корня, точно три вѣтви одного дерева. Есть вѣтвь человѣческой души, вѣтвь человѣческаго бога и пѣсня дьявольскаго дыханія. Отъ послѣдней то и сохнутъ деревья". Когда пѣлъ якутскій пѣвецъ Артамонъ, съ женщинами случались истерики, мужчины, очарованные, ослабѣвшіе, не могли

---

[1]) О нихъ см. приложеніе къ этой главѣ.

уйдти, точно маленькія дѣти. Отъ его пѣнія сохли деревья и люди теряли разсудокъ, сказывало преданіе. „Есть пѣсни до того волшебныя, говорится въ другомъ афоризмѣ, что ими нарушается порядокъ... Хорошій пѣвецъ лучшихъ своихъ пѣсенъ не поетъ друзьямъ, людямъ, которыхъ любитъ. Эти пѣсни вносятъ въ жизнь разладъ". Хорошій пѣвецъ не можетъ не пѣть, у него всегда на душѣ пѣсня; если ему не пѣть — мысли у него путаются, въ груди томитъ, все что то не клеится; запоетъ—растревожитъ духовъ. И онъ бываетъ несчастливъ, платится за свою „силу" счастьемъ.

Богато развитъ этотъ мотивъ въ финской народной поэзіи, пробѣгая всѣ стадіи развитія, отъ космическаго вліянія пѣсни до сентиментально-психологическаго. Первое могло быть когда то объектомъ вѣрованія, теперь оно переживаетъ въ формулахъ стиля. „Когда пѣлъ мой отецъ, говорится въ одной пѣснѣ, потъ капалъ съ волосъ, поля колебались въ своихъ межахъ, земля дрожала въ своихъ членахъ; солнце и мѣсяцъ останавливались, чтобы послушать Випунена, созвѣздіе Колесницы, чтобы у него поучиться, воды и волны замедляли свой бѣгъ".

Вейнемейненъ усыпляетъ своей игрой народъ Похьолы, Вейнемейненъ, деміургъ финскихъ вѣрованій, создатель пѣсни, творецъ кантеле. Когда онъ сдѣлалъ ее изъ зубовъ щуки съ струнами изъ конскаго волоса Хіизи, никто не былъ въ состояніи сыграть на немъ, какъ слѣдутъ, одинъ лишь Вейнемейненъ. „Расправивъ персты и усѣвшись на скалѣ, старый, мудрый Вейнемейненъ положилъ гусли себѣ на колѣни и сказалъ: Пусть всякій, кто не слыхалъ старыхъ рунъ, придетъ теперь ихъ послушать. Заигралъ старый Вейнемейненъ, и чудесно зазвучали струны подъ его искусными перстами. Раздались нѣжные, серебристые звуки и понеслись далеко по окрестности. Это была такая пѣснь радости и веселья, что ни одно живое существо не могло удержаться, чтобы не поспѣшить послушать божественнаго пѣвца. Перепрыгивая съ мѣста на мѣсто, бѣлки спѣшили туда, гдѣ раздавалась пѣсня; бѣжали горностаи, лоси и рыси, проснулся въ болотѣ волкъ, поднялся съ песчанаго бора медвѣдь и вскарабкался на самую вершину ели, чтобы не пропустить ни одного звука. Самъ Тапіо, покровитель лѣсовъ, въ сопровожденіи остальныхъ лѣсовиковъ, взобрался на гору послушать нѣжной мелодіи, а хозяйка лѣсовъ, въ синихъ чулкахъ и башмакахъ, перевязанныхъ красными шнурками, задумчиво облокотилась о березу. Быстро разсѣкая воздухъ крыльями, летѣли со всѣхъ сторонъ птицы. Услышавъ тѣ звуки

орелъ и понесся въ ту сторону, покинувъ во гнѣздѣ своихъ птенцовъ. Стрѣлою спустился изъ-за облаковъ ястребъ. Лебеди и утки снялись со своихъ мѣстъ и подлетѣли туда, гдѣ раздавались чудесные звуки; зяблики, жаворонки, чижи и всѣ остальные пѣвцы лѣсовъ весело защебетали и запѣли вокругъ Вейнемейнена, а иные даже усѣлись на его плечи. Даже Луоннетаретъ, дѣвы воздуха, сидя на краю радуги, заслушались этихъ дивныхъ пѣсенъ. Куутаръ, дочь мѣсяца и Пейветеръ, дочь солнца, сидѣли на краю облака за золотой и серебряной пряжей, но лишь только услышали чудесный звонъ кантеле, заслушались и выронили изъ рукъ челноки. Къ берегу подплываютъ тюлени, щуки, лещи, сиги и другія рыбы, чтобы послушать чудесной пѣсни. Показался на поверхности водъ Ахто, царь морской, съ бородой изъ тростника, и заслушавшись тѣхъ звуковъ, проговорилъ: Никогда не приходилось мнѣ слышать такихъ рунъ, какія поетъ Вейнемейненъ. Русалки, расчесывавшія свои прекрасные волосы, заслышавъ чудные звуки, въ изумленіи выронили изъ рукъ гребни и стали подплывать ближе къ берегу. Даже мать водъ, показавшись нѣсколько разъ надъ волнами, облокотилась наконецъ на выступавшую изъ воды скалу и, заслушавшись, позабылась. Такъ два дня игралъ Вейнемейненъ; не только юноши, дѣти и женщины, глубоко тронутые его пѣснями, плакали отъ умиленія, но даже старики, мужи и храбрые витязи не могли удержаться отъ слезъ. Обильныя слезы текли изъ глазъ Вейнемейнена, скатываясь крупными, тяжелыми каплями со щекъ на густую бороду, съ бороды на широкую грудь, съ груди на могучія колѣна, съ колѣнъ на ноги; покатились къ берегу и капули на морское дно. Тамъ онѣ обратились въ жемчужины, которыя достаетъ со дна синекрылая утка".

Текстъ приведенъ по Калевалѣ, составленной Лёнротомъ, а извѣстно, что онъ понималъ роль діасковаста, какъ понимаетъ ее народный пѣвецъ: кое что могло быть прибавлено изъ матерьяла народной же пѣсни, кое что додумано, какъ, напр., эпизодъ о слезахъ—жемчужинахъ. Эстонскія пѣсни о происхожденіи пѣсни и Kannel—кантеле не испытали такого претворенія. Онѣ говорятъ, что для Kannel употреблена была челюсть гигантскаго лосося, зубы щуки, какъ колки, волосы молодой дѣвушки, какъ струны. По одному преданію Wainemuine (Вейнемейненъ) спустился на соборную гору (около Дерпта), гдѣ всѣ твари ждали его, чтобы поучиться „праздничному языку", то-есть, пѣснѣ. Водворилась тишина, все обратилось въ слухъ. Но не всѣ существа одинаково усвоили это пѣніе: деревья подмѣтили лишь

шумъ отъ вѣянія, при которомъ нисходитъ божественный герой, и стали издавать только шелестъ; рѣка Эмбахъ научилась журчать; вѣтеръ издавалъ рѣзкіе звуки, изъ звѣрей—однихъ поразилъ скрипъ колковъ, другихъ—звонъ струнъ; пѣвчія птички, особенно соловей и жаворонокъ, переняли прелюдію; всѣхъ меньше получили на свою долю рыбы, высунувшія изъ воды голову только по уши — онѣ научились шевелить ртомъ и остались на вѣкъ безгласными. Человѣкъ же усвоилъ себѣ все, оттого и пѣсня его доходитъ до глубины души и жилища боговъ.

По другому преданію, записанному у псковскихъ православныхъ эстовъ, kannel устроилъ самъ Jumal=богъ; разказъ о томъ пристроился къ обширному циклу дуалистическихъ повѣрій о міробзданіи [1]). Будто Jumal и злой духъ (Wana halb) стали спорить, кто изъ нихъ раньше изобрѣтетъ музыкальный инструментъ. Jumal взялъ листъ съ дерева и чудно заигралъ, тогда какъ Wana halb трудился нѣсколько дней надъ деревянной дудкой. Стали спорить вторично: Jumal устроилъ kannel, Wana halb — рогъ; побѣда и на этотъ разъ осталась на сторонѣ Jumal'a. Оттого kannel — священный инструментъ, имѣющій силу изгонять злаго духа.

Сила пѣсни, которую иногда трудно отдѣлить отъ чаръ мелодіи, стала общимъ мѣстомъ европейскихъ балладъ и сказокъ, даетъ имъ мотивы, служитъ развязкѣ. Въ англійской балладѣ Glasgerien о героѣ говорится, что онъ совершилъ невиданное: звуками арфы выманилъ рыбу изъ воды, извлекъ воду изъ камня, молоко изъ дѣвичьихъ грудей, что подломился мостъ, остановилась рѣка и левъ прислушался въ восхищеніи. Такъ и въ испанской пѣснѣ: поетъ рыбакъ на палубѣ, и засыпаютъ морскія волны, вѣтеръ обратился въ слухъ, рыбы тянутся изъ глубины и съ мачты внемлютъ птички.

Одно изъ обычныхъ пріуроченій этого мотива — къ любви: пѣсня увлекаетъ. Въ старо-французскомъ Lai d'Ignaurès герой влюбляетъ въ себя своимъ пѣніемъ двѣнадцать женъ двѣнадцати бретонскихъ рыцарей; въ шведскихъ балладахъ такимъ средствомъ привлеченія и соблазна пользуется морской демонъ, Strömkarl; подобные мотивы встрѣчаются въ англійской и голландской народныхъ пѣсняхъ. Въ нѣмецкой разбойникъ пѣсней выманиваетъ царевну изъ замка, и она бѣжитъ съ нимъ въ темный лѣсъ; въ французской такъ заманиваютъ разбойники дѣвушку на корабль. Либо чары пѣсни и любви

[1]) См. мои Разысканія №№ XI и XX.

исходятъ отъ дѣвушки: въ старыхъ датской и шведской балладахъ рыцаря Тупре увлекла на охотѣ Ulfva, дочь дверга, и привораживаетъ его къ себѣ звуками арфы: все въ природѣ прислушивается въ восхищеніи, звѣри и человѣкъ, растенія и цвѣты; лѣсные звѣри не трогаются съ мѣста, птицы забыли свои пѣсни, сизый соколъ покоится на крыльяхъ, рыба пріостановилась, поля разукрасились цвѣтами и все позеленѣло. Рыцарь пришпориваетъ коня, но конь не можетъ тронуться, и Тупре сходитъ съ него точно въ чаду, очарованный, идетъ молить красавицу о любви. Недаромъ въ средневѣкой Германіи о чарующей мелодіи скрипача говорили, что это лейхъ, пѣсня эльфовъ. Albleich.

Порой такая пѣсня раздается отъ лица узника: въ нѣмецкой онъ такъ поетъ, что птицы останавливаются въ воздухѣ, дѣти засыпаютъ въ колыбели, а пажи королевы не могутъ сдвинутся съ мѣста, точно ихъ околдовали. Въ испанско-португальскомъ романсѣ Reginaldo навлекъ на себя опалу; мать проситъ его спѣть ту самую пѣсню, которую пѣлъ когда то его отецъ въ Иванову ночь. Король слышитъ пѣвца и, тронутый пѣсней, посылаетъ дочь провѣдать, кто это поетъ, точно ангелы въ небѣ или морскія сирены. Узнаютъ, что то Reginaldo, и онъ прощенъ.

На обрядовой степени развитія мы встрѣтили-бы вмѣсто всего этого серьезную кантилену—заговоръ, вмѣсто баллады о рыцарѣ Тупре—присушку: Въ печи огонь горитъ и тлитъ дрова, такъ-бы тлѣло сердце у такого-то.

d) Откуда берется пѣсня у пѣвца? Его пѣсня-заговоръ властна надъ богами, и мы видѣли, до какой степени самосознанія доходили въ этомъ отношеніи индусскіе жрецы и друиды Ирландіи. А между тѣмъ даръ пѣснопѣнія и нераздѣльной съ нимъ даръ музыки нисходитъ на нихъ откуда-то свыше, отъ тѣхъ самыхъ силъ, на которыя они старались вліять, отъ боговъ. Они посылаютъ пѣсню каждый своему служителю: θέσπις ἀοιδή, ἀοιδὴ θεσπεσίη, θέσπις ἀοιδός; богамъ, миѳическимъ героямъ приписывается изобрѣтеніе музыкальныхъ инструментовъ. Выдѣленіе особаго бога, вѣдающаго пѣсню, впослѣдствіи—поэзію, должно было сопутствовать разложенію обрядоваго акта по путямъ культа и профессіональной пѣсни. Сѣверо-американскіе индѣйцы (Seneca) говорятъ, что ихъ жатвенныя пѣсни даны имъ „великимъ мужемъ, что вверху", Ha-we-ni-ju; подобныя представленія существуютъ у туземцевъ Мексики и Юкатана; латышамъ пѣсню приноситъ Лайма, въ христіанской замѣнѣ—Марія.

Пѣсню пою, какова она есть,
Она не иною сочинена,
Ее написала маменька,
Когда я спала (спалъ) въ колыбели,
И маменька не знала-бы,
Если-бы Лайминя ей не сказала.

Или:

Милая Лайма, дочь Бога,
Приходи сочинять пѣсенки;
Скажи пѣсенку, пой сама
О молодыхъ, о старыхъ.

Либо:

Когда я пою, прекрасно пою,
Когда я плачу, жалобно плачу;
Какъ мнѣ прекрасно не пѣть,
Маря, сказительница пѣсенъ?
Какъ мнѣ жалобно не плакать,
Когда я была сиротинушкой?

„Я могу спѣть всякую пѣсню", говоритъ кара-киргизскій Акуп (пѣвецъ): Богъ послалъ мнѣ въ сердце даръ пѣсенъ, такъ что мнѣ искать нечего: ни одной изъ моихъ пѣсенъ я не выучилъ, все вышло изъ меня, изъ нутра".

Миѳологическій образъ Вуотана—Одина выработался постепенно: на сѣверѣ ему приписывали изобрѣтеніе рунъ, похищеніе мёда, сообщающаго даръ пѣсенъ, онъ Fimbulþulr, глава, начальникъ, покровитель þulir; онъ—отецъ саги. Позже, въ пору викинговъ, когда типъ Одина получилъ воинственнный характеръ, его стали представлять властителемъ, королемъ; у него дворецъ, дружина, а въ дружинѣ—пѣвецъ; не Одинъ теперь внушитель пѣсни, а Bragi; одинъ изъ эпитетовъ Одина (англосакс. brego—princeps; сѣв. bragnar=герои, люди) отвлеченъ отъ него и сталъ самостоятельнымъ: онъ служитель Одина, украшеніе его стола, пѣвецъ боговъ, богъ поэзіи. Мы знаемъ обрядовое значеніе bragarfullr [1]); теперь bragr—поэзія.

Сходный процессъ произошелъ на греческой почвѣ. Древнее представленіе Аполлона было разностороннее, смѣшанное по содержанію и разнообразію аттрибутовъ; со временемъ изъ этого синкретизма выступаютъ яснѣе типы бога свѣта и солнца (Аполлонъ—Фебъ) и Аполлона, вооруженнаго киѳарой или лирой, которую изобрѣлъ Гермесъ; онъ-же снабдилъ семью струнами Аполлона Музагета. Муза, позднѣе

---

[1]) Сл. выше стр. 18.

Музы, также вышли изъ подобнаго-же синкретизма и примкнули къ культу Аполлона; отъ Музъ и Аполлона пошли аэды и киѳаристы, говоритъ Гезіодъ; Орфей и Линъ—сыновья Калліопы; музы вдохновляютъ гомеровскаго пѣвца, Демодока.

Муза его при рожденіи зломъ и добромъ одарила:
Очи затмила его, даровала, за то пѣснопѣнье.

Она, дочь Дія, „внушаетъ пѣвцу возгласить о вождяхъ знаменитыхъ“, научила его пѣнію; но вмѣстѣ съ ней является Фебъ и боги вообще: остатокъ болѣе древняго, не спеціализованнаго представленія. Демодокъ „даръ пѣсенъ пріялъ отъ боговъ“, божественнымъ пѣніемъ боги его одарили; я не отъ себя пою, богъ внушилъ мнѣ пѣсни—были, говоритъ Фемій (Od. X 347—8), Телемакъ проситъ мать не препятствовать Фемію пѣть „что въ его пробуждается сердцѣ“; виноваты въ пѣснѣ не пѣвцы, а Зевсъ, посылающій ее; Фемію судьба (Νέμεσις) пѣть о несчастной долѣ Данаевъ (Od. I 345 слѣд.).

Внушеніе, передача пѣсни понималась въ началѣ реально, въ уровень съ представленіями, что смѣшеніе крови устанавливаетъ родовую связь, что съѣсть сердце врага значитъ переселить въ себя его храбрость. Остатки такого рода идей можно прослѣдить вплоть до теоріи вдохновенія. Даръ пѣсенъ сообщается чудеснымъ *напиткомъ*. Мы знаемъ значеніе обрядоваго Kvásir'а; индійскій Сома также принадлежитъ обряду: онъ творецъ пѣснопѣній, но и творецъ неба и земли, Агни и Суры, Индры и Вишну, что отвѣчаетъ индійскому вѣрованію о деміургической силѣ жреческой молитвы. „Васъ, о Ашвины, призывалъ громкими пѣснями къ питью Сомы пѣвецъ Атри, зову и я“, говорится въ одномъ гимнѣ Ригведы.—Я только напомню греческую Иппокрену на Геликонѣ и Касталійскій источникъ на Парнасѣ съ ихъ отношеніями къ музамъ и Аполлону. Дары Діониса также входятъ въ эту связь: Эсхила называли его товарищемъ, самъ богъ явился ему и посвятилъ въ трагическіе поэты; разказывали, что онъ творилъ безсознательно въ чаду вина.

Поэзія, даръ слова—*снидь*, нѣчто вкладываемое со стороны механически. Музы изливаютъ чудесную росу на уста властителей, которыхъ они взыскали съ колыбели, и изъ ихъ устъ выходятъ слова, сладкія, что мёдъ (Hes. Theog. 84 слѣд.). Романъ сталъ пѣснопѣвцемъ, съѣвъ хартію, которую въ сновидѣніи подала ему Богородица. Архангелъ Гавріилъ явился къ Магомету и, вынувъ сердце, вложилъ новое съ хартіею, на которой написана была суть Корана. Пастухъ Hallbjǫrn пригонялъ стадо къ могильному холму Скальды Þorleif'а

и проводилъ тамъ ночь. Часто приходило ему желаніе сложить хвалебную пѣснь про покойнаго, да не хватало умѣнья; начнетъ бывало: „Здѣсь покоится скальдъ“, а далѣе ничего не выходило. Снится ему однажды, что изъ холма вышелъ мужъ высокій ростомъ, хорошо одѣтый, и говоритъ: „Лежишь ты здѣсь, Hallbjǫrn, и затѣялъ нѣчто, на что ты не способенъ: сложить пѣсню въ мою хвалу. Одно изъ двухъ: или этотъ даръ явится и дастся тебѣ больше, чѣмъ многимъ другимъ, на что я и надѣюсь; либо—оставь напрасный трудъ“. Онъ коснулся его языка и произнесъ четверостишіе; если, проснувшись, Hallbjǫrn его запомнитъ, изъ него выйдетъ толкъ. И Hallbjǫrn сталъ скальдомъ.

Въ другихъ разказахъ механическое перенесеніе замѣнено внушеніемъ: такова легенда о Кэдмонѣ, о Евѳиміи Иберѣ: въ Константинополѣ онъ забылъ грузинскій языкъ; во время болѣзни явилась ему Богородица; „почему ты такъ плачешь“? спрашиваетъ Она его.—Я сильно боленъ, святая царица. „Встань и говори по грузински, ибо ты выздоровѣешь“. Онъ всталъ, и началъ говорить съ краснорѣчіемъ Гомера. Сходное разказывается о туркоманскомъ поэтѣ Machdoun Kouli, котораго почитаютъ святымъ, его писанія боговдохновенными. Однажды, когда онъ заснулъ на своемъ конѣ, онъ увидѣлъ себя въ Меккѣ, будто онъ сидитъ между пророкомъ и первымъ калифомъ. Сталъ онъ оглядываться и увидѣлъ Омара, покровителя туркомановъ, который подозвалъ его къ себѣ, благословилъ и коснулся его лба. Съ тѣхъ поръ Machdoun Kouli сталъ поэтомъ.

По абиссинскому сказанію св. Духъ явился св. Яреду въ видѣ голубя и наставилъ его въ чтеніи, письмѣ и музыкѣ.

Идеи судьбы, доли, унаслѣдуемой въ родѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію, выражается матерьяльнымъ образомъ *связи* [1]). Даръ пѣсенъ, музыки переходилъ такимъ-же путемъ. По хорватскому повѣрью каждую пятницу передъ новымъ мѣсяцемъ съ неба спускается вила, садится на дерево, съ нею двѣ женщины, другія стоятъ вокругъ и прядутъ. Мудрыя наставленія сообщаются имъ вещественно: другаго значенія не имѣетъ та черта, что, пока вила говоритъ, всѣ слушательницы внизу и вверху соединены между собою одною нитью пряжи. Пѣсня „тчется“, какъ тчется судьба.

Наконецъ *передача духа*, *одержимость* чужимъ духомъ, сообщаютъ даръ пѣсни, что входитъ въ рядъ распространенныхъ представленій объ одержимости пророковъ, корибантовъ, людей, преслѣдуемыхъ эринніями

[1]) См. мои Разысканія XIII, стр. 208 слѣд.

и т. под. Австралійскій пѣвецъ получаетъ его во снѣ отъ духа умершаго, обыкновенно родственника; у грековъ поэты одержимы нимфами, духомъ нифмъ, νυμφόληπτοι; муза одного корня съ μανία, μάντις. Это основа ученія о *вдохновеніи*, объ *энтузіазмѣ*; онъ годился для древнѣйшаго развитія своей не матеріальною матерьяльностью, Платонъ привелъ это ученіе въ систему, съ тѣхъ поръ поэты повторяли его на всѣ лады, эстетики толковали. Изъ четырехъ родовъ восторга, μανία, одинъ исходитъ изъ музъ, говоритъ Платонъ. „Кто безъ маніи (κατοχή—одержаніе), внушаемой музами, приходитъ ко вратамъ поэзіи, думая, что искусствомъ (ἐκ τέχνης) изъ него сдѣлается хорошій поэтъ, тотъ никогда не достигнетъ совершенства, и поэзія его, какъ поэзія разумнаго (τοῦ σωφρονοῦντος) будетъ отличаться отъ поэзіи безумствующихъ“ (Федръ). „Какъ цѣпь желѣзныхъ колецъ заимствуетъ свою силу отъ магнита, такъ музы посылаютъ вдохновеніе пѣвцамъ, которые сообщаютъ его другимъ, и такъ составляется цѣпь людей вдохновенныхъ (διὰ δὲ τῶν ἐνθέων τούτων ἄλλων ἐνθουσιαζόντων ὁρμαθὸς ἐξαρτᾶται). Въ самомъ дѣлѣ не искусствомъ, но энтузіазмомъ и вдохновеніемъ великіе эпическіе поэты сочиняютъ свои.... произведенія. Славные лирики также, подобно людямъ, волнуемыхъ безуміемъ корибантовъ, пляшущихъ внѣ себя, не остаются въ умѣ своемъ, когда творятъ изящныя пѣснопѣнія: какъ скоро вошли они въ ладъ гармоніи и ритма, то преисполнены безуміемъ, объемлются восторгомъ, подобно восторгу вакханокъ, которыя во время упоенія черпаютъ въ рѣкахъ молоко и мёдъ, что не бываетъ съ ними въ спокойномъ расположеніи духа. Въ душѣ лирическихъ поэтовъ въ самомъ дѣлѣ совершается то, чѣмъ они хвалятся. Они говорятъ намъ, что черпаютъ въ медовыхъ источникахъ, летаютъ подобно пчеламъ по садамъ и долинамъ музъ и въ нихъ собираютъ пѣсни, которыя намъ поютъ. Они говорятъ правду. Поэтъ, въ самомъ дѣлѣ, существо легкое, крылатое и святое; онъ можетъ творить тогда только, когда объемлетъ его восторгъ, когда онъ выйдетъ изъ себя и разсудокъ покинетъ его; пока онъ при немъ, человѣкъ не способенъ творить все и изрекать пророчества. Поэтъ, по жребію Божію, успѣваетъ лишь въ томъ родѣ, къ которому муза его призываетъ (въ диѳирамбѣ, похвальной одѣ, плясовой пѣснѣ, эпосѣ, ямбахъ), и всѣ будутъ слабы во всякомъ другомъ, потому что ихъ внушаетъ искусство, а не божественная сила. Если-бы искусствомъ они умѣли творить, они могли-бы успѣть въ разныхъ родахъ. А цѣль, ввиду которой богъ, отъемля у нихъ смыслъ, употребляетъ ихъ, какъ своихъ служителей, наравнѣ

съ пророками и гадателями, та, чтобы, внимая имъ, мы познавали, что не сами собою они говорятъ намъ вещи чудныя, ибо они внѣ своего разума, а что черезъ нихъ намъ глаголетъ самъ богъ" (Іонъ).

Поэты усвоили эту теорію, то побрякивая ея формулами, какъ общимъ мѣстомъ, то проникаясь ею до самочувствія, плодя новые образы.

Убогому пѣть не тяжелый былъ трудъ,
А пѣсня ему не въ хвалу и не въ судъ,
Зане онъ надъ нею *не воленъ*.
Она, какъ рѣка въ половодье, сильна,
Какъ росная ночь благотворна,
Тепла и душиста какъ въ маѣ весна,
Какъ солнце привѣтна, какъ буря грозна,
Какъ лютая смерть необорна.
Охваченный ею не можетъ молчать,
Онъ рабъ ему чуждаго духа,
Вожглась ему въ грудь вдохновенья печать,
Неволей иль волей—онъ долженъ вѣщать,
Что слышитъ подвластное ухо.

Два теченія и, вмѣстѣ, два опредѣленія выяснились намъ въ праисторіи поэзіи къ той порѣ, когда ее понимаютъ уже какъ искусство и личный актъ. Къ первому пришли ирландскіе филы, подчеркнувъ идею *труда* и усвоеніе преданія, что не всякому дается: въ родословной фила есть и Знаніе и Великая Наука, Размышленіе и Просвѣщеніе и отецъ поэта—Искусство. Второе опредѣленіе, назначенное уяснить особенности личнаго поэтическаго процесса, въ сущности принижаетъ его, перенося его внѣ личности: теорія вдохновенія не далеко ушла отъ представленій поэзіи напиткомъ и снѣдью. Поэтъ одержимъ „чуждымъ духомъ" (*вдохновеніе*, *одержаніе*); онъ его рабъ, не владѣетъ своимъ умомъ, безумствуетъ, какъ корибанты (*безуміе*). Это такъ же мало объясняетъ природу того, что мы называемъ творчествомъ, какъ увѣреніе финскаго пѣвца, что свои пѣсни онъ подобралъ на дорогѣ, сметалъ съ кустовъ, что ему ихъ навѣяли вѣтры; какъ Гётевское „Ich singe wie der Vogel singt." Разумѣется, образъ одержимости давно пересталъ ощущаться реально, но онъ надолго заслонилъ пониманіе личнаго психологическаго процесса, свойственнаго всѣмъ намъ, потенцированнаго у поэтовъ, у которыхъ

. . . быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ. (*Пушкинъ*).

Пушкину знакомо и вдохновеніе, и Муза, „наперсница волшебной старины“, и демонъ, обладавшій его играми и досугомъ:

За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ;

и наитіе поэзіи:

Пробуждается поэзія во мнѣ,
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленьемъ.

Но когда онъ пытался уяснить самому себѣ сущность того, что въ немъ происходило, онъ забывалъ поэтическіе образы и, выключая изъ понятія вдохновенія ложно-классическую категорію „восторга“, предъявлялъ поэту требованія труда, работы мысли. Вдохновеніе, говорилъ онъ, „есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и къ объясненію оныхъ. Восторгъ исключаетъ спокойствіе, необходимое условіе прекраснаго. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ не продолжителенъ, не постояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго“. Борисъ Годуновъ—плодъ вдохновенія и труда: „писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія“.

Мой своенравный геній
Позналъ и тихій *трудъ* и жажду размышленій...
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ.

—

Я зналъ *и трудъ и вдохновенье*,
И сладостно мнѣ было *жаркихъ думъ*
Уединенное волненье.

Изучить общіе процессы этого волненія—задача психологіи; особенности и причины ихъ личнаго выраженія ускользаютъ отъ теоріи климата, врожденности и среды и даже отъ анализа доктора Тулузъ; Музы и вдохновеніе уволены въ арсеналъ старыхъ формулъ, ничего не значущихъ, но служившихъ поколѣніямъ для „свободнаго

проявленія“ ихъ поэтическихъ думъ. Изъ такихъ формулъ состоитъ весь нашъ поэтическій языкъ; въ этомъ интересъ его изученія.

Наигрыши Добрыни.

(приложеніе къ стр. 20 слѣд.).

Къ матеріаламъ, сообщеннымъ выше для характеристики силы пѣсни, я привлекъ и наигрыши Добрыни. Это требуетъ объясненія и поставитъ нѣсколько вопросовъ о мотивахъ, вошедшихъ въ составъ былины „о Добрынѣ въ отъѣздѣ“.

Уѣзжая, Добрыня заказываетъ женѣ—ждать его столько-то лѣтъ, а потомъ пусть выходитъ замужъ, только не за брата названаго, Алёшу Поповича. Въ небольшой группѣ былинъ жена просто не дождалась и готова выйдти за Алёшу (Гильф. №№ 23, 26, 33, 36), не послушала мужнина наказа — обождать, пока голубь съ голубкой не оповѣстятъ ее о его смерти, или его конь не прибѣжитъ на дворъ (Гильф. № 80). Въ одномъ пересказѣ (Гильф. № 168) жена рѣшается выйдти замужъ, получивъ ложную вѣсть о смерти Добрыни, но не отъ Алёши, какъ въ большинствѣ варьянтовъ, изображающихъ его измѣнникомъ; въ западныхъ параллеляхъ къ нашему сюжету говорится о предателѣ, сообщающемъ именно такую коварную вѣсть и притязающемъ на руку вдовы.

На свадьбу своей жены съ Алёшей является Добрыня въ личинѣ скомороха и поетъ, намекая на себя. Догадывается жена (Гильф. №№ 215, 222, 228, 306), присутствующіе на пиру (Гильф. № 5: что пріѣхалъ „удалый русскій богатырь; № 107: видно Добрыня вернулся, „не бывать намъ на пиру никому живымъ“; № 290: „которые на пиру догадалисе, А зъ заранья съ пиру убиралисе“; сл. № 292), или самъ Владиміръ (Гильф. № 65). Но эта догадка не приводитъ непосредственно къ признанію: оно совершается, когда Добрыня опустилъ свой перстень въ кубокъ съ виномъ. Замѣтимъ, что въ пѣсняхъ и сказкахъ типа „мужа на свадьбѣ жены“, гдѣ онъ является пѣвцомъ или игрецомъ (сѣверная баллада о Торѣ, нѣмецкая о Мёрингерѣ), спознаніе также приводится не пѣсней, а кольцомъ, либо за игрой въ шахматы, какъ, наоборотъ, въ моравскомъ варьянтѣ у Sušil'a, 131, въ сербскихъ пѣсняхъ о Маркѣ и Ильѣ, въ польской о панѣ Думбровѣ и сказкѣ объ Ашикъ—Керибѣ развязкой дѣйствія служитъ пѣсня, не перстень. Возможенъ вопросъ: не являются-ли догадка по

пѣснѣ и признаніе по кольцу накопленіемъ однозначущихъ мотивовъ? № 215 Гильф. приводитъ ихъ въ связь, одинъ какъ бы психологически подготовляетъ другой: жена слышитъ пѣсню, догадывается и сама подаетъ мужу кубокъ, въ который онъ и опускаетъ кольцо.

О чемъ-же пѣлъ Добрыни? Въ одной былинѣ (Рыбн. I, 132) говорится, что онъ былъ у Царьграда, когда получилъ вѣсть о второмъ бракѣ жены; въ другой (Гильф. стр. 1018), что онъ стоялъ три года подъ Царьградомъ, три года подъ Іерусалимомъ. Было ли такъ разказано въ древнихъ о немъ былинахъ, или города эти попали въ нынѣшній ихъ составъ изъ напѣвокъ, наигрышей Добрыни, уже успѣвшихъ обратиться въ формулу—мы не знаемъ. Содержаніе наигрышей опредѣлено ихъ цѣлью: дать понять, кто такой захожій скоморохъ. Онъ будетъ пѣть о Царьградѣ, а затѣмъ и о Кіевѣ, гдѣ онъ, очевидно, у себя дома, всѣхъ знаетъ:

А играетъ то Добрыня въ Кіеви,
А на выигрышъ беретъ да во Цари-гради,
А отъ стараго да всѣхъ до малаго
А повыигралъ поименно. (*Гильф.* № 5)

либо:

Игралъ онъ въ Цариградѣ,
А на выигрышъ беретъ все въ Кіевѣ (*Кир.* II, 37).

Либо является тройственность: Царьградъ, Іерусалимъ, Кіевъ; въ связи съ Кіевомъ „похожденія" Добрыни; иногда они и стоятъ вмѣсто Кіева; именно кіевскія откровенія и должны были заставить догадаться, что пріѣзжій не кто иной, какъ Добрыня. Эта тройственность наигрыша полюбилась, стала формулой, которая развивалась и искажалась:

Ёнъ игрищо игралъ отъ Царяграда,
Другое игралъ отъ Еросолима
Третье игралъ отъ Кіева
И похожденія выигрывалъ Добрынины.
(*Гильф.* № 290; сл. № 292).

Либо: отъ Кіева до Царьграда, отъ Царьграда до Ёросалиму, съ Еросалима къ землѣ Сорочинской (Гильф. № 80); струночку играетъ отъ синя моря, Другую играетъ отъ Царяграда, А третьюю отъ Еросалима, А все похожденьицо Добрынюшкино (Гильф. № 306);

Первый разъ игралъ отъ Царяграда,
Другой разъ игралъ отъ Іерусалима,
Третій разъ сталъ наигрывати,
Все свое похожденіе разсказывати (*Рыбн.* III, 16).

Далѣе являются уже искаженія: Онъ съ Кѣева игралъ все до Новаграда, А й съ Новаграда все до Кіева (Гильф. № 43); Тонцы повелъ отъ Новáграда, Другіе повелъ отъ Царяграда (Гильф. № 65); Ёнъ перву́ (струну) наладилъ съ града съ Кіева, Ёнъ другую наладилъ изъ Чернигова, Ёнъ вѣдь третьюю изъ Каменной Москвы (Гильф. № 207).

Формула полюбилась, приладилась къ игрѣ Ставра, Соловья Будимировича, Садка; въ былинѣ о похищеніи Соломоновой жены совѣтуется поставить на корабль гуселышки,

Чтобы сами и гудѣли и тонцы вели,
Тонцы то вели бы съ Царяграда,
Утѣхи то были Іерусалима,
Отпѣвали умъ-разумъ въ буйной головѣ.

Имѣется ввиду волшебное дѣйствіе пѣсни, мелодіи, увлекающей къ любви неудержно, противъ воли. Съ такими мотивами мы познакомились выше [1]).

Какое значеніе имѣли наигрыши Добрыни помимо цѣлей несовершившагося или неполнаго признанія? О вліяніи Добрыниной пѣсни говорятъ: „всѣ на пиру пріутихли, сидятъ", либо „призадумались, игры призаслухались"; такой игры „на свѣтѣ не слыхано, на бѣломъ игры не видано". Но есть и болѣе рельефныя выраженія впечатлѣній: Добрыня играетъ сначала „по уныльнёму, по умильнёму", и всѣ призаслушались; затѣмъ заигралъ по веселому: „какъ всѣ они тутъ да разскакалисе, какъ всѣ они затымъ вѣдь расплясалисе". (Гильф. № 49). Таково вліяніе игры въ сагѣ о Бози; пѣсня Добрыни дѣйствуетъ и того страшнѣе: по одному варьянту, когда онъ заигралъ, „всѣ на пиру оглянулися, всѣ на пиру *ужахнулися*"; замѣтимъ, что по одному пересказу (Гильф. № 80) въ Добрынинъ лукъ, „въ тупой конецъ", введены были гуселышки яровчаты и что когда товарищъ Добрыни, Иванъ Дубровичъ, заигралъ на этомъ лукѣ-гусляхъ, всѣ „игроки пріимолкнули, всѣ скоморохи пріослухались".

Мотивъ „страшной" пѣсни примкнулъ къ нашимъ богатырскимъ каликамъ какъ общее мѣсто, настоящее положеніе котораго въ составѣ духовнаго стиха едва-ли отвѣчаетъ его назначенію. Калики просятъ милостыни:

Скричатъ калики зычнымъ голосомъ,
Дрожитъ матушка сыра земля,

[1]) См. выше стр. 23 слѣд.

Съ деревъ вершины попадали,
Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали.
. . . .
Съ тереиовъ верхи повалилися,
А съ горницъ охлопья попадали,
Въ погребахъ питья всколебалися
(*Безсоновъ*, Калики I, № 4, стр. 9—10; *сл.* № 5, стр. 21).

Я полагаю, что все это—разбросанныя черты о „страшной игрѣ Добрыни, непонятныя въ настоящей ихъ связи, какъ загадочными являются гусельщики, влитые въ пуговки Чурилы, если не возвести ихъ къ искаженному въ нихъ оригиналу. Въ былинѣ о Добрынѣ въ отъѣздѣ могли слиться два мотива: а) мужъ возвращается съ отлучки на свадьбу жены, даетъ знать о себѣ перстнемъ, удаляетъ соперника; b) жена похищена, мужъ является переодѣтый скоморохомъ, ужасаетъ всѣхъ своей игрой и пользуется суматохой, чтобы увезти жену. Послѣдній мотивъ „похищенія" могъ указать старой пѣснѣ ея мѣсто въ свадебномъ ритуалѣ, въ связи съ обрядовымъ переживаніемъ „умыканія"; въ этомъ ритуалѣ она осталась (напримѣръ въ Польшѣ и у болгаръ) и въ той формѣ, въ которой она теперь популярна, то-есть съ мотивомъ возвращающагося изъ отлучки мужа. Можетъ быть, и въ пѣснѣ о возвращеніи отразились бытовыя черты, связывавшія ее съ одной изъ древнихъ формъ брака, устраненныхъ жизнью, но сохранившихся въ свадебной символикѣ. Я имѣю ввиду обычай, по которому вдова становилась собственностью клана, который самовластно распоряжался ея вторичнымъ бракомъ; наиболѣе извѣстенъ институтъ левирата, отдававшій вдову старшаго брата въ жены младшему. Древняя легенда о женихахъ Пенелопы отразила. по мнѣнію Крука, такія именно отношенія: Одиссей въ отлучкѣ, его считаютъ погибшимъ, женихи Пенелопы—это члены клана, предъявившіе свои притязанія по праву; Гомеру эти отношенія были уже неясны, и законное требованіе представилось ему насиліемъ.—Въ пѣсняхъ о „мужѣ на свадьбѣ жены" ее принуждаютъ къ второму браку родные, отецъ, братья и сестры (скандинавская баллада, сербская пѣсня), тесть (албанская пѣсня); Владиміръ насильно выдаетъ жену Добрыни за его названаго брата Алёшу, притомъ меньшаго. Посягнуть на жену побратима такъ же преступно, какъ и въ подобныхъ отношеніяхъ кумовства[1]); но зачѣмъ понадобился здѣсь этотъ

[1]) См. Гетеризмъ и т. д., l. c. стр. 804.

мотивъ преступности? Въ западныхъ параллеляхъ къ нашему сюжету говорится о предателѣ, сообщающемъ ложную вѣсть о смерти мужа; этого достаточно; предателемъ является и Алёша; его побратимство либо double emploi, либо замѣнило болѣе древнія представленія: онъ могъ быть родичемъ, братомъ мужа; оттуда его притязанія на вдову.

III.

Языкъ поэзіи и языкъ прозы.

I.

Никто не задумается отвѣтить на вопросъ, предполагаемый этимъ заглавіемъ, и отвѣтитъ фразой, выражающей огульное впечатлѣніе, въ которомъ личные вкусы, какъ бы они ни были разнообразны, сошлись въ единствѣ унаслѣдованнаго преданія. Изучить это преданіе въ его фактическомъ развитіи и генезисѣ, значило-бы объяснить или узаконить и самое впечатлѣніе. Въ слѣдующихъ строкахъ я намѣчаю лишь путь, по которому можно было-бы пойдти изслѣдователю, если-бы всѣ необходимые для того факты были подъ рукою.

Дѣло идетъ объ отличіи языка поэзіи отъ языка прозы. Мы скажемъ, не обинуясь: языкъ поэзіи съ лихвой орудуетъ образами и метафорами, которыхъ проза чуждается; въ ея словарѣ есть особенности, выраженія, которыя мы не привыкли встрѣчать внѣ ея обихода, ей свойственъ ритмическій строй рѣчи, котораго, за исключеніемъ нѣкоторыхъ моментовъ аффекта, чуждается обыденная, дѣловая рѣчь, съ которой мы обыкновенно сближаемъ прозу. Я говорю о ритмическомъ строѣ, не имѣя ввиду ритмъ стиха, заостреннаго или незаостреннаго риѳмой: если для Гёте поэзія становится таковой лишь при условіи ритма и риѳмы (Leben III, II), то мы уже успѣли пріучиться къ „стихотвореніямъ“ въ прозѣ (Тургеневъ), къ стихамъ, не знающимъ размѣра, но производящимъ впечатлѣніе поэзіи (Walt Whitman), какъ съ другой стороны знаемъ „цвѣтущую“, поэтическую прозу, облекающую порой весьма низменное содержаніе. Шереръ допускаетъ и эпосъ въ прозѣ, историческое произведеніе въ стилѣ эпопеи и не въ стихахъ; но мы, разумѣется, не сочтемъ поэзіей научную тему потому лишь, что она изложена стихами, съ обиліемъ образовъ и соотвѣтствующимъ реторическимъ приборомъ.

Таково наше впечатлѣніе, и мы, естественно, склонны заключить, что выборъ того или другаго стиля или способа выраженія органически обусловленъ содержаніемъ того, что мы назовемъ поэзіей или прозой по существу и къ чему подберемъ соотвѣтствующее опредѣленіе. Но вѣдь содержаніе мѣнялось и мѣняется: многое перестало быть поэтичнымъ, что прежде вызывало восторгъ или признаніе, другое водворилось на старое мѣсто, и прежніе боги въ изгнаніи. А требованія формы, стиля, особаго языка въ связи съ тѣмъ, что считается поэтическимъ или прозаически-дѣловымъ, осталось то-же. Это и даетъ право отнестись къ поставленному нами вопросу опредѣленно-формально: что такое языкъ поэзіи и языкъ прозы? Отличіе ощущается, требуется, несмотря на историческія измѣненія, которыя могли произойдти въ составѣ того или другаго стиля.

Французскіе Parnassiens утверждали, что у поэзіи такой-же спеціальный языкъ, какъ у музыки и живописи, и у него своя особая красота. Въ чемъ-же состоитъ она? спрашиваетъ Бурже. Не въ страсти, потому что самый пылкій любовникъ можетъ излить свое чувство въ трогательныхъ стихахъ, далеко не поэтичныхъ; не въ истинѣ идей, потому что величайшія истины геологіи, физики, астрономіи едва-ли подлежатъ поэзіи. Наконецъ, не въ краснорѣчіи. И вмѣстѣ съ тѣмъ и краснорѣчіе, и истина, и страсть могутъ быть въ высшей степени поэтичны — при извѣстныхъ условіяхъ, которыя и даны въ спеціальныхъ свойствахъ поэтическаго языка: онъ долженъ вызывать, подсказывать образы или настроеніе сочетаніями звуковъ, такъ тѣсно связанныхъ съ тѣми образами или настроеніями, что они являются какъ-бы ихъ видимымъ выраженіемъ.

Мнѣ нѣтъ нужды останавливаться на разборѣ этой школьной теоріи; важно признаніе особаго поэтическаго стиля; это понятіе и слѣдуетъ поставить въ историческое освѣщеніе.

Различая языкъ поэзіи отъ языка прозы, Аристотель (Риторика, кн. III, сл. 2) дѣйствуетъ, какъ протоколистъ, записывающій свои наблюденія надъ фактами, распредѣляющій ихъ по широкимъ категоріямъ, оставляя между ними переходныя полосы и не подводя общихъ итоговъ. Главное достоинство стиля — это ясность, говоритъ онъ; стиль не долженъ быть „ни слишкомъ низокъ, ни слишкомъ высокъ", но долженъ подходить (къ предмету рѣчи); и *поэтическій стиль, конечно, не низокъ*, но онъ не подходитъ къ ораторской рѣчи. Изъ именъ и глаголовъ тѣ отличаются ясностью, которые вошли во всеобщее употребленіе. Другія имена, которыя мы перечислили въ со-

чиненіи, касающемся поэтическаго искусства (Поэтика, гл. 23), дѣлаютъ рѣчь не низкой, а *изукрашенной*, такъ какъ отступленія (отъ рѣчи обыденной) способствуютъ тому, что рѣчь кажется болѣе *торжественной*: вѣдь люди такъ-же относятся къ стилю, какъ къ иноземцамъ—и своимъ согражданамъ. Поэтому-то слѣдуетъ придавать языку характеръ *иноземнаго*, ибо люди склонны удивляться тому, что (приходитъ) издалека, а то, что возбуждаетъ *удивленіе*, пріятно. Въ стихахъ многое производитъ такое дѣйствіе и годится тамъ (то-есть въ поэзіи) потому, что и предметы и лица, о которыхъ (идетъ) тамъ рѣчь, болѣе удалены (отъ житейской прозы). Но въ прозаической рѣчи такихъ средствъ гораздо менѣе, потому что предметъ ихъ менѣе возвышенъ; здѣсь было-бы еще непріятнѣе, еслибы рабъ, или человѣкъ слишкомъ молодой, или кто нибудь, говорящій о слишкомъ ничтожныхъ предметахъ, выражался возвышеннымъ слогомъ. Но и здѣсь прилично говорить то принижая, то возвышая слогъ сообразно (съ трактуемымъ предметомъ).

Холодность стиля продолжаетъ Аристотель (гл. 3), происходитъ: 1) отъ употребленія сложныхъ словъ, 2) отъ необычныхъ выраженій, 3) отъ ненадлежащаго пользованія эпитетами и 4) отъ употребленія неподходящихъ метафоръ. Здѣсь мы снова переходимъ къ вопросу объ отличіяхъ поэтическаго слога: не слѣдуетъ употреблять эпитеты длинные, неумѣстно и въ большомъ числѣ: *въ поэзіи*, напримѣръ, вполнѣ возможно назвать *молоко бѣлымъ*, въ прозѣ же (подобные эпитеты) совершенно неумѣстны; если ихъ *слишкомъ много*, они обнаруживаютъ (реторическую искусственность) и доказываютъ, что *разъ нужно ими пользоваться, это есть уже поэзія*, такъ какъ употребленіе ихъ измѣняетъ обычный характеръ рѣчи и сообщаетъ стилю оттѣнокъ чего-то *чуждаго*... Люди употребляютъ *сложныя слова*, когда у даннаго понятія нѣтъ названія, или когда легко составить сложное слово; таково, напримѣръ, слово χρονοτριβεῖν—времяпрепровожденіе; *но если (такихъ словъ) много, то (слогъ дѣлается) совершенно поэтическимъ*. Употребленіе двойныхъ словъ всегда свойственно поэтамъ, пишущимъ *дифирамбы*, такъ какъ они любители *громкаго*, а употребленіе *старинныхъ словъ*—поэтамъ *эпическимъ*, потому что (такія слова заключаютъ въ себѣ) нѣчто *торжественное* и *самоувѣренное*. (Употребленіе-же) *метафоры* (свойственно) *ямбическимъ* стихотвореніямъ, которыя..... пишутся теперь..... Есть метафоры, которыя не слѣдуетъ употреблять, однѣ потому, что (онѣ имѣютъ) смѣшной смыслъ, почему и авторы комедій употребляютъ метафоры; другія потому, что

смыслъ ихъ слишкомъ торжественъ; кромѣ того (метафоры имѣютъ) неясный смыслъ, если (онѣ) заимствованы издалека, какъ, напримѣръ, Горгій говоритъ о дѣлахъ „блѣдныхъ" и „кровавыхъ"."

И такъ поэтическій языкъ не низкій, а торжественный, возбуждающій удивленіе, обладающій особымъ лексикономъ, чуждымъ прозѣ, богатымъ эпитетами, метафорами, сложными словами, производящими впечатлѣніе чего-то не своего, чуждаго, поднятаго надъ жизнью, „стариннаго". Стороною затронутъ вопросъ и о *содержаніи* поэзіи: она трактуетъ о предметахъ возвышенныхъ, удаленныхъ отъ житейской прозы; но суть разсужденія сведена къ занимающей насъ цѣли: къ вопросу о сущности поэтическаго *стиля*. Мы увидимъ далѣе, что въ работахъ, посвященныхъ языку поэзіи и прозы, это существенное отдѣленіе содержанія отъ стиля не всегда бывало соблюдено. Оттуда рядъ неясностей и призрачныхъ опредѣленій. Изъ многаго выберемъ немногое.

Для Гербера отдѣленіе поэзіи отъ прозы наступило съ появленіемъ литературы; тогда то въ человѣчествѣ обнаружилось двойное стремленіе: съ одной стороны усвоить себѣ міръ, какимъ онъ кажется, представляется существующимъ, для чего точная прозаическая рѣчь давала самый подходящій способъ выраженія, съ другой—вообразить себѣ тотъ же міръ, какъ символъ, призракъ, Schein чего-то божественнаго, чему и послужила чувственно-образная рѣчь, рѣчь первобытнаго индивидуума, которая, поднятая и облагороженная, продолжаетъ существовать въ нашемъ языкѣ, in der Sprache der Gattung; это и есть языкъ поэзіи. — Отличіе крайне сбивчивое: вѣдь нашъ языкъ вообще, языкъ обыденной прозы, представляетъ не суть міровыхъ явленій и объектовъ, а наше о нихъ пониманіе, то, что кажется, стало быть, Schein, и тотъ же Schein долженъ характеризовать и языкъ поэзіи; тамъ и здѣсь безсознательно-условная, символическая образность, несущественная и неощутимая болѣе въ одномъ случаѣ (проза), живая и существенная въ другомъ (поэзія). И что такое поэтическій языкъ первобытнаго „индивидуума"? Если подъ послѣднимъ понять не индивидуальность, а особь, то вѣдь языкъ—явленіе соціальное, хотя-бы и въ узкомъ пониманіи этого слова. Проза, какъ особые стиль и родъ, выдѣлилась на памяти литературы; какъ стиль, ея начала лежатъ за историческими предѣлами, хотя-бы въ формахъ сказки.

Штейнталь нѣсколько разъ обращался къ занимающему насъ вопросу, въ статьяхъ Zur Stylistik, Poësie und Prosa, Ueber den

Stil. Дѣло шло о стилѣ, а категорія содержанія, поэтическаго или прозаическаго, постоянно вмѣшивалась въ рѣшеніе, и болѣе или менѣе раздѣльнаго результата не получилось.

Я разберу второе изъ указанныхъ выше разсужденій.

Авторъ выключаетъ изъ своего разсмотрѣнія *дѣловую прозу*, противоположную искусству и наукѣ съ ихъ общими, теоретическими цѣлями. Подъ прозой разумѣется *научная проза* (за выключеніемъ научныхъ формулъ) и *краснорѣчіе*, которое характеризуется, впрочемъ, какъ побочное, присталое (anhängende Kunst) искусство, тогда какъ поэзія всецѣло входитъ въ его область. Неясныя отношенія, въ которыхъ здѣсь поставлены поэзія и краснорѣчіе (ораторское искусство), напоминаютъ постановку этого вопроса у Аристотеля. До сихъ поръ мы въ области стиля: дѣло идетъ о поэтическомъ языкѣ и о языкѣ прозы, но прозы эстетической; тотъ и другой противополагается обыденной, дѣловой прозѣ (Sprache des Verkehrs), какъ вообще практикѣ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ они отличны другъ отъ друга. Отличіе это обосновывается разборомъ цѣлей практической дѣятельности, искусства и науки, но это указываетъ уже на другой критерій: не стиля и изложенія, а содержанія. Изъ области эстетической прозы исключается вслѣдствіе этого философія и наука, оперирующія отвлеченіями и общими понятіями, ибо ихъ процессы радикально расходятся съ процессомъ искусства, то-есть поэзіи: поэзія раскрываетъ идею въ особи, въ частномъ явленіи (im Einzelnen), въ образѣ, науки вѣдаютъ только идеи, абстракціи. Иначе поставлены исторія или исторіографія по отношенію къ эстетической прозѣ, но когда авторъ разбираетъ отличіе пріемовъ работы и характера творчества у историка и поэта, категорія стиля, изложенія снова смѣшивается съ категоріей содержанія. То же слѣдуетъ сказать и объ отдѣлѣ, посвященномъ „*поэтической прозѣ*“. Разумѣются романъ и новелла и поднимается вопросъ, почему этотъ любимый въ настоящее время литературный родъ обходится безъ стиха. Авторъ видитъ въ этомъ обстоятельствѣ необходимую ступень въ развитіи поэзіи, постепенно спускавшейся на землю, къ темамъ индивидуальной, семейной и соціальной жизни. Такимъ образомъ мы узнаемъ стороною, что стихъ — принадлежность поэзіи, еще не спустившейся съ облаковъ.

Еще разъ возвращаясь къ языку науки, авторъ разбираетъ, насколько допустимы въ ней элементы красоты, красоты присталой, anhängende Schönheit, которую такъ опредѣляетъ: это форма, которая, пріятно дѣйствуя на чувства, проявляетъ въ предметѣ, къ ко-

торому пристала, исключительно утилитарное назначеніе и цѣли. — Искусство, поэзія, подскажемъ мы, преслѣдуетъ, стало быть, не утилитарныя цѣли, оно безкорыстно. Одно изъ старыхъ опредѣленій-признаковъ художественнаго творчества, построенное на категоріи содержанія и цѣли.

Анализъ Штейнталя представляетъ много тонкихъ наблюденій и интересныхъ обобщеній, но лишь мало приноситъ къ разъясненію занимающаго насъ вопроса. Поэзія орудуетъ образами, особями; ей свойственъ стихъ; ея красота — не присталая; что въ это понятіе входитъ и стиль, понятно изъ соображеній о присталой красотѣ въ научной прозѣ. Но что же такое красота поэтическаго стиля?

„Essay“ Спенсера о „философіи стиля“ подошелъ къ рѣшенію вопроса съ другой точки зрѣнія: психо-физической и, если хотите, экономической. Дѣло идетъ не объ отличіяхъ поэтической и прозаической рѣчи, а о стилѣ вообще, но въ результатѣ получается нѣсколько данныхъ для обособленія спеціальнаго языка поэзіи.

Главное требованіе, которому долженъ отвѣтить хорошій стиль — это экономизація вниманія со стороны слушателя или читателя; это требованіе опредѣляетъ выборъ словъ, ихъ распорядокъ въ рѣчи, ея ритмичность и т. д. Слова, которыя мы усвоили въ дѣтствѣ, намъ болѣе внятны, легче суггестивны, чѣмъ равнозначущія имъ, либо синонимы, съ которыми мы освоились лишь позднѣе. Авторъ беретъ примѣры изъ англійскаго языка съ германскими и романскими элементами его словаря: первыми богатъ дѣтскій языкъ, вторые входятъ въ оборотъ уже въ періодъ окрѣпшаго сознанія. Оттого будто бы to think болѣе выразительно, чѣмъ to reflect; русской параллелью было бы сопоставленіе: думать и размышлять, размышленіе и рефлексія. Той же экономіи вниманія отвѣчаютъ краткія по объему слова, хотя авторъ оговаривается, что краткость не всегда отвѣчаетъ цѣли — быстрѣе остановить вниманіе, скорѣе вызвать впечатлѣніе: порой многосложныя слова, эпитеты, уже въ силу своего объема (size) выразительнѣе своихъ болѣе краткихъ синонимовъ, ибо они даютъ возможность слушателю долѣе остановиться на свойствахъ возбужденнаго ими образа. Примѣры: magnificent — и grand, vast — и stupendous и т. п. По поводу той или другой категоріи словъ слѣдуетъ замѣтить, что соединенныя въ одной парѣ далеко не равнозначущія, а вызываютъ при одномъ и томъ же понятіи неодинаковыя ассоціаціи; что синонимовъ въ сущности нѣтъ, если подъ этимъ словомъ разумѣть нѣчто тождественное, покрывающееся безъ остатка,

что если допустить сосуществованіе to think и to reflect въ оборотѣ дѣтской рѣчи, они отразили бы безсознательно нѣкоторый оттѣнокъ пониманія, хотя и не того, съ какимъ мы ихъ употребляемъ. Съ этой точки зрѣнія можно защитить введеніе иностранныхъ словъ, если они плодятъ ассоціаціи идей, которыя свои, народные синонимы не вызываютъ.

Экономіи вниманія отвѣчаетъ и ономатопея: слова съ звуковой образностью. Если вы выразили абстрактнымъ, неживописнымъ словомъ пониманіе удара, паденія и т. п., мысль должна поработать, чтобы представить себѣ реальное впечатлѣніе самаго акта; эта работа становится лишней, когда вы услышите: бацъ, трахъ! И въ Лету бухъ! По той же причинѣ конкретныя слова выразительнѣе отвлеченныхъ, ибо мы мыслимъ не отвлеченіями, а частностями и особенностями, и намъ стоитъ труда перевести отвлеченное выраженіе въ образное.

Тотъ же принципъ, какой руководилъ выборомъ словъ, прилагается и къ конструкціи, къ послѣдовательности рѣчи. Авторъ выходитъ изъ примѣра: англичанинъ, нѣмецъ, русскій говорятъ: вороная лошадь; французы, италіанцы: лошадь вороная, cheval noir. Произнеся слово „лошадь“, вы вызываете въ слушателѣ извѣстный ему образъ, но непремѣнно окрашенный, и окрашенный случайно: вы можете себѣ представить гнѣдую лошадь, саврасую и т. д., ибо элементъ „вороной“ еще не задержалъ, не упрочилъ вашего вниманія; когда онъ выраженъ, вы удовлетворены въ случаѣ его совпаденія съ той окраской, которую вы дали вашему внутреннему образу, въ противномъ случаѣ вы начнете разрушать его, чтобы пристроить къ нему навязанное вамъ впечатлѣніе. Иначе при конструкціи „вороная лошадь“: вы получали темный, черный фонъ, готовый къ воспріятію тѣхъ контуровъ, которые вамъ подскажетъ слово „лошадь“. Это — экономія вниманія. Отсюда выводъ, опредѣляющій взглядъ Спенсера на идеальную конструкцію рѣчи: опредѣляющее раньше опредѣляемаго, нарѣчіе раньше глагола, сказуемое раньше подлежащаго, все, относящееся къ уясненію перваго и второго ранѣе ихъ самихъ; подчиненное предложеніе раньше главнаго и т. д. „Велика Эфесская Діана“, красивѣе и экономичнѣе обычнаго: Эфесская Діана велика. Другими словами: нормальной является обратная, косвенная конструкція рѣчи, она, въ сущности, — прямая. Разумѣется, она рекомендуется съ ограниченіями: въ сложной фразѣ или сочетаніи предложеній, гдѣ другъ за другомъ накопляются опредѣленія, а опредѣлимое яв-

ляется гдѣ-то въ концѣ, трудно бываетъ разобраться, слѣдить за послѣдовательностью накопленій, ввиду ожидаемой, невыясненной пока цѣли. Для этого надо извѣстное усиліе ума, a greater grasp of mind; усиліе вниманія; гдѣ же тутъ экономія? Слабому уму, a weak mind, такая конструкція не по силамъ: сложное сочетаніе мыслей онъ выразитъ именно сочетаніемъ, сопоставленіемъ подъ рядъ отдѣльныхъ частей цѣлаго, нѣсколькихъ предложеній; я сказалъ бы: не сподчиненіемъ частнаго цѣлому, а координаціей. Спенсеръ говоритъ, что именно такая конструкція свойственна дикимъ, либо не культурнымъ людямъ. Они скажутъ: Воды, дай мнѣ; либо: Люди, они тамъ были и т. д.

Вся аргументація Спенсера, поскольку мы ее прослѣдили, построена на двухъ посылкахъ: экономіи силы и наблюденія terre-à-terre надъ современными требованіями отъ стиля; онѣ, видимо, поддерживаютъ другъ друга, но забытъ немаловажный, эволюціонный факторъ, столь дорогой Спенсеру, и немудрено, что построенное имъ зданіе оказывается призрачнымъ. Стиль долженъ быть яснымъ — для слушателя; авторъ, писатель, не принимается во вниманіе; правда, онъ пишетъ для слушателя, языкъ, равно, какъ и стиль — явленіе соціальнаго порядка, и въ этомъ отношеніи постановка вопроса не грѣшитъ. Ясность стиля обусловлена сбереженіемъ усилій вниманія: это психофизическая посылка; вторая выходитъ изъ нея и вмѣстѣ подсказана наблюденіемъ надъ эффектностью, или лучше аффективностью непрямой, обратной конструкціи: Велика Діана Эфесская! Отсюда общій выводъ, оказывающійся, однако, въ противорѣчіи съ принципомъ сбереженія вниманія: простые люди, дикари, любятъ координировать впечатлѣнія и формы ихъ выраженія. Это — первый фактъ, изъ отмѣченныхъ Спенсеромъ, вводящій насъ въ историческую эволюцію стиля, особенно поэтическаго, въ сравнительную исторію синтаксиса, наконецъ въ вопросъ о психологическихъ или другихъ причинахъ тѣхъ сочетаній, которыя авторъ типически выразилъ въ формулахъ: вороная лошадь и—лошадь вороная.

Вопросъ объ экономіи вниманія этимъ не исчерпанъ: фигуры рѣчи, синекдоха, метонимія, simile, метафора — всѣ онѣ отвѣчаютъ тому же требованію конкретности, чтобы спасти насъ отъ необходимости безсознательно переводить абстракціи въ образныя формы. Достоинство стиля состоитъ именно въ томъ, чтобы доставить возможно большее количество мыслей въ возможно меньшемъ количествѣ словъ; словъ суггестивныхъ—по привычкѣ, звукоподражательному элементу, конкретныхъ; такъ подскажетъ всякій, слѣдившій за соображеніями

Спенсера. Здѣсь мы и подходимъ къ вопросу объ особенностяхъ поэтическаго стиля. Постоянное употребленіе словъ и формъ, выразительныхъ (forcible) сами по себѣ и по возбуждаемымъ ими ассоціаціямъ, и даетъ въ результатѣ тотъ особый стиль, который мы называемъ поэтическимъ. Поэтъ употребляетъ символы, эффектность которыхъ подсказываетъ ему инстинктъ и анализъ. Оттуда отличіе его языка отъ языка прозы: неконченные періоды, частыя элизіи, опущеніе словъ, безъ которыхъ проза не могла бы обойдтись. Особое впечатлѣніе поэтическаго языка объясняется тѣмъ, что онъ слѣдуетъ законамъ вразумительной (effective?) рѣчи и вмѣстѣ съ тѣмъ подражаетъ естественному выраженію аффекта: если содержаніе поэзіи — *идеализація аффекта*, то ея стиль — *идеализованное его выраженіе*. Какъ композиторъ пользуется кадансами, въ которыхъ выражаются человѣческая радость и симпатія, печаль и отчаяніе, и извлекаетъ изъ этихъ зародышей мелодіи, подсказывающія тѣ же, но *возвышенныя* ощущенія, такъ и поэтъ развиваетъ изъ типическихъ формулъ, въ которыхъ человѣкъ проявляетъ свою страсть и чувства, тѣ особыя сочетанія словъ, въ которыхъ повышенныя (concentrated) страсть и чувство находятъ свое настоящее выраженіе.

Переходя къ ритму и риомѣ, мы не оставляемъ поэзіи—и принципа экономіи вниманія. Объясненіе ритма послужитъ оправданіемъ и риомы. Неравномѣрно наносимые намъ удары заставляютъ насъ держать мускулы въ излишнемъ, порой не нужномъ напряженіи, потому что повторенія удара мы не предвидимъ; при равномѣрности ударовъ мы экономизируемъ силу. Вотъ объясненіе ритма.

И такъ: поэзія употребляетъ выразительныя, конкретныя слова, вызывающія ассоціацію; инверсія и опущенія—въ ея обиходѣ. Все это, по Спенсеру, требованія стиля вообще, не повышеннаго. Поэтическому свойственны ритмъ и риома; но замѣчено, что тотъ и другая встрѣчаются и въ прозѣ, вторая болѣе спорадически, чѣмъ первый. Повышенность поэтическаго содержанія и аффекта объясняется *идеализаціей аффекта*. Аффектъ, повышенность нерѣдко отмѣчаются, какъ особыя свойства поэтическаго языка; такъ напримѣръ, у Кардуччи: мнѣ кажется, говоритъ онъ, что, въ сравненіи съ прозой, поэзія, какъ искусство, и со стороны формы зиждется на *повышенномъ*, по крайней мѣрѣ, на одинъ градусъ, *настроеніи* (intonazione), ибо она предполагаетъ особое расположеніе духа въ творящемъ и воспринимающемъ, что и даетъ въ результатѣ тотъ художественный феноменъ, который мы зовемъ поэзіей, въ отличіе отъ другаго такого-же

феномена артистической прозы.—Въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о стилѣ. Относительно повышенной „интонація" напомню слова Бурже по поводу парнасцевъ: всякій аффектъ повышаетъ выраженіе, но не всякое словесное выраженіе аффекта есть непремѣнно поэзія. Графъ Левъ Толстой (Что такое искусство?) не принялъ во вниманіе очевидности этого факта, когда главнымъ свойствомъ искусства призналъ „зараженіе" другихъ тѣмъ чувствомъ, которое испыталъ самъ художникъ. „Видъ самаго некрасиваго страданія можетъ сильнѣйшимъ образомъ заразить насъ чувствомъ жалости или умиленія и восхищенія передъ самоотверженіемъ или твердостью страдающаго". При чемъ тутъ искусство? Искренность и сила аффекта всегда заразительны и внѣ художественнаго ихъ выраженія.

II.

Основы поэтическаго языка тѣ же, что и языка прозы: та-же конструкція, тѣ же риторическія фигуры синекдохи, метономіи и т. п.; тѣ-же слова, образы, метафоры, эпитеты. Въ сущности, каждое слово было когда-то метафорою, односторонне-образно выражавшей ту сторону или свойство объекта, которая казалась наиболѣе характерною, показательною для его жизненности. Обогащеніе нашего знанія объекта выясненіемъ другихъ его признаковъ совершалось на первыхъ порахъ путемъ сопоставленія съ другими, сходными или несходными объектами по категоріямъ образности и предполагаемой жизнодѣятельности. Таковы основы того процесса, который я назвалъ психологическимъ параллелизмомъ: въ сопоставленіи предметы взаимно освѣщались, выяснялись и нѣкоторыя общія понятія, переносившіяся на оцѣнку новыхъ явленій, входившихъ въ кругозоръ. Чѣмъ шире становился кругъ сопоставленій, чѣмъ чаще ассоціаціи по отдѣльнымъ признакамъ, тѣмъ полнѣе наше пониманіе объекта въ безсознательномъ противорѣчіи съ односторонне-графическимъ опредѣленіемъ слова—метафоры. Когда мы произносимъ слово: домъ, хата и т. п., мы соединяемъ съ нимъ какой-то общій комплексъ признаковъ (строеніе, назначенное для жилья, огороженное пространство и т. п.), который каждый дополняетъ согласно съ собственнымъ опытомъ; но если мы говоримъ не объ извѣстномъ намъ домѣ, образъ котораго почему бы то ни было запечатлѣлся въ нашей памяти, намъ дорогъ, а о домѣ вообще, о наймѣ дома и т. п., очертанія того, что мы обозначаемъ этимъ словомъ, намъ не присущи, мы ихъ себѣ не представ-

ляемъ. Слово стало носителемъ понятія, вызываетъ только ассоціаціи понятій, не образовъ, которые могли бы вызвать новыя сопоставленія съ другими образами и новыя перспективы обобщеній. Въ результатѣ— обѣдненіе ассоціацій реально-живописныхъ и психологическихъ. Языкъ поэзіи, подновляя графическій элементъ слова, возвращаетъ его, въ извѣстныхъ границахъ, къ той работѣ, которую когда-то продѣлалъ языкъ, образно усваивая явленія внѣшняго міра и приходя къ обобщеніямъ путемъ реальныхъ сопоставленій. Всѣ мы, не поэты, способны, въ минуты аффекта, печальнаго или веселаго, вживаться въ формы реальности, видимой или вызванной фантазіей, воспоминаніемъ, и отъ ея образовъ увлекаться къ новымъ видѣніямъ и обобщеніямъ. Но это явленіе спорадическое; въ поэзіи это органическая принадлежность стиля. Какъ она выработалась?

Начну съ музыкальнаго элемента. Онъ присущъ звукамъ языка, мы его ощущаемъ, порой ищемъ созвучій. Фонетика слова бываетъ показательна сама по себѣ, парнасцы зашли слишкомъ далеко въ своемъ пониманіи его звуковаго элемента, но психофизика (Фехнеръ) не отрицаетъ самаго факта. При музыкальномъ исполненіи эта сторона рѣчи должна была сказываться ярче; а поэзія родилась и долгое время существовала совмѣстно съ пѣніемъ.

Съ пѣніемъ, упорядоченнымъ ритмованной пляской.

Ритмъ, равномѣрная послѣдовательность движеній, ударовъ и т. д., принадлежитъ къ органическимъ условіямъ и требованіямъ нашего физіологическаго и психическаго строя; на этомъ фонѣ развились и его позднѣйшія эстетическія цѣли. Экономія вниманія, о которой говоритъ Спенсеръ по поводу стиля, есть экономія силы; разбросанные во времени удары, разбрасываютъ и усилія, употребленныя для ихъ отраженія, равномѣрность напряженія сохраняетъ ихъ, нормируя размахъ и отдыхъ. Издавна извѣстны пѣсни, сопровождающія въ народѣ физическій трудъ, совпадающія съ его кадансомъ и поддерживающія его: такова наша дубинушка, пѣсни египетскихъ женщинъ за ручнымъ жерновомъ, сардинскихъ крестьянъ на молотьбѣ и т. п. [1]). На степени, видимо, болѣе отдаленной отъ требованій чисто физіологическаго порядка,—наша любовь къ параллельно построеннымъ формуламъ, части которыхъ объединены одинаковымъ паденіемъ ударенія, иногда поддержаннымъ созвучіемъ (ὁμοτέλευτον),

---

[1]) См. мартовскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.*, за текущій годъ, стр. 75—76.

риѳмой или аллитераціей и содержательно-психологическимъ параллелизмомъ членовъ предложенія. Примѣры: Ueber *Stock* und *Stein*; особенно часто въ старо-германскихъ юридическихъ формулахъ: toe *grêe* ende *grónd*, toe *sétten*, toe *héllen*; mit *téle* and mith *réthe*; вертится, какъ *бѣсъ*, и повертка *въ лѣсъ* (сорока); *не свивайся трава съ повиликой, не свыкайся молодецъ* съ *дѣвицей* и т. п. Въ пѣснѣ, ритмованной сплошь подъ тактъ пляски, такого рода созвучія могли повторяться чаще; оттуда явленіе риѳмы; ея особое развитіе въ романской поэзіи могло быть поддержано вліяніемъ и искусственной риторической прозы, унаслѣдованной у классиковъ средневѣковою проповѣдью, но это не измѣняетъ вопроса генезиса. Удареніе выдвигало извѣстныя слова надъ другими, стоявшими въ интервалахъ, и если такія слова представляли еще и содержательное соотвѣтствіе, то, что я разобралъ подъ названіемъ „психологическаго параллелизма", къ риторической связи присоединялась и другая.

Такъ выдѣлялись формулы, пары или группы словъ, объединенныхъ отношеніями не только акта, но и образовъ и вызываемыхъ ими понятій. Формулы могли быть разнообразныя; полюбились тѣ, которыя были или казались суггестивнѣе; отъ нихъ пошло дальнѣйшее развитіе. Соколъ унесъ лебедь бѣлую, молодецъ увезъ, взялъ за себя дѣвушку: вотъ схема, части которой объединены параллелизмомъ образовъ и дѣйствій; равномѣрное паденіе ритма должно было закрѣпить совпаденіе сокола—молодца, дѣвицы—лебеди, унесъ—увезъ, и т..д. Части этой формулы и другихъ, ей подобныхъ, такъ крѣпки другъ другу, такъ соприсущи сознанію, что одна часть можетъ идти за другую: соколъ-лебедь можетъ вызвать представленіе о молодцѣ и дѣвушкѣ; соколъ становится показателемъ молодца, жениха; либо части схемы сплетаются такъ причудливо, что дѣйствіе или образы одной переносятся въ другую, и наоборотъ. Такъ изъ психологическаго параллелизма, упроченнаго ритмическимъ чередованіемъ, развились символы и метафоры пѣсеннаго, поэтическаго языка, и становится понятнымъ спеціальный источникъ его образности. Она должна была поднять вообще образный элементъ слова тамъ, гдѣ онъ уже успѣлъ стереться въ обиходѣ обыденной, немѣрной рѣчи: оживали въ новомъ окруженіи старыя слова—метафоры; обиліе эпитетовъ, давно отмѣченное какъ признакъ поэтическаго стиля, отвѣчаетъ тому же требованію: въ словѣ подчеркивались реальныя черты образа или одна какая-нибудь черта, которая выдѣляла его и часто становилась неотдѣлимой отъ слова.

Основы поэтическаго стиля—въ послѣдовательно проведенномъ и

постоянно дѣйствовавшемъ принципѣ ритма, упорядочившемъ психологически-образныя сопоставленія языка; психологическій параллелизмъ, упорядоченный параллелизмомъ ритмическимъ.

Наблюденія надъ пѣснями разныхъ народовъ, стоявшихъ внѣ круга обоюдныхъ вліяній, приводятъ къ заключенію, что нѣкоторыя простѣйшія поэтическія формулы, сопоставленія, символы, метафоры могли зародиться самостоятельно, вызванныя тѣми же психическими процессами и тѣми же явленіями ритма. Сходство условій вело къ сходству выраженія; отличія бытовыхъ формъ, фауны и флоры и т. п. не могли не отразиться на подборѣ образовъ, но качество отношеній, источникъ символизма, являлись тѣ же. Гдѣ не знали сокола, другой хищникъ могъ быть символомъ жениха, дѣвушка—другимъ цвѣткомъ тамъ, гдѣ не цвѣтетъ роза.

Если относительно легко представить себѣ условія зарожденія поэтическаго стиля, то исторію его древняго развитія и обобщенія можно построить развѣ гипотетически. Можно представить себѣ, что гдѣ-нибудь, въ обособленной мѣстности, въ небольшой группѣ людей, раздается, пляшется и ритмуется простѣйшая пѣснь и слагаются зародышныя формы того, что мы называемъ впослѣдствіи поэтическимъ стилемъ. То же явленіе повторяется, самозарождается по сосѣдству, на разныхъ пунктахъ того же языка. Мы ожидаемъ общенія пѣсенъ, сходныхъ по бытовой основѣ и выраженію. Между ними происходитъ подборъ, содержательный и стилистическій; болѣе яркая, выразительная формула можетъ одержать верхъ надъ другими, выражавшими тѣ же отношенія, какъ, напримѣръ, въ области гномики одно и то же нравственное положеніе могло быть выражено различно, а понравилось въ одной или двухъ схемахъ-пословицахъ, которыя и удержались. Такъ на первыхъ же порахъ изъ разнообразія областныхъ пѣсенныхъ образовъ и оборотовъ могло начаться развитіе того, что въ смыслѣ поэтическаго стиля мы можемъ назвать κοινή: таковъ стиль іонійскаго эпоса и дорійской хоровой лирики, діалогическія формы которой остались обязательными для хоровыхъ партій аттической драмы V-го вѣка. Такъ слагался, изъ общенія говоровъ, и тотъ средній, центральный языкъ, которому суждено было направиться, при благопріятныхъ историческихъ условіяхъ, къ значенію литературнаго языка. Слѣдующіе примѣры касаются отношенія діалектовъ къ литературному κοινή, но освѣщаютъ и поставленный мною вопросъ: какъ обобщался поэтическій стиль?

Уже Я. Гриммъ, Гофманъ и Hebel, а въ послѣднее время Бѣк-

кель и фонъ Гауфенъ обратили вниманіе на нѣкоторыя съ виду загадочныя явленія въ области западной народной пѣсни: народъ поетъ не на своихъ діалектахъ, а на литературномъ языкѣ, либо на языкѣ, повышенномъ, близкомъ къ литературному. Такъ въ Германіи, во Франціи, Австріи. Гофманъ объяснялъ это психологически: какъ народъ въ своихъ пѣсняхъ стремится въ сферу болѣе высокихъ чувствъ и міросозерцанія, возвышающаго его надъ прозаической дѣйствительностью, предпочитаетъ сѣдую древность своей неприглядной дѣйствительности, охотнѣе общается съ сказочными королями, маркграфами и рыцарями, чѣмъ съ своимъ братомъ, такъ и въ языкѣ пѣсенъ онъ старается возвыситься надъ уровнемъ своего житейскаго говора. Подобное мнѣніе высказывалъ Шанфлёри, характеризуя языкъ французскихъ пѣсенъ: пѣвецъ, творящій пѣсню, ярко сознаетъ свою личность и для выраженія этого самосознанія выбираетъ и особую, оттѣняющую его форму, которую находитъ въ языкѣ культурнаго класса,— Böckel видитъ въ этомъ выборѣ естественное желаніе поднять серьозную пѣсню, напримѣръ балладу, на высоту ея содержанія, котораго не выразить въ формахъ діалекта: діалекты слишкомъ не патетичны.

Наблюденія надъ языкомъ пѣсни оттѣняются наблюденіями надъ стилемъ сказки. Тогда какъ французскія сказки сказываются на діалектахъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ употребляется литературный языкъ, въ пѣсняхъ наблюдается обратное явленіе, и не только во Франціи, но и въ Норвегіи (по замѣчанію Мое) и на Литвѣ. Языкъ литовскихъ сказокъ сильно отличается отъ пѣсеннаго, говоритъ Бругманъ: послѣдній держится, такъ сказать, высокаго стиля, словарь и грамматика во многихъ случаяхъ разнятся отъ обычной разговорной рѣчи, суффиксы не даютъ возможности заключить о характерѣ мѣстныхъ говоровъ.

Мнѣ уже привелось коснуться повышеннаго „литературнаго" языка народной пѣсни, и я поставилъ себѣ вопросы, не рѣшая ихъ: въ какихъ пѣсенныхъ областяхъ особенно проявляется эта склонность, или и не проявляется вовсе? Она казалась мнѣ понятною въ балладахъ, въ любовныхъ пѣсняхъ, переселяющихся изъ одной провинціи въ другую и нерѣдко обличающихъ вліяніе города; иное мы ожидаемъ отъ пѣсенъ дѣтскихъ, обрядовыхъ и т. п. [1]). Новѣйшія наблюденія подтверждаютъ эту точку зрѣнія, открывая и новыя.

---

[1]) См. Новыя книги по народной словесности, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* ч. CCXLIV. отд. 2, стр. 172.

Оказывается, что въ областяхъ, отдѣленныхъ отъ большой исторической дороги, либо жившихъ когда то самостоятельною политическою жизнью, въ пѣснѣ господствуютъ мѣстные діалекты: такъ въ Дитмаршѣ, у семиградскихъ нѣмцевъ, въ нѣмецкихъ же поселеніяхъ, включенныхъ въ иноязычную среду, напримѣръ въ Kuhländchen, въ Италіи, Провансѣ, Гаскони. Иначе въ средней Германіи и на Рейнѣ: здѣсь уже съ XV-го вѣка происходило пѣсенное общеніе между отдѣльными областями, и діалекты настолько сближались, что усвоеніе народомъ пѣсни на обще-литературномъ языкѣ не представляло особыхъ затрудненій. Либо наблюдается отличіе по категоріямъ пѣсенъ: въ Нормандіи, Шампани, въ области Меца и французской части Бретани пѣсни не обрядоваго, балладнаго и т. п. характера поются на общефранцузскомъ языкѣ, тогда какъ другія, раздающіяся во время празднествъ, процессій — на діалектахъ; при этомъ интересно отмѣтить, что древнія и наиболѣе поэтичныя пѣсни послѣдней категоріи, напримѣръ майскія, также отличаются общефранцузскимъ типомъ языка, тогда какъ новыя и болѣе грубыя предпочитаютъ мѣстный говоръ. Въ Швабіи, Баваріи, Фойгтландѣ импровизованныя четверостишія, пѣсни на случай, сатирическія, принадлежатъ діалекту, большинство другихъ поются на языкѣ, близкомъ къ литературному.

Мнѣ думается, что эти факты можно обратить къ освѣщенію занимающаго насъ вопроса: объ образованіи народно-поэтическаго κοινή. На большихъ историческихъ дорогахъ и вообще въ благопріятныхъ условіяхъ сосѣдства и взаимныхъ вліяній діалекты общались, сближались формы и словарь, получалось нѣчто среднее, дѣйствительно шедшее на встрѣчу литературному языку, когда онъ сложился въ томъ или другомъ центрѣ и сталъ районировать. Общались въ тѣхъже условіяхъ и народныя областныя пѣсни, и я объясняю этимъ общеніемъ подборъ и выборъ тѣхъ мелкихъ стилистическихъ формъ и пріемовъ, которые мы предположили самозараждающимися въ началѣ всякой поэзіи. Такъ сложились, выдѣлившись изъ массы частныхъ явленій, основы болѣе общаго поэтическаго стиля; его образность и музыкальность повышали его надъ неритмованнымъ просторѣчіемъ, и это требованіе повышенности осталось въ сознаніи, даже когда выражалось нераціонально: французскія и нѣмецкія пѣсни на „литературномъ“ языкѣ могли быть занесены изъ города и сохранить лингвистическую окраску центральнаго, не мѣстнаго говора, но могли и впервые сложиться въ его формахъ, потому что для западнаго крестья-

нина языкъ горожанъ, литературный, естественно казался чѣмъ-то особымъ, повышающимъ пѣсню надъ сѣрымъ колоритомъ діалекта.

Повышенный языкъ литовскихъ пѣсенъ въ сравненіи съ сказками, исключаетъ ли возможность литературныхъ воздѣйствій? Спеціалистамъ рѣшить, чѣмъ объяснить это отличіе: повышеніемъ-ли пѣсеннаго языка и стиля надъ окружающими говорами, или архаизмомъ. Сказка болѣе свободна, постоянныя формулы являются враздробь, не связывая изложенія; изъ пѣсни, говорятъ, слова не выкинешь, что не справедливо, но формула крѣпче держитъ въ ней слово подъ охраной ритма.

Остановлюсь мимоходомъ на отношеніяхъ обрядовой—діалектической и балладной, литературной пѣсни. Языкъ второй—продуктъ общенія, языкъ первой крѣпокъ мѣстному обычаю, формамъ быта, довлѣющимъ самимъ себѣ, не переносимымъ, потому что онѣ коренятся въ жизни. Можно-ли заключить изъ этого, что и соотвѣтствующія поэтическія формулы не переносились изъ одного района въ другой, гдѣ существовали тѣ-же условія быта? Я говорю о формулахъ нѣсколько сложныхъ, о которыхъ нельзя поднять вопросъ самостоятельнаго зарожденія. Онѣ также могли переноситься, оттѣсняя другія, сходныя и водворяясь въ переходныхъ и новыхъ формахъ языка. участвуя въ томъ общеніи, которое приводило постепенно къ поэтическому κοινή. Такъ нѣкоторые запѣвы проходятъ по всѣмъ говорамъ русскаго и польскаго языковъ, повторяясь и видоизмѣняясь. Гдѣ нибудь они слышались впервые и повліяли заразительно. Если символъ овладѣвающей любви = срываніе цвѣтка объясняется самозарожденіемъ, то запѣвъ: Зеленая рутонька и т. д., раскинувшись далеко, дѣло зараженія, то-есть общенія мѣстныхъ поэтическихъ стилей.

III.

Чѣмъ болѣе расширялись границы общенія, тѣмъ болѣе накоплялось матерьяла формулъ и оборотовъ, подлежавшихъ выбору или устраненію, и поэтическій κοινή обобщался, водворяясь въ болѣе широкомъ районѣ. Его отличительная черта—это условность, выработавшаяся исторически и безсознательно обязывающая насъ къ однимъ и тѣмъ же или сходнымъ ассоціаціямъ мыслей и образовъ. Изъ ряда эпитетовъ, характеризующихъ предметъ, одинъ какой нибудь выдѣлялся какъ показательный для него, хотя-бы другіе были не менѣе показательны, и поэтическій стиль долго шелъ въ колеяхъ этой услов-

ности, въ родѣ „бѣлой“ лебеди и „синихъ“ волнъ океана. Изъ массы сопоставленій и перенесеній, выразившихся уже въ формахъ языка, отложившихся изъ психологическаго параллелизма пѣсни, впослѣдствіи обогащенныхъ литературными вліяніями, отобрались нѣкоторые постоянные символы и метафоры, какъ общія мѣста κοινή, съ болѣе или менѣе широкимъ распространеніемъ. Таковы символы птицъ, цвѣтовъ-растеній, цвѣтовъ-окрасокъ, наконецъ чиселъ; упомяну лишь о широко распространенной любви къ троичности, къ трихотоміи. Таковы простѣйшія метафоры: зеленѣть—молодѣть, тучи—враги, битва—молотьба, вѣянье, пиръ; трудъ—печаль; могила—жена, съ которой убитый молодецъ на вѣки обручился и т. д. Сопоставленія народной пѣсни, въ которыхъ образы внѣшней природы символически чередуются съ человѣческими положеніями, отлились въ условность средневѣковаго нѣмецкаго Natureingang. Источникомъ другаго рода общихъ мѣстъ являлись повторенія, объясняемыя захватами пѣсеннаго исполненія; реторическіе пріемы, свойственные возбужденной рѣчи, какъ, напримѣръ, въ южно-славянскихъ, мало-русскихъ, ново-греческихъ, нѣмецкихъ пѣсняхъ формула вопроса, вводящая въ изложеніе, часто отрицающая вопросъ: Što se beli u gori zelenoj? Was zoch si ab irem haubet? Was zog ir abe vom finger? и т. п. Къ общимъ мѣстамъ относятся формулы: вѣщихъ сновидѣній, похвальбы, проклятія, типическія описанія битвы; все это нерѣдко тормозитъ развитіе, но принадлежитъ къ условностямъ народной поэтики. Условность классическихъ и псевдоклассическихъ жанровъ не отличается по существу; протестъ романтиковъ во имя болѣе свободныхъ формъ народной пѣсни въ сущности обратился отъ одной условности къ другой.

Когда въ поэтическомъ стилѣ отложились такимъ образомъ извѣстные кадры, ячейки мысли, ряды образовъ и мотивовъ, которымъ привыкли подсказывать символическое содержаніе, другіе образы и мотивы могли находить себѣ мѣсто рядомъ съ старыми, отвѣчая тѣмъже требованіямъ суггестивности, упрочиваясь въ поэтическомъ языкѣ, либо водворясь не надолго подъ вліяніемъ переходнаго вкуса и моды. Они вторгались изъ бытовыхъ и обрядовыхъ переживаній [1]), изъ чужой пѣсни, народной или художественной, наносились литературными вліяніями, новыми культурными теченіями, опредѣлявшими,

---

[1]) См. апрѣльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Прос.* за текущій годъ, стр. 252.

вмѣстѣ съ содержаніемъ мысли, и характеръ ея образности. Когда христіанство подняло цѣнность духовной стороны человѣка, принизивъ плоть, какъ что-то грѣховное, подвластное князю міра сего, понятіе физической красоты потускнѣло и повышалось лишь подъ условіемъ одухотворенія; вмѣсто яркихъ эпитетовъ должны были явиться полутоны: color di perla—окраска жемчужины—таково впечатлѣніе красавицы у Данте и въ его школѣ. — Къ символамъ, выработаннымъ на почвѣ народно-поэтической психологіи, подошли другіе, навѣянные христіанствомъ, подсказанные отраженіями александрійскаго „Физіолога": солнечный лучъ, проникающій сквозь стекло, не разрушая и не видоизмѣняя его, сталъ иносказаніемъ дѣвственнаго зачатія; пошли въ оборотъ взятыя изъ тѣхъ-же источниковъ аллегоріи феникса, василиска, слона, который, разъ упавъ, не въ силахъ подняться безъ помощи другихъ, тотчасъ-же являющихся на его ревъ; оленя, который, будучи раненъ, все-же возвращается на зовъ охотника; пеликана и саламандры, пантеры, привлекающей звѣрей своимъ сладостнымъ ароматомъ; классическія легенды дали образы Нарцисса, Пелея, копье котораго врачевало нанесенныя имъ-же раны и т. п. Средневѣковая поэзія наполнилась такими символами, которымъ кадры были открыты мѣстной выработкой поэтическаго стиля. И въ то-же время старые, народные символы стали служить выраженію новаго содержанія мысли, насколько оно вязалось съ болѣе древнимъ. Пѣтухъ вездѣ вѣстникъ утра, смѣняющаго ночь, бдительности; когда запоетъ пѣтухъ (рѣполовъ и т. д.), недалеко и до утра, поется въ одномъ Schnaderhüpfel; какъ вѣстникъ утра, онъ будитъ; въ христіанскомъ освѣщеніи онъ сталъ символомъ Христа, зовущаго отъ мрака къ свѣту, отъ смерти къ жизни. Воронъ вѣщаетъ что-то недоброе; въ библейскомъ разказѣ о потопѣ и въ пониманіи христіанства онъ показатель опредѣленнаго злаго начала: онъ—дьяволъ, голубь—Св. Духъ. Кукушка приноситъ весну, веселье (такъ у румынъ, нѣмцевъ и пр.), но она-же кладетъ яйца въ чужія гнѣзда; и вотъ румыны разказываютъ, что кукушка измѣнила куку, слюбившись съ соловьемъ, и съ тѣхъ поръ ищетъ его и жалобно кличетъ; оттуда у нѣмцевъ рядъ новыхъ значеній: кукушка, Gouch—дурень, блудникъ, бастардъ, обманутый мужъ, наконецъ эвфемизмъ вмѣсто чорта; ея прилетъ сулитъ несчастье.

Статистика общихъ мѣстъ и символическихъ мотивовъ поэтическаго стиля, возможно широко поставленная, дала бы намъ возможность приблизительно опредѣлить, какіе изъ нихъ, простые и далеко

распространенные, могутъ быть отнесены къ формуламъ, вездѣ одинаково выразившимъ одинаковый психическій процессъ, въ какихъ границахъ держатся другіе, не вліяя и не обобщаясь, показатели мѣстнаго или народнаго пониманія; въ какой мѣрѣ, наконецъ, и на какихъ путяхъ литературныя вліянія участвовали въ обобщеніи поэтическаго языка. Въ такой статистикѣ всегда будутъ недочеты. явятся и новыя категоріи вопросовъ, по которымъ распредѣлится матеріалъ; смѣшенія и переходныя степени, опредѣленныя лишь частичнымъ анализомъ. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Древняя и народная поэзія любила выражать аффекты дѣйствіемъ, внутренній процессъ внѣшнимъ. Человѣкъ печалится—падаетъ, клонится долу; сидитъ, пригорюнившись. *Сидѣнье*, и именно *на камнѣ*, стало формулой грустнаго, тихо-вдумчиваго настроенія. Такъ у Вальтера фонъ деръ Фогельвейде; онъ призадумался, какъ соединить несоединимое, честь съ богатствомъ и милостью Божіей:

Ich saz uf eime steine
Und dahte bein mit beine,
dar ûf sast ich den ellenbogen:
ich hete in mîne hant gesmogen
daz kinne und ein mîn wange.

Въ нашихъ пѣсняхъ дѣвушка сидитъ на камнѣ, плачетъ, что не видитъ милаго; или:

По утру ранешенько, на зарѣ,
Щебстала ласточка на дворѣ,
Всплакала дѣвонюшка на морѣ,
На бѣломъ, горючемъ на камнѣ;

иначе:

Ой на морѣ каминь мармуровый,
На нимъ сыдыть хлопець чорнобровый,

горько ему на сердцѣ, онъ „гадоньку думайе", нѣтъ у него „дружыны". Мармуровый камень—это „мраморный" камень, marmëlstein, pietra marmoria западныхъ заговоровъ и суевѣрныхъ молитвъ: на немъ сидитъ Богородица, І. Христосъ и т. д.

Вдали отъ своихъ, отъ милой, человѣкъ ловитъ всякій образъ, всякую реальную связь, видимо протягивающуюся отъ него на далекую чужбину. Летятъ-ли съ той стороны птицы, или тянутся вереницей облака или вѣетъ вѣтеръ—они вѣсть подаютъ. Такъ у Бернарда de Ventadorn (Quan la douss' aura venta) и въ Lai de la Dame de Fayel:

E' quant cele douce ore vente,
Qui vient de cel douz pais
Ou est cil qui m'atalente,
Volontiers i tour mon vis;
Adonc m' est vis que jel sente
Par desouz mon mantiau gris.

Птицу, вѣтеръ посылаютъ съ вѣстями, наказываютъ съ ними поклонъ, пожеланія; на Мадагаскарѣ въ этой роли является облако; въ нѣмецкихъ, испанскихъ, баскскихъ, шотландскихъ, финскихъ, новогреческихъ, персидскихъ пѣсняхъ—вѣтеръ. „Вей, вѣтеръ, вей, понеси отъ меня вѣсточку въ Сакину, въ Астрабадъ, поется на южномъ берегу Каспія, обойми ее своими крыльями, прижмись грудью къ груди". Птица—вѣстникъ принадлежитъ къ однимъ изъ самыхъ распространенныхъ мотивовъ народныхъ пѣсенъ.

Образъ птицы встрѣтится намъ въ группѣ формулъ, типически отвѣчающихъ разнымъ стадіямъ *любви*. Отвлеките отъ народной лирической пѣсни ея, часто несложный сюжетъ, и въ остаткѣ получится условная *символика языка* (любить=склоняться, виться, пить, замутить, топтать, срывать и т. д.), результатъ психологическаго процесса, и столь-же условныя *формулы — положенія*, результатъ стилистическихъ наслоеній.

Начну съ а) формулы *желанія*: О еслибъ я былъ (была) бы птичкой, полетѣлъ (полетѣла) бы и т. д.; Wenn ich ein Vöglein wär, so geht ihr Gesang — Tage lang, halbe Nächte lang (Goethe, Faust, I Th., v. 2963—4).

Такъ выражается въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ (русскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, новогреческихъ, бретанскихъ) желаніе повидать далекую милую, свою сторонушку.

Въ нѣмецкой пѣснѣ молодецъ желалъ бы быть соколомъ, чтобы полетѣть къ любимой дѣвушкѣ, дѣвушка лебедемъ, дабы отецъ и мать не дознались, куда она удалилась;

Ah! si j'étais belle alouette grise,
Je volerais sur ces mâts de navire

(франц. пѣсня). Случайно мнѣ попалась подъ руки относящаяся сюда пѣсня гребенскихъ козаковъ, судя по стилю, едва-ли изъ старинныхъ:

Кабы я та была на вольная пташичка,
На вольная пташечка—салавеюшка,
Куда здумала-бъ, полетѣла-бъ,

полетѣла бы въ чистыя поля, въ темный лѣсъ, къ синю морю, сѣла бы на берозу; стой, бѣлая березонька, не шатайся,

Дай-же мнѣ, вольной пташички, насидѣца,
На всѣ читыри старонушки паглядѣца,
Каторая та старонушка изъ всѣхъ висяляя,
Ва той та старонушки мой другъ разлюбезный

Такого рода формула, поставленная въ запѣвѣ, могла дать поводъ къ различному развитію. Такъ напримѣръ, въ одной нѣмецкой пѣснѣ:

Wer ich ein wilder Falke, so wolte ich mich schwingen auf,
Ich volt mich niederlassen auf eines reichen Schuhmachers Haus.

Это вводитъ въ разказъ о похищеніи красавицы.

Наброски этого мотива встрѣчаются у классиковъ, въ разныхъ примѣненіяхъ: если у Еврипида (Финикіянки 163 слѣд.) Антигона желала бы перенестись быстролетнымъ облакомъ, чтобы обнять своего брата, то въ Федрѣ (732 слѣд.) желаніе хора другое: перелетѣть стаей птицъ къ берегамъ Эридана и садамъ Гесперидъ, гдѣ зрѣютъ золотыя яблоки.

Примѣровъ изъ новой поэзіи много — варіаціи на старую тему; напомню хотя бы пьесу г. Лохвицкой: Еслибъ счастье мое было вольнымъ орломъ (чуднымъ цвѣткомъ, рѣдкимъ кольцомъ).

Формула желанія нашла и другое выраженіе, крайне разнообразное и, вмѣстѣ, сходное по замыслу. Влюбленный желаетъ на этотъ разъ не то что перенестись къ милой, а быть чѣмъ нибудь при ней, въ ея близи и окруженіи, подъ ея рукой. „О еслибъ я могъ висѣть золотой серьгой въ твоихъ ушахъ! Я наклонился бы и поцѣловалъ тебя въ твою румяную щечку“! Съ этимъ индійскимъ четверостишіемъ сравните греческій сколій: „О еслибъ я былъ прекрасной лирой изъ слоновой кости, дабы красивые юноши понесли меня въ торжественной пляскѣ Діониса! ‚Еслибъ быть мнѣ золотымъ треножникомъ, и несла его въ своихъ рукахъ цѣломудрая красавица“! У Ѳеокрита влюбленный обращается къ Амариллидѣ: будь я пчелкой, я проскользнула бы къ тебѣ въ гротъ сквозь папоротники и плющъ. Въ антологической пьесѣ Ріана онъ завидуетъ дрозду, котораго поймалъ и держитъ въ рукахъ его любимецъ Дексіоникъ: онъ желалъ бы быть на мѣстѣ птички, стонать и проливать слезы. Это напоминаетъ воробышка Лесбіи у Катулла. „О еслибъ я былъ западнымъ вѣтромъ, а ты, палимая солнцемъ, распахнула бы грудь мнѣ на встрѣчу; быть бы мнѣ розой, а ты сорвала бы ее своей рукой и

положила бы ее, пурпурную, на свою грудь". Такъ въ одной анонимной пьесѣ того-же характера; въ другихъ греческихъ чередуются и накопляются другіе образы: влюбленный желалъ бы быть источникомъ, изъ котораго его милая утоляетъ жажду, оружіемъ, которое она носитъ на охотѣ, небомъ, съ его множествомъ звѣздъ-очей, чтобы всѣми наглядѣться на нее, звѣздочку. „Желалъ бы я быть зеркаломъ, чтобы ты глядѣлась въ меня, сорочкой, чтобы ты меня носила; готовъ обратиться въ воду, которой ты моешься, въ мирру, которой умащаешь себя; въ платокъ на груди, въ жемчужину на шеѣ, въ сандалію, чтобы ты попирала меня своими ножками".

Такого рода эллинистическія формулы перешли къ Овидію, вызвали византійскія подражанія; они знакомы и новымъ поэтамъ, Гейне. Мицкевичу:

Когда-бъ я лентой сталъ, что золотомъ играетъ
На дѣвственномъ челѣ твоемъ,
Когда-бъ одеждой сталъ, что перси облекаетъ
Твои воздушнымъ полотномъ,
Я-бъ сердца твоего біеньямъ внять старался,
Отвѣта нѣтъ-ли моему,
Съ твоею бы грудью я и падалъ и вздымался,
Дыханью вѣрный моему.
Когда-бъ я въ вѣтерокъ крылатый превратился,
Что дышетъ, ясный день любя,
Отъ лучшихъ бы цвѣтовъ въ пути я сторонился,
Ласкалъ бы розу и тебя

(пер. *Бенедиктова*).

Тѣ же мотивы встрѣчаются и въ народной пѣснѣ, что указываетъ на происхожденіе самой схемы. „Зачѣмъ я не шелковый платочекъ. покрывалъ бы я ея щечки подъ алымъ ротикомъ!", поетъ въ XIII вѣкѣ Нейдгартъ, очевидно, разрабатывая народный мотивъ: когда повѣялъ бы на насъ вѣтеръ, она попросила бы меня прильнуть къ ней поближе. Зачѣмъ я не ея поясъ.... и какъ бы желалъ я быть птичкой, сидѣть подъ ея фатой и кормиться изъ ея руки". Въ одной нѣмецкой пѣснѣ, извѣстной по печатному изданію 1500 года, желанія влюбленнаго такія: быть зеркаломъ милой. ея сорочкой, кольцомъ, наконецъ, бѣлкой, съ которой она бы играла. Кое что въ этихъ образахъ напоминаетъ послѣднюю изъ приведенныхъ мною анакреонтическихъ пьесъ (зеркало, сорочка въ той-же послѣдовательности), но это еще не даетъ права считать нѣмецкую пѣсню переводомъ или подражаніемъ античной. Въ одномъ Schnaderhüpfel голубые глаза кра-

савицы вызываютъ въ парнѣ желаніе стать лорнетомъ, бѣлокурые волосы — другое: обратиться въ прялку. Въ сербскихъ пѣсняхъ влюбленный хотѣлъ-бы очутиться жемчужиной въ ожерельѣ милой, дѣвушка — обратиться въ ручей подъ окномъ своего милаго, гдѣ онъ купается, а она подошла бы ему подъ грудь, попыталась бы коснуться его сердца.

Наша формула продолжала видоизмѣняться и далѣе: влюбленный хотѣлъ бы превратиться въ какой-нибудь предметъ, близкій къ милой; оставалось и ее подвергнуть подобной же метаморфозѣ, которая облегчила бы свиданіе, сближеніе. Она стала бы розой, онъ бабочкой (сербск.); она стала бы фиговымъ деревомъ, онъ влѣзъ бы на него, четками — онъ молился бы по нимъ, въ Zuckerstock — онъ цѣловалъ бы его (нѣм.). Въ нѣмецкой пѣснѣ молодецъ желалъ бы, чтобы его милая обернулась розой, онъ упалъ бы на нее росинкой; она — пшеничнымъ зерномъ, онъ птичкой, унесъ бы ее; она — золотымъ ларчикомъ, а ключъ былъ былъ-бы у него. Въ шведско-датской пѣснѣ желаніе такого рода вмѣняется дѣвушкѣ: парень былъ бы озеромъ, она уточкой; не ладно это, замѣчаетъ парень, тебя бы застрѣлили; такъ будь ты липой, я травинкой у твоихъ ногъ. Не ладно это и т. д.

Еще одинъ шагъ, и наша формула перейдетъ въ другую, также діалогическую, но съ обоюднымъ обмѣномъ желаній и нереальныхъ метаморфозъ [1]).

Она извѣстна въ цѣломъ родѣ варіантовъ, европейскихъ и восточныхъ (персидскомъ и турецко-персидскомъ). Общее положеніе такое: молодецъ предлагаетъ дѣвушкѣ свою любовь, она отнѣкивается: лучше я стану тѣмъ-то, измѣню образъ, лишь бы не принадлежать тебѣ. Парень отвѣчаетъ ей пожеланіемъ себѣ встрѣчной метаморфозы, которая опять поставитъ его въ уровень съ превращенной милой: если она станетъ рыбкой, онъ рыбакомъ, она птицей — онъ охотникомъ, она зайцемъ — онъ собакой, она цвѣткомъ — онъ косаремъ. Эта фантастическая игра въ желанія развивается разнообразно съ разными окончаніями. Въ румынской пѣснѣ спорятъ такимъ образомъ кукъ — парень и горлица — дѣвушка: она обратится въ хлѣбъ въ печи, онъ въ кочергу, она въ тростинку, онъ сдѣлаетъ изъ нея свирѣль, бу-

---

[1]) См. мои Разысканія вып. III, стр. 67 слѣд. Съ тѣхъ поръ матеріалы сравненій значительно пополнились.

детъ пѣть—играть, будетъ ее цѣловать; она станетъ иконою въ церкви, онъ причетникомъ, будетъ ей кланяться, чествовать, приговаривая: Святой образокъ, стань пташкой, чтобъ намъ любиться, чтобъ намъ миловаться, подъ облаками при солнцѣ, въ прохладной тѣни листьевъ, при звѣздахъ и лунѣ, на вѣки—вмѣстѣ!

Какъ румынскій парень желалъ бы срѣзать дѣвушку-тростинку, чтобы играть на ней и ее цѣловать, такъ въ романѣ Лонга Хлоя хотѣла бы обратиться въ сирингу своего Дафниса.

Тутъ нѣтъ заимствованія образа, какъ и къ самой схемѣ желаній нельзя приложить этого критерія, если онъ не вызванъ сложностью сходныхъ формулъ и совпаденіемъ послѣдовательности, чаще всего случайной, въ какой являются отдѣльныя части цѣлаго.

Иной критерій хотѣли приложить къ другому общему поэтическому мѣсту, къ b) *формулѣ пожеланія*. Въ Руодлибѣ (XI вѣка) герой посылаетъ къ красавицѣ своего пріятеля съ предложеніемъ руки и сердца. Она велитъ ему отвѣтить: Скажи ему отъ меня: сколько листьевъ на деревѣ, столько ему привѣтовъ, столько ликованья, сколько птичьяго воркованья, сколько зеренъ и цвѣтовъ, столько ему пожеланій.

Dic illi nunc de me corde fideli
Tantumdem liebes, veniat quantum modo loubes,
Et volucrum wunna quot sit, tot dic sibi minna,
Graminis et florum quantum sit, dic et honorum.

Одни видѣли въ этой формулѣ, знакомой нѣмецкой и датской пѣснѣ, нѣчто пра-германское, другіе чуть не отголосокъ до-исторической поэзіи, ибо сходныя съ нею существуютъ, напримѣръ, въ Индіи, но они замѣчены были и въ Библіи и у классиковъ, Виргилія, Овидія, Марціала, Катулла. Въ моравской пѣснѣ у Сушила 114 возвратившійся женихъ, неузнанный дѣвушкой, испытываетъ ее, увѣряя, что ея милый женился на другой, и онъ самъ былъ на ея свадьбѣ; чего ты пожелаешь ему? „Я желаю ему столько здоровья, сколько въ этомъ лѣсу травы, столько счастья, сколько въ лѣсу листьевъ, столько поцѣлуевъ, сколько въ небѣ звѣздочекъ, столько дѣтокъ, сколько въ лѣсу цвѣтовъ. Сл. формулу изъ Зальцбурга:

So viel stern in der Heh,
So viel Tropfen in See,
So of grüess i di schen.

Едва ли идетъ здѣсь рѣчь о сохранности расовой или—племенной традиціи: простѣйшія психическія настроенія вездѣ могли быть выра-

жены одинаково, образно-схематично. Листьевъ не перечесть, любви не выразить вполнѣ; эта невыражаемость любви или отчаянія нашла себѣ и другую гиперболическую формулу распространенную отъ востока до запада, отъ Корана до Фрейданка, испанской и новогреческой пѣсни. Я обозначу ее, по слѣдамъ Р. Кёлера, ея же начальнымъ образомъ: с) *Еслибъ небо было хартіей*. Еслибъ небо было хартіей, а море наполнено чернилами, мнѣ не хватило бы мѣста, чтобы выразить все то, что я ощущаю. Вотъ общее содержаніе, а вотъ и его выраженіе въ ново-греческомъ варіантѣ: „Еслибъ всѣ морскія волны были мнѣ чернилами, хартіей все небо, и я сталъ бы писать на ней безъ конца, вдаль и вширь, во вѣки не выписалъ бы всего моего горя и всей твоей жестокости". „Еслибъ всѣ семь небесъ были бумагой, звѣзды писцами, ночной мракъ чернилами и буквы были столь обильны, какъ песокъ, рыбы и листья, то и тогда я не съумѣлъ бы выразить даже на половину желанія видѣть моего возлюбленнаго" (Виса о Раминѣ — въ грузинской поэмѣ XII вѣка Висраміани). Въ ново-греческой пѣсенкѣ по рукописи XV вѣка (Ἀλφάβητος τῆς ἀγάπης) черты мотива уже разложились и мы не признали бы его безъ сравненія съ основнымъ. Сѣтуетъ женщина: „Небо — письмо, звѣзды — буква, и это отравленное письмо я ношу въ сердцѣ, я читала его и плакала. Слезы были мнѣ чернилами, палецъ — перомъ; я сѣла и написала, какъ ты меня покинулъ, обманывалъ, какъ соблазнилъ, полюбилъ и оставилъ". Тотъ же образъ подсказался и Гейне, но въ другомъ примѣненіи: на пескѣ у морскаго берега онъ чертитъ тростинкой: Агнеса, я люблю тебя! Но волны смыли написанное, онъ не вѣритъ ни тростнику, ни песку, ни волнамъ.

Der Himmel wird dunkler, mein Herz wird wilder,
Und mit starker Hand, aus Norwegs Wäldern,
Reiss ich die höchste Tanne
Und tauche sie ein
In des Aetna's glühenden Schlund, und mit solcher
Feuergetränkten Riesenfeder
Schreibe ich an die dunkle Himmelsdecke:
„Agnes, ich liebe dich!"
(Der Nordsee 1-r Cyclus 5).

Влюбленные увѣряютъ себя, что ихъ страсть вѣчна: скорѣе совершится что-нибудь невѣроятное по ходу вещей, чѣмъ они разлюбятъ. Мы переходимъ къ *формулѣ* d) *невозможности*, примѣнимой ко всему, чего не ожидаютъ, на что не надѣются. Скорѣе рѣки потекутъ вспять отъ безбрежнаго моря, времена года измѣнятъ

свой ходъ, чѣмъ измѣнится моя любовь, поетъ Проперцій (I, 15, 29), скорѣе поле обманчивымъ плодомъ наглумится надъ ратаемъ, солнце выѣдетъ на темной колесницѣ, рѣки потекутъ вспять и рыбы погибнутъ на сушѣ, чѣмъ я испытаю въ другомъ мѣстѣ печаль моей любви (Ib. III, 15, 31). Виргилій (Ecl. I, 59) противополагаетъ такія невозможности своему желанію лицезрѣть цесаря. Въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ это locus communis, образно-типично отвѣчающій на вопросы, выражающій отчаяніе или увѣренность: Не разлюбишь ли меня? Когда вернешься? Вернешься ли? Полюбишь ли? Будетъ ли конецъ гореванью? и т. д. Отвѣты такіе: когда рѣки потекутъ вспять, когда на снѣгу произростетъ виноградъ, на дубѣ выростутъ розы, на морѣ кипарисы и яблони, на камнѣ песокъ, кукушка запоетъ зимой, воронъ побѣлѣетъ, либо станетъ голубемъ и т. д. Послѣдній образъ, выражающій невозможность дорогимъ усопшимъ вернуться къ своимъ, извѣстенъ французскимъ, нѣмецкимъ, хорватскимъ пѣснямъ, греческимъ пѣснямъ и сказкамъ. Willie вернется съ того свѣта, когда солнце и луна будутъ плясать на зеленомъ лугу, поется въ шотландской пѣснѣ; въ нѣмецкой молодецъ оплакиваетъ свою милую: его горе кончится, когда розы зацвѣтутъ на горѣ. Въ малорусскихъ пѣсняхъ обычны въ такихъ случаяхъ образы камня, пускающаго корни, плавающаго поверхъ воды, тогда какъ тонетъ перо, разцвѣтающаго сухаго дерева; въ сербскихъ — соединеніе верхушками двухъ деревьевъ, стоящихъ по обѣ стороны Дуная; въ болгарской мать проклинаетъ дочь: у нея не будетъ дѣтей; будетъ, когда заиграетъ камень, запоетъ мраморъ, рыба провѣщится.

Типичность нѣкоторыхъ изъ этихъ выраженій „невозможнаго“ могла бы дать поводъ къ нѣкоторой ихъ группировкѣ по пѣсеннымъ областямъ, ихъ соприкасновеніямъ и литературнымъ вліяніямъ, которыя они могли испытать. Какъ широко напримѣръ распространенъ мотивъ ворона, которому никогда не стать бѣлымъ? Мотивъ этотъ, извѣстный уже классическому міру, принадлежитъ къ такъ называемымъ légendes des origines. Образъ сухой трости, жезла, зеленѣющихъ, разцвѣтающихъ пріютился въ легендѣ о Тангейзерѣ, о покаявшемся грѣшникѣ; въ извѣстномъ эсхатологическомъ сказаніи такое чудо совершится съ сухимъ стволомъ райскаго дерева, древо распятія, и невозможное станетъ былью.

Иное, шутливое приложеніе получилъ этотъ мотивъ въ пѣсняхъ, гдѣ молодецъ задаетъ дѣвушкѣ неисполнимыя загадки — задачи; она отвѣчаетъ ему тѣмъ-же. Задачи такія: сшить платье изъ макова,

алаго цвѣту, черевички изъ кленоваго листу, напрясть дратвы изъ дождевой капли и т. п. Какъ для этихъ задачъ, такъ для мотива „невозможности“ въ пѣсняхъ предыдущаго цикла, можно указать литературныя и сказочныя параллели въ загадкахъ царицы Савской, въ сказкахъ о Мудрой дѣвѣ и т. д.; для пѣсенъ о задачахъ №№ 457—458 у Соболевскаго (Великор. нар. пѣсни I) надо предположить литературный образецъ шуточнаго стиля (сл. № 457 изъ воронежской губерніи: Дѣвка платье мыла, звонко колотила, *эхо* въ морѣ раздавалось, на островѣ отзывалось).

Отъ грандіозныхъ желаній и такихъ-же увѣреній влюбленнаго перейдемъ къ болѣе спокойнымъ проявленіямъ чувства. „Ты моя, я твой“—вотъ фраза, встрѣчающаяся въ цѣломъ рядѣ народныхъ пѣсенъ; ты заключенъ въ моемъ сердцѣ, а ключъ потерянъ: съ этимъ лишнимъ образомъ формула становится поэтической и нашла извѣстное распространеніе. Древнѣйшій нѣмецкій варьянтъ, XII вѣка, находится въ любовномъ посланіи у Wernher'a von Tegernsee:

Du bist mîn. ich bin dîn,
Des solt dû gewiz sîn;
Du bist beslozzen
In mînem herzen.
Verloren ist das slüzzelîn,
Du muost immer drinne sîn.

Эта формула е) *ключъ къ сердцу* извѣстна въ массѣ четверостишій, Schnaderhüpfel, изъ Швейцаріи, Тироля, Эльзаса. Штиріи, Хорутаніи, нижней Австріи и т. д. Либо ключъ потерянъ и его никогда не найдти, либо онъ въ рукахъ одного лишь милаго или милой. Тотъ-же образъ знакомъ шотландской, французской, каталонской, португальской, итальянской, новогреческой и галицкой пѣснямъ. У нея были ключи отъ моего сердца, я вручилъ ихъ ей однажды утромъ, поютъ въ Каталоніи:

Las claus del meu cor
Ella las guardava,
Jo las li entregai
Una matinata.

Такъ въ новогреческой пѣснѣ, но съ другимъ оборотомъ:

Νά ειχα τὰ δυό τὰ χέρια μου κλειδιὰ μαλαγματένια,
Ν'ἄνοιγα τὴν καρδούλαν σου, ποῦ κλείδη δι' ἐμένα.

Художественная поэзія знаетъ этотъ мотивъ; у дантовскаго Pier delle Vigne два ключа отъ сердца Фридриха.

Милый заключенъ въ сердцѣ, его берегутъ, холятъ, не выпускаютъ. Намъ знакомо сопоставленіе народной пѣсни: молодца съ соколомъ, ястребомъ и т. п.; и вотъ образъ мѣняется: молодецъ—соколъ, соловей, сойка заперты въ золотую, серебряную клѣтку, выпорхнули, и милая горюетъ. Такъ въ средневѣковой лирикѣ, во французскихъ, итальянскихъ и новогреческихъ пѣсняхъ. Либо соловей—дѣвушка вылетѣла изъ клѣтки охотника, попала въ руки другаго, который милуетъ ее. Это формула f) *птички въ клѣткѣ*; она встрѣчается и въ другомъ примѣненіи: молодецъ-соколъ вырывается изъ неволи [1]); за нимъ ухаживали, окружали нѣгой, но лишали свободы, либо надругались надъ нимъ. Къ подобному мотиву пристало въ одной русской пѣснѣ (Соболевскій l. c. I, № 48) имя князя Волхонскаго изъ цикла пѣсенъ о немъ и ключникѣ; но только пристало:

Во селѣ-то во селѣ-то было Измаиловѣ,
У князя было у Волхонскаго;

вылеталъ изъ терема „молодъ ясенъ соколъ, птичка вольная", за нимъ бѣжитъ слуга, жалуется: „За тебя-ли меня, младъ ясенъ соколъ, казнить то хотятъ, вѣшати"; онъ отвѣчаетъ:

Воротись ты, воротись, слуга вѣрная!
Я теперь, соколъ, на своей волѣ;
Вечоръ-то вы надо мной надругалися.
Кормили вы меня, сокола, мертвою вороною,
Поили сокола водою болотною.

Я не имѣю ввиду исчерпать всего богатства образныхъ формулъ, разсѣянныхъ по широкому пространству народныхъ пѣсенъ, видимо не общавшихся другъ съ другомъ; формулъ, выразившихъ одни и тѣже жизненныя положенія, но отлившихся въ типически повторяющихся чертахъ.

Остановлюсь еще на формулѣ g) *альбы*. Влюбленные, любовники видятся тайкомъ, подъ покровомъ ночи; „О еслибъ я пробылъ съ ней одну лишь ночь и никогда не было-бъ разсвѣта!" (Petrarca sest. I); „О Боже! Пусть не поетъ пѣтухъ, не занимается заря! Въ моихъ объятіяхъ бѣлая голубка" (новогреческая пѣсня). Но вотъ забрезжило утро, надо разстаться, иначе ихъ застигнутъ. Народныя пѣсни на эту тему принадлежатъ къ числу распространенныхъ (нѣмецкія, чешскія, венгерскія, краинскія, сербскія, лужицкія, литовскія); по свидѣтельству

---

[1]) Сл. Психологическій параллелизмъ, l. c., стр. 58—59; Ἀλφάβητος τῆς ἀγάπης № 26.

Атенея онѣ извѣстны были въ Великой Греціи: въ одномъ приводимомъ имъ отрывкѣ женщина будитъ своего милаго при первыхъ лучахъ солнца, какъ бы не засталъ мужъ. Либо вѣстникомъ утра служитъ пѣніе птицъ; „Не могу я оставить тебя одну всю ночь! — Слышь запѣла птичка, вѣщаетъ день", поется въ Швабіи:

Ich kann dich wohl einer lassen
Doch nicht die ganze Nacht.
— Hörst du nicht das Vögein pfeifen?
Verkündet uns schon den Tag.

Птицей, вѣщающей день, является пѣтухъ; въ русской пѣснѣ дѣвушка жалуется, что онъ рано поетъ, съ милымъ спать не даетъ (Соболевскій l. c. IV, № 717), но это не альба; въ литовской дѣвушка баюкаетъ молодца: Спи, спи, спи дорогой! Но затѣмъ припѣвъ мѣняется: Уже пропѣли пѣтухи, залаяли псы. Бѣги, бѣги, бѣги, милый мой, голубчикъ! Отецъ замѣтитъ, въ спину накладетъ! Бѣги, бѣги, бѣги, дорогой мой!—Въ черногорской альбѣ та же сцена происходитъ между младоженами: Іово бесѣдуетъ съ милой, пока не запѣли пѣтлы. Тихо говоритъ онъ милой: Пора намъ разстаться (već je vakat da se rastanemo). То не пѣтухи, отвѣчаетъ она

Progj se dragi, to su pjetli laini,

то съ минарета раздался утренній призывъ. Снова говоритъ Іово, и всякій разъ возвращается та же формула: Пора намъ разстаться! Она отвѣчаетъ всякій разъ иначе: то это голосъ стараго хаджи, онъ не знаетъ, когда настаетъ утро (kad je sabah pravi), то это ребята голосятъ на улицѣ, или ихъ поколотила мать. Но вотъ является мать Іово и начинаетъ его корить; отвѣчаетъ Іованова люба: Сука ты, не свекровь; если ты родила сына, то я его добыла:

I ako si ti rodila sina,
Ti ga rodi, ali ga ja dobich.

Слѣдующая китайская альба лучше всѣхъ говоритъ о самостоятельности этого народнаго мотива: дѣйствующія лица — царь и царица, неизвѣстно, почему ихъ тревожитъ приближеніе дня. „Уже пѣтухъ пропѣлъ, на востокѣ занялась заря, говоритъ она; пора вставать, во дворцѣ уже собрался народъ.—То не пѣтухъ, а жужжатъ мухи, не заря, а свѣтитъ мѣсяцъ".

Художественная поэзія овладѣла этимъ положеніемъ: напомню альбу Дитмара фонъ Эйстъ [1]); у Чосера (Troilus and Criseide III

[1]) См. апрѣльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.*, стр. 250.

1413) Крисеида обращается къ Троилу: Уже пропѣлъ пѣтухъ и утренняя звѣзда, вѣстникъ утра, разлила свои лучи. И онъ и она опечалены:

But when the cocke, common astrologer,
Gon on his breast to beate and after crowe,
And Lucifer, the daies messenger
Gan to rise and out his beams throwe,
. . . . then anone Criseide
With herte sory to Troilus thus saide:
Mine hearte life, my trust, all my pleasaunce,
That I was borne alas, that is my wo,
That day of us mote make disceveraunce,
For time it is to rise and hence to go.

Такъ и у Шекспира; только у него аффектъ повышенъ и предупрежденіе распредѣлилось между двумя лицами, въ соревнованіи страсти и опасенія. Ромео хочетъ удалиться, онъ слышалъ пѣсню жаворонка, утро близко.—То былъ не жаворонокъ, а соловей, говоритъ Джульетта; всю ночь онъ поетъ на томъ гранатовомъ деревѣ.—Нѣтъ, то былъ жаворонокъ, вѣстникъ утра, не соловей. Посмотри, дорогая, какія завистливыя полосы свѣта раздѣлили на востокѣ облака. Свѣточи ночи потухли и веселый день уже стоитъ, поднявшись на концахъ пальцевъ, надъ туманными вершинами горъ. Надо идти—и жить, либо остаться и умереть.—То не свѣтъ дня, это я знаю, а какой-нибудь метеоръ, испареніе солнца, онъ будетъ свѣтить тебѣ ночью на пути въ Мантую. Останься, еще не время идти. — Такъ пусть же меня схватятъ и убьютъ; я счастливъ, если таково твое желанье. Скажу тебѣ: тотъ сѣрый отблескъ не отъ ока утра, а блѣдное отраженіе лица Цинтіи; то не жаворонокъ, трели котораго тамъ въ высотѣ бьются о сводъ неба. У меня больше желанья остаться, чѣмъ уйти. И такъ, приди, о смерть, привѣтъ тебѣ; такъ хочетъ Джульетта. Что же, душа моя, побесѣдуемъ еще, вѣдь еще день не насталъ!—Насталъ онъ, насталъ! Бѣги, спѣши! То жаворонокъ поетъ, такъ несогласно, такъ рѣзко; говорятъ, его пѣснь полна гармоній, согласныхъ дѣленій; насъ она раздѣляетъ!..

Вѣстникомъ утра и разлуки могъ быть голосъ ночнаго сторожа, какъ въ черногорской альбѣ призывъ муэдзина; предупреждая всѣхъ о наступленіи дня, сторожъ невольно становился въ какія то близкія отношенія къ влюбленнымъ, точно оберегалъ именно ихъ, заботился о нихъ. Это создавало въ пѣснѣ типичное положеніе, которое рыцарская лирика пріурочила къ феодальной обстановкѣ: въ художест-

венной альбѣ при двухъ влюбленныхъ очутилось еще третье обязательное лицо пріятеля, заинтересованнаго въ ихъ судьбѣ; для нихъ онъ поетъ, и предполагается, что его не слышатъ лишь тѣ, которые могли бы нарушить свиданіе [1]). Это и невѣроятно и не реально: ясно, что въ рыцарской альбѣ мы имѣемъ дѣло съ формулой, развившей извѣстное положеніе по требованіямъ эстетики, не считавшейся съ вѣроятностью. Предполагать вмѣстѣ съ нѣкоторыми новѣйшими изслѣдователями альбы, что сторожъ, другъ ея рыцарскаго типа навѣянъ мотивомъ утренняго христіанскаго гимна, не представляется никакой нужды.

Если рыцарская альба развилась изъ народнаго, самозданнаго мотива, то она въ свою очередь могла оказать вліяніе на позднѣйшія его варіаціи въ европейскихъ народныхъ пѣсняхъ. Но вопросъ вліяній—сложный, часто оставляющій васъ на распутьи и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ выводящій на торную дорогу. Примѣромъ могутъ послужить поэтическія формулы h) *лебедя и горлицы*. Въ старые годы русскіе люди рушали лебедь на пирахъ, красавица была для нихъ бѣлой лебедушкой; „лебеди на морѣ—князи, лебедушки на морѣ княгини" поется у насъ о птицахъ. О музыкальномъ впечатлѣніи лебединой пѣсни показанія различны: въ свадебныхъ приговорахъ изъ ярославской губерніи у дѣвицъ—пѣвицъ, „бѣлыхъ лебедицъ"—„говоря лебединая". Какъ понимать это „говоря? „Станетъ рѣчи говорить, точно лебедь прокричитъ" поется въ одной пѣснѣ (Шейнъ, Р. П. стр. 437), что невольно напоминаетъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ сравненіе телѣжнаго скрипа съ крикомъ вспугнутыхъ лебедей; либо бочки въ погребахъ гогочутъ, когда ихъ качаетъ вѣтеръ, „будто лебеди на тихіихъ на заводяхъ" (Рыбн. I 282). Особо стоитъ образъ Бояна, пускающаго десять соколовъ-пальцевъ на стадо лебедей-струнъ: до какой онъ прежде коснулся, „тá преди пѣснь пояше". Нигдѣ ни слѣда того особаго символизма, который отразился въ значеніи нѣмецкаго „schwanen", а въ средневѣковой западной лирикѣ и позже далъ образы и сравненія. Когда въ Венеціанскомъ купцѣ (III, 2) Бассаніо идетъ попытать счастья съ ларцами, Порція говоритъ: „Пусть раздается музыка, пока онъ творитъ выборъ; если онъ проиграетъ, онъ кончится, какъ лебедь, замретъ въ мелодіи; а дабы сравненіе было подходящее, мои глаза будутъ ему рѣкой, влажнымъ одромъ смерти". Символизмъ навѣянъ классиками: Эліаномъ, Плиніемъ,

[1]) См. апрѣльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.*, стр. 252.

Овидіемъ: будто-бы лебедь предчувствуетъ свою кончину и пѣсней прощается съ жизнью. Христіанская мысль также овладѣла образомъ: предсмертная пѣсня лебедя—это вопль Спасителя на крестѣ.

Сходное развитіе изъ подобныхъ же источниковъ представляетъ образъ голубя-горлицы. Что онъ получилъ особое значеніе при свѣтѣ библейско-христіанскихъ идей — на это указано было выше [1]); Богородица—голубица принадлежитъ тому же освѣщенію. Рядомъ съ этимъ развивается издавна представленіе о горлицѣ, сѣтующей по своемъ голубкѣ, какъ символъ супружеской вѣрности. Символъ этотъ одинъ изъ популярныхъ въ средневѣковой поэтической и учительной литературѣ, онъ отразился и въ народныхъ пѣсняхъ, нѣмецкихъ и французскихъ, итальянскихъ, испанскихъ и датскихъ. Обычная схема такая: горлица неутѣшна, потерявъ супруга, садится лишь на засохшія вѣтки, не пьетъ чистой воды, а только замученую. Замутиться—печалиться, это сопоставленіе знакомо народной пѣснѣ, какъ сидѣнье на сухой вѣткѣ (сухой въ противоположность къ зеленому=молодому, веселому) олонецкому причитанію вдовы: она кукуетъ „какъ несчастная кокоша на сыромъ бору", на „подсушной сидитъ" на деревиночкѣ, на „горькой... на осиночкѣ". Въ греческой пѣсенкѣ соловей, когда опечаленъ, не поетъ, ни по утрамъ, ни по полудни, не садится на дерево съ густою листвой, а когда приходитъ ему охота до пѣсенъ, понижаетъ голосъ, и тогда всѣ знаютъ, что онъ печалуется [2]).

Василію Великому, Григорію Назіанзину и блаженному Іерониму знакомъ символъ горюющей горлицы; Іеронимъ цитуетъ по этому поводу и болѣе древнихъ авторовъ. Христіанское пониманіе образа такое: это христіанство, молчаливо скорбящее по Спасителѣ.

Выше мы видѣли примѣры такой-же христіанской перелицовки символовъ [3]). Народная пѣснь останавливается здѣсь порой на наивномъ смѣшеніи своего и чужаго, птицы-вѣстника съ символическимъ представленіемъ Св. Духа. Въ одной нѣмецкой пѣснѣ Пресвятая Дѣва сидитъ, птичка подлетаетъ къ ней, ей сопутствуетъ прекрасный юноша. Онъ произноситъ слова благовѣстія, а птичку Пресвятая Дѣва приголубила на своемъ лонѣ, обрѣзала ей крылышки, большое было имъ веселье:

---

[1]) См. выше стр. 52.

[2]) См. Психологическій параллелизмъ l. c. стр. 64, 70; Ἀλφάβητος τῆς ἀγάπης № 92.

[3]) Сл. выше стр. 52 и Психологическій параллелизмъ l. c. стр. 59—60.

Sie satzt sich zu ihm nider
Und schloss in in ir schoss,
Beschneid im sein gefider,
Ir beider freud ja die war gross.

Я коснулся лишь немногихъ мотивовъ, символовъ и образовъ и ихъ сочетаній, свойственныхъ поэтическому языку, то выработавшихся самостоятельно въ той или другой пѣсенной области и народности, то разсѣянныхъ по художественной или народной пѣснѣ изъ одного опредѣленнаго источника. Всѣ они произошли или были усвоены на почвѣ музыкально-ритмическихъ ассоціацій и составляютъ спеціальность поэтическаго словаря; всѣ они испытываютъ въ теченіи времени извѣстное обобщеніе, приближаясь къ значенію формулъ, какъ въ процессѣ, которому подлежитъ человѣческое слово вообще на пути отъ его древней образности къ отвлеченію; но въ минуты возбужденія, на крыльяхъ ритма, въ рукахъ дѣйствительнаго поэта, они могутъ быть по прежнему опредѣленно суггестивны. Говоря о поэтическомъ стилѣ Уландъ подчеркнулъ явленіе обобщенія, но, по моему, не достаточно остановился на суггестивности формулъ, именно какъ формулъ. Въ теченіи долгаго и разнообразнаго развитія поэтическаго дѣла постепенно образовалось значительное количество поэтическихъ образовъ и оборотовъ, всегда готовыхъ къ услугамъ всякаго вновь объявившагося пѣвца; но вслѣдствіе постояннаго употребленія къ этимъ образамъ и оборотамъ такъ приглядѣлись, что авторы и читатели едва-ли соединяютъ съ ними какое-либо другое значеніе, кромѣ настоящаго и основнаго. По типу этихъ привычныхъ выраженій стали слагать и новыя на тотъ же ладъ, въ значеніи которыхъ столь-же мало даютъ себѣ отчета. Этимъ объясняется, что въ иныхъ поэтическихъ произведеніяхъ мы встрѣтимъ словообразованія, которымъ не подсказать никакого смысла, либо образы, не вызывающіе никакого представленія и взаимно уничтожающіеся, потому что за ними не лежитъ личное непосредственное впечатлѣніе. „Всякій образъ, особенно изъ избитыхъ частымъ употребленіемъ, долженъ быть на-ново воспринятъ изъ природы, либо изъ яснаго созерцанія фантазіи, иначе онъ грозитъ стать фразой. Роза—постоянно возвращающійся, неотъемлемый образъ юности, но лишь тотъ употребитъ его поэтически, въ воображеніи котораго роза въ самомъ дѣлѣ разцвѣтаетъ въ своемъ нѣжномъ сіяніи и ароматѣ".

Итакъ, поэтическій образъ оживаетъ, если онъ снова пережитъ художникомъ, воспринятый изъ природы или подновленный силой воображенія; подновленный изъ воспоминанія—или изъ готовой пла-

стической формулы. На этомъ я остановлюсь, потому что это существенно для вопроса. Поэтъ, напримѣръ, никогда не видѣлъ пустыни, но онъ можетъ передать намъ живое впечатлѣніе этого невиданнаго двумя-тремя словами, которыя, употребленныя въ дѣловой, докладывающей рѣчи, оставляютъ меня относительно равнодушнымъ, у него-же вызываютъ видѣнія. Когда еще жива была въ поэтическомъ оборотѣ предсмертная пѣсня лебедя, она, очевидно, была суггестивна и для тѣхъ, которые никогда ее не слыхали; самъ Уландъ говоритъ, что роза вызываетъ въ насъ ассоціацію веселья. Дѣло въ томъ, что поэтическій языкъ состоитъ изъ формулъ, которыя въ теченіи извѣстнаго времени вызывали извѣстныя группы образныхъ ассоціацій положительныхъ и ассоціацій по противорѣчію, и мы пріучаемся къ этой работѣ пластической мысли, какъ пріучаемся соединять съ словомъ вообще рядъ извѣстныхъ представленій объ объектѣ. Это дѣло вѣковаго преданія, безсознательно сложившейся условности и, по отношенію къ той или другой личности, выучки и привычки. Внѣ установившихся формъ языка не выразить мысли, какъ и рѣдкія нововведенія въ области поэтической фразеологіи слагаются въ ея старыхъ кадрахъ. Поэтическія формулы—это нервные узлы, прикосновеніе къ которымъ будитъ въ насъ ряды опредѣленныхъ образовъ, въ одномъ болѣе, въ другомъ менѣе, по мѣрѣ нашего развитія, опыта и способности умножать и сочетать вызванныя образомъ ассоціаціи.

Мы можемъ перенести этотъ вопросъ и въ область болѣе сложныхъ поэтическихъ формулъ: формулъ—сюжетовъ. Есть сюжеты новоявленные, подсказанные наростающими спросами жизни, выводящія новыя положенія и бытовые типы, и есть сюжеты, отвѣчающіе на вѣковѣчные запросы мысли, не изсякающіе въ оборотѣ человѣческой исторіи. Гдѣ-то и кѣмъ-нибудь такимъ сюжетамъ дано было счастливое выраженіе, формула, достаточно растяжимая для того, чтобы воспринять въ себя не новое содержаніе, а новое толкованіе богатаго ассоціаціями сюжета, и формула останется, къ ней будутъ возвращаться, претворяя ея значеніе, расширяя смыслъ, видоизмѣняя ее. Какъ повторялась и повторяется стилистическая формула „желанія", такъ повторяются на разстояніи вѣковъ, напримѣръ, сюжеты Фауста и Донъ-Жуана; религіозные типы подлежатъ такому-же чередованію пересказовъ: картина Рѣпина, которую мнѣ удалось видѣть въ его мастерской, представляетъ блестящее доказательство того, что евангельскій разказъ объ искушеніи Христа еще далеко не исчерпанъ художниками и способенъ вызвать новое поэтическое освѣ-

щеніе. Какъ въ области культуры, такъ, спеціальнѣе, и въ области искусства, мы связаны преданіемъ и ширимся въ немъ, не созидая новыхъ формъ, а привязывая къ нимъ новыя отношенія; это своего рода естественное „сбереженіе силы". Къ числу многихъ парадоксовъ, наполняющихъ статью гр. Л. Толстаго объ искусствѣ, принадлежитъ и слѣдующій, особенно яркій, едва-ли имѣющій вызвать даже полемику: будто такъ называемые поэтическіе сюжеты, то есть сюжеты, заимствованные изъ прежнихъ художественныхъ произведеній,—не искусство, а „подобіе искусства". Примѣръ—сюжетъ Фауста. Пушкинъ уже отвѣтилъ на это: „Талантъ не воленъ, писалъ онъ, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе,... признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственныя силы, надежда открыть новые міры, стремясь по стезямъ генія".

VI.

Языкъ прозы послужитъ для меня лишь противовѣсомъ поэтическаго, сравненіе—ближайшему выдѣленію второго. Въ стилѣ прозы нѣтъ, стало быть, тѣхъ особенностей, образовъ, оборотовъ, созвучій и эпитетовъ, которые являются результатомъ послѣдовательнаго примѣненія ритма, вызывавшаго отклики, и содержательнаго совпаденія, создававшаго въ рѣчи новые элементы образности, поднявшаго значеніе древнихъ и развившаго въ тѣхъ-же цѣляхъ живописный эпитетъ. Рѣчь, не ритмованная послѣдовательно въ очередной смѣнѣ паденій и повышеній, не могла создать этихъ стилистическихъ особенностей. Такова рѣчь прозы. Исторически поэзія и проза, какъ стиль, могли и должны были появиться одновременно: иное пѣлось, другое сказывалось. Сказка такъ же древня, какъ пѣсня; пѣсенный складъ не есть непремѣнный признакъ древняго эпическаго преданія; сѣверныя саги, этотъ эпосъ въ прозѣ, не представляютъ собою единичный фактъ. Изъ примѣровъ чередованія стихотворнаго и прозаическаго изложенія, собранныхъ мною при другомъ случаѣ [1]), иные могутъ быть истолкованы, какъ поздняя попытка дополнить сказомъ забытые эпизоды пѣсни, но другіе послужатъ къ характеристикѣ

[1]) См. Эпическія повторенія l. c. стр. 299 слѣд.; *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1899, мартъ, стр. 115—116, 130.

древней смѣны ритмованнаго и неритмованнаго слова. Это явленіе довольно распространенное, и едва-ли мы вправѣ объяснить подобную смѣну въ Aucassin et Nicolette вліяніемъ кельтскаго (ирландскаго) эпоса, гдѣ она обычна. Грузинскія пѣсни о Таріэлѣ перемежаются прозаическимъ пересказомъ отдѣльныхъ моментовъ, въ замѣнъ утраченнаго въ народной памяти пѣсеннаго повѣствованія; латышскія пѣсни то сказываются, то поются; Лайма, божья дщерь, поетъ ихъ и сказываетъ и т. д.

Обычное въ поэтикахъ положеніе, что проза явилась позже поэзіи, по ея слѣдамъ, обобщено изъ наблюденій надъ внѣшнимъ развитіемъ, главнымъ образомъ, греческой литературы. Пѣлись гомерическія поэмы, за ними уже возникаетъ проза логографовъ. Эта послѣдовательность обязываетъ развѣ къ тому выводу, что тексты въ прозѣ могли быть записаны ранѣе поэтическихъ, потому что послѣдніе хранились и еще хранятся въ памяти народа, несмотря на ихъ, иногда, значительный объемъ, защищенные ритмомъ и складомъ, тогда какъ вольная рѣчь прозы забывалась, искажалась и требовала другой защиты, кромѣ оберегаемой памяти. Въ пользу болѣе поздняго развитія прозы, какъ жанра, такой фактъ также мало доказателенъ, какъ ритмическая проза Корана, построенная по болѣе раннимъ метрическимъ образцамъ. Можно говорить объ усиленномъ развитіи прозаической литературы, дѣловой, философской и научной, послѣ того, какъ поэзія уже дала свой цвѣтъ. И это явленіе было обобщено: въ водвореніи прозы выдѣли ростъ личности, возможность личной оцѣнки и критики преданія, наконецъ преобладаніе демократіи, начало и торжественное вшествіе науки. Все это можно принять, но съ оговорками. Вѣдь древняя пѣсня обряда и культа была не только поэзіей, но, ранѣе того, и наукой, и знаніемъ, и вѣрованіемъ и наставленіемъ (Солонъ); прототипы французскихъ chanson de geste сложились по слѣдамъ событій и, пока эпическая пѣсня не обставилась общими мѣстами народной поэтики, не подверглась литературной обработкѣ, она была пересказомъ фактовъ, видѣнныхъ или слышанныхъ, съ элементами общихъ и личныхъ взглядовъ, и я не вижу большой разницы въ пріемахъ логографа, смѣнившаго эпическаго пѣвца. Критическое отношеніе къ явленіямъ и даннымъ историческаго прошлаго и общественной жизни въ области исторіографіи является въ результатѣ такого-же процесса, который вывелъ изъ народной пѣсни лирику личной мысли.

Если говорить о подъемѣ литературы въ прозѣ въ связи съ усиленіемъ демократическихъ интересовъ, то съ тѣмъ-же правомъ можно

выдвинуть и другой фактъ, ярче выясняющій тѣ-же отношенія. Я назвалъ-бы его аристократизаціей поэзіи. Когда она начинаетъ служить профессіональнымъ и сословно-кастовымъ цѣлямъ, ея содержаніе съуживается, и на открытыхъ мѣстахъ, отвѣчая интересамъ, отъ которыхъ она отошла, водворяется проза. Такъ могло быть вообще на переходѣ отъ народнаго обряда къ поэзіи храмоваго культа. Крайнее развитіе крѣпко организованнаго кастоваго начала объясняетъ и такое, по видимому, исключеніе, только подтверждающее правило: въ политикѣ брахмановъ, ревниво устранявшей массу отъ успѣховъ знанія, Веберъ видитъ причину слабаго развитія санскритской прозы; знаніе было въ рукахъ жреческаго сословія и продолжало выражаться въ архаическихъ формахъ-переживаніяхъ: и поэтическія, и научныя темы, законы и обряды, и практическія наставленія—все это по прежнему облекалось въ стихи.

Другое обособленіе поэтическаго стиля произошло на почвѣ профессіи. Явились, выдѣлившись на фонѣ народной пѣсни, професіональные пѣвцы, сказители, воспитавшіеся постепенно къ сознанію поэзіи, не какъ обрядоваго или культоваго дѣла, а какъ акта самодовлѣющаго; начала художественной поэзіи, которая продолжаетъ развивать собственное стилистическое преданіе, вблизи и вмѣстѣ въ сторонѣ отъ развитія дѣловой рѣчи. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло не съ противорѣчіями архаизма культовой поэзіи и новшества прозы, а съ двумя совмѣстно-развивающимися традиціями, при чемъ, быть можетъ, на сторонѣ поэтическаго стиля задерживающихъ элементовъ больше, въ ритмѣ, въ подборѣ унаслѣдованныхъ оборотовъ, въ преданіи риторики и школы, въ гильдіяхъ, какъ было въ Ирландіи и Уэльсѣ. Языкъ поэзіи всегда архаичнѣе языка прозы, ихъ развитіе не равномѣрно, уравновѣшивается въ границахъ взаимодѣйствія, иногда случайнаго и трудно опредѣлимаго, но никогда не стирающаго сознанія разности. „Бѣлый свѣтъ“ нашей народной пѣсни такая-же тавтологія, какъ „бѣлое молоко“; Аристотель считаетъ послѣднее сочетаніе возможнымъ въ поэзіи, неумѣстнымъ въ прозѣ; ему кажутся невнятными метамофоры Георгія: „кровавыя дѣла“ и даже „блѣдныя“; отъ послѣднихъ не отказался-бы и современный поэтъ; гр. Л. Толстой говоритъ о „черной темнотѣ“ (Воскресеніе).

Взаимодѣйствіе языка поэзіи и прозы ставитъ на очередь интересный психологическій вопросъ, когда оно является не какъ незамѣтная инфильтрація одного въ другой, а выражается, такъ сказать, оптомъ, характеризуя цѣлыя историческія области стиля, приводя къ

очередному развитію поэтической, цвѣтущей прозы. Въ прозѣ является не только стремленіе къ кадансу, къ ритмической послѣдовательности паденій и удареній, къ созвучіямъ риѳмы, но и пристрастіе къ оборотамъ и образамъ, дотолѣ свойственнымъ лишь поэтическому словоупотребленію. Не всѣ смѣшенія такого рода подлежатъ одной и той-же оцѣнкѣ: когда начинатели классическаго возрожденія обновили литературное значеніе латинской рѣчи, они еще не успѣли точно овладѣть критеріемъ поэтически и прозаически дозволеннаго, и ихъ стиль невольно отзывается центономъ неискусившихся искателей. Но когда подобный-же синкретизмъ встрѣчается въ перебояхъ литературныхъ и общественныхъ настроеній, въ греко-римскомъ азіанизмѣ, въ эвфуизмѣ Елисаветинской поры, въ французскомъ style précieux, вопросъ о психологическихъ поводахъ такого смѣшенія возникаетъ естественно: дѣло идетъ объ эпохахъ переходныхъ, полныхъ начинаній и переломовъ, когда мысль, чувство и вкусъ настроены къ выраженію чего-то новаго, желаемаго, чему нѣтъ словъ. И слова ищутъ въ преподнятомъ, потенцированномъ стилѣ поэзіи, въ цитатѣ изъ поэта, въ введеніи поэтическаго словаря въ оборотъ прозы. Это производитъ впечатлѣніе чего то нервнаго, личнаго, сильнаго и слабаго вмѣстѣ, искусственной изнѣженности и искусственнаго бомбаста. Въ современной прозѣ, особенно французской, можно отмѣтить подобные-же признаки; переходный-ли это пунктъ передъ новымъ разграниченіемъ, или указаніе на грядущій синкретизмъ и забвеніе унаслѣдованныхъ формъ поэтической рѣчи?

Языкъ поэзіи инфильтруется въ языкъ прозы; наоборотъ, прозой начинаютъ писать произведенія, содержаніе которыхъ облекалось когда-то, или, казалось, естественно облеклось-бы въ поэтическую форму. Это явленіе постоянно надвигающееся и болѣе общее, чѣмъ разсмотрѣнное выше. И здѣсь приходится разобраться въ частностяхъ, не рѣшая вопроса оптомъ. Когда chansons de geste, въ прежнее время пѣвшіяся и сказывавшіяся, начинаютъ излагаться въ прозѣ, опускаясь до народной книги, мы скажемъ себѣ, что живой, эмоціональный интересъ къ нимъ исчезъ, что онѣ уже „старина“, привлекающая не идеей, а сказочною схемой, очутившаяся въ средѣ, гдѣ она не была пережита и перечувствована, абстрактная сказка. Но когда въ по-александровскую эпоху ослабѣло сознаніе греческой народности, воспитавшей мѣстный эпосъ и сагу, и на почвѣ всесвѣтной монархіи, въ теченіяхъ космополитизма, центрами интереса явились

не политическія, а домашнія, личныя отношенія, схемы разказа о себѣ, о личномъ горѣ и счастьи и признаніи не укладывались въ формы, увѣковѣченныя поэтическимъ преданіемъ, и вмѣсто эпоса явился романъ въ прозѣ. Семейная драма въ прозѣ была результатомъ такого-же перелома въ общественныхъ интересахъ, какъ въ средніе вѣка новое содержаніе мысли и чувства потребовало въ романахъ бретонскаго цикла и новыхъ сюжетовъ и другой метрической формы.

Александръ Веселовскій.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА [1]).

(Сочиненія *М. В. Ломоносова* съ объяснительными примѣчаніями академика *М. И. Сухомлинова*. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ IV. С.-Пб. 1898 года).

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изслѣдованію начатаго нами вопроса, повторимъ вкратцѣ выводы, къ которымъ мы пришли въ своей первой статьѣ [2]) по поводу академическаго изданія сочи-

---

[1]) *Продолженіе*. См. мартовскую книгу „*Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*", 1898 года.

[2]) „*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*" 1898 года № 3, стр. 150—176. Пользуюсь случаемъ, чтобы исправить тѣ непріятныя для меня опечатки, которыя вкрались въ эту статью.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
152	13-я снизу	1789 г.	1789 г.
156	4-я „	1788 года	1738 года
157	12-я сверху	воинъ	волкъ.
171	15-я „	седьмое	первое
171	11-я „	далѣ	долѣ
171	8-я „	Примѣчаніе 1-е	Примѣчаніе 4-е на предыдущей стр.
171	5-я „	См. примѣч. 4	См. примѣч. 7 на предыдущей стр.
172	10-я сверху	есть	ѣсть
174	16-я „	1781 году	1781 году
174	15-я снизу	Драшетъ	Драметъ
174	8-я „	*Грандалевскимъ*	*Грандилевскимъ*

ній Ломоносова. Изученіе этого изданія дало намъ возможность, съ одной стороны, выставить рядъ положеній, необходимыхъ для уясненія живаго произношенія русской интеллигентной среды прошлаго вѣка въ обѣихъ столицахъ, съ другой,—опредѣлить значеніе Ломоносова въ исторіи нашего литературнаго языка. Положенія и выводы эти слѣдующіе: 1) Раннія произведенія пера Ломоносова сохранили въ себѣ много діалектическихъ особенностей его роднаго произношенія и лексикона; 2) эти особенности съ теченіемъ времени уменьшаются въ своемъ количествѣ подъ вліяніямъ изученія Ломоносовымъ общепринятаго говора московской „благородной" среды; такъ напр., перестаютъ встрѣчаться окончанія неопр. накл.-*ни* и сравн. степени на—*яе* (IV 126, 226, 294, 199. Грам. § 218 стр. 95; 3) приспособленіе Ломоносова въ выбору и лексикону московскаго „благороднаго" общества, отражаясь въ его правописаніи и изложеніи его взглядовъ на языкъ, вмѣстѣ съ указаніями Тредьяковскаго и Сумарокова относительно этого предмета, дало намъ возможность опредѣлить различіе московскаго говора прошлаго вѣка въ простомъ народѣ отъ современнаго ему говора московской интеллигенціи; 4) говоръ московской „благородной" среды, интеллигенціи, „вразумленной книжному искусству", заключалъ въ себѣ извѣстные элементы „малороссійскаго" (=церковнаго) произношенія, котораго не знала чернь, не „вразумленная книжному искусству"; 5) Ломоносовъ, благодаря своимъ природнымъ дарованіямъ, а также благодаря своему непрерывно развивавшемуся желанію, вслѣдствіе условій его тогдашней литературной дѣятельности, желанію—узнать и изучить московское „благородное" и литературное нарѣчіе, быстро замѣтилъ разницу въ говорѣ московской черни, московской образованной среды и въ своемъ собственномъ говорѣ; 6) крупнѣйшимъ дѣломъ Ломоносовскаго генія надо считать то, что онъ подмѣтилъ въ языкѣ образованныхъ москвичей тѣ элементы, которые были жизнеспособны и подлежали дальнѣйшему развитію, такъ какъ покоились на началахъ живаго употребленія среди народа и сообщали рѣчи москвичей ея національный колоритъ. Въ этомъ обстоятельствѣ кроется причина того, почему раннія провинціализмы рѣчи Ломоносова не привились къ литературному языку, не получили въ немъ жизни и развитія, и почему самъ Ломоносовъ не настаивалъ на нихъ, а понемногу эмапципировался отъ нихъ и самъ отказался отъ большинства ихъ, сдѣлавшись послѣ упорныхъ занятій языкомъ почти совершеннымъ москвичемъ; 7) нашедши русло теченія

живаго московскаго нарѣчія, Ломоносовъ расчистилъ это русло, предоставивъ свободный доступъ къ нему тѣмъ живымъ источникамъ, которые вливали въ это русло свою свѣжую воду. Этимъ Ломоносовъ какъ бы пригасилъ въ нашемъ литературномъ языкѣ тѣ элементы церковности, которые обречены были на мертвую жизнь въ книгахъ безъ задатковъ развитія и перехода въ живую рѣчь, какъ средство общенія мыслями. Наконецъ, 8) несмотря на такую работу генія Ломоносова, слѣды его роднаго лексикона и произношенія, естественно должны попадаться въ его литературныхъ трудахъ даже и позднѣйшаго времени,—и попадаются противъ его воли. Изученіе IV тома сочиненій Ломоносова подкрѣпляетъ и утверждаетъ насъ въ нашихъ выводахъ. Настоящій томъ содержитъ въ себѣ сочиненія Ломоносова, относящіяся къ области языкознанія, и нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ авторомъ въ торжественныхъ собраніяхъ Академіи Наукъ. Изъ этихъ сочиненій наиболѣе важнымъ для насъ является „Россійская Грамматика", въ которой изложены лингвистическія понятія и представленія самого автора въ томъ видѣ, въ какомъ они сложились у него къ этому времени, то есть къ 1755 году, когда рукопись „Россійской Грамматики" была представлена въ черновомъ видѣ Ломоносовымъ въ Академію [1]). 20-го сентября 1755 года Ломоносовъ поднесъ великому князю Павлу Петровичу свою Грамматику въ рукописи; 21-го сентября Ломоносовъ донесъ объ этомъ канцеляріи Академіи, приложивъ при донесеніи свою черновую рукопись Грамматики для печатанія; съ 17-го октября 1755 года, когда былъ помѣченъ „репортъ" въ канцеляріи, какъ поданный въ этотъ день [2]), хранится въ Академіи Наукъ эта рукопись, заключающая въ себѣ планъ Грамматики и поясненія къ ней. Рукопись эта подъ № 112 хранится нынѣ въ первомъ отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ и представляетъ изъ себя сборникъ черновыхъ бумагъ Ломоносова. Эта рукопись, содержащая въ себѣ, какъ теперь всякому видно, многія объясненія, дополненія и разсужденія, касающіяся „Россійской Грамматики", представляетъ передъ нами ходъ лингвистическихъ мыслей самого Ломоносова, указываетъ намъ, съ одной стороны, на источникъ *теоретическихъ* свѣдѣній Ломоносова по грамматикѣ, на источ-

---

[1]) См. IV-й томъ Соч. Ломоносова. Примѣчанія М. И. Сухомлинова. Стр. 28. (Всѣ страницы примѣчаній помѣчены внизу).

[2]) Ibid. Стр. 28—30.

никъ его терминологіи и грамматическихъ опредѣленій, съ другой— на его *собственныя* грамматическія и лингвистическія представленія вообще, на представленія, которыя возникли въ немъ *независимо* отъ знакомства съ болѣе ранними грамматиками разныхъ языковъ, *независимо* отъ тѣхъ теорій, которыя существовали въ его время, и отличительной чертой которыхъ является ихъ *искусственность* и *отчужденность* отъ жизни самого языка, служащаго предметомъ теоретическаго разсужденія. Видно, что къ этому времени, къ 1755 году, у Ломоносова сложились въ общемъ такія правильныя лингвистическія воззрѣнія и представленія, которыя по правильности своихъ основныхъ положеній оставляли далеко за собой подобныя представленія прочихъ современниковъ и предшественниковъ. Изученіе этой рукописи № 112, насколько это изученіе возможно по новому изданію сочинененій Ломоносова, въ связи съ изученіемъ *мыслей* Ломоносова въ текстѣ самой „Россійской Грамматики" даетъ возможность намъ въ желательной полнотѣ представить себѣ картину свѣдѣній Ломоносова по русскому языку и его пониманія предмета. Съ выходомъ IV-го тома мы получили возможность провѣрить свои выводы, сдѣланные нами изъ изученія первыхъ 3-хъ томовъ, и убѣдиться въ томъ, что мы изложили приблизительно вѣрно взгляды Ломоносова на русскій языкъ и его отношенія къ живому языку народа и интеллигенціи въ статьѣ, вышедшей до появленія въ свѣтъ IV тома, такъ какъ въ этомъ томѣ вышеуказанные взгляды и отношенія Ломоносова развиваются имъ самимъ въ разсужденіяхъ, которыя сохранены для насъ главнымъ образомъ въ черновыхъ бумагахъ, хранящихся въ библіотекѣ Академіи Наукъ и писанныхъ рукою самого Ломоносова.

Прежде всего обратимъ вниманіе на тѣ мѣста его сочиненій, гдѣ можно видѣть, *съ какою подготовкой* Ломоносовъ приступилъ къ изложенію *грамматики русскаго языка*. Затѣмъ отвѣтимъ на вопросъ: грамматику *какого языка* онъ излагаетъ въ своемъ сочиненіи? Далѣе,— *какъ онъ понимаетъ языкъ* въ его грамматическомъ изложеніи; *въ какомъ отношеніи стоитъ языкъ*, грамматику котораго онъ написалъ, къ языку, которымъ говорила окружавшая его интеллигенція и говорилъ простой народъ? На всѣ эти вопросы мы найдемъ отвѣты *не только въ разсужденіяхъ самого Ломоносова*,—послѣднее сдѣлать было бы не трудно, но и *въ его правописаніи*, *въ его обмолвкахъ*, важныхъ для насъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ являются *безсознательнымъ проявленіемъ* склада воззрѣній автора на данный предметъ. Слѣдова-

тельно, источникомъ нашихъ свѣдѣній о живомъ, разговорномъ русскомъ языкѣ современниковъ Ломоносова въ средѣ образованныхъ людей и простолюдиновъ является въ данномъ случаѣ: 1) языкъ самого Ломоносова въ этотъ періодъ жизни его, то-есть, когда ему было 44 года, и когда онъ въ теченіе почти 20 лѣтъ прислушивался къ окружавшему его говору, изучалъ его, думалъ о немъ и отдался со всей своей страстью изслѣдованію его, съ такою же страстью, съ какой онъ отдавался наукѣ вообще [1]). 2) Свидѣтельства и разсужденія Ломоносова о современномъ ему русскомъ языкѣ и 3) языкѣ и произношеніе современныхъ намъ образованныхъ москвичей и современныхъ намъ крестьянъ (необразованныхъ) Московской губерніи и города Москвы.

Приступая къ вопросу о лингвистической подготовкѣ Ломоносова ко времени написанія имъ „Россійской Грамматики", мы должны отмѣтить уже извѣстныя намъ раньше постоянныя его вдумчивыя занятія русскимъ языкомъ со времени его возвращенія изъ-за границы и даже нѣсколько раньше. Эти занятія засвидѣтельствованы какъ тѣми „отчетами", которые онъ подавалъ Академіи [2]), такъ и „Посвященіемъ", приложеннымъ къ „Россійской Грамматикѣ" 1755 года, гдѣ самъ Ломоносовъ говоритъ о себѣ: „Меня долговременное въ Россійскомъ словѣ упражненіе о томъ (о богатствѣ и изобразительности русскаго языка) совершенно увѣряетъ" [3]). Наконецъ, эти занятія русскимъ языкомъ засвидѣтельствованы осмысленною ороографіею Ломоносова въ его даже раннихъ произведеніяхъ и тою литературною критикой, которая развилась въ цѣлую полемику еще во второй половинѣ 40-хъ годовъ XVIII столѣтія, и на которую мы ссылались уже въ первой своей статьѣ о Ломоносовѣ.

Ко времени составленія Грамматики Ломоносовъ имѣлъ большой запасъ наблюденій и знаній по языку простонародному и языку образованнаго класса: это видно, между прочимъ, изъ тѣхъ его заклю-

---

[1]) Изъ примѣчаній академика Сухомлинова къ IV тому видно, что Ломоносову были извѣстны идеалы тогдашней лингвистики, пріемы и методъ изученія языковъ, что онъ занимался даже исторіей и діалектологіей русскаго языка. См. прим. стр. 248—269. Срв. *А. Будиловича*: „Ломоносовъ, какъ писатель". Сборн. Отд. р. яз. и слов. А. Н. Томъ 8. Здѣсь указаны источники свѣдѣній Ломоносова по русскому языку и вообще по лингвистикѣ.

[2]) Ibid. Стр. 27—28 въ примѣчаніяхъ.

[3]) Соч. IV т., стр. 10.

ченій, которыя вытекаютъ изъ непосредственныхъ наблюденій надъ живою рѣчью. Напримѣръ, отстаивая правописаніе именъ прилагательныхъ во множественномъ числѣ въ именительномъ падежѣ черезъ *-ые*, *-іе*, а не черезъ *-ыи*, *-іи*, Ломоносовъ основываетъ свое мнѣніе на слѣдующемъ наблюденіи: „Что-жъ надлежитъ до неявственнаго произношенія послѣдняго писмени (то есть звука *е* въ именительномъ падежѣ множественнаго числа именъ прилагательныхъ) въ тихихъ разговорахъ, то *хотя слухомъ и трудно распознать, однако сіе бываетъ явно въ двухъ случаяхъ*: 1) *когда одинъ другому изъ дали кричитъ*, 2) *въ писмахъ*... Подобнымъ образомъ и въ произношеніи прилагательныхъ множественнаго числа въ именительномъ падежѣ *всякъ услышитъ у всѣхъ великороссіянъ, когда они громко говорятъ, и у всѣхъ увидитъ, которые, не думая о правилахъ, пишутъ*, что оныя кончатся на *е* или на *я*, во всѣхъ родахъ безъ разбору, но больше на *е*, нежели на *я*, а на *и* никогда“ [1]). Здѣсь мы имѣемъ самыя различныя и тонкія *наблюденія надъ живою рѣчью* и *надъ малограмотными написаніями* по слуху.

Равнымъ образомъ только благодаря своему „упражненію“ въ русскомъ языкѣ, Ломоносовъ дошелъ до убѣжденія, что *теоретически* невозможно разсуждать о живомъ языкѣ, грамматика котораго всегда вытекаетъ не изъ предвзятыхъ и заимствованныхъ теорій, а изъ изученія живаго языка въ его употребленіи. Вотъ почему Ломоносовъ сказалъ: «Изъ сего всего явствуетъ, что къ постановленію окончeній прилагательныхъ множественныхъ именъ *никакіе теоретическіе доводы не довольны;* но *какъ во всей грамматикѣ, такъ и въ семъ случаѣ одному употребленію повиноваться должно*“ [2]).

Такое трезвое отношеніе къ живому языку исключаетъ возможность всякой схоластики у Ломоносова въ его филологическихъ сочиненіяхъ; такое изученіе *самыхъ свойствъ* языка обнаруживается на каждомъ шагу у него [3]).

---

[1]) Соч. IV т. стр. 3.

[2]) Соч., IV т., стр. 2. См. также объ употребленіи, какъ о силѣ, дѣйствующей въ языкѣ, на стр. 100, 102, 104. Употребленіе названо общимъ повседневнымъ „учителемъ“.

[3]) См. IV т., стр. 4. О различеніи по родамъ окончаній *е* и *я* въ им. прилаг. Въ „Посвященіи“ на стр. 11 о происхожденіи грамматики отъ употребленія и о значеніи грамматики живаго языка. И во многихъ другихъ мѣстахъ, кото-

Нѣтъ никакого сомнѣнія поэтому въ томъ, что подыскивать въ печатной литературѣ оригиналы для Грамматики Ломоносова и указывать на зависимость этой грамматики отъ составленныхъ ранѣе грамматикъ другихъ языковъ значитъ заниматься внѣшнею стороной великаго дѣла Ломоносова и оставить въ сторонѣ сущность заслуги его. Всякій изъ насъ тѣсно примыкаетъ въ своихъ занятіяхъ по своей терминологіи, по распредѣленію матеріала, по опредѣленіямъ, принятымъ въ наукѣ и по прочей обстановкѣ работы — къ трудамъ своихъ предшественниковъ, но не въ этой преемственности внѣшней обстановки труда заключается работа генія Ломоносова: онъ, собственно, не имѣлъ предшественниковъ [1]) для себя въ пониманіи свойствъ живаго русскаго языка и въ построеніи грамматики на изученіи этихъ свойствъ. Вотъ почему Буслаевъ въ своей оцѣнкѣ „Грамматики" Ломоносова стоитъ гораздо глубже Грота, который искалъ зависимости между „Грамматикой" Ломоносова и болѣе ранними грамматическими работами [2]).

Переходя теперь къ слѣдующимъ вопросамъ, которыми мы задались выше послѣ изученія „Грамматики" Ломоносова и его рукописныхъ замѣтокъ, мы должны отмѣтить то обстоятельство, весьма существенное и важное въ дѣлѣ изученія живаго языка прошлаго столѣтія по даннымъ, заключающимся въ сочиненіяхъ Ломоносова, что онъ строго различалъ языкъ извѣстнаго „штиля" съ его произношеніемъ и лексикономъ, языкъ и произношеніе интеллигенціи, отъ языка и произношенія „обыкновенныхъ разговоровъ", языка, такъ сказать, *безъ* „штиля". Первый изъ этихъ языковъ Ломоносовъ изучилъ, прислушиваясь къ говору образованныхъ людей, къ ихъ рѣчамъ, докладамъ и проч., и подмѣчая связь этого языка въ лексиконѣ и произношеніи съ языкомъ книгъ, сообщавшимъ особый оттѣнокъ и самому произношенію книжныхъ людей при посредствѣ традиціоннаго церков-

---

рыя будутъ указаны ниже. Это же обнаруживается и въ его собственномъ правописаніи: сверьхъ, твердитъ, перьвой, рассудить, прохожево, женатой,.. См. примѣч., стр. 130, 143, 144. Текстъ, стр. 56 и мн. друг.

¹) См. замѣтки Ломоносова въ рки. № 112. Приведено въ примѣч. къ IV т. Соч., стр. 27.

²) Отзывы Буслаева и Грота приведены Сухомлиновымъ въ примѣчаніяхъ къ IV тому сочиненій Ломоносова, стр. 43 и 44. Это сопоставленіе отзывовъ наглядно указываетъ намъ и разницу въ пониманіи значенія „Грамматики" Ломоносова Буслаевымъ и Гротомъ.

наго произношенія и при посредствѣ тѣхъ учителей, которые набирались къ русскому дворянству для обученія русской грамотѣ. Это былъ языкъ *особый*, „украшенный“, и рѣзкое его отличіе отъ „простой бесѣды“, отъ „помѣстной рѣчи“ уже замѣчалось и въ XVI—XVII вѣкахъ и констатировалось въ разныхъ сочиненіяхъ нашихъ древнихъ „навыкшихъ“ литераторовъ [1]). Второй изъ этихъ языковъ Ломоносовъ усвоилъ при повседневномъ своемъ соприкосновеніи съ неграмотными людьми, произношеніе которыхъ помогло ему подмѣчать *свойства* русскаго языка и давало ему возможность опредѣленія въ живомъ русскомъ языкѣ интеллигенціи того времени тѣхъ элементовъ, которые, сближая этотъ послѣдній съ языкомъ неграмотной массы, обладали способностью дальнѣйшаго развитія въ смыслѣ націонализаціи языка.

Тонкій слухъ, спеціальныя способности, лингвистическій талантъ и любовь къ своему отечеству у Ломоносова дали возможность ему изучить русскій народъ въ его бытѣ и языкѣ и сообщили Ломоносову даръ тонкаго проникновенія въ особенности національнаго развитія русскаго языка. Его живое и непосредственное знакомство съ сѣверно-великорусскимъ и московскимъ говоромъ указали ему путь дальнѣйшаго развитія русскаго литературнаго языка и произношенія, а его страстная любовь къ наукѣ и изслѣдованію развила въ немъ то мужество и отвагу мысли, которыя обнаружились во всемъ дѣлѣ построенія *первой* „Россійской Грамматики“. Вотъ почему и извѣстное *раздѣленіе русскаго языка „на три штиля“* [2]), еще до сихъ поръ многими не понимаемое съ надлежащею ясностью, *явилось у Ломоносова не искусственно*, а *вытекло изъ изученія самого языка въ его жизни*, навѣяно самымъ реальнымъ отношеніемъ Ломоносова къ окружающей его жизни. *Онъ не дѣлилъ языкъ*, положивъ въ основаніе этого дѣленія предвзятое намѣреніе, *а констатировалъ только фактъ существовавшаго уже дѣленія, не замѣченный другими*, проходившими мимо этого факта, который для нихъ не существовалъ. Все это будетъ видно въ дальнѣйшемъ изложеніи предмета.

---

[1]) Любопытные примѣры традиціоннаго литературнаго языка у насъ и отклоненія отъ него въ сторону „помѣстной бесѣды“, къ которой пренебрежительно относились присяжные литераторы, даны въ сочиненіи *П. В. Владимірова*. Нѣсколько данныхъ для изученія сѣв.-великорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII ст. Казань, 1878, стр. 5—7 и примѣчанія.

[2]) Соч., IV т., стр. 225—232.

Прежде всего обнаруживается, что *Ломоносовъ писалъ грамматику „штилевагo" языка, языка со „штилемъ"; въ его Грамматикѣ изложены факты языка образованной среды, но самъ онъ пишетъ, самъ того не замѣчая, языкомъ „обыкновенныхъ разговоровъ"*, то-есть тѣмъ языкомъ, которымъ онъ привыкъ говорить не въ Академіи, не въ рѣчахъ и одахъ, а у себя дома. Это обнаруживается изъ его правописанія и изъ его собственныхъ грамматическихъ замѣчаній. Это обстоятельство повело къ неизбѣжнымъ при этомъ противорѣчіямъ между „правилами" грамматики и ихъ примѣненіями. Кромѣ того, желаніе обосновать правило живымъ употребленіемъ и свойствами языка, который изучался Ломоносовымъ въ живомъ употребленіи, повело къ постояннымъ сравненіямъ языка книжнаго и „штилеваго" съ языкомъ просторѣчія. Эти сравненія проведены по всей Грамматикѣ.

Вотъ доказательства всего сказаннаго выше. Что Ломоносовъ ясно различалъ языкъ „штиля" и языкъ простой, видно изъ его плана Грамматики, писаннаго его рукою. Здѣсь онъ говоритъ слѣдующее: „Глава 3. О произношеніи писменъ Россійскихъ въ простыхъ разговорахъ. Глава 4. О произношеніи писменъ въ штилѣ". (IV т., прим., стр. 49). „Писмя" значитъ „буква". Отсюда мы ясно видимъ, что произношеніе буквъ (= звуки) въ простыхъ разговорахъ отличалось отъ произношенія ихъ въ „штилѣ". Что Ломоносовъ желалъ изобразить въ своей Грамматикѣ факты „штилеваго" языка, видно далѣе изъ того, что онъ въ таблицѣ гласныхъ звуковъ называетъ звукъ *е* „дебелымъ", „тупымъ" (см. нашу первую статью о Ломоносовѣ), а звукъ *ѣ* „тонкимъ", „острымъ". Далѣе онъ, желая дать понятіе о разницѣ въ произношеніи буквы *е* въ началѣ слова и послѣ гласныхъ отъ звука *е* послѣ согласныхъ (то-есть звука съ јотомъ: ѥ и безъ јота є), говоритъ: „Напротивъ того *е* въ *небо*, какъ *е* въ Nebel". (IV, стр. 45, § 92. Срв. нашу первую статью. Это указаніе его нельзя понимать, какъ указаніе на то, что въ произношеніи слова „небо" мы имѣемъ *смягченное н*, а не *е*, такъ какъ въ такомъ случаѣ нельзя бы было назвать звукъ *е дебелымъ* и сравнивать произношеніе русскаго „небо" съ нѣмецкимъ „Nebel", гдѣ первый слогъ „Ne" не равняется первому слогу „не" русскаго слова „небо". Для убѣжденія въ этомъ стоитъ только сопоставить рядомъ произношеніе нѣмецкаго „Nebel" и русскаго „нéбель"=народное произношеніе слова „мебель"). Слѣдовательно, отсюда мы вправѣ вновь подтвердить нашу догадку о произношеніи въ языкѣ „штиля" въ прошломъ вѣкѣ такихъ словъ,

какъ „небо", почти какъ „нэбо". между тѣмъ какъ въ языкѣ народа — „небо". Далѣе, желаніе Ломоносова изобразить Грамматику „штилеваго" языка и приблизить этотъ языкъ къ языку разговорному, показавъ его свойства, вытекаетъ изъ постояннаго сопоставленія и сравненія языка „штилеваго" съ языкомъ простаго народа [1]). Во многихъ мѣстахъ Ломоносовъ сбивается даже на языкъ простаго народа, иногда неумышленно, а иногда съ умысломъ, такъ какъ въ послѣднемъ онъ видитъ свойства самаго языка, сохраненныя съ боль-

---

[1]) Неправильно понимать подъ терминомъ Ломоносова „просторѣчіе" языкъ *обыкновенныхъ разговоровъ* среди грамотныхъ людей и интеллигенціи вообще, такъ какъ послѣдняя боялась „опуститься въ подлость" и въ обыкновенныхъ разговорахъ *тоже* говорила *е* вм. *ё* и вообще „склонялась къ точному выговору буквъ", перенявъ отъ своихъ учителей и произношеніе церковнаго *ѣ* и прочія особенности книжнаго языка. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вникнуть въ языкъ, которымъ говоритъ Кутейкинъ у Фонвизина, или Странницы въ комедіи Островскаго: „Гроза", „На всякаго мудреца довольно простоты" и друг. Кромѣ того, слѣды *старино* (прошлаго вѣка) произношенія нашей интеллигенціи мы подмѣчаемъ *до сихъ поръ* въ разныхъ дворянскихъ семьяхъ г. Москвы. Напримѣръ, слово „пе́рстъ" неизвѣстно до сихъ поръ въ произношеніи семействъ, идущихъ отъ старой интеллигенціи; интересны также здѣсь произношенія: „ме́ртвенный" (не мёртвенный"), „сме́ртный" (не „смёртный"), „прине́сшій" (не „принёсшій" и мн. др., также „расе́къ" (не „разсёкъ"); срв. „звѣ́здъ" (не „звёздъ"). У Лермонтова слово „звѣзды" не случайно риѳмуется со словомъ „наѣзды" въ стих. „Три пальмы". Тогда такъ *всѣ* говорили, и произношеніе „звёзды"—есть произношеніе *новое*, развившееся въ недавнее время въ слояхъ общества народившагося буржуазнаго типа. Простому народу живущему *вдалекѣ отъ грамотныхъ угловъ*, до сихъ поръ *неизвѣстно* произношеніе „звёзды", но здѣсь для этого существовали свои этимологическія причины: тѣмъ говорамъ, которымъ извѣстно *позднее* произношеніе „звёзда́", неизвѣстно однако до сихъ поръ „звёзды", хотя и надо ожидать его появленія; говоры же, которымъ извѣстно только произношеніе „звеазда́" и потомъ „звязда́", могутъ узнать произношеніе „звёзды" *только при посредствѣ вліянія грамотности*. Вотъ почему неправильны толкованія академика Сухомлинова въ примѣч. къ IV тому сочиненій Ломоносова, на стр. 237. Самъ Ломоносовъ боялся тоже „опуститься въ подлость", но въ этой боязни сказывался у Ломоносова духъ времени, и на эту боязнь вліяли, конечно, его общественное положеніе и связи. Эта боязнь стала сказываться въ немъ послѣ вступленія его въ члены Академіи (1742 г.). Вотъ почему написать *научную* Грамматику въ его время, когда онъ рисковалъ тѣмъ, что ему скажутъ, что онъ „превратилъ московское нарѣчіе въ холмогорское", было дѣломъ особенно труднымъ: надо было, не поступаясь своими научными взглядами, *политично* впустить въ Грамматику „штилеваго" языка элементы языка живого, *народнаго* и тѣмъ отмѣтить самыя *свойства* языка. Такъ и сдѣлалъ Ломоносовъ.

шею наглядностью; онъ видитъ меньше искусственности въ немъ. Вотъ почему ниже намъ придется указывать и примѣры нѣкоторой невыдержанности плана Грамматики, какъ изображенія фактовъ *только* „штилеваго“ языка. Говоря о діалектахъ русскаго языка, Ломоносовъ дѣлитъ русскій языкъ на *три* діалекта: 1) Московской. 2) Поморской (діалектъ самого Ломоносова *NB.*). 3) Малороссійской. И далѣе разсуждаетъ: „Перьвой главной *и при дворѣ и въ дворянствѣ употребительной*, а *особливо въ городахъ* близъ Москвы лежащихъ“ [1]). Слѣдовательно, языкъ „придворный“, „дворянскій“, или, что то же, языкъ образованной Москвы, грамотной среды, языкъ со „штилемъ“, который близко подходитъ къ языку подмосковныхъ городовъ, но, какъ увидимъ ниже, отличался отъ послѣдняго произношеніемъ буквъ „болѣе точнымъ“, составлялъ предметъ изложенія Ломоносовымъ въ его „Грамматикѣ“ на данныхъ сравнительнаго изученія его съ языкомъ „просторѣчія“ или съ языкомъ „простыхъ разговоровъ“. Въ главѣ 2 „О произношеніи буквъ россійскихъ“ (IV, 46—49) Ломоносовъ говоритъ: „выговариваютъ въ просторѣчіи: тріо́хъ, везіо́шь, огніо́мъ“ (трехъ, везешь, огнемъ), стр. 46 (и проч., см. на стр. 47). „Ходитъ и къ намъ“ выговариваютъ: „ходитыкнамъ“ (47). „*О* безъ ударенія выговаривается какъ *А*, нѣсколько съ *О* смѣшенное (47). Произношеніе *h* вмѣсто *г* осталось отъ словенскаго языка (hласъ — hосподинъ—hосударство, разhлашаю..., стр. 48, глазъ—стр. 19, 21). „Моево“, „сильнаво“... въ простыхъ Россійскихъ словахъ и разговорахъ произносятъ“ (48)...

Дѣлая выводъ изъ всего сказаннаго о произношеніи звуковъ *е* какъ *ё*, *о* какъ *а* (аканье), *г* какъ *г* (*h* — въ „штилѣ“. Срв. по*х*ти. дру*к*ъ, но Бо*х*ъ; Боhа, hосподь... ле*х*кой, мя*х*кой, мое*во*..., стр. 48. Срв. примѣч., стр. 122: кромѣ приведенныхъ словъ, еще есть въ

---

[1]) IV т., примѣч., стр. 126. (Ркп. № 112, л. 105 об.). Подчеркнутыя нами здѣсь слова Ломоносова „особливо въ городахъ“ означаютъ, что діалектъ „придворный“ и „дворянскій“, по совершенно вѣрной мысли Ломоносова, не есть *чисто московскій*, который въ чистомъ видѣ слышенъ только въ городахъ близъ Москвы лежащихъ. Діалектъ же „дворянскій“ и „придворный“ есть діалектъ *особый*, въ основѣ котораго лежитъ московскій, но съ произношеніемъ на церковный ладъ и съ лексикономъ книжнаго языка. См. предыдущее примѣчаніе. Отсюда очевидно, что и Ломоносовъ говоритъ о томъ, что языкъ Двора и дворянства въ его время былъ другимъ, чѣмъ языкъ подмосковныхъ городовъ. Дворянство говорило или по-французски, или церковно-книжнымъ языкомъ и произношеніемъ.

произношеніи интеллигенціи: „приһлашаю"), ѣ какъ *е* (въ окончаніяхъ *-ю*), Ломоносовъ заключаетъ (§ 104, стр. 49): „Сіе произношеніе больше употребительно *въ обыкновенныхъ разговорахъ* (слѣдовательно ужъ не при Дворѣ... [1]); *а въ чтеніи книгъ и въ предложеніи рѣчей изустныхъ къ точному выговору буквъ склоняется*. Притомъ *примѣчать должно, что буквы е и ѣ въ просторѣчіи едва имѣютъ чувствительную разность, которую въ чтеніи весьма явственно слухъ раздѣляетъ и требуетъ въ е дебелости, въ ѣ тонкости*". (Срв. выше „небо" — Nebel; срв. звѣздъ — звѣст, стр. 48. Примѣч., стр. 122). Далѣе, Ломоносовъ указываетъ намъ произношеніе „*пёрстъ*" (стр. 47), но *слéги, мéжи* (теперь: „мёжы", но „слéги"—въ народныхъ говорахъ), ibid., и тѣмъ помогаетъ намъ отвѣтить на вопросъ, въ какомъ это произношеніи? Очевидно, въ простонародномъ; такъ какъ въ интеллигентномъ кругу (въ „штилѣ") и до сихъ поръ произношеніе „пёрстъ" не слышится, а всегда — „пéрстъ". Вотъ явный образчикъ зависимости интеллигентнаго московскаго произношенія отъ традиціоннаго церковнаго или книжнаго, несмотря на такую дѣятельность, какую проявилъ Ломоносовъ въ дѣлѣ сближенія языка и произношенія интеллигенціи съ языкомъ народа. Въ этомъ указаніи на произношеніе „пёрстъ" Ломоносовъ обличилъ невольно свое собственное произношеніе и тѣмъ указалъ на отношеніе языка народа къ языку интеллигенціи. Этотъ пріемъ сравненія и указанія онъ проводитъ по всей „Грамматикѣ", не будучи въ состояніи обойдтись безъ живаго языка простонародья. Уже въ началѣ „Грамматики" онъ говоритъ, что „*Отмѣны выговора почти безконечны*" (IV, 21), и тѣмъ предупреждаетъ *задолго* современное намъ положеніе наукъ „Физіологіи звуковъ рѣчи" и „Сравнительной Грамматики", которыя

[1]) Оговоримся еще разъ въ виду того, что только при такихъ оговоркахъ, преслѣдующихъ *точность* обозначенія мысли нашей, мы можемъ надѣяться на то, что Ломоносову не будутъ приписывать уже „*дѣланія*", *созданія* языка. Дѣло въ томъ, что совершенно *немыслимо* имѣть два разныхъ произношенія одному и тому же лицу на одномъ и томъ же языкѣ. Здѣсь у Ломоносова дѣло идетъ о *произношеніи* звуковъ, а не объ употребленіи словъ. Конечно, одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ употреблять „въ обыкновенныхъ разговорахъ" одинъ лексиконъ словъ, а въ оффиціальной рѣчи — другой, но *произносить различнымъ образомъ ѣ или е, о или а, г или h* и проч. *въ разговорахъ на разныя темы* для одного и того же человѣка совершенно немыслимо: это значило бы навязать человѣку неестественную и непосильную работу. Терминами „простые разговоры", „просторѣчіе" и под. Ломоносовъ пользуется для того, чтобы, „не опустившись въ подлость", ввести народный элементъ въ языкъ интеллигенціи.

теперь признають, что въ сущности рѣчь каждаго индивидуума отличается особыми звуками отъ рѣчи всѣхъ прочихъ лицъ, принадлежащихъ одной и той же семьѣ и къ одному и тому-же языку [1]). Этимъ своимъ строго научнымъ положеніемъ экспериментальной лингвистики Ломоносовъ далъ намъ указаніе на то положеніе, котораго онъ держится въ своей „Грамматикѣ", и тѣмъ объяснилъ намъ причины, почему онъ постоянно говоритъ о *правилахъ* рядомъ съ *употребленіемъ*, о *правописаніи* рядомъ съ *произношеніемъ*, о формахъ языка церковно-русскаго книжнаго рядомъ съ формами языка народнаго, о словахъ языка „штилеваго" рядомъ со словами языка народнаго. И при всемъ этомъ онъ самъ является въ „Грамматикѣ" своей не какъ теоретикъ-схоластикъ, но какъ живой представитель извѣстной вѣтви живаго русскаго языка и *пишетъ часто по произношенію*, впадая иногда въ противорѣчія съ правилами. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ о правописаніи и произношеніи такихъ словъ, какъ *первый*, *твердить*, *всрхъ* и т. п. слѣдующее: „*Въ просторѣчіи ъ больше, нежели въ письмѣ* [2]) изображается промежъ другими буквами: *твердитъ—пишемъ, а выговариваемъ—тверъдитъ*" (§ 120, стр. 56, срав. въ примѣчаніяхъ стр. 130 по ркп. № 112: „между двумя плавкими славится *ъ: караулъня, перъвой*... Слово „плавкій" принадлежитъ Ломоносову. См. примѣчаніе стр. 120, къ §§ 94—95. Это слово оставлено Ломоносовымъ въ „Табели грамматической", переписанной *чужою* рукою, но исправленной Ломоносовымъ. См. примѣчаніе стр. 49). Дѣлая это замѣчаніе, Ломоносовъ однако самъ *вездѣ* пишетъ: сверъхъ—стр. 3, 10 (въ „Посвященіи" *великому князю*), веръхніе—29, сверъхъ—37, 38 55, церъковныхъ—51, 58, веръхъ, веръху—84, 87, 88, примѣчаніе 148, перъвомъ—примѣчаніе 120. (Это слово съ такимъ правописаніемъ не выдержано самимъ Ломоносовымъ и это, по всей вѣроятности, оттого, что самъ Ломоносовъ долженъ былъ произносить: „веръхъ", но „первой", такъ какъ „перъвой"—*чисто московское* произношеніе, извѣстное еще лишь нѣкоторымъ говорамъ, далекимъ отъ Москвы, кромѣ окружающихъ собою московскій). Примѣчаніе

---

[1]) См. *Ed. Sievers.* Grundzüge der Phonetik. Leipzig. 1894⁴. Стр. 6, см. также *Усова*. Экспериментальная фонетика. Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1897, II, кн. 4, стр. 938—939.

[2]) Припомнимъ, что произношеніе въ чтеніи и въ предложеніи рѣчей „къ точному выговору буквъ склоняется". Слѣдовательно, произношеніе орѳографическое (грамотныхъ людей) противополагается просторѣчію.

126, 130 [1]). Слѣдовательно, не къ точному выговору буквъ склоняется онъ, то-есть не пишетъ такъ, какъ самъ совѣтуетъ писать, и какъ пишутъ въ книгахъ и произносятъ при чтеніи книгъ или предложеніи рѣчей изустныхъ, а склоняется къ собственному произношенію и произношенію въ просторѣчіи и пишетъ по этому „просторѣчивому" произношенію. То-же мы увидимъ и на слѣдующихъ ниже примѣрахъ: Ломоносовъ пишетъ: хто—прим. стр. 27, никакова—стр. 53, никово—стр. 237, прохожево—прим, стр. 144. пѣвчего, нищего и проч. ibid., а въ парадигмахъ склоненія именъ прилагательныхъ ставитъ только окончаніе—*яго*: прежняго—стр. 79, (срав. § 200, стр. 91, гдѣ Ломоносовъ даетъ *правило*: „Имена съ причастіями и съ прилагательными сродныя, кончащіяся на—*ей* и *ой*, склоняются какъ прилагательныя: пѣвчей, пѣвчаго... и друг." [2]). Самъ же этому правилу § 200 не слѣдуетъ. См. прим. къ § 161, стр. 144 и парадигмы въ § 161, стр. 77—80). Въ родит. пад. един. числа именъ прилагат. мужескаго рода Ломоносовъ послѣдовательно пишетъ—*аю*, какъ предлагаетъ и правило (хотя—*ою* „приличнѣе"—стр. 186), но въ именит. пад. един. числа пишетъ вездѣ и послѣдовательно—*ой*,—*ей*. Напримѣръ, стр. 112, 129, 141, 156, 186, 187, 196, 201, 203, 226, 227, 279, 403, 415 и много др. Прим. стр. 341. Также интересно сопоставить разсужденіе Ломоносова объ окончаніи именъ сущ. въ род. един. числа на—*у* и въ предл. ед. числа на—*у* (въ основахъ на—*о*) съ примѣненіемъ его правилъ имъ же самимъ въ его языкѣ и правописаніи. Разсуждаетъ онъ такъ въ „Грамматикѣ": „Имена втораго склоненія, кончащіяся на ъ, знаменующія животныхъ, родительный падежъ имѣютъ всегда на—*а*". (§ 171, стр. 83). Далѣе: „Происшествія отъ глаголовъ употребительнѣе имѣютъ въ родительномъ *у*, и *тѣмъ больше оное принимаютъ, чѣмъ далѣе отъ Словенскаго отходятъ*: размаху, чесу, взгляду, визгу, грузу, попрёку, переносу, возрасту, виду"... (§ 172. стр. 83). Далѣе: „*Мы* (то-есть грамотные люди) *говоримъ*: Святаго

[1]) См. также стр. 225, 227, 240 (церьковный); 229, 236, 245 (во-перьвыхъ); 235, 245, прим. стр. 175, 177, (перьвой); 235, 245 (сперьва); 280 (перьвоначальныхъ); сверьхъ 297, 309, 405; верьху 309, 313, 378; поверьхность 341, 357, 375, 411. Это правописаніе такихъ словъ (кромѣ „первый") проведено послѣдовательно во всѣхъ сочиненіяхъ Ломоносова.

[2]) Для род. п. ед. ч. именъ прилагат. *женскаю* рода Ломоносовъ въ парадигмахъ выставляетъ даже окончаніе:—*ыя*, рядомъ съ окончаніемъ—*ой*, и тѣмъ вновь дѣлаетъ уступку книжнымъ формамъ, хотя параллельно съ нимъ даетъ мѣсто и разговорнымъ. § 161.

Духа, человѣческаго долга..., а не Святаго Духу... Напротивъ того свойственнѣе говорится: розоваго духу, прошлогоднаго долгу, птичья голосу"... (§ 173, стр. 83). Само собой разумѣется, кто скажетъ: „розоваго" (=аho), тотъ, конечно, скажетъ и „духа". а не „духу". Равнымъ образомъ сочетаніе „прошлогоднаго долгу" невозможно для говора одного человѣка: кто въ этомъ имени прилагательномъ („прошлогодній") употребляетъ *твердое* окончаніе (какъ самъ Ломоносовъ), тотъ уже говоритъ *на діалектѣ провинціальномъ* и не скажетъ окончанія—*аго* (—аho), а кто скажетъ въ родительномъ падежѣ един. числа этого прилагательнаго—*го* (—ho), тотъ произнесетъ по книжному: „прошлогодняго" (со звукомъ *h*). Слѣдовательно, „духу", „долгу"... будетъ произношеніемъ „просторѣчія"; то-есть: рóзаваьва дýху и проч. Далѣе: Ломоносовъ говоритъ (§ 188, стр. 87): „предложный единственный падежъ *ѣ* перемѣняетъ часто на *у*...". Какъ во многихъ другихъ случаяхъ (§ 190, стр. 87), такъ и здѣсь наблюдать надлежитъ, что въ штилѣ высокомъ, гдѣ Россійскій языкъ къ Словенскому клонится, окончаніе на *ѣ* преимуществуетъ: *въ горнѣ, въ домѣ* („жить въ домѣ Бога вышняго". Срав. Ев. Іоан. XIV, 1: *въ домꙋ* оц҃а моего обители мнѡги сꙋть. Эта форма и въ ново-церковно-славянскихъ книгахъ, и въ старо-церковныхъ книгахъ, и въ старо-славянскомъ языкѣ: *въ домоу*). Здѣсь мы имѣемъ *третій* примѣръ, указывающій намъ на зависимость языка интеллигенціи прошлаго вѣка въ формахъ и произношеніи отъ языка и произношенія книжнаго, причемъ книжное произношеніе, вступая въ сдѣлку съ произношеніемъ живаго говора, даетъ въ результатѣ *новообразованія по аналогіи* съ другими книжными формами; такъ получилось „въ высокомъ штилѣ" произношеніе „*въ домѣ*" по аналогіи съ большинствомъ формъ книжнаго языка на -*ѣ* въ этомъ падежѣ и склоненіи, и тѣмъ самымъ это произношеніе „высокаго штиля" отошло отъ настоящей книжной формы, бывшей и въ живомъ языкѣ—„*въ домꙋ*". Первые два примѣра мы видѣли въ произношеніи интеллигенцией слова „перстъ" и слова „приhлашаю", при которомъ, конечно, существовали въ произношеніи интеллигенціи прошлаго вѣка и другія слова съ звукомъ *h*, произносимыя *по аналогіи* съ церковнымъ произношеніемъ этого звука, кромѣ тѣхъ, которыя мы указывали выше изъ „Грамматики" Ломоносова". Сравн. наше теперешнее произношеніе въ *Москвѣ*: „приhлашаю". (См. указанія на этотъ счетъ Сумарокова и Тредьяковскаго въ нашей первой статьѣ о Ломоносовѣ, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898, № 3, стр. 165, 166, 176). Далѣе Ломоно-

совъ приводитъ слѣдующіе примѣры (стр. 87 и 88): *въ потѣ*, *въ ровѣ* (стр. 88), *въ свѣтѣ* и говоритъ: „но тѣ же слова *въ простомъ слогѣ* или *въ обыкновенныхъ разговорахъ* больше въ предложномъ *у* любятъ: *въ горку*, *въ поту*, *на рву*, *въ свѣту*". Но примѣра *въ дому* Ломоносовъ почему-то не поставилъ. (Стр. 88, § 190).

Это *правила*. Теперь посмотримъ, что самъ Ломоносовъ употребляетъ *въ своемъ языкѣ и правописаніи*: благословеннаго *дому* (родит. един. въ „посвященіи" великому князю, IV, 12), для *выговору*—IV т. стр. 17, вмѣсто *выговору*—26, съ *примѣру*—32, безъ *разбору*—52, отъ *выговору*—56, до мужескаго *полу*—64, (см. парадигмы въ § 151, стр. 69: пóвода *или* пóводу; о пóводѣ *или* на поводý), *на* послѣднемъ *складу*—73, 85. (Парадигмы въ § 152, стр. 71: рóя *или* рóю; о рóѣ *или* въ рою́), для *разбору*—85, въ нынѣшнемъ *вѣку*, на *песку*—87, безъ *остатку*—100, и друг. См. также стр. 226, 227, 229, 274, 280, 239, (покою), 243, 275, 278, 338, 281 (запаху), 308, 320, (грому), 404, (жару). Итакъ, установивъ въ своей „Грамматикѣ", какъ мы видѣли выше, различіе между языкомъ и произношеніемъ книжныхъ людей въ ихъ рѣчахъ, разговорахъ, въ ихъ чтеніи („къ точному выговору буквъ склоняется"), съ одной стороны, отмѣтивъ также правописаніе въ этомъ языкѣ, давши ясное понятіе объ отличіи этого языка отъ языка просторѣчія и тѣмъ нарисовавши обликъ этого просторѣчія,—съ другой стороны,—самъ Ломоносовъ однако въ своей „Грамматикѣ" *пишетъ языкомъ просторѣчія*, въ своемъ правописаніи *слѣдуетъ произношенію этого просторѣчія*. а въ *лексиконѣ* своего языка является даже *провинціаломъ* (см. ниже). Лишь только *въ одномъ случаѣ* онъ остался и самъ вѣренъ своимъ правиламъ: это въ провописаніи родительнаго падежа единственнаго числа именъ прилагательныхъ. Онъ сообщаетъ намъ: „Родительный падежъ прилагательныхъ кончится *въ россійскомъ языкѣ всегда на ого, кромѣ въ писмѣ святаго, славнаго, великаго*". (Прим. стр. 145, рук. № 112). И, дѣйствительно, онъ вездѣ пишетъ *-аго* (если вѣрно переданы его рукописи въ изданіи Академіи). Сопоставивъ съ этимъ правиломъ его же слова, что „при чтеніи и въ предложеніи рѣчей" „къ точному выговору буквъ произношеніе склоняется", мы должны будемъ ожидать, что и въ произношеніи въ указанныхъ Ломоносовымъ случаяхъ слышалось *-аго* (то-есть -аhо; *h* не писалось за неимѣніемъ буквы въ алфавитѣ, см. IV, стр. 19—20, § 22, „выдумывать буквъ не должно"; на стр. 246 сказано, что *г* служитъ службу звука *h*.). А сопоставивъ этотъ нашъ выводъ съ требованіемъ Ломоносова, выраженнымъ въ слѣ-

дующей формѣ: „читать по славенскимъ книгамъ учиться грамотѣ и довольно въ томъ упражняться [1]). *Онъ* отъ *Аза* для перемѣны удареній и для аналогіи знать различать неотмѣнно надобно, какъ *ѣ* отъ *е*, также *и для пероpацiи*“ (прим. стр. 127, рук. № 112. л. 106),— мы должны будемъ признать, что самъ Ломоносовъ, какъ и прежде мы это видѣли, такъ и въ своей „Грамматикѣ“, стремится дать изображеніе языка „придворнаго“, языка „московскаго дворянства“, къ которому онъ приспособлялся поневолѣ въ своемъ произношеніи вслѣдствіе желанія не быть предметомъ насмѣшекъ со стороны ничтожныхъ въ наукѣ, но вліятельныхъ въ обществѣ людей, и вслѣдствіе естественнаго научнаго стремленія изучить составъ современной ему литературной рѣчи, но, несмотря на свои разнообразныя и отмѣченныя нами стремленія, онъ также невольно, хотя *иногда* и намѣрено, *впускалъ струю народнаго языка* въ свою „Грамматику“ и тѣмъ закладывалъ начало и давалъ толчекъ національному развитію русскаго литературнаго языка.

Въ самомъ дѣлѣ, самъ Ломоносовъ *вездѣ* пишетъ въ имен. падежѣ един. числа прилагат. мужескаго рода окончаніе *-ой*, но *-ого* не пишетъ въ родител. падежѣ. (Однако въ примѣрахъ и таблицахъ склоненій онъ опять соединяетъ два окончанія: книжное и народное, разговорное: см. § 161, *ый*, *ой*, *ей*; однако *ій* нѣтъ; даже: *Божей*).

Вотъ примѣры его правописанія: каждой человѣкъ — стр. 13, человѣческой разговоръ—16, мягкой, твердой голосъ—22, 23, великой, свѣтлой—29, горной, пресвѣтлой, престуденой — 30, краткой способъ—31, россійской языкъ—32, 33, (срав. 36); всякой дѣйствительной глаголъ—37, выключенной глаголъ—40, полной разумъ—41, лехкой, мяхкой—48, вопросительной знакъ—51 (и друг. знаки здѣсь),

---

[1]) Припомнимъ, что отъ недостатка упражненія въ чтеніи церковныхъ книгъ происходили, по мнѣнію Ломоносова, ошибки въ правописаніи москвичей, которые писали: *хачу, гавари* по произношенію. (IV, стр. 52—53, § 115). Чтобы избѣжать такихъ и подобныхъ ошибокъ, надо къ точному выговору буквъ склоняться въ пероpацiяхъ и отнюдь не писать и не печатать по выговору (ibid. и прим. стр. 127). Однако этому самъ Ломоносовъ далеко не всегда слѣдуетъ въ своемъ правописаніи, какъ мы видѣли и увидимъ еще ниже, и пишетъ, именно, часто по произношенію. Да и въ тѣхъ основаніяхъ, которыя положены имъ въ идею правописанія (см. § 112, стр. 52), онъ самъ требуетъ, чтобы оно не удалялось много „*отъ чистаго выговору*“. Отъ какого выговора? Отъ выговора точнаго буквъ, или отъ выговора людей неграмотныхъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ? Конечно, всѣ эти противорѣчія произошли у Ломоносова отъ желанія примирить въ „Грамматикѣ“ два начала: *книжное* и *народное*.

маленькой, хорошенькой—54, родительной — 55, мудрой, цѣлой періодъ, цѣлой разумъ—60, мужеской полъ—62, первой примѣръ—65, 75, сотской, тысяцкой—91, дубовой—96, боярской—98, четвертой, пятой—104 и друг. числит.—105 и мн. друг. [1]). Лишь *въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ* встрѣчаемъ мы у него окончаніе *-ый*, которое, если не опечатка, то тоже стремленіе пропустить народную струю языка сквозь книжную форму, которая была болѣе *по сердцу* тому кругу людей, отъ которыхъ Ломоносову нельзя было *совсѣмъ* отстать, и которые считали его „мужикомъ".

Вотъ почему въ парадигмахъ мы видимъ: *ый*, *ой*, а въ правописаніи самого Ломоносова—только *ой*, то-есть окончаніе живаго языка. (Срав. прим. стр. 29, 130, 145). Этимъ же обстоятельствомъ объясняются всѣ ниже приводимые примѣры правописанія и словоупотребленія Ломоносова. Напримѣръ, онъ употребляетъ свои народныя окончанія именъ прилагательныхъ *-ный* вмѣсто *-ній*: многолѣтномъ стр. 11, искренной—12 (см. нашу первую статью) и друг. см. также стр. 203, 229, 231, 308. Рядомъ съ этимъ однако пишетъ: частьми—27, вещьми—30, твор. надежъ мн. числа óбразы (съ удареніемъ)—46, 48, язы́кахъ (съ книжнымъ удареніемъ вездѣ)—34 (произношеніе церковное и семинарское), днéвной (съ такимъ удареніемъ)—23, степень—мужскаго рода вездѣ—30, 94, 100 и др. Приводитъ формы въ родѣ: „кажду"—113; надѣется на возвратъ оборота dativus absolutus—209. Глаголы *править*, *значить* сочиняетъ съ вин. падежемъ безъ предлога—стр. 57, 59, 64 и друг.

Все, это, конечно, *книжныя формы*, *книжные обороты* и *ударенія*. Но рядомъ съ ними онъ пишетъ по собственному произношенію: рассудитъ—14, 55, 85, 94 и мн. др., изслѣдуя—25 и др. руковядка—30, скрыну—16, облаки—39 (однако и облака), сплошъ—59, грачь, лучь и друг. слова на *-чъ* мужескаго рода—63 и др. Пишетъ: ханьжа—82 (срав. 62); прим. стр. 139; здѣлалъ—119, 207; згибы—409; племенникъ—прим. 160 стр.; короводъ—84, натти—206, протти—прим. стр. 126 (см. нашу первую статью); рекомендуетъ въ нужныхъ случаяхъ употреблять и написаніе *іô*, характерную особенность просторѣчія (см. выше)—стр. 44; говоритъ о народномъ произношеніи звука щ—стр. 24, 43, пишетъ: временьшикъ, обманьшикъ и под.—прим. стр. 160, образуетъ слова (провинціальныя): столинище, ручинище—101, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ онъ самъ сомнѣ-

[1]) Страницы для примѣровъ на это окончаніе см. выше.

вался: творител. падежъ войскимъ—прим. стр. 143. За Тобольскимъ—прим. стр. 154. (Этими окончаніями онъ вводитъ опять примѣръ народнаго произношенія: онъ для нихъ не зналъ примѣровъ изъ книгъ [1]). Наконецъ, *особенно интересны* приводимыя Ломоносовымъ *слова* въ „Грамматикѣ" *въ качествѣ примѣровъ на окончанія различныхъ родовъ и падежей*. Казалось бы, что въ такомъ сочиненіи, какъ „Грамматика"—руководство для правильнаго произношенія и употребленія русской рѣчи среди грамотныхъ людей, какъ требовало этого то время, не слѣдовало бы приводить *въ качествѣ примѣровъ* слова не литературнаго обихода, а *слова провинціальныя*, такъ какъ такія слова не могутъ часто быть понятными для тѣхъ, для кого, именно, предназначается грамматика, а между тѣмъ у Ломоносова приводятся слова, именно, непонятныя безъ спеціальныхъ словарей людямъ, знакомымъ только съ литературнымъ лексикономъ. Ясное дѣло, что Ломоносовъ въ такихъ случаяхъ совершенно ошибочно считалъ приводимыя имъ слова обще-распространенными и общеизвѣстными. Вводилъ Ломоносовъ эти слова въ свою „Граматику", какъ провинціалъ, для котораго, несмотря на большое стараніе съ его стороны, легче усвоить себѣ столичное и „дворянское" произношеніе, чѣмъ отказаться отъ привычнаго и роднаго лексикона, усвоеннаго имъ съ дѣтства. Въ этомъ случаѣ Ломоносовъ вводилъ въ „Грамматику" живую рѣчь *неумышленно*, и *лексиконъ литературнаго языка всетаки и послѣ Ломоносова не увеличился тѣми провинціальными словами, которыя имъ введены въ „Грамматику"*, не смотря на его желаніе, какъ мы видѣли въ первой своей статьѣ. Равнымъ образомъ не удалось Ломоносову навязать литературному правописанію и окончаній -ой, -ей въ прилагательныхъ; не удалось ему установить также правописаній: *изслѣдовать*, *здѣлать*, *грачъ*, *сплошъ*, *везiошъ*; не удалось ввести въ литературный обиходъ формъ род. ед. и предл. ед. падежей на -у: *безъ разбору*, *на складу* и под.; не удалось привить провинціализмовъ, въ родѣ: *многолѣтный* и не удалось утвердить правописаніе: *перьвой*, *церьковной*, *прохожево* и под. Съ другой сто-

[1]) Вездѣ, гдѣ мы приводили примѣры правописанія Ломоносова, мы брали ихъ не изъ одной его „Грамматики", а изъ всего IV-го тома сочиненій, дабы показать, что Ломоносовъ и въ рѣчахъ и въ похвальныхъ словахъ держится одного правописанія, а не только въ ученыхъ сочиненіяхъ. Такимъ образомъ интересно сопоставить его филологическое сочиненіе—„Грамматику", завѣдомо сочиненіе тенденціозное, какъ мы старались указать выше, съ его сочиненіями не филологическаго характера.

роны, ему не удалось сохранить и ту „славенщизну", которая ему нравилась: различныя формы причастій (стр. 170), дательный самостоятельный (209), окончаніе *-ьми* въ твор. п. мн. ч. и прочее.

Изъ этого мы видимъ, что даже генію не по плечу останавливать историческій процессъ движенія и опредѣленнаго развитія языка, что языкъ самъ по себѣ пошелъ объ руку съ культурными явленіями въ исторіи народа по пути общаго развитія самосознанія въ средѣ русскаго общества, и дѣломъ генія Ломоносова было лишь подмѣтить и привести въ извѣстность своими сочиненіями по языку тѣ условія, при которыхъ должно совершаться дальнѣйшее развитіе русскаго литературнаго языка и опредѣлить то состояніе языка, въ которомъ онъ находился въ его время. Результатомъ этой работы генія явились его „Грамматика", его „Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ", его прочія филологическія статьи и его система правописанія.

Вотъ перечень тѣхъ интересныхъ словъ (провинціализмовъ), которыя Ломоносовъ употребляетъ въ своей „Грамматикѣ" въ качествѣ примѣровъ склоненія и спряженія безъ объясненія этихъ словъ и не подозрѣвая ихъ невразумительности для грамотныхъ москвичей того времени:

Трожды — стр. 20. (См. *Куликовскаго.* Слов. Олонец. нарѣчія. Петроз. у. Впрочемъ, это слово могло быть и московскимъ: оно есть у Кантемира трижды).

Ценье — 54. 89. (*Даль.* Словарь. S. v. *Пень:* сѣв. расчищенное въ лѣсу, выкорчеван. мѣсто).

Самодуй — 63. (§ 141. Сущ. муж. р.).—Этого слова нѣтъ ни въ спец. словаряхъ, ни въ словаряхъ Академіи. У Даля s. v. *самъ*: самодувная печь.

Пядень — У *Куликовскаго*: пядить = попадать.

Сарынь — 63. (§ 143. Сущ. ж. р.). — У *Подвысоцкаго*: стая волковъ. *Онеж.*

Свиль — У *Подв.* (косослой) — дерево съ улиткообразными слоями послѣ снятія коры. *Повсем.*

Вязель — У *Куликов.* вязе́ль — вязкое мѣсто. *Коштуги.*

Жаль — У *Подв.* Могильная насыпь. Муж. р. *Поморск.*

Клочь — У *Подв.* лѣсъ на сырой мѣстности. Муж. р. *Мез.*

Комель — 63. (§ 143. Сущ. муж. р.). — У *Подв.* стволъ дерева. *Мез.*

Простень — У *Подв.* веретено съ навитой пряжей. *Повсем.*

Вехоть — У *Подв.* соръ. *Кем.*

Воробы — 64. (§ 145. Plur. tantum.), — У *Подв.* снарядъ для наматыванія нитокъ.

Подвѣска — 81. (§ 163. Род. п. мн. ч.). — У *Подв.* серьга. *Арх.*

Райна — 81. (§ 164. Род. п. мн. ч. См. нашу 1-ую статью).—У *Подв.* часть мачты. *Кол.*

Пижма — 81. (§ 165. Род. п. мн. ч.). — Только у *Даля* s. v. дикая рябина.

Колачь — 63. (§ 143). Это слово Ломоносовъ пишетъ по произношенію своему. См. *Подв.* s. v. = баранокъ. *Повсем.*

Ахка — 82. (§ 166. Род. п. мн. ч.). — Этого слова *нѣтъ ни въ одномъ Словарѣ*, но слова съ подобнымъ окончаніемъ есть: *пихка́* = снѣгъ на береговой дорогѣ. *Подв. Кол.* Ахкать — *Кулик.* Пт.

Водовикъ — 84. (§ 176. Род. п. ед. ч. муж. р.). — У *Куликов.* палубное суденышко. (*Даль.* s. v. вода. *Олонец.*).

Однородецъ — 85. (§ 180. Род. ед. ч.). — Только у *Даля* s. v. одинъ = землякъ.

Прошлецъ — Только у *Даля* s. v. прохаживать = пролазъ, пронырa.
— 85 (§ 181. Род. п. ед. ч.).
Чистецъ — Только у *Даля* s. v. чистый = ленъ вычищенный. Растеніе.

Хвостецъ — Только у *Даля* s. v. хвостъ = песчаная отмель, коса. *Арх.*
— 86 (§ 182. Род. п. ед. ч.).
Серпецъ — Въ словаряхъ нѣтъ этого слова.

Тосну — прим. стр. 121. (Провинціальное произношеніе: дерьгаю— прим. стр. 185) = *Подв.* грустить. *Холм. Повсем.* Также въ примѣчаніяхъ по рукописи Ломоносова приведены слова:

Наслѣгъ — 148. (Слово древне-русское = ночлегъ. См. Матер. *Срезневскаго* s. v. Встрѣчается у *Хемницера.* Нынѣ извѣстно въ Новг. Вят. говорахъ).

Устрецъ — 151. — Въ словаряхъ нѣтъ этого слова, какъ и слова „наслѣгъ". Къ такимъ-же провинціализмамъ слѣдуетъ отнести слова, встрѣчающіяся и не въ „Грамматикѣ".

Изневага — 236. 245. — Только у *Даля* s. v. = насиліе, неволя. *Нижс. Сиб.*

Сполохи — 339. — У *Подв.* Спо́лохи = сѣверное сіяніе. *Повсем.*

Рухлая — 399. — Только у *Даля* s. v. = вялый, сыпучій, рыхлый.

Особенно много провинціальныхъ словъ и, главное,—произношеній

(срв. выше: дерьгаю) встрѣчаемъ мы въ статьѣ о *глаголахъ*, среди примѣровъ на глаголы:

Свою, поздаю—108. 119. Глонулъ—109. 118. 146. Но: глотну—109. Бѣжу—112. Даваю, роню—112. Знаю—113. Сопу—113. 145. Мычу—114. 125. Чулъ, чутъ—115. 120. 128. (По поводу этого слова: „чутъ" замѣтимъ кстати, что въ черновыхъ бумагахъ Ломоносова находятся нѣсколько поправокъ къ отдѣльнымъ статьямъ изъ „Грамматики", писанныхъ *чужою рукою* какъ-бы въ отвѣтъ на запросы со стороны Ломоносова, и *эта чужая рука сообщаетъ Ломоносову свѣдѣнія по московскому говору, какъ-бы исправляя и поучая Ломоносова*. Такъ, на стр. 190 примѣчаній мы читаемъ: „Причастіе *чутъ* неупотребительно". На стр. 187 находится замѣчаніе: „Въ московскомъ діалектѣ давно прошедшее употребительно: *блескивалъ, клеветывалъ*"...). Уже и приведенныхъ словъ достаточно для того, чтобы признать въ Ломоносовѣ провинціала, который, несмотря на свое желаніе изучить „московское благородное нарѣчіе", несмотря даже на большіе успѣхи въ своемъ изученіи, всетаки не могъ отдѣлаться отъ своего провинціальнаго лексикона, а иногда даже и отъ произношенія. При составленіи „Грамматики" Ломоносову, оказывается, нужны были „московскіе люди"—помощники, какъ видно изъ черновыхъ бумагъ Ломоносова, которые бы своими замѣчаніями и исправленіями относительно употребленія нѣкоторыхъ словъ и относительно произношенія ихъ въ московскомъ діалектѣ, такъ сказать, *помогли бы Ломоносову* въ его „Грамматикѣ" *держаться благороднаго московскаго говора* и не выходить за его предѣлы. (Такъ, напримѣръ, еще въ примѣчаніи на стр. 183 мы читаемъ замѣтку, писанную чужою рукой: „Глаголы: *лачу, лакалъ; мачу, макалъ, въ Москвѣ употребляются: лочу, локалъ; мочу, мокалъ*"... Здѣсь уже указано прямо произношеніе) [1]). Но ни собственныя изученія Ломоносова, ни его московскіе помощники не уберегли Ломоносова отъ того, чтобы не помѣщать въ „Грамматику" такихъ словъ, которыя въ ней совершенно неумѣстны и были излишни, въ особенности въ то время. (Напримѣръ, слово „*ахка*" совершенно

[1]) Въ Грамматикѣ на стр. 117 § 305 Ломоносовъ пишетъ: „*чу* перемѣняется въ *калъ: лачу, лакалъ; мочу, мокалъ*".... А на стр. 119 § 310 онъ же пишетъ: „Прошедшее однократное имѣютъ слѣдующіе глаголы: *лочу, локнулъ; мочу, мокнулъ*"..... Въ рукописи № 112 (прим. стр. 183) Ломоносовъ будто-бы пишетъ: *лачу, лакалъ; мачу, макалъ*". Очевидно, что здѣсь *спутаны* два произношенія: *акающее* и *окающее*. Объ этомъ и идетъ рѣчь въ „Замѣткѣ", писанной чужою рукой, которая исправляетъ Ломоносова.

никому не понятно, а между тѣмъ оно приведено среди образцовъ. долженствующихъ показать, что род. п. мн. ч. образуется со „вставнымъ“ звукомъ *о* передъ слогомъ: *-ка*: *„ахокъ“*. См. выше. Этого слова и *въ специальныхъ словаряхъ* по отдѣльнымъ нарѣчіямъ не отыщешь, а оно приведено *безъ объясненія* въ „Грамматикѣ“. И такихъ словъ много: мы еще не всѣ перечислили.

Вотъ еще цѣлый рядъ словъ, бывшихъ въ произношеніи Ломоносова, но не необходимыхъ въ „Грамматикѣ“.

Строжу — строгалъ—117.

Мараю — марнулъ—118.

Плюскаю — 118. — Въ словаряхъ нѣтъ этого слова.

Плѣю — 120. 122. — У *Подв.* s. v. = тлѣть, затлѣть. *Онеж. Холм. Шенк.* Срв. у *Куликов.* s. v. = пылать.

Слизну — ослизъ — 120, Въ словаряхъ нѣтъ.

Пнаю — 122. — Въ *Слов. Подвысоцкаго* и *Куликовскаго* нѣтъ.

Цыть! — 192 — Срв. 216: „цыцъ“. („Цыть“—областное произношеніе).

Назоромъ — 189. Срв. прим. стр. 204. („Налѣтомъ“, „назоромъ“...). У *Подв.* = осмотръ. S. v. (см. здѣсь примѣръ).

Ворса — 144. Только у *Даля* s. v. = волосъ.

Восьлибо — 189. (Но, напр., фо́рма „хочемъ“—не пристойна—168). (См. также много провинц. словъ въ ркп. № 112 на стр. 256 примѣчаній къ IV тому: „чать будетъ“, „восли бо будетъ“...).

Болю — 145.

Брячу — 145. 146. Повсемѣстно въ свр. говорахъ вм. „бренчу“.

Доро́жу — 146. — См. у *Даля* s. v. доро́га = провожу дороги?

Ложу — 143. (Въ губерніяхъ сѣверныхъ и восточныхъ вм. *кладу* такъ *постоянно* говоритъ народъ).

Полщу — всполстилъ — 147. — У *Подв.* s. v. по́лстить = взбивать, ерошить. *Онеж. Холм. Пин. Мез. Шенк.*

Оковъ ржи — 221. Стар. слово = хлѣбная мѣра. (См. *Даля* s. v. обковывать). См. *Дювернуа.* Матер. s. v.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно привести въ примѣръ употребленіе собственныхъ именъ существительныхъ, Ломоносовъ рѣдко обходится безъ упоминанія своихъ родныхъ названій изъ „Поморской“ страны. Такъ, постоянно онъ приводитъ въ разныхъ падежахъ названіе города Архангельска: „У города Архангельскаго“ — 218. „Плыть къ городу Архангельскому“ — 219. „Отъ города Архангельскаго“ — 219, Имена отечественныя „Холмогорецъ“ и „Холмогоръ“. „Важанинъ“ и

„Ваганъ". — § 235. Стр. 99. См. Словарь Арх. нарѣчія *Подвысоцкаю* s. v. Ваганъ. Или: „Плылъ Двиною". — 219. „На Куростровѣ"—217 и друг. „Приморское мѣсто Дубки называемое"—194 и мн. др.

Сопоставляя далѣе съ вышеприведенными провинціальными словами, съ его произношеніемъ вообще (въ удареніяхъ и въ звукахъ) и въ этихъ словахъ въ частности, поскольку это произношеніе Ломоносова отразилось въ его правописаніи, сопоставляя со всѣмъ этимъ цѣлый рядъ его замѣчаній въ „Грамматикѣ" относительно словопроизводства и формъ, приводимыхъ имъ въ ихъ простонародной оболочкѣ, мы получимъ такое впечатлѣніе отъ его „Грамматики", что *въ ней изображены параллельно собственно два языка: языкъ московской интеллигенціи времени Ломоносова и языкъ простого народа Москвы съ значительной примѣсью діалектическихъ сѣверо-русскихъ элементовъ.* Такъ, Ломоносовъ ставитъ рядомъ двѣ формы: *чолъ* и *челъ* (чту) — 116. (§ 301); ставитъ рядомъ съ формами неопредѣленнаго наклоненія на *-и*: плести и проч. также формы скресть, плесть, весть, вывесть — 126. 279 (форма „вывесть" даже въ офиціальной рѣчи въ Академіи: „О пользѣ химіи" 1751 г. Тутъ-же слова: въ счотѣ— 274. кроткаго вѣку — 274. завостроватымъ — 275. Между тѣмъ обыкновенно: *осмъ* — стр. 28 (безъ звука *в*). Вѣсу — род. ед. ч. — 275. Но: привлещи — неопр. н. — 275. Глубокой математикъ. — 279. Но: любопытный рачитель — 279. Или въ род. п. ед. ч. жен. р. „преботатыя госпожи своея" — 278 и под. смѣшеніе и параллельное употребленіе *привычныхъ ему* формъ рядомъ съ формами книжнаго языка московскихъ дворянъ). Далѣе, сравните также его правописаніе формъ прич. прош. вр. стр. залога — 129; народныя формы причастій на *-чи* даже отъ глаголовъ II-го спряженія—стр. 130. 131. 150. 170. Съ другой стороны обратите вниманіе на его замѣчанія о формахъ причастія на *-щій* — стр. 184, гдѣ онъ говоритъ, что „весьма не пристойно производить эти формы отъ русскихъ глаголовъ. То-же онъ говоритъ и о формахъ прич. на *-мый*, однако самъ ихъ употребляетъ даже отъ такихъ глаголовъ, отъ которыхъ эти причастія намъ теперь неизвѣстны. Формы на *-мый* — см. 185; *даемый* — 170. Далѣе мы читаемъ его замѣчаніе: „*Ее*, въ просторѣчіи, *ея* въ штилѣ употреблять пристойнѣе"— 179. (Замѣтимъ, что *ея* и *до сихъ поръ* говорятъ „*книжные люди*" даже въ Москвѣ). И опять *рядомъ съ этими книжными формами* Ломоносовъ даетъ мѣсто въ своей „Грамматикѣ" и такимъ формамъ, оборотамъ и словамъ, которыя извѣстны лишь въ просторѣчіи: такъ, напримѣръ, онъ приводитъ отглагольныя междометія, среди которыхъ есть и меж-

дометіе „совъ“ отъ глагола „совалъ“, стр. 175, гдѣ онъ говоритъ объ „особливомъ свойствѣ прост*аго* (sic!) Россійск*аго* языка“; приводитъ въ примѣръ сочиненія числительнаго съ существительнымъ выраженіе: „съ однѣмъ дитятемъ“, 197; употребляетъ обороты въ родѣ: „бывало станетъ сказывать“, 209; повторяетъ предложеніе: „на горѣ на высокой“, 215; приводитъ примѣры употребленія предлога „на“ при именахъ городовъ: „на Москвѣ весело“, 217 и проч. Все это онъ *узаконяетъ* въ „Грамматикѣ“, оговариваясь однако неоднократно о томъ, что́ „пристойно“ въ языкѣ „благородномъ“, и что́ означаетъ „нѣчто подлое“ (стр. 127), или что́ „весьма дико и слуху несносно“ (напримѣръ, причастіе „качаемый“, трогаемый“, 185); или что „слуху досадно“ и „весьма странно“ (188, см. passim.). Такимъ образомъ, мы наглядно видимъ, чему удѣлено мѣсто въ „Грамматикѣ“ Ломоносова, и какъ *рядомъ* съ фактами языка „штилевого“ здѣсь сообщаются *въ качествѣ примѣровъ и образцовъ съ равной силой и одинаковымъ достоинствомъ* въ рѣчи, какъ и факты языка „штилевого“, факты языка простонароднаго (припомнимъ род. п. ед. ч. на *-у*, формы: весть, плесть; форму: чолъ; выраженія въ родѣ: „на Москвѣ “и мн. др.). Особенно важно, что всѣ эти факты идутъ рядомъ другъ съ другомъ *не въ языкѣ самого Ломоносова только, но въ матеріалѣ самой „Грамматики“*, въ томъ матеріалѣ, съ которымъ имѣетъ дѣло, по мнѣнію Ломоносова, сама грамматика. На это обстоятельство я обращаю вниманіе потому, что можно было бы его трактовать, какъ согласное съ теоріей самого Ломоносова, который говоритъ, что „Въ прозѣ предлагать имъ (то-есть *среднимъ штилемъ*, смѣшаннымъ изъ церковно-славянскихъ и русскихъ реченій) пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ. (О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ. IV, 228. Не ранѣе 1755 г. Примѣч., стр. 235. Слѣдовательно, написано *позже* „Грамматики“). А, такъ какъ „Грамматика“ есть, именно, ученое сочиненіе, то-есть „описаніе ученій благородныхъ“, то въ языкѣ ея долженъ быть *средній штиль*. Но въ томъ-то и дѣло, что этотъ „штиль“ мы видимъ не только въ языкѣ, которымъ написана „Грамматика“, но и самая „Грамматика“-то составлена изъ обозрѣнія фактовъ просторѣчія рядомъ съ фактами „высокаго штиля“. Далѣе, „Грамматика“ *поднесена великому князю*, и въ „Посвященіи“—тоже факты просторѣчія, какъ мы видѣли выше. Кромѣ того, эти факты просторѣчія идутъ рука объ руку съ фактами „высокаго штиля“ и *въ языкѣ офиціальныхъ рѣчей* (см. выше), *которыя должны бы были и писаться и говориться „высокимъ штилемъ“* (см. верьхи, 250, 269. громчае,

253. рѣдчае, 337. праведн*ой* славы достигли, 307. беспрерывный, 342, 409. Но: беспрестанно, 393. движимы, 367. Но въ „Грамматикѣ"—движемый. Слéзы, 390. Звѣ́зды, 256, 357. Цвѣ́ты, 394. Удареніе Ломоносовъ ставитъ надъ этими словами *послѣдовательно*, чтобы произносить ихъ со звукомъ *е*, а не съ *ё*. Другіе примѣры такого смѣшенія формъ и произношеній мы видѣли выше въ офиціальныхъ рѣчахъ: род. ед. ж. р. на *-ыя*, неопр. н. на *-щи* и мн. др. [1]). Ясное дѣло, что для объясненія предложенныхъ нами выше фактовъ языка Ломоносова надо допустить только одно, что *Ломоносовъ расходился самъ съ собой въ словѣ и дѣлѣ*: въ своей теоріи (О пользѣ книгъ церковныхъ. Заключенія о штилѣ въ „Грамматикѣ") онъ говорилъ *одно*, а самъ дѣлалъ *другое*, не слѣдуя часто своей теоріи. Это фактъ. Но вопросъ: *почему* онъ такъ дѣлалъ; сознательно, или безсознательно? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы имѣемъ во всемъ предыдущемъ изложеніи, въ обѣихъ нашихъ статьяхъ, посвященныхъ Ломоносову, его языку и его дѣятельности въ исторіи нашего языка. Дѣло въ томъ, что, подготовившись къ составленію русской грамматики, Ломоносовъ къ этому времени вынесъ опредѣленные взгляды на значеніе народнаго языка въ исторіи нашего литературнаго языка, но предложить Грамматику, въ которой эти взгляды были бы послѣдовательно проведены, значило въ его время сдѣлать такой шагъ, который въ самомъ своемъ началѣ былъ бы уже обреченъ на порицаніе, глумленіе и, главное, на *отверженіе*. Это значило „провалить" Грамматику и ея результаты, по крайней мѣрѣ, на время. Вотъ по этимъ соображеніямъ Ломоносовъ долженъ былъ сдѣлать свое дѣло дипломатично и осторожно: онъ показалъ намъ свою точку зрѣнія на „свойства" языка, отыскалъ эти „свойства" въ языкѣ народномъ, пропустилъ элементъ народности и въ свои сочиненія и въ „Грамматику", назначенную, конечно, какъ показываетъ „Посвященіе великому князю", прежде всего для Двора и образованнаго дворянства; все это онъ сдѣлалъ, но сдѣлалъ тонко и умно: онъ мѣстами *умышленно* (мы это видѣли) *скрылъ* подъ общей оболочкой грамматическихъ правилъ и замѣчаній истинныя начала, которыми должна питаться русская литературная рѣчь, а мѣстами *ясно показалъ* (мы это тоже видѣли) жи-

[1]) Всѣ эти и подобные примѣры здѣсь и выше выбраны нами изъ различныхъ *похвальныхъ словъ*, *торжественныхъ рѣчей* и *публичныхъ сообщеній* Ломоносова, помѣщенныхъ въ IV т. его сочиненій. Филологическія его сочиненія оканчиваются въ IV томѣ 248 страницей.

выя начала въ нашемъ языкѣ. Наконецъ, мѣстами онъ *неумышленно* (напримѣръ, въ словахъ провинціальныхъ, которыхъ приведено *безъ надобности* слишкомъ много) обнаружилъ въ себѣ провинціала, какъ и въ раннихъ своихъ произведеніяхъ, и тѣмъ, невольно слѣдуя силѣ своего „материнскаго языка", впалъ въ промахи, которые въ „Грамматикѣ" рѣзко поражаютъ читателя.

Въ виду только что сказаннаго, его „Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ...", можетъ быть, написано имъ тоже, съ одной стороны, для оправданія основъ своей „Грамматики", съ другой, — для того, чтобы не оскорбить традицій дворянства.

Исторія нашего литературнаго языка показала намъ уже по смерти Ломоносова, что онъ былъ правъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ обнаруживалъ свой взглядъ на самый языкъ, что онъ изобразилъ намъ дѣйствительное состояніе русскаго языка своего времени, что онъ предвидѣлъ дальнѣйшее его развитіе на почвѣ народныхъ элементовъ, но, съ другой стороны, исторія отвергла тѣ попытки Ломоносова, которыя касались не самаго языка въ его жизни, а *правописанія* и *слога*. Попытка ввести свое правописаніе, попытка связать извѣстное содержаніе сочиненія съ извѣстнымъ слогомъ признаны въ теченіе времени неудачными, и, конечно, потому, что въ этихъ попыткахъ начало развивающейся по своимъ законамъ жизни языка Ломоносовымъ было отодвинуто на второй планъ. То же можно сказать и о неудачной попыткѣ его внести въ рѣчь провинціальныя слова архангельскаго нарѣчія. Нельзя сказать, чтобы Ломоносовъ самъ не понималъ трудности введенія фонетическаго правописанія: онъ говоритъ: „Ежели положить, чтобы по сему (по московскому) выговору всѣмъ писать и печатать, то должно большую часть Россіи говорить и читать снова переучить насильно" (Грамматика, § 115, стр. 53). Идеалъ его правописанія однако выраженъ имъ въ § 112 (стр. 52), гдѣ онъ говоритъ: „Въ правописаніи наблюдать надлежитъ: 1) Чтобы оно служило къ удобному чтенію каждому знающему Россійской грамматѣ. 2) Чтобы не отходило далече отъ главныхъ Россійскихъ діалектовъ, которые суть три: Московской, Сѣверной, Украинской. 3) Чтобы не удалялось много отъ частаго выговору. 4) Чтобы не закрылись совсѣмъ слѣды производенія и сложенія реченій". Само собой разумѣется, что это лишь теоретическое построеніе и невыполнимое желаніе, но важно, что здѣсь одновременно допущены и этимологическое, и фонетическое начала.

Такимъ образомъ, послѣ всего сказаннаго слѣдуетъ признать, что

Ломоносовъ не внесъ ни правописанія, ни словъ, ни соотвѣтствія между содержаніемъ литературныхъ произведеній и слогомъ языка въ нашъ литературный языкъ. Разысканія въ области языка и лингвистическихъ сочиненій самого Ломоносова убѣждаютъ насъ въ томъ, что Ломоносовъ сдѣлалъ сводъ всего того, что служило составомъ русскаго языка интеллигенціи въ его время, что онъ указалъ намъ путь дальнѣйшаго развитія литературнаго языка и далъ намъ образцы произношеній въ разныхъ слояхъ общества своего времени. Онъ ничего своего въ языкѣ не „сочинилъ", не „создалъ", и его произведенія остаются лишь важными памятниками въ исторіи русскаго литературнаго языка, какъ памятники, въ которыхъ получаетъ дальнѣйшее развитіе и отраженіе народный языкъ. А его „Грамматика" и прочія филологическія работы показываютъ намъ, что онъ умѣлъ связать прошлое нашего литературнаго языка съ его будущимъ и пытался поставить изученіе языка на надлежащую почву въ методологическомъ отношеніи.

Евг. Будде.

ИЗЪ ИСТОРІИ СНОШЕНІЙ ГРУЗІИ СЪ РОССІЕЙ ВЪ XVIII В.

Царь Вахтангъ VI и императоръ Петръ Великій.

Золотая эпоха государственнаго и культурнаго расцвѣта Грузіи совпадаетъ съ укрѣпленіемъ въ ней династіи Багратидовъ въ теченіе X—XII вѣковъ, возрожденіемъ же своей мощи въ XVIII вѣкѣ, ослабѣвшей подъ тяжелыми ударами монголовъ, турокъ, персовъ и лезгинъ, она обязана въ политическомъ отношеніи царю Ираклію II (1744—1798), а въ культурномъ—царю Вахтангу VI (1675—1737), обреченному значительную часть жизни скитаться безъ скипетра внѣ предѣловъ своей страны.

Судьба царя Вахтанга Левановича можетъ служить яркимъ примѣромъ характеристическаго состоянія грузинскихъ правителей въ періодъ ихъ вассальныхъ отношеній къ могущественной державѣ. Съ раннихъ лѣтъ до гробовой доски надъ нимъ тяготѣлъ злополучный рокъ, перегонявшій его поочередно то въ Грузію, то въ Турцію, то въ Персію и, наконецъ, въ Россію. Еще будучи пятнадцатилѣтнимъ юношей, Вахтангъ былъ отправленъ въ качествѣ заложника дядей, карталинскимъ царемъ Георгіемъ XI, по водвореніи въ Имеретіи правителемъ страны Аргила, при содѣйствіи пашей эрзерумскаго и ахалцихскаго. По возвращеніи на родину, онъ участвовалъ въ народномъ возстаніи противъ Ираклія I, или Назаръ-али-хана, назначеннаго шахомъ намѣстникомъ Карталиніи, то есть, Восточной Грузіи [1]).

Цѣль возстанія — возвратить престолъ вышеназванному Георгію XI—была не достигнута, и Вахтангъ бѣжалъ въ Имеретію, гдѣ

---

[1]) *Histoire de la Géorgie*, II, p. 82—99.

въ 1694 г. женился на Русудани, дочери владѣтеля Черкессіи. Назаръ-али-ханъ торжествовалъ побѣду веселыми пирами, а Георгію XI (Гургенъ-хану) повелѣно было шахомъ усмирить возмутившихся авганцевъ и белуджистанцевъ. Въ награду за удачный походъ, шахъ, по просьбѣ Гургенъ-хана, предписалъ своему намѣстнику Назаръ-алихану возвратить скрывавшемуся въ Имеретіи Вахтангу всѣ наслѣдственныя его владѣнія. За умиротвореніе же дѣлъ въ Кандагарѣ Гургену-хану былъ пожалованъ престолъ Карталиніи, временнымъ правителемъ которой, по сверженіи Назаръ-али-хана, былъ назначенъ Вахтангъ Левановичъ (въ 1703 г.).

Двадцати-восьми-лѣтній правитель Карталиніи, Вахтангъ, прозванный Гуссейнъ-кули-ханомъ, энергично взялся за дѣло, ему препорученное. Правленіе его продолжалось лишь 8 лѣтъ (1703—1711), но за этотъ промежутокъ времени онъ сдѣлалъ для подъема своей отчизны столько, сколько ни одинъ изъ ближайшихъ его предшественниковъ. Онъ первый основалъ въ Тифлисѣ типографію, въ которой были отпечатаны богослужебныя и свѣтскія книги. Самъ, прекрасный знатокъ восточныхъ языковъ и писателей, занялъ выдающееся мѣсто въ литературѣ, въ качествѣ переводчика и автора многочисленныхъ произведеній. Имъ впервые собраны въ одинъ сводъ грузинскія лѣтописныя свѣдѣнія и въ одинъ кодексъ дѣйствовавшіе издревле законы и обычаи. Ему же принадлежитъ („Дастулама“) опредѣленіе государственныхъ повинностей и установленіе административнаго порядка. Къ этой сторонѣ дѣятельности мы еще вернемся, скажемъ теперь только, что въ интересахъ поднятія православія, Вахтангъ, воспользовавшись распаденіемъ Персіи, снова перешелъ изъ ислама въ христіанство [1]), въ 1705 г. предоставилъ каѳедру католикоса брату своему Доментію, вернувшемуся изъ Россіи, возстановилъ разрушенные при Ираклін I города и церкви. „Богобоязненный, щедрый, смиренный и милосердый къ вдовамъ, сиротамъ и бѣднякамъ“, по словамъ лѣтописи, онъ оставилъ теплыя воспоминанія въ сердцахъ народа [2]). Онъ подчинилъ своему вліянію имеретинъ и кахетинцевъ (Кар.-Цховр. II, 71), возстановилъ порядокъ внутри страны, обезопасивъ ее отъ внѣшнихъ вторженій лезгинъ и

[1]) *Бутковъ*, Матеріалы для новой исторіи Кавказа, I, стр. 16, 61 (С.-Пб., 1869 г.).

[2]) Ce prince dès son enfance, s'était montré religieux, sage, ami de la science, aimant à construire et orner les églises,... il était clément, pacifique, examinant mûrement et parlait avec gravité. *Ibid.*, 100.

осетинъ, разрушивъ ихъ крѣпости, служившія средоточіемъ ихъ военныхъ силъ (Картл.-Цховреба II, 77).

Послѣдствія мудрой дѣятельности Вахтанга Левановича уже успѣли благотворно отразиться на спокойствіи и благосостояніи грузинскаго народа, но ему, по тяготѣвшему въ то время надъ Грузіей року, не долго суждено было оставаться во главѣ правленія. Шахъ, въ знакъ особой милости, пожаловалъ ему царскій титулъ и вызвалъ его къ себѣ въ Персію въ 1712 г. Повелѣніе изстари исполнялось безпрекословно, цари покидали тронъ свой, предоставляя страну игрѣ судьбы и случайныхъ обстоятельствъ. Вахтанга, поспѣшившаго ко двору шаха, приняли съ подобающимъ торжествомъ и для вящшаго закрѣпленія государственныхъ узъ между сюзереномъ и его вассаломъ предложено было послѣднему перейдти въ исламъ. Вахтангъ уклонился произнести отреченіе отъ вѣры Христовой, и съ этого-то времени начинается рядъ его бѣдствій, не прекращавшихся до послѣднихъ дней его жизни. Прежде всего шахъ лишилъ Вахтанга трона, назначивъ царемъ Грузіи брата его, яраго мусульманина, Іессея, получившаго имя Али-кули-хана. Семья Вахтанга, опасаясь гоненій новаго правителя, находитъ убѣжище въ Имеретіи, а самъ низложенный царь, являясь и внѣ власти сильнымъ противникомъ ненавистнаго народу за безчинства Іессея, былъ отправленъ повелителемъ Ирана въ Кирманъ.

Но не долго бразды правленія оставались въ рукахъ и самаго ренегата Іессея. По истеченіи же семи лѣтъ, гнѣвъ шаха Гуссейна постигъ его, вслѣдствіе обнаруженной имъ неспособности обуздать хищныхъ лезгинъ, — былъ смѣщенъ съ престола Карталиніи, управленіе которой снова поручается Вахтангу, притворно принявшему исламъ, какъ онъ писалъ впослѣдствіи въ 1718 г. русскому послу Волынскому. Вахтангъ приноситъ чрезъ Волынскаго благодарность царю Петру Великому за милости, оказанныя въ Россіи его родственникамъ, и считаетъ нужнымъ, во избѣжаніе подвергнуться со стороны православной церкви проклятію за отступничество, объяснить, что онъ „отвергся Христа не для славы міра сего, не для богатства тлѣннаго, но только для того, чтобы освободить семейство свое изъ заключенія, и хотя онъ принялъ мерзкій законъ магометанскій, но въ сердцѣ остается всегда христіаниномъ и надѣется опять обратиться въ христіанство съ помощью царскаго величества“ [1]).

---

[1]) *Соловьев*, Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 31 (Москва, 1868).

Царь Вахтангъ, подъ именемъ Гуссейна-кули-хана, одновременно былъ назначенъ повелѣніемъ шаха „правителемъ Грузіи и спасаларомъ (то-есть, военачальникомъ) Эрана и Тавриза“; поэтому ему пришлось остаться въ Персіи, а намѣстникомъ его объявляется сынъ его Бакаръ, который, впрочемъ, оказался недостаточно энергичнымъ, чтобы положить конецъ набѣгамъ лезгинъ. Тогда шахъ отпускаетъ въ Карталинію Вахтанга, на котораго возлагается обязанность умиротворить и обезопасить непрерывно расхищаемую Грузію. Вахтангъ дѣятельно взялся за дѣло. Онъ наказалъ своихъ противниковъ (сомхитскаго правителя и князей Баграта Цинишвили, Драмаша Херхелидзе и др.), въ короткое время обуздываетъ горцевъ, но прекратить вторженія лезгинъ и ему не удается. Власть его въ Грузіи еще невполнѣ укрѣпилась, вліяніе на сосѣднія племена только намѣчалось, когда неопредѣленное его положеніе тѣмъ болѣе осложнилось столкновеніемъ между Россіей и Персіей и роковымъ по своимъ послѣдствіямъ участіемъ, которое онъ принялъ въ борьбѣ названныхъ державъ.

Петръ Великій давно стремился создать на прибрежьи Каспія прочные пункты торговли. Окончивъ тяжелую войну на Западѣ, царь устремилъ взоры на югъ и исполнителемъ своихъ предначертаній выбралъ Артемія Петровича Волынскаго, отправленнаго посломъ къ шаху Гуссейну. По собственноручно исправленной Петромъ Великимъ инструкціи, данной Волынскому, послѣднему предписывалось отправиться моремъ и вернуться сухимъ путемъ и ознакомиться, какъ съ самою Персіей, такъ съ ея владѣніями на Кавказѣ [1]. „Мнѣ мнится,— писалъ впослѣдствіи съ Кавказа Волынскій государю,—что здѣшніе народы привлечь политикой къ сторонѣ Вашей невозможно, ежели въ рукахъ оружія не будетъ“. Предусмотрительность его вскорѣ оправдалась, и вооруженное вмѣшательство Петра Великаго въ политику Востока стало неизбѣжнымъ. Случился неожиданный погромъ, погубившій въ самомъ зародышѣ мирное назначеніе Россіи въ Закавказьѣ. Успѣшно развившійся торговый пунктъ Шемаха въ 1722 г. подвергся разоренію свирѣпыхъ лезгинъ, причинившихъ огромный уронъ русскимъ купцамъ. Это событіе подкрѣпило доводы Волынскаго и склонило Петра Великаго въ пользу рѣшительныхъ дѣйствій. Обстоятельства времени способствовали къ осуществленію ви-

[1]) *Бутковъ*, Матеріалы для новой Исторіи Кавказа, I, 6: „Волынскій доставилъ государю подробнѣйшія свѣдѣнія о Персіи во всѣхъ отношеніяхъ“.

довъ великаго преобразователя. Внутреннее разстройство Персіи достигло крайнихъ предѣловъ. Безсиліе шаха Гуссейна ободрило авганцевъ. Повелитель ихъ Махмудъ овладѣлъ персидскою столицей. Грозная Турція видѣла удобный случай завладѣть персидскими областями, а также утвердиться на Кавказѣ и Каспіи. Вся совокупность этихъ событій приводитъ къ тому, что персидскій походъ рѣшенъ. Петръ Великій самъ становится во главѣ этого труднаго предпріятія.

Союзникомъ государя становится царь Вахтангъ VI, который еще въ 1718 г., будучи главнокомандующимъ персидскою арміей, вступилъ чрезъ грузина Форседанъ-Бека въ переговоры въ г. Шемахѣ съ Волынскимъ, прося у послѣдняго указаній, „какъ ему поступать съ персіанами“ [1]). Въ 1720 г. Петръ Великій далъ наказъ Волынскому, назначенному уже астраханскимъ губернаторомъ, „чтобы принца грузинскаго (то-есть, Вахтанга) искать склонить такъ, чтобы онъ въ потребное время былъ надеженъ намъ и для посылки взять изъ грузинцевъ дому Арчилова“ [2]). Имѣется въ виду царица имеретинская, тетка Вахтанга, жившая въ то время въ Россіи. Волынскій съ успѣхомъ исполнилъ свою миссію. Сношенія его съ царемъ Вахтангомъ, знатокомъ Персіи, постепенно усиливались. Онъ цѣнитъ мнѣнія Вахтанга и спѣшитъ сообщить ихъ своему государю. Въ августѣ въ 1721 г. Волынскій писалъ царю: „грузинскій принцъ [3]) (Вахтангъ) прислалъ ко мнѣ и къ сестрѣ своей съ тѣмъ, чтобы мы обще просили ваше величество, дабы вы изволили учинить съ нимъ милость для избавленія общаго ихъ христіанства, и показываетъ къ тому способъ: 1) чтобы ваше величество изволили къ нему прямо въ Грузію ввести войскъ своихъ тысячъ пять или шесть и повелѣли засѣсть въ его гарнизонъ, объявляя, что онъ видитъ въ Грузіи несогласіе между шляхетствомъ; а ежели войска ваши введены будутъ въ Грузію, то уже и поневолѣ принуждены будутъ многіе его партіи взять; 2) чтобы для лучшаго ему увѣренія изволили слѣлать дессантъ въ Персію тысячахъ въ десяти или больше, чтобы отобрать у нихъ Дербентъ или Шемаху, и безъ того вступить въ войну опасно; 3) просилъ, чтобы изволили сдѣлать крѣпость на рѣкѣ Терекѣ между Кабарды и гре-

---

[1]) *Соловьевъ*, op. c., стр. 32.

[2]) Тамъ же.

[3]) Этимъ титуломъ, какъ увидимъ ниже, былъ недоволенъ Вахтангъ и доказывалъ русскому правительству, что иностранными державами именуется царемъ, и подписывался Vartanch orientalis Iberiae rex. См. „Переписка“, 22.

бенскихъ казаковъ и посадить русскій гарнизонъ для свободной съ Грузіей комуникаціи и для его охраненія" [1]). Волынскій присоединялъ при этомъ къ сказанному, что „предполагаемые резоны Вахтанга не безсильны" ему кажутся. Вахтангъ не ограничивался одними совѣтами и указаніями относительно „способа" дѣйствій. Онъ становится вооруженнымъ противникомъ сюзерена и союзникомъ Россіи, обѣщая государю, если онъ воспользуется слабымъ состояніемъ Персіи и вступитъ въ войну съ нею, поставить въ поле отъ 30 до 40.000 человѣкъ и пройдти до самой Испаганіи, „ибо онъ персіанъ бабами называетъ".

Доводы Вахтанга и Волынскаго въ связи съ желаніемъ воспрепятствовать туркамъ утвердиться на Каспійскомъ морѣ побуждаютъ Петра Великаго лѣтомъ 1722 г. выступить въ походъ противъ Персіи. Обаяніе имени побѣдоноснаго царя обезпечиваетъ ему успѣхъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Правители Тарковскій и Аксайскій спѣшатъ ему заявленіемъ своей покорности. Царь овладѣваетъ Дербентомъ, но двигаться дальше не входитъ въ его планы: онъ рѣшаетъ вернуться назадъ, удовольствовавшись закладкой гор. Св. Креста, между рѣками Агроланью и Сулакомъ, который долженъ прикрывать русскія границы вмѣсто прежней, признанной неудобной, Терской крѣпости. Возвращеніе Петра Великаго изъ Дербента было неожиданностью для царя Вахтанга, которому было назначено мѣсто между Дербентомъ и Баку для соединенія съ русскою арміей. 2-го іюня 1722 г. Петръ Великій изъ Астрахани отправилъ къ царю Вахтангу кн. Бориса Туркестанова, прибывшаго еще въ Москву отъ послѣдняго съ грамотой, написанною по-латыни римскими патерами. Государь извѣщалъ въ отвѣтъ Вахтанга, что онъ надѣется ко времени прибытія въ Грузію Туркестанова быть въ предѣлахъ Персіи и предлагалъ грузинскому царю въ интересахъ христіанства напасть сперва на дагестанцевъ, заграждавшихъ русской арміи движеніе въ Персію, а потомъ соединиться съ нимъ въ томъ мѣстѣ, которое ему онъ назначилъ, 8-го августа, по прибытіи къ берегамъ Аграхани съ арміей, идущей на г. Терки. Грузинскій царь изъявлялъ, чрезъ Туркестанова же, свою радость [2]) по поводу полученія отъ Петра гра-

---

[1]) *Соловьевъ*, ор. с., стр. 84.

[2]) Вахтангъ называлъ Петра неугасимою лампадою при гробѣ Христовѣ и вѣнцемъ четырехъ патріарховъ, а себя потомкомъ Давида и Соломона, увѣрялъ въ своемъ послушаніи русскому государю, котораго пришествія они всѣ ждали, какъ Адамъ, сидя въ аду, ждалъ сошествія Христа избавителя. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 75—76. Ср. Переписка..., стр. 139.

моты и извѣщалъ о своей готовности начать войну противъ лезгинъ, а затѣмъ стараться пробраться чрезъ персидскія ханства для соединенія съ русскимъ войскомъ, Туркестановъ объявилъ государю, что турки тоже присылали посольство къ Вахтангу, требуя, чтобы онъ поддался султану и соединилъ свои войска съ турецкими для войны противъ Персіи, обѣщая ему власть надъ всѣми христіанскими подданными Порты въ Грузіи, но Вахтангъ отклонилъ этотъ союзъ, и осенью 1722 г. былъ уже въ походѣ противъ лезгинъ, которымъ сталъ помогать изъ вражды къ Вахтангу кахетинскій царь Константинъ.

Вахтангъ явно сталъ измѣнникомъ шаха, своего сюзерена, отвергъ союзъ съ Турціей въ надеждѣ на дружбу съ Россіей, а между тѣмъ Петръ Великій, принятый въ Шамхальскомъ владѣніи и Дербентѣ безъ сопротивленія, оставилъ городъ отчасти по недостатку провіанта и возвратился въ Астрахань. Грузины были огорчены этимъ отъѣздомъ, тѣмъ болѣе, что 6-го сентября, наканунѣ своего отъѣзда изъ Дербента, Петръ Великій получилъ извѣстіе, что Вахтангъ съ 30-тысячнымъ грузинскимъ войскомъ стоитъ на Курѣ и ожидаетъ прибытія русской арміи къ Шемахѣ, чтобы двинуться далѣе (*Бутковъ*, op. c., I, 30). Съ дороги изъ Дербента Петръ Великій отправилъ къ Вахтангу подпоручика Ивана Толстаго съ неожиданнымъ порученіемъ склонить царя, чтобы онъ убѣдилъ шаха уступить Россіи Каспійское прибрежье и христіанскія свои владѣнія, для сохраненія остальнаго съ помощью императора отъ бунтовщиковъ и притязаній Порты. Прибывшій въ началѣ ноября Толстой далъ знать изъ Тифлиса, что онъ здѣсь не нашелъ Вахтанга, вмѣсто котораго правитъ побочный его сынъ Вахуштъ, пришедшій въ ужасъ по поводу возвращенія императора. Вахуштъ представлялъ всю опасность, въ какой очутилась Грузія. Страна была обречена испытать гнѣвъ шаха и непріязнь султана за усердіе, проявленное къ Россіи Вахтангомъ. Эрзерумскій паша, по указу султана, уже въ другой разъ присылалъ съ угрозами, что если грузины не поддадутся Портѣ, то земля ихъ будетъ разорена. Вахтангъ не считалъ свое дѣло проиграннымъ и, прибывъ въ Тифлисъ, охотно взялся исполнять порученіе императора относительно мирныхъ переговоровъ съ шахомъ, которому не безъизвѣстны были его отношенія къ Россіи. Результатомъ его переговоровъ было отрѣшеніе отъ грузинскаго престола за измѣну своему сюзерену. 30-го января 1723 г. въ Тифлисѣ полученъ былъ указъ шаха, коимъ онъ жаловалъ царство Карталинское кахетин-

скому владѣльцу. Послѣдній немедленно явился подъ Тифлисомъ, но Вахтангъ отказался добровольно уступить свой тронъ сопернику, а данное имъ сраженіе было проиграно, и онъ лишился престола, потерявъ кредитъ въ народѣ и поддержку со стороны прежнихъ союзниковъ. Турки въ то время заняли значительную часть Грузіи. Вахтангъ оставилъ Тифлисъ въ 1723 г. и перебрался въ горы съ русскимъ посломъ Толстымъ, когда Петръ Великій велѣлъ отправить изъ Астрахани въ Грузію на помощь Вахтангу двухъ-тысячный отрядъ драгунъ подъ начальствомъ капитана Баскакова. Распоряженіе оказалось запоздалымъ и безполезнымъ: вся Грузія уже была занята турками и персами. Наконецъ, въ 1724 г. Вахтангъ, пріютившійся въ Имеретіи съ 1723 г., получилъ приглашеніе отъ императора прибыть въ Россію [1]) съ малою свитою, предписавъ мѣстнымъ начальствамъ содѣйствовать зависящими отъ нихъ средствами его безопасному переѣзду.

Въ 1725 г., когда Петра Великаго уже не стало, прибылъ въ Москву Вахтангъ съ сыномъ Бакаромъ и братомъ Симеономъ въ сопровожденіи капитана Лопухина, отправленнаго на встрѣчу грузинскому царю въ Астрахань. Вахтангъ, прибывъ въ С.-Петербургъ, предсталъ къ императрицѣ Екатеринѣ I, которая его приняла милостиво и пожаловала кавалеромъ ордена Св. Андрея. Вступивъ въ переговоры съ русскими министрами относительно способовъ избавленія Грузіи отъ мусульманъ, Вахтангъ заявилъ, что онъ, во-первыхъ, „войдетъ съ своей землей во владѣніе Россіи", и, во-вторыхъ, необходимо построить крѣпость на минеральныхъ водахъ для пресѣченія сношешеній лезгинъ съ Крымомъ. При дальнѣйшихъ объясненіяхъ Вахтангъ испрашивалъ 5.000 войска, съ помощью коего онъ надѣялся возвратить отторгнутыя земли и прибавки къ 24.000 руб., указомъ правительствующаго сената отпускаемыхъ ему съ семействомъ ежегодно со времени прибытія въ Москву. „По высокой породѣ своей", Вахтангъ, являясь, вопреки донесенію Волынскаго, не простымъ принцемъ, а „сіятельнымъ, сильнѣйшимъ и вельможнѣйшимъ королемъ иверскимъ" [2]), какъ свидѣтельствуетъ употребляемый въ грамотѣ титулъ наибъ, считаетъ невозможнымъ содержать себя назначенною малою

[1]) Переписка грузинскихъ царей съ россійскими государями отъ 1659 по 1770 г. (С.-Пб., 1861), стр. LXXV—LXXIX. *Бутковъ*, op., c. L, стр. 51.

[2]) Illustrissimo et potentissimo Iberiae regi; титулъ „сіятельный", по объясненію русскихъ министровъ, дается даже нечиновному шляхетству.

суммой и проситъ аудіенціи у государыни. На жалобы свои Вахтангъ получилъ неутѣшительный отвѣтъ. Его упрекали въ томъ, что не съумѣлъ обуздать лезгинъ и соединиться съ русскими войсками въ предназначенномъ Петромъ Великимъ мѣстѣ между Баку и Дербентомъ, занявшись частными ссорами съ кахетинскимъ ханомъ (царемъ Константиномъ); что онъ поспѣшилъ отдаться подъ покровительство султана, когда еще не было подъ Тифлисомъ турецкаго султана, не дождавшись отправленнаго къ нему на помощь войска въ 2.000 человѣкъ; что касается до построенія крѣпости близъ минеральныхъ водъ, то оно не состоится, такъ какъ „принцъ" отказывается тамъ жить, трудно доставлять провіантъ и содержать тамъ войска для охраненія войска. Болѣе или менѣе отрадный пунктъ въ отвѣтѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ гласилъ, что государыня обѣщаетъ, въ случаѣ переселенія грузинъ въ значительномъ числѣ въ предѣлы Россіи, обезпечить ихъ матеріально, а Вахтангу позволяетъ „жить въ нашемъ отечествѣ въ ожиданіи благопріятныхъ обстоятельствъ къ избавленію его государства отъ невѣрныхъ" [1]).

Вскорѣ возникли событія, въ которыхъ участіе Вахтанга „могло принести пользу" правительству Екатерины I. Въ 1726 г. русское правительство задумало уклониться отъ вмѣшательства въ персидскія дѣла. Вслѣдствіе дороговизны содержанія и нездороваго климата, и предполагалось вывести русскія войска изъ персидскихъ провинцій Гильяна, Мазандерана и Астрабада, куда со времени персидскаго похода было отправлено болѣе 26 тысячъ человѣкъ,—но такъ, чтобы по уходѣ русскихъ, турки не могли утвердиться въ тѣхъ мѣстахъ. Отправиться въ Персію и вести переговоры съ шахомъ Тагмаспомъ было поручено Вахтангу „во уваженіе къ опытности и искусству его въ дѣлахъ персидскихъ, къ кредиту и славѣ его въ тамошнихъ краяхъ, къ благонамѣренности и радѣнію его къ пользамъ Россіи и своей собственной, при обѣщаніи вѣчнаго покровительства Вахтангу и его семейству". Съ Вахтангомъ въ Персію отправился назначенный туда главнокомандующимъ ген.-аншефъ князь Василій Долгорукій. Послѣ многихъ переговоровъ, бывшихъ между персидскими и россійскими министрами, при посредствѣ Вахтанга, обѣ договаривающіяся стороны признали трактатъ, предложенный Измаилъбекомъ [2]), въ силу котораго передавались въ вѣчное владѣніе Россіи

---

[1]) Переписка..., стр. CLXXX.

[2]) Персидскій посолъ къ россійскому двору. *Бутковъ*, ор. с., L, I, 38, 40—42 и 89.

Дербентъ, Астрабадъ и всѣ области, упомянутыя въ трактатѣ. Въ 1728 г. указомъ повелѣно было Вахтангу возвратиться въ Петербургъ. Здѣсь Вахтангъ возобновилъ свои ходатайства предъ государыней о защитѣ грузинъ противъ турокъ, которые, по извѣстіямъ, получаемымъ ех-царемъ, грабили святыя обители, принуждали жителей къ обращенію въ исламъ, опустошали села и города. Онъ чрезъ вице-канцлера графа Остермана просилъ позволенія отправить въ несчастную родину одного изъ сыновей своихъ, съ прибытіемъ котораго могли бы прекратиться бѣдствія, объясняющіяся отсутствіемъ сильнаго властителя въ Грузіи. Въ 1733 г. генералъ Левашевъ изъ крѣпости Св. Креста доносилъ, что прибывшіе къ нему грузины просятъ о присылкѣ хотя сына грузинскаго царя, могущаго своимъ вліяніемъ удержать земли, еще неподвластныя туркамъ [1]). Наконецъ, въ 1734 г. русское правительство признало нужнымъ, въ противодѣйствіе туркамъ и персамъ, возвести снова на престолъ Вахтанга или его сына и поддерживать ихъ всѣми возможными способами, не давая впрочемъ русскаго войска въ интересахъ соблюденія мира между Россіей и Турціей.

1-го мая 1734 г. въ силу высочайшаго указа Вахтангъ съ сыномъ Бакаромъ отправился на Кавказъ. Въ инструкціи, данной ему въ руководство, повелѣно по пріѣздѣ въ Дербентъ, войдти въ тайныя сношенія съ патріархомъ и представителями армянъ, которые еще въ 1722 г. присылали Петру Великому въ Астрахань депутацію, прося о помощи и защитѣ отъ невѣрныхъ. Вахтангъ долженъ былъ развѣдать, какимъ способомъ армянъ, съ давнихъ временъ расположенныхъ къ Россіи, привесть въ русское подданство и побудить ихъ къ поднятію оружія противъ невѣрныхъ; требовалось собрать всѣ свѣдѣнія насчетъ христіанъ, живущихъ въ Грузіи, Имеретіи и другихъ смежныхъ областяхъ; стараться по возможности получать извѣстія о всѣхъ намѣреніяхъ и приготовленіяхъ турокъ противъ персіанъ и Россіи; принимать какъ можно больше грузинъ и горцевъ, даже не христіанъ, на русскую службу, могущихъ дѣйствовать вмѣстѣ съ русскимъ регулярнымъ войскомъ; поручалось также разслѣдованіе различныхъ сторонъ политической жизни Персіи и ея вліянія на Кавказѣ.

По прибытіи Вахтанга съ сыномъ въ Дербентъ, началось сов-

---

[1]) Онъ объясняетъ опасность турокъ для Россіи занять пограничную съ нею часть Грузіи.

щаніе, въ результатѣ котораго было постановлено признать несвоевременность исполненія вышеприведеннаго указа, вслѣдствіе чего Вахтангъ и Бакаръ возвратились въ Россію въ 1736 г. Опустошенія же Грузіи, Карталиніи и Кахетіи за это время со стороны Персіи и Турціи продолжались попрежнему. Кахетинскій владѣтель Теймуразъ-Николаевичъ описывалъ государынѣ бѣдственное состояніе своей страны и разореніе ея отъ турокъ и просилъ отправить къ нему на вспоможеніе грузинскаго царевича генералъ-лейтенанта Бакара [1]), сына Вахтанга. Послѣдній также возобновилъ ходатайство передъ государыней чрезъ гр. Остермана оказать ему „содѣйствіе порохомъ, свинцомъ и деньгами“, обѣщая „карать враговъ Россіи и благотворить ея доброжелателямъ“. Въ случаѣ же неудовлетворенія въ требуемой имъ помочи, онъ просилъ его отправить въ Кизляръ или въ другое мѣсто, гдѣ на службѣ Россіи, не будетъ щадить своей жизни [2]). Но дѣла приняли неожиданный оборотъ. По ганжійскому договору 1735 г. Россія уступила Персіи Баку, Дербентъ и Кубинское хозяйство, оставила крѣпость Св. Креста, и бывшее тамъ войско было переведено въ Кизлярскую крѣпость, вновь воздвигнутую на лѣвомъ берегу р. Терека. По грузинскимъ источникамъ можно заключить, что царь Вахтангъ, прибывъ въ Астрахань, не поѣхалъ больше въ Москву, разочаровавшись въ возможности осуществленія своей мечты — вернуться къ роднымъ пепелищамъ. Не долго, впрочемъ, ему оставалось жить въ Астрахани: онъ умеръ здѣсь въ 1727 году 25-го—27-го марта [3]) и погребенъ былъ въ мѣстной соборной церкви [4]). Смерть его вызвала чувства глубокаго сожалѣнія, соединенныя съ отчаяніемъ, выраженія которыхъ сохранились въ поэмѣ Давида Гурамишвили „Давиѳ̆ани“, современника и спутника злополучнаго царя.

А. Хахановъ.

---

[1]) *Бутковъ*, op. c., I, 66.

[2]) Переписка..., стр. LXXXV—LXXXVIII.

[3]) Царевичъ Вахушти, сынъ Вахтанга, считаетъ днемъ смерти отца 27-е марта, лѣтопись Сехнія Чхейдзе 25-е марта, а Картлисъ Цховреба 26-е марта См. „Переписка“, стр. 220, Hist. de la Géorgie, II partie, 2 livr., p. 53.

[4]) Въ 1762 г. рядомъ съ могилой царя Вахтанга былъ преданъ землѣ прахъ другаго царя Теймураза II, зятя Вахтанга VI.

ЕЩЕ О СИКУЛАХЪ, УМБРАХЪ И ЛАТИНЯНАХЪ.

НОВЫЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ И ИХЪ ОЦѢНКА.

I.

Сикулы.

Кажется, еще такъ недавно я занималъ читателей *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* бесѣдой о сикулахъ, умбрахъ и латинянахъ, имѣя подъ руками самыя новыя археологическія данныя, бросающія свѣтъ на отдаленнѣйшее прошлое этихъ народовъ и дающія нѣкоторый ключъ къ рѣшенію вопроса объ ихъ происхожденіи. Статья о сикулахъ появилась всего годъ и четыре мѣсяца тому назадъ [1]); статья о происхожденіи латинянъ, можно сказать, только-что окончена [2]), а между тѣмъ и та и другая требуютъ дополненія: иначе онѣ остались бы далеко позади имѣющихся теперь на лицо матеріаловъ, частью шире и ярче освѣщающихъ предметъ, частью заставляющихъ стать къ нему въ нѣсколько иное отношеніе. Археологическіе матеріалы, относящіеся къ до-историческому періоду Италіи, растутъ безпрерывно, и едва успѣешь овладѣть одною ихъ группой, какъ возникаютъ новыя и на сѣверѣ, и въ центрѣ, и на югѣ полуострова, столь богатаго данными продолжительнаго человѣческаго существованія. Внѣ Италіи слѣдить за ними своевременно нѣтъ возможности, особенно въ Россіи, гдѣ въ силу укоренившейся привычки считаться только съ вопросами, поднимаемыми въ нѣмецкой

---

[1]) Въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1897 г.

[2] Въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1898 г.

наукѣ, до сихъ поръ ни одно ученое учрежденіе не позаботилось обзавестись всѣми необходимыми изданіями, въ которыхъ новые археологическіе матеріалы, относящіеся къ древнѣйшимъ эпохамъ Италіи, публикуются. Но и въ самой Италіи, даже въ Римѣ, обнародованіе этихъ матеріаловъ нерѣдко очень замедляется, и своевременное знакомство съ ними можно получить, лишь благодаря связямъ съ учеными, на разсмотрѣніе или завѣдываніе которыхъ они поступаютъ. Все это дѣлаетъ понятнымъ, почему авторъ этихъ строкъ, пробывши полтора слишкомъ года въ Россіи, гдѣ его статьи о сикулахъ и латинянахъ писались, нашелъ по возвращеніи въ Римъ, что наличность добытыхъ въ его отсутствіе матеріаловъ уже значительно обогнала представленныя и разработанныя имъ данныя и требуетъ дополнительной работы.

Начнемъ эту работу съ сикуловъ.

---

1) Слѣды промышленности и жилищъ у сикуловъ.

Сикуламъ вообще посчастливилось въ послѣдніе годы. Не дальше, какъ лѣтъ восемь-девять тому назадъ, о нихъ говорилось и могло говориться только на основаніи литературныхъ преданій, не дававшихъ никакой твердой точки для научнаго рѣшенія вопроса, да на не менѣе шаткомъ основаніи филологическихъ комбинацій, приводившихъ къ заключенію, будто сикулы—народъ латинскаго племени. Съ вступленіемъ въ послѣднее десятилѣтіе текущаго столѣтія стали появляться на свѣтъ въ юго-восточной Сициліи, въ болѣе или менѣе близкихъ окрестностяхъ Сиракузы или, по-древнему, Сиракузъ, вообще въ мѣстности, въ которой и по древнѣйшему преданію, и по свидѣтельствамъ греческихъ писателей о современномъ имъ туземномъ населеніи жили сикулы, непосредственные памятники жизни и культуры этого народа, закрытаго отъ глазъ исторіи греческою колонизаціей. Памятники эти извлекались по преимуществу изъ многочисленныхъ искусственныхъ пещеръ, которыя устраивались въ горахъ острова съ тѣмъ, чтобы служить могилами для обитавшаго тутъ населенія. Начавшій эти раскопки, нынѣшній директоръ Сиракузскаго музея, профессоръ Паоло Орси, вскорѣ замѣтилъ, что населеніе это, оставившее на юго-восточной сторонѣ острова многія сотни и даже тысячи могильныхъ помѣщеній, прожило тутъ цѣлые періоды культурной эволюціи, переходя отъ начатковъ энеолитическаго періода

къ бронзовому, носящему явный отпечатокъ микенской торговли и культуры, и отъ бронзоваго къ желѣзному, развившемуся подъ вліяніемъ греческой торговли и затѣмъ колонизаціи. Эту до-историческую эволюцію сикульской культуры, хронологически восходящей по своимъ начаткамъ ко временамъ древнѣйшихъ поселеній на Гиссарликѣ, Орси раздѣлилъ на три ясно обозначающіеся періода, пріурочивъ ихъ въ 1892 году къ тремъ мѣстамъ своихъ раскопокъ: Мелилли (періодъ энеолитическій), Племмирію (періодъ бронзовый) и Тременцано (начало желѣзнаго вѣка), и оставивъ внѣ этого круга эволюціи чисто неолитическій періодъ населенія, оставившаго важнѣйшіе слѣды своего пребыванія въ отбросахъ близъ Стентинелло и, какъ онъ замѣчалъ тогда, не одинаковаго съ сикулами. Продолжая раскопки, неутомимый и необыкновенно проницательный сицилійскій ученый умножалъ мѣста, съ которыми связывался то тотъ, то другой, то третій періодъ до-исторической жизни сикуловъ и которыя подтверждали его теоріи о переходѣ одного и того же населенія юго-восточнаго берега Сициліи изъ одного періода въ другой, и такимъ образомъ вывелъ на свѣтъ божій въ постепенно видоизмѣнявшейся въ теченіе столѣтій культурной обстановкѣ цѣлый народъ, о которомъ до тѣхъ поръ не говорилось ничего точнаго и положительнаго, если не считать сообщеній греческихъ писателей изъ его судьбы позднѣйшаго времени. Но всѣ эти богатыя данныя, на основаніи которыхъ Орси опредѣлилъ ходъ развитія культуры сикуловъ, добыты имъ, за исключеніемъ отбросовъ Кастеллуччо, изъ могилъ. Онѣ дали намъ характеристическую форму, какую имѣли могилы этого народа, представляясь снаружи въ видѣ печного отверстія (поэтому называются tombe a forno); познакомили съ устройствомъ погребальной камеры, видоизмѣнявшейся постепенно съ усовершенствованіемъ орудій и бывшей сначала круглою или эллиптическою, затѣмъ квадратною, сначала болѣе низкою и тѣсною, потомъ болѣе высокою и помѣстительною; познакомили съ положеніемъ въ ней труповъ, бывшихъ почти всегда скорченными, и съ погребеніемъ ихъ въ скелетированномъ видѣ, съ могильнымъ убранствомъ, состоявшимъ изъ извѣстныхъ сосудовъ и орудій, видоизмѣнявшихся вмѣстѣ съ ходомъ культуры, равно какъ и съ личными украшеніями покойниковъ, также представляющими болѣе цѣнности и разнообразія по мѣрѣ культурнаго развитія и усиленія внѣшнихъ вліяній. Но весь этотъ матеріалъ интересный и богатый, является до извѣстной степени условнымъ: онъ даетъ достаточное понятіе о культурѣ народа, о степени его

благосостоянія въ разные періоды, объ его сношеніяхъ съ другими народами, но онъ собирался для могилъ, согласно съ требованіями похороннаго обряда и религіозныхъ представленій о загробной жизни, изъ которыхъ этотъ обрядъ вытекаетъ, и не говоритъ объ явленіяхъ жизни повседневной, не представляетъ намъ народа въ разные моменты или въ какой-либо моментъ его дѣятельности. Благодаря тому же матеріалу, мы знаемъ, гдѣ и какъ сикуловъ погребали, но до сихъ поръ мы еще не видали, какъ и гдѣ этотъ народъ строилъ себѣ жилища.

Неутомимому Орси посчастливилось, однако, напасть, съ одной стороны, на данныя, которыя насъ непосредственно вводятъ въ одну изъ областей дѣятельности сикуловъ, въ одну, если можно выразиться по современному, изъ сферъ ихъ промышленности, съ другой—на слѣды ихъ обиталищъ, и все въ той же сиракузской провинціи.

Оказывается, что населявшіе юго-восточную часть своего благодатнаго острова сикулы были большіе рудокопы и эксплуатировали окружавшія ихъ горы съ цѣлью добыванія изъ нихъ кремня, изъ котораго выдѣлывали свои орудія (ножи, наконечники стрѣлъ и т. п.) и который въ обработанномъ и необработанномъ видѣ продавали въ тѣ мѣстности острова, гдѣ этого, столь важнаго въ неолитическій и въ энеолитическій періодъ матеріала, не было. Въ апрѣлѣ 1898 года Орси нашелъ въ горѣ Табуто особый видъ пещеръ или гротовъ, не похожій на знакомый уже намъ видъ гротовъ a forno, устраивавшихся для погребенія. О существованіи гротовъ въ этой мѣстности, съ остатками археологическаго матеріала было, правда, извѣстно и раньше, именно съ 1884 года, когда проводилась дорога отъ равнины Комизо до Рагузы—Кьярамонте, при чемъ и обнаружилось нѣсколько гротовъ, но на извлеченный оттуда матеріалъ въ то время не было обращено вниманія, и онъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ вещей, попавшихъ въ Сиракузскій музей, почти весь растерялся. Теперь Орси повелъ въ этихъ древнѣйшихъ копяхъ, проложенныхъ среди известковыхъ пластовъ горы, правильныя раскопки. Раскопки эти не были безопасны, такъ какъ своды рудниковъ, обрушавшіеся и въ древности среди производства работъ, грозили нерѣдко новымъ обрушеніемъ. Свидѣтельствомъ несчастій, происходившихъ въ этихъ подземныхъ коридорахъ въ древности, служитъ не малое количество найденныхъ рабочими Орси тамъ и сямъ скелетовъ рудокоповъ, застигнутыхъ несчастіемъ, три съ половиною тысячи лѣтъ тому назадъ, среди своего тяжелаго занятія. Въ одной

изъ такихъ минъ (№ 1) въ одномъ помѣщеніи находилось до сорока скелетовъ, лежавшихъ подъ грудой обрушившихся камней, по, какъ это видно по всему, снесенныхъ въ одно мѣсто уже впослѣдствіи. Среди этой груды костяковъ найдено было немного осколковъ посуды, которая, однако, вся принадлежала къ первому періоду культуры сикуловъ, какъ онъ былъ опредѣленъ Орси ранѣе [1]), и въ которомъ посуда представляется такъ или иначе раскрашенною. Такъ какъ въ дальнѣйшихъ раскопкахъ заваленныхъ минъ обыкновенно встрѣчалось въ какомъ-нибудь корридорѣ по одному трупу, то Орси считаетъ себя вправѣ предполагать, что нагроможденіе скелетовъ, заваленныхъ впослѣдствіи обрушившимися камнями, въ наиболѣе обширномъ помѣщеніи копей объясняется именно нарочитымъ ихъ снесеніемъ туда изъ разныхъ корридоровъ рудокопной мины, послѣ того, какъ эта минная камера не представляла болѣе искомаго матеріала для извлеченія и была покинута рудокопами. Подтвержденіе этому предположенію онъ основательно видитъ въ томъ, что то же явленіе повторяется и въ другихъ копяхъ. Что предположеніе можетъ поддерживаться и тѣмъ фактомъ, что здѣсь такъ мало найдено посуды, которая, еслибы всѣ погребенные тутъ рабочіе были одновременно въ дѣйствіи, должна была бы находиться въ гораздо бóльшемъ количествѣ. Совсѣмъ другое дѣло—рудники №№ 2—4, гдѣ въ узкихъ корридорахъ найдены не только многочисленные кремневые осколки рядомъ съ отлично обдѣланными изъ нихъ кремневыми ножами, но и огромная масса керамическихъ остатковъ въ видѣ сосудовъ большой и малой величины, глиняныхъ кадокъ, боченковъ и кувшиновъ, содержавшихъ очевидно воду для рабочихъ, равно какъ и въ видѣ кружекъ, чашекъ и мисокъ, сохранившихся, какъ и выше указанные сосуды, нерѣдко въ цѣлости [2]). Это обстоятельство, то-есть, находку оставленныхъ на мѣстѣ множества предметовъ какъ самой горной промышленности, такъ и домашней посуды, вполнѣ годной къ употребленію, Орси объясняетъ внезапнымъ оставленіемъ мины, происшедшимъ вслѣдствіе какой-либо катастрофы, напримѣръ, землетрясенія, которое заставило людей бѣжать изъ помѣщенія, и безъ того опаснаго, но дѣлавшагося вдвойнѣ опаснымъ при землетрясеніи. Въ

---

[1]) См. мою статью о Сикулахъ, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1897 (ноябрь); стр. 32 слд. отдѣльнаго изданія, особенно на стр. 42.

[2]) См. изображеніе типовъ найденной посуды на табл. XX *Bulletino di paletnologia Italiana*, 1898 (a. XXIV).

одномъ мѣстѣ оказалась копь только начатая, но брошенная, такъ какъ рудокопы встрѣтили такой твердый слой известняка, что ихъ орудія (обыкновенно асфальтовый топоръ или кирка, заостренный колъ) оказались безсильными пробивать его далѣе. Разказывая, какихъ иногда едва преодолимыхъ трудностей стоило нанятымъ Орси рабочимъ, пробиваться по покинутымъ, три съ половиной тысячи лѣтъ назадъ, минамъ, гдѣ тѣсное пространство, заваленное осколками камня, лишенное воздуха и свѣта, позволяло часто подвигаться впередъ лишь ползкомъ по одному человѣку и только изрѣдка въ скорченномъ положеніи, какъ это было именно въ рудникѣ № 5, гдѣ нашлось много оставленной и хорошо сохранившейся посуды и полдюжины скелетовъ, Орси невольно обращается мыслью къ страшной тяжести труда древнихъ сикуловъ и говоритъ [1]): „Пространство отъ устья А до крайняго пункта (мины) внутри составляетъ, по меньшей мѣрѣ, полсотни метровъ, и это показываетъ, въ какой степени ужасна и упорна должна была быть борьба этихъ рудокоповъ, которые, будучи вооружены лишь базальтовыми кирками да заостренными кольями, оспаривали у внутренностей горы скудный, но драгоцѣнный кремень, въ ней заключавшійся, борьба продолжительная, суровая и оплачиваемая,—я въ этомъ не сомнѣваюсь,—цѣною человѣческихъ жертвъ. Остатки этихъ жертвъ благочестиво укладывались ихъ братьями въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ 35 вѣковъ назадъ совершались въ маломъ видѣ тѣ же катастрофы, которыя еще теперь, при такой полнотѣ культуры, при такомъ развитіи механическихъ средствъ, часто омрачаютъ, и при томъ въ огромныхъ размѣрахъ, всякій центръ горной промышленности“.

Такимъ образомъ передъ нами раскрывается новая страница изъ жизни до-историческаго народа, страница, которой мы напрасно стали бы искать въ письменныхъ памятникахъ, но которую начертали въ темныхъ подземныхъ корридорахъ сохранившіяся тамъ орудія изъ кремня, на мѣстѣ добытаго и обдѣланнаго, вмѣстѣ съ осколками этого минерала, съ множествомъ посуды, которая была необходима для утоленія жажды и голода рабочихъ, и вмѣстѣ съ скелетами несчастныхъ тружениковъ, работавшихъ въ условіяхъ, особенно тяжелыхъ въ тотъ отдаленный вѣкъ каменной культуры, который когда-то, тысячелѣтія назадъ, переживали, одни раньше, другіе позже, всѣ народы, и остатки котораго теперь сохранились только въ самыхъ захолустныхъ мѣстахъ

---

[1]) *Bull. di paletn. Ital.*, p. 181—182.

земнаго шара. Въ этихъ минеральныхъ копяхъ горы Табуто въ юго-восточномъ углу Сициліи, мы встрѣчаемся въ первый разъ съ горною промышленностью не только этого острова, но и цѣлой Италіи. Промышленность эта принадлежала тому народу, которому преданіе приписываетъ [1]) начало римской исторіи, что̀ и заставляетъ насъ останавливаться на всемъ, что его касается. Въ существенныхъ чертахъ культура этого народа, благодаря разсмотрѣннымъ нами, полтора года тому назадъ, археологическимъ даннымъ, стала намъ извѣстна. Теперь къ этимъ даннымъ прибавились новыя, не только въ наличныхъ доказательствахъ его отважныхъ и упорныхъ занятій на юго-западѣ острова горною промышленностью, но и въ новыхъ, т. е. до сихъ поръ намъ неизвѣстныхъ, видахъ его керамики. И тутъ мы встрѣтимся въ первый разъ съ цѣльными сосудами, служившими прямо для потребностей повседневной жизни, а не для условныхъ требованій погребальнаго культа, какъ мы объ этомъ уже замѣчали. Такимъ образомъ первый сикульскій періодъ на островѣ, періодъ, по Орси, энеолитическій, къ которому принадлежатъ минеральныя копи горы Табуто, представляется здѣсь, кромѣ извѣстныхъ намъ по могильной обстановкѣ сосудовъ, большими амфорами, боченками и кувшинами (гидріями), не требовавшимися для могильной обстановки, но неизбѣжными для практической жизни, когда требовалось переносить воду на мѣста работы и распредѣлять ее тамъ между многими лицами; мало того, Орси нашолъ въ овальныхъ бочкахъ [2]) этихъ копей доказательство связи перваго сикульскаго періода со вторымъ, такъ какъ совершенно сходныя бочки были найдены раньше въ могилахъ второго сикульскаго (то-есть, чисто бронзоваго) періода въ могильникахъ Коццо Пантано, Ѳапса и въ могилахъ переходнаго времени Кастеллуччо [3]). На ту связь, хотя менѣе ясно, указываютъ по нему, какъ тазы съ коническою ножкой и съ веревочными рельефами [4]), такъ ручка съ ромбами [5]), которая, рѣдкая въ этомъ періодѣ, дѣлается будто бы „нормальнымъ явленіемъ въ послѣдующей керамикѣ“. Указаніе на связь въ керамикѣ 1-го сикульскаго періода представляющаго намъ раскрашеные сосуды, съ 2-мъ періодомъ, гдѣ раскрашенные сосуды совершенно отсутствуютъ, для Орси имѣетъ особенное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ бывшій по-

---

[1]) См. начальныя страницы въ статьѣ „О происхожденіи Сикуловъ“.

[2]) *Bullet. di paletn. Ital.* 1898, табл. XX, фиг. 23.

[3]) *Bullet. di pal. Ital.* 1892, табл. II, фиг. 16.

[4]) *Bullet.* etc. 1898, табл. XX, фиг. 21.

[5]) Ibid. XXI, фиг. 11.

мощникъ его въ сиракузскомъ музеѣ, теперь неаполитанскій профессоръ, Джованни Патрони выступилъ противъ своего руководителя, съ новою теоріей [1]), совершенно отвергающею связь 1-го и 2-го (по счету Орси) сикульскихъ періодовъ и приписывающею керамику 1-го періода другой народности, именно сиканамъ, которымъ Орси отдавалъ только „до-сикульскій" періодъ древностей Стентинелло [2]). Но этотъ интересный споръ, въ который довольно рѣзко вмѣшался первый секретарь германскаго археологическаго института въ Римѣ Петерсенъ [3]), мы пока оставимъ въ сторонѣ, чтобы скорѣе покончить съ остатками культуры сикуловъ въ минеральныхъ копяхъ горы Табуто. Орси обращаетъ наше вниманіе на то, что въ найденной здѣсь керамикѣ мы находимъ новое подтвержденіе постоянства и однообразія доказательной системы, какую въ неолитическій періодъ, мы находимъ вездѣ, гдѣ только встрѣчаются сикульскіе могильники или стоянки, и въ основаніи которой лежитъ техника плетенія, т. е воспроизведеніе мотивовъ, представляемыхъ плетеными корзинами. При этомъ надо замѣтить, что извѣстному виду сосудовъ соотвѣтствуютъ въ этой системѣ и опредѣленные декоративные мотивы. Противъ вывода этихъ мотивовъ, изъ подражанія плетенію корзинъ возстаетъ Петерсенъ [4]) и, какъ мнѣ кажется, напрасно. Онъ держится того взгляда, что орнаментика 1 сикульскаго періода есть только дальнѣйшее развитіе декоративныхъ элементовъ, какіе представляетъ посуда „до-сикульскаго" (по терминологіи Орси) періода въ отбросахъ Стентинелло, періода, который Орси выдѣляетъ, какъ не принадлежащій Сикуламъ, и который Петерсенъ хочетъ связать съ первымъ періодомъ сикульской культуры. При этомъ онъ ищетъ опоры у такъ имъ мало цѣнимаго Патрони, который, какъ мы уже замѣчали, до-сикульскій и 1-й сикульскій періода отдаетъ сиканамъ. Но къ этому вопросу мы еще возвратимся. Теперь, чтобы покончить съ древностями горы Табуто, упомянемъ, какъ новость въ керамической орнаментикѣ найденныхъ тамъ сосудовъ 1-го сикульскаго періода, употребленіе бѣлой краски по черному; замѣтимъ, что краски на сосудахъ сохранились, какъ это особенно отно-

[1]) Въ статьѣ „La civilisation primitive dans la Sicile orientale", помѣщенной въ *Anthropologie*, t. VIII (1897), p. p. 130—148 и 294—317.

[2]) См. о нихъ въ моей статьѣ „О происхожденіи Сикуловъ" въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, ноябрь, стр. 28—31 отд. изд.

[3]) Въ *Mittheilugen* Германскаго археологическаго института въ Римѣ 1898 (Bd. XIII).

[4]) Ibid. p. 177 sqq.

сится къ матеріалу, найденному въ рудникѣ № 5, въ необычайно свѣжемъ видѣ и, наконецъ, отмѣтимъ фактъ находки поверхъ остатковъ древняго періода жизни сикуловъ эпохи съ греческимъ геометрическимъ орнаментомъ 9—8 ст. до Р. Хр; найдена она была въ рудникѣ № 1 и можетъ свидѣтельствовать только о посѣщеніи его, спустя много столѣтій послѣ того, какъ онъ былъ окончательно оставленъ кѣмъ то, неизвѣстно съ какою цѣлью.

Въ ту же самую археологическую кампанію Орси принялся за изслѣдованія горы Монтерачелло, лежащей невдалекѣ отъ горы Табуто, къ востоку. Счастливый, какъ и всегда въ своихъ раскопкахъ въ Сициліи, онъ нашелъ тутъ рядомъ въ одномъ могильникѣ разныя формы могилъ, чего еще не встрѣчалось до сихъ поръ ни въ Сициліи, ни въ другихъ мѣстахъ. Именно, кромѣ типической формы могилъ съ печнымъ отверстіемъ a forno, тамъ, гдѣ свойство горы, по хрупкости камня, не допускало устройства этой правильной формы, приспособлялись для погребенія естественныя пещеры (гроты), а тамъ, гдѣ нельзя было ни устроить для погребенія искусственнаго грота a forno, ни воспользоваться естественною пещерой, устраивались на поверхности изъ каменныхъ плитъ каморки въ видѣ дольменовъ съ тѣмъ, чтобы быть слегка засыпанными землей на подобіе нашихъ могильныхъ насыпей. Такъ какъ всѣ эти виды могилъ: искусственные гроты, естественные гроты, и дольмены существуютъ въ Италіи и на ея островахъ и обусловливаются лишь мѣстностью, допускавшею или тотъ или другой видъ погребенія въ эпоху, предшествовавшую прибытію въ Италію арійскаго племени, которое принесло съ собой обрядъ сожженія труповъ, то Орси, который вообще воздерживается отъ выводовъ и очень остороженъ, когда ихъ нужно дѣлать, приходитъ къ заключенію, что на всемъ протяженіи полуострова и острововъ къ нему прилегающихъ, жила въ эту эпоху одна раса и была одна культура, конечно, съ своею особою окраской въ разныхъ мѣстахъ, сообразной географическимъ и геологическимъ условіямъ мѣстности и особенностямъ внѣшнихъ вліяній. Дѣлая это заключеніе, Орси только повторяетъ положеніе Пигорини, уже давно провозглашающаго племенное и культурное единство „разныхъ вѣтвей иберо-лигурійской семьи“. Но фактъ присутствія въ одномъ мѣстѣ трехъ типовъ могилъ, употреблявшихся въ разныхъ мѣстахъ распространенія этого племени, прикладываетъ, по мнѣнію Орси, печать къ этому тезису знаменитаго изслѣдователя террамаръ, директора до-историческаго музея въ Римѣ. Въ этомъ-же фактѣ Орси почерпаетъ и смѣлость окончательно про-

возгласить то, что было и результатомъ нашего изслѣдованія „О происхожденіи Сикуловъ“, именно, что „Сикано-сикулы обитатели до эллинской Сициліи, принадлежатъ къ расѣ и культурѣ совершено различнымъ отъ расы и культуры такъ называемыхъ италиковъ, аріевъ, которые никогда не знали могилъ этого рода, а употребляли почти исключительно обрядъ сожженія“ [1]).

Но могилы Монтерачелло интересны не только разнообразіемъ своихъ типовъ, которое, какъ мы видимъ, ведетъ къ столь значительнымъ выводамъ, но отчасти и по своему содержанію. Во-первыхъ, тутъ среди общей обстановки, принадлежащей по своему характеру къ 1 періоду, есть предметы, которые представляютъ собой переходъ ко 2 періоду сикульской культуры или общи съ нимъ. Таковы большія, не имѣющія окраски, двуконическія вазы, извѣстный δέπας съ двумя ушками, чашка изъ глины свинцоваго цвѣта съ свѣтлой поливой на поверхности, бронзовый клинокъ и нѣкоторые другіе. Существованіе этихъ предметовъ, показывающихъ связь между двумя періодами, особенно важно для насъ и дорого Орси послѣ того, какъ (мы уже замѣчали объ этомъ выше) Патрони, оспаривая правильность его дѣленія сикульской культуры на три (впослѣдствіи на четыре) періода, сталъ отнимать у него сикуловъ энеолитическаго періода, приписывая культуру этого періода сиканамъ. Во-вторыхъ, въ числѣ предметовъ, найденныхъ въ могилахъ Монтерачелло, обращаетъ на

---

[1]) *Bullettino* etc., 1898, p. 203.—Очень и очень странно звучитъ послѣ всего этого увѣреніе извѣстнаго историка Сициліи, проф. Гольма, недавно снова имъ высказанное въ рецензіи на мой трудъ „о происхожденіи Сикуловъ“ *Berliner philolologische Wochenschrift*, 1899 (№ 12), p. 370, будто принятіе родства Сикуловъ съ Латинянами „есть всетаки единственно возможное научное рѣшеніе вопроса о происхожденіи Сикуловъ“. Увѣреніе это, высказанное Гольмомъ, такъ сказать, pro domo sua, во-первыхъ показываетъ, какъ сильно въ Германіи отстали отъ научнаго движенія, вызваннаго новыми чрезвычайно интересными и богатыми данными, касающимися древнѣйшихъ судебъ Италіи, и во-вторыхъ, съ какимъ самомнѣніемъ тамъ продолжаютъ трактовать *научнымъ* только то, что выходитъ изъ подъ пера германскихъ ученыхъ. Между тѣмъ, живущіе въ Италіи нѣмцы отказались считать Сикуловъ латинянами, какъ напр. Гельбигъ, прежде считавшій это мнѣніе такъ-же незыблемымъ, наравнѣ съ Гольмомъ, или какъ Петерсенъ, занимающійся теперь археологическими данными, относящимися къ разнымъ народностямъ древнѣйшей Италіи, и наразу не высказывавшійся въ пользу прежней нѣмецкой теоріи въ упомянутой статьѣ о добытомъ Орси археологическомъ матеріалѣ въ *Mittheilungen* германскаго археологическаго института въ Римѣ (1898, p. 149 sqq).

себя вниманіе въ извѣстной степени обиліе *мѣдныхъ* предметовъ (ножи, кинжалы, топоры плоской формы). Это естественно порождаетъ вопросъ: откуда эти мѣдные предметы, коль скоро въ горахъ Сициліи этого металла не имѣется? Вопросъ этотъ важенъ, такъ какъ онъ указываетъ на морскую торговлю съ островомъ до микенской эпохи, которая привозила туда уже бронзу. Можно думать, что мѣдные предметы привозились съ востока, гдѣ источникомъ мѣдной культуры служилъ ос. Кипръ; можно думать, что съ запада, изъ Испаніи, гдѣ мѣдныя руды были открыты очень рано, и откуда, быть можетъ, мѣдная культура распространялась въ энеолитическій періодъ и въ сѣверной Италіи, гдѣ она теперь изслѣдуется съ такою тщательностью однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ и трудолюбивыхъ молодыхъ римскихъ ученыхъ [1]). Положеніе Сициліи таково, что она одинаково могла вести сношенія какъ съ восточною торговлей Средиземнаго моря, такъ и съ западною, и если Орси отдаетъ, въ данномъ случаѣ, предпочтеніе западу, то это лишь потому, что формы мѣдныхъ ножей и кинжаловъ съ округленнымъ основаніемъ и безъ черенка, обычная въ этотъ періодъ въ Испаніи [2]), равно какъ и плоскіе топоры, прямо находятъ себя соотвѣтствующіе въ Сициліи (въ Табуто, Панталикѣ). Но что у Сициліи были сношенія съ востокомъ и въ до-микенскую эпоху, это также не подлежитъ сомнѣнію. Связь I сикульскаго періода съ древнѣйшею Троей мы видѣли не только въ формѣ и орнаментаціи сосудовъ, но и въ нахожденіи въ Кастеллуччо тѣхъ трубчатыхъ и украшенныхъ шариками и рѣшетчатымъ узоромъ костей, о которыхъ у насъ говорилось въ статьѣ „О происхожденіи сикуловъ“ [3]), и которыя имѣютъ полное соотвѣтствіе съ экземпляромъ, найденнымъ во второмъ соименномъ городѣ на Гиссарликѣ [4]). Трудно сказать, какой это былъ именно народъ, который въ отдаленнѣйшую, въ до-микенскую и въ до-финикійскую

---

[1]) Я имѣю въ виду превосходный, хотя еще не оконченный трудъ проф. Дж. Анджело Колини, инспектора въ римскомъ Museo preistorico, директоромъ котораго состоитъ Пигорини; трудъ г. Колини, печатавшійся въ теченіе цѣлаго года (1898) въ *Bullettino di paletnologia Italiana*, носитъ заглавіе: „Le sepolcreto di Remedello-Sotto nel Bresciano e il periodo eneolitico in Italia“.

[2]) См. интересную работу Сиро (Ciret): Les premiers âges du metal dans le Sud-Est de l'Espagne. Anvers, 1897, fig. 449, 533.

[3]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1897, ноябрь; стр. 41 и 45 отд. изд.

[4]) См. у Шлимана въ Ilios, fig. 983.

эпоху привозилъ однѣ и тѣ же вещи въ Трою и въ Сицилію, но это былъ, вѣроятно, тотъ самый народъ, который былъ также морскимъ посредникомъ между Сициліей и Испаніей.

Наконецъ на горѣ Монтерачелло Орси открылъ слѣды сикульской хижины. Изъ сохранившейся половины каменнаго основанія ея видно, что форма хижины, какъ и слѣдовало ожидать [1]), была круглая. Между находками (осколки большихъ сосудовъ, полдюжины кремневыхъ ножей, куски кремня и обсидіана, осколки базальтоваго топора и др.) нашелся одинъ изъ тѣхъ глиняныхъ роговъ, какіе были находимы въ отбросахъ Кастеллуччо и въ разныхъ мѣстахъ Сициліи среди предметовъ культуры всѣхъ трехъ періодовъ, и которые видимо имѣли у сикуловъ символическое значеніе для домашняго очага, какъ объ этомъ у насъ говорилось еще въ статьѣ „О происхожденіи сикуловъ" [2]) и какъ объ этомъ разсуждаетъ Орси по поводу найденнаго профессоромъ Риццо новаго рога въ области Джирдженти близъ Канателло [3]). Поселеніе, къ которому принадлежала открытая хижина, находилось на горномъ хребтѣ, какъ вообще любили строить свои поселенія не только сикулы, объ обычаѣ которыхъ строиться такъ упоминаетъ еще Діодоръ Сицилійскій (V, 6), но до извѣстной степени и вообще иберо-лигурійское племя въ неолитическую и энеолитическую эпоху тамъ, гдѣ приходилось жить среди горъ, какъ это старался выяснить цитатами изъ сочиненій, касающихся разныхъ народностей, Пинца въ своей статьѣ „Le civiltà primitive del

[1]) Объ этой формѣ прежде всего говорили древнѣйшія формы могилъ, которыя и въ Сициліи, какъ и въ Италіи, измѣнялись въ четвероугольныя по мѣрѣ измѣненія жилищъ, какъ это было и съ урнами арійскаго населенія, соотвѣтствовавшими по формѣ жилищамъ. (См. мою статью „О томъ, откуда пришли и кто были латиняне" въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1898, декабрь, стр. 242; отд. изд. 57); затѣмъ ее стали подтверждать находимыя въ разныхъ мѣстахъ острова основанія хижинъ, какъ, напримѣръ, въ Канателло близъ Джирдженти (см. *Bullett. paletn. Ital.*, 1897, p. 111) и въ Катаніи (см. *Notizie degli scavi*, 1898, p. 222. Наконецъ, круглая форма хижинъ является типическою въ неолитической и энеолитической Италіи, то-есть, среди населеній иберо-лигурійскаго племени, къ которому принадлежали сикулы. Эта типичность одинаково сохраняется какъ на югѣ, до Сициліи включительно, такъ и на крайнемъ сѣверѣ Италіи. См. у Колини въ его упомянутой работѣ о могильникѣ въ Remedello-Sotto въ Брешіанской провинціи, въ Bullett. di paletn. Ital. 1898, p. 103.

[2]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1897, ноябрь; отд. изд. стр. 44.

[3]) См. *Bullett. di paletn. Ital.*, 1897, (a. XXIII), p. 117.

Lazio" [1]), противъ которой въ другихъ отношеніяхъ я не мало спорилъ въ своей работѣ о происхожденіи латинянъ.

2) Сикулы въ Италіи.

Въ то время, когда писалась моя работа о происхожденіи сикуловъ, начаты были раскопки въ южной Италіи, именно въ провинціи Базиликатѣ, въ странѣ, въ которой, а равно и южнѣе которой, то-есть, въ древней Энотріи греческихъ писателей, жили изгнанные, по преданію, изъ Лаціума сикулы [2]). Раскопки эти дѣлалъ, по порученію министра народнаго просвѣщенія, молодой ученый, бывшій до того помощникомъ Орси въ Сиракузскомъ музеѣ, а теперь неаполитанскій профессоръ и инспекторъ Неополитанскаго музея древностей Джованни Патрони. Отчетъ объ этихъ раскопкахъ печатался въ *Notizie degli scavi* 1897 года (мартъ, апрѣль и май), и въ концѣ его авторъ счелъ себя въ правѣ сдѣлать заключеніе, что „собралъ достаточно указаній для того, чтобы не могло быть болѣе сомнѣнія въ существованіи, согласно относящемуся къ сикуламъ древнему преданію, на югѣ полуострова народа родственнаго народу восточной Сициліи, и особенно сикуламъ бронзоваго вѣка". Данныя эти были на первый взглядъ подозрительны, хотя нельзя сказать, чтобы были неожиданны. Отсутствіе подобныхъ данныхъ чувствовалось мною во все продолженіе моего труда, но я получилъ о нихъ первое извѣстіе (не самыя еще данныя), уже тогда, когда трудъ мой былъ напечатанъ [3]). Ознакомившись съ ними, я ждалъ случая, чтобы воспользоваться ими для дальнѣйшихъ соображеній о происхожденіи сикуловъ и ихъ культурѣ. Случай этотъ и представляется мнѣ въ настоящую минуту. Но теперь у меня подъ руками не только частичныя дан-

[1]) См. Bullettino della Commissione archeologica comunale di Roma, 1898, p. 58, s. 99.

[2]) См. въ статьѣ „О происхожденіи сикуловъ", *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1897, ноябрь, стр. 10—12 отд. изд.

[3]) Раньше чѣмъ дошла до меня въ Петербургѣ *Notizie degli scavi* 1897 года, мнѣ сообщилъ о находкахъ Патрони гейдельбергскій профессоръ фонъ-Дунъ, получивъ мою брошюру „О происхожденіи сикуловъ". Вопросъ о сикулахъ въ то время интересовалъ его не меньше, чѣмъ меня, и потому понятенъ интересъ, съ какимъ онъ отнесся къ много обѣщавшимъ раскопкамъ въ Базиликатѣ. Самый отчетъ Патрони въ *Notizie degli scavi* дошелъ до меня въ Петербургѣ нѣсколькими мѣсяцами позже.

ныя печатавшагося въ разное время отчета, но и цѣльная работа, сосредоточенная на одномъ пунктѣ раскопокъ, подъ заглавіемъ „Un villaggio Siculo presso Matera nell'antica Apulia" и напечатанная въ VIII томѣ (1898 г.) *Monumenti Antichi*, издаваемыхъ римскою академіей линчеевъ, и даже отдѣльный экземпляръ этой работы, любезно присланный мнѣ авторомъ изъ Неаполя, что́ даетъ мнѣ возможность писать эти строки не въ библіотекѣ германскаго института или въ національной библіотекѣ Виктора-Эммануила, такъ какъ подобныя изданія, какъ *Monumenti Antichi*, на домъ не выдаются, а за письменнымъ столомъ въ своемъ кабинетѣ. Но только, какъ мы увидимъ, добытыя Патрони данныя далеко не оправдали тѣхъ ожиданій, какія, при первомъ извѣстіи о нихъ, были съ ними связаны.

Посланный для раскопокъ на счетъ суммъ неаполитанской дирекціи, завѣдывающій раскопками въ южной Италіи, Патрони послѣ посѣщенія разныхъ мѣстностей древней Луканіи [1]) и Апуліи, о которыхъ онъ сообщилъ свѣдѣнія въ своемъ отчетѣ въ *Notizie degli scavi*, 1897 (мартъ, апрѣль, май), и остановился на окрестностяхъ Матеры, именно на Murgia Timone, гдѣ уже были находимы предметы глубокой древности. Тутъ то онъ и нашелъ слѣды того древняго поселенія, которое называетъ „сикульскою деревней" и которому посвятилъ особое изслѣдованіе.

Что тутъ было очень древнее поселеніе, это несомнѣнно. Объ этомъ свидѣтельствовали не только остатки каменныхъ орудій (кремневые наконечники стрѣлъ и копій), и осколки грубой посуды, дѣланной безъ гончарнаго станка и обожженной на вольномъ огнѣ, но и каменныя основанія хижинъ, такъ называемыхъ у итальянцевъ fondi di cappane, круглой формы. Въ серединѣ этихъ каменныхъ основаній находится дыра, но не для очага, такъ какъ слишкомъ узка, а очевидно для столба, служившаго для поддержки кровли, которая должна быть коническою. Хижины такого вида не встрѣчаются или, по крайней мѣрѣ, не встрѣчались до сихъ поръ въ доисторической Италіи. Поэтому Патрони, не желая оставлять ихъ въ исключительномъ положеніи, находитъ для нихъ родственницъ въ Африкѣ у готтентотовъ, обитателей Огненной земли, у населеній галласовъ и сомаловъ, у негровъ юго-западной Африки, наконецъ, у ашантіевъ, и въ заключеніе замѣчаетъ, что эти коническія хижины,

[1]) Сюда между прочимъ относятся: Atena-lucana съ остаткомъ древней стѣны и Sala Consilina съ могильною утварью VI ст. до Р. Хр.

какъ это вообще показываютъ наблюденія этнографовъ относительно такого рода хижинъ, строятся или образуя собой кругъ, или въ разсыпную, но не по прямой линіи, какъ это бываетъ съ четвероугольными хижинами. Именно восемь изъ найденныхъ Патрони хижинъ были построены кружкомъ, остальныя въ разбросъ. „Вѣроятно", замѣчаетъ онъ, „первыя образовали первоначальное ядро поселенія, которое потомъ расширялось съ возникновеніемъ новыхъ жилищъ". На это мы съ своей стороны замѣтимъ, что были ли тѣ хижины, которыя онъ нашелъ, первоначальнымъ ядромъ, или нѣтъ, мы не знаемъ, но знаемъ то, что устройство хижинъ не похоже на то, что мы знаемъ о сикульскихъ хижинахъ въ Сициліи, которыя, имѣя круглое основаніе, сидѣли въ то же время глубоко въ землѣ [1]), какъ и вообще хижины лигурійскаго племени [2]), у которыхъ въ серединѣ устраивалась яма для очага [3]), ничего подобнаго, выложенные камнемъ круги, составлявшіе основанія до-историческихъ хижинъ Мурджіи Тимоне намъ не представляютъ. Во всякомъ случаѣ тутъ, то-есть, въ этомъ пунктѣ, еще нѣтъ основаній говорить о сикульской деревнѣ въ окрестностяхъ города Матеры. Но мы только еще коснулись сообщенія Патрони. Поэтому всякіе выводы о результатѣ его раскопокъ преждевременны.

Какъ и естественно было ожидать, около до-исторической деревни нашлись и до-историческіе отбросы. Среди нихъ нашлись: малыхъ размѣровъ топоръ изъ обсидіана, ножъ изъ бѣлаго халцедона, топоръ изъ неизвѣстнаго мнѣ минерала, ſtanite, хорошо сохранившіеся остатки ручнаго жернова, остроконечныя орудія изъ кости, разные кремневые осколки и многочисленные осколки большихъ сосудовъ съ толстыми стѣнками, дурной пасты, грубой работы, но при нихъ нашлась ручка съ боковыми изгибами и грубыми линейными украшеніями въ нижней части, а также ножка. Нашелся и небольшой сосудъ съ вывороченными губами и съ маленькимъ ушкомъ лучшей пасты и работы. Вся эта керамика имѣла своимъ матеріаломъ красноватую глину. Но рядомъ съ нею есть осколки и изъ темной глины. Тутъ обращаетъ на себя вниманіе высокая ручка отъ чашки въ видѣ широкой ленты, но

[1]) См. у Орси въ его примѣчаніяхъ къ сообщенію проф. Риццо о сикульской деревнѣ въ Канателло въ *Bullett. di paletn. Ital.*, 1897 (XXIII), p. 113.

[2]) См. у Колини въ его „Il sepolreto di Remedello-Sotto" etc. въ *Bullett. di paletn. Ital.*, 1898, p. 102 sqq.; въ отд. изд. p. 61 sqq.

[3]) См. у Пинцы въ его „Le Civiltà primitive de Lazio" въ *Bullettino della Commissione archeologica comunale di Roma*, 1898, p. 60.

съ небольшимъ круглымъ отверстіемъ посрединѣ, напоминающимъ извѣстную ручку Фразасси. Патрони не сомнѣвается, что весь этотъ матеріалъ относится къ отдаленнѣйшей эпохѣ [1]), хотя, по его же замѣчанію, населеніе его до-исторической деревни уже получало предметы привозной (морской) торговли, между прочимъ бронзовыя украшенія. Отдаленная древность этихъ остатковъ, если бы она нуждалась въ доказательствахъ, свидѣтельствуется, по замѣчанію автора статьи „О сикульской деревнѣ близъ Матеры", и присутствіемъ среди этихъ остатковъ кости какого то большаго млекопитающаго „неопредѣленнаго вида".

Но если бы глубокая древность отбросовъ Мурджіи Тимоне, въ которыхъ попадается ручка типа Фразасси, и не возбуждала нѣкотораго сомнѣнія, то во всякомъ случаѣ содержимое этихъ отбросовъ не больше придвинуло насъ къ сикуламъ Сициліи, чѣмъ основанія хижинъ, о которыхъ мы только что говорили. Заключеній, однако, мы и тутъ не дѣлаемъ. Передъ нами цѣлый рядъ важнѣйшихъ памятниковъ, заключающихся въ изслѣдованныхъ г. Патрони могилахъ.

Близъ „сикульской деревни" нашлось три могилы, изъ которыхъ одна двойная; слѣдовательно—всѣхъ четыре. Форма могилы № 1 представляется въ видѣ *четырехъ-угольнаго* колодца, расширяющагося къ низу въ видѣ пирамиды. Въ южной стѣнѣ колодца находится отверстіе, въ видѣ дверцы или окошка, которое составляетъ входъ въ погребальную камеру. Вышина этого входа—m. 0,70, ширина m. 0,60. Камера также четырехъ-угольная, и мѣсто въ вышину полтора метра (1,52), въ длину m. 1,45 въ ширину—m. 2,60 въ серединѣ, m. 2,30—сзади. По мѣрѣ расчищенія колодца открывались скелеты и черепа. На глубинѣ m. 0,65 показались четыре скелета въ скорченномъ положеніи, съ скрещенными руками и каждый подъ большимъ камнемъ. Три черепа лежали головой къ сѣверной стѣнѣ, четвертый къ восточной. Выше уровня этихъ скелетовъ, какъ и на одномъ съ ними уровнѣ валялись обломки сосудовъ черной глины, преимущественно чашекъ. Всего нашлось въ разныхъ слояхъ колодца этой могилы 22 скелета. Слоевъ этихъ можно было подмѣтить три. Помѣщеніе такого количества покойниковъ на столь тѣсномъ пространствѣ показываетъ, что погребались лишь очищенные отъ мяса скелеты, какъ это мы видѣли въ Сициліи и какъ это практиковалось во

---

[1]) *Monumenti antichi* VIII, p. 440 (отд. изд. 20): „Non v'ha alcun dubbio che tutto questo materiale risalga ad epoca remotissima".

многихъ мѣстахъ у лигуровъ неолитическаго и энеолитическаго періода. Въ самой погребальной камерѣ, входъ въ которую оказался открытымъ и которая видимо служила обиталищемъ для хищныхъ животныхъ, лисицъ или куницъ, по предположенію Патрони, цѣльныхъ скелетовъ не нашлось, но зато огромная масса костей и не меньше 54 череповъ, большая часть которыхъ была не въ полномъ видѣ. Лучше сохранившіеся изъ нихъ были посланы для изслѣдованія римскому профессору Серджи, который нашелъ въ нихъ три разновидности [1]), но всѣ одного типа, средиземноморскаго, то-есть основнаго типа древнихъ италійскихъ поселеній, предшествовавшихъ водворенію арійскаго элемента, который у Серджи, вопреки принятой филологами и историками терминологіи, называется „иностраннымъ". Такимъ образомъ, какъ положеніе скелетовъ и погребеніе ихъ послѣ произведенной надъ трупомъ операціи очищенія его отъ мяса (scarnimento, по итальянски), такъ и характеръ череповъ, долихокефальный, заставляетъ видѣть въ населеніи Мурджіи Тимоне отрасль того самаго лигурійскаго или иберо-лигурійскаго племени, къ которому принадлежали сикулы; но тутъ еще нѣтъ полныхъ основаній для заключенія, что именно эта-то отрасль лигуровъ и перешла въ Сицилію, сдѣлавшись тамъ представительницей культуры, называемой сикульскою и начинающейся, какъ думаетъ (ошибочно) авторъ, со 2-го періода по счету Орси, о чемъ мы замѣчали раньше и къ чему еще возвратимся. Къ сикуламъ насъ тутъ приближаетъ форма могилы a forno, но гроты съ вертикальнымъ колодцемъ (pozzetto) для входа въ могилу, хотя и встрѣчаются въ Сициліи, въ провинціяхъ Джирдженты, Палермо и даже Сиракузы, не составляютъ, однако, наиболѣе типической особенности сикульскихъ могилъ, которая заключается въ горизонтальномъ устройствѣ погребальныхъ гротовъ въ стѣнахъ горъ, и извѣстны на островахъ Сардиніи, Пьянотѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Патрони даетъ подробное описаніе двухъ другихъ могилъ, изъ которыхъ одна двойная. Форма четырехъ-угольная. Погребальныя камеры въ нихъ помѣстительнѣе, чѣмъ въ могилѣ № 1. Длина одной изъ камеръ могилы № 2-й—m. 3,12, ширина m. 2,20, вышина въ среднемъ m. 1.80; длина другой камеры этой могилы m. 3,25, ши-

[1]) Ovoides, pentagoides и ellipsoides. Сдѣланное Серджи описаніе череповъ со всѣми ихъ измѣненіями приведено авторомъ тутъ-же подъ текстомъ статьи, на стр. 43—46.

рина почти такая-же, а вышина отъ m. 1,20, до m. 1,50. Длина камеры могилы № 3 только m. 2,80, но за то ширина ея—m. 3,80; высота m. 1,65. Могилу № 2 Патрони нашелъ давно расхищенною; относительно же состоянія, въ какомъ находилась могила № 3 въ моментъ ея разрытія, онъ не можетъ дать никакихъ опредѣленныхъ указаній, такъ какъ она была раньше раскопана другими безъ надлежащаго надзора. Такимъ образомъ погребальная утварь, на которую теперь намъ слѣдуетъ обратить вниманіе, представляется преимущественно могилой № 1.

Рядъ этихъ предметовъ погребальной утвари открывается въ описаніи автора *бронзовыми* предметами, которые не могутъ ничего говорить о народности населенія, ихъ потреблявшаго, такъ какъ это предметы привозные. Они говорятъ только, что эпоха, которую мы созерцаемъ въ этихъ могилахъ, не ранняя. Это кольца изъ бронзовыхъ нитей, нѣкоторыя виты спиралью, витые спиралью диски, выбитыя изъ бронзы бляхи для украшенія, на чтò указываютъ дырочки, кинжалъ или ножъ съ черенкомъ и съ частью ноженъ—все изъ битой бронзы, слѣдовательно не ранняго бронзоваго періода. Затѣмъ слѣдуютъ продыравленные шарики изъ стекляной пасты, служившіе для ожерелья, хотя Патрони считаетъ болѣе вѣроятнымъ, что по бѣдности населенія они скорѣе служили ему въ видѣ отдѣльныхъ привѣсокъ къ другимъ шейнымъ украшеніямъ или же просто хранились въ отдѣльныхъ зернахъ, какъ рѣдкость. Малочисленность найденныхъ въ могилѣ такихъ шариковъ (15), по видимому, оправдываетъ это предположеніе. Отсюда то-же слѣдуетъ сказать и относительно шариковъ изъ смолистой пасты, которая при химическомъ анализѣ не была признана янтаремъ. Этихъ шариковъ или зеренъ найдено было всего около 30. Все это предметы иностраннаго ввоза,—не многочисленные, но свидѣтельствующіе о существованіи въ этихъ мѣстахъ, не очень удаленныхъ отъ Іоническаго моря, предметовъ иностранной торговли. Къ ней, конечно, нужно отнести и сферической формы зерна изъ cristal de roche, также съ дырочками, указывающими на ихъ употребленіе для ожерелій или въ видѣ отдѣльныхъ привѣсокъ. Но рядомъ съ привозными украшеніями тутъ находятся и мѣдныя. Таковъ желтоватый камешекъ въ формѣ трапеціи, служившій привѣской, таковы предметы изъ пастейныхъ дисковъ съ отверстіями, кабаній зубъ продыравленный и т. п.; къ этого рода украшеніямъ мѣстнаго производства относятся раковины.

Болѣе интереса представляетъ керамика. Патрони говоритъ, что

въ могилахъ онъ нашелъ керамику только темной пасты, которая состоитъ изъ смѣси жирной и нечистой глины съ известковыми элементами; разломъ ся губчатый, слѣдовательно, эта наста не хорошо сдавлена. Производство сосудовъ было ручное, обжигъ на большомъ огнѣ. Для муравы поверхности употреблялось натираніе еще горячаго сосуда жирными веществами. Въ зависимости отъ болѣе или менѣе неоднороднаго состава пасты и не одинаковаго обжига цехтъ наружной стороны переходилъ отъ черно-коричневаго къ красновато-темному. Но важно не это, а другое, именно то, что представляетъ собой эта керамика.

Тутъ слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что въ двухъ могилахъ, въ которыхъ она имѣется, она различна и представляетъ собой неодинаковую степень культуры; изъ третьей могилы имѣются только фибулы, которыхъ вовсе не даютъ двѣ другихъ могилы. Эти обстоятельства имѣютъ немаловажное значеніе. Впрочемъ сначала остановимся на самихъ данныхъ, которыя обусловливаютъ это значеніе.

Керамика могилы № 1 заключается въ кувшинахъ съ горлышкомъ, въ чашкахъ съ ручками и безъ ручекъ, далѣе въ большихъ сосудахъ для воды, замѣняющихъ наши кадки или бочки, съ двумя ручками, изъ которыхъ (въ двухъ имѣющихся сосудахъ) сохранилось по одной съ правой стороны, наконецъ въ маленькихъ чашечкахъ съ ручками лентой, но при этомъ съ круглою, а въ одномъ случаѣ съ трехъ-угольною дырой по серединѣ, которая служила къ тому, чтобъ можно было такую чашечку носить съ собой на веревкѣ для утоленія жажды вдали отъ дома у натуральныхъ источниковъ: такъ думаетъ Патрони, и не безъ основанія. Такимъ образомъ въ этой могилѣ намъ представляются лишь образчики посуды для питья, и надо думать, что лишь по случайности изъ сохранившихся обломковъ не могло составиться никакого экземпляра посуды для ѣды.

Такая посуда сохранилась въ могилѣ № 2, тамъ найдены, а именно во 2-й камерѣ, двѣ миски [1], обѣ съ большими ушками, двѣ другихъ, большей величины, но въ обломкахъ, съ ушкомъ, идущимъ непосредственно отъ губы сосуда [2] и одинъ обломокъ миски, типъ которой не легко опредѣлить, хотя видно, что она имѣла видъ полушарообразной [3]). Но большая часть сосудовъ и въ этой могилѣ имѣла

[1]) См. рисунки 93 и 94.
[2]) Рисунки 96 и 97.
[3]) Рисунокъ 98.

своимъ назначеніемъ содержать воду или быть орудіями для питья. Это—тазы, кружки, чашки и т. п. Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ на себѣ украшенія или выпуклыя, веревочныя, или нарѣзныя вмѣстѣ съ наколотыми (pointillé). Самый орнаментъ необыкновенно простъ: въ одномъ случаѣ такъ-называемые волчьи зубы, обращенные вверхъ, въ другомъ нѣчто въ родѣ меандра, что заставляетъ г. Патрони, по нашему мнѣнію, совершенно некстати, сказать о томъ, какъ шатко мнѣніе, что меандръ на италійской почвѣ есть продуктъ греческаго привоза: словно меандръ греческихъ вазъ и ряды точекъ на варварскомъ сосудѣ Апуліи одно и то-же. Изъ неорнаментированныхъ питейныхъ сосудовъ обращаетъ на себя вниманіе кружка съ высокою ручкой, выступающею вверху за края сосуда и поворачивающеюся къ его корпусу. Нашелся, наконецъ, обломокъ сосуда, сдѣланнаго на гончарномъ станкѣ, изъ чистой и хорошо обожженной глины: это заставляетъ Патрони предполагать, что могила была посѣщена съ цѣлью грабежа въ эпоху эллинистическую или по крайней мѣрѣ въ римскую [1]). Не знаю, не имѣлъ ли вліянія на такое предположеніе случай находки греческой или греководражательной эпохи, сдѣланной Орси въ одномъ изъ рудниковъ горы Табуто среди остатковъ энеолитическаго періода. Но только вполнѣ умѣстное тамъ заключеніе о вторженіи IX—VIII вѣка до Р. Хр. въ 14—15-й, которому неоспоримо принадлежалъ давно покинутый рудникъ, здѣсь можетъ имѣть лишь натянутое приложеніе, такъ какъ во-первыхъ отъ сосуда остался только осколокъ и во-вторыхъ, время, которому принадлежитъ могильникъ близъ Матеры, было временемъ, когда иноземныя вещи проникали туда путемъ торговли, какъ мы это видѣли уже на бронзовыхъ украшеніяхъ, и какъ еще дальше увидимъ, когда коснемся могилы № 3, къ которой мы и перешли бы сейчасъ, если бъ по пути не столкнулись съ однимъ замѣчаніемъ Патрони, котораго мы не можемъ оставить безъ вниманія.

Указавъ на то, что, въ то время какъ могила № 1 дала только сосуды для содержанія воды и для утоленія жажды, а могила № 2 доставила намъ и сосуды для ѣды, молодой неаполитанскій археологъ счелъ нужнымъ высказать по этому случаю свое мнѣніе о причинѣ положенія труповъ со скорченными ногами. Обыкновенно думаютъ, что такое положеніе, чаще всего на боку (по преимуществу, на лѣвомъ) есть положеніе человѣка спящаго, отдыхающаго. Для Патрони

---

[1]) См. *Bullettino di paletn. Ital.* 1898 p. 172.

же не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь надо видѣть положеніе человѣка, сидящаго за столомъ [1]). Такого мнѣнія держится и Петерсенъ, и не только держится, но и усиленно защищаетъ его [2]). Мы не станемъ входить здѣсь по этому вопросу въ полемику, которая отвлекла бы насъ отъ нашего предмета, и допускаемъ основательность мнѣнія Патрони и Петерсена относительно скелетовъ съ согнутыми ногами, находящихся въ сидячемъ или, лучше, въ полусидячемъ положеніи, какое встрѣчается и въ сицилійскихъ некрополяхъ [3]), и какое нанаблюдалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ лигурійскомъ населеніи Лаціума [4]). Можно также допустить значеніе скорченія ногъ для участія въ трапезѣ и по отношенію къ скелетамъ, лежащимъ на спинѣ, какими Патрони нашелъ скелеты въ pozzeto могилы № 1, гдѣ они лежали съ скрещенными руками [5]). Но какъ примирить такое мнѣніе съ положеніемъ на боку, то-есть, съ явно спящимъ положеніемъ человѣка? Что мертвый, какъ и спящій человѣкъ, проснувшись, можетъ захотѣть ѣсть, это другое дѣло: такое вѣрованіе относительно мертвыхъ сохраняется во многихъ мѣстахъ и понынѣ, и это оправдываетъ какъ заготовку для него ѣды и питья въ языческихъ могилахъ, такъ и тризны, справляемыя на могилахъ у христіанскихъ народовъ. Во всякомъ случаѣ положеніе спящаго у скелета въ скорченномъ положеніи нельзя отрицать по крайней мѣрѣ тогда, когда онъ лежитъ на боку; этого „спанья" не отрицаетъ и Петерсенъ, какъ видно изъ приведенной нами выше цитаты. Если же Патрони высказывается въ пользу своего мнѣнія такъ рѣшительно („a me

---

[1]) *Monum. Antichi* VIII, p. 496. „A me pare evidente, dopo le cose esfoste, che ci volesse dare allo scheletro la posizione, che l'individuo soleva assumere in vita durante il pasto.

[2]) *Mittheilungen* Германскаго института въ Римѣ 1898, p. 160 sqq. Онъ говоритъ: Die Mahlzeit und wozu anders als zur Mahlzeit *und Schlaf* werden jene Menschen daheim verweilt haben?—der Todten bezeungt uns das um sie aufgestellte vielen Ess und Trinkgeschirr (p. 161).

[3]) Напримѣръ, въ Мелилли въ могилахъ №№ 12 и 32 (Орси Bull. di pal. Ital. 1897, p. 111 и 120), въ Концо Пантано и др.

[4]) См. у Колини (въ *Bull. di paletn. Ital.*, 1898, p. 239), дѣлающаго ссылку на Ceselli, Scoperta di un sepolcro dell epoce neolitica alle Caprine. Roma, 1873: „Cadaveri e rano collocati *seduti*, guardando l'Oriente".

[5]) Бѣда только въ томъ, что скелеты Патрони, положеніе которыхъ онъ описываетъ, именно четыре скелета, встрѣченные имъ прежде всего, лежали каждый подъ большимъ камнемъ, ciascuno sotto un grande sasso. Очевидно, такое положеніе мало соотвѣтствовало идеѣ сидѣнія за столомъ.

pare *evidente*"), то онъ, по нашему мнѣнію, поступаетъ слишкомъ смѣло.

Но возвратимся къ своему предмету.

Могила № 3 была разрыта раньше Патрони, на счетъ д-ра Ридолы (Ridola), но разрыта была безъ соблюденія необходимыхъ правилъ и безконтрольно. Изъ нея сохранились только *бронзы*, находящіяся у означеннаго доктора: именно фибулы змѣинаго типа съ двумя глазками, обозначаемаго авторомъ tipo a drago, булавка отъ фибулы согнутая на саму себя per servire da spilla di sicurezza, кольцо для пальца змѣей со скрещенными головами, пуговочка изъ литой бронзы. Кромѣ того, тутъ же оказалась „новая или римская" желѣзная пряжка, нахожденіе тутъ которой Патрони старается объяснить „случайнымъ" проникновеніемъ съ верхнихъ слоевъ, такъ какъ трудно предположить ограбленіе могилы „въ виду нахожденія бронзъ".

Присутствіе въ этой могилѣ фибулъ такой сравнительно поздней формы, какова „fibula a drago con doppio occhiello", переноситъ насъ къ желѣзному вѣку, что̀ относительно Сициліи доказывалъ и самъ Патрони въ цитуемой имъ же здѣсь статьѣ „La fibula nella necropoli Siracusana del Fusco" [1]). Только страннымъ образомъ авторъ не хочетъ допустить этой хронологіи для своихъ фибулъ, найденныхъ въ могильникѣ Мурджіи Тимоне, относя ихъ здѣсь къ бронзовому вѣку. Такое стремленіе связано у него съ его теоріей о предшествованіи бронзовой культуры въ области Матеры передъ Сицилійскою, что̀, однако, ничѣмъ не подтверждается. Въ особенности могила № 3 разрушаетъ его теорію о древности археологическаго матеріала имъ найденнаго въ могильникѣ Мурджіи Тимоне, какъ и самого могильника. Чтобы поддержать защищаемый имъ фактъ этой древности, онъ на основаніи расчета о количествѣ скелетовъ, которыхъ по его предположенію (математическому), должно было быть въ четырехъ камерахъ 304 ($76 \times 4 = 304$), для населенія въ 18 хижинъ, слѣды которыхъ тутъ найдены, онъ полагаетъ, что эти четыре камеры служили мѣстомъ погребенія въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ съ нѣсколькими десятками, такъ что культурный матеріалъ, представляющій едва начало вліянія заморской торговли въ могилѣ № 1, имѣлъ время шагнуть далеко впередъ въ могилѣ № 3 и дойдти до змѣевидной фибулы съ двумя глазами. Авторъ полагаетъ, что сначала мѣстомъ об-

---

[1]) Въ *Bullett. di paletn. Ital.* 1896 (a. XXII).

щаго погребенія скелетовъ была 1-я могила; когда она наполнилась, вырыли вторую съ двумя камерами, а когда и эта наполнилась, вырыли третью, которая хронологически уже приблизилась къ желѣзному вѣку. Да и топографически эта могила является послѣднею отъ деревни, слѣдовательно—позднѣйшею.

Съ исторіей могильника, какъ ее рисуетъ г. Патрони, мы можемъ согласиться безъ затрудненія, именно въ томъ, что могила № 1 представляетъ самую раннюю его фазу, а могила № 3 самую позднюю, какъ пожалуй, и въ томъ, что могильникъ служилъ для употребленія долгое время, два столѣтія приблизительно. Но все-таки, древность его трудно считать такою, какою предполагаетъ ее Патрони. Неаполитанскій археологъ относитъ возникновеніе 1-й могилы за полторы тысячи лѣтъ до Р. Хр. Мы не будемъ слишкомъ останавливаться на томъ, что въ этой могилѣ встрѣчаются ручки съ отверстіемъ по серединѣ и съ ушами на верху, имѣющія почти полную аналогію съ такъ называемою ручкой Фразасси (изъ Анконской провинціи), которую Пигорини [1]) не безъ основанія относитъ къ началу желѣзнаго вѣка, какъ и экземпляры ея, найденные въ гротѣ Фелачи на ос. Капри, имѣющіе сходство съ ручками на сосудахъ изъ некрополя Суэссулы, относящагося какъ извѣстно, къ желѣзному вѣку: это предметъ спорный, такъ какъ подобныя ручки, какъ на это считаетъ нужнымъ указать Патрони [2]), найдены были Орси въ могильникахъ чисто бронзоваго періода,—въ Коццо Пантано и Оансѣ. Но мы должны имѣть въ виду, что и самая ранняя могила Мурджіи Тимоне, все-таки, представляетъ доказательства полнаго развитія въ ней бронзоваго періода, какими могутъ служить украшенія изъ битой и витой бронзы и бронзовый кинжалъ, въ ней найденный. Бронзовая эпоха въ Средиземно-морскихъ странахъ есть микенская эпоха. Расцвѣтъ этой эпохи тамъ на мѣстѣ, въ земляхъ, омываемыхъ волнами Эгейскаго моря, мы не имѣемъ права относить дальше половины втораго тысячелѣтія до Р. Хр. Поэтому требуется нѣкоторая смѣлость для того, чтобы переносить этотъ моментъ развитія бронзовыхъ украшеній и оружія въ такую сравнительно глухую часть южной Италіи, какова была западная Апулія, не имѣвшая морской торговли, переносить именно къ половинѣ втораго тысяче-

---

[1]) *Bullett. di paletn. Ital.* 1895 (a. XXI), въ статьѣ „La grotta Frasassi presso Fabriano“, p. 109 sqq.

[2]) P. 107 своего мемуара.

лѣтія. Гораздо болѣе осторожный Орси относитъ, какъ мы видѣли, *энеолитическій* періодъ горы Табуто въ Сиракузской провинціи не дальше, какъ за 35 — 34 столѣтія отъ нашего времени, то-есть, не многимъ дальше того времени, въ которое Патрони вводитъ бронзовыя украшенія и кинжалы въ окрестности Матеры. Мы могли бы, пожалуй, допустить, что Орси въ данномъ случаѣ беретъ слишкомъ позднюю дату для энеолитическаго періода, который, по приводимымъ имъ же археологическимъ даннымъ, равно какъ и по его же хронологіи, соотвѣтствуетъ до-финикійскому періоду ос. Кипра и Трои, соотвѣтствуетъ вообще первой половинѣ втораго тысячалѣтія до Р. Хр., но не видимъ основанія, чтобъ считать бронзовую культуру Мурджіи Тимоне древнѣе по времени соотвѣтствующей ей сицилійской, особенно когда мы возьмемъ во вниманіе весь комплексъ находящихся у Патрони археологическихъ данныхъ, которыя въ концѣ концовъ приводятъ насъ къ началу желѣзнаго вѣка, и это— въ теченіе двухъ съ небольшимъ столѣтій, положенныхъ самимъ Патрони на существованіе апулійской деревни близъ Матеры.

Дѣло въ томъ, что Патрони выработалъ себѣ взглядъ, будто бронзовая культура была принесена на Сицилію изъ южной Италіи и что, слѣдовательно, здѣсь она началась раньше, чѣмъ на островѣ. Она была, какъ онъ убѣжденъ, принесена туда уже готовою сикулами, съ прибытіемъ которыхъ и начался де въ Сициліи бронзовый періодъ. Мы то же въ своемъ трудѣ о сикулахъ заявляли соображеніе [2]), что сикулы, живя въ Италіи въ періодъ неолитической культуры, благодаря столкновенію съ пришельцами арійской расы, успѣли усвоить себѣ нѣкоторые начатки бронзовой культуры, съ которыми и явились на островъ, гдѣ мало-по-малу, подъ вліяніемъ иноземной торговли, и развилась у нихъ культура со всѣми особенностями бронзоваго вѣка, какъ ее представляютъ могильники Племмирія, Оаиса, Коццо Пантано и Панталики, въ которой она уже показываетъ признаки перехода къ началу желѣзной эпохи. Предположеніе наше, что сикулы начатки бронзовой культуры получили отъ столкновенія съ новою расой, вторгнувшеюся въ Италію изъ Средней Европы, можно оспаривать, тѣмъ болѣе, что лигурійское или, лучше, иберо-лигурійское племя, составлявшее коренное населеніе полуострова отъ Альпъ

---

[1]) См. въ статьѣ „О происхожденіи сикуловъ" (ноябрь, 1897), отд. изд. стр. 45.

[2]) Тамъ же, стр. 52 слд. отдѣльнаго изданія.

до Іонійскаго моря, имѣло, какъ оказывается, свой энеолитическій періодъ, о которомъ пишетъ теперь также интересное и основательное изслѣдованіе молодой римскій археологъ и этнографъ Колини. Можно, если кто такъ настроенъ, отвергать и самый фактъ перехода сикуловъ на ихъ островъ съ италійскаго материка, о чемъ повѣствуютъ греческіе историки, имѣя во главѣ Ѳукидида. Но требуется очень большая смѣлость, чтобъ отрицать фактъ, что весь процессъ отъ энеолитическаго періода, на какомъ застаютъ раскопки сикульское населеніе на восточной сторонѣ Сициліи, до своего полнаго подчиненія греческому вліянію, сикулы совершили на островѣ. Между тѣмъ Патрони въ извѣстной мѣрѣ отрицаетъ этотъ фактъ, утверждая, что сикулы принесли съ собой на островъ уже готовую бронзовую культуру, которую онъ только предоставляетъ имъ развить тутъ далѣе. Такъ поступить онъ имѣлъ бы право, еслибъ нашелъ для этого достаточныя данныя на самомъ островѣ. Но у него такихъ данныхъ въ распоряженіи нѣтъ; то, что ему дали могилы и отбросы Мурджіи Тимоне, не только не имѣетъ рѣшающаго въ его смыслѣ значенія, но представляется прямо недостаточнымъ для того, чтобы могло составиться вполнѣ опредѣленное заключеніе объ отношеніи этихъ данныхъ къ археологическому матеріалу, добытому Орси въ юго-восточной части Сициліи [1]). Достаточно и того, что форма могилъ Мурджіи Тимоне въ связи съ одинаковымъ погребальнымъ обрядомъ, общимъ впрочемъ иберо-лигурійскому населенію въ многихъ мѣстахъ Апеннинскаго полуострова, говоритъ намъ о племенной связи населенія этого послѣдняго съ населеніемъ Сициліи. Связь эта во всякомъ случаѣ настолько ясна, что Патрони могъ до извѣстной степени по праву назвать древнѣйшее поселеніе Мурджіи Тимоне „сикульскою деревней“.

3) Сиканы и Сикулы.

По древнему преданію, которое единогласно поддерживается греческими писателями, говорившими о до-исторической Сициліи, древнѣйшими обитателями Сициліи, если не считать баснословныхъ ки-

---

[1]) Неаполитанскій археологъ обѣщается въ особомъ трудѣ съ надлежащею полнотой и подробнымъ сравненіемъ сицилійскихъ археологическихъ данныхъ съ его данными доказать, что культура его „сикульской деревни“ близъ Матеры, представляетъ лишь болѣе древнюю фазу бронзоваго періода Сициліи. См. l. c., p. 103.

клоновъ и лестригоновъ, были сиканы. Θукидидъ, Филистъ и ихъ последователи утверждаютъ, что сиканы были по происхожденію иберы и что они прибыли въ Сицилію съ Иберійскаго (Пиринейскаго) полуострова. Сами же сиканы считали себя автохтонами на островѣ [1]).

Какъ появились въ Сициліи сиканы, то-есть, древнѣйшее населеніе острова, называвшееся сиканами, это вопросъ, еще не разъясненный. Пришли ли они изъ Италіи, какъ говоритъ преданіе, смѣшивая ихъ, повидимому, съ сикулами, пришли ли они изъ Иберіи, какъ то утверждаютъ поименованные греческіе писатели, или они появились на островѣ, пришедши туда прямо изъ Африки, какъ на этотъ счетъ мы высказывались въ статьѣ „О происхожденіи сикуловъ“ [2]), во всякомъ случаѣ древнѣе этого народа въ Сициліи намъ никакія данныя не указываютъ. Остатки палеолитической эпохи, особенно въ западной Сициліи, которая ближе къ африканскому материку, остатки, на которые въ первый разъ опредѣленно было указано Андріаномъ [3]), даютъ намъ поводъ думать, что сиканы появились на Сициліи еще въ четверичную эпоху, когда эта страна представляла собой еще часть Африки [4]), связанную съ нынѣшнимъ Тунисомъ, то-есть въ эпоху, недавнюю еще въ геологическомъ смыслѣ, но настолько почтенную въ исторіи распространенія человѣческаго рода, что племена, къ ней принадлежащія, не могли помнить потомъ о своемъ прибытіи въ извѣстную мѣстность и считали себя живущими тамъ отъ начала, то-есть автохтонами. Это была эпоха, когда вообще распространялось иберо-лигурійское племя по южной и западной Европѣ [5]). Будучи однороднымъ съ населеніемъ другихъ острововъ въ западной части Средиземнаго моря, лежащихъ теперь между

---

[1]) См. объ этомъ въ статьѣ „О происхожденіи сикуловъ“, ноябрь, 1897; отд. изд. стр. 12 слѣд.

[2]) См. тамъ же стр. 18 отд. изд. и опредѣленнѣе въ латинскомъ резюмѣ отд. изд., стр. 90.

[3]) Въ его „Praehistorische Studien aus Sicilien“, помѣщенныя въ *Zeitschrift für Ethnologie*, 1878 (Berlin).

[4]) За неимѣніемъ въ данную минуту подъ руками „Beiträge zur physischen Geographie der Mittelmeerländer“ Теобальда Фишера, укажу на его геологическо-географическій очеркъ Италіи въ итальянскомъ переводѣ проф. Ловеры (Lovera), подъ заглавіемъ: „Schizzo descrittivo d'Italia e caratteri fondamentali del suolo d'Italia“. Salò, 1895, p. 9.

[5]) Въ статьѣ „О происхожденіи сикуловъ“ (декабрь, 1897) я указывалъ на результатъ изслѣдованій въ этомъ смыслѣ Исселя въ его капитальномъ трудѣ: „La Liguria geologica e preistorica“ (Genova, 1892), II p. 356.

Пиринейскимъ и Апеннинскимъ полуостровами, древнѣйшее населенiе Сицилiи могло считаться греческими писателями иберiйскимъ, то-есть походить, на ихъ взглядъ, болѣе на населенiе Сардинiи, Балеарскихъ островов и Пиринейскаго полуострова, чѣмъ на лигурiйское населенiе Апеннинскаго полуострова и на отпрыскъ его въ Сицилiи—сикуловъ. Очевидно, этихъ послѣднихъ нельзя было смѣшивать съ сиканами даже въ эпоху, когда стали заниматься исторiей Сицилiи греческiе писатели, то-есть въ V вѣкѣ до Р. Хр., иначе они не проводили бы между ними рѣзкаго дѣленiя и не указывали бы разности ихъ происхожденiя. Фактъ этотъ надобно имѣть въ виду, когда говорятъ о культурной разницѣ и племенной близости этихъ двухъ народностей. Племенная близость существовала, но существовала и разница. Сиканы, то-есть древнѣйшее населенiе Сицилiи, всецѣло принадлежали острову; сикулы, болѣе новый элементъ, прибыли туда изъ Италiи.

Взявъ на себя задачу написать для парижскаго журнала *Anthropologie*, по просьбѣ его редактора, статью о доисторической эпохѣ Сицилiи, Патрони хорошо поступаетъ, что не пренебрегаетъ литературнымъ изученiемъ древности, какъ это часто случается съ палеэтнологами и археологами и признаетъ отдѣльность сикановъ и сикуловъ, приписывая тому и другому народу особую культуру, какъ и не могло быть иначе, коль скоро онъ, согласно съ литературнымъ преданiемъ, считаетъ несомнѣннымъ прибытiе сикуловъ въ болѣе позднее время изъ Италiи. Но при этомъ онъ, какъ нами уже было раньше замѣчено, рѣзко расходится съ Орси въ распредѣленiи того, что принадлежитъ сикуламъ. Орси, отдавая сиканамъ, то-есть болѣе древнему населенiю восточной части острова, неолитическую культуру, найденную имъ въ отбросахъ Стентинелло, начинаетъ сикульскую культуру съ энеолитическаго перiода могильниковъ Мелилли и Кастеллуччо. Патрони, становясь въ рѣзкое, чтобы не сказать—обидное противорѣчiе съ знаменитымъ сицилiйскимъ археологомъ, приписываетъ энеолитическую эпоху сиканамъ и дѣлаетъ это не въ видѣ предположенiя, а прямо и рѣшительно, озаглавливая главу объ энеолитической эпохѣ такъ: III. „Époque énéolithique (Sicanes)“. Слѣдовало ожидать, что онъ имѣлъ очень важныя основанiя отнимать у сикуловъ столь важный перiодъ ихъ до-историческаго бытiя и приписывать его племени, которое Орси нашелъ лишь обладателемъ чисто неолитической культуры. Но никакихъ важныхъ основанiй разрывать связь между энеолитическою и бронзовою культурой Сицилiи у него

безусловно нѣтъ. Это ему было доказано уже Петерсеномъ, который, разбирая [1]) его соображенія одно за другимъ, приводитъ ихъ большею частью къ нулю. При этомъ и критическій тонъ г. Петерсена идетъ въ уровень съ самоувѣренностью автора, приписывающаго энеолитическій періодъ одному народу, а бронзовый другому.

„Мы, говоритъ Патрони,—здѣсь, какъ въ другомъ мѣстѣ [2]), предложили и приняли безъ колебанія отожествленіе энеолитическаго вѣка съ вѣкомъ сикановъ, бронзоваго и желѣзнаго вѣка (въ восточной Сициліи) съ вѣкомъ сикуловъ исторіи. Перечислимъ основанія и факты, мотивирующіе это отожествленіе“ [3]).

Приступая къ разбору этихъ „основаній и фактовъ“, Петерсенъ [4]) говоритъ: „Если бъ аргументація была также тверда, какъ властный тонъ, въ какомъ она высказывается, то она была бы неоспорима“. Но вотъ и самыя доказательства г. Патрони:

1) „Могилы бронзоваго вѣка представляютъ значительныя видоизмѣненія, между прочимъ введеніе нишей, свидѣтельствующихъ о *новомъ похоронномъ обрядѣ*“.

Слабѣе этого доказательства и быть не можетъ. Видѣть новый похоронный обрядъ въ устройствѣ нишей, которыя, къ тому же, встрѣчаются иногда и въ могилахъ энеолитическаго періода, равно какъ и въ могилахъ Джирдженти, область котораго считается строго сиканскою, и часто не встрѣчаются въ могилахъ бронзоваго вѣка [5]), нѣтъ ни малѣйшаго основанія, тѣмъ болѣе, что самъ Патрони выставлялъ раньше на видъ, что этотъ „rite funéraire nouveau“ вводится постепенно, смѣшиваясь вначалѣ съ прежнимъ энеолитическимъ образомъ и постоянно пріобрѣтая новую почву“ [6]). Петерсенъ справедливо замѣчаетъ, что тутъ и совсѣмъ не можетъ быть рѣчи о „новомъ похоронномъ обрядѣ“, который, по его мнѣнію, можно бы было видѣть въ томъ случаѣ, еслибъ въ бронзовый періодъ былъ остав-

---

[1]) *Mittheilungen* Германскаго археологическаго института въ Римѣ, 1898, p. 171.

[2]) Патрони имѣетъ здѣсь въ виду свою брошюру: „Guida del R. Museo archeologico di Siracusa“, 1896.

[3]) *Anthropologie* VIII (1897), p. 313; отд. изд. p. 43.

[4]) *Mittheilungen*, 1898, p. 171.

[5]) Какъ напримѣръ въ большей части могилъ на островѣ Ѳансѣ, гдѣ, по вѣрному замѣчанію Петерсена, найдено больше всего микенскихъ вазъ, или въ Коццо Пантано, на что также указываетъ Петерсенъ.

[6]) *Anthropologie*, 1897, p. 295.

ленъ обычай скелетированія [1]) труповъ и хоронились бы трупы вмѣсто скелетовъ. Между тѣмъ прежній обычай продолжается еще долгое время. Такимъ образомъ, никакого новаго похороннаго обряда съ переходомъ изъ энеолитическаго періода въ бронзовый не произошло и, значитъ, первое основаніе теоріи Патрони совершенно отпадаетъ.

2) „Населеніе бронзоваго вѣка имѣетъ воинственный характеръ, котораго не достаетъ вѣку неолитическому". Доказательствъ для этого положенія, по нашему мнѣнію, совсѣмъ нѣтъ. Петерсенъ, съ своей стороны, указываетъ только на увеличеніе (въ бронзовый вѣкъ) ввоза металлическаго оружія, что, конечно, нисколько не говоритъ о новомъ народѣ, связанномъ съ бронзовымъ вѣкомъ. Въ раннюю эпоху (энеолитическую) у народа металлическое оружіе было рѣдкостью, въ эпоху развитія торговыхъ сношеній его стало больше. Какимъ образомъ это вызываетъ идею о новомъ народѣ? Петерсенъ не безъ остроумія замѣчаетъ: „Негры съ огнестрѣльнымъ оружіемъ остаются неграми, какъ были ими съ луками и стрѣлами".

3) „Керамика бронзоваго вѣка совершенно различна отъ неолитической. Полихромія вдругъ прекращается. Нѣтъ ни одного примѣра (?) связи сосудовъ типа Кастеллуччо съ сосудами типа Коццо Пантано, ни переходныхъ ступеней или посредствующихъ типовъ".

Петерсенъ и съ этимъ аргументомъ раздѣлывается также просто, какъ и съ предыдущими, опираясь на неоднократныя указанія Орси на родство керамики энеолитическаго періода съ бронзовымъ. Мы же, съ своей стороны, должны сказать, что это—единственное соображеніе Патрони, съ которымъ еще можно считаться. Въ самомъ дѣлѣ совершенное отсутствіе раскраски сосудовъ, господствовавшее въ предыдущемъ періодѣ, указываетъ на глубокую перемѣну въ культурѣ народа. Можно было бы ожидать, что съ увеличеніемъ культурнаго развитія раскраска сосудовъ не уничтожится, а усовершенствуется, обогатится новыми мотивами. Между тѣмъ она прекращается. Орси, какъ вслѣдъ за нимъ и Жоржъ Перро [2]), стараются объяснить такой

[1]) Этотъ обычай Патрони связываетъ съ энеолитическимъ періодомъ и слѣдовательно приписываетъ его сиканамъ, См. *Anthropologie*, p. 138. Но онъ видимо забылъ объ этомъ, когда писалъ мемуаръ о Villaggio siculo близъ Матеры, гдѣ всѣ найденные трупы были скелетированы и, по замѣчанію автора, даже вскорѣ послѣ смерти. См. въ раньше указанномъ мемуарѣ p. 508 въ *Monumenti Antichi*, 56 отд. изд.

[2]) Соображенія Орси и Перро подробнѣе приведены въ статьѣ „О происхожденіи сикуловъ" (ноябрь, 1897); стр. 47—48 отд. изд.

переломъ вліяніемъ металлической микенской посуды, которая стала образцомъ для подражанія въ приготовленіи глиняной посуды, а такъ какъ бронзовая посуда не знаетъ раскраски, то ее потеряла и глиняная. Соображеніе это безъ сомнѣнія, очень серьезно, но оно все-таки представляется недостаточнымъ. Его восполняютъ только немалочисленные (вопреки увѣренію Патрони) примѣры явнаго существованія переходныхъ формъ сосудовъ, соединяющихъ энеолитическій періодъ съ бронзовымъ, на что мы указывали выше, когда рѣчь шла о керамикѣ горы Табуто и Монтерачелло.

4) „Есть некрополи (напримѣръ Панталика), принадлежащіе частью бронзовому, частью желѣзному вѣку. Различныя группы могилъ сближаются, такъ что продолжающееся пребываніе одного и того же населенія на мѣстѣ удостовѣрено. Но *никогда* не находятъ энеолитическаго некрополя съ типическими могилами бронзоваго вѣка; напротивъ, перескакиваютъ къ желѣзному вѣку (на примѣръ Кастеллуччо и Тременуано). Это—самое поразительное доказательство исчезновенія безпрерывности существованія (continuité)“.

Этотъ аргументъ, съ виду такой сильный, на самомъ дѣлѣ совершенно несостоятеленъ. Можно, въ опроверженіе его, удовольствоваться замѣчаніемъ Петерсена: „Видимо, тутъ нѣтъ никакого новаго аргумента, но (онъ служитъ) лишь къ большему пониманію, какъ Патрони представляетъ себѣ смѣну сикановъ сикулами, хотя въ прямомъ противорѣчіи съ первымъ положеніемъ и съ приведенными въ напоминаніе къ нему фактами“.

5) „Мѣстности, которыя преданіемъ приписываются исключительно сиканамъ, вообще доставили лишь матеріалы, аналогическіе съ матеріалами Кастелуччо“...

Опроверженіе этого положенія находится въ примѣчаніи къ нему самого же Патрони, который долженъ былъ указать на сообщеніе Орси [1]) о новыхъ матеріалахъ, доставленныхъ въ Сиракузскій музей изъ территоріи Джирдженти и особенно изъ высѣченной въ скалѣ могилы въ Кальдаре, принадлежащей къ бронзовому вѣку. Тамъ есть и ниши, полукруглыя, и одноцвѣтныя (нераскрашенныя) керамики съ формами, „болѣе или менѣе аналогичными“, какъ выражается Патрони, съ экземплярами восточной Сициліи, то есть чисто сикульскими.

6) Напротивъ, южная Италія, хотя еще мало извѣстная, представляетъ не мало аналогій съ бронзовымъ и желѣзными вѣками Сициліи.

---

[1]) Въ *Bullett. di paletn. Italia*, 1897 (XXIII), p. 399.

Орси обнародовалъ произведенія примитивной керамики, найденныя въ калабрійскомъ Редмо и хранящіяся тамъ въ Museo civico (Bullettino di paletn., 1890, p. 47 стр.). Они имѣютъ очень большую аналогію съ сосудами Племмирія и Коццо Пантано. Могилы, аналогичныя съ могилами Сициліи, были указаны, хотя не въ опредѣленныхъ чертахъ, въ Базиликатѣ. Въ недавнемъ путешествіи, о которомъ будетъ данъ отчетъ, я не только призналъ существованіе этихъ аналогій, особенно съ могилами желѣзнаго вѣка, но и открылъ, близъ Матеры, могилу a forno типической формы сикульскаго бронзоваго вѣка съ ея небольшою горизонтальной нишей... Въ томъ же отчетѣ я разчитываю указать на керамику, съ такою же красноватою муравой, какъ въ Панталикѣ. Аналогіи эти должны быть поставлены въ связь съ преданіемъ, приписывающимъ сикуламъ и италійское происхожденіе".

Петерсенъ оспариваетъ значеніе фактовъ, говорящихъ объ аналогіи культуры населенія южной Италіи съ культурой сикуловъ, и обнаруживаетъ скептицизмъ, не оправдываемый данными, какія имѣются въ нашемъ распоряженіи. Съ этимъ методомъ систематическихъ придирокъ къ тѣмъ даннымъ, выводамъ и заключеніямъ, какія выходятъ изъ-подъ пера представителей противнаго взгляда, нельзя дойдти ни до чего положительнаго. Существованіе могилъ a forno одинаково какъ въ Сициліи, такъ и въ Базиликатѣ, гдѣ онѣ констатированы, несомнѣнно говорятъ о близости южно-италійскаго населенія бронзоваго вѣка къ сицилійскому и эта близость не ослабляется указаніемъ на то, что и на островѣ Пьянотѣ есть свои *forni*, какъ съ претензіей на остроуміе выражается германскій археологъ на римской почвѣ. Родство по крайней мѣрѣ, извѣстной части древнѣйшаго населенія юга Италіи съ сицилійскимъ, независимо отъ свидѣтельства Өукидида [1]) о томъ, что и въ его время еще живутъ въ Италіи Сикулы (εἰσὶ δὲ καὶ νῦν ἔτι ἐν τῇ Ἰταλίᾳ Σικελοί), вызывается въ нашемъ представленіи самимъ фактомъ географической близости обоихъ населеній и удобства сообщенія полуострова съ островомъ, и было бы болѣе удивительно, еслибъ его не было, чѣмъ существованіе данныхъ, его подтверждающихъ. И нѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшія раскопки въ Базиликатѣ и Калабріи сдѣлаютъ его яснымъ для всѣхъ и неопровержимымъ. Ошибка Патрони заключается не въ томъ, что онъ ищетъ аналогій тамъ, гдѣ онѣ естественны и предста-

---

[1]) VI, 2.

вляются сами собой уже изъ тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя добыты едва только начатыми раскопками, а въ томъ, что ему хочется доказать per fas et nefas, что южно-италійскій бронзовый вѣкъ предшествуетъ сицилійскому, когда ему на первый разъ было бы достаточно того, что существуютъ несомнѣнныя аналогіи между бронзовою и желѣзною кутьтурами у сикуловъ на островѣ и ихъ соплеменниковъ на полуостровѣ.

7) „Во всей южной Италіи нѣтъ ни одного черепка отъ сосуда, который бы походилъ на сосуды типическаго некрополя Кастеллуччо близь Ното (Сиракузы). Археологическій слой представляемый означеннымъ некрополемъ, составляетъ исключительную принадлежность Сициліи".

Тутъ Петерсенъ правъ, когда говоритъ, что этотъ аргументъ имѣетъ мало вѣса до тѣхъ поръ, пока сосуществованіе сосудовъ и 2-го періода (то есть бронзоваго) въ Италіи не лучше доказывается, чѣмъ какъ это дѣлаетъ Патрони въ 6-мъ доказательствѣ. И въ самомъ дѣлѣ мы не знаемъ, что могутъ дать въ южной Италіи раскопки, къ которымъ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ (если исключить окрестности Неаполя) почти не приступали. Правъ Петерсенъ и тогда, когда онъ прибавляетъ, что аргументъ обращается противъ тѣхъ, кто керамику Кастелуччо выводитъ изъ Италіи, чего однако никто еще не дѣлаетъ.

8) „Энеолитическій народъ не былъ знакомъ съ искусствомъ каменной постройки. Народъ бронзоваго вѣка, не будучи большимъ строителемъ, безъ сомнѣнія пріобрѣлъ извѣстные архитектоническіе принципы". Затѣмъ авторъ доказываетъ, что это искусство сооруженій изъ камня сикулы пріобрѣли отъ пелазговъ, которые будто бы изгнали ихъ изъ Италіи и которымъ принадлежатъ видѣнныя авторомъ пелазгическія стѣны въ Луканіи.

Дѣйствительно у Патрони одно произвольное заявленіе слѣдуетъ за другимъ безъ перерыва. И Петерсенъ вполнѣ правъ, заявляя, что, такъ какъ архитектоническіе начатки въ Сициліи оказываются тамъ, гдѣ находятъ микенскія вазы, и обнаруживаются прежде всего въ украшеніи на микенскій образецъ дверей, то ясно, откуда вышелъ толчекъ къ строительному искусству, изъ камня, и что принесеніе этого искусства, неизвѣстнаго въ Сициліи въ энеолитическій періодъ изъ Италіи, съ одной стороны, невѣроятно, когда оно легче всего могло быть принесено прямо моремъ, съ другой—ничѣмъ не доказано. Наконецъ, „хронологія преданія находится въ такомъ согласіи съ

хронологіей бронзоваго вѣка въ Сициліи, что этотъ аргументъ одинъ былъ бы достаточенъ для того, чтобы дать предложенному нами отожествленію высшую степень вѣроятности". Авторъ отвергаетъ хронологію Ѳукидида, какъ не считающуюся съ мѣстными преданіями и полагающую прибытіе сикуловъ въ Сицилію слишкомъ поздно (послѣ троянской войны), и говоритъ: „Но сицилійскіе писатели, которые безъ сомнѣнія принимали во вниманіе мѣстныя преданія, сравнивая ихъ съ датами греческой логографіи, всѣ согласно полагаютъ эмиграцію сикуловъ (изъ Италіи) приблизительно за столѣтіе до взятія Трои. Мы имѣемъ въ такомъ случаѣ промежутокъ отъ пяти до шести столѣтій, и выходимъ къ началу XIII или концу XIV вѣка до нашей эры. Это какъ разъ дата, пригодная для наиболѣе архаическихъ сицилійскихъ некрополей бронзоваго вѣка, гдѣ впервые начинаютъ появляться „микенскіе элементы".

Хронологическій аргументъ, приводимый г. Патрони, былъ бы очень важенъ въ рѣшеніи вопроса, если-бъ онъ опирался на какія-нибудь прочныя данныя. Но такъ какъ онъ исходитъ изъ даты троянской войны, отъ которой считаютъ въ данномъ случаѣ греческіе историки въ ту и другую сторону, незная ничего положительнаго о выходѣ сикуловъ изъ Италіи, то ясно, что аргументъ г. Патрони построенъ на крайне шаткой почвѣ и научнаго значенія имѣть не можетъ. Поэтому мы не удивляемся рѣзкому тону, въ какомъ по обычаю нѣмецкихъ ученыхъ въ подобныхъ случаяхъ, высказывается относительно такого аргумента г. Петерсенъ. Вотъ что говоритъ онъ: „Для того, чтобы быть въ состояніи строить такую аргументацію, требуется во всякомъ случаѣ имѣть больше вѣры, чѣмъ критики, требуется, вопреки новой исторической школы, противъ которой возстаетъ Патрони, давать цѣну каждому свидѣтельству самому по себѣ вмѣсто того, чтобы брать его въ общей связи, древняго преданія, требуется въ такомъ случаѣ и въ критикѣ рукописей снова, какъ было прежде, каждую рукопись оцѣнивать саму по себѣ. Такой поворотъ уже не разъ замѣчается въ Италіи, и во всякомъ случаѣ нужно, чтобы сначала умерла критика, прежде чѣмъ получать возможность распространенія „извѣстныя стремленія", о которыхъ еще будетъ идти рѣчь".

Такимъ образомъ, Патрони не удалось отнять у сикуловъ энеолитическаго періода, то есть 1-го періода Орси, и доказать, что новый народъ, пришедшій въ Сицилію, гдѣ жили до тѣхъ поръ сиканы, и получившій имя сикуловъ, явился туда прямо съ бронзовою куль-

турой, уже водворившеюся будто бы въ южной Италіи. Энеолитическій, 1-й періодъ, и бронзовый, 2-й періодъ жизни сикуловъ на островѣ, остаются между собой связанными, и теорія Орси остается непоколебленною. За нее вступилась и нѣмецкая наука въ лицѣ перваго секретаря Германскаго археологическаго института въ Римѣ. Но, оставаясь неуязвимою относительно сикуловъ, она продолжаетъ поддаваться ударамъ относительно сикановъ.

Какъ уже было сказано, культуру энеолитическаго періода Сициліи, Патрони приписываетъ сиканамъ, считая ее продолженіемъ того *до сикульскаго*, по Орси, неолитическаго періода, представителемъ котораго служатъ отбросы Стентинелло. И въ этомъ пунктѣ онъ не только не встрѣчаетъ со стороны Петерсена колкостей и опроверженій, но, напротивъ, полную поддержку. Петерсенъ называетъ „основательными" возраженія, которыя Патрони дѣлаетъ на стр. 139 и затѣмъ на стр. 145 своего этюда, которымъ мы только что занимались. Возраженія же эти заключаются во 1-хъ въ томъ, что „нельзя допустить" (?), чтобъ народъ энеолитическій, какимъ по теоріи Орси, пришли сикулы на островъ, могъ быть народомъ завоевателемъ, имѣя то же самое (каменное) оружіе, какимъ обладалъ народъ, подвергшійся его нападенію, и что, слѣдовательно, въ энеолитическую эпоху никакого вторженія на островъ Сицилію не было, а произошелъ переходъ изъ неолитическаго періода въ энеолитическій у сикановъ подъ вліяніемъ проникновенія на островъ элементовъ культуры Востока, во-2-хъ въ томъ, что главный или, лучше, единственный аргументъ, на который опирается Орси, именно что керамика неолитическаго и энеолитическаго періода совершенно различна и можетъ принадлежать лишь разнымъ народамъ, не состоятеленъ. Если Орси особенно напираетъ на то, что раскрашенная керамика энеолитическаго періода ниже нераскрашенной неолитической и что поэтому было бы странно видѣть народъ ухудшающимъ со временемъ выдѣлку своихъ сосудовъ, то Патрони заявляетъ, что худшій обжигъ раскрашенныхъ сосудовъ произошелъ именно отъ того, что ихъ стали раскрашивать; что же касается до орнаментальныхъ мотивовъ, то, если анализировать каждый мотивъ отдѣльно, самъ въ себѣ, окажется, что они очень сходны и можно удивляться, какъ были мало изобрѣтательны живописцы, раскрашивавшіе сосуды Кастелуччо. „Это все тѣ же связки линій въ зигзагахъ, ромбы и волчьи зубы, которые преобладаютъ въ керамикѣ Стентинелло. Есть только слабыя и рѣдкія попытки къ

обогащенію геометрическихъ формъ и къ подражанію формамъ растительнымъ" [1]).

Вотъ эти-то возраженія, грубость или, чтобъ выразиться мягче, натянутость которыхъ бросается въ глаза каждому, кто хоть немного знакомъ съ предметомъ, Петерсенъ называетъ *основательными!* Дѣло въ томъ, что эти „begründete Einwendungen" совпадаютъ съ собственнымъ стремленіемъ германо-римскаго археолога доказать постепенность развитія сицилійскаго орнамента изъ простѣйшихъ элементовъ на его первой степени въ болѣе сложную группировку ихъ на второй и третьей степени. Спора нѣтъ, онъ ведетъ свои доказательства очень искусно, привлекая къ дѣлу осколки неолитической посуды и изъ другихъ мѣстъ Сициліи (изъ кавернъ Виллафрате, и изъ Моарды близъ Монреале) въ провинціи Палермо, обнародованные частью Андріаномъ, частію Салинасомъ, и указывая на связь этихъ нарѣзныхъ или выдавленныхъ орнаментовъ съ керамическими орнаментами 2-го сикульскаго (бронзоваго) и даже третьяго періода, но не умѣя только справиться съ серьезною разницей между неолитическимъ и непосредственно слѣдовавшимъ за нимъ 1-мъ сикульскимъ періодомъ (энеолитическимъ). Безпомощность его въ этомъ случаѣ сказывается въ томъ, что съ одной стороны онъ ссылается на авторитетъ Патрони, находящаго, несмотря на различную технику, связь орнаментики Стентинелло съ раскрашенною орнаментикой Кастеллуччо; съ другой на самого Орси, который основательно видитъ въ керамикѣ 1-го періода черты, связывающія ее съ керамикой 2-го періода, а такъ какъ этотъ послѣдній, по доказательствамъ Петерсена, имѣетъ связь съ до-сикульскимъ, то, значитъ, имѣетъ съ нимъ связь и первый. Правда, трудно указать связь до-сикульскаго періода со 2-мъ сикульскимъ по формамъ сосудовъ, особенно потому, что изъ до-сикульскаго сохранилось очень мало цѣльныхъ сосудовъ, но за то есть формы сходныя между до-сикульскимъ и 1-мъ сикульскимъ періодомъ. Въ подробности аргументаціи Петерсена, очень кудрявой и, если угодно, тонкой, но не вполнѣ удобовразумительной, я не вхожу, такъ какъ считаю это въ данномъ случаѣ неумѣстнымъ. Но смыслъ ея тотъ, что напрасно искать какихъ-то сикановъ и приводить со стороны къ нимъ сикуловъ, когда такъ легко доказать постепенную эволюцію сицилійской культуры на керамикѣ, особенно на ея орнаментаціи. Это голосъ археолога спеціалиста въ орнаментикѣ, который

[1]) Anthropologie, VIII, p. 147—148.

увѣренъ, что при помощи *одной* его спеціальности и хитросплетенныхъ разсужденій о линіяхъ въ рисункѣ можно рѣшать съ одинаковымъ успѣхомъ какъ вопросы, касающіеся искусства, такъ и вопросы этнографическіе, историческіе, хронологическіе и т. д., а если это не удается, то лучше всего считать такіе вопросы не существующими. Какъ легко рвутся подобныя тонкія сплетенія, это доказалъ Петерсену Пигорини по поводу его статьи „Comparazioni fra le antichita le italiche egeo-micenei", напечатанной въ журналѣ послѣдняго (*Bullet. di paletn. Ital.*, 1897, p. 81 sqq.).

Но нельзя устранить изъ Сициліи сикановъ, которыхъ тамъ знали древніе, и въ лицѣ которыхъ мы видимъ тамъ древнѣйшее населеніе острова, какъ нельзя и устранить вопросъ объ отношеніи къ нимъ сикуловъ, которыхъ преданіе и греческіе историки приводятъ на островъ изъ Италіи. Археологически это отношеніе выражается памятниками, свидѣтельствующими о разныхъ культурахъ. Культура сикановъ—неолитическая, связанная съ погребеніемъ, а въ извѣстной степени и съ обитаніемъ въ натуральныхъ гротахъ [2]) и съ керамикой монохромною, но не лишенною извѣстной доброты по матеріалу, обжигу и даже полировкѣ и изящества, съ ихъ нарѣзными или выдавленными украшеніями не только въ видѣ прямыхъ линій, но и въ разной ихъ комбинаціи о чемъ у меня говорилось въ статьѣ „о происхожденіи сикуловъ" [3]) и образцы чего можно теперь легче всего видѣть въ статьѣ Петерсена [4]). Культура сикуловъ, сначала энеолитическая, потомъ бронзовая и желѣзная, съ перваго раза выразилась въ особомъ похоронномъ обрядѣ съ устройствомъ для покойниковъ искусственныхъ гротовъ съ погребальными камерами, предшествуемыми небольшими корридорами, камерами, воспроизводившими своимъ видомъ жилище и сообразно видоизмѣненіямъ послѣдняго переходившими отъ болѣе или менѣе круглой формы со сводами къ квадратной съ ровными потолками. Снаружи видъ этихъ могилъ имѣлъ свою типическую форму, названную италіанцами *печною* (поэтому —

---

[1]) Въ *Bullett. di paletn. Ital.* 1897, p. 86—89.

[2]) Еще недавно Орси открылъ одно изъ такихъ обиталищъ близъ Пахино (на юго-восточномъ берегу Сициліи) со множествомъ кремневыхъ ножей, костей, раковинъ и съ остатками ѣды. Остатки посуды представляются родственными съ найденными въ Стентинелло. См. *Notizie degli scavi*, 1898, p. 35.

[3]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1897, ноябрь; отд. изд. стр. 29.

[4]) *Mittheilungen*, 1998, pp. 163, 176 и 178.

tombe a forno). Внутри эти могилы, служившія сначала для цѣлыхъ семействъ покойниковъ, а съ теченіемъ времени все для меньшаго числа лицъ, и даже для одного лица, снабжались извѣстною утварью глиняною и металлическою, оружіемъ и личными украшеніями изъ бронзы, стекла, янтарной пасты и т. п. Въ энеолитическій періодъ и въ значительный промежутокъ бронзоваго покойники клались въ видѣ скелетовъ и притомъ въ скорченномъ или въ сидячемъ положеніи, а затѣмъ уже въ видѣ труповъ, распростертыхъ на спинѣ съ каменною подушкою подъ головой. Этотъ, продолжавшійся многія столѣтія и постепенно видоизмѣнявшійся въ своихъ внѣшнихъ формахъ, но въ сущности остававшійся однимъ и тѣмъ же, погребальный обрядъ видимо принадлежалъ одному и тому же народу, съ первыхъ временъ своего появленія на островѣ испытывавшему вліяніе иноземной торговли (до-микенской, микенской и греческой) и мало по малу утрачивавшему свои этническія особенности, чтобы съ теченіемъ времени всецѣло подчиниться эллинской образованности. Этотъ процессъ окончательнаго подчиненія эллинской культурѣ, составившій 4-й періодъ жизни сикуловъ, Орси прослѣдилъ на недавно изслѣдованномъ имъ некрополѣ Ликодіи Эвбейской [1]), гдѣ обнаруживается, съ какою могучею силой эллинская культура все болѣе и болѣе захватывала лишившееся самостоятельности или полунезависимое населеніе, которому Сицилія обязана своимъ названіемъ. Такое состояніе эллинизаціи сикуловъ продолжалось съ конца VIII съ половины V столѣтія до Р. Хр., когда о сикулахъ, потерявшихъ свой языкъ и даже названіе [2]), на островѣ уже нѣтъ болѣе рѣчи.

Какъ греки закрыли собой съ теченіемъ времени сикуловъ, такъ сикулы закрыли собой сикановъ, о которыхъ мы можемъ судить только по остаткамъ ихъ неолитической культуры, сохранившейся особенно въ западной части острова. Самое рѣзкое различіе между ними и сикулами, кромѣ типичнаго погребальнаго обряда у этихъ послѣднихъ, котораго и слѣда мы не находимъ у неолитическихъ обитателей Сициліи, заключается въ росписной посудѣ сикуловъ энеолитическаго періода, которая, представляя шагъ назадъ, сравнительно съ посудой Стентинелло и при-Палермскихъ естественныхъ гротовъ, въ каче-

[1]) См. его прекрасную работу, напечатанную въ *Mittheilungen* германскаго археологическаго института въ Римѣ, 1898, pp. 305—366, подъ заглавіемъ: „Le necropole di Licodia Eubea ed i Sassi geometrici del quarto periodo Siculo".

[2]) Diod., V, 6 въ концѣ.

ствѣ пасты и обжигѣ, тѣмъ не менѣе обнаруживаетъ совершенно особый характеръ вкуса и промышленности у населенія, ее производившаго. Но точно опредѣлить расовыя отношенія между сикулами и сиканами не легкое дѣло. Это уже видно изъ того колебанія, какое можно наблюдать въ Орси относительно опредѣленія своего положенія въ данномъ вопросѣ. Сначала [1]) онъ считалъ тотъ и другой народъ очень близкимъ по племени, но, разобравъ отбросы Стентинелло, онъ пришелъ къ заключенію [2]), что культура, обозначаемая этими отбросами принадлежитъ народу иберо-лигурійскаго племени, „родственному съ населеніемъ дальменовъ, но отличному отъ сикуловъ". Такое же заключеніе онъ дѣлаетъ и нѣсколько позже, когда разобрался въ археологическомъ матеріалѣ Мелилли, представляющемъ первую стадію сикуловъ на островѣ, и сравнивая его съ отбросами Стентинелло, заявляетъ, что этотъ послѣдній матеріалъ принадлежитъ „различному (отъ сикуловъ) племени и болѣе древнему, чѣмъ сикулы". Но затѣмъ въ статьѣ о сикульскихъ сосудахъ въ провинціи Джирдженти, признаваемой областью сикановъ, онъ выразилъ колебаніе въ другую сторону и сталъ находить, что не существуетъ никакой глубокой, существенной этнической разницы между сиканами и сикулами [3]). Наконецъ въ самое послѣднее время, подъ впечатлѣніемъ заявленій Патрони, отнимающаго у него энеолитическій періодъ въ пользу сикановъ, Орси уже говоритъ о „сикано-сикулахъ", „обитателяхъ до-эллинской Сициліи", какъ о представителяхъ одной и той же иберо-лигурійской расы, противопоставляя только ихъ общую „расу и культуру" расѣ и культурѣ такъ называемыхъ италиковъ, арійцевъ, съ которыми у нихъ нѣтъ ничего общаго въ устройствѣ могилы и въ похорономъ обрядѣ [4]). Онъ какъ бы уже и упрекаетъ Патрони, думающаго объ „этническомъ различіи между сиканами и сикулами" [5]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что совмѣстная жизнь въ теченіе столѣтій до того сгладила особенности сикановъ, что мы, начиная съ энеолитическаго періода, видимъ въ Сициліи однихъ сикуловъ, культуру которыхъ мы наблюдаемъ не только въ натуральныхъ гротахъ

---

[1]) *Bullet. di paletn. Ital.* 1889 (a. XV), p. 218.
[2]) *Bullet. di paletn. Ital.* 1890 (XVI), p. 198.
[3]) *Id. Bull.* 1891 (XVII), p. 75.
[4]) *Id. Bull.* 1895 (a. XXI), p. 84.
[5]) *Id. Bull.* 1898 (a. XXIV), p. 203.

провинцій Катаніи [1]) и Сиракузы [2]), но и на собственной территоріи сикановъ въ области Джирдженти (Агригента) [3]). Начатки этого сближенія мы видимъ уже и во время сохраненія сиканами своей культурной особенности, какъ напримѣръ въ слѣдахъ раскраски чернымъ по красному на нѣкоторыхъ осколкахъ сосудовъ грота Лаццаро близъ Модики, на посудныхъ осколкахъ изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ (Джераче, Виллафрати, Пьетрарока), изслѣдованныхъ Андріаномъ, Мауджини и другими, а равно и въ сближеніи самыхъ формъ керамики [4]). Иначе и быть не могло. Живя рядомъ, населенія по неволѣ сближаются. Какъ впослѣдствіи сикулы вполнѣ сблизились съ греками, слились съ ними въ языкѣ и культурѣ, такъ это было раньше и съ сиканами, принявшими, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго тренія съ своими сосѣдями, болѣе развитую культуру сикуловъ.

В. Модестовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) *Notizie degli scavi* 1898, p. 239: „La distinzione etnica fra Sicani e Siculi che egli (Patroni) crede di avere luminosamente provata, riceve dai nuovi rinvenimenti una evidente smentita".

[2]) Ibid., p. 222.

[3]) Ibid., p. 36.

[4]) *Bull. di paletn. Ital.* 1898 (a. XXIV), p. 1 sqq., 106 sqq.

[5]) См. разсужденія объ этомъ у Петерсена въ *Mittheilungen* германскаго археологическаго института, 1898, p. 180 sqq., и у Колини въ *Bulletino di paletn. Ital.* 1898, p. 286 sqq.

НАКАЗЫ ТРЕТЬЯГО СОСЛОВІЯ ВО ФРАНЦІИ ВЪ 1789 Г. [1]).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Давленіе и избирательная борьба въ приходахъ.

Приходскія собранія (assemblée de paroisse) были основною и коренною такъ сказать клѣтчаткой выборовъ. Здѣсь составлялись первичные наказы крестьянъ и горожанъ, здѣсь избирались ихъ излюбленные люди въ составъ окружныхъ собраній высшаго порядка, для сводки пожеланій всѣхъ поселковъ округа въ окончательные наказы, вручаемые депутатамъ 3-го сословія на генеральныхъ штатахъ. Въ приходскихъ собраніяхъ участвовало подавляющее большинство населенія Франціи, всѣ достигшіе 25-тилѣтняго возраста французы, внесенные въ податной окладъ (compris au rôle des impositions), что при тогдашнихъ общественныхъ условіяхъ сводилось почти къ всеобщей подачѣ голосовъ [2]).

Только здѣсь могъ высказаться простой народъ, несшій на своихъ плечахъ все бремя дорогой, плохо устроенной государственной машины и тягость разлагавшейся общественной организаціи. Поэтому въ нихъ, въ этихъ собраніяхъ, слѣдуетъ искать истинно народной подкладки знаменитыхъ „Cahiers", составленныхъ отъ имени французскаго народа.

---

[1]) *Продолженіе* см. августовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1898 годъ.

[2]) Таково общепринятое мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ списки не вносилась лишь голь-перекатная. Сельскіе батраки не составляли значительной группы населенія, городской пролетаріатъ былъ немногочисленъ, въ деревняхъ же въ податные списки были внесены сервы, половники, чиншевики, всѣ мало-мальски хозяйственные крестьяне.

I.

Первостепенную важность имѣетъ вопросъ, насколько могли приходскія собранія высказываться свободно и безъ стѣсненій? Невольно зарождается сомнѣніе, если принять въ соображеніе, что даже въ округахъ, при широкой возможности огласки, избиратели, сравнительно образованные и независимые, чувствовали тяжелую руку мѣстнаго начальства. Гдѣ же былъ удержъ хозяйничанью сильныхъ міра сего въ мелкихъ городкахъ и глухихъ деревушкахъ?

Все дѣло выборовъ, сверху до низу, было въ рукахъ судей. Въ приходскихъ собраніяхъ низшая судебная власть — мѣстные судьи были по закону необходимыми предсѣдателями и руководителями. Безъ ихъ засвидѣтельствованія или подписи ихъ замѣстителей, наказы и протоколы первичныхъ собраній признавались недѣйствительными. Такимъ образомъ уже на этой первой ступени народнаго представительства распоряжался человѣкъ, къ которому въ усиленной степени примѣнимо все, сказанное о значеніи лейтенантовъ въ окружныхъ собраніяхъ—руководство преніями въ глухой деревушкѣ съ невѣжественнымъ, почти безправнымъ народомъ, скованнымъ нуждой и связаннымъ сѣтью житейскихъ отношеній, слишкомъ легко могло свестись къ простому зажиманію рта.

Мало того, по особенностямъ своего общественнаго положенія, низшіе судьи почти во всемъ должны были стоять поперегъ дороги избирателямъ. Понятно, какъ неохотно они допускали разговоры о преобразованіи низшаго суда, злоупотребленія котораго были для судей источникомъ дохода. Между тѣмъ неустройство въ этой части было язвой французской деревни, однимъ изъ оплотовъ царившаго въ ней произвола и безпорядка. Правый судъ былъ, можетъ быть, единственною политическою гарантіей, доступною уму крестьянина. Въ самомъ дѣлѣ, о какой политикѣ могли толковать французскіе мужики на приходскомъ собраніи? Не о далекой Бастиліи, потерявшей уже прежнее значеніе и куда мужику все равно не попасть, такъ какъ расправа съ простонародьемъ была гораздо проще. Не о пресловутыхъ „lettres de cachet“, министерскомъ деспотизмѣ, непонятныхъ для первобытнаго ума политическихъ гарантіяхъ; не о дефицитѣ, упоминаніе о которомъ попало въ одинъ первичный наказъ въ искаженной формѣ „difficile“. Очевидно также, что крестьяне не могли разсматривать метафизическихъ основъ „конституціи“, какъ ее понимали книжники и политическіе

борцы XVIII вѣка. Очевидно, что тирады наказовъ, касающіяся такихъ предметовъ, были всецѣло дѣломъ рукъ образованныхъ редакторовъ, а народъ тутъ не при чемъ. О чемъ же могли толковать сами крестьяне въ отношеніи чисто политическомъ? Какъ видно изъ послѣдующаго, французскій мужикъ оправдалъ и на этотъ разъ пословицу: чтó у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Онъ жаловался на бѣдность и необезпеченность своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, въ связи съ произволомъ, которымъ была насыщена вся тогдашняя обстановка, особенно на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы.

Конечно жестокія черты общественныхъ и административныхъ нравовъ временъ Людовика XIV въ значительной мѣрѣ смягчились къ концу XVIII вѣка [1]); и это, несмотря на то, что оставались въ силѣ законы, отправлявшіе на галеры людей простаго званія за самыя ничтожныя провинности (вспомнимъ чудовищную организацію габели, при которой нарушители мелочныхъ правилъ относительно продажи или потребленія соли приравнивались почти къ фальшивымъ монетчикамъ; вспомнимъ строжайшіе указы противъ нищихъ, тучами бродившихъ по странѣ, при отсутствіи серьезной борьбы съ голодовками). Итакъ не будемъ сгущать красокъ; тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что вся общественная и административная атмосфера была насыщена произволомъ, противъ котораго безъ достаточнаго успѣха боролись тогда лучшіе представители самой администраціи и общества.

„Наказы 1789 г. сочувствуютъ королевской власти, но дышатъ ненавистью къ произволу“ [2]). Токвиль отмѣчаетъ вопіющіе случаи необезпеченности личности низшихъ слоевъ населенія и крайностей административнаго самоуправства въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго вѣка [3]).

---

[1]) *П. Н. Ардашевъ* („Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка“ см. „*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*“ за январь 1899), справедливо предостерегаетъ противъ огульно хвалебныхъ или наоборотъ отрицательныхъ приговоровъ относительно этихъ послѣднихъ годовъ на основаніи фактовъ, подобранныхъ „безъ разбора“ изъ различныхъ эпохъ, начиная отъ Людовика XIV. Старый порядокъ не былъ неподвижнымъ, строго опредѣленнымъ и застывшимъ строемъ, а представлялъ эволюцію. Поэтому нельзя при характеристикѣ временъ Тюрго ссылаться на случаи, происходившіе въ эпоху Кольбера.

[2]) *Tocqueville*. L'ancien régime et la Révolution (изд. 1887 г.) 410—413. 391.

[3]) *Poncins*. Les cahiers de 89. (Paris изд. 1887) 230. Авторъ — тенденціозный защитникъ стараго порядка; поэтому такое признаніе имѣетъ значеніе въ его устахъ.

На дурное обращеніе съ народомъ жаловались не только наказы 3-го сословія, но и привилегированныхъ; злоупотребленія административнаго усмотрѣнія отмѣчаются всѣми сословіями. Для наглядности представимъ яркій образчикъ такого порядка вещей, изображенный въ наказѣ деревни Messy, (Парижскаго округа).

Жители иронизируютъ по поводу распространенной въ ту эпоху моды на поощреніе земледѣльческихъ улучшеній посредствомъ премій и наградъ: лучшее средство поощрить земледѣліе „заключается въ приданіи значенія (considération) земледѣльцамъ, а не въ выдачѣ имъ медалей и жетоновъ"... „съ одной стороны имъ выдаютъ медали, съ другой — при малѣйшемъ сопротивленіи произволу (volontés arbitraires) низшихъ правительственныхъ властей ихъ тянутъ въ тюрьму"... „Нѣтъ! никогда феодальный режимъ не приносилъ столько вреда деревнямъ, сколько нынѣшній способъ управленія ими! Прежде, по крайней мѣрѣ, земледѣльцы зависѣли лишь отъ одного господина; нынче, если только по сосѣдству у нихъ есть люди съ положеніемъ (en place) и знакомые съ правительственными чиновниками, то земледѣльцамъ угрожаютъ на каждомъ шагу дорожною барщиной (corvée), которая не позволяетъ дать приличной обработки землѣ и доводитъ ихъ до самой ужасной нищеты. Они еще не могутъ выяснить, освобождены ли они отъ этого разорительнаго налога? хотя они отбываютъ „corvée" деньгами, имъ ежедневно напоминаютъ старыя повинности, выхлопотанныя частными лицами въ свою пользу". Въ видѣ примѣра жители указываютъ на двухъ сеньеровъ (M. d'Aguesseau et M. Lenoir) „которые пользуются репутаціей людей человѣколюбивыхъ". Одинъ построилъ себѣ замокъ и немедленно провелъ къ нему дорогу натуральною повинностью жителей; „такъ какъ онъ пользовался грознымъ вліяніемъ (crédit redoutable), то всѣ толпились на этой работѣ, боясь тюрьмы". Другой провелъ тѣмъ же способомъ дорогу къ своимъ двумъ мельницамъ, при чемъ это бремя было возложено въ 1781 году на 12 приходовъ, но соотвѣтствующія деньги начали взыскивать въ 1789 году, хотя эти приходы потерпѣли отъ градобитія 13-го іюля 1788 г. убытковъ свыше 800.000 ливровъ. „И этотъ самый годъ выбрали для уплаты corvée. Забрана была мебель земледѣльцевъ; въ виду ихъ великой нищеты, дальше не пошли. Судите по этому примѣру о спокойствіи, какое могутъ испытывать деревни!" Жители объясняютъ, что проведеніе дороги (мощеной) къ мельницамъ сдано съ подряда за 40.000 ливровъ, а между тѣмъ сосѣдній помѣщикъ провелъ подобный же путь

на свои средства за 8.000 ливровъ. „Отюда видно, что мы щедры, когда намъ это ничего не стоитъ. Какъ же, при такихъ пріемахъ, имѣть людей въ средѣ земледѣльцевъ? Нѣтъ, нужны рабы (serfs)"! [1]).

Эти жалобы, повторяемыя 14 лѣтъ спустя послѣ реформъ Тюрго, коснувшагося дорожной повинности, показываютъ всю силу мѣстнаго произвола, совершенно ускользавшаго отъ воздѣйствія центральной власти, но связаннаго съ ея неудовлетворительною организаціей.

Однако такое сложное и обобщенное понятіе, какъ произволъ, было чуждо народному міросозерцанію. Темный людъ тяготился неурядицей въ деревенскомъ быту, мелкими и крупными злоупотребленіями, отъ которыхъ не находилъ управы, необезпеченностью своихъ правъ, неопредѣленностью и крайнею растяжимостью своихъ обязанностей. Въ этомъ смыслѣ (но косвенно и безсознательно), темный народъ въ нѣкоторомъ родѣ подавалъ руку дѣятелямъ буржуазіи и передоваго дворянства, косвенно освящалъ усилія людей, провозгласившихъ права человѣка и гражданина [2]). Такова крестьянка Шампани, отвѣчавшая 12-го іюля 1789 года на разспросы Артура Юнга, что ей передавали, будто нашлись богатые люди, желающіе что то сдѣлать въ пользу бѣдныхъ [3]); дальше этого ея пониманіе не шло.

Наиболѣе непосредственные крестьянскіе наказы жаловались главнымъ образомъ на разнаго рода поборы, прижимки и утѣсненія [4]);

---

[1]) Сборникъ Лорана и Мавидаля „*Archives Parlementaires*" IV, 702. 703. Въ концѣ наказа жители повторяютъ, что безъ уничтоженія права охоты и т. д. „Не нужно пробовать поощрять земледѣліе и оживлять деревни".

[2]) *Шампіонъ* (*Edme Champion*. La France d'après les cahiers de 1789. Paris 1897), полемизируетъ съ историками, думающими, что французскіе крестьяне искали только равенства, а не свободы. Правда, приходскіе наказы часто не говорятъ о тѣхъ вольностяхъ, которыя окружные наказы хотятъ ввести въ конституцію, но, въ сущности, крестьяне „на свой ладъ" требуютъ того же, что и образованныя сословія. Шампіонъ справедливо указываетъ, что феодальныя права сводятся въ значительной степени къ разнаго рода запрещеніямъ и стѣсненіямъ свободы—защищаться отъ дикихъ звѣрей, огораживаться, снимать жатву до извѣстнаго времени, продавать вино, обращаться въ любую мельницу, держать собакъ, зажигать свѣтъ (за это приходилось платить въ Бретани и Провансѣ). Однимъ словомъ „все это сводится къ желанію свободы въ самой смиренной ея формѣ". Къ этому нужно прибавить, что различеніе политическихъ и соціальныхъ явленій должно приниматься весьма относительно: эти двѣ стороны всякаго историческаго событія взаимно одна другую обусловливаютъ.

[3]) On lui a dit qu'il y a des riches qui veulent faire quelque chose pour les malheureux de sa classe.

[4]) Они постоянно толкуютъ о свободѣ, но какой? Деревня Arcy-sur-Cure, напримѣръ, жалуется на притѣсненія сеньера, желаетъ „свободы для жатвы", „сво-

тутъ выступало требованіе суда доступнаго, скораго, праваго и милостиваго, чтобы можно было найдти въ немъ управу противъ этихъ золъ. Такое желаніе было тѣмъ живѣе, что, судя по многочисленности тяжбъ и процессовъ, французскій крестьянинъ очень охотно обращался въ судъ и съ чрезвычайнымъ упорствомъ защищалъ свои права, несмотря на судебную волокиту.

Но тутъ, при внесеніи въ наказъ требованій о преобразованіи юстиціи, приходилось считаться съ предсѣдателемъ—господиномъ судьой, прямо заинтересованнымъ въ сохраненіи старыхъ непорядковъ.

II.

Независимо отъ этого, въ предсѣдательствѣ судей на приходскихъ собраніяхъ заключалась другая, еще болѣе серіозная опасность. Дѣло въ томъ, что въ значительной части деревенской Франціи низшая юстиція была вотчинною (justice seigneuriale); сеньеръ [1]) назначалъ и смѣщалъ судью и понятно, что послѣдній всецѣло зависѣлъ отъ воли господина своего. Вслѣдствіе этого предсѣдатель приходскаго собранія стоялъ поперегъ дороги избирателей также и въ соціальномъ отношеніи, сталкиваясь съ грознымъ вопросомъ о феодальныхъ правахъ, имѣвшимъ рѣшающее значеніе въ послѣдующихъ событіяхъ.

Сеньеріальный судья по своему положенію долженъ былъ не только отстаивать вотчинную юрисдикцію, около которой онъ кормился, но и всю совокупность феодальныхъ правъ своего господина. Между тѣмъ ихъ упраздненіе составляло, если не исключительное содержа-

боды, на которую можетъ расчитывать всякій французъ". Они требуютъ не свободы вообще, а свободы въ каждомъ данномъ случаѣ, въ зависимости отъ притѣсненій, жертвой которыхъ они являются. (Сборникъ *Demay*. Cahiers des paroisses du bailliage d'Auxerre (Paris 1885) тексты наказовъ), см. также *Rey*. Cahiers de St.-Prix (Paris 1892) 207—209.

[1]) Чаще всего помѣщикъ, епископъ, аббатъ, наконецъ собирательныя единицы, какъ монастыри и города. Въ случаѣ тяжбы сеньера съ вассаломъ, господинъ являлся одновременно судьей (черезъ своего агента) и стороной. Злоупотребленія и безпорядокъ, вкравшіеся въ низшую юстицію, были жгучимъ вопросомъ для французской деревни прошлаго вѣка, какъ видно изъ богатѣйшаго архивнаго матеріала по этому предмету. Сфера распространенія сеньеріальной юстиціи и ея отношеніе къ району королевскаго суда не опредѣлены. Не сдѣлано даже попытки выяснить этотъ важный вопросъ.

ніе приходскихъ наказовъ [1]), то центральный пунктъ, около котораго вращалась избирательная борьба въ деревняхъ. Въ серіяхъ „B[a]" и „B III" національнаго парижскаго архива матеріалы, касающіеся первичныхъ собраній, почти цѣликомъ занимаются (прямо или косвенно), феодальными правами. Крестьяне подаютъ прошенія по этому предмету, прибавляя, что не посмѣли внести въ наказъ истинныя свои желанія изъ боязни отвѣтственности передъ судьей или фискальнымъ прокуроромъ. Далѣе десятками попадаются документы чрезвычайной важности—жалобы деревень или ихъ представителей на то, что требованіе приходскаго наказа объ отмѣнѣ сеньеріальныхъ правъ не было внесено въ окружной наказъ. Если присоединить сюда всевозможныя жалобы на давленіе, а также разъясненія, добавленія къ наказу, просьбы о скорѣйшемъ осуществленіи того, что крестьяне просили и т. п., то все это вмѣстѣ взятое составитъ очень внушительное дѣло, въ которомъ *сеньеріальный режимъ стоитъ на первомъ мѣстѣ*. Этотъ выводъ, прямо вытекающій изъ указаній архивнаго матеріала, подкрѣпляется совокупностью всѣхъ предшествующихъ и послѣдующихъ событій разсматриваемой эпохи.

Въ соціальномъ отношеніи переворотъ конца прошлаго вѣка былъ окончательнымъ торжествомъ буржуазіи надъ феодальными элементами старой Франціи. Замѣчательно, что именно наканунѣ своего крушенія феодальное начало сильно подняло голову и, не успѣвъ въ своихъ начинаніяхъ, возбудило сугубую ненависть, какъ буржуазіи такъ и народа. Консервативно настроенный Шере [2]) разъяснилъ, какъ много повредило дворянству и самому трону то общественное теченіе, которое онъ именуетъ феодальною реакціей (réaction féodale).

Послушаемъ также, что говорили современники. Въ офиціальной запискѣ, поданной Аженскимъ окружнымъ судомъ, по вопросу объ организаціи народнаго представительства, заявлено: „Конечно съ

[1]) Приходскіе наказы иногда полны литературныхъ украшеній и требованій, явно подсказанныхъ или навязанныхъ крестьянамъ; поэтому къ нимъ слѣдуетъ относиться съ крайней осмотрительностью. Между тѣмъ историки прямо классифицируютъ эти требованія и затѣмъ выдаютъ ихъ за желанія французской деревни! Гораздо прочнѣе и надежнѣе неофиціальный архивный матеріалъ, заключающійся въ разнаго рода жалобахъ, донесеніяхъ и т. д., косвенно относящихся къ тѣмъ же наказамъ.

[2]) *Cherest*. Chute de l'ancien régime (Paris, 1884). Въ высшей степени безпристрастный авторъ подошелъ къ революціи съ чувствомъ, скорѣе враждебнымъ, но примирился затѣмъ съ ея неизбѣжностью.

1614 года наши нравы измѣнились, гуманныя чувства замѣнили суровость феодальной системы; но по мѣрѣ смягченія нашихъ нравовъ, потребности наши увеличились, сословіе дворянъ умножилось и болѣе чѣмъ когда либо претензіи пріурочиваются къ дворянству и его привилегіямъ" [1]).

Особенно важное значеніе имѣлъ сравнительно мало разработанный историками вопросъ о такъ называемыхъ феодальныхъ правахъ, лежавшихъ на личности и имуществахъ крестьянскаго населенія. Этотъ пережитокъ старины получилъ новую жизненность именно въ послѣдніе, уже сочтенные, годы существованія старой Франціи.

Причины тому лежали въ хозяйственныхъ условіяхъ эпохи, въ связи съ окончательнымъ переходомъ къ денежному хозяйству. Быстро и неудержимо раззорявшееся дворянство искало новыхъ источниковъ дохода, съ своей стороны разночинцы, скупавшіе дворянскія земли и снимавшіе связанныя съ ними права, старались извлечь возможно большую выгоду изъ такихъ предпріятій.

Не говоря уже о кое гдѣ сохранившихся серваxъ или полузависимыхъ менмортабляхъ, крестьяне-собственники окрестныхъ съ имѣніемъ деревень, а также сидящіе на господской землѣ чиншевики [2]) (censitaires) и иные зависимые люди различныхъ категорій обязаны были отправлять въ пользу помѣщика различныя повинности деньгами, трудомъ и продуктами [3]). Замѣтимъ, что народолюбивая литература XVIII вѣка не помѣшала обостренію этихъ обязательствъ и отношеній, на нихъ основанныхъ. Особенно тяжело отзывалось на крестьянствѣ широко распространившееся явленіе возобновленія такъ называемыхъ „terriers", то-есть, описей доходовъ имѣнія, гдѣ перечислялись также повинности, лежавшія на крестьянахъ. Для приведенія имѣнія въ благоустроенный видъ и увеличенія его доходности, помѣщики содержали особыхъ спеціалистовъ (февдистовъ), извлекавшихъ изъ феодальныхъ архивовъ свѣдѣнія о всѣхъ когда либо ле-

[1]) Archiv. Nat. Ba 9 l. 2. 1°. B III 1, 23. Mémoire des officiers du sénéchal d'Agenois en faveur du tiers état de la sénéchaussée 17 Decembre 1788. Перепечатано у Мондепара.

[2]) М. М. Ковалевскій принялъ этотъ переводъ, какъ близко подходящій къ сущности дѣла.

[3]) Феодальная барщина (corvée seigneuriale) въ отличіе отъ дорожной повинности (corvée), выходила, впрочемъ, изъ употребленія. Однако Н. И. Карѣевъ, въ противоположность Токвилю, думаетъ, что она была все-таки болѣе распространена, чѣмъ принято полагать.

жавшихъ на крестьянахъ повинностяхъ, въ томъ числѣ давно вышедшихъ изъ употребленія или замѣненныхъ другими, новыми сборами. Ссылаясь на исторію, стали наваливать на крестьянъ всю совокупность въ разное время возникавшихъ правъ и тяготъ. Между 1786 и 1789 годами, по словамъ Шере, въ феодальной средѣ появляется странное, необычное движеніе; съ одного конца Франціи до другаго сеньеры приступаютъ къ провѣркѣ своихъ „titres", придумываютъ новые поборы и охотно вчиняютъ иски противъ своихъ вассаловъ. Феодальная реакція, происходившая буквально наканунѣ крушенія стараго порядка, была поэтому сущимъ бѣдствіемъ для народа—обстоятельство, недостаточно подчеркнутое большинствомъ историковъ, ограничивающихся глухимъ заявленіемъ, что въ XVIII вѣкѣ лично зависимыя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ почти исчезли, но за то нѣсколько обострилась денежная зависимость, вслѣдствіе нужды помѣщиковъ въ деньгахъ. Вопросъ о феодальныхъ правахъ составлялъ злобу дня въ массѣ деревень, запутавшихся въ безконечныя и чрезвычайно раззорительныя тяжбы съ владѣльцами; XVIII вѣкъ наполненъ подобнаго рода процессами и выборы 1789 г. застали помѣщиковъ далеко не въ ладу съ крестьянами. Невозможно поэтому, при изученіи выборовъ, не коснуться, хотя бы и мимоходомъ, вопроса о томъ, что такое представляли эти права и каково было ихъ значеніе въ послѣднія 15 лѣтъ существованія стараго порядка [1]).

Токвиль, несмотря на свои аристократическія симпатіи, далъ, съ свойственнымъ ему безпристрастіемъ, блестящую характеристику этого пережитка сѣдой старины, не думавшаго вымирать наканунѣ революціи. „Вообразите себѣ, пожалуйста, французскаго мужика въ XVIII в..... такъ страстно привязаннаго къ землѣ, что онъ тратитъ на ея покупку всѣ свои сбереженія и пріобрѣтаетъ ее за любую цѣну. Для этого ему сначала надо уплатить пошлину: не правитель-

---

[1]) Н. И. Карѣевъ въ 1878 году указалъ на общій недостатокъ разсужденій о феодализмѣ въ прошломъ вѣкѣ: историки разсматриваютъ его за 3 столѣтія, не выдѣляя извѣстія, относящіяся къ послѣдней четверти XVIII вѣка, изъ всѣхъ остальныхъ (Крестьяне и крестьянскій вопросъ стр. 85). Въ 1899 году другой русскій ученый, Н. П. Ардашевъ, открылъ ту же методологическую ошибку въ разработкѣ всѣхъ вообще вопросовъ, касающихся стараго порядка. Желательно, чтобы эти замѣчанія первостепенной важности, сдѣланныя на разстояніи 20 лѣтъ и одинаково вѣрныя, какъ въ 1878 такъ и въ 1899 году, перестали, наконецъ, быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

ству, а другимъ сосѣднимъ землевладѣльцамъ... Онъ владѣетъ наконецъ (этой землей) и вкладываетъ въ нее свою душу вмѣстѣ съ зерномъ. ...... Но вотъ приходятъ тѣ же сосѣди, отрываютъ его отъ поля и принуждаютъ идти работать въ другое мѣсто безплатно. Захочетъ ли онъ защитить урожай противъ ихъ дичи, тѣ же (сосѣди) препятствуютъ въ этомъ; они же поджидаютъ его при переправѣ черезъ рѣку, чтобы взыскать мостовыя пошлины. Онъ встрѣчаетъ ихъ снова на рынкѣ, гдѣ они продаютъ ему право продавать свой собственный урожай и когда, вернувшись домой, онъ хочетъ обратить на свое потребленіе остатки ржи, той ржи, которая выросла на его глазахъ и отъ труда его рукъ, онъ не можетъ этого сдѣлать иначе, какъ пославъ ее молоть на мельницу и отправивъ печь въ пекарню тѣхъ же самыхъ людей. Часть дохода отъ его маленькаго участка обращается въ ихъ пользу и все это не можетъ подлежать дѣйствію давности и не можетъ быть выкуплено. Что бы онъ ни сдѣлалъ, онъ вездѣ встрѣчаетъ на своей дорогѣ этихъ неудобныхъ сосѣдей, смущающихъ его удовольствіе, стѣсняющихъ его трудъ, съѣдающихъ его продукты; когда же онъ покончилъ съ ними, являются другіе, одѣтые въ черное (духовенство), и отбираютъ лучшую часть жатвы. Вообразите себѣ положеніе, потребности, характеръ, страсти этого человѣка и расчитайте, если можете, сокровища ненависти и зависти, накопленныя въ его сердцѣ [1])". Токвиль касается здѣсь только незначительной части феодальныхъ правъ, не упоминая о самыхъ существенныхъ въ экономическомъ отношеніи—о цензѣ и шампарѣ. Но и сказаннаго вполнѣ достаточно для того, чтобы имѣть понятіе объ ихъ тягости.

Историки, раздѣляющіе взгляды Токвиля, но не обладающіе его глубокимъ знаніемъ эпохи и лишенные его высокаго безпристрастія [2]), склонны считать жалобы на феодальныя права преувеличенными и ищутъ центръ тяжести народной бѣдности въ государственномъ податномъ обложеніи.

Но эти разсужденія должны считаться устраненными съ появленіемъ работы Н. И. Карѣева [3]) о крестьянскомъ вопросѣ въ XVIII

---

[1]) *Tocqueville.* L'ancien régime et la révolution кн. II, гл. 1.

[2]). Таковъ Понсенъ (*Poncins.* Les cahiers de 89) авторъ извѣстнаго сочиненія, не имѣющаго научнаго значенія. Авторъ на стр. 137 и 1324 (изд.1887 года) между прочимъ развязно, со словъ Лаверня, заявляетъ, что крѣпостное право сохранилось только среди крестьянъ монастыря св. Клавдія на Юрѣ. Между тѣмъ въ самыхъ „cahiers" можно найдти опроверженіе этихъ словъ.

[3]) Разныя „Histoire des paysans" составлены безъ всякаго историческаго

вѣкѣ и окончательно теряютъ значеніе послѣ труда М. М. Ковалевскаго о происхожденіи современной демократіи.

Тягость феодальныхъ правъ не можетъ и не должна опредѣляться въ цифрахъ. Дѣло заключалось не только въ обремененіи крестьянскаго хозяйства добавочными и въ этомъ смыслѣ непосильными расходами, а въ подрывѣ самой *доходности* и успѣшности веденія этого хозяйства.

Такъ внесеніе шампара, то-есть уступка сеньеру части урожая въ натурѣ, сопряжено было съ разными неудобствами для крестьянскаго хозяйства: земледѣлецъ терялъ золотое время, ибо не могъ начать уборки хлѣба, не извѣстивъ объ этомъ сеньера впередъ за 24 часа, кромѣ того онъ иногда обязанъ былъ самъ вывезти господину отходящую ему долю жатвы, наконецъ земля истощалась, такъ какъ господинъ отбиралъ часть соломы, нужной для удобренія. Кое-гдѣ, а можетъ быть и во многихъ мѣстахъ, сохраняло еще силу право сеньера опредѣлять время жатвы (ban pour les moissons).

Повсемѣстно и полновластно распространенное право охоты какъ королевской, такъ и сеньеріальной, прямо подрывало доходность крестьянскаго хозяйства; земледѣлецъ былъ стѣсненъ на каждомъ шагу: не имѣлъ права войдти въ свое поле, чтобы выдергивать сорную траву, не могъ даже косить траву, пока куропатка не выводила своихъ цыплятъ, не могъ огораживать своего поля и т. д. Крестьяне, которымъ строжайше было воспрещено убивать дичь на своихъ земляхъ, принуждены были ночью охранять урожай отъ безчисленныхъ зайцевъ и кроликовъ, буквально пожиравшихъ значительную часть полей, на которыхъ къ тому же сеньеры охотились до уборки хлѣбовъ; съ другой стороны охотничья стража (gardes) была безпощадна, народу воспрещалось держать собакъ или велѣно перебивать заднія ноги, подвѣшивать колодки и т. п., чтобы онѣ не гоняли дичи [1]). Что же касается десятины, то она лишала крестьянъ со-

метода и безъ достаточной фактической обосновки. Въ общемъ, среди большинства историковъ революціи поражаетъ полнѣйшее незнакомство съ политическою экономіей и чрезвычайная смѣлость въ обобщеніяхъ экономическаго характера. Послѣ Карѣева едва ли не единственными *учеными* работами въ томъ же направленіи слѣдуетъ считать труды М. М. Ковалевскаго и И. В. Лучицкаго, то-есть опять таки русскихъ ученыхъ, почти неизвѣстныхъ на Западѣ до самаго послѣдняго времени.

[1]) Жалобы на право охоты составляли общее мѣсто въ наказахъ, современныхъ прошеніяхъ, запискахъ, публицистикѣ. О вредѣ его см. въ особенности у Карѣева, Cherest (II 525—530), Ковалевскаго.

ломы, нужной для унавоженія земли, препятствовала своевременной уборкѣ хлѣба, служила тормазомъ для перехода къ травосѣянію и другихъ улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ, между тѣмъ какъ въ литературѣ и земледѣльческихъ обществахъ царила мода на улучшеніе культуры, а на очереди дѣйствительно стоялъ вопросъ о поднятіи доходности земли [1]). Отдѣльные феодальные денежные сборы были не высоки сами по себѣ, но общая ихъ сумма становилась въ итогѣ чрезвычайно внушительной.

Самая организація ихъ взиманія порождала неисчислимое количество золъ. Такъ цензъ, самъ по себѣ не особенно высокій, сопровождался разными побочными поборами, становился совершенно непосильнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сеньеръ пользовался своимъ правомъ взыскивать единовременно недоимки по цензу за 29 лѣтъ назадъ. При покупкѣ земли плательщики налога „lods et ventes“ въ пользу помѣщика не были достаточно обезпечены въ прочности покупки. Запутанность земельныхъ правъ на почвѣ феодализма порождала безконечные, раззорительные процессы, неувѣренность крестьянъ въ прочности своихъ правъ, въ законности возлагаемыхъ на нихъ обязанностей и нежеланіе поэтому вводить земледѣльческія улучшенія, о которыхъ такъ много и горячо говорилось въ модныхъ агрономическихъ обществахъ и книгахъ.

Крестьяне были опутаны прямо неимовѣрнымъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ обязательствъ въ пользу сеньера, начиная съ баналитета, то-есть обязанности молоть зерно, печь хлѣбъ и выжимать вино на сеньеріальныхъ мельницахъ, печахъ, точилахъ.

Перечислять всѣ эти права нѣтъ никакой возможности, (для этого нужны цѣлые тома спеціальныхъ изслѣдованій съ подробнымъ анализомъ мѣстныхъ особенностей, сообразно царившей въ старой Франціи крайней пестротѣ учрежденій и обычаевъ) [2]). Достаточно указанія

---

[1]) „La dîme tend à enrichir les riches et appauvrir les pauvres... Elle enlève les pailles, que les riches seuls peuvent racheter, et il s'ensuit que les terres engraissées par ces pailles s'améliorent progressivement, tandis que celles des pauvres, sans cesse dépaillées, deviennent de plus en plus mauvaises“ (наказъ Немурскаго бальяжа). „La récolte... exposée à l'intempérie des saisons... le cultivateur ne pouvant enlever ses grains avant que le receveur n'ait compté les gerbes“ (наказъ Этампа). Сборникъ Лорана и Мавидаля *Archives Parlementaires* IV, 192, III, 285.

[2]) Во многихъ работахъ производится нсколько краткій разборъ феодальныхъ правъ на основаніи наказовъ. Но эти перечисленія слишкомъ неполны, отрывочны, составлены безъ всякаго метода и представляютъ не изслѣдованіе, а иллю-

на ихъ многочисленность для того, чтобы понятно стало, почему вопросъ объ отмѣнѣ феодальныхъ правъ такъ сильно занималъ деревенскихъ избирателей въ 1789 году.

Особенно обострились отношенія помѣщиковъ и крестьянъ наканунѣ революціи также, въ виду борьбы изъ за общинныхъ крестьянскихъ угодій и сервитутныхъ правъ крестьянъ (usages) на землѣ помѣщиковъ, особенно права пастбища (vaine pâture, droit de parcours). М. М. Ковалевскій полагаетъ даже, что эта сторона дѣла имѣла болѣе серьезное значеніе, чѣмъ самыя феодальныя права, какъ таковыя.

Что феодальная реакція была въ самомъ разгарѣ именно наканунѣ крушенія всего стараго строя, видно изъ множества жалобъ крестьянъ во время выборовъ 1789 года.

Жители деревни Bez (Лангдокъ) сообщаютъ, что ихъ сеньеръ испросилъ черезъ интенданта ордоннансъ, лишившій вассаловъ права пасти козъ въ пустыряхъ, такъ что нечѣмъ больше кормить дѣтей [1]).

Отъ имени жителей Unzent (Пиринеи) подробно и высокопарно изложена борьба съ сеньеромъ, за послѣднія 40 лѣтъ, причемъ проводится параллель между прежнимъ и новымъ помѣщикомъ, но конечно далеко не въ пользу послѣдняго [2]).

Въ Lavelanet 20-го мая 1789 года жители офиціально вносятъ въ протоколъ, что въ настоящую годину бѣдствія сеньеръ только что запретилъ (vient de defendre) выгонять скотъ въ пустыри (terres vaines, vacants, bruyères et garrigues), несмотря на пользованіе крестьянъ этимъ правомъ испоконъ вѣковъ (de temps immémorial). Они грозятъ совершенно бросить землю, если сеньеръ не возвратитъ имъ права пастьбы и рубки сухолѣсья (pacage et lignérage), такъ какъ эта мѣстность (въ Пиринеяхъ) гориста, безплодна и очень холодна, а кромѣ того они платятъ сеньеру за „pacage et lignérage"; сеньеріальныя права постоянно усиливаются, начиная съ

страцію вопроса. Единственно цѣнную попытку научной разработки крестьянскихъ наказовъ представляетъ глава, посвященная этому вопросу у Ковалевскаго (Происхожденіе современной демократіи т. I). Изъ „иллюстрацій и эскизовъ" отмѣтимъ, какъ наиболѣе удачные: *Edme Champion.* La France d' après les cahiers de 1789 (Paris 1897) 138—154. *Idem.* Esprit de la Révolution (Paris 1887) 37—59. *Charmasse.* Cahiers des paroisses et communautés du bailliage d'Antun (1895. предисловіе 60—70. *Chassin.* Elections de Paris IV 57—62.

[1]) Archiv. Nat. B. III, 166, 819, 820, ст. 11 наказа, присланнаго Неккеру взамѣнъ офиціальнаго текста, вынужденнаго сеньеріальнымъ агентомъ.

[2]) Archiv. Nat. B. III, 168, 74—78.

1614 года: такъ увеличенъ размѣръ ценза, а шампаръ доведенъ до десятой части урожая (au dixième). *Въ послѣднія 15 лѣтъ* сеньеры хотятъ распространить взиманіе шампара на всѣ произрастанія (а не на одинъ хлѣбъ), напримѣръ на бобы и капусту, которую вассалъ кладетъ въ варево. (Quelle infamie!" восклицаютъ жители). Банальная мельница такъ плоха, что въ прошломъ году изъ за этого чуть было не разгорѣлся бунтъ; сами сеньеры въ имѣніи почти не показываются, но ихъ агенты, „эти существа, извлеченныя изъ грязи", являются всегда естественными врагами „вассаловъ", платящихъ, по словамъ наказа, въ 4 раза больше сеньеріальныхъ повинностей, чѣмъ королевскихъ налоговъ [1]).

Въ тѣхъ же Пиринеяхъ одинъ сеньеръ просилъ содѣйствія интенданта его претензіи на право отбирать языки всѣхъ убиваемыхъ воловъ, объясняя: „мы постепенно возобновили многія сеньеріальныя права" [2]).

Жители Mussy l'Evêque въ Шампани сообщаютъ Неккеру, что хотя они—свободные собственники аллодіальныхъ земель, тѣмъ не менѣе „ихъ свободѣ угрожаетъ опасность, уже имъ указываютъ на ложный и несправедливый принципъ—nulle terre sans seigneur" [3]).

Изъ жалобы города Рошешуара (Пуату) видно, что гнетъ феодальныхъ правъ сталъ усиливаться съ 50-хъ годовъ, выражаясь въ назначеніи муниципалитета, въ барщинѣ, баналитетѣ, отведеніи ключевой воды и т. д. [4]) и сопровождаясь абсентеизмомъ самого сеньора. Жители St. Maixans (Бордо) протестуютъ противъ возстановленія сеньерами старыхъ обязательствъ и желаютъ отмѣны (съ выкупомъ) баналитетовъ и заставныхъ сборовъ (péages) [5]). Въ томъ же краѣ жители Salles en Bush называютъ февдиста разбойникомъ и ужаснымъ грабителемъ; они обременены тяжелою сеньеріальною барщиной, сеньеръ, говорятъ они, „постоянно пытается лишить насъ права пасти тотъ немногочисленный скотъ, который у насъ остался"; 1-го февраля 1789 года онъ для огражденія своего права охоты произвелъ съ помощью

[1]) Archiv. Nat. B. III, 169, 378—428 наказъ и „délibération de la communauté de Lavelanet 20 mai 1789".

[2]) *Vidal.* Histoire de la Révolution dans les Pyrénées Orientales (Perpignan 1885) I, 40. M. de Blanes, seigneur de Millas.

[3]) Archiv. Nat. B. III 170, 1.141—1.150.

[4]) Ba 69 l. 162. 4°, 1°. B. III 171, 944 — 993. Requête des habitants libres de la ville de Rochechouart.

[5]) Archiv. Nat. B. III 172, 500—517

полиціи повальный обыскъ въ домахъ и отобралъ оказавшееся оружіе съ наложеніемъ 10 ливровъ штрафа на каждаго нарушителя запрещенія носить оружіе [1]). Жители мѣстечка Sommières (Лангдокъ) объясняютъ, что ихъ ярмарка и рынокъ опустѣли вслѣдствіе новаго сбора съ зерна, введеннаго предшественникомъ [2]) нынѣшняго сеньера.

Н. И. Карѣевъ извлекъ изъ архива цѣлый рядъ любопытныхъ свидѣтельствъ того же порядка [3]); Шере, Шампіонъ, Бюсьеръ и другіе вынесли то же впечатлѣніе изъ бѣглаго обозрѣнія приходскихъ наказовъ [4]). Всюду сеньеры расширяютъ свои права, ссылаясь на постановленія обычнаго права въ родѣ „droit d'enclave" или правила „nulle terre sans seigneur", пользуясь возобновленіемъ terriers и. т. д.

Неудивительно, если отношенія между помѣщиками и крестьянами были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ настолько обострены, что выливались не въ форму однихъ прошеній, жалобъ, тяжбъ, а кончались даже аграрными преступленіями. Такъ въ Арманьякѣ одинъ молодой сеньеръ, затѣявшій съ крестьянами столько процессовъ, что въ послѣдніе 4, 5 лѣтъ съ нимъ судились поочереди всѣ его вассалы, былъ 14-го февраля 1789 года, то-есть за мѣсяцъ до выборовъ, убитъ наповалъ 2 выстрѣлами; убійцы были такъ хорошо скрыты, что до нихъ никакъ не удалось добраться; сеньеріальный же судья не рѣшился послѣ этого вернуться къ отправленію своихъ обязанностей [5]).

Въ приходскихъ наказахъ феодальная реакція составляетъ предметъ безчисленныхъ жалобъ, переходящихъ иногда и въ окружные наказы. Такъ третье сословіе Ренна [6]) заявляетъ, что въ послѣднія „20 лѣтъ въ особенности" вассаловъ стали лишать ихъ правъ на „terres vagues et communes" (ст. 145), сеньеры перекопали много нужныхъ дорогъ (ст. 152), введена натуральная повинность починки помѣщичьихъ мельницъ („это современная узурпація феодализма, не имѣющая основаній въ нашей кутюмѣ"), приказано „послѣднее время"

---

[1]) Archiv. Nat. B III 173, 368—386.

[2]) B III 173, 679—719 прошеніе королю.

[3]) „Крестьяне и крестьянскій вопросъ" 85—90. Важны ссылки на серію Д. національнаго архива, которая не входила въ основаніе настоящей работы.

[4]) *Cherest.* Chute de l'ancien régime I, 51—54, 72—74. *Champion.* La France d'après les cahiers de 1789. 150—154. *Bussière.* II 104—105, и т. д.

[5]) Archiv. Nat. Ba 8 № 236. Seigneur haut justicier Lamarq : cadet, 28 лѣтъ. „человѣкъ бѣдный, но предпріимчивый и честолюбивый". Передъ убійствомъ онъ получилъ нѣсколько предостереженій и былъ жертвой нѣсколькихъ неудачныхъ покушеній.

[6]) *Proust.* Archives de l'Ouest III 317, см. также въ *Archives Parlementaires*

разбивать крестьянскія ручныя мельницы для размола зерна (ст. 171), голубятни страшно размножились и расширились за послѣднее столѣтіе (172), за потравы въ лѣсахъ взыскиваются штрафы, хотя эти лѣса не огорожены (146) и т. п. Гіенская сенешоссея желаетъ установленія 30-лѣтней давности для сеньеріальныхъ правъ пастьбы на общинныхъ земляхъ [1]).

Третье сословіе Немура увѣряетъ, что нѣкоторые сборы (шампаръ) не взыскивались уже цѣлые вѣка или долгіе годы, а теперь сеньеры вызываютъ ихъ къ жизни одной властью фискальнаго прокурора; „есть въ бальяжѣ такіе сборы, которые начали взыскиваться такимъ образомъ 8 лѣтъ тому назадъ"; сеньеры ссылаются также на „droit d'enclave", для наложенія шампара на земли, никогда ему не подлежавшія, но *окруженныя* участками, имъ обложенными [2]). Дуэ (Douai) желаетъ, чтобы сеньеры не стѣсняли крестьянъ въ правѣ пастьбы и чтобы „всѣ акты, совершенные въ противность этому за послѣднія 20 лѣтъ, были отмѣнены" [3]). Округъ St. Sauveur le Vicomte (secondaire de Coutances) заявляетъ, что многіе города и деревни искони владѣютъ разными болотами и пустошами (marais, landes), которыя во всѣ времена возбуждали жадность людей сильныхъ, вызывали многочисленные процессы, и понынѣ „приводящіе въ отчаяніе и раззоряющіе многіе города и села" [4]) Въ Gex дворянство и третье сословіе жалуются на арендатора [5]) государевыхъ имѣній, нѣсколько лѣтъ назадъ захватившаго каменоломни въ общинныхъ лѣсахъ 4-хъ деревень, такъ что люди, живущіе среди скалъ Альпъ и Юры, „принуждены покупать у фермера Вашего Величества даже камни, которые природа щедро имъ расточаетъ для постройки жилищъ". Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, король слѣдовалъ примѣру сеньеровъ; въ особенности много жалобъ раздается на расширеніе королевскихъ парковъ и охотъ въ ущербъ крестьянамъ и помѣщикамъ сосѣднихъ мѣстностей, равно страдавшимъ отъ размноженія дичи. Многіе наказы округовъ [6]) требуютъ возвращенія сенье-

---

[1]) *Proust*. III 115. Guyenne.

[2]) *„Archives Parlementaires"* IV, 196.

[3]) Ibidem, III, 182, ст. 54 окружнаго наказа.

[4]) Ibidem, III 70.

[5]) Ibidem, 393—395. Наказы дворянства и 3-го сословія.

[6]) Ibidem, I, 779 (Gray), III, 612 (Lyon), III, 613 (Mâcon), IV, 259 (Nevers), V, 640—641. (St. Pierre le Moûtier), VI, 84, 85. (Troyes), VI, 212 (Vitry le François).

рами захваченныхъ у крестьянъ общинныхъ угодій, что, по словамъ маконцевъ „безусловно необходимо для земледѣлія".

Но наиболѣе цѣнныя свидѣтельства о широкомъ распространеніи феодальной реакціи слѣдуетъ искать не въ окружныхъ, а въ приходскихъ наказахъ. Въ нихъ ярко выступаютъ двѣ стороны этого историческаго явленія: 1) расхищеніе общинныхъ угодій и нарушеніе сервитутныхъ правъ—продолженіе историческаго процесса, начавшагося уже давно, по мѣрѣ разложенія средневѣковаго хозяйства; 2) возобновленіе или даже прямо зарожденіе феодальныхъ правъ, давно забытыхъ или никогда въ данной мѣстности не существовавшихъ—фактъ новый, относящійся къ самымъ послѣднимъ годамъ существованія стараго порядка.

Авторъ наиболѣе серіозной попытки изслѣдованія, на основаніи наказовъ, крестьянскаго хозяйства этой эпохи, М. М. Ковалевскій[1]), отвергаетъ ходячій терминъ феодализма въ примѣненіи къ даннымъ явленіямъ.

Съ этимъ нельзя согласиться. Терминъ: „феодальная реакція", принятый Шере, вполнѣ покрываетъ оба указанные разряда фактовъ. Съ разложеніемъ средневѣковыхъ хозяйственныхъ отношеній феодализма, помѣщики перестали быть заинтересованными въ благополучіи сидящихъ на ихъ землѣ держальцевъ, а потому стремились къ захватамъ общинныхъ пустырей, къ округленію фермъ, къ прямому, какъ въ Англіи, „clearing of estates", къ крупному фермерству и обезземеленію крестьянъ. Русскій ученый видитъ въ этомъ отрицаніе феодализма, который былъ основанъ на хозяйственной солидарности господъ съ народомъ. Но можно съ полнымъ правомъ назвать эти явленія феодальною реакціей, или отраженіемъ на наслѣдникахъ бывшихъ феодаловъ измѣнившихся условій хозяйственнаго строя. Къ тому же феодальныя права являлись прямымъ орудіемъ этой реакціи. безсознательно стремившейся къ обезземеленію оброчныхъ крестьянъ. Таковы случаи выселенія недоимщиковъ ценза, который можно было сразу взыскивать за 29 лѣтъ назадъ. Поэтому нѣтъ никакой необходимости отказываться отъ ходячаго слова „феодализмъ" для обозначенія всей совокупности явленій, представляющихъ борьбу сеньеровъ съ крестьянами наканунѣ революціи.

[1]) И. В. Лучицкій, въ своей полемикѣ съ нимъ, правъ въ томъ смыслѣ, что приходскіе наказы—не единственный и не самый достовѣрный источникъ для изученія экономическаго быта народа. Тѣмъ не менѣе цѣнность такого изслѣдованія не подлежитъ сомнѣнію, въ особенности при современномъ состояніи науки.

Конечно, этимъ не исчерпывается сущность тѣхъ неустройствъ, которыми тяготилась французская деревня. Конечно. королевскія подати были чудовищны по своей тягости и неравномѣрности, а одинъ соляной налогъ въ мѣстностяхъ „grande gabelle" былъ пожалуй тяжелѣе шампара. Но не эта сторона дѣла должна быть выдвинута въ работѣ, посвященной выборамъ 1789 года. Вѣдь борьба, разъигравшаяся въ нихъ, вращалась главнымъ образомъ около феодальнаго начала, не желавшаго поступаться своими правами и прямо заинтересованнаго въ давленіи на крестьянъ въ указанномъ смыслѣ. Напротивъ того, государство, въ лицѣ Людовика XVI и Неккера, откровенно признало несостоятельность старой своей организаціи, добросовѣстно приглашало своихъ подданныхъ къ открытому принесенію жалобъ на старый порядокъ вещей и ничуть не думало стѣснять при этомъ избирателей. Вотъ почему въ настоящемъ изслѣдованіи феодальнымъ отношеніямъ отведено первое мѣсто, а это въ свою очередь обусловливаетъ необходимость сдѣланнаго въ указанномъ смыслѣ отступленія отъ прямой задачи—то-есть изученія выборовъ для разбора наказовъ, какъ историческаго источника.

Здѣсь не мѣсто разбирать степень вреда, причиняемаго феодальными правами крестьянству и народному хозяйству вообще наканунѣ крушенія монархіи. Неопредѣленность этихъ правъ и неразработанность экономической исторіи прошлаго вѣка такъ велика, что въ настоящее время этотъ вопросъ долженъ считаться пока неразрѣшимымъ. Въ какомъ отношеніи находилась государственная податная тягость къ бремени сеньеріальныхъ повинностей? Этого пока сказать нельзя, если не довольствоваться опытами статистики, основанной на изученіи отдѣльныхъ примѣровъ мало доказательныхъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи старый порядокъ, какъ и во всемъ прочемъ, представляетъ самую крайнюю пестроту [1]). Тюрго находилъ, что въ богатыхъ и развитыхъ провинціяхъ тягость феодальныхъ правъ была незначительна, наоборотъ въ мѣстностяхъ бѣдныхъ и отсталыхъ—очень велика. Болѣе точныхъ свѣдѣній не могъ дать даже этотъ человѣкъ, бывшій самымъ серіознымъ государственнымъ дѣятелемъ и въ то же время величайшимъ мыслителемъ XVIII вѣка. Наблюдательный англійскій путешественникъ, Артуръ Юнгъ, также не могъ себѣ составить опредѣленнаго мнѣнія о значеніи феодальныхъ правъ въ народномъ хозяйствѣ Франціи. Онъ, правда, всегда поражался многочислен-

---

[1]) О сложности и запутанности этого вопроса см. у Карѣева, Шере и др.

ностью жалобъ, выводилъ изъ этого заключеніе, что феодальныя права „вездѣ гораздо тягостнѣе, чѣмъ это кажется", но только послѣ ихъ отмѣны, 4-го августа 1789 г., понялъ всю важность этого вопроса, когда изъ разговоровъ съ сеньерами и изъ ихъ жалобъ узналъ „что главный доходъ многихъ доменовъ состоялъ лишь изъ феодальныхъ повинностей" [1]).

Во всякомъ случаѣ для цѣли настоящаго изслѣдованія совершенно достаточно того наблюденія, что эти права возбуждали *особенную ненависть* въ народѣ. Это прямо признаетъ осторожный Токвиль, говоря о „trésors de haine et d'envie", накопившихся въ душѣ мужика, несмотря на то, что, по мнѣнію этого ученаго, феодальныя правá были легче и безобиднѣе во Франціи, чѣмъ въ остальной Европѣ [2]).

Гораздо менѣе безпристрастный Тэнъ, подобнымъ же образомъ отрицая особую тягость этихъ правъ, тѣмъ не менѣе преклоняется передъ очевидностью факта, что феодализмъ былъ „наиболѣе ненавистнымъ" явленіемъ стараго порядка [3]).

---

[1]) *Arthur Young*. Voyages en France. Traduction Lesage (Paris 1882), I, 336, II, 201, 202, 425 — 430, 486, 487. Dans mon passage à travers les provinces de France, j'avais été frappé des plaintes... mais je ne m'imaginais pas la multiplicité... Je l'appris ensuite, dans mes entretiens avec les seigneurs, dans leurs plaintes sur les progrès de la Révolution, je sus alors que le principal revenu de bien des domaines ne consistait qu'en services féodaux.

[2]) *Tocqueville*. L'ancien régime et la révolution (изд. 1887 г.). Глава 1-ая второй книги такъ и озаглавлена: „Pourquoi les droits féodaux étaient devenus plus odieux en France que partout ailleurs". По его объясненію феодальный экономическій строй отжилъ свой вѣкъ и во Франціи еще ранѣе революціи развилась мелкая крестьянская собственность, для которой сеньеріальныя повинности являлись совершенно неоправдываемымъ стѣсненіемъ, тѣмъ болѣе, что крестьяне едва сводили концы съ концами (347—350, 377, 378). Взглядъ Токвиля на распространеніе мелкой собственности до революціи оспаривается, но онъ недавно нашелъ очень сильнаго защитника въ лицѣ проф. Лучицкаго (*Кіевскія Университетскія Извѣстія* „Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ" (1894). „Крестьянская поземельная собственность во Франціи до революціи и продажа національныхъ имуществъ" (1896). См. также его статью въ „Revue Historique" и книгу о мелкой собственности до революціи, вышедшую на французскомъ языкѣ (Paris, Champion 1897).

[3]) Тэнъ объясняетъ это психологическими причинами: народъ замѣчалъ, что съ правами сеньеровъ не соединялось болѣе общественныхъ обязанностей,—а потому считалъ феодальныя повинности несправедливыми, не соотвѣтствующими оказываемымъ услугамъ.

III.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что крестьянство 1789 г. со своею враждой къ феодализму было въ этомъ отношеніи до нѣкоторой степени предоставлено самому себѣ, своимъ собственнымъ силамъ. Въ чисто хозяйственномъ отношеніи не одно дворянство, но и значительная часть буржуазіи [1]) была заинтересована въ сохраненіи сеньеріальнаго режима или по крайней мѣрѣ безпокоилась, какъ бы его уничтоженіе не повлекло за собой, при выкупѣ, невознаградимыхъ потерь для помѣщика. Это настроеніе главнымъ образомъ крупной буржуазіи проявлялось подчасъ очень рѣзко на окружныхъ собраніяхъ. Въ общемъ наказы бальяжей и сенешоссей касаются феодальныхъ правъ гораздо осторожнѣе и нерѣшительнѣе, чѣмъ приходскіе. Во многихъ мѣстахъ требованія выкупа феодальныхъ правъ проходили въ окружномъ собраніи только послѣ горячей борьбы, въ которой защитниками дворянскихъ правъ, во имя священныхъ принциповъ собственности, выступали представители „haut tiers", то-есть высшая буржуазія. Въ общемъ наказы, составленные окружными собраніями, обнаруживаютъ двойственное, а подчасъ и двусмысленное отношеніе къ феодальнымъ правамъ [2]).

Что же касается мыслителей и политическихъ дѣятелей, руководившихъ движеніемъ, то хотя они принципіально осудили феодальныя права, но въ общемъ передовые люди не давали себѣ яснаго отчета въ глубокой и неотложной важности этого вопроса. Недаромъ физіократъ Dupont de Nemours замѣтилъ при составленіи Немурскаго наказа, что до прочтенія крестьянскихъ жалобъ они, горожане, не имѣли никакого понятія о степени ненависти крестьянъ къ феодальнымъ правамъ.

Правда въ литературѣ вопросъ о выкупѣ сеньеріальныхъ повинно-

---

[1]) Высшая буржуазія (haut tiers, bourgeois vivant noblement) владѣла бывшими дворянскими имѣніями, или состояла въ родствѣ съ дворянами, представители же низшей буржуазіи и даже народа, состоя сеньеріальными агентами или съемщиками господскихъ правъ, всячески противились разрушенію режима, около котораго питались.

[2]) Уже Н. И. Карѣевъ отмѣтилъ „двойственное отношеніе третьяго сословія къ феодальнымъ правамъ". (Крестьяне и крестьянскій вопросъ" 391). Къ этому придется еще вернуться. Отмѣтимъ пока окружныя собранія въ Condom, Caen, Poitiers, Meaux и т. д.

стей былъ уже отчасти поднятъ [1]), а Тюрго, еслибы ему дали время и возможность дѣйствовать, осуществилъ бы это великое преобразованіе [2]), не ожидая пожара замковъ и ужасовъ народной жакеріи 1789 года. Правда также, что передъ революціей вопросъ этотъ носился въ воздухѣ и въ окружные наказы 1789 г. попало всетаки не мало разсужденій о вредѣ феодализма, и его пережитковъ. Тѣмъ не менѣе, какъ разъяснилъ Н. И. Карѣевъ, крестьянскій вопросъ не былъ поставленъ въ XVIII вѣкѣ во всей его полнотѣ и широтѣ, а французская буржуазія занялась имъ только „между прочимъ", подгоняемая грозными событіями. Мало того, какъ видно изъ работъ Н. И. Карѣева и М. М. Ковалевскаго [3]), ликвидація феодальнаго режима произведена была революціей безъ надлежащаго вниманія, урывками, такъ сказать между дѣломъ и главнымъ образомъ подъ вліяніемъ событій, прямо стучавшихся въ окно. Изученіе выборовъ 1789 г. покажетъ, что въ началѣ руководившіе тогдашнею политикой передовые люди, боясь сопротивленія дворянства и поглощенные политическимъ, а не соціальнымъ вопросомъ, держались предложенной Сійесомъ тактики: въ отвѣтъ на отказъ дворянства отъ податныхъ изъятій, они выдвигали исключительно конституціонный во-

---

[1]) Вспомнимъ взгляды (30-хъ годовъ) д'Аржансона и осужденіе феодализма физіократами.

[2]) Вспомнимъ исторію съ брошюрой его друга Бонсерфа (*Boncerf.* Les inconvénients des droits féodaux 1776) сожженой рукою палача, въ пику великому реформатору, за предложеніе выкупа феодальныхъ правъ.

[3]) Замѣчательно, какъ до сихъ поръ французскіе историки скользятъ около этого вопроса, подобно своимъ предкамъ временъ революціи. Названные русскіе ученые восполнили этотъ существеннѣйшій, коренной пробѣлъ въ исторіи переворота, но ихъ труды мало извѣстны заграницей и не дали толчка дальнѣйшимъ работамъ (*Карѣевъ.* Крестьяне и крестьянскій вопросъ въ XVIII вѣкѣ. Москва 1879. *Ковалевскій.* Происхожденіе современной демократіи. Москва 1894—1897. 3 т.). Въ этомъ смыслѣ оказался не совсѣмъ неправъ нѣмецкій публицистъ Каутскій, высказавшій парадоксъ, что русскіе ученые лучше всего способны понять французскую революцію (см. рецензію на книгу Б. Минцеса (Boris Minzes. „Die Nationalgüterveräusserung während der französischen Revolution" въ „Neue Zeit." 1893. I). Въ любопытномъ этюдѣ о революціи (*Kautsky.* Die klassengegensätze von 1789. Stuttgart 1889) Каутскій ссылается съ большими похвалами на проф. Карѣева, случайно раздобывъ переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ его книги. Мнѣніе Каутскаго имѣетъ въ данномъ случаѣ нѣкоторое значеніе, такъ какъ этотъ публицистъ, при полномъ незнакомствѣ съ первоисточниками и не взирая на тенденціозныя натяжки по схемѣ Маркса, составилъ очень удачный и цѣнный очеркъ внутреннихъ соціальныхъ пружинъ, двигавшихъ революціею.

просъ въ надеждѣ на союзъ съ дворянствомъ противъ „министерскаго деспотизма" и замысловъ придворной знати [1]). Уже было указано, что въ окружныхъ наказахъ третьяго сословія отмѣна феодальныхъ правъ далеко не была выдвинута на первый планъ и часто сводилась къ общимъ мѣстамъ или платоническимъ разсужденіямъ.

Въ различныхъ проектахъ и инструкціяхъ для избирательныхъ собраній относительно редакціи наказовъ проводится все одна и та же мысль, что феодальныя права представляютъ неотчуждаемую собственность [2]). Тутъ повторялась теорія, офиціально освященная правительствомъ въ опубликованномъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ Неккера отъ 27-го декабря 1788 года: „Никогда не войдетъ въ голову третьему „сословію стремиться къ умаленію сеньеріальныхъ или почетныхъ „прерогативъ, отличающихъ 2 первыя сословія, ни въ ихъ собствен„ности, ни въ ихъ личности; нѣтъ ни одного француза, который бы „не зналъ, что эти прерогативы суть собственность, столь же почтен„ная, какъ и всякая другая, что многія изъ нихъ связаны съ осно„вами монархіи и что Ваше Величество никогда не дозволитъ на„нести имъ малѣйшаго ущерба" [3]).

Но событія показали, что на дѣлѣ французы думали иначе и вопросъ о феодальныхъ правахъ былъ тайною пружиной, двигавшею переворотомъ, вопреки указаннымъ разсужденіямъ. Въ національномъ собраніи дворянство не хотѣло слиться съ палатой третьяго сословія именно въ виду своей неувѣренности, что всѣ французы считаютъ феодальныя права собственностью, не допускающею принудительнаго

---

[1]) Извѣстный руанскій публицистъ Thouret (адвокатъ) въ брошюрѣ „Avis des bons Normands à leurs frères", вышедшей въ февралѣ 1789 г., и въ „Suite de l'avis des bons Normands, dédié aux assemblées des bailliages, sur la rédaction des cahiers" прямо заявляетъ: „les prérogatives réelles, telles que les attributs féodaux attachés aux terres" не подвергаются никакой опасности, что феодальныя права „sont des propriétés", что третье сословіе должно разсѣять недовѣріе дворянства, такъ какъ „l'exagération des prétentions qu'on lui a supposées a été l'aliment de la défiance". Туре предлагаетъ ограничиться вопросомъ о конституціи и на этой почвѣ слиться съ наказами всѣхъ сословій. *Hippeau*. Les élections de 1789 en Normandie (Paris 1869) изданіе документовъ.

[2]) Въ національной библіотекѣ въ Парижѣ сохранилось множество брошюръ этого рода, въ особенности въ copie L b[39]. Въ „Essai d'articles pour les cahiers du tiers état dans les pays de Bresse, Dombes, Bugey et Gex" авторъ „громко протестуетъ" о своихъ добрыхъ чувствахъ къ высшимъ сословіямъ, заявляя „que le tiers état respectera toujours leurs propriétés" то-есть феодальныя права.

[3]) *Archives Parlementaires* I 495.

отчужденія. Королевская декларація 23-го іюня 1789 г., возбудившая общее неудовольствіе, гарантировала сохранность „феодальной и сеньеріальной собственности“ [1]).

Сами депутаты третьяго сословія не думали сразу поднимать этого вопроса; поглощенные борьбой съ дворомъ, они пробовали отложить разрѣшеніе этой насущной потребности на неопредѣленный срокъ. Только тогда, когда вспыхнули замки и загорѣлись феодальные архивы, вдругъ, однимъ голосованіемъ рѣшена была участь феодальныхъ правъ, упраздненныхъ уже на дѣлѣ народнымъ движеніемъ. Замѣчательно при этомъ, что въ знаменитую ночь 4-го августа третье сословіе совершенно стушевалось. Не буржуазія потребовала удовлетворенія народныхъ желаній, а сами привиллегированныя сословія взяли на себя иниціативу этого дѣла [2]). Затѣмъ, когда въ образованномъ при палатѣ феодальномъ комитетѣ стала постепенно осуществляться ликвидація сеньеріальныхъ правъ, то работа эта, какъ показали изслѣдованія русскихъ ученыхъ, была ведена не вполнѣ удовлетворительно и безпристрастно, производилась съ чрезвычайною медлительностью и многочисленными колебаніями въ пользу владѣльческихъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе выкупъ феодальныхъ правъ такъ расположилъ народъ въ пользу новаго порядка вещей, что несмотря на несочувствіе крестьянъ къ дѣйствіямъ революціоннаго правительства, направленнымъ противъ церкви и престола, народъ грудью сталъ въ защиту границы и новаго порядка вещей противъ эмигрантовъ съ ихъ иностранными союзниками, грозившими возстановленіемъ прежнихъ владѣльческихъ правъ [3]). Крестьянское насе-

---

[1]) *М. М. Ковалевскій.* Происхожденіе современной демократіи (Москва 1895) II 14—22, 42—49 и т. д. Здѣсь изложена сословная борьба и роль власти во время первыхъ шаговъ національнаго собранія. Настроеніе и скрытыя побужденія дворянства выясняются изъ рѣчей Д'Антрега — представителя большинства, нежелавшаго соединенія сословій, и возраженій либеральнаго Лалли-Толендаля. Первый заявлялъ, что старая конституція служитъ лучшей гарантіей для торжественнаго признанія среднимъ сословіемъ „неприкосновенности почетныхъ привиллегій и сеньеріальныхъ правъ“. См. также донесенія венеціанскаго посла Капелло.

[2]) *М. М. Ковалевскій.* Происхожденіе демократіи II 100—130. И далѣе passim. *Н. И. Карѣевъ.* Крестьяне и крестьянскій вопросъ. Глава VIII. („Рѣшеніе крестьянскаго вопроса“).

[3]) *Тэнъ* (La Révolution I, 391) приводитъ любопытную картинку неудачной попытки поднять народъ на югѣ противъ революціоннаго правительства. Ils disaient aux paysans catholiques: „Allons mes enfants, vive le Roi!“—Cris d'enthou-

леніе поставило главное ядро той знаменитой арміи, которая прямо отъ сохи, подъ руководствомъ „организатора побѣды“ Карно отразила внѣшняго врага и эмиграцію, а затѣмъ выросла въ армію Наполеона, когда крестьянство, уже успокоившись на счетъ сохраненія пріобрѣтенныхъ правъ, стало выказывать полнѣйшее равнодушіе къ перемѣнамъ въ образѣ правленія, исходившимъ изъ Парижа.

Изъ всего сказаннаго видно, почему на вопросъ объ отношеніи народа къ феодальнымъ правамъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, тѣмъ болѣе, что самый характеръ матеріала, хранящагося въ картонахъ B a и фоліантахъ B III невольно направляетъ мысль именно въ эту сторону.

Деревенскіе выборы 1789 г. до сихъ поръ слишкомъ мало изучены. Если расширить и углубить изысканіе на почвѣ сыраго матеріала, то станетъ яснымъ, что пережитки феодализма дали существенное, если не исключительное содержаніе избирательной борьбѣ въ деревняхъ.

Если борьба съ агентами сеньеровъ прошла относительно незамѣченною, то это объясняется тѣмъ, что буря клокотала внутри, мало выступая на поверхность: у крестьянъ не было здѣсь вліятельнаго союзника, способнаго прокричать повсюду, умѣющаго раздуть вопросъ и привлечь къ нему общественное вниманіе.

Буржуазія, господствовавшая въ окружныхъ собраніяхъ, и публицисты, задававшіе тонъ въ печати, оставались въ сторонѣ отъ этого движенія. Истолкователями крестьянскихъ нуждъ *въ этомъ отношеніи* были случайные добровольцы изъ захолустной интеллигенціи и заступничество ихъ проходило едва замѣченнымъ. А между тѣмъ борьба предстояла не легкая. На первый взглядъ, судя по содержанію приходскихъ наказовъ, собранія, ихъ составившія, пользовались широкою свободой слова. Никто не мѣшалъ крестьянамъ жаловаться на бѣдность, на обремененіе налогами, на неустройство, неурядицу, произволъ, царившіе въ деревнѣ. Напротивъ того, высшія сословія, образованные люди всѣхъ направленій сами подсказывали полуграмотному и безграмотному народу цвѣтистыя и патетическія тирады, попадающіяся во множествѣ въ первичныхъ наказахъ. Вѣдь въ виду всеобщаго экономическаго подомоганія всѣхъ классовъ общества, жалобы на бѣдность

siasme.—„Ces scélérats de démocrates, il faut en faire un exemple, rétablir les droits sacrés du trône et de l'autel!“—„Comme vous voudrez, répliquaient les campagnards dans leur patois; mais il faut garder la Révolution, *car la dedans il y a de bonnes choses*“. Итакъ крестьяне сочувствуютъ королю и религіи, но ни за что не хотятъ отказаться отъ революціи, принесшей имъ пользу.

стали общимъ мѣстомъ, повторяемымъ одинаково самыми крайними сторонниками движенія и самыми ярыми поборниками старины. Никто также не мѣшалъ крестьянамъ высказывать въ наивной или напыщенной формѣ тѣ искреннія надежды, которыя народъ возлагалъ на своего добраго короля „новаго Генриха IV“, бывшаго въ глазахъ тогдашняго простолюдина естественнымъ заступникомъ слабыхъ противъ произвола сильныхъ. Облегченіе бремени налоговъ казалось неминуемымъ въ эту эпоху, полную радостныхъ упованій, поэтому жаловаться на нихъ никто не препятствовалъ. Но крестьяне не знали, какъ будетъ поступлено съ сеньеріальными правами, и когда прекратится тягостная феодальная реакція? И вотъ, какъ только мужикъ пробовалъ заикнуться объ этомъ щекотливымъ дѣлѣ, вдругъ выростала цѣлая стѣна всевозможныхъ препятствій. Тутъ крестьянинъ имѣлъ противъ себя и дворянина, и многочисленныхъ представителей буржуазіи, начиная съ своего брата, выбившагося въ люди мужика, ставшаго сеньеріальнымъ агентомъ, и кончая богатымъ купцомъ, живущимъ по барски (vivant noblement) на купленной у дворянина землѣ.

Либеральный адвокатъ и депутатъ Руана, Thouret, прямо говоритъ въ очень распространенной въ ту эпоху брошюрѣ, что такъ какъ всѣ граждане всѣхъ сословій могли владѣть фьефами (т. е. землями, съ которыми связаны были феодальныя права) то они заинтересованы въ сохраненіи феодальныхъ правъ, представляющихъ собственность.

Вліятельные люди толковали мужикамъ, что феодальныя права представляютъ собственность, неотчуждаемую и священную, какъ право собственности вообще. Вмѣсто ихъ отмѣны крестьянамъ совѣтовали заполнить бумагу смутно для нихъ понятными разсужденіями о конституціи (constitution), періодичности штатовъ и иныхъ подобныхъ требованіяхъ.

По странной ироніи судьбы знаменитый вождь революціоннаго движенія, Мирабо, былъ самъ феодаломъ и принималъ личное участіе въ феодальной реакціи. Будущій народный трибунъ помогалъ въ составленіи новаго „terrier“ своему отцу—извѣстному подъ наименованіемъ „друга людей“, этой, по выраженію Токвиля, феодальной головѣ, въ которую ворвались демократическія идеи. Будущій революціонеръ неудачно судился съ крестьянами изъ за общинной пустоши (terres gastes), при чемъ однажды дѣло дошло до палочной расправы. Консервативный его біографъ ѣдко замѣчаетъ по этому поводу, что когда 15 лѣтъ спустя, то-есть, въ 1789 г. провансальскія деревни облетѣлъ слухъ о пламенныхъ воззваніяхъ помѣщика Мирабо, то

крестьяне его должно быть недовѣрчиво покачивали головой [1]). Въ самомъ дѣлѣ не мало скрытой ироніи заключается въ наказѣ прихода Mirabeau [2]). По словамъ избирателей, еслибы можно было льстить себя надеждой, что не переведутся такіе сеньеры, какъ „другъ людей“ и его сынъ — „другъ народа,“ славный защитникъ третьяго сословія, то они не подняли бы голоса за отмѣну тягости феодальныхъ правъ, ожидая всего отъ благотворительности „друга людей“ и „друга народа“. Но такъ какъ дѣло идетъ объ общемъ возрожденіи, то они жалуются на злоупотребленіе сеньеріальнаго права; „если жители Мирабо имъ иногда и подвергаются, то отвѣтственность за это падаетъ на самый феодальный режимъ“, поэтому они вѣрятъ, что самъ сеньеръ (Мирабо) лучше всякаго другого съумѣетъ разъяснить и сокрушить „тиранію феодализма!“ Исторія однако показала, что ни Мирабо, ни вообще національное собраніе не собиралась еще сокрушать этой твердыни, пока не грянулъ громъ народнаго бунта.

А нѣсколько мѣсяцевъ до того, въ чреватую великими событіями пору, которой посвящено настоящее изслѣдованіе, т. е. во время выборовъ 1789 г. руководители движенія подобнымъ же образомъ почти просмотрѣли первое дѣйствіе будущей исторической драмы,—просмотрѣли глухую, но упорную борьбу приходскихъ собраній съ сеньеріальнымъ судьей или его замѣстителемъ.

IV.

Еще до созванія избирательныхъ собраній, во время волненія, охватившаго Францію передъ наступавшими великими событіями, раздавались громкіе голоса противъ господства сеньеріальныхъ судей на избирательныхъ собраніяхъ. Въ этомъ смыслѣ составлялись торжественныя резолюціи и громкія посланія, подписанныя представителями городовъ и разныхъ корпорацій. Но центръ тяжести этой агитаціи вращался около права судей быть избранными въ депутаты приходовъ. Поэтому, если бы даже правительство и вняло этимъ требованіямъ, вліяніе „человѣка сеньера“ (l'homme du seigneur) на редакцію первичныхъ наказовъ ничуть бы этимъ не было устранено. Впрочемъ правительство, стѣснившее свободу избирателей предсѣдательствомъ судей, провозгласило, во имя этой самой свободы, право

[1]) *Loménie.* Les Mirabeau (Paris 1889). III, 72—80.

[2]) См. текстъ его въ *Archives Parlementaires.* (VI *355*).

выбирать въ депутаты судью. Такимъ образомъ послѣдній оказался хозяиномъ положенія.

Уже въ январѣ мѣсяцѣ раздаются жалобы на политическіе происки сеньеріальныхъ агентовъ. Такъ въ Жеводанѣ (Gévaudan), въ предѣлахъ епископальной юрисдикціи, прокуроры епископа останавливаютъ по дорогѣ крестьянъ для подписанія петицій, а тѣ не смѣютъ сопротивляться; жалобщикъ (графъ) заявляетъ, что пока судъ не станетъ королевскимъ (то-есть государственнымъ, а не вотчиннымъ) „мы будемъ всегда угнетены“ [1]).

Недаромъ представитель того же судейскаго сословія писалъ Неккеру объ опасностяхъ, „грозящихъ нашему бѣдному народу“,—не столько со стороны первыхъ двухъ сословій, сколько отъ привиллегированныхъ членовъ третьяго сословія — „это всѣ судейскіе и прочіе притѣснители народа... Великое несчастіе для бѣдныхъ земледѣльцевъ и деревенскихъ ремесленниковъ, что первичные выборы должны производиться передъ бальи и судейскими: они станутъ господами ихъ голосовъ для выбора депутатовъ, заинтересованныхъ въ сокрытіи злоупотребленій. Ахъ! если бы нашъ дорогой Освободитель, еслибы Вы, Монсеньеръ, органъ его добраго сердца и покровитель третьяго сословія, еслибы вы знали наше положеніе, Вы, конечно, обратили бы вниманіе на предложеніе, которое я уже принялъ смѣлость сдѣлать, (а именно) попросту дать каждой общинѣ право собираться съ ихъ общественными управленіями подъ предсѣдательствомъ синдика [2]). Вы были бы увѣрены въ свободномъ выборѣ этихъ добрыхъ людей“. Особенную силу даетъ этому предложенію личность предлагающаго—бальи Гелля. Онъ желаетъ, чтобы его товарищи по профессіи имѣли только право присутствовать въ первичныхъ собраніяхъ, какъ члены третьяго сословія, притомъ только въ мѣстахъ постояннаго жительства и лишь „съ правомъ голоса, наравнѣ со всякимъ другимъ жителемъ“. Этимъ путемъ онъ надѣялся бы избѣжать „великаго неудобства составленія наказовъ, гдѣ эти добрые люди стѣснены присутствіемъ и руководительствомъ тѣхъ, кто является для нихъ главнымъ зломъ; *не могу скрыть отъ Васъ, что многіе изъ моихъ собратій—бальи суть причины раззоренія ихъ юрис-*

[1]) Archiv. Nat. B III 85, 152 — 155, письмо Comte de Noizières Неккеру 26-го января.

[2]) Старосты въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ; они избирались сельскими обществами, въ другихъ назначались администраціей или сеньеромъ. Вопросъ о нихъ не разработанъ.

дикціи и въ этомъ одна изъ существеннѣйшихъ статей нашихъ пожеланій. Равенство въ обложеніи, обезпеченіе противъ ябеды (chicane), ростовщичества и *произвола*, вотъ что *намъ нужно*, *а Вы можете намъ все это даровать только въ ущербъ этимъ господамъ*" [1]). Драгоцѣнныя указанія, особенно если сопоставить ихъ съ слѣдующею картиной выборовъ [2]), изъ анонимнаго посланія министру: „Какъ только въ приходахъ получены были распоряженія на счетъ выборовъ, судейскіе—эти по большей части піявки народа—поспѣшили явиться на собраніе съ показнымъ усердіемъ (ostentation de zèle), удивившимъ бѣднаго земледѣльца, всегда стѣсненнаго (en impose) въ присутствіи этихъ лицъ. Несмотря на общее къ нимъ недовѣріе, по робости ли, по привычкѣ ли, или изъ страха имъ не понравиться, эти органы юстиціи—судья, фискальный прокуроръ, бальи—овладѣли голосами и явились въ собраніе бальяжей облеченными выпрошеннымъ или вынужденнымъ довѣріемъ". Анонимный авторъ поясняетъ, что среди судей находятся, правда, иногда честные люди, но за то на каждомъ шагу попадаются такіе, которые жертвуютъ бѣднымъ въ пользу сеньера—притѣснителя вассаловъ. Въ окружныхъ собраніяхъ, по его словамъ, царила та же самая интрига—судьи избрали на генеральные штаты людей своей профессіи или связанныхъ съ ними дѣловыми отношеніями.

Если здѣсь нѣтъ преувеличенія, то нужно сказать, что избиратели предвидѣли все это. Многіе города и поселки передъ выборами заранѣе протестовали противъ предсѣдательства судей. Особенно громкіе голоса раздавались въ городкахъ, гдѣ вліятельные думцы (officiers municipaux), желавшіе руководить выборами, по примѣру своихъ коллегъ въ большихъ городахъ [3]), поддерживали справедливыя сѣтованія противъ избирательнаго законодательства [4]). Въ окрестностяхъ Парижа [5]) думцы городка Luzarches жалуются на зависимость судей отъ сеньеровъ, объясняя, что городское управленіе прекрасно

[1]) Archiv. Nat. B III 145, 178—181. Hell, bailly de Landser et Procureur Syndic provincial du tiers état d'Alsace (письмо Неккеру 1-го марта 1789).

[2]) Archiv. Nat. B^a 8 № 236. 5-го мая 1789.

[3]) Въ болѣе значительныхъ городахъ, внесенныхъ въ особый списокъ, предсѣдательство возложено закономъ на муниципальныя власти.

[4]) Между муниципальными и сеньоріальными судьями во время выборовъ происходили нерѣдко столкновенія. См. напримѣръ, B^a 54. 1 130 (Mont de Marsan) B III 173, 427. (столкновеніе мера съ прево въ Saugues).

[5]) *Chassin* Elections et cahiers de Paris en 1789. IV, 4—7.

могло безъ посторонняго вмѣшательства созвать избирателей. Въ Triel вопросъ былъ поставленъ на личную почву: жаловались на злоупотребленія судьи Рожери; „И передъ этимъ судьей придется собираться" восклицали думцы, поддержанные парижскимъ прево; но министръ юстиціи отвѣчалъ, что обвиненія, взведенныя на судью, требуютъ разслѣдованія, а между тѣмъ дѣло не терпитъ...

Городокъ Poissy ставилъ вопросъ на болѣе принципіальную почву, ссылаясь на свое историческое прошлое, указывая, что въ немъ родился Людовикъ Святой; тѣмъ не менѣе дума не удостоилась отвѣта и предсѣдательство осталось въ рукахъ судьи. Городокъ Pont de Veyle (Bresse) жаловался, что ст. 25 регламента лишаетъ ихъ свободы на выборахъ, тѣмъ болѣе, что судьи назначаются сеньерами, а слѣдовательно зависятъ отъ своего довѣрителя [1]).

Городокъ Chaource въ Шампани [2]) лаконически заявляетъ, что подъ предсѣдательствомъ судей первичныя собранія изберутъ этихъ судей, а послѣдніе въ округахъ не будутъ имѣть собственнаго мнѣнія. Такъ оно отчасти и случилось.

Впрочемъ здѣсь слѣдуетъ сдѣлать существенную оговорку. Силою вещей судьи не могли повсюду предсѣдательствовать на первичныхъ собраніяхъ; судей не хватало на каждую деревушку Франціи, такъ что одно должностное лицо приходилось часто на цѣлую группу поселеній.

Рѣдкость, а потому отдаленность судей отъ населенія была даже одной изъ язвъ, на которыя жаловались наказы.

Между тѣмъ, за краткостью времени, первичныя собранія происходили почти одновременно въ каждомъ данномъ округѣ, да и разъѣзды судей затруднялись плохимъ состояніемъ дорогъ и дороговизной передвиженія. Поэтому статьей 25-й общаго регламента было предусмотрѣно, что въ случаѣ отсутствія или задержки судьи, избиратели будутъ собираться подъ руководствомъ „всякаго другаго должностнаго лица" (officier public). Въ отвѣтъ на запросы, вызванные неопредѣленностью этого выраженія, министерствомъ разъяснялось, что здѣсь слѣдуетъ разумѣть нотаріуса или инаго судейскаго, а въ крайнемъ случаѣ—даже синдика, то-есть, старосту. Такого рода указанія были даны по округу Кале [3]), гдѣ не было патримоніальной юстиціи

[1]) Archiv. Nat. Ba 23 l. 39. B. III 36, 626—631.

[2]) B III 167, 558. Ba 83 l. 205—206. 10°. Adresse du 25 Janvier.

[3]) B III 41, 9. 22. Запросъ Président du département de Calais 13-го февр. и отвѣтъ министра.

(justice patrimoniale), а судебная власть принадлежала муниципалитетамъ. Тоже случилось по округу Сен-Ло, гдѣ совсѣмъ не было судей на мѣстахъ и не вездѣ находились нотаріусы [1]). Изъ округовъ Гавра [2]), St.-Sauveur Lendelin [3]), Pont-l'Evêque [4]) и т. д. лейтенанты свидѣтельствуютъ также о недостаточномъ количествѣ судейскихъ. Изъ Нонанкура [5]) сообщаютъ, что въ Нормандіи не такъ, какъ въ Иль-де-Франсѣ, гдѣ на каждый приходъ имѣлось по одному „officier public“: здѣсь на 20 или 30 приходовъ встрѣчается иногда по одному только нотаріусу или табелліону. Въ Сенлисѣ [6]) приходилось по одному судьѣ на 20 или 30 мѣстечекъ.

Независимо отъ этого, судейскіе могли не явиться на приходскія собранія по самымъ разнообразнымъ причинамъ, начиная отъ отсутствія съ ихъ стороны доброй воли и кончая независящими обстоятельствами.

Въ Beaune [7]) лейтенантъ жаловался передъ выборами министру, что большинство судей не намѣрены являться на деревенскія собранія, подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ разрѣшено замѣщаться другими должностными лицами; впрочемъ онъ всячески этому стремленію противодѣйствовалъ путемъ увѣщаній и продленіемъ срока окончанія первичныхъ выборовъ, чтобы судьи, имѣвшіе много подсудныхъ деревень, могли всюду поспѣть.

Въ Gray [8]), при провѣркѣ полномочій, оказалось, что въ двухъ деревняхъ (Bonboillon, Chancevi... ey) полномочія депутатовъ подписаны лишь учителемъ, въ другой деревнѣ (Rochette)—священникомъ, а въ четырехъ (Ecuelle, Cult и т. д.) ешевенами, „по причинѣ задержки

---

[1]) B III 54, 250—251. B^a 35 l. 70. 9° — 10°. St. Lô secondaire de Coutances 13-го февраля.

[2]) B III 48, 648. B^a 30 l. 54. особая связка. запросъ 12-го февр.

[3]) B III 54, 383. B^a 35 l. 70. 11°. 14-го февр.

[4]) B III 132, 747. B^a 76 l. 177. 14, secondaire de Rouen.

[5]) B III 65, 369—373. письмо лейтенанта 21-го февр. (secondaire d'Evreux).

[6]) B III 142, 18—20. письмо королевскаго прокурора 14-го февр. Министръ отвѣчалъ, что судей можно замѣщать синдиками.

[7]) Въ концѣ концовъ исходъ выборовъ отвѣчалъ его желаніямъ, такъ какъ судьи дали себя замѣстить собратьямъ по ремеслу (confrères) или городскимъ ходатаямъ (praticiens), которые, въ качествѣ судейскихъ, были, по его мнѣнію, образованы и безпристрастны. Другими словами вліяніе осталось въ рукахъ судейскихъ. Archiv. Nat. B^a 37 l. 77. 2° B III 60, 130, 137—139 письма отъ 27-го февраля и 6-го марта. (Beaune secondaire de Dijon).

[8]) Secondaire de Vesoul Archiv. Nat. B III 6. Протоколъ 20-го марта.

(empêchement) судейскихъ и невозможности найдти нотаріусовъ"; собраніе согласилось признать полномочія дѣйствительными.

За то въ Chatillon-sur-Indre [1]) протоколъ высказываетъ недовольство тѣмъ, что многія полномочія подписаны синдиками, „которыхъ нельзя (!) считать за officiers publics".

Въ Тулузѣ [2]) предсѣдатель окружнаго собранія согласился закрыть глаза „въ видѣ милости" (grâce) на то, что всѣ сельскія общества, входящія въ составъ diocèze de Rieux, собирались подъ предсѣдательствомъ своихъ консуловъ, а не судей или другихъ „hommes publics".

Въ какой же степени судьи сами являлись предсѣдательствовать на первичныхъ собраніяхъ и въ какой мѣрѣ они были замѣщены другими лицами?

Если взять для примѣра въ Булонской сенешоссеѣ матеріалы по провѣркѣ полномочій и возстановить [3]) количественное отношеніе предсѣдателей приходскихъ собраній по профессіямъ, то оказывается, что въ приходахъ этого округа предсѣдательствовало 68 синдиковъ, 1 бывшій синдикъ, 1 ешевенъ и 1 меръ, то-есть, 71 представитель до нѣкоторой степени мѣстнаго самоуправленія [4]). На долю же судейскаго и феодальнаго начала приходилось: 36 бальи и lieutenants de bailly, 12 „hommes féodaux", 3 „[illegible]mes de fief", 5 „procureurs d'office", 2 „procureurs fiscaux", 1 [illegible]ailly royal" и 1 „féodal et syndic", то-есть 60 человѣкъ.

Понятно, что изъ этой статистики невозможно выводить никакого общаго заключенія, но она ярко иллюстрируетъ приведенную выше оговорку.

Впрочемъ, еслибы даже задаться цѣлью произвести подобную работу для всей Франціи, на основаніи протоколовъ первичныхъ собраній и другихъ уцѣлѣвшихъ документовъ по провѣркѣ полномочій, то и такой египетскій трудъ [5]) не далъ бы отвѣта на поставленный вопросъ о вліяніи судей на составленіе наказовъ и самые выборы.

---

[1]) Secondaire de Tours. Archiv. Nat. Ba 83 l. 202. 11° B III 150, 644.

[2]) B III 148, 599.

[3]) *Assemblées du Boulonnais.* Etats Généraux de 1789. (Boulogne-sur-Mer 1889. 4°) перепечатка документовъ мѣстнаго архива.

[4]) Самоуправленіе относительное, тѣмъ болѣе, что пестрота обычаевъ и учрежденій стараго порядка не позволяетъ и здѣсь давать вполнѣ точныхъ опредѣленій. Синдики очень часто прямо назначались сеньерами, или провинціальной администраціей.

[5]) Для одного человѣка онъ совсѣмъ непосиленъ, такъ какъ пришлось бы

Дѣло въ томъ, что въ сферѣ сеньеріальнаго вліянія отъ помѣщика зависѣли одинаково *всѣ* должностныя лица въ деревнѣ, не исключая синдиковъ, консуловъ (на югѣ), меровъ (въ городкахъ).

Лейтенантъ бельфорскій писалъ министру, что „все сеньеріально въ этой странѣ"; нотаріусы, табелліоны, секретари (greffier) равно зависятъ отъ сеньеровъ и подозрительны народу, такъ что избиратели связаны въ редакціи наказовъ [1]).

Въ сферѣ дѣйствія вотчинной юстиціи всѣ должностныя лица были одинаково креатурами помѣщика, а самъ судья часто мало чѣмъ отличался отъ безграмотнаго старосты. Такъ на сѣверѣ, на границѣ Бельгіи, можно встрѣтить procureur fiscal, взятаго изъ прислуги, и кабатчика, исполняющаго должность секретаря [2]). На югѣ, въ Перигорѣ, деревни жалуются, что сеньеріальный судья засѣдаетъ въ кабакахъ, что судьи малограмотны и принадлежатъ къ подонкамъ общества [3]).

Муниципальныя власти во многихъ мѣстахъ были заодно съ судейскими [4]): „всѣ эти мелкія деревенскія особы, по словамъ священника, слишкомъ явно дорожатъ могущественнымъ сословіемъ, претендующимъ нынѣ на всеобщее господство; они (les officiers des différentes municipalités) *вдохновляются примѣромъ сеньеріальныхъ судей*". Случается, что синдикомъ деревни состоитъ фискальный прокуроръ или иной агентъ сеньера, попавшій на это мѣсто по волѣ господина.

На югѣ мѣстечко Bez жалуется на сообщничество консуловъ [5]) съ сеньеромъ во время выборовъ: консула не имѣютъ никакой самостоятельности, „слишкомъ близки къ сеньеру, которому боятся не понравиться, ибо отъ него исключительно получили свое мѣсто", а потому исполняютъ, въ ущербъ народу, все, что угодно помѣщику.

Изъ этого видно, что даже при отсутствіи судьи находились дру-

пересматривать не только департаментскіе архивы, но и городскіе, даже деревенскіе. Къ тому же часть матеріала утеряна, а то, что сохранилось, не приведено въ извѣстность.

[1]) Archiv. Nat. B III 27, 99. 2-го марта.

[2]) *Legrand.* Senac de Meilhan 117—120. Толковый очеркъ судебнаго устройства въ Hainaut, Cambrésis.

[3]) *Bussière.* La révolution en Perigord. (Bordeaux 1877, 1885) II, 109 „dans la classe des hommes les plus vils et les plus abjects".

[4]) Archiv. Nat. Ba 6 l. R № 17. Remoissenet curé de Selongey en Bourgogne письмо къ министру отъ 10-го декабря 1788 г.

[5]) Archiv. Nat. B III 166, 311—312. Консулы на югѣ соотвѣтствовали мерамъ и старостамъ. Тоже повторяетъ деревня Brassacl ibidem 704—708.

гія должностныя лица, творившія тѣ же самыя дѣла въ мѣстностяхъ, гдѣ сеньеріальный режимъ былъ въ полной силѣ. Вездѣ, куда ни обратиться, между крестьяниномъ и генеральными штатами стоятъ лица, связанныя съ вотчинною властью.

Современники называютъ ихъ піявками, гарпіями, вампирами и иными нелестными прозвищами. И принадлежатъ эти рѣзкія выраженія не однимъ жалобщикамъ и не однимъ радикальнымъ публицистамъ: то же повторяютъ прокуроры, субделегаты, однимъ словомъ начальство. Королевскій прокуроръ Денобль [1]), ссылаясь на опытъ своей 38-ми лѣтней практики, изображаетъ ихъ министру „маленькими піявками“. Субделегатъ Шатленъ [2]) называетъ ихъ гарпіями, описывая интенданту суассонскому происки судейцевъ на выборахъ.

Въ Парижѣ дворянинъ и королевскій совѣтникъ Boucher d'Argis представилъ въ дворянское собраніе брошюру противъ сеньеріальной юстиціи, гдѣ клеймилъ ея неустройство, чрезвычайное размноженіе различныхъ агентовъ, кормящихся около нея; называлъ ихъ вампирами съ загребущими руками (mains dévorantes), обвинялъ въ пьянствѣ, жадности, поощреніи сутяжничества [3]) и т. д.

Что же касается самихъ заинтересованныхъ лицъ, то и они не жалѣютъ красокъ.

Въ наказахъ то и дѣло встрѣчаются выраженія въ родѣ требованія деревни Arcy-sur-Cure [4]): „Всѣ сеньеріальные судьи должны быть отмѣнены; должностныя лица сеньеровъ—это піявки, принимающія такія мѣста только для того, чтобы обогатиться быстро и всякими путями“.

---

[1]) Archiv. Nat. B[a] 3 1. D. № 84. „Je puis assurer à votre Grandeur, que tous ceux qui tiennent à quelque justice seigneuriale, fatiguent plus les particuliers et occasionnent plus de désordres que les impôts qu'ils payent, quoique très mal répartis. En mettant un frein à l'avidité de ces petites sangsues, que de millions d'âmes éleveront leurs voix pour bénir vos vues bienfaisantes! (Desnobles, procureur du Roi honoraire. St Jean d'Angely 8 Avril 1789).

[2]) *Fleury*. Elections aux Etats généraux de 1789. (Laon 1872) письмо Chatelain subdélégué d'Hirson 10 Mars. „Des avocats et procureurs de la ville de Guise ont été dans les villages sollicitant des procurations; et s'ils étaient juges de quelques villages, ils couraient pour se faire députer... La plupart de ces harpies ajoutent qu'ils se feront payer par les paroisses“.

[3]) „Cahier d'un magistrat sur les justices seigneuriales et l'administration de la justice dans les campagnes“. *Chassin*. „Les Elections de Paris en 1789“. IV, 53—54.

[4]) *Demay*. Cahiers des paroisses du bailliage d'Auxerre (Auxerre 1885) тексты приходскихъ наказовъ.

А между тѣмъ въ рукахъ этихъ людей было сосредоточено руководство приходскими собраніями.

О томъ, какъ судьи воспользовались этимъ обстоятельствомъ, сохранилось множество свидѣтельствъ въ высшей степени жизненныхъ въ своей простотѣ и непосредственности. Это факты, сами за себя говорящіе, лучше всякихъ разсужденій, толкованій современниковъ и общихъ оцѣнокъ со стороны историческихъ авторитетовъ.

Поэтому пересмотрѣть ихъ придется съ самымъ большимъ вниманіемъ и въ мельчайшихъ подробностяхъ, памятуя, что именно мелкія, обыденныя житейскія явленія даютъ почву для наиболѣе правильныхъ и надежныхъ выводовъ.

Судья иногда приноситъ на приходское собраніе уже готовый, заранѣе сопоставленный наказъ и, не давая людямъ какъ слѣдуетъ высказаться, требуетъ подписей, послѣ чего это произведеніе подносится въ округѣ въ качествѣ выраженія народной воли.

Въ деревнѣ Longpont [1]) судья, состоявшій сеньеріальнымъ агентомъ, обошелся при этомъ весьма просто: „онъ отобралъ и сунулъ себѣ въ карманъ" проектъ наказа, составленный однимъ изъ жителей, а затѣмъ предъявилъ свой собственный, причемъ заставилъ замолчать несогласныхъ.

Въ Blessy, въ виду неявки бальи и его секретаря, избиратели предложили мѣстному землемѣру составить наказъ, но, когда послѣдній былъ уже почти оконченъ, вдругъ пріѣзжаетъ молодой бальи съ готовымъ проектомъ, составленнымъ въ главномъ городѣ, и требуетъ его подписанія, отвергнувъ наказъ, составлявшійся на мѣстѣ [2]). При этомъ въ деревнѣ образовалось двѣ партіи: на одной сторонѣ были судейскіе (gens de loi) въ союзѣ съ мѣстными богатѣями, на другой—мелкота (menus) и бѣдняки.

Въ Durfort произошло напротивъ столкновеніе власти съ силою богатства, при пассивномъ отношеніи массы, о темнотѣ которой свидѣтельствуетъ неумѣніе консула подписать свое имя. 8-го марта из-

---

[1]) Провинція Першъ, Mortagne. Archiv. Nat. B III 116, 610—612. Жалоба Claude Morel Неккеру 6-го апрѣля на судью Langle. Обиженный авторъ присылаетъ свое отвергнутое твореніе; оно совершенно несостоятельно и судья совершенно правильно отвергъ его. Но не ему слѣдовало осудить проектъ, а самому собранію, которому судья навязалъ свой наказъ.

[2]) Archiv. Nat. B[a] 15 l. 14. 11bis прошеніе Неккеру Hue, arpenteur — géomètre juré de la province d'Artois 29 іюня (Aire secondaire d'Arras). Имя бальи—Saison.

биратели мѣстечка созваны были судьей и королевскимъ прокуроромъ; тутъ консулъ представилъ собранію проектъ наказа, составленный купцомъ Gouges-Carton, самымъ крупнымъ плательщикомъ таліи, (то-есть самымъ богатымъ членомъ третьяго сословія); но прокуроръ, догадавшись, чьихъ рукъ это дѣло, заявилъ консулу „съ гнѣвнымъ и угрожающимъ тономъ", что слѣдовало спрашивать совѣта только у него, прокурора и въ отвѣтъ на почтительныя возраженія консула, продолжалъ съ нимъ на ты: „Я говорю, что ты не долженъ былъ выслушивать инаго совѣта, кромѣ моего". Затѣмъ, при содѣйствіи судьи, прокуроръ силою отобралъ наказъ и разорвалъ его на мелкіе куски, утверждая, что проектъ никуда не годится. Когда приступили къ выборамъ, первые 30 голосовъ поданы были за лицъ неугодныхъ судьямъ, въ томъ числѣ и за Gouges Carton, но судьи стали „все тѣмъ же гнѣвнымъ тономъ" кричать, что это кулакъ, господинъ, держащій ихъ подъ своимъ игомъ, что онъ давитъ и душитъ ихъ произвольными штрафами за потравы. Въ прошеніи жителей пренаивно описывается, какъ они напротивъ восхваляли этого человѣка, что если онъ и скупаетъ земли частныхъ лицъ, „то за это хорошо платитъ", что если онъ даетъ „деньги въ долгъ, то довольствуется лишь его погашеніемъ". Однако, въ виду крика и угрозъ вызвать воинскую команду, смущенные избиратели назначили другихъ депутатовъ [1]). Впрочемъ и съ этими послѣдними начальство мало стѣснялось: вызвали ихъ въ церковный домъ (presbytère de St. Martin), гдѣ прокуроръ и судья занялись составленіемъ наказа и, продержавъ депутатовъ до 9 часовъ вечера, отослали спать; на слѣдующее утро депутаты, явившись снова къ священнику, узнали, что прокуроръ и судья уѣхали обѣдать къ другому священнику—curé de St. Hubert, куда требуютъ ихъ для подписанія протокола и наказа. Тамъ только къ 6 часамъ вечера насталъ конецъ ихъ мытарствамъ и скитаніямъ: они получили протоколъ и наказъ, „но кайе, соотвѣтствующій желаніямъ общества, былъ передѣланъ и искаженъ, а многія статьи его измѣнены [2])".

Въ другомъ концѣ Франціи, въ окрестностяхъ Парижа, деревню

---

[1]) Самъ Gouges Carton попалъ въ депутаты отъ сосѣдняго городка Moissac не только второстепенный округъ Lauzerte, но въ главный — Cahors, гдѣ былъ избранъ коммиссаромъ, и наконецъ на генеральные штаты.

[2]) Archiv. Nat. B III 126, 747—761. Mémoire contenant plainte pour le sieur Andrieu, consul et collecteur, съ подписями депутатовъ (Lauzerte secondaire de Cahors).

Nantouillet постигло подобное же несчастіе. Сеньеріальный агентъ (Aubry, procureur fiscal) и синдикъ созвали приходское собраніе колокольнымъ звономъ безъ предварительнаго увѣдомленія; предсѣдатель заявилъ, что первый, кто заговоритъ, подвергнется штрафу. Мѣстный священникъ, бывшій во главѣ недовольныхъ, изгнанъ изъ собранія, а за нимъ ушло большинство избирателей. Тогда, въ присутствіи деревенскихъ властей, родни синдика и нѣсколькихъ работавшихъ на фискальнаго прокурора возчиковъ (charretiers), проектъ наказа былъ прочтенъ для виду, а вернувшимся тѣмъ временемъ, по совѣту священника, избирателямъ предложено подписываться на бѣломъ листѣ бумаги, съ тѣмъ, чтобы текстъ наказа былъ вписанъ туда позднѣе. Все это было совершено въ $1^1/_2$ часа, а въ послѣдующіе дни прокуроръ и синдикъ на досугѣ заполнили бумагу по своему усмотрѣнію [1]).

Подобныя же явленія, какъ ниже будетъ показано, происходили во многихъ мѣстахъ. Недаромъ раздаются жалобы и до министровъ доходятъ многочисленныя заявленія отъ имени крестьянъ, что не слѣдуетъ слишкомъ полагаться на ихъ приходской наказъ, такъ какъ они не посмѣли высказаться чистосердечно изъ страха передъ сеньерами.

Литературно составленная жалоба деревни Forges-les-Eaux [2]) въ Нормандіи утверждаетъ, что благодаря произвольной и роковой власти сеньеровъ, а также невѣжественному подчиненію крестьянъ, изъ наказовъ устранено все, что могло живописать тяжелое положеніе народа и помочь бѣдѣ.

Депутатъ деревни St. Maixans [3]) около Бордо сообщаетъ Неккеру,

---

[1]) Шассенъ (Elections de Paris IV, 33), приводя эту жалобу, написанную рукою священника и имъ подписанную, замѣчаетъ, что неудивительно, если въ наказъ не попало требованій противъ сеньеровъ. Это не совсѣмъ точно: въ ст. 4 содержится, весьма скромное, правда, требованіе по ихъ адресу. Далѣе неудовольствіе священника можно объяснить статьями 15 и 18 наказа, требующими чтобы отлучающійся священникъ оставлялъ замѣстителя, и чтобы дорожной повинности подлежало также дворянство и духовенство. Тѣмъ не менѣе суть дѣла отъ этого не мѣняется. Текстъ наказа см. въ *Archives Parlementaires* IV, 747. 748.

[2]) Arch. Nat. B III 43, 70 — 80. (Caux) см. также *Карѣевъ*. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ (приложеніе 17) и *Hippeau*. Les élections de 1789 en Normandie (Paris 1869) 241.

[3]) Archiv. Nat. B III 172, 499—517. 10 марта (M. Joly) „Loi odieuse et opprimante d'imprescriptibilité, que les seigneurs se sont arrogés ou attribués de leur propre et indépendante volonté... Combien (d'actes) ne fait on pas revivre?" см. также у Карѣева.

что составленный имъ проектъ наказа былъ сначала принятъ, но затѣмъ отвергнутъ подъ вліяніемъ нѣсколькихъ привилегированныхъ „имѣющихъ всегда большое значеніе въ деревняхъ и мелкихъ городахъ“; приложенный къ жалобѣ проектъ касался въ умѣренныхъ выраженіяхъ тираніи сеньеровъ и ихъ судей, а также самымъ категорическимъ образомъ высказывался противъ феодальной реакціи.

Ходатай сельскихъ обществъ долины La Valdedagne [1]) жалуется на подобныя же явленія, при чемъ объясняетъ, что жители не посмѣли внести этого въ наказъ, который былъ составленъ сеньеріальнымъ судьей.

Изъ глуши неверскаго округа аббатъ Gasté присылаетъ Неккеру замѣчательную записку въ формѣ наказа деревни Asnan, съ жалобой, что офиціальный кайе этого прихода не выражаетъ истинныхъ желаній избирателей. „Депутаты, избранные въ неверское собраніе, составили или скорѣе заказали (fait faire) наказъ, не спросивъ предварительно мнѣнія прихода. Они быстро прочли это на приходскомъ собраніи и заставили подписать. Эти челобитныя вращаются около общихъ вопросовъ“, а не касаются ближайшихъ нуждъ деревни — преобразованія суда и полиціи; особенно тягостны злоупотребленія фискальнаго прокурора, преданнаго сеньеру, интенданту и субделегату. „Страхъ заставилъ выбрать его въ синдики. Страхъ же послалъ его депутатомъ въ неверское собраніе и далъ ему въ товарищи одного изъ его собратій. Тотъ же страхъ снова зажалъ бы ротъ всѣмъ жителямъ, еслибы не увѣренность, что ихъ жалобы хранятся въ надежной тайнѣ и что нечего боятся ихъ оглашенія“ [2]).

Въ деревнѣ Savonnière (Туренъ) синдикъ также изъ фискальныхъ прокуроровъ, не согласился подписать челобитной о нуждахъ жителей для представленія въ Турское собраніе и за его примѣромъ по-

---

[1]) Diocèse de Carcassonne Archiv. Nat. B. III 169, 288. 15 марта. „N'ayant pas osé l'insérer dans le cahier des doléances publiques, parcequ'elles ont été faites par le Sr Cicéron, notaire, avocat et juge du seigneur du lieu“. Подписано адвокатомъ Dubonnet, не скрывающимъ, что жалобщики, почти повально безграмотные, не присутствовали при составленіи жалобы (absents de mon étude). Рѣшился подписаться лишъ одинъ изъ жителей деревни Arquettes, по имени Simon Combes.

[2]) Archiv. Nat. B^a 58 l. 143, 7°. B III 97, 850—882. *Labot*. Convocation des Etats généraux et législation électorale de 1789 (Nevers 1866) 251. *Archives Parlementaires IV*, 264. См. также у *Карѣева* 347. Аббатъ объясняетъ, что у него тайно хранится подлинная челобитная.

слѣдовало, „боясь себя скомпрометировать“, большинство умѣвшихъ подписать свое имя, почему записка была отвергнута въ Турѣ [1]).

Иногда въ самыхъ наказахъ просвѣчиваетъ противодѣйствіе, оказанное со стороны выясненію истины.

Такъ деревня Puyloubier заявляетъ, что рѣшается сказать правду, „хотя намъ и внушаютъ, что мы когда нибудь дорого поплатимся за усиліе отдѣлаться отъ рабства“ [2]).

Авторъ анонимнаго посланія министру говоритъ, что его помѣщикъ — „seigneur honoraire“ прихода, его старшій сынъ—фермеръ сосѣдняго священника, а младшій—фермеръ монаховъ „сеньеровъ и „патроновъ“. Поэтому они боятся разоблачать (dénoncer) на приходскомъ собраніи злоупотребленія, выгодныя для сеньеровъ и духовенства, язвы деревни, „которыя большинство землевладѣльцевъ принуждены, подобно мнѣ, обойдти молчаніемъ“ [3]).

Нужна была конечно большая смѣлость, чтобы не испугаться угрозъ сильныхъ міра сего.

Кромѣ того, помимо страха ими внушаемаго, судьи и ихъ замѣстители имѣли еще другое могущественное средство для понужденія избирателей, гдѣ и самые твердые люди могли не устоять. Для этого не нужно было, ни грозить, ни кричать. Достаточно было того, чтобы судья отказался подписать неугодный ему наказъ и протоколъ непріятнаго для него избранія; въ такомъ случаѣ и протоколъ и наказъ были недѣйствительны.

Такъ какъ министръ не считалъ возможнымъ *обязать* сеньеріальныхъ судей къ предсѣдательствованію лично въ приходскихъ собраніяхъ, вопросъ же объ ихъ замѣстителяхъ былъ недостаточно ясно предусмотрѣнъ закономъ, возбуждая недоумѣніе самихъ лейтенантовъ, то судьи пользовались этимъ для того, чтобы покидать непокорныя собранія до окончанія выборовъ и отказывать строптивымъ избирателямъ въ утвержденіи наказа и полномочій. Боясь, что окружное собраніе признаетъ такіе выборы недѣйствительными, и не зная, гдѣ найдти законныхъ замѣстителей, люди „уступали, по словамъ Бретта, самымъ ненавистнымъ вліяніямъ изъ опасенія быть лишенными вся-

---

[1]) Archiv. Nat. Ba 2, l. B № 123. Mémoire pour être présenté au roi съ подписью Bodin Dumorie, conseiller du roi, notaire, chirurgien 26-го марта.

[2]) Sénéchaussée d'Aix. *Archives Parlementaires*, VI, 387.

[3]) Archiv. Nat. Ba 8, № 29. 29-го марта 1789.

каго представительства и возможности представить въ окончательныя собранія накопившіяся въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній жалобы" [1]).

Лейтенантъ эсскій сообщалъ Неккеру, что такъ какъ со стороны судей и сеньеріальныхъ секретарей (greffiers) нѣкоторые приходы встрѣтили препятствія въ отношеніи составленія наказовъ и протоколовъ, „я счелъ необходимымъ разрѣшить имъ собираться безъ нихъ (судей)" [2]). Недаромъ приходскіе наказы этой сенешоссеи (Aix) такъ обильны жалобами на сеньеріальный режимъ [3]).

Лейтенантъ тулузскій сообщаетъ министру юстиціи жалобу деревни Bonrepos, гдѣ сеньеръ воспротивился какимъ бы то ни было избирательнымъ дѣйствіямъ, боясь, что жители доведутъ до свѣдѣнія монарха о захватѣ имъ общинныхъ земель, исконнаго достоянія деревни [4]).

Въ Nissergues судья „потребовалъ, чтобы ему показали наказъ, вращавшійся около сквернаго обращенія и вреда, приносимаго деревнѣ бенедиктинцами ихъ сеньерами и десятинщиками (décimateurs). Судья Montagnel, душой и тѣломъ преданный этимъ монахамъ, не хотѣлъ, чтобы наши жалобы достигли подножія трона; вотъ единственная причина его отказа" [5]), вслѣдствіе котораго выборы не могли состояться.

Жителямъ мѣстечка Moëres удалось завершить избирательныя дѣй-

---

[1]) *Brette*. „Recueil des documents relatifs à la convocation des Etats Généraux" Archiv. Nat. B III, 60, 108, 110. „Нельзя заставлять сеньеріальныхъ судей являться для предсѣдательствованія въ собраніе" отвѣчалъ министръ упомянутому уже лейтенанту Бонскому (Beaune), обезпокоенному тѣмъ, что большинство этихъ судей намѣрены были отъ этого уклониться.

[2]) Archiv. Nat. B III, 2, 187, 27-го марта. „Plusieurs communautés ont trouvé des difficultés de la part des lieutenants de juge et des seigneurs pour rédiger leurs déliberations et leurs doléances; j'ai cru devoir les autoriser à s'assembler sans eux".

[3]) Изданы въ *Archives Parlementaires*.

[4]) Archiv. Nat. B III, 126, 395. (Montauban) qui se plaint d'avoir été empêchée d'obéir au reglement fait par le roi pour la nomination des députés, par les menées du sieur Reden, leur seigneur, qui de concert avec le secrétaire de ladite communauté, s'est opposé à ce qu'il fût convoqué aucune assemblée, quoiqu'elle eût été demandée par les consuls...... l'opposition de ce seigneur a eu pour motif la crainte où il a été, que ses vassaux ne fissent parvenir au pieds du trône leurs justes réclamations au sujet des usurpations qu'il a faites, des patrimoniaux de ladite communauté.

[5]) Archiv. Nat. B III, 171, 83, lettre du syndic forain, ancien capitaine de grenadiers et chevalier de St. Louis Неккеру 13-го апрѣля.

ствія только послѣ борьбы и сопротивленія, такъ что ихъ представители явились съ наказомъ въ округѣ слишкомъ поздно [1]).

Въ Bachivilliers [2]) предсѣдательствовавшій синдикъ—„союзникъ сеньера", открылъ засѣданіе 8-го марта, не предувѣдомивъ никого наканунѣ во время всенощной; когда избиратели, созванные всего нѣсколькими ударами въ колоколъ, роптали на неожиданность созыва, то синдикъ рѣзко (avec insolence) оборвалъ, что *у него имѣются болѣе спѣшныя дѣла, созывъ же генеральныхъ штатовъ обусловленъ желаніемъ короля добыть побольше денегъ* (que tout ce que le Roi faisait n'etait que pour tirer de l'argent), а между тѣмъ онъ, синдикъ, не знаетъ, куда дѣться отъ хлопотъ (qu'il ne sçavait plus de quel côté donner la tête). Наказъ, направленный противъ феодальныхъ правъ, синдикъ отказался подписать и не засвидѣтельствовалъ протокола; многіе недоимщики (relicataires) послѣдовали его примѣру, будучи „союзниками сеньера изъ страха взысканія по недоимкамъ за цензъ, въ 3 раза превышающій королевскія подати, вслѣдствіе чего сеньеръ и его барышня (demoiselle)" держатъ въ рукахъ населеніе, при содѣйствіи синдика. Такимъ образомъ депутаты деревни явились въ округъ безъ надлежаще засвидѣтельствованныхъ полномочій.

Въ Камбрези муниципалитеты, имѣвшіе тамъ судебную власть, прибѣгли къ подобной же тактикѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Такъ какъ протоколы и наказы не считались дѣйствительными безъ подписи этихъ должностныхъ лицъ, то „муниципальныя власти — агенты монастырей или сеньеровъ, или фермеры тѣхъ и другихъ. воспользовались этими обязательными формальностями. Предсѣдательствуя въ собраніяхъ, они хотѣли тамъ главенствовать и дѣйствительно оказались господами въ большей части приходовъ; они редактировали наказы по своей фантазіи или отказывались подписывать протоколы и наказы, когда въ нихъ задѣты были (blessés) частные

---

[1]) B[a] 18, l. 21, 21[a]. B. III, 20, 648. (Bailleul) 26-го марта избранъ былъ одинъ депутатъ, „Mais par interruption dans l'assemblée, occasionnée par un homme attaché à la régie, la compagnie s'est séparée vers le soir, et n'ayant ni église, ni syndic, ni commissaire à la tête de notre assemblée, nous n'avons pu reprendre qu'avec beaucoup de peine, pour former notre cahier de doléances, qui n'a pu avoir lieu les 29 et 30 Mars, et plusieurs habitants n'osaient paraître, *sachant que les régisseurs disaient que cela n'était pas nécessaire*; l'huissier étant parti avec le règlement, nous étions privés de toutes instructions nécessaires".

[2]) (Chaumont en Vexin). Archiv. Nat. B III, 46, 321—327. Прошеніе на Высочайшее имя и жалоба наслѣднику престола (Monsieur) 17-го апрѣля.

интересы ихъ самихъ или господъ. Они отвергали жалобы бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ, говоря, что ихъ требованія неразумны". Деревни, желанія которыхъ сводились къ отмѣнѣ „остатковъ феодальныхъ правъ, существующихъ еще въ этой провинціи болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было", возбудили протесты, но какъ извѣстно [1]), главный бальи издалъ ордоннансъ, чтобы „поддержать" муниципальныя власти и „смутить третье сословіе"; а именно приказано было произвести новые выборы тамъ, гдѣ происходили смуты (то-есть гдѣ муниципальныя власти нашли смуту), при чемъ избирателей предупредили, что не будутъ приняты выборы депутатовъ „изъ людей безъ репутаціи и нравы которыхъ мало извѣстны" (ордоннансъ 7-го апрѣля 1789 г.). Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ жалобщикъ оказался правъ, говоря, что „созвали деревню такъ, чтобы (можно было) зажать ей ротъ" [2]).

Слѣды подобной же тактики можно найдти въ самихъ приходскихъ наказахъ.

Наказъ деревни Etcrpigny гласитъ, что „въ виду отказа бальи собрать упомянутое общество", они сошлись 25-го марта подъ предсѣдательствомъ ешевена Marteloi. Зато самое содержаніе кайе дышетъ духомъ независимости: въ краткихъ выраженіяхъ упраздняются всѣ язвы сеньеріальнаго режима и административнаго произвола, при чемъ сообщается о захватѣ сеньеромъ общинныхъ пустошей, вслѣдствіе чего жители почти не могутъ больше держать скота и добывать топливо [3]).

Наказъ деревни Arcy sur-Cure, обзывающій сеньеріальныхъ судей піявками, сообщаетъ, что „они не краснѣя отказали нижеподписавшимся въ услугѣ проредактировать ихъ челобитья" [4]); за то этотъ документъ, подписанный синдикомъ, перечисляетъ феодальныя права

---

[1]) См. выше глава первая.

[2]) Archiv. Nat· B* 2 1 B № 31. Письмо Неккеру отъ P. Ph. Baudouin dit Point du jour à Quiévi (29 Avril 1789).

[3]) Bailliage de Douai. Текстъ наказа въ *Archives Parlementaires* Лорана и Мавидаля III 239. *Ardouin Dumazet.* Le Nord en 1789. (Paris 1889) 121. Авторъ видитъ въ этомъ уже предвѣстника революціи.

[4]) Текстъ см. у *Demay.* Cahiers des paroisses du bailliage d'Auxerre (1885). Это слишкомъ строго. Конечно піявки съ своей точки зрѣнія правы, не желая редактировать подобныя по своему адресу любезности. Но отъ этого дѣло не мѣняется и данный случай наглядно показываетъ, какъ силою вещей сеньеріальные судьи поневолѣ должны были стоять поперегъ дороги избирателямъ.

сеньера, захваты общинныхъ земель, прижимки относительно прогоновъ, стѣсненія въ производствѣ жатвы и т. д. Совсѣмъ инаго рода наказъ получился бы, вѣроятно, еслибы синдикъ, какъ это часто бывало, держался за одно съ сеньеромъ и судьями.

Во время окружнаго собранія въ Валансьенъ [1]) явился нѣкто L. Betremieux, житель мѣстечка Verchin, съ заявленіемъ, что его односельчане не составили наказа и не избрали депутатовъ, такъ какъ бальи отказался внести въ наказъ все то, чего желали избиратели. Тогда отправили на мѣсто происшествія совѣтника округа, M. Tomboise, передъ которымъ избиратели составили наказъ и утвердили полномочія депутатовъ. Эти стойкіе люди настояли на своемъ благодаря участію окружнаго собранія и потому, что нашелся человѣкъ, способный вызвать это участіе, но много ли было такихъ внимательныхъ собраній какъ Валансіенское, такихъ людей, какъ Louis Betremieux, и деревенскихъ избирателей одного закала съ вершенцами?

Косвеннымъ и притомъ отрицательнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ самое содержаніе нѣкоторыхъ наказовъ, явно подсказанныхъ или прямо навязанныхъ страхомъ.

Этимъ именно дѣйствіемъ страха объясняетъ провинціальный историкъ Бюссіеръ [2]), почему напримѣръ въ Перигорѣ приходскіе наказы такъ рѣдко жалуются на сеньеріальную юстицію: нужна была для этого „необыденная смѣлость“.

V.

Иногда самъ помѣщикъ выдвигается при этомъ на первый планъ. Таковъ герцогъ Люксембургскій; въ четвергъ 12-го февраля онъ пріѣхалъ въ свой замокъ Chatillon sur Loing, а во вторникъ 17-го созвалъ зависящихъ отъ него горожанъ и купцовъ — своихъ поставщиковъ и довѣренныхъ людей—для соотвѣтствующаго внушенія; съ тою же цѣлью вызваны были синдики и священники изъ деревень его обширныхъ владѣній. Имъ преподаны были указанія на счетъ будущихъ генеральныхъ штатовъ, намѣчены „креатуры“, которыхъ герцогъ желалъ видѣть избранными, дано предостереженіе противъ

---

[1]) Archiv. Nat. B III 128. Ba 71. l. 169, 9e протоколъ собранія prévôté et comté de Valenciennes.

[2]) *Bussière.* Etudes historiques sur la Révolution en Perigord. II, 111.

тѣхъ независимыхъ адвокатовъ, которые способны были внести въ наказы жалобы на злоупотребленія сеньеріальный юстиціи. Внушенія эти не пропали даромъ. Мэръ упомянутаго городка, душею и тѣломъ преданный сеньеру (âme damnée), отстранилъ секретаря и самъ записывалъ избирательные голоса, такъ что, конечно, избранными оказались онъ самъ и нѣсколько людей сеньера; наказъ былъ составленъ имъ самимъ и конечно въ немъ не было ни слова о сеньеріальныхъ правахъ. То же произошло въ городкѣ Champignelles и другихъ приходахъ, гдѣ предсѣдательствовали сеньеріальный судья, фискальный прокуроръ и довѣренныя лица сеньера (gens affidés au seigneur [1]),

Въ окрестностяхъ Парижа, въ Jagny, сеньеръ, узнавъ, что буржуа Гупи составилъ проектъ наказа для приходскаго собранія, разспрашивалъ жителей насчетъ его содержанія „и въ частности спросилъ, касается ли онъ сеньеріальныхъ правъ, охоты и пониженія цѣнъ на хлѣбъ". И вотъ 16-го апрѣля сеньеръ подослалъ въ собраніе женщину [2]) съ другимъ проектомъ наказа; когда Гупи прочелъ свой кайе, „она прочла другой, въ которомъ 1-я статья требовала сохраненія сеньеріальныхъ правъ"; послѣдній былъ принятъ, какъ какъ никто не рѣшился протестовать, кромѣ одного добродѣтельнаго земледѣльца и его сына—фермера, снявшаго въ аренду даже феодальныя права сеньера. Наказъ [3]), такимъ образомъ утвержденный, признаетъ

---

[1]) Archiv. Nat. B III 90, 85—88. 137—142. Письма Serret Lierds, écuyer, avocat en Parlement, Неккеру. Авторъ утѣшается надеждой, что наказы, составленные при такихъ условіяхъ, не будутъ приняты во вниманіе собраніемъ округао (Montargis).

[2]) Archiv. Nat. B III 102, 618 — 621. Письмо Goupy Неккеру 17-го апрѣля. (Paris). Гупи называетъ ее женщиной, разведшейся съ лучшимъ изъ мужей, интриганкой, кляузницею (processive), вмѣшивающейся во все, кромѣ добрыхъ дѣлъ, нарушительницей общественнаго порядка, не брезгающей никакими средствами.

[3]) Archives Parlementaires IV, 610. 611. Parlerons nous de la suppression des droits d'un seigneur, dont le souvenir des bienfaits semble imposer silenc, droits consacrés par l'usage, peut être plus que par le temps? Mais une fois la lumière sortie des ténèbres nous promet de la part de notre seigneur tous les sacrifices dus au besoin d'une réforme vraiment nécessaire, et quand un bon roi demande, qui ne peut accorder? Вопросъ о дорогѣ въ ст. 7. Начинается наказъ съ текста изъ псалма. Раздраженный Гупи называетъ это отвратительной рапсодіей, компиляціей изъ скверныхъ листковъ, отъ которой дѣлается тошно и т. п. Его отвергнутый проектъ былъ прямо направленъ противъ сеньеровъ (особенно

незыблемость правъ сеньера, но ожидаетъ отъ него всѣхъ необходимыхъ жертвъ, безъ всякаго ихъ опредѣленія; въ уклончивой формѣ все ставится въ зависимость отъ личнаго усмотрѣнія сеньера; жители желали бы также возстановленія дороги, которую сеньеръ пересѣкъ паркомъ съ оградой, но и тутъ готовы идти на уступки, „чтобы сообразоваться съ желаніями M. le duc Gesvres“.

На Югѣ, въ деревнѣ Unzent, сеньеръ, судившійся съ жителями уже болѣе 10 лѣтъ, внесъ смуту въ собраніе и добивался въ округѣ (Foix) признанія выборовъ недѣйствительными.

Въ Лангедокѣ, жители трехъ деревень (Bez, Brassac de Castelnau, Brassac de Belfourtès) были созваны консулами и сеньеріальнымъ судьею (Viterbe) въ Brassac de Castelnau 13-го марта; туда же „явился и сеньеръ de Belfourtès, для того вѣроятно, чтобы стѣснить собраніе или по другой намъ невѣдомой причинѣ“. Деревня Безъ жалуется, что составители наказа — судья, оба консула и депутатъ, назначенный „по ихъ фантазіи“—отказались внести въ текстъ многія требованія, несмотря на настоянія и мольбы избирателей, „подъ тѣмъ предлогомъ что отъ этого легче не будетъ (qu'on ne serait pas plus avancé), что его величество оставитъ эти жалобы безъ всякаго уваженія; все для того, чтобы не сказать, что они не хотѣли непонравиться сеньеру“.

То же случилось и съ сосѣдними деревнями, гдѣ сеньеріальный агентъ добился отмѣны требованій, уже внесенныхъ въ наказъ, что вызвало сильнѣйшее неудовольствіе и борьбу (terribles contestations). Изъ присланнаго Неккеру отвергнутаго проекта наказа видно, что требованія крестьянъ касались главнымъ образомъ сеньеріальнаго гнета: тутъ и зависимое отъ сеньеровъ положеніе консуловъ, ограниченіе въ правѣ охоты, рыбной ловли и пастьбы скота, дурное обращеніе съ народомъ (les seigneurs qui nous traitent comme on ne peut pas), тягость поборовъ; особенно настойчивы жалобы относительно права пастьбы (article 11), котораго крестьяне лишились „по распоряженію, испрошенному сеньеромъ“ у высшей мѣстной администраціи, такъ что бѣдняки не могутъ болѣе держать козъ и нуждаются поэтому въ молокѣ особенно для дѣтей [1]).

ст. 7—10. 16). Статья 10 гласитъ: La suppression de tous droits seigneuriaux; ces droits sont illusoires, abusifs, avilissants; ils ecrasent le pauvre cultivateur et sont contraires au droit public.

[1]) Archiv. Nat. B. III, 166, 307—320. diocèse de Carcassonne жалоба жителей Беза Неккеру. См. также у Карѣева.

Въ одной современной брошюрѣ [1]) изображается графъ, предписывающій своимъ арендаторамъ и половникамъ избирать въ депутаты дворянъ, сенешаловъ, фискальныхъ прокуроровъ и другихъ агентовъ сеньера; онъ задалъ священникамъ большой обѣдъ, а тѣ имѣли слабость (lâcheté) въ качествѣ редакторовъ наказовъ упразднить (supprimer) желаніе избирателей и обмануть тѣмъ довѣріе паствы.

Въ Vermandois духовные сеньеры грозили своимъ фермерамъ „припомнить имъ это къ истеченію срока арендъ, если они изберутъ въ третьемъ сословіи лицъ, неугодныхъ духовенству".

Авторъ анонимной записки къ министру сравниваетъ присутствіе сеньера среди зависимыхъ отъ него людей съ появленіемъ монарха на генеральныхъ штатахъ; „это неудобство было замѣчено во всѣ времена" и парламенты всегда требуютъ удаленія сеньера не только отъ предсѣдательства, но даже отъ присутствія на сельскихъ сходахъ; люди никогда не будутъ свободно разсуждать передъ сеньеромъ: „Какой смѣльчакъ рѣшится подать противное мнѣніе? Онъ останется одинъ и будетъ раскаиваться за себя или за своихъ. Удивительно, Монсеньеръ, сколько существуетъ деспотовъ среди сеньеровъ, особенно среди судейскихъ". Строптивые члены общества впадутъ въ немилость передъ могущественною партіей сеньера, не будутъ въ состояніи являться на собраніе, „тогда сеньеръ, предсѣдательствуя надъ 5 или 6 земледѣльцами или ремесленниками своей сеньеріи, будетъ дѣлать, что ему угодно" среди вассаловъ, живущихъ по большей части на его харчахъ (qui mangent le plus souvent sa soupe), при участіи судей, всецѣло ему преданныхъ, ибо существуютъ только въ силу словъ, начертанныхъ на ихъ полномочіяхъ: „доколѣ намъ (то-есть сеньеру) будетъ угодно" (pour tant qu'il nous plaira) [3]).

Въ другой запискѣ конца 1788 года [4]) проводится та мысль, что крестьяне сравнительно счастливы тамъ, гдѣ нѣтъ сеньеровъ, гдѣ они образуютъ сельскія общества, выбираютъ синдиковъ, сборщиковъ податей и т. п., гдѣ имѣются общинныя угодья. „Изъ этихъ прихо-

---

[1]) Bibliothèque Nationale L b³⁹ — 1242. „Lettre à un seigneur d'Anjou accusé de tromper le peuple" (Angers 1789).

[2]) *Fleury*. Elections aux Etats généraux de 1789. (Laon 1872). Introduction 82.

[3]) Archiv. Nat. Bª 8 № 27. 26-го февраля 1789 года.

[4]) Archiv. Nat. Bª 8 № 15. Mémoire d' un patriote en faveur du tiers état contre la trop grande autorité des seigneurs de paroisse (12-го ноября 1788 года).

довъ выходятъ люди, воспитанные на свободѣ, и ко всему пригодные; напротивъ тамъ, гдѣ пребываютъ сеньеры, жители низкопоклонны, ползаютъ (rampants), гибки безъ энергіи, безъ способности къ добру". Эти деревни, „policées par la présence des seigneurs" не стóятъ тѣхъ, которыя пользуются свободой: „пусть въ нихъ поютъ хвалу сеньерамъ, пусть эти послѣдніе приходятъ къ нимъ на помощь, однако *способъ оказанія (этой помощи) мѣшаетъ ихъ любить*". Сеньерамъ ничего не стóитъ провести въ синдики своего главнаго судью, „а члены прихода посмѣютъ ли противиться сеньеру и судьѣ? Нѣтъ! опытъ это ежедневно показываетъ". Авторъ повторяетъ изреченіе, что мало на свѣтѣ крестьянъ столь несчастныхъ, какъ французскіе, вслѣдствіе сеньеріальныхъ правъ; онъ настоятельно проситъ прежде всего уничтоженія „рабства" сеньеріальной юстиціи.

Не слѣдуетъ однако придавать слишкомъ распространительное толкованіе указаннымъ фактамъ и приведеннымъ разсужденіямъ. Пересмотрѣвъ 88 картоновъ серіи „B^a" и 174 фоліанта серіи „B III" національнаго архива въ Парижѣ, нельзя не замѣтить, что въ избирательной борьбѣ, охватившей французскую деревню въ 1789 году, личность помѣщика въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ почти совершенно стушевывается. Помѣщикъ, повидимому, отсутствуетъ, или ни во что не вмѣшивается, давленіе же производятъ разныя лица изъ мелкой буржуазіи или выбившагося въ люди крестьянства. Эти люди дѣйствуютъ, повидимому, даже безъ всякаго уговора съ помѣщикомъ, а на свой страхъ, будучи тѣсно связаны съ сеньеріальнымъ режимомъ, около котораго кормятся. Сеньеріальный судъ давалъ просторъ „піявкамъ", противъ которыхъ былъ такъ озлобленъ народъ, феодальныя права вызывали къ жизни самые разнообразные источники доходовъ, создавая разнообразныя профессіи законниковъ (homme féodal, homme de fief), приказчиковъ, сборщиковъ, съемщиковъ разнаго рода. Защищая помѣщичьи права, эти люди отстаивали свое собственное дѣло.

Самъ же помѣщикъ рѣдко, сравнительно, вмѣшивался въ выборы крестьянства. Это объясняется отчасти абсентеизмомъ знати, отчасти свойственнымъ человѣку равнодушіемъ къ тому, что прямо на его интересахъ не отражается [1]). Къ тому же вмѣшательство сеньера

[1]) Будущаго предвидѣть было невозможно. Историческіе генеральные штаты были земскими соборами, мнѣніе которыхъ не было обязательно для монарха, политическихъ же программъ, какъ въ конституціонныхъ государствахъ еще не было надлежащимъ образомъ выработано.

являлось бы прямымъ нарушеніемъ закона, да и само настроеніе дворянства въ это тревожное время, полное смутныхъ надеждъ и серьезныхъ опасеній, противорѣчило такому поведенію. Дворянство безпокоилось за свои привилегіи, но чувствовало, что отъ нихъ придется частью отказаться.

„Всѣ такъ тяготились дворомъ и министрами, что большинство (провинціальнаго дворянства) были демократами" [1]). Дворяне оказывали предпочтеніе явнымъ революціонерамъ передъ министерскими угодниками [2]); такіе люди, какъ Петіонъ и Бриссо попали въ національное собраніе при содѣйствіи епископа, графа и графини; виконтъ д'Антрегъ писалъ зажигательныя брошюры. Во время выборовъ дворяне въ родѣ маркиза de Noailles [3]), виконта d'Ermenonville [4]) и другіе блистали своимъ либерализмомъ, не говоря уже о Лафайетѣ, Мирабо или аббатѣ Сійесѣ, ставшихъ во главѣ всего движенія.

Конечно дворянство наканунѣ переворота не было сознательно сплоченною массой съ общими интересами и единою программой. Различія въ достаткѣ и образѣ жизни порождали цѣлую пропасть въ средѣ одного и того же сословія. Бѣдные помѣщики, перебивавшіеся въ медвѣжьихъ углахъ своихъ имѣній, ненавидѣли придворную знать, жившую пенсіями и всевозможными подачками отъ казны, блестящихъ кавалеровъ, озолотившихъ свои гербы (redorer le blason) браками съ дочерьми откупщиковъ, спекулянтовъ, банкировъ.

Тѣмъ не менѣе, при всемъ разнообразіи настроеній и потребностей, наблюдаемомъ въ нѣдрахъ дворянскаго сословія, несомнѣнно, что въ общемъ итогѣ народолюбіе XVIII вѣка и общее смягченіе нравовъ сгладили до неузнаваемости грубыя черты стараго феодала, требовавшаго отъ крестьянъ безпрекословной покорности.

Правда, можно подмѣтить единичныя вспышки стараго духа. Такъ въ Сомюрскомъ окружномъ собраніи священникъ обвинилъ аристократа M. de Montsabert, явившагося съ полномочіями трехъ деревень, въ отзывѣ, что третье сословіе, это свора гончихъ, которыхъ надо хлыстомъ загнать въ псарню [5]).

---

[1]) Ferrières.

[2]) *Cherest*, Chute de l'ancien régime, I, 147, 161, 174, 267, 277, 296; II, 575, 576. Шере прекрасно обрисовалъ это настроеніе, съ его колебаніями и узко сословной подкладкой многихъ его проявленій.

[3]) Сенешалъ въ Немурѣ.

[4]) Въ Санлисѣ онъ отказался засѣдать въ дворянскомъ собраніи, но въ депутаты 3-го сословія не попалъ, хотя горячо ратовалъ за его интересы.

[5]) Archiv. Nat. B III, 140, 582, 514. „Comme des chiens de meute qu'on fait rentrer au chenil à coup de fouet".

Въ Сансѣ (Sens) кто то изъ привилегированныхъ сказалъ про народъ: „Чего вы хотите отъ этихъ людей? это звѣри, это лошади", на что горожанинъ отвѣчалъ, что они не звѣри, а французы [1]).

Въ Кутансѣ дворянинъ, гуляя съ дамой, сдѣлалъ неумѣстное замѣчаніе мельнику, ѣхавшему на ослѣ, и ударилъ его палкой, но мельникъ поколотилъ барина и сломалъ его шпагу. Узнавъ объ этомъ происшествіи, дворянское собраніе, возмущенное поведеніемъ своего сочлена, предложило раненому мельнику денежное пособіе (отъ котораго тотъ отказался), а третье сословіе сдѣлало овацію этому герою дня, котораго возили по городу на ослѣ, украшенномъ лавровыми вѣтвями [2]).

Однако такія единичныя проявленія стариннаго дворянскаго своеволія представляли повидимому исключеніе, а послѣдній анекдотъ лишній разъ показываетъ, какъ сильно измѣнилось дворянство подъ вліяніемъ „духа времени" и обстоятельствъ. Въ его средѣ проявлялись различныя идейныя теченія: „большинство боится гибели своихъ привилегій, остальные, увлекаемые чувствомъ справедливости, политическимъ разсчетомъ или энтузіазмомъ, пожертвовали общему благу и общему облегченію—своими (податными) привилегіями" [3]). Лафайетъ [4]) опредѣляетъ наказы своего сословія, какъ смѣсь великихъ принциповъ и ничтожныхъ мелочей, популярныхъ идей и феодальныхъ воззрѣній; „il y a 200 ans d'un article à l'autre". Равнодѣйствующею этихъ двухъ теченій явилось примирительное направленіе, предлагавшее третьему сословію компромиссъ на почвѣ отказа дворянства отъ податныхъ изъятій, подъ условіемъ сохраненія всѣхъ его остальныхъ преимуществъ и прерогативъ. При такихъ условіяхъ даже дворяне стараго закала, вѣроятно, не считали удобнымъ раздражать сильно уже повысившую тонъ буржуазію вмѣшательствомъ въ крестьянскіе выборы.

---

[1]) Объ этомъ столкновеніи см. главу первую.

[2]) *Luchet*, Mémoires pour servir à l'histoire de l'année 1789. (Paris. 1790), I, 250; un gentilhomme se promenait avec une dame, près d'eux passait un meunier, monté sur son âne, qui dans ce moment laisse échapper avec bruit ce que dans certaine comédie on appelle un vent échappé par derrière. Fi le vilain, dit le gentilhomme en se retournant et apostrophant le meunier. C'est mon âne, Monsieur, dit le meunier.

[3]) Archiv. Nat. B^a 2 l. A. № 7. „Réflexions d'un citoyen", съ препроводительнымъ письмомъ Albisson de Montpellier 19-го апрѣля.

[4]) *Chassin*, Génie de la Révolution, I, 253.

Во всякомъ случаѣ о насильственномъ воздѣйствіи не могло быть и рѣчи. Напротивъ, дворяне считали или выставляли себя естественными союзниками крестьянъ противъ буржуазіи. Во многихъ брошюрахъ аристократическаго направленія указывается на антагонизмъ города деревни, земледѣлія и промышленности, крестьнства и буржуазіи: дворяне толкуютъ о четвертомъ сословіи [1]), предлагая ему свои услуги для борьбы съ третьимъ. Радикальные публицисты запальчиво полемизировали противъ этой попытки „посѣять раздоръ въ третьемъ сословіи".

Какъ бы то ни было, совершенно ошибочно представлять дворянъ грозными господами во время приходскихъ собраній. Напротивъ, радикальные публицисты обвиняютъ ихъ въ ухаживаніи и заискиваніи передъ народомъ, съ заднею мыслью повлiять на судьбу выборовъ въ смыслѣ благопріятномъ для сохраненія привилегій.

Радикальный анжуйскій депутатъ Вольней въ брошюрѣ, обращенной къ „деревенскимъ жителямъ, фермерамъ, половникамъ и вассаламъ нѣкоторыхъ сеньоровъ, обманывающихъ народъ", возражаетъ противъ рѣчей, будто города враждебны деревнѣ, а также защищаетъ отъ нареканій помѣщиковъ изъ разночинцевъ. Дворяне, по его словамъ, пользуются довѣрчивостью крестьянъ: „вы видите, какъ въ настоящую минуту они осыпаютъ васъ любезностями, берутъ одного за руку, хлопаютъ другаго по плечу" [2]).

Въ другой брошюрѣ, выпущенной тамъ же обществомъ „буржуа, соединившихся для защиты правъ народа и инструкцій крестьянамъ" ведется любопытная полемика съ нѣкіимъ графомъ, разославшимъ по деревнямъ проекты наказовъ. Его обвиняютъ въ подговариваніи дере-

[1]) Въ брошюрѣ „Le seul interêt de tous par un gentilhomme de Normandie" проводится та мысль, что неравенство въ состояніяхъ производитъ ту же рознь, какъ и прерогативы рожденія. Въ 3-ьемъ сословіи нѣсколько классовъ, начиная съ „haut tiers". Авторъ защищаетъ феодальныя права, но вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ сдѣлать большія уступки земледѣльцамъ, если третье сословіе будетъ раздѣлено на крестьянъ и горожанъ; первые изъ нихъ имѣютъ много общихъ интересовъ съ дворянствомъ и должны образовать особое сословіе, по примѣру Швеціи. (*Hippeau*. Elections de 1789 en Normandie).

[2]) Bibliothèque Nationale L b³⁹ 1856. Lettre des bourgeois aux gens de campagne, fermiers, métayers et vassaux de certains seigneurs qui trompent le peuple (Angers Mars 1789. 8°). 9. „Mais nous messieurs, nous sommes bien réellement vos amis, et pour en juger par vous mêmes, ouvrez nos cahiers de doléances. (21) Voyez vous qu'en ce moment ils vous comblent de politesses, ils prennent la main à celuci frappent sur l'épaulé de celuilà.

вень противъ городовъ, въ проповѣди „довѣрія сеньерамъ приходовъ и должностнымъ лицамъ ихъ судовъ", въ ловкихъ „совѣгахъ" выбирать дворянъ благожелательныхъ и друзей народа; графъ далъ священникамъ обѣдъ для того, чтобы тѣ обманули довѣріе своей паствы при редакціи наказовъ. Буржуа иронически спрашиваютъ, правда ли, что графъ каждое утро бѣгаетъ гусеницей (en chenille) по окрестностямъ, входитъ въ фермы, садится на кончикъ скамейки и, грызя съ видомъ аппетита кусокъ чернаго хлѣба, ласкаетъ ребенка, занимаетъ мать, бесѣдуетъ о птичникѣ и хозяйствѣ и кончаетъ разговоромъ о податномъ вопросѣ [1]).

Разговоры о четвертомъ сословіи, объ „ordre des paysans" шли главнымъ образомъ изъ дворянской среды [2]). Дворяне разсылали по деревнямъ циркуляры, предлагая себя въ защитники народа противъ городовъ, буржуазіи [3]), администраціи. Буржуазія очень безпокоилась по поводу этого, боясь вліянія дворянства на выборахъ; ревность ея проявлялась на каждомъ шагу. Въ Дижонѣ, въ отвѣтъ на принципіальный отказъ дворянства отъ податныхъ изъятій, появились прокламаціи, чтобы народъ этому не вѣрилъ, такъ какъ дворянство хочетъ его заманить (amorcer), пустить пыль въ глаза и т. д. Въ Шартрѣ, въ отвѣтъ на „циркуляръ" въ пользу дворянства, судебные пристава раздавали вмѣстѣ съ созывными грамотами „Avis aux habitants des campagnes" съ предостереженіемъ противъ дворянъ, предлагающихъ свои услуги, чтобы поставить народу ловушку (pièges) и обмануть его довѣріе.

Изученіе матеріаловъ, относящихся къ деревенскимъ выборамъ, приводитъ къ убѣжденію, что дворянство не осталось совершенно въ сторонѣ отъ крестьянскихъ выборовъ: иногда сеньеръ самъ пишетъ

---

[1]) Bibliothèque Nationale L b 39 1242. Lettre à un Seigneur d Anjou, accusé de tromper le peuple (Angers 1789. 8°).

[2]) *Chassin.* Génie de la Révolution I 127. 406—409. *Карѣевъ.* Крестьяне и крестьянскій вопросъ 327—333. 392—394.

[3]) Bibl. Nat. L b 39 791. *„S'il est de l'intérêt du tiers état de se choisir des représentants dans son sein exclusivement"* 8°. Le tiers semble craindre d'être mal défendu par les nobles, parce qu'il leur suppose des intérêts très opposés aux siens. Rien n'est plus faux néanmoins, du moins pour la très grande partie. Les communautés, les privilèges, les maîtrises qui sont dans les villes, ont des intérêts bien plus opposés à ceux des campagnes, que les seigneurs de fiefs, qui en cette qualité sont eux mêmes des habitants de la campagne. C'est par eux que les paysans sont aidés, secourus dans leurs besoins, ce sont eux qui les font travailler et qui y portent leur argent.

приходскій наказъ или является въ окружное собраніе съ полномочіями своей деревни. Но сами враги этого сословія обвиняютъ послѣднее не въ насиліи, а наоборотъ въ коварномъ заискиваніи передъ народомъ. При такихъ условіяхъ говорить о давленіи съ ихъ стороны не приходится.

Такимъ образомъ, съ какой стороны ни посмотрѣть на роль дворянства во время выборовъ, несомнѣнно, что избирательная борьба въ деревняхъ велась не столько съ личностью помѣщика (все равно, дворянинъ ли онъ, или разночинецъ), не столько съ дворянскимъ сословіемъ, сколько съ безличнымъ сеньеріальнымъ строемъ, съ безличными остатками феодальной старины. Эти феодальныя права, осужденныя на смерть переживанія другихъ временъ (которыя мирно похоронилъ бы Тюрго, еслибы исторія создавалась только исключительными личностями), были дороги не однимъ дворянамъ, а многому множеству людей низшаго званія. Въ этомъ смыслѣ нужно внести поправку или во всякомъ случаѣ сдѣлать существенныя оговорки въ республиканской исторіографіи, строгой по отношенію къ дворянству, но склонной черезъ чуръ идеализировать роль буржуазіи наканунѣ крушенія стараго порядка. Глубокая пропасть лежала одинаково между дворянствомъ и народомъ, какъ между народомъ и буржуазіей. Во Франціи было не три сословія, а 4 или даже 5, хотя люди прошлаго вѣка въ большинствѣ случаевъ [1]) этого не видѣли или не хотѣли видѣть.

Если разбирать деревенскіе выборы 1789 г. на основаніи архивнаго матеріала, а не оцѣнокъ современныхъ публицистовъ, то о дворянахъ, какъ участникахъ въ избирательной борьбѣ, упоминать не приходится. Въ силу вещей они стояли въ сторонѣ и недостаточно соприкасались съ народомъ, чтобы лично оказать прямое воздѣйствіе въ сколько нибудь широкихъ размѣрахъ. Нѣкоторые дворяне можетъ быть и склонны были къ этому, но оказывались въ положеніи того сеньера мѣстечка Hondtchoote, который прозѣвалъ наказъ, враждебный его сеньеріальнымъ правамъ, и спохватился только послѣ выборовъ, „узнавъ, къ своему удивленію“ и „совершенно случайно“, что зависимые отъ него люди предъявили требованія („которыя были отъ меня

---

[1]) Многія брошюры толкуютъ прямо о 4-омъ сословіи; въ частной и административной перепискѣ иногда весьма рѣзко выдѣляется буржуазія изъ народа. Уже во время выборовъ 1789 г. раздавались голоса въ пользу имущественнаго ценза, такъ скоро выплывшаго наружу во время революціи. Правительство Людовика XVI было въ этомъ смыслѣ гораздо демократичнѣе многихъ буржуа, даже либеральныхъ.

скрыты до сего дня") въ смыслѣ упраздненія вотчиннаго суда, права охоты и т. п. съ обязательнымъ выкупомъ феодальныхъ повинностей [1]).

Въ большинствѣ случаевъ не дворяне производили давленіе на крестьянъ, а многочисленные и гораздо болѣе близкіе къ народу члены третьяго сословія: мелкая сошка, питавшаяся около сбора феодальныхъ повинностей и отправленія вотчиннаго суда — вотъ гдѣ была главная опасность въ смыслѣ давленія.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ съ несомнѣнною очевидностью, что прежде всего и рѣзче всего посягали на искренность выраженія народной воли мѣстные судьи и замѣняющія ихъ лица, начиная отъ фискальнаго прокурора и кончая синдиками, консулами. Съ ними, какъ съ предсѣдателями приходскихъ собраній, крестьянамъ приходилось считаться самымъ серіознымъ образомъ. Судя по уцѣлѣвшимъ источникамъ, эти руководители были иногда орудіемъ сеньеровъ въ прямомъ значеніи слова, и почти всегда поборниками сеньеріальнаго режима вообще. Правда добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ, жалобы же на злоупотребленія неизбѣжны вездѣ и всегда. Но сила этого ограниченія устраняется, если подумать, сколькимъ людямъ съ другой стороны страхъ сковывалъ уста.

А. Ону.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Archiv. Nat. B^a 18 l. 21, 20° B III 20, 577—609. B III 166, 51, письмо Неккеру отъ 7-го іюня и „mémoire pour le seigneur de la ville et jurisdiction d'Hondtchoote" (Bailleul).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Новыя изданія греческихъ апокрифовъ.

Anonimi Byzantini de coelo et infernis epistula. Edidit *L. Radermacher*. Leipzig. 1898.

Addenda къ изданію А. Васильева „Anecdota graeco-byzantina“. *Н. Ө. Красносельцева*. Одесса. 1898.

Работа г. Радермахера нашла уже себѣ справедливую оцѣнку у проф. Крумбахера [1]). Насколько изданіе апокалипсиса интересно и важно въ литературномъ отношеніи, настолько же оно неудовлетворительно съ внѣшней стороны. Изданіе текстовъ византійской литературы еще не установлено во всѣхъ своихъ частностяхъ; однако нѣкоторые пріемы уже выяснены. Крумбахеръ указываетъ на непослѣдовательность издателя въ исправленіи итацизмовъ. Издатель говоритъ, что онъ рѣшился въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ написаніе указываетъ на всякое отсутствіе правильности и имѣетъ только орѳографическое значеніе итацизмы приводить въ критическомъ аппаратѣ, напримѣръ, при εἰσὶν въ критическомъ аппаратѣ мы видимъ οἰσίν, при λίμνης — видимъ λύμνης. Но гдѣ написаніе, по словамъ издателя, болѣе или менѣе правильно, тамъ итацизмы удерживаются, поэтому издатель пишетъ—παράδισσος, λιτουργία, ἀμελίας, γονῆς ἰερῆς и т. д. Крумбахеръ указываетъ на неудобство того и другаго пріема. Изданіе византійскихъ текстовъ, особенно такихъ, гдѣ очевидна примѣсь народнаго языка, представляетъ всегда немало трудности. Въ послѣднемъ отношеніи

---

1) *Byz. Zeitsch.*, т. VIII, стр. 635—637.

полезною является недавно вышедшая брошюра г. Шмитта [1]). Но оставляя въ сторонѣ внѣшніе пріемы изданія, нужно признать содержаніе изданнаго памятника очень любопытнымъ—не потому, чтобы онъ давалъ много такого, что не было бы извѣстно раньше, но потому, что очень ярко характеризуетъ пріемы византійскаго компилятора. Изданный апокалипсисъ не является совершенно новымъ въ литературѣ. Газе въ Notices et Extraits, IX, сдѣлалъ о немъ нѣсколько замѣчаній, а также Жидель въ Nouvelles études sur la littérature grecque moderne, и академикъ Веселовскій догадывался о тождествѣ текстовъ, бывшихъ подъ руками у того и другаго [2]). Содержаніе апокалипсиса состоитъ въ описаніи путешествія по аду и раю. Начало его не сохранилось; онъ открывается повѣствованіемъ, какъ путешественникъ увидѣлъ сидящаго человѣка и около него множество дѣтей, и узналъ отъ сопровождавшаго его ангела, что человѣкъ есть Авраамъ, а дѣти—убитые Иродомъ младенцы. Среди дѣтей были четыре женщины, это были ἡ ἁγία Θεοτόκος, ἡ ἁγία Τετράδη, ἡ ἁγία Παρασκευή и ἡ ἁγία Κυριακή. Издатель указываетъ, что ἡ ἁγία κυριακή встрѣчается въ апокалипсисѣ Богородицы и что св. Пятница до сихъ поръ въ Россіи почитается какъ лицо; нужно, конечно, добавить, что на олицетвореніе Пятницы вліяло и житіе мученицы Параскевы [3]). Такъ какъ далѣе въ апокалипсисѣ замѣчается соприкосновеніе съ „Епистоліей Христа“, а въ нѣкоторыхъ ея греческихъ и славянскихъ текстахъ встрѣчается рядомъ съ „недѣлей“ и „пятница“, и такъ какъ, съ другой стороны, съ „пятницей“ въ отношеніи почитанія была неразлучна и „среда“, что̀ видно изъ слова Пахомія „о средѣ и о пяткѣ“ [4])—то можно думать, что авторъ апокалипсиса нашелъ именно въ „Епистоліи“ рядомъ съ κυριακή также и τετράδη и παρασκευή. Точное указаніе на знакомство автора съ Епистоліей указываетъ упоминаніе о самомъ посланіи: καὶ ἀπέστειλα ἰδίαις χερσὶ καὶ οὐκ ἐπιστεύσατε (24, 19). Уже греческіе списки Епистоліи говорятъ о нѣсколькихъ посланіяхъ Христа; ср. ὅτι ἐπιστολή μου γ' [5]), и яснѣе въ другомъ спискѣ—καὶ

---

[1]) *Iohan Schmitt*, Über phonetische und graphische Erscheinungen im Vulgärgriechischen, Leipzig. 1898; см. *Byz. Zeitschr.*, VIII, 628.

[2]) *Веселовскій*, Опыты по исторіи развитія христіанской легенды въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1877 г., ч. 189, стр. 189.

[3]) Ср. *Веселовскій*, ibid.

[4]) *Православный Собесѣдникъ*, 1859, часть I.

[5]) *Васильевъ*, Anecdota, 23, при чемъ Васильевъ замѣчаетъ: post γ' nonnulla excidisse videntur.

πάλιν ἐπιστολὴν στέλλω πρὸς ἐσάς τοὺς ἀνθρώπους καὶ ἔστειλά σας καὶ ἄλλην ἐπιστολὴν πρώτην [1]). Гораздо яснѣе говорится въ новоболгарскомъ текстѣ Епистоліи въ рукописи Григоровича въ Новороссійскомъ университетѣ № 63, напримѣръ, л. 133-й: паки гл҃ю: проклеть да е тонзи кои не вѣрѹеть епистолію сію. азь пѹстї прьва и втора и сїа бисть третіа.

Въ отвѣтъ на жалобу слышится голосъ, проклинающій работающихъ отъ девятаго часа субботы до второго часа воскресенья.—Наконецъ, издатель указываетъ на заключеніе апокалипсиса, взятое, по его мнѣнію, изъ Епистоліи. Заключеніе—обычное въ такого рода произведеніяхъ: μακάριος ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος ὃς λαβὼν τὴν ἐπιστολὴν ταύτην καὶ ἀντιγράφῃ ἐν ἑτέρᾳ πόλει. Само по себѣ такое заключеніе не можетъ указывать непремѣнно на заимствованіе изъ Епистоліи; подобныя же встрѣчаются и при другихъ памятникахъ, какъ напримѣръ, при русскихъ спискахъ „Сна Богородицы" или, напримѣръ, уже въ греческихъ спискахъ апокрифическаго мученія Никиты—καὶ ὅστις μετὰ φόβου καὶ πίστεως ἐπιτελέσει τὴν ἄθλησιν τῆς ἐναρέτου πράξεως τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μάρτυρος καὶ θαυματουργοῦ Νικήτα, ἀφίονται αἱ ἁμαρτίαι αὐτοῦ ἐπὶ ἡμέρας ἑπτὰ καὶ φεύγει ἀπ' αὐτοῦ ὁ δαίμων ἐπὶ ἡμέρας ὀσαράκοντα [2]). Подобныя заключенія выработались, повидимому, изъ молитвъ, которыя произносятъ очень часто передъ смертью мученики, напримѣръ, св. Петка молится: „иже молють те г҃и и день мои празнѹеть, избави й, вл҃ко, ѿ вьсакое нѹжи и бѣди илы на сѹде или на пѹти или на вьсакомь мѣсте. идеже име мое кто призовѣть или храмь сьзижеть въ име мое, спаси ихъ х҃е и даждь имь г҃и всѣ бл҃га и елика трѹдеть на земли и пльни домы ихь въса бл҃га, вина масло и пшеницу и вьсе елика хотеть даждь имь г҃и" [3]). Такія же молитвы произносятъ—Харлампій, Власій, Евдоксій и др. [4]) Но издатель указываетъ на ближайшее сходство апокалипсиса съ Епистоліей въ словахъ—ἐὰν ἔχῃ ἁμαρτίας ὑπὲρ τὰς τρίχας τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ, ἐγὼ ἐξαλείψω αὐτάς. Нужно, впрочемъ имѣть въ виду, что подобныя же выраженія встрѣчаются въ тѣхъ спискахъ Епистоліи, которыя имѣютъ не древній характеръ, будучи уже написаны на языкѣ ново-греческомъ; отсюда является во-

[1]) Ibid. 29.

[2]) Сп. Вѣнской Придворной библіотеки, cod. histor. 126, л. 10-й; см. мое изслѣд.—Апокрифическое Мученіе Никиты, стр. 63, Одесса. 1899.

[3]) *Ал. Белич*, Замѣтка о славянскомъ житіи св. Петки—Извѣстія отд. рус. языка и слав. Акад. Наукъ, т. II (1897), стр. 1057.

[4]) См. Апокр. Муч. Никиты, стр. 30—33.

просъ, не является ли приведенная подробность тамъ и тутъ изъ общаго источника?

Описаніе ада, гдѣ мучатся разнообразные грѣшники, сходится съ таковыми же описаніями въ другихъ апокалипсисахъ и принадлежитъ, слѣдовательно, къ такимъ, которыя стали общими мѣстами. Въ описаніи рая встрѣчаются нѣкоторыя новыя подробности, какъ напримѣръ, χανδήλια πολλὰ... τὰ δὲ μεστὰ τὰ δὲ ἀπόχενα τὰ δὲ σάβουρα τὰ δὲ χαλὰ τὰ δὲ ἐξαστράπτοντα τὰ δὲ πλήγη σκοτεινά (21, 15—17). Ангелъ объясняетъ, что καὶ αὐτὰ τῶν δικαίων εἰσὶν τῶν ζώντων καὶ τῶν ἀποθανόντων καὶ καθὼς ἕκαστος ἐποίησεν ἐλεημοσύνην, περιμένει αὐτά, καὶ τὰ μὲν χαλὰ ἐξαστράπτοντά εἰσιν τῶν δικαίων, τὰ δὲ σκοτεινὰ τῶν ἁμαρτωλῶν (21, 17—20). Издатель думаетъ, что основаніемъ для этой детали послужила притча объ умныхъ и неразумныхъ дѣвахъ. Скорѣе надо думать, что притча эта могла доставить нѣсколько новыхъ подробностей, но основаніе коренится, несомнѣнно, на народномъ вѣрованіи, что каждый человѣкъ имѣетъ свою особую лампу, которая горитъ, пока онъ живетъ: земная жизнь представляется въ видѣ горѣнія на небѣ. На это указываютъ первыя слова объясненія ангела, которое въ общемъ выходитъ спутаннымъ. Въ раю ангелы приходятъ ежедневно къ Господу и отдаютъ ему отчетъ въ томъ, что они видѣли, и издатель указываетъ на параллельное мѣсто въ апокалипсисѣ апостола Павла. Разница только въ томъ, что въ послѣднемъ объ этомъ событіи передается кратко, въ разсматриваемомъ же описаніи явленіе ангеловъ отличается полнотой. Не нужно видѣть здѣсь заимствованіе непремѣнно изъ апокалипсиса Павла: на это доказательствъ нѣтъ. Вѣроятнѣе всего, что авторъ самъ разработалъ въ цѣлую картину извѣстное сказаніе объ отданіи отчета ангелами о дѣлахъ человѣческихъ.

Съ апокалипсисомъ Богородицы разсматриваемый сходится въ томъ, что въ обоихъ упоминается πρεσβύτεραι αἵτινες τοὺς πρεσβοτέρους οὐκ ἐτίμησαν, въ нашемъ — πρεσβυτέρισσα ἡ μὴ τιμῶσα τὸν πρεσβύτερον αὐτῆς. Отмѣчу кстати одну подробность списка апокалипсиса Богородицы русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ, № 572: Богородица, послѣ того какъ она видѣла, какъ мучатся πρεσβυτέρισσαι, видитъ другихъ женщинъ, которыя ἐκολάζοντο, и спрашиваетъ о нихъ; архистратигъ отвѣчаетъ ей: αὗταί εἰσιν, Παναγία μου, διακόνισσαι, καὶ οὐκ ἐτίμησαν τοὺς ἰδίους διακόνους, ἀλλὰ ἔλεγαν· ὅταν γίνουν πρεσβύτεροι, τότε θέλομεν τιμήσει αὐτούς. καὶ διὰ τοῦτο οὕτως κολάζονται.

Упоминаніе о небесныхъ воротахъ издатель сравниваетъ съ указаніемъ нѣсколькихъ воротъ въ книгѣ Еноха.

Что касается времени составленія апокрифа, то издатель, вслѣдъ за Газе, относитъ его къ X вѣку, на томъ основаніи, что путешественникъ видитъ въ аду Іоанна Цимисхія, убійцу императора Никифора. Очевидно, говоритъ онъ, апокрифъ составленъ подъ живымъ впечатлѣніемъ событія, ибо въ XV вѣкѣ, къ которому принадлежитъ сама рукопись апокрифа, не было никакого основанія помѣщать Цимисхія въ адъ (стр. 11). Но проф. Крумбахеръ справедливо замѣчаетъ, что это событіе было хорошо извѣстно въ позднее время, и авторъ легко могъ заимствовать его изъ хроникъ. Нельзя, конечно, ручаться, что Цимисхій съ Никифоромъ не поставленъ здѣсь вмѣсто какихъ-либо другихъ лицъ, напримѣръ, Каина съ Авелемъ.

Съ утвержденіемъ издателя, что составленіе апокалипсиса имѣетъ характеръ политической сатиры, никакъ нельзя согласиться. Одного упоминанія историческаго событія—убіенія Никифора Цимисхіемъ, слишкомъ недостаточно, чтобы признавать за нимъ значеніе политической сатиры. Издатель связываетъ съ такимъ значеніемъ внѣшній характеръ апокрифа—форму письма: для сатиры, говоритъ онъ, эта форма была излюбленною. Но дѣло въ томъ, что совершенно напрасно издатель считаетъ изданный имъ апокалипсисъ написаннымъ въ формѣ письма. Онъ вывелъ свое заключеніе, повидимому, изъ послѣднихъ словъ апокалипсиса—μακάριος ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος, ὃς λαβὼν τὴν ἐπιστολὴν ταύτην καὶ ἀντιγράψῃ ἐν ἑτέρᾳ πόλει καὶ χώρᾳ. Но это, несомнѣнно, есть если не позднѣйшая прибавка, то во всякомъ случаѣ довольно общее выраженіе, что переносить его на все произведеніе рискованно. Въ Епистоліи Христа неоднократно упоминается, что это есть именно письмо. Нашъ же апокалипсисъ не слѣдуетъ отдѣлять отъ множества другихъ подобнаго рода произведеній и должно видѣть въ немъ ничто иное какъ трудъ благочестиваго монаха, начитавшагося въ подобной литературѣ и составившаго по чужимъ образцамъ свою компиляцію.

Подъ вторымъ заглавіемъ вышелъ послѣдній трудъ недавно скончавшагося проф. Н. Ѳ. Красносельцева, предназначенный войдти въ томъ „Трудовъ византійскаго отдѣленія Историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ". Изданіе примыкаетъ къ раньше выпущеннымъ нѣсколькимъ работамъ Красносельцева, касающимся литературной исторіи „Бесѣды трехъ Святителей". Изданію греческихъ и одного славянскаго текстовъ предпослано краткое введеніе историко-литературнаго характера. Изъ текстовъ изданы слѣдующіе: 1) двѣнадцать списковъ „Бесѣды трехъ Святителей", изъ которыхъ одни упоминаютъ послѣднихъ—трехъ или двухъ, какъ № 1—Διάλεξις

τοῦ ἁγίου Βασιλείου καὶ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου, № 2—τοῦ ἁγίου Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου καὶ 'Αθανασίου, иные не указываютъ на святителей, а два списка, №№ 4 и 5, приписываются Льву Мудрому; греческій текстъ (№ 4-й) изданъ по двумъ спискамъ — по списку Іерусалимской библіотеки св. Саввы № 429 съ сличеніемъ Аѳонской Кутлумушскаго списка № 251; подъ № 5 изданъ русскій переводъ съ турецкой рукописи, принадлежащей Аѳонской Пантелеймоновской библіотекѣ; № 13 представляетъ 'Ερωτήματα διάφορα τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου τοῦ Μεγάλου πρὸς Γρηγόριον τὸν μέγαν Θεολόγον περὶ ἱερέων, № 14—Пренія Панагіота съ Азимитомъ, 15—Διδασκαλία τοῦ Κυρίου ἡμῶν 'Ιησοῦ Χριστοῦ ἐρωτησάντων τῶν ἁγίων ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου ὁμοίως καὶ τοῦ ἁγίου Φιλίππου καὶ περὶ διορθώσεως καὶ μοναχῶν καὶ λαϊκῶν, № 16—Πρόκλου ἀρχιεπισκόπου λόγος καὶ διάλυσις τοῦ ἁγίου Πάτερ ἡμῶν, № 17—'Ερωταποκρίσεις περὶ τοῦ ἁγίου Πάτερ ἡμῶν τοῦ ἐπιγινώσκοντος τὸν χριστώνυμον λαὸν καὶ ἐπὶ πάντα ἄνθρωπον, № 18 — Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν 'Ιωάννου τοῦ Χρυσοστόμου λόγος διδασκαλίας ἐπευξαμένου πρὸς τὸν Κύριον καὶ ἐπερωτήσαντος περὶ τῆς ἁγίας Κυριακῆς καὶ τῆς θείας λειτουργίας, № 19—славянскій переводъ второй части предыдущаго списка [1]).

Относительно „Бесѣды трехъ Святителей" проф. Красносельцевъ высказывается за существованіе по крайней мѣрѣ одной древней, вполнѣ опредѣленной и законченной греческой редакціи, именно той, которая начинается словами—Πότε ἔπλασεν ὁ θεὸς τὸν 'Αδάμ; ὡς λόγος δημιουργίας ἐν ἕκτῃ ἡμέρᾳ; она издана имъ (безъ начала) въ статьѣ „Къ вопросу о греческихъ источникахъ Бесѣды трехъ Святителей", Одесса, 1890. Красносельцевъ указываетъ на ея, такъ сказать, неприкосновенность въ порядкѣ вопросовъ и изложенія; она встрѣчается и въ славянскомъ переводѣ. Относительно же опредѣленія другихъ редакцій проф. Красносельцевъ не рѣшается высказать что-либо опредѣленное за недостаткомъ пока матеріала. Относительно источниковъ „Бесѣды" Красносельцевъ говоритъ, что „несомнѣнно, что не во всякое время они были одни и тѣ же; въ разное время одни смѣнялись другими, одни устранялись, другіе привлекались". Важность „Бесѣды" заключается между прочимъ въ томъ, что иные списки ея сохранили остатки апокрифовъ, исчезнувшихъ изъ употребленія; таковъ, напримѣръ, разказъ о баранѣ, принесенномъ Авраамомъ въ жертву вмѣсто Исаака (№ 10, вопр. 53—56);

[1]) Рукопись Синодальной библіотеки, № 318—591.

или, напримѣръ, вопросъ о мурѣ, которымъ Марія помазала ноги Господа, извѣстный и изъ русскихъ текстовъ [1]); теперь мы имѣемъ и греческій оригиналъ его (№ 5, вопр. 18). Очевидно, въ греческой письменности существовало не мало разказовъ, передающихъ исторію различныхъ предметовъ, имѣвшихъ какое-либо значеніе при тѣхъ или другихъ событіяхъ. Въ XIII вѣкѣ Саломонъ, епископъ Басры (Bassora), написалъ книгу, названную имъ „Пчелой" и содержащую въ себѣ краткую исторію съ сотворенія міра, кончая описаніемъ всемірнаго суда. Среди другихъ источниковъ онъ пользуется въ обильной степени апокрифами и попутно разказываетъ иногда исторію различныхъ предметовъ, какъ, напримѣръ,—тридцати сребренниковъ. Встрѣчая подобныя же исторіи въ греческихъ спискахъ, мы должны заключить, что и подъ рукою Саломона были въ переводѣ съ греческаго всѣ такого рода компиляціи.

Въ числѣ изданныхъ текстовъ одинъ списокъ носитъ названіе— ποίημα κῦρ Λέοντος τοῦ σοφοῦ, вар. σοφωτάτου (№ 4); турецкій текстъ также надписывается именемъ Льва—„На вопросы Льва царя потребные отвѣты его премудраго учителя на основаніи даннаго Моисею Пятикнижія" (прим. къ № 4). Вопросо-отвѣты обычнаго характера, напримѣръ, 2-й вопросъ: πόσα χειροποίητα ἐποίησεν ὁ θεός; τὸν παράδεισον ἐφύτευσεν, τὸν ἄνθρωπον ἔπλασεν καὶ νόμον ἔγραψεν. Проф. Красносельцевъ не рѣшается признавать авторомъ ихъ императора Льва Мудраго и склоняется на сторону другаго Льва, также носившаго эпитетъ мудраго—Льва, бывшаго митрополита солунскаго, современника Фотія, учителя Константина философа, впослѣдствіи св. Кирилла, и думаетъ, что вопросы, надписанные именемъ Льва Мудраго, составляютъ отголосокъ школьныхъ уроковъ этого знаменитаго въ свое время преподавателя (стр. 8). Но кажется, не слѣдуетъ придавать особаго значенія надписанію: одинаково возможно, что здѣсь разумѣлся императоръ Левъ Мудрый. Другой вопросъ, писалъ ли онъ, дѣйствительно, подобнаго рода произведенія: на это нѣтъ указаній. Левъ Мудрый оставилъ довольно много своихъ сочиненій и кромѣ подлинныхъ ему приписывается „Оракулъ", извѣстный и въ славянскомъ переводѣ. Ничего нѣтъ удивительнаго, если съ именемъ Льва Мудраго, императора, соединялось представленіе какъ объ авторѣ вопросо-отвѣтовъ, хотя причина могла быть и чисто внѣшняя: стоило читателю встрѣтить въ рукописи вслѣдъ за хризмой, надписываю-

---

[1]) Ср. *Порфирьевъ*, Апокрифическое сказаніе о новозавѣт. лиц. 395.

щейся именемъ Λέοντος τοῦ σοφοῦ τοῦ βασιλέως τῆς Κωνσταντινουπόλεως, вопросо-отвѣты безъ указанія автора, какъ съ полнымъ правомъ онъ могъ считать и послѣдніе произведеніемъ того же Льва.

Издатель обратилъ вниманіе на два вопроса, которые, хотя и встрѣчаются въ довольно позднемъ спискѣ [1]), однако, по его мнѣнію, восходятъ къ отдаленной старинѣ. Это вопросы — Χαλκηδονίτης εἶ σύ; Νεστοριανὸς εἶ σύ; Κυριλλίτης εἶ σύ; покойный профессоръ указываетъ, что подобные вопросы „могли имѣть мѣсто только вскорѣ послѣ четвертаго Вселенскаго собора въ половинѣ V вѣка и указываютъ на писателя, современника несторіанскихъ споровъ... Цитованные вопросо-отвѣты... составляютъ вставку, но вставка эта несомнѣнно взята изъ Бесѣды подобнаго же рода, явившейся въ половинѣ V вѣка" (стр. 10).

Подъ № 14 издано „Преніе Панагіота съ Азимитомъ. По Аѳонской рукописи оно было уже издано Краснosельцевымъ въ VI т. Лѣтописи историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ. Тамъ же приложено къ изданію обстоятельное введеніе. Въ настоящемъ изданіи Преніе взято изъ рукописи Аѳонскаго Кутлумушскаго монастыря XVI — XVII вѣковъ. Славянскіе тексты, а также изданный у Васильева, не имѣютъ эпилога (изданный у Васильева, впрочемъ, не сохранилъ конца), аѳонскій же текстъ предлагаетъ эпилогъ, записанный стихами, что является болѣе позднимъ явленіемъ. Кутлумушской текстъ удержалъ прозаическій эпилогъ, который по его важности не лишне будетъ привести здѣсь: Καὶ ἀθυμήσαντος τοῦ ἀζυμίτου καὶ μὴ ἔχοντος ἀπολογηθῆναι, ἀπῆλθεν ὁ Βέκος Ἰωάννης πρὸς τὸν βασιλέα λέγων· οὐκ ἀκούεις, δέσποτα, ὅτι ὁ Παναγιώτης ἀναναθεματίζει τὴν βασιλείαν σου πρὸς τὴν ἡμῶν μετριότητα. κέλευσον ἵνα ἀποθάνῃ πικρῶς. ὁ δὲ βασιλεὺς ἐκέλευσεν, ἵνα ἀποκεφαλισθῇ Παναγιώτης. ὁ δὲ Παραστομολᾶς καὶ ὁ Τζικαντηλίτης λαβόντες αὐτὸν εἰς τὸ μέσον ἔστησαν. ὁ δὲ Παναγιώτης στὰς εἰς προσευχὴν εἶπεν· εὐχαριστῶ σοι, Κύριε, ὅτι κατηξίωσάς με διὰ τῆς καλῆς σου ὁμολογίας ἀποθανεῖν. καὶ ποιήσας τὴν ἐν Χριστῷ σφραγίδα εἶπεν· δόξα σοι, Κύριέ μου, δόξα σοι, ὅτι ὑπὲρ τὴν ἀλήθειαν τὴν μαρτυρίαν ἐδεξάμην μετὰ τῶν μαθητῶν σου, Χριστέ. ταῦτα εἰπὼν καὶ κλίνας τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ ἀπέτεμον αὐτόν. καὶ οὕτως ἐτελειώθην ὁ καλὸς σοφὸς κύριος Κωνσταντῖνος ὁ Παναγιώτης εἰς ἀναίρεσιν τῶν ἀζυμιτῶν.

Наибольшее значеніе имѣетъ изданное подъ № 15, по рукописи Андреевскаго скита, Διδασκαλία τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐρωτη-

[1]) Cod. Borbonicus, II, C. 34, XVI вѣка.

σάντων τῶν ἁγίων ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου ὁμοίως καὶ τοῦ ἁγίου Φιλίππου καὶ περὶ διορθώσεως καὶ μοναχῶν καὶ λαϊκῶν. Эта Дидаскалія есть оригиналъ славянскаго текста, изданнаго М. И. Соколовымъ по рукописи XIII—XIV вѣка проф. Сречковича въ „Матеріалахъ и замѣткахъ по старинной славянской литературѣ" (Москва, 1888). Въ переводѣ она носитъ названіе „Ѿкрьвение стым апломь". Акад. Ягичъ въ своей рецензіи на книгу М. И. Соколова издалъ греческій текстъ, но не полный, по Патмосской рукописи № 379. Патмосскій текстъ точнѣе опредѣляетъ содержаніе апокрифа — Διδασκαλία τῶν ἁγίων ἀποστόλων περὶ τῆς ἁγίας τεσσαρακοστῆς. Начало апокрифа сходится въ славянскомъ и Андреевскомъ: „Въ ѡни дни по вьшьстви Га нашего Іс Ха Ѿ горы єлиѡньскы пришьше ві оученикь въ юдоль плачевноу и помысльше комужо ихь ѡ родѣ вѣрьнѣмь чл҃вчьсцѣмь = ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις μετὰ τὸ ἀναληφθῆναι τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν ἐκ τοῦ ὄρους τῶν Ἐλαιῶν, κατῆλθον οἱ ιβ ἀπόστολοι ἐν τῇ κοιλάδι τοῦ Ἰωασαφὰτ καὶ διενοοῦντο ἕκαστος περὶ αὐτῶν τῆς γενεᾶς τῆς ἀπίστου τῶν ἀνθρώπων; въ Патмосскомъ — ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις μετὰ τὸ ἀναστῆναι τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν καὶ ἐμφανισθῆναι αὐτὸν τοῖς ἁγίοις μαθηταῖς καὶ ἀποστόλοις, εἶτα καὶ ἀναληφθῆναι εἰς τὸ ὄρος τῶν Ἐλαιῶν, κατῆλθον οἱ μαθηταὶ οἱ δώδεκα ἐν τῇ κοιλάδι τοῦ Ἰωασαφὰτ καὶ ἐνεθυμεῖτο ἕκαστος ἐξ αὐτῶν περὶ τῶν ἀπίστων ἀνθρώπων. Далѣе въ славянскомъ переводѣ пропущено вопрошеніе Павла, которое въ Андреевскомъ сп. ошибочно приписано Петру; Андр. ἔχει ποῦ ἀπολογίαν δοῦναι поправляется Патм. чтеніемъ—ὁ πόρνος οὐκ ἔχει τὶ ἀπολογίαν δοῦναι. Противъ Андр. въ Патм. въ вопрошеніи Павла есть добавленіе—καὶ οὐ παρέρχονται τοὺς χρόνους ἁπλῶς οἱ πάντες, ἀλλὰ νήφοντες καὶ ἐγρηγοροῦντες ἐν προσευχαῖς καὶ νηστείαις καὶ ἐλεημοσύναις, καθὼς ὑμᾶς ἅπαντας ἔχει διδάξαι ὁ μνήσιος ὑμῶν πατὴρ καὶ πνευματικός. καὶ ἐὰν οὕτως διαπραξώμεθα, κληρονόμοι γενόμεθα καὶ βασιλείας οὐρανῶν. Такъ какъ здѣсь находится простое распространеніе мысли, выраженной кратко далѣе—εἰ δὲ ἐπιμένουσι οὗτοι πάντες ἐν ταῖς ἀσελγείαις αὐτῶν, οὐαὶ αὐτοῖς ἔσται — то слѣдуетъ видѣть въ этомъ распространеніи позднѣйшую вставку съ цѣлію усиленія основной мысли—необходимости отстать отъ грѣховъ. Въ вопрошеніи Андрея оба греческихъ текста сходятся, въ славянскомъ же пропускъ. Если онъ былъ и въ оригиналѣ, то онъ тѣмъ не менѣе случайный, такъ какъ Андрей проситъ Христа показать ему τῶν ἑπτὰ ἡμερῶν τῆς ἑβδομάδος ἐν ποίᾳ δόξῃ παρίστανται, и Господь разказываетъ ему о всѣхъ шести дняхъ. На вопрошеніи Ѳомы оканчивается Патмосскій списокъ. Далѣе, въ сла-

вянскомъ и Андр. идетъ рядъ наставленій, обращенныхъ къ духовнымъ лицамъ. При нѣкоторомъ отличіи обоихъ текстовъ, все же мы видимъ близкое сходство:

Диякономь христовомь быти всѣмь незлобивомь ни проказивомь, кединоп женѣ моужеви вѣрьноу прѣбывающи вь завѣтѣ, хранещисе ωть блоуда и ωть клеветы и ѿ пияньства. аще ли тако вьлазить вь црькьвь божию и тако се комкаѥть, достоинь ѥсть сурьти. или .в. ю женоу поиметь дьякь ωтьлоучитьсе г҃ лѣта. аще свидѣтельство имать прѣдь вѣрьными моужьми, да приметь и цр҃ькві.

Δεῖ τὸν κληρικὸν ἀμνησίκακον, ἀκενόδοξον ἀφιλάργυρον ἄκλοπον πρᾶον ἥσυχον ἀμετάδοτον, μίας γυναικός, τῇ πίστει ἐστηριγμένος καὶ τὴν διαθήκην τῆς ἐπαγγελίας φυλάττων. ὁ πορνεύων ἢ λοιδορῶν ἀφοριζέσθω ἐκ τοῦ θυσιαστηρίου καὶ μὴ προσφαυέτω τῶν ἀχράντων καὶ ἁγίων μυστηρίων.

Какъ видимъ, славянскій текстъ отличается отъ греческаго длиннотами, но такого рода произведенія, какъ собраніе нравственныхъ предписаній и угрозъ въ случаѣ ихъ неисполненія, легко могли быть укорачиваемы и удлиняемы по произволу, такъ что остается неизвѣстнымъ, гдѣ въ данномъ случаѣ искать первоначальное чтеніе. Въ отрывкѣ этомъ и слѣдующемъ рѣчь идетъ о соблюденіи воскресенья, то-есть, о томъ, о чемъ говорятъ и „Епистолія о недѣлѣ“ и „Свитокъ Іерусалимскій“, и тамъ мы видимъ, что наставленія не ограничиваются кругомъ воскреснаго дня, а захватываютъ множество случаевъ изъ обыденной жизни. Вся эта часть, недостающая въ Патмосскомъ спискѣ, является позднѣйшею вставкой, и причиной ея было то, что передъ этимъ Андрей и Іаковъ спрашивали Господа о святой недѣлѣ и о средѣ и пятницѣ. Это и дало поводъ въ вопрошаніе Ѳомы вставить цѣлый рядъ наставленій, заимствованныхъ изъ того же источника, изъ котораго пошла и „Епистолія“, если только не изъ самой „Епистоліи“. Въ славянскомъ текстѣ послѣ указанной вставки, оканчивающейся обращеніемъ Христа ко всѣмъ 12 апостоламъ, продолжаетъ вопрошать Варѳоломей, и его вопрошеніе является естественнымъ продолженіемъ вопрошенія Ѳомы, которое должно оканчиваться словами — „да молитвоу вьзметь ωть попа и вьзмь комканиѥ да вьнидеть вь црьковь“=послѣднимъ словамъ Патм. списка — εὐλογεῖται ὑπὸ τοῦ ἀρχιερέως καὶ καθίσταται πάλιν εἰς τὴν ἑαυτοῦ τάξιν. Андр. списокъ не сохранилъ вопрошенія Варѳоломея, но вмѣсто этого распространилъ

вставки объ угрозахъ, группирующихся около недѣли. Вмѣсто обращенія къ 12 апостоламъ начинается рядъ предписаній, обращенныхъ ко всѣмъ людямъ: Ἀκούσατε οὖν, πάντες φιλακροάμονες, λόγους· ἀπέστειλα διὰ τῶν προφητῶν καὶ ἀποστόλων μου καὶ οὐκ ἠκούσατε αὐτούς... затѣмъ идутъ угрозы за всевозможные грѣхи—οὐαὶ τοῖς μὴ ἀπερχομένοις ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ τῇ κυριακῇ· οὐαὶ τοῖς μὴ ἀκροωμένοις τῆς ἁγίας λειτουργίας μετὰ φόβου καὶ πίστεως ὅτι τῷ ταρτάρῳ παραδώσω αὐτούς. οὐαὶ τοῖς ἀπολιμπανομένοις τῆς τοῦ θεοῦ ἐκκλησίας ἐν ἡμέρᾳ κυριακῆς καὶ πασῶν τῶν ἑορτῶν διὰ ὄκνον καὶ ραθυμίαν ὅτι τῷ πυρὶ παραδώσω αὐτούς и т. д. Подобные возгласы мы находимъ, напримѣръ, въ распространенной редакціи „Епистоліи о недѣлѣ", изданной Васильевымъ въ Anecdota gr. byz., стр. 23—38. Угрозы не совпадаютъ буквально, хотя въ нихъ уже также забывается первоначальная цѣль—показать святость воскресенья, напримѣръ, οὐαὶ τοὺς ἱερεῖς οἱ μετὰ μάχας τῷ ἱερῷ προσεδρεύοντες, οὐαὶ τὰς μοναχὰς τὰς καταλαλήτριας ἐν αἷς τὰ νήπια πνίγουσι καὶ πόρνας καὶ μοιχαλίδας. οὐαὶ τοὺς μίγοντας οἰκίαν πρὸς οἰκίαν καὶ γείτονας πρὸς γείτοναν καὶ δοῦλον πρὸς τὸν αὐτοῦ δεσπότην καὶ τοὺς μὴ λέγοντας τὴν τοῦ θεοῦ ἀλήθειαν καὶ τοὺς βάλλοντας ἀδύνατον εἰς δυνατοῦ χεῖρας и т. д. (стр. 26). Подобное сопоставленіе двухъ текстовъ Епистоліи и Дидаскаліи способно навести на предположеніе, что разсматриваемая часть Дидаскаліи Андреевскаго списка вышла изъ какой-нибудь редакціи Епистоліи. Несовпаденіе текстовъ не можетъ говорить противъ этого. Уже наличные списки греческой Епистоліи,— а ихъ пока имѣемъ три — указываютъ, что они сильно расходились по своимъ подробностямъ, оставаясь одинаковыми по общему духу и содержанію. То же наблюдается и въ славянскихъ текстахъ, особенно въ новоболгарскихъ. При томъ, можно думать, что въ Андреевскомъ спискѣ мы имѣемъ только часть Епистоліи, послужившей оригиналомъ для него. Такимъ образомъ, благодаря изданному Андр. списку у насъ опредѣляется нѣсколько литературная исторія Дидаскаліи. Патмосской списокъ ближе другихъ по составу стоитъ къ оригиналу, но онъ не есть оригиналъ: онъ допустилъ нѣсколько незначительныхъ дополненій и утратилъ конецъ. Съ другой стороны отъ оригинала пошелъ другой списокъ, на который нѣсколько повліяла уже Епистолія; къ этому списку восходитъ и оригиналъ славянскаго перевода, удержавшій вопрошеніе Варѳоломея, и Андреевскій списокъ, не сохранившій послѣдняго вопрошенія, но подвергшійся вторичному еще большему вліянію со стороны одной изъ редакцій Епистоліи.

№№ 16-й и 17-й содержатъ апокрифическое толкованіе „Отче нашъ". Первое толкованіе надписывается именемъ Πρόκλου ἀρχιεπισκόπου, другое — безъ имени. Оба толкованія представляютъ двѣ редакціи одного памятника; форма обоихъ одна и та же: апостолы — Петръ, Павелъ и Іоаннъ—спрашиваютъ у Іисуса Христа объясненія на каждое прошеніе молитвы. Подъ № 18 издано: Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου λόγος διδασκαλίας ἐπευξαμένου πρὸς τὸν Κύριον καὶ ἐπερωτήσαντος περὶ τῆς ἁγίας κυριακῆς καὶ τῆς θείας λειτουργίας. Изложеніе идетъ въ видѣ вопросовъ Іоанна Златоуста и отвѣтовъ Іисуса Христа; Іоаннъ Златоустъ попалъ, конечно, на мѣсто Іоанна Богослова. Здѣсь обращается особенное вниманіе на почитаніе воскресенья, и въ этомъ отношеніи Слово стоитъ въ связи съ Епистоліей о недѣлѣ. Такъ на вопросъ Іоанна, πόσαι ἁμαρτίαι εἰσὶν τοῦ κόσμου ἀσυγχώρητοι, Господь отвѣчаетъ, что τρίτη ἁμαρτία, εἴ τις τὴν ἁγίαν κυριακὴν οὐ τιμᾷ, εἰ μὴ τῶν ἓξ ἡμερῶν τὰς ἀποκρίσεις φιλεῖ καὶ τὴν ἡμέραν τῆς κυριακῆς οὐ τιμᾷ, αὐτοὶ ἀπελεύσονται εἰς τὴν αἰωνίαν κόλασιν. На вопросъ же Іоанна, что такое κυριακή, Господь говоритъ: Κυριακὴ ὁ Κύριος καὶ ὁ Κύριος κυριακή. ὁ τιμῶν τὴν κυριακὴν τιμήσει αὐτὸν ὁ κύριος ἐνώπιον ἀγγέλων καὶ ἀνθρώπων. ὁ τιμῶν τὴν ἁγίαν κυριακὴν μετὰ παντὸς τοῦ οἴκου αὐτοῦ καὶ ἀπὸ ὥρας ἐννάτης τοῦ σαββάτου ἀφήσει τὸ ἔργον αὐτοῦ καὶ ἀπέλθῃ εἰς τὴν ἐκκλησίαν εὐχαριστῆσαι τῷ θεῷ καὶ ἐκτελέσαι τῆς ἀναστάσεως κυρίου τὴν εὐχήν, λυτροῦται τῆς ἁμαρτίας τῶν ἓξ ἡμερῶν καὶ εὐλογεῖ αὐτὸν ὁ κύριος ὡς τὸν Ἀβραάμ и т. д.

Подъ № 19 изданъ славянскій переводъ толкованія церковнаго устройства, начинающійся словами — „Црковь есть храмъ бжии, а ѡлтарь есть гробъ гнь" [1]). Статья состоитъ изъ двухъ частей; оригиналъ первой читается въ изданномъ текстѣ подъ № 13, гдѣ удержался вопросъ — Διὰ τί ἐκκλησία и. т. д., а отвѣтъ соотвѣтствуетъ славянскому: ἡ μὲν ἐκκλησία ἐστὶν ὁ οἶκος τοῦ θεοῦ, τὸ δὲ βῆμά ἐστιν τὸ μνῆμα τοῦ κυρίου... Вторая часть представляетъ бесѣду Іоанна Златоуста съ Господомъ о церковныхъ предметахъ и соотвѣтствуетъ предшествующему греческому тексту.

В. Петринъ.

---

[1]) Рукопись Синод. Библ., № 318 (591), XVI вѣка.

С. Жебелевъ. Изъ исторіи Аѳинъ. 229 — 31 годы до Р. Хр. С.-Пб. 1898. XVI+ 365 стр.

Въ нашихъ журналахъ и сборникахъ, болѣе или менѣе посвященныхъ классической филологіи или охотно открывающихъ ей свои страницы, въ послѣднее десятилѣтіе приходилось очень часто встрѣчать имя С. А. Жебелева подъ разнообразными самостоятельными изслѣдованіями, обзорами новѣйшихъ открытій и рецензіями литературныхъ новинокъ въ области греческой эпиграфики, древней исторіи, исторіи искусства и т. п. Въ этихъ трудахъ всегда замѣтно было серьезное отношеніе и къ крупнымъ и къ мелкимъ вопросамъ, стремленіе къ детальной разработкѣ и упроченію выводовъ на основаніи документовъ, содержательность, сжатость и спокойный тонъ изложенія. Содержаніе одного ряда статей уже позволяло предполагать, что С. А. Жебелевъ готовитъ большой трудъ по аттической эпиграфикѣ или по аѳинской исторіи. Такой трудъ и появился лѣтомъ этого года. Не отрывочные этюды даетъ намъ онъ подъ скромнымъ заглавіемъ „Изъ исторіи Аѳинъ", а полный сводъ и подробный разборъ всего, что до сихъ поръ извѣстно изъ политической преимущественно исторіи Аѳинъ за время съ 229 до 31 г. до Р. Хр., ограничивая изложеніе только нѣкоторыхъ вопросовъ выводами, если они уже раньше были сдѣланы, отчасти въ его же собственныхъ статьяхъ, и не вдаваясь безъ особенной нужды въ догадки для заполненія значительныхъ пробѣловъ въ нашихъ извѣстіяхъ объ этомъ времени. Прежде эти пробѣлы, въ которыхъ изслѣдователь не мало не виноватъ, были вполнѣ ясны только для того, кто самъ работалъ по источникамъ въ предѣлахъ этого періода, и такихъ работниковъ было не особенно много. Теперь, именно благодаря настоящей книгѣ, они стали еще очевиднѣе и для болѣе широкаго круга изслѣдователей. Уже это одно составляетъ огромную, такъ сказать, прикладную заслугу труда С. А. Жебелева. Онъ даетъ возможность всякому оріентироваться въ наличности источниковъ и современномъ уровнѣ ихъ толкованія, рѣшаетъ по возможности то окончательно, то гипотетически многіе спорные вопросы и отмѣчаетъ возникающія сомнѣнія. Для всякаго новаго приращенія въ области источниковъ по этому періоду теперь гораздо легче отыскать соотвѣтствующее мѣсто и опредѣлить его значеніе, а слѣдовательно легче и двигаться поступательно какъ въ заполненіи пробѣловъ, такъ и въ видоизмѣненіи прежнихъ не вполнѣ прочныхъ выводовъ, зависящихъ и отъ недостаточности и отъ самаго

характера имѣющихся источниковъ. Намѣреваясь въ заключеніи обзора книги говорить о другихъ качествахъ книги, здѣсь я скажу только, что уже по одной указанной причинѣ она является необходимою для всякаго изслѣдователя не только аѳинской, но и вообще греко-римской исторіи II и I вѣковъ до Р. Хр. Къ этому прибавлю, что, будучи первою по полнотѣ и обстоятельности трактованія нашихъ до сихъ поръ разбросанныхъ и отрывочныхъ источниковъ, эта работа въ изслѣдователѣ по смежнымъ областямъ невольно будитъ много вопросовъ и подсказываетъ иногда новыя соображенія и рѣшенія, и въ этомъ состоитъ другое важное значеніе ея. Работая самъ надъ тѣмъ же періодомъ, хотя и относительно другаго города, я невольно заинтересовался книгой С. А. Жебелева и убѣдился въ ея важности для изслѣдователей эллинистическо-римскаго времени. На послѣдующихъ страницахъ я намѣренъ прослѣдить въ главныхъ чертахъ содержаніе изслѣдованія и подѣлиться съ читателями общимъ впечатлѣніемъ и нѣкоторыми частными замѣчаніями, вызванными чтеніемъ книги. Обзоръ содержанія придется дать довольно подробный и въ виду обычной заброшенности охватываемаго книгой періода и для того, чтобы мои замѣчанія не оказались совсѣмъ отрывочными. Замѣчанія послѣ перваго ознакомленія съ книгой носятъ, конечно, иногда характеръ только вопросовъ и недоумѣній и могутъ, пожалуй, иногда показаться мелочными и придирчивыми, но подробный разборъ ихъ потребовалъ бы особаго изслѣдованія и отвлекъ бы насъ далеко отъ самой книги, а чтобы ни самъ авторъ, ни прочіе читатели не заподозрѣли меня въ придирчивой критикѣ, я долженъ напередъ заявить, что, если въ моихъ замѣчаніяхъ окажется нѣчто цѣнное, то этимъ они обязаны самой книгѣ, которая ихъ вызвала и облегчила, упрека же въ мелочности поправокъ, надѣюсь, мнѣ не сдѣлаютъ, по крайней мѣрѣ, тѣ читатели, которымъ приходится работать по источникамъ, да еще по такимъ, какіе мы имѣемъ для изслѣдуемаго въ книгѣ періода: тутъ именно неудачное освѣщеніе иной мелочи приводитъ иногда на долгое время къ неправильности и общихъ выводовъ.

Полагая, что для возсозданія „общей исторіи эллинизма" необходимо „произвести рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій главнымъ образомъ въ такъ называемой политической исторіи III вѣка и послѣдующихъ [1]), авторъ смотритъ на свою задачу—разборъ главнымъ обра-

[1]) Часто и дальше я буду излагать словами автора, но безъ нужды не буду испещрять текстъ вводными кавычками.

зомъ политической исторіи Аѳинъ со времени освобожденія ихъ отъ македонской зависимости до Актійской битвы—какъ на одно изъ такихъ изслѣдованій, хотя и „старается, по мѣрѣ возможности, не терять изъ виду общей нити хода событій, гдѣ это представляется существенно необходимымъ". Ограничивая свою задачу указанными пунктами, дѣйствительно представляющими собою извѣстныя грани въ аѳинской исторіи, онъ имѣлъ въ виду, что съ одной стороны для этого періода можно воспользоваться значительнымъ количествомъ надписей, этихъ „краеугольныхъ камней всей науки классической древности", правда, большею частью бѣдныхъ по содержанію и отчасти дошедшихъ въ печальномъ видѣ, но все же остающихся краеугольными камнями, съ другой стороны оказывалось не лишнимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ подвергнуть критическому разбору и тѣ даже хорошіе литературные источники, которые отчасти имѣются для исторіи II и I вѣковъ.

Первая глава посвящена событіямъ 229—205 г. Предварительно авторъ извиняется, что въ книгѣ, на половину трактующей объ отношеніяхъ между Римомъ и Аѳинами, онъ не касается культурныхъ связей между ними ранѣе разсматриваемаго имъ періода. Я вполнѣ согласенъ, что можно было обойдтись безъ этой части труда и что упомянутыя связи могутъ составить предметъ спеціальнаго всесторонняго изслѣдованія; въ предѣлахъ поставленной задачи совершенно достаточно было констатировать тотъ фактъ, который для меня не представлялъ сомнѣній, что *дипломатическія* сношенія Рима съ Аѳинами начались съ 229/8 г., со времени перваго римскаго похода въ Иллирію, а не съ 201-го только, какъ нѣкогда думалъ Э. Курціусъ.

Какъ разъ около этого времени, когда въ Македоніи послѣ смерти царя Димитрія II власть за малолѣтствомъ сына его (Филиппа V) перешла къ Антигону Досону, Аѳины вернули прежнюю независимость, заплативъ 150 талантовъ Діогену за то, что онъ согласился вывести изъ Аттики македонскіе гарнизоны, находившіеся подъ его командой. Значительную часть этой суммы денегъ ссудилъ аѳинянамъ знаменитый дѣятель ахейской симполитіи Аратъ, но часть денегъ пришлось призанять и въ другихъ мѣстахъ, между прочимъ въ Ѳивахъ и Ѳеспіяхъ. Послѣднее выводится изъ ѳиванскихъ и ѳеспійскихъ надписей (IGS. I, 2405—2406 и 1737 — 1738), но для этого нужно было доказать, что ѳиванскія надписи относятся не ко времени Кассандра и Димитрія Поліоркита, 307 г. (мнѣніе С. Куману-

диса, В. В. Латышева и др.), а именно къ событіямъ даннаго времени (Диттенбергеръ) [1]), что авторъ и дѣлаетъ, разсматривая съ одной стороны содержаніе этихъ плохо сохранившихся документовъ, съ другой — событія и 307 и 229 г. и тѣ аттическіе документы (CIA, II, 252, IV, 2,252 d), которые привлекались къ сравненію съ ѳиванскими въ пользу перваго мнѣнія. Доводы автора въ пользу 229 приходится признать вѣроятными [2]). Часть необходимыхъ денегъ была собрана путемъ „добровольныхъ пожертвованій (ἐπιδόσεις) на спасеніе города", какъ это видно изъ сохранившагося списка пожертвованій времени архонта Діомедонта (CIA. II, 334), котораго авторъ рядомъ разныхъ по значенію и содержанію аргументовъ точно пріурочиваетъ къ 230/29 г. (229/8 Ѳ. Ѳ. Соколовъ, 234 — 229 А. Н. Щукаревъ). Своему освободителю Діогену аѳиняне даютъ право гражданства, воздаютъ божескія почести и посвящаютъ участокъ земли, подобно богамъ и героямъ; въ честь его учреждается праздникъ Діогеніи и именемъ его, можетъ быть, какъ основателя, называется одинъ изъ аѳинскихъ „гимнасіевъ" (почти все это опять изъ надписей). Нумизматическія данныя показываютъ, что около этого времени въ Аѳинахъ возобновляется чеканка монеты. Подъемъ національнаго и демократическаго духа былъ весьма сильный. Въ декретѣ о сборѣ упомянутыхъ пожертвованій были опредѣлены размѣры ихъ отъ 50 до 200 драхмъ, и въ спискѣ нѣтъ суммъ выше 200. Но находились отдѣльные жертвователи и благодѣтели, которые оказывали народу гораздо болѣе крупныя услуги и словомъ и дѣломъ. Къ числу ихъ С. А. Жебелевъ относитъ нѣкоего Тимосѳена, о которомъ говоритъ почетный декретъ архонтства Иліодора, помѣщаемаго авторомъ на 229/8 г. (CIA. IV, 2, 385b). Но на первомъ мѣстѣ несомнѣнно стоятъ братья Евриклидъ и Микіонъ, тогдашніе „предстоятели народа", то-есть, руководители аѳинской политики. Разбирая попутно много

---

[1]) Къ стр. 7: Есть еще третье мнѣніе о ѳиванскихъ надписяхъ: Мейстеръ, который въ Bezzenberger'овыхъ Beiträge V, p. 197 слѣдовалъ Куманудису, у Collitz'a SGDI. I, p. 237 n° 712 относитъ ихъ уже къ 287 году. Съ этимъ мнѣніемъ С. А. Жебелевъ не считается, хотя и цитируетъ обѣ публикаціи Мейстера.

[2]) Къ стр. 13: Авторъ отмѣчаетъ различіе между CIA. IV, 2, 252 и IGS. I, 2405—2406 (Ѳивы) по употребленію στοιχηδόν въ первой и отсутствію его въ послѣднихъ. Изъ этого различія однако, при разномъ мѣстѣ происхожденія надписей, едва ли что нибудь слѣдуетъ. Діалектъ и ороографія ѳиванскихъ надписей оставлены безъ вниманія, вѣроятно, по невозможности выводовъ изъ этихъ признаковъ; только на стр. 8[2] сдѣлана ссылка на Диттенбергера о строѣ ѳиванскаго декрета.

другихъ документовъ того же времени, авторъ особенно останавливается на отрывкѣ декрета въ честь Еврмклида (CIA. II, 379). Мы видимъ, какъ этотъ богатый гражданинъ-патріотъ то одинъ, то вмѣстѣ съ братомъ несетъ разныя общественныя обязанности, старается добыть деньги для государства, неоднократно изъ собственныхъ средствъ помогаетъ и крупными и малыми суммами и заботится объ урегулированіи аѳинскихъ финансовъ, о засѣвѣ полей, запущенныхъ по причинѣ войнъ, укрѣпленія города и гаваней, вноситъ какіе то законы, устраиваетъ зрѣлища и состязанія, возстановляетъ портики и святилища и пр., а въ дѣлахъ иностранной политики онъ между прочимъ πόλεις Ἑλληνίδας κ[αὶ συμμάχους προση]γάγετο [1]). Спрашивается, кого разумѣть подъ этими πόλεις и (σύμμαχοι). Одни государства въ то время держатся воинственной политики, — это Македонія, въ лицѣ Антигона Досона и потомъ Филиппа V, и Сирія (Антіохъ III), другія—мирной: Родосъ, Пергамъ, Египетъ, отчасти этолійская симполитія. Послѣднія стараются дружить съ Римомъ, и миръ дорогъ особенно для торговыхъ сношеній Родоса и Египта. Поэтому авторъ и предполагаетъ, что подъ греческими городами нужно разумѣть Родосъ съ сферой его покровительства (онъ теперь игралъ прежнюю морскую роль Аѳинъ, но не притѣснялъ союзниковъ), а подъ [σύμμαχοι]—Египетъ, Пергамъ и, можетъ быть, Римъ. Богатый эпиграфическій матеріалъ говоритъ намъ объ исконной дружбѣ между Аѳинами и Египтомъ при Птолемеѣ I, II (Филадельфъ) и III (Евергетѣ). Здѣсь же С. А. Жебелевъ сообщаетъ итоги ствоей прежней работы о послѣ-клисѳеновскихъ филахъ (въ Στέφανος Ѳ. Ѳ. Соколову) относительно учрежденія въ Аѳинахъ особой филы въ честь Птолемея III, которое онъ относитъ къ 225—221 годамъ. Принимая эту дату, онъ передвигаетъ на нѣсколько лѣтъ извѣстный списокъ архонтовъ CIA. II, 859, и при этомъ передвиженіи оказывается вѣроятнымъ, что

---

[1]) Къ стр. 27[3]: Я не вполнѣ согласенъ, что „дополненіе Кёлера συμμάχους довольно вѣроятно“ (хотя оно принимается и Диттенбергеромъ въ SJG. и др.): такое сопоставленіе съ πόλεις Ἑλληνίδας, кажется, неудобно, потому что и эти πόλεις, конечно, были привлечены въ качествѣ σύμμαχοι. Скорѣе въ параллель годилось бы βασιλέας (или даже βαρβάρους). Ср. CIA. IV, 2, 65b πόλεις τὰς Ἑλληνίδας въ противоположеніи ѳракійскимъ царямъ; 264c ἀποστελλόμενος ὑπὸ τῶν βασιλέων πρεσβευτὴς ἐπὶ τὰς Ἑλληνίδας πρεσβείας; II, 809, ст. 227 καὶ Ἑλλήνων καὶ τῶν βαρβάρων οἱ πλέοντες. Для конца III вѣка я считаю βαρβάρους менѣе вѣроятнымъ. Конечно, не въ словѣ дѣло, но если бы слово сохранилось (βασιλέας или Ῥωμαίους!), то оно уяснило бы дѣло прямѣе, чѣмъ выводы изъ „довольно вѣроятнаго“ дополненія.

этотъ списокъ начинался въ древности съ 230 — 229 года, то-есть, съ года освобожденія Аѳинъ.

Необходимость охраны македонскихъ границъ, а также вѣроятно и внутренія неурядицы въ Македоніи заставили, въ 229 году Антигона Досона „махнуть рукой“ на отпаденіе Аѳинъ. Въ это время онъ находится въ союзѣ съ Ахейскою симполитіей, которая съ 224 г. ведетъ т. н. Клеоменовскую войну, закончившуюся въ 222 году битвой при Селласіи [1]). Въ промежутокъ 229—222 Аратъ неоднократно пытается присоединить Аѳины къ ахейской симполитіи, но всѣ старанія его остаются безъ результата. Аѳиняне, твердо руководимые своими „предстоятелями“ Евриклидомъ и Микіономъ, послѣдовательно держатся политики „невмѣшательства“. Они желаютъ, „сохраняя строгій нейтралитетъ, искать для себя болѣе надежной опоры за предѣлами Греціи“. Тѣмъ не менѣе они стараются быть на готовѣ противъ всякихъ случайностей; Аттика въ это время, какъ видно изъ надписей, на военномъ положеніи,—войска стоятъ въ лагеряхъ въ пограничныхъ стратегическихъ пунктахъ и по берегамъ. Тогда-то имъ безъ сомнѣнія нужна была дружба и Птолемея III и, можетъ быть, Рима. Свободныя Аѳины, безъ македонскихъ гаризоновъ, должны были принимать мѣры и противъ набѣговъ пиратовъ. Приблизительно къ году освобожденія Аѳинъ относится упоминаніе въ декретѣ архонта Иліодора. то-есть, по автору, 229—228 г. (CIA. IV, 2, 385 с.), о набѣгѣ на Аттику, „этолійскаго пирата Вукрида“ (сына Даита изъ Навпакта) и объ уводѣ имъ гражданъ и другихъ жителей на Критъ; выкупъ плѣнныхъ потребовалъ по 20 талантовъ, внесенныхъ [2]) уроженцемъ критской Кидоніи Евмаридомъ, въ честь котораго и состоялся упомянутый декретъ [3]); этотъ Евмаридъ оказалъ при этомъ и другія услуги

---

[1]) Къ стр. 36²: Дата 222 г. для битвы при Селласіи будетъ принята и въ II части Geschichte der griech. und maked. Staaten *B. Niese*, появленіе которой ожидается въ очень скоромъ времени, см. *Pomtow* въ *N. Jahrbücher für Phil.* 155 (1898) p. 794, ср. 785² (онъ уже пользовался корректурными листами этого изданія).

[2]) Къ стр. 41: Всѣ ли „деньги, до 20 талантовъ, назначенныя для выкупа“, внесъ одинъ Евмаридъ? Надпись гласитъ: προεισήνεγκε χρήματα (cf. προεισφορά) ἐκ τῶν ἰδίων εἰς τὰ εἴκοσι τάλαντα τὰ συνφωνηθέντα ὑπὲρ τῶν αἰχμαλώτων.

[3]) Къ стр. 40-42: „Вукридъ“ въ надписяхъ аттической и дилосской (Bull. de corr. hell. XV 359) называется только въ nomin. и accus.: Βοῦκρις, Βοῦκριν. А въ дельфійскихъ амфиктіоновскихъ декретахъ архонта Никагора (WF. 454, LB. II 840 и BCH. VII p. 423=*Pomtow N. Jahrb.* 149 p. 525, 530, 532) въ числѣ этолійскихъ іеромнимоновъ стоитъ имя „Βούχριος“ (въ genitiv.). Я готовъ признать

содѣйствуя между прочимъ сохраненіе дружелюбныхъ отношеній Аѳинъ съ критянами [1]). Нѣсколько близкихъ по времени надписей говорятъ о сношеніяхъ съ этолійцами и съ Атталомъ, также о набѣгахъ, [2]) плѣнахъ, о частной и общественной благотворительности и т. п. (CIA. IV, 2. 385, f, c, II 384, 385, 357 и др.), и авторъ здѣсь опять самостоятельно перерѣшаетъ нѣсколько вопросовъ хронологіи аттическихъ архонтовъ [3]).

тожество этого іеромнимона съ пиратомъ, ставя выступленіе въ первой роли раньше послѣдней. Тожество признаетъ и Помтовъ (*N. Jahrb.* 155 p. 844[112]: Bukris gehörte also in den Jahren 230—215 zu den aitolischen Haupthelden); пиратство Вукрія онъ съ Омоллемъ, котораго теперь опровергаетъ С. А. Жебелевъ, относитъ къ 220—216 гг., а іеромнимонію, то-есть, дельфійскій архонтатъ Пиѳагора приблизительно къ 231 году (см. p. 847). Эта дата однако до публикаціи новыхъ дельфійскихъ открытій должна остаться въ числѣ предположеній.

[1]) Къ стр. 56 *сл.*: Одинъ изъ декретовъ, опубликованныхъ на одномъ камнѣ съ упомянутымъ декретомъ о заслугахъ самого Евмарида, именно состоявшійся при архонтѣ Фанархидѣ (CIA. IV, 2. 385 c, третій декретъ), говоритъ и объ услугахъ сына Евмаридова Харміона (θεωρὸς ἀπεσταλμένος εἰς Δελφούς) и внука— Евмарида. Опредѣляя приблизительно время арх. Фанархида, С. А. Жебелевъ отрицаетъ хронологическое значеніе въ упоминаніи о дельфійской ѳеоріи Харміона, побудившемъ Омолля думать о *третьемъ* олимпійскомъ годѣ, т.-есть годѣ празднованія большихъ Πύθια, и ссылается на то, что по мнѣнію Ѳ. Ѳ. Соколова, въ промежуточные между этими большими праздниками годы происходили ежегодныя, такъ сказать, малыя Πύθια. Я также вполнѣ готовъ признавать мнѣніе Ѳ. Ѳ. Соколова, но до сихъ поръ по крайней мѣрѣ въ дельфійскихъ документахъ помѣта Πυθίοις служила достаточно надежнымъ указаніемъ именно на 3-й олимпійскій годъ, и отказываться отъ этого хронологическаго признака нѣтъ основанія, пока документально не будетъ доказана его ненадежность. Малыя Пиѳіи могли совершаться ежегодно, но *ѳеоры* были отправляемы въ Дельфы другими городами вѣроятно только на большой праздникъ. Впрочемъ объ этомъ скажу когда нибудь въ другое время. Возражать противъ Омолля по поводу даннаго мѣста возможно скорѣе потому, что здѣсь не сказано, что Харміонъ былъ отправленъ именно εἰς τὰ Πύθια. Далѣе С. А. Жебелевъ для опредѣленія времени Фанархида прибѣгаетъ къ генеалогическимъ расчетамъ относительно фамиліи Евмарида, которые оказываются очень неточными, если примѣняются въ такихъ случаяхъ, гдѣ возрастъ лицъ намъ неизвѣстенъ и не можетъ быть опредѣленъ даже приблизительно. Если мы разсуждаемъ такъ: допустимъ, что N въ году *a* было *x* лѣтъ, слѣд. въ году *b* ему могло бѣть *y* лѣтъ, а его сыну *z* и т. д., то изъ такого сопоставленія неизвѣстныхъ могутъ быть выводы съ точностью, пожалуй, только до 40—50 лѣтъ. См. ниже прим. 50-ое.

[2]) Къ стр. 52[2]: Самъ авторъ собственно видитъ въ CIA. II 357 упоминаніе „о какихъ-то бѣглецахъ ([κα]ταδραμόντων)".

[3]) Къ стр. 48. Переводъ изъ CIA. IV, 2 385 в; пусть народъ дастъ „безвозмездно на приданое ихъ дочерей, сколько бы *они не пожелали*" едва ли соотвѣтствуетъ словамъ: διδόναι τὸν δῆμον προῖκα ὅσην βούληται.

Во время союзнической войны, т. е. войны ахейско-македонской симмахіи противъ этолійцевъ (220—217), уже при Филиппѣ V, аѳиняне, по прежнему руководимые Париклидомъ и Микіономъ, хранятъ нейтралитетъ. Надпись въ честь Димепета (CIA. IV, 2, 619 b) показываетъ. что этотъ аѳинянинъ между 221/0—217/6 гг. „многократно“ [1]) отправлялся посломъ къ этолійцамъ и къ Филиппу V въ интересахъ дружбы и мира. Онъ трижда былъ стратиломъ Елевсинскаго округа, отличался справедливостью, неподкупностью, заботливостью о своихъ отрядахъ, щедростью, тратилъ „не мало“ своихъ денегъ и напоминаетъ намъ извѣстныхъ уже „предстоятелей“. Рядъ одновременныхъ документовъ говоритъ о подобныхъ же отношеніяхъ другихъ аѳинянъ и о пожертвованіяхъ на *укрѣпленіе* города. Очевидно, что Аѳины и теперь должны были держатся на военномъ положеніи и что состояніе общественной казны было не блестящее. Союзническая война оканчивается въ 217 г. Навпактскою конференціей. Изъ рѣчи, которую по Поливію, тамъ произнесъ этоліецъ Агелай, видно, что общее вниманіе на Балканскомъ полуостровѣ уже было обращено на западъ, съ котораго нахло грозой—или отъ Рима, или отъ Карѳагена, смотря по тому, кто побѣдитъ. Поэтому Агелай призывалъ всѣхъ къ единенію, по крайней мѣрѣ, на время [2]).

Филиппъ не воспользовался временнымъ единодушіемъ грековъ въ 217 году для общей борьбы противъ Рима. Онъ началъ одинъ вое-

[1]) Къ стр. 61: Эти „многократныя“ посольства (кавычки у самого автора), пожалуй нѣсколько гиперболическій переводъ слова πλεονάκις (также и πλεονάκις ἐπείνεσεν=„многократно хвалилъ); я предпочелъ бы „не разъ“, „неоднократно“, ср. напр. *Collitz* III 3206 (изъ Коркиры): ἑλέσθαι δὲ—ἄνδρας τρεῖς εἰς ἐνιαντὸν τοὺς δυνατωτάτύς τοῖς ξρήμασι καὶ πλειονάκις τοὺς αὐτούς, διαλιπόντας ἔτη δύο и др. Можетъ быть, и авторъ кавычками при „многократно“ намекаетъ на гиперболу, такъ сказать, вѣжливости или почета (у насъ въ благотворительныхъ отчетахъ иногда говорятъ: „N. N. пожертвовалъ значительную сумму“, не называя её точно по сравнительной незначительности).—Ibid. μηδ' ὑφ' ἑνὸς περισπωμένη ἡ πόλις=„дабы городъ не обижаемый ни тѣмъ ни другимъ“ (то-есть, ни этолійскимъ союзомъ, ни Филиппомъ); также А. И. Щукаревъ въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1888, VI, 59, а въ *Bull. de corr. hell.* XII p. 72=menacée. Не слѣдуетъ видѣть прямое указаніе на попытки обѣихъ сторонъ увлечь аѳинянъ за собой, вывести изъ нейтралитета?

[2]) Къ стр. 72: „Какъ тонко Агелай понималъ ходъ событій“, замѣчаетъ С. А. Жебелевъ. Вѣроятно скорѣе нужно видѣть здѣсь пониманіе самого Поливія.—О прекращеніи войнъ между греками на всегда Агелай и теперь не мечталъ, какъ это можетъ показаться по передачѣ начала его рѣчи у С. А. Жебелева.

вать съ римскимъ союзникомъ, иллирійскимъ княземъ Скердиландомъ, но и въ этой безплодной войнѣ дѣйствовалъ нерѣшительно. Съ Аннибаломъ онъ заключилъ договоръ только въ 215 году, послѣ битвы при Каннахъ. Во главѣ посольства къ Аннибалу посредникомъ съ македонской стороны былъ аѳинянинъ Ксенофанъ Клеомаховъ. С. А. Жебелевъ предполагаетъ, что къ этому времени Еврикдида и Микіона вѣроятно уже не было въ живыхъ и что аѳиняне, можетъ быть, „хотя временно" стали на сторону Филиппа, были вмѣстѣ съ нимъ „не прочь" вступить въ союзъ съ Аннибаломъ [1]). Между тѣмъ греки скоро отшатнулись отъ Филиппа, и римляне безъ особеннаго труда подняли противъ него этолійцевъ (въ 211 г.), а къ нимъ пристали всѣ нерасположенные къ Македоніи: элейцы, лакедемоняне, Атталъ пергамскій, Плевратъ ѳракійскій, Скердиландъ иллирійскій. Аѳиняне, по мнѣнію автора, держались пока выжидательной политики: не пристали къ Риму, но не присоединились и къ Филиппу съ ахейцами, о чемъ, можетъ быть, и говорилъ Поливій (X, 40, 1) [2]).

Въ этой первой македонской войнѣ римляне помогали греческимъ союзникамъ лишь въ предѣлахъ необходимости удержать Филиппа отъ соединенія съ Аннибаломъ. Греки собственной Эллады сами взаимно содѣйствовали разоренью и ослабленію своей страны и облегчали Риму возможность послѣдующаго хозяйничанья. Было однако нѣсколько государствъ, которыя принимали мѣры къ прекращенію войны между Филиппомъ и этолійцами, и мы знаемъ о двухъ посольствахъ, являвшихся съ этой цѣлью къ Филиппу въ 208 и 207 году [3]). Въ

---

[1]) Однако Ксенофанъ могъ попасть въ посольство Филиппа къ Аннибалу и не изъ Аѳинъ; онъ могъ быть изъ числа аѳинянъ, находившихся при македонскомъ дворѣ, переселившихся туда, напр., въ качествѣ сторонниковъ македонскаго режима. Иное дѣло, если бы хоть какой нибудь Ксенофанъ былъ намъ извѣстенъ въ ряду аѳинскихъ патріотовъ того времени. См. слѣд. примѣчаніе.

[2]) Къ стр. 80: Предположеніе, само по себѣ вѣроятное, основывается на отрывочной фразѣ, дошедшей на поляхъ одной рукописи Поливія: τὸ γὰς τοιοῦτον ἦθος ἀεὶ βούλεται διαφυλάττειν ἡ τῶν Ἀθηναίων πόλις. Разъ мы согласимся съ авторомъ относительно выжидательной политики Аѳинъ 211 года, то предположеніе, что въ посольствѣ Филиппа къ Аннибалу Ксенофанъ былъ въ качествѣ гражданина Аѳинъ, окажется мало вѣроятнымъ.

[3]) Къ стр. 83[2]. Авторъ возстаетъ противъ отнесенія перваго посольства къ 209 году, то-есть противъ признанія хронологической путаницы у Ливія, ссылаясь на то, что упоминаніе о немейскомъ праздникѣ, служащее основаніемъ такого отнесенія, не можетъ быть хронологическимъ признакомъ въ виду ежегодности этого праздника въ III вѣкѣ (Ѳ. Ѳ. Соколовъ). Однако и по сравненію 22-й гл. съ 30-й въ XXVII кн. Ливія и, повидимому, по положенію соотвѣтствую-

первомъ изъ нихъ, рядомъ съ представителями Птолемея IV Филопатора, Родоса, Хіоса, Византіи (и Митилины) называются и аѳинскіе, и въ этомъ можно вмѣстѣ съ авторомъ видѣть доказательство нейтралитета Аѳинъ. Отсутствіе упоминанія о нихъ во второмъ посольствѣ авторъ, не отрицая возможности чисто случайнаго пропуска, старается объяснить толкованіемъ запутанной замѣтки Павсанія о Кифисодорѣ (I 36, 5—6), предполагая, что около 207—206 года уже онъ былъ „предстоятелемъ" народа аѳинскаго и что тогда, уже до втораго посольства, Аѳины примкнули къ этолійско-римскому союзу, стояли слѣдовательно на одной изъ воюющихъ сторонъ. Я вполнѣ готовъ признать *вѣроятность* этого предположенія, хотя самъ авторъ крайними границами для перехода Аѳинъ на римскую сторону и ставитъ годы 207—205, слѣдовательно не настаиваетъ на своемъ предположеніи [1]). Во всякомъ случаѣ этолійцы заключили сепаратный миръ съ Филиппомъ. Для римлянъ, не развязавшихся еще съ аннибаловскою войной, было выгодно воевать противъ Филиппа чужими

щихъ имъ полибіевыхъ отрывковъ, а также по положенію отрывка Полибія X 41—47 подъ годомъ олимпійскихъ игръ, — а этому отрывку у Ливія соотвѣтствуетъ разказъ о 207 годѣ,—мнѣ кажется, что всетаки, даже оставляя въ сторонѣ Немен, у Ливія въ XXVII, 22—33 скорѣе нужно видѣть разказъ о 209, а не о 208 годѣ. Посольства за эти годы переходили то къ Филиппу, то къ этолійцамъ вѣроятно не два только раза: у Полибія въ рѣчи какого-то Ѳрасикрата (родосскаго, какъ думалъ *Hultsch*,—въ его изданіи въ X (5), 1,—впрочемъ безъ достаточно прочнаго основанія, см. *F. A. Scott* Macedonien und Rom während des Hannib. Krieges, Berlin 1873, p. 15) предъ этолійцами читается: οὐ γὰρ νῦν πρῶτον οὐδὲ δεύτερον ποιούμεθα πρὸς ὑμᾶς τοὺς περὶ τῆς εἰρήνης λόγους.

[1]) Я думаю, что римляне постарались обезпечить Аѳины за собой, при тѣхъ, вѣроятно, неоднократныхъ навѣдываніяхъ въ Грецію, которыя вызывались ненадежностью этолійскаго союза. Ливій въ XXVII 35, 3 говоритъ, что въ Римѣ рѣшено было, чтобы L. Manlius trans mare legatus iret viseretque, quae res ibi gererentur; simul quod Olympiae ludicrum ea aestate futurum erat (слѣд. въ 208 г.), quod maximo coetu Graeciae celebraretur, ut, si tuto per hostem posset, adiret id concilium, ut, qui Siculi bello ibi profugi aut Tarentini cives relegati ab Hannibale essent, domos redirent scirentque sua omnia iis, quae ante bellum habuissent, reddere populum Romanum. Неизвѣстно, что дѣлалъ Манлій въ Греціи, но вѣроятно, что онъ побывалъ и въ Аѳинахъ и не изъ любопытства только quae res ibi gererentur. Еще: въ союзѣ этолійцевъ съ Римомъ 211 года въ числѣ примкнувшихъ къ союзу на первомъ мѣстѣ названы, какъ мы видѣли, элейцы. Я думаю, что такое предпочтеніе имъ дано потому, что они были за одно съ этолійцами. Въ мирномъ договорѣ съ Филиппомъ 205—4 г. этолійцевъ нѣтъ (см. ниже о причинѣ), а элейцы названы съ римской стороны. Не обезпечилъ ли и ихъ Манлій въ 208 году на случай, если этолійцы пойдутъ на соглашеніе съ Филиппомъ?

руками и они, конечно, были крайне недовольны поступкомъ этолійцевъ, пытались даже расторгнуть ихъ миръ съ Филиппомъ. Когда имъ это не удалось, они сами поспѣшили покончить войну съ Филиппомъ 205—4 г. Въ договорѣ рядомъ съ иліонцами, Атталомъ, Плевратомъ, лакедемонскимъ Навидомъ, элейцами и мессенцами съ римской стороны названы были и аѳиняне (этолійцы, какъ заключившіе отдѣльный миръ, не были упомянуты ни съ римской, ни съ македонской стороны). Итакъ съ 205-го года или на нѣсколько лѣтъ раньше Аѳины уже опредѣленно перешли на сторону Рима. Одновременно упрочиваются дружественныя отношенія Аѳинъ съ Атталомъ I, Птолемеемъ IV, Родосомъ, а также и съ Критомъ. Наиболѣе искренно и безкорыстно относился къ Аѳинамъ Атталъ; онъ, можетъ быть, уже около 229 г. помогалъ при постройкѣ аѳинскихъ укрѣпленій и постоянно покровительствовалъ умственнымъ и художественнымъ интересамъ Аѳинъ.

Этимъ оканчивается I глава книги, какъ мы видѣли, написанная въ значительной степени на основаніи однихъ эпиграфическихъ данныхъ.

Вторая глава—„205—150 года" (цифра 150 обозначаетъ вѣроятно просто половину II вѣка, — слѣдующая глава начинается 146 годомъ). Миръ былъ непродолжительный. Филиппъ съ одной стороны въ союзѣ съ Антіохомъ III сирійскимъ расчитывалъ подѣлить египетское царство, съ другой—началъ войну противъ Родоса и Пергама, нарушая уже этимъ договоръ 205—4 г. Этихъ событій авторъ не касается. Онъ переходитъ прямо къ II-й македонской войнѣ, открывшейся, такъ сказать, у аѳинскихъ воротъ. Наиболѣе обстоятельно онъ трактуетъ о первомъ годѣ войны (стр. 97—142) въ виду хронологическихъ затрудненій въ литературныхъ источникахъ. Читатели *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* отчасти знакомы съ этимъ первымъ годомъ, потому что статья о немъ С. А. Ж. была была напечатана въ 11 и 12 книжкахъ журнала за 1894-й годъ. Я имѣлъ возможность прочитать ее при печатаніи моихъ „Дельф. эпигр. этюд. I—VI" (1894/5), но тогда пришлось только кратко заявить, что „я считаю возможнымъ остаться при взглядѣ Ниссена" (стр. 243), то-есть признать, что Ливій въ разказѣ о началѣ II-ой македонской войны соединилъ подъ 200-мъ годомъ въ XXXI книгѣ событія 200 и 199 года, тогда какъ С. А. Жебелевъ и тогда и теперь видитъ у Ливія событія только 200 года. Свое прежнее изложеніе онъ теперь въ однихъ пунктахъ сокращаетъ, въ другихъ су-

щественно дополняетъ эпиграфическими данными. Я отмѣчу въ хронологическомъ размѣщеніи автора только нѣкоторыя событія, главнымъ образомъ, касающіяся Аѳинъ. Аттикѣ въ первой половинѣ 200 года пришлось вынести четыре македонскихъ опустошенія. Одно было въ январѣ при набѣгѣ Никанора, совпавшемъ съ посѣщеніемъ Аѳинъ римскими послами, ѣхавшими съ дипломатическими порученіями въ Египетъ и Сирію, и Атталомъ, который предъ этимъ преслѣдовалъ возвращавшагося изъ Азіи (Каріи) Филиппа. Аѳиняне торжественно встрѣтили гостей и въ отвѣтъ на прокламацію Аттала постановили объявить войну Филиппу; тогда же вѣроятно было въ принципѣ рѣшено учредить въ честь Аттала особую филу—Атталиду. Вторично Аттика была опустошена акарнанцами вмѣстѣ съ македонскимъ отрядомъ подъ начальствомъ Филокла въ концѣ марта или началѣ апрѣля. Въ первой половинѣ апрѣля прибылъ уже въ Аполлонію консулъ П. Сульпицій Гальба, которому поручена была македонская война, объявленная Филиппу въ срединѣ марта „за обиды и непріязненныя дѣйствія по отношенію къ союзникамъ римскаго народа". Аѳиняне получили отъ консула помощь въ видѣ части флота подъ командой Центона, который вскорѣ разграбилъ занятую македонскимъ гарнизономъ Халкиду. Филиппъ, успѣвшій предъ тѣмъ, приблизительно въ срединѣ апрѣля, взять наконецъ Авидъ послѣ упорной осады, въ іюнѣ въ отместку Центону быстрымъ маршемъ является подъ стѣнами Аѳинъ; но ему не удается захватить городъ, и онъ ограничивается страшнымъ опустошеніемъ окрестностей (3-е опустошеніе). Послѣ кратковременной поѣздки въ Аргосъ на ахейское собраніе онъ возвращается въ Аттику и вмѣстѣ съ своимъ префектомъ Филокломъ производитъ еще болѣе ужасное опустошеніе (4-ое) и удаляется на сѣверъ, въ Македонію. Тогда-то въ Аѳинахъ рѣшили уничтожить всѣ слѣды памяти о македонскихъ царяхъ, отмѣнили обѣ македонскія филы, выскоблили всюду имена македонскихъ царей и пр. Къ ближайшимъ днямъ въ концѣ іюня относится посѣщеніе Аѳинъ римскимъ адмираломъ Апустіемъ и Атталомъ. Теперь прибылъ уже весь римскій флотъ и соединился съ пергамскимъ. Со стороны аѳинянъ были оказаны союзникамъ immodici honores: осуществленъ проектъ о филѣ Атталидѣ, учреждено жречество Аттала и тогда же вѣроятно посвященъ былъ „портикъ римлянина" и введены игры Ῥωμαῖα (культъ Рима, если онъ вообще когда либо существовалъ отдѣльно, относится не къ этому времени) и пр. Послѣ этого соединенный флотъ предпринимаетъ продолжительную экспедицію на острова эгейскаго моря и от-

части на береговые пункты материка. Она оканчивается къ осеннему равноденствію 200 г., при чемъ Апустій возвращается въ Коркиру, гдѣ была стоянка римскаго флота, а Атталъ снова посѣщаетъ Аѳины и остается тамъ до большихъ мистерій. Самъ Сульпицій сначала, быть можетъ по болѣзни, довольно долго бездѣйствовалъ, и за то время на области къ западу отъ собственной Македоніи предпринималъ набѣгъ только Апустій, еще до отплытія его на флотѣ. Къ осени 200 г. относится вѣроятно походъ на македонскія провинціи самого Сульпиція. Преемникъ его, консулъ 199 г. П. Виллій прибылъ не раньше средины лѣта 199 г., можетъ быть, даже осенью, и при немъ война не подвинулась ни на шагъ: ему пришлось входить въ компромиссы съ бунтовавшими ветеранами, прибылъ онъ поздно, а на смѣну ему консулъ 198 г. Т. Квинкцій Фламининъ явился сравнительно рано.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ распредѣленіе событій у С. А. Жебелева, тогда какъ обычно прибытіе Сульпиція, согласно съ Ливіемъ, помѣщается только autumno fere exacto 200 г. и слѣд. всѣ дѣйствія римлянъ во время его командованія размѣщаются на конецъ осени 200 г., на ближайшую зиму и на весну и лѣто 199 года, а сообразно съ этимъ совершенно иначе распредѣляются и ближайшія предшествующія ей одновременныя событія собственно греко-македонскія. Авторъ въ концѣ концовъ называетъ свой взглядъ наиболѣе вѣроятнымъ для него и ждетъ окончательнаго рѣшенія отъ будущихъ находокъ, такъ или иначе относящихся къ 200 г.

Встрѣтивши этотъ взглядъ на событія вторично въ печати, я отнесся къ разбору его съ бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ въ 1895 году, но всю относящуюся сюда часть моей работы я не рѣшаюсь сообщить здѣсь. Пришлось прослѣдить тотъ путь, которымъ авторъ пришелъ къ своему взгляду, разобрать всѣ, какъ замѣченныя имъ, такъ и укрывшіяся отъ него, препятствія, встрѣчающіяся на этомъ пути. Въ результатѣ разборъ пятидесяти страницъ книги занялъ въ моей рукописи больше половины того мѣста, которое занимаетъ настоящая рецензія. Меня онъ привелъ къ убѣжденію, что можно согласиться только съ нѣкоторыми частными комбинаціями С. А. Жебелева, относительно же хронологическаго размѣщенія событій взглядъ его не можетъ быть принятъ, и обычный прежній взглядъ въ *общихъ чертахъ* заслуживаетъ безусловнаго предпочтенія и, на мой взглядъ, представляется единственно возможнымъ, если только мы не рѣшимся произвести радикальную ломку въ нашихъ источникахъ. Переправ-

лять Сульпиція изъ Италіи на востокъ *весной* (а не autumno), я думаю, невозможно. Конечно, и на пути тѣхъ, которые приходятъ къ обычному взгляду, попадаются нѣкоторыя препятствія, но сравнительно легче устраняемыя. Обо всемъ этомъ подъ вліяніемъ интереса, возбужденнаго изслѣдованіемъ С. А. Жебелева, хотѣлось бы поговорить въ видѣ отдѣльной статьи, однако съ одной стороны у меня нѣтъ подъ руками ни одной изъ новѣйшихъ работъ по римской хронологіи, съ которыми всетаки нужно считаться, съ другой—сдѣланныя уже (только не опубликованныя) открытія въ Дельфахъ и въ Этоліи вѣроятно скоро приведутъ къ ясности въ нѣкоторыхъ спорныхъ пунктахъ устройства этолійскаго союза, соприкасающихся съ даннымъ вопросомъ. Если, даже безъ всего послѣдняго, окажется, что дельфійскій архонтъ Мантій относится къ 200/199 г., какъ это сказано въ моихъ Дельф. эпиграф. этюд., а слѣдовательно и Дамокритъ былъ этолійскимъ стратигомъ въ томъ же 200/199 г. (на два мѣсяца позднѣе), то данный спорный хронологическій вопросъ въ десяти строкахъ можно рѣшить съ большею очевидностью, чѣмъ теперь на десяткахъ страницъ. Въ сущности лично я уже теперь, послѣ сдѣланнаго пересмотра, въ этомъ рѣшеніи не сомнѣваюсь.

Возвращаясь къ книгѣ, мы видимъ дальше разборъ дѣятельности консула 198 г. Т. Квинкція Фламинина, главнымъ образомъ, на сколько она стоитъ въ связи съ Аѳинами. Братъ его Луцій Квинкцій, получивъ отъ него соотвѣтствующее распоряженіе, посылаетъ лѣтомъ 198 г. изъ-подъ Коринѳа пословъ на ахейское собраніе въ Сикіонѣ (а не въ Эгіи, слѣдовательно экстраординарное, по словамъ автора), чтобы склонить ахейцевъ къ войнѣ; тутъ среди представителей Македоніи, Пергама и Родоса были и аѳинскіе [1]), которые не мало ораторствовали противъ Филиппа. Вѣроятно они были и на свиданіи Фламинина съ Филиппомъ въ Никеѣ (Малійской) зимой 198—7 г., потому что въ отправленномъ послѣ свиданія посольствѣ въ Римъ называются и аѳинскіе послы οἱ περὶ Κηφισόδωρον [2]). Наконецъ, „допустимо, что аѳиняне были и на темпейской конференціи союзниковъ,

[1]) Въ изложеніи начала стр. 152 неясность. Только что сказано, что Фламининъ осаждалъ Элатею, а затѣмъ: „Фламининъ, прежде чѣмъ приступить къ штурму Коринѳа, хотѣлъ склонить на свою сторону ахейцевъ“. Подъ Элатеей былъ Титъ, а подъ Коринѳомъ—Луцій.

[2]) Къ стр. 152 въ концѣ: „два представителя отъ обѣихъ симполитій“, Аристенъ и Ксенофонтъ“. Но оба они—отъ одной ахейской симполитіи (Pol. *18*, 1, 3), а этолійскіе называются ниже: Феней и „многіе другіе“ (=πλείους).

предъ третьимъ свиданіемъ консула и царя, уже послѣ битвы при Киноскефалахъ, въ 197 году. Руководителемъ аѳинской политики уже десятокъ лѣтъ является все Кифисодоръ, хотя точное извѣстіе о немъ впервые собственно теперь. Авторъ подмѣчаетъ, что несмотря на политическую незначительность аѳиняне при римлянахъ продолжаютъ выступать рядомъ съ крупными государствами, какъ Пергамъ, Родосъ, ахейцы, этолійцы. Когда у Фламинина произошли крупныя недоразумѣнія съ віотійцами зимой 197—6, онъ соглашается на переговоры только при посредничествѣ ахейцевъ и аѳинянъ [1]). Въ 196 прибыло изъ Рима 10 полномочныхъ пословъ для мира съ Филиппомъ и устройства греческихъ дѣлъ. Авторъ разбираетъ традицію объ условіяхъ мира [2]) и о наградахъ, особенно аѳинянамъ. Допуская неточности у Валерія Анціатскаго, по существу онъ ему довѣряетъ. Аѳинянамъ будто бы даны Лимносъ, Имвросъ, Дилосъ, Скиросъ. А. С. Жебелевъ предлагаетъ еще ввести по майнцской рукописи въ текстъ списка у Ливія Паросъ, не замѣняя имъ Лимноса, какъ предлагалъ Кёлеръ. Основаніе — въ эпиграфическихъ указаніяхъ о принадлежности Пароса во 2-й половинѣ II вѣка Аѳинамъ. Но, разумѣется, Лимносъ и Дилосъ названы Валеріемъ ошибочно: они были даны Аѳинамъ только въ 166 году, а въ 196 аѳиняне, по словамъ автора, можетъ быть, только просили ихъ. Обширный и интересный экскурсъ посвященъ тутъ (163—175) исторіи Лимноса съ 338 года по надписямъ и Филарху, хотя для ближайшей цѣли автора достаточно и сказаннаго на 175-й стр., что во 2-ю македонскую войну этотъ островъ принадлежалъ Филиппу. На кориѳскомъ собраніи весной 196 г. аѳинскій посолъ разсыпался въ благодарностяхъ предъ Фламининомъ и Римомъ. Чрезъ годъ въ Кориѳѣ же послѣдовала прокламація Фламинина о свободѣ всѣхъ греческихъ государствъ. Гарнизоны римскіе были выведены даже изъ „ключей Греціи“ (Димитріады, Халкиды и Акрокориѳа). Аѳиняне, сильные въ сущности только litteris verbisque, вышли послѣ этой войны, благодаря римской политикѣ Кифисодора, съ наибольшими выгодами. Когда вскорѣ въ Римѣ рѣшено было воевать

---

[1]) Къ стр. 154: „Заблужденіе віотійцевъ [они вдругъ вздумали μακεδονίζειν] длилось недолго: они знали, что будетъ съ ними, какъ только римляне удалятся въ Италію, и вотъ они рѣшили убить Врахилла“ [македонскаго сторонника, только что выбраннаго въ віотархи]. Очевидно авторъ разумѣетъ не всѣхъ віотійцевъ, а только прежнихъ римскихъ сторонниковъ?

[2]) Показаніе Евтропія рядомъ съ Ливіемъ едва ли тутъ имѣетъ какое либо значеніе.

противъ Антіоха сирійскаго, а этолійцы склонялись на сторону послѣдняго, то Фламининъ, прибывъ опять въ Грецію во главѣ посольства въ 192 г., дѣйствовалъ на этолійцевъ осенью того года чрезъ посредство аѳинянъ, между прочимъ, propter urbis dignitatem. Но не помогло даже и личное появленіе Фламинина. Римлянамъ съ ахейцами пришлось воевать противъ этолійцевъ и Антіоха. Аѳины были обезпечены ахейскимъ гарнизономъ въ 500 человѣкъ. Можетъ быть, вслѣдствіе этого, а также и подкупа со стороны Антіоха, въ Аѳинахъ едва не вспыхнуло возстаніе сторонниковъ царя съ Аполлодоромъ во главѣ. Однако Фламининъ былъ близко, и, по обвиненію Леонта [1]), Аполлодора присудили къ изгнанію. Съ этихъ поръ дружба съ Римомъ долго не нарушается. Пирей служитъ станціей для римскаго флота. Римляне иногда дѣлятся хлѣбомъ съ аѳинянами и союзниками. Аѳиняне продолжаютъ выступать въ роли дипломатическихъ посредниковъ, именно въ 190 г. Ехедимъ съ товарищами отправляется къ легату П. Сципіона, брату его Луцію, хлопотать за этолійцевъ. Этого Ехедима кидаѳинейца изъ аристократической фамиліи авторъ ставитъ на одну линію съ Евриклидомъ, Микіономъ, Кифисодоромъ. Когда въ слѣдующемъ (189) году этолійцы снова начали войну до истеченія перемирія, аѳиняне, на этотъ разъ съ родосцами, опять хлопочутъ за нихъ и предъ консуломъ М. Фульвіемъ Нобиліоромъ и въ сенатѣ. Глава ихъ посольства въ Римъ, Леонтъ Кихисіевъ эксонеецъ [2]) „убѣдилъ сенатъ“ дать миръ этолійцамъ (къ этимъ событіямъ авторъ предположительно относитъ CIA. II 424).

Въ 3-й македонской войнѣ аѳиняне готовы были дать римлянамъ все войско, весь флотъ и исполнять всѣ ихъ приказанія. Римляне предпочли взять у нихъ только 100.000 модіевъ пшеницы. За то въ 166 году, по паденіи Македоніи, Аѳины опять извлекли для себя выгоды: имъ была отдана область разрушеннаго Аліарта (въ Віотіи) и, какъ упомянуто выше, Лимносъ и Дилосъ. Послѣдній потомъ былъ объявленъ портофранко [3]). Присоединеніе новыхъ владѣній не обо-

---

[1]) Этотъ Леонтъ вѣроятно одно лицо съ упоминаемымъ ниже посломъ. Онъ вѣроятно былъ такъ же во главѣ римской партіи, какъ раньше Кифисодоръ и въ то-же время Ехедимъ. Въ свою очередь Аполлодоръ былъ вѣроятно не только дѣятелемъ антіоховской или анти-римской партіи, но и вообще національно-демократической.

[2]) Соотвѣтствующее исправленіе текста Поливія и Ливія было предложено одновременно и авторомъ, въ одной изъ подготовительныхъ работъ, и Киртнеромъ.

[3]) Римляне отказались отъ аѳинскаго флота и войска. Очевидно игра не

шось безъ непріятностей для слабосильнаго государства. Экономическое положеніе было „не блестящее", потому что расходы были большіе, а доходовъ мало; въ торговлѣ былъ застой вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, да и кромѣ того Пирей уже не могъ соперничать съ Родосомъ и Дилосомъ. Въ 156 г. аѳиняне въ силу необходимости и вслѣдствіе бѣдности (Paus.) даже ограбили Оропъ. Сикіонцы, разбиравшіе, по волѣ сената, оропское дѣло, присудили аѳинянъ уплатить оропцамъ 500 талантовъ штрафа, что, разумѣется, было не по силамъ городу. Тогда въ 155 г. прибыло въ Римъ знаменитое посольство изъ трехъ философовъ: Карнеада, Діогена и Критолая. Они силой убѣжденія заставили (Aelian.) сенатъ уменьшить штрафъ до 100 тал. Аѳиняне и того не уплатили, а по какому-то соглашенію даже поставили въ Оропъ гарнизонъ и взяли съ города заложниковъ. Между гарнизонными воинами и жителями возникли недоразумѣнія, и аѳиняне пытались поработить жителей, что повело къ выселенію послѣднихъ и къ жалобѣ на аѳинянъ ахейцамъ, къ попыткѣ вмѣшательства послѣднихъ и окончательному разгрому Oропа аѳинянами, какъ это видно изъ надписей (IGS. I 44)[1].

Послѣ обзора отношеній Аѳинъ къ Риму[2]) разбираются отно-

стоила свѣчъ. Создавая портофранко на Дилосѣ, римляне подрывали могучій Родосъ, какъ правильно замѣчаетъ авторъ, а самая отдача Дилоса Аѳинамъ, я думаю, была просто временною заслонкой для Рима. Припомнимъ, какою богатою римскою торговою колоніей является въ это время Дилосъ.

[1]) Въ Оропской „исторіи" всетаки есть что-то неясное.

[2]) Отношенія аѳинскія къ Риму представляются мало симпатичными въ смыслѣ слишкомъ ранняго заискиванья у Рима. Но они вызывались, можетъ быть, необходимостью. Съ тѣхъ поръ, какъ Римъ сталъ во главѣ всей Италіи и Сициліи съ греческими колоніями, грекамъ оставалось или объединиться всѣмъ и соединиться съ Македоніей въ виду грозы съ запада, или вступать постепенно въ мирныя договорныя отношенія съ Римомъ, какъ поступили Аѳины въ концѣ III вѣка. Первое было невозможно при греческихъ представленіяхъ о свободѣ и при соперничествѣ двухъ большихъ симполитій того времени и при отношеніяхъ македонскихъ царей къ грекамъ. Но отчасти по тѣмъ же причинамъ не состоялось и второе. Пришлось вести борьбу противъ Рима группами, при чемъ почти всегда одна группа встрѣчала рядомъ съ римлянами или за ихъ спиной другую греческую же группу. Подчиненіе Македоніи и Греціи такимъ образомъ было весьма облегчено для Рима, а страна за время съ I-й македонской войны до паденія Коринѳа безспорно ослабѣла и потеряла навсегда энергію и возможность иниціативы въ національныхъ дѣлахъ. Если бы примѣръ Аѳинъ этого времени встрѣтилъ подражаніе, то мы не видѣли бы того упадка, до котораго дошла Греція за эти годы.

шенія ихъ къ другимъ государствамъ, при чемъ авторъ опять переходитъ на почву почти исключительно эпиграфическую. Дружба съ Египтомъ продолжается и при Птолемеѣ V Епифанѣ и при VI Филопаторѣ. О хорошихъ отношеніяхъ къ преемнику Аттала пергамскаго, Евмену II, говоритъ портикъ его имени у южнаго склона Акрополя и почетныя статуи пергамскихъ царей. Всѣ братья Евмена, въ томъ числѣ и его преемникъ, Атталъ II, обнаруживаютъ большой интересъ къ Аѳинамъ, и подобно египетскимъ царямъ посѣщаютъ знаменитый городъ. Нѣкоторые изъ нихъ (можетъ быть, и всѣ) получаютъ аѳинское гражданство. Иногда они живутъ въ Аѳинахъ, слушая лекціи философовъ, иногда участвуютъ въ аѳинскихъ состязаніяхъ. Атталъ II сооружаетъ огромный портикъ для цѣлей торговли, „торговые ряды", служившіе украшеніемъ Аѳинъ. Граждане, конечно, стараются отплатить своимъ благодѣтелямъ имѣющимися въ ихъ распоряженіи средствами, главнымъ образомъ litteris verbisque, которыя и сохранились отчасти въ надписяхъ того времени. Одинъ изъ самыхъ новѣйшихъ по времени открытія документовъ, декретъ аѳинскаго общества діонисовскихъ артистовъ, къ сожалѣнію найденный въ печальномъ видѣ, сообщаетъ не мало подробностей о вниманіи даже Аріараоа V (163—130) каппадокійскаго и его супруги Нисы къ художественной жизни Аѳинъ [1]). Его щедрость и расположеніе къ городу едва ли подлежатъ сомнѣнію въ виду нумизматическихъ указаній. Есть нѣкоторыя извѣстія подобнаго характера и о сирійскихъ царяхъ—о Селевкѣ Никаторѣ, объ Антіохѣ IV Епифанѣ; ко-

---

[1]) Документъ былъ изданъ пока безъ транскрипціи и только съ нѣкоторыми дополненіями Perdrizet и Colin'a въ *Bull. de corr. hell.* XIX p. 541 s. С. А. Жебелевъ даетъ его въ транскрипціи, отчасти повторяя французскія дополненія, отчасти вводя свои. Въ стр. 5 фр. доп. „διασαφη?]νησιν ψηφίς[ματος» сомнительно и второе слово въ виду отсутствія члена, должно быть, глагольная форма. Нѣкоторыя оставленныя въ маюскулахъ остатки словъ (8—16) отчасти могутъ быть также транскрибированы, но эти остатки такъ жалки, что все равно мало говорятъ о содержаніи. Въ стр. 12 рѣчь вѣроятно о просьбѣ, если дополнять παρέκα[λεσ... Въ 16 —, можетъ быть, о посольствѣ: καὶ ἐξαπέστ[ειλ... и т. п. Въ 35 ὑπευέτην только опечатка. Въ 36, конечно, скорѣе στεφανοῦν или στεφανῶσαι, чѣмъ „σ[τέ]φα[νον?" Въ 42 εἰ δὲ μή, ζημιοῦν τὸμ μὴ πεποιη[κότα, я думаю, несомнѣнно. Въ 43 случайный недосмотръ καὶ ἐνιαυτόν вмѣсто KAT копіи. Въ 64 [παρὰ τῆς εἰκόνος] С. А. Жебелева явилось вѣроятно случайно вмѣсто французскаго τὰς εἰκόνας, которое лучше даже, чѣмъ τὴν εἰκόνα. Отъ дальнѣйшихъ возстановленій лучше отказаться до точной копіи (на копіи въ B. C. H., особенно въ „Nouvelles et correspondance", полагаться не всегда можно).

торый давалъ Аѳинамъ деньги на продолженіе постройки храма Зевса олимпійскаго.

Среди гражданъ по прежнему находятся заботящіеся о нуждахъ города. Система добровольныхъ взносовъ (ἐπιδόσεις) продолжается. Въ одномъ спискѣ таковыхъ (CIA. II 983, около 180 г.), считая только достаточно сохранившіяся имена отдѣльныхъ жертвователей, можно насчитать болѣе 150 гражданъ; многіе изъ нихъ жертвуютъ и за своихъ близкихъ родныхъ. Попадаются среди жертвователей и иностранцы изъ разныхъ мѣстностей. Пожертвованія дѣлаются однако въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ лѣтъ 50 назадъ: тогда были поставлены границы отъ 50 до 200 драхмъ, здѣсь встрѣчаются сумма только отъ 5 до 30. Въ половинѣ II вѣка на такія пожертвованія былъ построенъ новый театръ въ Пиреѣ.

Въ *третьей* главѣ—„146—31 годы"—авторъ не рѣшаетъ вопроса, обратилась ли въ 146 году Греція въ римскую провинцію формально, и, отлагая разсужденіе о перемѣнахъ въ аѳинскомъ государственномъ строѣ до послѣдней главы, приступаетъ прямо къ изложенію фактовъ.

Первыя 57 лѣтъ почти неизвѣстны. Отмѣчаются за это время только два возстанія рабовъ, работавшихъ въ серебряныхъ лаврійскихъ рудникахъ: одно незначительное около 134—133, другое, сопровождавшееся занятіемъ Сунійской цитадели и продолжительными опустошеніями, въ 104—103 или годомъ позднѣе. Объясняются они упадкомъ добычи серебра и цѣнности рабовъ и ухудшившимся отъ этого обращеніемъ съ рабами.

Къ тому же времени относится декретъ въ честь іудейскаго первосвященника Іоанна Иркана, датированый архонтомъ Агаѳокломъ и говорящій о дружественныхъ сношеніяхъ Аѳинъ съ Іудеей. Въ датировкѣ Агаѳокла и документа ученые расходились почти на 100 лѣтъ (отъ 132—129 до 47—40 года), но авторъ присоединяется къ Омоллю, который по дилосскимъ надписямъ отнесъ Агаѳокла къ 106—105 г., то-есть, послѣднему году правленія Иркана *перваго* [1]).

---

[1]) Эта датировка (стр. 220 сл., ср. 299, 301) встрѣчаетъ общее подтвержденіе въ появившемся уже по выходѣ книги С. А. Жебелева послѣднемъ выпускѣ *Bull. de corr. hell.* XXI (1897). На стр. 600 *Colin* сообщаетъ, что по неизданнымъ еще дельфійскимъ надписямъ Агаѳоклъ соотвѣтствуетъ дельфійскому архонту Ксенократу Агисилаеву, а послѣдняго (извѣстнаго только изъ CIA. II 550) а (въ Дельф. эп. эт. I—VI p. 239, см. прим. 236) отнесенъ уже къ IX—XII жреческимъ эпохамъ, то-есть, ко времени не раньше послѣднихъ десятилѣтій II вѣка

Наконецъ приблизительно къ тому же времени относится и декретъ о почестяхъ египетскому Птоломею VIII Лаѳиру [1]).

Большая часть III главы (стр. 222—264) отведена первой войнѣ римлянъ съ Миѳрадатамъ Евпаторомъ, для которой мы имѣемъ цѣлый рядъ историковъ. Стоявшіе болѣе ста лѣтъ на сторонѣ Рима аѳиняне вдругъ отпадаютъ отъ него и переходятъ на сторону понтійскаго царя. Этотъ „послѣдній взрывъ демагогизма и послѣдній подъемъ національнаго чувства" авторъ объясняетъ тѣмъ, что греки и послѣ 146 года не переставали мечтать объ утраченной свободѣ, только не надѣялись на свои силы для возстанія противъ Рима (бунтъ въ ахейской Димѣ—примѣръ такого настроенія). Аѳиняне могли болѣе другихъ грековъ чувствовать перемѣну положенія, а тутъ представился такой могучій и надежный союзникъ въ лицѣ Миѳрадата, самое имя котораго иногда пугало римлянъ.

Дружественныя связи Аѳинъ съ фамиліей Миѳрадатовъ существовали еще съ IV вѣка. Авторъ ссылается на постановку статуи Платона въ академіи Миѳрадатомъ I, сыномъ Родовата или Оронтовата, и на взаимныя услуги аѳинянъ и сына его, возмутившагося противъ Артаксеркса II фригійскаго сатрапа Аріоварзана [2]). Миѳрадатъ III Филопаторъ и Филадельфъ Евергетъ (169—121?) оставили память о своихъ отношеніяхъ къ Аѳинамъ своими дилосскими приношеніями богамъ [3]). Есть на Дилосѣ нѣсколько посвященій и въ честь самого

и не позже первыхъ 10—15 лѣтъ I; его жреческая эпоха точно еще неизвѣстна. То же самое говоритъ *Помтовъ* въ *N. Jahrb.* 149 (1894) p. 674.

[1]) Въ датѣ его правленія, повидимому, двѣ опечатки: „117—118 и 88—91" вѣроятно вмѣсто 117—108 и 88—81. Новой книгой *M. L. Strack* Die Dynastie der Ptolemäer (Berlin 1897) С. А. Жебелевъ еще не пользовался. Strack p. 185 s. ставитъ этого Птолемея на 115 (или 116) — 108—107 и 88—81.

[2]) Къ стр. 227 сл.: Здѣсь, какъ и вообще, С. А. Жебелевъ пользуется первымъ (французскимъ, 1890 г.) изданіемъ книги Т. Рейнака о Миѳрадатѣ Евпаторѣ, хотя и нѣмецкій переводъ Götz'a (1895) былъ въ его распоряженіи (см. напримѣръ стр. 235[2]). Въ нѣмецкомъ изданіи первая глава, необходимая здѣсь для С. А. Жебелева, по собственному заявленію Рейнака (p. 1[1]), является въ совершенно новой, самостоятельной обработкѣ. Да и *Ed. Meyer* въ Gesch. des Königreichs Pontos p. 84[1] также не находилъ доказательствъ, что этотъ Аріоварзанъ сынъ названнаго Миѳрадата.

[3]) Почему авторъ этого Миѳрадата считаетъ III (=Reinach), а ближайшаго послѣдующаго, то-есть, Евпатора или Великаго,—VI (=*Ed. Meyer*)? Ср. стр. 228, 227, 230. Ср. въ *Revue Numism.* 1897 n° 3-й въ статьѣ Т. Рейнака о понтійскомъ Миѳрадатѣ IV (150?—121).

Миѳрадата VI Евпатора и его приближенныхъ, и отъ его имени,— они относятся ко времени еще до союза его съ Аѳинами.

Начало союза было положено во время пребыванія у Миѳрадата аѳинскаго „посла", перипатетика Аѳиніона, осенью 89 года. „Зимой 88 года" онъ вернулся въ Аѳины [1]). Авторъ подробно разказываетъ о прибытіи Аѳиніона, о встрѣчѣ его, о его рѣчи, объ избраніи его „военнымъ стратигомъ", о „провозглашеніи" имъ себя тиранномъ и о самомъ времени тиранніи, которая, по традиціи, не только не уступала знаменитой тиранніи τῶν τριάκοντα, но была даже, пожалуй, ужаснѣе [2]). Разказъ подробностей [3]) необходимъ для автора потому, что

---

[1]) На стр. 231 авторъ говоритъ о зимѣ 88 г. Изъ примѣчанія ясно, что разумѣется зима 88—87 г., такъ какъ сказано, что „побѣды Миѳрадата въ Передней Азіи одержаны еще лѣтомъ 88; осенью этого года Аѳиніонъ могъ отправиться къ Миѳрадату, а въ концѣ его вернуться въ Аѳины". Цитируется *Bernhardt* Chronologie der Mithrad. Kriege, который посольство Аѳиніона ставитъ между зимой 89 — 88 и зимой 88 — 87 г. Но дальше С. А. Жебелевъ вездѣ называетъ зиму 89 — 88 года: стр. 236 прибытіе Аѳиніона „зимой съ 89 на 88 г., 237 — тираннія Аѳ." самое большое полгода, съ зимы 89 — 88, когда онъ прибылъ въ Аѳины, до лѣта 88 г., когда началась тираннія Аристіона; 238—отпаденіе Аѳинъ „въ началѣ 88 г."; 321 — рѣчь Аѳиніона по возвращеніи отнесена „къ концу 89 или, вѣрнѣе, началу 88 года (аттическій годъ будетъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ 88)" [авторъ вѣроятно хотѣлъ сказать здѣсь объ аѳинскомъ архонтатѣ = Ол. 172, 4=89—88]; наконецъ, 320 стр. продолжительность аѳинской революціи— „два года съ небольшимъ", „съ начала 88 до 1-го марта 86 г.". На *зимѣ* нельзя особенно настаивать (стр. 231[1]) на основаніи ὑπὸ χεμῶνος ἐνοχληθεὶς Посидонія,— *Reinach* p. 334 нѣм. изд. переводитъ der Sturm. По ходу событій, конечно, скорѣе дѣло было осенью или зимой.

[2]) Впрочемъ вся традиція о тиранніи Аѳиніона и Аристіона представляется очень преувеличенною. Возможно, что при иныхъ окружающихъ обстоятельствахъ рѣчь была бы не о тиранніи, а дѣйствительно о возстановленіи демократіи.

[3]) Пропущена одна важная замѣтка Посидонія: Аѳиніонъ по избраніи въ стратиги συγκατέστησεν ἑαυτῷ τοὺς ἄλλους ἄρχοντας, ὧν ἐβούλετο ὑποβαλὼν τὰ ὀνόματα. На нее недостаточно обращено вниманія и въ IV гл. (см. ниже). Не передавая подробностей изложенія автора, остановлюсь только на двухъ-трехъ частностяхъ. На стр. 231: „Въ городѣ, въ святынѣ Діониса, приносились жертвы по случаю прибытія Аѳиніона. Глашатаи торжественно объявляли о заключеніи договора между Аѳинами и понтійскимъ царемъ". Это по Посидонію (Athen. V 212): ἐν δὲ τῷ τεμένει τῶν τεχνιτῶν θυσίαι τε ἐπετελοῦντο καὶ μετὰ κήρυκος προαναφωνήσεως σπονδαί. Здѣсь τέμενος діонисовскихъ артистовъ отожествляется съ τέμενος Діониса Мелпомена съ ссылкой на Мильхгёфера (1893 г.). Тожество признавалъ и Тёпферъ (Att. Geneal. p. 192 s.,—онъ указываетъ, что сначала и Ваксмутъ былъ того же мнѣнія).—Откуда „заключеніе договора"? Конечно, не изъ σπονδαί, потому что предъ этимъ только что артисты приглашали Аѳиніона ἐπὶ τὴν κοινὴν

онъ, вопреки мнѣнію большинства о тожествѣ Аѳиніона у Посидонія (у Аѳинея) съ Аристіономъ другихъ писателей, настаиваетъ на различіи того и другаго тиранна, становясь вмѣстѣ съ Вилькеномъ на сторону мнѣнія Низе. Отъ Вилькена, да пожалуй, и отъ Низе, онъ отличается только признаніемъ нѣсколько большей продолжительности власти Аѳиніона—„самое большее полгода",—такъ какъ возвращеніе его отъ Миѳрадата ставитъ на зиму 89—88 г. [1]) С. А. Жебелевъ, признавая истиннымъ мнѣніе Низе, большею частью повторяетъ и его же доказательства или соображенія, по которымъ нельзя признать Аѳиніона и Аристіона за одно лицо [2]). Но въ сущности важнѣе ихъ его

ἑστίαν καὶ τὰς περὶ ταύτην εὐχάς τε καὶ σπονδάς. Интересны нѣкоторыя параллели изъ одного декрета аѳинскихъ діонисовскихъ артистовъ очень близкаго времени (CIA. II 628, по С. А. Жебелеву 80—76 г., см. стр. 263): стр. 8 θύε[ιν καὶ σπένδ]ειν, 10 σπονδὰς καὶ παιᾶνας ἐπιτελεῖ, стр. 19 καλλιερήσας — τάς — σπονδὰς καὶ ἐπιχύσεις καὶ παιᾶνας—ἐπετέλεσεν, 40 ἐκαλλιέρησε ταῖς θεαῖς καὶ τὰς πατρίους σπονδὰς ἐπετέλεσεν, упоминается и (елевсинскій?) τέμενος τῶν τεχνιτῶν. Можетъ быть, изъ πρόαναφώνησις? Но оно вѣроятно обозначаетъ только сакральную подробность, соотвѣтствующую εὐχαί приглашенія. У Аристофана (Pac. 433 ss.) Тригей, можно сказать, тоже κηρύττει, говоря: σπονδὴ σπονδή· | εὐφημεῖτε εὐφημεῖτε. | σπένδοντες εὐχώμεσθα τὴν νῦν ἡμέραν | Ἕλλησιν ἄρξαι πᾶσι πολλῶν κἀγαθῶν. Примѣнительно къ обстоятельствамъ нѣчто подобное провозглашалъ вѣроятно и глашатай техниковъ по случаю прибытія „вѣстника новаго Діониса" (ср. у Arist. ibid. 442 ὦ Διόνυς, ἄναξ),—у техниковъ несомнѣнно было всегда на готовѣ много подходящихъ формулъ. Но о заключеніи договора тутъ навѣрно прямо не говорилось. Только на другой день Аѳиніонъ говоритъ первую рѣчь предъ народомъ и не столько приглашаетъ на сторону Миѳрадата, сколько къ возстановленію независимой отъ Рима демократіи. Союзъ съ Миѳрадатомъ равнялся не только отпаденію отъ Рима, а прямо переходу на сторону врага. Говорить о немъ публично было неудобно, пока нѣтъ вблизи Миѳрадатовской помощи. Самъ Аѳиніонъ и потомъ, по словамъ Посидонія, τὰ Ῥωμαίων φρονεῖν προσεποιεῖτο. Низе думаетъ даже, что формальный союзъ съ Миѳрадатомъ состоялся только лѣтомъ 88 г., уже по паденіи Аѳиніона, вслѣдъ за прибытіемъ Аристіона и Архелая съ понтійскимъ войскомъ—стр. 282: огромное количество денегъ пришлось прятать въ колодцы"=ὡς καὶ φρέατα πληρῶσαι πλείονα.—Еще см. ниже, по поводу IV главы.

[1]) При различеніи тиранновъ, кажется, лучше сокращать власть Аѳиніона. *Низе* (*Rh. Mus.* 42 p. 578) даетъ на нее только einige Monate des Sommers 98, то-есть, слѣд., прибытіе Архелая и Аристіона ставитъ подъ осень 88. *Вилькенъ* (у Pauly-Wissowa), какъ указано у С. А. Жебелева, — только нѣсколько недѣль. Разумѣется, тутъ все зависитъ отъ связи аѳинскихъ событій съ прочими и отъ хронологіи послѣднихъ, которой авторъ не касается спеціально.

[2]) При многихъ чертахъ различія между Аѳиніономъ и Аристіономъ, и Низе и С. А. Жебелевъ усматриваютъ почти одно только сходство между ними, однако не вполнѣ согласно другъ съ другомъ: по Низе это—die Verfolgung der Freunde

собственное соображеніе, по которому оказывается, что Посидоній, который одинъ только и сообщаетъ намъ объ Аѳиніонѣ, говорилъ въ своей исторіи также и о тираннѣ Аристіонѣ по поводу осада Аѳинъ Суллой. Это именно должно слѣдовать изъ цитаты у Свиды s. v. γεφυρίζων, приводимый подъ именемъ Поливія: С. А. Жебелевъ въ одной изъ подготовительныхъ работъ доказываетъ, что невозможное тутъ имя Πολύβιος нужно замѣнить чрезъ Ποσειδώνιος [1]). Итакъ, полагаетъ авторъ, съ начала 88 года до лѣта того же года правилъ Аѳинами Аристіонъ, а затѣмъ прибылъ съ Архелаемъ, вождемъ Миѳрадата, Аѳиніонъ, къ которому и перешла власть на время до взятія города Суллой, то-есть, до 1-го марта, или, по исправленному календарю, 21-го февраля 86 года. За это послѣднее время въ Аѳинахъ даже монета чеканилась съ миѳрадатовскими символами,—за полный годъ имѣются монеты съ именами 'Αριστίων-Φίλων и за нѣсколько мѣсяцевъ съ βασιλε(ὺς) Μιθραδάτης-'Αριστίων; первую серію относятъ къ полному аттическому году 88—87, вторую къ части 87—86, что и служитъ однимъ изъ хронологическихъ основаній.

О дѣйствіяхъ Суллы въ Греціи съ весны 87 года говорится опять довольно подробно, но главнымъ образомъ только въ связи съ осадой Аѳинъ и Пирея; прочіе походы только вкратцѣ затрогиваются, такъ что для болѣе яснаго представленія хода событій приходится обращаться къ источникамъ или другимъ изслѣдованіямъ [2]). Послѣдова-

---

der Römer und Feinde der Demokratie, по С. А. Жебелеву — „они оба преслѣдуютъ сторонниковъ римской партіи, оба они враги демократіи". Правъ тутъ, думаю, Низе, такъ какъ эти тиранны опирались на ὄχλος, на ὅσον δῆμος ἦν τοῦ δήμου τὸ ταραχῶδες, имѣя за собой Миѳрадата и возставая противъ поддерживаемыхъ Римомъ олигарховъ.

[1]) Доказательства изложены въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1897, IX, стр. 133—136. Лучше, можетъ быть, только объяснять Πολύβιος изъ Ποσειδώνιος не палеографически, а просто тѣмъ, что цитаты изъ Поливія уже слишкомъ часто попадаются у Свиды (этимъ же вѣроятно объясняются и цитаты изъ Аппіана, Діонисія Аликарнасскаго, Іоанна Антіохійскаго и др. также подъ именемъ Поливія). Ошибка могла произойдти или отъ одной невнимательности, или была такъ сказать Verschlimmbesserung какого нибудь малосвѣдущаго справщика. Иной путь происхожденія ошибки—подъ вліяніемъ заглавія сочиненія Посидонія, то-есть если, напримѣръ, въ источникѣ стояло: Ποσειδώνιος ἐν τῇ ἱστορίᾳ τῇ μετὰ Πολύβιον (или даже ἐν τοῖς μετὰ Πολύβιον). Можетъ быть, идея С. А Жебелева оказалась бы полезною, еслибы ее примѣнить и къ нѣкоторымъ другимъ Polybiana (и не только къ несомнѣннымъ spuria) у Свиды.

[2]) Напримѣръ, на стр. 240 отрывочно говорится о дѣйствіяхъ противъ Архелая чьего-то легата Бруттія Суры [легата тогдашняго правителя Македоніи Г.

тельность главныхъ дѣйствій представляется слѣдующею. По взятіи города Аѳинъ Сулла оставляетъ часть войска осаждать Акрополь, въ которомъ заперся Аристіонъ, а самъ спѣшитъ на Пирей; покончивъ съ Пиреемъ довольно скоро, идетъ въ Віотію и разбиваетъ Архелая у Херонія; не имѣя флота, а слѣд. и возможности преслѣдовать понтійцевъ, останавливается на время въ Ѳивахъ, возвращается въ Аѳины послѣ сдачи Акрополя для разслѣдованія виновныхъ и расправы съ аристіоновцами; далѣе слѣдуетъ маршъ на сѣверъ, лѣтомъ 86 г., на встрѣчу новому консулу Л. Валерію Флакку, избранному въ Римѣ враждебною Суллѣ партіей и шедшему отчасти противъ самого Суллы; столкновенія между враждебными римскими вождями однако не произошло [1]); Сулла вернулся изъ Ѳессаліи въ Віотію и при Орхоменѣ одержалъ рѣшительную побѣду надъ соединенными силами Архелая и только что прибывшаго Дорилая. Дѣйствій Суллы въ Азіи авторъ не разбираетъ и переходитъ къ посѣщенію Аѳинъ Суллой уже на обратномъ пути изъ Азіи, вѣроятно, въ сентябрѣ—октябрѣ 84 года.

Еще до взятія Аѳинъ окрестности ихъ потерпѣли ужасное опустошеніе: для осадныхъ работъ и сооруженій были уничтожены рощи Ликея и Академіи и разобраны остатки „длинныхъ стѣнъ", этихъ „ногъ" города, когда-то соединявшихъ его съ Пиреемъ; раззоренъ былъ отчасти и Елевсинъ. При взятіи Аѳинъ была безпощадная рѣзня жителей и грабежъ города, которыя прекратились, говорятъ, только вслѣдствіе заступничества римскихъ сенаторовъ и аѳинскихъ изгнанниковъ римской партіи (между прочимъ Мидія и Каллифонта), бывшихъ въ лагерѣ Суллы. Сулла простилъ „немногихъ ради многихъ, живыхъ ради умершихъ" [2]),—подобныя изреченія историки впрочемъ любили повторять при разказѣ о всякой пощадѣ Аѳинъ. Можетъ быть, для дальнѣйшей расправы было неудобное время, или не было въ ней и необходимости. Пирей былъ разоренъ и сожженъ. По сдачѣ

Сентія Сатурнина]. На 241 названы два легата Суллы (Л. Гортензій и Мунацій), а наиболѣе, повидимому, энергичный и несомнѣнно талантливѣйшій (Л. Лициній Лукуллъ) упомянутъ только на 246. Есть и другія неясности. Авторъ впрочемъ здѣсь не намѣренъ очевидно перерѣшать хронологическихъ вопросовъ всей I миѳрадатовской войны самостоятельно.

[1]) Флаккъ самъ не расчитывалъ на преданность своего войска и предпочелъ идти къ переправѣ въ Азію, а Сулла получилъ вѣсти о прибытіи понтійскихъ подкрѣпленій подъ командой Дорилая.

[2]) „Онъ вспомнилъ здѣсь съ похвалой о прежнихъ аѳинянахъ"=ἐγκώμιόν τι τῶν παλαιῶν Ἀθηναίων ὑπειπών (Plutarch.). Не прочиталъ ли онъ какое нибудь стихотвореніе? У Аппіана (fr. 103) стоитъ διεξελθὼν вмѣсто ὑπειπών.

акрополя Аристіонъ и всѣ болѣе или менѣе близкіе его сотрудники и соучастники, были казнены. Изъ акропольской казны Суллой было забрано вѣроятно все, что тамъ нашлось: до 40 фунтовъ (λίτρας) золота и 600 серебра. Законы онъ далъ „приблизительно тѣ же, что̀ прежде были опредѣлены римлянами" (Appian.).

На пути Суллы изъ Азіи очевидно уже состоялось полное примиреніе его съ аѳинянами. Вѣроятно уже успѣли вернуться всѣ римскіе сторонники, изгнанные при тираннахъ, и порядки пошли угодные Риму. Сулла принялъ посвященіе въ елевсинскія мистеріи. Аѳиняне учредили въ честь его праздникъ (Σύλλεια) и поставили статую. Однако на память объ Аѳинахъ Суллой и тутъ было прихвачено нѣсколько художественныхъ произведеній и колонны, предназначавшіяся для храма Зевса Олимпійскаго.

Всей Греціи войной былъ нанесенъ сильный ударъ. Святилища Олимпіи, Епидавра и Дельфъ поплатились своими драгоцѣнностями, понадобившимися Суллѣ, потому что онъ въ сущности велъ войну на свой страхъ, не имѣя помощи изъ Рима, а скорѣе встрѣчая препятствія. Не обошлось и безъ поборовъ съ жителей. Особенно, конечно, пострадали области сѣверо-восточныя, служившія театромъ войны: Ѳессалія, Віотія и всего болѣе Аттика. Пирей обратился въ груду развалинъ, надолго остался деревней и потерялъ торговое значеніе; Аѳины были раззорены. Государство обѣднѣло. Прекратили чеканку серебряной монеты, ограничившись бронзовой.

Ближайшее время было не легче. Усилились законные и незаконные поборы. Г. Верресъ, легатъ киликійскаго пропретора Т. Корнелія Долабелла, въ 80 году увезъ, по Цицерону, grande auri pondus изъ храма Аѳины [1]). Пираты, господствовавшіе на Средиземномъ морѣ, препятствовали торговымъ сношеніямъ. Когда Помпей, направляясь на востокъ для борьбы съ ними, заѣзжалъ въ Аѳины, граждане, конечно, торжественно встрѣчали его и провожали, но послать на помощь флоту могли только безпалубныя военныя лодки и то вѣроятно въ ничтожномъ количествѣ. Въ честь „наварха", то-есть адмирала этой эскадры вырѣзана надпись CIA. II 1359.

Аѳиняне начали торговать своимъ правомъ гражданства. Но оно уже не имѣло прежней цѣны и доходовъ большихъ не приносило, а превращало только аѳинянъ въ nationum colluvies. Иной иностранецъ

---

[1]) Едва ли однако и было тамъ много золота. Цицеронъ, конечно, преувеличиваетъ.

вѣроятно даже сторонился отъ честѝ попасть въ число такихъ аѳинскихъ гражданъ. „Благодѣтелей" среди самихъ гражданъ было уже трудно найдти. Аѳиняне ищутъ ихъ среди владѣтельныхъ или вліятельныхъ иностранцевъ и иногда находятъ. Каппадокійскій царь Аріоварзанъ II (63—62—52—51) возстановляетъ имъ сожженный въ миѳрадатовскую войну одеонъ [1]). Ему и за какія то услуги его преемнику Аріоварзану III, дается титулъ благодѣтелей и ставятся статуи. Знаменитый дружбой съ Цицерономъ Т. Помпоній Аттикъ помогалъ Аѳинамъ и покупкой хлѣба и денежными ссудами, не беря (будто бы) большихъ процентовъ, не требуя скорой уплаты; проведя въ Аѳинахъ лѣтъ двадцать (едва ли безъ перерывовъ), онъ, конечно, имѣлъ случай оказывать тамъ и другіе услуги; провожали его, говорятъ, со слезами [2]). Помпей, возвращаясь послѣ III миѳрадотовской войны изъ Азіи, далъ городу „на починку" 50 талантовъ; на эти деньги, можетъ быть, и была построена пирейская дигма, то-есть биржа, какъ называетъ Ульрихсъ [3]) (въ одной надписи говорится: τοῦ δείγματος τοῦ ἀνατεθέντος ὑπὸ Μάγνου).

Къ первому же вѣку относится вѣроятно постройка Андроникомъ Киррherстомъ сохранившейся до нашихъ дней такъ называемой „башня вѣтровъ" въ Аѳинахъ. Въ срединѣ I вѣка Аппій Клавдій Пульхръ началъ постройку малыхъ пропилей въ Елевсинѣ.

---

[1]) Къ стр. 268: въ приведенномъ текстѣ CIA. III 541 пропущено при печатаніи имя Меналиппа: Στάλλιοι Γαίου υἱοὶ καὶ Μενάλιππος ἑαυτῶν εὐεργέτην.

[2]) Авторъ подъ вліяніемъ Непота, кажется, представляетъ отношенія Аттика къ Аѳинамъ въ черезчуръ розовомъ свѣтѣ. Иначе смотритъ на греческіе гешефты Аттика, напримѣръ, *Boissier* Ciceron et ses amis, заканчивающій характеристику его словами: „Единственная похвала, которую онъ вполнѣ заслужилъ и которую такъ любезно произноситъ его біографъ, состоитъ въ томъ, что онъ былъ самымъ ловкимъ человѣкомъ своего времени; но мы знаемъ, что есть похвалы и получше этой" (стр. 138 русскаго перевода). Мое общее впечатлѣніе также не вполнѣ благопріятно для Аттика. Ему съ извѣстнымъ свободнымъ капиталомъ было выгодно жить въ Греціи въ пору экономическаго кризиса послѣ миѳрадатовской войны. Умѣренные проценты и своевременная уплата долга была въ интересахъ самого Аттика, извѣстнаго своей осторожностью: въ то время легко возможныхъ случаевъ банкротства онъ опасался, соблазнившись большимъ τόκος, καὶ τὸ ἀρχαῖον ἀποβαλεῖν. Онъ зналъ это вѣроятно и по опыту (приходилось вѣдь ему отправляться въ сикіонскій походъ). Хорошъ онъ былъ вѣроятно только въ сравненіи съ Верресомъ и компаніей, и потому можно повѣрить, что въ 51 году о немъ почти на каждомъ шагу справлялись у проѣзжавшаго чрезъ Аѳины Цицерона (ad Att. V, 10, 1),—справлялись какъ о нужномъ человѣкѣ.

[3]) *Ulrichs.* Reisen und Forschungen, II, p. 179.

Въ борьбѣ между Цезаремъ и Помпеемъ Аѳины хотѣли было соблюсти нейтралитетъ, но когда это оказалось невозможнымъ, перешли на сторону Помпея, пользовавшагося на востокѣ послѣ войны съ Миѳрадатомъ большими симпатіями и являвшагося для грековъ представителемъ „законнаго порядка", а для Аѳинъ и великимъ благодѣтелемъ [1]). Пока борьба была не рѣшена, аѳиняне стойко держались Помпея; они починили городъ на столько, что не сдавались осаждавшему ихъ Калену, легату Цезаря, но послѣ Фарсальской битвы, конечно, перешли на сторону побѣдителя. Въ честь его позднѣе была поставлена статуя, и на его средства построены потомъ „ворота рынка, существующія и теперь. Послѣ его смерти однако республикански настроенные аѳиняне симпатизируютъ Бруту и Кассію и ставятъ ихъ статуи подлѣ статуй своихъ τυραννοκτόνοι. Въ борьбѣ ихъ съ Октавіаномъ и Антоніемъ обошлось безъ участія Аѳинъ, а послѣ битвы при Филиппахъ уже Антоній, заѣхавъ въ Аѳины, посвящается въ мистеріи и встрѣчаетъ, конечно, блестящій пріемъ. Въ 41 году, находясь въ Ефесѣ, онъ принимаетъ между прочимъ и аѳинское посольство—'Αθηναίοις δ' ἐς αὐτὸν ἐλθοῦσι μετὰ Τῆνον Αἴγιναν ἔδωκε καὶ Ἴκον καὶ Κέω καὶ Σκίαθον καὶ Πεπάρηθον (Appian). С. А. Жебелевъ считаетъ наиболѣе подходящимъ исправленіе страннаго μετὰ Τῆνον, предложенное ему М. Н. Крашенинниковымъ, въ μετ' ἐκείνων [2]). Очевидно Антоній былъ особенно расположенъ къ аѳинянамъ, и они его благодарятъ по мѣрѣ силъ. Аѳины становятся его главной резиденціей, тамъ радушно встрѣчаютъ и его первую жену, Фульвію, и потомъ вторую, Октавію, и всѣхъ его сторонниковъ. Его зовутъ „новымъ Діонисомъ", празднуютъ въ честь его „Антоніевы Панаѳинеи", его именемъ замѣняютъ имена Аттала I и Евмена II подъ ихъ статуями, и онъ иногда вполнѣ входитъ въ роль „новаго Діониса", кутя въ спеціально устроенномъ на діонисовскій манеръ гротѣ надъ театромъ Діониса [3]). Аѳиняне въ 32 году такъ же охотно встрѣчали его съ Клеопатрой, какъ раньше съ Октавіей, и въ 31 году съ attica fides сражались за него при Актіи.

Глава IV—„*реформы въ государственномъ устройствѣ*". Аѳины въ римское время были единственной въ Ахаіи civitas foederata.

---

[1]) Здѣсь предложена новая попытка толкованія Appian. B. C. II, 70.

[2]) Я думалъ о μετά τινων, но тогда уже Αἴγιναν лучше превратить въ ἄλλων. Или μετὰ τὴν Αἴγιναν? Ср. приводимое у автора чтеніе Ватиканской рукописи.

[3]) Что значитъ: „оттуда [изъ грота] Антоній устроилъ торжественный *сходъ* на акрополь"? Ср. Hertzberg I, p. 480.

Какъ союзная община, городъ имѣлъ свое самоуправленіе, законодательство, судопроизводство, ius exilii, право чеканки монеты, не платилъ подати, несъ повинности, только опредѣленныя въ договорѣ, но не имѣлъ права самостоятельной внѣшней политики. Произошли однако нѣкоторыя измѣненія и въ государственномъ строѣ въ смыслѣ усиленія значенія аристократическихъ и тимократическихъ элементовъ, выразившагося 1) въ усиленіи значенія совѣта и ареопага, на счетъ народнаго собранія, 2) въ усиленіи власти стратига ἐπὶ τὰ ὅπλα и 3) въ назначеніи главныхъ властей выборомъ, а не жребіемъ. Но когда произошли эти перемѣны: послѣ 146 года, или при Суллѣ, или при Цезарѣ? Путемъ толкованія литературной традиціи, преимущественно Посидонія, Стравона и Аппіана, и посредствомъ интереснаго, хотя и „томительнаго" для непосвященныхъ сопоставленія документовъ этого времени [1]) и критики кёлеровской хронологической теоріи о четырехъ разрядахъ эфивическихъ надписей, С. А. Жебелевъ приходитъ къ выводу, что уже между 146—186 годомъ вслѣдствіе римскихъ „распоряженій и законовъ" дѣло постепенно клонилось къ указаннымъ выше измѣненіямъ, хотя до Суллы народъ по прежнему выступаетъ въ декретахъ и послѣдніе отличаются отъ декретовъ древнѣйшихъ только выступленіемъ на видъ стратига и глашатая ареопага. Сулла же въ 86 году произвелъ въ прежнихъ распоряженіяхъ дальнѣйшія „измѣненія, но не существенныя"; однако усиленіе совѣта, ареопага и высшихъ властей въ ущербъ „народу" дошло до того, что послѣ Суллы народъ нѣкоторое время не имѣлъ права даже издавать почетные декреты, слѣдовательно полномочія его дошли до минимума. Авторъ, кажется, въ этомъ случаѣ дѣлаетъ вполнѣ правильное общее заключеніе, не рѣшаясь относить эти крайнія ограниченія ко времени Цезаря. Сулла несомнѣнно вмѣшивался въ дѣла Оропа, также, можетъ быть, въ дельфійскія, занимался устройствомъ азіатскихъ городовъ. Трудно допустить, чтобы въ Аѳинахъ онъ оставилъ все по старому. Не даромъ именно эпоха Суллы очень сильно отразилась въ традиціи объ Аѳинахъ. По документамъ отчасти можно

[1]) Къ стр. 298[1]: Дата „Діонисія—послѣ—Парамона" по В. А. Шефферу 114—113 очень близка къ истинной, можетъ быть, даже истинная, если допустить, что *Colin* на одинъ годъ ошибся: онъ въ Вен. XXI p. 600 сообщаетъ, что этотъ архонтатъ падаетъ на 113—112 г. Къ стр. 306[2]: Архонтъ Евѳидомъ упоминается еще въ дельфійской надписи Вен. XVII, табл. 22, стр. 581=*Crusius*, Die delphischen Hymnen p. 82, притомъ въ пиѳійскомъ году. Помтовъ ставитъ его предположительно на 38 годъ до Р. Х.

слѣдить за постепеннымъ отраженіемъ перемѣнъ въ аѳинскомъ государственномъ строѣ. Мы видимъ, какъ на первое мѣсто выдвигается совѣтъ шестисотъ и рядомъ съ нимъ ареопагъ и стратигъ ἐπὶ τὰ ὅπλα (интересенъ экскурсъ объ этомъ стратигѣ и другихъ, стр. 314 сл.). Усиленіе власти послѣдняго началось уже со II вѣка. Избирались на эту должность знатные и богатые граждане. Съ внѣшней стороны она была почетна наравнѣ съ должностью архонта—эпонима, а по значенію вѣроятно превосходила послѣднюю. Ареопагъ, въ которомъ выдающееся мѣсто начинаетъ занимать его глашатай, заботится, по надписямъ, между прочимъ о воспитаніи юношей, наказываетъ виновныхъ въ поддѣлкѣ мѣръ и вѣсовъ. Это, конечно, только случайныя извѣстія о его компетенціи, которая несомнѣнно уже въ разбираемомъ періодѣ стала гораздо шире. Особенностью строя по крайней мѣрѣ съ начала I вѣка является также повторяемость должностей, не только военныхъ, какъ было прежде, но даже и эпонимата [1]). Теперь извѣстенъ двукратный эпонимать Аргія въ 97—96 и 96—95 (CIA. II 985) и четырехкратный Мидія въ 100—99 годахъ (Ibid. и три раза подрядъ по перечню архонтовъ CIA. III 1014). Этотъ перечень много разъ изслѣдовали, но до сихъ поръ, по автору, окончательно не истолковали. За тремя эпониматами Мидія тамъ слѣдуетъ ἀναρχία, то-есть годъ безъ архонта. Основательно опровергая мнѣнія Бергка и Омолля, хотя и приблизившіяся уже къ истинѣ, авторъ доказываетъ, что это та самая ἀναρχία, о которой говорилъ Аѳиніонъ по возвращеніи отъ Миѳрадата, приглашая аѳинянъ прекратить ее, слѣдовательно она соотвѣтствуетъ „88“ году до Р. Х. (точнѣе, можетъ быть, слѣдовало бы назвать 89—88 годъ, если слѣдовать принятой авторомъ хронологіи начала тиранніи Аѳиніона, см. мое примѣчаніе 31) [2]).

[1]) Въ Дельфахъ мы также встрѣчаемся съ повтореніемъ эпонимата только въ римское время. При наличномъ состояніи документовъ оно можетъ быть отмѣчено только для времени *послѣ* Р. Х., по Помтову, съ половины I вѣка по Р. Х. (см. тексты надписей, приводимыя имъ въ Philologus *54* (1895) p. 210 и 244); онъ для Дельфъ объяснялъ это вымираніемъ древнихъ фамилій и уменьшеніемъ гражданства. Но это не исключаетъ и объясненія С. А. Жебелева, которое можетъ быть, пожалуй, даже предпочтено.

[2]) Отожествленіе ἀναρχία Аѳиніона (Посидонія), хотя я понимаю ее нѣсколько иначе (см. дальше), съ ἀναρχία въ CIA. III 1014 и для меня теперь весьма вѣроятно. Изслѣдователи, повидимому, постепенно все болѣе и болѣе приближались къ истинѣ, и вѣроятно скоро удастся истолковать перечень CIA. III 1014 вполнѣ точно или съ вѣроятностью на какой нибудь годъ. Именно, перечень Μήδειος—Μήδειος—Μήδειος—ἀναρχία и пр., при точкѣ зрѣнія С. А. Жебелева, допускаетъ

Что же касается упомянутаго Мидія, то, по его мнѣнію, это одно лицо съ Мидіемъ, римскимъ сторонникомъ, который въ качествѣ изгнанника находился въ лагерѣ Суллы (см. выше) и хлопоталъ о пощадѣ Аѳинъ. Отожествленіе это очень заманчиво, хотя я долженъ замѣтить, что Мидій—архонтъ по надписямъ и монетамъ пишется Μήδειος, тогда какъ Мидій—изгнанникъ у Плутарха (Sull. 14) названъ Μειδίας (Μειδίου,—у меня подъ рукой только стереотипъ Sintenis'а) и послѣднее имя также попадается въ Аттическихъ надписяхъ и вообще въ аттической ономатологіи. Если согласиться относительно этого отожествленія и имѣть въ виду и повторяемость его власти и то, что вину въ упомянутой ἀναρχία Аѳиніонъ такъ или иначе сваливаетъ на сенатъ, то очевидно, что архонтъ (а вѣроятно и другіе, по крайней мѣрѣ, высшія власти) назначался въ то время не жребіемъ, а избраніемъ, притомъ изъ знатныхъ лицъ и римскихъ сторонниковъ, и что избраніе его утверждалось римскимъ сенатомъ. Власти „народа", какъ замѣчено уже, послѣ Суллы совсѣмъ незамѣтно въ надписяхъ. Авторъ заканчиваетъ разборомъ нумизматическихъ данныхъ и на основаніи ихъ полагаетъ, что послѣ 86 года аѳиняне были или на столько ра-

---

колебаніе только на одинъ годъ. Онъ находится во второмъ столбцѣ надписи. Въ первомъ же столбцѣ имѣемъ: Λυκίσκος—Διονύσιος—Θεοδωρίδης—Διότιμος (послѣдніе трое соотвѣтствуютъ по строкамъ тремъ годамъ Мидія). По сообщенію *Colin'а* въ BCH. XXI p. 600 въ неопубликованныхъ еще дельфійскихъ надписяхъ Διονύσιος, котораго онъ считаетъ за ὁ μετὰ Λυκίσκον, современенъ дельфійскому Πύρρος. Хотя этотъ Πύρρος у *Colin'а* ближе не опредѣленъ, но для меня несомнѣнно, что это Пирръ IX жреческой эпохи, для котораго какъ несомнѣнный terminus post quem я въ Дельф. эп. эт. I—VI p. 237 поставилъ годъ 139—138. Его несомнѣнный terminus ante quem 101—100 годъ, но можно уже и теперь не сомнѣваться, что Пирръ былъ архонтомъ въ Дельфахъ не позже 120 года. Такимъ образомъ дата упомянутаго Діонисія=Пирру у Шеффера—137—136—очень возможна, хотя пока и необязательна. Точную дату Пирра вѣроятно удастся опредѣлить. Уже теперь извѣстно, что въ его годъ была аѳинская триподофорія (BCH. XVIII p. 92). другая же триподофорія и пирфорія извѣстна отъ года атт. Аргія=дельф. Ментора, то-есть 97—96—96—95. Далѣе, мой перечень пиѳаистовъ въ Hermes XXVIII p. 620 съ πυρφόρος ἡ ἐγ Δέλφων и съ ὁ ἐπὶ τὰς ἀπαρχάς по какимъ то новымъ даннымъ отнесенъ къ атт. Агаѳоклу=дельф. Ксенократу Агисилаеву въ BCH. XX p. 639. Наконецъ важенъ документъ CIA. II 985 объ ἀπαρχαί и др. Ср. *Pomtow* Philolog. 54 p. 593,—онъ Пирра ограничиваетъ годами 135—120. При взаимномъ содѣйствіи дельфійскихъ, аттическихъ и дельфійско-аттическихъ надписей возможно будетъ точно опредѣлить разстояніе отъ Діонисія μετὰ Λυκίσκον до ἀναρχία и узнать точные размѣры столбцовъ перечня и такимъ образомъ пріурочить отдѣльныхъ архонтовъ. Но пока нужно подождать публикаціи документовъ.

зорены, что были не въ состояніи чеканить серебряную монету, или прямо лишены права чеканки монеты. Послѣднее онъ считаетъ болѣе вѣроятнымъ.

Я прибавлю здѣсь (уже не въ подстрочномъ примѣчаніи) отъ себя нѣсколько замѣтокъ, такъ какъ нѣкоторые пункты извѣстій Посидонія объ Аѳиніонѣ, пожалуй, нуждаются въ дальнѣйшей интерпретаціи или иномъ освѣщеніи. Еще въ письмахъ изъ Азіи Аѳиніонъ смущалъ гражданъ надеждами μὴ μόνον τῶν ἐπιφερομένων ὀφλημάτων ἀπολυθέντας (ἂν) ἐν ὁμονοίᾳ ζῆν, ἀλλὰ καὶ τὴν δημοκρατίαν ἀνακτησαμένους καὶ δωρεῶν μεγάλων τυχεῖν ἰδίᾳ καὶ δημοσίᾳ. С. А. Жебелевъ ограничивается (стр. 231 и 237) замѣчаніемъ, что въ первыхъ словахъ обѣщалось уничтоженіе долговыхъ обязательствъ. Но почему оно связывается съ ἐν ὁμονοίᾳ ζῆν, какъ бы съ послѣдствіемъ, и почему представляется какъ бы шагомъ къ возстановленію демократіи? Почему τὰ ὀφλήματα названы ἐπιφερόμενα?—Другой пунктъ: Аѳиніонъ въ своей рѣчи убѣждаетъ μὴ ἀνέχεσθαι τῆς ἀναρχίας, ἣν ἡ Ῥωμαίων σύγκλητος ἐπισχεθῆναι πεποίηκεν, ἕως (ἂν) αὐτὴ δοκιμάσῃ περὶ τοῦ πῶς ἡμᾶς πολιτεύεσθαι δεῖ. С. А. Жебелевъ въ виду извѣстнаго отрывка списка архонтовъ CZt. II 1014 съ упоминаніемъ ἀναρχία доказываетъ, что въ обоихъ случаяхъ ἀναρχία обозначаетъ не анархію, не „безначаліе", а „годъ безъ архонта" и при томъ одинъ и тотъ же историческій годъ. Я въ сущности вполнѣ согласенъ съ нимъ, то-есть, готовъ видѣть одинъ и тотъ же годъ, не сомнѣваюсь, что ἀναρχία въ надписи=*годъ* безъ архонта, но думаю, что въ устахъ Аѳиніона ἀναρχία нужно понимать шире, то-есть, въ смыслѣ отсутствія по крайней мѣрѣ главныхъ ἀρχαί. Что тогда ихъ дѣйствительно не было, это видно изъ того мѣста Посидонія, которое, какъ недостаточно разобранное, я отмѣтилъ въ прим., стр. 236—237. Аѳиніонъ былъ избранъ στρατηγὸς ἐπὶ τὰ ὅπλα, слѣдовательно, этого стратига тогда не было. Если онъ συγκατέστησεν ἑαυτῷ τοὺς ἄλλους ἄρχοντας и, разумѣется, не самъ, а чрезъ народное собраніе, какъ это видно изъ ὧν ἐβούλετο ὑποβαλὼν τὰ ὀνόματα, то, думаю я, слѣдуетъ, что и „прочихъ должностныхъ лицъ" (не одного архонта и не однихъ архонтовъ) тогда также не было. Аѳиніонъ, такъ сказать, заново образуетъ цѣлое министерство. А за призывомъ μὴ ἀνέχεσθαι τῆς ἀναρχίας онъ тотчасъ же приглашалъ не смотрѣть сквозь пальцы на то, что храмы заперты, гимназіи запущены, театръ—ἀνεκκλησίαστον, суды безмолвствуютъ, пниксъ—ἀφῄρηται τοῦ δήμου, а также и на то, что „умолкъ священный гласъ Іакха, закрытъ священный храмъ богинь и лекціи философовъ безгласны" (=школы философовъ

безмолвствуютъ). Связь всего этого съ ἀναρχία несомнѣнна. Но С. А. Жебелевъ съ Гильбертомъ думаютъ, что Аѳиніонъ все преувеличилъ, и доказываетъ это тѣмъ, что ἐκκλησία ἐν τῷ θεάτρῳ упоминается въ близкихъ по времени документахъ и что надписи того же времени о „гимнасіяхъ" говорятъ совсѣмъ не то, что Аѳиніонъ. Но эти документальныя данныя еще не опровергаютъ показаній Аѳиніона относительно ближайшаго предшествующаго времени, (vor kurzem, какъ говоритъ Низе) то-есть, тѣхъ мѣсяцевъ или года, что̀ предшествовалъ возвращенію Аѳиніона, потому что нельзя доказать, что упомянутые документы относятся какъ разъ къ этому непродолжительному промежутку. Краски сгущены, но суть отрицать нельзя. Храмы заперты, конечно, не буквально, но разумѣется, что нѣтъ торжественныхъ праздниковъ, требовавшихъ активнаго участія властей. Гимназіи названы αὐχμοῦντα, конечно, слишкомъ сильно, но значитъ, что теперь нѣтъ соотвѣтственныхъ властей и гимназіи не функціонируютъ. Τὸ θέατρον ἀνεκκλησίαστον, — почему, сразу не ясно, но рѣчь, разумѣется, о народныхъ собраніяхъ, ἐκκλησίαι. Суды безмолвствуютъ, потому что, опять нѣтъ властей, руководящихъ судопроизводствомъ. Пниксъ ἀφῄρηται τοῦ δήμου. Что это значитъ? С. А. Жебелевъ передаетъ словами: „на пниксѣ нѣтъ народа" (294) или „пниксъ лишенъ слушателей" (232). Стало быть, рѣчь во второй разъ о народныхъ собраніяхъ? Но почему тогда не рядомъ съ τὸ θέατρον ἀνεκκλησίαστον? Тутъ приходится прибѣгнуть къ слѣдующему соображенію. Poll. VIII 132, говоритъ, что въ позднѣйшее время ἐνεκκλησίαζον—τὰ μὲν ἄλλα ἐν τῷ Διονυσιακῷ θεάτρῳ, μόνας δὲ τὰς ἀρχαιρεσίας ἐν τῇ πυκνί. Hesych. s. v. Πνύξ — — νυνὶ δὲ ἅπαξ, ὅταν στρατηγὸν χειροτονῶσιν. Основаній отрицать эти показанія нѣтъ, и они обыкновенно признаются правильными. См. *Gilbert* Staatsaltert. I² 320, *Schöman-Lipsius* I p. 407, ct. *Hermann-Thumser* I p. 508. Во второмъ изъ указанныхъ руководствъ наше мѣсто даже цитируется рядомъ съ Полидевкомъ и Исихіемъ о пниксѣ, какъ о мѣстѣ только избирательныхъ собраній. Итакъ. выраженіе: „Пниксъ отнятъ у народа" въ *картинной* формѣ, какъ и всѣ предшествующія, обозначаетъ, что у народа *отнято* даже право избранія должностныхъ лицъ, поэтому, я думаю, тутъ и употребленъ такой глаголъ, какъ ἀφαιρέω, указывающій какъ бы на насильственное ограниченіе народныхъ правъ; поэтому и къ τὴν πύκνα прибавлено τὴν θεῶν χρησμοῖς καθωσιωμένην. Вторая группа вещей, на которыя Аѳиніонъ совѣтуетъ не смотрѣть сквозь пальцы, особенно насъ не интересуетъ: тамъ рѣчь

о культѣ елевсинскомъ и философскихъ школахъ. Но разобранная даетъ почти полную картину прекращенія народовластія: на первомъ мѣстѣ τὰ ἱερά, какъ и естественно, потомъ эфивы, о которыхъ такъ стали заботиться въ позднее время, потомъ обсуждающая и рѣшающая дѣятельность народнаго собранія (въ театрѣ), его же дѣятельность въ судѣ и избирательная на пниксѣ. Ни слова о совѣтѣ. Но это молчаніе такъ многозначительно, что его можно принять за argumentum. Совѣтъ, очевидно, функціонируетъ при томъ въ полный ущербъ, въ отрицаніе народнаго собранія. У насъ не разъяснено еще, почему τὸ θέατρον ἀνεκκλησίαστον. Теперь причина, пожалуй, ясна: потому, что противъ этого совѣтъ, потому, что притоны не созываютъ народныхъ собраній. И послѣ разбираемой зажигательной рѣчи аѳиняне безъ всякаго участія совѣта (его мы вовсе не видимъ у Посидонія) συντρέχουσιν εἰς τὸ θέατρον для избранія Аѳиніона въ стратиги. Но почему же не на „освященный оракулами боговъ пниксъ?“ Если позволительно догадываться, то я сказалъ бы: потому, что онъ ἀφῄρηται, потому, что на него не пускаютъ, вѣроятно, имѣющимися въ распоряженіи совѣта полицейскими средствами, а, можетъ быть, устроены были и вещественныя преграды. Избирательное собраніе не на пниксѣ, конечно, не вполнѣ законно съ точки зрѣнія аѳинской конституціи, но при данныхъ ненормальныхъ условіяхъ это было уже внѣшней мелочью, потому что по конституціи и избирательное собраніе не могло обойдтись безъ προβούλευμα: δεῖ δὲ προβούλευμα γίνεσθαι καὶ περὶ τούτων (Arist. 'Αθ. πολ. 44, 4). Это время было революціонное, хотя революція, какъ я и выше отмѣчалъ (прим. на стр. 236—237), была пока внутренняя: аѳиняне вопреки волѣ или вѣяніямъ изъ Рима только возобновляли демократію, въ надеждѣ, конечно, на Миѳрадата, но еще не промѣнявъ на него окончательно Римъ. Какъ civitas foederata, они могли признавать за собой право на это и смотрѣть на вмѣшательство Рима въ строй государства, какъ на нарушеніе права съ формальной стороны.

И такъ вѣроятнѣе, что предъ революціей властей вобще не было, что демократія фактически была упразднена, что ее приходилось ἀνακτήσασθαι. С. А. Жебелевъ передаетъ мѣсто рѣчи Аѳиніона объ ἀναρχία словами: 'αναρχία „которую устроилъ римскій сенатъ“ (232), и разсуждать, что „сенатъ, раздумывая, какое государственное устройство слѣдуетъ дать Аѳинамъ, не могъ вводить у нихъ того, что мы понимаемъ теперь подъ словомъ „анархія“, что слѣд. рѣчь идетъ только объ утвержденіи одного „перваго архонта“, которое (какъ вѣроятно и

и утвержденіе другихъ наиболѣе важныхъ должностей, напр. стратига ἐπὶ τὰ ὅπλα) зависѣло отъ римскаго сената". Мысль объ утвержденіи властей сенатомъ я считаю вполнѣ правильной, но неужели въ Аѳинахъ стали бы такъ въ это время волноваться изъ-за одного „перваго архонта", когда тамъ не было и упомянутаго стратига? Это во первыхъ. Во 2-хъ сенатъ, конечно, не „устраивалъ анархіи" въ современномъ смыслѣ. Этого и не говоритъ Аѳиніонъ (Посидоній). Сенатъ только πεποίηκεν ἐπισχεθῆναι τὴν ἀναρχίαν, то-есть, виновенъ только въ томъ, что анархія затянулась. Глаголъ, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ конечно, широкое значеніе. Въ упомянутомъ уже декретѣ аѳинскихъ артистовъ CJA. II 628, напр.. сказано: ὧν (то-есть, σπονδῶν καὶ παιάνων) ἐπισχεθέντων ἐπὶ ἔτη καὶ πλείονα, очевидно, въ смыслѣ „были прерваны". Здѣсь, конечно, это значеніе не годится. Но не годится и пониманіе автора, которое возможно было бы въ выраженіи τὴν ἀναρχίαν ἐπισχεῖν (τὴν πόλιν). Я думаю, слѣдуетъ понимать, что сенатъ устроилъ дѣло такъ, что „анархія призадержалась, затянулась" (qui status ut duraret переведено въ Fr. H. Gr. III p. 268, если стоитъ ссылаться на тотъ переводъ). Сенатъ только не утверждалъ новоизбранныхъ должностныхъ лицъ, потому что они были не угодны или ему или его аѳинской партіи, что въ сущности одно и то же. Не думаю что выборы въ свое время вовсе не состоялись и что отсюда началась анархія. „Выводить анархію", конечно, было не въ интересахъ сената, но призадержать утвержденіе властей онъ могъ безъ особаго ущерба, если за это время дѣйствовалъ въ римскихъ интересахъ совѣтъ. Но какъ же произошли такіе неугодные сенату выборы, которые онъ медлитъ утвердить, задумываясь при этомъ о томъ, πῶς δεῖ τοὺς Ἀθηναίους πολιτεύεσθαι? Этому виной, я думаю, была наступившая въ Аѳинахъ στάσις. Возращаюсь къ тому, съ чего началъ: мы эту στάσις знаемъ изъ писемъ Аѳиніона, обѣщающихъ, что аѳиняне будутъ жить ἐν ὁμονοίᾳ, которой тогда, очевидно, не было. Потому-то возстановленіе ὁμονοίας и является шагомъ къ ἀνάκτησις τῆς δημοκρατίας. Для того, чтобы достичь ὁμονοίας, нужно ἀπολυθῆναι τῶν ἐπιφερομένων ὀφλημάτων. Эта στάσις слѣд. напоминаетъ намъ досолоновскую, то-есть, были также экономическія причины раздора партій. Бѣдные задолжали богатымъ, и аѳинскимъ гражданамъ и римлянамъ, не такимъ осторожнымъ, какъ Аттикъ. Извѣстный цензъ для гражданскаго соучастія въ дѣлахъ, конечно, существовалъ. Многимъ грозила потеря участія въ дѣлахъ государства. Могъ быть поднятъ вопросъ объ ἀτιμία τῶν ὀφειλόντων вообще. При такихъ условіяхъ толпа, недовольная тѣми, кого-

прежде звали γνώριμοι и т. п., конечно, могла наконецъ, избрать на данный годъ въ должностныя лица тѣхъ, кто ей одной былъ любъ, не слушаясь умѣренныхъ сограждавъ и сторонниковъ Рима, а послѣдовавши за какимъ нибудь руководителемъ изъ числа тѣхъ, которыхъ самъ С. А. Жебелевъ называетъ (стр. 227) модными софистами, досужими политиками, не могшими забыть величія своего прошлаго, не желавшими мириться съ существующимъ порядкомъ" (отъ этого въ данномъ году и τῶν φιλοσόφων αἱ διατριβαὶ ἄφωνοι). Существованіе сильной римской партіи извѣстно изъ преданія о тиранніи. Раздѣленіе на бѣдныхъ и богатыхъ можетъ быть выведено изъ общихъ соображеній о положеніи Аттики во II вѣкѣ. Страна была разорена, и хотя внѣшній блескъ отчасти возстановился, всетаки поправилась и разбогатѣла не масса, а только меньшинство, въ родѣ того дилосскаго купца-богача, у котораго остановился Аѳиніонъ по возвращеніи изъ Азіи (стр. 281). Я не могу согласиться съ тѣмъ замѣчаніемъ Р. Вейля, которое С. А. Жебелевъ приводитъ (стр. 227), считая не лишеннымъ значенія: Die Handelseifersucht wider die römischen und italischen Kaufleute auf Delos hat jedenfalls nicht zum wenigsten dazu beigetragen die Athener von ihrer Treue gegen Rom abwendig zu machen. Тѣ, кто могъ заниматься торговлей, да еще такой, съ которою соперничала дилосская, могли ужиться съ римлянами, за немногими вѣроятно исключеніями. „Революція, какъ признаетъ и С. А. Жебелевъ (311), исходила отъ народа, возстаютъ не богачи, а ὄχλοι, и на Дилосъ съ Апелликонтомъ при Аѳиніонѣ отправляются, конечно, ὄχλοι, но навѣрно не для торговли, а для болѣе легкой и быстрой наживы. Существованіе рѣзкой разницы въ экономическомъ положеніи разныхъ слоевъ населенія едва ли опровергается тѣмъ внѣшнимъ блескомъ Аѳинъ, который замѣчается въ довольно продолжительное мирное время II вѣка до Р. Х. Этотъ блескъ, конечно, теперь, при римскомъ режимѣ, обнаруживался не въ томъ направленіи, какъ въ былое время. Усиливать флотъ и вообще боевую готовность было очень неудобно подъ зоркимъ присмотромъ—гласнымъ и не гласнымъ—со стороны римлянъ. За то какъ разъ для 2-й половины II вѣка мы знаемъ о процвѣтаніи въ Аѳинахъ обширнаго общества діонисовскихъ артистовъ. Какъ разъ къ этому времени и къ первымъ годамъ I вѣка относятся извѣстія о пышныхъ пиѳійскихъ процессіяхъ изъ Аѳинъ въ Дельфы, сопровождавшихся приношеніемъ начатковъ, пирфоріей и триподофоріей. Цѣлый рядъ сакральныхъ и гражданскихъ властей, въ томъ числѣ и членовъ совѣта, представители старинныхъ родовъ и аѳинская моло-

дежь принимаютъ тутъ участіе. Аѳиняне увѣковѣчиваютъ память объ этихъ процессіяхъ въ Дельфахъ-же собственными каменными публикаціями, которыя пополняются спеціально дельфійскими. Безъ сомнѣнія на эти процессіи требовалось не мало средствъ, но, вѣроятно, и главная инціатива тутъ принадлежала привилегированнымъ классамъ; на бѣдный классъ относительное участіе могло ложиться только лишней тяжестью. Римъ могъ смотрѣть на такое оживленіе pietas къ пиѳійскому богу довольно спокойно, даже, пожалуй, содѣйствовать такому настроенію. „Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало". Съ разгрома Аѳинъ Суллой публикаціи объ аѳинскихъ пиѳаидахъ въ Дельфахъ прекращаются (см. BCH. XX p. 707 и др.). Вѣроятно, и благосостояніе богатаго класса населенія было въ конецъ подорвано революціей (документы пока еще не опубликованы).

Но какъ civitas foederata дошла до того, чтобы при выборѣ своихъ властей всякій разъ испрашивать утвержденія Рима? Вѣроятно въ силу теченія событій аѳиняне сами пріучили римскій сенатъ вмѣшиваться туда, куда бы и не слѣдовало. Фактъ существованія въ Аѳинахъ особой каѳедры для римскихъ στρατηγοί, своего рода rostra (съ нея и говорилъ рѣчь Аѳиніонъ), очень вѣскій, чтобы оспаривать его значеніе (стр. 295 сл.). Пусть это не „вторженіе въ Аѳинскія дѣла", пусть юридически эти στρατηγοί не могли приказывать Аѳинамъ, но фактически исполнялось вѣроятно все, что съ этой каѳедры слышалось. Въ это время всѣ взоры были обращены въ Римъ. Отъ Рима ждали рѣшеній въ разныхъ спорахъ и за ними туда обращались, когда и не слѣдовало. Это мы знаемъ изъ другихъ греческихъ документовъ, но очень интресныя данныя, относящіяся къ Аѳинамъ, скоро прочитаемъ въ обѣщанной Colin'омъ серіи дельфійско-аттическихъ надписей о спорахъ между обществами діонисовскихъ артистовъ; нѣкоторыя относятся къ 112 году и раньше (пока. см. BCH. XXI p. 584 s.). Итакъ, началось, вѣроятно, съ простой вѣжливости, съ извѣщенія сената о выборахъ, но постепенно это вошло въ usus; возможно, что и раньше иногда попадали на ἀρχαί граждане не вполнѣ пріятные сенату, но сенатъ могъ съ этимъ мириться. А тутъ, когда и въ Римѣ было неспокойно и въ Азіи гроза, когда тутъ были избраны власти антиримскаго духа, пришлось подумать, πῶς τοὺς Ἀθηναίους πολιτεύεσθαι δεῖ.

Отъ текстовъ Посидонія я уклонился. Въ изложенномъ толкованіи они для меня ясны, хотя, можетъ быть, я допустилъ ошибку, толкуя ихъ на маперъ эпиграфическихъ текстовъ. Не ясно для меня

ἐπιφερόμενα при τὰ ὀφλήματα. Кайбель въ соотвѣтствующемъ текстѣ вставилъ частицу ἄν, замѣтивъ, что altius fortasse mendum haeret. С. А. Жебелевъ (стр. 294[1]) совсѣмъ игнорируетъ ἐπιφερομένων. Это причастіе вполнѣ понятно при κίνδυνοι, πόλεμοι, χρεῖαι, κακά, αἰτίαι (ср. у того же Посидонія ἐπιφέρων αἰτίας и др.) и т. п., но съ ὀφλήματα оно какъ-то мало вяжется. Слѣдуетъ ли понимать такъ, какъ μανίην или μωρίην ἐπιφέρειν у Геродота (VI, 112, I 131)? Или тутъ такой же оттѣнокъ, какъ иногда въ ἐπιφέρειν αἰτίας, то-есть въ дѣйствительности ὀφλήματα нѣтъ, а они только ἐπιφέρονται? Или въ текстѣ у Аѳинея между ἐπιφερομένων и ὀφλημάτων пропало κακῶν или αἰτιῶν καὶ τῶν? Наконецъ, не было ли первоначально τῶν ἐπιφερομένων (ἐγκλημάτων καὶ τῶν) ὀφλημάτων (или прямо ἐγκλημάτων вмѣсто ὀφλημάτων)? Ср. Eurip. Orest. 766 ἴδιον ἢ κοινὸν πολίταις ἐπιφέρων ἔγκλημά τι; если бы рядомъ была рѣчь о взводимыхъ обвиненіяхъ и о долгахъ, это было бы весьма кстати при общемъ контекстѣ, но на конъектурѣ, конечно, ничего нельзя строить. Кстати: разъ я говорю о долгахъ, какъ о причинѣ στάσις, то „уничтоженіе долговыхъ обязательствъ" (231 и 237) въ смыслѣ прецедента гражданскаго единодушія, конечно, нельзя понимать за дѣйствительное уничтоженіе или отмѣну существующихъ долговъ безъ всякой уплаты; скорѣе обѣщаніе Аѳиніона понималось такъ, что μεγάλων δωρεῶν ἰδίᾳ καὶ δημοσίᾳ будетъ достаточно, чтобы покрыть всѣ эти долги съ остаткомъ для самихъ должниковъ. Къ подобнымъ подачкамъ со стороны восточныхъ царей аѳиняне, какъ и другіе греки, давнымъ-давно привыкли.

Въ *приложеніи*: „Къ исторіи аѳинскихъ художниковъ II вѣка", связанномъ съ главнымъ изслѣдованіемъ въ сущности одной „общей эпиграфической почвой", авторъ прежде всего доказываетъ, что по литературнымъ и документальнымъ даннымъ мы знаемъ только одного *художника* Еввулида и одного *художника* Евхира, художественная же дѣятельность другаго Еввулида неизвѣстна, такъ что о ней можно говорить только предположительно на основаніи наслѣдственности и преемственности таланта и художественной профессіи, а нельзя данную фамилію приводить въ примѣръ такой преемственности въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ трудахъ по исторіи греческаго искусства [1]). Такое же поспѣшное заключе-

[1]) На стр. 332 въ спискѣ всѣхъ надписей объ Евхирѣ и Еввулидѣ почему-то не названа евбейская надпись Ἐφημ. Ἀρχ. 1892 p. 158, цитируемая однако на стр. 339[1]. — На стр. 338 не совсѣмъ удачны выкладки въ генеалогическихъ

ніе устраняется авторомъ далѣе и относительно художниковъ Дія и Канкосоена. Наконецъ, въ перечнѣ художниковъ у Плинія (XXXIV 52) подъ Polycles Atheniaeus нужно разумѣть не Поликла аоинскаго, а двухъ художниковъ: Поликла и Аоинея.

Мы кончили обзоръ книги. Читатель видитъ, что авторъ сдержалъ свое обѣщаніе дать обзоръ и изслѣдованіе преимущественно политической исторіи Аоинъ. Онъ не входитъ въ изслѣдованіе, напримѣръ, о философскихъ школахъ въ Аоинахъ, о гимнастическомъ дѣлѣ, объ обществахъ діонисовскихъ артистовъ и о другихъ вопросахъ культурной исторіи, и не входитъ не безъ достаточнаго основанія: подобные вопросы отчасти уже обработаны на основаніи наличныхъ источниковъ, отчасти сначала нуждаются въ той работѣ, которую произвелъ авторъ, отчасти должны быть обработаны въ недалекомъ будущемъ, то-есть послѣ публикаціи новыхъ эпиграфическихъ открытій, содержаніе которыхъ пока извѣстно только въ общихъ чертахъ. Безъ переизслѣдованія же политической исторіи онъ не могъ обойдтись, потому что иначе нельзя было ни воспользоваться всѣмъ обширнымъ эпиграфическимъ матеріаломъ, ни произвести надъ послѣднимъ тѣхъ новыхъ интересныхъ изслѣдованій, которыми изобилуетъ книга С. А. Жебелева. Обойдтись готовою историческою канвой на основаніи прежнихъ историческихъ работъ оказалось невозможнымъ при привлеченіи указаннаго матеріала; нужно было пересмотрѣть всѣ источники въ полномъ объемѣ и разобрать всѣ событія въ общей связи, на сколько послѣдняя стала доступна теперь. Такимъ образомъ изслѣдованіе, по преимуществу эпиграфическое, по необходимости превратилось въ весьма цѣнное и необходимое теперь общее изслѣдованіе исторіи Аоинъ за двѣсти лѣтъ. Самъ авторъ навѣрно также смотритъ на свой трудъ какъ на κατ'ἐξοχὴν эпиграфическій. Надписи подробнѣе всего трактуются въ книгѣ. Въ надписяхъ „всякая деталь имѣетъ свое значеніе и должна быть принята во вниманіе“, говоритъ С. А. Жебелевъ и точно слѣдуетъ этому принципу. „Приложенія“ связаны съ книгой общею „эпиграфическою почвой“. Изъ присоединенныхъ къ книгѣ указателей (за которые также нужно поблагодарить) самый по-

---

расчетахъ въ родѣ помтовскихъ (ср. прим. 8-ое): если въ семидесятыхъ годахъ II вѣка (то-есть 180—170) Еввулиду—сыну было лѣтъ 10—20, то въ концѣ второй половины II вѣка (то-есть 120—100), ему было бы по крайней мѣрѣ 60—80, а не 40—50, какъ сказано у С. А. Жебелева.—Надпись на стр. 337 съ упоминаніемъ Евхира Еввулидова среди іеромнимоновъ Помтовъ въ N. Jahrb. 1894 p 662 относилъ ко времени около 178 года.

дробный и большой—указатель надписей, привлеченныхъ и разобранныхъ въ книгѣ. Очевидно, надписи для С. А. Жебелева—главное, и это объясняется не только направленіемъ его главныхъ научныхъ работъ, но и дѣйствительнымъ положеніемъ источниковъ: упрочивать старое или говорить нѣчто новое въ изслѣдуемыхъ имъ вопросахъ чаще всего возможно только по надписямъ. А для послѣднихъ въ высшей степени важна возможно точная и, разумѣется, правильно обоснованная хронологія. Иначе онѣ окажутся (и оказывались) капиталомъ или мертвымъ или даже вреднымъ. Правильная интерпретація ихъ (отъ которой vice versa часто зависитъ и хронологія) оказывается безъ хронологіи невозможной, а предлагаемая въ видѣ возможной ведетъ иногда къ дальнѣйшимъ ошибочнымъ историческимъ построеніямъ. Не безъ причины, слѣдовательно, авторъ всегда строго и внимательно относится къ эпиграфической хронологіи. Не даромъ ему приходится постоянно считаться съ эпиграфическимъ „чутьемъ" и взглядами У. Кёлера и съ изслѣдованіями Ѳ. Ѳ. Соколова, А. И. Щукарева, В. А. Шеффера, Омолля и другихъ, работавшихъ въ той же сферѣ. Не даромъ онъ не пренебрегаетъ никакими даже малѣйшими прицѣпками и въ документахъ и въ литературной традиціи (пользуясь иногда основательно даже мѣстомъ находки надписей). Здѣсь именно всегда у него даются такія цѣнныя соображенія, толкованія и выводы, что съ ними безусловно обязанъ считаться всякій будущій научный работникъ въ греческой эпиграфикѣ и исторіи. Я весьма сожалѣю, что результаты именно этой стороны работы, основанные на разборѣ и сцѣпленіи мелкихъ деталей, мнѣ, можетъ быть, не удалось достаточно оттѣнить въ моемъ обзорѣ книги. Въ этомъ именно отношеніи изслѣдованіе С. А. Жебелева не имѣетъ теперь равнаго себѣ въ западной ученой литературѣ, и возможно, что тамъ неправильные взгляды на иные вопросы еще не разъ будутъ повторяться вслѣдствіе трудности ознакомленія съ русскою книгой (какъ до сихъ поръ повторяется многое, что у насъ уже устранено Ѳ. Ѳ. Соколовымъ). Я разрѣшилъ бы себѣ сдѣлать здѣсь только одинъ упрекъ автору, можетъ быть, не вполнѣ справедливый: повидимому, онъ недостаточно пользуется аттическими генеалогіями. Въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ къ нимъ прибѣгаетъ и на основаніи собственныхъ изслѣдованій и по сдѣланнымъ уже соображеніямъ и сводамъ преимущественно Кёлера, Кирхнера [1]), Тёпфера и др. (см. стр. 76, 184, 324

[1]) Въ Hermes XXVIII. Другой подобной работы Кирхнера — Beiträge zur

и др.). Но мнѣ, безъ собственныхъ однако опытовъ въ аттической области, казалось бы, что здѣсь можно достичь еще нѣкоторыхъ хронологическихъ результатовъ, если взяться за скучный трудъ систематическаго сведенія богатаго теперь аттическаго матеріала аѳинскихъ личныхъ именъ, приблизительно въ томъ видѣ, какъ это дѣлалъ Кирхнеръ для нѣкоторыхъ аттическихъ и Помтовъ для дельфійскихъ фамилій. Этотъ трудъ, конечно, не помѣстился бы въ книгу за 200 лѣтъ аѳинской исторіи. Можетъ быть, онъ уже и исполненъ самимъ авторомъ, только онъ не рѣшился ссылаться на свои манускрипты (какъ это позволялъ себѣ я въ Дельф. эп. эт. I—VI). Если да, то я первый попросилъ бы подѣлиться съ читателями результатами этого труда, хотя бы въ отдѣльныхъ статьяхъ. Подобныя генеалогіи полезны не столько для освѣщенія аѳинской исторіи въ отношеніи отдѣльныхъ личностей, выступавшихъ въ той или другой общественной дѣятельности (хотя и это иногда возможно,—это видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ книги А. С. Жебелева), сколько для дальнѣйшаго упроченія хронологіи эпиграфическихъ источниковъ, какъ уже имѣющихся, такъ и ожидающихся отъ обильной ими аттической почвы. Иногда автору въ хронологіи событій приходилось сталкиваться съ такими нашими τεκμήρια и σημεῖα, какъ Немейскій праздникъ, ординарныя собранія въ ахейской симполитіи, хронологическія вычисленія по прескриптамъ аттическихъ декретовъ (54, 67) и т. п. Въ подобныхъ случаяхъ онъ ограничивался ссылками на существующія изслѣдованія и рѣшенія подобныхъ вопросовъ или общими указаніями. Кто знакомъ съ разнообразіемъ и непрочностью такихъ рѣшеній, зависящими отъ состоянія источниковъ, тотъ не въ правѣ былъ бы требовать, чтобы авторъ и здѣсь вновь приступилъ къ переизслѣдованію ихъ, хотя съ другой стороны результаты его книги и могутъ пробудить въ другихъ желаніе вновь заняться этими вопросами.

Послѣ безспорной эпиграфической заслуги автора слѣдуетъ поставить въ существенную заслугу ему и привлеченіе нумизматическихъ данныхъ. Хотя онъ скромно и заявляетъ, что тутъ, какъ неспеціалистъ, онъ пользуется лишь чужими выводами, однако замѣтно, что онъ и здѣсь старается исчерпать по возможности все, что было въ связи съ его задачей (см. стр. 16, 75, 93, 174, 191, 212, 260, 264, 325, 326 и др.).

Geschichte attischer Familien (въ Festchrift zum Jubil. Friedr.-Wilh. Gymnas., Berlin 1897) мнѣ еще не удалось видѣть, такъ что не знаю, на сколько она относится къ II и I вѣку до Р. Х.

Въ случаѣ необходимости онъ затрогиваетъ и вопросы аѳинской топографіи и археологіи и исторіи искусства и пр. и здѣсь вездѣ, хотя часто и ссылается на труды Ваксмута, Курціуса и многихъ другихъ, обнаруживаетъ основанное на самостоятельномъ изслѣдованіи отношеніе къ дѣлу, не вдаваясь однако въ излишнія гипотезы тамъ, гдѣ наши источники пока въ печальномъ состояніи, или гдѣ ему пока не достаетъ личнаго ознакомленія съ мѣстностью, памятниками, остатками.

Какъ я уже замѣтилъ, авторъ не могъ обойдтись безъ изслѣдованія и всей литературной традиціи о разбираемомъ періодѣ. Ни одна работа у насъ теперь не можетъ обойдтись безъ двухъ устоевъ: одного эпиграфическаго, очень прочнаго, массивнаго по качеству отдѣльныхъ частей, но часто не прочно сложеннаго, слабо связаннаго, чувствующаго недостатокъ въ цементѣ, и другаго—литературнаго, построеннаго часто изъ матеріала очень хрупкаго и ненадежнаго, за то такъ или иначе въ порядкѣ сложеннаго и связаннаго при помощи цѣлаго ряда старыхъ работниковъ, древнихъ писателей. Зданіе упрочивается, если намъ удается съ одной стороны воспользоваться болѣе прочнымъ матеріаломъ, съ другой — взять въ очищенномъ и неиспорченномъ видѣ связанные и связующіе элементы. Этихъ то элементовъ преданія С. А. Жебелевъ не теряетъ никогда изъ виду, а иногда и посвящаетъ имъ цѣлые отдѣлы изслѣдованія, главнымъ образомъ, когда говоритъ о римско-македонскихъ войнахъ и объ аѳинской исторіи при тираннахъ и Суллѣ. Тутъ, разбирая шагъ за шагомъ всѣ извѣстія, онъ старается всегда стоять на той степени критики источниковъ, какая теперь достигнута трудами многочисленныхъ изслѣдователей и главнымъ образомъ тѣхъ, которые пишутъ уже „Über die Quellen“, а не „De fontibus“.

Когда дѣло касается самаго текста древнихъ писателей, почти ни одно важное спорное мѣсто не ускользаетъ отъ автора, и онъ разсуждаетъ всегда на основѣ рукописнаго преданія и критической оцѣнки предложенныхъ поправокъ, а иногда заботится о полученіи новыхъ рукописныхъ сличеній и предлагаетъ свои рѣшенія для установленія текста. Читатель найдетъ въ книгѣ и превосходный реальный комментарій къ нѣкоторымъ текстамъ разбираемыхъ авторовъ, убѣждаясь воочію, какъ тѣсно связаны взаимно всѣ филологическія дисциплины.

Само собою разумѣется, что не на каждой изъ 350 страницъ сказано что нибудь новое. Заслугой изслѣдователя часто теперь служитъ не новизна самаго рѣшенія, а новизна и основательность пред-

почтенія или выбора между разнообразными уже предложенными рѣшеніями. Эти рѣшенія авторъ беретъ и изъ старой и изъ новой и изъ новѣйшей ученой литературы и въ достаточной полнотѣ, насколько можно судить, безъ особенныхъ поисковъ въ мелкой литературѣ, часто не легко доступной и трудно обозримой, да большею частью и лишенной уже или и не имѣвшей значенія [1]). Съ выборомъ его между рѣшеніями большею частью можно согласиться. Если я въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возражаю и возражаю именно въ вопросахъ изъ литературныхъ источниковъ [2]), то и я большею частью не говорю новаго и, можетъ быть, ошибаюсь вмѣстѣ съ другими изслѣдователями, и это показываетъ лишь, какъ трудно разобраться въ нашихъ извѣстіяхъ и толкованіяхъ. Если, повторяю, сказанное въ самомъ началѣ, мнѣ удалось гдѣ нибудь защитить пониманіе, съ которымъ не согласенъ С. А. Жебелевъ, то это заслуга его книги, которая всякому облегчаетъ трудъ разобраться въ спорныхъ пунктахъ. Мнѣ приходилось указывать мое несогласіе съ его взглядами, но у меня не было возможности перечислять цѣлые десятки, даже сотни случаевъ, гдѣ онъ при обычномъ критическомъ отношеніи поправляетъ существенныя и менѣе существенныя ошибки и неточности Курціуса, Дройзена, Диттенбергера, Гардтгаузена, К. Ф. Германна, Гертцберга, Омолля, Кёлера, લоллинга, Т. Моммзена, Низе, Рейнака и многихъ другихъ.

Пожалуй, можно было бы иногда для большей ясности пожелать, чтобы рамки изслѣдованія были нѣсколько расширены за предѣлы аѳинской исторіи, чтобы она иногда не казалась какъ бы вырванной изъ связи съ прочими событіями. Иногда, особенно въ македонскихъ войнахъ, авторъ и затрогиваетъ эту связь. Я же имѣю въ виду здѣсь главнымъ образомъ дѣйствія Суллы и миѳрадатовскихъ войскъ,—обзоръ ихъ недостаточно уясняетъ ихъ теченіе. Можетъ

[1]) С. А. Жебелевъ принимаетъ въ соображеніе и мои дельфійскія прорицанія. Желательно, чтобы они сбылись, но возможно, что, какъ сдѣланныя не post factum, они окажутся λοξίου μαντεύματα. До сихъ поръ они сбываются меньше, чѣмъ я ожидалъ, если судить по предварительнымъ сообщеніямъ французовъ, копающихъ въ Дельфахъ. Однако, можетъ быть, какъ и при прежнихъ раскопкахъ, многаго еще не докопали или не списали или не доглядѣли.

[2]) Особенно въ вопросѣ о началѣ II-й македонской войны. Я долженъ впрочемъ замѣтить, что то или другое рѣшеніе этого вопроса вовсе не можетъ отразиться въ ущербъ цѣлой книгѣ: детальная точность хронологіи тутъ едва-ли имѣетъ существенное значеніе помимо общаго стремленія къ истинѣ.

быть, краткость здѣсь объясняется существованіемъ книги Т. Рейнака. Въ свою очередь, пожалуй, не вполнѣ необходима полнота передачи разказа источниковъ, напримѣръ, объ Аѳиніонѣ, объ осадѣ Аѳинъ и Пирея, о нападеніи Филиппа на Аѳины (231 сл., 244 слл., 126). Правда, эти разказы довольно характерны, и у автора отчасти тутъ были мотивы излагать обстоятельнѣе, какъ я указывалъ и въ обзорѣ.

Что касается внѣшнихъ сторонъ, то нельзя не поблагодарить за то, что почти всѣ важные тексты источниковъ даны въ самой книгѣ въ подлинникѣ или въ переводѣ, а часто и такъ и иначе. Книга выросла, но читается гораздо легче и скорѣе иной небольшой книжки съ голыми цитатами. Для широкаго круга читателей она, разумѣется, не предназначена. Лишняго въ ней не имѣется. Иногда, кажется, попадаются повторенія, но это происходитъ отъ недостаточности или однообразія нашихъ источниковъ, напримѣръ, при общихъ характеристикахъ положенія Аѳинъ въ разные періоды, на которые разбито 200-лѣтіе: сходство объясняется неизвѣстностью деталей. Ясное и точное изложеніе господствуетъ во всей книгѣ, кромѣ очень немногихъ исключеній. Въ переводахъ древнихъ текстовъ стремленіе къ точности лишь изрѣдка приводитъ къ тяжеловатости. Цвѣты вольнаго краснорѣчія, вошедшіе въ послѣднее время въ моду какъ бы для оживленія изложенія, почти отсутствуютъ. Спокойствіе тона полное даже тамъ, гдѣ авторъ полемизируетъ и уличаетъ другихъ въ значительныхъ промахахъ. Въ спискѣ „важнѣйшихъ опечатокъ“ не мѣшало бы упомянуть еще о слѣдующихъ недосмотрахъ, которые всетаки могутъ вводить читателя въ недоумѣніе, хотя бы и непродолжительное: стр. 7^{12} τῷ = τῶ, 14_{3} τῶν=ζῶν; 22_{2} горожане = граждане; 47_{12} до 225 = послѣ 225; 55^{17} и какъ теперь и ранѣе = теперь, какъ и ранѣе; 83_{16} ἐπιοπεψομένας = ἐπιοχεψομένας; 141^{17} Инъ = Икъ; 147_{5} κατεῖξεν=κατεῖχεν; 148_{10} ἐπείργειν = ἀπειργεῖν; 148_{7} ἐστίαια = ἐστίαιαν; 151_{6} προερῶντο=προεωρῶντο; 156_{24} τάλαντα=τάλαντα καὶ Δημήτριον τὸν υἱὸν; 196_{11} Lalenburgerscheichs — Vorgehen = Lalenburgerstreichs—Vorgehen tritt; ich würde eine andere Auffassung als die; 210^{7} post quem=ante quem; 227^{23} hatten das=hatten dort: 239_{9} in = vi; 244_{6} XV, 6—7 = XV, 1, 6—7; 259_{18} 50 фунтовъ=40 фунтовъ; 275^{16} post quem = ante quem; 289^{15} τὸν βίον ζῆλον = τὸν τοῦ βίου ζῆλον; 292_{7} vetustate=vetustae.

Въ сущности къ такимъ же большею частью внѣшнимъ недостаткамъ относятся и многія изъ моихъ отдѣльныхъ поправокъ и замѣ-

чаній. Можетъ быть, это зависитъ отъ нѣкоторой поспѣшности автора при самомъ изданіи книги. Исправляя подобныя мелочи, я руководился тѣмъ соображеніемъ, что хорошая книга этого заслуживаетъ.

А. Никитскій.

С. Бѣлокуровъ. О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. Москва. 1899.

Библіотека московскихъ царей имѣетъ свою довольно легендарную исторію. Въ концѣ XVI вѣка въ Римѣ ходилъ слухъ, что Кремль обладаетъ драгоцѣнными греческими рукописями; говорили, что послѣдній византійскій императоръ Іоаннъ прислалъ ихъ туда наканунѣ паденія Византіи, чтобы спасти ихъ отъ невѣжественнаго хищничества турокъ. Вопросомъ этимъ заинтересовался кардиналъ Санъ-Джорджо и наводилъ справки въ Москвѣ.

Приблизительно въ то же время, въ 1600 годахъ писалъ свою ливонскую хронику Ніенштедтъ. Онъ разказываетъ подъ 1565 г. о выселеніи нѣмцевъ изъ Юрьева царемъ Іоанномъ IV и въ числѣ ихъ упоминаетъ о пасторѣ магистрѣ Веттерманѣ, который не пожелалъ разстаться съ своею паствой и отправился вмѣстѣ съ нею въ изгнаніе. „Его, говоритъ Ніенштедтъ, какъ ученаго человѣка, очень уважалъ великій князь, который даже велѣлъ въ Москвѣ показать ему свою либерею (библіотеку), которая состояла изъ книгъ на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ и которую великій князь въ древнія времена получилъ отъ константинопольскаго патріарха, когда московитъ принялъ христіанскую вѣру по греческому исповѣданію. Эти книги, какъ драгоцѣнное сокровище, хранились замурованными въ двухъ сводчатыхъ подвалахъ“.

Нѣсколько позднѣе, въ первой половинѣ XVII вѣка составлено было неизвѣстнымъ авторомъ сказаніе о Максимѣ Грекѣ. Въ этомъ сказаніи говорится, что по пріѣздѣ въ Москву Максимъ былъ введенъ въ книгохранительницу великаго князя Василія Ивановича и ему показали безчисленное множество греческихъ книгъ. „Максимъ въ многоразмышленномъ удивленіи бысть о толикомъ множествѣ безчисленнаго трудолюбнаго собранія и съ клятвою изрече предъ благочестивымъ государемъ, яко же въ Грецѣхъ толикое множество книгъ сподобихся видѣти; сего ради, преславный самодержьче и государь, изъ Греческія земли въ западныя страны отъ молодыхъ ногтей вдахся

на ученіе, понеже не обрѣтохъ во гречестѣй странѣ философскаго ученія ради великія скудости книжныя: егда убо безбожные турцы обладаша царствующимъ градомъ, тогда нѣмцы и благочестивіи взяша множественное множество греческихъ книгъ, хотяше соблюсти благочестія вѣру, да не до конца. Угаснетъ свѣтило греческое православіе отъ безбожныхъ и богомерзскихъ турокъ, и тако отплыша моремъ въ Римъ. Латынстіи же людіе тщеславни зѣло и отъ многихъ лѣтъ желаху восточныхъ учителей списанія видѣти, но гречестіи цари не изволиша сему быти ради отступленія ихъ отъ православія. Егда же улучиша время, принесеныя убо отъ грекъ книги во свой римскій языкъ преложиша, греческія же книги всю огнемъ сожгоша; и тако конечное оскудѣ у грекъ философіа. Азъ же нынѣ, православный государь, Василій самодержьче, никогда только видѣхъ греческаго любомудрія, якоже ваше сіе царское рачительство о божественномъ сокровище".

На основаніи свидѣтельствъ Максима Грека и Ніенштедта ученые историки стали говорить о библіотекѣ московскихъ царей. Правда еще въ прошломъ вѣкѣ Бакмейстеръ и Маттеи указывали на недостовѣрность разказа Ніенштедта: „объявленный въ лифляндской лѣтописи анекдотъ, писалъ Бакмейстеръ, будто бы царь Иванъ Васильевичъ поручилъ нѣкоему Веттерману привесть въ порядокъ многочисленную библіотеку, привезенную за сто лѣтъ прежде изъ Рима и хранимую до того времени въ подземныхъ погребахъ, не достоинъ нашего вниманія, потому что къ подтвержденію своему не имѣетъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Ибо не отваживаюсь сказать, чтобы сіи книги были привезены въ Москву по случаю бракосочетанія великаго князя Ивана Васильевича съ прибывшею изъ Рима княжною Софіею Ѳоминишною. Такія обстоятельства требуютъ подтвержденія отъ исторіи, а исторія ничего о томъ не упоминаетъ".

Но Карамзинъ отнесся иначе къ разказу Ніенштедта. Знаменитый исторіографъ категорически заявилъ, что царь Иванъ IV велѣлъ Веттерману разобрать царскую библіотеку, въ коей послѣдній нашелъ множество рѣдкихъ книгъ, привезенныхъ нѣкогда изъ Рима царевной Софіей.

Въ 30-хъ годахъ профессоръ Дерптскаго университета Клоссіусъ нѣсколько лѣтъ занимался вопросомъ о библіотекѣ царя Іоанна IV и написалъ объ этомъ отдѣльную статью, появившуюся въ одно и тоже время на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (*Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1834 г. ч. II и Dorpater Jahrb. für Lit. u.

Kunst 1834 г. ч. III). Онъ былъ увѣренъ въ существованіи обширной библіотеки московскихъ царей, богатой греческими рукописями, но думалъ, что эта библіотека не сохранилась до нашего времени.

Большинство историковъ, слѣдуя Клоссіусу и авторитету Карамзина, повторяютъ какъ несомнѣнный фактъ, что у московскихъ царей хранилось большое количество драгоцѣннѣйшихъ рукописей (Иконниковъ, Горскій, Цвѣтаевъ). Шевыревъ, напримѣръ, утверждалъ: „не можетъ быть сомнѣнія, что рукописи царской библіотеки, о которой говорятъ Максимъ Грекъ и Веттерманъ перешли въ библіотеку патріаршую. Всѣ творенія Греціи и Рима, хранящіяся въ библіотекѣ, ведутъ начало свое отъ библіотеки Василія и Іоанна".

Никѣмъ основательно не провѣренное извѣстіе о библіотекѣ московскихъ царей попало въ справочныя изданія, и профессоръ Страсбургскаго университета Тремеръ прочелъ въ Dictionnaire numismatique Бутковскаго, что знаменитая Лейденская рукопись Гомера происходитъ изъ библіотеки великой княгини Софіи Палеологъ и что для этой, по тому времени очень обширной, библіотеки былъ въ царствованіе царя Ивана IV составленъ каталогъ дерптскимъ пасторомъ Веттерманомъ.

Вслѣдствіе этого указанія профессоръ Тремеръ отправился въ 1891 г. въ Москву и старался найдти слѣды царской библіотеки въ разныхъ книгохранилищахъ. Поиски его одноко не увѣнчались успѣхомъ, и онъ рѣшилъ, что драгоцѣнныя рукописи принадлежавшія Іоанну Грозному надо искать подъ землей, что они зарыты въ какихъ-то кремлевскихъ тайникахъ.

Несмотря на отрицательные результаты поѣздки Тремера, у насъ появились изслѣдованія профессора Соболевскаго и профессора Лихачева, которые пользуясь старыми и новыми аргументами доказывали, что у московскихъ царей существовала библіотека богатая греческими и латинскими рукописями и что библіотека эта можетъ быть найдена при раскопкахъ въ Кремлѣ.

Вопросъ о библіотекѣ московскихъ государей до мельчайшихъ подробностей разобранъ въ изслѣдованіи г. Бѣлокурова. Авторъ напечаталъ 336 страницъ текста и 524 страницы приложеній. Нельзя сказать, чтобы это было мало для рѣшенія вопроса, котораго всетаки нельзя назвать крупнымъ.

Чрезмѣрно толстый томъ получился отъ недостатка системы въ изложеніи и отъ увлеченія авторомъ всякими подробностями не имѣющими почти никакого отношенія къ избранной имъ темѣ.

Начало изслѣдованія г. Бѣлокурова уже указываетъ на его манеру. На 23 страницахъ онъ доказываетъ, что Маттеи, бывшій профессоръ Московскаго университета въ началѣ нынѣшняго вѣка похищалъ рукописи изъ Синодальной библіотеки. Доказать хищенія Маттеи вообще автору понадобилось для того, чтобы показать, что очень цѣнную рукопись, содержащую Иліаду и гимны Гомера и находящуюся теперь въ Лейденѣ, похитилъ тотъ же Маттеи. А исторія Лейденская рукописи понадобилась г. Бѣлокурову потому, что онъ счелъ необходимымъ разказать всѣ подробности поѣздки Тремера. Еслибы Тремеръ не заинтересовался Лейденской рукописью и и еслибы онъ не нашелъ въ словарѣ Бутковскаго, что рукопись эта принадлежала Софіи Палеологъ, онъ не имѣлъ бы ни малѣйшаго представленія о библіотекѣ Іоанна Грознаго и не пріѣхалъ бы въ Москву разыскивать ее.

Г. Бѣлокуровъ печатаетъ все, что накопилось у него въ письменномъ столѣ, боясь чтобы какой-нибудь черновой листъ не пропалъ для потомства. Такъ напримѣръ онъ очень любезно сообщаетъ намъ, что разыскивая заграницей рукописи, похищенныя профессоромъ Маттеи, онъ, таковыхъ не нашелъ въ Парижѣ; при этомъ онъ подробно разказываетъ кто ему помогалъ въ его безполезныхъ поискахъ, и такъ какъ онъ узналъ, что въ Національной библіотекѣ имѣется много греческихъ рукописей привезенныхъ съ Аѳона, то печатаетъ и это свѣдѣніе.

Желая доказать, что рукописей принадлежавшихъ Іоанну Грозному не можетъ быть въ библіотекѣ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, авторъ на 82 страницахъ излагаетъ исторію этой библіотеки. Говоря о библіотекѣ посольскаго приказа, унаслѣдованной коллегіею и потомъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, авторъ сообщаетъ, что въ 1690 году собраніе Посольскаго приказа иноязычныхъ книгъ и рукописей увеличилось греческими рукописями и печатными книгами, принадлежавшими ранѣе сего греческому архимандриту Македонскаго Николаевскаго монастыря Діонисію и поступившими сперва въ Малороссійскій приказъ, а впослѣдствіи переданными въ Посольскій. Понятно, что это обогащеніе собранія Посольскаго приказа не имѣетъ никакого отношенія къ библіотекѣ московскихъ царей. Тѣмъ не менѣе авторъ на четырехъ страницахъ (стр. 51—56) излагаетъ все, что ему удалось собрать объ архимандритѣ Діонисіи и сожалѣетъ, что такихъ свѣдѣній у него не много.

Г. Бѣлокуровъ печатаетъ все, что онъ узнавалъ мимоходомъ при

своихъ изысканіяхъ. Такъ, напримѣръ, говоря о хищеніяхъ Маттеи, онъ сообщаетъ, что кромѣ греческихъ рукописей и книгъ Маттеи Дрезденской библіотекѣ было продана еще 15 арабскихъ и татарскихъ рукописей съ коробкой, въ которой лежали разные образцы многоразличныхъ рукописей, находящихся большей частью въ Англіи, а также турецкій паспортъ (стр. 18).

Далѣе авторъ переполняетъ свою книгу множествомъ совершенно излишнихъ подробностей. Едва-ли кому-нибудь изъ читателей нужно знать, что Тремеръ занимался въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ съ 20-го марта до половины августа и что онъ сдѣлалъ въ мартѣ 10 посѣщеній, въ апрѣлѣ 13, въ маѣ 17, въ іюлѣ 21 и въ августѣ 6, а всего 84 посѣщенія (стр. 28). Съ одинаковымъ правомъ г. Бѣлокуровъ могъ бы скрыть отъ насъ, что Тремеръ прислалъ ему свою брошюру чрезъ находившагося тогда въ Москвѣ д-ра Глэя и что на этой брошюрѣ сдѣлана была такая-то латинская надпись (стр. 190).

Приложенія, интересныя сами по себѣ, имѣютъ отдаленную связь съ библіотекою московскихъ царей, а нѣкоторыя никакого отношенія къ этому вопросу не имѣютъ. Напримѣръ, реестры книгъ и рукописей библіотеки Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ 1784 г. (74 страницы). „Эти весьма любопытные реестры, говоритъ авторъ, изданы мною для того, чтобы дать ясное представленіе о библіотекѣ архива въ 1784 г., объ ея составѣ, какія именно печатныя книги и рукописи были въ ней въ то время. Однако реестры конца прошлаго вѣка не могутъ дать ни малѣйшаго представленія о библіотекѣ Іоанна Грознаго.

Г. Бѣлокуровъ разрѣшаетъ въ своемъ изслѣдованіи два вопроса: 1) существовало ли въ библіотекѣ царя Ивана IV множество иноязычныхъ рукописей? 2) гдѣ искать въ настоящее время остатковъ этой библіотеки? Авторъ занимается сначала вторымъ вопросомъ, а потомъ первымъ. Онъ прибѣгаетъ прежде всего къ отрицательнымъ доказательствамъ и разказываетъ на 111 страницахъ, что остатковъ библіотеки царя Ивана IV нельзя искать въ библіотекѣ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, на 34 стр. (стр. 116 — 149) что этихъ остатковъ нельзя искать въ Синодальной библіотекѣ, на 33 стр. что этихъ остатковъ нельзя искать въ типографской библіотекѣ (стр. 153—185). Вслѣдъ затѣмъ авторъ доказываетъ положительно, что въ библіотекѣ московскихъ царей могло быть лишь самое ничтожное количество греческихъ рукописей и

если бы она дошла до насъ въ полномъ составѣ, она все-таки не представляла бы для насъ ничего новаго.

Автору слѣдовало начать со второй половины своего труда, и тогда онъ не написалъ бы обширной первой главы (въ 191 стр.) „О поискахъ въ Москвѣ Тремеромъ царской библіотеки", во всякомъ случаѣ не придалъ бы ей такого объема. Если въ библіотекѣ московскихъ царей было 2—3 греческія рукописи, само собою разумѣется, что остатковъ ихъ не зачѣмъ искать въ разныхъ рукописныхъ отдѣлахъ Москвы. Достаточно было бы вкратцѣ упомянуть, что поиски Тремера не увѣнчались успѣхомъ, нѣмецкій профессоръ убѣдился, что собранія греческихъ рукописей въ Москвѣ составились гораздо позже временъ Грознаго и привезены съ Востока.

Обидно, что г. Бѣлокуровъ приготовилъ плохую участь своей книгѣ. Лица интересующіеся библіотекой Ивана Грознаго едва ли будутъ имѣть терпѣніе прочесть обширный томъ, гдѣ такъ много лишняго; всѣ ли историки будутъ знать, что въ трудѣ, посвященномъ библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи, надо искать исторію библіотекъ архивныхъ и синодальныхъ и новыхъ матеріаловъ для исторіи нашего просвѣщенія вообще и Максима Грека въ частности.

Между тѣмъ трудолюбіе автора заслуживаетъ полнаго вниманія. Онъ изучилъ 243 рукописи, содержащія произведенія Максима Грека. Для исторіи рукописнаго собранія посольскаго приказа онъ просмотрѣлъ всѣ дѣла Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которыхъ было что-либо касающееся библіотеки этого учрежденія, для исторіи синодальной библіотеки онъ просмотрѣлъ всѣ извѣстныя ему описи ея XVII—XIX в., равно какъ и дѣла московской синодальной конторы, касающіяся этой библіотеки; для исторіи типографской библіотеки онъ изучилъ кромѣ описей ея XVII—XIX в. дѣла архива типографіи, относящіяся до ея библіотеки. Изъ каталога архивной библіотеки, составленнаго въ 1816—1820 г., г. Бѣлокуровъ сдѣлалъ выборку всѣхъ книгъ, изданныхъ по 1896 г. Въ архивной библіотекѣ всѣхъ такихъ книгъ оказалось 88⁰; чтобы выдѣлить изъ числа ихъ книги, поступившія въ архивъ въ XVIII в., имъ были просмотрѣны всѣ эти 88⁰ книгъ, съ цѣлью, судя по имѣющимся на книгахъ отмѣткамъ, опредѣлить какія когда поступили.

Думается, что трудъ г. Бѣлокурова значительно выигралъ бы, если бы онъ разбилъ его на нѣсколько сочиненій, издалъ бы отдѣльно исторію московскихъ библіотекъ, отдѣльно матеріалы касающіеся Мак-

сима Грека и отдѣльно небольшую книгу о библіотекѣ московскихъ царей.

Какъ бы то ни было, авторъ пришелъ къ очень прочнымъ выводамъ, которыхъ нельзя не принять. Ничего нельзя возразить противъ слѣдующихъ строкъ, основанныхъ на кропотливомъ изученіи описей и рукописей: „Исторія постепеннаго роста трехъ главныхъ московскихъ собраній иностранныхъ книгъ и рукописей, въ которыхъ можно было бы предполагать существованіе остатковъ царской библіотеки XVI вѣка, наглядно показываетъ, какъ они постепено составлялись. Почти ни одно изъ этихъ собраній не существовало въ XVI в., они положили свое начало только въ XVII вѣкѣ, почти иключительно со временъ патріарха Никона или съ царствованія Алексѣя Михаиловича. По отношенію къ греческимъ рукописямъ ихъ безпорно, что эти рукописи были сперва почти всѣ изъ числа привезенныхъ съ Востока Арсеніемъ Сухановымъ, къ которымъ потомъ уже присоединились и другія, доставленныя разными лицами съ Востока же. Изъ этой исторіи происхожденія московскихъ собраній иноязычныхъ рукописей и книгъ ясно также, что искать среди нихъ иноязычныя рукописи, принадлежавшія московскимъ великимъ князьямъ и царямъ XVI вѣка совершенно напрасно (стр. 186)".

Самое важное и положительное доказательство авторъ приводитъ въ самомъ концѣ своего обширнаго изслѣдованія. Это новое свѣдѣніе, недавно обнародованое о. Пирлингомъ (La Russie et le Saint Siège, t. II (1897), p. 376). Въ 1600 г. изъ Варшавы былъ отправленъ въ Москву Левъ Санѣга—поздравить Бориса Годунова съ воцареніемъ. Кардиналъ Джоржо поручилъ одному умному греку, Петру Аркудію, сопровождать Сапѣгу и навести справки въ Москвѣ, дѣйствительно ли имѣются въ Кремлѣ драгоцѣнныя языческія рукописи, присланныя будто бы послѣднимъ византійскимъ императоромъ. Аркудій обратился сначала къ русскимъ, которые разказали ему чудеса о византійскихъ рукописяхъ своего патріарха; но, продолжая свой допросъ, Аркудій замѣтилъ, что мнимыя сокровища сводились на обыкновенныя церковныя книги, псалтыри, евангелія, минеи и другія въ этомъ же родѣ. Греки, находившіеся на службѣ царя, знали не больше, а прижатые къ стѣнѣ объявили опредѣленно, что въ Кремлѣ не было никакой византійской библіотеки. Аркудій со своей стороны убѣдился и, въ письмѣ изъ Можайска отъ 16 марта 1601 г., дрожа отъ холода, подъ убогимъ кровомъ, изложилъ кардиналу Санъ-Джорджо результатъ своихъ разысканій, не будучи въ состояніи объяснить отсутствіе греческихъ книгъ иначе, какъ разными гипотезами. Вотъ, говоритъ г. Бѣло-

куровъ, новое свидѣтельство о царской библіотекѣ XVI вѣка, говорящее прямо и положительно, что въ Кремлѣ не было никакой византійской библіотеки (стр. 306).

Автору слѣдовало начать съ этого важнаго факта, засвидѣтельствованнаго современникомъ, и затѣмъ уже перейдти къ болѣе позднимъ показаніямъ. г. Бѣлокуровъ очень основательно опровергаетъ мнѣнія ученыхъ, доказывавшихъ существованіе обширной библіотеки московскихъ царей, богатой греческими рукописями. Онъ несомнѣнно правъ, говоря, что „приписываемыя Максиму Греку слова о великокняжеской библіотекѣ не принадлежитъ ему и находятся въ одномъ только сказаніи изъ всѣхъ девяти доселѣ извѣстныхъ. Сказаніе это съ отзывомъ Максима Грека о великокняжеской библіотекѣ составлено не современниками Максима Грека и не въ XVI вѣкѣ, а въ первой половинѣ XVII вѣка. Кромѣ свѣдѣній достовѣрныхъ, почерпнутыхъ авторомъ изъ сочиненій Максима Грека, въ сказаніи находятся и ошибочныя извѣстія, составляющія плодъ фантазіи автора. Къ числу послѣднихъ относится и все то, что авторомъ сообщается о великокняжеской библіотекѣ, осмотрѣ ея Максимомъ Грекомъ и произнесенныхъ имъ словахъ. Все это исторически не достовѣрно (стр. 244—245)".

Нельзя не согласиться съ г. Бѣлокуровымъ, когда онъ разбираетъ новыя свидѣтельства, привлеченныя проф. Соболевскимъ и доказываетъ что Паисій Лигаридъ просилъ у царя дозволить ему просмотрѣть греческія и латинскія рукописи Патріаршей библіотеки, а не царской (стр. 289), и что одно мѣсто Степенной книги, говорящее якобы о греческихъ рукописяхъ великокняжескаго книгохранилища ничего ровно не доказываетъ (стр. 297).

Слабѣе разборъ хроники Ніенштедта. Здѣсь г. Бѣлукуровъ нѣсколько погрѣшаетъ противъ правила исторической критики. По основаніи разказа Ніенштедта авторъ говоритъ съ одной стороны, что осмотръ царской библіотеки могъ быть только въ маѣ—іюлѣ мѣсяцахъ 1570 г. (иначе не могъ бы присутствовать пасторъ Шрафферъ), а съ другой стороны, что этого осмотра совсѣмъ не было. При этомъ авторъ пользуется большей частью отрицательными и очень слабыми аргументами. Напримѣръ, онъ спрашиваетъ: „зачѣмъ царь Иванъ IV станетъ приближать къ себѣ еще новое лицо, станетъ просить Веттермана остаться въ Москвѣ и заняться переводами, когда бывшіе въ въ Москвѣ иноземцы могли исполнить это порученіе. (стр. 261)". Но кто же можетъ отвѣтить на такіе вопросы? Далѣе авторъ замѣчаетъ, что въ 1570 г. особымъ расположеніемъ царя Ивана IV пользовались

ливонцы Краузе и Таубе, оставившіе намъ свои записки. Въ своихъ запискахъ они сообщаютъ любопытныя свѣдѣнія о царѣ Иванѣ IV и событіяхъ его времени; но ни слова не говорятъ объ осмотрѣ царской библіотеки (стр. 262)". Подобное умолчаніе, однако, доказываетъ очень мало и спрашивается, почему авторъ придаетъ такое большое значеніе 1570 году?

Если г. Бѣлокуровъ вѣритъ подробностямъ хроники Ніенштедта и не сомнѣвается, что при осмотрѣ царской библіотеки присутствовалъ пасторъ Шрафферъ, прибывшій въ Москву въ маѣ 1570 г., то почему же онъ не вѣритъ, что осмотръ этотъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто. Допустимъ, что Ніенштедтъ сочинилъ, будто Веттерману показывали царскую библіотеку; какое же значеніе имѣютъ тогда подробности этого вымышленнаго разказа, будто при осмотрѣ присутствовалъ пасторъ Шрафферъ.

Мнѣ кажется, что въ виду другихъ вѣскихъ доказательствъ, собранныхъ авторомъ, разказу Ніенштедта нельзя придавать большаго значенія: Ніенштендтъ писалъ со словъ Веттермана, но писалъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти послѣдняго и память конечно могла ему измѣнить. Только приблизительно помнилъ онъ имена дьяковъ (Андрей Солтанъ вмѣсто Андрей Щелкаловъ, Высроватый вмѣсто Висковатый) и также приблизительно записалъ онъ слова Веттермана. А послѣдній не указывалъ на количество рукописей, да и вообще могъ имѣть только самое смутное представленіе о царской библіотекѣ. Ему вынесли нѣсколько книгъ, неизвѣстно на какомъ языкѣ написанныхъ (можетъ быть греческихъ, а можетъ быть и латинскихъ), и онъ, бѣгло просмотрѣвъ ихъ, рѣшилъ, что они могли бы принести много пользы христіанству. Не показали ли Веттерману нѣсколько богословскихъ рукописей.

„Отвергая достовѣрность всѣхъ показаній въ пользу существованія въ XVI вѣкѣ особой царской библіотеки, состоявшей изъ громаднаго количества иноязычныхъ рукописей, г. Бѣлокуровъ въ то же время не отрицаетъ ни самаго факта существованія въ XVI вѣка у московскихъ государей книжнаго собранія въ томъ или другомъ размѣрѣ, ни возможности нахожденія въ немъ нѣсколькихъ, немногочисленныхъ иноязычныхъ рукописей и книгъ (стр. 309)“. Такому выводу не противорѣчитъ нѣсколько преувеличенный въ подробностяхъ разказъ Ніенштедта.

Въ высшей степени правдоподобными представляются слѣдующія предположенія и соображенія г. Бѣлокурова, „Что касается библіо-

текъ царя Ивана IV и Бориса Годунова, то нужно предполагать, что онѣ погибли въ смутное время, когда поляки хозяйничали въ московскомъ кремлѣ, расхрали царскую казну и царскій архивъ. Если мы припомнимъ въ какомъ положеніи былъ царскій дворецъ и всѣ дворцовыя постройки ко времени избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, то нисколько не удивимся исчезновенію рукописей царскихъ библіотекъ. Если царскія палаты и хоромы были безъ кровли, половъ и лавокъ, безъ окошекъ и дверей, то какъ могли уцѣлѣть въ сихъ палатахъ рукописи. Предположеніе о томъ, что библіотека царя Ивана IV скрывается подъ землей, невозможно допустить. До насъ дошли описи царской казны начала XVII вѣка, въ каковыхъ встрѣчаемъ довольно подробное перечисленіе всего царскаго имущества, которое приводилось въ извѣстность, отыскивалось въ разныхъ дворцовыхъ помѣщеніяхъ. Почему же при этомъ случаѣ оставлена была въ забвеніи такая большая царская библіотока, состоявшая изъ 600 рукописей. Почему о ней ничего не знаетъ патріархъ Филаретъ Никитичъ, который и при Грозномъ занималъ одно изъ видныхъ мѣстъ и долженъ былъ знать о ней. Если бы эти рукописи были спрятаны подъ землей, то зачѣмъ было патріарху Филарету Никитичу посылать на Востокъ справится, есть ли въ греческихъ книгахъ слова „и огнемъ" Для чего было потомъ при патріархѣ Никонѣ посылать Суханова на Востокъ нарочно за рукописями и тратить весьма большія деньги (до 50 тысячъ рублей), когда можно было сдѣлать это гораздо проще, сходивъ въ подвалы царскіе. (стр. 331, 335)".

Послѣ обстоятельнаго и подробнаго изслѣдованія г. Бѣлокурова вопросъ о царской библіотекѣ можетъ считаться исчерпаннымъ, и отыскивать слѣды мнимыхъ рукописныхъ сокровищъ Ивана IV станетъ только ученый, увлекающійся безпочвеннымъ воображеніемъ и не довѣряющій исторической критикѣ.

Н. Безобразовъ.

Zápisky P. I. Šafaříka o pracích bibliotheèních a pomůckách bibliotheèního úřednictva. Příspěvky ko studiu bibliotheènich soustav a zařízení. Podává Dr. *Čeněk Zíbrt*. U Praze, 1898. 15+55 литограф. стр.

Въ будущемъ жизнеописаніи П. І. Шафарика, періодъ двѣнадцатилѣтней дѣятельности его въ должности библіотекаря, Императорской публичной и университетской библіотеки въ Прагѣ долженъ составить особую главу, и біографу Шафарика нельзя будетъ, пройдти безъ

вниманія мимо тѣхъ богатыхъ матеріаловъ, которые просмотрѣны въ названной нами выше брошюрѣ д-ра Ч. Зибрта и хранятся нынѣ въ библіотекѣ музея королевства чешскаго. На скромную должность библіотекаря университетской библіотеки П. І. Шафарикъ назначенъ былъ въ 1848 году, послѣ цѣлаго ряда тяжелыхъ жизненныхъ невзгодъ и жестокихъ испытаній, и оставался въ ней вплоть до роковаго дня 23-го мая (новаго стиля) 1860 года, когда въ припадкѣ душевной болѣзни онъ бросился въ Витаву. Спасенный еще на нѣкоторое время для жизни, еще болѣе безрадостной, чѣмъ была вся предшествовавшая, Шафарикъ погибъ уже для науки, погибъ и для университетской библіотеки, которая несомнѣнно многимъ ему обязана. Благодаря его заботамъ библіотека обогатилась покупкой частныхъ библіотекъ различныхъ ученыхъ, неоднократно получала спеціальныя пособія на расширеніе нѣкоторыхъ отдѣловъ, пріобрѣла новые штаты чиновниковъ и т. п. Сдѣлавшись библіотекаремъ, П. І. Шафарикъ, въ высшей степени основательный и строго добросовѣстный во всѣхъ своихъ научныхъ работахъ, не могъ и въ новой области занятій быть инымъ: онъ считаетъ своею обязанностью вооружиться вполнѣ всѣми необходимыми для библіотечныхъ занятій знаніями и свѣдѣніями; онъ усердно знакомится съ разнообразными библіотечными системами, организаціей и устройствомъ различныхъ европейскихъ библіотекъ, самъ составляетъ, для руководства себѣ, всякаго рода практическія пособія, замѣчанія, дѣлаетъ обширныя и обильныя выписки изъ разнообразныхъ пособій и источниковъ по занимающему его предмету, и все это тщательно группируется имъ по одѣльнымъ тетрадямъ и папкамъ. Изъ каждой строчки этихъ выписокъ изъ чужихъ трудовъ и оригинальныхъ, самостоятельныхъ наблюденій въ извѣстной области библіотечнаго дѣла вы видите, какимъ искреннимъ желаніемъ достигнуть наилучшихъ результатовъ въ устройствѣ библіотеки одушевленъ былъ этотъ великій труженикъ-идеалистъ; какъ строго относился онъ къ своимъ обязанностямъ, видя въ новой своей должности не исключительно источникъ средствъ къ существованію; какъ дорого было для него совершенное по возможности устройство того учрежденія, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ.

Свѣтлый образъ геніальнаго труженика возстаетъ предъ нами во всемъ своемъ величіи и изъ этихъ сухихъ, повидимому, незначительныхъ и случайныхъ выписокъ и замѣтокъ, имѣющихъ однако одну общую цѣль, связанныхъ другъ съ другомъ единствомъ оживляющей ихъ мысли. Проникнутый въ полной мѣрѣ сознаніемъ высокой отвѣт-

ственности не только библіотекаря, но и всякаго библіотечнаго чиновника, Шафарикъ строго требуетъ отъ нихъ, наряду съ основательнымъ знаніемъ западно-европейскихъ и славянскихъ языковъ, совершеннаго и всесторонняго образованія, солидныхъ познаній, главнымъ образомъ—литературно-историческихъ, широкаго кругозора въ области книговѣдѣнія, при всемъ этомъ полнѣйшаго безпристрастія, тонкаго чувства порядка, аккуратности, практичности и основательности въ исполненіи всѣхъ обязанностей библіотечной службы, начиная съ серьезно-обдуманной въ цѣломъ системы каталогизаціи и кончая мельчайшими деталями чисто механической работы переписчика-писца.

Выписки, касающіяся устройства библіотекъ и библіотечныхъ занятій составляютъ въ бумагахъ Шафарика особую тетрадь съ надписью: „Miscellen über Bibliotheken. Nachtrag zum Plan und Classifications-Normativ. 1855“. Многія изъ нихъ могутъ имѣть цѣну для спеціалистовъ библіотечнаго дѣла еще и въ настоящее время, и, благодаря всякаго рода замѣчаніямъ и припискамъ самого Шафарика, которыя являются, очевидно, результатомъ его практической дѣятельности, онѣ особенно интересны и цѣнны. Первая статья носитъ заглавіе: „Normativ für Beschreibung der Bücher in der k. k. Hofbibliothek“; въ другой, болѣе обширной: „Kön. Hof-und Staatsbibliothek zu München“, Шафарикъ подробнѣе останавливается на описаніи библіотеки, ходѣ библіотечныхъ работъ, раздѣленіи библіотеки и особенное вниманіе посвящаетъ системѣ каталогизаціи въ придворной мюнхенской библіотекѣ, выписывая тутъ же полную схему каталоговъ ея. Дальнѣйшія выписки („Bibliothekssystem, Friedrich, 1835“, „Namur, Bibliographie, 1838“) касаются главнымъ образомъ разнообразныхъ системъ каталогизаціи; подробнѣе отмѣчаетъ онъ тетради „K. K. Hofbibliothek zu Wien“ рядъ замѣтокъ о недостаткахъ Императорской и королевской придворной библіотеки въ Вѣнѣ, всякаго рода соображенія относительно обязанностей чиновниковъ библіотекъ, контроля ихъ занятій и т. п.; далѣе слѣдуетъ рядъ выписокъ, касающихся библіотеки Парижской („Die Kais. Bibliothek in Paris“); выписки подъ заглавіемъ: „Bibliothécaire, ses devoirs“; подробныя соображенія касательно способа распредѣленія чешскихъ книгъ въ алфавитномъ порядкѣ, снабженныя цѣлымъ рядомъ практическихъ, основанныхъ на опытѣ, указаній и т. д. Въ особой тетрадѣ: „Memorabilia bibliothecae, 1853“, Шафарикъ записываетъ инструкцію для описаній рукописей и печатныхъ книгъ. Тетрадь, озаглавленная: Collectanea bibliographi-

са", заключаетъ въ себѣ тщательно собранную литературу по вопросамъ, касающимся устройства библіотекъ, описанія отдѣльныхъ замѣчательныхъ библіотекъ и собраній частныхъ и общественныхъ и т. д. Здѣсь отмѣчены выдающіяся библіографическія пособія вообще и въ особенности справочныя литературно-историческія изданія („Subsidia bibliographica"); подъ заголовкомъ: „Incunabula sine l., a. et typ. nomine", въ алфавитномъ порядкѣ представлено обозрѣніе инкунабулъ безъ обозначенія года, мѣста изданія и типографіи, при чемъ Шафарикъ во многихъ случаяхъ или указываетъ на таковые, или исправляетъ ошибки въ указаніяхъ чужихъ. Тутъ же находимъ рядъ любопытныхъ замѣтокъ о старинныхъ типографіяхъ и ихъ изданіяхъ,— книгахъ и отдѣльныхъ листахъ, чрезвычайно важный хронологическій списокъ типографій отъ начала книгопечатанія до 1500 года и пр. Объемистая тетрадь съ надписью: „De typographis et typographiis. 1850—1854", заключаетъ обильный матеріалъ, почерпнутый изъ разнообразныхъ источниковъ, для исторіи книгопечатанія въ отдѣльныхъ странахъ и городахъ, при чемъ обращено вниманіе и на типографіи славянскія вообще и чешскія въ частности.

Сознавая, очевидно, необходимость имѣть подъ рукой при библіотечныхъ занятіяхъ, разыскиваніи и каталогизаціи книгъ, списокъ типографій въ алфавитномъ порядкѣ распредѣленія ихъ по отдѣльнымъ городамъ, Шафарикъ составилъ „Indices civitatum typographiis insign. 1854", длинный перечень латинскихъ старинныхъ названій съ присоединеніемъ къ каждому современнаго имени и съ указаніемъ года основанія типографіи; наконецъ, Шафарикъ составилъ такой же указатель именъ вымышленныхъ, апокрифическихъ (nomina apocrypha et ficta). Хотя подобнаго рода перечни Шафарикъ и могъ найдти въ различныхъ исторіяхъ книгопечатанія, въ такъ-называемыхъ „библіологіяхъ" и библіографіяхъ и тому подобныхъ руководствахъ, но очевидно они не удовлетворяли его, и онъ, тщательно провѣривъ по различнымъ пособіямъ ихъ указанія и исправивъ ошибки, вносилъ ихъ въ свою тетрадь. Такъ какъ эти указанія Шафарика отличаются отъ своихъ предшественниковъ тѣмъ, что въ нихъ отведено подобающее мѣсто и типографіямъ *славянскимъ*, не отмѣчаемымъ и неизвѣстнымъ трудамъ западно-европейскимъ, то понятно, что они еще и нынѣ не утратили вполнѣ своего значенія, и авторъ названной брошюры хорошо поступилъ, извлекши ихъ изъ бумагъ Шафарика и присоединивъ къ своему очерку. Для библіофиловъ и библіографовъ такіе указатели могутъ быть очень полезны. Къ сожалѣнію, очеркъ

д-ра Зибрта изданъ въ количествѣ всего 100 экземпляровъ, изъ коихъ только 50 поступило въ продажу. Для будущаго біографа П. І. Шафарика названная брошюра даетъ хотя и скромный, но интересный матеріалъ, и является новой страницей въ жизнеописаніи великаго ученаго.

В. А. Францевъ.

Книжныя новости.

Памятная книжка и календарь Вятской губерніи на 1899 г. Изданіе Губернскаго статистическаго комитета. Вятка. 1898. 144 + 369 + 188 стр. Цѣна 1 р. 25 к.—Почтенное вятское изданіе, вступившее въ 20-й годъ своего существованія, по обыкновенію, даетъ нѣсколько статей, касающихся мѣстной исторіи. Изъ числа ихъ двѣ принадлежатъ перу извѣстнаго изслѣдователя по исторіи Вятскаго края, скрывшаго свою фамилію подъ иниціалами *А. В.* и подъ псевдонимомъ *А. Буевскаго*, и представляютъ образцовыя провинціальныя работы какъ по свѣжести и полнотѣ матеріала, такъ и по строгости критическаго отношенія къ нему. Каждая статья г. В. составляетъ прочное достояніе науки, значительно облегчающее дальнѣйшіе шаги ея по затронутымъ изслѣдователемъ темамъ; каждая статья скромнаго вятскаго историка—монографія. Псевдонимомъ отмѣчено продолженіе статьи „Эпизоды изъ жизни основателя Вятской семинаріи", представляющей очеркъ жизни епископа Лаврентія Горки и характеристику провинціальнаго быта его времени. Въ настоящемъ очеркѣ излагается исторія хиротоніи епископа Лаврентія, пребываніе его въ Москвѣ, управленіе Астраханскою епархіею и назначеніе въ Устюгъ; въ связи съ Лаврентіемъ выступаютъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій, Гедеонъ Вишневскій, Сильвестръ Холмскій, Е. А. Марковичъ. Интересны помѣщенныя въ статьѣ свѣдѣнія о библіотекѣ епископа Лаврентія, о грузинскихъ епископахъ въ Астрахани, о положеніи Астраханской епархіи, о крещеніи инородцевъ, о впечатлѣніи первыхъ указовъ Св. Синода, о самоволіи извѣстнаго астраханскаго губернатора А. Н. Волынскаго, о бывшей въ духѣ времени отеческой расправѣ съ виновными. Иниціалами помѣчена статья: „Рѣдкій масонъ на Вяткѣ 30-хъ годовъ" (стр. 348—369). Это одинъ изъ учредителей Союза Спасенія А. Н. Муравьевъ, попавшій въ Вятку изъ Сибири въ качествѣ предсѣдателя уголовнаго суда. Интересна исторія отношеній Муравьева къ извѣстному вятскому священнику о. Азарію Шиллегодскому, изложенная на основаніи переписки и дневника о. Азарія. Третьей статьею историческаго содержанія въ календарѣ является работа: „Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго края" (стр. 159—262)—длинная, весьма сомнительнаго достоинства компиляція, не представляющая никакого интереса. Наконецъ въ изданіи помѣщена еще юбилейная статья: „Празднованіе столѣтія Вятской губернской типографіи". Кромѣ перечисленныхъ статей Памятная книжка заключаетъ въ себѣ богатый статистическій отдѣлъ и свѣдѣнія административнаго характера.

Труды Саратовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ XXI. Саратовъ. 1898.—Кромѣ протоколовъ засѣданій комиссіи за 1894—1897 г. въ настоящій выпускъ вошли: двѣ небольшихъ замѣтки А. Н. Минха: „Курганы Тюркской балки, Царицынскаго уѣзда“ и „Ключевская каменная баба Аткарскаго уѣзда“ (послѣдняя наиболѣе любопытна, тѣмъ болѣе, что свѣдѣній о каменныхъ бабахъ въ Саратовской губерніи очень мало); статейка Ф. В. Духовникова о „Пещерахъ Саратовской губерніи“, гдѣ авторъ указываетъ на новыя пять пещеръ въ дополненіе къ приведеннымъ въ „Археологическихъ извѣстіяхъ и замѣткахъ“ за 1894 г.; поправка А. Т. Тянкова, доказывающаго, что находящіяся въ архивѣ комиссіи три рѣдкихъ восточныхъ монеты отчеканены при царѣ Тудаменту, а не Токты, какъ опредѣлилъ баронъ Тизенгаузенъ; „Библіографическій указатель трудовъ А. Ф. Леопольдова“, сдѣланный г. С. Дегеномъ, и матеріалы. Послѣдніе составляютъ: 1) „Историческіе матеріалы по топографіи города Саратова и его ближайшихъ окрестностей“ (копіи съ императорскихъ указовъ, реестровъ, купчихъ, донесеній и т. п. бумагъ XVIII вѣка, заимствованныхъ изъ фамильнаго архива Шахматовыхъ); 2) „Изъ дѣлъ архива царицынской городской думы“. Изъ 300 дѣлъ за періодъ съ 1797 до 1812 г., просмотрѣнныхъ г. Соловьевымъ, извлечены наиболѣе интересныя для исторіи г. Царицына, и затѣмъ имѣющія „общеисторическій интересъ“, каковы: высочайшій указъ о ябедникахъ и ябедническихъ прошеніяхъ 1806 г., предписаніе сената всѣмъ начальникамъ отклонять отъ себя „всякія приношенія и угощенія“ и опубликованное мѣстнымъ губернаторомъ предложеніе думѣ министра внутреннихъ дѣлъ (В. П. Кочубея) выписать „Сантъ-Петербургскій Журналъ“, какъ заключающій въ себѣ „интересныя для любителей просвѣщенія свѣдѣнія“; 3) „Копіи съ бумагъ, хранящихся въ архивѣ царицынской городской управы 1800—1808 гг.“. Среди нихъ наиболѣе интересны дѣла о развитіи шелководства въ Саратовской губерніи и „условіе, заключенное въ 1808 г. городской думой съ отставнымъ сержантомъ Власовымъ“, который взялся обучить дѣтей царицынскихъ гражданъ „въ надлежащемъ совершенствѣ читать, писать прописи и цифирный щетъ, и ариеметикѣ въ 4-хъ частяхъ“, за 150 р. въ годъ; 4) „Извлеченія изъ дѣлъ саратовскаго окружнаго суда“ (три дѣла о раскольникахъ), и 5) „Архивъ гр. Нессельроде. 1 часть. Изъ бумагъ гр. Вильгельма Нессельроде, 1760—1807 г.“. Бумаги названнаго архива наиболѣе интересны изъ всѣхъ „матеріаловъ“—и содержатъ: а) изъ копію съ формулярнаго списка гр. Вильгельма Нессельроде, б) Высочайшій указъ 1778 г. коллегіи иностранныхъ дѣлъ о назначеніи Нессельроде посланникомъ въ Лиссабонъ, в) пять различныхъ промеморій, г) инструкція Фридриха Вильгельма I подполковнику фонъ-Роховѣ относительно воспитанія своего сына Фридриха, 1729 г. (на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ), д) шесть писемъ Фридриха Великаго гр. В. Нессельроде и одинъ черновикъ письма послѣдняго первому, 1769—1775 гг. (въ это время Нессельроде состоялъ камергеромъ при берлинскомъ дворѣ), е) копію съ письма Доротеи, герцогини курляндской, Екатеринѣ II, 1790 г., ж) письмо Фридриха Вильгельма II гр. В. Нессельроде и копію съ письма его-же великому князю Павлу Петровичу, 1788 г. (въ послѣднемъ прусскій король увѣряетъ великаго князя въ своей къ нему

дружбѣ, высказываетъ неудовольствіе и опасенія по поводу сближенія Россіи съ Австріей и обѣщаетъ „энергически“ противодѣйствовать русскому вліянію въ Швеціи); и н) черновое письмо гр. В. Нессельроде великому князю Павлу Петровичу, отъ 20-го марта 1790 г. Всѣ документы, кромѣ „инструкціи“, напечатаны на французскомъ и русскомъ языкахъ и въ русской исторической литературѣ появляются впервые.

Извѣстія Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. XVI. Нѣжинъ, 1898.—Содержаніе XVI тома „Извѣстій“ составляютъ: Отчеты о состояніи Института за 1894—1897 г., правила библіотеки, некрологи: А. А. Фогеля и И. А. Левицкаго, обширный трудъ проф. А. В. Добіаша: „Опытъ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формы на почвѣ греческаго языка“, и „Замѣтки о рукописяхъ бѣлградскихъ и софійской библіотекъ“ проф. М. Н. Сперанскаго. Трудъ г. Добіаша, который поставилъ себѣ главною цѣлью „очистить науку сравнительнаго языкознанія кое-гдѣ отъ наросшихъ на ней искусственныхъ наслоеній“ (стр. 87), распадается на 7 отдѣловъ: въ первомъ—„Опредѣленіе задачи“—говорится о началахъ синтаксиса у Гумбольдта, синтаксической системѣ Беккера, ученіи Штейнтеля о языкѣ, теоріи Потебни о грамматическомъ мышленіи, о томъ, „что такое синтаксисъ“, и въ концѣ излагаются „предварительныя замѣчанія къ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ“. Темою втораго отдѣла является—„глаголъ въ смыслѣ verbi finiti“, третьяго—„общія положенія объ имени“, четвертаго и пятаго—„предлоги и опредѣленіе значенія падежей“, шестаго мѣстоименіе и седьмаго—частицы и нарѣчія. Г. Сперанскій въ своихъ „Замѣткахъ“ вначалѣ сообщаетъ краткій сравнительный разборъ разсмотрѣнныхъ имъ: трехъ паремейниковъ, Восьмикнижія съ 4-мя книгами Царствъ 1558 г., нѣсколькихъ евангелій, сборника начала XV вѣка сербскаго письма, двухъ словъ о Θеофанѣ корчмарицѣ и о Соломонѣ и его женѣ, и повѣсти о паденіи Царьграда; затѣмъ приводитъ выписки изъ рукописей Бѣлградской народной библіотеки—молитву отъ непріятеля, слово св. Анастасія, молитву Сисинія, и наконецъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о Синодикѣ царя Бориса и объ отреченныхъ книгахъ, находящихся въ Софійской библіотекѣ.

Дѣйствія Нижегородской Губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Т. III. 1898 г. Н.-Новгородъ. Стр. VI+269+41+43.—Открывается „Сборникъ“ „Очеркомъ исторіи больницъ въ Нижнемъ-Новгородѣ“ Г. І. Родзевича, удачно составленнымъ въ связи съ исторіей врачебнаго и больничнаго дѣла вообще на Руси. Слѣдующая статья г. А. Можаровскаго—„Къ исторіи Нижегородской духовной семинаріи“—является дополненіемъ, сообщающимъ нѣкоторыя детали изъ начальной жизни семинаріи, съ выписками изъ документовъ и перепискою состава ея въ 1766 г., къ подробной исторіи его же, печатавшейся въ мѣстныхъ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1894 и 1895 гг. Далѣе идетъ изслѣдованіе В. К. Магницкаго, подъ заглавіемъ: „Нѣчто о чувашахъ, татарахъ и мишаряхъ“. Автору, хорошо освѣдомленному съ литературой своего предмета, удается высказать нѣсколько новыхъ свѣдѣній, напримѣръ, относительно того, что имя чувашей впервые встрѣчается въ памятникахъ не въ 1524 г. (Карамзинъ) и не въ 1551 г. (Сбоевъ), а въ 1548 г., въ грамотѣ, данной

„Каринскимъ татарамъ“; что мѣстомъ жительства ихъ были кромѣ извѣстныхъ доселѣ губерній еще *Нижегородская* и *Вятская*; что мишари (или „Мижеры“) есть національное названіе мещеряковъ и мещеры и потому должны быть отдѣлены отъ татаръ, и др. Затѣмъ, послѣ небольшихъ замѣтокъ А. В. Смирнова: „Плѣнные шведы въ Нижнемъ-Новгородѣ (1710—1712)“ и „О земляхъ кн. Д. М. Пожарскаго въ Клинскомъ уѣздѣ“, встрѣчаемъ довольно содержательную статью г. Снѣжневскаго о „Крѣпостныхъ крестьянахъ и помѣщикахъ Нижегородской губерніи наканунѣ реформы 19-го февраля и первыхъ годахъ послѣ нея“. Въ ней авторъ, основываясь на данныхъ мѣстнаго историческаго архива, подробно слѣдитъ за крестьянскими движеніями, указываетъ ихъ причины, въ числѣ которыхъ одною изъ главныхъ были „непомѣрные“ оброки и барщины и „жестокое тиранство“ помѣщиковъ и особенно ихъ бурмистровъ и ярко характеризуетъ взгляды нижегородскаго дворянства на реформу, на основаніи трудовъ губернскаго комитета по устройству и улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Во второй отдѣлъ „Сборника“ вошли двѣ описи В. И. Снѣжневскаго: а) журналамъ нижегородскаго намѣстническаго правленія за 1781 и 1783 гг. (много матеріала о приказныхъ людяхъ и бѣглыхъ) и б) дѣламъ того же правленія за 1790 — 1799 гг. (много свѣдѣній о состояніи административной части губернскихъ учрежденій, о заводской и фабричной промышленности; о городахъ и т. п.), и одна В. Г. Короленко - дѣламъ балахнинскаго городоваго магистрата, за время 1748 — 1776 г., относящихся преимущественно до торговопромышленнаго сословія. Третій и послѣдній отдѣлъ разсматриваемой книги составляютъ матеріалы архива коммиссіи: 1) списокъ съ правовой грамоты, данной въ 1694 г. Александру Вешнякову на помѣстья измѣнника Асая Айбулатова пособника Стеньки Разина) въ Керенскомъ и Радомскомъ уѣздахъ; 2) грамота 1698 г. арзамасскому воеводѣ И. К. Козлову о сосланныхъ въ Арзамасъ стрѣльцахъ; 3) Отрывокъ изъ рядной записи попа Еремѣя съ прихожанами села Сарги, 1690 г.; 4) Сыскное дѣло арзамасской приказной избы 1698 г. о кражѣ денегъ и имущества у чернаго попа арзамасскаго троицкаго монастыря Варсонофія; 5) грамота балахнинскаго стольника и воеводы П. Ю. Казанскаго объ отдачѣ на откупъ кружечныхъ дворовъ въ городѣ Балахнѣ и его уѣздѣ; 6) матеріалы о мѣрахъ правительства къ пресѣченію пугачевскаго бунта въ 1774 г.; 7) два документа о чумѣ въ Нижегородской губерніи въ XVII столѣтіи и 8) формулярный списокъ о службѣ В. И. Даля, составленный въ іюлѣ 1858 г.

А. Кириловъ. 1797—1897. Матеріалы для исторіи Владимірской губернской типографіи, къ столѣтнему юбилею. Владиміръ на Клязьмѣ, 1898 г. — представляетъ довольно любопытный матеріалъ для исторіи типографскаго дѣла вообще на Руси. Въ ней авторъ обозрѣваетъ исторію типографіи, начиная съ 1797 г., когда была основана прапорщикомъ Матвѣемъ Петровичемъ Пономаревымъ, при субсидіи отъ губернскаго правленія до нынѣшняго ея состоянія. Изъ этого обзора видно, что владимірская губернская типографія улучшалась крайне медленно и скупо; когда же въ 1860 и 1870-хъ гг. она была „поднята до настоящаго состоянія“, ей пришлось бороться съ частными типографіями, что также не могло не отозваться на ея произво-

дительности. Попутно съ исторіей типографій г. Кириловъ указываетъ всѣ напечатанныя М. И. Пономаревымъ книги въ теченіе 1798—1802 гг., что довольно цѣнно для нашей древнѣйшей библіографіи, такъ какъ у Сопикова указаны не всѣ тѣ изданія, которыя приведены г. Кириловымъ, на основаніи архивнаго матеріала, и съ возможною подробностью останавливается на распространеніи „Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" въ первые два-три года. Распространеніе ихъ шло официальнымъ порядкомъ, и почти повсюду не только частныя лица, но и учрежденія отказывались отъ подписки.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Ив. Цвѣтковъ. Латинская грамматика примѣнительно къ русской. Харьковъ. 1898. Ц. 1 руб.

Книга отпечатана довольно исправно (непріятное впечатлѣніе производитъ то, что въ греческихъ печатныхъ словахъ на стр. 191 и слѣдующихъ конечная буква σ имѣетъ форму ς = st, что ведетъ къ недоразумѣніямъ), шрифтъ довольно четокъ и цѣна книги недорогая. Для ея новаго изданія сообщаемъ нѣсколько замѣтокъ и указаній, которыя, думаемъ, могутъ пригодиться автору.

Стр. 91 „Ingemesco" вздыхаю. Болѣе употребительною является форма „ingemisco".

Стр. 116 „minor" угрожаю чѣмъ (выставляю). Слѣдовало бы привести какую-нибудь болѣе опредѣленную конструкцію, въ которой „minari" дѣйствительно имѣло бы значеніе „выставляю".

Стр. 117 „Obire mortem (diem supremum) найти смерть". Лучше было бы передать по-русски черезъ: „выдти на встрѣчу смерти" или „послѣднему дню".

Стр. 124. Не согласны съ русскимъ языкомъ выраженія: Nomine по имени, „cognomine" по прозванію, „genere" по происхожденію, „natu" отъ роду, „specie" на видъ, „re" на дѣлѣ, и нѣкоторыя др. Но развѣ нельзя сказать по-русски, согласно съ латинскимъ: „именемъ, прозваніемъ, происхожденіемъ, родомъ, видомъ, дѣломъ?

Стр. 134. Неправильно указано количество въ словѣ „Pisidas". Въ немъ второй слогъ отъ конца краткокъ, а не долгъ.

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Стр. 143. Если при сказуемомъ главнаго предложенія есть отрицаніе, то вмѣсто „quominus“ и „ne“ можетъ быть „quin“; иногда это необходимо (смотри § 220, в). Послѣднюю прибавку слѣдовало бы пояснить, ибо безъ поясненія она не имѣетъ смысла.

Стр. 171. Грубая опечатка: “Venîret“ вмѣсто Venîret“.

Lhomond. De viris illustribus Romani Imperii. Для учениковъ III-го класса мужскихъ гимназій. Обработалъ *В. Боруховскій*. Тифлисъ. 1897. Ц. 50 к. 74 стр. въ 16-ю долю листа.

Текстъ книжки Lhomond'а уже давно извѣстенъ преподавателямъ элементарной латыни. Трудъ г. Боруховскаго состоялъ, сверхъ перепечатки текста, въ снабженіи его краткимъ обозрѣніемъ содержанія, примѣчаніями и латино-русскимъ словаремъ, расположеннымъ въ порядкѣ латинскаго текста, а не въ азбучномъ. Къ сожалѣнію, трудъ г. Боруховскаго не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ, вслѣдствіе массы неточностей и опечатокъ. Для примѣра укажемъ нѣкоторыя: стр. 29 „Вестѣ былъ построенъ круглый храмъ, служившій подобіемъ земли“. Стр. 30 „Веминальскомъ“ вмѣсто „Виминальскомъ“. Стр. 33 „Полководецъ, отправляясь на войну, шелъ въ храмъ Марса и, потрясая оружіемъ, произносилъ: „Бодрствуй, Марсъ“. Неизвѣстно, откуда почерпнулъ эту подробность авторъ. Стр. 35 „Терренскимъ“ вмѣсто „Тирренскимъ“. Стр. 36 „Послы, отправляемые для объявнія войны, назывались legati fetiales въ числѣ 15 человѣкъ и избирались пожизненно“. Послы назывались просто „fetiales“, и о томъ, чтобы они избирались пожизненно, мы не имѣемъ свѣдѣній. Стр. 37 „Рѣки Мокры“ вмѣсто „Макры“. Стр. 38 „Praetexta, бѣлая тога, *обшитая* пурпуровою полосой“, что́ невѣрно. Стр. 39 „Gabii“ древнѣйшій городъ въ Лаціумѣ, основанъ царемъ Альбалонгой“. Послѣднее не точно. Стр. 39 „Діана, дочь Юпитера и Лето“ вмѣсто: Латоны. Въ словарѣ мы замѣчаемъ опечатки, вродѣ „Anguisiae“ вмѣсто „Augustiae“, „coelum“ вмѣсто „caelum“, „humerus“ „вмѣсто „umerus“, и т. д. Цѣна книги непомѣрно высока (50 к.).

Квинтъ Горацій Флаккъ. Оды. Книга первая. Переводъ въ стихахъ съ примѣчаніями *П. Порфирова*. С.-Пб. 1898. Стр. 14 + 64. Цѣна 50 коп.

Русская литература уже обладаетъ стихотворнымъ переводомъ одъ Горація, сдѣланнымъ такимъ художникомъ, какъ А. А. Фетъ. Но и при существованіи перевода Фета, трудъ г. Порфирова не представляется излишнимъ: главный недостатокъ перевода Фета состоитъ въ

томъ, что переводчикъ мало знакомъ съ латинскимъ подлинникомъ и обращается съ нимъ довольно свободно. Между тѣмъ, передача Горація на основаніи точнаго изученія латинскаго текста, представляется дѣломъ далеко не излишнимъ, и въ переводѣ г. Порфирова мы имѣемъ хорошій образчикъ этой передачи. Внимательно сличивъ переводъ г. Порфирова съ подлинникомъ, мы видимъ, что послѣдній изученъ имъ основательно, и ошибокъ противъ его пониманія мы не замѣчаемъ. Кое-какія замѣтки можно сдѣлать относительно частностей, но замѣтки эти будутъ касаться только деталей и могутъ быть устранены переводчикомъ при новомъ изданіи. Вотъ онѣ: Ода I, стихъ 1-й. „О, прадѣдовъ царственныхъ сынъ, Меценатъ". Врядъ ли удобно Мецената называть сыномъ прадѣдовъ.

Ода I, стихъ 28 „Коль вепрь изъ капкана прорвался въ испугѣ". Послѣднимъ словамъ нѣтъ соотвѣтствующей картины въ подлинникѣ.

Ода II, стихъ 13 и слѣд. „За слезы Сильвіи жестоко отомщая въ супружней вѣрности, и волнами рѣки затопленъ лѣвый брегъ, хоть месть была такая отцу вселенной вопреки". Iliae dum se nimium querenti—Jactat ultorem, vagus et sinistra—Labitur ripa Jove non probante uxorius amnis. Переводъ скорѣе перефразируетъ, чѣмъ передаетъ подлинникъ.

Ода III, стихъ 13 „Порывовъ Африка, кто съ аквилономъ въ спорѣ". Не лучше ли здѣсь сказать: „что", а не „кто"?

Ода VII, стихъ 2-й „Городъ Эфесъ ли, Коринѳъ ли двуморскій". Слово „городъ" не находитъ себѣ соотвѣтствія въ подлинникѣ, да оно и лишнее.

Ода XII, стихъ 2. „Какого мужа ты героя или бога прославишь лирою, свирѣлью звонкой мнѣ, о Кліо?" „Quem virum aut heroa lyra vel acri—Tibia sumis celebrare, Clio?" О свирѣли въ подлинникѣ нѣтъ рѣчи.

Тамъ же: стихъ 45-й „Растетъ какъ дерево изъ сѣмени *потайно*". Такого слова въ русскомъ языкѣ нѣтъ.

Ода XVII, стихъ 17 „Въ уединеніи долинъ ты здѣсь уйдешь жары". Опущеніе предлога „отъ" здѣсь неудобно.

Тамъ же, стихъ 21 „Спокойно будешь пить далекая заботъ". Этотъ грецизмъ врядъ ли удобенъ.

Ода 19, стихъ 8-й „Сжигаютъ милыя безстыдныя манеры, и взоръ для взоровъ роковой" „Urit grata protervitas—Et vultus nimium lubricus adspici". По формѣ переводъ не совсѣмъ удаченъ.

Ода 26, стихъ 2-й „На море Критское снести вѣтрамъ свобод-

нымъ". „Tradam protervis in mare Creticum—Portare ventis". Наше слово „свободнымъ" гораздо слабѣе латинскаго „protervis".

Ода 27, стихъ 1-й „Кубками, что служатъ къ веселью, ѳракійцамъ лишь драться обычно". По русски говорится: „кубками".

Тамъ же: стихъ 6-й „Нейдетъ къ возліянію и свѣточамъ пирнымъ". Послѣднее слово есть неологизмъ, по русски не употребительный.

Тамъ же: стихъ 9-й „Хотите, чтобъ крѣпкаго я за компанію выпилъ фалерна". Оборотъ слишкомъ модернизованный. По латыни: „Vultis severi me quoque sumere Partem Falerni?

Ода 35, стихъ 30-й „Молодежи достанетъ она необорная". То же неологизмъ, по русски не употребляемый.

Ода 36, стихъ 13-й „Пусть пьютъ по скиѳскому обычью безъ глотковъ". Выраженіе не совсѣмъ удачное.

Ода 37, стихъ 18 „За слабымъ голубемъ такъ коршунъ мчитъ порой". Здѣсь „мчитъ" имѣетъ значеніе „мчится".

Издана книжка весьма изящно и остается пожалѣть, что переводчикъ ограничился только одною первою книгой Одъ. Желаемъ, чтобы онъ подарилъ нашу литературу полнымъ переводомъ произведеній Горація.

Краткая нѣмецкая грамматика. Составилъ *К. Г. Гохъ.* Kurze Deutsche Grammatik. Bearbeitet und herausgegeben von *Karl August Hoch* Oberlehrer an der Scheibler'schen Schule zu Lodz. Лодзь. 1898. Стр. 55. Цѣна 35 коп. въ переплетѣ.

Нѣмецкая грамматика г. Гоха предназначается для употребленія въ начальныхъ училищахъ, въ коихъ преподается нѣмецкій языкъ. Составлена она, какъ говоритъ авторъ, параллельно къ учебному матеріалу, помѣщенному въ изданной имъ же въ 1888 году нѣмецкой хрестоматіи.

Предлагаемый г. Гохомъ учебникъ составленъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ хорошо, что, по нашему убѣжденію, онъ можетъ служить весьма полезнымъ руководствомъ при изученія нѣмецкаго языка не только въ начальныхъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ коихъ преподованіе ведется на нѣмецкомъ языкѣ.

На 47-ми страницахъ ясно и точно изложены обѣ части нѣмецкой грамматики, этимологія и синтаксисъ, ученіе о знакахъ препинанія, о сокращеніи словъ и правописаніи иностранныхъ словъ. Къ этимъ частямъ еще прибавлены въ видѣ приложеній, на 9 страницахъ, „при-

мѣры для диктанта и разбора"; далѣе—образцы счетовъ, расходныхъ книгъ, росписокъ, заемныхъ писемъ и аттестатовъ.

Всѣ правила изложены въ весьма краткой, но тѣмъ не менѣе совершенно ясной и точной формѣ. За каждою отдѣльною статьей какъ этимологіи, такъ и синтаксиса слѣдуютъ, кромѣ ясныхъ, точныхъ примѣровъ, орѳографическія правила и задачи для устныхъ и письменныхъ упражненій съ цѣлью примѣненія только что объясненныхъ грамматическихъ правилъ. Таблицы и парадигмы напечатаны весьма наглядно. Вообще нужно сказать, что и типографская сторона книги весьма хороша: бумага и печать вполнѣ удовлетворительны, опечатокъ мы не замѣтили. Можно было бы желать, чтобы шрифтъ орѳографическихъ правилъ и задачъ былъ немного крупнѣе; но мы думаемъ, что большая отчетливость шрифта легко искупаетъ этотъ недостатокъ.

Исторія Тридцатилѣтней войны Ф. Шиллера въ избранныхъ отрывкахъ, съ примѣчаніями и словарями. Издалъ *А. Баронъ*. Москва. 1889. Стр. V+110+204. Цѣна 80 коп.

Какъ уже видно изъ заглавія вышепоименованной книги, въ ней предлагается для чтенія и перевода на русскій языкъ не все столь извѣстное сочиненіе Шиллера: „Тридцатилѣтняя война", но только избранныя мѣста, заключающія въ себѣ самые важные и наиболѣе интересные эпизоды этой войны, а именно: 1) Wallensteins erstes Auftreten; 2) Belagerung von Stralsund; 3) Wallensteins Absetzung; 4) Gustav Adolf; 5) Uebergang der Schweden nach Deutschland; 6) Tilly; 7) Eroberung Magdeburgs; 8) Schlacht bei Breitenfeld; 9) Gustav Adolf in Bayern; 10) Die Sachsen in Böhmen; 11) Wallensteins Wiederkehr; 12) Belagerung von Nürnberg; 13) Schlacht bei Lützen; 14) Wallensteins Ende и 15) Deutschland nach dem Prager Frieden.

Нѣкоторые изъ этихъ отрывковъ, какъ, напримѣръ, приведенные подъ №№ 4, 7. 13 и 14, рекомендованы новыми учебными планами для чтенія въ VII, VIII классахъ гимназій,—остальные прибавлены издателемъ какъ„ находящіеся съ первыми въ болѣе или менѣе тѣсной связи". Что же касается текста этихъ отрывковъ, то въ предисловіи къ разбираемой книгѣ мы читаемъ слѣдующее: „Отступленія отъ подлиннаго текста (въ изданіи Котты) допущены лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда, по тѣмъ или другимъ причинамъ, они казались намъ необходимыми". Соглашаясь съ тѣмъ, что въ сочиненіяхъ самыхъ выдающихся представителей какъ отечественной, такъ и иностранной

литературы можетъ иногда представиться необходимость незначительныхъ измѣненій текста, если рѣчь идетъ о школьныхъ изданіяхъ, мы тѣмъ не менѣе жалѣемъ о томъ, что г. Барону не было угодно указать на тѣ причины, которыя его побудили даже въ текстѣ заимствованномъ изъ „Cotta's Schulausgaben“ опять допустить новыя отступленія отъ подлиннаго текста, принадлежащаго самому писателю.

Такимъ образомъ г. издатель лишаетъ насъ возможности убѣдиться, были ли допущенныя имъ отступленія въ данномъ случаѣ дѣйствительно необходимы или нѣтъ. Мы не можемъ не придавать этому обстоятельству особаго значенія въ виду того опасенія, какъ бы скоро въ рукахъ нашихъ учениковъ не очутились подъ фирмою извѣстныхъ корифеевъ иностранной литературы тексты, настолько измѣненные, что весьма трудно будетъ различить, кому собственно они принадлежатъ, тому ли автору, имя котораго носитъ сочиненіе, о которомъ рѣчь идетъ, или тому преподавателю нѣмецкаго языка какой-либо провинціальной гимназіи, который является издателемъ этого сочиненія. А это легко можетъ случиться, если каждому издателю будетъ позволено по собственному благоусмотрѣнію и безъ всякаго объясненія причинъ измѣнять тексты издаваемыхъ имъ сочиненій.

Ни введенія, ни біографіи писателя въ изданіи г. Барона нѣтъ; но за то оно снабжено довольно богатыми примѣчаніями, заключающими въ себѣ преимущественно свѣдѣнія историческаго и географическаго характера. Есть въ книгѣ и два словаря: одинъ построчный, въ которомъ даются болѣе рѣдкія слова и выраженія въ порядкѣ слѣдованія ихъ въ текстѣ. Здѣсь иногда дается и переводъ отдѣльныхъ мѣстъ, заключающихся въ себѣ особенности грамматическаго или лексическаго свойства. Другой словарь, алфавитный, содержитъ всѣ слова I—XI главы, встрѣчающіяся въ нихъ болѣе одного раза и *всѣ* слова главы XII—XV, то-есть до конца текста.

Въ концѣ книги еще находится таблица измѣненія основныхъ гласныхъ въ правильныхъ глаголахъ сильнаго спряженія и списокъ отступающихъ и неправильныхъ глаголовъ. Цѣль этой таблицы, какъ объясняетъ издатель, облегчить ученикамъ при встрѣчѣ въ текстѣ той или другой формы означенныхъ глаголовъ, скорѣйшее ихъ пріисканіе въ алфавитномъ словарѣ. Типографская сторона книги не совсѣмъ удовлетворительна: бумага не особенно хороша и шрифтъ, хотя довольно крупный, не достаточно чистый и отчетливый, такъ что читается не безъ труда. Лучше шрифтъ словарей. Въ концѣ

текста помѣщается списокъ замѣченныхъ опечатокъ; — ихъ немного и кромѣ приведенныхъ мы другихъ не нашли.

Л. Манженъ. Элементарная ботаника. Перев. съ 3-го французскаго изданія *Н. И. Мамонтова*, подъ ред. *А. Н. Петунникова*, съ 2 хромолитографическими таблицами, 444 политипажами и 2 картами распредѣленія растеній. Москва. 1899 г. XVI + 392. Ц. 2 р. 50 к.

Разсматриваемый учебникъ состоитъ изъ трехъ частей: первая — трактуетъ о растеніи и его жизнедѣятельности вообще; вторая представляетъ систематическій обзоръ различныхъ группъ растеній; и наконецъ третья — посвящена географіи растеній. По объему главное мѣсто занимаетъ вторая часть, но съ учебной точки зрѣнія таковою, конечно, является первая.

Авторъ начинаетъ съ изученія составныхъ частей растенія путемъ эмбріологическимъ, то-есть разсматриваетъ развитіе и постепенную дифференцировку растенія изъ сѣмени, клубня, луковицы. Затѣмъ послѣдовательно разсматриваетъ корень, стебель и листъ, причемъ сначала описываетъ строеніе каждой изъ этихъ частей, затѣмъ отправленіе, потомъ различныя модификаціи этихъ частей и наконецъ практическое примѣненіе. Слѣдующія главы трактуютъ о размноженіи растеній и органахъ воспроизведенія, и наконецъ послѣдняя глава этой части объясняетъ соотношеніе между питаніемъ растенія и условіями существованія, напримѣръ, значеніе сѣвооборота, а равно даетъ понятіе о сравнительной продолжительности жизненнаго цикла растеній.

Означенный порядокъ изложенія имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. При такомъ изложеніи съ полною наглядностью вырисовывается роль каждой части растительнаго организма, но за то общее соотношеніе частей между собой нагляднѣе выступаетъ, если физіологія растенія составляетъ въ изложеніи нѣчто цѣльное.

Не отрицая научныхъ и учебныхъ достоинствъ разсматриваемой книжки, можно упрекнуть ея автора въ нѣсколько конспективномъ характерѣ изложенія съ одной стороны, а съ другой стороны можно бы пожелать чтобы болѣе было обращено вниманія на сравнительно—морфологическое значеніе органовъ, напримѣръ отдѣльныхъ частей цвѣтка и т. п., насколько это доступно пониманію учениковъ. Прикладная сторона изложена настолько кратко и сжато, что почти теряетъ всякое значеніе, если не будетъ сопровождаться подробными разъясненіями преподавателя.

Что касается до второй части, то она слишкомъ подробна для элементарнаго курса и вообще въ такомъ курсѣ центръ тяжести долженъ лежать, на мой взглядъ, въ физіологіи и морфологіи растеній, а не въ систематикѣ. Третья часть, въ которой разсматривается не только распространеніе растеній, но вліяніе условій на мѣстообитаніе растеній, составляетъ весьма желательное и обстоятельное прибавленіе. Съ точки зрѣнія ясности терминологіи и изложенія, укажемъ на нѣкоторую сбивчивость физіологической терминологіи. Такъ на стр. 50 говорится, что листья дышатъ, причемъ совершенно правильно объясняется значеніе дыханія въ смыслѣ выдѣленія угольной кислоты и поглощенія кислорода; но на стр. 48 говорится о томъ, что листья „*выдыхаютъ*" водяныя пары. Такой способъ выраженія, заимствованный изъ житейской терминологіи, невольно заставляетъ читающаго предположить, что дыханіе представляетъ гораздо болѣе сложный процессъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Но всѣ указанные недочеты имѣютъ лишь второстепенное значеніе, а по существу своему книжка Манжена заслуживаетъ полнаго вниманія.

Н. Скворцовъ. Записки по педагогикѣ. Часть вторая. Общая дидактика. С.-Пб 1899, стр. 117. Цѣна 75 коп.

Записки г. Скворцова состоятъ изъ введенія и 9 отдѣловъ, озаглавленныхъ слѣдующимъ образомъ: 1) Домашнее и школьное обученіе; 2) Классная и предметная система обученія; 3) Расположеніе учебнаго матеріала; 4) Методъ обученія; 5) Формы обученія; 6) Учебныя средства; 7) Общія дидактическія положенія; 8) Школьные порядки; 9) Личность учителя.

Въ введеніи авторъ даетъ понятіе о дидактикѣ, которая есть часть педагогики: въ общей педагогикѣ излагаются правила воспитанія дѣтей, а въ дидактикѣ правила обученія дѣтей; но это опредѣленіе совершенно словесное, ибо ничего не говорится о томъ, что такое воспитаніе и, что такое обученіе, въ чемъ ихъ сходство и различіе; правда, этому предмету посвящена цѣлая глава, но она имѣетъ такой общій характеръ, что ею дѣло нисколько не разъясняется; говорится напримѣръ: что, „обученіе развиваетъ силу воли", что „даже внѣшняя дѣятельность человѣка удобнѣе дисциплинируется, когда она управляется дисциплинированнымъ разсудкомъ", что „обученіе, наконецъ, даетъ содержаніе и направленіе характеру". Все это фразы, частью лишенныя доказательности, частью же не совсѣмъ понятныя; къ таковымъ

я отношу вышеприведенную, что „внѣшняя дѣятельность человѣка удобнѣе дисциплинируется, когда она управляется дисциплинированнымъ разсудкомъ“. Доказательствъ тому, что обученіе развиваетъ волю, что, обученіе даетъ содержаніе характеру, не приведено. Этотъ общій и отвлеченный характеръ разсужденій я считаю главнымъ недостаткомъ записокъ г. Скворцова. Какое напримѣръ, понятіе получатъ ученицы о значеніи дидактики (стр. 3 — 5), когда имъ говорятъ, что дидактика есть теорія обученія, но въ то же время она есть плодъ многовѣковаго опыта; однако относительно личнаго опыта, совершенно правильно замѣчено, что онъ носитъ отрывочный, случайный и неустойчивый характеръ. Если дидактика есть теорія, то она должна давать общія предписанія, которыя должны быть правильными на практикѣ, ежели же она есть отвлеченіе отъ практики, систематизація личнаго опыта нѣсколькихъ лицъ, то она не можетъ быть теоріей, а только систематизаціей болѣе или менѣе полезныхъ свѣдѣній и не представляетъ признаковъ науки. Но дѣло въ томъ, что въ дидактикѣ есть и теоретическіе элементы, вытекающіе изъ психологія, и практическіе, вытекающіе изъ исторіи, и дѣло пишущаго дидактику состоитъ въ строгомъ разграниченіи этихъ разнородныхъ элементовъ. Благодаря отвлеченности и общности разсужденій г. Скворцова весьма трудно сказать, ошибочны ли его утвержденія или же онъ можетъ истолковать ихъ и въ такомъ смыслѣ, что они получатъ значеніе: на страницѣ 6 онъ, напримѣръ, говоритъ, что „сторонники формальной цѣли образованія полагаютъ, что для ребенка важно не самое содержаніе знаній, по *существу своему элементарныхъ и не имѣющихъ практической цѣнности*, но развитіе способности къ усвоенію знаній, и т. д.“ Что сказать объ этой мысли, когда авторъ не называетъ, кого онъ считаетъ защитникомъ формальной цѣли, не опредѣляетъ, что значитъ элементарное знаніе и не объясняетъ, почему элементарное знаніе не имѣетъ практической цѣнности, когда казалось бы наоборотъ, что знаніе орѳографіи и ариѳметики (несомнѣнно элементарныхъ знаній) имѣютъ несомнѣнное примѣненіе въ жизни. Или возьмемъ напримѣръ, мысль, выраженную на страницѣ 9: „При отсутствіи надлежащаго общаго образованія, спеціалистъ въ своей дѣятельности является не болѣе какъ ремесленникомъ, мастеровымъ, вся работа коего сводится къ механическому подражанію работъ учителя и слѣдовательно лишена самостоятельности, творчества, движенія впередъ“. Эта мысль можетъ быть и справедливою и совершенно ложною въ зависимости отъ того, что авторъ разумѣетъ подъ понятіемъ общаго образованія,

а опредѣленія общаго образованія у автора мы не находимъ; несомнѣнно, что указанія автора оказали бы большую пользу, еслибъ они были даваемы съ большею опредѣленностью, и мысль получала бы болѣе полное развитіе; мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что указанія автора безполезны и неправильны. Только относительно одной главы, названной „методъ обученія", мы дѣйствительно придерживаемся такого мнѣнія: авторъ въ этой главѣ трактуетъ объ анализѣ и синтезѣ, какъ о пріемахъ обученія, между тѣмъ анализъ и синтезъ вовсе не суть пріемы обученія, а пути мышленія вообще; трактовать объ анализѣ и синтезѣ слѣдуетъ въ логикѣ (авторъ слѣдовательно могъ помѣстить эту главу въ I часть общей педадогики), а вовсе не въ дидактикѣ; сверхъ того и то, что авторъ говоритъ объ анализѣ и синтезѣ, весьма неправильно: онъ отожествляетъ анализъ съ индукціей, а синтезъ съ дедукціей; анализъ и индукцію считаетъ движеніемъ мысли отъ частнаго и сложнаго къ общему и простому, а дедукцію или синтезъ,—движеніемъ мысли отъ общаго и простаго къ частному и сложному (стр. 32); по мнѣнію автора сложеніе и умноженіе есть синтезъ, слѣдовательно дедукція, а вычитаніе и дѣленіе анализъ (то-есть индукція) (стр. 37). Итакъ выходитъ, что при сложеніи мысль движется отъ общаго къ частному, а при дѣленіи отъ частнаго къ общему. Авторъ забываетъ, что сложенію можно придать видъ вычитанія и наоборотъ, слѣдовательно здѣсь совершенно однородные процессы мысли.

Глава о формахъ обученія трактуетъ объ акраоматическомъ и эротематическомъ (катехизическомъ и эвристическомъ) обученіяхъ, при чемъ на страницѣ 42 сказано: „На практикѣ акроаматическая форма сообщенія учебнаго матеріала имѣетъ самое широкое распространеніе"..., а на страницѣ 44: „Наибольшее примѣненіе въ дѣлѣ обученія имѣетъ такъ называемая эвристическая форма". Которая же болѣе примѣняется? Относительно эвристической формы сказано на страницѣ 45, что „для учениковъ старшаго возраста она уже мало пригодна", но въ примѣчаніи упоминается, что Сократъ постоянно пользовался эвристическою формой. Неужели авторъ думаетъ, что Сократъ занимался съ „учениками низшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній"? На страницѣ 52 сказано, что „вопросы... *пріучаютъ его къ привычкѣ*"; что вопросы не должны быть ни слишкомъ легкими, ни слишкомъ *трудными*", и для того, очевидно, чтобы не было недоразумѣній, прибавлено, что „легкіе вопросы не требуютъ труда". На страницѣ 54 говорится: „Вообще учитель долженъ

быть въ данномъ отношеніи образцомъ для учениковъ, чтобы и отъ нихъ требовать того же", то-есть чтобы ученики были бы образцомъ для учителя? Въ этой же главѣ (формы обученія) довольно подробно трактуется о системахъ оцѣнки знаній учениковъ, при чемъ подробно объясняется, что значитъ баллъ единица, два, три и т. д. Мнѣ кажется, что эту систему обозначенія и оцѣнки знаній ученицы, дошедшія до 8-го класса, изучили уже превосходно, такъ что въ подробныхъ объясненіяхъ нѣтъ надобности (стр. 58—61).

Во главѣ „Учебныя средства" авторъ говоритъ о показываніи, объ упражненіяхъ и задачахъ, о заучиваніи наизустъ и повтореніи, объ испытаніяхъ, но почему то забываетъ о самомъ обычномъ учебномъ средствѣ: объ объясненіи уроковъ, о задаваніи уроковъ на домъ и о спрашиваніи заданнаго. То, что авторъ говоритъ въ главѣ о школьной дисциплинѣ (стр. 75 и слѣд.), въ большинствѣ случаевъ совершенно правильно; сдѣлаю только нѣсколько незначительныхъ замѣтокъ. На страницѣ 79 авторъ рекомендуетъ для цѣлей дисциплины „даже гимназическія упражненія" во время урока. Такой способъ проведенія дисциплины врядъ ли цѣлесообразенъ. Во главѣ о наградахъ и наказаніяхъ на страницѣ 87 авторъ пишетъ: „Наоборотъ у безпорядочнаго въ своихъ дѣйствіяхъ пусть работа считается неоконченною или возвращается ему для исправленія". Но ежели безпорядочный окончитъ свою работу, то на какомъ же основаніи, она ему будетъ возвращена? На той же страницѣ, авторъ въ числѣ наградъ называетъ „предоставленіе ученикамъ какого-либо удовольствія", а на слѣдующей говоритъ о „лишеніи удовольствія". Такъ какъ удовольствіе есть состояніе субъективное, то оно ни кѣмъ не можетъ быть предоставлено и не можетъ быть отнято; къ этимъ удовольствіямъ на страницѣ 88 причислены и *„раздача и собираніе тетрадей"*. Здѣсь же читаемъ слѣдующее: „ученики должны *разсаживаться* по инымъ соображеніямъ: такъ на переднихъ скамьяхъ или ближе къ учителю должны сидѣть близорукіе, тугоухіе, шаловливые, слабые по успѣхамъ" и т. д. О тѣлесныхъ наказаніяхъ авторъ выражается очень нѣжно, называя ихъ „такъ называемыя тѣлесныя наказанія"; почему же такъ называемыя? На страницѣ 90 опечатка: „лучше учить немногому, но основательно" переведено: non multum, sed multum.

Въ послѣдней главѣ авторъ весьма основательно говоритъ, что въ школѣ „въ концѣ-концовъ все сводится къ личности учителя", при чемъ (стр. 116) „нельзя, конечно, требовать, чтобы каждый учитель являлся образцомъ всевозможныхъ совершенствъ, иначе не достоинъ

быть учителемъ". Этою, не совсѣмъ понятною фразой и заканчиваются „Записки".

Въ общемъ, какъ сказано, я считаю главнымъ недостаткомъ записокъ ихъ слишкомъ общій и отвлеченный характеръ, хотя вовсе не хочу отрицать въ авторѣ педагогической опытности, благоразумія въ высказываемыхъ имъ совѣтахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторой возможной пользы отъ прочтенія его книги. Исключить лишь слѣдуетъ главу объ анализѣ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

УЧИТЕЛЬСКІЯ СЕМИНАРІИ ВИЛЕНСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

„Учитесь и учите въ духѣ любви къ нашей святой православной вѣрѣ, къ возлюбленному нашему царю и дорогой нашей Руси". Такой завѣтъ въ 1869 году преподалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, впослѣдствіи незабвенный Царь-Миротворецъ, Александръ Александровичъ, воспитанникамъ Молодечненской учительской семинаріи, а вмѣстѣ съ нею и воспитанникамъ всѣхъ прочихъ учительскихъ семинарій Виленскаго округа, начертавъ эти высокознаменательныя слова на пожалованномъ имъ въ названную семинарію своемъ портретѣ по случаю учрежденія въ ней Виленскимъ Свято-Духовскимъ братствомъ стипендіи Его Августѣйшаго Имени. Этотъ же Государь Императоръ, въ бытность его Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, пожаловалъ въ даръ для домовой церкви Молодечненской учительской семинаріи икону Спасителя, благословляющаго дѣтей, и для такой же церкви Поневѣжской семинаріи—икону св. Александра Невскаго; обѣ иконы очень изящной работу въ серебряныхъ позлащенныхъ ризахъ. Фактъ такого высокаго вниманія къ первой изъ учительскихъ семинарій въ Россіи (Молодечненской) и затѣмъ къ семинаріи, находящейся на инородческой окраинѣ ея (Поневѣжской), гдѣ много вліяній, враждебныхъ русской школѣ и проводимымъ ею началамъ, свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о томъ, что почившій Царь-Миротворецъ придавалъ большое значеніе названнымъ учебнымъ заведеніямъ въ дѣлѣ истиннаго просвѣщенія народа, а съ другой—о томъ, что это просвѣщеніе

должно происходить подъ покровомъ православной церкви, въ духѣ православно-русскихъ началъ. Со времени этого историческаго момента прошло уже около 30 лѣтъ. Учительскія семинаріи Виленскаго учебнаго округа, увеличившіяся въ числѣ, не только опредѣлились въ своемъ характерѣ и направленіи, но успѣли уже принести и значительную пользу по распространенію чрезъ своихъ питомцевъ истиннаго просвѣщенія въ массѣ сельскаго населенія сѣверо-западнаго края Россіи. Поэтому, быть можетъ, будетъ не излишне, хотя бы въ общихъ чертахъ, охарактеризовать дѣятельность названныхъ учебныхъ заведеній, какъ она сказывается въ учебно-воспитательномъ строѣ и направленіи ихъ, въ занятіяхъ воспитанниковъ, ихъ образѣ жизни и поведеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить, насколько названныя учебныя заведенія въ своей жизни и дѣятельности соотвѣтствуютъ тѣмъ высокимъ задачамъ, которыя указаны въ вышеприведенныхъ высокознаменательныхъ словахъ Царя-Миротворца, въ бытность его Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

Въ Виленскомъ учебномъ округѣ имѣется пять учительскихъ семинарій: Молодечненская, Полоцкая, Поневѣжская, Несвижская и Свислочская. Первая изъ названныхъ семинарій открыта въ 1864 г. въ м. Молодечнѣ, Виленской губерніи, вмѣсто существовавшей тамъ прогимназіи. Полоцкая гимназія открыта въ 1872 г. въ городѣ Полоцкѣ, Витебской губерніи, вмѣсто существовавшаго въ немъ уѣзднаго училища и въ зданіяхъ этого послѣдняго. Въ томъ же 1872 г. и также вмѣсто уѣзднаго училища учреждена учительская семинарія въ городѣ Поневѣжѣ, Ковенской губерніи. Несвижская семинарія открыта въ 1874 г. въ Несвижѣ, заштатномъ городѣ Минской губерніи, и помѣщена въ зданіяхъ бывшаго доминиканскаго монастыря. Свислочская семинарія начала свое существованіе въ 1875 г. и находится въ м. Свислочи, Гродненской губерніи, вмѣсто существовавшей тамъ въ прежнее время гимназіи, открытой графомъ Тышкевичемъ и воспитывавшей юношество въ исключительныхъ началахъ католицизма и полонизма. Такимъ образомъ изъ шести губерній округа только одна Могилевская не имѣетъ учительской семинаріи и изъ пяти семинарій округа—двѣ находятся въ мѣстечкахъ, двѣ—въ уѣздныхъ городахъ и одна—въ заштатномъ городѣ.

Всѣ мѣстности, въ которыхъ существуютъ учительскія семинаріи округа, имѣютъ печальную извѣстность, какъ пункты, въ которыхъ съ особенною интенсивностью велась польско-католическая пропаганда.

Въ Молодечнѣ дѣйствовали отцы піары, построившіе монастырскія зданія, въ которыхъ теперь помѣщается учительская семинарія, а раньше помѣщалась прогимназія, руководимая въ прежнее время тѣми же монахами. Полоцкъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ центромъ дѣятельности іезуитовъ, раскинувшихъ свои сѣти на весь Западный Край. Въ Несвижѣ, при горячей поддержкѣ князей Радзивиловъ, сначала протестантовъ, а потомъ усерднѣйшихъ католиковъ, занимались просвѣтительною дѣятельностью доминиканцы, создавшіе въ мѣстномъ городскомъ населеніи сильный оплотъ католицизму и полонизму и превратившіе нѣкогда православный Несвижъ въ городъ совершенно католическій. Въ Свислочи, какъ замѣчено выше, утвержденіе и распространеніе началъ католицизма и полонизма происходило подъ благосклоннымъ протекторатомъ графа Тышкевича. Поневѣжъ, небольшой городъ Ковенской губерніи, находится въ центрѣ Жмуди, гдѣ все русское и православное не пользуется симпатіями мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ учительскія семинаріи округа вмѣстѣ съ существующими при нихъ начальными училищами уже по самому положенію своему созданы быть просвѣтительными центрами для мѣстнаго населенія на началахъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, какія утверждались въ этомъ населеніи раньше, въ прежнее время, вслѣдствіе чего названныя заведенія получаютъ значеніе боевыхъ пунктовъ, гдѣ католичеству и полонизму противопоставляется православіе и русская народность, гдѣ учатъ „учить народъ въ духѣ любви къ святой православной вѣрѣ, возлюбленному нашему царю и дорогой Руси“.

Поневѣжская семинарія помѣщается въ спеціально построенномъ для нея домѣ, остальныя—въ надлежаще приспособленныхъ для сей цѣли домахъ. Во всѣхъ семинаріяхъ округа центральныя зданія, въ которыхъ находятся церковь, классы и библіотека, каменныя—одноэтажныя (въ Свислочской семинаріи) и двухъэтажныя (во всѣхъ прочихъ семинаріяхъ округа). Положеніе семинарскихъ зданій, исключая семинаріи Полоцкой, находящейся въ самомъ центрѣ города и потому испытывающей всѣ неудобства отъ городскаго шума, очень удобны. Молодечненская семинарія ограждена отъ улицы обширнымъ дворомъ, засаженнымъ деревьями; сзади и по сторонамъ къ семинарскому зданію прилегаетъ довольно обширный (до трехъ десятинъ) садъ-огородъ. Свислочская семинарія ограждена, довольно большимъ скверомъ, разведеннымъ исключительно трудами учениковъ; по сторонамъ семинарскаго

зданія имѣются небольшіе сады-огороды. Несвижская семинарія хотя своимъ фасадомъ и выходитъ на торговую площадь, но классныя комнаты обращены во дворъ, такъ что уличный шумъ не препятствуетъ занятіямъ. Къ семинарскимъ зданіямъ, съ задней стороны примыкаетъ небольшой садъ. Черезъ улицу находится другой, большой (около двухъ десятинъ) садъ, также принадлежащій семинаріи. Поневѣжская семинарія расположена на одной изъ малолюдныхъ улицъ города и имѣетъ довольно обширный (около десятины) садъ, прилегающій къ задней сторонѣ семинарскаго зданія. Нахожденіе при всѣхъ семинаріяхъ округа, исключая Полоцкой, садовъ-огородовъ имѣетъ весьма важное значеніе въ гигіеническомъ и воспитательномъ отношеніяхъ, такъ какъ здѣсь воспитанники семинарій находятъ отдыхъ отъ своихъ занятій и пріучаются исполнять всѣ огородныя и садовыя работы.

При всѣхъ семинаріяхъ округа имѣются домовыя церкви, помѣщающіяся въ центральныхъ зданіяхъ семинарій, такъ что воспитанники имѣютъ полную возможность посѣщать ихъ. Насколько это обстоятельство имѣетъ большое значеніе въ воспитательномъ отношеніи для учениковъ семинарій, будетъ сказано ниже. Въ данномъ случаѣ замѣтимъ только, что домовыя церкви учительскихъ семинарій округа, украшенныя многими пожертвованіями постороннихъ лицъ, а также учащихся, по своему убранству и благочинію совершаемаго въ нихъ богослуженія, являются вполнѣ благолѣпными храмами.

Другою особенностью семинарій округа являются имѣющіяся при всѣхъ ихъ общеученическія квартиры. Эти послѣднія помѣщаются въ особо устроенныхъ или приспособленныхъ для этой цѣли каменныхъ (въ семинаріяхъ Полоцкой, Поневѣжской и Свислочской) или деревянныхъ (Молодечненской и Несвижской) домахъ. Общеученическія квартиры при семинаріяхъ округа, исключая квартиры при семинаріи Полоцкой, настолько обширны, что въ нихъ помѣщаются всѣ наличные воспитанники семинарій. Недостаточная помѣстительность квартиры при Полоцкой семинаріи для наличнаго числа воспитанниковъ ея вынуждаетъ нанимать въ городѣ, у мѣстныхъ мѣщанъ, двѣ довольно обширныя квартиры для своекоштныхъ учениковъ семинаріи и для учениковъ приготовительнаго класса. Благодаря существованію ученическихъ квартиръ при семинаріяхъ округа воспитанники этихъ заведеній имѣютъ для себя сухое, свѣтлое и теплое помѣщеніе съ кроватью, столикомъ для книгъ и другихъ вещей и шкафомъ для верхняго платья.

Существованіе при семинаріяхъ округа общеученическихъ квартиръ имѣетъ большое значеніе и въ воспитательномъ отношеніи. Благодаря квартирамъ жизнь учениковъ устраивается по опредѣленному порядку, строго согласованному съ воспитательными и гигіеническими требованіями, за точнымъ исполненіемъ которыхъ, вслѣдствіе нахожденія воспитанниковъ семинарій въ одномъ мѣстѣ, дежурные наставники, директоръ и законоучитель имѣютъ возможность слѣдить съ полнымъ удобствомъ.

Благодаря существованію общеученическихъ квартиръ при учительскихъ семинаріяхъ округа, съ давняго времени содержаніе воспитанниковъ этихъ заведеній организовано на артельныхъ началахъ. Такой порядокъ веденія ученическаго хозяйства, какъ показалъ опытъ многихъ лѣтъ, оказывается самымъ лучшимъ въ видахъ предупрежденія всякихъ недоразумѣній между воспитанниками и семинарскимъ начальствомъ. Всѣ воспитанники, живущіе въ общежитіи, равномѣрно несутъ расходы: на общій столъ, отопленіе, освѣщеніе, прислугу, мытье бѣлья и прочія хозяйственныя нужды. Всѣ необходимые продукты и матеріалы для содержанія артели или доставляются подрядчикомъ по условленной заранѣе самими же воспитанниками цѣнѣ, или же покупаются въ лавкахъ или на рынкѣ по вольнымъ цѣнамъ. Пріемъ продуктовъ отъ подрядчиковъ и выдача ихъ на кухню производится особо выбранными воспитанниками-артельщиками, подъ наблюденіемъ и руководствомъ завѣдывающаго хозяйственной частью артели наставника семинаріи. Приходъ продуктовъ записываютъ завѣдывающій артелью наставникъ въ своемъ журналѣ, а артельщикъ въ своемъ. Расходъ ведутъ артельщики, сообразуясь съ росписаніемъ блюдъ, составленнымъ завѣдывающимъ хозяйствомъ артели наставникомъ и врачемъ семинаріи и утвержденнымъ директоромъ семинаріи. Въ росписаніи обозначено количество извѣстнаго продукта на извѣстное блюдо, дневной расходъ продуктовъ, а также стоимость содержанія артели въ день. По истеченіи мѣсяца завѣдывающій хозяйствомъ артели наставникъ по своему журналу опредѣляетъ мѣсячный расходъ продуктовъ и общую ихъ стоимость, артельщики же сводятъ такой же счетъ по имѣющемуся у нихъ журналу. По сличеніи счетовъ, производится окончательный расчетъ и объявляется воспитанникамъ сумма, причитающаяся за мѣсячное содержаніе въ артели каждаго воспитанника. Мѣсячный расходъ воспитанники записываютъ въ свои расчетныя книжки. Эти книжки, имѣю-

щіяся у каждаго воспитанника, куда записываются рѣшительно всѣ расходы воспитанниковъ, равно какъ и получаемыя ими казенныя и частныя суммы, даютъ возможность въ каждый данный моментъ опредѣлить наличныя средства каждаго воспитанника семинаріи.

Артельное содержаніе воспитанниковъ семинаріи значительно уменьшаетъ хозяйственные ихъ расходы, которые вообще не велики, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ за три послѣдніе года. Ежемѣсячный расходъ па содержаніе каждаго воспитанника въ артели съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, прислугой, мытьемъ бѣлья и прислугою въ 1895 г. равнялся: въ Молодечненской семинаріи 5 руб., Полоцкой 6 руб. 50 коп., Поневѣжской 4 руб. 36 коп., Несвижской 4 руб. 50 коп. и Свислочской 4 руб. 5 коп.; въ 1896 г.—въ Молодечненской семинаріи до 5 руб., Полоцкой 6 руб., Поневѣжской 4 руб. 46 коп., Несвижской 5 руб. и Свислочской 4 руб. 33 коп.; въ 1897 г.—въ Молодечненской семинаріи—до 5 руб., въ Полоцкой отъ 5 руб. 50 коп. до 6 руб. 50 руб. Поневѣжской 4 руб. 65 коп., Несвижской—4 руб.—4 руб. 75 коп. и Свислочской—4 руб 63 коп. въ мѣсяцъ. За столь недорогую плату воспитанники семинарій имѣютъ простой, сытный и свѣжій столъ (завтракъ, обѣдъ и ужинъ), отопленіе, освѣщеніе, прислугу и мытье бѣлья. Вслѣдствіе того, что содержаніе учениковъ стóитъ вообще не дорого, изъ получаемыхъ учениками стипендій остается сумма, вполнѣ достаточная на пріобрѣтеніе одежды, бѣлья и обуви. У нѣкоторыхъ учениковъ, вслѣдствіе экономіи въ расходахъ, къ концу семинарскаго курса образуется остатокъ въ нѣсколько десятковъ рублей. Въ видахъ пріученія семинаристовъ къ сбереженію своихъ маленькихъ средствъ имъ рекомендуется вносить эти послѣднія, какъ бы они малы ни были, въ мѣстную сберегательную кассу, чѣмъ многіе изъ нихъ и пользуются. Не мало также встрѣчается среди воспитанниковъ семинарій округа лицъ, которыя изъ своихъ скудныхъ сбереженій помогаютъ бѣднымъ роднымъ.

Таковъ хозяйственный бытъ учениковъ учительскихъ семинарій Виленскаго учебнаго округа.

Въ учительскихъ семинаріяхъ округа и состоящихъ при нихъ приготовительныхъ классахъ учатся главнымъ образомъ дѣти крестьянъ; разночинцы среди нихъ рѣдкое и притомъ мало желательное явленіе: въ то время какъ изъ дѣтей крестьянъ въ учительскія семинаріи поступаютъ обыкновенно лучшіе ученики народныхъ училищъ, изъ раз-

ночинцевъ въ нихъ нерѣдко попадаютъ неудачники, побывавшіе уже въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и вынужденные удалиться оттуда по малоуспѣшности и другимъ причинамъ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ общемъ числѣ учащихся въ учительскихъ семинаріяхъ округа дѣти крестьянъ составляли: въ 1895 г. въ нормальныхъ классахъ семинарій 86% и въ приготовительныхъ 90,8% всего числа учащихся; въ 1896 г. въ нормальныхъ классахъ 85,8% и приготовительныхъ 87,8% и въ 1897 г. въ нормальныхъ классахъ 87,4% и приготовительныхъ 86%. Таковое же процентное отношеніе лицъ крестьянскаго сословія къ общему числу учащихся въ учительскихъ семинаріяхъ округа было и въ прежнее время, то-есть въ числѣ учениковъ семинарій разночинцевъ было не болѣе 15%. Такимъ образомъ учительскія семинаріи Виленскаго учебнаго округа всегда оставались вѣрны принципу учить народъ посредствомъ лицъ изъ народа же. Въ указанномъ обстоятельствѣ заключается важное преимущество и залогъ успѣха названныхъ учебныхъ заведеній предъ такими же заведеніями, но съ контингентомъ учащихся изъ разночинцевъ. Лица крестьянскаго сословія, поступающія въ семинаріи, являются въ огромномъ большинствѣ съ лучшими качествами, которыя характеризуютъ нашъ простой народъ: они отличаются искреннею религіозностью, сердечностью отношеній къ ближнимъ, любовью къ простому народу, простотою вкусовъ и привычекъ. Изъ этихъ лицъ по окончаніи семинаріи выходятъ лучшіе народные наставники, знающіе нужды и потребности народа, знакомые съ свѣтлыми и темными сторонами его быта, любящіе народъ, преданные дѣлу учительства, которому они нерѣдко посвящаютъ всю свою жизнь. У разночинцевъ этихъ качествъ часто не бываетъ. Многолѣтнія наблюденія показываютъ, что проступки разнаго рода наиболѣе часты среди учениковъ семинарій изъ разночинцевъ.

Процентъ учащихся изъ крестьянскаго сословія не во всѣхъ семинаріяхъ округа одинаковъ—въ однихъ онъ больше, въ другихъ—меньше. Наибольшій % разночинцевъ въ числѣ учащихся наблюдается въ семинаріи Поневѣжской: въ 1895 г. такихъ лицъ въ ней было 15,4%, въ 1896 г.—28,3% и въ 1897 г.—26,4% всего числа учащихся въ названной семинаріи. Въ остальныхъ семинаріяхъ округа % сказанныхъ лицъ въ числѣ учениковъ колеблется между 7—14%. Причина указаннаго явленія въ Поневѣжской семинаріи заключается въ томъ, что православное крестьянское населеніе Ковенской губерніи очень незначительно и вслѣдствіе этого не можетъ доставлять

вполнѣ достаточный контингентъ учащихся для учительской семинаріи, который вслѣдствіе этого пополняется лицами изъ разночинцевъ. Въ зависимости отъ указаннаго обстоятельства въ названной семинаріи наблюдается и другаго рода явленіе: въ то время, какъ во всѣхъ прочихъ семинаріяхъ округа контингентъ учащихся крестьянскаго населенія пополняется почти исключительно уроженцами тѣхъ губерній, гдѣ находится учительская семинарія, въ семинаріи Поневѣжской этотъ контингентъ составляется изъ лицъ, принадлежащихъ преимущественно къ уроженцамъ другихъ губерній округа.

Общее число учащихся во всѣхъ семинаріяхъ округа простирается ежегодно до 450 чел., то-есть до 90 чел. на каждую семинарію округа въ среднемъ. Количество желающихъ поступить въ учительскія семинаріи округа ежегодно далеко превышаетъ количество имѣющихся вакансій; такъ, въ послѣдніе годы къ вступительнымъ экзаменамъ явилось: въ 1895 г. — 362 чел., въ 1896 г.—409 чел. и въ 1897 г. — 402 чел., то-есть вдвое болѣе сравнительно съ числомъ имѣвшихся вакансій. Изъ числа принятыхъ въ семинаріи округа на собственномъ содержаніи многіе выбываютъ изъ семинарій по недостатку средствъ содержанія. Это обстоятельство служитъ причиною того, что учительскія семинаріи округа не отличаются желательною численностью учащихся, особенно въ виду необходимости увеличенія числа народныхъ учителей по причинѣ открытія съ каждымъ годомъ новыхъ народныхъ училищъ.

При всѣхъ семинаріяхъ округа имѣются приготовительные классы. Существованіе ихъ вызывается недостаткомъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ двухклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, ученики которыхъ могутъ представить вполнѣ подготовленный контингентъ для названныхъ учебныхъ заведеній. Приготовительные классы при семинаріяхъ по своему курсу соотвѣтствуютъ симъ училищамъ. Насколько важное значеніе названные классы имѣютъ для учительскихъ семинарій округа въ отношеніи подготовки учениковъ къ поступленію въ эти заведенія, видно изъ того, что составъ воспитанниковъ въ семинаріяхъ округа комплектуется главнымъ образомъ изъ учениковъ сихъ классовъ. Лицъ, поступающихъ непосредственно въ семинаріи округа, обыкновенно бываетъ очень мало, не болѣе 10 чел.

Въ учительскихъ семинаріяхъ Виленскаго учебнаго округа, согласно положенію о нихъ, равно какъ и въ приготовительныхъ при

сихъ заведеніяхъ классахъ, обучаются лица исключительно православнаго исповѣданія.

Учебный курсъ учительскихъ семинарій Виленскаго учебнаго округа указанъ съ достаточною опредѣленностью инструкціей для сихъ заведеній 4-го іюля 1875 г., но въ постановкѣ нѣкоторыхъ предметовъ преподаванія имѣются нѣкоторыя особенности.

Преподаваніе въ семинаріяхъ закона Божія совершается подъ живымъ вліяніемъ церкви. Въ основу преподаванія закона Божія положено изученіе подлинныхъ мѣстъ Св. Писанія и изъ богослужебныхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ истины вѣры и благочестія, излагаемыхъ въ разныхъ отдѣлахъ курса закона Божія. Избранныя мѣста изъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ читаются въ классѣ съ надлежащими объясненіями и съ религіозно-нравственнымъ выводомъ изъ нихъ для учащихся относительно жизни и поведенія сихъ послѣднихъ. Многія изъ мѣстъ Св. Писанія, а равно праздничныя евангельскія и апостольскія чтенія, а также и нѣкоторые изъ псалмовъ заучиваются наизусть. Кромѣ того заучиваются праздничные тропари, догматики, ирмосы каноновъ воскресныхъ и праздничныхъ. Вообще все преподаваніе закона Божія направлено къ тому, чтобы сдѣлать учащихся добрыми христіанами, честными гражданами и полезными учителями народа. Въ приготовительномъ классѣ семинарій изъ курса закона Божія проходится священная исторія ветхаго и новаго завѣта, въ I классѣ — церковная исторія, во II — катехизисъ и въ III классѣ — изучается богослуженіе православной церкви съ повтореніемъ всего пройденнаго. Усвоеніе учащимися богослужебныхъ пѣснопѣній, апостольскихъ и евангельскихъ чтеній облегчается вслѣдствіе дѣятельнаго участія, въ качествѣ чтецовъ и пѣвцовъ, воспитанниковъ семинарій во всѣхъ праздничныхъ и воскресныхъ богослуженіяхъ.

Преподаваніе церковно-славянскаго языка, распредѣленное между законоучителемъ и учителемъ русскаго языка, идетъ въ тѣсной связи съ преподаваніемъ закона Божія: на урокахъ этого языка читаются, объясняются и переводятся на русскій языкъ тѣ мѣста Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, которыя подлежатъ изученію на урокахъ закона Божія. Вмѣстѣ съ этимъ изучаются формы церковнославянскаго языка, что̀ облегчаетъ изученіе языка русскаго. Все преподаваніе названнаго предмета направлено къ тому, чтобы научить воспитанниковъ семинарій понимать текстъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, толково и правильно читать и пѣть въ церкви и обучать этому языку учениковъ народныхъ училищъ. Введенное

съ 1888 г., по предложенію попечителя округа, въ кругъ занятій воспитанниковъ семинарій церковно-славянское письмо, въ видахъ лучшаго ознакомленія съ славянскимъ языкомъ, продолжаетъ существовать и въ настоящее время и оказывать надлежащее содѣйствіе достиженію указанной цѣли. Большинство воспитанниковъ въ искуствѣ, церковно-славянскаго письма достигаетъ значительный степени совершенства; большая часть работъ ихъ отличается не только правильностью, но и изяществомъ исполненія.

Преподаваніе русскаго языка, принаровленное къ практическимъ потребностямъ учащихся, какъ будущихъ народныхъ наставниковъ, имѣетъ въ виду научить ихъ правильно говорить и писать на родномъ языкѣ, а также сообщить умѣнье обучать другихъ родному языку. Преподаваніе ведется практическимъ путемъ и основывается на обязательномъ чтеніи и изученіи прозаическихъ и поэтическихъ отрывковъ, а также цѣлыхъ произведеній образцовыхъ русскихъ писателей. Въ виду особенностей бѣлорусскаго говора, которымъ отличается рѣчь большинства поступающихъ въ семинаріи окружныхъ лицъ, наставниками русскаго языка, равно какъ и прочими преподавателями, обращается самое строгое вниманіе на правильность рѣчи учащихся, и при отвѣтахъ тщательно исправляется каждая погрѣшность въ этомъ отношеніи. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ округа на рукахъ у учащихся имѣются составленные наставниками рукописные словари, въ которыхъ въ алфавитномъ порядкѣ записаны наиболѣе встрѣчающіяся въ рѣчи воспитанниковъ ошибки, противъ каждой изъ которыхъ указано и правильное произношеніе слова. При помощи такихъ словарей учащіеся значительно исправляютъ свою рѣчь. Умѣнье правильно излагать свои мысли на письмѣ воспитанниками семинарій округа достигается посредствомъ классныхъ и домашнихъ письменныхъ работъ. Домашнія работы воспитанниковъ по всѣмъ предметамъ учебнаго курса на избранныя заранѣе педагогическимъ совѣтомъ семинаріи и одобренныя попечителемъ округа темы исполняются учениками приготовительнаго и I классовъ каждые 7 дней, учениками II класса—каждые 10 дней и учениками III класса—каждые 20 дней. Классныя письменныя работы назначаются ученикамъ по мѣрѣ надобности. Всѣ письменныя работы учениковъ какъ по русскому языку, такъ и по другимъ предметамъ учебнаго курса, исправленныя преподавателями и просмотрѣнныя директорами семинарій, сохраняются въ семинаріяхъ въ теченіе трехъ лѣтъ для предъявленія ихъ лицамъ, ревизующимъ семинаріи.

Преподаваніе отечественной исторіи, наряду съ вышеуказанными предметами семинарскаго курса, въ виду историческихъ особенностей прошедшей судьбы сѣверо-западнаго края Россіи, составляетъ предметъ, пользующійся особымъ вниманіемъ. При прохожденіи курса названнаго предмета особенно подробно излагается исторія мѣстнаго края, при чемъ выясняются не только главныя событія, имѣвшія рѣшающее вліяніе на судьбу его, но и второстепенныя. При этомъ въ каждой семинаріи округа съ особенною подробностью разрабатывается исторія данной мѣстности, напримѣръ въ Полоцкой семинаріи исторія Полоцкаго и Витебскаго княжествъ, въ Несвижской — исторія княжествъ Пинскаго, Туровскаго и др., бывшихъ въ предѣлахъ нынѣшней Минской губерніи.; въ семинаріи Поневѣжской съ особенною подробностью излагаются свѣдѣнія о Литвѣ и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ посредствомъ разнаго рода изданій учащіеся знакомятся съ памятниками православно-русской старины, сохранившимися въ сѣверо-западномъ краѣ. Вооруженные такими историческими знаніями воспитанники учительскихъ семинарій округа по выходѣ изъ заведеній являются лицами съ правильнымъ взглядомъ на судьбу своего отечества вообще и своего роднаго края въ частности. Они оказываются способными дать отвѣтъ всѣмъ и особенно тѣмъ, которые намѣренно извращаютъ судьбу западнаго края Россіи.

Наряду съ вышеуказанными предметами преимущественное вниманіе обращается также на обученіе воспитанниковъ семинарій пѣнію какъ церковному, такъ и свѣтскому. Во всѣхъ семинаріяхъ округа обучаются пѣнію всѣ воспитанники; непоющихъ насчитывается очень мало—не болѣе одного, двухъ человѣкъ въ каждомъ классѣ. Преподаваніе пѣнія воспитанникамъ семинарій направлено не только къ тому, чтобы развить въ учащихся художественное музыкальное чувство и способность понимать музыкальную грамоту съ умѣньемъ пользоваться ею, но и къ тому, чтобы познакомить воспитанниковъ съ церковнымъ и свѣтскимъ пѣніемъ настолько, чтобы они сами впослѣдствіи могли обучать пѣнію въ народныхъ училищахъ. Сообразно съ этими цѣлями учебный курсъ пѣнія состоитъ изъ слѣдующихъ частей: изученіе съ воспитанниками церковныхъ пѣснопѣній всего круга православнаго богослуженія, сообщеніе свѣдѣній, необходимыхъ для пѣнія по нотамъ, и ознакомленіе учащихся съ лучшими образцами свѣтскаго пѣнія, преимущественно съ народною и литературною русскою пѣсней. Все преподаваніе имѣетъ строго практическій характеръ: всѣ сообщенныя учащимся свѣдѣнія по теоріи пѣнія и музыки

выводятся изъ примѣровъ и образцовъ, разучиваемыхъ въ классѣ. Учащіеся ознакомлены съ образцовыми произведеніями духовныхъ и свѣтскихъ композиторовъ, которыя исполняются ими на литературно-вокальныхъ вечерахъ и существующихъ при семинаріяхъ воскресныхъ и праздничныхъ чтеніяхъ. Всѣ пѣснопѣнія годичнаго круга православнаго богослуженія воспитанники знаютъ твердо и стройно исполняютъ ихъ на два хора въ домовыхъ семинарскихъ церквахъ. Нѣкоторыя пѣснопѣнія всенощнаго бдѣнія и литургіи исполняются всѣми учащимися.

Въ связи съ преподаваніемъ пѣнія стоитъ производящееся во всѣхъ семинаріяхъ округа обученіе воспитанниковъ этихъ заведеній музыкѣ. Музыкой занимаются всѣ воспитанники нормальныхъ классовъ, исключая малоспособныхъ и неуспѣвающихъ, которые отъ этихъ занятій освобождаются. Обученіе музыкѣ за плату, вносимую учащимися изъ собственныхъ средствъ, производится или особыми, спеціальными учителями, или же капельмейстерами мѣстныхъ полковъ. Занятія музыкою происходятъ во внѣучебное, преимущественно послѣобѣденное время. Учащіеся занимаются главнымъ образомъ игрою на скрипкѣ, но имѣются также играющіе и на другихъ инструментахъ, такъ что изъ учащихся составлены небольшіе оркестры. Эти послѣдніе обыкновенно играютъ на устраиваемыхъ въ семинаріяхъ отъ времени до времени вокально-музыкальныхъ вечерахъ.

Во всѣхъ семинаріяхъ округа производится обученіе военной гимнастикѣ, подъ руководствомъ офицеровъ или состоящихъ въ запасѣ нижнихъ чиновъ.

Въ Поневѣжской учительской семинаріи производится преподаваніе жмудскаго языка, такъ какъ воспитанникамъ ея по окончаніи курса приходится служить въ должности народныхъ наставниковъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ знаніе этого языка для успѣха учебнаго дѣла существенно необходимо. На урокахъ жмудскаго языка разрабатывается главнымъ образомъ матеріалъ, подлежащій изученію въ I отдѣленіи народныхъ училищъ, такъ какъ ученики старшихъ отдѣленій уже научаются владѣть русскимъ языкомъ. На этихъ урокахъ переводятся съ русскаго языка на жмудскій статьи, подлежащія чтенію въ I отдѣленіи изъ принятой въ школахъ книги для чтенія, а также ариѳметическія задачи, которыя должны быть рѣшены въ этомъ отдѣленіи, и ведется такъ называемый учебный разговоръ. Къ концу учебнаго курса учащіеся пріобрѣтаютъ навыкъ достаточно свободно объясняться по-жмудски. Какъ результатъ успѣшныхъ занятій уче-

никовъ жмудскимъ языкомъ можетъ быть указанъ сдѣланный ими переводъ на жмудскій языкъ книжки Грелля: „Доходное плодоводство“.

Насколько успѣшно проходится учебный курсъ въ семинаріяхъ округа видно, между прочимъ, изъ того, что % переведенныхъ въ старшіе классы учениковъ колеблется между 82% и 90% и что количество лицъ, выбывающихъ изъ выпускнаго класса семинарій округа со свидѣтельствами о времени пребыванія въ семинаріи, не бываетъ ежегодно болѣе 2—3. Въ иные годы такихъ лицъ совершенно не бываетъ.

Успѣшное выполненіе учебнаго курса учениками учительскихъ семинарій округа засвидѣтельствовано мѣстными архипастырями и другими почетными лицами, посѣщавшими эти учебныя заведенія въ учебное время или во время производившихся въ нихъ экзаменовъ и оставившими записи въ книгѣ для почетныхъ посѣтителей о вынесенномъ ими впечатлѣніи отъ посѣщенія семинаріи. Таковы записи въ книгѣ молодечненской учительской семинаріи: „20 и 21 сентября 1886 года Алексій, архіепископъ литовскій, слышалъ прекрасное чтеніе воспитанниковъ въ церкви и пѣніе и посѣтилъ семинарію, призвавъ на нее Божіе благословеніе и помощь трудящимся въ обученіи другихъ и себя“. „12 іюня 1887 года Антонинъ, епископъ ковенскій, викарій литовской епархіи, съ полнымъ удовольствіемъ слушалъ разумные, обстоятельные и основательные отвѣты воспитанниковъ семинаріи“. 26-го мая 1888 года Антонинъ, епископъ ковенскій, присутствовавшій на испытаніи учениковъ молодечненской учительской семинаріи по закону Божію, „нашелъ успѣхи ихъ по этому предмету вполнѣ удовлетворительными“. „1890 года мая 18-го дня на экзаменѣ по закону Божію успѣхи воспитанниковъ III класса нашелъ вполнѣ удовлетворительными. Кириллъ, епископъ ковенскій“. „9-го марта 1896 г. посѣтивъ Молодечненскую учительскую семинарію и съ наслажденіемъ прослушалъ стройное пѣніе ученическаго хода. Виленскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ Фрезе“ и т. д.

Столь же лестные отзывы сдѣланы въ книгахъ и другихъ семинарій посѣщавшими ихъ мѣстными іерархами, высшими представителями мѣстной администраціи, представителями дворянства и т. д.

Эти записи свидѣтельствуютъ о вполнѣ основательномъ усвоеніи учащимися главнаго предмета учебнаго курса—Закона Божія, опредѣляющаго нравственный складъ и направленіе учащихся. Нѣкоторыя изъ записей свидѣтельствуютъ объ успѣшности учащихся и

по другимъ предметамъ курса, о правильной постановкѣ всего обученія и воспитанія. Въ такомъ же лестномъ духѣ оставлены записи въ книгѣ Молодечненской учительской семинаріи: министрами народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстымъ и гр. И. Д. Деляновымъ, начальниками края Альбединскимъ и Кохановымъ, архіепископомъ Макаріемъ и др.; въ книгѣ для почетныхъ посѣтителей Несвижской семинаріи—Симеономъ, епископомъ минскимъ и туровскимъ; въ такой же книгѣ Поневѣжской семинаріи—викарными епископами Христофоромъ, Григоріемъ и Кирилломъ и т. д.

Вмѣстѣ съ изученіемъ учебнаго курса въ учительскихъ семинаріяхъ округа шли и практическія упражненія воспитанниковъ этихъ заведеній въ учебной практикѣ въ находящихся при семинаріяхъ начальныхъ училищахъ, которыя, вслѣдствіе ихъ многолюдства, представляли для такой практики большія удобства. Практическія занятія воспитанниковъ были организованы въ общемъ согласно съ указаніями по сему предмету инструкціи для учительскихъ семинарій министерства народнаго просвѣщенія, но въ частностяхъ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ округа существовали небольшія отличія, въ этомъ отношеніи. Всѣхъ практическихъ уроковъ въ 1897 г. было дано: въ Молодечненской семинаріи 131, Полоцкой 172, Поневѣжской 179, Несвижской 239 и Свислочской 222. Изъ всего числа данныхъ практическихъ уроковъ только 13 были признаны педагогическими собраніями по разбору уроковъ неудовлетворительными. Столь утѣшительные результаты въ педагогической практикѣ воспитанниковъ семинарій округа объясняются тѣмъ, что каждый изъ практикантовъ, во время посѣщенія училища, ежедневно даетъ по одному и по два урока подъ руководствомъ учителя начальнаго училища, вслѣдствіе чего еще прежде исполненія уроковъ по назначенію, по предварительно составленному плану, учащіеся уже привыкаютъ и къ школѣ и къ веденію въ ней учебнаго дѣла.

Вмѣстѣ съ учебно-практическими занятіями происходятъ упражненія выпускныхъ семинаристовъ и въ воспитательномъ надзорѣ за учениками начальнаго при семинаріи училища. Практиканты наблюдаютъ за всѣми учениками начальнаго училища въ школѣ и въ церкви: они слѣдятъ, чтобы ученики начальнаго училища своевременно являлись въ классъ, чтобы одежда ихъ была въ порядкѣ, чтобы руки и лицо ихъ были тщательно вымыты, чтобы ученики занимали одни и тѣ же мѣста въ классѣ и въ церкви, чтобы они въ церковь шли попарно и благоговѣйно стояли бы въ ней; въ свободное отъ занятій

время наблюдатели стараются занять учащихся соотвѣтственными играми или чтеніемъ книгъ. Кромѣ того, каждый изъ выпускныхъ воспитанниковъ наблюдаетъ за извѣстною группой учениковъ училища въ теченіе всего года—слѣдитъ за ихъ успѣхами и поведеніемъ и является отвѣтственнымъ въ этомъ отношеніи предъ директоромъ семинаріи.

Обученіе ремесламъ въ учительскихъ семинаріяхъ Виленскаго учебнаго округа имѣетъ практическій характеръ, установившійся уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ: оно направлено главнымъ образомъ на удовлетвореніе текущихъ нуждъ семинарій въ настоящемъ и неотложныхъ надобностей въ сферѣ хозяйственной обстановки самихъ воспитанниковъ въ будущемъ. Вслѣдствіе этого въ семинаріяхъ округа преподаются столярное, токарное и отчасти выпильное ремесла. Несмотря на краткость времени (2 часа въ недѣлю), назначеннаго на занятія ремеслами, учащіеся достигаютъ удовлетворительныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи: пріобрѣтаютъ умѣнье владѣть инструментами и усвояютъ навыкъ изготовлять разныя простыя вещи для домашняго обихода. Учащіеся также занимаются ручнымъ трудомъ, хотя въ самомъ элементарномъ видѣ, вслѣдствіе отсутствія надлежаще подготовленныхъ къ тому учителей.

Въ Молодечненской семинаріи въ 1897 г. всѣхъ предметовъ было сдѣлано воспитанниками 211; изъ нихъ 116 по столярному, 73 по токарному и 22 по выпильному ремесламъ. Изъ столярныхъ работъ обращаютъ на себя вниманіе сдѣланныя для физическаго кабинета центробѣжная машина и коллекція геометрическихъ тѣлъ.

Воспитанниками Полоцкой семинаріи въ томъ же году, кромѣ мелкихъ предметовъ, въ родѣ ложекъ, рамокъ и т. п., были сдѣланы футляры для скрипокъ, чемоданы, шкатулки и шкафики для общежитія.

Въ Поневѣжской семинаріи въ 1897 г. было сдѣлано воспитанниками до 600 работъ. Семинарія участвовала въ 1896 г. на Всероссійской промышленно-художественной выставкѣ экспонатами по ручному труду, которые были замѣчены экспертами и заслужили одобреніе.

Воспитанниками Несвижской семинаріи въ 1897 г. сдѣлано: 10 сосновыхъ табуретовъ для квартиръ и больницъ, большой сосновый шкафъ, наклонная гимнастическая лѣстница, отталкивающая гимнастическая доска и двѣ къ ней стойки для прыганья въ высоту.

Ученики II и III классовъ Свислочской семинаріи въ 1897 г. исполнили слѣдующія работы: улей системы Левицкаго для семинар-

ской пасѣки, 10 оградокъ въ видѣ треугольной усѣченной пирамиды для защиты молодыхъ деревьевъ, два улья системы Дацана, шесть сосновыхъ табуретовъ и др.

Занятія садоводствомъ и огородничествомъ происходятъ во всѣхъ семинаріяхъ округа, исключая Полоцкой, гдѣ отсутствіе свободной земли и нахожденіе семинаріи въ центрѣ города дѣлаютъ эти занятія совершенно невозможными.

Въ Молодечненской семинаріи курсъ огородничества и садоводства изучается отдѣльно, въ теченіе двухъ лѣтъ каждый; огородничествомъ занимаются ученики приготовительнаго и I классовъ и садоводствомъ—ученики II и III классовъ. Воспитанники на опытѣ, при обработкѣ семинарскаго сада и огорода, въ достаточной мѣрѣ усвояютъ кругъ годичныхъ работъ по устройству сада, питомника и огорода и уходу за ними. Весь опытный огородъ разбитъ на участки по числу воспитанниковъ-огородниковъ. Каждый воспитанникъ получаетъ въ свое завѣдываніе небольшой, въ 3 грядки, участокъ земли, который онъ долженъ своевременно воздѣлывать, обсѣменять и ухаживать за растеніями въ немъ. Дѣло ведется такъ, что каждый воспитанникъ-огородникъ культивируетъ всѣ виды русскихъ овощей, свойственныхъ мѣстному климату. Каждой работѣ учениковъ предпосылается краткая бесѣда наставника-руководителя, закрѣпляющаяся тутъ-же личнымъ его опытомъ. Всѣ собранные продукты съ ученическаго огорода поступаютъ въ собственность ученической артели.

Благодаря успѣшнымъ работамъ учениковъ по садоводству Молодечненская семинарія въ 1897 г. имѣла возможность расширить кругъ своей дѣятельности по проведенію въ народную среду полезныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній, оказать содѣйствіе народной школѣ матеріальною поддержкою въ видѣ надѣленія школы прививками плодовыхъ деревьевъ изъ семинарскаго питомника. Въ этомъ году были снабжены прививками 9 училищъ Виленской губерніи и 1 училище Гродненской, по 20 штукъ каждое. Кромѣ того, семинарія располагаетъ выращенными трехъ-и-четырехлѣтними прививками плодовыхъ деревьевъ въ количествѣ достаточномъ, для надѣленія еще 60—65 школъ, считая на каждую по 20—25 штукъ деревьевъ. Прививки разсылаются школамъ по просьбамъ учителей или волостныхъ правленій безмездно.

Воспитанники Поневѣжской семинаріи, въ установленную очередь, весною и осенью исполняютъ всѣ садовыя работы. Въ 1897 г. перепривиты 17 деревьевъ и, между прочимъ, 3 сливы окулированы абри-

косомъ. Уже испытанныя въ прежніе годы въ условіяхъ мѣстнаго климата устойчивость и плодоношеніе привитыхъ на сливѣ абрикосовъ расположили надеждой на успѣхъ сдѣлать эту новую, можетъ быть, слишкомъ смѣлую пробу. Въ февралѣ мѣсяцѣ воспитанники старшаго класса въ свободные отъ учебныхъ занятій часы упражняются въ зимней копулировкѣ дичковъ яблонь и грушъ. Всего привито ими въ 1897 г. до 560 штукъ. Въ апрѣлѣ же ихъ трудами эти прививки высажены въ питомникъ. Весной 1897 г. былъ засаженъ на восьми площадяхъ, послѣ перекопки ихъ на перевалъ, новый питомникъ плодовыхъ деревьевъ, высажены въ парникахъ и на паровыхъ грядахъ ранняя зелень, овощи и разсада для цвѣтниковъ и огорода. Послѣдніе дали воспитанникамъ весною хорошую практику въ посѣвѣ огородныхъ растеній и уходѣ за ними, а осенью щедро вознаградили ихъ за труды.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ начата безмездная разсылка посадочнаго матеріала для садиковъ при народныхъ училищахъ Ковенской губерніи. Въ 1897 г. выслано весною и осенью 680 деревьевъ, что вмѣстѣ съ высланными въ прежніе годы составляетъ 1792 шт.

Ученики Несвижской семинаріи занимаются исполненіемъ разнаго рода садовыхъ и огородныхъ работъ въ имѣющихся при семинаріяхъ садахъ, а также поддерживаютъ чистоту въ нихъ. На дворѣ семинаріи въ 1897 г. произведена посадка парковыхъ деревъ и кустарниковъ.

Занятія по садоводству и огородничеству въ Свислочской семинаріи производятся въ имѣющихся при семинаріи небольшомъ садѣ, питомникѣ и огородѣ. Въ 1897 г. въ питомникѣ произведенъ на семи грядахъ посѣвъ сѣмянъ яблони, груши, дуба, граба и каштана; на двухъ грядахъ посажено 80 экз. однолѣтнихъ кленовъ и каштановъ; пересажены прошлогодніе сѣянцы яблоневыхъ, грушевыхъ и вишневыхъ дичковъ, произведена прививка яблоневыхъ игрушевыхъ дичковъ, и т. д. При участіи воспитанниковъ всѣхъ классовъ въ семинарскомъ скверѣ посажено 18 экз. деревъ разнообразныхъ лиственныхъ породъ. Въ томъ же скверѣ воспитанниками поддерживаются порядокъ и чистота дорожекъ и площадки. Въ семинарскомъ огородѣ были посажены сѣмена разныхъ овощей лучшихъ породъ. При усердномъ уходѣ со сторог воспитанниковъ за огородомъ получился обильный урожай, давшій воспитанникамъ большой запасъ овощей на зиму.

Для занятій по пчеловодству при семинаріи существуетъ небольшая насѣка, открытая въ 1896 г. Въ 1897 г. она состояла изъ пяти

пчелиныхъ семействъ. Теоретическія свѣдѣнія по пчеловодству сообщались воспитанникамъ на урокахъ естествовѣдѣнія и касались подробнаго ознакомленія съ жизнью пчелъ и составомъ пчелиной семьи. Практическія свѣдѣнія по тому же предмету сообщались учащимся весною и осенью во внѣурочное время на пасѣкѣ. Къ практическимъ занятіямъ привлекаются преимущественно воспитанники старшаго класса семинаріи.

Воспитательный строй учительскихъ семинарій Виленскаго учебнаго округа организованъ во всемъ согласно съ указаніями инструкціи для учительскихъ семинарій министерства народнаго просвѣщенія (4-го іюля 1875 г.) и особо установленными правилами для воспитанниковъ учительскихъ семинарій Виленскаго учебнаго округа (1-го августа 1877 г.). Главная цѣль воспитательной дѣятельности всѣхъ членовъ педагогическихъ корпорацій названныхъ учебныхъ заведеній состоитъ въ томъ, чтобы насадить и возрастить въ учащихся сѣмена вѣры и благочестія въ духѣ православной христіанской церкви, подготовить изъ нихъ честныхъ, нелицемѣрныхъ и преданныхъ слугъ государства, искренно любящихъ Государя и Отечество, а также и то трудное и отвѣтственное дѣло, къ которому они спеціально готовятся — дѣло просвѣщенія крестьянскаго населенія Сѣверо-Западнаго края Россіи. Воспитательная дѣятельность учебнаго персонала семинарій округа съ особенною настойчивостью должна преслѣдовать утвержденіе указанныхъ началъ въ сознаніи учащихся; такъ какъ условія ихъ будущей жизни и дѣятельности нерѣдко оказываются мало благопріятными для сохраненія этихъ началъ: народному учителю иногда приходится жить вдали отъ православной церкви, вращаться въ кругу людей иногда мало расположенныхъ къ Россіи и къ русскимъ, приходится выслушивать не вполнѣ лестныя сужденія объ учительской должности и т. п.; и много нужно нравственной устойчивости, чтобы при такихъ условіяхъ не смутиться, сохранить твердость православно-русскихъ убѣжденій, остаться вѣрнымъ сыномъ православной Церкви и Отечества и искренно преданнымъ своему трудному и недостаточно въ матеріальномъ отношеніи обезпеченному дѣлу.

Къ достиженію указанной цѣли во всей ея совокупности направлены всѣ усилія всѣхъ педагогическихъ корпорацій названныхъ учебныхъ заведеній и сообразно съ нею организованъ весь строй семинарской жизни.

Имѣющіяся при всѣхъ учительскихъ семинаріяхъ округа домовыя

церкви, какъ замѣчено выше, обставлены весьма благолѣпно. Божественныя службы совершаются въ нихъ съ подобающею чинностью и торжественностью, при пѣніи двухъ хоровъ, и при нѣкоторыхъ пѣснопѣніяхъ — и всѣхъ учащихся. Воспитанники въ церковныхъ службахъ принимаютъ живое и дѣятельное участіе: они поютъ, читаютъ, прислуживаютъ въ алтарѣ, исполняютъ должности уставщиковъ, помогаютъ церковному старостѣ (одному изъ наставниковъ семинаріи) въ исполненіи его обязанностей, убираютъ церковь и т. п. Съ цѣлью пріученія учениковъ къ правильному церковному чтенію, пріобрѣтено въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ округа „Пособіе къ церковному чтенію, положенное на ноты", свящ. Лебедева. Воспитанники, подъ руководствомъ законоучителя и учителя пѣнія, при помощи скрипки разучивали тоны и мотивы разныхъ церковныхъ чтеній, и многіе читали въ церкви весьма хорошо. Въ церковномъ чтеніи, въ установленной очереди, обязательно участвуютъ ученики всѣхъ классовъ. При богослуженіи обязательно присутствуютъ всѣ члены педагогическихъ корпорацій. Въ воскресные и праздничные дни предъ литургіей неопустительно происходятъ религіозно-нравственныя собесѣдованія о. законоучителя по поводу апостольскихъ и евангельскихъ чтеній. При утреннихъ и вечернихъ молитвахъ воспитанниковъ присутствуютъ законоучитель и дежурный наставникъ. Предъ обѣдомъ и ужиномъ и послѣ нихъ поются воспитанниками установленныя молитвы. Классныя занятія ежедневно, кромѣ молитвы предъ ученіемъ, начинаются чтеніемъ зачала изъ евангелія, по указанію законоучителя. Въ тѣхъ же видахъ поддержанія и развитія въ воспитанникахъ семинарій округа любви къ исполненію всѣхъ христіанскихъ обязанностей, воспитатели обращаютъ особенное вниманіе на пріученіе воспитанниковъ исполнять благочестивые обычаи и постановленія православной церкви: строго соблюдать посты, ставить предъ иконами свѣчи, поминать на проскомидіи живыхъ и умершихъ и т. п.

Въ видахъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія не учащихся путемъ ближайшаго ознакомленія ихъ съ особенностями богослуженій, совершаемыхъ въ дни Страстной седмицы и въ праздникъ Пасхи, воспитанники выпускнаго класса означенную седмицу и первый день Пасхи проводятъ въ семинаріи, также принимая непосредственное участіе во всѣхъ церковныхъ торжествахъ.

Съ цѣлью воспитанія у учениковъ семинарій округа любви и преданности Престолу и Отечеству всѣ высокоторжественные дни проводятся въ семинаріяхъ при особой обстановкѣ: въ эти дни въ семи-

нарскихъ церквахъ богослуженіе совершается съ особенною торжественностью, произносятся приличныя случаю рѣчи, устраиваются торжественныя собранія съ произнесеніемъ приличныхъ случаю стихотвореній и пѣніемъ народнаго гимна и патріотическихъ пѣсенъ; зданія семинарій украшаются флагами и вечеромъ иллюминуются. Наиболѣе торжественное собраніе въ 1897 г. было устроено въ Свислочской семинаріи 6-го декабря, въ день тезоименитства Государя Императора. Въ этотъ день послѣ богослуженія было предложено воспитанникамъ назидательное чтеніе по брошюрѣ Ломана: „Его Императорское Величество, Государь Императоръ Николай Александровичъ, Самодержецъ Всероссійскій". Чтеніе это было дополнено свѣдѣніями (Циркуляръ Виленскаго учебнаго округа 1897 г. № 9) о пребываніи Ихъ Императорскихъ Величествъ въ августѣ и сентябрѣ 1897 г. въ предѣлахъ Гродненской губ. и въ частности о Высочайшихъ посѣщеніяхъ учебныхъ заведеній. Среди чтенія семинарскимъ хоромъ было исполнено нѣсколько соотвѣтствующихъ торжеству номеровъ пѣнія, а въ заключеніе всѣми воспитанниками съ одушевленіемъ былъ пропѣтъ народный гимнъ.

Въ видахъ содѣйствія установленію близкихъ, болѣе или менѣе сердечныхъ отношеній къ крестьянской средѣ будущихъ народныхъ наставниковъ, начальства семинарій принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы воспитанники ихъ не отрывались и не отчуждались отъ нея и съ этою цѣлью воспитатели заботятся, чтобы воспитанники сами убирали свои комнаты, прислуживали поочередно за столомъ своимъ товарищамъ, ѣли простую пищу, носили теплую, но простую одежду и т. п. Обычною одеждой каждаго воспитанника, до установленія формы, была красная рубашка съ кушакомъ и брюками въ сапоги, фуражка съ синимъ бархатнымъ околышемъ и поддевка или пальто обычнаго покроя. Такая одежда дѣйствительно рѣзко отличаетъ учениковъ семинарій округа отъ мѣстныхъ крестьянъ, среди которыхъ употребленіе рубашекъ мало распространено, и если онѣ начали входить въ употребленіе, то только благодаря семинаристамъ.

Всѣ занятія воспитанниковъ точно распредѣлены по часамъ дня: въ 6 часовъ утра воспитанники встаютъ и убираютъ свои постели, въ 7 час. утренняя молитва и послѣ нея завтракъ; отъ 8 до 2 часовъ—учебныя занятія, послѣ которыхъ обѣдъ. Послѣ обѣда одни изъ учениковъ идутъ въ мастерскія, другіе въ садъ или огородъ, третьи занимаются музыкой; въ Поневѣжской семинаріи въ нѣкоторые дни недѣли въ эти часы бываютъ уроки жмудскаго языка. Въ эти же часы-

бываетъ разборъ данныхъ практическихъ уроковъ. Въ 5 часовъ начинаются вечернія занятія и продолжаются до 8 час. вечера. Въ 9 час. бываетъ ужинъ и вечерняя молитва. Желающимъ разрѣшается заниматься до 11 час. вечера. Такимъ образомъ рѣшительно весь день, съ ранняго утра и до поздняго вечера у воспитанниковъ семинарій округа занятъ то умственнымъ, то физическимъ трудомъ. Такой режимъ поддерживается со всею строгостью и благопріятно вліяетъ на нравственность семинаристовъ. Они живутъ замкнутою, трудовою жизнью, посвящая все время то умственнымъ, то физическимъ занятіямъ и рѣшительно не имѣютъ досуга предаваться пустымъ, а тѣмъ болѣе предосудительнымъ развлеченіямъ. Вся жизнь воспитанниковъ семинарій находится подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ всей педагогической корпораціи. Существующія при всѣхъ семинаріяхъ округа общеученическія квартиры, а также имѣющіяся при Полоцкой учительской семинаріи частныя квартиры ежедневно по нѣскольку разъ посѣщаются дежурнымъ по семинаріи наставникомъ. Дежурный наставникъ присутствуетъ при утренней и вечерней молитвѣ, а также во время завтрака, обѣда и ужина и, кромѣ того, разновременно нѣсколько разъ въ день провѣряетъ, всѣ ли ученики находятся дома и чѣмъ и какъ они занимаются. Этому же помогаютъ и всѣ другіе наставники семинаріи и директора. Каждый классъ поручается особому попеченію и руководству одного изъ наставниковъ, который наблюдаетъ за воспитанниками этого класса въ теченіе всего семинарскаго курса и, между прочимъ, слѣдитъ за правильностью расходовъ изъ стипендіальныхъ средствъ учениковъ и хранитъ ихъ деньги у себя или въ сберегательной кассѣ.

Всѣ члены педагогическихъ корпорацій собственнымъ примѣромъ и другими средствами стараются развить въ учащихся чувства долга, честности, уваженія къ чужой собственности, любовь къ труду и порядку, доброжелательность и предупредительность къ окружающимъ.

Старанія педагогическихъ корпорацій въ указанномъ отношеніи не остаются безрезультатными: всѣ воспитанники семинарій округа отличаются искреннею религіозностію, глубоко развитымъ патріотическимъ чувствомъ, почтительнымъ отношеніемъ къ своимъ начальникамъ и учителямъ, сильно развитымъ чувствомъ долга, аккуратнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, любовью къ труду, доброжелательностію къ товарищамъ, сочувствіемъ къ чужому горю и проч. Исключенія изъ этого встрѣчаются рѣдко.

Слѣдующіе факты убѣдительно свидѣтельствуютъ о сильно раз-

витомъ у воспитанниковъ семинаріи какъ религіозномъ, такъ и патріотическомъ чувствѣ. Домовыя церкви семинарій, какъ замѣчено выше, украшены многими довольно цѣнными пожертвованіями учениковъ, принесенными ими въ даръ совмѣстно съ служащими въ семинаріи лицами по случаю разнаго рода важныхъ событій, или же иногда по чувству усердія и благодарности къ воспитавшему ихъ заведенію. Домовую церковь Молодечненской семинаріи украшаютъ слѣдующія такого рода пожертвованія: икона св. Архистратига Михаила, сооруженная по случаю 25-лѣтія семинаріи 8-го ноября 1889 г. на пожертвованія учениковъ, нѣкоторыхъ учителей, получившихъ образованіе въ Молодечненской семинаріи, а также служившихъ въ ней лицъ; икона св. Александра Невскаго и св. Іосифа Пѣснописца, сооруженная въ память чудеснаго спасенія жизни Государя Императора Александра II отъ руки злодѣя 4-го апрѣля 1866 г.; икона Вознесенія Господня, пріобрѣтенная на деньги воспитанниковъ семинаріи III и IV выпусковъ въ память чудеснаго спасенія жизни Императора Александра II отъ покушенія злодѣя въ Парижѣ 25-го мая 1868 г.; въ этотъ день въ томъ году былъ именно праздникъ Вознесенія Господня; икона Христа Спасителя, сооруженная въ память событія 2-го апрѣля 1879 г.; икона св. Сергія Радонежскаго, пожертвованная бывшимъ ученикомъ семинаріи Выдрицкимъ; икона Архистратига Михаила, пожертвованная бывшимъ ученикомъ семинаріи Южиковъ; одежды на жертвенникъ и на престолъ, пріобрѣтенныя на средства учениковъ; въ 1897 г. на пожертвованія учениковъ обновлены священные сосуды.

Въ домовой церкви Полоцкой учительской семинаріи имѣются слѣдующія ученическія пожертвованія: икона св. Николая Чудотворца, пожертвованная воспитанниками при освященіи семинарской церкви въ 1875 г., икона св. Александра Невскаго и святыхъ, празднуемыхъ 2-го апрѣля, сооруженная въ память событія 2-го апрѣля 1879 г.; икона св. ап. Архиппа, пожертвованная воспитанниками въ память 25-лѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; икона Покрова Пресвятой Богородицы, сооруженная воспитанниками и служащими въ семинаріи въ память событія 17-го октября 1888 г.; иконы св. Іоанна Златоустаго и преп. Илларіона Великаго, пожертвованныя бывшимъ ученикомъ семинаріи Цыбулькинымъ.

Изъ наиболѣе цѣнныхъ пожертвованій воспитанниковъ Поневѣжской семинаріи въ домовой церкви ея имѣются: икона Сурдекской Божіей Матери, сооруженная въ воспоминаніе о чудесномъ событіи

17-го октября 1888 г. и икона св. виленских мучеников Антонія, Іоанна и Евстафія, сооруженная въ память событія 29-го апрѣля 1891 г. на средства, собранныя учителями Ковенской губерніи, въ числѣ которыхъ особенно много воспитанниковъ Поневѣжской семинаріи, бывшими на гимнастическихъ курсахъ въ семинаріи въ 1891 и 1893 гг.

Въ домовой церкви Несвижской семинаріи находятся слѣдующія пожертвованія учащихъ и учащихся: икона св. Александра Невскаго, сооруженная въ память событія 2-го апрѣля 1879 г., икона св. вел. князя Владиміра, пріобрѣтенная въ память 900-лѣтія крещенія Руси въ 1888 г.; икона свв. Александра Невскаго и Маріи Магдалины, сооруженная въ память чудеснаго событія 17-го октября 1888 г., икона Христа Спасителя, пожертвованная бывшимъ ученикомъ семинаріи Юшко.

Воспитанниками Свислочской семинаріи совмѣстно съ учащими въ семинаріи пожертвованы въ семинарскую церковь: икона Христа Спасителя — въ память событія 17-го октября 1888 г.; облаченіе для аналоя изъ атласной матеріи подъ эту икону; икона св. Николая Чудотворца отъ учителей народныхъ училищъ Гродненской губерніи, въ числѣ которыхъ особенно много воспитанниковъ Свислочской семинаріи, въ ознаменованіе закона 12-го мая 1897 г. о надѣленіи народныхъ училищъ землею; на сооруженіе иконы Знаменія Божія Матери, въ память чуда въ Курскѣ 8-го марта 1898 г. собрано отъ учащихъ, учащихся и частію отъ богомольцевъ 62 руб. 85 коп.

Перечень сдѣланныхъ воспитанниками учительскихъ семинарій округа пожертвованій въ пользу домовыхъ церквей этихъ заведеній показываетъ, что почти всѣ радостныя событія государственной жизни позднѣйшаго времени, нашли себѣ откликъ въ сердцахъ воспитанниковъ семинарій и побудили ихъ запечатлѣть свои религіозно-патріотическія чувства соотвѣтствующими пожертвованіями, изъ которыхъ многія имѣютъ значительную цѣнность и свидѣтельствуютъ о щедрости жертвователей.

Кромѣ указанныхъ болѣе или менѣе крупныхъ пожертвованій учащіеся въ семинаріяхъ округа приносятъ свои посильныя жертвы въ пользу церкви при всякомъ богослуженіи, покупая свѣчи, просфоры для проскомидіи и т. п., а иногда жертвуя извѣстную сумму въ пользу церкви; такъ въ 1897 г. однимъ изъ воспитанниковъ Несвижской семинаріи пожертвовано 10 руб., а воспитанниками Свислочской семинаріи—14 руб. 72 коп. Въ 1895 г. двое изъ окончив-

шихъ курсъ воспитанниковъ Несвижской семинаріи съ мѣста своей службы прислали въ семинарскую церковь пожертвованія — одинъ 5 руб., а другой—3 руб., какъ результаты первыхъ трудовъ въ благодарность Богу и воспитавшему ихъ заведенію. Доходы семинарскихъ церквей настолько значительны, что ими покрываются расходы по содержанію церквей, а иногда дѣлаются и довольно цѣнныя пріобрѣтенія. Такъ въ Свислочской семинаріи на сказанныя средства въ недавнее время пріобрѣтены: полное траурное облаченіе для священника, цѣною 40 руб., чугунный золоченый купольный крестъ, цѣною 114 руб. 63 коп., бѣлое глазетовое облаченіе для священника, цѣною 27 руб., напрестольная плащаница, цѣною 10 р. 80 к. Точно также цѣнныя пріобрѣтенія сдѣланы въ послѣднее время на такія же средства въ домовой церкви Несвижской семинаріи.

Учащіеся усердно поддерживаютъ благочестивые обычаи ставить въ церкви свѣчи, подавать на проскомидія поминанія о живыхъ и умершихъ, дѣлать пожертвованія при тарелочномъ сборѣ, служить молебны и панихиды. Исполненіе въ храмѣ нѣкоторыхъ обязанностей во время богослуженія, напримѣръ, уставщика, церковника (прислуживающаго въ алтарѣ), помощника старосты и т. п. считается у нихъ за особенную честь, которой они домогаются другъ передъ другомъ. Также охотно жертвуютъ они свои лепты на построеніе храмовъ Божіихъ. Когда директоромъ Свислочской семинаріи въ 1895 г. чрезъ квартирнаго старшаго было передано воспитанникамъ воззваніе, приглашающее къ пожертвованіямъ на сооруженіе храма въ м. Росси, Волковыскаго уѣзда, Гродненской губерніи, то они собрали между собою 25 руб. 50 коп., при чемъ не оказалось ни одного воспитанника, который бы не далъ копѣечной лепты на это святое дѣло.

Установленные православною церковью посты соблюдаются воспитанниками со всею строгостію. Не рѣдки факты, что воспитанники семинаріи, несмотря на предписаніе врача, отказываются отъ употребленія скоромной пищи въ посту.

Религіозно-нравственная настроенность семинаристовъ сказывается также въ томъ, что они пріобрѣтаютъ въ собственность книги религіозно-нравственнаго содержанія. Воспитанниками Свислочской семинаріи такихъ книгъ пріобрѣтено въ 1896 г. на 42 р. и въ 1897 г.— на 19 руб. 85 коп.

Патріотическія чувства учащихся выражаются съ особенною силою по поводу разнаго рода событій, имѣющихъ государственное зна-

ченіе. Такія чувства особенно проявились въ печальные дни болѣзни и смерти почившаго Государя Императора Александра III и затѣмъ въ радостные дни священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Өеодоровны. При первыхъ же извѣстіяхъ о болѣзни Царя-Миротворца ученики семинарій, по собственному почину, просили отслужить молебны объ исцѣленіи болящаго. Затѣмъ въ теченіе болѣзни Государя Императора дѣлали это нѣсколько разъ и ежедневно, во время утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, читали молитву объ исцѣленіи болящаго. Послѣ смерти почившаго Государя Императора учащіеся въ теченіе сорока дней также ежедневно, по собственному желанію, возносили молитвы объ упокоеніи праведной души его. День священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ былъ проведенъ учащимися съ неподдѣльнымъ чувствомъ восторга и патріотическаго воодушевленія, что сказывалось рѣшительно во всемъ, что происходило въ стѣнахъ учительскихъ семинарій въ этотъ день. Характернымъ фактомъ въ указанномъ отношеніи служитъ между прочимъ то, что ни одинъ изъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій округа не былъ заподозрѣнъ въ политической неблагонадежности.

Въ учащихся сильно развита отзывчивость къ чужой нуждѣ и къ чужому горю. Ежегодно воспитанники стипендіаты въ каждой семинаріи содержатъ на свой счетъ трехъ-четырехъ бѣдныхъ своихъ товарищей; многимъ бѣднякамъ оказываютъ помощь книгами и письменными принадлежностями. Воспитанники Свислочской семинаріи въ 1896 г. собрали въ пользу крестьянъ м. Свислочи, у которыхъ пожаромъ были истреблены рѣшительно всѣ хозяйственныя постройки, 31 руб. 7 коп. и, кромѣ того, рѣшили помогать погорѣльцахъ хлѣбомъ до конца учебнаго года, что и было ими въ точности исполнено. Въ Полоцкую семинарію въ 1896 г. явился держать вступительный экзаменъ одинъ крестьянскій мальчикъ изъ Могилевской губерніи, но по слабости здоровья онъ не былъ допущенъ къ испытаніямъ и долженъ былъ возвратиться на родину. Оказалось, что у него не только нѣтъ средствъ на дорогу, но нѣтъ даже средствъ на пропитаніе. Воспитанники, по своему почину, рѣшили оказать вспомоществованіе этому мальчику и обратились съ просьбою къ директору отправить его на родину на счетъ ихъ стипендіальныхъ средствъ. Желаніе воспитанниковъ было охотно удовлетворено.

Среди воспитанниковъ семинарій лишь въ видѣ очень рѣдкаго

явленія оказываются лица, нежелающія учиться; огромное же большинство трудится весьма усердно и ведетъ себя вполнѣ примѣрно. Случаи увольненія воспитанниковъ семинарій за неодобрительное поведеніе весьма рѣдки: за послѣднія семь лѣтъ изъ всѣхъ пяти семинарій округа уволено только 13 чел. Уволенные воспитанники принадлежатъ большею частію къ младшимъ классамъ и причиною ихъ увольненія большею частію служило похищеніе чужой собственности. Этимъ порокомъ отличаются преимущественно дѣти мѣщанъ и разночинцевъ.

О хорошей нравственности учениковъ семинарій округа свидѣтельствуютъ священники въ надписяхъ на отпускныхъ ученическихъ билетахъ, которые предъявляются учениками священникамъ для засвидѣтельствованія при окончаніи отпуска. Вотъ нѣкоторыя изъ такихъ надписей — „Всегда скромный, тихій и учтивый, пишетъ свящ. Котлинскій на билетѣ одного изъ воспитанниковъ III класса Молодечненской учительской семинаріи, во все время бытности въ домѣ своихъ родителей постоянно являлъ себя замѣчательно прилежнымъ къ чтенію хорошихъ книгъ и самообразованію. Любя книги и чтеніе, онъ, между прочимъ, дѣлился этимъ предметомъ занятій и съ своими грамотными односельчанами, читая имъ въ свободное время избранныя статьи, большею частію религіозно-нравственнаго содержанія. Въ церковно-богослужебномъ отношеніи онъ попрежнему продолжаетъ быть усерднымъ посѣтителемъ храма Божія и полезнымъ участникомъ на клиросѣ, въ хорѣ мѣстныхъ пѣвчихъ, украшая своимъ пѣніемъ богослуженіе и въ то же время привлекая этимъ слушателей. Причтъ Ганятской церкви и прихожане весьма благодарны ученику N. за оказанную его дѣятельность, и они отдаютъ честь учебному заведенію, имѣющему подобныхъ воспитанниковъ“. Настоятель Туровской церкви Минской губерніи, свящ. Могильницкій 20-го августа 1896 г. на билетѣ одного изъ воспитанниковъ Несвижской семинаріи написалъ: „Велъ себя въ отпуску прекрасно, неопустительно посѣщалъ храмъ Божій, принимая горячее участіе на клиросѣ въ чтеніи и пѣніи. Внѣшнія и внутреннія качества его, чуждыя вліянія времени, даютъ право предвидѣть въ немъ трудолюбиваго народнаго педагога, полезнаго помощника священнику, примѣрнаго христіанина и симпатичнаго члена общества. Дай Богъ встрѣчаться съ такими воспитанниками побольше!“

Наконецъ о правильной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ учительскихъ семинаріяхъ округа имѣется свидѣтельство г. ви-

тебскаго губернатора въ его всеподданѣйшемъ отчетѣ за 1895 г., вызвавшее отмѣтку Его Величества Государя Императора. Въ 1897 г. управляющій дѣлами комитета министровъ увѣдомилъ г. министра народнаго просвѣщенія, что во внесенномъ, по Высочайшему повелѣнію, въ сей комитетъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1895 г. о состояніи Витебской губерніи, по объясненію объ особомъ вниманіи, „котораго заслуживаетъ Полоцкая учительская семинарія, какъ по образцовой постановкѣ въ ней учебнаго дѣла, такъ и по патріотическому ея направленію", послѣдовала Высочайшая Его Императорскаго Величества отмѣтка „Утѣшительно".

Этотъ послѣдній фактъ служитъ лучшимъ отвѣтомъ на вопросъ объ успѣшности и правильности направленія учебно-воспитательной дѣятельности учительскихъ семинарій Виленскаго учебнаго округа, такъ какъ всѣ онѣ преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли и совершенно одинаковы по своему направленію.

Въ послѣднее время при всѣхъ семинаріяхъ округа происходятъ воскресныя и праздничныя чтенія, иллюстрируемыя свѣтовыми картинами и сопровождаемыя пѣніемъ семинарскими хорами соотвѣтствующихъ чтеніямъ духовныхъ пѣснопѣній и свѣтскихъ пѣсенъ. Чтенія имѣютъ огромный успѣхъ: слушателей бываетъ столько, сколько можетъ вмѣстить помѣщеніе.

Н. О—въ.

А. Ѳ. БЫЧКОВЪ.

(15-го декабря 1818—2-го апрѣля 1899).

2-го апрѣля текущаго года, въ пять часовъ по полудни, послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни, скончался здѣсь въ Петербургѣ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ дѣятелей въ русскомъ ученомъ мірѣ и на степеняхъ высшей администраціи, маститый и достоуважаемый Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ.

Онъ началъ свою дѣятельность почти шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ учеными работами; съ теченіемъ времени онѣ открыли ему путь и къ административной дѣятельности, но научныхъ занятій онъ не покидалъ никогда до самой смерти; проведя всю свою службу по вѣдомству народнаго просвѣщенія, онъ кончилъ жизнь въ званіи ординарнаго академика Императорской Академіи наукъ, директора Императорской Публичной Библіотеки, предсѣдателя Археографической Коммиссіи и члена Государственнаго Совѣта. Его многочисленныя работы по изданію историческихъ памятниковъ, по археографіи и библіографіи надолго останутся украшеніемъ отечественной науки; его разумное и плодотворное трудолюбіе съ полнымъ правомъ можетъ быть названо образцовымъ, а его благоволительный характеръ и простота его обращенія, которыя привлекали къ нему всѣхъ, кто его зналъ, и кого онъ въ свою очередь цѣнилъ, на многіе годы сохранятъ его свѣтлую память.

Редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, на страницахъ котораго появились раннія литературныя работы А. Ѳ. Бычкова, надѣется вскорѣ представить болѣе подробныя свѣдѣнія объ его жизни и трудахъ.

Вѣстникъ.

Въ живыхъ... Вели и повторю: онъ умеръ...

Электра.

О, зоркая, о Правда... Наконецъ!
Но разкажи мнѣ самый ходъ убійства,
Ты каждый шагъ повѣдай намъ, гонецъ.

Вѣстникъ.

Стопы подъявъ отъ этого порога,
Вступили мы на двухколейный путь
И славнаго Микенскаго владыку
Увидѣли. Онъ по саду гулялъ
Среди ручьевъ, срѣзая вѣтки мирта,
Чтобы вѣнокъ потомъ изъ нѣжныхъ свить.
Увидѣлъ насъ и говоритъ: „Привѣтъ вамъ,
О путники, откуда вы и путь
Къ какой землѣ направили?" а братъ твой
Ему въ отвѣтъ:—Θессалія насъ шлетъ,
На берега Алфея. къ Олимпійцу.
Отцу боговъ съ дарами мы идемъ...
Эгисѳъ опять: „Ко мнѣ прошу сегодня
На свѣтлый пиръ—я нимфамъ заколоть
Тельца веду, а завтра, вставъ съ зарею,
Вы можете ускорить шагъ. Войдемъ".
И сталъ онъ насъ упрашивать—проходу
Намъ не давалъ—а какъ въ чертогъ привелъ,
Кричитъ: „Скорѣй, подайте имъ умыться,
Близъ алтаря поставлю я гостей".
Орестъ ему на это: „мы проточной
„Струей рѣки ужъ умывались, царь,
„Но если намъ съ аргосцами прикажешь
„Тебѣ помочь при жертвѣ, то опять
„Очиститься не откажусь, конечно".
Но разговоръ былъ прерванъ. Отложивъ
Оружіе—тѣлохранитель царскій,
И рабъ его за дѣло всѣ гурьбой...
Кто несъ фіалъ для крови, кто корзины

Священныхъ крупъ, а тамъ, на очагѣ.
Раздувъ огонь, кувшины разставляли.
Чертогъ гудѣлъ... Но вотъ, крупы твой вотчимъ
На жертвенникъ подбросивъ возгласилъ:
„О, нимфы скалъ, пускай не разъ мнѣ жертву
„Здѣсь приносить и, счастьемъ увѣнчавъ
„Главу царя съ царицей Тиндаридой,
„Враговъ его казните!"—онъ тебя
Здѣсь разумѣлъ съ Орестомъ. А царевичъ
Тотъ шепотомъ молился, чтобъ ему
Отцовскій домъ вернуть.
И ножъ нащупавъ
Въ кошницѣ взялъ Эгисѳъ: онъ тельчій волосъ
Десницею въ огонь священный ввергъ...
И закололъ распяленную жертву
Въ рукахъ рабовъ, державшихъ ноги ей...
И вновь тогда взываетъ онъ къ Оресту:
„Средь доблестей въ Ѳессаліи у васъ,
„Я слышалъ, два искусства процвѣтаютъ:
„Тамъ мастера вы туши разнимать,
„Да на коня узду накинуть ловки,
„Не откажи увѣрить въ первомъ насъ".
—И вотъ, въ рукахъ Ореста ножъ дорійскій.
Вмигъ сорванъ съ плечъ его красивый плащъ
Съ аграфами—въ подручные Пилада,
А челядь прочь; вотъ ногу захватилъ
Онъ тельчую и, напрягая мускулъ,
Глядимъ,—на сгибъ всю кожу намоталъ.
Обнажена лежитъ, бѣлѣя, жертва..
А времени... да на бѣгахъ скорѣй
Не пробѣжитъ атлетъ два раза стадій...
Когда же жертву вскрыли, и Эгисѳъ,
Священную пріявъ ея утробу,
Сталъ изучать: у печени главы
Онъ не нашелъ, пузырь же и ворота
Переполняла желчь, и тѣмъ они
Гадателю недоброе сулили:
Эгисѳъ блѣднѣетъ, видимъ—и къ нему
Съ вопросомъ нашъ владыка: „Что кручиненъ?"

А тотъ въ отвѣтъ:—„О гость, меня страшитъ,
„Бѣда извнѣ: для дома-жъ нѣтъ опаснѣй
„Атридова отродья“.—„Какъ? Эгисѳъ,
„Трепещешь ты скитальца козней? Царство-ль—
„Тебѣ не щитъ? Однако дай же мнѣ,
„Чтобъ лакомства добыть изъ этой жертвы,
„Покрѣпче ножъ, съ закаломъ Ѳессалійскимъ,
„Дробящимъ кость“
И вотъ ударъ ножа
Вскрываетъ грудь. И только что надъ сердцемъ
Внимательно склонился тотъ, Орестъ
На цыпочки приподнялся и ножъ
Царю всадилъ въ загривокъ, а ударомъ
Ему хребетъ ломаетъ. Рухнулъ врагъ
И заметался въ мукахъ, умирая.
Къ оружію кидается рабы
И на двоихъ толпой. Но сотрясая
Въ рукѣ копье, имъ мужи не сдались,
И вотъ Орестъ взываетъ: „Не разбойникъ
„Пришелъ на пиръ: домой вернулся царь...
„Я вашъ Орестъ несчастный: не ищите-жъ
„За то, что я съ убійцей порѣшилъ,
„Меня губить, рабы Агамемнона...“
Отпрянула толпа ихъ, а Орестъ
Былъ скоро тамъ какимъ-то старцемъ признанъ.
Торжественно увѣнчанный тебѣ
Онъ голову—не бойся не Медузы—
Эгисѳа ненавистнаго несетъ.
О, заплатилъ злодѣй сегодня съ лихвой
За кровь, что̀ здѣсь когда-то проливалъ.

Хоръ.

Строфа.

Вплетись въ хороводъ нашъ дѣва,
Какъ легкая лань въ эѳиръ,
Вздымайся пятой веселой!
О, ярче вѣнцовъ побѣды

Съ береговъ Алфея славныхъ боецъ не уносилъ,
(Электра не хочетъ присоединиться къ танцующимъ).
Какіе братъ твой добылъ.
О, пой же, дѣва, пой!
И подъ свѣтлый напѣвъ мы плясать пойдемъ.

ЭЛЕКТРА.

О, свѣтъ, о блескъ, о, колесница бога.
Земля и ночь, царица слезъ моихъ,
И вы опять на божій свѣтъ свободно
Отверзтыя зѣницы. Да, Эгисѳъ,
Злодѣй, отца убійца—онъ не встанетъ...
Всѣ, всѣ сюда уборы и вѣнцы!
А вы со мной его вѣнчайте дѣвы.

(Во время пѣнія слѣдующей антистрофы первое непоющее полухоріе входитъ въ домъ и выноситъ оттуда повязки, діадемы, цвѣты).

Антистрофа.

Укрась ему кудри пышно,
Мы-жъ, музамъ покорныя,
Затѣемъ веселый танецъ.
О, радость! цари былые
Опять надъ нами будутъ любимые царить...
Неправедный не встанетъ—онъ правдою убитъ.
Ты-жъ, о флейта, звучи, солнцемъ лейся пѣснь...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же.

Орестъ и Пиладъ (откуда пришли).

(За ними свита несетъ трупъ Эгисоа).

ЭЛЕКТРА

(послѣ пляски вмѣстѣ съ хоромъ подходитъ къ Оресту, затѣмъ къ Пиладу: Оресту—діадему, Пиладу—цвѣты).

О, славный сынъ вѣнчаннаго отца
Въ лучахъ его немеркнущей побѣды

Дай локоны обвить тебѣ, Орестъ.
О, ты пришелъ не съ бѣга, не на призы:
Ты играми натѣшился,—врага
Ты одолѣлъ, отцовскаго злодѣя. (Пиладу)
И ты, вѣнецъ награду дѣлъ прими,
Воспитанный благочестивымъ мужемъ
На радость намъ, Пиладъ, а боги вамъ
Да ниспошлютъ благой удѣлъ обоимъ!

ОРЕСТЪ (отклоняя діадему).

Боговъ почти Электра, имъ воздай
Хвалу, судьбы властителямъ могучимъ:
Покорный рабъ ихъ воли и судьбы,
Эгисѳа я убилъ, и это правда,
А не молва,—а чтобы всякій могъ
Провѣрить насъ, такъ вотъ тебѣ—убитый.
(По его знаку слуги ставятъ носилки, и онъ сдергиваетъ съ трупа покрывало).
И если ты скормить его звѣрямъ,
Иль пугаломъ для птицъ, дѣтей эѳира,
Прибить на столбъ захочешь, онъ на все
Согласенъ—онъ твой рабъ, тиранъ вчерашній...

ЭЛЕКТРА.

Мнѣ совѣстно, но рѣчи жгутъ уста...

ОРЕСТЪ.

Такъ говори. Кого-жъ тебѣ бояться?

ЭЛЕКТРА.

Глумленія надъ трупомъ не простятъ.

ОРЕСТЪ.

Но чей же гнѣвъ возбудишь ты, царевна?

ЭЛЕКТРА.

Микенскій людъ угрюмъ и злорѣчивъ.

ОРЕСТЪ.

Все-жъ волю дай желаньямъ... Намъ съ Эгисѳомъ,
Живымъ или убитымъ, мира нѣтъ.

ЭЛЕКТРА.

И такъ съ чего жъ начну и чѣмъ закончу,
Въ срединѣ что скажу я?.. А зари
Я ни одной не провела, чтобъ въ мысляхъ
Не размотать весь тотъ клубокъ рѣчей,
Которымъ бы свободная Электра
Ему въ лицо швырнула.
Часъ приспѣлъ.
(Къ трупу Эгисеа).
Услышь-же, что еще живой ты долженъ
Былъ выслушать. Проклятый, безъ вины
Сиротами за что ты насъ оставилъ?
Съ женой вождя слюбившись, вражьихъ стѣнъ
Ты не видалъ... И въ глупости надменной
Убійца, воръ и трусъ мечтать ты смѣлъ
Что взятая прелюбодѣйствомъ будетъ
Тебѣ женой примѣрной.—Если кто,
На ложе ласкъ обманомъ преклонивши
Замужнюю, ей мужемъ станетъ и
Вообразитъ, что скромною подругой
Его чертогъ украсился, назвать
Его нельзя счастливымъ. О, ты не былъ
Такъ счастливъ съ ней, какъ можетъ быть мечталъ.
Нечестія лобзанья не смывали
Съ ея души, и низости твоей
Средь пылкихъ ласкъ она не забывала,
И оба вы вкусили горькій плодъ
Она твоихъ, а ты ея пороковъ.
По всѣмъ устамъ ходилъ среди Микенъ...
„Царицынъ мужъ", а мать—женой Эгисеа
Не звалъ никто. О, горшій изъ позоровъ
Когда въ семьѣ жена главой, а мужъ
Такъ жалокъ, такъ приниженъ, что въ народѣ
По отчеству не кличутъ и дѣтей.
Да, истинно завидный бракъ—изъ дома
Богатаго и знатнаго добыть
Жену и стать при ней еще ничтожнѣй...
На золото позарился Эгисеъ:
Онъ имъ мечталъ себѣ прибавить вѣсу...

Иль мы богатствомъ прочны? Нѣтъ, сердецъ
Сокровища природныя, не деньги
Насъ вызволятъ изъ жизненныхъ тисковъ.
А золото съ клеймомъ обидъ и зла
На мигъ блеснетъ въ чертогѣ и пропало...
Про женщинъ и Эгисөа не рѣшусь
Я говорить, какъ дѣвушка. Но будетъ
Довольно и намека. Онъ преградъ
Себѣ не зналъ, кичась богатствомъ нашимъ
И красотой своей. О, если мнѣ
На выборъ бы давали... Этихъ куколъ
Изнѣженныхъ суровому лицу
Не предпочла бы я. Ареемъ дышитъ
Отважный мужъ, а съ этими куда?
Иль въ хороводъ?
Иди же въ прахъ, невѣжда!
Ты думалъ вѣкъ царить—и ножъ одинъ
Могъ вразумить тебя. А тѣло это
Для всѣхъ урокъ: на играхъ пробѣжавъ
Въ одинъ конецъ, не обогнувши даже
Меты, побѣдъ своихъ не объявляй...

Корифей.

Онъ отдалъ вамъ за кровь богатый выкупъ,
И мощенъ былъ исконной правды судъ.

Орестъ.

Гей! Тамъ, рабы! Возьмите трупъ и въ уголъ
Да потемнѣй запрячьте (въ сторону) чтобы мать
Съ любовникомъ не свидѣлась до гроба.
(Трупъ уносятъ съ носилками въ ворота дома).

Электра
(живо оборачивается и не глядя на брата).

Оставь его... Предъ нами новый путь.
(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ и всматривается вдаль).

Орестъ.

Что видишь-ты? Микенскіе отряды?

Электра (раздѣльно и тихо)

Нѣтъ... Мать, меня носившую, Орестъ. (Пауза).

Орестъ (смотря въ ту-же сторону)

Сіянье ризъ на блескѣ колесницы...

Электра.

И въ темнотѣ разставленная сѣть.

Орестъ.

Намъ убивать ее, подумай только...

Электра.

Иль этотъ блескъ разжалобилъ тебя?

Орестъ.

Увы! Увы!
Она меня носила и кормила:
Какъ ножъ на грудь ея я подниму?

Электра.

Какъ? говоришь... ты могъ-бы поучиться
У ней, когда покончила съ отцомъ.

Орестъ.

О, Фебъ! Въ тебѣ тогда болталъ невѣжда...

Электра.

Невѣжда-Фебъ? Кто-жъ мудрый у тебя?

Орестъ.

Не смѣетъ сынъ убить ее, не смѣетъ...

Электра.

А кровь отца онъ смѣетъ забывать?

Орестъ.

Въ ея крови—клеймо и судъ Оресту.

Электра.

Иль выберетъ проклятіе отца?

Орестъ.

Гнѣвъ матери карать убійцу будетъ.

Электра.

Забудь отца,—и *богъ* тебя казнитъ.

Орестъ (подумавъ)

Такъ демонъ былъ подъ маской Аполлона.

Электра.

Иль завладѣть треножникомъ онъ могъ?

Орестъ.

Нѣтъ, нѣтъ... сюда оракулъ не подходитъ...

Электра (касаясь его руки, шопотомъ)

Стыдись впадать въ уныніе... Не трусь,
И хитрости, которыми Эгисѳа
Убилъ, яви и надъ его женой...

Орестъ (останавливаясь передъ входомъ)

О, страшный путь и ты, ужасный подвигъ,
Богами мнѣ указанный, тебя,
О, горькій грузъ, подъемлю какъ невольникъ.

(Входитъ въ домъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

На сцену въѣзжаетъ богатая колесница съ Клитемнестрой нѣсколько отяжелѣвшей, но все еще прекрасной; она расчесана, разряжена и нарумянена. Пышная свита изъ рабовъ и фригійскихъ плѣнницъ въ богатыхъ пурпурныхъ и оранжевыхъ пеплосахъ съ золотыми брошками. Нѣкоторыя изъ нихъ, покрасивѣй и понаряднѣе, ѣдутъ за царицей на колесницахъ.

Хоръ.

О славься, царица Аргосскихъ полей!
О чадо Тиндара,

Ты храбрыхъ Кронида сестра сыновей,
Что въ звѣздномъ сіяньѣ эѳира живутъ
И факелъ горящій надъ бурей морской
Для путника смертнаго держатъ...
Блаженнымъ подобна ты, слава тебѣ!
Въ сіяньѣ и счастьѣ богатства живи!
Я въ прахѣ предъ славой твоею лежу
И блескомъ твоимъ, Тиндарида...

Клитемнестра (съ колесницы).

Насилу-то... Но прежде вы, Троянки,
Спуститесь внизъ—вы будете опорой
Для царскихъ ногъ.

(Разсѣянно смотритъ вокругъ и обращается больше къ хору. Электра безмолвно и неподвижно стоитъ передъ входной дверью. Рабыни спускаются съ колесницы).

Благодарить боговъ
Фригійскою горитъ чертогъ добычей,
А этотъ цвѣтъ Троянскихъ женъ за дочь
Убитую, конечно, жалкій выкупъ,
Но нашихъ залъ Микенскихъ не тѣснитъ.

Электра

(приближаясь къ матери и протягивая вмѣстѣ съ рабынями руки для ея поддержки).

Дозволь рабѣ, изъ отчаго чертога
Исторгнутой подъ этотъ бѣдный кровъ,
Блаженныхъ рукъ, о мать, твоихъ коснуться.

Клитемнестра (отстраняя ея руки).

На это есть рабыни... Не трудись. (Спускается).

Электра.

Иль плѣна я не видѣла, иль дома
Не лишена, иль не добыча я
Подобно имъ, не сирота вдобавокъ?...

Клитемнестра.

Отца вини, малютка. Вѣчно онъ
Вражды искалъ, терзая самыхъ близкихъ.

Безъ ихъ вины. (Хору)
Вы жъ слушайте, и пусть
За славою и рѣчь мою порочитъ,
Какъ водится, пристрастный судъ толпы...
Чернить такъ за дѣла, и если точно
Кто ненависть дѣлами заслужилъ,
Терпи ее, а если ненавидятъ,
Не разсудивъ, что толку? Твоему
Отцу меня вручая, дѣдъ не думалъ
Что дочь и васъ убійцѣ отдаетъ...
А между тѣмъ Атридъ, на бракъ съ Ахилломъ
Склонивъ дитя, въ окованную гладь
Авлидскую увезъ ее обманомъ
И лилію скосилъ надъ алтаремъ...
О, я бы все простила, если городъ
Иначе имъ не взять бы, если-бъ домъ
Или дѣтей спасалъ онъ этой жертвой,
Но онъ убилъ малютку за жену
Развратную, за то, что мужъ не смыслилъ
Измѣнницу достойно наказать.
О, я тогда смолчала—я къ забвенью
Готовила ужъ сердце и казнить
Атрида не сбиралась. Но изъ Трои
Мэнаду царь безумную привезъ
На брачную постель и сталъ въ чертогѣ
Двухъ женъ держать. О, жены, нашъ удѣлъ
Слѣпая страсть. Пускай неосторожно
Холодность мужъ намъ выкажетъ, сейчасъ
На зло ему любовника заводимъ,
И насъ же всѣ потомъ винятъ,
Заводчиковъ обиды забывая... (Помолчавъ)
А если бъ былъ украденъ Менелай,
И я бъ Ореста смертью выкупала
Сестрѣ ея утѣху, иль отецъ
Стерпѣлъ бы твой?
Такъ значитъ смѣетъ близкихъ
Моихъ казнить Атридъ, а мнѣ терпѣнье
Предписано и жертвы? (Раздумчиво).
Да, его

Убила я—мнѣ не было дорбги
Иной, какъ въ станъ его враговъ. Друзья
Ему бъ обидъ моихъ не отомстили...
Ну, отвѣчай свободно... Коль убить
Неправдой онъ, ты мнѣ докажешь это.

КОРИФЕЙ (царицѣ).

Ты выиграла позорнѣйшій процессъ...
Нѣтъ, женщины, коли умомъ здоровы,
Мужьямъ во всемъ покорны, о больныхъ
Я говорить не стану—тѣхъ со счетовъ...

КЛИТЕМНЕСТРА.

И повторю, Электра, не таись.

ЭЛЕКТРА.

Потомъ упрекъ слезой не отольется?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Нѣтъ, сладко мнѣ увидѣть дно души...

ЭЛЕКТРА.

Мать, я начну съ желанія. О, если бъ
И сердце ты имѣла, какъ лицо,
Прекрасное. Съ Еленою вы обѣ
Прославились красою. Но увы!
Вы Кастора не стоите, и даромъ
Одна васъ мать носила. Чародѣю,
Не споря съ нимъ, Елена отдалась,
Ты-жъ лучшаго межъ греками убила...
Месть, говоришь, тебѣ точила ножъ?..
О, лги другимъ, а мы давно знакомы.
И дочь еще жила, и мужъ уйдти
Едва успѣлъ, а золотыя косы
Предъ зеркаломъ ты убирала, мать...
А та жена, которая безъ мужа
Нарядится—недобрая жена...
Иль побѣжитъ красой своей, безъ цѣли

И безъ дурной, она народъ дивитъ?..
Но далѣе... ты, ты одна въ Элладѣ
Успѣхъ враговъ вѣнчала блескомъ глазъ
И радостью, а если счастье тыломъ
Вставало къ нимъ, дарила ихъ слезой,
Боговъ моля чтобъ мужъ не возвращался...
А какъ легко ты вѣрною женой
Могла бы оставаться. Иль Эгисѳу
Уступить мужъ, котораго вождемъ
Эллада нарекла?
Въ самой Еленѣ
Былъ для тебя, жена, богатый призъ:
Даетъ и зло урокъ полезный добрымъ.
Ты говоришь, что дочь твою убилъ
Ея отецъ. А мы съ Орестомъ развѣ
Обидѣли тебя? Зачѣмъ же домъ
Ты отобрала отчій и, зарѣзавъ
Отца, себѣ на наши деньги мужа
Купила, мать? И почему Эгисѳъ
Въ изгнаніи Ореста не замѣнитъ?
Какъ жить даешь ему? казнивъ жреца
Моей сестры, ты-ль палачу Электры
Весь ужасъ мукъ ея прощаешь, мать?
О, если кровью кровь омыть мы властны,
Орестъ и я за отчую твою
Пролить должны, и если справедливо
Судила ты, то ты осуждена...
А человѣкъ, порочную пріявшій
Въ свой домъ за блескъ одеждъ и знатный родъ,
Онъ вѣрно слѣпъ. И не милѣе ль бѣдный,
Но скромностью украшенный пріютъ.

КОРИФЕЙ.

На все судьба, иной такъ счастливъ въ бракѣ,
Другому же одна бѣда съ женой.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Я не дивлюсь рѣчамъ твоимъ. Обычно,
Что дочери привязаны къ отцу,

А сыновья къ носившей ихъ нѣжнѣе.
И не сержусь. Увы, тоскою грудь
Сжимается и у меня, какъ вспомню
Что я его убила... эти козни...
Весь этотъ гнѣвъ безумный... Горе мнѣ...

ЭЛЕКТРА.

О, поздно, мать—ты раны не залѣчишь:
Отецъ убитъ—но какъ до этихъ поръ
Ты не вернешь домой скитальца сына?

КЛИТЕМНЕСТРА.

О, дочь, боюсь: своя печаль больнѣй.
Онъ, говорятъ въ изгнаньѣ злобу копитъ.

ЭЛЕКТРА.

Иль ярость ты въ Эгисоѣ не смиришь?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Да, онъ суровъ. Но вѣдь и ты упряма.

ЭЛЕКТРА.

Безсильная, я гнѣвъ свой подавлю.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Тогда и онъ къ тебѣ добрѣе будетъ.

ЭЛЕКТРА.

О, какъ онъ гордъ. Забылъ, что мой жилецъ!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Опять огонь потухшій раздуваешь?

ЭЛЕКТРА.

Молчу—въ душѣ одинъ глубокій страхъ...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Оставимъ лучше это. Посылала
За мною ты, дитя мое?

ЭЛЕКТРА.

О, да.
Я—мать, тебѣ, конечно, говорили...
Молю-жъ замѣной будь у алтаря
Неопытной. Луна сегодня сыну
Десятый разъ свой факелъ зажигаетъ...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Повившая пусть жертву принесетъ...

ЭЛЕКТРА.

О, мать, сама я повивала сына.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Иль никого у васъ друзей окрестъ?

ЭЛЕКТРА.

Кого-жъ она приманитъ, дружба нищихъ?

КЛИТЕМНЕСТРА.

И ты, едва покинувъ ложе мукъ,
Безъ ванны и въ лохмотьяхъ. О, войдемъ же!
Я жертвою десятую луну
Отпраздновать готова для малютки.
Не медли-жъ: ждетъ меня священный пиръ
Въ честь сельскихъ нимфъ. А вы коней ведите,
Ихъ ясли ждутъ. (Женщинамъ) едва освобожусь
Отъ жертвы, мы немедля уѣзжаемъ...
Не лишнее и мужу угодить. (Уходитъ).

ЭЛЕКТРА (сопровождая ее).

Войди въ нашъ бѣдный домъ. Но осторожнѣй,
Чтобъ копотью отъ черныхъ стѣнъ его
Ты пеплосъ не испортила. О, жертву
Ты должную безсмертнымъ принесешь. (Вслѣдъ ей)
Кошница ждетъ, и ножъ жреца отточенъ:
Зарѣзанъ быкъ, а рядомъ мѣсто есть...
О, тамъ во тьмѣ Эреба, какъ подъ солнцемъ,
Ты ложе съ нимъ раздѣлишь. Получай
Свой долгъ сполна и расплатись со мною... (Уходитъ).

ТРЕТІЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТТРАКТЪ.

Хоръ.

Строфа.

Отмщеніе злу! И новаго вѣтра въ чертогѣ дыханье —
Тогда надъ ранною царь
Поникъ главою вѣнчанной,
И отдали крикъ и мраморный фризъ, и стѣны тогда,
Исполненный муки:
„Злодѣйка-жена, не десять-ли лѣтъ,
Свиданья съ родимой землей
Я ждалъ—и зарѣзанъ?"

Антистрофа.

Но мести волна, дыханіемъ правды гонима, блудницу
Къ нимъ въ сѣть примчала,.. О, ты
О, ты, что́ мужа убила
Межъ каменныхъ глыбъ, гдѣ долго его дворецъ ожидалъ,
Сѣкирой желѣзной
Въ преступной рукѣ... О, сколько бы мукъ
Ты здѣсь ни подъяла, жена,
Безумно дѣянье.

Эподъ.

Словно львица тамъ, въ черной тьмѣ лѣсовъ,
Ты кровавый свой совершила грѣхъ...

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

На сценѣ никого.

Голосъ Клитемнестры (за сценой).

О, милосердіе... Я мать... Не убивайте...

Корифей.

Ты слышишь... крики тамъ?

Голосъ Клитемнестры.

О страшно! Ой, больно мнѣ!

Корифей.

Она въ рукахъ дѣтей—о, горькій жребій!
Судъ божій свершится и правда придетъ.
О, страшная доля, о звѣрскій трофей
Преступной расправы!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Открывается задній планъ сцены съ трупами Клитемнестры, плавающей въ крови, и Эгисѳа. Блѣдный съ потухшимъ взоромъ и безоружный Орестъ, и порозовѣвшая Электра, въ которой еще не улеглось волненіе—глаза у нея горятъ искрами.

Корифей.

Идутъ, идутъ... Пропитанные кровью
Изъ матери зарѣзанной... О, видъ
Трофея ихъ побѣды нечестивой...
Нѣтъ дома, нѣтъ несчастнѣе тебя,
Домъ Тантала... злосчастнѣй и не будетъ...

Строфа I.

Орестъ.

О, матерь земля и ты, о небо, о стражи!
О, смертныхъ зоркіе стражи!
О, вотъ вамъ два трупа —
Кровавое дѣло десницы моей,
Расплата за муки Ореста...
. . . .
. . . .

Электра.

О, тяжекъ грѣхъ, но онъ не твой, а мой:
Я на нее, родимую, напала,
Враждой палимая.

Хоръ.

Увы! о, мать, какъ лютъ удѣлъ
Носившей и убитой.
Ты въ море слезъ погружена, —
Пускай права была ихъ месть, —
Дѣтей родныхъ руками, мать.

Антистрофа I.

Орестъ.

О, Фебъ Аполлонъ, твой гласъ карать повелѣлъ мнѣ.
На свѣтъ исчадія мрака
Воззвалъ ты, о вѣщій...
И кровью десницу его загрязнивъ,
Изгнанье судилъ ты Оресту...
О, кто-же, кто праведный дастъ мнѣ
Пріютъ, убившему мать?

Электра.

Увы! увы! куда пойду теперь?
Подруги, гдѣ и кто Электру приметъ
На ложе брачное?

Хоръ.

О, какъ покорна сердцемъ ты
Дыханью вѣтра, дѣва...
Такъ святы стали помыслы
Теперь твои. Увы, давно-ль
На зло толкала брата ты?

Строфа II.

Орестъ.

Видала-ль ты, какъ горькая изъ подъ одежды
Достала грудь, чтобъ у убійцы дрогнулъ ножъ?
Увы, увы! какъ мнѣ она
Тамъ на колѣняхъ ползая терзала сердце?

Хоръ.

О, сколько мукъ ты вытерпѣлъ, увы,
Внимая стонамъ нѣжныхъ устъ
Родимой матери!

Антистрофа II.

Орестъ.

Она къ лицу убійцы руки протянувъ,
Рыдала тамъ... „О, сжалься надо мной, дитя!"
И шею такъ въ мольбѣ она
Мнѣ обвила, что уронилъ и мечъ убійца...

Хоръ.

Несчастная! Какъ этотъ страшный видъ
Ты снесъ ея предсмертныхъ мукъ,
Убійца матери?

Строфа II.

Орестъ.

Межъ складками плаща лицо я спряталъ,
И мечъ тогда занесъ,
И въ грудь ей погрузилъ клинокъ

Электра.

Звала тебя, толкала я,
Съ тобою мечъ вздымала я...

Хоръ.

О, горе вамъ, преступные!

Антистрофа III.

Орестъ.

Сестра, набрось лоскутъ на это тѣло
И раны ей закрой. (Къ трупу)
Убійцъ своихъ носила ты

Электра
(набросивъ одежду на трупъ Клитемнестры)

Покойся-жъ подъ плащомъ моимъ,
Любимая, постылая...

Хоръ.

Конецъ тебѣ, о славный домъ!

Корифей
(открываетъ словами исходъ. Во время слѣдующихъ словъ его надъ домомъ вырисовываются изъ бѣлаго тумана фигуры Діоскуровъ).

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Но что тамъ надъ домомъ въ эөирѣ?
Иль демоны это? иль съ выси святой
Небесные боги? Стопа человѣка еще
Туда не ступала... Могу я
Боговъ различить... Но развѣ
Имъ мѣсто межъ нами?..

Касторъ.

Внемли, о сынъ Атрида, Діоскурамъ
И братьямъ той, которой ты рожденъ.
Я Касторъ, вотъ близнецъ мой Полидевкъ...
Въ пучинѣ мы едва волненье злое
Утишили, какъ Аргосъ намъ явилъ
Здѣсь трупъ сестры, твоей несчастной жертвы.
Она была достойна кары, но...
Но не твоей, Орестъ. Объ Аполлонѣ,
Какъ о царѣ своемъ, я умолчу,
Иль преступить ума не можетъ мудрый?
Но покорись: а жребій и Кронидъ
Судьбу твою рѣшили: вотъ послушай:
Ты въ жены давъ сестру Пиладу, самъ
Родной предѣлъ покинешь, непристойно
Убившему родную мать входить
Въ Аргосскій кремль. Какъ тѣнь метаться будешь,
А за тобою прыгать неустанно
И странныя, и злыя псицы: ихъ
Божественна природа—это Смерти.
Въ скитаніяхъ когда придешь, Орестъ,
Въ Аөины, тамъ есть истуканъ Паллады
Прижмись къ нему,—и въ тотъ же мигъ тебя
Покинутъ фуріи, тебя эгидой стоитъ
Ей осѣнить и очаруетъ змѣй...
А въ городѣ есть холмъ Арея: древле
Впервые тамъ судился богъ войны
Когда убилъ исчадье Посидона,
Ругателя дочерняго казня.

Рѣшенія Ареопага святы,
И хоть теперь должны звучать они
Изъ смертныхъ устъ — все-жъ слово непреложно...
И ты, Орестъ, свой примешь приговоръ
Съ того холма. И половина скажетъ
Виновенъ ты, а половина—нѣтъ,
Но Локсія, оракуломъ смутившій
Тебя, вину Орестову возьметъ...
И съ этихъ поръ войдетъ въ законъ, коль мнѣнья
Гдѣ поровну подѣлятся—прощать.
Эринніи-жъ, сраженныя обидой,
У самаго холма поглощены
Жерломъ подземнымъ будутъ, чтобы послѣ
Изъ пропасти, пожравшей ихъ, вѣщать.
Оттуда путь тебѣ къ брегамъ Алфея,
Въ Аркадію, гдѣ дивенъ Зевсомъ храмъ.
А трупы пусть—Эгисѳовъ похоронятъ
Аргосскіе сограждане, а мать
Царь Менелай, вернувшійся изъ Трои,
Землѣ съ сестрой Еленой предадутъ.
Въ Протеевомъ таилася чертогѣ
Сестра моя Елена: только тѣнь
Ея Кронидъ явилъ предметомъ тяжкихъ
И распрей, и убійства. Пусть Пиладъ
Теперь беретъ себѣ Электру въ жены
И съ ней идетъ въ Ахайю, а того,
Который былъ твоимъ названнымъ зятемъ
Пускай пошлетъ въ Фокиду и съ дарами...
А ты, Орестъ, стопы направь па Истмъ,
Къ брегамъ Кекропіи блаженной ближе...
О, тяжесть мукъ убійцы пережив,
Свободенъ ты и долго счастливъ будешь.

КОРИФЕЙ.

О, Зевса сыны! божественный слухъ
Мы вашъ утрудить дерзнемъ ли мольбой?

КАСТОРЪ.

Дерзайте: васъ кровь, о дѣвы, не кроетъ!...

Орестъ.

А къ рѣчи Ореста склоните-ль вниманье?

Касторъ.

О, да Аполлонъ подъемлетъ вину
И крови, и зла.

Корифей.

Вы боги, и братьями были
Убитой жены...
Зачѣмъ же, зачѣмъ этотъ ужасъ?...

Касторъ.

Тяжелый млатъ судьбы сковалъ
Худую рѣчь для вѣщихъ устъ.

Электра.

Иль и меня его глаголъ
Кровь матери пролить опуталъ?

Касторъ.

На общее дѣло одна васъ сковала
Обоихъ судьба,
Проклятіе въ родѣ сгубило...

Орестъ.

Сестра дорогая! Тебя не видалъ я
Такъ долго и ласки минутной лишаюсь,
Тебя покидая, тобою покинутъ.

Касторъ.

Ей домъ остается и мужъ, и ее
Не въ горѣ покинешь; но городъ
Аргосскій ей точно не видѣть...

Электра.

О, есть ли въ груди стенанья больнѣе
Стенаній разлуки съ отчизной?

ОРЕСТЪ:

Увы! отъ палатъ отцовскихъ вдали
Чужими судимъ я буду за кровь
Родимой.

КАСТОРЪ.

Дерзай! ты придешь
Къ священнымъ стѣнамъ Паллады... дерзай!

ЭЛЕКТРА.

О милый Орестъ! Ты грудью ко мнѣ
Прижмись и нѣжнѣе:
Оторваны мы отъ сѣни отцовъ
О, матери кровь, проклятьемъ твоимъ.

ОРЕСТЪ.

Ты, къ сердцу прильни и плачь надо мной,
О, плачь, какъ надъ мертвымъ въ могилѣ!
(Сцена плача).

КАСТОРЪ.

Прощальная рѣчь... Какъ страшно звучишь
Ты въ сердцѣ безсмертномъ!
Вы жъ, о муки людей обреченныхъ страдать,
Вы слезой закипаете въ богѣ...

ОРЕСТЪ.

Не видѣть тебя!

ЭЛЕКТРА.

Лучами очей не сливаться!

ОРЕСТЪ.

Съ нѣжныхъ устъ, о послѣдній привѣтъ...

ЭЛЕКТРА.

Ты, о городъ, прости
Будьте счастливы долго подруги. (Собирается уходить).

ОРЕСТЪ.

Уходишь... такъ скоро... а дружба и клятвы?

ѲЛЕКТРА.

Лицо мое слезы покрыли... Прости мнѣ...

(Уходитъ съ Пиладомъ).

ОРЕСТЪ (во слѣдъ Пиладу).

Прощай же и ты, о Пиладъ,
Будь мужемъ Электры и счастливъ.

(Мимическая сцена. Орестъ болѣзненно съеживается и дѣлаетъ прыжокъ. Глаза его безпокойно горятъ и бѣгаютъ. Онъ готовъ бѣжать).

КАСТОРЪ.

Оставь ихъ... а самъ скрывайся, бѣги
Къ Аѳинамъ... Ты видишь ужъ вотъ онѣ, вотъ:
Собаки ужасныя рвутся къ тебѣ;
Не лапы, а змѣи, какъ уголь черны,
И сладки имъ муки людскія...

(Орестъ убѣгаетъ, дрожа, большими прыжками)

А мы къ Сицилійскимъ волнамъ поспѣшимъ
Спасать корабли среди бури.
Преступное сердце съ эѳирныхъ высотъ
Спасенья отъ насъ не увидитъ,
Но тотъ, кто и правду, и долгъ свой хранилъ
И жизнь не позоритъ, тотъ милъ намъ:
Его и подъ грузомъ нужды сбережемъ.
О, смертный: обидъ и нарушенныхъ клятвъ
Страшися, и святъ, и свободенъ...
Тебѣ говорю, какъ безсмертный и богъ. (Исчезаетъ).

КОРИФЕЙ.

О, радуйтесь... вы, кому радость дана.
Кто бѣдствія чуждъ и не страждетъ,
Не тотъ-ли межъ смертными счастливъ?

Хоръ молча покидаетъ сцену, подъ мѣрные звуки ударныхъ инструментовъ, отбивающихъ тактъ...

И. Анненскій.

ЗАМѢТКИ ПО ДРЕВНЕЙ ГЕОГРАФІИ СѢВЕРНАГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЧЕРНАГО МОРЯ.

V [1]).

Объ островѣ св. Ѳеерія.

Константинъ Багрянородный въ посвященномъ сыну Роману сочиненіи, обыкновенно цитируемомъ подъ латинскимъ заглавіемъ „De administrando imperio", описывая „путь изъ Варягъ въ Греки", говоритъ, что Россы по совершеніи обычныхъ жертвоприношеній на островѣ св. Григорія, лежавшемъ на Днѣпрѣ ниже пороговъ (обыкновенно отождествляемомъ съ о. Хортицею [2]), продолжаютъ плаваніе четыре дня, пока не достигнутъ лимана, который составляетъ устье этой рѣки и на которомъ лежитъ островъ св. Ѳеерія; приставъ къ этому острову, путники отдыхаютъ на немъ два или три дня и приводятъ въ порядокъ свои „однодеревки"; а такъ какъ, продолжаетъ авторъ, устье рѣки, какъ сказано, есть лиманъ, доходящій до моря, и къ морю лежитъ островъ св. Ѳеерія, то оттуда они уходятъ къ рѣкѣ Днѣпру и тамъ снова отдыхаютъ, а затѣмъ, выждавъ благопріятнаго времени, отправляются къ рѣкѣ Бѣлой и т. д. [3]). Затѣмъ въ извѣстномъ до-

---

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (отд. кл. фил.) за апрѣль и августъ 1892 г., апрѣль 1894 г. и ноябрь 1898 г.

[2]) См. объ этомъ островѣ *Бруна* Черноморье ч. II, стр. 368 сл.

[3]) Const. Porphyrog. *De adm. imp.* cap. IX, ed. Bonn. v. III (1840) p. 78:... εἶθ' οὕτως ἀποκινοῦντες ἐξ αὐτοῦ [sc. τοῦ νησίου τοῦ ἁ. Γρηγορίου] μέχρι τεσσάρων ἡμερῶν ἀποπλέουσιν ἕως οὗ καταλάβωσιν εἰς τὴν λίμνην τοῦ ποταμοῦ στόμιον οὖσαν· ἐν ᾗ ἔστι καὶ ἡ νῆσος τοῦ ἁγίου Αἰθερίου. καταλαβόντες οὖν οὗτοι τὴν τοιαύτην νῆσον προσαναπαύουσιν ἑαυτοὺς ἐκεῖσε ἕως δύο καὶ τριῶν ἡμερῶν, καὶ πάλιν τὰ ἑαυτῶν

говорѣ Игоря съ греками между прочимъ заключается условіе, чтобы русскіе не творили никакого зла херсонцамъ, ловящимъ рыбу въ устьяхъ рѣки Днѣпра, и не зимовали ни здѣсь, ни въ Бѣлобережьѣ, ни „у святаго Ельферья“, но съ наступленіемъ осени возвращались домой, въ русскую землю [1]). Мѣстность „у святаго Ельферья“ почти всѣми изслѣдователями (кромѣ Лерберга) отождествляется съ островомъ св. Эѳерія, упоминаемымъ у Константина.

Этотъ островъ уже Байеръ, Пейссонель и Шлецеръ искали предъ устьемъ Днѣпровскаго лимана [2]). Карамзинъ отождествилъ его съ островкомъ Березанью [3]), лежащимъ прямо передъ входомъ въ Днѣпровскій лиманъ, и это тождество до сихъ поръ остается общепринятымъ въ наукѣ [4]), хотя и были нѣкоторыя попытки пріурочить островъ св. Эѳерія къ другимъ мѣстностямъ [5]).

Въ „Новороссійскомъ календарѣ“ на 1854 г. извѣстный изслѣдователь исторической географіи южной Россіи проф. Ф. К. Брунъ помѣстилъ спеціальную статью объ островѣ св. Эѳерія, въ которой впервые поднялъ вопросъ, почему именно этотъ островъ получилъ то имя, подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ греческому императору. „Желая дать поводъ къ рѣшенію сего вопроса, говоритъ авторъ, я почитаю неизлишнимъ представить на обсужденіе критиковъ мнѣніе, что древній островъ Борисѳенъ новое свое имя получилъ по одному изъ семи Священномучениковъ, епископствовавшихъ въ Херсонѣ и утвердившихъ тамъ своими подвигами христіанскую вѣру,—епископа Херсонскаго св. Еѳерія, который, заболѣвъ на обратномъ пути изъ Константинополя въ свою епархію, преставился на островѣ *Аисѣ*, гдѣ надъ гробницею его былъ поставленъ памятникъ“.

μονόξυλα εἰς ὅσας ἂν λείπωνται χρείας περιποιοῦνται, τά τε ἄρμενα καὶ τὰ κατάρτια καὶ τὰ αὐχένια ἅπερ ἐπιφέρονται· ἐπεὶ δὲ τὸ στόμιον τοῦ τοιούτου ποταμοῦ ἐστὶν ἡ τοιαύτη λίμνη, καθὼς εἴρηται, καὶ κρατεῖ μέχρι τῆς θαλάσσης, καὶ πρὸς τὴν θάλασσαν κεῖται ἡ νῆσος τοῦ ἁγίου Αἰθερίου, ἐκ τῶν ἐκεῖσε ἀπέρχονται πρὸς τὸν Δάναπριν ποταμόν, καὶ διασωθέντες ἐκεῖσε πάλιν ἀναπαύονται. ἡνίκα δὲ γένηται καιρὸς ἐπιτήδειος, ἀποσκαλώσαντες ἔρχονται εἰς τὸν ποταμὸν τὸν ἐπιλεγόμενον Ἄσπρον κτλ.

[1]) Лѣтопись по Лавр. списку, изд. Археогр. комм. (С.-Пб. 1872), стр. 50.

[2]) См *Брунъ*, Черноморье, ч. I, стр. 14.

[3]) Ист. Госуд. Росс. т. I, гл. VI (въ 5-мъ изд. Эйнерлинга, С.-Пб. 1842,—стр. 93) и прим. 355 (стр. 97). Карамзинъ ссылается при этомъ на Memor. popul. (Stritter'a) II, 984, гдѣ приведенъ латинскій переводъ даннаго мѣста Константина.

[4]) Ср., напр., *Н. П. Барсовъ*, Очерки русской истор. геогр., изд. 2. (Варш. 1885), стр. 21 и 134 и прим. 47 на стр. 223.

[5]) Объ этихъ попыткахъ (Бурачкова и Мурзакевича) скажемъ ниже.

Указавъ, далѣе, на то, что источникомъ свѣдѣній о св. Эѳеріи служитъ для насъ житіе его, помѣщенное въ „Книгѣ житій святыхъ" св. Димитрія Ростовскаго (подъ 7 марта) и взятое, какъ свидѣтельствуетъ приписка на полѣ книги, „изъ рукописныхъ греческихъ", и приведя относящіяся къ данному вопросу подлинныя слова житія, Брунъ высказалъ рядъ справедливыхъ соображеній въ пользу того, что „островъ, носившій впослѣдствіи имя св. Еѳерія, былъ тотъ самый, который принялъ въ нѣдра свои земные останки святителя", и затѣмъ весьма подробно и съ огромнымъ ученымъ аппаратомъ доказывалъ мысль о томъ, что островъ *Аасъ*, переименованный въ честь умершаго на немъ св. епископа, не могъ быть никакимъ другимъ кромѣ Березани. Сущность дѣла заключается въ томъ, что по мнѣнію Бруна названіе *Аасъ* почти тождественно съ однимъ изъ наименованій рѣки Днѣпра въ средніе вѣка, именно *Озо* или *Узу*, и что это названіе легко могло перейдти и на островъ, лежащій при устьѣ Днѣпра. Мы не будемъ разсматривать подробно эти доказательства, такъ какъ вся искусственная постройка Бруна, какъ мы сейчасъ увидимъ, оказалась совершенно напрасною и за нимъ въ настоящее время можетъ быть признана только заслуга первой постановки вопроса о происхожденіи названія острова св. Эѳерія.

Въ срединѣ 70-хъ годовъ Брунъ задумалъ соединить свои статьи по исторической географіи южной Россіи, въ дополненномъ и переработанномъ видѣ, въ сборникъ подъ заглавіемъ „Черноморье" [1]) и первую часть этого сборника представилъ въ рукописи въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе Уваровской преміи въ 1878 году. Профессоръ С.-Петербургскаго университета (нынѣ академикъ) В. Г. Васильевскій по порученію Академіи написалъ подробную рецензію, въ которой тщательно разсмотрѣлъ всѣ 12 статей, вошедшихъ въ составъ сборника, въ томъ числѣ и интересующую насъ теперь статью объ островѣ св. Эѳерія [2]).

---

[1]) Первая часть сборника вышла въ Одессѣ въ 1879 г. (въ XXVIII томѣ „*Записокъ Импер. Новоросс. университета*" и отд.), вторая—въ 1880 г., уже послѣ смерти автора (въ XXX томѣ тѣхъ же „*Записокъ*"). Статья объ островѣ св. Эѳерія напечатана въ 1-й части на стр. 14—32.

[2]) Отчетъ о двадцать первомъ присужденіи наградъ графа Уварова (Прилож. къ XXXVI тому *Записокъ Имп. Акад. Наукъ*, № 5, С.-Пб. 1880), стр. 73—77. Послѣ выхода въ свѣтъ 1-й части „Черноморья" В. Г. Васильевскій помѣстилъ о ней рецензію въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за ноябрь 1879 г., стр. 84—112. Отзывъ о статьѣ объ островѣ св. Эѳерія въ обѣихъ рецензіяхъ совершенно одинаковъ.

Соглашаясь съ конечнымъ результатомъ изслѣдованія Бруна,— что островъ св. Эѳерія есть именно Березань, а не Тендра, какъ незадолго передъ тѣмъ утверждалъ П. О. Бурачковъ [1]), В. Г. Васильевскій замѣчаетъ (стр. 74), что „все это обиліе учености, весьма цѣнное само по себѣ, пришлось бы считать напрасно и непроизводительно расточаемымъ, если бы оно всегда приводило къ такимъ выводамъ, какой далѣе слѣдуетъ у Ф. К. Бруна“ (то-есть, что названіе рѣки *могло* перейдти на островъ, лежащій у ея устья), и что „такой способъ заключенія никогда не будетъ пользоваться большимъ кредитомъ въ ученой критикѣ“, такъ какъ „намъ нужны положительныя доказательства, что это не только могло быть, но и на самомъ дѣлѣ было“. Обращаясь затѣмъ къ названію острова *Аасомъ*, почтенный рецензентъ находитъ, что „самая исходная точка всего разсужденія была весьма сомнительна“, такъ какъ кромѣ той редакціи житія херсонскихъ мучениковъ, которою пользовался Брунъ, имѣются гораздо лучшіе источники этого житія, на основаніи которыхъ слѣдуетъ отвергнуть самое чтеніе *Аасъ*, какъ совершенно ошибочное и невѣрное, именно 1) греческій текстъ житія, изданный послѣ перваго появленія статьи Бруна въ печати [2]) и 2) славянская редакція въ

[1]) *Зап. Одесск. общ. исторіи и древн.* т. IX, стр. 40 сл. Ср. его же „Замѣтки по древней географіи Новоросс. края (письма къ проф. Ф. К. Бруну)“ въ *Извѣстіяхъ Имп. Русскаго Географ. общества* т. XI (1875 г.), вып. 3, стр. 181 — 188. На мнѣніе Бурачкова ссылается м. пр. *Д. И. Иловайскій* въ „Исторіи Россіи“, ч. I (М. 1876), стр. 293, прим. 13.—В. Г. Васильевскій замѣчаетъ объ этомъ мнѣніи: „Напрасно этотъ послѣдній [то-есть, Бурачковъ] указываетъ на то, что островъ Березань не находится на пути плаванія изъ Цареграда въ Корсунь. Въ греческомъ текстѣ житія островъ *Алсосъ* и не предполагается лежащимъ на таковой дорогѣ, потому что тамъ говорится о „противныхъ вѣтрахъ“. Сверхъ того, выраженіе „ἐν τοῖς μέρεσι τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ = „въ странахъ рѣкы Дьнапра“, конечно, больше идетъ къ Березани, чѣмъ къ Тендрѣ и т. д.“

[2]) Греческій текстъ житія былъ изданъ по копіи рукописи, присланной изъ Москвы покойнымъ Невоструевымъ, въ *Запискахъ Од. Общ. исторіи и древностей*, т. VII (1868 г.), стр. 120—131, съ русскимъ переводомъ прот. С. Серафимова. Замѣтивъ, что въ „Запискахъ“ нѣтъ указанія, изъ какой рукописи была заимствована эта копія, г. Васильевскій говоритъ, что „всетаки можно утверждать, не боясь ошибки, что греческій текстъ житія былъ выписанъ изъ знаменитой *Минеи XI вѣка*, украшенной миніатюрами... и вообще составляющей одно изъ лучшихъ сокровищъ Московской синодальной библіотеки“. Мѣсто о прибытіи св. Эѳерія къ острову Ἄλσος приведено г. Васильевскимъ по собственному сличенію. (Отмѣчаемъ это потому, что греческій текстъ въ „Запискахъ“ изданъ крайне небрежно, съ массою промаховъ въ удареніяхъ, придыханіяхъ и проч.). Справка въ новомъ каталогѣ архимандрита Владиміра („Систематич. описаніе

Супрасльскомъ сборникѣ, изданномъ Миклошичемъ [1]) раньше этой статьи, но не обратившемъ на себя вниманія изслѣдователя.

Въ первомъ источникѣ читается, что св. Эѳерій былъ прибитъ противными вѣтрами „ἔν τινι νήσῳ ἄλσος ὠνομασμένῃ καὶ τοῖς μέρεσι τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ προσκειμένῃ“, а во-второмъ—что онъ „привръженъ бысть въ островъ нарицаемыи Алосъ въ странахъ рѣкы Дьнапра“. Отмѣтивъ, что по этимъ обѣимъ древнѣйшимъ редакціямъ Эѳерій умеръ на этомъ островѣ не на возвратномъ пути послѣ путешествія въ Царьградъ, а при первомъ путешествіи въ Херсонъ, никогда не видавъ своей епархіи, В. Г. Васильевскій заключаетъ: „Какъ бы то ни было, островъ въ странахъ рѣки Днѣпра, на которомъ умеръ св. Эѳерій, назывался первоначально не *Аасъ*, а *Алсосъ* или еще того вѣрнѣе *Алосъ* (какъ въ Супрасльской рукописи)“.

Такимъ образомъ В. Г. Васильевскій свелъ къ нулю все ученое разсужденіе Бруна. Но мы позволяемъ себѣ сомнѣваться въ томъ, что стоящую въ Супрасльской рукописи форму названія интересующаго насъ острова—*Алосъ*—слѣдуетъ считать болѣе вѣрною, нежели греческую форму Ἄλσος. Намъ кажется, наоборотъ, что греческая форма есть истинная, а форма *Алосъ* произошла изъ нея путемъ порчи или фонетическаго измѣненія [2]), равно какъ и *Аасъ* или еще *Ласъ* [3]). Дѣло въ

рукописей Московской синод. (патріаршей) библіотеки“, ч. I, М. 1894, стр. 564) вполнѣ подтверждаетъ указаніе г. Васильевскаго. Рукопись поставлена въ каталогѣ о. Владиміра подъ № 376. Мы надѣемся вернуться къ этому „Житію“ въ другомъ мѣстѣ.

[1]) Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice Suprasliensi ed. *F. Miklosich* (Vindob. 1851), стр. 414—425: Житиѥ и страсть святыихъ отьць и епискоупъ бывъшиіхъ Василѣа, Капитона, мѫченыихъ вь Хер'сони.

[2]) Здѣсь возможны два предположенія: 1) переводчикъ могъ оставить въ славянскомъ текстѣ форму Алсосъ съ греческимъ окончаніемъ (ср. Христосъ, ирмосъ, икосъ и т. п.) и затѣмъ эта форма могла быть искажена при перепискѣ выпущеніемъ буквы с; 2) греческое окончаніе ος могло быть отброшено и тогда получилась форма *Алсъ*, въ которой по требованію фонетики древняго церковнославянскаго языка послѣ л передъ согласнымъ долженъ былъ явиться ъ, то-есть, это слово должно было писаться *Алъсъ*, а затѣмъ вмѣсто Алъсъ могло явиться написаніе *Алосъ*. Это второе предположеніе намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, нежели первое. Прекрасную аналогію къ нему представляетъ указанная намъ А. А. Шахматовымъ форма *кинось*=кинъсъ=χῆνσος (census), о которой см. *Ѳ. И. Буслаева* въ „Матеріалахъ для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ“ (М. 1855), стр. 31. Вполнѣ аналогично также происхожденіе формы *псаломъ* изъ псалъмъ=ψαλμός. Разныя формы этого слова (въ томъ числѣ ψалъмосъ, ψаломосъ, ψаломъ и др.) см. у *Миклошича*, Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, Vind. 1862—1865.

[3]) Форму *Ласъ* (Las) даетъ *Кёне*, Изслѣдованія объ исторіи и древностяхъ города

томъ, что названіе Ἄλσος не есть ἅπαξ εἰρημένον въ греческомъ житіи херсонскихъ мучениковъ: оно встрѣчается уже у древнихъ авторовъ и, повидимому, представляетъ собою прочно установившееся топографическое обозначеніе, существовавшее въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, но прилагавшееся, кажется, не къ одной и той же мѣстности. Древнѣйшимъ изъ авторовъ, у которыхъ мы встрѣчаемъ это названіе, является Стравонъ. Упомянувъ въ VII, 3, 17, что передъ устьемъ рѣки Борисѳена (Днѣпра) находится островъ съ гаванью, онъ далѣе въ § 19 говоритъ, что за этимъ островомъ сейчасъ къ востоку идетъ морской путь къ мысу Ахиллова бѣга, лишенному растительности, но *называемому рощею* и посвященному Ахиллу, а затѣмъ идетъ Ахилловъ бѣгъ (Μετὰ δὲ τὴν πρὸ τοῦ Βορυσθένους νῆσον ἑξῆς πρὸς ἀνίσχοντα ἥλιον ὁ πλοῦς ἐπὶ ἄκραν τὴν τοῦ Ἀχιλλείου δρόμου, ψιλὸν μὲν χωρίον, καλούμενον δ' ἄλσος, ἱερὸν Ἀχιλλέως· εἶθ' ὁ Ἀχίλλειος δρόμος κτλ.). Ясно, что Стравонъ разумѣлъ подъ „Ахилловой рощей“ крайнюю (сѣверо-западную или, точнѣе, сѣверную, такъ какъ конецъ косы обращенъ къ сѣверу) оконечность Ахиллова бѣга, то есть нынѣшней Тендры. Названіе „рощею“ мѣстности, лишенной растительности, объясняется тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что слово ἄλσος у грековъ служило обычнымъ названіемъ посвященныхъ богамъ участковъ, хотя бы и не покрытыхъ растительностью [1]). Птолемей (Geogr. III, 5, 2) называетъ западный мысъ Ахиллова бѣга иначе, именно Ἱερὸν ἄκρον, и ставитъ его подъ 57° 50′ долг. и 47° 30′ шир., а нѣсколько сѣвернѣе его (58° 30′ долг., 47° 45 шир.), между обозначеніями положенія устья рѣки Ипанида и перешейка Ахиллова бѣга, ставитъ мысъ подъ названіемъ ἄλσος Ἑκάτης, очевидно не тождественный съ Стравоновой „рощей Ахилла“. Въ другомъ мѣстѣ (III, 10, 9) Птолемей называетъ островъ Борисѳениду подъ 57° 15′ долг. и 47° 40′ шир. Этотъ островъ обыкновенно принимаютъ за Березань, но въ такомъ случаѣ положеніе его опредѣлено невѣрно [2]). Позднѣе

Херсониса Таврическаго (С.-Пб. 1848), стр. 123, безъ указанія источника. Обѣ эти формы, то-есть *Аасъ* и *Ласъ*, мнѣ кажется, явились вмѣсто *Алсъ* по ошибкѣ переписчиковъ.

[1]) Объ этомъ ясно говоритъ самъ Стравонъ въ IX, 2, 33 (p. 412): οἱ δὲ ποιηταὶ κοσμοῦσιν ἄλση καλοῦντες τὰ ἱερὰ πάντα κἂν ᾖ ψιλά. Ср. *Stengel*, Griech. Kultusaltertümer (въ Iw. Müller's Handb. d. kl. Alt.)[2] p. 18: „Ein mit Bäumen bepflanztes τέμενος hiess ἄλσος, und dieser Name wurde für derartige Heiligtümer so gewöhnlich, dass selbst ein baumloses, einem Gott geheiligtes Stück Land so genannt werden konnte“.

[2]) Ср. *Ukert*, Geogr. d. Griechen u. Römer, III Th. 2 Abth., Skythien (Weim. 1846), стр. 450.

безыменный авторъ перипла Понта Евксинскаго какъ бы смѣшалъ свидѣтельства Стравона и Птолемея, назвавъ западную косу Ахиллова бѣга „священною рощею Экаты“ (ἱερὸν ἄλσος τῆς Ἑκάτης, § 58); при этомъ онъ ставитъ эту рощу въ 200 стадіяхъ или 26²/₃ миляхъ отъ Борисѳена и совершенно ясно отличаетъ ее отъ „весьма маленькаго, пустыннаго и безыменнаго островка“, который называетъ далѣе (§ 61) въ 60 ст. отъ Борисѳена и въ 80 ст. отъ Одисса, слѣдуя въ описаніи этого островка Арріану (Per. § 31). Этотъ островокъ—несомнѣнно Березань. Наконецъ Амміанъ Марцеллинъ (XXII, 8, 99) говоритъ неопредѣленно, что въ мѣстностяхъ около Каркинитскаго залива и рѣки того же имени была священная роща Тривіи, то есть Экаты (religiosus per eas terras Triviae lucus). Слѣдуетъ еще отмѣтить показаніе неизвѣстнаго автора „Стравоновской хрестоматіи“: близко держась въ другихъ случаяхъ текста Стравона, эпитоматоръ отступилъ отъ него въ указаніи мѣстоположенія Ахилловой рощи и поставилъ ее *на материкѣ*. Вотъ его слова [1]): „Устья рѣки Борисѳена и островъ Борисѳенъ [=Березань] находятся въ углу Тамиракскаго залива, а рѣка Каркинитъ впадаетъ въ уголъ соименнаго залива. Между этими двумя заливами лежитъ въ видѣ полуострова Тавроскиѳія, южная часть которой представляетъ собою идущій по прямой линіи берегъ, Ахилловъ бѣгъ... Сейчасъ же за островомъ Борисѳеномъ къ востоку на материкѣ находится голая мѣстность, но называемая рощей, посвященная Ахиллу. Затѣмъ слѣдуетъ Ахилловъ бѣгъ“ и т. д. (Ὅτι μετὰ τὴν νῆσον τὸν Βορυσθένη ἑξῆς πρὸς ἀνατολὰς ἐν τῇ ἠπείρῳ ψιλὸν χωρίον, καλούμενον ἄλσος, ἱερὸν Ἀχιλλέως· εἶτα ὁ Ἀχίλλειος δρόμος κτλ). Еслибы эпитоматоръ не прибавилъ словъ „ἐν τῇ ἠπείρῳ“, то можно было бы сказать, что онъ просто сократилъ текстъ Стравона; но эта прибавка подаетъ поводъ думать, что онъ имѣлъ подъ руками другіе источники, руководствуясь которыми исправилъ показаніе своего автора, при чемъ, быть можетъ, смѣшалъ Ахиллову рощу съ рощею Экаты.

Какъ бы то ни было, во всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствахъ ἄλσος Ἀχιλλέως или ἄ. Ἑκάτης никоимъ образомъ не могутъ быть отождествлены съ нынѣшней Березанью. Но и независимо отъ этого намъ кажется, что всѣ изслѣдователи, пріурочивавшіе къ ней островъ св. Эѳерія, не обращали достаточнаго вниманія на описанное Константиномъ Багрянороднымъ положеніе этого острова и значеніе его

---

[1]) Цитируемъ по нашимъ „Извѣстіямъ др. писат. о Скиѳіи и Кавказѣ“, вып. I, стр. 166.

на пути плаванія Россовъ. Константинъ ясно говоритъ, что островъ св. Эѳерія лежитъ въ Днѣпровскомъ лиманѣ, тогда какъ Березань находится уже *за* лиманомъ (хотя и недалеко отъ него) въ открытомъ морѣ. Здѣсь Россы останавливались дня на 2—3 и приготовляли свои „однодеревки" къ опасностямъ морскаго плаванія. Для этого необходима была удобная, защищенная отъ вѣтровъ стоянка, которой у Березани не было, такъ какъ островъ этотъ открытъ для всѣхъ вѣтровъ [1]), и было бы крайне странно, еслибы Россы выходили сюда, минуя подходящія стоянки въ лиманѣ. Оснастивши ладьи, Россы снова уходили въ Днѣпръ и тамъ выжидали удобнаго времени для того, чтобы пуститься въ открытое море. Опять является совершенно непонятнымъ, зачѣмъ было имъ выходить изъ лимана въ открытое море, тамъ приготовлять ладьи и затѣмъ снова возвращаться въ Днѣпръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что приготовленіе къ морскому пути происходило *до* выхода въ море,—а въ такомъ случаѣ островъ св. Эѳерія *не можетъ быть* отождествленъ съ Березанью. Затѣмъ слѣдуетъ еще отмѣтить, что по свидѣтельству житія св. херсонскихъ мучениковъ на мѣстѣ погребенія св. Эѳерія произволеніемъ Божіимъ выросли деревья, которыя издалека указывали могилу святаго; между тѣмъ, по словамъ г. Пренделя [2]), старожилы помнятъ на Березани только одно грушевое дерево, мѣсто котораго отмѣчено даже по картѣ г. Пренделя, и, судя по описанному имъ геологическому строенію острова, на немъ никогда не могло быть болѣе или менѣе значительной древесной растительности [3]).

Гдѣ же искать островъ св. Эѳерія, принимая тождество его съ ἄλσος житія херсонскихъ мучениковъ? Приведенныя нами свидѣтель-

---

[1]) См. карту острова, приложенную къ статьѣ *Р. А. Пренделя* „Археологическія разслѣдованія на островѣ Березани" въ *Трудахъ VI археол. съѣзда въ Одессѣ*, т. I (Од. 1866), стр. 216 — 219. *Н. О. Бурачковъ*, отличный знатокъ современной топографіи южной Россіи, по поводу свидѣтельства Игорева договора прямо говоритъ (*Зап. Од. Общ.* IX, стр. 44), что „о. Березань представляетъ и физическую невозможность для зимовки большому количеству ладей".

[2]) Ук. ст. стр. 217. Ср. объ этой пресловутой грушѣ гр. *Уварова* Изслѣдованіе о древностяхъ южной Россіи, стр. 141, и *Бурачкова* въ *Зап. Од. Общ.* т. IX, стр. 42.

[3]) О геологическомъ строеніи Березани ср. также статью *Н. А. Соколова* „Замѣтка объ островѣ Березани и дислокаціяхъ понтическихъ отложеній въ области Сиваша и Перекопскаго залива" въ *Извѣстіяхъ геолог. комитета*, т. XIV (1895), вып. 6—7, стр. 241 — 258. Авторъ говоритъ, между прочимъ (стр. 244), что поверхность этого острова является *какъ бы клочкомъ новороссійскихъ степей*, отдѣленнымъ отъ материка моремъ.

ства древнихъ авторовъ заставляютъ различать двѣ „рощи", — ἄλσος Ἀχιλλέως и ἄλσος Ἑκάτης [1]), тогда какъ на основаніи словъ „Житія" слѣдуетъ думать объ *одной* мѣстности, носившей во времена св. Эѳерія, то-есть въ первой четверти IV вѣка по Р. Хр., названіе ἄλσος безъ всякаго опредѣленія. Отсюда приходится заключить, что одна изъ двухъ „рощъ" съ теченіемъ времени потеряла это названіе, а другая сохранила, и это сохранившееся названіе стало употребляться безъ имени божества, которому роща была посвящена. Теперь возникаетъ вопросъ, которая „роща" удержала свое названіе до IV вѣка и даже, можетъ быть, дальше? Приведенныя выше свидѣтельства древнихъ авторовъ, мнѣ кажется, даютъ намъ право съ полною увѣренностью рѣшить этотъ вопросъ въ пользу „рощи Экаты": ее знаютъ Птолемей, Аммiанъ Марцеллинъ и Безыменный, тогда какъ Ахиллову рощу называютъ только Стравонъ и, конечно, его эпитоматоръ. Птолемей, называя оконечность Ахиллова бѣга Ἱερὸν ἄκρον, даетъ намъ основаніе предполагать, что въ его время названіе ἄλσος Ἀχιλλέως уже не употреблялось. Во всякомъ случаѣ эта „Ахиллова роща" Стравона не можетъ быть отождествлена съ Константиновымъ островомъ св. Эѳерія, такъ какъ она находилась далеко отъ Днѣпровскаго лимана, въ которомъ лежалъ этотъ островъ по ясному свидѣтельству Константина. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что ἄλσος „Житія" или островъ св. Эѳерія есть не что иное, какъ ἄλσος Ἑκάτης Птолемея и Аммiана Марцеллина.

По общераспространенному мнѣнію, Птолемеева „роща Экаты" соотвѣтствовала нынѣшней Кинбурнской косѣ [2]). Въ недавнее время противъ этого пріуроченія высказался Ѳ. А. Браунъ [3]) въ слѣдующихъ словахъ: „Эта роща [то-есть, Гекаты] не лежитъ также на Кинбурнской косѣ, гдѣ ее обыкновенно ищутъ. Кинбурнскій мысъ совпадаетъ съ устьемъ Борисѳена, а роща Гекаты отстоитъ отъ послѣдняго, по Птолемею, на 503,5 стад.=87,1 в. Если перенести это разстояніе на нашу карту и считать отъ устья Днѣпровскаго лимана вдоль берега, принимая во вниманіе Ягорлыцкій заливъ, то 85-я [4]) верста приведетъ насъ къ запад-

[1]) Ср., напримѣръ, *K. Neumann*, Die Hellenen im Skythenl. (Berl. 1855), стр. 368 сл. и карту; *Tomaschek* въ Pauly-Wissowa, Real-Encyklop. s. v. Ἀχιλλέως ἄλσος.

[2]) Ср. *Neumann*, ук. соч. стр. 372; *Брунъ*, Черноморье, II, стр. 21 и др.

[3]) Въ статьѣ „Нѣсколько словъ о Ὑλαία и Ἀχιλλέως δρόμος", помѣщенной въ Commentationes philologicae въ честь И. В. Помяловскаго (С.-Пб. 1897), стр. 103—108.

[4]) Здѣсь, вѣроятно, опечатка вмѣсто „88-я".

ной оконечности Ягорлыцкаго полуострова: и здѣсь, слѣдовательно, лежала роща Гекаты". Въ подстрочномъ примѣчаніи авторъ прибавляетъ, что оправданіе его расчетовъ читатель найдетъ въ его книгѣ „Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній", которая до сихъ поръ еще не вышла въ свѣтъ. Поэтому мы лишены пока возможности узнать, какимъ образомъ получено г. Брауномъ разстояніе въ 503,5 стадій. Кромѣ того, для насъ остается неяснымъ, почему собственно почтенный изслѣдователь подъ Βορυσθένους ποταμοῦ ἐχβολαί разумѣетъ устье Днѣпровскаго *лимана*, а не впаденіе рѣки въ лиманъ, и почему онъ игнорировалъ указанное уже Нейманомъ затрудненіе въ соглашеніи разныхъ показаній Птолемея [1]), а также и то, что по словамъ этого писателя роща Экаты есть ἄχρον, а на Ягорлыцкомъ полуостровѣ, насколько можно судить по картамъ [2]), мысовъ или сколько-нибудь значительныхъ косъ нѣтъ. Наконецъ, если принимать тождество острова св. Эѳерія съ рощей Экаты, согласно вышеприведеннымъ доводамъ, то перенесеніе послѣдней на Ягорлыцкій полуостровъ будетъ невозможно и потому, что онъ лежитъ не въ Днѣпровскомъ лиманѣ, гдѣ находился островъ св. Эѳерія по ясному показанію Константина Багрянороднаго, и не „въ странахъ рѣки Днѣпра", какъ сказано объ ἄλσος въ житіи херсонскихъ мучениковъ.

Возможно, мнѣ кажется, предположить, что подъ ἄλσος „Житія" и островомъ св. Эѳерія у Константина слѣдуетъ разумѣть не одну только Кинбурнскую косу, а весь Кинбурнскій полуостровъ до Бузовой, гдѣ находится самое узкое мѣсто перешейка между Днѣпровскимъ лиманомъ и Ягорлыцкимъ заливомъ, не превышающее нынѣ

---

[1]) Die Hell. im Skythenl. стр. 372: „Leider führt nun eine Vergleichung der Lage aller benachbarten Orte, wie sie von Ptolemaios angegeben wird, mit der dem Haine der Hekate angewiesenen Position zu der Ueberzeugung, dass zwischen diesen Angaben kein Zusammenhang obwaltet, dass Ptolemaios vielmehr die geographische Länge und Breite des Haines der Hekate nach einer besondern, vereinzelten Entfernungsangabe berechnet hat und so zu einem Resultate gelangt ist, welches mit den übrigen Ortsbestimmungen der Umgegend nicht im Einklang steht".

[2]) Мы пользуемся главнымъ образомъ 3-верстной военно-топографической картой, исправленной по рекогносцировкѣ 1865 г., и 10-верстной картой, изд. военно-топографическомъ отдѣломъ главнаго штаба подъ редакціей генералъ-лейтенанта Стрѣльбицкаго въ 1898 г., а также спеціальнымъ атласомъ Чернаго моря по описямъ *Манганари* (Никол. 1841, fol.), въ которомъ особенно важны въ данномъ случаѣ листы 23 и 24. Лично намъ Ягорлыцкій полуостровъ не извѣстенъ.

3—4-хъ верстъ [1]), или часть полуострова до Прогнойска. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что названіе ἄλσος съ оконечности полуострова могло распространиться на весь полуостровъ, никакого названія ранѣе не носившій. Мнѣ возразятъ, однако, что это *полуостровъ*, а между тѣмъ ἄλσος въ „Житіи" прямо называется *островомъ*, а равно и Константинъ дважды называетъ *островъ* св. Эѳерія. Охотно признаю, что это—самое сильное возраженіе противъ предполагаемаго мною отождествленія. Но при этомъ нельзя забывать, что между временемъ этихъ свидѣтельствъ объ „островѣ" и нашимъ временемъ прошло болѣе 900 лѣтъ [2]), въ теченіе которыхъ очертанія Днѣпровскаго лимана и окружающихъ его мѣстностей могли значительно измѣниться. Подробныя геологическія, гидрографическія и естественно-историческія изслѣдованія Днѣпровской дельты и лимана доказываютъ, что здѣсь непрерывно происходятъ естественные процессы, благодаря которымъ взаимныя отношенія и очертанія воды и суши мѣняются, можно сказать, на глазахъ наблюдателей [3]). Изслѣдователь Днѣпровской дельты и лимановъ сѣвернаго побережья Чернаго моря М. Е. Крендовскій говоритъ [4]), что древность Днѣпровской дельты въ предѣлахъ между Херсономъ и нынѣшнимъ устьемъ—около шести столѣтій, то-есть, иначе говоря, что „выполненіе лимана плавнями въ окрестностяхъ Херсона началось не позже XIII или XIV вѣка по Р. Хр.". И дѣйствительно, итальянскія морскія карты XIV и XV вѣковъ, изслѣдованныя Ф. К. Бруномъ [5]), вмѣсто нынѣшняго вида

---

[1]) *Крендовскій*, Изслѣд. Бугскаго, Днѣпр. и др. лимановъ (Труды общ. испыт. природы при Имп. Харьк. унив. т. XVIII и отд. изд. Харьк. 1884), стр. 42.

[2]) Константинъ VII Багрянородный царствовалъ, какъ извѣстно, съ 912 по 959 г. Относительно житія Херсонскихъ мучениковъ *В. Г. Васильевскій* (Русско-византійскія изслѣд., вып. II, С.-Пб. 1893, стр. CCXXXII) замѣчаетъ: „Ученые, конечно, стали бы сомнѣваться въ древности и первоначальности подробнаго корсунскаго повѣствованія, еслибы не существовало столь убѣдительное свидѣтельство о возможности относить его къ десятому вѣку или даже ранѣе, какое представляетъ фактъ наличнаго славянскаго перевода въ Супрасльской рукописи XI вѣка". Намъ кажется, что первоначальная редакція „Житія" значительно древнѣе X вѣка, но здѣсь мы не будемъ вдаваться въ разсмотрѣніе этого вопроса.

[3]) Имѣемъ въ виду главнымъ образомъ работы гг. Крендовскаго и Соколова. Ср. также *G. R. Credner*, Die Deltas, ihre Morphologie, geogr. Verbreitung und Entstehungs-Bedingungen, Gotha 1878 (Ergänzungsheft No. 56 zu Petermann's „Geogr. Mittheilungen").

[4]) Изслѣдованіе Днѣпровской дельты (Труды общества испыт. природы при Импер. Харьк. унив. т. XIV и отд. изд. Харьковъ 1881), стр. 42.

[5]) Берегъ Чернаго моря между Днѣпромъ и Днѣстромъ по морскимъ картамъ XIV и XV столѣтій (*Черноморье*, ч. I, стр. 72—97).

дельты показываютъ при устьѣ Днѣпра одинъ или два большихъ острова. Другой изслѣдователь происхожденія лимановъ южной Россіи, Н. А. Соколовъ замѣчаетъ слѣдующее [1]): „Принимая во вниманіе огромную массу наносовъ, выносимыхъ въ море рѣками южной Россіи, протекающими, какъ извѣстно, по большей части среди рыхлыхъ, легко размываемыхъ породъ, а также условія передвиженія матеріала въ прибрежной полосѣ моря, въ особенности же имѣя въ виду полное отсутствіе въ Черномъ морѣ значительныхъ суточныхъ колебаній морскаго уровня (прилива и отлива), нельзя и предполагать чего-либо инаго при неизмѣняющемся отношеніи уровней моря и рѣкъ, кромѣ усиленнаго прироста суши близъ устьевъ рѣкъ и постепеннаго выдвиганія въ море дельтъ“. Въ другомъ мѣстѣ того-же труда (стр. 24) г. Соколовъ пишетъ: „Въ отличіе отъ остальныхъ лимановъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, имѣющихъ меридіанальное или близкое къ меридіанальному направленіе, огромный Днѣпровскій лиманъ, достигающій до 60 верстъ въ длину и до 15 верстъ въ ширину, протягивается съ востока на западъ. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что этотъ лиманъ со времени своего образованія значительно перемѣстился по направленію къ западу, какъ это совершенно основательно замѣтилъ Браунеръ [О происхожденіи лимановъ. Сборн. Херс. Зем. 1890, № 2, стр. 4]. Съ одной стороны Кинбурнская коса изъ намытыхъ моремъ песка и ракуши представляетъ собою, какъ мы только что замѣтили, образованіе позднѣйшаго времени. Ранѣе образованія этой косы Днѣпровскій лиманъ едва ли простирался на западъ много далѣе м. Станислава. Съ другой стороны не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что къ востоку Днѣпровскій лиманъ продолжался прежде значительно дальше, чѣмъ въ настоящее время“ и т. д. При такихъ обстоятельствахъ тѣ маленькія озера и лужи, которыми нынѣ въ изобиліи покрытъ Кинбурнскій полуостровъ [2]), въ прежнія времена весьма легко могли быть въ связи между собою и образовать проливъ, соединявшій Днѣпровскій лиманъ съ Ягорлыцкимъ заливомъ. Этотъ проливъ скорѣе всего могъ существовать около Прогнойска и имѣть направленіе отъ сѣвера-востока къ юго-западу. Еще на большихъ картахъ конца прошлаго вѣка, напримѣръ, де-Рибаса [3]) и Дево-

---

[1]) О происхожденіи лимановъ южной Россіи (*Труды геолог. комитета* т. X, № 4, С.-Пб. 1895), стр. 17.

[2]) Бурачковъ (*Зап. Од. Общ.* IX, стр. 49) насчитываетъ ихъ 300 на пространствѣ 40 кв. верстъ.

[3]) „Гидрограф. карта сѣв. берегамъ Чернаго моря. Снята и промѣрена Черно-

ланта [1]), у Прогнойска показанъ заливъ лимана, развѣтвляющійся на три части, изъ коихъ средняя идетъ сначала къ юго-западу и затѣмъ загибается къ сѣверу, а съ южной стороны Кинбурнскаго полуострова показаны два длинныхъ и узкихъ залива, соединяющіеся однимъ устьемъ съ Ягорлыцкимъ заливомъ; восточный изъ этихъ заливовъ имѣетъ направленіе прямо къ сѣверу и сближается съ вышеупомянутою среднею частью Прогнойскаго залива, такъ что разстояніе между ними не превышало двухъ верстъ. Здѣсь-то и могъ быть, какъ намъ кажется, искомый проливъ [2]). Что касается до устройства упомянутыхъ озеръ, то, по описанію Крендовскаго [3]), „они большею частью имѣютъ круглую, а не длинную и узкую форму, указывающую на текущую воду въ нихъ, какая свойственна лиманамъ, происходящимъ изъ рѣчныхъ долинъ и овраговъ, и не вдаются въ материкъ, но представляютъ мелкіе озерные бассейны съ солоноватою водою, расположенные на новѣйшихъ прибрежныхъ рѣчныхъ или морскихъ наносахъ. Геологическое строеніе береговъ и дна этихъ озеръ показываетъ, что они произошли отъ углубленій морского дна, при чемъ сообщеніе ихъ съ моремъ заносилось морскимъ пескомъ и морскими раковинами и травою, доставляемыми сюда прибоемъ волнъ... Наполненіе этихъ озеръ соленою водою совершается главнымъ образомъ во время бурь. Приносимая водою морская трава, песокъ и раковины частью возвышаютъ берега озера, а частью засоряютъ прежніе свои пути—низменности, даже самыя озера".

Если возможно, такимъ образомъ, предположить существованіе пролива на нынѣшнемъ Кинбурнскомъ полуостровѣ, то отдѣленная этимъ проливомъ къ западу часть полуострова и могла быть остро-

---

морскаго гребнаго флота и инжен. корпуса офицерами... по повелѣнію вице-адмирала и кавалера *де-Рибаса*". Годъ изданія на картѣ не показанъ, но по свидѣтельству *Н. М. Кумани* въ „Запискахъ гидрограф. департамента морского министерства" ч. II (С.-Пб. 1844), стр. 394, съемка и описаніе береговъ происходили въ 1793 году. (Послѣднею справкою мы обязаны любезности А. П. Старкова).

[1]) Карта географическая изображающая область Озу или Едизанъ иначе называемою (sic) Очаковскою землею и присоединенную нынѣ въ Россійскому государству въ силу заключеннаго въ Яссахъ декабря 1791 г. мирнаго договора. Инженеръ-маіоръ и кавалеръ *Деволантъ*. — Эта карта приложена проф. *В. И. Григоровичемъ* къ „Запискѣ о пособіяхъ къ изученію южно-русской земли, находящихся въ военно-ученомъ архивѣ Главнаго Штаба" (*Записки Имп. Новоросс. универс.* т. XX, 1876 г.).

[2]) На современныхъ картахъ этихъ заливовъ уже нѣтъ и расположеніе озеръ показано совершенно иначе.

[3]) Изслѣд. Бугскаго, Днѣпр. и др. лимановъ, стр. 145.

вомъ св. Эѳерія. Такое предположеніе какъ нельзя лучше согласуется съ данными, сообщаемыми Константиномъ и житіемъ херсонскихъ мучениковъ: 1) островъ лежалъ въ лиманѣ (или, по житію, въ странахъ рѣки Днѣпра) по направленію къ морю; 2) Россы могли приставать къ нему именно въ предполагаемомъ проливѣ и здѣсь, въ уютномъ и защищенномъ отъ вѣтровъ мѣстѣ снаряжать свои ладьи къ морскому плаванію, а затѣмъ выходить снова въ Днѣпръ (то-есть, въ лиманъ) и тамъ выжидать удобнаго времени, чтобы пуститься въ море; 3) Кинбурнскій полуостровъ и нынѣ имѣетъ въ разныхъ мѣстахъ древесную растительность [1]), а стало быть тѣмъ болѣе могъ имѣть ее въ давнія времена, и могила св. Эѳерія дѣйствительно могла быть осѣнена высокими, издалека замѣтными деревьями. Но какъ бы то ни было, для того, чтобы *доказать* существованіе предполагаемаго нами острова, необходимо было бы пересмотрѣть всѣ существующія описанія Днѣпровскихъ дельты и лимана или упоминанія о нихъ, а также и всѣ карты, начиная съ средневѣковыхъ итальянскихъ и кончая новѣйшими. Не имѣя возможности въ настоящее время сдѣлать это, мы не можемъ вполнѣ увѣренно настаивать на нашемъ предположеніи, но отрицательный результатъ нашего изслѣдованія, то-есть, что островъ св. Эѳерія не тождественъ съ Березанью, считаемъ достовѣрнымъ.

Намъ могутъ еще возразить: если съ геологической точки зрѣнія возможно допустить, что предполагаемый нами островъ дѣйствительно нѣкогда существовалъ, то почему же о немъ не упоминаютъ древніе авторы, описывающіе интересующія насъ теперь мѣстности? Но вѣдь ни у одного изъ нихъ нѣтъ прямыхъ упоминаній и о *полуостровѣ*. Даже Діонъ Хрисостомъ, давшій намъ въ своей „Борисѳенитской рѣчи" наиболѣе подробное описаніе Днѣпровско-Бугскаго лимана, ничего не говоритъ объ южномъ его берегѣ, то-есть, нынѣшнемъ Кинбурнскомъ полуостровѣ. Иродотъ, безъ сомнѣнія вводящій его въ районъ своего „Полѣсья" (Ὑλαία), могъ и не знать, что здѣсь существуетъ протокъ, отдѣляющій западную часть Полѣсья въ видѣ острова. Остальныя описанія намѣчаютъ только болѣе или менѣе значительные пункты, лежавшіе на пути обычныхъ прибрежныхъ плаваній грековъ, а на мѣстности, удаленныя отъ этихъ путей, не обращаютъ вниманія и обходятъ ихъ молчаніемъ. Такъ, мы не встрѣчаемъ,

---

[1]) Свидѣтельства см. у *Бурачкова* въ *Зап. Од. Общ.* IX, стр. 3 сл. Ср. описаніе Кинбурнскаго полуострова у *Bonnell*, Beiträge zur Alterthumskunde Russlands т. I (S. Petersb. 1882), стр. 89 сл.

напримѣръ, упоминаній объ Ягорлыцкомъ заливѣ, не знаемъ названій заливовъ, образуемыхъ Тендрою и Джарылагачскою косою съ материкомъ, и т. п. Подобнымъ образомъ и предполагаемый нами проливъ могъ казаться не заслуживающимъ упоминанія, такъ какъ путь съ моря къ Борисѳену и Ипаниду шелъ не чрезъ него, а чрезъ устье лимана между укрѣпленіемъ Алектора и рощей Экаты, то-есть, между Очаковомъ и Кинбурнской косой [1]). Можно подозрѣвать, однако, что Стравонъ, помѣщая предъ устьемъ Борисѳена *островъ съ гаванью* (см. выше стр. 78), разумѣлъ не Березань какъ думаютъ обыкновенно, а именно предполагаемый нами островъ: спеціальное упоминаніе о гавани заставляетъ думать, что это была хорошая, удобная пристань, имѣвшая значеніе для мореплавателей; между тѣмъ на Березани гаваней нѣтъ и, судя по устройству ея, никогда не могло быть [2]).

Въ заключеніе справедливость требуетъ замѣтить, что уже покойный Н. Н. Мурзакевичъ въ своихъ „поясненіяхъ" къ переводу житія херсонскихъ мучениковъ [3]) предлагалъ искать мѣсто погребенія св. Ѳеерія на Кинбурнской косѣ, указывая на отсутствіе древесной растительности на Березани и на положеніе ея внѣ Днѣпровскаго устья. Но его мнѣніе, очевидно, показалось Бруну (при обработкѣ „Черноморья") и В. Г. Васильевскому не заслуживающимъ вниманія, такъ какъ они не упоминаютъ о немъ ни единымъ словомъ, и осталось не замѣченнымъ [4]).

В. Латышевъ.

---

[1]) Кстати замѣтимъ, что и объ „укрѣпленіи Алектора" имѣется упоминаніе только въ 36-й рѣчи Діона Хрисостома и значительно позднѣе у Равеннскаго географа (Alectnrum или Alecturia).

[2]) Вотъ что говоритъ объ устройствѣ береговъ Березани *П. А. Соколовъ* (Изв. геолог. комитета т. XIV, стр. 243): „Крутые, почти отвѣсно поднимающіеся скалистые берега и мелководное прибрежье, усѣянное подводными камнями — отторженцами понтическаго известняка, слагающаго основаніе острова Березани, дѣлаютъ этотъ островъ трудно доступнымъ. Только на сѣверо-восточной сторонѣ острова значительно болѣе низкій береговой уступъ окаймленъ полоской низменнаго намывнаго берега, сложенной изъ песка и галечника и представляющей удобное мѣсто для высадки".

[3]) *Зап. Од. Общ.* VII, стр. 132.

[4]) О мнѣніи Мурзакевича упоминаетъ, впрочемъ, *Бурачковъ* въ *Зап. Од. Общ.* IX, стр. 42.

ПО ПОВОДУ НОВЫХЪ РЕКОНСТРУКЦІЙ ТРЕХЪ АНТИЧНЫХЪ ФРОНТОНОВЪ [1]).

Западный фронтонъ Пареенона. Реконструкція Шверцека.

Реконструкція западнаго фронтона Пареенона, къ разсмотрѣнію котораго мы теперь обращаемся, принадлежитъ вѣнскому скульптору Шверцеку. Археологическая критика отнеслась къ результатамъ его попытки весьма различно: Фуртвенглеръ называетъ его композицію диллетантской и не придаетъ ей ровно никакого значенія [2]); Зауэръ же, который тоже можетъ считаться спеціалистомъ по вопросу о композиціи фронтонныхъ группъ Пареенона, указавъ на рядъ недостатковъ въ реконструкціи Шверцека, замѣчаетъ, что „das Ganze aber von entschiedenem Werth ist." [3]). „Литература о Пареенонѣ", какъ говоритъ Зауэръ въ началѣ своей рецензіи, „вступила опять въ періодъ прилива. Значительное число новонайденныхъ фрагментовъ и вновь открытыхъ фрагментовъ, затерявшихся съ теченіемъ времени, публикація старыхъ рисунковъ, нахожденіе новыхъ указаній къ познанію и установленію того, что̀ безнадежно утрачено, все это во многихъ отношеніяхъ обогатило ту картину, которую четверть вѣка тому назадъ съ преданной дѣлу тщательностью и точностью представилъ нашимъ глазамъ Михаэлисъ. Вмѣстѣ съ этимъ данная проблема, какъ и нѣкоторыя другія, изъ сферъ филологическихъ временно передвинулась болѣе въ сторону сферы техники и едва ли художникъ

---

[1]) *Продолженіе*. См. январьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за текущій годъ.

[2]) Berliner philolog. Wochenschrift, 1896, столб. 1592 сл.

[3]) Wochenschrift für klass. Philologie, 1897, столб. 94.

могъ выбрать болѣе удобный моментъ для самостоятельнаго сотрудничества".

Шверцекъ самъ написалъ объясненія къ своей реконструкціи, напечатанныя въ видѣ отдѣльной брошюрки съ приложеніемъ хорошо исполненной геліогравюры [1]), что̀ даетъ возможность и лицамъ, не видавшимъ самихъ моделей, судить, какъ объ исполненіи ихъ, такъ и о причинахъ, заставившихъ скульптора въ каждомъ изъ данныхъ случаевъ примкнуть къ тому или другому высказанному до него мнѣнію или держаться самостоятельнаго взгляда.

Нашъ скульпторъ, очевидно, считаетъ себя призваннымъ къ разрѣшенію подобныхъ проблемъ въ сферѣ античнаго ваянія: „Мои студіи съ антиковъ", говоритъ онъ въ первомъ отдѣлѣ брошюры „Ueber die Entstehung und die Art der Herstellung der Rekonstruktion", „уже въ свое время (1870—1872) возбуждали среди профессоровъ Императорской Королевской Академіи Изобразительныхъ Искусствъ особое вниманіе, такъ что они неоднократно желали имѣть и пріобрѣтали слѣпки съ моихъ студій и считали нужнымъ высказаться въ томъ смыслѣ, что такихъ студій въ Вѣнѣ еще не бывало. Такъ какъ я и кромѣ того въ качествѣ самостоятельнаго художника во многихъ работахъ не разъ доказывалъ мое особенное пониманіе классическаго искусства, то, не будучи нескромнымъ, имѣлъ право считать себя, болѣе чѣмъ кто либо другой изъ вѣнскихъ художниковъ способнымъ сдѣлать опытъ и заняться своеобразной, чрезвычайно интересной, но столь же трудной задачею реконструировать одинъ изъ фронтоновъ Пареенона".

„Я считаю себя обязаннымъ", продолжаетъ авторъ, „привести это замѣчаніе для объясненія въ виду того, что нѣкоторые современные художники, занимающіе выдающееся положеніе, однако не приведшіе еще доказательствъ своего вѣрнаго пониманія *классическаго* искусства, стараются отказать мнѣ въ художественной способности къ выполненію такого рода задачи".

Такое заявленіе скульптора, не свободное отъ значительной доли самохвальства, очевидно, повліяло на тонъ рецензіи Фуртвенглера, который, по поводу приведенныхъ словъ, ѣдко замѣчаетъ: „die Leute hatten gewiss Recht" [2]). Но Фуртвенглеръ, какъ извѣстно, весьма рѣзкій критикъ, а въ оправданіе Шверцека можно привести, что онъ

[1]) Erläuterungen zu der Rekonstruktion des Westgiebels des Parthenon, von Karl Schwerzek, Bildhauer. Wien, Selbstverlag des Verfassers, 1896.

[2]) См. указанную рецензію, столб. 1592.

не ученый, а художникъ; кромѣ того, онъ былъ, по видимому, раздосадованъ тѣмъ, что въ его собственномъ кружкѣ его реконструкція не встрѣтила того сочувствія, на которое онъ, очевидно, считалъ себя въ правѣ надѣяться въ виду положеннаго труда; далѣе, надо замѣтить, что Шверцекъ приступилъ къ своей работѣ не легкомысленно; во всякомъ случаѣ ему нельзя отказать въ томъ, что онъ, по мѣрѣ возможности, старался подготовиться къ своей задачѣ: получивъ побужденіе къ подобному предпріятію отъ профессора фонъ Люцова и познакомившись съ литературою даннаго вопроса, Шверцекъ изготовилъ сперва маленькій эскизъ, пріобрѣтенный въ свое время Вѣнской Академіей за 500 гульденовъ. Въ 1892 году, на средства мецената Николая Думбы, Шверцекъ посѣтилъ Аѳины и Лондонъ для ознакомленія съ сохранившимися оригиналами фронтоновъ. Въ Аѳинахъ онъ съ археологомъ Вольтерсомъ разсматривалъ находящіеся въ Акропольскомъ музеѣ фрагменты, а въ Лондонѣ пользовался указаніями директора античнаго собранія Британскаго музея Murray'я и его ассистента A. Smith'a (послѣдній же, по словамъ Шверцека, ввелъ его и въ изученіе вазовой живописи) [1]). Въ Лондонѣ Шверцеку удалось доказать, что торсъ, отнесенный Михаэлисомъ къ метопѣ XIV южной стороны Пароенона, на самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ западному фронтону и представляетъ собою часть фигуры мальчика, обозначаемаго археологами для краткости буквою P [2]). Нельзя отрицать, что это послѣднее обстоятельство, свидѣтельствуетъ въ пользу пониманія античнаго искусства вѣнскимъ скульпторомъ [3]). Передъ поѣздкой въ Лондонъ Шверцекъ имѣлъ письменные и устные переговоры съ извѣстнымъ знатокомъ интересующаго его вопроса А. Михаэлисомъ. Передъ окончаніемъ моделировки фигуръ Шверцекъ, по своему заявленію, подробно переговорилъ еще обо всемъ съ О. Бенндорфомъ, который „особенно живо интересовался прекрасной гармоніей (Zusammenstimmung) фронтонной группы въ цѣломъ“ [4]). Правда, изъ словъ Шверцека не видно, насколько дѣятельное участіе въ его реконструкціи принимали упомянутые ученые; во всякомъ случаѣ никто изъ нихъ не заявилъ въ печати о той роли, которую онъ игралъ въ исполненіи задачи. Въ этомъ Фуртвенглеръ усматриваетъ большой недостатокъ;

---

[1]) Erläuterungen, стр. 8 и слѣд.

[2]) Объ этомъ открытіи Шверцека въ свое время напечаталъ статью A. Smith въ Journal of Hellenic studies 1892—1893, стр. 90, табл. V.

[3]) Эта заслуга признается Фуртвенглеромъ.

[4]) Erläuterungen, стр. 5.

по его мнѣнію, „за такую задачу можетъ приняться только ученый, который соединился бы съ подходящимъ художникомъ,—руководство и отвѣтственность долженъ былъ принять на себя археологъ". Думаю, что съ замѣчаніемъ Фуртвенглера нельзя не согласиться.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію реконструкціи вѣнскаго скульптора. Модели представлены въ $^1/_9$ величины оригиналовъ и притомъ вылѣплены такъ, что гипсовые слѣпки ихъ могутъ быть удаляемы и замѣняемы другими, если окажется, что та или другая фигура реконструирована невѣрно. Такую предусмотрительность, конечно, нужно отмѣтить; остается только пожелать, чтобы скульпторъ дѣйствительно принялъ во вниманіе возраженія археологовъ.

Общее впечатлѣніе, производимое реконструкціею Шверцека, врядъ ли удовлетворитъ человѣка, хорошо знакомаго съ остатками оригиналовъ — на композиціи Шверцека лежитъ отпечатокъ чего-то безсильнаго, можно сказать даже болѣе, нѣсколько слащаваго. Это впечатлѣніе обусловливается, какъ мнѣ кажется, тѣмъ, что головы большинства статуетокъ, если только не всѣхъ, малы и повороты ихъ жеманны, къ чему присоединяется еще аффектированное движеніе рукъ. Стоитъ посмотрѣть на такъ называемаго Ѳисея, чтобы убѣдиться, что отношенія головы къ тѣлу, принятыя реставраторомъ, едва ли соотвѣтствуютъ отношенію соотвѣтствующихъ частей въ оригиналѣ; достаточно затѣмъ взглянуть на факсимиле съ рисунковъ Каррея, не свободнаго въ свою очередь отъ нѣкоторой академической условности, свойственной его вѣку, чтобы замѣтить, что посадка головъ была простая и естественная, а не та кокетливо-пустая, бьющая на граціозность, которая придана головкамъ Шверцека. Эти замѣчанія, относящіяся въ большей или меньшей степени ко всѣмъ фигурамъ, особенно ясно иллюстрируются такъ называемымъ Кефисомъ: маленькая изящная головка, склоненная къ правому плечу и смотрящая куда то въ облака, совсѣмъ не вяжется съ атлетическимъ сложеніемъ корпуса (многія эти фигуры хранятся въ Акропольскомъ музеѣ), и если бы не это атлетическое сложеніе, то всякій призналъ бы въ фигурѣ Шверцека женщину, въ позѣ извѣстной сидящей на корточкахъ Афродиты. Подобную фигуру мы часто видимъ и на вазахъ—это женщина во время или послѣ купанія. Такое сравненіе напрашивается тѣмъ болѣе, что Шверцекъ придалъ правой рукѣ (предплечія и кисти лѣвой не видно), держащей драпировку, такое положеніе, какъ будто купальщица фротируетъ себѣ спину полотенцемъ—мотивъ не извѣстный изъ античнаго искусства. Игрушечный щитъ на рукѣ Аѳины, отставлен-

ный притомъ слишкомъ далеко отъ корпуса, и безсмысленный жестъ правой руки Посидона тоже производятъ весьма неудовлетворительное впечатлѣніе. Кони, несомнѣнно, малы. Положимъ, что Фуртвенглеръ преувеличиваетъ, утверждая, что „весь корпусъ коней врядъ ли многимъ толще ляшекъ возницъ"; но навѣрное неправъ и Зауэръ, говоря: „что у коней такіе маленькіе корпусы, въ томъ Шверцекъ не виноватъ". Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что кони не только малы, но и слишкомъ круто подняты на дыбы, съ чѣмъ согласенъ и Фуртвенглеръ, ссылаясь на рисунокъ Каррея. Ссылка на Каррея, теперь, конечно, когда открыты самые торсы лошадей, не имѣетъ особеннаго значенія; скорѣе нужно уже сослаться на Зауэра, у котораго зарисованы эти фрагменты [1]), а изъ рисунка его легко убѣдиться, что кони были крупнѣе, хотя въ общемъ ихъ слѣдуетъ признать малорослыми, какъ и коней фриза того же Пареенона; остается только удивляться, почему Зауэръ по поводу этого вопроса высказался, какъ приведено выше. Совершенно вѣрно и то, что передняя часть коней была приподнята не такъ высоко, какъ это представлено у Шверцека. Положеніе коней во фронтонѣ, какъ остроумно замѣтилъ самъ Зауэръ, точно опредѣляется изрѣзывающими поверхность ихъ тѣла параллельными бороздами—результатъ дождевой воды, скатывавшейся по нимъ въ теченіе вѣковъ [2]). Стоитъ этимъ линіямъ изъяновъ придать вертикальное направленіе, и положеніе коней опредѣляется точно. На основаніи этихъ данныхъ, какъ мнѣ помнится, кони не поднимались такъ высоко, какъ въ реконструкціи Шверцека. Имѣя точныя измѣренія торса Посидона и корпусовъ коней въ оригиналѣ и въ моделяхъ нашего скульптора, не трудно было бы доказать, соблюдено ли Шверцекомъ дѣйствительное отношеніе между фигурами фронтона. Не располагая таковыми измѣреніями, приходится ограничиться лишь кое-какими соображеніями, которыя, однако, полагаю, могутъ считаться до нѣкоторой степени убѣдительными: легко усмотрѣть, что у коней Шверцека шеи сравнительно съ корпусами очень длинны и массивны, между тѣмъ какъ у коней на фризѣ шеи, хотя и толстыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и короткія; а такъ какъ нѣтъ никакого основанія принимать такую разницу между конями фриза и фронтона, то шеи у коней Шверцека слѣдуетъ значительно укоротить. Тогда окажется, что̀ надъ головами послѣднихъ даже при

---

[1]) Antike Denkmäler I (1090), таблица 58 c.

[2]) Athenische Mittheilungen, 1891, стр. 73.

крутой постановкѣ, какую мы имѣемъ въ реконструкціи, образуется значительный пробѣлъ, что, очевидно, противорѣчитъ всей композиціи. Итакъ, оригиналы коней были сравнительно больше, нежели модели ихъ, вылѣпленныя Шверцекомъ.

Съ подставками подъ копями, какъ бы онѣ ни рѣзали нашъ глазъ, намъ, по мѣткому замѣчанію Зауэра, надо примириться [1])—можетъ быть окраска дѣлала ихъ менѣе замѣтными въ оригиналѣ.

Къ особенностямъ реконструкціи вѣнскаго скульптора, имѣющимъ вліяніе на общее впечатлѣніе, производимое композиціею, относится еще то, что между второй и третьей фигурой того или другаго угла оставленъ значительный промежутокъ и что руки нѣкоторыхъ фигуръ, а въ одномъ случаѣ и голова (такъ называемаго Кифиса) выходятъ изъ-за рамки образуемой гисономъ. Фуртвенглеръ, говоря о рисункѣ, приложенномъ для поясненія реконструкціи восточнаго фронтона того же храма, замѣчаетъ: „головы и оконечности фигуръ, разумѣется, приходятся всѣ внутри фронтона, а не выходятъ отчасти за предѣлы его, какъ въ томъ диллетантскомъ опытѣ реконструкціи Шверцека“ [2]). Иначе судитъ Зауэръ: „Такъ называемый Кифисъ высовываетъ голову изъ-за рамки фронтона; какъ бы странно это ни казалось, оно вѣрно“ [3]). Не отрицая возможности, что голова угловой фигуры нѣсколько высовывалась—вѣдь извѣстно же, что для ближайшей изъ лошадей четверки Селины былъ вырѣзанъ кусокъ гисона, такъ что голова коня не только выдавалась впередъ, но еще и свѣшивалась нѣсколько внизъ, пересѣкая въ данномъ мѣстѣ карнизъ (гисонъ),—мы должны замѣтить, что эта фигура, по видимому, слишкомъ отодвинута къ углу; во всякомъ случаѣ не трудно усмотрѣть, что она не занимаетъ вполнѣ соотвѣтствующаго мѣста со своимъ панданомъ — женщиной въ правомъ углу, которая еще до сего времени находится на старомъ мѣстѣ. Такое предположеніе, правильность котораго я, къ сожалѣнію, не имѣю возможности провѣрить, тѣмъ болѣе кажется вѣроятнымъ, что Шверцекъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ выкроить нѣкоторый промежутокъ между фигурами A* и B, а этотъ промежутокъ ему нуженъ, такъ какъ между U и V остается нѣкоторое пространство, которое, по мнѣнію скульптора, не было занято какою-либо фигурою.

Итакъ, если допустить, что Кифисъ помѣщенъ слишкомъ близко

---

[1]) См. рецензію *Зауэра* въ Wochenschrift für klass. Philologie за 1897 г., столб. 92, а также Athen. Mitth. 1891 г., стр. 78 и слѣд.

[2]) Ср. Intermezzi, стр. 30.

[3]) Wochenschrift für klass. Philol., 1897, столб. 93.

къ углу, и что голова его могла быть менѣе закинута назадъ, то, пожалуй, онъ и не высовывался бы такъ замѣтно изъ-за гисона. Въ самой реконструкціи Шверцека пренебреженіе къ архитектурной рамкѣ, выразившееся въ реставраціи Кифиса, не рѣзало бы настолько глазъ, еслибы сосѣдняя съ нимъ фигура не была въ буквальномъ смыслѣ втиснута въ ту же рамку. Эта послѣдняя фигура, скомпонованная всецѣло Шверцекомъ, несомнѣнно самая неудачная — въ ней ясно сказывается стѣсненіе, налагаемое на художника этой архитектурною рамкою.

Коснемся еще нѣкоторыхъ особенностей въ реконструкціи Шверцека, отмѣченныхъ уже, правда, Зауэромъ [1]): дерево, созданное Аѳиною, неправильно отодвинуто нѣсколько вправо—оно на самомъ дѣлѣ помѣщалось какъ разъ въ серединѣ, какъ ясно показываетъ отверстіе, сохранившееся на поверхности гисона и, несомнѣнно, служившее мѣстомъ прикрѣпленія священной оливы. Между ногами Посидона представленъ бьющій фонтаномъ ключъ; этотъ какъ бы застывшій ключъ производитъ весьма непріятное впечатлѣніе и врядъ ли имѣлъ мѣсто въ оригиналѣ. Съ своей стороны я скорѣе предположилъ бы на этомъ мѣстѣ дельфина (можетъ быть на волнѣ), — условное обозначеніе морской воды въ античномъ искусствѣ. Зауэръ замѣтилъ группу маленькихъ отверстій около заднихъ ногъ коней Аѳины, которыя, по его мнѣнію, никакъ не могли служить для укрѣпленія лошадиныхъ копытъ, а указываютъ на какой-нибудь аттрибутъ богини въ этомъ мѣстѣ; онъ самъ предполагаетъ змѣю, хотя не настаиваетъ на томъ [2]). Змѣя такимъ образомъ могла бы служить панданомъ къ дельфину (?), зарисованному Карреемъ передъ колесницею такъ-называемой Амфитриты; все же я долженъ отнестись къ гипотезѣ Зауэра скептически: во-первыхъ, змѣя, какъ мнѣ кажется, находилась бы слишкамъ далеко отъ богини, а во-вторыхъ, это противорѣчило бы памятникамъ, представляющимъ споръ Аѳины съ Посидономъ, созданнымъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ нашей фронтонной композиціи и представляющимъ змѣю подлѣ дерева. Пока мы не имѣемъ достаточныхъ основаній для отрицанія подобнаго же положенія змѣи во фронтонѣ, было бы методически неправильно не придавать никакого значенія Керченской вазѣ [3]) и аттическимъ монетамъ [4]).

---

[1]) Ibid., столб. 92.

[2]) См. указан. выше табл. и ср. Wochenschrift f. kl. Phil. 1897, столб. 92.

[3]) См. Отч. Имп. Арх. Комм., атласъ за 1872 г., табл. I.

[4]) Imhoof-Blumer and Percy Gardner, A numismatic commentary on Pausanias, табл. LII, XI, XII, XIV, XVI.

Къ страннымъ недоразумѣніямъ, наконецъ, слѣдуетъ отнести то обстоятельство, что въ моделяхъ, какъ это не скрылось и отъ Зауера, не представлены кузовы колесницъ, хотя нѣтъ никакого основанія принимать такое опущеніе въ оригиналѣ; напротивъ, они, несомнѣнно, были изображены тамъ и навѣрное имѣли ту легкую форму съ изящно изогнутыми ἄντυξ'ами, какую мы видимъ и во фризѣ [1]).

До сихъ поръ имѣлась въ виду преимущественно художественная сторона реконструкціи Шверцека — разсматривалась его композиція болѣе или менѣе независимо отъ того, соотвѣтствуетъ ли она даннымъ, добытымъ археологіею; теперь надо обратиться къ нѣкоторымъ спорнымъ вопросамъ, давно уже выдвинутымъ изслѣдователями фронтонныхъ фигуръ Пароенона. Нельзя сказать, что Шверцекъ ихъ совсѣмъ обходитъ, но во всякомъ случаѣ онъ разрѣшаетъ ихъ слишкомъ легко и аргументы его порою положительно наивны. Такихъ спорныхъ вопросовъ три:

1) Слѣдуетъ ли между U и V принимать еще одну фигуру?

2) Тождествена ли фигура, къ которой принадлежалъ торсъ J, съ фигурою, зарисованною Карреемъ позади коней Посидона и обозначаемой буквою N?

3) Обнаженная фигура S, сидящая на колѣняхъ у T, женская или мужская?

Правда, Фуртвенглеръ въ своемъ капитальномъ трудѣ „Meisterwerke der griechischen Plastik“ (Leipzig—Berlin 1893) обстоятельно разобралъ эти три вопроса и выразилъ то же мнѣніе, которое я признавалъ вѣрнымъ и до появленія его книги; однако я не считаю лишнимъ остановиться на этихъ вопросахъ. во-первыхъ, потому, что изслѣдованіе мюнхенскаго профессора издано было раньше статьи Шверцека, а во-вторыхъ, потому, что могу прибавить еще нѣсколько аргументовъ, подкрѣпляющихъ, по моему мнѣнію, рѣшеніе вопросовъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ отвѣчаетъ на нихъ Фуртвенглеръ [2]).

---

[1]) *Зауэръ* въ своей рецензіи по этому поводу пишетъ (столб. 92): ....den Eingeweihten stört empfindlicher, ist aber leicht abzustellen, der Mangel der Wagenkästen, deren Unentbehrlichkeit dem Künstler offenbar niemand klar gemacht hat. Jochnägel sind nachgewiesem, die Deichsel am Südgespann ziemlich wahrscheinlich; also waren die Wagen getreu der Wirklichkeit ausgeführt, und Carrey sah nur noch den festen Kern, von dem die dünneren Randstücke abgefallen waren.

[2]) Два изъ этихъ вопросовъ были мною же затронуты въ статьѣ Zum Westgiebel des Parthenon въ Jahrbuch d. kais. deutsch. arch Institut за 1897 г., стр. 92 и слѣд.

Стоитъ посмотрѣть на горизонтальный гисонъ, то-есть на гисонъ, на которомъ стояли фигуры, въ наиболѣе точномъ рисункѣ Зауэра въ Antike Denkmäler, чтобы замѣтить, что на нѣкоторомъ разстояніи отъ угловъ того и другаго фронтона плиты въ трехъ случаяхъ отколоты, при томъ уже, по видимому, давнымъ давно, это — плиты 23 восточнаго и 4 и 26 западнаго фронтона [1]).

Такой фактъ объясняется тѣмъ, что по механическому закону покатый гисонъ съ симою, сравнительно съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ горизонтальнаго, оказывается болѣе слабымъ — при сотрясеніи находящіяся здѣсь плиты могутъ обрушиться раньше другихъ [2]). Такое обрушеніе имѣло мѣсто и въ Пареенонѣ, что особенно ясно иллюстрируется правымъ угломъ восточнаго фронтона храма въ рисункѣ Каррея: тутъ недостаетъ части гисона съ симою приблизительно отъ послѣдней фигуры М до коней. Въ рисункѣ Каррея видна еще обломанная плита, свалившаяся, но застрявшая вмѣстѣ съ тѣмъ въ данномъ мѣстѣ — плита отколота на половину, при чемъ была сбита съ своего мѣста такъ называемая Селина, которой Каррей уже не видалъ: какъ извѣстно, торсъ ея найденъ былъ впослѣдствіи и признанъ Lloyd'омъ. Менѣе пострадали фигуры лѣваго угла того же фронтона, гдѣ, по рисунку Каррея, обвалилась лишь сима, которая должна была упасть внѣ площади, занимаемой фигурами; но зато въ западномъ фронтонѣ, судя по разрушенію плитъ 4 и 21, поврежденіе имѣло совершенно аналогичный характеръ какъ и въ первомъ случаѣ [3]): и

---

[1]) Обозначаю плиты тѣми же цифрами, какими онѣ обозначены у Зауэра, на самомъ дѣлѣ каждый изъ горизонтальныхъ гисоновъ состоялъ не изъ 25, а изъ 29 плитъ, но на двухъ крайнихъ мѣстахъ каждаго конца фигуръ не помѣщалось, потому онѣ и не зарисованы у Зауэра, см. Ant. Denkm. табл. 58 ABC.

[2]) На аналогичное обрушеніе отлогихъ гисоновъ въ западномъ фронтонѣ храма Зевса въ Олимпіи указываетъ то обстоятельство, что угловыя фигуры этого тимпана были со временемъ отчасти замѣнены новыми (по всей вѣроятности, копіями со старыхъ), отчасти реставрированы. Подробности см. у *Трея*: Olympia. Die Ergebnisse der von dem deutschen Reiche veranstalteten Ausgrabungen, т. III, стр. 93 и слѣд. Отмѣчу еще, что фигуры сѣвернаго угла пострадали больше, чѣмъ фигуры южнаго. Въ Пареенонѣ только въ одномъ углу, а именно юго-восточномъ, сохранились всѣ угловыя фигуры. Изъ этого, какъ мнѣ кажется, можно вывести заключеніе, что кромѣ механическихъ законовъ здѣсь разрушительницею, правда побочною, является и непогода, дѣйствующая особенно на сѣверную сторону зданія — сѣверная сторона совершенно почернѣла и покрылась лишаями.

[3]) Въ рисункѣ Дальтона въ лѣвой половинѣ западнаго фронтона между фигурами А и В показана тоже вывалившаяся изъ отлогаго гисона плита, застряв-

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ
(10-й годъ изданія)
НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ
„РУССКАЯ ШКОЛА".

Содержаніе апрѣльской книжки, имѣющей выйдти въ началѣ мая, слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія; 2) Обзоръ современнаго состоянія начальнаго образованія во внѣевропейскихъ странахъ. **М. И. Страховой**; 3) Очерки по исторіи русской школы. (Продолженіе). **Э. В.**; 4) Къ психологіи нашихъ подростающихъ поколѣній. (Продолженіе). **Н. П. П.**; 5) Мысли о воспитаніи и обученіи. (Продолженіе). **К. П. Яновскаго**; 6) Pium desiderium преподавателя греческаго языка. **Б—а**; 7) Подготовка педагога. **Я. Н. Колубовскаго**; 8) Къ вопросу о педагогической подготовкѣ преподавателей для средне-учебныхъ заведеній и объ улучшеніи матеріальнаго положенія ихъ. **Я. Г. Гуревича**; 9) Начальная школа министерства народнаго просвѣщенія. **В. И. Фармаковскаго**; 10) Дѣятельность губернскихъ земствъ по народному образованію въ 1898 года. (Окончаніе). **И. П. Бѣлоконскаго**; 11) О постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій. (Продолженіе). **П. А. Селиванова**; 12) Нѣмецкая и русская методика ариѳметики за текущее столѣтіе. **М. И. Успенскаго**; 13) О значеніи генетическаго принципа въ методикѣ начальной ариѳметики. (Окончаніе). **К. М. Тихомирова**; 14) Замѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени. (Продолженіе). **В. П. Вахтерова**; 15) Труды съѣзда дѣятелей по среднему и низшему сельско-хозяйственоому образованію при Московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ въ январѣ 1899 года. 16) **Критика и библіографія** (болѣе 10-ти рецензій); 17) **Педагогическая хроника**: a) Классическое и реальное направленіе въ Западной Европѣ. **Б. А. Градовскаго**; b) Изъ хроники народнаго образованія въ Западной Европѣ. **Е. Р.**; c) Хроника народнаго образованія. **Я. В. Абрамова**; d) Хроника народныхъ библіотекъ. **Его-же**; e) Хроника воскресныхъ школъ. **М. Н. Салтыковой и Х. Д. Алчевской**; f) Хроника профессіональнаго образованія. **В. Б—ча** и многія другія статьи и замѣтки; 18) **Разныя извѣстія и сообщенія**; 19) **Объявленія**.

Журналъ „РУССКАЯ ШКОЛА" въ 1899 году будетъ выходить **ежемѣсячно** книжками не менѣе **пятнадцати** печатныхъ листовъ каждая.

Вслѣдствіе увеличенія объема книжекъ подписная цѣна увеличена на одинъ рубль. Подписная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки— **СЕМЬ** руб.; съ доставкой—7 р. **50** коп.; для иногороднихъ съ пересылкою— **ВОСЕМЬ** руб.; заграницу—**ДЕВЯТЬ** руб. въ годъ.

По сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ по прежнему получать журналъ **ЗА ШЕСТЬ** рублей въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул. 1, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" и Карбасникова.

Журналъ „РУССКАЯ ШКОЛА" за 1896 и 1897 годы одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ средне-учебныхъ заведеній, а также для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ.

Редакторъ-издатель ***Я. Г. Гуревичъ.***

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXIII.

1899.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и Кº. Наб. Фонтанки, д. 95
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

За редактора Э. Радловъ.

(*Вышла 1-го іюня*).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXIII.

1899.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Наб. Фонтанки, 95.
1899.

В. Г. Васильевскій.

(Род. 31 января 1838 г., ум. 13 мая 1899 г.).

13-го мая въ 6 часовъ утра скончался во Флоренціи редакторъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ординарный академикъ и профессоръ, тайный совѣтникъ Василій Григорьевичъ Васильевскій. Похороны состоялись въ Воскресенье 16-го мая на кладбищѣ Аллори, находящемся по дорогѣ къ Чертозѣ. Печальную процессію сопровождала семья усопшаго, русское духовенство и знакомые. Профессоръ В. И. Модестовъ, другъ покойнаго, произнесъ надъ могилою прочувствованную рѣчь.

Это тяжелая, незамѣнимая утрата для науки и просвѣщенія въ Россіи! Продолжительная болѣзнь, не подававшая никакой надежды на излеченіе, не сломила духовныхъ силъ больнаго, и онъ до послѣднихъ дней сохранилъ ту ясность міросозерцанія, которая была его отличительною чертой. Незадолго до смерти В. Г. Васильевскій строилъ планы относительно научныхъ работъ, задуманныхъ имъ, приступить къ выполненію коихъ ему не было суждено. Въ настоящей книжкѣ Журнала мы помѣщаемъ его послѣднюю статью; надъ обработкою ея онъ трудился, когда былъ застигнутъ смертью.

Оцѣнка разносторонней научной дѣятельности, а также характеристика этого удивительнаго по качествамъ ума и сердца человѣка, будетъ дана на страницахъ этого журнала въ одной изъ ближайшихъ книжекъ. Теперь же мы хотимъ помянуть по-

койнаго лишь нѣсколькими словами, какъ редактора руководимаго имъ журнала.

Сынъ священника, онъ первоначальное образованіе получилъ въ Ярославской семинаріи. Онъ охотно вспоминалъ дѣтскіе годы, протекшіе въ селѣ Ильинскомъ, Любимскаго уѣзда Ярославской губерніи, и съ юморомъ разказывалъ эпизоды изъ семинарской жизни. Условіями дѣтства и юности объясняются любовь къ русскому народу и пониманіе религіозной жизни, свойственныя В. Г. Васильевскому. Онъ былъ истиннымъ патріотомъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, и истинно религіознымъ человѣкомъ; но въ патріотизмѣ его не было узкаго націонализма, въ религіозности не было ни капли нетерпимости. Въ Главномъ педагогическомъ институтѣ, а потомъ на историко-филологическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета, въ которомъ онъ пробылъ одинъ годъ, и, наконецъ, въ заграничныхъ университетахъ В. Г. Васильевскій пріобрѣлъ отличное знаніе древнихъ языковъ и исторіи; это знаніе въ соединеніи съ блестящими природными дарованіями сдѣлали его первоклассным представителемъ исторической науки и ревностнымъ защитникомъ гуманитарнаго образованія. Все его служеніе Россіи сначала въ качествѣ преподавателя древнихъ языковъ въ Виленской гимназіи и въ 6-й С.-Петербургской, потомъ въ качествѣ профессора, члена Ученаго Комитета, академика и редактора *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, было направлено къ насажденію истинно научнаго духа и къ защитѣ гуманитарнаго образованія.

Ученая дѣятельность В. Г. Васильевскаго тѣснѣйшимъ образомъ связана съ *Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ которомъ онъ былъ сначала сотрудникомъ, потомъ помощникомъ редактора, и наконецъ, въ теченіе десяти лѣтъ, главнымъ руководителемъ. Духовныя качества покойнаго дѣлали его идеальнымъ редакторомъ: будучи глубокимъ знатокомъ избранной имъ научной спеціальности и основателемъ школы

русскихъ византинистовъ, онъ въ то же время обладалъ широкимъ общимъ образованіемъ и былъ тонкимъ цѣнителемъ литературы, которую любилъ и за которой, среди непрерывной ученой дѣятельности, постоянно слѣдилъ. Его обширное знаніе не было мертвой ученостью; онъ отличался живымъ пониманіемъ дѣйствительности и вполнѣ самостоятельнымъ къ ней отношеніемъ. У него былъ настоящій умъ философа, обнаруживавшійся въ каждой имъ написанной страницѣ, въ каждой его бесѣдѣ. Во всѣхъ вопросахъ, за которые онъ брался, В. Г. Васильевскій умѣлъ всегда находить вполнѣ оригинальную точку зрѣнія.

Въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* В. Г. Васильевскій сталъ сотрудничать съ 1864 года и въ теченіи 35-ти лѣтъ помѣстилъ на страницахъ этого изданія большую часть своихъ ученыхъ трудовъ. Здѣсь была напечатана его магистерская диссертація, равнымъ образомъ и его труды, за которыя Московскій университетъ удостоилъ его степени почетнаго доктора русской исторіи; надо надѣяться, что многочисленныя статьи покойнаго будутъ извлечены изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* и изъ другихъ изданій, въ коихъ печатались, и увидятъ свѣтъ въ видѣ полнаго собранія его сочиненій. Научное значеніе его работъ признано какъ у насъ, такъ и на Западѣ: только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти В. Г. Васильевскаго издатель Bollandiana Analecta H. Delehaye, ходатайствовалъ объ обмѣнѣ изданіями, мотивируя свою просьбу необходимостью имѣть подъ руками работы покойнаго.

Другая сторона дѣятельности В. Г. Васильевскаго менѣе замѣтная и блестящая, но не менѣе важная, состояла въ выборѣ статей для Журнала и въ приготовленіи ихъ къ печати. Только близкостоявшія къ покойному лица знаютъ и въ состояніи оцѣнить трудъ и заботливость, вносимые имъ въ это дѣло. При выборѣ статей В. Г. Васильевскій руководился исключительно научной цѣнностью ихъ и былъ чуждъ всякой партійности, благодаря

чему научное значеніе Журнала, поставленное на надлежащую высоту предшественниками покойнаго, еще возросло. О статьяхъ, присылаемыхъ В. Г. Васильевскому для печатанія, онъ заботился какъ о своихъ собственныхъ; начинающимъ ученымъ онъ давалъ полезныя указанія, незамѣтно, незатрогивая ихъ самолюбія, исправлялъ погрѣшности, а иногда вносилъ поправки, благодаря коимъ печатаемое получало научное значеніе. Въ личныхъ переговорахъ съ авторами В. Г. Васильевскій, уже пріобрѣтшій славу первокласснаго ученаго, оставался все тѣмъ же скромнымъ человѣкомъ, какимъ его знали, когда онъ занималъ невидный постъ преподавателя гимназіи; даже въ самую тяжелую обязанность редактора, въ необходимость отклонять нѣкоторыя изъ предлагаемыхъ статей, онъ умѣлъ вносить столько деликатности и доброжелательства и такъ мотивировать свое мнѣніе, что не разъ получалъ изъявленіе благодарности даже за самый отказъ.

Заботы В. Г. Васильевскаго простирались не только на печатаемое въ Журналѣ, но и на всѣхъ тѣхъ лицъ, съ которыми ему приходилось соприкасаться. Память о немъ и о его добротѣ будетъ всегда жить въ сердцахъ его сотрудниковъ.

Наука въ лицѣ В. Г. Васильевскаго потеряла блестящаго представителя, Россія просвѣщеннаго дѣятеля и защитника гуманитарнаго образованія, близкіе его потеряли въ немъ высоко нравственную личность, вносившую во всѣ отношенія согласіе и ясность, Журналъ же потерялъ въ немъ незамѣнимаго руководителя.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ, ДАННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

17-го апрѣля 1899 года. „Попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, почетнаго опекуна Опекунскаго совѣта вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, по с.-петербургскому онаго присутствію, доктора международнаго права, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника *Капустина* — Всемилостивѣйше увольняемъ, согласно прошенію, отъ упомянутой должности попечителя".

18-го апрѣля 1899 года. Дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, главнаго редактора газеты „Правительственный Вѣстникъ", члена особаго отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, причисленнаго къ главному управленію государственнаго коннозаводства, въ званіи камергера, Константина *Случевскаго*, министра-резидента при его королевскомъ высочествѣ великомъ герцогѣ саксенъ-веймарскомъ и при его высочествѣ герцогѣ саксенъ-альтенбургскомъ, въ званіи камергера, барона Андрея *Будберга*, завѣдывающаго земельно-заводскимъ отдѣломъ кабинета Нашего, Александра *Стевена*, управляющаго Императорскимъ С.-Петербургскимъ театральнымъ училищемъ, въ званіи камергера, Ивана *Рюмина*, управляющаго канцеляріею дворцоваго коменданта, въ званіи камергера, Григорія *Федосьева* и предсѣдателя временнаго управленія александровскаго губернскаго дворянскаго банка въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ должности гофмейстера, Филиппа *Шипова* — Всемилостивѣйше пожаловали Мы въ гофмейстеры Двора

Нашего; члена совѣта главнаго управленія государственнаго коннозаводства, въ должности шталмейстера, Степана *Иловайскаго*, члена совѣтовъ: министра финансовъ и по дѣламъ казенной продажи питей, причисленнаго къ министерству народнаго просвѣщенія, попечителя Охтенскаго ремесленнаго училища и почетнаго мироваго судью Керенскаго уѣзда, въ должности шталмейстера, Владиміра *Охотникова*, и причисленнаго къ главному управленію государственнаго коннозаводства, главнаго директора и управляющаго Московскою Голицынскою больницею, въ должности шталмейстера князя Сергѣя *Голицына* — въ шталмейстеры двора Нашего, а въ должности церемоній-мейстеровъ, коллежскихъ совѣтниковъ: помощника статсъ-секретаря государственнаго совѣта Іосифа *Ромейко-Гурко*, варшавскаго вице-губернатора графа Константина *Палена* и чиновника особыхъ порученій VI класса при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ графа Дмитрія *Толстого*—въ церемоніймейстеры—двора Нашего, съ оставленіемъ всѣхъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

4. (15-го февраля 1899 года). *Объ увеличеніи кредита на содержаніе Императорской Публичной Библіотеки.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ увеличеніи кредита на содержаніе Императорской Публичной Библіотеки, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ увеличеніи кредита на содержаніе Императорской Публичной Библіотеки, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Высочайше утвержденный, 1-го іюня 1895 г., штатъ Императорской Публичной Библіотеки (собр. узак. и расп. прав. 1895 г., № 137 ст. 986) дополнить одною должностью младшаго помощника

библіотекаря, съ присвоеніемъ ей служебныхъ правъ и преимуществъ, а также оклада содержанія, предоставленныхъ другимъ такимъ же должностямъ.

II. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства: 1) на содержаніе упомянутой (отд. I) должности по *одной тысячѣ двѣсти* руб. въ годъ, съ 1-го января 1899 г.; 2) на содержаніе зданій и хозяйственные расходы Императорской Публичной Библіотеки, въ дополненіе къ нынѣ отпускаемымъ на означенные предметы суммамъ: въ 1899 г.—*семь тысячъ пятьсотъ* руб., въ 1900 г.—*десять тысячъ семьсотъ тридцать* руб. и начиная съ 1901 г.—по *двѣнадцати тысячъ семисотъ тридцати* руб. въ годъ, въ томъ числѣ на содержаніе и обмундированіе служителей, въ 1899 г. — *двѣ тысячи* руб., а начиная съ 1900 г.—по *двѣ тысячи семисотъ тридцати* руб. въ годъ, и 3) единовременно въ 1899 г. на покрытіе расходовъ по перенесенію части книгъ изъ стараго зданія въ новое—*двѣ тысячи* рублей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(17-го апрѣля 1899 года). *Назначаются*: адъюнктъ-профессоры С.-Петербургскаго технологическаго института императора Николая I, инженеръ-технологи, статскіе совѣтники: *Богаевскій* и *Деппъ*—профессорами того же института, первый—по химической технологіи и проектированію, а второй—по устройству паровыхъ котловъ и проектированію; директоръ народныхъ училищъ Ставропольской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Красновъ*—директоромъ Ставропольскихъ женскихъ Ольгинской и св. Александры гимназій; инспекторъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Франтовъ*—директоромъ народныхъ училищъ Ставропольской губерніи.

Увольняется, согласно прошенію, попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, почетный опекунъ опекунскаго совѣта вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, по с.-петербургскому онаго присут-

ствію, докторъ международнаго права, дѣйствительный тайный совѣтникъ *Капустинъ*—отъ упомянутой должности попечителя.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, почетный попечитель Кишиневской 1-й, гимназіи дворянинъ *Катакази*.

(1-го мая 1899 года). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: библіотекарь Императорской публичной библіотеки *Бычковъ* — съ 1-го февраля 1899 г.; по Московскому учебному округу, учитель Смоленской гимназіи *Немыцкій*—съ 15-го февраля 1898 г.; по Харьковскому учебному округу: учителя гимназій: Харьковской 3-й, *Межлаукъ*—съ 14-го августа 1898 г., Пензенской 2-й, *Фруктовъ*—съ 1-го сентября 1898 г., Елатомской, *Гвоздиковъ*—съ 14-го сентября 1898 г., Таганрогской, *Карташевъ*—съ 5-го ноября 1898 г., Ахтырской прогимназіи: *Сѣдлецкій*—съ 9-го октября 1898 г. и *Маринскій*—съ 30-го октября 1898 г., Волчанской учительской семинаріи (сверхштатный) *Косогоровъ*—съ 4-го ноября 1893 г., реальныхъ училищъ: Воронежскаго: *Козаковъ*—съ 5-го августа 1894 г. и *Поповъ*—съ 20-го октября 1898 г., Новочеркасскаго: *Родіоновъ*—съ 20-го ноября 1896 г., *Черничкинъ*—съ 11-го сентября 1897 г. и *Буханцевъ*—съ 18-го сентября 1897 г., Ростовскаго на-Дону Петровскаго, *Кораблевъ*—съ 7-го апрѣля 1898 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: помощникъ правителя дѣлъ канцеляріи правленія Императорской Академіи Наукъ *Кеппенъ*—съ 15-го марта 1899 г.; по Харьковскому учебному округу, бывшій преподаватель Бѣлгородскаго учительскаго института, нынѣ инспекторъ народныхъ училищъ Курской губерніи, *Ильинскій*—съ 1-го августа 1893 г.; учителя: гимназій: Таганрогской, *Фонсовъ*—съ 4-го мая 1897 г., Ростовской-на-Дону Екатерининской женской, *Литовъ*—съ 28-го мая 1898 г., Новочеркасской, *Генераловъ*—съ 13-го сентября 1898 г., Корочанской Александровской, *Гукъ*—съ 8-го ноября 1898 г., реальныхъ училищъ: Курскаго: *Алферовъ*—съ 12-го сентября 1895 г., *Лебедевъ*—съ 1-го августа 1896 г., *Радкевичъ*—съ 21-го іюля 1898 г., Воронежскаго, *Поль*—съ 1-го декабря 1897 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, учитель Благовѣщенскаго ремесленнаго училища *Предтеченскій*—съ 29-го іюня 1897 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Харьковскому учебному округу, помощникъ прозектора при каѳедрѣ оперативной хирургіи съ топографической анатоміей Императорскаго Харьковскаго университета *Пенскій*—съ 3-го мая 1893 г.; сверхштатные ассистенты Императорскаго Харьковскаго университета: при

клиническомъ отдѣленіи накожныхъ и сифилитическихъ болѣзней, *Тицевъ*—съ 22-го марта 1895 г., при пропедевтическомъ терапевтическомъ отдѣленіи, *Затворницкій*—съ 8-го августа 1895 г.: врачъ Курской женской прогимназіи *Левданскій*—съ 29-го іюля 1890 г.; учитель-инспекторъ Путивльскаго городскаго училища Курской губерніи *Ермаковъ*—съ 18-го сентября 1898 г.; учителя: гимназій: Борисоглѣбской Александровской, *Ставровскій*—съ 16-го декабря 1895 г., Корочанской Александровской, *Пальевъ*—съ 31-го августа 1897 г., Харьковской 2-й: *Вальтеръ*—съ 25-го іюля 1896 г., *Краевскій*—съ 14-го августа 1896 г. и *Харціевъ*—съ 5-го сентября 1896 г., Харьковской 3-й, *Іогансенъ*—съ 21-го октября 1895 г., женскихъ: Харьковской Маріинской: *Савва*—съ 27-го августа 1892 г., *Мощенко*—съ 30-го октября 1893 г., Маріинской Донской, *Воиновъ*—съ 7-го октября 1896 г.; реальныхъ училищъ: Усть-Медвѣдицкаго, *Прейсъ*—съ 5-го мая 1897 г., Тамбовскаго, *Дробязко*—съ 15-го октября 1897 г.; помощники классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ: Курскаго, *Сорокинъ*—съ 1-го мая 1898 г., Урюпинскаго, *Филиппповъ*—съ 8-го августа 1898 г., Пензенскаго, *Скворцовъ*—съ 1-го января 1899 г.; по Кіевскому учебному округу, штатный смотритель Кременецкаго двухкласснаго училища *Палій*—съ 1-го января 1899 г,; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Харьковскому учебному округу: лаборанты Императорскаго Харьковскаго университета: при физическомъ кабинетѣ, *Кутневичъ*—съ 1-го октября 1892 г., при технической лабораторіи, *Федоровскій*—съ 22-го февраля 1897 г., сверхштатный ассистентъ при каѳедрѣ хирургической паталогіи Императорскаго Харьковскаго университета *Маклецовъ*—съ 27-го апрѣля 1893 г.; учителя: уѣздныхъ училищъ: Шацкаго, Тамбовской губерніи, *Грековъ*—съ 4-го ноября 1897 г., Купянскаго, Харьковской губерніи, (сверхштатный) *Заводовскій*—съ 20-го сентября 1898 г., приготовительнаго класса Тамбовскаго реальнаго училища, *Касименковъ*—съ 6-го сентября 1898 г., Коротоякскаго городскаго трехкласснаго училища Воронежской губерніи, *Медвѣдевъ*—съ 31-го августа 1898 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, учитель Благовѣщенскаго народнаго училища *Никитинъ*—съ 15-го іюня 1895 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: помощникъ завѣдывающаго читальнымъ заломъ Императорской публичной библіотеки *Гавриловъ*—съ 1-го февраля 1899 г.; по Харьковскому учебному округу: лаборанты Императорскаго Харьковскаго университета: при агрономической лабораторіи, *Красускій*—

съ 1-го апрѣля 1896 г. и при зоологическомъ кабинетѣ *Каменскій*—съ 5-го августа 1896 г.; штатный смотритель Шацкаго уѣзднаго училища, Тамбовской губерніи *Окороковъ*—съ 27-го мая 1897 г.; учителя: приготовительнаго класса: Таганрогской гимназіи, *Поповъ*—съ 1-го августа 1898 г., Сумскаго реальнаго училища, *Цыценко*—съ 12-го ноября 1894 г., Спасскаго городскаго трехкласснаго училища, Тамбовской губерніи, *Калининъ*—съ 23-го сентября 1895 г.; уѣздныхъ училищъ: Воронежскаго: *Гравировскій*—съ 19-го октября 1897 г. (сверхштатный) *Назаровъ*—съ 7-го февраля 1898 г., Кирсановскаго, Тамбовской губерніи, *Подшивсаловъ*—съ 6-го сентября 1897 г.; исправляющій должность письмоводителя и бухгалтера Харьковской 2-й гимназіи *Арскій*—11-го сентября 1896 г.; письмоводитель Курскаго реальнаго училища *Афанасьевъ*—съ 7-го октября 1898 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Харьковской 2-й гимназіи, *Соколовъ*—съ 31-го августа 1894 г., реальныхъ училищъ: Курскаго, *Амелинъ*—съ 15-го августа 1896 г., Тамбовскаго, *Гостевъ*—съ 10-го октября 1896 г., Воронежскаго, *Вележевъ*—съ 1-го октября 1893 г. и *Лосевъ*—съ 1-го января 1897 г.; по Одесскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Керченской Александровской гимназіи *Плакида*—съ 16-го августа 1897 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари:* по Харьковскому учебному округу: почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Землянскаго, Воронежской губерніи, *Бондаревъ*—съ 29-го мая 1874 г., Липецкаго, Тамбовской губерніи, *Тимченко*—съ 14-го ноября 1897 г.; письмоводитель и бухгалтеръ Екатерининскаго учительскаго института въ городѣ Тамбовѣ *Акаевскій*—съ 9-го сентября 1897 г.; письмоводитель Сумскаго реальнаго училища *Полтавцевъ*—съ 11-го августа 1896 г.; учителя уѣздныхъ училищъ Тамбовской губерніи: Козловскаго, *Калашниковъ*—съ 28-го сентября 1895 г., Елатомскаго, *Кононенковъ*—съ 23-го ноября 1897 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, исправляющій должность помощника столоначальника канцеляріи попечителя *Кашинскій*—съ 24-го іюня 1898 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари:* по Харьковскому учебному округу: учителя: городскихъ приходскихъ училищъ Тамбовской губерніи: Усманскаго (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Сухинъ*—съ 30-го іюня 1895 г., Кирсановскаго, *Казанскій*—съ 17-го 1898 г., Бѣлгородскихъ, Курской губерніи: 1-го, *Кудрявцевъ*—съ 31-го августа 1898 г., 2-го, *Гайденъ*—съ 1-го сентября 1898 г., Воронежской Нечаевской двухклассной народной школы, *Нестеровъ*—съ 16-го октября 1898 г.; въ *коллежскіе реги-*

страторы: по Харьковскому учебному округу: учителя: городскихъ приходскихъ училищъ: Пензенской губерніи: Наровчатскаго, *Котельниковъ*—съ 20-го августа 1897 г.. Чембарскаго, *Сергіевскій*—съ 16-го сентября 1898 г., 1-го Борисоглѣбскаго, Тамбовской губерніи, *Богоявленскій*—съ 24-го ноября 1897 г., Новохоперскаго, Воронежской губерніи, *Архиповъ*—съ 24-го сентября 1898 г., Елизаветовскаго двухкласснаго приходскаго училища, Донской области, *Воиновъ*—съ 1-го сентября 1898 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника:* по Харьковскому учебному округу: инспекторы народныхъ училищъ: Тамбовской губерніи: коллежскій ассессоръ *Павловскій*—со 2-го сентября 1897 г., *Сеславинскій*—съ 14-го октября 1894 г., Курской губерніи, губернскій секретарь *Гороховъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; *надворнаго совѣтника*: по Харьковскому учебному округу: преподаватели Харьковскаго технологическаго института императора Александра III: *Гавриловъ*, *Гейбовичъ* и *Воскресенскій*, всѣ трое—съ 1-го сентября 1898 г.; *коллежскаго ассессора*: по Харьковскому учебному округу: начальникъ Волчанской учительской семинаріи *Павленко*—съ 26-го августа 1894 г.; учителя: гимназій: Харьковской 1-й, *Масловъ*—съ 4-го ноября 1894 г., Харьковской 3-й, *Лаврентьевъ*—съ 11-го октября 1890 г., Курской *Шандыбинъ*—съ 21-го сентября 1894 г., Маріинскихъ женскихъ: Харьковской, *Бобинъ*—съ 23-го сентября 1892 г., Воронежской. *Сторожевскій*—съ 28-го февраля 1894 г., прогимназій: Бобровской, губернскій секретарь *Одарченко*—съ 22-го августа 1894 г., Харьковской, *Венигъ*—съ 19-го сентября 1894 г., реальныхъ училищъ: Воронежскаго, *Соловьевъ*—съ 5-го октября 1892 г., Курскаго, *Макушевъ*—съ 15-го августа 1894 г., Ростовскаго-на-Дону Петровскаго, *Варенцовъ*—съ 17-го августа 1894 г., Урюпинскаго, *Нейманъ*—съ 26-го октября 1894 г.; по управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края, учитель Ташкентскаго реальнаго училища *Гречаниновъ*—съ 30-го іюля 1892 г.; *титулярнаго совѣтника*: по Харьковскому учебному округу: врачъ Ростовской-на-Дону Екатерининской женской гимназіи *Козловъ*—съ 11-го марта 1892 г. и сверхштатный ассистентъ при терапевтической госпитальной клиникѣ Императорскаго Харьковскаго университета *Футранъ*—съ 15-го марта 1893 г., оба—по степени лѣкаря; учитель чистописанія, черченія и рисованія Екатерининскаго учительскаго института въ городѣ Тамбовѣ *Брудный*—съ 8-го апрѣля 1893 г.; по Оренбургскому учебному округу, учитель Оренбургскаго ремесленнаго училища *Литвиненко*—

со 2-го сентября 1894 г.; *коллежскаго секретаря:* дежурный чиновникъ при читальномъ залѣ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ *Соколовъ*—съ 1-го марта 1899 г., на основаніи ст. 68 уст. служб. прав. т. III, изд. 1896 г.; по Харьковскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Ростовской-на-Дону гимназіи *Занкевичъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; помощникъ лаборанта при технической лабораторіи Императорскаго Харьковскаго университета *Дыбскій*—съ 31-го мая 1895 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета; по Одесскому учебному округу, учитель Симферопольской татарской учительской школы *Ястребковъ*—со 2-го сентября 1893 г.; по Кавказскому учебному округу, учитель приготовительнаго класса Закавказской учительской семинаріи *Полевскій*—съ 3-го сентября 1893 г.; *губернскаго секретаря*, по Харьковскому учебному округу, учитель Ахтырскаго уѣзднаго училища *Киселевичъ*—съ 1-го августа 1894 г.; *коллежскаго регистратора*, по Харьковскому учебному округу, домашній учитель *Ситенко*—съ 21-го іюня 1897 г.

(1-го мая 1899 года). *Умершій* исключается изъ списковъ, директоръ Императорской публичной библіотеки, предсѣдатель археографической коммиссіи министерства, ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ *Бычковъ*, съ 2-го апрѣля.

(16-го мая 1899 года). *Назначается:* вице-призидентъ и ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, членъ археографической коммиссіи министерства, магистръ русской словесности, тайный совѣтникъ *Майковъ*— предсѣдателемъ археографической коммиссіи, съ оставленіемъ его въ занимаемыхъ имъ должностяхъ по Академіи.

Утверждается отставной корнетъ гвардіи *Тацинъ*—почетнымъ попечителемъ новочеркасскаго реальнаго училища, согласно избранію, на три года.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, почетный попечитель С.-Петербургской десятой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Топоровъ*.

IV. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, ко дню Св. Пасхи, нижепоименованныхъ лицъ, за отличное усердіе и особые труды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, орденами, *св. Анны*: *второй степени*: предсѣдателя совѣта братства св. Кирилла и Мефодія, учрежденнаго при Нижегородской гимназіи для вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ, потомственнаго почетнаго гражданина, первой гильдіи купеческаго брата Митрофана *Рукавишникова* и почетнаго попечителя Тифлисской второй мужской гимназіи, Бакинскаго первой гильдіи купца Михаила *Арамянца* и *третьей степени*: почетнаго блюстителя Нарофоминскаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища при фабрикѣ товарищества Воскресенской мануфактуры и попечителя Акуловскаго начальнаго народнаго училища Звенигородскаго уѣзда, отставнаго коллежскаго секретаря Владиміра *Якунчикова*, предсѣдателя попечительнаго совѣта Новороссійской Александрійской женской прогимназіи, потомственнаго дворянина Ипполита *Кулешевича*, попечителя Воронежской Нечаевской двухклассной народной школы, потомственнаго почетнаго гражданина Ивана *Нечаева* и старосту церкви при Новочеркасской гимназіи, личнаго почетнаго гражданина Петра *Аверькова*, и *св. Станислава: второй степени*: состоящаго по найму помощникомъ классныхъ наставниковъ и учителемъ военной гимнастики Тифлисской второй мужской гимназіи, отставнаго подполковника Степана *Меликъ-Муратова*, почетнаго смотрителя Новгородскаго городскаго трехкласснаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина Григорія *Смѣтанина* и попечителя Сергѣевскаго городскаго начальнаго въ Нижнемъ-Новгородѣ училища, потомственнаго почетнаго гражданина, второй гильдіи купца Александра *Сергѣева* и *третьей степени*: депутата мѣстечка Зугдиды, отставнаго губернскаго секретаря Дмитрія *Жванія*, учителя пѣнія Ташкентской женской гимназіи, отставнаго коллежскаго регистратора Вячеслава *Лейсека*, эстляндскаго дворянина, неимѣющаго чина барона Леонгарда *Штейнгеля* и потомственнаго почетнаго гражданина Петра *Ланина*.

Нижепоименованныя лица, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, за труды ихъ по народному образованію. Всемилостивѣйше пожалованы ко дню Св. Пасхи, *серебряными медалями, съ надписью „за усердіе", для ношенія на груди, на Алексан-*

дровской лентѣ: губернскіе секретари: учителя училищъ: городскихъ приходскихъ, Тобольской губерніи, Тюменскихъ: Успенскаго, Алексѣй *Кудрявцевъ*, Знаменскаго, Михаилъ *Ромадинъ* и Никольскаго Никандръ *Нагибинъ* и Копальнинскаго начальнаго народнаго земскаго, Пермскаго уѣзда, Михаилъ *Мельниковъ*; коллежскіе регистраторы: завѣдывающіе училищами: Моздокскимъ Кирилло-Меѳодіевскимъ городскимъ приходскимъ, Михаилъ *Аѳанасьевъ* и Хасавъ-Юртовскимъ двухклассныыъ слободскимъ, Алексѣй *Гусевъ* и учителя училищъ: Холявинскаго начальнаго народнаго, Черниговскаго уѣзда, Николай *Рашко* и Медвѣдскаго сельскаго, Каинскаго округа, Иванъ *Покровскій*; неимѣющіе чиновъ: завѣдывающій Камышловскимъ приходскимъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Алексѣй *Салтыковъ*, учителя приходскихъ училищъ: Шполянскаго двухкласснаго, Звенигородскаго уѣзда, Александръ *Воскресенскій*, Пудожскаго, Алексѣй *Фаевъ*; Виленской губерніи: Лидскаго, Михаилъ *Голубовичъ* и Вилейскаго, Косьма *Павловецъ*; Ковенскихъ: Новогородскаго, Иванъ *Мищенко* и Слободскаго, Василій *Рудковскій*, Дрогичинскаго, Бѣльскаго уѣзда, Никифоръ *Замулко*, Селецкаго, Пружанскаго уѣзда, Александръ *Тараскевичъ*, Бѣлостокскаго уѣзда: Тростянскаго, Сафроній *Потѣйкинъ*, Хорощанскаго, Григорій *Хомичъ* и Хорощанскаго лютеранскаго, Илья *Констеньчикъ*; городскихъ приходскихъ: Псковскаго Александровскаго, Василій *Марковскій*, Курмышскаго, Григорій *Еюргинъ*, Белебеевскаго, Александръ *Шумиловъ*, Тамбовскаго перваго, Михаилъ *Жмуринъ*, Борисоглѣбскаго третьяго, Михаилъ *Шурковъ*, Козловскаго втораго, Яковъ *Даниловъ* и Измаильскаго шестаго, Иванъ *Розенфельдъ*; учителя церковно-приходскихъ школъ: Бердянскаго уѣзда: Мунтауской меннонитской, Бергардъ *Нейфельдъ* и Нейгофъ-Нунгстальской лютеранской, Яковъ *Курцъ*; учителя-завѣдывающіе начальными еврейскими училищами: Ананьевскимъ одноклассныиъ, Абишъ *Бернштейнъ*, Велижскихъ, Осипъ *Цилъштейнъ*, Полоцкимъ, Миронъ *Крамнинъ* и Свенцянскимъ, Григорій *Каценельсонъ*; завѣдывающіе одноклассными училищами: Рагулинскимъ, Новогригорьевскаго уѣзда, Иванъ *Щиринъ-Бродняженко* и Новогеоргіевскимъ первымъ, Ставропольскаго уѣзда, Андрей *Гончаровъ*; старшій учитель Бѣлостокскаго втораго еврейскаго народнаго училища, Гродненской губерніи, Абрамъ *Менаховскій*; учителя училищъ: двухклассныхъ: Ташлинскаго, Оренбургскаго уѣзда, Михаилъ *Соколовъ* и Грязновскаго, Тимскаго уѣзда, Іосифъ *Какуринъ*, министерства народнаго просвѣщенія: Конобѣевскаго, Шацкаго уѣзда, Дмитрій *Покровскій*, Разсказовскаго

начальнаго народнаго Тамбовскаго уѣзда, Иванъ *Банниковъ* и сельскихъ: Бобровскаго уѣзда: Бутурлиновскаго, Лука *Микулинъ* и Масловскаго, Филиппъ *Союзовъ*, одноклассныхъ сельскихъ министерства народнаго просвѣщенія: Каргопольскаго уѣзда: Волосовскаго, Егоръ *Лямкинъ* и Устьмошскаго, Александръ *Замошскій*, Шенкурскаго уѣзда: Конецгорскаго, Савватій *Здроговъ*, Устьважскаго, Андрей *Распопинъ* и Устьпаденгскаго, Иванъ *Поповъ*, Бѣлецкаго уѣзда: Петрушанскаго, Иванъ *Ляхъ* и Дануценскаго, Игнатій *Труновъ*, Измаильскаго уѣзда: Еникіойскаго, Георгій *Манойловъ*, Каракуртскаго, Иванъ *Скульскій*, Дракульскаго, Василій *Харманскій*, Борисовскаго, Степанъ *Барановъ* и Хаджи-Курдскаго, Борисъ *Василевскій* и Атяшкинскаго начальнаго, Буинскаго уѣзда, Степанъ *Коноваловъ*; учитель приготовительнаго класса Одесскаго втораго двухкласснаго еврейскаго начальнаго училища Яковъ *Герценштейнъ*; учителя училищъ: Белебеевскаго уѣзда: Комай-Максимовскаго, Архипъ *Максимовъ*, Ново-Матинскаго, Василій *Михайловъ* и Сактинскаго, Аркадій *Цареградскій*, Златоустовскаго уѣзда: Златоустовскаго Никольскаго, Иванъ *Хрущевъ*, Кувашинскаго, Николай *Бѣловъ* и Дуванскаго мужскаго, Василій *Смирновъ*, Чердынскаго уѣзда: Кольчужскаго, Ѳедоръ *Шелеповъ*, Гаинскаго, Ѳедоръ *Сурсяковъ*, Юксѣевскаго, Ѳедотъ *Холмогоровъ*, Кутимскаго, Илья *Постниковъ*, Покчинскаго мужскаго, Николай *Белдыцкій*, Кочевскаго, Лавръ *Ташкиновъ*, Чураковскаго, Иванъ *Щеголихинъ*, Монастырскаго, Александръ *Поповъ* и Морчанскаго, Ѳедоръ *Бабичевъ*, начальныхъ: Борзенскаго уѣзда: Гужовскаго, Василій *Ревинъ*, Мартыновскаго, Андрей *Ревинскій* и Носелевскаго, Петръ *Романько*, Солдатскаго, Фатежскаго уѣзда, Михаилъ *Аѳанасьевъ* и еврейскихъ: Ковенскаго, Копель *Волоцкій* и Россіенскаго, Давидъ *Берловичъ*, Вятскаго третьяго городскаго мужскаго начальнаго, Алексѣй *Березовскій*, Гнаденфельдскаго меннонитскаго начальнаго, Бердянскаго уѣзда, Абрамъ *Браунъ*, народныхъ: Геническаго, Мелитопольскаго уѣзда, Павелъ *Капустинъ*, Бегимъ-Чокракскаго, Бердянскаго уѣзда, Максимъ *Ковалевичъ*, Владимірскаго, Вилейскаго уѣзда, Степанъ *Кисель*, Трокскаго уѣзда: Олавскаго, Иванъ *Войцѣховичъ*, Кроньскаго, Владиміръ *Шацукевичъ*, Меречскаго, Николай *Дреко* и Кошедарскаго, Иванъ *Веремей*, Свенцянскаго уѣзда: Лынтупскаго, Петръ *Шутилло* и Свирскаго, Ермолай *Сурвило*, Конявскаго, Лидскаго уѣзда, Александръ *Личко*, Россіенскаго уѣзда: Россіенскаго, Ѳедоръ *Сѣрикъ*, Нельменскаго, Павелъ *Наглисъ*, Колтынянскаго, Ѳедоръ *Скобинъ*, Сковдвильскаго, Петръ *Липинскій* и Шимкайцкаго,

Константинъ *Простокишинъ*, Тельшевскаго уѣзда: Ольсядскаго, Иванъ *Можейко* и Паунгянскаго, Андрей *Ерощенко*, Вилкомірскаго уѣзда: Упянскаго, Даніилъ *Посохъ* и Константиновскаго Иванъ *Шишко*, Понемунскаго, Новоалександровскаго уѣзда, Осипъ *Сервутъ*, Поневѣжско-Пневскаго, Поневѣжскаго уѣзда, Николай *Кузьминскій*, Гродненскаго уѣзда: Мостовскаго, Иванъ *Калиновскій* и Скидельскаго, Константинъ *Крышень*, Мозырскаго уѣзда: Туровскаго, Евфимій *Пелешукъ*, Лемчицкаго, Михаилъ *Голубовичъ* и Комаровичскаго, Николай *Юшковъ*, Порѣчскаго, Пинскаго уѣзда, Павелъ *Крачевскій*, Княжицкаго, Могилевскаго уѣзда, Петръ *Кишкурно*, Рогачевскаго уѣзда: Стрѣшинскаго, Ѳеодосій *Чумаковъ*, Солонскаго, Павелъ *Юшкинъ*, Кистеневскаго, Алексѣй *Цыбулькинъ*, Ново-Громыкскаго, Василій *Громыко* и Меркуловичскаго, Лавръ *Апрѣлевъ*, Старосельскаго, Мстиславскаго уѣзда, Алексѣй *Щекунъ*, Гомельскаго уѣзда: Пакалюбичскаго, Иванъ *Тихановичъ*, Старосельскаго, Андрей *Соловьевъ* и Ереминскаго, Никита *Кожановъ*, Маслаковскаго, Горецкаго уѣзда, Иванъ *Галецкій*, Замочскаго, Сѣнненскаго уѣзда, Маркъ *Ѳедоссиковъ*, Дубровицкаго, Чериковскаго уѣзда, Степанъ *Шайтуровъ* и Новгородсѣверскаго уѣзда: Вовнянскаго, Николай *Катокъ* и Ивотскаго, Михаилъ *Короткевичъ*, одноклассныхъ народныхъ: Цыковскаго, Каменецкаго уѣзда, Григорій *Мельниковъ*, Тынненскаго, Ушицкаго уѣзда, Василій *Бѣлянскій*, Кукавскаго, Могилевскаго уѣзда, Северіанъ *Габрилевичъ* и Улаповскаго, Литинскаго уѣзда, Иннокентій *Жигаловскій*, начальныхъ народныхъ: Марковецкаго, Козелецкаго уѣзда, Иванъ *Буримовъ*, Березковскаго, Новгородсѣверскаго уѣзда, Петръ *Сѣриковъ*, Черниговскаго уѣзда: Грабовскаго, Василій *Бобиковъ* и Ковчинскаго Василій *Данилевичъ*, Тупичевскаго, Городнянскаго уѣзда, Діонисій *Вармышинъ*, Нѣжинскаго уѣзда: Веркіевскаго перваго, Степанъ *Кононенко*, Безугловскаго, Василій *Фурса*, Смолянскаго, Семенъ *Шунько* и Дрогинскаго, Николай *Ревинскій*, Псковскаго уѣзда: Иваново-Волотскаго, Андрей *Труслитъ*, Селищенскаго, Александръ *Липманъ* и Пешковскаго, Григорій *Горскій*, Островскаго уѣзда: Будаевскаго, Ефимъ *Артемьевъ* и Шиковскаго, Всеволодъ *Бойковъ*, Духновскаго, Новоржевскаго уѣзда, Антонъ *Петровъ*, Версинскаго, Пермскаго уѣзда, Петръ *Дружининъ*, Казачье-Лагерскаго, Днѣпровскаго уѣзда, Михаилъ *Солохинъ*, Бердянскаго уѣзда: Строгановскаго перваго, Кириллъ *Стояновскій*, Новотроицкаго втораго, Василій *Старобогатовъ*, Нижне-Курлакскаго, Николай *Грищинскій*, Бѣлецкаго втораго, Николай *Захаровъ*, Райновскаго, Іона

Фуклевъ, Покровскаго втораго, Семенъ *Дульцевъ*, Палаузовскаго, Иванъ *Петковъ* и Софіевскаго, Иванъ *Гордеевскій*, Курскаго уѣзда: Старо-Геремошнянскаго, Владиміръ *Шумаковъ* и Ямскаго перваго мужскаго, Василій *Воробьевъ*, Щигровскаго уѣзда: Красно-Полянскаго, Дмитрій *Чефрановъ* и Покровскаго, Сергѣй *Козьевъ*, Заолешенскаго, Суджанскаго уѣзда, Гавріилъ *Королевъ*, Верхнеопоченскаго, Тимскаго уѣзда, Александръ *Титовъ*, Богородскаго, Новооскольскаго уѣзда, Александръ *Шафрановъ*, Старооскольскаго уѣзда: Ямскаго мужскаго, Матвѣй *Болотовъ* и Чуевскаго, Василій *Ручковскій*, Ольховатскаго, Фатежскаго уѣзда, Николай *Васильевъ*, Ново-Покровскаго, Тамбовскаго уѣзда, Петръ *Поповъ*, Уваровскаго, Борисоглѣбскаго уѣзда, Михаилъ *Оржевскій*, Теньгушевскаго, Темниковскаго уѣзда, Георгій *Яковлевъ* и Спасскаго уѣзда: Дракинскаго, Иванъ *Соболевъ*, Зарубкинскаго, Степанъ *Нагорновъ*, Виндряевскаго, Василій *Тезяевъ*, Спасскаго волостнаго, Степанъ *Райскій* и Салазгорскаго, Николай *Гавриковъ*, сельскихъ: Троянскаго, Бердянскаго уѣзда, Эммануилъ *Креслевъ*, Семено-Макаровскаго, Белебеевскаго уѣзда, Григорій *Ильичевъ*, Зырянскаго, Маріинскаго округа, Иванъ *Щербининъ* и Каинскаго округа: Крутологовскаго, Иванъ *Кирилловъ*, Каргатско-Форпотскаго, Евфимій *Соловьевъ*, Чистоозерскаго, Діомидъ *Козловъ* и Анисимовскаго, Александръ *Бурматовъ*, сельскихъ начальныхъ: Неймышевскаго, Тобольской губерніи, Семенъ *Сѣрыхъ*, Ситьминскаго, Нолинскаго уѣзда, Николай *Трегубовъ*, Орловскаго уѣзда: Великорѣцкаго, Андрей *Овчинниковъ* и Верхопижемскаго, Николай *Поповъ*, Закаринскаго, Слободскаго уѣзда, Дмитрій *Пыхтѣевъ*, Буинскаго уѣзда: Помаевскаго, Александръ *Корчагинъ* и Туруновскаго, Александръ *Полетаевъ*, Алатырскаго уѣзда: Напольновскаго, Дмитрій *Винокуровъ* и Сурско-Майданскаго, Николай *Воротниковъ*, Симбирскаго уѣзда: Карлинскаго, Яковъ *Менцовъ* и Тушнинскаго, Василій *Чернилкинъ*, Бектяшкинскаго, Сенгилеевскаго уѣзда, Василій *Воробьевъ*, Карсунскаго уѣзда: Уренско-Карлинскаго, Семенъ *Логачевъ*, Чумакинскаго, Александръ *Демкинъ*, Потьминскаго, Иванъ *Ярославскій*, Больше-Шуватскаго, Иванъ *Антоновъ* и Судосевскаго, Иванъ *Утѣхинъ*, Курмышскаго уѣзда: Кочетовскаго, Владиміръ *Грязновъ*, Четаевскаго, Алексѣй *Веткасовъ* и Верхне-Талызинскаго, Андрей *Постниковъ*, Сызранскаго уѣзда: Рызлейскаго, Дмитрій *Шереметевъ*, Головцевскаго, Алексѣй *Добросмысловъ* и Винновскаго, Степанъ *Кузьминъ*, Бобровскаго уѣзда: Велико-Архангельскаго, Михаилъ *Олейниковъ*, Сѣриковскаго, Николай *Митропольскій*, Озерскаго, Василій

Турбинъ и Колодѣевскаго, Андрей *Іосифовъ*, Песковскаго перваго, Новохоперскаго уѣзда, Константинъ *Колдаевъ* и Славяносербскаго, Тираспольскаго уѣзда, Георгій *Ѳедоровъ*, Пушкаревскаго сельскаго народнаго, Новгородсѣверскаго уѣзда, Алексѣй *Маяровскій*, сельскихъ общественныхъ: Пинежскаго уѣзда: Вотскаго, Михаилъ *Левашевъ* и Труфаногорскаго, Максимъ *Макаровъ*, Бѣгдницкаго земскаго, Петергофскаго уѣзда, Григорій *Быстровъ*, земскихъ начальныхъ: Подбережскаго, Новоладожскаго уѣзда, Семенъ *Судбининъ* и Каргопольскаго уѣзда: Красновскаго перваго, Василій *Ленинъ* и Полуборскаго, Ѳедоръ *Матросовъ*, сельскихъ земскихъ, Пудожскаго уѣзда: Корбозерскаго, Антонъ *Рачковскій* и Песчанскаго, Николай *Кофыринъ*, Троицко-Никольскаго одноклассиаго земскаго народнаго, Верхотурскаго уѣзда, Николай *Топорнинъ*, инородческихъ: Златоустовскаго уѣзда: Верхне-Кичинскаго, Гизятулла *Губайдуллинъ*, Кулбаковскаго, Абдрахманъ *Гамбаровъ* и Мунаевскаго, Мухамедьянъ *Абдулгалимовъ* и Ново-Покровскаго, Орскаго уѣзда, Иванъ *Казинцевъ*, Елначихинскаго русско-башкирскаго, Осинскаго уѣзда, Сафіулла *Гамбировъ*, Нагаевскаго русско-татарскаго, Карсунскаго уѣзда, Хабитулла *Бикмурзинъ*; содержатель частнаго еврейскаго мужскаго училища 3-го разряда въ гор. Одессѣ Илья *Спиваковъ*; бывшій учитель-содержатель частнаго училища 3-го разряда въ гор. Кутаисѣ Степанъ *Ходжевановъ*; учительницы Тифлисской второй женской Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны гимназіи: Евгенія *Скуратова*, Эмма *Руцевичъ* и Екатерина *Лѣсноноженко*; начальница Зарайской женской прогимназіи Глафира *Красильникова*, надзирательница и учительница той же прогимназіи Серафима *Инфелицина*; учительницы женскихъ прогимназій: Зарайской, Надежда *Гедеонова*, Переславской, Аполлинарія *Гнилосырова* и Челябинской, Марія *Черкасова*; учительница приготовительнаго класса Ейской женской гимназіи Вѣра *Орлова*; учительницы завѣдывающіе двухклассными женскими приходскими училищами: Бѣлецкимъ городскимъ, Анна *Худзинская* и Новоржевскимъ, Екатерина *Банштейнъ*; учительницы приходскихъ училищъ: Коротоякскаго, Воронежской губерніи, Марія *Томилина*, Виленскаго Зарѣчнаго, Ираида *Пальцева*, мужскихъ: Вятскаго втораго, Евгенія *Введенская* и Оренбургскаго третьяго, Евгенія *Варлова* и женскихъ: Оренбургскаго перваго, Елена *Эрастова* и Псковскаго, Клавдія *Заборовская*, городскихъ приходскихъ: Новгородсѣверскаго, Марія *Демьяновичъ*, Кирсановскаго, Тамбовской губерніи, Анна *Шумская* и женскихъ: Нѣжинскаго: Ульяна *Аксютина* и Евдокія *Ладонко*, Тамбовскаго, Марія

Шишкова и Ткалинскаго Успенскаго, Тобольской губерніи. Зинаида *Огибенина;* завѣдывающія училищами: двухклассными женскими: Моздокскимъ, Наталія *Бурова*, Пятигорскимъ городскимъ Марія *Тимченко-Ярещенко* и Грозненскимъ Татьяна *Воробьева*, одноклассными: Больше-Джалгинскимъ, Новогригорьевскаго уѣзда, Александра *Шевцова*, Медвѣженскаго уѣзда: Горько-Балковскимъ, Ольга *Худобашева* и Лопанскимъ, Елена *Миловидова* и Александровскаго уѣзда: Ногутскимъ вторымъ, Марія *Руднева* и Султановскимъ, Антонина *Добровольская*, городскими начальными: Воробьевскимъ, Юлія *Лысякова*, Форштадтскимъ, Наталія *Влѣскова* и Желобовскимъ, Надежда *Евсѣева* и Старопавловскимъ станичнымъ, Вѣра *Ротачева;* учительницы женскихъ смѣнъ при приходскихъ училищахъ: Бѣлостокскомъ, Павлина *Червяковская* и Бѣльскомъ, Софія *Тарановичъ;* учительницы училищъ: двухклассныхъ: Чердынскаго, Александра *Филимонова* и Воронежскаго - Александровскаго втораго, Евгенія *Казачковская*, Нижне-Деревенскаго одноклассноаго министерства народнаго просвѣщенія, Льговскаго уѣзда, Софія *Халанская*, Бобровскаго уѣзда: Верхне-Тишанскаго, Марія *Кузьмина*, Азовскаго, Серафима *Базилевская* и Семено-Александровскаго, Прасковья *Харламова*, Владимірскаго-Мозинскаго, Софія *Николаева*, Томско-Казанскаго, Ольга *Анисимова*, Слоновскаго, Оренбургскаго уѣзда, Надежда *Курбатова*, Златоустовскаго уѣзда: Тюбелясскаго, Валентина *Соболева* и Саткинско-Пристанинскаго, Миронія *Касимовская*, женскихъ: Юрюзанскаго, Златоустовскаго уѣзда, Татьяна *Бисярина* и Курашимскаго, Пермскаго уѣзда, Екатерина *Безрукова*, начальныхъ: Усть-Гаревскаго, Пермскаго уѣзда, Анна *Кузнецова*, Карсунскаго волостнаго, Марія *Дехтерева*, женскихъ: Вятскихъ: перваго, Надежда *Мухачева* и Клавдія *Ухова*, втораго, Анна *Шиллегодская* и третьяго, Александра *Овчинникова*, Алешковскаго, Днѣпровскаго уѣзда, Екатерина *Бурдунова*, Фастовецкаго, Борзенскаго уѣзда, Александра *Власьяновичъ* и Очерскаго, Оханскаго уѣзда, Александра *Попова*, городскихъ начальныхъ: Алатырскаго третьяго, Параскева *Маринина* и Павловскаго, Татьяна *Песчанская*, народныхъ: Мейшагольскаго, Виленскаго уѣзда, Павла *Баландовичъ*, Коловичскаго, Вилейскаго уѣзда, Марія *Орлова*, Стоклишскаго, Трокскаго уѣзда, Эмилія *Бирюковичъ*, Трашкупскаго, Вилкомирскаго уѣзда, Александра *Киселенкова*, Видзскаго, Новоалександровскаго уѣзда, Эмилія *Голубева*, Бѣлосточанскаго, Бѣльскаго уѣзда, Евдокія *Рождественская*, Копаткевичскаго, Мозырскаго уѣзда, Марія *Шолковичъ*, Могилевскаго уѣзда: Павловичскаго, Ма-

рія *Коржецъ* и Бѣлыничскаго, Зинаида *Новицкая*, Рогачевскаго уѣзда: Луковскаго, Людмила *Лызлова* и Шерстинскаго, Юлія *Шимковичъ*, Забѣлышинскаго, Климовичскаго уѣзда, Агафія *Прудникова*. Чериковскаго уѣзда: Бѣлицкаго, Анна *Цитовичъ*, Комаровичскаго. Евдокія *Аѳонская* и Чаусскаго, Антонина *Стратановичъ*, Дубровскаго, Горецкаго уѣзда, Елена *Мостынская*, Вознесенскаго, Оханскаго уѣзда, Вѣра *Прошекальникова*, Прокоповскаго, Новгородсѣверскаго уѣзда, Варвара *Солодкая*, Щигровскаго уѣзда: Ново-Слободскаго, Ольга *Моисеева* и Карандаковскаго, Вѣра *Попова*, Суджанскаго уѣзда: Пушкарскаго, Варвара *Праведникова* и Песчанскаго, Іуліанія *Ахтырская*, Ольшанскаго мужскаго, Новооскольскаго уѣзда, Марія *Рыбцова*. Шумаковскаго, Курскаго уѣзда, Анна *Мальева*, одноклассныхъ народныхъ: Каменецкаго уѣзда: Гавриловецкаго, Марія *Мисюревичъ* и Збрижскаго, Марія *Демченко* и Студеницкаго, Ушицкаго уѣзда, Ольга *Сайковская*, начальныхъ народныхъ: Черниговскаго уѣзда: Слабинскаго, Неонила *Смирнова*, Брусиловскаго, Евфросинія *Погода* и Ковчинскаго, Татьяна *Данилевичъ*, Нѣжинскаго уѣзда: Носовскаго перваго, Евфросинія *Лозицкая* и Веркіевскаго втораго, Марія *Герасименко*, Шатохинскаго, Фатежскаго уѣзда, Ольга *Медвѣдева*, Бѣловскаго, Темниковскаго уѣзда, Марія *Кадомская*, Кажлодскаго. Спасскаго уѣзда, Марія *Славина*, Пичаевскаго, Моршанскаго уѣзда, Александра *Громковская*, Ново-Сеславинскаго, Козловскаго уѣзда, Таисія *Боголюбская*, Псковскаго уѣзда: Зарайскаго, Екатерина *Иванова*, Печерскаго, Ольга *Бѣляева*, Скрыповскаго, Евгенія *Колосова*, Слободскаго, Александра *Бѣляевская* и Сюнскаго, Марія *Крылова*, Островскаго уѣзда, Грибулевскаго, Анна *Станкевичъ* и Домахинскаго. Анна *Віертъ*, Новоржевскаго уѣзда: Оршанскаго, Зинаида *Кржижицкая* и Ашевскаго, Марія *Щукина*, Порховскаго уѣзда: Бѣшковицкаго, Анна *Большакова*, Жаборовскаго, Марія *Королева* и Рельбицкаго, Марія *Малиновская*, Верхъ-Очерскаго, Оханскаго уѣзда, Евфрасія *Попова* и Бердянскаго, Лисковскаго перваго, Софія *Курдиманова*, сельскихъ: Томскаго округа, Николаевскаго, Стефанида *Голодникова*, Колпашевскаго, Анна *Сасина* и Тутальскаго, Александра *Евдокимова*, Каинскаго округа: Шипицинскаго, Александра *Мельникова*, Казаткульскаго, Марія *Доброхотова*, Вознесенскаго, Ольга *Красноженова*, Таскаевскаго, Александра *Тлярова*, Кожевниковскаго, Павла *Богданова*, Бѣлоярскаго, Марія *Биева*, Повалихинскаго, Марія *Зырина*, Тюменцевскаго, Екатерина *Злобина*, Берскаго, Антонина *Ловыгина* и Койновскаго, Софія *Квятковская*, Енисейскаго, Бійскаго округа,

Анна *Птицина* и Змѣиногорскаго округа: Зыряновскаго, Глафира *Колокольникова*, Красноярскаго, Марія *Боголюбова*, Змѣиногорскаго, Өеозва *Печеркина* и Жерновскаго, Аполлинарія *Анисимова*, сельскихъ начальныхъ: Туринскаго округа: Коркинскаго, Александра *Булатова*, Усениповскаго, Анна *Енбаева*, Шухрумовскаго, Минодора *Петрова* и Куминовскаго, Марія *Панаева*, Курганскаго округа: Саламатовскаго, Анна *Мѣринова*, Куреинскаго, Лидія *Шестакова* и Чашинскаго, Параскева *Русинова*, Вятскаго уѣзда: Березинскаго, Клавдія *Королева*, Медяно-Фабричнаго, Лидія *Глазырина*, Роменскаго, Анна *Лопатина*, Филейскаго, Елисавета *Шубина* и Хлыповскаго, Глафира *Янкевская*, Орловскаго уѣзда: Верховскаго, Пелагея *Мышкина* и Коршинскаго, Марія *Блинова*, Слободскаго уѣзда: Демьянскаго, Юлія *Кибардина*, Полынскаго, Александра *Косарева*, Березинскаго, Александра *Косарева*, Омсинскаго, Аполлинарія *Косарева*, Заозерницкаго, Софія *Пухова*, Ильинскаго, Софія *Вадиковская*, Трехключинскаго, Анна *Бехтерева*, Юсовскаго, Надежда *Братчикова*, Николаевскаго, Юлія *Попетова* и Иванцовскаго, Марія *Паткина*, Буинскаго уѣзда: Архангельскаго, Олимпіада *Ласточкина* и Еделевскаго, Параскева *Павлова*, Карсунскаго уѣзда: Городищенскаго, Өеоктиста *Дронина* и Должниковскаго, Анна *Полетаева*, Курмышскаго уѣзда: Языковскаго, Любовь *Вагилянская* и Медянскаго, Юлія *Нестерова*, Шиловскаго деревенскаго, Симбирскаго уѣзда, Александра *Корнева*, Тираспольскаго уѣзда: Ангелиновскаго, Вѣра *Кулишъ* и Суклейскаго, Екатерина *Бафоль*, Ананьевскаго уѣзда: Голтянскаго, Татьяна *Туровская*, Свято-Троицкаго, Дарья *Тихонова* и Ставропольскаго, Любовь *Вожвудская*, Московскаго, Воронежскаго уѣзда, Александра *Данилова*, Тресоруковскаго, Коротоякскаго уѣзда, Марія *Дьякова*, мужскихъ: Вятскаго уѣзда: Каннинскаго, Глафира *Овчинникова*, Куменскаго, Марія *Братухина* и Загорскаго, Александра *Вершинина* и женскихъ: Волковскаго, Слободскаго уѣзда, Елисавета *Виеанская*, Алатырскаго уѣзда: Астрадамовскаго, Евдокія *Малина* и Промзинскаго, Марія *Волкова*, земскихъ начальныхъ: Нѣжинскаго женскаго, Ирина *Мохирева* и Новоладожскаго уѣзда: Пульницкаго, Надежда *Ирадіонова*, Усть-Воронскаго, Раиса *Голубцова* и Изсодскаго, Марія *Честнокова*, Печниковскаго земскаго сельскаго, Каргопольскаго уѣзда, Вѣра *Тихвинская* и Косинскаго сельскаго начальнаго земскаго, Слободскаго уѣзда, Елена *Бердникова;* содержательница частнаго третьяго разряда училища въ гор. Ставрополѣ-Кавказскомъ, Евгенія *Карягина;* помощницы учителей училищъ: Каменецкаго-Александров-

скаго городскаго приходскаго, Евгенія *Каминская*, Усадищскаго, Новоладожскаго уѣзда, Лариса *Осиповская*, Чердынскаго уѣзда, юмскаго. Наталья *Михайлова* и Косинскаго, Евгенія *Королева;* помощницы учительницъ училищъ: Сивинскаго народнаго, Оханскаго уѣзда, Марія *Девлетяновская*, начальныхъ: Бобинскаго, Вятскаго уѣзда, Марія *Васнецова* и Слободскаго уѣзда: Демьянскаго, Александра *Козулина* и Шестаковскаго, Варвара *Пупышева*, слободскихъ городскихъ начальныхъ: мужскаго, Людмила *Наумова* и женскаго, Екатерина *Наумова* и Медянскаго сельскаго начальнаго, Курмышскаго уѣзда Марія *Ѳедорова* и бывшіе учительницы училищъ: Псковскаго Ольгинскаго, Елена *Лебедева* и Берскаго сельскаго. Марія *Барткевичъ*.

Нижепоименованныя лица, за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше пожалованы, 6-го мая сего года, *медалями, съ надписью „за усердіе", для ношенія на шеѣ, на лентахъ: Андреевской*—завѣдывающій метеорологическою станціею въ Перновѣ, лоцъ-командиръ. шкиперъ 1-го класса Христіанъ *Мейбаумъ*; *Александровской*—почетный смотритель Пермскаго уѣзднаго училища, первой гильдіи купецъ Николай *Мѣшковъ*; *Владимірской:* староста церкви Ташкентской мужской гимназіи, второй гильдіи купецъ Александръ *Блиновскій* и почетный блюститель Нижне-Курмоярскаго и Кривскаго приходскихъ училищъ, Донской области, отставной урядникъ Григорій *Мазановъ; Аннинской*: второй гильдій купцы: почетный попечитель Омскаго Императора Александра III низшаго механико-техническаго училища и староста церкви Александровскаго Тюменскаго реальнаго училища Александръ *Россошныхъ*, почетные смотрители городскихъ училищъ: Пржевальскаго двухклаcснаго, Семирѣченской области, Дмитрій *Ильинъ* и Алешковскаго четырехклассного, Вильгельмъ *Шредеръ* и почетный блюститель Евпаторійскаго втораго городскаго приходскаго училища Илья *Васильевъ* и *Станиславской*: завѣдывающій метеорологическою станціею Николаевской главной физической обсерваторіи въ Полыновкѣ, потомственный почетный гражданинъ Александръ *Толкачевъ*, личные почетные граждане: попечитель Верхъ-Исетскаго мужскаго начальнаго народнаго училища Порфирій *Медвѣдевъ*, вольно-наемный писецъ канцеляріи С.-Петербургской третьей гимназіи Алексѣй *Станкузевичъ* и служитель канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, Иванъ *Кузнецовъ*, предсѣдатель попечительнаго совѣта Бахмутской женской гимназіи, второй гильдіи купецъ Іосифъ *Клейменовъ*, попечитель Мокринскаго начальнаго училища, временный ин-

жегородскій купецъ Иванъ *Моренов*ъ и членъ комитета училища для дѣтей бѣдныхъ лицъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ, прусскій подданный Бернардъ *Глазовъ* и *серебряными на лентахъ*: *Владимірской*: попечитель Петрозаводскаго приходскаго женскаго училища, петрозаводскій купецъ Моисей *Поспѣловъ* и почетный блюститель Кривокосскаго приходскаго училища, Донской области, казакъ торговаго общества Левъ *Мастеровъ*; *Аннинской*: первый учитель Млавскаго двухкласснаго городскаго начальнаго мужскаго и воскресно-ремесленнаго училищъ, Плоцкой губерніи, Антонъ-Андрей *Гронвальдъ*; учителя одноклассныхъ гминныхъ общихъ начальныхъ училищъ, Ломжинской губерніи: Мазовецкаго, Іосифъ *Коссаковскій*, Маковскаго, Иванъ *Станкевичъ* и Чижевскаго, Романъ *Черминскій*, попечители училищъ: Ростовскаго-на-Дону третьяго мѣщанскаго начальнаго, второй гильдіи купецъ Николай *Гавалла* и Спасо-Никольскаго начальнаго народнаго, Великолуцкаго уѣзда, купеческій сынъ Дмитрій *Боженовъ*, почетный блюститель Ладвинскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, торгующій по второй гильдіи, крестьянинъ Алексѣй *Кипрушкинъ*, исполняющій обязанности журналиста канцеляріи попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, отставной писарь унтеръ-офицерскаго званія Илья *Щиченковъ* и вольно-наемный писецъ той же канцеляріи, отставной писарь 1-го класса унтеръ-офицерскаго званія Иванъ *Заикинъ* и *Станиславской*: старшіе учителя двухклассныхъ мужскихъ училищъ, Сѣдлецкой губерніи: Межирѣчскаго городскаго начальнаго, Василій *Янушевичъ* и Яновскаго гминнаго начальнаго, Андрей *Демидовичъ*, учитель-завѣдывающій Глодянскимъ двухкласснымъ мужскимъ сельскимъ училищемъ, Бѣлецкаго уѣзда, Дмитрій *Еллади*; учителя училищъ: перваго Сѣдлецкаго одноклассиаго мужскаго начальнаго и воскресно-ремесленнаго, Иванъ *Демчукъ*; народныхъ, Псковскаго уѣзда: Великопустынскаго, Семенъ *Бобровъ* и Славковскаго, Семенъ *Верещагинъ*; городскихъ одноклассныхъ начальныхъ мужскихъ, Сѣдлецкой губерніи: Сѣдлецкаго втораго, Иванъ *Рышкевичъ* и Радинскаго, Филимонъ *Панько*; одноклассныхъ начальныхъ общихъ: Сѣдлецкой губерніи: Малашевичскаго, Игнатій *Коцюбинскій*, Прогалинскаго, Александръ *Семенюкъ*, Головенкскаго, Косьма *Кравчинскій* и Русско-Вольскаго, Өедоръ *Наливайко* и Райгродскаго, Ломжинской губерніи, Станиславъ *Гриневицкій*; одноклассныхъ сельскихъ начальныхъ общихъ Голубльскаго, Сѣдлецкой губерніи, Климентій *Петручукъ*, Ломжинской губерніи: Червинскаго, Доминикъ *Миланчъ* и Ясеницкаго, Осипъ

Снѣжко; одноклассныхъ гминныхъ начальныхъ, Ломжинской губерніи: Плонскаго, Станиславъ *Лясковскій* и Таинскаго, Андрей *Марцинкевичъ*; одноклассныхъ городскихъ начальныхъ общихъ: Островецкаго, Радомской губерніи, Антонъ *Добровольскій* и Гарволинскаго, Сѣдлецкой губерніи, Константинъ *Петржиковскій*, Тыкоцинскаго одноклассонаго городскаго еврейскаго общаго начальнаго, Ломжинской губерніи, Абрамъ *Шацкій*; одноклассныхъ гминныхъ начальныхъ общихъ Ломжинской губерніи: Бѣлашевскаго, Иванъ *Годлевскій*, Вознавесьскаго, Антонъ *Іонкайтисъ*, Сокольскаго, Анастасій *Квеселевичъ*, Богутскаго, Іосифъ *Крашевскій*, Щучинскаго, Мартинъ *Миланчъ*, Кобылинскаго, Войцѣхъ *Маковскій*, Бендскаго, Станиславъ *Пухальскій*, Длугоседловскаго, Александръ *Седзеневскій*, Говоровскаго, Михаилъ *Ставиковскій* и Киколскаго, Плоцкой губерніи, Владиславъ-Раймундъ *Дембскій*, младшій учитель Лапскаго двухклассонаго сельскаго мужскаго начальнаго училища, Ломжинской губерніи, Эдуардъ *Глуговскій*; почетный блюститель Міасскаго перваго мужскаго начальнаго училища, Оренбургской губерніи, второй гильдіи купецъ Павелъ *Дунаевъ*; почетный смотритель Таганрогскаго городскаго четырехклассонаго училища, временный второй гильдіи купецъ Петръ *Лялько*; учители гимнастики Казанской татарской учительской школы, отставной фельдфебель Мифта-Хутдинъ *Шамсутдиновъ*; отставные унтеръ-офицеры служители: Астраханской гимназіи Николай *Пряничниковъ* и Казанскаго городскаго четырехклассонаго училища Константинъ *Семеновъ*, десятникъ при постройкѣ зданій Читинскаго ремесленнаго училища, мѣщанинъ Николай *Губановъ* и почетный блюститель Синявскаго приходскаго училища, Донской области, казакъ торговаго общества Маркіанъ *Бондаревъ* и *для ношенія на груди, золотыми на лентахъ, Аннинской*—почетный смотритель Камышловскаго уѣзднаго училища, Пермской губерніи, купеческій сынъ Владиміръ *Кутьинъ*, временные второй гильдіи купцы: почетные блюстители приходскихъ училищъ, Донской области: Веселовскаго, Моисей *Кулешовъ* и Верхне-Митякинскаго Игнатій *Славышенскій*, швейцаръ Череповецкаго реальнаго училища, запасный унтеръ-офицеръ Максимъ *Иконниковъ*, служитель Оренбургской женской гимназіи, отставной унтеръ-офицеръ Никита *Горбуновъ* и почетный блюститель Урюпинскаго перваго приходскаго училища, Донской области, казакъ торговаго общества Иванъ *Смѣловъ* и *Станиславской*—швейцаръ С.-Петербургскаго учительскаго института, запасный унтеръ-офицеръ Прокопій *Познанскій*, служитель при С.-Петербургской пятой гимназіи, запасный рядовой Петръ *Ильин-*

скій и классная надзирательница Пермской женской гимназіи Надежда *Егорова* и *серебряными, на лентахъ, Аннинской*: почетный блюститель Титовскаго приходскаго училища, Донской области, купецъ Василій *Маликовъ*, вольнонаемный писецъ канцеляріи перваго Донскаго окружнаго училища, урядникъ Иванъ *Пономаревъ* и служитель городскаго училища при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, отставной рядовой Егоръ *Трусовъ* и *Станиславской*: попечитель Чердынскаго городскаго приходскаго училища, чердынскій купецъ Семенъ *Ремянниковъ*, почетные блюстители училищъ: сельскихъ министерства народнаго просвѣщенія, Измаильскаго уѣзда: Баймаклійскаго одноклассснаго для дѣтей обоего пола, гражданинъ города Рени Викторъ *Шерреръ* и Конгазскаго мужскаго двухклассснаго, поселянинъ с. Конгазъ Павелъ *Занетъ* и приходскихъ, Донской области: Екатерининскаго, отставной урядникъ Борисъ *Харлановъ*, Петровскаго и Дурновскаго, казакъ Иванъ *Губановъ*, Плетневскаго, казакъ Евграфъ *Пупковъ* и Платовскаго калмыцкаго бакша Платовскаго хурула Боку *Кулюшовъ*, швейцаръ при Псковской мужской гимназіи, мѣщанинъ Виллемъ-Филиппъ *Кронъ*; служители при С.-Петербургской седьмой гимназіи, отставной стрѣлокъ Степанъ *Худа*, при музеѣ физіологической анатоміи Императорскаго Казанскаго университета, отставной рядовой Гимадутдинъ *Хасановъ*, при ботаническомъ кабинетѣ того же университета, отставной рядовой Гатіатула *Хисматулинъ* и при физіологическомъ кабинетѣ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, отставной рядовой Миндубай *Мусинъ*, разсыльный при управленіи Кавказскаго учебнаго округа, отставной рядовой Иванъ *Пуцъ*, служители: Оренбургской гимназіи, отставной рядовой Григорій *Пьянковъ* и при канцеляріи Николаевской главной физической обсерваторіи, запасный рядовой Андрей *Нестеровъ*, нижній служитель Рижской Александровской гимназіи, запасный рядовой Климентъ *Романенковъ*, служители: при физическомъ кабинетѣ Императорскаго Казанскаго университета, причисленный въ ратники ополченія Степанъ *Ваньшевъ*, при зоологическомъ кабинетѣ Казанскаго ветеринарнаго института, крестьянинъ Сабитъ-Абдулъ *Нафиковъ* и Маріупольской гимназіи, крестьянинъ Леонтій *Голевецъ*, мастеръ столярнаго дѣла при механическихъ мастерскихъ Технологическаго института Императора Николая I, крестьянинъ Петръ *Цвѣтковъ*, исполняющій обязанности мастера столярно-модельной мастерской того же института, крестьянинъ Михаилъ *Полозовъ*, попечители училищъ: Ахъ-Шейхскаго народнаго, Перекопскаго уѣзда, крестьянинъ Лукьянъ *Борщъ*, Елисаветовскаго

сельскаго, Екатеринославской губерніи, крестьянинъ Антипъ *Гноевой*, сельскихъ начальныхъ: Кошукскаго, Туринскаго округа, крестьянинъ Алексѣй *Хвастуновъ* и Першинскаго, Курганскаго округа, крестьянинъ Александръ *Поповцевъ*, Березовскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Пермской губерніи, крестьянинъ Семенъ *Черныхъ* и Шахаровскаго начальнаго народнаго, крестьянинъ Миронъ *Смольниковъ* и завѣдывающая кухней при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, мѣщанка Анна *Балькъ*.

Нижепоименованныя лица, за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше пожалованы, ко дню св. Пасхи, *медалями съ надписью „за усердіе", для ношенія на шеѣ: золотыми на лентахъ: Андреевской*—староста Александро-Невской церкви при Орловской гимназіи, второй гильдіи купецъ Тимофей *Клейменовъ; Александровской:* членъ попечительнаго совѣта Одесскаго еврейскаго сиротскаго дома, потомственный почетный гражданинъ, первой гильдіи купецъ Яковъ *Рабиновичъ*, предсѣдатель попечительнаго совѣта Таганрогскаго греческаго частнаго училища втораго разряда, первой гильдіи купецъ Панаіоти *Комнинаки* и почетный смотритель Бѣжецкаго городскаго училища, второй гильдіи купецъ Сергѣй *Коровкинъ*; *Владимірской*: почетный блюститель Дубровенскаго начальнаго еврейскаго училища, Могилевской губерніи потомственный почетный гражданинъ, первой гильдіи купецъ Илья *Швейцеръ* и попечитель Юрьевскаго начальнаго училища, Корчевскаго уѣзда, личный почетный гражданинъ Василій *Сизовъ*; *Аннинской*: почетные блюстители училищъ: Мартыновскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Корчевскаго уѣзда, 1-й гильдіи купецъ Илья *Тунцевъ*, Новочеркасскаго перваго приходскаго, Донской области, 1-й гильдіи купецъ Никита *Черновъ*, Богдановскаго одноклассиаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія, Любимскаго уѣзда, 2-й гильдіи купецъ Ѳедоръ *Клипановъ* и Привокзальнаго приходскаго, Донской области, 2-й гильдіи купецъ Василій *Симбирцевъ*, попечитель Тоузаковскаго и Батмановскаго сельскихъ училищъ, Арзамасскаго уѣзда, елабужскій купецъ Сергѣй *Петровъ* и почетный смотритель Вышневолоцкаго городскаго училища, купеческій сынъ Сергѣй *Болотинъ* и *Станиславской*: инспекторъ ремесленнаго при Виленской талмудъ-торѣ училища, потомственный почетный гражданинъ Адольфъ *Гордонъ*, почетный попечитель Иркутской учительской семинаріи, потомственный почетный гражданинъ, прапорщикъ запаса Александръ *Второвъ*, учитель за-

вѣдывающій Виленскимъ первымъ начальнымъ еврейскимъ училищемъ, потомственный почетный гражданинъ Илья *Лазаревъ*, попечитель Лихоборскаго, Московскаго уѣзда, земскаго начальнаго училища временно московскій первой гильдіи купецъ Георгій *Рюхардъ*, староста церкви при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, первой гильдіи купецъ Яковъ *Трофименко* и второй гильдіи купцы: почетный смотритель третьяго Московскаго городскаго училища Александръ *Юргенсъ*, попечитель Тростянскаго, Донской области, начальнаго народнаго училища Яковъ *Комаровъ*, предсѣдатель общества попеченія о бѣдныхъ учащихся учебныхъ заведеній города Славянска Яковъ *Асокинъ* и староста церкви Аккерманской прогимназіи Георгій *Спиліоти* и почетный блюститель Новочеркасскаго 3-го приходскаго училища, Донской области, казакъ торговаго общества Филиппъ *Шапошниковъ* и *серебряными на лентахъ*: *Александровской*—крестьянинъ села Димитріевскаго, Даниловскаго уѣзда, Николай *Копыловъ*; *Владимірской*—нижній служитель Императорскаго Московскаго университета, старшій унтеръ-офицеръ Діомидъ *Феоктистовъ*; *Аннинской*: казаки торговаго общества: почетные блюстители приходскихъ училищъ, Донской области, Новочеркасскаго втораго Семенъ *Шапошниковъ* и Мѣшковскаго Емельянъ *Поповъ* и *Станиславской*: почетный блюститель Верхне-Сѣрагозскаго сельскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища Мелитопольскаго уѣзда, первой гильдіи купецъ Ааронъ *Скловскій*, вольнонаемный писецъ канцеляріи правленія Императорскаго университета св. Владиміра Даміанъ *Павловскій*, почетные блюстители училищъ: Сморгонскаго, Виленской губерніи, еврейскаго народнаго, первой гильдіи купеческій сынъ Леонъ *Карасикъ* и Моздокскаго Кирилло-Меѳодіевскаго городскаго приходскаго, второй гильдіи купецъ Соломонъ *Аладатовъ*, староста церкви при Ахтырской мужской прогимназіи, второй гильдіи купецъ Василій *Домаревъ*, учителя училищъ: Староушицкаго городскаго приходскаго Іоанникій *Крачковскій*, Нижне-Бѣлоомутскаго мужскаго сельскаго, Зарайскаго уѣзда, Никита *Барановъ* и одноклассныхъ народныхъ: Ушицкаго уѣзда: Томашовецкаго Григорій *Харжевскій*, Зелено-Куриловецкаго Евфимій *Петринскій*, Миньковецкаго Петръ *Кругаевскій* и нестеровецкаго Евгеній *Бычковскій*, швейцаръ частной женской гимназіи Бессъ въ Москвѣ, отставной старшій фейерверкеръ Петръ *Михайловъ*, нижній служитель Московской первой гимназіи, запасный фейерверкеръ Захаръ *Солнцевъ*, фельдшеръ Новоторжской учительской семинаріи, отставной унтеръ-офицеръ Меркурій *Коро-*

таевъ, исправляющій должность письмоводителя Кубанской учительской семинаріи, отставной медицинскій фельдшеръ Гавріилъ *Пучкинъ*, почетный блюститель Кисловодскихъ слободскихъ училищъ, мѣщанинъ Яковъ *Семеновъ*, вольнонаемный писецъ канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, запасный старшій писарь Дмитрій *Кукиль* и садовникъ при Кубанской учительской семинаріи, мѣщанинъ Григорій *Бѣляевъ* и *для ношенія на груди*: *золотыми*: *на лентахъ*: *Аннинской*: начальницы: женскихъ гимназій: Владивостокской, вдова штабсъ-капитана Елисавета *Семенова*, Керченской, вдова титулярнаго совѣтника Марія *Хвостова* и Тифлисской третьей, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Вильгельмина *Струве*, женскихъ прогимназій: Смоленской, изъ дворянъ Варвара *Ромейко-Гурко* и Мещевской, изъ дворянъ Марія *Григорьева* и Кутаисской женской безплатной школы, дочь генералъ-маіора Марія *Тимченко-Рубанъ*, главная воспитательница Варшавской первой женской гимназіи, жена полковника Надежда *Туркова*, почетные блюстители училищъ: Свинаревскаго приходскаго, Донской области, 2-й гильдіи купецъ Николай *Булатовъ* и Наурскаго двухкласснаго, 2-й гильдіи купецъ Яковъ *Марцеваладзе*, староста церкви при пансіонѣ Рязанской гимназіи, Рязанскій цеховой Гавріилъ *Федотовъ* и казаки торговаго общества: почетные блюстители приходскихъ училищъ, Донской области: кагальницкаго двухкласснаго Андрей *Грековъ* и Тепикинскаго Степанъ *Есафовъ* и *Станиславской*: второй гильдіи купцы: почетные блюстители училищъ: Нижне-Сѣрагозскаго сельскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Мелитопольскаго уѣзда, Іосифъ *Жамгоцевъ* и Ново-Дмитріевскаго одноклассыаго, Медвѣженскаго уѣзда, Иванъ *Текеджіевъ* и *серебряными*, *на лентахъ*: *Аннинской*: почетные блюстители одноклассныхъ училищъ: Круглолѣсскаго, Александровскаго уѣзда, крестьянинъ Андрей *Сафоновъ* и Дивненскаго, Новогригорьевскаго уѣзда, крестьянинъ Гавріилъ *Годиновъ*, крестьянинъ села Воржи, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, Василій *Масловъ* и попечитель Паноминскаго начальнаго училища, Вышневолоцкаго уѣзда, крестьянинъ Павелъ *Аксаковъ* и *Станиславской*: почетные блюстители одноклассныхъ училищъ: Надеждинскаго, Ставропольскаго уѣзда, потомственный почетный гражданинъ Павелъ *Тишинъ* и Новогригорьевскаго уѣзда: Предтеченскаго, купецъ Трофимъ *Крыловъ* и Винодѣлинскаго, крестьянинъ Евгеній *Калининъ*, нижніе служители гимназій: Московской первой, отставной рядовой Ѳедоръ *Золотѣдовъ*, Пермской женской, отставной рядовой Андріанъ

Чижовъ, Московской первой, запасный рядовой Илья *Тарасенковъ* и Бѣлоцерковской мужской, запасный рядовой Гавріилъ *Гавренко*, запасные рядовые: швейцаръ Орловской Николаевской женской гимназіи Михаилъ *Шатовъ* и служители: Петровскаго Александровскаго пансіонъ-пріюта Московскаго дворянства Егоръ *Зуевъ* и Серпуховскаго казеннаго начальнаго въ Москвѣ училища Иванъ *Ермолаевъ*, нижній служитель Ярославской Маріинской женской гимназіи, мѣщанинъ Акимъ *Комаровъ*, почетные блюстители училищъ: Государственнаго Станичнаго, мѣщанинъ Сергѣй *Швецовъ*, Ново-Егорлыкскаго, Медвѣженскаго уѣзда, мѣщанинъ Михаилъ *Потѣлинъ*, одноклассныхъ: Александровскаго уѣзда: Чернолѣсскаго, мѣщанинъ Сергѣй *Синельниковъ* и Сергіевскаго перваго, мѣщанинъ Георгій *Аспидовъ* и Буллацкаго, Новогригорьевскаго уѣзда, мѣщанинъ Александръ *Богомоловъ*, учитель мѣстечка Зугдидъ, мѣщанинъ Максимъ *Чилачава*, нижніе служители: при зоологическомъ кабинетѣ Императорскаго университета св. Владиміра, крестьянинъ Владиславъ *Знаевскій* и гимназій: Бѣлоцерковской женской, крестьянинъ Лаврентій *Хоменко* и Московской первой, крестьянинъ Василій *Рябухинъ*, служители Петровскаго Александровскаго пансіонъ-пріюта московскаго дворянства: крестьянинъ Алексѣй *Козловъ* и крестьянинъ Алексѣй *Зуевъ*, нижній служитель Новоторжской учительской семинаріи, изъ крестьянъ Ѳедоръ *Ѳедотовъ*, швейцаръ Кутаисскаго шестикласснаго городскаго училища, крестьянинъ Софронъ *Абуссеридзе*, почетные блюстители училищъ: Александровскаго двухкласснаго, крестьянинъ Павелъ *Борисовъ* и одноклассныхъ, Новогригорьевскаго уѣзда, Петровскаго втораго, крестьянинъ Евдокимъ *Волоховъ* и Величаевскаго, крестьянинъ Петръ *Руденко* и десятникъ при постройкѣ зданій для С.-Петербургскаго низшаго химико-техническаго и С.-Петербургскаго втораго реальнаго училищъ, крестьянинъ Николай *Усинъ*.

Нижепоименованныя лица, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, за труды ихъ по народному образованію Всемилостивѣйше пожалованы 6-го мая сего года *серебряною медалью, съ надписью „за усердіе", для ношенія на груди на Александровской лентѣ*: губернскіе секретари, учителя приходскихъ училищъ, Донской области: Алексѣевскаго двухкласснаго Митрофанъ *Михайловъ*, Грушевскаго Исидоръ *Автономовъ*, Ольгинскаго Иванъ *Лавреновъ*, Правоторовскаго Ѳедоръ *Мишаревъ*, Разуваевскаго Иванъ *Себряковъ*, Акишевскаго Ѳедоръ *Субботинъ* и Трехъ-Островянскаго Александръ *Александровъ*; неимѣющіе чиновъ: учитель-завѣдывающій Шабскимъ

приходскимъ французско-нѣмецкимъ двухклассным министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Аккерманскаго уѣзда Игнатій *Куликовъ;* учителя приходскихъ училищъ: Донской области: Баклановскаго Иванъ *Брызгалинъ*, Новочеркасскаго перваго Никифоръ *Босовъ* и Кепинскаго Александръ *Минаевъ*, Павловскаго Воронежской губерніи Ѳедоръ *Мокровъ* и Воронцовскаго перваго, Павловскаго уѣзда, Василій *Нашивочниковъ*, учителя городскихъ приходскихъ училищъ: Буинскаго Николай *Кофтинъ* и Балашовскаго перваго мужскаго Василій *Сорокинъ*, учитель Мешенскаго нѣмецкаго церковно-приходскаго училища, Перекопскаго уѣзда, Симонъ *Альбрехтъ*, учителя, завѣдывающіе училищами: Кубейскимъ сельскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія, Аккерманскаго уѣзда, Константинъ *Кошеревъ-Бобокъ* и Дубовскимъ начальнымъ народнымъ, Царицынскаго уѣзда, Иванъ *Кузнецовъ*, старшіе учителя двухклассныхъ начальныхъ общихъ училищъ: Вогинскаго, Сѣдлецкой губерніи, Артемій *Сорока* и Пыздрскаго гминнаго Францъ *Палюшкевичъ*, учителя училищъ: двухклассныхъ гминныхъ начальныхъ: Тышовецкаго, Люблинской губерніи, Лонгинъ *Литвиновичъ*, общихъ: Дробинскаго, Плоцкой губерніи, Иванъ *Надземскій*, Пугачевскаго одноклассного, Люблинской губерніи, Романъ *Рудницкій* и Грабовскаго двухкласснаго, Варшавской губерніи, Петръ-Брониславъ *Боровый*, Ломжинскаго двухкласснаго городскаго мужскаго начальнаго Иванъ *Ждановичъ*, Верхне-Бугалышскаго русско-башкирско-черемисскаго, Красноуфимскаго уѣзда, Александръ *Изабаевъ*, начальныхъ, Аспинскаго, Осинскаго уѣзда, Александръ *Виноградовъ* и при С.-Петербургской земской учительской школѣ: Степанъ *Михеевъ* и Кузьма *Верковскій*, Кузнецкаго четвертаго городскаго Маркелъ *Большаковъ*, Ершовскаго народнаго, Осинскаго уѣзда, Николай *Басиновъ*, начальныхъ народныхъ: Хвалынскаго уѣзда, Акатно-Мазинскаго Козьма *Кузнецовъ* и Елшанскаго Николай *Костинъ*, Перновскаго земско-общественнаго Балашовскаго уѣзда, Сергѣй *Тюринъ*, Ардатовскаго уѣзда: Макаловскаго, Степанъ *Лазаревъ*, Сайгутскаго Иванъ *Кандалинскій* и Шейнъ-Майданскаго Иванъ *Лукьяновъ*, Алатырскаго уѣзда: Мамадышскаго Иванъ *Овчинниковъ* и Утесовскаго Василій *Кашкировъ*, Гуляевскаго, Донской области, Евгеній *Горбачевъ*, Павловскаго уѣзда: Воронцовскаго третьяго Иванъ *Костяновъ*, Гороховскаго Василій *Склобовскій* и Мамоновскаго Митрофанъ *Патрицкій* и Смаглѣевскаго, Богучарскаго уѣзда, Ѳедоръ *Удодовъ*, одноклассныхъ: Ломазскаго начальнаго мужскаго, Сѣдлецкой губерніи, Демьянъ *Жукъ*, Резинскаго сельскаго, Оргіевскаго уѣзда,

Максимъ *Обертасъ*, Слупицкаго сельскаго начальнаго, Радомской губерніи, Антонъ *Зброжина* и министерства народнаго просвѣщенія: при желѣзно-дорожной станціи „Тапсъ", Эстляндской губерніи, Александръ *Скворцовъ;* сельскихъ: Парканскаго, Оргѣевскаго уѣзда, Георгій *Илопа* и Аккерманскаго уѣзда, Тараклійскаго Еремѣй *Андоніевъ* и Купоранскаго Ѳеодоръ *Чебанъ* и Покровскаго начальнаго народнаго, Ардатовскаго уѣзда, Михаилъ *Листовъ*, одноклассныхъ городскихъ начальныхъ: мужскихъ: Варшавской губерніи: Радиминскаго Ѳеофилъ-Дыдакъ-Маріанъ *Буртатовскій*, Гостынинскаго Станиславъ *Лямпартскій* и Сохачевскаго Францъ *Станкевичъ*, Козеницкаго, Радомской губерніи, Викторъ *Шлезингеръ* и Бѣльскаго, Сѣдлецкой губерніи, Николай *Барановскій*, земскихъ начальныхъ: Царскосельскаго городскаго Тихонъ *Казанскій* и сельскихъ: Еглинскаго, Царскосельскаго уѣзда, Василій *Нарышкинъ*. Дудергофскихъ: втораго Ѳома *Хирвоненъ* и переходнаго Вильгельмъ *Финне*. Шлиссельбургскаго уѣзда: Порѣчскаго Александръ *Лавровъ* и Тюксавскаго Семенъ *Тигоненъ;* одноклассныхъ начальныхъ общихъ: Калишской губерніи: Ярошевицкаго Францъ *Перчинскій*, Даликовскаго Францъ *Пржигонскій*, Загуровскаго Петръ *Янковскій* и Чайковскаго Іосифъ *Краевскій*; Кѣлецкой губерніи: Ново-Бржескаго Іоакимъ-Константинъ *Липинскій*, Вержбновскаго Матвѣй *Тарко*, Пояловицкаго Іосифъ *Пташникъ*, Гебдовскаго Войцѣхъ *Клюзнякъ*, Велько-Ланскаго Антонъ-Иванъ *Мазурекъ*, Метычевскаго Иванъ *Раулушкевичъ*, Опашковицкаго Ипполитъ *Желязкевичъ*, Гремвоцинскаго Іосифъ *Вечерекъ*, Мочидловскаго Іосифъ *Вороникайтисъ*, Насѣховицкаго Францъ-Ѳаддей *Цвиклинскій*, Вавржепчицкаго Іосифъ-Иванъ *Эгельманъ*, Муняковицкаго Романъ *Обтржинскій*, Блогоцицкаго Францъ *Захцялъ*. Гебултовскаго Петръ *Цепель*, Смардзовицкаго Феликсъ-Петръ *Кицинскій*, Сулошовскаго Матвѣй *Филипскій*, Соколинскаго Иванъ *Цюрликъ*, Тарнавскаго Валентій-Андрей *Бржоска*. Злотскаго Александръ-Францъ *Яхимовскій*, Петрковицкаго Ѳеофилъ-Францъ *Кухарскій*, Скалкскаго Войцѣхъ *Новакъ*, Козловскаго Францъ-Петръ *Гайдзинскій*, Пелчискаго Іосифъ-Людовикъ *Василевскій*, Зборовскаго Иванъ *Червинскій*, Чарковскаго Михаилъ *Войташекъ*, Горясковскаго Францъ *Балясинскій*, Ставянскаго Станиславъ *Дзедзицъ*, Потокскаго Михаилъ *Вальковичъ*, Хмѣльникскаго Романъ-Матвѣй *Марусинскій;* Сѣдлецкой губерніи: Заченскаго Николай *Гончаровъ*, Руднянскаго Павелъ *Коршунъ*, Вулько-Добрынскаго Михаилъ *Нестеровичъ*, Миляновскаго Иванъ *Единакъ*, Ортель-Княжескаго Петръ *Тредіаковскій*, Желишевскаго Іосифъ *Прокуратъ*, Дубово-Колодскаго

Левъ *Кукавскій*, Ярнацкаго Матвѣй-Викентій *Ляукусъ*, Воскреницкаго Осипъ *Назаревичъ*, Ганненскаго Василій *Остапчукъ* и Хорошинскаго Яковъ *Протасевичъ*; городскихъ: Варшавской губерніи: Варкскаго Эдуардъ *Абендъ* и Нешавскаго Генрихъ *Роллеръ*, Люблинскаго четвертаго Осипъ *Пржилускій* и Млавскаго втораго, Плоцкой губерніи, Михаилъ *Король* и сельскихъ: Варшавской губерніи: Мѣдневицкаго Александръ *Антощукъ*, Пржедечскаго Іосифъ *Битнеръ*, Лясоцинскаго Ѳеофилъ-Ѳедоръ *Біяковскій*, Геленовскаго Фридрихъ-Робертъ *Больманъ* Воля-Пенкошевскаго Яковъ *Бржозовскій*, Збиковскаго Валентій-Романъ *Виляновичъ*, Бржезенскаго Станиславъ *Гнидзинскій*, Заборовскаго Іосифъ *Даушко*, Новодунинковскаго Констанъ-Станиславъ *Завадскій*, Косцельно-Весьскаго Михаилъ-Лука *Зальскій*, Чистенскаго Антонъ-Иванъ *Каменскій*, Слунянскаго Максимиліанъ-Францъ *Каспржицкій*, Липенскаго Георгій *Кетуракисъ*, Гроховскаго Станиславъ-Войцѣхъ *Конколевскій*, Львовскаго Иванъ *Минцъ*, Глуховскаго Иванъ *Осинскій*, Служевскаго: Петръ-Людовикъ *Сободковскій* и Іосифъ *Сквара*, Недзвядскаго Францъ *Стронкъ*, Салемейскаго Константинъ *Фридецкій*, Коцержевскаго Іосифъ *Щепаникъ* и Щенслевицкаго Владиславъ *Ятчукъ*, Едльнянскаго, Радомской губерніи, Антонъ *Квятковскій* и Ломжинской губерніи: Петковскаго Игнатій *Крыницкій*, Яблонскаго Иванъ *Ковальскій*, Гелчинскаго Игнатій *Поваковскій*, Вонсошскаго Францъ *Петрайтисъ*, Вонсевскаго Францъ *Петровскій* и Маріановскаго Эдуардъ *Тонкъ* и Кличевскаго, Плоцкой губерніи, Иванъ *Піонтковскій*, Рыхвальскаго начальнаго гминнаго общаго, Калишской губерніи, Михаилъ *Марцыникъ*; одноклассныхъ гминныхъ начальныхъ: Турковицкаго, Люблинской губерніи, Осипъ *Левко* и Дронджевскаго, Ломжинской губерніи, Францъ *Круглевскій*, общихъ: Варшавской губерніи: Неборовскаго Иванъ *Бельта*, Езернянскаго Иванъ *Войцѣховскій*; Боровскаго Людовикъ *Габрисъ*, Лышковицкаго перваго Иванъ *Галадыкъ*, Закржевскаго Ѳома-Адамъ-Степанъ *Дзюгелъ*, Пуша-Карабьевицкаго Станиславъ *Дуда*, Стржелецкаго Іосифъ *Дущикъ*, Раценжскаго Станиславъ *Каменскій*, Брудновскаго Семенъ *Курневскій*, Александровскаго Брониславъ-Леопольдъ *Малиновскій*, Витовскаго Флоріанъ *Мацѣевскій* и Германовскаго Иванъ *Новицкій*, Люблинской губерніи, Солецкаго Осипъ *Браницкій*, Сольмицкаго Александръ *Бережницкій*, Чернѣевскаго Степанъ *Германскій*, Паньковскаго Петръ *Коба*, Берестскаго Леонтій *Кириловичъ*, Кульпенскаго Иванъ *Лукьянецъ*, Тарноватскаго Антонъ *Прокоповичъ* и Уржендовскаго Францъ *Томашунасъ*, Ломжинской губерніи, Ржевненскаго Матвѣй *Якимовичъ*, Пржe-

ходскаго Григорій *Храшусъ*, Плонявскаго Антонъ *Іодышусъ*, Пржитульскаго Юліанъ *Мочидловскій* и Вышонковскаго Иванъ *Мацкевичъ* и Плоцкой губерніи: Зеленскаго Станиславъ *Голашевскій*, Зеньбокскаго Осипъ *Доброженецкій*, Волнувскаго Леопольдъ *Длужневскій*, Гуйскаго Францъ *Киселевскій*, Скельпскаго Владиславъ *Міодускій* и Бржозувскаго Иванъ *Огурекъ*; одноклассныхъ начальныхъ и воскресно-ремесленныхъ: Вышегродскаго городскаго мужскаго, Плоцкой губерніи, Генрихъ *Павроцкій* и общихъ: Желеховскаго, городскаго, Сѣдлецкой губерніи, Альбинъ *Гесснеръ* и Климонтовскаго гминнаго, Радомской губерніи, Иванъ *Каспржицкій*, одноклассныхъ посадскихъ начальныхъ: Варшавской губерніи: мужскихъ: Пясечновскаго Иванъ *Протазюкъ*, и Жихлинскаго Өеофилъ *Соколовскій* и общихъ: Окуневскаго Сигфридъ-Казимиръ *Горбатовскій*, Ходечскаго перваго Войцѣхъ *Дронжкевичъ*, Карчевскаго Иванъ *Кржевнякъ*, Гродискаго Петръ *Крупинскій*, Цегловскаго Антонъ-Адольфъ *Мусиковскій*, Ядовскаго Николай-Болеславъ *Пеньковскій*, Любенскаго Костанъ-Романъ-Лаврентій *Соботковскій*, горно-кальварійскаго втораго Фердинандъ *Шраммъ* и Блендовскаго втораго Рейнгольдъ-Августъ *Энгель* и Замбровскаго одноклассваго сельскаго еврейскаго общаго начальнаго, Ломжинской губерніи, Исаакъ *Калеръ*, помощникъ учителя Воронцовскаго перваго сельскаго приходскаго училища, Павловскаго уѣзда, Григорій *Колыбихинъ*, учитель закона еврейской вѣры Мелитопольскаго реальнаго училища Веніаминъ *Шохоръ*, бывшіе учителя одноклассныхъ общихъ начальныхъ училищъ: Янгродскаго, Кѣлецкой губерніи, Владиславъ-Левъ *Шидловскій* и Сѣдлецкой губерніи: Чекановскаго Давидъ *Симоновичъ*, Кривопольскаго Өеодосій *Авдіевичъ* и Безвольскаго Владиміръ *Руцукъ*, классная надзирательница и исполняющая обязанности учительницы Маріупольской женской гимназіи Александра *Минакова*, классныя надзирательницы Тифлисскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины: Елена *Шевченко*, Лидія *Фольбрандтъ*, Марія *Купцова* и Нина *Монсурова*, учительница того же учебнаго заведенія Нина *Мищенко*, учительницы Балашовскаго втораго городскаго приходскаго женскаго училища: Александра *Закржевская* и Елисавета *Смирнова*, учительница-завѣдывающая Буинскимъ женскимъ городскимъ двухкласснымъ училищемъ Анна *Сиземская*, старшія учительницы двухклассныхъ городскихъ начальныхъ училищъ: Калишскаго пятаго еврейскаго Етта *Бандъ* и Люблинскаго женскаго Анна *Орелъ*, учительницы училищъ: Буинскаго городскаго двухкласснаго женскаго Надежда *Архангельская*; начальныхъ: Өедоровскаго, Осинскаго уѣзда, Аөана-

сія *Россохина*, Стефанидовскаго, Царицынскаго уѣзда, Марія *Барабашева*, при С.-Петербургской земской учительской школѣ Елена *Келленбенцъ* и Царскосельскаго Марія *Соколова*; С.-Петербургскихъ городскихъ начальныхъ: мужскихъ: Спасскихъ: седьмаго Елисавета *Данквартъ* и двѣнадцатаго Александра *Дементьева*, Московскаго 14-го Марія *Фигурина*, Александро-Невскихъ: десятаго Зинаида *Крестоносцева* и двѣнадцатаго Антонина *Яковлева* и Коломенскаго 9-го Варвара *Четыркина* и женскихъ: Спасскаго 8-го Елена *Ворожейкина*; Нарвскихъ: восьмаго Олимпіада *Галанина* и двѣнадцатаго Надежда *Ласъ*, Выборгскаго 5-го Вѣра *Яковлева*, Васильевскаго 12-го Серафима *Рѣпина*, Адмиралтейскаго 3-го Елена *Кипарисова* и Московскаго погребовскаго Ольга *Бѣляевская*, Радомскаго 3-го городскаго одноклассснаго женскаго Марія *Богдашевская*, одноклассныхъ женскихъ городскихъ начальныхъ, Варшавской губерніи: Мщоновскаго Изабелла *Лисовская*, Варкскаго Марія-Непомуцена *Ропелевская* и Сохачевскаго Елена-Марія *Стинкевичъ*, Яновскаго, Люблинской губерніи, Владислава *Рудольфъ*, Тыкоцинскаго, Ломжинской губерніи. Юлія *Балцевичъ* и Добржинскаго, Плоцкой губерніи, Марія *Залевская*, Шаблинскаго народнаго, Камышловскаго уѣзда, Марія *Парышева*; начальныхъ народныхъ: Тохтамышскаго, Красноуфимскаго уѣзда, Апполинарія *Попова*, Павловскаго уѣзда, Гнилушенскихъ: перваго Ольга *Понкратова*, втораго Антонина *Ильина* и третьяго Ольга *Шевлякова*, Нижне-Мамонскихъ: перваго Евдокія *Саломатина* и третьяго Ѳедосья *Ростякова*, Николаевскаго Евгенія *Квасникова*, Ливенскаго Евгенія *Зацѣпина*, Александровскаго донскаго Варвара *Семерникова*, Верхне-Мамонскаго 1-го Анна *Никитина*, Воронцовскаго, третьяго Марія *Орлова*, Ольховатскаго Анна *Аполлосова*, Гвазданскаго перваго Ефросинья *Анненкова*, Шестаковскаго перваго Прасковья *Данилевская* и Лосевскаго перваго Марія *Смирнова* и при заводѣ Бѣляевыхъ, Шлиссельбургскаго уѣзда, Екатерина *Ѳеодорова*, сельскихъ начальныхъ: Царскосельскаго уѣзда: Выборгскаго Антонина *Иванова*, Таицкаго Александра *Александрова* и Пулковскаго (частнаго) Параскева *Канкова*; Кодъ-Китайскаго женскаго сельскаго одноклассснаго министерства народнаго просвѣщенія Евдокія *Терновская*; одноклассныхъ сельскихъ начальныхъ: Дзержковицкаго общаго, Люблинской губерніи, Марія-Анна *Кубицкая* и Лапскаго женскаго, Ломжинской губерніи, Марія *Глинская*, одноклассныхъ гминныхъ начальныхъ: Маркскаго женскаго, Варшавской губерніи, Марія *Галадыкъ* и Дорогузскаго общаго, Люблинской губерніи, Ольга *Бариловичъ* и Радѣевскаго жен-

скаго одноклассна̂го посадскаго начальнаго, Варшавской губерніи, Сальмея-Бронислава *Ропелевская*, содержательница и учредительница частнаго училища въ слободѣ Краснопольѣ, Донской области, Татьяна *Краснобаштова*, помощница учителя Симбирскаго 2-го мужскаго начальнаго училища Александра *Лебедева* и помощницы учительницъ училищъ: Алатырскаго женскаго начальнаго Клавдія *Муравьева* и Уткинскаго перваго народнаго, Красноуфимскаго уѣзда, Лидія *Дроздова*.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, 6-го мая 1899 года, нижепоименованныхъ лицъ, за отличное усердіе и особые труды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія орденами: *св. равноапостольнаго князя Владиміра*: *третьей степени*—директора Владимірскаго земскаго ремесленнаго училища имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника И. С. Мальцева, инженеръ-механика Дмитрія *Совѣткина* и *четвертой степени*—почетнаго попечителя Тифлисскаго реальнаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина Александра *Манташева*; *св. Анны*: *второй степени*: корреспондентовъ Николаевской главной физической обсерваторіи, завѣдывающихъ метеорологическими станціями: въ гор. Вѣрномъ, отставнаго полковника Константина *Ларіонова* и въ гор. Омскѣ, отставнаго коллежскаго совѣтника Павла *Бретигама* и почетнаго блюстителя Міасскаго втораго мужскаго начальнаго училища, Оренбургской губерніи, потомственнаго почетнаго гражданина Георгія *Симанова* и *третьей степени*—старосту церкви при Оренбургской гимназіи, отставнаго надворнаго совѣтника Илью *Рогожина* и *св. Станислава*: *второй степени*—корреспондента Николаевской физической обсерваторіи, завѣдывающаго метеорологическою станціею въ Лохвицѣ, отставнаго капитана Петра *Гладуна* и *третьей степени*: отставнаго губернскаго секретаря Петра *Просвирова*, попечителя Добрянскаго мужскаго начальнаго народнаго училища, Пермской губерніи, отставнаго коллежскаго регистратора Якова *Дружинина*, корреспондентовъ Николаевской главной физической обсерваторіи, завѣдывающихъ метеорологическими станціями: въ гор. Сердобскѣ дворянина Александра *Хотяинцева* и въ имѣніи Ленкени, Ковенской губерніи, дворянина Ивана *Керсновскаго* и попечителей училищъ: Миритиницкаго начальнаго народнаго, Великолуцкаго уѣзда, дворянина Владиміра *Шмидта* и Тверскаго ремесленнаго, потомственнаго почетнаго гражданина Ивана *Морозова*.

Государь Императоръ, согласно представленію министерства на-

роднаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на награжденіе 6-го мая сего года, воспитанницы Прилукской женской гимназіи, дочери дворянина Ольги *Адамовичъ*, за совершонный ею подвигъ человѣколюбія, *серебряною медалью съ надписью „за спасеніе погибавшихъ", для ношенія въ петлицѣ, на Владимірской лентѣ.*

V. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

22. (30-го апрѣля 1899 года). *Циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія господину попечителю учебнаго округа.*

Разсмотрѣвъ отзывы начальствъ учебныхъ округовъ на циркулярное предложеніе министерства народнаго просвѣщенія отъ 22-го декабря 1898 г., за № 31106, по вопросу объ измѣненіи § 23 дѣйствующихъ правилъ объ испытаніяхъ учениковъ реальныхъ училищъ, я признаю цѣлесообразнымъ, по соображеніямъ, изложеннымъ въ упомянутомъ предложеніи, дополнить § 23 означенныхъ правилъ слѣдующимъ разъясненіемъ:

„Ученикъ, не выдержавшій по какимъ-нибудь предметамъ испытанія до каникулъ, можетъ быть допускаемъ къ дополнительнымъ испытаніямъ по симъ предметамъ послѣ каникулъ, если число предметовъ, по которымъ ученикъ обнаружилъ неудовлетворительныя познанія, включая въ это число и тѣ предметы, по которымъ онъ имѣетъ неудовлетворительныя годовыя отмѣтки (2), не превышаетъ двухъ, и если педагогическій совѣтъ найдетъ, что ученикъ можетъ воспользоваться каникулярнымъ временемъ для пополненія пробѣловъ въ своихъ познаніяхъ по симъ предметамъ".

При этомъ само собою разумѣется, что правило о назначеніи, на основаніи § 23 сихъ правилъ, повѣрочнаго устнаго испытанія до каникулъ остается въ своей силѣ.

Объ этомъ покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить педагогическимъ совѣтамъ реальныхъ училищъ ввѣреннаго вамъ округа, для руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

23. (31-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени коллежскаго ассесора Матвѣя Андреевича и жены его Елены Андреевны Бутковыхъ при Астраханскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу сто руб.*,

пожертвованнаго статскимъ совѣтникомъ Петромъ Матвѣевичемъ Бутковымъ, учреждается въ память отца его коллежскаго ассесора Матвѣя Андреевича и матери Елены Андреевны Бутковыхъ, одна стипендія ихъ имени при Астраханскомъ реальномъ училищѣ.

§ 2. Проценты съ означеннаго капитала назначаются на взносъ платы за право ученія одного бѣднаго ученика реальнаго училища русскаго происхожденія, православнаго вѣроисповѣданія и, преимущественно, уроженца г. Астрахани, оказывающаго при отличномъ поведеніи хорошіе успѣхи въ наукахъ.

§ 3. Пожертвованный капиталъ хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ помянутаго училища и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность училища.

§ 4. Назначеніе стипендіата зависитъ отъ жертвователя, а по смерти его право это переходитъ къ прямымъ его наслѣдникамъ, а по смерти же послѣднихъ къ педагогическому совѣту училища.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, или присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи, или выдаются въ пособіе стипендіату.

§ 6. Стипендіатъ, не перешедшій въ высшій классъ по прошествіи одного года по лѣности или слабымъ способностямъ, или по прошествіи двухъ лѣтъ по болѣзни, лишается стипендіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

24. (7-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Дмитрія Андреевича Толстаго при Маріупольской Александровской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ ежегодно ассигнуемыхъ Маріупольской городской думой средствъ учреждается при Маріупольской Александровской гимназіи стипендія имени бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Дмитрія Андреевича Толстаго.

§ 2. Стипендія эта предназначается для взноса ежегодно въ гимназію платы за ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ уроженцевъ г. Маріуполя, безъ различія вѣроисповѣданія.

§ 3. Стипендія обезпечивается ассигновками въ *сорокъ* рублей

изъ общихъ городскихъ средствъ, вносимыхъ ежегодно въ городскую смѣту.

§ 4. Стипендіатъ избирается Маріупольской городской думой изъ кандидатовъ, представляемыхъ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

Примѣчаніе. Въ случаѣ плохаго поведенія или неудовлетворительныхъ успѣховъ стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

25. (7-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени директора Маріупольской Александровской гимназіи и основателя ея Ѳеоктиста Аврамовича Хартахая при той же гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ ежегодно ассигнуемыхъ Маріупольской городской думой средствъ учреждается при Маріупольской Александровской гимназіи стипендія имени бывшаго директора этой гимназіи и основателя ея Ѳеоктиста Аврамовича Хартахая.

§ 2. Стипендія эта предназнается для взноса платы за ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи изъ уроженцевъ г. Маріуполя, безъ различія вѣроисповѣданія.

§ 3. Учреждаемая стипендія обезпечивается ассигновками въ *сорокъ* рублей изъ общихъ городскихъ средствъ, вносимыхъ ежегодно въ городскую смѣту.

§ 4. Стипендіатъ избирается Маріупольской городской думой изъ кандидатовъ, представляемыхъ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

Примѣчаніе. Въ случаѣ плохаго поведенія или неудовлетворительныхъ успѣховъ степендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

26. (7-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени митрополита Игнатія при Маріупольской Александровской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу* рублей учреждается при Маріупольской Александровской гимназіи одна стипендія имени митрополита Игнатія, основателя города Маріуполя.

Примѣчаніе. Означенный капиталъ образовался изъ 520 руб.,

внесенныхъ Маріупольской городской думой изъ общихъ городскихъ суммъ, и 480 руб., поступившихъ отъ продажи книги „Маріуполь и его окрестности“, составленной преподавателями гимназіи и изданной на средства почетнаго попечителя ея Д. А. Хараджаева.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ или въ отдѣленіи государственнаго банка въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, составляя неотъемлемую собственность сего заведенія и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала употребляются на взносъ платы въ гимназію за ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ изъ уроженцевъ г. Маріуполя, православнаго исповѣданія, отличнаго поведенія.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназіи, по соглашенію съ Маріупольской городской управой.

Примѣчаніе. Въ случаѣ плохаго поведенія или неудовлетворительныхъ успѣховъ, стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ преобразованія гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

27. (7-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго попечителя Одесскаго учебнаго округа тайнаго совѣтника Сергѣя Платоновича Голубцова при Маріупольской Александровской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ ежегодно ассигнуемыхъ Маріупольской городской думой средствъ учреждается при Маріупольской Александровской гимназіи стипендія имени бывшаго попечителя Одесскаго учебнаго округа тайнаго совѣтника Сергѣя Платоновича Голубцова.

§ 2. Стипендія эта предназначается для взноса ежегодно въ гимназію платы за ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ изъ уроженцевъ г. Маріуполя, безъ различія вѣроисповѣданія.

§ 3. Учреждаемая стипендія обезпечивается ассигновками въ *со-*

рокъ рублей изъ общихъ городскихъ средствъ, вносимыхъ ежегодно въ городскую смѣту.

§ 4. Стипендіатъ избирается Маріупольской городской думой изъ кандидатовъ, представляемыхъ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

Примѣчаніе. Въ случаѣ плохаго поведенія или неудовлетворительныхъ успѣховъ стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

28. (12-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени Александра Сергѣевича Пушкина при Кіевской 1-й гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *пять тысячъ* рублей, пожертвованнаго почетнымъ попечителемъ Кіевской 1-й гимназіи Александромъ Николаевичемъ Терещенко, учреждается при Кіевской 1-й гимназіи стипендія имени Александра Сергѣевича Пушкина, въ память столѣтія со дня его рожденія.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, составляетъ неотъемлемую собственность Кіевской 1-й гимназіи и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ въ казну 5% государственнаго сбора, употребляются на взносъ платы за ученіе одного воспитанника Кіевской 1-й гимназіи. Остальныя процентныя деньги съ пожертвованнаго капитала за время пользованія ученикомъ стипендіей выдаются стипендіату при окончаніи имъ полнаго курса гимназіи, въ видѣ пособія.

Примѣчаніе. Могущіе почему-либо образоваться остатки причисляются къ пожертвованному капиталу.

§ 4. Въ стипендіаты избирается одинъ изъ учениковъ двухъ послѣднихъ старшихъ классовъ изъ русскихъ подданныхъ, православнаго исповѣданія, отличающійся благонравіемъ, отличными успѣхами по русской словесности и удовлетворительными успѣхами по всѣмъ остальнымъ предметамъ.

Примѣчаніе. Педагогическому совѣту и жертвователю предоставляется право лишить ученика стипендіи, если онъ перестанетъ удовлетворять указаннымъ въ предыдущемъ пунктѣ требованіямъ.

§ 5. Выборъ стипендіата принадлежитъ жертвователю Александру Николаевичу Терещенко. Послѣ же его смерти право это переходитъ къ педагогическому совѣту названной гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

29. (12-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени коллежскаго секретаря Альберта Матвѣевича Городницкаго при Каменецъ-Подольской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу* рублей, завѣщаннаго коллежскимъ секретаремъ Альбертомъ Матвѣевичемъ Городницкимъ, учреждается при Каменецъ-Подольской мужской гимназіи одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% свидѣтельствѣ государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной гимназіи, составляя неотъемлемую собственность сего заведенія и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго налога, выдаются въ пособіе одному изъ бѣдныхъ учениковъ помянутой гимназіи, римско-католическаго вѣроисповѣданія, на взносъ платы за ученіе.

§ 4. Право избранія стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на учениковъ никакихъ обязательствъ.

30. (5-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендіи при Нерчинской Софійской женской прогимназіи имени умершей попечительницы и начальницы сей прогимназіи, потомственной почетной гражданки Капитолины Александровны Бутиной.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Нерчинской Софійской женской прогимназіи учреждается стипендія имени умершей попечительницы и начальницы означенной прогимназіи Капитолины Александровны Бутиной на проценты съ капитала въ *тысячу* руб., пожертвованнаго съ этою цѣлью Нерчинскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ,

мѣщанскимъ обществомъ и гражданами города, въ память 28-милѣтней плодотворной дѣятельности Бутиной въ должностяхъ попечительницы и начальницы гимназіи.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ прогимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранной стипендіатки или выдаются въ пособіе бѣднѣйшимъ ученицамъ прогимназіи.

§ 4. Стипендіей пользуется бѣднѣйшая изъ числа ученицъ прогимназіи. дѣтей жителей города Нерчинска, отличающая хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатки предоставляется усмотрѣнію попечительнаго совѣта Нерчинской Софійской женской прогимназіи.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Нерчинской Софійской женской прогимназіи въ какое либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе этого послѣдняго для употребленія по назначенію.

31. (21-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени потомственныхъ почетныхъ гражданъ Петра Матвѣевича и Пелагеи Архиповны Мануйловыхъ при Новгородской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала *одну тысячу шестьсотъ пятьдесятъ* рублей, пожертвованнаго по случаю 45-тилѣтія свадьбы потомственныхъ почетныхъ гражданъ Петра Матвѣевича и Пелагеи Архиповны Мануйловыхъ членами этого семейства, учреждается при Новгородской мужской гимназіи одна стипендія имени потомственныхъ почетныхъ гражданъ П. М. и П. А. Мануйловыхъ.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты хранится въ Новгородскомъ губернскомъ казна-

чействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ 5% государственнаго налога, употребляются: а) на взносъ платы за ученіе одного бѣднѣйшаго ученика названной гимназіи, лучшаго по успѣхамъ и поведенію, изъ уроженцевъ Крестецкаго уѣзда, Новгородской губерніи, а за неимѣніемъ таковаго—изъ уроженцевъ Новгородской губерніи и б) на покупку для него книгъ, остатки же отъ процентовъ употребляются на ежемѣсячныя выдачи тому же стипендіату пособія по постановленію педагогическаго совѣта.

§ 4. Право назначенія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 5. Ученикъ, получившій стипендію, пользуется ею до выхода изъ гимназіи и можетъ быть лишенъ стипендіи только по постановленію педагогическаго совѣта за малоуспѣшность, происходящую отъ лѣности, и за дурное поведеніе и тогда же замѣняется другимъ, по выбору совѣта.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ, равно какъ и могущія вновь поступить на сей предметъ суммы, причисляются къ основному капиталу.

§ 7. О выборѣ стипендіата, а также о лишеніи его стипендіи педагогическій совѣтъ доводитъ своевременно до свѣдѣнія гг. Мануйловыхъ, а по окончаніи учебнаго года ихъ же увѣдомляетъ о состояніи капитала.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Краткій синтаксисъ греческаго языка. Составилъ *Я. Моръ*, директоръ 6-й С.-Петербургской гимназіи. С.-Пб. 1899. Стр. VIII + 110"—рекомендовать какъ весьма полезное руководство по греческому языку для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ преимущественно для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ма-

теріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіи учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Составили *В. Арбузовъ*, *А. Мининъ*, *В. Мининъ*, *Д. Назаровъ*, преподаватели Московскихъ гимназій. Къ сборнику приложено собраніе задачъ, служившихъ ариѳметическими темами на испытаніяхъ зрѣлости во всѣхъ учебныхъ округахъ Россійской Имперіи. Изданіе шестое. Москва. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова, подъ фирмою „Наслѣдники бр. Салаевыхъ". 1899. Стр. IV + 81. Цѣна 50 коп."—одобрить для употребленія въ качествѣ учебнаго пособія въ старшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ и въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ.

— Изданіе: „Учебный географическій атласъ. 46 главныхъ картъ, 127 дополнительныхъ картъ и чертежей на 45-ти таблицахъ. *Э. Ю. Петри*. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Маркса. Цѣна 2 руб., въ коленкоровомъ переплетѣ съ кожаными корешкомъ и углами—2 руб. 60 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Научно-образовательная библіотека. *Арн. Тойнби*. Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII столѣтіи. Переводъ съ англійскаго съ предисловіемъ проф. *А. И. Чупрова*. М. 1898. Стр. XIX + 329 + III. Цѣна 50 коп."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Les doublets dans la langue française, par *J. Bastin*, suivis des principaux affixes, par *A. Pachalery*. Odessa. 1899. Изданіе Акціонернаго Южно-Русскаго общества печатнаго дѣла. Стр. 72. Цѣна въ папкѣ 45 коп. (безъ пересылки)"—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*Титъ Ливій*. Римская исторія отъ основанія города. Переводъ съ латинскаго подъ редакціей *П. Адріанова*. Томъ IV. Книги XXX — XLV. Изданіе наслѣд. А. Г. Кузнецова. М. 1899. Стр. IV + 679 + VII. Цѣна 3 руб."—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Учебникъ исторіи древней русской литературы. Устная словесность и книжная литература—переводная и оригинальная. Составилъ *М. Павловичъ*. С.-Пб. 1899. Стр. VI + 204 + III. Цѣна

85 коп."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*Альфредъ Фуллье*. Критика новѣйшихъ системъ морали. Переводъ съ французскаго *Е. Максимовой* и *О. Конради*. С.-Пб. 1898. Изданіе редакціи журнала „Образованіе". Стр. 404. Цѣна 2 руб."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книжку: „Русскіе поэты о Пушкинѣ. Юбилейный сборникъ стихотвореній, составленный *М. Н. Араловой*. Съ портретомъ А. С. Пушкина. С.-Пб. 1899. Стр. 78. Цѣна 50 коп."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Хрестоматія къ руководству для теоретическаго изученія литературы. *Владиміра Стоюнина*. С.-Пб. 1879. Часть I—325 стр., часть II—217 стр. Цѣна 1 руб. 20 коп. за обѣ части"—одобрить для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Классная русская хрестоматія для младшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Составленная *Владиміромъ Стоюнинымъ*. Изданіе третье, перепечатанное безъ перемѣнъ со второго изданія, одобреннаго ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. С.-Пб. 1893. Стр. 316. Цѣна 80 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книжку: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Чтеніе для школъ и для народа. I. Чѣмъ великъ и славенъ Пушкинъ. II. Изъ жизни А. С. Пушкина. III. Изъ сочиненій А. С. Пушкина. Съ приложеніемъ портрета А. С. Пушкина, факсимилэ и рисунка памятника въ Москвѣ. Составили *Е.* и *Д. Тихомировы*. М. 1899. Стр. 85. Цѣна

10 коп.“ — одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— „Книгу: „*А. Барановъ*. Добрыя сѣмена. Книга для класснаго и внѣкласснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Часть I, выпускъ первый. Русскій и церковно-славянскій букварь, съ матеріаломъ для упражненій въ постепенномъ чтеніи, прописями, письменными упражненіями и рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. Стр. 63. Цѣна 12 коп.— Часть I, выпускъ второй. Первая послѣ букваря книга для чтенія, съ объясненіями словъ и выраженій, вопросами для устныхъ пересказовъ, письменными упражненіями и рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. Стр. 159. Цѣна 30 коп. — Часть II. Вторая послѣ букваря книга для чтенія, съ объясненіями словъ и выраженій, вопросами и планами для устныхъ пересказовъ, письменными упражненіями и рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. Стр. 237. Цѣна 45 коп.—Часть III, выпускъ первый. Третья послѣ букваря книга для чтенія, съ объясненіями словъ и выраженій, вопросами и планами для устныхъ пересказовъ, письменными упражненіями и рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. Стр. 333. Цѣна 65 коп. — Часть III, выпускъ второй. Сборникъ духовно-нравственныхъ статей на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ. С.-Пб. 1898. Стр. 159. Цѣна 30 коп.“—одобрить для употребленія въ низшихъ училищахъ и начальныхъ школахъ.

— Изданіе: „Энциклопедическій словарь, издаваемый Акціонернымъ обществомъ „Издательское Дѣло“, бывш. „Брокгаузъ и Ефронъ“, начатый подъ редакціей проф. *И. Е. Андреевскаго* и продолжаемый подъ редакціей *К. К. Арсеньева* и заслуженнаго проф. *Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго*. Полутомы: 1—15, 28—36 и 41—50. Цѣна каждаго полутома 3 руб. въ переплетѣ и 2 руб. 70 коп. безъ переплета“— допустить въ учительскія библіотеки городскихъ, уѣздныхъ и двухклассныхъ приходскихъ училищъ, а также въ учительскія библіотеки учительскихъ семинарій.

— Книги и брошюры: 1) „Русскій воинъ. I. Главнѣйшія событія изъ русской военной исторіи. II. Подвиги русскихъ воиновъ. Составилъ *С. Е. Кедринъ*. М. 1898. Стр. 332. Цѣна 1 руб. 25 коп.“ — 2) „Сочиненія протоіерея *Петра Смирнова*, настоятеля С.-Петербургскаго Исаакіевскаго каѳедральнаго собора. Выпуски 1, 2, 3 и 4. С.-Пб. 1896—1898. Цѣна каждому выпуску 80 коп.“—3) „Жизнь и подвиги святыхъ Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянъ. Изданіе С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго общества. С.-Пб.

1885. Стр. 31". — 4) „Сибирское переселеніе въ 1899 году (Что нужно знать каждому ходоку). С.-Пб. 1899. Стр. 27. Цѣна 5 коп."— включить въ „Каталогъ книгъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ", а брошюру подъ № 3 допустить также и для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ.

— Учебникъ: „*Л. Григорьевъ* и *В. Оленинъ*. Русское слово. Книга для класснаго чтенія, руководство къ обученію русскому языку въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ дѣти при поступленіи не умѣютъ говорить по-русски. Выпускъ второй. 2-й годъ обученія. 3-е изданіе, исправленное. Рига. 1898. Стр. 102 + II. Цѣна 30 коп. — Выпускъ третій. 3-й годъ обученія. 3-е изданіе, исправленное и дополненное. Рига. 1898. Стр. 158 + II. Цѣна 40 коп."—допустить въ тѣ школы, въ которыхъ дѣти при поступленіи не умѣютъ говорить по-русски.

— Книгу: „*Н. Пѣнькевичъ*. О сберегательныхъ кассахъ и ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Замостье. 1898. Стр. 84. Цѣна 40 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюрки, изданныя редакціей „Журнала Московскаго Отдѣла Россійскаго общества покровительства животнымъ": 1) „Отношенія христіанина къ неразумной природѣ. Протоіерея *Стефана Остроумова*. М. 1898. Стр. 22. Цѣна 5 коп."—2) „Какъ нужно обращаться съ животными. Заслуженнаго проф. *А. Богданова*. Изданіе 3-е. М. 1898. Стр. 50. Цѣна 10 коп." — 3) „Любовь къ животнымъ. Наконецъ то я увѣнчанъ. *Эмиля Золя*. Переводъ *С. П. Быховской*. М. 1898. Стр. 32. Цѣна не обозначена"—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ безплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Брошюрки: 1) „Братъ на брата (№ 19). М. 1897. Стр. 36."— 2) „Франдискъ Ассизскій. Разказано *Е. Свѣшниковой* (№ 11). М. 1895. Стр. 35." — 3) „Бѣдность—не порокъ. Взято изъ комедіи А. Н. Островскаго *Е. Свѣшниковой*. М. 1895. Стр. 33." — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „*А. Сливицкій*. Исторія одного домика. Разказъ для дѣтей средняго возраста. Со многими оригинальными автотипіями. М. 1898. Стр. 109. Цѣна 80 коп."—одобрить для ученическихъ, младшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книжку: „*Новская*. Книга для дѣтей. Съ 13-ю рисунками. М. 1899. Стр. 120. Цѣна не обозначена".—Допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „Когда и какъ нужно поливать сады и огороды. Составилъ *Л. А. Золотаревъ*. Изданіе В. Н. Маракуева. М. 1896. Стр. 36. Цѣна 20 коп." —допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи цѣна брошюрки была понижена до 10 коп.

— Книгу: „Женскіе подвиги и добродѣтели въ живыхъ разказахъ. Составилъ *Орловъ*. М. 1899. Стр. 276 + III. Цѣна 50 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „Картинный географическій атласъ. 215 рисунковъ, служащихъ пособіемъ при изученіи географіи Россіи, математической, физической и всеобщей географіи. Составила *М. Т. Ярошевская*. М. 1899. Цѣна 2 руб." — допустить, въ качествѣ учебнаго пособія, въ среднія и низшія учебныя заведенія съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ его изданіи было обращено вниманіе на замѣчанія ученаго комитета.

— Брошюру: „Подольскій народный катихизисъ. Изъ Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Каменецъ-Подольскъ. 1898. Стр. 30. Цѣна не обозначена".—Допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ Подольской губерніи.

— Учебникъ: „*В. Правдинъ*. Книга для чтенія въ начальныхъ народныхъ училищахъ (преимущественно на окраинахъ Имперіи). Курсъ 2-го и 3-го года обученія. Рига. 1898. Изданіе К. Г. Зихмана. Стр, 147. Цѣна 40 коп."—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ Рижскаго учебнаго округа.

— Книги: 1) „*Генрикъ Сенкевичъ*. На ясномъ берегу. Повѣсть. Переводъ съ польскаго *В. М. Лаврова*. Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль". М. 1897. Стр. 103. Цѣна 30 коп." — 2) „*Генрикъ Сенкевичъ*. Повѣсти и разказы. Переводъ *В. М. Лаврова*, съ предисловіями *В. А. Гольцева*. Второе удешевленное изданіе редакціи журнала „Русская Мысль". М. 1898. Стр. 325. Цѣна 1 руб."—3) „Библіотека „Русской Мысли". VIII. Очерки италіанскаго возрожденія. Проф. *М. С. Корелина*. М. 1896. Стр. 360. Цѣна 1 руб."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ господиномъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Брошюру: *А. Голювскаго*: „Механическое ткачество въ примѣненіи къ производству хлопчато-бумажныхъ тканей. Съ 8-ю таблицами чертежей. Изданіе В. Гебеля. Москва. 1898 годъ. III+50 стр. Цѣна 80 коп."—рекомендовать, какъ учебное пособіе, для тѣхъ промышленныхъ училищъ, гдѣ введено преподаваніе технологіи волокнистыхъ веществъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію попечителя Кіевскаго учебнаго округа, 28-го марта сего года открыто на станціи Киверцы Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ предѣлахъ Луцкаго уѣзда, одноклассное сельское желѣзнодорожное училище, при 25-ти учащихся.

ДВАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

учрежденныхъ

ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

I. Для соисканія въ 1899 году премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, *по разряду гимназій* назначена была группа: „исторія и географія, всеобщая и русская".

Къ опредѣленному положеніемъ о преміяхъ сроку въ ученый комитетъ министерства представлены были по означенной группѣ два печатныхъ сочиненія. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій при ученомъ комитетѣ была образована, подъ предсѣдательствомъ члена комитета С. Ѳ. Платонова, особая комиссія, въ составъ коей вошли: профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Г. В. Форстенъ и наставникъ-руководитель гимназіи Императорскаго историко-филологическаго института М. А. Андреяновъ.

Комиссія, обсудивъ, на основаніи подробныхъ рецензій ея членовъ, достоинства переданныхъ ей для разсмотрѣнія конкурсныхъ сочиненій, признала одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ: „Въ помощь учащимся. Родная Старина. Отечественная исторія въ разказахъ и картинахъ (съ IX по XVII столѣтіе). Составилъ *В. Д. Сиповскій*" (Въ трехъ выпускахъ),—заслуживающимъ большой преміи (въ 2.000 руб.). Основанія для такого заключенія комиссіи изложены въ помѣщенномъ ниже разборѣ названнаго сочиненія.

Другое сочиненіе комиссія не признала заслуживающимъ преміи.

Ученый комитетъ, всесторонне обсудивъ представленные комиссіей подробные отзывы о разсмотрѣнныхъ ею сочиненіяхъ и соглашаясь съ заключеніями комиссіи объ этихъ сочиненіяхъ, опредѣлилъ:

1) За сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Въ помощь учащимся. Родная Старина. Отечественная исторія въ разказахъ и картинахъ съ рисунками въ текстѣ. Составилъ *В. Д. Сиповскій*. Выпускъ I (съ IX до XIV столѣтія). Пятое изданіе. С.-Пб. 1897. Выпускъ II (съ XIV до XVI столѣтія). Четвертое изданіе. С.-Пб. 1896. Выпускъ III (съ XVI до XVII столѣтія). Третье изданіе. С.-Пб. 1896. (Изданіе Д. Д. Полубояринова)“, — присудить вдовѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника В. Д. Сиповскаго О. И. Сиповской и сыну его В. В. Сиповскому большую (въ 2.000 рублей) премію Императора Петра Великаго.

2) Другое сочиненіе, представленное на сей разъ для соисканія премій, отъ присужденія премій устранить.

и 3) Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателя особой комиссіи по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій, С. Ѳ. Платонова, и членовъ ея: Г. В. Форстена и М. А. Андреянова, выдать имъ учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали.

Опредѣленія ученаго комитета утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія.

II. *По разряду начальныхъ народныхъ училищъ* была назначена „Книга для чтенія въ сельскихъ народныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ“. Къ опредѣленному положеніемъ о преміяхъ сроку было представлено въ ученый комитетъ пять сочиненій (одно въ рукописномъ и четыре въ печатномъ видѣ). Для разсмотрѣнія сихъ сочиненій была образована при особомъ отдѣлѣ ученаго комитета особая комиссія изъ членовъ этого отдѣла А. Г. Филонова, А. І. Кочетова и А. Ѳ. Соколова, съ приглашеніемъ къ участію въ ея занятіяхъ члена В. В. Федорова. Предсѣдателемъ комиссіи его превосходительство г. министръ назначилъ члена А. Г. Филонова.

Ознакомившись съ представленными на конкурсъ сочиненіями, комиссія нашла, что четыре изъ нихъ не удовлетворяютъ условіямъ, предъявленнымъ ученымъ комитетомъ для полученія преміи, и потому оной не заслуживаютъ, и лишь одно сочиненіе, именно: „*А. Барановъ*. Добрыя сѣмена. Книга для класснаго и внѣкласснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. С.-Пб. 1898. Часть I, выпускъ 1-й. Стр. 63. Цѣна 12 коп.; выпускъ 2-й. Стр. 150. Цѣна 30 коп.; Часть II. Стр. 237. Цѣна 45 коп.; Часть III, выпускъ 1-й. Стр. 333. Цѣна

65 коп., выпускъ 2-й. Стр. 159. Цѣна 30 коп.", можетъ быть признано отвѣчающимъ всѣмъ требованіямъ конкурсной программы и заслуживающимъ большой (въ 2.000 руб.) премін Императора Петра Великаго. Основанія для такого заключенія комиссіи изложены въ помѣщенной ниже подробной рецензіи.

Особый отдѣлъ ученаго комитета, обсудивъ представленное комиссіей заключеніе о разсмотрѣнныхъ ею сочиненіяхъ, большинствомъ голосовъ опредѣлилъ:

1) признать сочиненіе „Добрыя сѣмена" А. Баранова заслуживающимъ большой премія (въ 2.000 руб.) Императора Петра Великаго;

2) остальныя четыре конкурсныхъ сочиненія отъ присужденія премій устранить;

3) въ вознагражденіе трудовъ вышепоименованныхъ предсѣдателя и членовъ особой комиссіи по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій, выдать симъ лицамъ учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали.

Опредѣленіе особаго отдѣла ученаго комитета утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.

III. *По разряду книгъ для народнаго чтенія* была назначена „Исторія Россіи для народа". Къ опредѣленному положеніемъ сроку было представлено въ ученый комитетъ восемь сочиненій (шесть рукописныхъ и два печатныхъ съ рукописными исправленіями и дополненіями). Для разсмотрѣнія сихъ сочиненій была образована при особомъ отдѣлѣ ученаго комитета особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета С. Ѳ. Платонова, въ составъ коей вошли члены особаго отдѣла В. В. Федоровъ и Н. А. Майковъ. Комиссія, обсудивъ достоинства переданныхъ ей для разсмотрѣнія конкурсныхъ сочиненій, признала одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ: „Книга для чтенія въ сельскихъ училищахъ по русской исторіи. Кіевъ. 1891. Въ 8-ку долю. Стр. II+284", заслуживающимъ малой премін (въ 500 руб.) Императора Петра Великаго. Основанія для такого заключенія изложены въ помѣщенной ниже подробной рецензіи. Остальныя семь сочиненій были признаны комиссіей, какъ не отличающіяся никакими особыми достоинствами, не заслуживающими этихъ премій.

Особый отдѣлъ ученаго комитета, обсудивъ представленные комиссіей отзывы о разсмотрѣнныхъ ею сочиненіяхъ и соглашаясь съ общими о нихъ заключеніями, опредѣлилъ:

1) признать сочиненіе: „Книга для чтенія въ сельскихъ учили-

щахъ по русской исторіи. Кіевъ. 1891. Стр. II+284" заслуживающимъ малой преміи (въ 500 руб.) Императора Петра Великаго;

2) прочія семь конкурсныхъ сочиненій отъ присужденія премій устранить;

3) въ вознагражденіе трудовъ вышепоименованныхъ предсѣдателя и членовъ особой комиссіи по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій, выдать имъ учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали.

Опредѣленіе особаго отдѣла ученаго комитета утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.

Разборъ сочиненій, удостоенныхъ въ 1899 году премій Императора Петра Великаго.

I.

Въ помощь учащимся. Родная Старина. Отечественная исторія въ разказахъ и картинахъ, съ рисунками въ текстѣ. Составилъ *В. Д. Сиповскій.* Выпускъ I (съ IX до XIV столѣтія). Пятое изданіе. С.-Пб. 1896 г. Выпускъ II (съ XIV до XVI столѣтія). Четвертое изданіе. С.-Пб. 1896 г. Выпускъ III (съ XVI до XVII столѣтія). Третье изданіе. С.-Пб. 1896 г. (Изданіе Д. Д. Полубояринова).

Дать русскому учащемуся юношеству такое пособіе къ школьному курсу отечественной исторіи, которое, дополняя и освѣщая факты, изложенные въ общеупотребительныхъ учебникахъ, давало бы по возможности болѣе живое представленіе обо всемъ достопамятномъ въ отечественной исторіи, особенно же о внутреннемъ строѣ жизни и бытѣ нашихъ предковъ, притомъ не въ видѣ отрывочныхъ эпизодовъ, а въ связномъ послѣдовательномъ разказѣ,—вотъ та цѣль, которую имѣлъ въ виду авторъ „Родной Старины", издавая 20 лѣтъ тому назадъ первый выпускъ своего труда. Чрезъ небольшіе сравнительно промежутки времени появились: въ 1881 году второй, а въ 1884 году—третій выпускъ, которымъ и закончилось изданіе „Родной Старины". Авторъ предполагалъ продолжать свой трудъ, издавъ года черезъ два, уже подъ другимъ названіемъ, разказы изъ отечественной исторіи XVIII вѣка; но этому не суждено было осуществиться: многосложность служебныхъ обязанностей помѣшала В. Д. Сиповскому исполнить въ свое всемя его намѣреніе, а затѣмъ (въ 1895 году) наступила преждевременная смерть, которая унесла въ могилу всѣ его

планы и лишила русскую педагогическую семью одного изъ лучшихъ ея представителей. „Двѣнадцатилѣтняя учительская практика въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ—говоритъ г. Сиповскій въ предисловіи къ своему труду—убѣдила насъ въ необходимости такой книги, которая, при общедоступномъ изложеніи, по возможности ярче и живѣе представляла бы событія, лица и внутреннюю жизнь нашихъ предковъ, словомъ—всю родную старину, и которая могла бы послужить переходною ступенью отъ учебника и уроковъ учителя къ научнымъ сочиненіямъ по русской исторіи". „Учебники исторіи, даже и наилучшіе,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—представляютъ по самой сущности своей сжатое и сухое изложеніе фактовъ, усвоить которые надо памятью. Объясненія учителя касаются смысла событій, значенія ихъ, причинной связи между ними и пр. и дѣйствуютъ преимущественно на разсудочную способность. Воображенію и чувству учащихся уроки исторіи, особенно отечественной, даютъ обыкновенно слишкомъ мало пищи... Сухое же изложеніе фактовъ, не затрогивая воображенія и чувства, плохо держится въ памяти; частыя и притомъ скучныя повторенія одного и того же мало помогаютъ бѣдѣ. Особенно же печально то, что при этомъ нерѣдко гибнетъ у учащихся интересъ къ родной исторіи"... Между тѣмъ, продолжаетъ авторъ, „отечественная исторія и словесность считаются краеугольными камнями національнаго воспитанія... Только тотъ изъ образованныхъ людей можетъ полюбить свой народъ, — не говоримъ уже жить однимъ сердцемъ съ нимъ,—кто хорошо знаетъ пережитое и передуманное имъ"... „Только тотъ можетъ быть полезнымъ, сознательно дѣйствующимъ гражданиномъ, кто знаетъ и любитъ свое отечество; а знать и любить его сколько-нибудь разумно, не вѣдая его прошлаго, нельзя". Чтобы вызвать и поддерживать въ учащихся интересъ къ отечественной исторіи, надо позаботиться о томъ,—говоритъ нашъ авторъ—„чтобы съ первыхъ же шаговъ изученія она не ложилась только тяжелымъ бременемъ на память, но производила бы впечатлѣніе на чувство учащихся, давало бы пищу и воображенію ихъ. Для этого необходимо кромѣ учебника, кромѣ объясненій учителя. подспорье въ самостоятельномъ чтеніи учащихся".

Вотъ этой цѣли и должна служить составленная В. Д. Сиповскимъ книга для чтенія по русской исторіи подъ заглавіемъ „Родная Старина".

Не имѣя значенія строго-научнаго труда, обработаннаго исключительно по первоисточникамъ, „Родная Старина" не имѣетъ въ то же

время характера исторической хрестоматіи, представляющей, по самой сущности своей, рядъ отдѣльныхъ статей изъ области исторической литературы, статей, не приведенныхъ въ тѣсную связь между собою и нерѣдко излагающихъ одинъ и тотъ же вопросъ съ различныхъ точекъ зрѣнія; она не есть также сборникъ занимательныхъ разказовъ, имѣющихъ своимъ содержаніемъ наиболѣе выдающіеся моменты изъ прошлой жизни русскаго народа. „Родная Старина“ представляетъ въ связномъ послѣдовательномъ изложеніи всю исторію до-Петровской Руси, примыкая къ тѣмъ требованіямъ, какія ставятся школьному курсу этой исторіи, и къ содержанію обыкновенныхъ учебниковъ, предназначенныхъ для употребленія въ школѣ. „Мы не опускали, говоритъ авторъ въ предисловіи, ни одного вопроса, затронутаго учебниками, и старались даже не нарушать общепринятыхъ въ нихъ рубрикъ, располагая разказы по княженіямъ“. Но при всемъ видимомъ сходствѣ между обыкновенными учебниками и „Родною Стариною“ относительно содержанія и расположенія матеріала, послѣдняя представляетъ и нѣкоторыя весьма существенныя отличія отъ первыхъ; вмѣсто сжатаго и сухаго изложенія событій, составляющаго особенность учебниковъ, разказы, помѣщенные въ „Родной Старинѣ“, даютъ живое представленіе о событіяхъ и лицахъ, благодаря тѣмъ подробностямъ, которыя авторъ внесъ въ свои разказы и которыя придаютъ изложенію больше занимательности и картинности. Въ этомъ лучше всего сказалось какъ педагогическая опытность автора, такъ и пониманіе имъ особенностей дѣтской природы, которая не удовлетворяется отвлеченнымъ изложеніемъ, дѣйствующимъ исключительно на разсудочную способность, но требуетъ образности и картинности, которыя затрогиваютъ воображеніе и чувство дѣтей. Къ этому нужно прибавить еще одно немаловажное достоинство труда г. Синовскаго, придающее ему въ высшей степени цѣнное значеніе какъ книги, предназначенной „въ помощь учащимся“ при изученіи ими курса древней русской исторіи. Мы имѣемъ въ виду тѣ многочисленные рисунки (около 450), которые помѣщены среди текста и представляютъ изображенія различныхъ памятниковъ русской старины (зданія, оружіе, домашняя утварь, одежда, монеты, портреты историческихъ дѣятелей и пр.). Заимствованные изъ сочиненій, имѣющихъ научное значеніе (Прохорова, Ровинскаго, Саввантова, Стрекалова и др.), эти рисунки прекрасно иллюстрируютъ бытовую сторону древней русской жизни, которая, благодаря этому, въ изложеніи г. Синовскаго пріобрѣтаетъ большой интересъ и производитъ болѣе

глубокое впечатлѣніе, чѣмъ то отвлеченное описаніе древне-русскаго быта, какое находится въ обыкновенныхъ учебникахъ. Если къ этому прибавить ясное и простое, доступное пониманію учащихся, изложеніе, проникнутое любовью къ предмету и искреннимъ патріотическимъ чувствомъ, то достоинства труда г. Сиповскаго съ педагогической точки зрѣнія будутъ нами исчерпаны. Но это только одна сторона дѣла. Если и нельзя къ книгѣ, предназначенной для употребленія въ школѣ, предъявлять строго-научныя требованія, требовать, чтобы она была самостоятельнымъ ученымъ трудомъ, обработаннымъ по первоисточникамъ, то во всякомъ случаѣ отъ нея требуется вѣрная передача тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришла наука въ лицѣ своихъ авторитетныхъ представителей; въ ней не должно быть мѣста спорнымъ вопросамъ, не установившимся въ наукѣ положеніямъ; она должна быть въ строгомъ соотвѣтствіи съ современнымъ состояніемъ науки. Только при такомъ условіи подобная книга можетъ быть признана соотвѣтствующею своему назначенію, предлагая юнымъ читателямъ цѣнный въ научномъ отношеніи матеріалъ, не требующій отъ нихъ критическаго анализа, который имъ недоступенъ по степени ихъ умственнаго развитія. Прилагая эти требованія къ разсматриваемому нами труду, мы должны сказать, что „Родная Старина" вполнѣ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, такъ какъ авторъ ея строго придерживался тѣхъ соображеній и выводовъ, которыя изложены въ трудахъ авторитетныхъ русскихъ историковъ, каковы: С. М. Соловьевъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, И. Е. Забѣлинъ, Н. И. Костомаровъ, И. Д. Бѣляевъ, В. О. Ключевскій, митрополитъ Макарій и др.; но въ то же время она является въ значительной степени и самостоятельнымъ трудомъ, такъ какъ авторъ ея не оставлялъ безъ вниманія и первоисточниковъ, обращаясь и къ произведеніямъ народнаго творчества, и къ литературнымъ памятникамъ древне-русской старины, и къ сочиненіямъ иностранцевъ, съ цѣлью показать, какъ событія и дѣла историческихъ дѣятелей отразились въ сознаніи современниковъ. Большая часть очерковъ и разказовъ, помѣщенныхъ въ „Родной Старинѣ", составлена по источникамъ, которые, по справедливому замѣчанію автора, „нерѣдко гораздо живѣе и картиннѣе представляютъ событія чѣмъ научныя сочиненія"; при чемъ нѣкоторые памятники или переданы почти дословно, или подробно пересказаны авторомъ съ дословною передачею наиболѣе характерныхъ мѣстъ. Отдавая предпочтеніе фактамъ внутренней жизни предъ событіями внѣшними, авторъ подробнѣе останавливается на такихъ памятникахъ, которые

даютъ знакомство съ міровоззрѣніемъ, понятіями, нравственными идеалами и качествами русскихъ людей до-Петровской эпохи (Поученіе Владиміра Мономаха, Слово о полку Игоревѣ, житіе св. Θеодосія Печерскаго, Стоглавъ, Домостро_ переписка Грознаго царя съ княземъ Курбскимъ, Русская Правда, Судебники, Соборное Уложеніе и пр.), и съ этою же цѣлью отвелъ не мало мѣста вопросамъ церковной исторіи въ виду того, что въ ту эпоху умственныя и нравственныя силы русскихъ людей почти исключительно сосредоточивались на церкви и религіи. Но при всемъ томъ бытовая сторона древне-русской жизни не занимаетъ въ „Родной Старинѣ" преобладающаго мѣста: ей отведено всего 150 страницъ, а остальныя 850 страницъ посвящены изложенію фактовъ внѣшней и внутренней политической жизни русскаго государства. Мы не считаемъ нужнымъ дѣлать подробный разборъ труда г. Сиповскаго, такъ какъ научныя и педагогическія достоинства его „Родной Старины" извѣстны всѣмъ тѣмъ, кому приходилось имѣть дѣло съ этою книгою при преподаваніи въ учебныхъ заведеніяхъ курса древней русской исторіи, и полагаемъ, что и самая придирчивая критика была бы не въ состояніи найдти въ ней сколько-нибудь важныхъ съ научной точки зрѣнія недостатковъ. Ограничимся поэтому краткою передачею содержанія „Родной Старины", съ цѣлью показать, на какія стороны древней-русской жизни авторъ обратилъ вниманіе. Первый выпускъ „Родной Старины" (247 стр.), въ которомъ изложены событія отъ начала русскаго государства до княженія Димитрія Донскаго включительно (съ IX по XIV столѣтіе), начинается вступленіемъ („откуда узнаемъ мы наше прошлое"), за которымъ помѣщены слѣдующія главы: 1) „Восточная Европа до начала русскаго государства" (природа страны, древнѣйшіе обитатели Восточной Европы; славяне: разселеніе ихъ, бытъ, нравы, обычаи и вѣрованія ихъ за тысячу лѣтъ назадъ; сосѣди восточныхъ славянъ); 2) „Преданія о первыхъ русскихъ князьяхъ" съ очеркомъ „быта русскихъ въ IX—X столѣтіи"; 3) „Принятіе христіанства и распространеніе его на Руси" (Владиміръ-язычникъ; сказаніе объ испытаніи вѣръ; крещеніе Владиміра, кіевлянъ и новгородцевъ, первоучители славянъ — Свв. Кириллъ и Меθодій; Владиміръ-христіанинъ; народныя былины о Владимірѣ—Красномъ Солнышкѣ и его богатыряхъ; усобицы по смерти Владиміра; княженіе Ярослава; Русская Правда, отношенія съ иноземцами); 4) „время удѣльныхъ смутъ и усобицъ" (усобицы при сыновьяхъ Ярослава; усобицы при внукахъ Ярослава; ослѣпленіе Василька; новыя усобицы; борьба съ половцами;

Владиміръ Мономахъ; поученіе Владиміра Мономаха; усобицы при сыновьяхъ и внукахъ Владиміра Мономаха; сказаніе о походѣ Игоря); 5) „Монашество и просвѣщеніе на Руси въ XI и XII столѣтіи" (начало русскаго монашества; св. Ѳеодосій; значеніе кіево-печерскаго монастыря; борьба съ язычествомъ; просвѣщеніе); 6) „Новгородъ и Владиміръ" (древній Новгородъ и его торговля; новгородская община; былины новгородскія; новгородскіе церкви и монастыри; Суздальская область; Андрей Боголюбскій; Всеволодъ III; борьба Суздаля съ Новгородомъ; государственный строй и бытъ русскихъ XI—XIII столѣтія); 7) „Злыя времена татарщины" (первая встрѣча русскихъ съ татарами; татары: ихъ нравы и обычаи; нашествіе татаръ на сѣверную Русь; нашествіе татаръ на южную Русь; поѣздки русскихъ князей въ Орду; Даніилъ Романовичъ; Александръ Невскій; смуты при сыновьяхъ Александра Невскаго; Юрій и Иванъ Даниловичи; состояніе русской земли въ XIII—XIV столѣтіи; сѣверные монастыри; Симеонъ Гордый, Іоаннъ II и Димитрій Донской; Куликовская битва; нашествіе Тахтамыша). Второй выпускъ „Родной Старины" (364 стр.), въ которомъ изложены послѣдующія событія до конца смутнаго времени (съ XIV до XVI столѣтія), состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) „Москва и Литва" (княженіе Василія Димитріевича: усиленіе Москвы, нашествія Тамерлана и Эдигея; Литва: литовцы и вѣрованія ихъ, литовцы и крестоносцы; Гедеминъ, Ольгердъ и Кейстутъ, Ягелло и Витовтъ; княженіе Василія II (Темнаго): усобицы между московскими князьями; Флорентійскій соборъ; паденіе Константинополя; княженіе Ивана III: паденіе Новгорода; Софья Палеологъ; конецъ татарскаго ига, уничтоженіе удѣловъ; борьба съ Литвою; церковныя смуты; внутреннія дѣла; княженіе Василія III: отношеніе Государя къ боярамъ, паденіе Пскова и другихъ удѣловъ, войны съ Литвою и татарами, церковныя дѣла, семейныя дѣла и смерть великаго князя; Московія XV—XVI столѣтія по разказамъ иноземцевъ: страна, пріемъ пословъ, власть государя, военное дѣло, нравы и обычаи, городъ Москва, промышленность и торговля); 2) „Грозный царь" (царствованіе Ивана IV: правленіе Елены и бояръ, дѣтство царя Ивана, вѣнчаніе на царство Іоанна IV и первые годы его царствованія, судъ и управленіе, Стоглавъ, Домострой, покореніе Казани и Астрахани, книгопечатаніе въ Москвѣ, войны со Швеціей и Ливоніей, удаленіе Сильвестра и Адашева, измѣна Курбскаго и переписка его съ царемъ, посланіе Курбскаго, посланіе царя, Александровская слобода и опричники, митрополитъ Филиппъ, разгромъ Новгорода и московскія казни,

войны съ сосѣдями, Антоній Поссевинъ, покореніе Сибири, послѣдніе дни царствованія Грознаго); 3) „Царь Ѳеодоръ и Борисъ Годуновъ“ (царствованіе Ѳеодора Ивановича: боярскія смуты, домашняя жизнь царя, войны и сношенія съ сосѣдями, учрежденіе патріаршества, убіеніе царевича Димитрія, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, избраніе Бориса Годунова на престолъ; царствованіе царя Бориса; русскіе нравы и обычаи по разказамъ иностранцевъ; начало смутъ въ царствованіе Бориса, Лжедимитрій I); 4) „Смутное время“ (царь Ѳеодоръ Борисовичъ: измѣна Басманова и гибель Годунова; царствованіе Лжедимитрія I; полуцарь; возстанія противъ Василія; Тушинскій воръ, осада Троицкой Лавры, разореніе земли тушинцами, Скопинъ-Шуйскій, сведеніе съ престола Василія Ивановича; междуцарствіе: поляки въ Москвѣ, московскіе послы подъ Смоленскомъ; патріархъ Гермогенъ, народное движеніе противъ поляковъ, страстная недѣля 1611 года въ Москвѣ, русское ополченіе подъ Москвою, взятіе Смоленска поляками, лихолѣтье, Мининъ и Пожарскій, освобожденіе Москвы и избраніе царя). Третій выпускъ „Родной Старины“ (390 стр.), въ которомъ изложены судьбы московскаго государства при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ съ обзоромъ состоянія западно-русскихъ земель подъ владычествомъ Польши (съ XVI до XVII столѣтія), заключаетъ въ себѣ слѣдующія главы: 1) „Царствованіе Михаила Ѳеодоровича“ (воцареніе его и вѣнчаніе на царство, очищеніе русской земли отъ внутреннихъ враговъ, Столбовскій миръ, война съ Польшей и Деулинское перемиріе, патріархъ Филаретъ и его дѣятельность, вторая война съ Польшей, Азовское дѣло, иноземцы въ Россіи, послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича); 2) „Западная Русь въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка“ (Люблинская унія, іезуиты въ Литвѣ и Западной Руси, состояніе западно-русской церкви въ концѣ XVI столѣтія, церковная унія, борьба православія съ уніей, Петръ Могила, казаки и борьба ихъ съ турками и татарами, казацкія думы о турецкой неволѣ, казацкія возстанія противъ Польши, угнетеніе крестьянъ, новыя возстанія казаковъ, Запорожская сѣчь); 3) „Царствованіе Алексѣя Михайловича“ (смуты въ началѣ царствованія, Соборное Уложеніе и судебное дѣло, присоединеніе Малороссіи: Богданъ Хмельницкій, возстаніе на Украйнѣ, борьба Польши съ казаками, вторая война Хмельницкаго съ Польшей, Переяславская рада, Малороссія; война съ Польшей и Швеціей, смерть Хмельницкаго и смуты въ Малороссіи, денежныя затрудненія и смуты въ Москвѣ, царь Алексѣй Михайловичъ, возвышеніе Никона, патріар-

шество Никона, исправленіе богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, разладъ между царемъ и Никономъ. судъ надъ Никономъ. борьба съ расколомъ, возстаніе Разина, новые люди въ Москвѣ. Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ, послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича); 4) „Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича“ (придворныя дѣла и паденіе А. С. Матвѣева, внѣшнія событія, уничтоженіе мѣстничества. церковныя дѣла и просвѣщеніе); 5) „Состояніе Русской земли къ исходу XVII столѣтія (страна, деревни, села и города; Москва; составъ населенія и государственный строй; войско; государственные доходы, промышленность и торговля; домашній бытъ (жилище, внутреннее убранство его, утварь, одежда, пища); распорядокъ повседневной жизни (дневныя занятія, выѣзды, пріемъ гостей, пиры и братчины); семейный бытъ (взглядъ на женщину, жена, положеніе женщины, семейные обычаи: родины и крестины, именины, сватовство и свадьба, новоселье, похороны); состояніе образованности (народная поэзія, книжная словесность, обученіе грамотѣ, искусства, умственное развитіе); удовольствія и развлеченія (взглядъ на удовольствія, скоморохи, кулачные бои, корыстныя игры: зернь, тавлеи, карты и проч.); заключеніе.

Изъ этого перечня помѣщенныхъ въ „Родной Старинѣ“ статей видно, какимъ обиліемъ и полнотою историческаго матеріала отличается трудъ г. Сиповскаго, заключающій въ себѣ всѣ вопросы, имѣющіе отношеніе къ судьбамъ Русской земли въ до-Петровскую эпоху. Предъ глазами читателя проходитъ вся прошлая жизнь русскаго народа, въ тѣ восемь вѣковъ, которые протекли отъ начала русскаго государства, въ послѣдовательной смѣнѣ пережитыхъ имъ событій и тѣхъ перемѣнъ, какія произошли во внутреннемъ складѣ его жизни, при чемъ выясняется вся громадность подвига, совершеннаго русскимъ народомъ, несмотря на тѣ бѣдствія и невзгоды, какія выпадали на его долю: онъ „взростилъ огромное, сильное государство съ могучимъ властелиномъ во главѣ и сберегъ въ своей набожности православную вѣру“. Но при всемъ этомъ онъ „сильно отсталъ отъ западныхъ народовъ въ знаніяхъ, въ просвѣщеніи“, и эта отсталость стала чувствоваться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше приходилось русскому народу сталкиваться съ просвѣщенными народами запада; то же невѣжество начинало угрожать и тѣмъ главнымъ силамъ, на которыхъ покоилось русское государство: „невѣжество все болѣе и болѣе глушитъ православіе, приводитъ церковь къ расколу; то же невѣжество уже начинаетъ подрывать и высшую власть: нѣтъ обра-

зованныхъ государственныхъ дѣятелей, нѣтъ дальновидныхъ совѣтниковъ и сколько-нибудь просвѣщенныхъ и честныхъ исполнителей, нѣтъ гражданъ, способныхъ заботиться объ общихъ выгодахъ, а не только о себѣ, и государь при всемъ своемъ могуществѣ и добромъ желаніи не въ силахъ былъ избавить государство отъ страшныхъ внутреннихъ потрясеній"... Вотъ тотъ выводъ, къ которому приводитъ читателя авторъ „Родной Старины" въ заключительной главѣ своего труда, посвященной выясненію тѣхъ задачъ, какія должны были выпасть на долю послѣдующихъ государственныхъ дѣятелей. „Чтобы помочь бѣдѣ, — говоритъ авторъ — надо учиться! Но гдѣ? Византія уже въ конецъ заглохла. Неужели пойдти за наукой на латинскій еретическій западъ? Сильно противъ этого стоятъ многіе ревнители древняго благочестія; всѣ бѣды они приписываютъ тому, что порушена святая старина; что заводятся богомерзкія новшества; одно знаніе имѣетъ цѣну въ ихъ глазахъ,—знаніе божественныхъ книгъ. Но уже давно западно-европейская пушка громогласно возвѣстила русскимъ, что есть человѣческія знанія, которыми пренебрегать опасно, показала, что мѣнять въ бою своихъ десять головъ на одну непріятельскую очень тяжело... Подъ Москвою уже выросла цѣлая слобода западныхъ „хитрыхъ мастеровъ". Чаще и чаще встрѣчаются и русскіе люди, которые начинаютъ жить по европейски, увлекаются даже наукой... Еще въ XVI столѣтіи русскій царь пытается пробить прямой путь на западъ къ Балтійскому морю. Послѣ смутной поры русскіе совсѣмъ отрѣзаны отъ него, и шведскій король съ великой радостью объявляетъ объ этомъ на сеймѣ. Исконнымъ врагамъ Москвы—шведамъ и полякамъ—было очень важно, чтобы невѣжество, внутреннія смуты и отсталость, особенно въ ратномъ дѣлѣ, продержались подольше въ Московскомъ государствѣ; при этихъ условіяхъ враги не теряютъ надежды еще справиться съ нимъ, расхитить его владѣнія, какъ это отчасти и удалось имъ въ смутную пору. Для Московскаго государства стало быть является вопросомъ жизни сближеніе съ западомъ. Очистить туда дорогу прямоѣзжую, которую залегла вражья сила, и обновить русскую землю европейскими знаніями,—вотъ первая задача, которую ясно и опредѣленно выставила наша старина будущимъ государственнымъ дѣятелелямъ. На ряду съ этой задачей и въ тѣсной связи съ ней выдвигалась, хотя и не такъ ясно, другая великая задача—поднять слишкомъ приниженную въ Россіи человѣческую личность на степень гражданина, могущаго сознательно относиться къ своимъ обязанностямъ, повиноваться за-

кону не только страха ради, но и по совѣсти, способнаго заботиться и о себѣ, и о своихъ согражданахъ. Наша старина, въ силу государственныхъ нуждъ и обстоятельствъ закабалившая работника, прикрѣпившая крестьянина къ землѣ, представляла и противоположныя явленія: дѣлались попытки завести нѣчто въ родѣ земскаго самоуправленія; горячій ревнитель старины, извѣстный составитель Домостроя, отпускаетъ своихъ холоповъ на волю; наконецъ, многіе благочестивые русскіе люди предъ смертью, заботясь о спасеніи души своей, давали свободу нѣкоторымъ изъ рабовъ своихъ, словно чувствовали, что по смыслу христіанскаго ученія о смиреніи и любви къ ближнему порабощеніе людей—тяжелый грѣхъ"...

Въ концѣ каждаго выпуска „Родной Старины" помѣщены родословныя таблицы и „примѣчанія къ рисункамъ", въ которыхъ даны объясненія помѣщенныхъ въ текстѣ рисунковъ съ указаніемъ тѣхъ сочиненій, изъ которыхъ эти рисунки заимствованы.

Тотъ успѣхъ, какой имѣла „Родная Старина", выдержавшая въ сравнительно короткое время нѣсколько изданій и заслужившая одобрительные отзывы отъ тѣхъ учрежденій, въ вѣдѣніи которыхъ находятся общеобразовательныя училища какъ мужскія, такъ и женскія, служитъ лучшимъ доказательствомъ какъ съ одной стороны дѣйствительной необходимости въ подобной книгѣ, такъ съ другой стороны удачнаго выполненія задуманнаго авторомъ дѣла, польза и цѣлесообразность котораго были надлежащимъ образомъ оцѣнены какъ спеціалистами-преподавателями исторіи, нашедшими въ трудѣ г. Сиповскаго цѣнное подспорье для своихъ уроковъ, такъ и учащеюся молодежью, для которой „Родная Старина" всегда была одною изъ любимѣйшихъ книгъ для чтенія при изученіи курса древней отечественной исторіи.

Въ заключеніе нашего отзыва о трудѣ г. Сиповскаго, мы должны сказать, что его „Родная Старина", представляя выдающееся по своимъ достоинствамъ какъ педагогическимъ, такъ и научнымъ, и весьма полезное учебное пособіе къ школьному курсу отечественной исторіи, вполнѣ заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, поощренія въ видѣ награжденія ея полною преміею имени того русскаго Вѣнценосца, сердцу котораго были такъ близки интересы русскаго просвѣщенія.

II.

„*А. Барановъ*. Добрыя сѣмена. Книга для класснаго и внѣкласснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. С.-Пб. 1898. Часть I, выпускъ 1-й. 63 стр. Цѣна 12 к. выпускъ 2-й. 150 стр. Ц. 30 к. Часть II. 237 стр. Ц. 45 к. Часть III, выпускъ 1-й. 333 стр. Ц. 65 к. выпускъ 2-й. 159 стр. Ц. 30 к.“.

Сочиненіе „Добрыя сѣмена“ А. Баранова, представленное на премію Императора Петра Великаго, можетъ быть признано отвѣчающимъ всѣмъ требованіямъ конкурсной программы. Такъ, въ книгѣ этой заключается „достаточно матеріала какъ для класснаго, такъ и для внѣкласснаго чтенія учениковъ“; по содержанію своему, она „развиваетъ въ дѣтяхъ религіозно-нравственное и патріотическое чувство, сообщаетъ имъ полезныя свѣдѣнія изъ русской исторіи, географіи, этнографіи и естествовѣдѣнія, знакомитъ дѣтей съ правильною литературною рѣчью“; каждый отдѣлъ книги „состоитъ изъ статей, доступныхъ пониманію крестьянскихъ дѣтей того возраста, для котораго онъ предназначается“, при отсутствіи въ нихъ „искусственной поддѣлки подъ дѣтскій или народный языкъ“, при чемъ однако не устраняются, „особенно въ статьяхъ для старшаго возраста, такія слова и выраженія, которыя хотя и не употребительны въ народной рѣчи, но знакомство съ которыми можетъ оказаться необходимымъ при чтеніи общедоступныхъ литературныхъ или научныхъ произведеній“. Согласно требованію Ученаго Комитета, въ книгѣ помѣщено много статей религіознаго содержанія (нѣкоторыя священно-историческія событія, житія святыхъ, описанія святынь, духовныя поученія и т. п.) и къ каждой части книги приложены, въ видѣ особаго отдѣла, упражненія въ чтеніи на церковно-славянскомъ языкѣ, въ указанномъ Комитетомъ объемѣ и соотвѣтствующаго содержанія. Имѣется въ книгѣ г. Баранова и надлежащій матеріалъ для письменныхъ упражненій учениковъ и, наконецъ, книга снабжена весьма толковою объяснительною запискою, въ которой изложенъ планъ автора и даны указанія относительно употребленія книги.

Удовлетворяя, такимъ образвмъ, общимъ своимъ планомъ тѣмъ требованіямъ, которыя были предъявлены Ученымъ Комитетомъ составителямъ „книгъ для чтенія“ въ объявленіи о конкурсѣ, книга „Добрыя сѣмена“ и по содержанію своему представляется заслуживающею полнаго одобренія. Разнообразіе и богатство матеріала, извлеченнаго изъ лучшихъ нашихъ писателей, представленіе въ содер-

жанія статей по преимуществу свѣтлыхъ сторонъ жизни, глубокое религіозное направленіе, объемлющее всѣ выпуски этого изданія, преимущественное избраніе статей патріотическаго характера, обстоятельное и притомъ общедоступное по изложенію описаніе нашей родной страны въ географическомъ, этнографическомъ и историческомъ отношеніи, множество статей новыхъ, едва-ли не первый разъ встрѣчающихся въ учебныхъ книгахъ подобнаго рода, постепенность въ подборѣ статей—сначала легкихъ, а потомъ болѣе и болѣе трудныхъ, обиліе цѣлесообразныхъ письменныхъ упражненій, приложеніе толковыхъ объясненій и словарей, прекрасные въ большинствѣ случаевъ рисунки,—всѣ эти хорошія качества книги „Добрыя сѣмена“ даютъ основаніе признать ее лучшею въ настоящее время книгою для чтенія въ нашихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Книга г. Баранова состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

„*Добрыя сѣмена*. Книга для класснаго и внѣкласснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. *Часть I, выпускъ 1-й*. Русскій и церковнославянскій букварь, съ матеріаломъ для упражненій въ постепенномъ чтеніи, прописями, письменными упражненіями и рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. Въ 8-ку, 63 стр. Ц. 12 к.“

„То же. *Часть I, выпускъ 2-й*. Первая послѣ букваря книга для чтенія, съ объясненіями словъ и выраженій, вопросами для устныхъ пересказовъ, письменными упражненіями и рисунками. Стр. 150. Ц. 30 к.“

„То же. *Часть II*. Вторая послѣ букваря книга для чтенія, съ объясненіями словъ и выраженій, вопросами и планами для устныхъ пересказовъ, письменными упражненіями и рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. Стр. 237. Ц. 45 к.“

„То же. *Часть III, выпускъ первый*. Третья послѣ букваря книга для чтенія, съ объясненіями словъ и выраженій, вопросами и планами для устныхъ пересказовъ, письменными упражненіями и рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. Стр. 333. Ц. 65 к.“

„То же. *Часть III, выпускъ второй*. Сборникъ духовно-нравственныхъ статей на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ. С.-Пб. 1898. Стр. 159. Ц. 30 к.“

„Часть первая, выпускъ 1-й“ представляетъ собою букварь. Его содержаніе разнообразно и изложено въ строгой постепенности. Разсказы для первоначальнаго чтенія въ букварѣ небольшіе, сначала изъ двухъ, трехъ, пяти строкъ, а потомъ изъ бóльшаго ихъ количества, и всѣ они заслуживаютъ одобренія по внутреннему своему содержанію.

Въ церковно-славянскомъ отдѣлѣ первой книжки (то-есть въ Букварѣ), кромѣ азбуки церковно-славянскаго языка, указаны знаки надстрочные и строчные, буквы, сходныя съ русскими и отличныя отъ нихъ (стр. 59), словосокращенія (стр. 61), и предложенъ рядъ краткихъ изреченій изъ Слова Божія (стр. 58—68) съ присоединеніемъ подъ текстами разныхъ объясненій словъ церковно-славянскихъ русскими. Среди церковно-славянскихъ текстовъ только одинъ трудный для пониманія дѣтей, именно на стр. 68: „Иже погубитъ душу свою мене ради и Евангелія, той спасетъ ю".

Письменныя упражненія въ Букварѣ придуманы съ педагогическою опытностью. На стр. 19-й (внизу) предлагается рядъ словъ, въ которыхъ пропущена буква ѣ или е. Понятливый ученикъ, относящійся со вниманіемъ къ дѣлу, непремѣнно сообразитъ, гдѣ ему поставить е или ѣ, потому что слова, данныя для упражненія, передъ этимъ были ему предложены для чтенія.

При слѣдующемъ изданіи надо исправить прописи, такъ какъ нѣкоторыя буквы написаны небрежно.

„Часть I, выпускъ второй. Первая послѣ букваря книга для чтенія". Содержитъ въ себѣ 192 разказа, бо̀льшею частью заимствованныхъ изъ нашихъ образцовыхъ писателей; нѣкоторыя статьи составитель измѣняетъ, сообразно цѣлямъ педагогическимъ, и такія статьи отмѣчены въ изданіи особымъ знакомъ (звѣздочкою).

Всѣ статьи безукоризненны по своему содержанію и невелики по объему, кромѣ сказки Пушкина „О рыбакѣ и рыбкѣ", которая раздѣлена на нѣсколько отдѣловъ и потому тоже не представляетъ трудности для усвоенія памятью дѣтей.

Каждая статейка сопровождается вопросами и, по мѣрѣ надобности, объясненіями словъ, находящихся въ статьѣ.

Отдѣлъ письменныхъ упражненій (140—146) хорошъ: онъ служитъ, въ порядкѣ постепенности, продолженіемъ письменныхъ упражненій, предложенныхъ въ „Букварѣ".

„Часть II. Вторая послѣ Букваря книга для чтенія". Содержитъ въ себѣ 279 статей, сверхъ того предлагаются отрывки изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта и пѣснопѣній, изъ Богослужебныхъ книгъ (и то и другое на церковно-славянскомъ языкѣ).

И здѣсь подборъ статей, какъ прозаическихъ, такъ и поэтическихъ, слѣдуетъ признать весьма хорошимъ. При имени писателя въ этой книжкѣ сообщены—что̀ весьма кстати—хронологическія свѣдѣнія о рожденіи и смерти его. Стихотворенія и басни подобраны та-

кія, которыя имѣютъ, по содержанію своему, связь съ помѣщенными тутъ же прозаическими статьями.

Вопросы и планы для устныхъ и задачи для письменныхъ упражненій имѣютъ въ виду дать надлежащія точки опоры для разъясненія содержанія статьи (стр. 212—227), или составленія ея пересказа, или передачи плана ея. Здѣсь же даются и образцы, какъ отвѣчать на ту или другую задачу. Безъ всякаго сомнѣнія, эти педагогическія указанія должны принести существенную пользу дѣлу правильнаго преподаванія родного языка.

Статьи по естественной исторіи во второй части представляютъ небольшіе отрывки, часто заимствованные изъ извѣстныхъ писателей, напримѣръ, статьи: „Заяцъ", „Окунь", „Ершъ", „Щука", „Журавль"— взяты изъ Аксакова. Описанія кратки и касаются главнѣйшихъ внѣшнихъ признаковъ описываемаго растенія или животнаго, а также пользы или вреда, ими приносимаго. Въ статьяхъ: „Липа", „Какъ всходитъ сѣмя", „Почка вишневаго дерева", „Какъ изъ цвѣтка яблони образуется яблоко" мы находимъ краткое, совершенно понятное и въ то же время точное описаніе цвѣтка, развитія почки и плода. Затѣмъ мы встрѣчаемъ группировку статей на основаніи совмѣстнаго пребыванія животныхъ, описываемыхъ въ этихъ статьяхъ, въ природѣ. Такъ, за описаніемъ хлѣбныхъ растеній слѣдуетъ описаніе животныхъ, живущихъ на хлѣбныхъ поляхъ, именно грача, крота, хомяка и суслика, хлѣбнаго жука. На подобномъ же основаніи сгруппированы описанія: окуня, ерша, щуки, лягушки, утки, ивы. Тутъ же помѣщены хорошія картины, гдѣ всѣ предметы, составляющія одну группу, помѣщены вмѣстѣ.

„Часть III, выпускъ первый" состоитъ изъ семи отдѣловъ: отдѣлъ 1-й — разказы изъ Русской исторіи съ нѣкоторыми подготовительными къ нимъ статейками; отдѣлъ 2-й — разказы изъ Русской географіи; отдѣлы 3, 4, 5 и 6-й посвящены разнымъ сторонамъ естествовѣдѣнія, въ отдѣлѣ 7-мъ—объясненіе словъ и выраженій въ напечатанныхъ статьяхъ, вопросы и задачи и словарь.

Отдѣлъ 1-й занимаетъ около 140 страницъ и заключаетъ въ себѣ рядъ статей различной величины, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ; взятыя въ совокупности, статьи эти знакомятъ читателя съ главными событіями и личностями Русской исторіи. На ряду съ историческими статьями, составленными неизвѣстными авторами, или заимствованными изъ историческихъ сочиненій (Соловьева, Карамзина, Бестужева-Рюмина, Майкова, Водовозова, П. Полеваго),

помѣщены произведенія поэтическія историческаго содержанія (стихотворенія, отрывки изъ романовъ, повѣстей, поэмъ), напримѣръ, стихотворенія Языкова—„Подвигъ Евпатія Коловрата“ (во время татарскаго нашествія); гр. А. Толстаго — „Ночь предъ приступомъ“ (во время осады поляками Троицко-Сергіева монастыря); „Кто онъ?“ — Майкова; „Основаніе Петербурга“, „Полтавскій бой“ — Пушкина; „Ломоносовъ“ Майкова; „Бородино“ Лермонтова; „Наполеонъ подъ Москвою“ Пушкина; „Манифестъ 19-го февраля 1861 года“ Майкова; небольшія отрывки изъ Загоскина „Юрій Милославскій“ и гр. Л. Толстаго „Война и миръ“.

Помѣщеніе поэтическихъ произведеній историческаго содержанія въ значительной степени способствуетъ оживленію статей историческихъ и болѣе твердому запоминанію историческихъ событій.

Изъ статей историческихъ значительное количество занимаетъ по нѣсколько страницъ и знакомитъ весьма обстоятельно съ главными историческими событіями и личностями; таковы, напримѣръ, статьи: О крещеніи Руси (4 стр.), Завоеваніе Руси татарами (6 стр.), Александръ Невскій (3 стр.), Мамаево побоище (4 стр.), Смутное время на Руси (12 стр.), Петръ Великій (18 стр.), Ломоносовъ (5 стр.), Екатерина II (5 стр.), Отечественная война (10 стр.), Царь-Освободитель (8 стр.). Статьи, за весьма немногими исключеніями, сообщаютъ историческія свѣдѣнія безъ ошибокъ, проникнуты патріотическимъ духомъ, изложены удобопонятно. Термины и иностранныя слова, по большей части, объяснены.

Одну статью слѣдовало бы исключить, именно № 40 „Отчего произошли смуты“ П. Полеваго. Въ ней обвиняется Борисъ Годуновъ въ убійствѣ Царевича Дмитрія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Борисъ Годуновъ задумалъ злое и страшное дѣло: онъ рѣшился умертвить Царевича Димитрія. При помощи подосланныхъ имъ въ Угличъ убійцъ, Димитрій Царевичъ былъ умерщвленъ“. „Онъ былъ жестоко наказанъ Богомъ за свои злодѣянія, его короткое царствованіе было рядомъ смутъ и народныхъ бѣдствій“ (стр. 62, 63).

На страницѣ 109 невѣрно изложенъ раздѣлъ Польскаго королевства: Россіи досталась Курляндія (на берегу Балтійскаго моря) и *всѣ* тѣ русскія земли, которыми завладѣла Польша въ прежнее время“. Слѣдовало сказать: „русскія земли за исключеніемъ Червонной Руси“. На страницѣ 139 не точно сказано, что „*всѣ* важнѣйшія дѣла въ новыхъ судахъ разбираются открыто, при публикѣ, гласно, и въ разбирательствѣ ихъ принимаютъ участіе не только судьи, но и особыя

выборныя изъ всѣхъ сословій лицъ, такъ называемые присяжные засѣдатели". Вмѣсто „всѣ важнѣйшія" — лучшія сказать: „многія уголовныя" дѣла. На страницѣ 128 слѣдовало бы исключить подробности сраженія при р. Альмѣ во время Крымской войны.

Въ третьей же части книги „Добрыя сѣмена" заключаются связныя и систематическія свѣдѣнія изъ физики, минералогіи и гигіены. Свѣдѣнія изъ физики, составляющія третій отдѣлъ перваго выпуска третьей части, озаглавлены названіемъ „Тепло и холодъ". Здѣсь излагаются очень краткія, но весьма понятныя данныя о вліяніи теплоты на тѣла, объ устройствѣ термометра, отчего вершины горъ покрыты снѣгомъ, отчего происходитъ вѣтеръ, о паровыхъ машинахъ и желѣзныхъ дорогахъ, объ атмосферныхъ метеорахъ и составѣ воздуха. Можно только замѣтить, что статья 193 на страницѣ 249 „Отчего происходитъ вѣтеръ" основана на устарѣломъ и неправильномъ объясненіи вѣтра, хотя и находящемся въ нашихъ учебникахъ географіи (напримѣръ, у Смирнова). Здѣсь взятъ извѣстный примѣръ двухъ комнатъ, имѣющихъ различную температуру и соединенныхъ дверью. Свѣчка, помѣщенная на различныхъ высотахъ открытой двери, указываетъ отклоненіемъ пламени, что воздухъ изъ холодной комнаты входитъ въ теплую по низу, а изъ теплой въ холодную по верху. Въ этомъ усматриваютъ объясненіе всѣхъ движеній воздуха на землѣ. Но такое объясненіе допускаетъ на поверхности земли только холодные вѣтры и совершенно не можетъ служить аналогіей того, что происходитъ на землѣ, какъ это показалъ проф. Воейковъ въ своей книгѣ: „Климаты земнаго шара". Въ настоящее время распредѣленіе воздушныхъ теченій приводится въ связь съ давленіемъ воздуха. Поэтому статью „Отчего происходитъ вѣтеръ" слѣдовало бы или совсѣмъ устранить, или видоизмѣнить, введя понятіе о давленіи воздуха и барометрѣ. Отдѣлъ минералогіи, составляющій IV отдѣлъ третьей части, заключаетъ въ себѣ описаніе гранита, песчаника, известняка, торфа, каменнаго угля, различныхъ почвъ и главнѣйшихъ металловъ. Все изложено очень просто и понятно; особенно хорошо изложенъ отдѣлъ о почвахъ и ихъ плодородіи и пригодности къ земледѣлію.

Пятый отдѣлъ третьей книги заключаетъ краткое описаніе человѣка, его пищи и питья, и какъ предохранить себя отъ заразныхъ болѣзней.

Что касается до описанія животныхъ въ шестомъ отдѣлѣ третьей

части, то эти описанія составляютъ въ сущности заключенія тѣхъ географическихъ свѣдѣній, которыя находятся въ этомъ отдѣлѣ.

Статьи по географіи, числомъ 41, заключаютъ свѣдѣнія по отечествовѣдѣнію и расположены въ систематическомъ порядкѣ. Въ началѣ помѣщено описаніе святынь города Москвы, а потомъ слѣдуетъ описанія областей: Московской, Озерной, Прибалтійскаго края, Западнаго и Привислянскаго края и т. д., всѣхъ областей Европейской Россіи, Кавказа, Сибири и Туркестана. Въ описаніяхъ главнымъ образомъ обращено вниманіе на народонаселеніе и его занятія, поверхность же, растительность и климатъ находятся на второмъ планѣ, а иногда и вовсе не упоминаются. Волгѣ посвящено семь статей. Почти всѣ статьи взяты изъ извѣстныхъ русскихъ писателей и поэтовъ, какъ то: Пушкина, Лермонтова, Гончарова, Гоголя, А. Толстаго, Аксакова, а также и другихъ. Восемь статей взято у Меча. Между прозаическими статьями вставлены стихотворенія, какъ, напримѣръ, „Кіевъ“ А. Хомякова, „Малороссія“ гр. А. Толстаго, „Днѣпръ въ порогахъ“ Розенгейма, „Крымъ“ Пушкина и др. Всѣ статьи и стихотворенія хорошо подобраны и производятъ живое, пріятное впечатлѣніе.

Въ началѣ перваго выпуска третьей части, передъ разказами изъ русской исторіи, помѣщено начало курса родиновѣдѣнія, при чемъ правильно и довольно подробно указанъ ходъ занятій, начиная съ обозрѣнія классной комнаты и ея плана. Курсу данъ характеръ геометрическій, чертежный.

Въ концѣ перваго выпуска третьей части находится шестой отдѣлъ, въ которомъ заключается нѣсколько статей по математической географіи. Названіе статей: 1) Есть ли гдѣ конецъ земли, 2) Отчего бываютъ день и ночь, 3) Части свѣта и океаны, 4) Отчего происходятъ времена года, 5) Гдѣ находятся жаркія, умѣренныя и холодныя страны, 6) О народахъ и государствахъ, 7) Вселенная. Трудно согласиться съ тѣмъ объясненіемъ временъ года, которое здѣсь приводится. Правда, оно шаблонно и находится почти во всѣхъ учебникахъ, но, тѣмъ не менѣе, изъ этого объясненія дѣти мало поймутъ, также какъ и изъ приложеннаго чертежа. Времена года можно еще нѣсколько уяснить помощью теллурія или съ глобусомъ въ рукахъ, перемѣщая его въ разныя мѣста относительно постоянной точки, то есть солнца.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ двухъ статей: „Отчего происходитъ вѣтеръ“ и „Отчего происходятъ времена года“, всѣ статьи

географическаго характера и естественно-историческаго содержанія въ книгѣ „Добрыя сѣмена“ слѣдуетъ признать очень хорошими.

Выпускъ 2-й части III-й представляетъ сборникъ духовно-нравственныхъ статей на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ. Въ этой, хорошо составленной, книгѣ напечатаны житія нѣкоторыхъ святыхъ, свѣдѣнія о знаменитыхъ обителяхъ въ Россіи и чудотворныхъ иконахъ Богоматери; помѣщены подробное описаніе Святой Земли и нѣсколько глубокихъ, притомъ просто изложенныхъ, нравственныхъ поученій о крестномъ знаменіи, молитвѣ за умершихъ, о полевыхъ работахъ, о милованіи скота и др. Въ отдѣлѣ церковно-славянскаго чтенія напечатаны житія великихъ учителей церкви: Св. Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, святителя Николая чудотворца и святыхъ московскихъ митрополитовъ Петра и Алексія, а также нѣкоторыя церковныя пѣснопѣнія, съ присоединеніемъ объясненій церковно-славянскихъ словъ. Эта книга содержитъ въ себѣ прекрасный матеріалъ для духовно-назидательнаго чтенія.

На основаніи всего вышеизложеннаго, комиссія находитъ, что указанные выше незначительные недостатки, легко устранимые при слѣдующемъ изданіи, не препятствуютъ признать книгу „Добрыя сѣмена“, какъ лучшую изъ существующихъ хрестоматій для народныхъ школъ и вполнѣ отвѣчающую условіямъ объявленнаго министерствомъ конкурса, заслуживающею полной преміи Императора Петра Великаго.

III.

Книга для чтенія въ сельскихъ училищахъ по русской исторіи. Кіевъ. 1891. Стр. II+284.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ, то-есть въ изданіи 1891 года, настоящій трудъ заключаетъ въ себѣ двадцать восемь краткихъ статей, посвященныхъ лицамъ и событіямъ всѣхъ періодовъ отечественной исторіи. Первыя семнадцать статей касаются древнѣйшихъ вѣковъ, до „Смутнаго времени на Руси“ включительно. Составлены онѣ уже покойнымъ преподавателемъ Листопадомъ. Три статьи (18-я—20-я) имѣютъ предметомъ судьбы православія въ Южной и Западной Руси. Авторомъ ихъ былъ нынѣ также умершій профессоръ Кіевской Духовной Академіи Малышевскій. Слѣдующія статьи (21-я—27-я) посвящены важнѣйшимъ моментамъ новой русской исторіи и соста-

влены профессоромъ университета св. Владиміра П. В. Голубовскимъ. Наконецъ, послѣдній очеркъ „Нынѣшнее состояніе Россіи“ принадлежитъ Листопаду. Къ 28-ми статьямъ первоначальнаго изданія во второмъ изданіи—училищнаго совѣта при св. Синодѣ—прибавлено восемь новыхъ очерковъ и сверхъ того послѣдній очеркъ перваго изданія замѣненъ особою статьею объ Императорѣ Александрѣ III Александровичѣ. Судя по стилю и общему литературному пріему, восемь новыхъ очерковъ принадлежатъ тѣмъ же авторамъ, а послѣдняя статья представляетъ компилятивный трудъ, составитель коего намъ неизвѣстенъ.

Авторы первоначальнаго изданія (которое собственно и подлежитъ въ настоящее время разбору и оцѣнкѣ) не имѣли въ виду требованій конкурса и примѣрной программы „Исторіи Россіи для народа“. Они преслѣдовали свою собственную, такъ сказать мѣстную цѣль. Дѣйствуя въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, они сообразовались съ потребностями школъ даннаго района и, рядомъ съ темами общегосударственнаго значенія, обращали особое вниманіе на темы мѣстной исторіи. Въ особенности очерки проф. Малышевскаго имѣютъ близкое отношеніе къ самому коренному вопросу мѣстной исторической жизни, то-есть къ отношеніямъ народностей и вѣроисповѣданій въ юго-западномъ краѣ. И въ другихъ статьяхъ вниманіе разказчиковъ вездѣ, гдѣ надобно, останавливается на частностяхъ, важныхъ для мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ „Книга для чтенія“ не совсѣмъ подходитъ къ требованіямъ конкурса; но ея содержаніе и направленіе нисколько не противорѣчатъ этимъ требованіямъ въ ихъ основѣ, напротивъ, совершенно удовлетворяютъ пожеланіямъ, выраженнымъ въ §§ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ Объявленія о конкурсѣ на преміи за „Исторію Россіи для народа“.

Исполненіе разбираемаго труда отличается положительными достоинствами. „Книга для чтенія“ написана очень литературно: простымъ, точнымъ и яснымъ языкомъ, доступнымъ для пониманія самаго широкаго круга читателей. Авторы достигли единообразія и согласованности во внѣшнихъ пріемахъ изложенія. Ихъ фраза вездѣ коротка и проста; слова и выраженія обдуманны; нѣтъ риторическихъ украшеній и субъективныхъ разсужденій. Только въ статьяхъ проф. Малышевскаго строй предложеній нѣсколько сложнѣе и способъ выраженій не такъ общедоступенъ; но это обусловлено самымъ предметомъ его статей. Исторія вѣрованій и просвѣщенія, церковнаго устройства и вѣроисповѣдныхъ отношеній требуетъ болѣе отвлеченной и спеціально-

точной рѣчи. Степень научной и литературной самостоятельности въ разныхъ статьяхъ разбираемой книги различна. Та часть труда, которая исполнена Листопадомъ,—то-есть, первые семнадцать очерковъ,—составлена главнымъ образомъ на основаніи „Родной Старины“ В. Д. Сиповскаго. Разказчикъ заимствовалъ у Сиповскаго не только фактическій матеріалъ, но иногда и самыя фразы. Обладая литературнымъ чутьемъ, онъ очень умѣло сокращалъ пространное изложеніе Сиповскаго, извлекалъ у него наиболѣе важныя и яркія подробности и удачно слагалъ свое собственное краткое и сжатое повѣствованіе. Что дѣло было именно такъ, можно убѣдиться изъ сличенія страницъ разбираемой „Книги для чтенія“ съ „Родною Стариною“ (т. I, изд. 1893 г.; т. II, изд. 1888 г.). Достаточно сравнить, напримѣръ, страницы:

Книги для чтенія:	*Родной Старины:*	*Книги для чтенія:*	*Родной Старины:*
9—10	I, 36— 37	45	196—197
11	39	51	201
13—14	44— 46	53	205—206
31—32	96— 97	73—74	221—222
34—35	147, 149, 150	75	224—225
36—37	177—178	76—77	225—227
38—39	179—180	89	II, 152, 153, 154
41—41	184—185	90	154, 156
42—44	186—188		

Необходимо, впрочемъ, оговориться, что мы не намѣрены обвинять Листопада въ рабскомъ подражаніи чужому труду или въ скрытомъ заимствованіи чужой рѣчи. Здѣсь указывается лишь главный источникъ, откуда Листопадъ черпалъ свой матеріалъ, историческій и литературный. Обработка же этого матеріала въ общедоступную форму разказа „для народа“ была самостоятельною работою Листопада, и должно признать, что онъ исполнилъ ее вполнѣ удачно. Части книги, обработанныя гг. Малышевскимъ и Голубовскимъ, отличаются полною литературною независимостью и большимъ разнообразіемъ пособій. Онѣ имѣютъ характеръ не компилятивной работы, а такого труда, который и задуманъ и выполненъ совершенно самостоятельно.

Таковы свойства разбираемой „Книги для чтенія“. Она представляетъ собою одно изъ рѣдкихъ явленій въ русской педагогической литературѣ, соединяя въ себѣ положительныя достоинства изложенія съ доброкачественностью историческаго матеріала и научной его обра-

ботки. Училищный совѣтъ при св. Синодѣ имѣлъ полное основаніе остановить свой выборъ на этомъ трудѣ и, дополнивъ его, издать отъ своего имени подъ новымъ заглавіемъ „Бесѣды по русской исторіи" (С.-Пб. 1895). Отдѣльныя мелкія погрѣшности перваго изданія, отчасти корректурнаго, отчасти стилистическаго свойства, уже устранены въ синодальномъ изданіи „Книги для чтенія" и потому здѣсь не указываются.

Принимая во вниманіе, что „Книга для чтенія", не соотвѣтствуя частнымъ указаніямъ объявленія о конкурсѣ на преміи Императора Петра Великаго за „Исторію Россіи для народа", въ то же время не противорѣчитъ, какъ по содержанію, такъ и по изложенію своему, ни одному изъ требованій конкурса и вполнѣ удовлетворяетъ точному смыслу §§ 3—5 сказаннаго объявленія, — особая комиссія для разсмотрѣнія сочиненій, представленныхъ для соисканія премій за „Исторію Россіи для народа" считаетъ справедливымъ удостоить разбираемый трудъ малой преміи Императора Петра Великаго.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Для представленія сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначенъ. съ разрѣшенія г. министра, слѣдующій порядокъ.

I. *По разряду гимназій:* на премія 1900 года—группа „математика, математическая географія и физика"; на преміи 1901 года—группа „языки французскій и нѣмецкій"; на преміи 1902 года—группа „русскій языкъ со словесностью и логика", съ предпочтительнымъ правомъ на премію за сочиненіе по логикѣ; на преміи 1903 года—группа „языки греческій и латинскій", съ преимущественнымъ правомъ на премію за русско-греческій словарь.

II. *По разряду реальныхъ училищъ:* на преміи 1900 года—„коммерческая географія" и „сравнительная географія для VI класса реальныхъ училищъ", съ предпочтительнымъ правомъ на премію за сравнительную географію; на преміи 1902 года — „естественная исторія".

Выборъ метода изложенія учебника по естественной исторіи для реальныхъ училищъ, а также выборъ матеріала и вообще опредѣленіе всего характера учебника, предоставляются составителямъ его; но при этомъ требуется, чтобы учебникъ былъ кратокъ, наученъ и соотвѣтствовалъ программѣ реальныхъ училищъ. Желательно, чтобы объемъ учебника не превышалъ 15 печатныхъ листовъ. Эта краткость легко можетъ быть достигнута, если составитель откинетъ все второстепенное и детальное, имѣющее значеніе лишь фактическаго балласта, въ родѣ, напримѣръ, подробнаго описанія окраски птицъ и т. п.. и остановится лишь на фактахъ первостепенныхъ, необходимыхъ для пониманія общей связи излагаемыхъ данныхъ. Точно также составитель можетъ избѣжать повтореній при описаніи внѣшней и внутренней организаціи, если дѣло идетъ объ особенностяхъ, описанныхъ раньше у представителей другого отряда. Научность учебника должна выражаться въ отсутствіи ошибочныхъ или неточныхъ данныхъ, а также и въ томъ, чтобы всѣ данныя стояли на уровнѣ современныхъ научныхъ свѣдѣній. Въ этомъ отношеніи могутъ быть допущены отступленія отъ программы, но лишь по формѣ изложенія, а не по существу. Такъ, напримѣръ, ластоногія могутъ быть помѣщены рядомъ съ хищниками, а не съ китообразными, какъ это дѣлалось ранѣе и какъ это удержано въ программѣ; можетъ быть введенъ въ изложеніе отрядъ сиреновыхъ (sirenia), который включенъ программой въ отрядъ китообраз-

ныхъ, чего нельзя сдѣлать при теперешнемъ состояніи науки. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не считаетъ удобнымъ стѣснять составителей какими-либо указаніями.

III. *По разряду начальныхъ народныхъ училищъ и книгъ для народнаго чтенія.* Въ виду того, что отъ конкурса нынѣшняго года остались невыданными двѣ преміи: одна большая (въ 2.000 руб.) за книгу для народнаго чтенія и одна малая (въ 500 руб.) за книгу для классшаго и внѣклассшаго чтенія въ сельскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ, конкурсъ для соисканія этихъ премій за вышеозначенныя книги продолжается, съ разрѣшенія его превосходительства г. министра народнаго просвѣщенія, на 1 годъ, съ назначеніемъ срока для представленія сихъ сочиненій въ ученый комитетъ 1-го ноября сего года.

На преміи 1901 года—учебникъ геометріи для двухклассныхъ и другихъ начальныхъ училищъ, гдѣ преподается этотъ предметъ, согласно съ требованіями и примѣрною программою, кои будутъ объявлены въ одной изъ ближайшихъ книжекъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.*

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіи года, предшествующаго назначенію премій, не позже 1-го ноября. Учебныя руководства и пособія, равно какъ и книги для народнаго чтенія, принимаются, для соисканія премій, какъ печатныя, такъ и рукописныя, но послѣднія будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представляемы и безъ обозначенія имени автора, подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣстожительство.

СНОШЕНІЯ ШВЕЦІИ И РОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА 1648—1700 [1]).

IV.

Въ 1667 году резидентомъ въ Москву назначенъ былъ Адольфъ Эбершельдъ; онъ оставался въ русской столицѣ до 1674 года и за этотъ періодъ времени прислалъ своему государю рядъ любопытнѣйшихъ донесеній. Къ обычнымъ обязанностямъ резидента, то-есть обязанностямъ чисто экономическимъ и торговымъ, присоединялись въ инструкціи Карла XI къ Эбершельду рядъ чисто дипломатическихъ „коммиссій“: резидентъ долженъ былъ внимательно наблюдать за всѣмъ, что дѣлалось при дворѣ царя — vmb solche mit allem fleiss beym zaarischen hoff zu observiren und nach müglichkeit zu verrichten, слѣдить за резидентами и посланниками другихъ европейскихъ государей и тотчасъ же обо всемъ доносить въ Стокгольмъ [2]).

Первая миссія Эбершельда состояла въ томъ, чтобы въ виду мира, заключеннаго Россіей съ Польшей, ходатайствовать передъ царемъ объ уменьшеніи таможенныхъ поборовъ, въ особенности же объ уменьшеніи транзитной пошлины въ Новгородѣ—ненавистнаго двухпроцентнаго сбора [3]). Въ Нащокинѣ, которому поручено было снестись съ шведскимъ резидентомъ, послѣдній встрѣтилъ упорнаго, какъ

[1]) *Продолженіе.* См. іюльскую кн. *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1898 годъ.

[2]) См. въ Стокгольмскомъ архивѣ Residenten A. Eberskiölds bref till K. M. 1667—1674.

[3]) Das man in Naugradt die durchgehnde Zollen 2 Procento abschaffet vndt dass es nach dem alten möge bleiben.

онъ выражается, человѣка, безъ всякой надобности возращавшагося при переговорахъ къ разнаго рода фактамъ и мелочамъ давно минувшихъ лѣтъ, всегда обнаруживая при этомъ „ein böses gemuhte gegen Schweden". Въ Москвѣ, узнаемъ мы изъ письма нашего резидента отъ 13-го марта 1667 года, настроеніе къ иностранцамъ очень недружелюбное; сильно поговаривали о томъ, что иностранцы будутъ лишены своихъ прежнихъ торговыхъ привилегій внутри Россіи и что имъ разрѣшено будетъ пріѣзжать съ своими товарами только до Архангельска. Исключеніе сдѣлано будетъ для однихъ шведовъ; отъ остальныхъ иностранцевъ потребуютъ перехода въ русское подданство. Эбершельдъ думаетъ, что множество иностранцевъ теперь будутъ стекаться на шведскій дворъ и тамъ просить покровительства, чтобы такимъ образомъ сохранить свои торговыя привилегіи [1]). Но скоро оказалось, что и шведамъ преждевременно было считать себя привилегированною націей. Нащокинъ готовилъ имъ „рядъ непріятностей". „Тайный врагъ Швеціи", онъ замышляетъ противъ нея много новаго, недобраго; онъ такъ силенъ, что несогласные съ нимъ бояре молчатъ, не рѣшаясь высказать своихъ несомнѣнныхъ симпатій къ шведамъ [2]). Нащокинъ старался совершенно изолировать шведскаго резидента, не допускалъ къ нему иностранныхъ переводчиковъ, писцовъ и др. „ненадежныхъ" лицъ. Вскорѣ онъ сталъ настаивать уже на совершенно небывалыхъ притязаніяхъ, а именно, чтобы шведы всѣ свои товары сохраняли не на шведскомъ дворѣ, а въ русскомъ гостинномъ складѣ [3]), что́, по мнѣнію шведскаго резидента, прямо являлось нарушеніемъ условій Кардисскаго мира. Въ

---

[1]) Hier gehe die Rede starck, dass des Zahren order werde kommen, dass alle ausslender ausserhalb der schwedischen Untertahnen, sage kauffleute, dafern diejenige sich nicht vohr des zaaren vntertahnen wollen schreiben, so sollen sie alsobaldt auss dem lande gantz hinauss, vndt im künftige nicht weiter als biss Archangel gelassen werden; dieses komt gahr wohl Eur. K. M. Vntersassen, den sie behalten allein die freyheit vmb jn lande auff ihre schwedische höfe zu bleiben, hierdurch .werden sich viehl vnter Eur. K. M. setzen, nuhr vmb die freyheit zu geniessen.

[2]) Dass Naschokin ein heimlicher feindt Schwedens sey vndt erdenckt viel neues vnd nichts gutes; er hat auch viehl Herren zu feinde, dörffen sichs aber gegen ihm nicht merken lassen. Sonsten spüre ich von anderen herren nicht anderes als dass sie Schweden geaffectioniret sein vndt ist jhnen lieb dass sie frieden mit uns haben.

[3]) Dass sie Ihre wahren auff dem ruschen gasthof, vndt nicht auff dem schwedischen verordneten hoff sollen halten.

Москвѣ—опять-таки по иниціативѣ Нащокина — на иностранные товары вводятся новые налоги, повышаются акцизы и пр. [1]). Нащокинъ разжигаетъ недовѣріе къ шведамъ, поддерживая слухи о дипломатическомъ сближеніи Швеціи съ Польшей противъ Россіи; онъ доказываетъ ненадобность резидентовъ при русскомъ дворѣ; онъ, „*этотъ русскій Ришелье*", распространяетъ свои стѣснительные для шведскихъ торговцевъ указы и на Новгородъ, и на Псковъ; нечего, говоритъ онъ, сохранять за шведами ихъ крупныя привилегіи, иначе всѣ захотятъ быть на положеніи шведовъ—„sonsten würden alle die anderen auch schwedisch werden". И все, что говоритъ Нащокинъ—законъ [2]). Въ 1667 года шведы стали подвергаться въ Новгородѣ и Псковѣ небывалымъ стѣсненіямъ: транзитныя пошлины доведены до 26%, акцизъ до 60 риксдалеровъ. Никогда не слыхивали ничего подобнаго! [3]) На всѣ доводы и указанія Эбершельда отвѣчали, что царь воленъ въ своихъ земляхъ вводить новыя пошлины или возвышать старыя, что русскихъ купцовъ еще больше стѣсняютъ въ Швеціи— dass sie gantz keine freyheit im schwedischen Reich hetten, гдѣ имъ не разрѣшаютъ торговать съ иностранцами. Эбершельдъ въ свою очередь указывалъ на большія привилегіи русскихъ въ Ревелѣ, Нарвѣ и Нюенѣ, гдѣ они безпошлинно торгуютъ и гдѣ имъ открыты сношенія съ иностранцами [4]). Онъ сталъ развивать при этомъ излюбленную идею шведскаго правительства о перенесеніи стапеля изъ Бѣлаго моря въ Балтійское. Онъ склонялъ къ этому проекту и иностранцевъ, бывшихъ въ Москвѣ, проектировалъ тѣсный договоръ между Швеціей, Англіей, Голландіей и Гамбургомъ съ тѣмъ, чтобы, если Московскій дворъ будетъ продолжать упорствовать, не посылать

---

[1]) Sonsten hatt man hier viehl verenderung mit verhöherung der zollen vndt auffsetzung newer accisen gemachet. 22 мая: Die kauffleute müssen von ihren wahren, wen sie über See zu Archangell ankommen, also baldt mit spec. Rdr. 10 pro cento zoll bezalen, in Muscow mit den wahren kommende, wen sie dieselbe verkauffen 6 pro % vor die wahren, so sie wieder einkauffen vnd nach Archangel bringen, davon sollen sie zu Archangel wiederumb 10 pro cento bezahlen, ohn dass seint den noch die grosse accisen auff die weine...

[2]) Ср. письмо отъ 22 мая. Alles was N. nuhr redet oder angibt dass muss vor sich gehen.

[3]) Welche zollen sich vohr in vndt auss dem lande gehnde Wahren auff 26 procento belauffen, vndt auff das getrenck haben sie eine greuliche hohe accise gelegt (60 r. d.): es ist solch ein greulich verenderung gemachet, dass dergleichen hier niemahls gehört worden.

[4]) Dass sie (русскіе) besser freyheit den die Schweden selbst in Schweden hetten.

ни одного корабля въ Архангельскъ, а сосредоточить стапель въ Ревелѣ, Нарвѣ и Нюенѣ. Рано или поздно русскіе станутъ пріѣзжать сюда въ виду громадныхъ выгодъ для торговли [1]).

Ѳсенью 1667 года Нащокинъ сталъ искать политическаго сближенія съ Швеціей: оно нужно было ему для достиженія при посредничествѣ этой державы прочнаго мира съ Польшей. Онъ имѣлъ въ виду дипломатическій съѣздъ представителей Швеціи, Россіи и Польши, „дабы обратить въ вѣчный миръ заключенное съ Польшей перемиріе". Присутствіе шведскаго резидента Нащокинъ считалъ необходимымъ въ виду Ливоніи и Ливонскихъ дѣлъ [2]). Торговые интересы оставались пока на второмъ планѣ — den dieser Naschokin tut allein wass er will.

Въ приказѣ иностранныхъ дѣлъ, куда приглашенъ былъ шведскій резидентъ, Нащокинъ подробно развивалъ передъ нимъ свои проекты. Онъ указывалъ на мирный трактатъ, заключенный въ Бредѣ между Англіей и Голландіей при шведскомъ посредничествѣ; такого же трактата, сказалъ онъ, желаетъ теперь и Россія съ Польшей. „Не скрою отъ тебя, продолжалъ Нащокинъ, что царь твердо рѣшилъ избрать шведскаго короля въ посредники между собою и Польшей. Теперь можно ожидать отъ Польши лучшихъ условій, чѣмъ черезъ

---

[1]) Dass niemandt von Ihnen mit jhr gut nach Archangel ginge, sondern den andern weg nach der Ostsee auf Revall, Narwa vndt Nyen Ihre reise vortstelleten, vndt dass so wohl die frembden alss Ihr. K. M. vntertahnen mit Ihren wahren sich nicht anhero begeben möchten, sondern die russen zu sich erwahrten; wan die reussen dass merckten, sie würden sich alsda nicht lange seumen, sondern sich baldt (weilen sie da ohn zollen handeln) mit ihren wahren zu ihnen über die grentze verfügen, vndt ist solcher viehl besser vohr beyden Parteyen, jnsonderheit weilen die russen hier einen geringen zoll vndt über die grentzen gahr nichts zahlen, wen aber von Ew. K. M. seiten einige wahren anher solten gebracht werden, da müssen grosse zollen vohr ein vndt aussgebnde wahren in alles 26 procento vor bezahlet werden, welches die russen doch alles tragen vndt bezahlen müssen, weilen die Ausslender wegen der hohen Zollen ihre wahren hier desto höher würden verkauffen, auch besser kauff einkauffen, so kähme es dahin auss die russen an, darumb sollen die rusche unterthanen lieber resoluiren mit ihren wahren nach vnser seiten zu gehn, aber Nassokin solte es lieber sehen, dass die schwedische vndt andre frembde Nation mit ihren Wahren mögten nach russlandt kommen, so könten sie einen grossen schatz durch die hohe zollen zu Ducaten vndt Reichstahler sammeln, sofern aber wehnig oder gahr keine ausslender zu Ihnen kommen, so würde dasselbe fählschlagen.

[2]) Und wehre es vor Schweden ohn dass voll hoch nötig wegen Lifflandt mit dabey zu sein.

пять лѣтъ. Въ октябрѣ въ Москву ожидаются польскіе послы. Мирный конгрессъ всего удобнѣе открыть въ Митавѣ".—Эбершельдъ отвѣчалъ Нащокину, что раньше всего слѣдуетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ его государя относительно торговли и торговыхъ привилегій шведскихъ подданныхъ. „Обожди прибытія польскихъ пословъ", сказалъ Нащокинъ; „разъ улажено будетъ дѣло съ Польшей, царь дастъ полное удовлетвореніе всѣмъ желаніямъ шведскаго короля; подданные обоихъ государствъ будутъ сравнены, возстановится совершенная дружба, такъ что уже не на что будетъ жаловаться. Въ этомъ резидентъ можетъ быть совершенно увѣренъ" [1]).

Нащокинъ совсѣмъ перемѣнился, пишетъ въ октябрѣ Эбершельдъ, онъ сталъ доступнѣе, общительнѣе, любезнѣе.

17-го октября въ Москву прибыли польскіе послы. Эбершельдъ передаетъ въ своихъ письмахъ рядъ интересныхъ подробностей о нихъ. Прежде всего любопытны ихъ дипломатическіе пріемы: они начали съ указанія, что Турція противъ примиренія короля съ Москвой, грозитъ даже порвать съ нимъ, если онъ заключитъ миръ съ царемъ. Далѣе—послы польскіе, естественно, должны были отвергнуть посредничество Швеціи и съ своей стороны предлагали избрать посредниками англійскаго короля и императора. Наконецъ они высказали желаніе, чтобы миръ съ Россіей былъ укрѣпленъ брачнымъ союзомъ королевскаго и царскаго домовъ [2]).

При личномъ свиданіи съ шведскимъ резидентомъ польскіе послы дали волю выраженію своей антипатіи къ московитамъ. Если бы, сказалъ одинъ изъ пословъ, мнѣ пришлось продолжительное время сноситься съ этою націей, я впалъ бы въ полное отчаяніе [3]). Нащокинъ, между тѣмъ, не переставалъ мечтать о съѣздѣ представителей Москвы, Польши и Швеціи. Онъ проектировалъ „оборонительный

---

[1]) Also—will dier hiermit zu vertrauen nicht verhalten, dass Ihr Z. M. vollenkommen geresolviret Ihr K. M. zu Schweden von Ihrer seiten zu Ihren Mediatoren zwischen Pholen vndt Ihnen freundt nachbahrlich dar zu zuersuchen..... So wolten sie untereinander eine solche gleichheit machen vndt alles wass schädtlich wehre, mit vns endern vndt verbessern, dass man keines feihles sich solte zu beschwehren haben vndt solte ich dessen gantz versichert sein...

[2]) Объ этомъ говорится еще въ письмѣ Эберш. отъ 19-го іюня: „dass er—король II.—woll gesonnen werde vmb eine von des Zaren Princessen anzuhalten"... „Der Zar soll gantz nicht da zu geneigt sein".

[3]) ... „dass er sehr malkontent vndt gesagt, dass wen er lange mit dieser nation solte umbgehen, so würde er desperat werden".

аккордъ" всѣхъ ихъ; на конгрессѣ всего легче добиться удовлетворенія желаній всѣхъ трехъ націй.

1667 годъ приближался къ концу. Большинство дипломатовъ держалось того мнѣнія, что Польша никогда не приметъ предложенія Москвы о вѣчномъ мирѣ. M-sieur de la Vallée, находившійся въ свитѣ польскаго посольства, замѣтилъ, что среди самихъ поляковъ громадное разногласіе на этотъ счетъ. Посредничество шведовъ было также къ концу декабря рѣшительно отклонено поляками.

Несмотря на это Нащокинъ настаивалъ на съѣздѣ представителей трехъ державъ. Эбершельдъ недоумѣвалъ относительно цѣли такого съѣзда послѣ того, какъ поляки отвергли шведское посредничество. Не кроется ли въ этомъ какого нибудь коварства со стороны Нащокина, спрашиваетъ онъ; не желаетъ ли онъ этимъ только отсрочить отвѣтъ на представленія и требованія шведскаго правительства?

Въ началѣ 1668 года царь отправилъ шведскому королю письмо, копію съ котораго Нащокинъ прочелъ резиденту. Царь просилъ короля прислать уполномоченныхъ въ Ригу для разсмотрѣнія взаимныхъ недоразумѣній [1]) и искалъ его посредничества для примиренія съ Польшей.

Въ іюнѣ Нащокинъ и самъ отправился въ Курляндію. Царь далъ ему въ путь образъ Богородицы. Враги Нащокина—Долгорукіе—обрадовались его отъѣзду [2]). По мнѣнію Эбершельда на съѣздѣ трехъ державъ въ Курляндіи съ шведской стороны слѣдовало выдвинуть прежде всего торговые вопросы, затѣмъ вопросъ о плѣнныхъ и границахъ, съ тѣмъ чтобы все осталось при кардисскомъ и плюсскомъ соглашеніяхъ. О торговлѣ же необходимо заговорить въ виду интригъ противъ Швеціи стараго Марселія, который въ глазахъ Нащокина пользуется большимъ довѣріемъ. Всѣ стѣснительныя мѣры, изданныя Нащокинымъ по отношенію къ шведскимъ подданнымъ, несомнѣнно были навѣяны ему старымъ датчаниномъ. Марселій, между прочимъ, предостерегалъ Нащокина отъ слишкомъ большаго довѣрія къ шведамъ; расширять ихъ привилегіи во вредъ другимъ иностранцамъ—это зна-

---

[1]) ... vndt weilen die drey Potentaten grosse grentzen mit einander hetten vndt auch die Unterthanen grossen handell vndt Wandell mit einander treiben... vndt die Unterthanen sich allerseits darüber beklagten.

[2]) ... Sonsten ist dem Naschokin hier bey nicht altzu wohl, hat auch viel feinde, die ihm nicht viel gutes gynnen, weilen er allein viehl auff sich nimt zuverrichten, vndt ist in grosser feindschafft mit Knes Jurgi Dolgaruka, welcher hier auch gross ist.

чить склонить послѣднихъ отдаваться подъ шведское подданство. Оба они—и Нащокинъ и Марселій—heimliche Feinden der Schweden. Нащокинъ везъ съ собою для подарковъ и гратификацій 40.000 рублей! [1])

Резидентъ, воспользовавшись отъѣздомъ Нащокина, отправилъ въ посольскій приказъ подробное донесеніе о торговыхъ стѣсненіяхъ, какимъ подвергаются шведы, о плѣнныхъ и о пограничныхъ спорахъ, въ надеждѣ, что теперь легче получить удовлетвореніе по всѣмъ этимъ пунктамъ; но его даже не удостоили отвѣта: направленіе Нащокина продолжало господствовать. Большимъ ущербомъ для шведовъ и другихъ иностранцевъ было и постановленіе, сдѣланное по предложенію Марселія относительно почтовыхъ сообщеній. Помимо установленной почты запрещено было пересылаться письмами чрезъ частныхъ лицъ; въ Псковѣ и Новгородѣ за этимъ очень строго слѣдили; „неслыханное дѣло", восклицаетъ нашъ резидентъ, „чтобы нельзя было отправлять писемъ съ кѣмъ и когда пожелаешь"! [2]) Жалобы слышались и отъ другихъ иностранцевъ: письма ихъ вскрывались, прочитывались, иногда и конфисковались.

Нащокинъ очень часто писалъ въ Москву съ дороги въ Ригу; во всѣхъ его письмахъ были жалобы по адресу шведовъ: то они задерживали безъ видимой причины русскихъ при переѣздѣ границъ, то отказывали въ нужномъ количествѣ подводъ; на границахъ расположены вооруженные отряды и т. д. Ceterum censeo Нащокина было—внима-

---

[1]) ... dass wegen der grossen verenderung in den Commercien vndt vohrenthaltung der gefangenen auch justirung der grentzen mit ernst möchte gesprochen werden, damit ess bey dem Kardischen Schluss vndt Plüsischen Abschiedt verbleiben möge. Weilen der K. in Dennemarcken auch seine gesandten nach den Pohlnischen tractaten nach Churlandt wirt senden, so practiciret der alte Marselius dass er vom König darzu als Gesandten oder als Adjuncten möge beordret vndt gebrauchet werden, er ist gross ursach dazu, dass die Commercien so verendert vndt beschwehret seint worden, den mehrentheilss alles was Naschokin nuhr begunnen ist durch dessen eingebet gescheen...

[2]) ... weilen Marselius, nach dem er das Postwesen eingerichtet zu wege gebracht, dass ausserhalb seines Postes, man mit keinem sich solte vnterstehen einige briefe vohrtzusenden; auch desswegen so woll in Pleskou als Nowgorodt scharffe auffsicht auch auff den wegen, an vnterschiedtlichen öhrtern scharffe wache vndt visitationes gehalten werden; welches an keinem Ohrt erhöret, dass man ausserhalb der ordinaire Posten seine Brieffe mit gute gelegenheit oder mit Expressen nicht solte frey haben vohrtzusenden, welches manchem Kauffman in seiner handlung grosse schaden vndt verhindernüss würde geben.

тельно слѣдить за шведами и категорически настоять на удаленіи изъ Москвы резидента, въ которомъ нѣтъ рѣшительно никакой надобности.

Въ сентябрѣ обнаружились и реальныя послѣдствія „настаиваній" Нащокина. Эбершельда позвали въ приказъ и тутъ заявили ему отъ имени царя, что, такъ какъ въ вѣчномъ мирѣ Россіи съ Швеціей о резидентахъ не упоминается, не имѣется надобности въ таковомъ и теперь. Эбершельду разрѣшается, поэтому, вернуться въ Швецію. Резидентъ отвѣтилъ, что не можетъ покинуть своего поста раньше, чѣмъ не получитъ отъ своего государя какого нибудь приказанія. Русскимъ, сказалъ онъ, слѣдовало предварительно извѣстить о своемъ рѣшеніи короля. То, что Эбершельду преподнесли въ приказѣ, было для него тѣмъ большимъ сюрпризомъ, что еще въ мартѣ сами же русскіе писали Карлу, что признаютъ Эбершельда его резидентомъ въ Москвѣ. Какъ же быть, заявилъ онъ царскимъ совѣтникамъ: съ одной стороны просьба къ королю взять на себя посредничество въ дѣлѣ вашего царя съ Польшей, съ другой безпричинное удаленіе его резидента, котораго присутствіе именно теперь, въ виду новыхъ дипломатическихъ осложненій, представляется всего необходимѣе. Короля это рѣшеніе ваше сильно поразитъ. Удаленіе резидента равносильно разрыву дипломатическихъ сношеній [1]). Эбершельду возражали, что отвѣтъ на всѣ его заявленія дадутъ по прибытіи въ Москву шведскаго envoyé, котораго теперь поджидаютъ; миссія этого посланца была, однако, совершенно неизвѣстна Эбершельду, почему онъ и заявилъ, что раньше чѣмъ не получитъ отъ своего государя приказанія оставить свой постъ резидента, не покинетъ Москвы. При этомъ онъ просилъ дать отвѣтъ на тѣ запросы, о которыхъ трактуется въ привезенной имъ на имя царя королевской грамотѣ. Дохтуровъ, ведшій всѣ переговоры съ резидентомъ, обѣщалъ донести царю о его заявленіи.

---

[1]) Ja, sagte ich, wie soll den dass nuhn verstanden werden, weilen Ihr mich von hier haben wollet, dahr jtzt die tractaten in Churlandt sollen vohr sich gehn, vndt Ihre K. M. grosse gesandten als Mediatores mit darbey sein werden, vndt nuhn billig ein Resident am nöhtigsten hier wehre, so will man ihn weg haben! Dieses würden Ihr K. M. gahr frembd auffnehmen vndt sich wunderliche gedanken machen, den bey allen Potentaten, da Residenten am hoff wehren, da wehre gutt verstandtnüs vndt freundtschafft zwischen Ihnen aber so baldt sie vom hofe weg gesandt oder abgefordert werden, so muss die Freundschafft nicht so richtig sein.

Въ концѣ 1668 года до Эбершельда дошли слухи объ интригахъ польскаго правительства противъ Швеціи. Польскій король будто бы склонялъ царя порвать съ Швеціей, на что послѣдній отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, указавъ на то, что къ разрыву съ Швеціей нѣтъ никакихъ основаній [1]). Эти свѣдѣнія о Польшѣ любопытно сопоставить съ тѣмъ, что писалъ о польско-шведскихъ отношеніяхъ Нащокинъ. Изъ его писемъ видно, что Швеція рѣшительно отвергла проектъ родственнаго сближенія Польши съ Москвою, которое бы открыло послѣдней путь къ польской коронѣ.

28-го декабря въ Москву прибылъ шведскій envoyé Кронманъ. Сначала на совѣщанія его съ царскими совѣтниками не желали допустить Эбершельда и только послѣ энергическихъ протестовъ Кронмана резидента пустили въ приказъ. До февраля тянулись переговоры, но вмѣсто отвѣта на заявленія резидента и Кронмана царскіе совѣтники указывали на стѣсненія, перетерпѣваемыя русскими отъ шведовъ [2]). Въ отвѣтѣ царя не заключалось ничего опредѣленнаго ни относительно торговыхъ привилегій, ни объ обмѣнѣ плѣнныхъ или пограничныхъ измѣненіяхъ. Выражено лишь рѣшеніе царя болѣе не имѣть шведскаго резидента при московскомъ дворѣ.

Во время переговоровъ съ Кронманомъ въ Москву прибылъ съ рекомендательными письмами отъ датскаго короля докторъ медицины— Іоаннъ Адерссенъ, котораго шведскій резидентъ въ началѣ принялъ за дипломатическаго агента, но всякіе страхи скоро разсѣялись у мнительнаго шведа, о чемъ онъ самъ поспѣшилъ заявить въ своемъ донесеніи въ Стокгольмъ [3]).

---

[1]) er (Zar) hette keine uhrsach mit schweden einen kriegh anzufangen vndt merckte er woll das Polen solches zu ihrer vorteil suchten, vmb desto besser conditiones künftig bey schliessung dess ewigen friedens mit Moskow zu erhalten.

[2]) ... sondern vermeinen in allen recht zu haben vndt Ihre eigene beschwer fast grösser als wir die vnsere machen; vndt sich zu keinen dingen bis dato (2-го февраля) haben verstehn wollen, mit vohrwenden dass sie woll vermeint hetten, dass Ihr K. M. Ihre grosse gesanten hetten nach Churlandt abgesant, aber solches wehre durch des Residenten Eberschildts schreiben an Ihr K. M. verhindert worden. 11-го февраля brachten sie (русскіе) auff vnsere eingelegte schrifft antwort, wohrin aber *gants nichts* geantwortet wirt, dass etwass auff vnser eingabe gedienet hette.

[3]) Es ist ein dänischer Doctor Medicinae Iohan Aderssen gesandt mit Recommendation schreiben von dem K. zu Dänemarken an dem Zaaren, welcher, wie ich vernehme, nicht auff Liefflandt zu, sondern durch Churlandt auch mit Re-

Съ отъѣздомъ резидента Эбершельда изъ Москвы отношенія Россіи къ Швеціи оставались вполнѣ мирными. Въ Москвѣ нашелся даже среди царскихъ сановниковъ человѣкъ, съ большою симпатіей относившійся къ Швеціи и желавшій тѣснѣйшаго сближенія съ ней Россіи—это былъ Артамонъ Матвѣевъ [1]). И самъ царь, по словамъ шведовъ, оставался при твердомъ намѣреніи заключить съ шведами тѣсный альянсъ и сосѣдственную дружбу [2]).

Въ началѣ 1673 года въ Москву ожидалось великое шведское посольство; объ этомъ извѣстилъ царскихъ сановниковъ извѣстный намъ уже Эбершельдъ, явившійся въ Москву теперь въ качествѣ чрезвычайнаго посла. Записка, которую онъ подалъ въ приказъ, заключала въ себѣ 12 §§; они отмѣчены 4-мъ февраля 1673 г. Изъ нихъ всего любопытнѣе 3-й, въ которомъ указывается на громадную выгоду, которую Россія могла бы извлечь изъ торговли съ западомъ, какъ скоро стапель былъ бы перенесенъ изъ Бѣлаго моря въ Балтійское—dass die Archanglische fahrt auf die Ostersee deriviert werden möchte. Вмѣсто одной поѣздки въ Архангельскъ иностранцы успѣвали бы совершать три поѣздки въ одну изъ балтійскихъ гаваней. Далѣе въ § 3 говорится: въ тѣсномъ союзѣ съ Швеціей Россія нашла бы обезпеченіе какъ во внѣшнихъ политическихъ осложненіяхъ, такъ и на случай какихъ-нибудь внутреннихъ смутъ. Это подтверждается ссылками на царствованіе Михаила Θеодоровича [3]).

---

commendation von H. Naschokin vohr wehniger zeit alhier angekommen. Welcher sehr wohl auffgenommen vndt stattlich beschencket worden, vmb ju Ihr Z. M. diensten zu verbleiben... dass er was geheimes muss mitgebracht haben, vndt weilen er der schwedischen Lender vorbey gereist, so muss es was gegen Schweden sein.

[1]) Ср. слѣдующія заявленія о немъ Эбершельда, когда онъ вторично прибылъ въ Москву уже съ титуломъ extraordinaire envoyé: Artemon M. skall wara mycket benägen till at bringa sin nation i ett godt förstånd med Sverige... Effter alt apparence är bemelte Artemon emot oss uthländere mycket benägen och befoderligh.

[2]) ... das der Zahr annoch fest intentioniret mit Eur. K. M. mittelst adjustirung derer abhandenen Zwisten zum praefixum scopum zu collimiren eine estroite alliance zu schliessen vndt also eine sichere nachbahrliche Freundschafft zu befestigen.

[3]) ... würden Ihr Z. M. missgunstigen nachbahren sich besser in ihren grentzen halten, auch würden Ihr Z. M. im fal einige derro eigenen unterthanen sich empören vndt wie vor diesen geschehen einige rebellion erwecken würden, dieselbe desto besser zwingen vndt im zaum halten, wan sie an Schweden seie in fester sicherheit stehet vndt würden dieselbe vmb desto weniger sich unterstehen

Царь выразилъ свое полное удовольствіе по поводу упомянутаго прибытія великихъ пословъ и заявилъ о своемъ искреннемъ желаніи подтвердить дружбу съ Швеціей новымъ альянсомъ и союзомъ.

Во главѣ шведскаго посольства, отправленнаго въ 1673 году въ Москву, стояли Оксенштерна, Тизенгаузенъ и Будбергъ. Инструкція, данная имъ королемъ, отмѣчена 28-го іюня 1673 года. Первые 10 §§ касаются разныхъ церемоніальныхъ деталей при пріемѣ у царя и его совѣтниковъ. „Послы должны быть особенно внимательны ко всему, что касается чести и величія шведской короны" [1]).

Въ 11 § указана и главная цѣль посольства—тѣснѣйшій альянсъ и договоръ съ Московскимъ царемъ, что̀ дастъ возможность уничтожить всѣ тѣ несогласія и недоразумѣнія, какія существовали между обоими сосѣдними народами. Такъ какъ неисполненіе и нарушеніе трактатовъ дѣлалось со стороны царскихъ подданныхъ, король ищетъ за причиненный его государству ущербъ удовлетворенія. Послы должны очень внимательно присмотрѣться къ положенію дѣлъ въ Россіи и въ переговорахъ съ царскими совѣтниками указать на всѣ нарушенія русскими Кардисскаго трактата [2]).

Въ 12 § указанъ и поводъ, вызвавшій новое посольство: царскій полковникъ Никласъ-фонъ-Стаде, прибывшій въ 1672 году изъ Москвы

---

wieder Ihr Z. M. etwas wiederliches zu tentiren wan sie wissen dass Ihr Z. M. auff der seite mit Schweden fest und sicher sitzet, wodurch dan viel bluetvergiessung vndt verherung der lender vorgekommen vndt verhütet werden würde.

[1]) Напримѣръ, § 2, гдѣ говорится: Wed deres acceptioner och allehanda tillfellen, så uti skrifwande som uti tahl och andra ceremonier läta dhe sigh angelegit wara, att taga uti act alt dhet, som lender till H. K. M. högheet och respect, effter dhet bruuk och maneer, som medh dhen nationen wanliget åhr till att agera.

[2]) § 11. Och efftersom H. K. M. utaf den anledning, som Tzarens Ministrer Artemon Sergewitz igenom öfwersten Niclas von Stade der tillgifwit hafwer, är sinnat igenom gesanterne att handla med Tzaren om een nermare Alliance och förbundh och sådant till den ända på det att H. K. M. måtte kunna wed närwarande sakernes coniuncturer i Ryssland igenom detta medlet bringa alle dee irringar och missförståndh som her till emellan begge Potentaterne warit hafwer till een säkrare och bettre richtighet, såsom och erhålla een billig satisfaction och nöye, för den stora tort och skada, som H. K. M. och des undersåtare hafwer derigenom måst lyda, att man på Tzarens syda icke hafwer fullgiort och effterkommit pacta: Dÿ befinner H. K. M. nödigt wara, att dee först måge blifwa rätt informerade så wähl om tillfellet och orsaken till detta wercket, som och om sjelfwe statu quaestionis, som emellan H. K. M. och Tzaren, alt sedan det Kardiske fredslutet hafwer warit och ännu är stridigh.

въ Ригу, передалъ по порученію царя, какъ самъ онъ утверждалъ, генералъ-губернатору графу Класу Тотту грамоту—въ формѣ царской декларацін по вопросу о проектировавшемся альянсѣ между обоими государствами; Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ велѣлъ Стаде сказать, что самый проектъ онъ, Стаде, еще раньше получилъ изъ рукъ графа Тотта и другихъ королевскихъ министровъ. Въ своей деклараціи царь высказываетъ готовность дать шведамъ требуемую ими сатисфакцію, какъ скоро король пришлетъ въ Москву какого-нибудь полномочнаго министра. Стаде говорилъ затѣмъ, что причина всѣхъ недоразумѣній и несогласій между Швеціей и Россіей—въ Нащокинѣ, врагѣ Швеціи, который все, касавшееся этого государства, представлялъ царю въ искаженномъ видѣ; замѣнившій теперь Нащокина въ посольскомъ приказѣ Артамонъ Сергѣевичъ, напротивъ того, очень расположенъ къ Швеціи [1]).

---

[1]) Tillfället och orsaken, som hafwer bracht H. K. M. till sådane tanckar, är denne att een Tzarens Öfwerste Niclas von Stade med nampn, warandes förledet åhr ifrån Moscow till Riga ankommen, hafwer der sammastedes effter Tzarens befallning, som han då berättade, öfwer lefwererat till general Gouverneuren Grefwe Clas Tott een skrifft som war uti form af Tzarens förklaring öfwer een proiecterat alliance emellan begge Potentaterne, hwilcket proiect han von Staden skall effter Artemon Sergewitz ordre, hafwa föregifwit sig utaf Ryks feltherren grefwe Tott, sampt andra hans K. M. generals personer hafwa, då han åhret tillförende, uti een Tzarens förrättning reste igenom Riga, warit ombeden på H. K. M. wegnar för Tzaren att proponera, effter som det med mehra är till att see och förnimma af Grefwe Totts bref derom till H. K. M., och emedan Tzaren uti ofwanbemelte sin förklaring på dhet giorde proiectet hafwer uthlåtit sig wela gifwa hans K. M. uti des rättmätige praetensioner ett billigt och skäligt nöye, der H. K. M. någon fullmächtig till den ändan åth Muscow affärda wille, och Öfwersten von Stade der hoos berättat, att orsaken till dee här till dags emellan H. K. M. och Tzaren warande strijdigheter härflyta af Nassokius owillia och wydrigheet emot Cronan Swerie, som alldrig hafwer welat informera Tzaren om Sweries rättmätige skähl, utan alt wrångeligen och till dhet wärsta udhtyder, dheremot Artemon Sergewitz, som nu är förordnat uti Nassokins stelle öfwer Posolski Pricasset, skall wara Swerie mycket wähl affectionerat, och sökia till att förskaffa H. K. M. een billig satisfaction, på det han förmedelst uprättandet af een säker wenskap och förtrolighet emellan begge Potentaterne måtte kunna wijsa dhet Nassokins maxime hafwer warit utan grund och derigenom så mycket mehra estabiliera och fästa sin credit hoos Tzaren. Hwarföre alldenstundh H. K. M. jcke fulkommeligen kunde sättia troo till denne von Stades anbringande, utan fast mehra praesumerade sådant wara een jllfundigheet utaf Ryssarne till att förleda H. K. M. uti den intention, att emedan Tzaren förmedelst den igenom Stenka Raisin yppade och då tillwuxne rebellion, jcke lytet uti sitt Ryke hade till att befahra, hau fördenskull wähl wetandes sig utaf Cronan Swerie för begågne fredsbrott jcke

Въ дальнѣйшихъ §§ инструкціи трактовалось о плѣнныхъ, о торговыхъ привилегіяхъ, границахъ и о денежномъ вознагражденіи. Въ § 15 выдвигалась великая польза для Россіи отъ союза съ Швеціей въ особенности въ виду угрожающаго положенія Турціи. „Король никогда не захочетъ воспользоваться какими бы то ни было коньюнктурами во вредъ царю". Въ § 16 посламъ предписывается уклоняться отъ всякихъ споровъ о томъ, кому принадлежала инціатива алліанса. Всего лучше въ алліансѣ усмотрѣть волю Всевышняго на великую пользу обоихъ государствъ и всего христіанскаго міра въ эти столь

---

något godt hafwa förskylt sökte härigenom icke allenast till att winna tyden och uppehålle H. K. M. med fåfäng förhoppning, utan och under skeen af godh correspondence och förtroligheet med Cronan Swerie och der ifrån förwäntande secours, dempa rebellernes mood och hålla sine undersåtares Gemüter uprätt, som elliest med des Regemente icke warandes tillfreds, der dhe sigh ifrån denne sydan och så något skulle hafwa till att befahra, skulle utan twyfwell redigeras till disperata consilia. Dy befan H. K. M. godt och rådeliget wara, att affärda Adolph Ebersköld till Muscow, och honom committera, att efftersom ofwanb-te Öffwerstte von Stade icke ware med något serdeles Creditiv utaf Tzaren authoriserat, ehuru wäl hans K. M. hans anbringande uti behörlig consideration hade tagit, han fördenskull kunde förnimma Tzarens egen förklaring der öfwer, med försäkran, att så frampt Tzaren behagade skicka een Express hyt till H. K. M. och sökia att antingen Tzarens Gesandter kunne komma hyt till Stockholm eller och till mötes medh H. K. M. Gesandter på grentzer, att bringa alt sådant till richtigheet, wille H. K. M. låta finna sig benägen att träda med Tzaren uti een närmare wenskap och förbundh sedan H. K. M. uti sine rättmätige praetensioner ett nöje effter pacterne wore skedt och wederfarit. Och endoch Tzaren uti sitt swar här på till H. K. M. med Adolph Ebersköld tilbaka och Tzarens Ministrer uti des förklaring öfwer bemelte Eberskölds ingifne Memorial icke wela tillstå, att ett sådant proiect först kommo ifrån dem, som synes utaf Lit: F. och ofwan be-te lit. B. lykwähl emedan H. K. M. jempnförandes dee discourser, som Öfwersten von Stade medh Grefwe Tott fört hafwer, som utaf ofwanb-te Lit. F. är till att förnimma sampt det brefwet som bemelte Öfwerstte till Eberskiöld scrifwit hafwer med det swar, som Eberskiöld hafwer med sig tilbaka bracht nogsampt der af kan skönia, att Artemon S. hafwer welat bruka ett sådant expedient, lyka som det hade warit utaf H. K. M. föreslagit, till att kunna bringa det wärket på bahna och der med på den ena sydan betaga Tzaren dhe tanckar som Nassokin honom gifwit hafwer om Sweries owillia emot Ryssland och på den andra sydan jcke läta Swerie märckia dhet Storfursten sådant först requirerade, på dhet H. K. M. icke skulle tänckia, att kunna derigenom winna någon fördehl uti conditionerne, utan Öfwerste Stade skulle taga skulden på sigh, och föregifwa att han utaf eget bewog—för begge Rykernes bästa skull hade det samma på H. K. M. wegnar för Tzaren proponerat, lyka som han, utaf H. K. M. ofwanbemelte Ministrer der om hade warit ansökt. Så att H. K. M. utaf allt detta så wähl som utaf Artemon S. sedermera till grefwe Tott igenom Öffwer-

тяжелыя времена [1]). Но алліансъ можетъ быть заключенъ не раньше, чѣмъ выяснены будутъ всѣ спорные пункты и недоразумѣнія (§ 17) [2]). §§ 18 и 19 говорятъ о плѣнныхъ; за невыданныхъ—послы должны требовать сатисфакціи. Всего обстоятельнѣе въ § 20 говорится о торговыхъ сношеніяхъ. Послы должны были въ этомъ дѣлѣ исходить изъ § 5 Тявзинскаго договора, 14—Столбовскаго, 10—Кардискаго и 4—Плюсскаго договоровъ. Фундаментомъ торговаго соглашенія должны служить слѣдующія пять положеній [3]): 1) свободная торговля по всѣмъ землямъ царя, во всякое время года, на сушѣ и на водѣ; 2) торговля со всѣми подданными царя и со всякаго рода товарами; 3) и 4) торговыя пошлины должны быть одинаковы для шведовъ и для русскихъ; 5) товары уплачиваются ходячею монетою—med curant mynt.

Тотчасъ послѣ Кардисскаго мира, поясняется далѣе въ § 20, начались со стороны русскихъ нарушенія этихъ основныхъ положеній. Исключены были нѣкоторые товары—какъ поташъ, сало, юфть, ленъ и конопля: ими не должны были торговать шведы. Затѣмъ шведамъ разрѣшалось торговать только во время ярмарокъ и съ жителями только тѣхъ городовъ, гдѣ они находились и только en gros, а не en minute, введена новая транзитная пошлина, платить заставляютъ риксдалерами и дукатами. Результатомъ всѣхъ этихъ противодоговорныхъ нововведеній явился значительный ущербъ торговымъ людямъ, за что послы и должны потребовать сатисфакціи сначала въ количествѣ 600 тысячъ рублей, а затѣмъ спустить эту сумму можно было до 200 тысячъ, но на этомъ стоять, какъ на ultimatum'ѣ. Любопытно,

---

sten von St de jukomne bref, om samma åhrende icke annat sluta kan, än att Tzaren der medh skall hafwa ett alfwar; Dy hafwer H. K. M. detta tillfälle icke welat utslå, utan entelig för godt befunnit sine gesandter åth Muscow till dhen ändan att afferda på dhet H. K. M. utaf twenne ting ettera må kunna winna, nembl. antingen förmedelst een nermare wänskaps och förbunds uprättande kunna förmodeligen så mycket bettre erhålla någon satisfaction uti des skälige desiderier till pacternes fullbordan, uti dhe återstående strydigheter och således sättia sig och Ryke uti större trygg och säkerheet, eller och uti wydriget fall komma alldeles der med utur drömmen, att kunna derigenom erfara det yttersta som hoos den nationen står till att wenta, på dhet H. K. M. sedan der effter må kunna så mycket *bettre taga* sine mesurer.

[1]) Dy wele dhe sådant heller upptaga såsom ett wärck, det gudh synnerligen på detta sättet hafwer welat skicka uti desse fahrlige tyder till begge Potentaters och hela christenhetens gagn och bästa.

[2]) ... ingen alliance eller förbund emellan begge Potentaterne kan uprättas förr än all missförståndh och irring är utaf wägen rögd.

[3]) Desse efterfölliande fem momenta till ett fundament.

что въ секретной инструкціи, данной посламъ, разрѣшается этотъ пунктъ о сатисфакціи и вовсе оставить. Да и въ самой инструкціи, въ послѣдующихъ ея §§, какъ напримѣръ 35, предписывается въ дѣлѣ о сатисфакціи дѣйствовать съ большою осторожностью. Послѣдніе §§ инструкціи, съ 37 по 43, снова посвящены торговымъ вопросамъ. Посламъ и здѣсь предписывается настоять на томъ, чтобы торговля шведовъ была допущена по всему Московскому государству и не только съ русскими, но и съ иностранцами. Отмѣчены были слѣдующіе города: Гдовъ, Псковъ, Новгородъ, Тихвинъ, Владиміръ, Вологда, Ярославль, Переяславль, Вязьма, Москва, Нижній, Казань, Астрахань и Терская земля, затѣмъ свободная торговля по Волгѣ, Двинѣ и Западной Двинѣ. Русскимъ разрѣшается торговать въ Швеціи, Эстляндіи, Ливоніи и Ингерманландіи, во всѣхъ городахъ безразлично, и со шведами, и съ иностранцами. § 39: за разрѣшеніе шведамъ ѣздить въ Персію русскимъ будетъ разрѣшено чрезъ шведскія владѣнія отправляться въ западно-европейскія государства. Въ § 40 посламъ предписывается указать русскимъ, что шведскому королю подвластны нѣкоторые города, сохранившіе свои особыя привилегіи, противъ которыхъ ему идти нельзя, поэтому и русскіе должны будутъ въ этихъ городахъ подчиняться мѣстнымъ обычаямъ и законамъ, такъ напримѣръ: торговля гостя съ гостемъ можетъ быть разрѣшена въ Ревелѣ, Нарвѣ и Нюспѣ; въ Ригѣ же она не разрѣшена; городъ пользуется извѣстными привилегіями и преимуществами передъ другими [1]). § 42: просьба уравнять шведовъ и русскихъ относительно таможенныхъ взысканій. § 43: если бы русскіе стали жаловаться на высокую пошлину, взимаемую за мѣдь въ Швеціи, отвѣтить, что мѣдь и мѣдная руда составляютъ регаліи ко-

[1]) . . . men effterson derunder lykwähl sticker een stoor åtskillnad hwilcket H. K. M. ochså her med intenderar till att winna i dhet att när H. K. M. undersåtare få niuta samma fryheet till att handla utj Ryslandh som Tzarens egne undersätare, hafwa dee mackt både uti gross och minut altyd och allestedes att handla gäst med gäst. Men der emot igen, fast om H. K. M. effterlåter Tzarens undersåter lyka fryhet med sine egne undersåtare her uti Ryket, så kunna dhe lykwähl med sådant wilkor dhet samma jntet åthniüta, emedan hwars och eens stads serskilte Privilegier hindra, att H. K. M. egne undersåtare uti den ena staden icke hafwa mackt uti den andra staden uthom Marcknads tyder att handla gäst med gäst, hwarcken uti gross eller uti minut; hwarföre är dhet nödigt att gesandterne detta wähl obserwera, och fördenskull undfly igenom några nermare particulariter uti denne materien, att öpna Rysserne wydare ögona så frampt dhe sielfwe dhet icke förmärcka eller något inkast deremot göra.

роля и король передалъ многимъ частнымъ лицамъ привилегію на торговлю мѣдью; взимаемая за мѣдь сумма—не столько пошлина, сколько законная доля, приходящаяся королю [1]).

Послѣдній § 50 предписываетъ посламъ слѣдить за тѣмъ, чтобы при составленіи текста алліанса не допущено было словъ и выраженій двусмысленныхъ и темныхъ—ambigua, aequivoca och obscura. Къ основной инструкціи король присоединилъ еще такъ называемую добавочную (By Memorial) и секретную. Главное содержаніе первой вертится около вопроса о перенесеніи стапеля изъ Бѣлаго моря въ Балтійское, о перенесеніи торговаго центра изъ Архангельска въ Ревель, Ригу или другой какой нибудь Балтійскій портъ. Такъ какъ, однако, трудно ожидать, чтобы русскіе безвозмездно сдѣлали это, послы во время переговоровъ должны вести дѣло такъ, будто бы у короля есть еще проектъ, прямо уже выгодный для русскихъ, но онъ можетъ быть исполненъ только послѣ того, какъ король заручится согласіемъ Московскаго правительства на перенесеніе торговли съ Бѣлаго моря въ Балтійское. Послы должны были затѣмъ указать, что съ этимъ перенесеніемъ вовсе не связывается только выгода для однихъ шведовъ, но и для русскихъ. Многіе иностранцы, напримѣръ, прямо воздерживаются отъ торговыхъ поѣздокъ въ Архангельскъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго разстоянія его отъ всѣхъ прочихъ рынковъ; да и русскимъ самимъ не легко доставлять туда свои товары. Далѣе—иностранцамъ нельзя расчитывать даже на одну поѣздку въ годъ въ Архангельскъ, тогда какъ въ Балтійскія гавани они могли бы пріѣзжать гораздо чаще. Русскимъ много легче доставлять свои и иноземные товары въ Балтійскіе города, чѣмъ въ отдаленную Бѣломорскую гавань. Если бы русскіе указали на опасность пріѣзжать во время войны въ шведскія гавани или выразили опасеніе произвольныхъ повышеній пошлинъ и тарифовъ со стороны Швеціи, послы должны отвѣтить, что король готовъ обѣщать, что никогда съ его стороны пошлины не превысятъ уже установленной таксы, гарантію возьмутъ на себя Англія, Франція и Голландія. Наконецъ царь можетъ и не закрывать Архангельской гавани, а продолжать пользоваться ею, но на ряду съ этимъ для самихъ русскихъ въ высшей

[1]) . . . att koppar grufwan är ett hans K. M. Regale, och emedan H. K. M. densamma till åtskilliga sine undersåtare på wisse wilkor hafwer lätit förpackta, kan det som för kopparen gifwes, när han uthskeppat blifwer, icke så mycket kallas een tull, såsom een recognition, som H. K. M. deraf för sin rätt tillkommer.

степени выгодно одновременное существованіе стапеля въ Балтійскихъ гаваняхъ [1]).

Посламъ разрѣшалось далѣе войдти въ сдѣлку—по возможности выгодную—съ русскими относительно доставленія имъ, на случай войны съ Турціей, муниціи, оружія или просто денегъ, но должны они это предложить частнымъ образомъ, не отъ имени короля. Всего же важнѣе добиться преобладающаго положенія Швеціи на русскихъ рынкахъ. Что торговые интересы всего болѣе преслѣдовались настоящимъ посольствомъ, видно изъ того, что съ послами отправленъ былъ и ассесоръ коллегіи торговли Іоаннъ Пёттеръ Лилліенгофъ, „чтобы давать посламъ нужные совѣты и самому, быть можетъ, заключить ка-

---

[1]) Effter såsom K. M. gerna skulle önska, att hela den Archangelske negocien kunna derifrån bliwa diverteradt till H. K. M. hambnar wed Östersiön och nogsampt kan skönia, att ehuru wähl dee conditioner uti Commercierne, som H. K. M., förmedelst denne tractaten lerer förmodeligen kunna erhålla, fuller mycket der till hielper, men lykwähl för hans K. M. Undersåtares ringa Capital skull, som icke förmå allena hela den handelen att bestryda, jntet kan göra der till fyllest, med mindre Rysserne utaf deras egen profit och nytta der till läckade, wele ochså sielfwe hereffter sökia den wägen; hwarföre alldenstundh hans K. M. nogsampt kan tänckia, att Rysserne swårligen lere något bewillia till dhet som dee kunna förmärckia serdeles lenda till H. K. M. och des Undersåtares nytta och upkomst. Dy hafwer Gesandterne sådant på detta sättet att mesnagera, att dhe sig under warande tractat sig der med betiäna, lykasom dhe hade något merckeligit uti reservo, hwor med H. K. M. will bewysa Tzaren een serdeles obligation, sedan alt är bracht till ett godt och lyckeligit sluth och ändskap, och när det skedt är, kunna dhe föregifwa sig wara utaf H. K. M. beordrade till ett prof af H. K. M. gode och wälmente intention emot Tzaren, att gifwa Tzaren ett sådant förslag wed handen, som skall kunna lenda till Tzarens och des undersåtares merckelige nytta och förkofring, nembl. att der Tzaren wille her efftor tilhålla sine undersåtare, som för detta hafwa sendt deras wahror till Archangell, att dhe sigh häreffter af H. K. M. hambnar wed Östersiön betiäna, så skulle handelen och Commercierne vti Ryssland mycket mehra tiltaga, hwar af Tzarens tullar och des Undersåtares näring till ett stort förmehras och förkofras skulle, efftersom 1) Archangell är een så wydt aflegen ohrt, att månge fremmande nationer derifrån afhålles, alle Ryske wahror ey heller beqwemligen kunna dyt föras eller wed swenske grentzen belegne Ryske Provincier dädan jfrån med alle fremmande wahror förses, hwarigenom deras handell mycket studsar och för dem een stoor winst förhindras. 2) Kunna icke heller den fremmande göra mehr än een resa dyt om åhret i stellet att man tree reesor igenom Östersiön göra kan och 3) Kunna ryssarne med mindre beswärlighet och omkostnad föra af och till H. K. M. platzer wed Östersiön både deras och fremmande wahror, än till och ifrån Archangell, med hwad mehra skäbl som gesanterne dertill allegera kunna.

кіе нибудь выгодные торговые контракты" [1]). Затѣмъ и самъ Карлъ XI по отъѣздѣ пословъ еще разъ 9-го декабря 1673 года пишетъ имъ, чтобы они своей миссіи придали исключительно коммерціальный характеръ. Онъ проситъ своихъ пословъ добиться отъ царя, чтобъ на случай войны между обоими государствами торговыя сношенія все-таки поддерживались, товары, деньги и люди не конфисковались, такъ какъ выгоды отъ торговли значительнѣе выгодъ отъ конфискаціи [2]). Такого нейтралитета для торговыхъ людей король добивается, главнымъ образомъ, имѣя въ виду иностранцевъ— англичанъ, ганзейцевъ, голландцевъ, которые, быть можетъ, откажутся вмѣсто Архангельска пріѣзжать въ Балтійскія гавани именно въ виду возможности столкновенія и войны между Швеціей, Россіей и Польшей. Въ этомъ письмѣ король, наконецъ, напоминаетъ еще посламъ, чтобы они постарались добиться для шведовъ права ѣздить въ Персію; подымаетъ онъ и вопросъ о резидентахъ. Въ post-scriptum'ѣ посламъ рекомендуется, въ виду смерти польскаго короля, внима-

---

[1]) Skulle Ryssarne deremot befara, att sedan den Arch. Handelen wore wänd hyt till Östersiön skulle den sedan stå under H. K. M. discretion densamma medh nya tullar att gravera, när H. K. M. så behagade, och elliest uti ofredige tyder wara underkastade all hinder och wederwärligheet; så kunna Gesanterne dem swara, att H. K. M. will sig der till obligera, det H. K. M. aldrig skall beswära dem med någre nya tuller, öfwer den taxa som nu är, och att Frankryke, Engeland och Holland skole derföre blifua garanter. Och sedan begerer jcke H. K. M. att den Archangelske farten skall alldeles blifwa afskaffat, utan den legenheet står ändå Tzaren altydh öpen, till att nyttia och bruka ner honom behagar.

[2]) Om Grefwe Gabriel Oxenstjerna kan och wed detta tillfälle låta ingå och sluta med Rysserne någon tractat om munition och gewähr emot penningar eller andre gode och courante wahror, effter det förslag, som han hafwer gifwit wed handen, derutaf H. K. M. skall kunna hafwa een serdeles och merckelig profit, så är H. K. M. dermed wähl tillfreds, att sådant skeer, doch under privatorum nampn, och skulle H. K. M. gerna önska, om dhet kunde skee att man derutinnan ginge något widare i så mätto, att flere privat köpmans handell der till concurrerade, på det man således wed desse tyder kunna göra een godh begynnelse till att draga dhe Rysske wahrorne till H. K. M. ohrter wed Östersiön, till hwilken ända H. K. M. hafwer i nådet anbefallet des Assessor uti General Commerce Collegio Jochum Pötter Lillienhof att föllia med Ambassaden, på dhet han må kunna gifwa Gesandterne dertill någre gode förslag wed handen, och derutinnan sielf sluta och ingå något contract, om der med så wyda kan komma. Måtte lykwäl på ingenthera sydhan hwarcken gods, penningar eller någon skuldfordran blifwa confisquerat, utan bägge sydhors undersåthare wara skyllige sådhant till rätta ägandhen att erläggia och bethala.

тельно присмотрѣться къ настроенію русскаго двора, наводить справки о его намѣреніяхъ и т. д. Это событіе можетъ дать совершенно неожиданное направленіе Московскому правительству и отразиться на его отношеніяхъ къ Швеціи.

Въ сентябрѣ 1673 года шведскіе послы прибыли въ Ревель[1]); 15-го ноября они выѣхали изъ Нарвы и 27-го были въ Новгородѣ. Движеніе пословъ къ Москвѣ значительно замедлялось самими русскими; шведы приписывали это смерти польскаго короля, вызвавшей безъ сомнѣнія въ Москвѣ не малыя тревоги. „Осторожность русскихъ приставовъ чрезвычайная", такъ—при встрѣчѣ на пути къ Москвѣ бранденбургскаго посла, они внимательно слѣдили за тѣмъ, чтобы шведы не завязали съ нимъ разговора. Судя по приготовленіямъ, какія дѣлались для пріема великихъ пословъ короля, шведы были убѣждены въ искреннемъ желаніи царя жить съ королемъ въ дружбѣ и довѣріи (leffwa medh E. K. M. uthi godh wänskap och förtrolligheet).

31-го декабря былъ въѣздъ шведскихъ пословъ въ Москву. 3-го января назначена ихъ первая аудіенція, но она не состоялась, такъ какъ послы отказались явиться на ней съ непокрытыми головами. По этому вопросу долго спорили. Русскіе давали шведамъ письменное удостовѣреніе, что и они, когда будутъ въ Стокгольмѣ, явятся на аудіенцію съ непокрытыми головами. Споры принимали все бóльшіе размѣры; къ шведамъ никого не пускали и самимъ имъ запрещено было выходить съ шведскаго двора. Пристава грозили имъ совершенно порвать съ ними и выслать обратно въ Швецію: говорили, что царь черезъ нарочнаго собирается принести королю жалобу на упорство пословъ. Впродолженіе восьми дней не могли придти ни къ какому соглашенію. Рѣшено было отправить нарочнаго къ королю за разрѣшеніемъ возникшаго затрудненія. До его возвращенія послы должны были жить на собственный счетъ.

Изъ этихъ предварительныхъ несогласій, вызванныхъ простою формальностью, шведы заключали о малой надеждѣ на удовлетвореніе требованія ихъ государя „in punctum commerciorum och den moderation uthi Tullen". Отъ нѣкоторыхъ русскихъ они узнали, что царь намѣревался добиться помощи короля въ предстоящей войнѣ своей съ Турціей.

15-го января послы въ подробномъ донесеніи извѣщали короля

[1]) Стокг. арх. Muscovitica. Legaterne Oxenstjernas, Tisenhausens, Budbergs bref till K. M. 1673—1674.

обо всѣхъ инцидентахъ, имѣвшихъ мѣсто со времени прибытія ихъ въ Москву, и просили его снабдить ихъ деньгами—такъ какъ они терпѣли большую нужду. Къ этому времени они получили и сами отъ короля новую инструкцію, въ которой король просилъ ихъ употребить всѣ силы, чтобы проникнуть въ намѣренія царя относительно Польши. Послы отвѣчали королю,что ничего не могли узнать, такъ какъ распоряженіемъ царя изолированы отъ всего міра; даже пристава, приходившіе къ нимъ время отъ времени, тенденціозно избѣгаютъ всякихъ политическихъ темъ. Едва ли, думаютъ послы, поляки согласятся на избраніе русскаго государя, кажется, они потеряли уже вѣру въ обѣщанія русскихъ и сильно недовольны (malcontent) послѣдними. Русскіе никогда бы не согласились за польскую корону отказаться отъ пріобрѣтеній Андрусовскаго перемирія. Считаться приходилось, стало быть, только съ кандидатурой Конде и герцоговъ Лотарингскаго и Нейбургскаго.

Пытались послы проникнуть въ воззрѣнія иностранныхъ купцовъ по вопросу о перенесеніи стапеля изъ Архангельска въ одну изъ Балтійскихъ гаваней [1]). Едва ли можно, пишутъ они королю, расчитывать на успѣхъ этого проекта. Во-первыхъ, иностранцы указываютъ на возможность разрыва мирныхъ отношеній между Швеціей и Россіей; тогда имъ уже будетъ очень рисковано пріѣзжать въ шведскія гавани. Затѣмъ сами русскіе такъ мало склонны вообще къ нововведеніямъ, такъ они подозрительны, что едва ли когда-нибудь безпристрастно отнесутся къ проекту короля. Послы попробуютъ прибѣгнуть „къ другимъ средствамъ" [2]), рекомендованнымъ королемъ, то-есть, по-просту къ подкупамъ, чтобы добиться для шведовъ права торговать во всѣхъ русскихъ городахъ, на морѣ и на сушѣ, и во всѣ времена года; въ особенности же они подчеркнутъ Казань, Астрахань и Терскую область. Быть можетъ обѣщаніе короля дать русскимъ свободный проѣздъ чрезъ свои нѣмецкія владѣнія сдѣлаетъ ихъ уступчивѣе.

Съ отъѣздомъ Эбершельда въ концѣ января положеніе шведскихъ пословъ стало еще хуже. „Къ намъ, пишутъ они, относятся со все возрастающею холодностью" [3]). А тутъ еще и разнаго рода нелѣпые

---

[1]) hvarigenom den Archangelsche farten kundhe deriveras på E. K. M. Städher och hambnar widh Östersioen.

[2]) att wy måtte igenom *andra medell* sökia att inducera Tz. M. ministrar, att the sådant för deres egen nytta skull sielffwe wele projectera.

[3]) att dee oss hwar dagh medh större och större kallsinnighet och hårdheet handtera.

слухи, распространяемые въ иностранныхъ avvisen и сильно безпокоющіе поляковъ, напримѣръ, слухъ о томъ, будто бы главною цѣлью шведскихъ пословъ является брачный союзъ короля съ одной изъ дочерей царя и т. д.

17-го февраля пристава, навѣщавшіе пословъ, предложили послѣднимъ до возвращенія express'а, отправленнаго въ Стокгольмъ, заняться разсмотрѣніемъ дѣлъ и жалобъ частныхъ лицъ (private besvär och fodringar i Ryssland), чтобы затѣмъ уже къ этимъ вопросамъ не возращаться. Послы согласились, но къ какимъ пришли они результатамъ по этимъ вопросамъ—мы не знаемъ. 19-го марта возвратился нарочный отъ короля — Эозандеръ. Спорный вопросъ рѣшенъ былъ такъ, какъ того желали русскіе; рѣшено было, чтобы впредь на всѣхъ аудіенціяхъ и шведскіе, и русскіе послы являлись съ непокрытою головой [1]). 30-го марта состоялась, наконецъ, аудіенція шведскихъ пословъ; 2-го апрѣля—конференція съ царскими совѣтниками. Угощеніе пословъ съ царскаго стола было роскошнымъ; послы лично благодарили за „Tractamenterne". Для переговоровъ съ послами назначены были князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, его сынъ Михаилъ, стольникъ Матвѣевъ и думный дьякъ Григорій Богдановъ съ товарищами. „Совѣтники, войдя въ залъ конференціи, объявили, что именно на нихъ палъ выборъ царя, протянули посламъ руки, пожелавъ счастливаго успѣха дѣлу". Первымъ вопросомъ конференціи былъ вопросъ о новомъ алліансѣ Россіи съ Швеціей. Послы стали очень пространно доказывать, какую громадную пользу и выгоду для Россіи представлялъ бы такой алліансъ. Онъ гарантировалъ бы Россіи полный миръ со всѣми ея сосѣдями. Шведскій король такъ цѣнитъ дружбу царя, что не воспользовался ни однимъ изъ представлявшихся случаевъ извлечь выгоды изъ тяжелыхъ внутреннихъ смутъ въ его государствѣ [2]). Король и теперь готовъ помочь царю противъ турокъ. Онъ желалъ бы, чтобъ въ основу новаго allianca легъ Кардисскій миръ, почему и необходимо отмѣнить въ немъ нѣкоторыя детали, дающія поводъ къ недоразумѣніямъ, какъ вопросы о плѣнныхъ, о торговыхъ сношеніяхъ и т. д. Долгорукій отвѣчалъ, что царь съ радостью заключитъ алліансъ съ королемъ, что уже самымъ пріемомъ его великихъ пословъ доказалъ, какъ онъ отличаетъ Шве-

---

[1]) По этому пустому вопросу мы имѣемъ цѣлую переписку.

[2]) Att H. K. M. sigh aldrigh hafwer af någon occasion till sin fördeel emooth H. Z. M. betiäna welat.

цію отъ другихъ державъ. Интересно знать лишь, на какихъ условіяхъ предполагалъ король заключить новый договоръ съ царемъ; вѣдь надо, замѣтилъ Матвѣевъ, чтобы онъ былъ одинаково выгоденъ для обѣихъ сторонъ и чтобы онъ не вызвалъ въ сосѣднихъ державахъ какаго-нибудь неудовольствія [1]).

Трактатъ, возражалъ одинъ изъ пословъ, не можетъ быть заключенъ ранѣе, чѣмъ исправлены будутъ всѣ нарушенія старыхъ договоровъ, раньше чѣмъ достигнуто будетъ по спорнымъ пунктамъ (плѣнные, торговля и т. д.) полнѣйшее соглашеніе [2]). Изъ письма короля, однако, видно, сказалъ Матвѣевъ, что первѣйшимъ дѣломъ пословъ долженъ быть новый алліансъ; онъ долженъ служить компасомъ для нихъ [3]). О старыхъ договорахъ и всемъ, въ нихъ не досказанномъ, теперь нечего толковать, слѣдуетъ прямо перейдти къ разсмотрѣнію условій новаго договора [4]).

Надолго завязался споръ между царскими совѣтниками и шведами. Послѣдніе хотѣли непремѣнно сначала выяснить всѣ вопросы о нарушеніяхъ старыхъ договоровъ, а русскіе прямо желали поднять вопросъ объ алліансѣ [5]). Сначала, сказали шведы, они — по инструкціи своего государи—должны добиться, чтобы старые договоры были возстановлены во всей ихъ силѣ, а затѣмъ уже на ихъ основаніи перейдти къ переговорамъ о новомъ союзѣ [6]).

---

[1]) „på hwad maneer och conditioner E. K. M. ärnade medh H. T. M. ett sådant förbundh sluta låta, hwilcket så måste wara beskaffat, att thet kan lända begge höge Potentater till nyta, och andre angräntzande Potentater som man står i wänskap medh till ingen Praejudice".

[2]) uthan een fullkomligh försohningh och remedieringh af dhet som emooth dhe förre afhandlingar kan wara föreluppit.

[3]) compass som wy skulle rätta oss effter.

[4]) Артамонъ: Den Helige skrifft seyer, hwar enigheet är, där är och kiärlek och wänskap, och när som wy om Alliancen först enige ähre, så lärer alt dhet andra och gifwa sigh.

[5]) Dhe Tzariske Commissarierne sökte sigh een hielp af dhe orden uthi E. K. M. Creditiv „effter sist oprättade ewigwarande fredsfördragh", williandes bemelte ordh såledės uthtyda, effter eller sedansom att dhet ewig wahrande fredsfördragh wore slutat, so wore nu detta om alliancen ett nytt wärk, som à part och först borde handlas om. Wy informerade dhem dheremoth om rätta förståndet aff detta ordet, effter wårt swänska språks egenskap, nemligen, att dhet betydde så myckit som, i krafft eller till föllie af Pacterne, så att ingen annan meeningh kunde eller borde dherutaf fattas.

[6]) Att pacterne måtte uthi dheras fullkomliga vigeur satta blifua; och när thet skeer, så är thet dhen rätta och fastaste grundewahlen till een närmare wänskap och förbindelse.

„А когда царь самъ желалъ для этой цѣли, то-есть, для исправленія старыхъ договоровъ съѣхаться съ представителями Швеціи въ одномъ изъ курляндскихъ городовъ, шведы же упорствовали и не пожелали прибыть въ назначенный для конгресса пунктъ".

„Теперь уже не мѣсто возращаться къ старому; надо перейдти къ условіямъ новаго договора, который чѣмъ скорѣе будетъ заключенъ— тѣмъ лучше, въ виду хотя бы угрозы со стороны турокъ". Вотъ возраженія Матвѣева и Долгорукаго; послѣдній, требуя скорѣйшаго рѣшенія вопроса, ссылался на свою старость и нездоровье, не дозволяющее ему долго сидѣть на конференціи [1]). Они просили еще шведовъ довести до общаго свѣдѣнія и другіе §§ своей инструкціи, чтобы разсмотрѣть ихъ всѣ въ совокупности.

Рѣшено было, что обѣ стороны къ слѣдующей конференціи приготовятъ свои проекты алліанса. Разставаясь, Матвѣевъ сказалъ, что по его мнѣнію алліансъ долженъ преслѣдовать слѣдующія цѣли: безопасность одного изъ потентатовъ со стороны другаго во время войны, взаимопомощь аммуниціей и людьми. Секретные же пункты не должны быть опубликованы [2]).

Новое письмо Карла XI къ Алексѣю Михайловичу, полученное во время пребыванія пословъ его въ Москвѣ, какъ нельзя лучше передавало все страстное желаніе короля тѣснѣйшимъ образомъ соединиться съ царемъ; новый алліансъ, писалъ король, лучшее средство укрѣпить наши прославленные на весь міръ скипетры и короны, которые, съ божьею помощью, на вѣки будутъ процвѣтать и крѣпнуть и будутъ страшными для враговъ двухъ соединенныхъ народовъ [3]).

Въ концѣ первой конференціи, когда русскіе комиссары „точно одумавшись" потребовали, чтобъ шведы первые представили свой проектъ на ихъ разсмотрѣніе, Матвѣевъ на прощаніе замѣтилъ: если мы снова станемъ перебирать всѣ спорные вопросы старыхъ договоровъ,

---

[1]) Han wore en gammal man, och fölle honom swårt at länge sittia och intet förrätta.

[2]) Artamon: denne Alliancen består först af 3 Puncter som är: 1) at dhen ene Potentaten uthi krigstyder intet har at befruchta sig för den andra. 2) Ammunition. 3) Succurs af folck. Sedhan wore andra secrete conditioner som intet plåga hwarriom och enom kundgiöras.

[3]) thet eendeste säkraste och fastaste medell är, hvarigenom begges Edhers höga M-ters öfwer heela werlden så widt berömda scheptrer och chronor, näst Guds alssmäktige erhollande, städse florera, stadfästas, ja och lyka som eterniseras kunna, såsom och emooth theras allgemeene Illwiliare altydh säkre och formidable giöras.

напримѣръ, о титулахъ, то попадемъ въ такую кашу, изъ которой не скоро выберемся [1]). Шведамъ нечего безпокоиться за содержаніе своего проекта, такъ какъ это вѣдь еще не окончательный аллiансъ [2]). Шведы обѣщались представить царскимъ совѣтникамъ свой проектъ, но съ условіемъ, чтобъ до его обсужденія, заняться все-таки исправленіемъ старыхъ погрѣшностей. Это требованіе шведовъ, по ихъ желанію, занесено было въ протоколъ.

Проектъ шведовъ состоялъ изъ восьми пунктовъ [3]). Между Швеціей и Россіей на вѣчныя времена заключается неразрывная и крѣпкая дружба и довѣріе; въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ они будутъ оказывать другъ другу расположеніе и почетъ, содѣйствуя взаимной пользѣ и охраняя другъ друга отъ всего гибельнаго [4]). Алліансъ и договоръ между двумя великими государями долженъ быть на столько прочнымъ, что бы ни одинъ изъ нихъ не полагалъ вѣры въ какія нибудь интриги или недоброжелательства, разсѣеваемыя ихъ врагами; какъ скоро одинъ изъ государей узнаетъ о такого рода слухахъ, онъ

---

[1]) Matwejeff sade, skole wy begynna medh dhe strydige saker, så blifwer dhet een sådan röra af och een sådan låås, som gudh weeth hwem kan uplösa. See, sade han i fredsfördraget står så skrifuit, laas så upp heela andra Puncten i dhet Cardiske fördraget om Tittlarne och winkade på hufwudet. Шведы: надѣемся, что съ нашей стороны никогда не было нарушенія титуловъ. Artemon: I hoppas dhet, men jagh säger, om jagh inthet wiste dhet ware skedt, och kunde bewijsat, så talade jagh inthet therom.

[2]) att såsom brukeligit är allestädes at Projecter intet biuda een till något för än sielfue saken är kommen till fulkombligit sluuth och vnderskrifft; altså kan dhet som på een eller annan sydha proiecteras, hwarcken hafwa någon krafft eller ländha någon dhere Potentaten till någon förkleenering. Om K. M. gesandter intet wele igenom dheres schrifft gifwa dheres Tanckar til at förstå, hwadh skole wy då berätta H. Tz. M. Elliest så bordhe dhem effter alt maneer i werlden gifwa först tilkänna huadh dhe hafwer till att fördraga. Wy wele strax därpå swara. Och begiärer at K. M. gesandter wele sig häruthinnan beqwähma och settia dheres andre mehning afsydhes.

[3]) Skall een ouplösligh och stadigwahrande wänskap och förtrooligheet härefter emellan begge höge Potentaterne till ewige tyder förblifwa, i så måtto, att dhe sigh inbördes medh all affection och heeder bemötha, hwar andras bästa i alla måtto befrämia, och hwad skadeligit är altydh sökia dhen eene ifrån dhen andre trooligen till att afwärja och undanböja.

[4]) när dhen eene Potentaten behöfwer att tillysta dhen andre om hjelp och assistence, måge dhe hwar andre therom säkert anmoda, och förmedelst een theröfwer föregången wänligh afhandlingh effter tydernes och lägenheternes beskaffenheet sigh therom foreena.

долженъ донести объ этомъ другому [1]). Если одному изъ государей придется вести войну съ какимъ нибудь недругомъ, онъ долженъ быть гарантированъ со стороны своего союзника въ сохраненіи полнаго мира [2]). Ни одинъ изъ союзниковъ не долженъ поддерживать враговъ другаго ни совѣтомъ, ни дѣломъ, ни тайно, ни явно, какимъ бы то ни было образомъ [3]). Если одинъ изъ государей будетъ нуждаться въ помощи и поддержкѣ, онъ долженъ извѣстить своего союзника и, поскольку позволятъ обстоятельства, согласиться по этому вопросу [4]). Въ случаѣ возникновенія какого нибудь недоразумѣнія между обоими государями, оно не должно ослабить заключенный договоръ о дружбѣ, а подлежать тотчасъ же разсмотрѣнію особыхъ на этотъ случай назначенныхъ коммисаровъ, которые соберутся въ одномъ изъ пограничныхъ городовъ и мирно рѣшатъ дѣло [5]). Для большей дружбы и взаимной пользы, процвѣтанія и роста подданныхъ обоихъ государей, должна быть установлена свободная торговля въ силу старыхъ договоровъ и новаго алліанса. Если бы—чего Боже сохрани — между Швеціей и

[1]) Och skall denne närmare alliance och forbundh emellan begge höge Potentaterne wara så fast och förtrooligh, att dhe ingen troo sättia skole till någon illwilliandes onda stämplingar, som sökia missförstãndh och oeenigheet dhem emellan att stiffta uthan när sådant skeer, skall dhen eene Potentaten wara skyldigh dhen andre sådant att communicera och tillkienna gifwa.

[2]) Såsom och om eendhera af dhe begge höge Potentater blifwer uthi krigh och öhrligh medh någon fiende engagerat, skall dhen eene Potentaten för dhen andre, så länge uthi ingen måtto sigh att befahra hafua.

[3]) Ey heller skall dhen eene Potentaten på något sätt hwarcken medh rådh eller giärningar, heemligen eller uppenbahrligen, byspringa och assistera dhen andres fiender på hwadh sätt dhet och hälst wara må, uthan fast mehra

[4]) Om något missförståndh thet man icke will förmoda skulle een eller annan tydh kunna mellan begge höge Potentaterne upwåxa, skall sådant uthi ingen måtto kunne förminska denne så fast och obrottsligen uprättade och stifftade wänskapen them emellan, minder något krigh therföre begynnas, uthan dhen Potentaten som finner sigh beswärat, gifwa dhen andre sådant uthi all wänligheet tillkänna, då Commissarier på begges sydor förordnas skola, som på grentzen tillsammankomma och sådant uthi bästa måtto byläggia och componera kunna.

[5]) Till mehra wänskaps förökelse emellan begge Potentaterne skall och till theras Rykens sampt Undersåthares inbördes nytta, flor och upkomst een fry och oturberat handell städse förblifwa aldeles effter dhe dheröfuer för detta uthi förre Pacta, så wäl som och uthi een särskildt affattade och giorde föreeningh beléfwat och afhandlat är. Så och att om någre irringar eller missförståndh framdeles begge Rykerne emellan, dhet dock Gudh nådeligen afwända wille, emooth all förmodan förefalla skulle, ingendhera sydas undersåthare ther före till dheras handell gods och egendoms något uppeholda eller mehr skole hafwa att befahra.

Россіей возникли какія нибудь политическія несогласія, торговля не должна изъ-за этого подвергаться какимъ либо стѣсненіямъ. Въ прежней силѣ остаются всѣ прежніе договоры между обоими государствами, подтвержденные трактатами въ Валлісари, Кардисѣ и Плюсѣ, „да сохранятся они на вѣчныя времена“ [1]).

Шведскій проектъ, составленный въ такихъ широкихъ и неопредѣленныхъ, а потому и крайне эластичныхъ выраженіяхъ, очень мало говорилъ русскимъ; въ немъ не было никакихъ опредѣленныхъ, реальныхъ обѣщаній. Отсюда крайне скептическое отношеніе къ проекту Долгорукова, Матвѣева и др. Послы писали королю въ началѣ мая, что едва ли можно надѣяться на какое нибудь серьезное отношеніе русскихъ къ предложенному королемъ алліансу [2]). На второй и слѣдующихъ конференціяхъ съ послами совѣтники царя требовали категорическаго отвѣта, на какую помощь государь можетъ надѣяться отъ короля въ борьбѣ съ турками. Не получивъ отвѣта на этотъ вопросъ, они отказались разсуждать о другихъ. Послы не имѣли полномочія давать опредѣленнаго отвѣта о субсидіяхъ, это казалось подозрительнымъ русскимъ, и дѣло мало подвигалось впередъ.

Русскіе требовали болѣе опредѣленныхъ обѣщаній, такъ, по ихъ мнѣнію слѣдовало бы точно опредѣлить число вспомогательныхъ силъ, ихъ должно быть не менѣе 10.000 чел. Вырабатывать условія договора, когда уже турки займутъ Польшу и Литву, будетъ слишкомъ поздно. Слѣдуетъ теперь же покончить со всѣми деталями проектируемаго алліанса. На пятой конференціи (18-го мая) Долгорукій рѣшительнѣе прежняго сталъ требовать болѣе опредѣленныхъ данныхъ по вопросу о помощи Швеціи въ войнѣ съ турками. „Мы вотъ уже въ пятый разъ сходимся здѣсь, сказалъ онъ, и ни до чего не можетъ договориться; время уходитъ даромъ, на этотъ разъ мы должны придти къ окончательному рѣшенію по вопросу объ алліансѣ“. Не даромъ же, прибавилъ Алмазовъ, и въ письмѣ короля, которое онъ передалъ Украинцеву, вопросъ объ алліансѣ стоитъ на первомъ мѣстѣ. Шведамъ анти-турецкая лига съ Россіей будетъ выгодна

---

[1]) Säsom och i lyka mätto alla dhe Pacta, hwilcka härtill begge höge Potentater emellan, sä wäl igenom dhe walliesariske som dhe Cardiske och Plüsiske Tractaterne belefwade, sluter och bekräfftade äre, obrottsligen til alla sine stycker i ackt tager och pä bäde sydor til ewiga tyder hollne och observerade blifwa.

[2]) Kunnandes af dhet wy aff Ryssarne bekommit haffuer, ännu oss föga hopp göra nägot rätt alffwar pä deras syda.

„ratione Livoniae". Если, сказалъ Долгорукій, они, русскіе, такъ настойчиво добиваются указанія на число войска, какое король долженъ доставить царю, то для того только, чтобы этимъ внушить туркамъ страхъ.—Не уполномоченные трактовать о деталяхъ союза противъ турокъ, шведы отвѣчали, что въ царскомъ проектѣ также ничего не говорится о количествѣ войска.

„En mutuel resistence" требовали русскіе и противъ поляковъ; на нихъ вы не полагайтесь, сказали они. Шведы стали указывать на Оливскій миръ.—Долгорукій прибѣгнулъ къ послѣднему средству: если сказалъ онъ, послы ничего не хотятъ рѣшать объ альянсѣ противъ турокъ, они ничего не добьются для своей торговли въ Россіи. Матвѣевъ былъ мягче настроенъ и сказалъ въ концѣ конференціи, что то, относительно чего теперь не могли договорится, быть можетъ, пойдетъ успѣшнѣе на новомъ пограничномъ съѣздѣ [1]). 19-го числа шведы отвѣтили русскимъ цѣлымъ протестомъ, въ которомъ оправдывали свое поведеніе и упрекали русскихъ въ томъ, что они, противно первоначальному намѣренію государей, вмѣсто альянса вообще противъ враговъ Швеціи и Россіи, выдвинули спеціальный вопросъ о помощи Шведовъ противъ Турціи, не представляя при этомъ Швеціи никакой взаимной гарантіи. Вся выгода такого договора была бы на сторонѣ однихъ русскихъ [2]).

---

[1]) Dolgoruki: på dhet sättet at K. M. gesandter sigh således förwägra att sluta om succursen emot Turcken torde föga commercie kunna drifwas, i hwilkens tal Artemon S. föll, säyandes at så frampt denna gången icke något frucktbarligit skulle kunna förättas, så kunde wähl ändå andra medel och uthwägar finnas at sigh antingen på grentzen eller elliest förehna.

[2]) K. M. gesandter gifwe H Tz. M. Conferentzherrar wänligen till kienna, att såsom dhem uthi don i gåhr oss emellan holne conference icke behagade medh oss öfwerens komma öfwer den 5 puncten uthi den proiecterade närmare alliance angående een inbördes och general assistance uthi förefallande händelser uthan i stället därföre allenast wille ther uthi författat hafwa een special succurs nu emot den turckiske sultan, men wy, däröfwer såsom ett nytt hwarcken någre ordres hafwe eller för giörligit och practicerligit ansee kunne, att i stället för een sådan mutuel och inbördes forbindelse emot begge höge Potentaters hwariehande fiender ett sådant specielt och eensydigt förbundh skall kunna giöras, förmedels hwilket H. K. M. skulle altydh wara förobligerat att assistera H. Z. M. emoth dess angräntzende fiender, och deremoth ingen reciproque asistence emoth dess fiender hafwa af H. Tz. M. igen at förmoda... hwilket emoth all billigheet och i heele werlden öflige bruck sträfwer, förmedels hwilket alla tractater och bebindelser inrättas så börer, att begge theruthi interesserade Potentater altydh lyka nytta och fördel dheraf hafwa kunna och icke all fördelen een allena i händer falla.

Вопросъ объ альянсѣ трактовался и на конференціи 27-го мая. Матвѣевъ предложилъ формулировать спорный вопросъ такъ: заключенъ будетъ альянсъ противъ всѣхъ враговъ, исключая лишь тѣхъ, кто живетъ по ту сторону моря (Балтійскаго?); о Турціи нечего и упоминать, такъ какъ она—врагъ всего христіанства [1]). Редакцію эту шведы не приняли [2]); они отъ себя предложили новую, которую русскіе назвали весьма подозрительною, а именно—каждый изъ двухъ государей (шведскій король и царь) можетъ въ крайнихъ случаяхъ обратиться другъ къ другу за помощью и, если окажется возможнымъ

---

[1]) Dhe wille sluta generaliter een Alliance emot alle fiender, undantagandes dhe på andra sydan om siön, och intet nembna turcken, hwilken dess föruthan är christenhetens algemehne fiendhe. Och effter wy nu oss således hafwe beqwähmat, så förmodhe wy, att K. M. gesandter dhet samme ochså å dheras syda warde giörandes.

[2]) Dhet är längt ifrån oss, att wy skulle hålla för illa wara, hwadh som är talat om ett special förbundh emot Turcken uthan hålla dhet fast mehre för nödigt. Men at wy inge ordrer hafwe derom at sluta, dhet hoppas wy oss intet kunna tilskrifwa. Uthan wy kunne nu som för detta försäkra, at där H. Z. M. skulle wela igenom dess beskickning låta giöra därom någon ansökning hoos H. K. M., at H. K. M. warder sigk så deröfwer förklahrandes, som kan öfwerens komma medh wänskapen och fahran för turcken. Sedhan såsom blef sagt, at hwad discurswys wore talt, hade ingen krafft eller wore derföre fullkombligen slutit, såsom och att man måtte emädan som man intet kunde sig förlyka om mehningen och rätta forståndhet af K. M. bref, settia den Punkten uth till Potentaternes wydare förening deröfwer, hwilket dhe ändå warde giörandes, så ähre wy dhermedh och tilfreds. Och såsom wi uthi wår skrifft hafwe förmält, dhet skulle snarare wara Pohlen anstötigt, om wy oss emot Pohlen expresslig således förbindat skulle, så hafwe wy nu förnummit H. Okolnitzens mening wara at dhet förbundet måtte skee i tydh och allenast eventualiter på ofwanbemelte händelse, nembl. där antingen Turcken eller en sådan K. i Pohlen skulle blifwa, som wille sökia at recuperera dhe länder som wore af Pohlen tilförende cederade till den ene eller andre Potentaten. Bedie derföre at wåre ordh intet så uttydes som hade wy H. Z. M. Conferensherrar förwÿlt at dheres förslagh ware sådant, at Pohlen skulle deraf fatta en jalousie, uthan wår mehning hade warit, at dhet syntes, om wy nu skulle specialiter förbinda oss emoth Pohlen at dhet worde förorsakande någon ialousie hoos den Nationen.

För det 4, at Confer. herrar behagade at påminna, at om något gott skall kunna stifftas, så måsste sakerne jämkas på bådhe sydor, dhet finne wy och för dhet skäligst i werden.

...at så omöyeligen dhet wore K. M. at skicka sitt folck till Ukrainen, som då måste sendes antingen igenom Pohlen eller H. Z. M. landh, så omöyeligen wore och H. Z. M. at senda folck och succurs öfwer siön, ey heller kan Romerske keysarn af den general alliancen fatta någon ombrage, efftersom H. K. M. står medh honom uthi godh wänskap.

такую прислать, они должны переговориться о количествѣ людей [1]). Послѣдняя оговорка была въ особенности не по душѣ Матвѣеву, онъ возставалъ противъ словъ „byständ som möyeligen wara kan", говоря: государи, когда помощь одному изъ нихъ будетъ крайне необходима, всегда могутъ сказать, что теперь именно оказать ея не представляется никакой возможности и пр. въ такомъ родѣ: „wahrandes dhet ordet *om möyeligit* intet fast at gå uppå uthan mechta dubieust".

Долгіе споры завязались изъ за двухъ новыхъ формулировокъ алліанса. Шведы заявили, что не прочь принять формулировку Матвѣева какъ проектъ и представить его своему государю, когда они вернутся въ Стокгольмъ, подписать же её теперь они отказываются [2]).

Торговый вопросъ былъ темой послѣднихъ конференцій; и тутъ не пришли ни къ чему опредѣленному. Матвѣевъ началъ съ того, что рѣшительно отвергъ необходимость шведамъ имѣть своихъ резидентовъ въ Москвѣ. Онъ же, указавъ на то, что въ Москвѣ всѣ жалобы и недоразумѣнія купцовъ разсматриваются въ посольскомъ приказѣ, потребовалъ, что бы и въ Швеціи русскихъ напрасно не влекли по многочисленнымъ судебнымъ инстанціямъ, а разсматривали ихъ жалобы въ королевскомъ судѣ. Шведы отвѣчали, что для удовлетворенія такого требованія пришлось бы измѣнить законы и статуты королевства. Оставьте тогда по старому, возразилъ Матвѣевъ, мы плакать не будетъ, но и вашихъ купцовъ будемъ изъ Москвы отправлять къ областнымъ воеводамъ [3]).

Шведы перешли къ вопросу о таможенныхъ сборахъ и др. пошлинахъ, взимаемыхъ съ торговыхъ людей; они требовали равенства съ

---

[1]) att den Ene Potentaten må på fordrande högst nödwendige fall och hendelser såkert kunna anmoda den andra om ett giörligt och möyeligt byständh, och där dhe wele hafwa den Puncten på det sättet stält, så åhre wy dermedh tillfreds. ...at denne alliancen skall wara emot alla fiender undantagandes dhe som ähre på andre sydhan om siön.—Шведы стояли на словахъ: i högste nödfall och på ett giörligit och möyeligit sätt, hwilcke formalier bäst wore at bruka, helst emädan dhet ändå wore dhet samma. Артамонъ: i samma punct måste och stå, att Potentaterne måste hwarannan beskicka när dhen ene behöfwer om något at tillyta den andra.

[2]) Såsom ett *proiect* wele wy giärna taga emot H. Z. M. Conferentzherrars förslagh och wysa dhet H. K. M. wydh wår öfwerkomst, men intet kunna wi dhet underskrifwa.

[3]) Låt då blifwa derwidh, jagh lärer intet gråta deröfwer, men när K. M. undersåtare komma medh sine klagomåhl, will jag wysa dem till underrätterne och i provincierne till woiwoderne.

обѣихъ сторонъ, „att en lykhet skall wara å både sidor“ [1]). Имъ отвѣчали, что измѣненія въ пошлинахъ дѣлаются и со шведской стороны. „Не грѣхъ уменьшать пошлины, а грѣхъ ее увеличивать“, сказалъ одинъ изъ пословъ. „Едва ли васъ назначили сюда въ качествѣ судей нашихъ грѣховъ“, раздражительно возразилъ Матвѣевъ; каждый преслѣдуетъ свою выгоду, и если король уменьшилъ пошлины, то дѣлалъ это въ своихъ же выгодахъ [2]). Когда Шведы сослались на Францію, Испанію и др. государства, русскіе отвѣтили, что имъ дѣла нѣтъ до взаимныхъ отношеній короля къ своимъ союзникамъ въ Западной Европѣ; для нихъ выше всего—воля ихъ государя [3]). Пусть шведы помнятъ, что если русскимъ не будетъ открыта свободная торговля въ Ригѣ, Ревелѣ и др. городахъ королевства, какъ со шведами, такъ и съ иностранными гостями, то и шведамъ не позволятъ торговать въ Россіи въ другихъ городахъ, кромѣ Москвы [4]).

Въ одной изъ послѣднихъ конференцій русскіе пожелали узнать мнѣнія пословъ о взаимномъ сближеніи Россіи и Швеціи противъ Польши, но и на это не послѣдовало никакого опредѣленнаго отвѣта [5]).

Напрасно шведскіе послы просили отложить вопросъ объ альянсѣ и перейдти къ другимъ пунктамъ ихъ инструкціи, русскіе не поддавались, обнаруживая этимъ какъ свое упрямство, такъ и нежеланіе разобраться въ существующихъ между обоими народами торговыхъ недоразумѣніяхъ. Посламъ ничего не оставалось, какъ въ новомъ меморіалѣ потребовать рѣшительнаго и категорическаго отвѣта [6]):

---

1) Artamon: huru kan man då (въ виду того, что въ трактатѣ не опредѣлено количества пошлинъ) giöra en wiss tulltaxa, som legaterne hafwa proponerat.

2) Jag tror intet at i äre satte till domare att dömma om syndh och saligheet... шведы: Lyka som twänne wärdshuus som ligga när ihoopa, på det ene sällyes för mycket bettre kiöp än på det andra, dyt löpa många, hyt komma fåå eller inge. Men det motte wara en lykhet.

3) Wy måtte regulera oss effter wår store Herres H. Z. M. order.

4) Om icke i Riga, Rewal och andra K. M. städer tillåtes H. Z. M. undersåthare en fry handel *effter pacta*, så at dhe få handla medh hwem dhet helst wara må, så med inbyggare som fremmande, lährer ey heller tillåtes H. K. M. undersåthare handla annorstädes åhn i Muscou på samma sätt som Tz. M. undersåtare fry gifwes på K. M. sida

5) Edher K. M. tankar öfwer een mutuel förbindelse emooth Pohlen, dhärwidh hwariehanda händelse, antingen igenom Turckens progresser eller dhet nya konungawahlet i Pohlen, någondhera deelen något skulle framdeeles hafwa att befahra i regard af dhe af Chronan Pohlen bekomne länder.

6) Hafwa wy åther låtit förfärdiga ett memorial däruthinnan wy nu anholla om een ändteligh och cathegorisk resolution.

или приступить къ разсмотрѣнію вопросовъ о торговлѣ, плѣнныхъ, границахъ и долгахъ, или отпустить пословъ домой. Настоящее замедленіе дѣла—унизительно для чести короля.

16-го іюня послы пишутъ королю: рушились всѣ надежды на расширеніе торговыхъ привилегій [1]); русскіе и слушать не хотятъ о свободной торговлѣ шведовъ въ предѣлахъ ихъ государства; они выставляютъ на видъ, что и ихъ торговцамъ запрещены непосредственныя торговыя сношенія съ иностранцами въ Ригѣ. Только въ трехъ городахъ разрѣшено шведамъ вести торговлю съ русскими—въ Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ. Объ уменьшеніи пошлины—не допускаютъ и рѣчи. Пусть, сказали совѣтники, король увеличиваетъ въ своемъ королевствѣ пошлины съ русскихъ товаровъ—тогда они будутъ въ расчетѣ. Что же касается до спорныхъ вопросовъ о границахъ, то, по мнѣнію русскихъ, такіе вопросы удобнѣе всего рѣшаются на пограничныхъ съѣздахъ. О сатисфакціи шведамъ русскіе и не отвѣчали [2]). Въ виду всего этого, заключаютъ свое донесеніе послы, имъ оставалось только просить отпуска домой. Очевидно русское правительство имѣетъ въ виду другіе планы. Не даромъ же польскому резиденту Свидерскому говорятъ теперь, что шведы пріѣзжали подымать царя противъ Польши [3]). Слухъ о намѣреніи шведскаго правительства соединиться съ Россіей противъ Польши получилъ всеобщую огласку, объ этомъ говорили и въ Польшѣ, и въ Курляндіи; составлялись даже проекты раздѣла Польши между Россіей и Швеціей.

19-го іюня послы были на прощальной аудіенціи у царя, послѣ которой немедля (23-го числа) и покинули Москву [4]).

Въ своихъ донесеніяхъ королю шведскіе послы очень несочувственно характеризуютъ Долгорукова и Матвѣева. Первый—московскій аристократъ, знающій себѣ цѣну, съ большимъ пренебреженіемъ говорившій о малыхъ государствахъ, какъ Швеція, Польша и др. Стоитъ ли, замѣтилъ онъ, говорить такъ много о торговлѣ и торго-

---

[1]) Och såsom dhe så alldeles allt hopp oss betagit hafwa att något anhålla till bemelte commerciernas befordrande och dhe höga tullarnes affskaffan och lindrande и т. д.

[2]) Satisfactionen hafwa dhe alldeles uthslagit.

[3]) att wy sökte med Tzaren en alliance emot Pohlen. Свидерскій и самъ этому, будто бы, не повѣрилъ: ehuruwäl han elliest trodde detta wara blott och allena een updiktad finesse och lyst effter denne nationens art och wahna.

[4]) На разставаніи Матвѣевъ заявилъ шведамъ: at onödigt är någon afskiedsskrifft opråtta.

выхъ привилегіяхъ, съ Швеціей торговыя сношенія Россіи такъ ничтожны и незначительны; другое дѣло Англія или Голландія. И пограничные споры не стóятъ бóльшаго вниманія. Дѣло идетъ о незначительномъ клочкѣ земли близъ Нейгаузена. Цѣлый мѣсяцъ, сказалъ онъ, мы потеряли съ вами по пустому.

Что касается до Матвѣева, то послы спѣшатъ прежде всего заявить, чтобы король не придавалъ никакой вѣры тѣмъ, кто говоритъ о его расположеніи къ шведамъ, о его искренности къ нимъ, желаніи установить вполнѣ дружественныя отношенія и т. д. Матвѣевъ одинъ изъ вреднѣйшихъ людей при Московскомъ дворѣ для шведовъ и ихъ интересовъ. въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ всѣхъ ранѣе его бывшихъ въ совѣтѣ царя. И онъ, какъ Долгорукій, постоянно имѣетъ въ виду лишь высокое значеніе своего государства, съ которымъ не можетъ стать наравнѣ Швеція или какое-нибудь другое мелкое государство. Выше всего для Матвѣева интересы его государя [1]).

Въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича отношенія Россіи къ Швеціи очень обострились. Это вызвало не малую тревогу въ Швеціи, чѣмъ и объясняется частая пересылка агентовъ, нарочныхъ, пословъ и пр. Шведы имѣли полное основаніе искать причины измѣнившагося къ нимъ настроенія въ Москвѣ въ интригахъ датскаго правительства, а отчасти и Австріи. Давно уже, въ царствованіе Карла X, въ Швеціи съ неудовольствіемъ смотрѣли на довѣріе, какимъ въ Москвѣ пользовались агенты Даніи. Марселій причинялъ шведамъ не мало тревогъ. Теперь, когда возникъ вопросъ о польской коронѣ, Данія усердно доказывала царю, что французскую партію всего больше поддерживаетъ Швеція, что она возстанавливаетъ поляковъ противъ императора, Бранденбурга и Москвы. Въ виду имѣлось противопоставить французско-шведскому алліансу союзъ Россіи, Бранденбурга, Даніи и императора. Традиціонная мечта Копенгагенскаго кабинета, осуществившаяся лишь въ XVIII столѣтіи, въ Великой сѣверной войнѣ!

Въ Москвѣ агитація датскихъ дипломатовъ очевидно производила желательное дѣйствіе. Предъ нами одинъ любопытный документъ отъ

[1]) hollandes wy honom för een Man, som Swerige fast skadeligare är, än någon aff dhe andre Tzarens Ministrer, som för honom dhet nampnet hafwer... Han söker särdeles Tzaren högheets och dess stats och wäsendes praefererande för andre Potentaters.

начала октября 1674 года, изъ котораго мы узнаемъ объ угрозѣ Россіи по адресу Швеціи, если только послѣдняя будетъ поддерживать французскую партію въ Польшѣ. Царь не допуститъ этого, онъ тотчасъ велитъ сдѣлать вторженіе въ Ливонію, для чего уже на готовѣ значительныя силы подъ командою Хованскаго.

Движеніе Хованскаго къ Великимъ Лукамъ сильно встревожило шведовъ. Они выставляли на видъ все вѣроломство датской политики, которая разъ уже вызвала нарушеніе русскими мира съ Швеціей; въ интересы шведовъ не можетъ войдти поддержка французскаго кандидата; отношенія ея къ императору не оставляютъ ничего желать. Въ послѣдніе годы политика Швеціи направлена была къ поддержанію всеобщаго мира въ Европѣ; для достиженія этой цѣли она не жалѣла ни средствъ, ни силъ. Агенты ея, графъ Тоттъ, Спарре, Делагарди, Оксеншерна и др. ходатайствовали о такомъ всеобщемъ мирѣ въ Англіи, Франціи и Голландіи, а также и при Вѣнскомъ дворѣ. Если король и велѣлъ имѣть на готовѣ военныя силы въ Бременѣ, Померанiи и Финляндіи, то исключительно ради поддержки мира. Если же кто нибудь вызоветъ Швецію на борьбу, она окажется готовою къ ней [1]).

---

[1]) Ao 1674 d. 10 oct. ist von hoher handt, welcher der vornemste Minister in Moscow ist befohlen an unterschiedliche Persohnen dass man solle an die vornemste Minister der Chron Schweden schreiben, dass in fall die Chron Schweden würden die französische partey erwehlen contra dass Römische Reich oder Brandenburg, so würde Ihre Z. M. nicht still sitzen, sondern strax ein Einfall in Liffiandt würde thun, darzu auch auf die grentze der Chovanski mitt der armee schon fertig liege; hatt aber darbey befohlen seinen nahmen nicht zu nennen, welcher sonsten woll bekant, und es mitt den Dänischen Resident alles conferiret.

An solche schlechte drauworth hatt man sich nicht kehren wollen, und nicht würdig geacht solches zu schreiben, biss hernacher selbige Minister publique vor vielen Kaufleuten erwehnet hat, und auch täglich anhalten umb zu schreiben auch Respons zuerhalten, und auch dem Dänischen Resident täglich ihm die ohren voll geblasen contra die Chron Schweden, welcher hernacher durch mittell ein contervers gemacht hatt, und den dänischen Minister sein credit geschwachet hatt. *Monsieur Salut*. Въ другомъ извѣстіи читаемъ по поводу экспедиціи Хованскаго: welches unsern Ministris allhie eine grosse alteration veruhrsachet und verwundern sich sehr darüber dass es aldabey Euch in so kurtzer zeit vor alteriret ist, nach dehmmahlen es wissent ist dass die Chron Schweden mit Ihre Z. M. in guther freundschafft leben, undt wünscheten dass es da möchte den vornehmsten Ministro angetragen werden, dass sie alda den dänischen Ministro nicht zu viel glauben geben noch sein rath zu folgen, welches viel und mehr friedsames nachbarschafft erwecken möchte, den es weldtkundig ist dass die Chron Dannemarken Ihre Tz. M. beweget haben dass arme Liffiandt zu überziehen da doch kein wiederstand

Осенью 1675 года рѣшено было отправить въ Москву новое посольство; во главѣ его стали бароны Эрнстъ Іоаннъ Крейтцъ, Гансъ Генрихъ фонъ Тизенгаузенъ и Іонасъ Клингстедтъ [1]). Инструкція посламъ отмѣчена 16-го октября и заключаетъ въ себѣ 25 параграфовъ. Содержаніе ея таково: такъ какъ царь самъ предложилъ королю на пограничномъ съѣздѣ разсмотрѣть всѣ спорные вопросы въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, то король готовъ испробовать еще это крайнее средство, чтобы наконецъ устранить всѣ несогласія между своими подданными и русскими [2]). Какъ скоро окажется, что русскіе коммиссары приближаются къ назначенному для съѣзда мѣсту, послы должны двинуться туда же изъ Нарвы. Всѣ обычныя церемоніи должны и на этотъ разъ строго соблюдаться. Желая выяснить всѣ „контроверсіи“ между обоими государствами, король и на этотъ разъ полагаетъ status quaestionis въ 4 пунктахъ—плѣнные, торговля, гра-

---

gefunden wart, und hernacher den frieden mit der Chron Schweden gemacht ohne wissen vndh willen Ihre Tz. M. welches exempla genug ist ihnen nicht mehr zu trauen. Wir setzen dass im fall Ihr Tz. M. einige assistence oder assistensvolcker begerent wehre da wihr es woll wissen dass dieses nicht von nöthen haben, da würde sich noch der Röm. Kayser, Chron Dennemark noch Brandenburg hierein finden lassen, lass die welt judiciren, wass sie wolle, dass die Chron Schweden solte die französische partey erwehlen contra das Römische Reich. da von ist noch kein feder dran gesetzt, und ist die Chron Schweden nicht so publique in ihren rath und vornehmen dass es solte weltkündig sein, weltkündig ist es aber dass die Chron Schweden mitt ihre hohe ministris und grosse umkostung diese zwei jahren laug laboriret haben den general frieden im römischen Reich zu beforderu, da der graf Tott in Cölln, Hollandt, Engelland und Franckreich agiret hatt, nach seinem tothe itzo der Baron Sparre, der gr. Gustaf Delagardie im Reich agirit, auch in Engellandt und Hollandt, jtzo der gr. Bengt Oxenstjerna beym Röm. Keysern agiret und wunschet die Chron Schweden dass es zum General frieden kommen möchte und die general armeen nachm Erbfeindt zu wenden.... Es ist wahr dass die Chron Schweden haben ihre völcker lassen zusammen ziehen in Stifft Brehmen, Pommern, Schweden und Finlandt, vndt wissen noch von kein feindt, aber der sie attaquiren wirdt, der wirdt sie fertig finden.—24 Nov. 1674.

[1]) Въ Стокгольмскомъ архивѣ 9 фоліантовъ посвящены этому посольству: два фоліанта писемъ пословъ къ королю, одинъ фоліантъ писемъ короля къ посламъ, одинъ фоліантъ писемъ рата къ посламъ, 1 фоліантъ писемъ пословъ къ риксканцлеру, 1 фоліантъ писемъ Клингстедта гофрату Беркеньельму, 2 фоліанта протоколовъ и одинъ—различнаго рода актовъ.

[2]) dă Tzaren tillbudit H. K. M. att wela förmedelst een tractat igenom begge sydors gesandter uppă gräntzen sökkia det samma ännu till att afhiälpa... король соглaсенъ: pă det H. K. M. ännu mă kunna försökia det yttersta att reeda sigh med denna Naboen uthur all widhlyfftigheet om det möyeligit är.

ницы, сатисфакція. Отъ послѣдняго пункта можно отказаться въ виду того, что король окруженъ многими врагами и не желалъ бы довести еще и отношеніе къ восточному сосѣду до разрыва. Послы должны однако вести дѣло такъ, чтобы русскіе не замѣтили никакого опасенія разрыва со стороны короля. Въ вопросѣ о плѣнныхъ послы должны опираться на 10 § Валліесарскаго договора, 20—Кардисскаго и 3—Плюсскаго; въ вопросѣ о торговлѣ—на 5 пунктъ Тявзинскаго, 14 — Столбовскаго, 10 — Кардисскаго и 4 — Плюсскаго договоровъ. Добиваться слѣдуетъ тѣхъ же торговыхъ привилегій, что и въ посольство 1672 года. 23-й пунктъ инструкціи трактуетъ объ альянсѣ. Послы должны только pro forma поднять этотъ вопросъ, такъ какъ едва-ли такой альянсъ принесетъ Швеціи какую нибудь выгоду [1]). Если царскіе послы сами не заговорятъ объ альянсѣ, и королевскіе не должны поднимать рѣчь о немъ. Условія альянса, какъ и въ 1672 году, самаго общаго содержанія: нерушимая дружба, обѣщаніе взаимной поддержки, извѣщеніе о всякаго рода тайныхъ проискахъ сосѣдей и т. д.

По вопросу о торговлѣ посламъ предписано было указать на слѣдующія четыре обстоятельства: 1) королевскимъ подданнымъ разрѣшалось только во время ярмарокъ торговать гость съ гостемъ, въ другое же время продавать свой товаръ исключительно жителямъ тѣхъ трехъ городовъ (Москвы, Новгорода и Пскова), въ которыхъ имъ разрѣшена торговля, при этомъ продавать не en gros, а en minute, что идетъ совершенно въ разрѣзъ съ свободною торговлей прежнихъ лѣтъ и противорѣчитъ всѣмъ прежнимъ трактатамъ [2]). 2) Систематическое повышеніе пошлинъ достигло уже до 16%, считая и транзитную, не говоря уже о неслыханныхъ пошлинахъ на вино—до 60% [3]). 3) Шведскіе купцы подлежатъ большей пошлинѣ, чѣмъ русскіе подданные [4]),

---

[1]) ty hafwa gesandterna alleenast in genere medh dem pro forma een sådan tractat att slutha som kan kallas een alliance och förbundh, fast det icke så stoort åhr uthi sig sielfft.

[2]) ...som styger till 10% med durchfarts tullen sammanräcknadt, föruthan den ohörliga tullen, med hwilken åthskilliga slags wyn åhro graverade.

[3]) att H. K. M. utdersåtare icke måge uthom marknads tyder uthi Tzarens Ståder handla gäst med gäst uthan skola försällia dheras wahror till Stadens inwåhnare allena, der dee wistas, och det icke i gross, uthan i minut, whilket omkullkastar den fryheet, som H. K. M. undersåtare uthi alla tyder tillförende åthnutit hafwa och fördensknll stråfwar emoot ofwanbemelte Tractater.

[4]) åhre H. K. M. undersåtare medh högre tull graverade än Tzarens egna under-

тогда какъ по § 4 Тявзинскаго договора они должны быть сравнены въ этомъ отношеніи съ русскими [1]). 4) Подданные короля принуждаются платить за все риксдалерами и дукатами, тогда какъ въ Плюсѣ рѣшено было допустить и мелкую монету, положивъ риксдалеръ равнымъ 17 алтынамъ.

Пограничный съѣздъ шведскихъ пословъ съ царскими коммиссарами открылся уже по смерти царя Алексѣя въ Нюенгузенѣ 18-го іюля 1676 г. Въ февралѣ царь Θеодоръ Алексѣевичъ въ грамотѣ къ Карлу XI извѣщалъ его о смерти своего отца и о своемъ вступленіи на престолъ. 7-го апрѣля Карлъ отвѣчалъ новому государю Москвы; онъ глубоко огорченъ вѣстью о смерти своего добраго и великаго друга (een godh och stoor wänn), желаетъ его наслѣднику счастливаго царствованія, выражаетъ желаніе и съ нимъ поддерживать прежнія дружескія отношенія, проситъ подтвердить Кардисскій договоръ и прислать коммиссаровъ для пограничнаго съѣзда. Царскаго посланника подъячаго Семена Протопопова онъ изъ особаго расположенія и любви къ царю отпускаетъ чрезъ Данію, не смотря на то, что онъ съ послѣднею въ открытой борьбѣ [2]).

Шведскіе послы прибыли въ Нюенгузенъ въ началѣ іюня. Вѣсти, какія они получали изъ Москвы, были самаго тревожнаго характера; „датскій король изъ всѣхъ силъ старается возстановить Россію противъ Швеціи, шлетъ въ Москву преувеличенныя вѣсти о своихъ побѣдахъ надъ шведами, о покореніи Готланда; наступилъ моментъ, писалъ онъ царю, когда и царь безъ труда могъ бы подчинить себѣ Эстляндію и Лифляндію“ [3]). Рядомъ съ такими сообщеніями получались и другія, а именно, что русскимъ коммиссарамъ предписано на пограничномъ съѣздѣ потребовать отъ шведовъ добровольной уступки

---

såtare, i det Tzarens egna undersåtare icke betala den durchfahrts Tullen, som H. K. M. vndersåtare moste undergå.

[1]) ...att på båda sydor skole bägges undersåtare lyka tull erläggia.

[2]) att detta för ett serdeles wenskaps och kärleeks tecken optages och skattas må.

[3]) notificerandes honom gotlands eröfrande medh tilbudh at eftersom han därigenom war kommen Lyf och Estlandh så mycket närmare, wille och kunde Tzaren så mycket båttre emoth dhesse ohrter secundera, föruthan dhet at den Ryske feltherren Troechuroff... собираетъ войска около Пскова.

Ингерманландіи и Кареліи [1]). Послѣдняя вѣсть очень скоро оправдалась.

Съѣздъ открылся 18-го іюля. Одинъ изъ царскихъ коммиссаровъ, Бутурлинъ, указалъ на желаніе своего правительства придти къ полному соглашенію съ шведами; до сихъ поръ обмѣнивались посольствами, подымали рѣчь объ альянсѣ, но ни къ какимъ результатамъ придти не могли. Царь Алексѣй Михайловичъ передъ смертью завѣщалъ своему наслѣднику жить въ мирѣ со всѣми своими сосѣдями; послѣдній съ этою цѣлью и снарядилъ настоящее посольство [2]).

Послѣ Бутурлина говорилъ Прончищевъ. „Намъ поручено, сказалъ онъ, узнать: уполномочены ли вы вести съ нами переговоры объ альянсѣ или нѣтъ [3]); если да, то каковы ваши полномочія на этотъ счетъ?“ Шведскіе коммиссары отвѣчали, что желали бы методически вести переговоры, то-есть сначала выяснить всѣ существующія между обоими государствами недоразумѣнія, а затѣмъ уже перейдти и къ альянсу [4]). Фундаментомъ переговоровъ долженъ служить Кардисскій миръ; изъ послѣдняго вытекаетъ и болѣе тѣсный альянсъ между державами. Не порѣшивъ всѣхъ спорныхъ пунктовъ, нельзя говорить о новомъ договорѣ [5]). Нельзя заранѣе сказать, каковы будутъ основанія альянса, все зависитъ отъ рѣшенія оставшихся между Россіей и Швеціей старыхъ несогласій. Русскіе на это отвѣчали, что имъ только необходимо знать условія, на какихъ шведы думаютъ заключить новый договоръ [6]).

Шведскіе коммиссары рѣшили тогда еще разъ убѣдить русскихъ приступить сначала къ разсмотрѣнію нерѣшенныхъ еще несогласій;

---

[1]) att dhe Ryske gesanterne åhre beordradhe till at urgera på Ingermanlands restitution.

[2]) ... altså wore dhe til sådhan ändha befalte at trädha medh H. K. M. Gesandter på gräntzen tilsamman, åstundandes fördenskull nu at förnimma hwadh dhe hafwa til att proponera.

[3]) wy begiära att wetta om j åhren beordrade at tractera om Alliancen eller inthet?

[4]) at man ville handla methodice, nembligen först om dhe stycker som höra til den Kardiska freden och sedhan om Alliancen.

[5]) Om wy skulle dhet föruth kunna seya (på hwad sätt man skall tractera och sluta alliancen), så wore dhet den förste tractat som i werlden på dhet sättet wore sluten. Man måste ju först wetta, på hwadh grundh och med hwadh conditioner något skall slutas, hwilcket sjelfua tractaten sedan måste uthwysa.

[6]) Wy begiära allenast at discurera och höra huarandre om Conditionerna till alliancen. Derföre är han inthet strax sluten.

если же послѣдніе будутъ слишкомъ настаивать, то открыть имъ и свои условія альянса [1]).

На второмъ съѣздѣ 20-го іюля споры продолжались на ту же тему. Русскіе коммиссары потребовали на этотъ разъ письменнаго удостовѣренія, что послы имѣли полномочіе вести переговоры объ альянсѣ противъ турокъ, татаръ и поляковъ. Послы согласились дать письменное удостовѣреніе, но не иначе, какъ если и русскіе представятъ имъ письменно же свои соображенія и проектъ альянса. Предложеніе шведовъ совмѣстно трактовать и о нарушеніяхъ старыхъ договоровъ, и о новомъ (tractera conjunctum) было отвергнуто русскими. Послѣдніе стояли на своемъ, они желали узнать прежде всего намѣренія шведскаго короля о новемъ союзѣ; они еще детальнѣе, въ концѣ второго съѣзда, формулировали свое желаніе, а именно: на какую помощь Швеціи могла бы Москва расчитывать, еслибы Польша вздумала вернуть себѣ земли, отвоеванныя у нея царемъ.

Послы подчинились. Королю они писали, что не могли дольше настаивать на своемъ, такъ какъ русскіе тогда совсѣмъ бы порвали переговоры. Приходилось идти на компромиссъ—представить русскимъ свой проектъ альянса, тѣмъ болѣе, что извѣстія о враждебномъ настроеніи московскаго кабинета къ Швеціи все болѣе и болѣе оправдывались; говорили, что, если только переговоры на сей разъ не увѣнчаются успѣхомъ, русскія войска, сгруппировавшіяся въ количествѣ 15.000 чел. у Пскова, немедленно двинутся къ ливонскимъ границамъ.

Шведскій проектъ альянса состоялъ изъ 6 пунктовъ. Первые пять заключали въ себѣ буквально то же, что и проектъ 1672 года; новостью явился только послѣдній пунктъ, въ силу котораго Швеція и Россія соединялись противъ Турціи и Татаръ, если бъ послѣдніе вторглись въ Польскія земли и заняли одну изъ областей, раньше уже завоеванныхъ шведами или русскими [2]).

---

[1]) Conclusum: att man måtte til dhet yttersta sökia at förmå Ryssarne till att först afhielpa dhe saker, som böhra remedieras effter den Kard. fredhen, men om dhe ingalèdes skulle stå dertill at bringas, at man då condescenderade til at begynna om Alliance puncten.

[2]) Вотъ шесть §§ новаго проекта: 1) Skall een ouplöslig och stadig wahraudhe wänskap och förtroligheet häreffter emillan begge höga Potentaterne till ewige tydher förblifwa i så måtto, at dhe sigh inbördhes med all affection och heder bemöta, hwarandres bästa i alla motto befrämia och hwadh skadheligit är altydh sökia den ena ifrån den andra troligen till at afwäria och undanböya. 2) Och skall

На съѣздѣ 26-го іюля разсматривали и четыре основныхъ пункта о границахъ, плѣнныхъ, торговлѣ и сатисфаціи. Живою границей, сказали русскіе, должна служить рѣчка Meusitz, впадающая въ Piwscha [1]). Что касается до невыданныхъ еще шведскихъ плѣнныхъ, то едва ли такіе еще имѣются; но для точнѣйшаго выполненія кардисскихъ условій царь согласенъ издать новое воззваніе къ городамъ, чтобы тамъ розыскивали шведскихъ плѣнныхъ [2]). Съ своей стороны царь настаивалъ на выдачѣ перебѣжчиковъ изъ его подданныхъ, скрывающихся въ шведскихъ городахъ. Какъ царь, такъ и король должны бы подъ угрозою смертной казни запретить своимъ подданнымъ переходить въ сосѣднія государства. О свободѣ торговли не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ шведы сами стѣсняютъ русскихъ торговцевъ (указаны были случаи). Всѣ случаи какихъ либо столкновеній русскихъ со шведами разбирались въ Москвѣ въ посольскомъ приказѣ; таковой долженъ

denne närmare alliance och förbundh emillan begge höga Potentaterne wara så fast och förtrolig, at dhe ingen troo settia skohla till någon illwiliandes ondha stemplingar, som sökia missförståndh och oenigheet dhem emillan at stiffta, uthan när sådhant skeer skall dhen eene Potentaten wara skyldig den andra sådhant at communicera och tilkienna gifwa. 3) Ey heller skall den ene Potentaten på någåt sätt, hwarcken medh rådh, eller giärningar, hemligen eller uppenbahrligen byspringa eller adsistera den andres fiender, på hwadh sätt dhet och helst wara måå, uthan fast mehra 4) när dhen ene Potentaten behöfwer at tillita dhen andre om hielp och assistence måge dhe hwarandre därom säkert anmodha och förmedhelst een theröfwer föregången wänlig afhandling, effter tydernes och lägenheternas beskaffenheet sigh därom föreena. 5) Vthj lyka måtto skohle alle pacta hwilka härtill begge höga Potentaterne emillan, så wähl igenom dhe wallisariska som kardiske och Plüsiske tractaterne belefwadhe, slutne och bekräftade ähro, obrotsligen till alle sine stycker i acht tagne och på bådhe sydor till ewige tydher holdne och observerade blifwa. 6) Til dhet sidsta, skall wara ett förbundh emillan begge store Potentaterne emot den turkiske sultan och tartar chan, så at om konungariket Pohlen skulle, dhet gud nådeligen afwende, af Turkens och tartarens stoore macht blifwa kastat öfwer ända och inkrächtadt och dhen Turkiske sultan och Tartar Chan skulle sedan H. K. M. landh Lyfflandh och H. Z. M. Provincier och Ländher som H. Tz. M. af Konungeryket Pohland wunnit hafwer, fiendteligen angrypa, hafwa begge store Potentater sigh medh dheres macht emot bemelte fiendher at sammansettia, till at giöra honom motståndh.

[1]) att den rätta, tiänlige och lefwande gräntzen effter bäcken Meusitz måtte giöras, och icke effter warma stenen.

[2]) Och är nu widare intet att söckia effter några fångar, effter som intet annat är till förmoda än att dhe uti dhe åtskillige tiderns effter så många opsökningar och utlefwereringar ähre alle in på K. M. sida aflåtne. Dock lykwäll till att fulgiöra dett Cardiske fördraget läter Tz. M. skicka sine herrisks bref utj Tz. M. städer till att afsöckia fångerne, ehuruwähl man intet tror några där finnas.

быть учрежденъ и въ Стокгольмѣ, такъ какъ практикуемый теперь судъ ратмановъ и бургомистровъ всегда очень пристрастенъ и несправедливъ; всѣ эти люди, разумѣется, дѣйствуютъ въ пользу шведовъ (favoriserar sina svenskar). Далѣе коснулись пунктовъ о греческой церкви Св. Николая въ Ревелѣ, о постоялыхъ и торговыхъ дворахъ въ Ригѣ и др. городахъ, о вѣсахъ, о задержкахъ торговыхъ людей и разнаго рода другихъ злоупотребленіяхъ.

8-го Августа русскіе выступили и съ тѣми неожиданными для шведовъ требованіями сатисфакціи, о которыхъ давно уже ходили упорные слухи; они потребовали себѣ уступки всей Ингерманландіи и Кареліи, подъ которой разумѣли Кексгольмъ съ областью. Можно себѣ представить изумленіе шведовъ. Претензіи, высказанныя царскими коммиссарами, такъ неожиданы и новы, сказали они, что они вынуждены раньше всякаго отвѣта извѣстить объ этомъ своего государя. Если говорить о сатисфакціи, то лишь о той, какую русскіе должны шведамъ за неоднократное нарушеніе заключенныхъ договоровъ [1]). Русскіе продолжали стоять на своемъ, причемъ выступили съ цѣлымъ рядомъ новыхъ упрековъ по адресу шведской дипломатіи. Между царемъ и Бранденбургомъ заключенъ былъ уже договоръ о взаимной помощи противъ Турокъ, но курфюрстъ не могъ прислать царю обѣщанной помощи изъ за шведскаго короля, который какъ разъ тогда вторгся въ его земли, и курфюрстъ былъ вынужденъ обороняться противъ шведовъ. Не одна Россія пострадала отъ союза Швеціи съ Франціей, которымъ обусловлено было вышеупомянутое вторженіе шведовъ въ Бранденбургъ; находившіеся въ Москвѣ послы отъ императора, Даніи, Голландіи и Бранденбурга—всѣ въ одинъ голосъ сѣтуютъ на шведскую дипломатію, изъ за которой всѣ эти державы вовлечены въ войну и лишены возможности дѣйствовать за одно съ Москвою противъ турокъ.

13-ое и 14-ое августа прошли въ сильныхъ спорахъ между коммиссарами Швеціи и Россіи. Русскіе требовали Ингерманландіи со всѣми ея городами, какъ удовлетворенія за нарушеніе шведами Кардисскаго міра [2]). Шведы и устно, и письменно протестовали противъ

---

[1]) Legaterne swaradhe, att dhenne praetensionen på Ingermanland wore ett aldeles nytt, hwarom man aldrigh något hadhe kunnat tänckia. Och hadhe man på K. M. sydha wähl mehr at begiära satisfaction före, om wy inthet skulle handla som christne.

[2]) hafwa rundt uth begiärat Ingermanlandh medh dhess städher igen till satisfaction för dhe Contraventioner som dhe föregifwa wara på H. K. M. sydha förelupna emot dhen Kardiske freden.

такой беззаконной претензіи. Между вашими и нашими притязаніями такое же разстояніе, какъ между небомъ и землей, сказали они. Русскіе отвѣчали съ большимъ спокойствіемъ, что если не послѣдуетъ требуемое удовлетвореніе, отъ котораго ихъ государь никогда не откажется, онъ прибѣгнетъ къ силѣ, къ кровопролитію [1]). Шведы тогда стали просить прервать конференцію на десять недѣль, чтобы извѣстить о новомъ поворотѣ дѣла своего государя, но русскіе дали имъ всего четыре недѣли сроку. Шведы остались и этимъ довольны, хотя даннаго сроку было недостаточно для пересылки письма въ Стокгольмъ и обратно; довольны они были потому, что могли по крайней мѣрѣ извѣстить начальниковъ пограничныхъ крѣпостей объ ожидающей ихъ участи, а они успѣли-бы собрать нужный провіантъ, приготовиться къ защитѣ и пр.

Прошелъ четырехнедѣльный срокъ. Русскіе рѣшительнѣе чѣмъ прежде стали требовать категорическаго отвѣта на свои требованія. Такъ какъ шведскіе послы еще не успѣли получить отъ короля отвѣта на свое донесеніе о неслыханныхъ требованіяхъ русскихъ, то они могли только отъ себя отвѣтить, что государь ихъ, разумѣется, никогда не согласится исполнить ихъ требованія о территоріальныхъ уступкахъ. Всего лучше отказаться отъ этого вопроса, замѣтили они, и перейдти къ другимъ. Русскіе однако на это не согласились и теперь уже, кромѣ Ингерманландіи, стали требовать уступки царю и Кареліи. Тонъ ихъ рѣчи становился все заносчивѣе; они ставили посламъ на видъ потери, понесенныя шведами въ датской войнѣ, потеряны Сконе, Померанія и Бременъ.

Если шведскій король добровольно не откажется отъ требуемыхъ царемъ областей, онъ обратится, какъ сдѣлали это датскій король и курфюрстъ бранденбургскій къ силѣ. „Мы знаемъ уже, гдѣ Выборгъ, легко доберемся и до Упсалы“, сказали они [2]). Если бы, пишутъ послы Карлу XI, мы еще не уступили русскимъ въ ихъ требованіи расширить титулъ царя, нѣтъ сомнѣнія—война была бы объявлена

---

[1]) Och eftersom dhe fasteligen stodhe därpå, såsom på Tzarens dhem expresse gifne ordres, seyandes dhet wy icke måtte inbilla oss, at Tzaren hwarken nu eller i ewigheet täncker ifrån dhen resolutionen at afstå, uthan sökia den fullföllia, om icke annors, då medh krygh och blodsuthgiudelse, såsom dheras formalier icke een uthan månge gångor woro.

[2]) Dhe wiste wähl hwarest Wiborgh ähr belägit, ja dhe kundhe och finna wäghen till Ubsala...

намъ чрезъ какихъ нибудь пять дней. [1]). Отношенія къ шведамъ, дѣйствительно, становились уже прямо враждебными. Изъ Москвы они не могли получать никакихъ извѣстій, всякая корреспонденція съ столицей была запрещена [2]). Шведскихъ агентовъ и нарочныхъ останавливали на пути, подвергали обыскамъ, называли шпіонами, отводили нерѣдко даже въ плѣнъ, грозили имъ войною [3]), позволяли себѣ оскорбительно отзываться о королѣ, о его мнимыхъ побѣдахъ, послѣ которыхъ ему оставалось только отступить къ Стокгольму. На всѣ наши заявленія, пишутъ послы, русскіе отвѣчали однимъ категорическимъ требованіемъ уступки Ингерманландіи и Кареліи. Вы, сказали они, и датскому королю не желали добровольно уступить Сконе, и что же: вспыхнула война, король силою добился своего [4]). И теперь такой исходъ болѣе чѣмъ возможенъ. Какую, однако, сатисфакцію вы бы намъ предложили? [5]). Шведы отвѣчали, что отношенія

---

[1]) Så frampt wy icke giordhe dhem dhet nöye som dhe hadhe begiärat för Tzarens Tituls laesion, skulle wy innan 5 dagar wore til ända hafwa kryget på halssen.

Клингстедтъ изъ Москвы, 12 сентября 1676:... dass die hiesigen auff den stuck ihrer Länder wieder zu haben wollen stehen bleiben, und wird nunmehr alhier viel geredet, dass Dännemark, Brandenburg und andere ihre vor diesem gehabte länder gahr glücklich *von die* Chron Schweden wiedererobert, worumb solte man von dieser seiten solches ebenfals nicht suchen... Also wirdt noch grosse mühe angewandt die hiesigen wider Schweden aufzuwiegeln.

[2]) och wåre uthskickade till dhem offta medh äthlöye och spåtske ordh undfångit, seyandes, att dhet skulle komma suurt brennewyn ifrån Pleskou för dhem som hadhe lust at handla dhet till sigh, hwarmedh dhe förstodhe dheras krygsfolck som skulle wara på wäghen därifrån, och moquerandes sigh öfwer E. K. M. erhollne victoria som j berömma edher öfwer nähr j förlohre eder Provincier och eder Konungh måste retirera sigh till Stockholm och at dhe nu på sidstonne inthet hafwa welat emottaga wåre skriffter, ehuru höfligen dhe och hafwa warit stälte, uthan sedhan dhe hafwa hört dess innehåldh skickat dhem oss tillbakar och sagt, at dhe inthet annat begiära, än dhet wy wille sendha dhem en skrift på cessionen af Ingermanlandh och Carelen.

[3]) sedhan dhe all correspondens ifrån dheres sydha oss hadhe afskurit.

[4]) Kon. i Danmark har och medh godho sökt at bekomma Skåhne igen. Och effter dhet inthet är skedt, så seer man hwadh för een eldh däruthaf är entstånden. Hwilket här och kan skee.

[5]) Hwad för satisfaction skole wy då bekomma? Dhen består däruthi, som wy oss förklahrat hafwa, nembligen att H. K. M. är okiärt at så är af förseendho tillgångit medh dhess titul, och at dhet aldrigh mehra skall skee. Och wore een starck förhindring af een trogen wänskap fast mehra än all annan satisfaction och fast högre tillskattades, än dhen förhoppning, som dhe sigh giöra kundhe, medh så stort äfwentyr at recuperera dhe provincier som dhe praetendera.

установились бы всего лучше и прочнѣе, если бы заключенъ былъ новый альянсъ между обоими государствами. Если въ титулѣ царя и сдѣланы были съ шведской стороны нѣкоторыя измѣненія, то отнюдь не преднамѣренно. Русскіе отвѣчали: если мы ни къ какой резолюціи не придемъ, намъ всего лучше разъѣхаться [1]).

21-го сентября, однако, коммиссары снова съѣхались съ той и другой стороны. Русскіе были увѣрены, что шведы уже получили отвѣтъ отъ своего короля, но скрываютъ его; разубѣдить ихъ не было никакой возможности. Пренія принимали все болѣе острый характеръ. Шведскіе послы повторяли, что считаютъ ни съ чѣмъ не сообразнымъ отдавать безъ всякой видимой причины часть своей территоріи какъ сатисфакцію тому или другому изъ своихъ сосѣдей. Въ исторіи не найдется примѣра такого беззаконія. Ни въ бытность свою въ Москвѣ не слышали они ничего о такихъ притязаніяхъ, ни въ письмѣ царя къ королю о нихъ не упоминается [2]). Русскіе отвѣчали, что во вѣки не откажутся отъ законно требуемой за нарушеніе царскаго титула сатисфакціи [3]). Вѣдь изъ-за титула возникла съ Польшей цѣлая война. Ингерманландія и Корелія издавна принадлежали Московскимъ государямъ, поэтому царь требуетъ возвращенія только своего, онъ не требуетъ ни Риги, ни Ревеля, ни Нарвы. И пускай шведы не вздумаютъ третировать царскихъ коммиссаровъ такъ, какъ они сдѣлали съ датскими, когда послѣдніе были въ Стокгольмѣ и тамъ требовали возвращенія Сконе [4]).

Шведскіе послы могли теперь убѣдиться въ полной безполезности продолжать переговоры съ русскими; они удалились въ Киремпэ въ разстояніи 3 или 4 миль отъ Нюенгузена, но своимъ удаленіемъ, по собственнымъ словамъ ихъ, не имѣли вовсе въ виду совершенно

---

[1]) Men kunne wy ingen resolution däröfwer erhålla, så är inthet annat öfrigit än att man giör een afskeedsskrifft.

[2]) Wy hafwa sagt, at wy för wåre Persohner hålle för irraesonabelt, at uthan orsaak gifwa landh och folck bort och hwiste af inge historier något sådan exempel, och troo dhet ey heller nu kunna skec, wettandes elliest inthet, huru H. K. M. sielf sigh därpå resolverandes warder.

[3]) Dhet bewilliades således, at man måtte på bådhe sydor afsydes och nu strax för än man skildes åth, wydh dhenne conferencen förfärdiga een afskedsskrift.

[4]) och K. M. Legater må intet så ringa aestimera som det skedde i Stockholm när konungens Legate af Dannemarck begiärte igen *Scåne*, hafwer Ricks Cantzleren högmodeligen swarat, at dhe wille medh *sconerne* (игра словъ Сконе и скосаногъ) sparka bort dem.

порвать всякія сношенія съ царскими совѣтниками. Русскіе сочли это однако за полный разрывъ и уѣхали. Шведы излагали впослѣдствіе дѣло такъ, будто бы прервали переговоры не они, а русскіе. Изъ Киремпэ шведскіе коммиссары уѣхали въ Дерптъ, а русскіе прямо направились во Псковъ и далѣе въ Москву.

Свои притязанія на территоріальную сатисфакцію русскіе, какъ извѣстно, основывали на нарушеніи шведами 2 параграфа Кардисскаго мира, гдѣ дѣло шло о должномъ соблюденіи титуловъ. По этому поводу они переслали шведамъ составленный ими докладъ въ 18 стр. in folio [1]). Начинается докладъ слѣдующимъ высокопарнымъ вступленіемъ: Настаетъ время намъ, царскаго величества великимъ и полномочнымъ посламъ, вамъ, королевскаго величества великимъ и полномочнымъ посламъ, говорить о великомъ и высокомъ и главномъ дѣлѣ, то-есть о второй кардисскаго вѣчнаго договору статьѣ, которая такъ со стороны королевскаго величества нарушена, что намъ его царскаго величества великимъ и полномочнымъ посламъ нетокмо объявлять жалостно, но и помышлять болѣзненно, какъ о томъ послѣдующее явитъ предложеніе. И всякъ умъ имѣяй разсудитъ, что честь высокихъ Божескою милостью монарховъ и великихъ государей многія и иныя трудности превосходитъ и превышаетъ многою и несравненною мѣрою, и всякъ вѣрный радъ слыша или видя, а наипаче превысочайшаго государя своего безчествуема и отъ имѣющихъ разумъ, а правду забывшихъ поносима и сердцемъ уязвляется и совѣстью возмущается, и до толь душою неуспокоится, доколь превысокаго государя своего безчестія отложенно и удовольствованіе за него со стороны тѣхъ, которые безчестятъ подобающее учиненно и совершенно видѣти сподобится [2]).

---

[1]) Этотъ докладъ на русскомъ и шведскомъ языкѣ — въ Стокгольмскомъ архивѣ.

[2]) Для интереса приводимъ и шведскій переводъ этого вступленія: Dett är nu den tydh, på hwilcken wy... Eder... om en stoor, hög och rätt hufwudsak... hwilken på K. M. sydha åhr så högt bruten, at wy det icke allenast med ängsligheet kunna optäckia, utan och med förtret påtäncka, som wår följande proposition wydare wysar, och hwar och en, som förstånd hafuer dömma kan, at dhe med Guds nåde Stoore Monarchers och store Regementers respect öfwergår altannat med ett stoort och olykeligt mått. Hwarföre hwar och en trogen tiänare seendes eller hörandes sin herres i synnerheet den högstes schimpf, utaf sådanna som skola hafwa förstånd, men lykwäll all rätt och billigheet afsides sätta, så får han som ett sår i sitt hjerta och i sitt sinne så conturberas, så att han intet kan hafwa någon roo, för än som hans höge herres skympf aldeles blifwer afwägentagen och

За вступленіемъ идетъ перечисленіе цѣлаго ряда случаевъ нарушенія шведами царскаго титула. Такъ 1) въ письмѣ шведскихъ регентовъ къ Іоанну Казиміру Польскому о томъ, чтобъ послѣдній не посылалъ своихъ пословъ въ Курляндію, во многихъ мѣстахъ умалялся царскій титулъ; 2) въ письмѣ самихъ регентовъ къ царю послѣдній названъ лишь великимъ княземъ 3); въ бытность русскихъ пословъ въ Стокгольмѣ о здоровіи царя справлялся не самъ король, а его секретарь Клингстедтъ. 4) Во время бунта Разина въ Ригѣ и другихъ шведскихъ городахъ печатались „авизы“ (avviser), въ которыхъ унижалось царское достоинство. „И такіе то полные лжи куранты подданными короля распространялись по всей Европѣ“ [1]). 5) Въ 1655 году въ Ревелѣ вышелъ недостойнѣйшій пасквиль на московскихъ царей. Авторомъ пасквиля былъ Іоаннъ Швабъ, его книга посвящена магистрату Ревеля и снабжена еще стишками, авторами которыхъ были все шведскіе подданные, какъ то Georg Goesius, Michael Ludwich, Isak Hedrag, Ioan Hartman. Въ этой пасквили Иванъ Васильевичъ названъ не царемъ, а тиранномъ [2]); затѣмъ въ ней говорится, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ русскіе стали такъ своевольно тиранствовать въ Ливоніи, что достойны того, чтобы имя ихъ покрыто было вѣчнымъ мракомъ. Царь уподобился Герострату, сжегшему храмъ въ Эфесѣ [3]). 6) Рижскій генералъ губернаторъ Ферзенъ въ письмѣ къ стольнику и воеводѣ псковскому—Петру Васильевичу Шереметеву—назвалъ царя Ѳедора Ѳеодоромъ Михайловичемъ, вмѣсто настоящаго отчества царя—Алексѣевича.

Въ виду всѣхъ этихъ недостойныхъ и оскорбительныхъ для царя умаленій его титула и титула его предшественниковъ онъ вынужденъ потребовать отъ шведскаго правительства сатисфакціи — уступки Ингерманландіи и Кореліи съ городами Ивангородъ, Кексгольмъ, Нотебургъ, Ямъ, Копорье и др.

---

en satisfaction kan sees blifwa giord utaf deras syda som dän wanheder hafwer tilfogat.

[1]) Men samma falska och orimlige tryckte och skrefne couranter hafwa K. M. undersåtare uthfaridt i alla landh, så att dett K. M. undersåtares falska och orimliga uthförande ännu wahrer uti hela Europa och Italien.

[2]) Ryske Rykets tyrann och Marteraren.

[3]) Muscoviterne hafwa under storförsten i Muscou Alexei M. begynnat at öfwa utj Liefland ett så stoort tyrannie, att dhe därföre ähre wäll wärde att et ewigt mörcker skulle deras nampn öfwertäckia, såsom är skrifwit om Herostrati nampn i Epheso... Herostratus hwilken war en gemen bondhe och utj Epheso upbrände ett afgude tempell.

Съ начала 1677 года въ Москвѣ ожидались значительныя перемѣны. Шведы ожидали лучшихъ временъ съ немилостью, постигшей Матвѣева; теперь, писали они, можно ожидать, что царь вернется къ болѣе разсудительной политикѣ [1]). Датскіе агенты, правда, дѣлали свое и теперь, когда въ войнѣ успѣхъ сталъ склоняться на сторону шведовъ; они съ большею еще энергіею старались поднять русскихъ противъ Швеціи. Находившійся въ Москвѣ шведскій агентъ Кохъ подробно доносилъ въ Стокгольмъ и Ревель объ этихъ датскихъ проискахъ [2]). Такъ какъ датчане дѣйствуютъ подкупами, то и Кохъ проситъ снабдить его тысячью-другой дукатовъ, надѣясь, что тогда число сторонниковъ Швеціи несомнѣнно увеличится. Шведскіе коммиссары писали своему государю изъ Ревеля, что Коху можно бы было вполнѣ довѣрить такую сумму денегъ, онъ человѣкъ осторожный и вѣрно идетъ къ цѣли [3]).

Къ осени 1677 года шведское правительство снова начинаетъ добиваться пограничнаго съѣзда, надѣясь уже на болѣе благопріятный исходъ его [4]); прошло много времени, а отъ русскихъ не приходило никакого отвѣта—только и слышно было, что объ интригахъ Даніи поднять Россію противъ Швеціи. Danicus minister omnem lapidem movit ad discordias promovendas et bellum inter vestram et hanc gentem ineundum et aggrediendum — пишетъ Кохъ изъ Москвы. Только къ концу 1680 года московское правительство рѣшилось, наконецъ, назначить трехъ лицъ для пограничнаго съѣзда съ шведскими комми-

---

[1]) Att Tsaren medh Guds hielp läre komma på raisonnablare tanckar.

[2]) Huruledes den danske Envoyén bemöder sigh der sammastädes på det högsta och igenom allahanda konster söker till att animera Ryssarne emot H. K. M. och Cronan Swerighe, men at han än intett haffwer någhet kunnat uthrätta, och at om han Koch i medler tydh hadhe 1000 ducater och någhet mehra uthi henderne, wille han tilltroo sigh dher medh at kunna giöra den anders negociation till intett och beredhe wåghen till en godh ändskap uthi dhe stridigheeter som ähre emillan H. K. M. och Tzaren...

[3]) Wy troo det Christian Kock, som hålles wara en förnufftigh man, hwilken bådhe förstår Ryssernes staat och kenner wål gemütherne, läre häruthinnan wara cautus och intet gå widere, än han seer sigh det säkert kunna göra.

[4]) 11-го октября 1677: sedan E. K. M. swar till Tzaren föruth war bortskickat—hafwa wi skrifwit Her General Gouverneuren i Narven till och begärat det han wille låtha wojwoden i Nougarden förstå, at så frampt Tzaren skulle wara sinnat at sända sine gesandter till gräntzen igen, till att reassumera tractaten hafwe H. K. M. gesandter också bekommit H. K. M. nådighe ordre, att hålla sigh der till färdighe.

сарами—Ивана Аѳанасьевича Прончищева, Григорія Карповича и Бобынина. Ожидаютъ отъѣзда ихъ изъ Москвы въ концѣ декабря [1]).

Споры возникли однако уже съ самаго начала изъ за мѣста новаго съѣзда. Шведы предложили Плюсу, русскіе прежнее мѣсто, что и въ 1676 году—Нюгузенъ. Переписка на эту тему продолжалась до апрѣля 1681 года [2]).

---

[1]) 30-го ноября 1680: Ich weiss nicht anders gleich jüngstes gemeldet, als dass Iwan Offonassiewitz Prontzischoff und Grigorij Karpowitz (welcher vor dem Dumnoj Diack in der Posolschen Pricass gewesen) nebst Bobinin nach denen Schwed. Grentz Tractate zu gehen beordret sein, und will man vor gewisse sagen, dass sie noch vor weihenachten von hinnen abreisen werden.

[2]) Остановимся на наиболѣе любопытныхъ моментахъ этой переписки. 9-го января русскіе писали въ поясненіе своего требованія собраться именно на новомъ мѣстѣ слѣдующее:... въ прошлыхъ лѣтахъ послѣ Мѣузицкихъ посольскихъ съѣздовъ въ разныхъ числахъ, такъ же и въ прошломъ году іюля 5-го дня къ великому государю нашему его королевское величество писалъ съ рееерендаріемъ съ Сомоиломъ Эосандеромъ, что его королевское величество съ великимъ государемъ нашимъ въ дружбѣ и любви быти и кардискій вѣчный мирный договоръ исправить и во исполненіе привести желаетъ; и того бы ради для договору заходящихъ трудностей того кардискаго вѣчнаго миру поврежденныхъ статей, которыя на прежнихъ съѣздахъ совершится не могли паки обоимъ великимъ и полномочнымъ посламъ съѣхаться, и чтобы великій государь нашъ для того изволилъ слать великихъ и полномочныхъ пословъ на границу, а его королевское величество на тѣ съѣзды назначилъ васъ; а съѣздамъ бы быть на рѣкѣ Плюсѣ, а есть ли великій государь нашъ того мѣста па рѣкѣ Плюсѣ принять неизволитъ, тогда бы съ обоихъ сторонъ обоихъ великихъ государей нашихъ посламъ къ тѣмъ съѣздамъ высланнымъ между собою учинить пересылку о иномъ мѣстѣ, и августа въ гі числѣ его царское величество къ государю вашему съ тѣмъ же ре ѳенцаріемъ въ своей царской грамотѣ писать изволилъ, что его царское величество воспріявъ о томъ вѣдомость указалъ по желанію королевскаго величества на тѣ съѣзды назначить насъ своихъ полномочныхъ пословъ, а съѣздамъ бы быть на прежнемъ мѣстѣ на рѣкѣ Мѣузицѣ и съѣхаться бы обоимъ намъ великимъ и полномочнымъ посламъ въ январѣ мѣсяцѣ, сего настоящаго года на томъ выше именованномъ мѣстѣ, а не на Плюсѣ, и по тому его царскаго величества изволенію мы — для договору и постановленія поврежденныхъ со стороны королевскаго величества кардисскаго вѣчнаго мира статей на съѣздъ съ вами къ назначенному времени изъ царствующаго великаго града Москвы отпущены, и въ великій Новгородъ пришли генваря въ первыхъ числахъ, а изъ великаго Новгорода ко Пскову пойдемъ мы сего же числа, и въ пути медлить нигдѣ небудемъ, а съѣхатись бы намъ обоимъ посламъ на прежнемъ мѣстѣ, на которомъ прежъ сего съѣзжались по изволенію обоихъ великихъ государей нашихъ обои же великіе и полномоченные послы межъ Печерскаго монастыря и Новагородка на рѣчкѣ Мѣузицѣ, гдѣ и нынѣ общее строеніе стоитъ въ цѣлости, а что къ тому для нынѣшняго зимняго времени съ нашей стороны доведется прибавить, и то

Въ 1679 году шведское правительство для своихъ торговыхъ дѣлъ

по указу его царскаго величества строятъ наскоро, чтобъ затѣмъ нашихъ обоихъ пословъ съѣздамъ медленіи не было, и вамъ бы къ тому прежнему мѣсту на рѣчку Мѣузицу для съѣзду съ нами ѣхать въ генварѣ мѣсяцѣ, а къ которому числу того генваря мѣсяца вы ктому мѣсту прибудете и о томъ мы... ожидати будемъ вашего королевскаго величества пословъ отповѣди во Псковѣ; а съ симъ листомъ послали къ вамъ новгородскаго подъячего Сидора Родіонова, при семъ васъ предаемъ въ сохраненіе всемогущему Богу и желаемъ съ вами видѣться на томъ вышепомянутомъ общемъ съѣзжемъ мѣстѣ дружелюбно вскорѣ.

18-го апрѣля русскіе потребовали категорическаго отвѣта отъ шведовъ, заявивъ, что никогда не съѣдутся со шведами въ иномъ мѣстѣ, какъ на рѣкѣ Мѣузицѣ у Нюгузена. (Så säya wy ännu till yttersta wår menning, at utom förra sammankomsts orten på Megositz anstår det ingalunda at sammankomma på någon annan ort, och hafwe wy där till ingen Z. M. ordre och warde wy aldrig kommandes medh eder tillhopa annorstädes än på Megositz). Шведы „rotunde" отвергли Нюгузенъ и стояли на Плюсѣ. Изъ предполагавшагося пограничнаго съѣзда ничего не вышло.

15-го февраля русскіе послы писали съ Родіоновымъ: на посланный нами къ вамъ листъ обѣщали вы прислать отповѣдь и свою мысль намъ объявить черезъ нарочнаго, посланнаго своего; ругодивскій переводчикъ Эрихъ Гофманъ вручилъ намъ листъ вами писанный въ Ругодивѣ февраля 3-го дня, изъ котораго мы выразумѣли, что великаго государя нашего его цар. в-ва посланники бывшіе у государя вашего въ прошломъ году въ отвѣтахъ повѣрющей царскаго вел-ва грамоты будто предлагали и искали того-же, дабы его кор. в-во послалъ своихъ пословъ на рубежъ, чтобы съѣхавшись паки договоры начать, и всякія спорныя дѣла, которыя между обоими государями нашими выросли, успокоить, по вѣчному кардисскому мирному договору и будто по предложенію тѣхъ нашего царс. в-ва посланниковъ его кор. в-о съ своей стороны то учинить склонился, и васъ своихъ пословъ послать на рубежъ изволилъ,—на то мы Вамъ чинимъ отповѣдь: въ прошломъ году его ц. в. посланники къ государю нашему посыланы потому, понеже до посылки еще тѣхъ цар. в-а посланниковъ за долгое время послѣ первыхъ посольскихъ мѣузицкихъ съѣздовъ вскорѣ въ прошломъ году октября въ г҃ къ великому государю нашему государь вашъ въ грамотѣ своей писалъ, которая писана въ аҳоз году въ Шконской землѣ въ Ронеберхѣ мая кє дня, чтобы ихъ спорные и поврежденныя статьи, которыя въ прежнихъ мѣузицкихъ съѣздахъ совершенія своего не воспріяли паки чрезъ договоры лучше на съѣздахъ нежели пространными грамотами пересылаться совершиться могли, и что доведется говорить и о томъ бы дабы паки обоимъ посламъ на рубежѣ съѣхаться вскорѣ и чрезъ договоры тѣ спорныя и тяжкія дѣла уговорить и успокоить, и того ради его кор. в-о назначилъ прежнихъ своихъ пословъ, желалъ того, чтобы его ц. в-о на тѣ съѣзды своихъ пословъ послать указалъ, по коему кор. ве-а желанію и царское в-о на то склониться изволилъ, и тогда же великихъ пословъ своихъ назначить указалъ, и къ кор. в-у въ своей грамотѣ писалъ того же году октября въ кі, и тѣ его ц-аго в-ва посланники будучи кор-аго в-а съ думными людьми въ отвѣтахъ говорили, когда кор-ое в-о съ великимъ государемъ нашимъ въ

снарядило въ Москву Христофора Коха уже съ титуломъ королевскаго

дружбѣ и любви быти и кардиск. договору поврежденныя статьи исправить желаетъ, а своихъ пословъ на съѣзды посылаетъ и по его кор. в-а желанію и по грамотѣ его ц-а в-о своихъ пословъ на съѣзды послать изволилъ же, только бы тѣ его кор. в-а послы были съ полною о договариваніи (удовольства), по предложенію его ц-аго в-а пословъ, на Мѣузицѣ бывшихъ, мочью, а не такъ какъ его кор. в-а послы, будучи на мѣузицкихъ посольскихъ съѣздахъ въ прошломъ во кпе году, учинили необыкновенно, не соверша съѣздовъ и обоихъ вел. государей дѣлъ и невидѣвшись съ послами его цар. в-а съ посольскаго стану уѣхали тайно, чего было чинить имъ негодилось, и тѣмъ ц. в-а посланникомъ к-аго в-а высланные въ отвѣты по указу королевскаго в-а въ третьемъ отвѣтѣ объявили, что съ великимъ госу-емъ нашимъ его кор. в-о въ дружбѣ и любви быти и кард. договору нарушенныя и поврежденныя статьи во исполненіе привести желаетъ, а успокоить бы ихъ такимъ способомъ какъ его кор. в-о до пріѣзду тѣхъ ц. в-а посланниковъ къ его ц. в-у въ грамотѣ своей посланной из роненъберха мая кр числа писалъ, чтобы паки съ обоихъ сторонъ великимъ посламъ на рубежѣ съѣхатись и тѣ спорныя дѣла успокоить, о чемъ въ грамотѣ своей къ его ц. в-у его кор. в-о съ тѣми же его ц-аго в-а посланники и паки писалъ, какъ и сверхъ того и нарочнымъ своимъ посланникомъ съ Самоиломъ Эосандеромъ въ третьей своей кор-аго в-а грамотѣ прошлаго году писалъ же, что его к-ое в-о дни договоровъ на съѣзды назначилъ и высылаетъ вамъ своихъ пословъ, и по тому коро-аго в-а желанію и письму ц-а в-о и насъ своихъ великихъ и полном. пословъ на съѣзды для успокоенія заходящихъ трудностей и поврежденныхъ со стороны к-аго в-а кардискаго договору статей слати изволилъ, и то вы — в-аго государя нашего на посланниковъ о желаніи съѣздовъ причитаете и нарекаете мимо правды, потому что о съѣздахъ желаніе начало быть со стороны к-аго в-а, какъ вамъ о томъ подлинно и правдиво объявили мы выше сего, токмо нынѣ мы къ вамъ больше и пространнѣе о томъ писать непохотѣли, дабы во многихъ нашихъ пространно писаныхъ пересылкахъ долгое время безъ дѣла напрасно не проходило, а учнемъ съ вами говоритъ о томъ, дастъ Богъ, когда время будетъ на съѣздахъ, а что въ листѣ же вашемъ написано—о съѣздѣ по Плюссѣ, то сего не бываетъ и т. д. Царь послѣ даетъ говорить: по повелѣнія его ц-аго в-а мы къ намѣренному съѣзжему мѣсту къ рѣчкѣ Мѣузицѣ въ первыхъ числахъ января отправ., и ожидаемъ вашего пріѣзду к тому же мѣсту... На другомъ мѣстѣ, на Мѣузицѣ— послы никогда не съѣдутся: и вамъ бы по нашему къ вамъ прежнему и нынѣшнему объявленію къ тому вышеименованному съѣзжему мѣсту на рѣчку Мѣузицу прибытіе свое учинить безъ всякаго отлагательства и премѣнія и многихъ обсылокъ, скорѣ, чтобы въ такихъ отлагательныхъ премѣніяхъ и многихъ обсылкахъ обоихъ государей нашихъ великимъ государственнымъ дѣламъ и нашимъ посольскимъ съѣздамъ продолженія и проволочки и убытковъ доле сего не чинилось, понеже тому дѣлу нынѣ время настоитъ.

15-го іюня послѣдовалъ отвѣтъ русскихъ на предложенное шведами tertium locum съѣзда. Съѣздъ, писали русскіе, можетъ состояться только на Мѣузицѣ, „потому что то мѣузицкое мѣсто по грамотѣ великаго государя нашего посланной еще въ прошломъ году государь нашъ принялъ безспорно и до сего времени

коммерціи-фактора [1]). Король предписалъ ему—по выполненіи имъ данной миссіи—остаться нѣкоторое время въ Москвѣ для своихъ частныхъ дѣлъ, на самомъ же дѣлѣ, разумѣется, для того, чтобы тамъ высматривать положеніе дѣлъ [2]).

Путешествіе Коха сопряжено было съ цѣлымъ рядомъ неудобствъ и происшествій, его подолгу задерживали, „подозрительно осматривали"; 3-го апрѣля онъ прибылъ въ Новгородъ. 19-го числа онъ былъ подъ Москвою, гдѣ въ с. Черкизовѣ (Zirkisowa) выжидалъ прибытія пристава. Тутъ загорѣлся домъ, гдѣ поселился Кохъ, и онъ едва спасся: огонь сразу охватилъ весь домъ. Все имущество Коха погибло [3]). 22-го числа Кохъ прибылъ въ Москву, гдѣ на 7-е мая назначено было совѣщаніе царскихъ совѣтниковъ. 7-го мая происходила конференція въ посольскомъ приказѣ по поводу миссіи Коха; въ ней приняли участіе думный дьякъ Ларіонъ Ивановичъ, дьякъ Василій Ивановичъ Бобынинъ и дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ. Послѣдній заявилъ, что изъ письма короля Карла усматривается желаніе его имѣть по торговымъ дѣламъ въ Москвѣ представителя, которому надлежало надзирать за торговымъ дворомъ шведовъ, вступаться за ихъ права и содѣйствовать ихъ торговымъ предпріятіямъ. Царь

не спорить и къ царскому величеству о премененіи того мѣста не писалъ, а государю вашему нынѣ съѣзжаго мѣста обирать недоведется для того, что въ прошлыхъ годахъ на рѣкѣ Плюсѣ съѣзды были многіе по желанію со стороны королевскаго величества, а на Мѣузицѣ по изволенію великаго государя нашего, съѣздъ былъ только въ одно время, которыя дѣла того съѣзду и по се время совершенія своего еще не воспріяли, и нынѣ съѣзду довлѣетъ быти по самой сущей правдѣ на прежнемъ же мѣстѣ на рѣчкѣ Мѣузицѣ, а не на Плюсѣ и не въ иныхъ мѣстахъ, да и потому вамъ доведется на съѣзжее мѣсто на Мѣузицу ѣхать безъ медленія, а о иномъ мѣстѣ далѣ сего спору не чинить.

[1]) ...dass ich mich anhero in E. Z. M. grosse Residentz begeben und den Ewigen Friedens Pacten gemäss dafür sorge tragen solte, so woll dass der Handell zwischen beyder grossen Herren Reichen, Staten und Unterthanen zu deren beyder grossen nutzen und unterhaltung vertraulicher Freundt und nachbarschafft in flor und auffnehmen gebracht, und wass zu beyder grossen herrn und deren unterthanen wollstand dienlich auff beste befordert würde, als auff den Schwedischen Commercienhoff guthe acht zu haben und denselben in behörigen zustande und baulichen wesen zu erhalten.

[2]) mit solcher ordre, dafern der Zaar mich bey diesen zeiten in Muscow nicht dulden würde, ich mich wegen meiner particulier angelegenheiten und schuldforderungen daselbst en noch eine zeit lang zu verweilen und die correspondence mit Ewr. K. M. Cantzelers in Stockholm zu continuiren suchen solte.

[3]) Dass nebst den gantzen hofe auch schier alle meine Habseligkeit in schneller Eile angegriffen und zu Asche gemacht war.

удивленъ, какъ это король, самъ нарушившій миръ умаленіемъ царскаго величія и отозваніемъ своихъ пословъ изъ Нюгузена, теперь ходатайствуетъ объ учрежденіи должности прежнихъ торговыхъ агентовъ. „Царь, какъ глазъ свой, бережетъ вѣчный миръ", король же нарушаетъ его на каждомъ шагу и отказывается при этомъ отъ требуемой сатисфакціи. Если новые послы, которыхъ царь намѣренъ отправить къ королю съ требованіемъ сатисфакціи, принесутъ удовлетворительный отвѣтъ, царь съ удовольствіемъ разрѣшитъ Коху остаться въ Москвѣ въ качествѣ резидента, въ противномъ же случаѣ ни одному агенту Швеціи не будетъ разрѣшено пребываніе въ Москвѣ [1]).

Дальнѣйшія представленія Коха послѣ такого категорическаго заявленія царскихъ совѣтниковъ были напрасны; на его указанія о томъ, сколькимъ лишеніямъ и опасностямъ онъ подвергался на пути въ Москву, одинъ изъ дьяковъ напомнилъ ему исторію Іова [2]). Коху не безъ злорадства указывали на необыкновенный „фаворъ", какимъ

---

[1]) Стокг. арх. Muscovitica. Commisarien i Moskwa Christoffer Kochs (von Kochen) reseberättelse samt bref till Hofrådet Bergenhielm. 1679—1683. Письмо 12-го мая 1679: „...dass Ihre Z. M. auss Ihr K. M. brieff wie auch aus mein vollmacht Jhre K. M. meinung ersehen, welcher gestalt Jhr K. M. mir alhier zu verbleiben, den Kön. Schwedischen Handels hausse zu bebauwen, dero unterthanen an hiesigen hoeffe im Ihrer rechtmässigen sache vorstehen und die Commercien beforderung suchen solte, weyln aber Jhrer K. M. den Frieden selbst gebrochen in dem Sie Ihrer Z. M. hoheit überschen hetten, und dass Jhre K. M. grosse und gevollmächtigte Herren Gesandten, wieder gebrauch von denen gräntzen zu Megositz ohne Rechten abscheid gewichen, auch bis dato keine satisfaction von Jhrer K. M. an Jhrer Z. M. desswegen erstattet hetten, zu dem so geschehe Jhrer Z. M. unterthanen, in Jhrer K. M. Stätten, so viel gewalt und beschwer, dass den Ewigen frieden auch zuwieder wehre, dagegen Jhre Z. M. den Ewigen Frieden, wie eines Menschen auge in acht zu nehmen allemahl anbefohlen, weyln den in eine solche grosse sache keine richtigkeit gemachet, noch satisfaction an Jhrer Zar. M. gegeben worden, so werden Jhre Z. M. Jhre Abgesandten als Stolnick und Polkofnick Jurie Petrowitz Lutochin und Diaeck Wassillij Jwanowitz Bobinin an Jhrer K. M. ablassen, wan alsdan einige satisfaction von Jhrer K. M. an Jhrer Z. M. gegeben und in allem einige richtigkeit geschlossen werden solte, als den würde Jhr Z. M. einen von Jhrer K. M. an hiesigen hoeffe zu halten sich nicht weigern, anitzo aber wehre von Jhrer Z. M. gäntzlich resoluiret worden, dass wegen oberzehlter uhrsachen (und so lange die hauptsache nicht abgethan, in einer kleinen sache insonderheit von handlungen, die nichts zu achten sein etwas bewilliget werden) keine alhier von Jhrer K. M. verbleiben könte, deshalben Jch mit einen brieff wieder abgefertiget werden solte.

[2]) dass es gottes wille so wehre und erzehlete mir Hiobs Historie.

датскій резидентъ и коммерціи факторъ, Генрихъ Бутенанъ (Henrich Butenant), пользовался въ Москвѣ. До Коха доходили извѣстія и о дипломатическихъ интригахъ Копенгагенскаго кабинета съ цѣлью поднять Россію противъ Швеціи.

Кохъ добился права по своимъ частнымъ дѣламъ оставаться еще нѣкоторое время въ Москвѣ, откуда присылалъ своему правительству любопытныя донесенія не только о чисто торговыхъ и политическихъ вопросахъ, но и о своихъ культурныхъ наблюденіяхъ надъ русскою жизнью.

Русскіе не были довольны его долгимъ пребываніемъ и требовали его отъѣзда. 13-го мая онъ переслалъ чрезъ своего пристава и переводчика Мейснера въ посольскій приказъ списокъ долговыхъ обязательствъ, по которымъ онъ еще долженъ былъ получить кое какіе долги въ Москвѣ. Заявленіе его прочли, но тутъ же потребовали отъ Коха, чтобы онъ скорѣе устраивалъ свои дѣла и покинулъ Москву. Къ іюню это требованіе стало высказываться въ болѣе категорическомъ тонѣ, наконецъ, оно приняло даже характеръ угрозъ и Коха лишили содержанія. Но онъ все упорствовалъ, говоря, что до Рождества никакъ не можетъ покончить своихъ дѣлъ, ссылался на рекомендательное письмо своего короля [1]). Вскорѣ онъ узналъ, что отъ короля ожидается новый express съ письмомъ къ царю, онъ заявилъ объ этомъ въ посольскомъ приказѣ и тогда только его оставили въ покоѣ [2]). 5-го января пришло письмо короля, только 20-го февраля Кохъ

---

[1]) Weil ich nun Kundtschafft hatte, dass mir E. K. M. gnädigstem Willen gemäss in der ersten qualität allda zu verbleiben nicht würde gestattet werden, habe Jch E. K. M. Recommendation schreiben wegen meiner privat-schuldforderung den 13 dito durch den translatoren Meissner und meinen Pristaven in der Posolschen Pricass überreichen lassen, auch auff begehren eine Specification meiner aussstehenden Schulden eingesant, die mir hernach wieder zurucke geliefert, mit vermelden, es solte zwar so viel möglich von meinen Schulden eingetrieben werden, Jch aber muste mich inzwischen nicht desto weniger zu meiner abreise fertig halten.

[2]) aber den 19 Juni die abkundigung des tractaments und tagtäglich die erinnerung meiner abreise, die ich... bis nach weinachten versagen, da man die ermahnung zu schärfen und mich mit grossem ungestumb von dannen schier zu vertreiben begunte; ich erhielte aber zu rechter Zeit auch die nachricht, dass der Translator Hafman mit einem anderwertigen Schreiben E. K. M. an den Zaaren unterwegen, welches von mir solte übergeben werden, dasselbe notificirte ich in der Posolscher Prikas und befreyete mich dadurch des fernern antriebs zur reise, erhielt auch solch schreiben den 5 Juni.

могъ передать его по назначенію. 5-го марта послѣдовалъ отвѣтъ царя королю.

Послѣ этого приставы снова стали напоминать Коху о необходимости покинуть Москву. Видя, что противиться было бы теперь безполезно, Кохъ составилъ обстоятельную протестацію, въ которой перечислялъ всѣ несправедливости и притѣсненія, какимъ его подвергали въ бытность его въ Москвѣ, и переслалъ ее думному дьяку Ларіону Ивановичу. 12-го марта Кохъ въ сопровожденіи Якова Гюттнера оставилъ Москву [1]). На жалобы Коха о плохомъ и скудномъ содержаніи Гюттнеръ замѣтилъ, что всего лучше было бы предоставить иностраннымъ посламъ и агентамъ жить на счетъ своего правительства, какъ это ведется во всѣхъ европейскихъ государствахъ, тогда прекратились бы безконечныя неудовольствія и жалобы, да и свиту пословъ, прибавилъ онъ, слѣдовало бы уменьшить [2]). Русскіе въ переговорахъ съ Кохомъ указывали ему, какъ много русскимъ торговымъ людямъ приходится терпѣть въ шведскихъ городахъ; въ случаяхъ, напримѣръ, какихъ нибудь судебныхъ процессовъ, ихъ влекутъ изъ инстанціи въ инстанцію, заставляютъ терять столько времени, что русскіе предпочли бы потерять совсѣмъ свое дѣло, чѣмъ подвергаться столькимъ униженіямъ и затратамъ. Такой случай былъ съ однимъ псковитяниномъ, Семеномъ Фомичемъ Меншиковымъ, судившимся съ однимъ ревельскимъ купцомъ, Томасомъ Цурмюленомъ. Сначала дѣло ихъ разбиралось въ Нарвѣ, затѣмъ оно перенесено было въ гофгерихтъ въ Дерптъ, отсюда, наконецъ, въ Ревель, и это на

---

[1]) Und weil ich woll verspüret, dass ich jhrem ungestümb länger nicht würde wiederstehen können, habe ich wegen des mit mir vorgenommenen harten verfahrens und anderer dem Ewigen frieden zu wieder lauffenden proceduren copialiter beygefügte Protestation sub Lit. B. an den Dumnoj Diack Larriwon Iwanowitz durch E. K. M. Translatoren Erich Hafman übergeben lassen, und mich darauff den 12 Martij in begleitung Jacob Hüttners aus Mosco begeben, der mich auch als Pristav bis an Ew. K. M. grentzen convoyret.

[2]) Obs nicht dienlich wehre, bey künfftiger gräntz tractaten vorzuschlagen und wo möglich es dahin zu bringen, dass jedweder Potentaten Abgesante und Ministri sich nach der an andern Europäischen Höffen üblichen gewonheit auff Jhres Principalis eigenen kosten, bestes sie selbst wolten verpflegen müsten, ohn allein dass gleichwoll die Schüssung die man sonsten offters vor geldh nicht zurgnüge haben kan, wie vorhin frey und exemt bleiben müste. Dergestalt würden dergleichen beschwerden über den mangel gebührlichen tractaments auffhören, und die Reussen Jhre seite bedencken tragen, E. K. M. königlichen Hoff mit so starcker suite, wie sie bishero gewohnt gewesen, zu belästigen.

томъ основаніи, что такъ какъ здѣсь первоначально заключенъ былъ торговый контрактъ Меншикова и Цурмюлена, то здѣсь же только онъ могъ быть и окончательно разобранъ. Кохъ съ своей стороны указываетъ королю, какъ въ данномъ случаѣ справедливы жалобы русскихъ и какъ важно было бы на будущее время отмѣнить всѣ эти затруднительныя процедуры и разбирать дѣла тамъ, гдѣ они случились, не перенося ихъ изъ одной инстанціи въ другую [1]).

---

[1]) Letzlich kan ich auch nicht umbhin E. K. M. eine beschwerde welche die Reussen hart drücket, und sie zu eifriger fortsetzung der negotie in E. K. M. Ländern und Städten sehr unlustig machet zur allergnädigsten remedirung gehorsambst vorzutragen. Den sie beschweren sich, dass wan sie über den handell mit E. K. M. kauffleuten streitig werden, und die sache also vor den Richter gedreyet, man sie mit ordentlichen Processen durch alle instantien gravire und müde mache, auch woll da bereits eine sache vor dem gerichte einer stadt, dahin sie zugehören gäntzlich geglaubet worden, aussgeführet, die Obergerichte auff des gegentheils anhalten selbe wol gantz nach einerandern weiter entlegenen stadt verweisen, dorten auffs neue auf zu nehmen und also wieder durch alle instantien zu schleppen, dass sie eher sich ihres rechts zu begeben, als solche geldt fressende und ihnen allerdings ungewönliche weitläuffigkeiten ausszuharren öffters resoluiren mussen, allermassen dan ein Plescowiter Semön Fominsin Menschikoff sich höchst beschweret, dass da Er mit einen Revalschen Kauffman Thomas zur Mühlen vor dem Stadt gerichte zu Narva neulich in quaestion gerathen und gäntzlich geglaubet, Er versirte von den rechten foro, weil selbe Stadt zum orthe der ablieferung und handels consumation von beyden seiten beliebet, dass K. Hoffgerichte Dorpat, solche Sache die bereits zur Narva aussgeführet und entschieden gewehsen, nacher Reval, wo selbst der Contract anfänglich geschlossen umb daselbst aufs neue auf genommen zu werden verwiesen. Wäre demnach mein unvergreifflicher unterthänigster vorschlag, ob E. K. M. nicht für guth befinden möchten guädigst zu resolviren, das zu beforderung der negotie dero unterthanen schüldig sein solten, an welchem orthe sie von denen Reussen zuerst angetroffen und belanget werden, bevorab an dem orthe, da die Lieferung beyder seitigen Wharen und gelder geschehen soll, als woselbst der mangel einer oder ander seite am ersten betroffen wirdt, und am negsten remediret werden kan, Jhnen zu antworten, die gerichte aber verpflichtet in solchen fällen dass sommarische oder gastrecht ausser einigen weitläuffigkeiten und andern etwan nicht sonders nötigen formalitäten zu exerciren und dass schliesslig das Kön. Hoffgericht, dafern die action durch appellation dahin gedeyet, gleichfals befehliget werde, unerwartet der ordinairen Session, die jährlich nur einmahl gehalten wirdt, selbe auffzunehmen und mittelst herumbsendung der acten gleich in criminalibus und andern fällen, die keine moram leiden, üblich denn wass recht und dem kauffman styl gemäss zu erkennen.

Klingstedt писалъ еще въ февралѣ 1678 года о желаніи русскихъ, „at öfwerstatthållarn i Stockholm General gouverneurerne och gouverneurer, skoola sielffwa den samma—justiti—wesendet—administera på wår sjda, lyka som det skeer hoos dem uthaff Woiwoderne; ty sidst hafwer dhe ryske Legaterne förklarat

Въ 1680 году въ Москву отправленъ былъ Эосандеръ [1]). Его аудіенція состоялась 30-го іюля. Къ послу сильно придирался, разсказываетъ самъ Эосандеръ, Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, обвинявшій его въ томъ, будто бы тотъ не достаточно почтительно привѣтствовалъ царя. Эосандеръ, донося объ этомъ, утверждаетъ, что Долгорукій былъ совершенно невмѣняемъ, такъ какъ сильно выпилъ. Изъ переговоровъ съ царскими совѣтниками выяснилось, что уполномоченные вести переговоры со шведами отправятся въ январѣ 1681 года на границу. Много спорили о мѣстѣ будущаго съѣзда, но по пред-

---

at Tzaren will i widriget fall förordna någre aff borgerskapet uti sina städer, som skoole giöre dhe swenska undersåthare så stoor orätt, som borgemästare och Rådh uthi wåra Städer giöra deras undersåthare,—så som deras egne skamlösa ordh lydde.—Затѣмъ: att fåå fritt handle uthi alla H. K. M. städer och serdeles uthi Ryga, både uthi gross och minut, såsom och gäst med gäst.—Въ письмѣ отъ 28-го февраля: Det åhr till beklagha at wår armee som skulle marchera till Pryssen, haffwer måst komma tillbaka igen, och Gudh gifwe at wy derigenom icke råka uthi någhon widlyfftigheet medh Konungen och Republiquen Polandh; förat efftersom alle magnater, dhe fåå undantagendes som hår till haffwe warit aff Konungens partie, och störste deelen uthi heele Ryket, intet draga något gått sinne till oss, enkannerligen Lithouerne, som gerna skulle see, om dhe kunde recuperera Lifland, hwilcket så mycket mehra åhr der uthaff till märckia, som dhe föra ännu starostierne i Liflandh uthi deras titlar, och emedhan dhe nu samptligh förnimma, at wy haffwer giort en alliance medh Konungen à part, kan håndha, att dhe uthtydha den samme till praejudice aff deras libertet och fryheet; och såsom at efftersom K. i Pålandh förmärker, att icke allenast heela hans dessein igenom wårt dröysmåhl blifwer förryckt uthan och att han sielff kommer uthi afwågh misstanka hoos sine undersåthare och jagh dessföruthan icke aldeles uthan orsack befruchtar, det högstb. Kon. kunde hereffter få någhon efftterrättelse om the instructioner, som H. Ex. saligh Her Bengt Horn åhre gifne, och om han deruthaff skulle kunna förnimma, att dhe icke uthi allmåtto komma öfwerens medh dhe concepter, som han sigh giordh haffwer, tordhe han uthaff alt sådant wända den affection, som han fördetta till oss dragit haffwer, för det lucrum, som han uthaff wår alliance hadhe förmodat, uthi en animositet emot oss, for den skuldh, som han till äfwentyrs lära oss imputera, icke allenast contrarij eventus, uthan och befahradt widlyfftigheet med sine egne vndersåthare, hälst efftersom högstbem. Kon. iblandh dhem månge sine fiender haffuer, som kanske gerna skulle sökia tillfälle att giöra en confoederation emot honom. Hadhe man taget tidhen i ackt, så förmeenar man wist att wy medh 4 à 5000 ducater wåll haffwer kunnat ställa Lithowske feltherrn Pac tillfreds, så att han intett skulle haffwa giort oss något mootständh. При такихъ то обстоятельствахъ нѣтъ сомнѣнія, что—буде Польша захотѣла бы объявить намъ войну—Россія соединится съ ней съ тѣмъ, чтобы захватить Ингерманландію, а Польша Ливонію.

[1]) Ср. Eosanders Relation om dess beskickningh till Russland 1680. Ср. Acta angående grentzemöten med Ryska gesandterne åhr 1675, 1676 och årh 1681.

ложенію Эосандера сошлись на томъ, чтобы уполномоченные съ обѣихъ сторонъ сами рѣшили этотъ вопросъ по прибытіи своемъ въ Нарву и Новгородъ [1]).

14-го августа Эосандеръ получилъ свой отпускъ. На аудіенціи царь слегка лишь коснулся шапки, когда передавалъ поклонъ королю, чему Эосандеръ придалъ большое значеніе. Начавъ по этому поводу разговоръ съ приставами, онъ не могъ однако ничего добиться и сказалъ, что донесетъ объ этомъ своему королю. Шведскій король, сказали ему, также точно поступилъ въ послѣдній разъ, когда свой поклонъ передавалъ царю чрезъ русскаго экспресса. 19-го августа Эосандеръ уѣхалъ изъ Москвы.

Вторая половина 1681 года богата разнаго рода свѣдѣніями изъ Москвы и другихъ русскихъ городовъ. Съ ожидавшеюся смертью царя Ѳедора соединялись самыя разнообразныя предположенія. Всего больше общество интересовалось вопросомъ о его наслѣдникѣ. Старшаго брата характеризовали какъ совершенно негоднаго для правленія, младшаго хвалили за его бойкость, здоровье, отъ него многаго ожидали. „Сторонники Ивана и сами называли послѣдняго не иначе какъ неуклюжимъ бревномъ" [2]).

Нѣсколько ожили въ Москвѣ только съ заключеніемъ 20-лѣтняго мира съ Турціей. Голландскій резидентъ думаетъ, что съ этимъ событіемъ измѣнятся еще къ худшему отношенія съ Швеціей: дипломаты заговорятъ съ ней еще болѣе рѣшительнымъ тономъ. Онъ съ своей стороны энергично убѣждалъ русскихъ жить въ мирѣ съ шведами, положеніе которыхъ теперь значительно улучшилось [3]).

Турецкій миръ праздновался съ большою торжественностью. Мы имѣемъ описаніе такого празднованія въ Новгородѣ [4]). Прочтена была

---

[1]) men blef omsider effter min instructions lydelse beslutit, att när store Gesandterne å både sydor komma till Narwa och Nogorden. skola de sielfwe sinsemellan derom correspondera och förlykas.

[2]) Iohan-alldeles oduglig till Regementet, warandes hullen för deen som intet hafwer sine alle sinnen... att fast han än intet mehra wore än een stock som hafwer lyf uthi sig. Peter—een frisk och quick herre, gyfwer een stoor förhopning om sigh.

[3]) 10-го мая 1681 г.: De dumnoi diaeck, Emelian Ukraintzoff sal naer de Turck voor Envoyé gaen, daer nu vreede voor 20 Jaeren met hebben, nu begint men de Heere Sweden te dreyyen, seggen verscheyde plaetsen weerom willen hebben, dat den tijdt sal leeren.

[4]) Heute (17-го мая) haben die Reussen hier ein Danckfest, wegen den Turkischen und Tartarischen Frieden (so auff 20 Jahren geschlossen) gehalten. Des

всенародно царская грамота (о чемъ предварительно оповѣстили народъ торжественнымъ звономъ колоколовъ). Радость общая; многимъ роздали награды. Русскіе высоко подняли голову; новгородскіе купцы въ особенности. По городу ходили самые разнорѣчивые толки, вызванные между прочимъ извѣстіемъ о скоромъ пріѣздѣ въ Новгородъ изъ Пскова датскаго envoyé — Габельна. Все предвѣщаетъ скорую войну [1]): русскіе не отступятъ отъ своихъ требованій сатисфакціи, то-есть отъ Ингерманландіи и Кореліи [2]). Придирчивость русскихъ приставовъ становится прямо вызывающею; разыскивая старые акты, они отмѣчаютъ въ нихъ рядъ ошибокъ, такъ шведы пишутъ obladatell, вмѣсто oblaadatel, Fedor вмѣсто Feodor и т. д. Шведы съ своей стороны отвѣчали на это указаніемъ разныхъ нарушеній титуловъ и въ русскихъ актахъ, привели и возмутительный, по ихъ мнѣнію, фактъ, что въ одномъ письмѣ русскихъ вмѣсто королевское величество написано „koroffskoe welitzestwo". Понятно, что при такомъ взаимномъ настроеніи о пограничномъ съѣздѣ нечего было и думать, и когда шведы предложили русскимъ, оставивъ Плюсу и Нюгузенъ, остановиться на какомъ-нибудь третьемъ мѣстѣ, послѣдовалъ рѣшительный отказъ въ такой формѣ: или Мегозитцъ, или съѣздъ не со-

---

Zaaren brieff so desswegen anhero gesant ist offentlich verlesen worden, und haben vorher über 2 stunden mit der grosse Glocke geläutet, darmit der gemeine man sich nach dem schloss verfügen und des Zaaren brieff anhören solten. Die Reussen sein anitzo sehr hochmütig. Hiesige kauffleuten stehen anitzo in dubio ob sie Jhre wahren nach Stockholm absenden, sondern vors erste absehen was der Reussischen Legaten Expresser auss Moscow mit bringen wirdt, wornach sie sich richten wollen. Zumahln die Reussen sehr stoltze sein und gehen alhier wunderliche Reden umb. Innerhalb 8 Tagen wirdt ein Konigl. Dänischer Abgeschickte alhier von Pleskow erwarthet, welcher seine reyse auff Moscow zu befordern sehr schleunig suchen solle.

[1]) Sonsten gehen alhier allerhande unfreuntliche Reden im schwange auch so, dass es schwerlich friedlich abgehen wirdt.

[2]) Псковъ, 18-го мая... dass man zu ietziger zeit wachsam sey, mit versicherung dass nichts anders zue vermuthen, als eine ruptur, denn sie, die Legaten ordre haben fest auf ihren vorigen praetensionen zue verharren, nemb. dass sie Ingermanlandt vndt Corelen wieder begehren. Es möchte gar leicht dieser seiten der friede gebrochen vndt ehe wier uns vermuthen, mit Ihren Völckern überzogen werden, belastet mir, es an gebührenden Ohrt zu hinterbringen, dass wir uns bey vorfallen vorzusehen haben bestant zue sein... In summa es scheinet, dass sie durch diesen stillstandt einen muth schöpfen... Es ist so unter der gemeine aussgebracht, dass nichts anders, als ein krieg zwischen Ihr K. M. und denen hiesigen erfolgen werde.

стоится [1]). Разрывъ представлялся многимъ шведамъ неминуемымъ, несмотря на то, что Прончищевъ считался сторонникомъ дружественной политики по отношенію къ Швеціи [2]).

На предложеніе Коха послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ русскихъ (12-го августа): „Сего августа намъ вручилъ вашъ присланной листъ королевскаго величества комисаръ Христофоръ Кохъ, въ которомъ написано, будто о съѣзжемъ мѣстѣ ненадобные споры и задержанія обоихъ государей великимъ дѣламъ чинятся отъ насъ, потому что мы вашего намѣренія о договорѣ иного мѣста не приняли, которое вы объявляли намъ будто по правдѣ, и по послѣднему нашему намѣренію его королевское величество узналъ наше о томъ упорство, что радѣнія и охоты у насъ къ тому будто нѣтъ, и чаете вы, что будемъ мы на съѣздахъ нѣкакія дѣла противныя мирнымъ договорамъ распространяти и съ которыхъ ни малаго полученія не будетъ, токмо ожидати нѣкоторыхъ противностей, и впредь бы мы напрасно никогда ни мало надежды въ томъ не имѣли, дабы нѣчто отъ его королевскаго величества себѣ получити, а сверхъ того вручили вы о томъ намъ объявити изустно тому вышеобъявленному Христофору и что онъ намъ учнетъ объявлять, тому бы вѣрить, и чрезъ то могли бы вы наше послѣднее намѣреніе провѣдать, а присланный вашъ Христофоръ Кохъ намъ именемъ васъ предложилъ, что вы для договариванія обоихъ государей великихъ государственныхъ дѣлъ на съѣзды съ нами на рѣчку Мѣузицу никогда не поѣдете и имѣете о томъ королевскаго величества крѣпкой у себя присланный новый указъ, а обрати бы намъ съ вами для съѣздовъ отставя Мѣузицу и Плюсу иное мѣсто, да при томъ онъ же Христофоръ Кохъ предлагалъ намъ нѣкоторыя иныя дѣла, о которыхъ было не токмо ему довелось съ нами говорить, но и объявить ему непристойно, понеже

---

[1]) och att wäre uthschickade skole komma tillsamman at tala om een annan sammankomst ort än Megositz är intet wärdt. Письмо Коха отъ 6-го сентября 1681 г.: Praeses der Posolsk. Prikas Larion Iwanowitz hat dem dänischen secretarius es also forthwissen und darbey sagen lassen, dass sie Ihren Grossen Gesandten solche ordre gegeben, nicht von dem Tractat orth Megositz zu wichen, oder *auch den Schweden Krieg ansudeuten*. Dieses alles hat mir der Dänische Secretarius selber berichtet.

[2]) Псковъ 25-го мая: Mit M. Meisnern habe ich mündlich geredt, er rühmete allemahl den H. Proncisseff, das er recht ein guther Schwedenfreundt wehre.... möchte also nicht anders als eine Ruptur hierauff erfolgen, riethen das wir uns wohl vorzusehen hetten vnd bey zeiten wachsam wehren oder viel mehr in Positur setzen, damit wir nicht von Ihnen übereilet wurden.

такія великія государственныя дѣла, кромѣ самихъ посольскихъ особъ во объявленіи и въ разговорахъ не бываютъ, также и письмами прежде времени до начала посольскихъ съѣздовъ о такихъ великихъ дѣлахъ пересылокъ чинить не годится, и того для мы вамъ о тѣхъ великихъ дѣлахъ нынѣ отповѣди прежде времени не чинимъ, а даемъ отповѣдь на присланной вашъ листъ и на словесное присланнаго вашего объявленіе, только о съѣзжемъ мѣстѣ". Отъ убытковъ и потерь, (которые мы изъ за васъ терпимъ), „вы никогда не отговоритесь и во свое время о томъ объявлено вамъ будетъ".

Большую сенсацію среди шведовъ произвело прибытіе въ Новгородъ въ іюнѣ русскаго envoyé—Михаила Тарасова, который отправлялся въ Стокгольмъ съ извѣстіемъ о заключенномъ съ Турціей мирѣ. „До его возвращенія изъ Стокгольма ни о какомъ трактатѣ не можетъ быть рѣчи"—это будто бы высказалъ самъ Тарасовъ въ Дерптѣ [1]). Въ Ревелѣ Тарасова встрѣтили съ большимъ торжествомъ; онъ внесъ свое имя въ дворянскую книгу, остановился въ лучшемъ домѣ въ городѣ; за угощеніе и гостепріимство онъ, однако, ничего не заплатилъ, говоря, что боится, какъ бы слухъ объ этомъ не дошелъ до царя и онъ, Тарасовъ, не впалъ бы въ немилость [2]).

Миссія Тарасова, по слухамъ, заключалась въ томъ, чтобы выставить на видъ шведскому правительству, что изъ-за него царю пришлось поспѣшить заключеніемъ турецкаго мира при условіи нѣкоторой территоріальной потери, возмѣстить которую онъ желаетъ присоединеніемъ Ингерманландіи и Кореліи. Пусть король пришлетъ на границу своихъ пословъ, чтобы по этому вопросу прійдти къ какому нибудь рѣшенію. Тарасовъ увѣрялъ городское начальство Ревеля, что миръ Швеціи съ Даніей, какъ они сами увидятъ, далеко не проченъ; стóитъ только королю на дѣлѣ показать, что онъ вѣренъ новому курсу своей политики или, другими словами, что онъ будетъ

---

[1]) at ingen tractat lährer skee för än han kommer tilbakar, hwilket också samma envoyé uthi Dorpt hafwer lätit förliuda.

[2]) Reval, 23 Iul: Vor 3 Tagen war Er (Tarasoff) auff das Haus der Schwarzhaupter, alwo er mit loosbrennung 4 Stücken wie auch Pauken vnd Trompetten bewilkommet worden. Er hat seinen nahmen in das Adhelbuch geschrieben, vnd dass er alda ist tractiret worden. An dass Haus hat er aber nichtes verehret, vorgebende Er befurchtete dass solches möchte dem Tzaren zu ohren kommen und Ihm nicht lieb sein wordurch er möchte in ungnaden kommen.

въ союзѣ съ императоромъ дѣйствовать противъ французовъ, Данія не преминетъ соединиться съ Людовикомъ XIV [1]).

Карлъ XI съ удивительнымъ спокойствіемъ относился ко всѣмъ грознымъ слухамъ, приходившимъ изъ Москвы. Предписавъ своимъ посламъ, какъ мы видѣли, осторожно относиться къ русскимъ, которыхъ враги Швеціи подымаютъ противъ нея, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранять честь и достоинство шведской короны, король былъ совершенно спокоенъ относительно воинственныхъ проектовъ Россіи, о которыхъ такъ много и разнорѣчиво говорили. Готовый встрѣтить вторженіе съ востока, онъ писалъ своимъ комиссарамъ, что и внутреннія дѣла Россіи далеко не въ цвѣтущемъ положеніи, да и отношенія къ Польшѣ крайне неустойчивы. Данія и Бранденбургъ, на которыя Россія очевидно сильно расчитываетъ, едва ли нарушатъ недавно заключенные трактаты. Въ царствованіе Ѳеодора опасаться разрыва съ Россіей нечего. Да и въ натурѣ ли русскихъ, спрашиваетъ король, шумѣть и кричать, если они дѣйствительно таятъ враждебныя и воинственныя намѣренія? Въ такихъ случаяхъ они вѣдь всегда дѣлаютъ видъ, будто все обстоитъ какъ нельзя болѣе благополучно. Русскіе обыкновенно среди дипломатическаго затишья вдругъ неожиданно для сосѣда объявляютъ ему войну. Карлъ XI какъ будто предусматривалъ будущее. Когда, казалось, отношенія къ Швеціи были болѣе дружественными и обезпеченными, какъ не въ девятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія, а въ 1700 году война была уже объявлена.

Карлъ XI на всякій случай предлагаетъ своимъ посламъ поставить на видъ царскимъ совѣтникамъ, что онъ только что возстановилъ договоры съ Франціей, Англіей и Голландіей. Эти три державы, что̀ въ особенности надлежало выдвинуть, обязались помочь королю противъ всякаго, кто посягнетъ на его владѣнія [2]). Ведутся,

---

[1]) Sein anbringen vernehme ich zu sein, aldieweiln sie wegen Schweden haben müssen mit den Türken friede machen und ein stück landt davor an ihm abstehen, als wolten sie Ingermanlandt wieder haben, wo es aber nicht anders sein könte, so möchten die Gesandten auff die Grentzen solches suchen abzuthun. Dabey habe ich von ihm vernommen, dass wir uns auf den frieden mit Dennemarck nicht so sehr zu verlassen hetten, insonderheit wen Frankreich wieder das Römische Reich wass attentieren, und Schweden mit den Keyser in alliance tretten, und ihn wieder Frankreich secundiren und zu hülffe kommen solte, also den Dannemarck in die stelle sich mit Frankreich verbinden möchte.

[2]) Emoth dhen som oss på något sätt skulle wela praejudicera.

наконецъ, и переговоры объ альянсѣ съ императоромъ. Чтобы еще болѣе отрезвить русскихъ, король снабдилъ свои гарнизоны въ Ливоніи, Эстляндіи и Ингерманландіи всѣмъ нужнымъ и сдѣлалъ распоряженіе о мобилизаціи военныхъ силъ въ Финляндіи [1]). Посламъ король, наконецъ, вообще рекомендуетъ „inesbranslable fermeté“ по отношенію къ русскимъ.

Въ видѣ курьеза король, наконецъ, предлагаетъ своимъ посламъ, когда русскіе въ требованіи сатисфакціи окажутся слишкомъ назойливыми, съ своей стороны потребовать уступки королю Новгорода и Пскова на томъ основаніи, что и они когда то были во власти шведовъ. Король все принялъ въ расчетъ, онъ въ мирѣ со всѣми своими сосѣдями, даже въ Даніи царю ничего противъ него не подѣлать [2]); союза короля ищутъ враги Россіи, какъ, напримѣръ, ханъ татарскій.

И шведскій ратъ былъ столь же оптимистически настроенъ, старался внушить королевскимъ комиссарамъ бодрость и энергію, сообщалъ имъ обо всемъ, что дѣлалось дома [3]). Изъ его донесеній послы могли видѣть, что королемъ своевременно приняты были въ расчетъ всѣ могущія встрѣтиться затрудненія при столкновеніи съ Даніей [4]), флотъ поддерживалъ постоянныя сношенія между обоими побережьями Балтійскаго моря [5]), съ Голландіей успѣшно велись переговоры объ альянсѣ. Нѣтъ сомнѣнія, пишутъ ратманы, что скоро присмирѣютъ и русскіе и согласятся собраться въ Плюсу на съѣздъ.

Король былъ такимъ образомъ солидаренъ съ ратомъ. 6-го августа 1681 года онъ пишетъ своимъ посламъ, чтобы они отправили какого нибудь надежнаго человѣка—напримѣръ, Христофора Коха —

[1]) Wy ähre i medlertydh sinnade; at läta guarnisonerne i Lyff — Ehst och Ingermanlandt med alle behör försees och sedan wåre finske troupper movera sigh, hwilket och förmodeligen lährer kunna hafwa gott werkande till at moderera Ryssarnes hårdheet.

[2]) Ty hwad Danmark widkommer, hafwa wy således där fäst wårt wärck, att Tzaren förmodeligen tädan effter förgäfwes flatterar sigh med något som oss widrigit wara skulle.

[3]) Elliest tillständet här hemma i Ryket anlangande, så är det gudhilof effter dessa tyders coniuncturer drägeligit.

[4]) Att förmodeligen tädan effter ingen surprise eller hastigt inbrätt skall stå att befahra.

[5]) Задача флота—att underhålla correspondentien mellan bägge sjökanterne, secundera den desseinen som med Wolgasts recupererande förehafwes, hwilcket Grefwe Königsmarck aldeles holler bloqueradt.

къ русскимъ, который бы передалъ послѣднимъ, что король ни на минуту не задумался бы послать своихъ полномочныхъ на Megosits, еслибы только могъ усмотрѣть какіе нибудь резоны къ такому требованію русскихъ. Если это съ ихъ стороны одно упрямство, то оно будетъ стоить дорого для обоихъ государствъ; изъ за него пріостановится дѣло мира и альянса [1]). Кохъ однако имѣлъ также мало успѣха, какъ и другіе экспрессы, отправлявшіеся до него къ русскимъ [2]). Изъ этого пессимисты дѣлали съ ихъ точки зрѣнія вѣрный выводъ: dass die Reussen den frieden mit Schweden nicht lenger werden halten und 30 t. zu ross und fuss nach die lieflendische Grentze ordiniren.

Къ концу царствованія Θеодора Матвѣевъ снова сдѣлался persona grata при дворѣ. Это сильно встревожило шведовъ. Самъ по себѣ царь миролюбиво настроенъ [3]); всѣ эти Языковы, Лихачевы и другіе его окружающіе царедворцы никакого политическаго вѣса не имѣютъ, да и въ государственныхъ дѣлахъ вообще они очень мало понимаютъ, почести и богатства — откуда бы они не шли къ нимъ, хоть изъ ада — они ставятъ своею высшею цѣлью. Въ мирное время это взяточничество всегда легче, чѣмъ въ военное. За возвращеніе Матвѣева къ милости въ особенности ходатайствовалъ Язы-

---

[1]) Till at remonstrera dhem hurulededes på H. K. M. syda intet betänkiande skulle hafwa warit at consentera till traktatsohrten Megositz, där H. K. M· hade kunnat see, dhem där till någon rätt hafwa, och icke mehra uthaff ett ringa alfware till at sättia begge Rykerne uthi fordersahm inbördes föreningh söcht tillfällen till att förhindra än at befordra ett så gott och hälsosampt wärck.

[2]) Och blifwer där uthi ingen förändringh någonsin... aber es wirdt unserer seiten nun und in ewigkeit kein ander ohrt als Megositz darzu angenohmen. Cp. Memorial för H. K. M. Commissarius Ehreboren och Wälbetrodde Christopher Kock som han kan taga i acht och hafwa sigh at efterrätta, widh det som wy honom afdragit hafwe, hoos H. Z. M. stoore och fullmyndige gesandter at förrätta.

[3]) Moscou, 26 juli 1681: Jhr Tz. M. sei eines sehr friedliebends gemüthes, die jetzige Regenten als Jezikow vndt Ligatzow seind von Geringen herkommen, wissen das geringste nicht von Staat vnd Regierung, sie nehmen Ihre Zeit in acht vndt nehmen nun wass sie bekommen können, wen es auch wass auss der Hellee wehre, und dieses konnen sie in friedens zeit besser thun als in krieg. 12-го апрѣля 1681. Iwan Maximowitz Jasikoff und die Lichatschowen haben die gantze Regierung in händen, die andere Führnehmbste und älteste Herrn und Patrioten haben nicht das geringste zu sagen, vnd wer jtzo an besten schmieren kan, der ist der beste Fuhrman, es gehe auch über Bergh, Hügell und Tahl.

ковъ. Предвидя, что по смерти царя избранъ будетъ Петръ, къ которому Матвѣевъ былъ такъ близокъ, Языковъ, возвращая Матвѣева ко двору, надѣялся въ будущемъ получить свое отъ послѣдняго. Такъ объясняли дѣло шведы.

Матвѣевъ цѣлою головою выше прочихъ царедворцевъ, враждебное его настроеніе къ Швеціи извѣстно, онъ—авторъ чудовищной сатисфакціи [1]). Стало быть теперь, думаютъ шведскіе комиссары, виды на алліансъ совершенно рушились.

Настроеніе къ иностранцамъ въ Москвѣ самое недружелюбное; въ мартѣ 1682 года всѣ нѣмецкіе и другіе иностранные офицеры были отпущены, кто же желалъ безъ жалованья остаться на службѣ—могъ оставаться. По отношенію къ иностраннымъ купцамъ также предпринимались всякія стѣснительныя мѣры. Къ тѣмъ изъ иностранцевъ, кто принимаетъ православіе, отношенія совершенно иныя: ихъ вознаграждаютъ землями, ласкаютъ и выдвигаютъ передъ другими [2]).

Г. Форстенъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Och om det skier, så hafwer man intet till förwänta att han någre goda officia för Swerie lärer giöra, efftersom man altyd uthaf honom hafwer försportt een widrighet emoot wår nation, och han allena är author till dee praetensioner som Zaaren emoth H. K. M. begynt hafwer.

[2]) Москва, 23-го марта 1682: das gestern Ihr. Z. M. alle teutsche oder aussländische Officiere wie auch die eingebohren aussländer die als eygone vormahls gehalten und nicht aus dem lande gelassen worden, haben abdancken lassen, dass also ein jetweder mit Fraw und Kinder, wer nur will, soll auss dem lande gelassen werden, die aber ohne gagie sich alhier auffhalten wollen, ist vergönnet alhier zu verbleiben, worüber die hiesigen Herrn Officiere sehr besturtzet stehen und viele resoluiren werden einen langen Rock anzuziehen umb ferner in gagie zu verbleiben. Mit denen ausländischen kauffleuten ist auch eine veränderung abhanden, wass nun selbige vor einen ausschlag bekommen werden, lernt die Zeit. — Изъ Новгорода, 13-го апрѣля, то же, съ слѣд. подробностями: sondern der ferner bleiben und nicht wegbreysen will, der kan in der slobod bey Moscow wohnen, die sich aber wollen umbtauffen lassen, sollen Landt güther bekommen, dass sich also viele von die alt teutschen oder vorlängst eingebohrne zu der reussischen religion begeben werden, es werden auch viele auss dem lande gehen.

ПОЧЕМУ КИТАЙЦЫ РИСУЮТЪ ДЕМОНОВЪ РЫЖЕВОЛОСЫМИ?

(Къ вопросу о народахъ бѣлокурой расы въ Средней Азіи).

Изслѣдованіе вопроса о томъ, почему китайцы рисуютъ демоновъ рыжеволосыми, привело меня къ нижеслѣдующимъ выводамъ:

Однимъ изъ до-китайскихъ народовъ, населявшихъ бассейнъ Желтой рѣки, были рыжеволосые ди.

Эти ди, дѣлившіеся на множество общинъ, которыя управлялись выборными старшинами, вышли побѣжденными изъ борьбы съ китайцами, распространявшими свою власть изъ Шань-си, и цянами, спустившимися въ Китайскую низменность съ Тибетскаго нагорья. Часть ди ушла при этомъ на сѣверъ отъ Гобійской пустыни, часть же выселилась въ Сы-чуань и Юнь-нань, гдѣ встрѣтила родственныя племена, уже успѣвшія перемѣшаться съ автохтонами южнаго Китая, принадлежавшими къ негритосской расѣ.

На сѣверѣ ди дали съ черноволосыми маньчжурскими, тюркскими и финскими элементами цѣлый рядъ смѣшанныхъ племенъ, къ числу коихъ въ древности относились — ухуань, тоба, уйгуры и киргизы, а, можетъ быть, и угорскія племена; въ настоящее же время наиболѣе дискихъ чертъ сохранилось у тунгусовъ и сойотовъ; вѣроятно также, что нѣкоторые енисейскіе роды являются прямыми потомками дисцевъ; послѣднимъ же слѣдуетъ приписать и, такъ называемыя, чудскія могилы.

Подобное же поглощеніе рыжеволосаго элемента черноволосымъ происходило и на югѣ, но тамъ процессъ этотъ замедлился, благодаря топографическимъ условіямъ страны.

Не смотря на столь незавидную судьбу, постигшую ди, они успѣли

оставить глубокій слѣдъ въ китайской исторіи. Чжоу были дисцы. На почвѣ религіозныхъ воззрѣній послѣднихъ возникли въ Китаѣ конфуціанство и даосизмъ. Дискій культъ предковъ (гуевъ) перешелъ и къ китайцамъ, которые стали, по традиціи, изображать ихъ рыжеволосыми, при чемъ въ ихъ представленіи гуи перестали уже быть предками, а явились лишь духами-демонами.

Поводомъ же къ настоящему изслѣдованію послужила живопись, которой украшены были внутреннія стѣны старой кумирни въ предмѣстьи Нань-гу-чэна (южнаго стараго города), городка, лежащаго къ югу отъ Гань-чжоу-фу, въ провинціи Гань-су.

Янъ-ванъ.

Картина изображаетъ нѣкоторые отдѣлы ада, въ которыхъ грѣшниковъ подвергаютъ всевозможнымъ истязаніямъ: ихъ варятъ въ кипяткѣ, распинаютъ на крестѣ головой вверхъ и головой внизъ, имъ вылущиваютъ глаза, вырываютъ языкъ, ихъ четвертуютъ, рѣжутъ на куски, обдираютъ съ нихъ кожу, сажаютъ на колъ, толкутъ въ ступѣ, поджариваютъ на сковородѣ, скальпируютъ, распиливаютъ пополамъ, у нихъ вырѣзаютъ внутренности, имъ разбиваютъ черепъ и предаютъ множеству другихъ мученій. Все это дѣлаютъ „гуи"—демоны по приказанію князей—вановъ, управляющихъ десятью отдѣлами ада. Фигуры этихъ палачей и одного изъ десяти князей ада — Янъ-вана въ точныхъ копіяхъ представлены на прилагаемыхъ здѣсь рисункахъ. Въ художественномъ отношеніи они не заслуживаютъ, конечно, особеннаго вниманія, но за то они представляютъ крупный интересъ въ другомъ отношеніи.

Художникъ хотѣлъ придать „шоу-гуямъ" отталкивающій, свирѣпый видъ, князь же ада нарисованъ безъ всякой утрировки: это рыжеволосый, краснолицый и широкоскулый субъектъ съ большимъ, круглымъ носомъ и голубыми, глубокосидящими глазами, густыми нависшими бровями, столь же густыми усами и бородой клиномъ. Это не плодъ воображенія художника, это—портретъ. Но кто могъ служить ему оригиналомъ? Ужъ, конечно, не современный европеецъ, такъ какъ китайцы только потому и величаютъ европейцевъ „янъ-гуй-цзы"—заморскими чертями, что своихъ гуевъ искони рисовали рыжеволосыми.

Въ послѣднее время вновь было сдѣлано нѣсколько попытокъ доказать, что китайцы пришли въ бассейнъ р. Хуанъ-хэ (то-есть въ „Страну цвѣтовъ") съ запада [1]). Но нѣкоторые синологи [2]) отнеслись

[1]) *Terrien de Lacouperie* (труды, въ которыхъ онъ проводилъ эту мысль, слѣдующіе: „Early history of chinese civilisation" (1880); „The Yh-king" въ „The Athenaeum", 1882, № 21, Jan., 9 и 30 Sept.; „Chinese and Akkadian Affinities" въ „The Academy", 1883, № 20 Jan.; „Early Chinese literature", ib, № 28 Jul.; „The affinity of the Ten Stems of the Chinese cycle with the Akkadian Numerals", ib., № 1 Sept., „The Chinese mythical kings and the Babylonian Canon", ib., № 6 Oct.; „Traditions of Babylonia in early Chinese documents", ib., № 17 Nov.; „The oldest book of the Chinese and its authors" въ „Journ. R. Asiat. Soc.", n. s., 1882, XIV, 4, 1883, XV, 2; „Babylonian and old Chinese measures" въ „The Academy", 1885, № 10 Oct.; „Babylonia and China", ib., 1886, № 7 Aug.; „The languages of China before the Chinese", 1887; „Origin from Babylonia and Elam of the early Chinese civilisation" въ „Babylonian and Oriental Record", 1889, №№ 3—8 и 10; „The old Babylonian characters and their Chinese derivates", ib., 1888, № 4; „From ancient Chaldea and Elam to early China: an historical loan of culture", ib., 1891, № 2—4, и др.). Къ нему примкнулъ *de Harlez* („Les réligions de la Chine" въ „Muséon", 1891, стр. 157). Но еще раньше высказалъ ту же мысль *Deguignes* („Mémoire dans lequel on prouve que les Chinois sont une colonie égyptienne", 1758; полемическую литературу по сему предмету см. у *Cordier* — „Bibliotheca sinica", I, стр. 230), а затѣмъ *Biot* („Le Tcheou-li ou rites des Tcheou", I, стр. V, и „Études sur les anciens temps de l'histoire chinoise" въ „Journal Asiatique", 4 série, VII, стр. 174—175), *Legge* („The Chinese Classics; with a translation, critical and exegetical notes, prolegomena and copious indexes", III, 1, prolegomena, стр. 189, V, proleg., стр. 131) и мн. др. См. также *Richthofen*—„China". I, стр. 339—343 и 428; *Георгіевскій*—„О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ", стр. 61, 65; оба выводятъ китайцевъ изъ бассейна Тарима; наконецъ, *Klaproth* („Asia polyglotta", стр. 356) полагаетъ, что китайцы спустились въ долину Хуанъ-хэ съ Куэнъ-луня. Того же мнѣнія держался и Biot.

[2]) *Hirth* („Ueber fremde Einflüsse in der Chinesischen Kunst", 1896, стр. 2); *Chavannes*, „Journal Asiatique", 1897, стр. 531).

попрежнему къ этой гипотезѣ отрицательно; однако, и тѣ и другіе сошлись въ томъ, что, примѣрно, за XXV столѣтій до Р. Хр. китайцы занимали лишь ничтожную часть территоріи современной Китайской имперіи, а именно, южную половину Шаньси съ прилегающими къ ней частями провинцій Шэнь-си, Хэ-нань и Чжи-ли [1]). Эта страна называлась „Страною цвѣтовъ"; во всѣ же стороны отъ нея въ необозримую даль уходили лѣса и луга, заселенные дикими пастушескими и охотничьими племенами [2]).

Шоу-гуй.

Шоу-гуй.

Много вѣковъ прошло прежде, чѣмъ китайцы, раздвигая свои владѣнія въ ширь и глубь, вырубая лѣса и осушая болота, побѣждая дѣвственную природу и оттѣсняя дикарей, достигли, наконецъ, береговъ Янъ-цзы-цзяна и Желтаго моря [3]). Ихъ колонизаціонное движеніе въ восточной Азіи въ эту эпоху можно сравнить съ колонизаціоннымъ движеніемъ европейцевъ въ Сѣверной Америкѣ. Подобно

---

[1]) См., однако, *Richthofen*—„China", I, стр. 340—341.

[2]) *Richthofen*, op. cit., стр. 344—345; *Георгіевскій* — „Первый періодъ Китайской исторіи", стр. 258.

[3]) *Plath*—„Ueber die Verfassung und Verwaltung China's unter den drei ersten Dynastieen" въ „Abhandlungen der k. bay. Akademie der Wiss.", I Cl., X, 2, стр. 7; *Terrien de Lacouperie*— „Les langues de la Chine avant les Chinois" въ „Le Muséon", 1887, VI, стр. 107, и др.

краснокожимъ индѣйцамъ, автохтоны, населявшіе бассейны огромныхъ китайскихъ рѣкъ, уходили передъ китайцами, не столько побѣждаемые оружіемъ, сколько надвигавшеюся на нихъ культурой.

Это было время Яо, Шуня и Юя, славныхъ устроителей Китайскаго государства [1]).

И такъ, китайцы уже на зарѣ своей исторической жизни являются культурнымъ народомъ; разсадникомъ же этой культуры служитъ страна, обнимающая едва 1/30 часть современнаго Китая. Лучи китайской культуры освѣщаютъ нынѣ болѣе половины стараго континента; но никто изъ синологовъ, отрицающихъ гипотезу Terrien de Lacouperie, не отвѣтилъ еще на вопросъ, какъ могла эта культура зародиться, развиться и достичь высокаго совершенства у одинокаго небольшаго племени короткоголовыхъ [2]), разобщеннаго со всѣмъ остальнымъ міромъ волнами дикихъ народовъ и необъятными пространствами дѣвственныхъ странъ. Hirth довольствуется тѣмъ, что указываетъ, что въ области чистыхъ искусствъ Китай развивался самостоятельно до начала нашей эры, когда впервые на его орна-

---

[1]) Китайцы никогда не забывали ставить въ примѣръ своимъ государственнымъ дѣятелямъ этихъ первыхъ вождей китайскаго народа. Такъ, въ „Го-юй“ мы читаемъ: „Les anciens rois faisaient briller leurs vertus et ne montraient point leurs armes (ils gagnaient, soumettaient les peuples bien plus par leurs vertus en leur gouvernement que par la force des armes)“, говорилъ Ма-фу, князь удѣла Цзи, князю Му-вану... „Ainsi nos anciens rois ne recouraient pas principalement aux armes. Ils avaient surtout à cœur de montrer leur bienveillance au peuple en ses peines, de lui donner la paix et d'écarter de lui tous les maux. Ainsi nos anciens rois réglaient les choses de leur domaine à l'intérieur de leurs états particuliers et celles des princes feudataires en dehors de ces états“ (*de Harlez* — „Koue-Yu ou Discours des Royaumes“ въ „Journal Asiatique“, IX série, II, стр. 379—383).

Замѣчательно, что слова — „правительство“ и „теченіе рѣки“ обозначались у китайцевъ однимъ и тѣмъ же іероглифомъ. Это доказываетъ, что государственный строй Китая развивался постепенно изъ первобытнаго земледѣльческаго коммунизма, центральная же власть появилась впослѣдствіи и обязана своимъ возникновеніемъ ирригаціонной системѣ и необходимости поддерживать ее въ порядкѣ (см. *Крживицкій*—„Антропологія“, стр. 133).

[2]) *Георгіевскій*, op. cit., стр. 259, высказываетъ предположеніе, что первобытные китайцы были бѣлокурой расой; но приводимое имъ въ защиту этого предположенія доказательство (іероглифъ „хуанъ“, обозначающій понятіе „государь“, состоитъ изъ іероглифовъ „бай“ — бѣлый и „ванъ“ — царь) опровергается ниже имъ же самимъ; у монголовъ, говоритъ онъ, князья именуются „бѣлой костью“.

ментахъ стали обнаруживаться чуждыя западныя вліянія [1]). Но такъ-ли это, и на столько-ли намъ извѣстна археологія Востока, чтобы строить такія смѣлыя заключенія? Не окажутся-ли, напримѣръ, такъ называемые „гу"—высокія башни, возводившіяся государями Чжоуской династіи и совершенно забытыя только при Юаняхъ, копіями съ уступчато-пирамидальныхъ храмовъ Ассиріи? А ирригаціонное искусство? Оно могло зародиться въ сухой Сиріи и Иранѣ, но не въ „Странѣ цвѣтовъ", не въ прежнемъ Китаѣ, обильномъ лугами и лѣсами и прекрасно орошенномъ огромными водными системами Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзяна. Нынѣ Китай весь распаханъ, его лѣса уничтожены, его лёссовая поверхность изрѣзана оврагами и тальвегами; все это въ совокупности высушило его почву, во много разъ увеличивъ и ея испаряемость; теперь онъ, дѣйствительно, нуждается въ орошеніи; но тогда? Конечно, нѣтъ. А между тѣмъ мы видимъ китайцевъ, занимающихся канализаціей уже за двадцать вѣковъ до Р. Хр. Ясно, что при обработкѣ полей ими примѣнялись не ими самими выработанные, а унаслѣдованные пріемы. Но доказываетъ-ли это, что китайцы были народомъ пришлымъ, а не аборигенами земель бассейна р. Хуанъ-хэ? Но если они были пришельцами, то откуда же, какъ не изъ окрестностей того древнѣйшаго очага культуры, который находится въ передней Азіи и куда искони сходились народы разныхъ расъ и языковъ какъ бы для того только, чтобы сложить тамъ въ одну сокровищницу знаній созданія своего генія [2])?

---

[1]) „Ueber fremde Einflüsse in der chinesischen Kunst"; „Zur kulturgeschichte der Chinesen", Sonderabdruck aus der Beilage zur „Allgemeinen Zeitung", № 147 и 148, vom 6 und 7 Juli, 1898, стр. 8).

[2]) Припомнимъ также, что китайцы понятіе „умереть" выражаютъ словами „гуй-си", что значитъ—возвратиться на западъ, что у нихъ существуетъ легендарное сказаніе о томъ, что они пришли въ бассейнъ Желтой рѣки съ запада (см. *Георгіевскій*—„О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ", стр. 61).

Наконецъ, нельзя также не обратить вниманія на тождественность китайскихъ словъ для обозначенія — „обрабатывать землю" (ли, лю) и соха (лэй) съ соотвѣтственными словами западныхъ народовъ; но тогда какъ у китайцевъ они имѣютъ узкотехническое значеніе, на западѣ они захватываютъ и понятія, свойственныя менѣе высокой культурѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ:

I. Въ арійскихъ языкахъ:

корни типа RK

RUK греч. ὀρύσσω, болѣе древнее ὀρυκ (рыть); латинск. — *runco* (полоть).

RU русск.—*ровъ*, *рыть*, *реать*, и т. д.

Китайцы нѣкогда называли себя „народомъ ста семействъ“ [1]), какъ бы указывая на свою первоначальную малочисленность. Иначе они называли себя еще „черноволосыми“ [2]), можетъ быть, въ отличіе отъ племенъ, тогда обитавшихъ къ сѣверу отъ Желтой рѣки [3]).

О послѣднихъ китайцы сообщаютъ намъ лишь самыя скудныя свѣдѣнія; тѣмъ не менѣе, мы знаемъ, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ были рыжеволосами [4]).

Уже за XV столѣтій до Р. Хр. китайцы различали четыре расы дикарей. Жившихъ на сѣверѣ они называли „ди“, жившихъ на востокѣ — „и“, на югѣ — „мань“ и на западѣ—„жунъ“. Георгіевскій такъ и говоритъ, что инородцы различались китайцами по четыремъ странамъ свѣта [5]). Но такое разселеніе главныхъ инородческихъ расъ, составлявшихъ первобытное населеніе Китая, конечно, только случайность; къ тому же мы видимъ жуновъ не только на западѣ, но

ARU греч. ἀρόω, русск. *орать*, и т. д.

RIK древн. *roika*=рѣка; RJGH латинск. *rigare* (орошать), готское—*rign* (дождь).

RIV, RI латинск. *rivus* (ручей, потокъ, канава), русск. *ринуться*, кельтск. *renos* (Рейнъ).

II. Въ семитическихъ языкахъ:

RWJ { еврейск. *ri*, болѣе древн. *rawi* (орошеніе). *reweh* (орошаемый). арабск. *rawaj* (орошать), *rajjun*, болѣе древн. *rawjun* (дождь).

Наконецъ, въ тибетскомъ письменномъ языкѣ имѣются также слова этого типа; такъ, *rko* значитъ—онъ роетъ (канаву), *rka* — отверстіе изъ большого водоема въ меньшій, мѣсто развѣтвленія арыковъ, мѣсто выхода арыка изъ рѣки. Конечно, и слово „арыкъ“ того же происхожденія. Бельтиры называютъ сентябрь—*оргакъ-ай*, то-есть мѣсяцемъ *жатвы*.

Этой справкой я обязанъ г. Маршалю, которому и приношу здѣсь глубочайшую благодарность.

[1]) *Plath.* ib.; *Biot*, ib.; *de Harles*—„Les religions de la Chine“ въ „Le Muséon“, 1891, стр. 157; *Terrien de Lacouperie* не соглашается съ такимъ объясненіемъ словъ „бэ-цзя-синъ“ (peh-kia-sing). См. „Le Muséon“, 1888, стр. 208—209.

[2]) *De Harles*, ib.; *Plath*, ib.; *Biot*, ib.; ср., однако, *Георгіевскаго*—„Первый періодъ китайской исторіи“, стр. 240, примѣчаніе.

[3]) *Biot*, ib., говоритъ даже: „*sans doute* par opposition à la couleur différente ou mêlée des cheveux de la race indigène“ etc.: см. *его-же*.—„Études sur les anciens temps de l'histoire chinoise“ въ „Journal Asiatique“, 4 série, VII, 1846, стр. 174. Того же взгляда держится и *Legge* — „The Chinese classics“, III, 1, proleg., стр. 191.

[4]) Правильнѣе было бы сказать: „не черноволосыми“, потому что у китайцевъ и японцевъ подъ именемъ „рыжихъ“ были извѣстны не только, дѣйствительно, рыжеволосыя племена, но и бѣлокурыя, а также темнорусыя.

[5]) „Первый періодъ китайской исторіи“, стр. 236.

и въ провинціяхъ Хэ-нань, Ань-хой, Чжи-ли и Шаньдунъ [1]), изъ чего не можемъ не заключить, что китайцы различали окружающихъ ихъ инородцевъ не по мѣсту ихъ жительства, а по расовымъ ихъ особенностямъ.

Къ какимъ же расамъ относились эти четыре группы инородцевъ? Объ этомъ судить теперь съ достовѣрностью трудно, но вообще принято думать, что „и" по языку и по расѣ принадлежали къ тагало-малайскому типу, „жуны" по языку къ тибетско-бирманскому, по расѣ же къ переходному типу между малайскимъ [2]) и монгольскимъ, „мани" по языку частью къ индо-китайскому, частью же къ тибетско-бирманскому, по расѣ же, главнымъ образомъ, къ европейскому типу, значительно, однако, смѣшавшемуся съ первобытнымъ чернымъ. Къ европейскому же типу отношу я и „ди".

Инородцевъ „ди" принято почему то считать народомъ тюркомонгольской расы и языка [3]). Я постараюсь доказать, что мнѣніе это ошибочно.

Первыми тюрками, съ которыми насъ знакомитъ исторія Средней Азіи, были хунны.

Сы-ма-цянь говоритъ: „еще до временъ государей Тхапъ (Яо) и Юй (Шунь) находились поколѣнія „хянь-юнь" и „хунь-юй" [4]), Цзиньчжо, комментируя это мѣсто „Шы-цзи", пишетъ: „во времена государя Яо (хунны) назывались „хунъ-юй", при династіи Чжоу—„хяньюнь", при династіи Цинь — „хунъ-ну" [5]). Вообще же, мы *нигдѣ* у китайскихъ историковъ не встрѣчаемъ *отождествленія ди съ хуннами* [6]). Что же касается первыхъ, то у Сы-ма-цяня мы находимъ слѣдующія, относящіяся къ нимъ, указанія: При упадкѣ благоустройства въ государствѣ Ся (2205—1766), пишетъ онъ, Гунъ-лю лишенъ

---

[1]) *Георгіевскій*, ib., стр. 237—238.

[2]) Малайскій типъ въ свою очередь является смѣшаннымъ; вѣроятно, здѣсь говорится объ индонезійцахъ, наиболѣе чистыми представителями коихъ являются нынѣ даяки (о. Борнео), баттаки (о. Суматра) макассары и бугисы (о. Целебесъ).

[3]) Даже Terrien de Lacouperie держится этого взгляда. См. „Le Muséon", 1887, стр. 148, примѣчаніе. *Георгіевскій* („О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ", стр. 79) очень увѣренно высказывается даже за ихъ тунгузское происхожденіе!

[4]) *Іакинфъ*—„Собраніе свѣдѣній о народ. Средн. Азіи", I, 1, стр. 1.

[5]) *Іакинфъ*, ib., стр. 2.

[6]) Наоборотъ, у этихъ историковъ мы находимъ, напримѣръ, такое опредѣленіе границъ хуннскихъ земель: на западъ онѣ простираются до юэчжи, цяновъ и ди (*Іакинфъ* — „Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи", I, 1, стр. 15).

былъ должности главнаго попечителя земледѣлія. Онъ бѣжалъ къ западнымъ инородцамъ и построилъ городокъ Бинь [1]). По прошествіи слишкомъ 300 (болѣе 400) лѣтъ инородцы „жунъ-ди" стали тѣснить потомка Гунъ-лю, князя Шань-фу. Послѣдній бѣжалъ къ горѣ Ци-шань, гдѣ построилъ городъ, и положилъ основаніе дому Чжоу [2]). Далѣе же сказано: „Вынь-Вунъ, князь удѣла Цзинь, прогналъ „жунъ-ди", поселившихся въ Хэ-си, между рѣкъ Инь-шуй и Ло-шуй, подъ названіями „чи-ди" и „бай-ди" [3]).

Отсюда видно, что „жунъ-ди" были предками красныхъ и бѣлыхъ ди; дѣйствительно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ у Іакинфа переведено „жунъ-ди", Георгіевскій говоритъ или о „жунахъ" или только объ однихъ „ди" [4]). Plath также пишетъ: „Als Tscheu Thaiwang (Tan-fu, у Іакинфа—Шань-фу), 1327 v. Chr., in Pin (Бинь) wohnte, machten, nach Mengtseu, I, 2, 15 1, die Ti-jin (Männer) beständig Einfälle [5])". „Der Sse-ki Tscheu pen-ki B. 4. f. 4, v. flg. lässt die „Jung" und „Ti" den alten Tan-fu angreifen. Nach f. 2 und 15 gab Pu-kho, der Nachkomme Heu-tsi's (der Dynastie Tscheu), dessen Amt auf und entfloh zwischen den „Jung" und „Ti". Der 2 Nachkomme Kung-lieu nahm, obwohl er mitten zwischen den „Jung" und „Ti" war, Heu-tsi's Amt indess wieder auf, beackerte das Feld, etc. [6])".

Итакъ ясно, что Гунъ-лю удалился къ „ди", гдѣ и принялъ ихъ полукочевой образъ жизни, „претворился въ жуна", по выраженію Іакинфа [7]). Его потомки положили основаніе удѣлу Чжоу, а засимъ

---

[1]) Въ пров. Шэнь-си. См. *Biot*—„Etudes sur les anciens temps de l'histoire Chinoise", въ „Journal Asiatique", 4 série, VII, стр. 407.

[2]) *Іакинфъ*, ib., стр. 3.

[3]) *Іакинфъ*, ib., стр. 6.

[4]) Ср., напримѣръ, *Іакинфъ*, ib, стр. 6, и *Георгіевскій* — „Первый періодъ китайской исторіи", стр. 102.

[5]) „Die fremden barbarischen Stämme im alten China" (Sitzungsber. d. philos.-philol. Cl. der Akademie d. Wiss., 1874, I. стр. 457).

[6]) Ib., стр. 458, и далѣе стр. 463.

[7]) Ib., стр. 8. Китайцы, переселяясь въ страну дикарей, принимали ихъ образъ жизни, одежду и проч.; даже татуировались; см. *Biot*—„Études sur les anciens temps de l'histoire chinoise" въ „Journal Asiatique", 4 série, VII, стр. 410. То же совершается и по нынѣ. У *marquis d'Hervey de Saint-Denys*—„Ethnographie des peuples étrangers de Ma-touan-lin" („Atsume Gusa"), II, стр. 40, читаемъ: „Les Chinois... subissent l'influence de leurs (Yao) usages, acquièrent leur agilité robuste, exercent les mêmes industries et contractent des mariages avec eux".

и китайской династіи Чжоу (1122—225), которая была *рыжеволосой* [1]). Такъ какъ Гунъ-лю былъ китаецъ, то свѣтлый цвѣтъ волосъ у царей династіи Чжоу могъ явиться только какъ результатъ метисаціи съ инородцами ди. О случаяхъ подобной метисаціи говоритъ намъ и исторія [2]). Китайскій іероглифъ „ди" составленъ изъ двухъ іероглифовъ: огонь и собака; поэтому Plath переводитъ слово „ди" выраженіемъ: „Hunde, die sich am Feuer wärmen" [3]). Но не проще-ли передать этотъ іероглифъ словами „огненныя (то-есть рыжія) собаки"? Что „ди" принадлежали къ бѣлой (и, вѣроятно, бѣлокурой) расѣ, подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что среди нихъ были великаны (чанъ-ди) [4]).

Terrien de Lacouperie допускаетъ, что народъ Чжоу, то-есть метисы китайцевъ и ди, а, стало быть, и эти ди, имѣли примѣсь арійской крови [5]); но съ этимъ выводомъ не вполнѣ соглашаются другіе оріенталисты; такъ, de Harlez, напримѣръ, пишетъ: „Дарместетеръ правъ, высказывая сомнѣніе въ арійскомъ происхожденіи [6]) народа чжоу (tcheou), такъ какъ въ пользу такой гипотезы можно привести лишь этническія особенности этого народа и сходство его нравовъ

---

[1]) „Toutes les contrées soumises au grand empereur (Yu) n'étaient point placées directement sous son autorité; plusieurs avaient conservé leur chef propre qui se reconnaissait simplement vassal du monarque suprême. Il en était ainsi spécialement de l'état de Tcheou situé au nord-ouest de la Chine actuelle, à l'ouest du coude formé par le Hoang-ho et habité par une population préchinoise. Ce dernier fait est attesté et par la couleur des cheveux de ce peuple qui est uniformément signalé comme étant de couleur rousse, et par les traditions chinoises soigneusement concervées (*Legge*—„The Chinese classics", IV, p. 484) et par le témoignage même du Shi-king dans les odes consacrées à la gloire de la maison de Tcheou" (*de Harlez* — „Les religions de la Chine" въ „Le Muséon", X, 1891, стр. 158). См. также *Terrien de Lacouperie*—„Les langues de la Chine avant les Chinois" въ „Le Muséon", VII, 1888, стр. 215. Китайцы также считаютъ династію Чжоу инородческой; по крайней мѣрѣ, инородцевъ „яо мяо" они считаютъ потомками чжоу'цевъ (см. *Ивановскій*—„Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая", I, 1, стр. 99).

[2]) *Іакинфъ*, ib., стр. 6; *Plath*. ib., стр. 464.

[3]) Ib., стр. 451.

[4]) Ib., стр. 469, 471.

[5]) „Le Muséon", VII, 1888, стр 215—216; этотъ ученый замѣчаетъ также: „C'est l'explication scientifique la plus vraie qui puisse être fournie au sujet des mots aryens qu'on trouve en chinois".

[6]) Это выраженіе должно быть оставлено: есть арійская группа языковъ, но нѣтъ арійской группы народовъ, такъ какъ на арійскихъ языкахъ говорятъ самыя различныя человѣческія расы.

съ нравами арійцевъ, чего, конечно, еще недостаточно для приданія ей желательной достовѣрности; вотъ почему въ своей книгѣ „Les religions de la Chine" я и назвалъ чжоу'цевъ народомъ докитайскимъ, приближающимся къ арійцамъ своими обычаями [1]).

Но вѣдь подобное предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго? Въ доисторическія времена бѣлая раса имѣла совершенно иное распространеніе, чѣмъ теперь. Ея остатки въ различныхъ градаціяхъ метисаціи и теперь еще сохранились на островахъ Полинезіи и Зондскихъ (индонезійцы—даяки, баттаки, съ острововъ Самоа и т. д.), въ Индо-Китаѣ (въ горахъ Ассама, Бирмы, Читтагонга), въ южномъ Китаѣ (о нихъ мы будемъ говорить ниже [2]), въ Маньчжу-

[1]) „La nationalité du peuple de Tcheou", въ „Journal Asiatique", 8 série, 1892, XX, стр. 335—336.

Darmesteter не возражалъ, однако, de Harlez'у. Онъ замѣтилъ только: „Cette religion (то-есть религія первобытныхъ китайцевъ), relativement pure et simple, s'altère, selon M. de Harlez, sous la dynastie des Tcheous qui développent le culte des esprits, obscurcissent la personnalité de Schang-ti, introduisent dans la religion à la fois le naturalisme et l'apothéose des héros. M. de Harlez considère cette dynastie comme étrangère et comme ayant subi des influences aryennes. Il y a la une idée certainement nouvelle et qui étonne un peu d'abord, et l'on voudrait trouver exposées avec plus de développement les raisons qui forcent à voir l'action aryenne dans cette vieille période de l'histoire chinoise, les traits précis ou les textes qui la révèlent ou l'attestent, et les voies par lesquelles elle se serait introduite" („Rapport annuel" въ „Journal Asiatique", 1882, стр. 130—131).

[2]) Здѣсь, однако, я считаю умѣстнымъ привести нижеслѣдующую выдержку изъ книги *Desgodins* — „Le Thibet d'après la correspondance des missionnaires", стр. 255—256, о внѣшнемъ видѣ населенія юго-восточныхъ окраинъ Тибета.

„On rencontre aussi un certain nombre d'individus au Thibet qui ont absolument le type caucasique ou européen, surtout dans leur jeunesse: figure ovale, front droit, yeux grands et horizontaux, pommettes non saillantes, nez aquilin. Une autre observation est celle-ci: c'est que presque tous les enfants à leur naissance ont les cheveux d'un brun pâle qui disparait peu à peu et tourne au noir brillant vers l'âge de dix à douze ans. Quelques-uns concervent la couleur châtain foncé toute leur vie. Les yeux thibétains sont bruns ou d'un jaune très foncé"... „La race mosso (это „мосѣ" въ переводѣ Ивановскаго; о нихъ ниже) est venue dans la partie S.-E. du Thibet par la conquête, il y a peut être trois ou quatre cents ans. Le roi mosso de Ly-Kiang-fou, pour maintenir son autorité plaça des colonies de distance en distance, et ces colonies formèrent des villages que l'on rencontre encore aujord'hui sur les bords de la Salouen, du Mékong et du Fleuve-Bleu, jusque vers le 30° de lat. nord. Toutes les forteresses sont actuellement en ruines, mais la race mosso s'est perpétuée, a conservé son langage plus ou moins altéré, et a pris presque toutes les coutumes thibétaines. Pour connaître le vrai Mosso, il faudrait aller l'étudier près de Ly-Kiang-fou dans le Yun-nan. Les Thibétains

рін, въ Японіи (высшій классъ населенія, айно), на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири (коряки, чукчи) и въ Сѣверной Америкѣ (калоши и др. племена) [1]); наконецъ, въ сѣверномъ Китаѣ и по настоящее время сохранился еще длинноголовый типъ [2]). Слѣды крови бѣлой расы

méprisent les Mosso incorporés au Thibet, très probablement métisés et surtout dégradés. Quand aux traits physiques, ils sont bien altérés et ne représentent plus le vrai type mosso; cependant on peut encore le reconnaitre à certains caractères: front plus fuyant, nez plus aquilin, les os maxillaires inférieurs moins écartés, menton plus fuyant que chez le Thibétain. Ces différences donnent quelque chose de plus délicat à la figure des enfants et des jeunes gens".

Не менѣе интересны и замѣчанія *Colborne Baber'a* о черныхъ лоло (хэй-лоло). „Les Lolos sont d'une race dont la taille dépasse beaucoup celle des chinois; leur taille dépasse même peut être celle d'aucun peuple d'Europe. Ils sont, presque sans exception, remarquablement bien bâtis, sveltes et musclés. Leur poitrine est forte... Leur résistance à la fatigue et l'allure rapide avec laquelle ils escaladent leurs montagnes sont prodigieuses et devenues proverbiales parmi les chinois. De grands yeux horizontaux éclairent leur belle face ovale qui est brun rouge chez ceux qui vivent le plus au grand air. L'os des pommettes est saillant sans exagération, le nez est arqué et plutôt large, la forme pointue de leur menton épilé est caractéristique" („Travels and Reséarches in the interior of China", стр. 58 и слѣд.; цитировано по Devéria—„La frontière sino-annamite", стр. 143—145).

Francis *Garnier* пишетъ о Ho-nhi (во-ни у Ивановскаго): „La population de T'a-lang se mélange dans une proportion très considérable de sauvages auxquels les chinois donnent le nom de Ho-nhi. Ils ressemblent comme costume aux Khas khos, mais ils sont plus beaux et plus forts: ce sont les têtes, qui se rapprochent le plus de notre type occidental. Les femmes sont excessivement vigoureuses... A Yunn-kiang la physionomie des habitants est assez profondément altérée par le mélange avec les races sauvages des environs, surtout avec les Ho-nhi, pour perdre presque complètement son caractère chinois" („Voyage d'exploration en Indo-Chine", I, стр. 437; цит. по Devéria, op. cit., стр. 136—137).

Kreitner (op. cit., стр. 298), въ свою очередь, нашелъ у племени Pa-yü особенности кавказскаго типа ясно выраженными.

Возможно также, что отраслью дисцевъ, въ доисторическія времена проникшею далеко на югъ, до центральныхъ провинцій Индіи, должны считаться и такъ называемыя арійскія племена, удержавшія еще свою независимость, напримѣръ, „бильсы", живущіе въ горахъ бассейна верхней Нербудды. Ихъ характеризуютъ въ такихъ выраженіяхъ: „бильсы отважные и воинственные горцы. Они распадаются на многочисленные роды, находящіеся во взаимной враждѣ. Поселки ихъ окружены изгородью; каждая хижина является въ то же время и укрѣпленіемъ. Опояска на бедрахъ составляетъ весь ихъ костюмъ. Земледѣліе въ соединеніи съ охотою — ихъ главные источники существованія". Эти слова могли бы быть съ полнымъ правомъ отнесены и къ любому изъ дискихъ племенъ, продолжающихъ и понынѣ жить въ южномъ Китаѣ (см. ниже).

[1]) *Топинаръ*—„Антропологія"; *Кржививицкій*—„Антропологія".

[2]) Какъ извѣстно, китайцы отпускаютъ себѣ бороду лишь въ зрѣломъ воз-

видны и въ современныхъ тангутахъ. Бель пишетъ даже, что встрѣченные имъ ганьсуйскіе тангуты напомнили ему цыганъ [1]). То же говоритъ и Пржевальскій [2]). Среди сфотографированныхъ нами тангутовъ имѣется одинъ съ римскимъ профилемъ [3]). Правда, нѣкоторые антропологи полагаютъ, что тангуты произошли отъ смѣшенія желтыхъ короткоголовыхъ съ дравидійскими племенами, подобно населенію нѣкоторыхъ частей Бутана, Непала и Кашмира, чѣмъ, между прочимъ, будто-бы, и объясняется ихъ длинноголовость, темный цвѣтъ кожи, прямо поставленные глаза и тонкій, прямой носъ; но подобное предположеніе ничѣмъ не доказано.

Итакъ, изъ вышеизложеннаго нельзя, какъ кажется, не вывести заключенія, что племя „ди" было рыжеволосымъ (можетъ быть, правильнѣе было бы сказать — бѣлокурымъ?); среди нихъ попадались люди атлетическаго сложенія (чанъ-ди), тоже этническая особенность, указывающая на то, что въ жилахъ этихъ „ди" текла если не чистая кровь бѣлой расы, то въ примѣси очень значительной. Въ дальнѣйшемъ мы, впрочемъ, увидимъ не мало подтвержденій этой гипотезѣ.

Въ VII вѣкѣ до Р. Хр. ди распались на два отдѣла—бѣлыхъ и красныхъ ди [4]), и множество родовъ, изъ коихъ китайскіе историки называютъ: „сянь-юй", „фэй" и „гу" среди бѣлыхъ ди и „цзя-ши", „гао-ло-ши", „цянъ-цзю-жу", „лу-ши", „лю-сюй" и „до-чэнъ" среди красныхъ ди [5]).

Всѣ эти роды жили частью въ Чжилійской, частью въ Шаньсійской провинціи. Но сверхъ того были поколѣнія „ди", которыя жили и въ западныхъ провинціяхъ Китая, а именно въ Ганьсу и Сы-чуани. Многочисленныя данныя, сохраненныя намъ исторіей, убѣждаютъ насъ въ томъ, что ди были даже единственными коренными обитателями этихъ провинцій, исчезнувшими только съ теченіемъ вѣковъ, подъ напоромъ двухъ темноволосыхъ родственныхъ расъ: цяновъ съ запада и китайцевъ съ востока [6]). Это исчезновеніе было вызвано съ

растѣ и притомъ очень рѣдко; и все же въ Ганьсу намъ попалось нѣсколько мѣстныхъ уроженцевъ, имѣвшихъ большіе усы и бороды

[1]) „The Tangutans ressemble Gipsies"... (op. cit., стр. 68).

[2]) „Монголія и страна тангутовъ", I, стр. 223.

[3]) Этотъ снимокъ будетъ приложенъ къ III тому моего „Описанія путешествія въ Западный Китай".

[4]) *Plath*—„Die fremden barbarischen Stämme im alten China", стр. 463.

[5]) *Plath*, ib., стр. 464; *Георгіевскій*—„Первый періодъ китайской исторіи", стр. 237.

[6]) Предположеніе, высказанное *Terrien de Lacouperie* („Le Muséon", стр. 35),

одной стороны плохо организованною, но не прекращавшеюся борьбой съ пришельцами, съ другой смѣшеніемъ побѣдителей съ побѣжденными, о чемъ говорятъ намъ китайскіе историки, перечисляющіе смѣшанные роды жуновъ и ди, жившіе въ Гань-су [1]); несомнѣнно также, что такимъ же смѣшаннымъ народомъ были и чжоу'цы, овладѣвшіе въ 1122 г. до Р. Хр. Китайскою имперіей.

О ганьсуйскихъ и сычуаньскихъ ди китайская исторія говоритъ намъ очень мало; тѣмъ не менѣе и этого немногаго вполнѣ достаточно для того, чтобы возстановить постепенный ходъ угасанія здѣсь этой расы.

„Сянь, князь удѣла Цинь, говоритъ эта исторія, прошелъ съ войсками къ вершинамъ р. Вэй-шуй, гдѣ и покорилъ *ди*-жуновъ и ваньжуновъ [2])". Его же преемникъ, князь Сяо, царствовавшій съ 361 по 337 годъ до Р. Хр., еще далѣе распространивъ свои владѣнія, отослалъ ко двору 92 старшинъ жуновъ и *ди* [3]).

Эти завоеванія вызвали массовыя переселенія ди на югъ, въ горныя дебри Шу-цзюня (Чэнъ-ду-фу) и Хань-чжуна. Среди переселившихся туда въ эту эпоху родовъ наиболѣе значительными были: „маоню" (косматыхъ буйволовъ) и „бо-ма" (пѣгихъ лошадей); съ отдѣлами этихъ племенъ мы будемъ имѣть еще случай встрѣтиться на сѣверѣ, въ горахъ Алтайской системы.

Но далеко не всѣ „ди" ушли на югъ; оставшіеся въ провинціи Ганьсу просуществовали тамъ еще семь вѣковъ. По крайней мѣрѣ,

---

что „ди" вторглись въ Китай лишь за XIII вѣковъ до Р. Хр. основано, какъ кажется, на томъ соображеніи, что первыя извѣстія о столкновеніяхъ китайцевъ и ди относятся къ этому времени. Но въ „Исторіи младшей династіи Хань" сказано: „Als Thai-khang, der 3 Kaiser der 1 Dyn. Hia (1957—1955) das Reich verliess, fielen die vier Barbaren alle ab. (*Plat*—„Fremde barbarische Stämme im alten China", стр. 457). Упоминаются они также и въ древней китайской географіи „Шу-цзинъ": V, 22, 14, stellten sie (то-есть „ди") nach Tsching-wang's Tode bei der Thronbesteigung von Tschao-wang Schirme mit Verzierungen auf" (*Plath*, ib.). Наконецъ, не надо забывать, что китайцы сы-чуаньскихъ и ганьсуйскихъ ди (напримѣръ, „ба-цзюнь'скихъ ди") считаютъ потомками Пань-ху, пѣгой собаки императора Дику (2435—2375). Ср. также *Ивановскій*—„Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая", I, 1, стр. 93—94, гдѣ говорится, что инородцы, жившіе къ западу отъ Шу (Чэнъ-ду-фу), къ востоку отъ Жань-манъ (Мао-чжоу), принадлежали къ различнымъ племенамъ „ди", изъ коихъ племя „бо-ма" было славнѣйшимъ.

[1]) *Іакинфъ* — „Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи", I, стр. 7.

[2]) *Іакинфъ* — „Исторія Тибета и Хухунора", I, стр. 15.

[3]) *Іакинфъ*, ib., стр. 16.

мы имѣемъ относящіяся къ нимъ извѣстія, помѣченныя 328 годомъ; именно, въ этомъ году, по словамъ китайскаго историка [1]), Чэнь-ань, правитель области Цинь-чжоу, отложился отъ дома Чжао и возвратился въ Лунъ-си [2]), гдѣ тамошніе цяны и *ди* поддались ему [3]).

Что касается до поколѣній „мао-ню" и „бо-ма", то имъ еще долго суждено было играть видную роль въ исторіи Сы-чуани и южной Гань-су [4]).

Бо-ма поселились въ скалистыхъ, высокихъ и неприступныхъ горахъ Чэу-чи [5]). Съ теченіемъ времени они настолько усилились, что китайцы вынуждены были признать за ихъ главаремъ право на княжескій титулъ. Такимъ образомъ съ 322 г. по Р. Хр. офиціально было признано существованіе дискаго княжества (царства Ву-ду [6]), одно время (въ концѣ V и въ началѣ VI вѣка) распространявшаго свою власть на сѣверъ до Цинь-чжоу и Ци-шань (нынѣ округъ Фынъ-сянъ-фу), на востокъ до Хань-чжунъ-фу и на югъ до Лянь-чжоу. Въ 456 году дискій князь (царь) Янъ-нанъ-динъ провозгласилъ

---

[1]) *Іакинфъ*, ib., стр. 101.

[2]) Область Лунъ-си заключала въ это время земли двухъ нынѣшнихъ областей Лань-чжоу-фу и Гунъ-чанъ-фу.

[3]) Еще подъ 394 годомъ значится: „Князь (царь) Янъ-динъ (очевидно ди'ецъ, такъ какъ былъ двоюроднымъ братомъ ву-ду'скаго князя (царя) Янъ-шэна), въ Лунъ-си, выступилъ съ 30.000 войска противъ Ци-фу-цянь-гуй, но былъ убитъ" (*Іакинфъ*, ib., стр. 102).

[4]) Исторія племени мао-ню извѣстна намъ только въ отрывкахъ. Оно поселилось въ области Чэнъ-ду-фу. Въ китайской исторіи упоминается о немъ въ послѣдній разъ въ 123 г. по Р. Хр.

[5]) Несомнѣнно, — Лунъ-мынь-шань. Одно время столицей ихъ былъ городъ Лё-янъ.

[6]) Это наименованіе дано было Бо-ма'ской землѣ еще при Ханяхъ (см. Ивановскій, op. cit., I, стр. 100).

Бо-ма въ Ву-ду застали уже населеніе, состоявшее изъ дисцевъ поколѣнія „ба" (ба-ди), которые управлялись князьями изъ фамиліи Ли. Столицей этого княжества былъ городъ Лё-янъ. При князѣ Ли-тэ „ба-ди" овладѣли Лянь-чжоу и Чэнъ-ду-фу. Преемникъ Ли-тэ—Ли-сюнъ въ 306 году провозгласилъ себя императоромъ. Но уже сорокъ лѣтъ спустя это царство пало (*Ивановскій*, I, 1, стр. 15—16, примѣчаніе; *d'Hervey de Saint-Denys*, op. cit., стр. 51—53) и на смѣну ему стало возвышаться царство дисцевъ „бо-ма".

Китайцы также передаютъ, что въ Юнь-нани издавна существовало „Бѣлое царство" (Бо-го), населенное „бо-минъ" (бѣлымъ народомъ), извѣстнымъ еще подъ названіями — „а-бо", „бо-ръ-цзэ" (бѣлые сыновья) и „минъ-цзя-цзэ". По имени этого царства даже вся провинція Юнь-нань называлась до II вѣка до Р. Хр. Бо-го (см. *Devéria*—„La frontière sino-annamite", стр. 131).

себя государемъ великаго царства Цинь; онъ „учредилъ штатъ чиновъ, подобный императорскому; но не смотря на сіе неупустительно представлялъ дань обоимъ дворамъ: Вэй и Сунъ, то-есть сѣверному и южному [1])". Послѣ нѣсколькихъ дальнѣйшихъ успѣховъ государство это, наконецъ, пало въ 506 году, истощенное непосильною борьбой съ сѣвернымъ Китаемъ (имперіей Юань-вэй), при чемъ царство Ву-ду переименовано было въ область Дунъ-и-чжоу [2]).

Дальнѣйшая судьба дисцевъ рода „бо-ма" намъ неизвѣстна [3]), какъ равно неизвѣстна судьба и другихъ сы-чуань'скихъ поколѣній ди, жившихъ въ округахъ Инь-пинъ (въ области Лунь-ань-фу), Пинъ-гу (Лунь-ань-фу), Янь-ши (округъ, находившійся, какъ кажется, къ западу отъ Пинъ-гу) [4]) и во многихъ другихъ [5]). Вѣроятно, они были

---

[1]) *Іакинфъ*, ib., стр. 104.

[2]) *Іакинфъ*, ib., стр. 109. Въ послѣдній разъ о ву-ду'скихъ инородцахъ китайская исторія упоминаетъ подъ 1074 годомъ (*Ивановскій* — „Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая". I, 1, стр. 151).

[3]) Не ушли ли они на западъ, гдѣ нѣкоторыя долины и мѣстности сохранили еще и до сихъ поръ наименованіе этого племени; такъ, можно указать, напримѣръ, на страну „Поми", къ западу отъ р. Лу-цзи-цзяна, и на долину „Бомъ", къ западу отъ Батана (Desgodins—„Le Thibet d'après la correspondance des missionnaires", стр. 344 и 347). О странѣ По(Бо)-ми читаемъ у Крейтнера (op. cit., стр. 290), что *она знаменита своими лошадьми*. Ср. *Ивановскій*, op. cit., I, стр. 158, гдѣ читаемъ: Цзѣ-цяны потомки дисскаго рода „бо-ма". Это значитъ, что дисцы смѣшались съ цянами. Можетъ быть также въ черныхъ лоло (хэй-лоло; это не племенное имя, а китайское прозваніе, сами же себя они называютъ „ло-су" или „о-су") мы должны видѣть если не прямыхъ потомковъ, то одну изъ вѣтвей „бо-ма". По крайней мѣрѣ, вотъ, что читаемъ мы у Baber'а: Одинъ старшина, указывая на статую, подтвердилъ, что она изображаетъ Hsi-po, древняго лолоскаго царя, которому повиновались четыре могущественные рода: Lin, Long, Ma и Ouan; онъ называлъ его по китайски Ма-ванъ, то-есть, „царь-лошадь", такъ какъ, будто бы, онъ могъ пробѣгать тысячу ли въ часъ времени. Онъ былъ убитъ китайцами, которые съѣли его сердце. Это преданіе записано и китайцами, которые говорятъ: хэй лоло поклоняются Ма, изображенію бѣлой лошади (бо-ма; „ils adorent Ma, désignation d'un cheval blanc" (pe-ma). Эту часть легенды я объясняю такъ, что Hsi-po принадлежалъ къ роду „бо-ма", вѣроятно самому могущественному изъ дисскихъ родовъ, что, впрочемъ, видно и изъ исторіи этихъ родовъ. А если такъ, то и на хэй-лоло нельзя иначе смотрѣть, какъ на потомковъ „бо-ма" (Devéria—„La frontière sino-annamite", стр. 150—151).

[4]) *Іакинфъ*, ib., стр. 107.

[5]) Такъ, въ Чэнъ-ду-фу (области Шу) жили какіе то „ди" девяти родовъ— „цзю-ди". См. *Ивановскій*, op. cit., I, 1, стр. 129; d'Hervey de Saint-Denys, op. cit., II, стр. 167. Одинъ изъ этихъ девяти родовъ былъ родъ „бо-ма", *Ивановскій*, ib., стр. 94.

частью истреблены, частью поглощены сосѣдними народностями; возможно, однако, допустить, что послѣ разгрома 506 года нѣкоторые роды ихъ откочевали еще дальше на югъ, гдѣ продолжаютъ существовать и понынѣ. Такъ, напримѣръ, китайцы сообщаютъ намъ, что въ горахъ Би-цзи-шань, окружающихъ озеро Дянь-чи (Чжань-чи), къ югу отъ города Юнь-нань-фу, и въ горахъ округа Нинь-чжоу живутъ дикари „пу-тэ", имѣющіе рыжіе бороды [1]); въ горахъ близъ города Яо-чжоу живутъ другіе дикари—„ѣ-жень" (дикіе люди), имѣющіе рыжіе волосы и желтые зрачки [2]), и т. д. Сверхъ того рыжеволосыя племена сохранились еще въ наиболѣе недоступныхъ мѣстахъ сѣверо-восточной Бирмы (катты) [3]) и въ приграничныхъ частяхъ Юнь-нань'ской провинціи [4]). Однако, нѣкогда рыжеволосыя племена занимали значительно бóльшій районъ, что доказывается существованіемъ въ южномъ Китаѣ племенъ, несомнѣнно происшедшихъ отъ смѣшенія съ народомъ бѣлой расы; такъ, напримѣръ, китайцы намъ говорятъ, что у живущаго по рѣкѣ Юань-цзяну племени „ди-янъ-гуй" зрачки желтые [5]), что племя „хэй-ли-су", населяющее округъ У-динъ-чжоу, имѣетъ высокіе носы и глубоко-сидящіе глаза [6]), что у „маней" области Юнъ-чжоу [7]) высокій ростъ и впалые глаза [8]), и т. д.

Ди, населявшіе Чжилійскую и Шаньсійскую провинціи, были частью покорены, частью вытѣснены отсюда китайцами уже въ V вѣкѣ до Р. Хр. [9]); но въ Ганьсуйской провинціи, какъ мы видѣли выше,

---

[1]) *Ивановскій*—„Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая", I, 2, стр. 38.

[2]) *Ивановскій*, ib., стр. 84.

[3]) *Топинаръ*—„Антропологія", стр. 441.

[4]) *Палладій Кафаровъ*—„О торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ" въ *Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, IV, 1850, стр. 258.

[5]) *Ивановскій*, ib., стр. 72.

[6]) *Ивановскій*, ib., стр. 49.

[7]) Вѣроятно нынѣ Нань-нинъ-фу, въ провинціи Гуанъ-си.

[8]) *Ивановскій*, op. cit., I, 1, стр. 65.

[9]) См. *Plath*—„Die fremden barbarischen Stämme im alten China", стр. 457—471, который говоритъ объ истребленіи (Vernichtung, стр. 463, 465 и слѣд.) „ди" въ сѣверномъ Китаѣ. Что, однако, „ди" не только не были здѣсь истреблены, но даже въ теченіе послѣдующаго времени пользовались внутреннимъ самоуправленіемъ, видно изъ того, что въ первой половинѣ VI вѣка по Р. Хр. имъ удалось объединиться и подъ управленіемъ дійской династіи Фу, родомъ изъ Лё-яна (то-есть, принадлежавшей къ роду „бо-ма"?), образовать могущественное госу-

ди продержались до IV вѣка по Р. Хр. Къ этому именно времени относится и темное сказаніе китайцевъ о переселеніи дисцевъ на сѣверъ.

царство. Въ 350 г. дійскій князь Фу-цзянь перешелъ Хуанъ-хэ (изъ провинціи Шань-си) и овладѣлъ Чань-анью (близъ города Си-ань-фу), а въ слѣдующемъ провозгласилъ себя императоромъ великаго царства Цинь. Въ 370 г. Фу-цзянь II овладѣлъ столицей Муюновъ и завоевалъ весь сѣверный Китай, послѣ чего перевелъ въ Чань-ань до сорока тысячъ сяньбійскихъ семействъ. Въ 373 году его полководецъ Янь-ань (очевидно, также діецъ изъ извѣстной бома'ской фамиліи Янъ) покорилъ царства Хань-чжунъ и Шу (область Чэнъ-ду-фу, въ провинціи Сы-чуань); въ 376 году было докончено покореніе царства Хань-чжунъ и взята столица его—городъ Лянь-чжоу; въ 379 году былъ взятъ городъ Санъ-янъ (въ Си-ань-фу), остававшійся еще въ рукахъ цзиньцевъ, послѣ чего Фу-цзянь II округлилъ свои владѣнія на счетъ земель южнаго Китая и овладѣлъ многими его городами. Въ 381 году онъ былъ уже настолько могуществен, что 62 владѣтеля поспѣшили признать себя его вассалами. Но засимъ, уже въ слѣдующемъ году, это эфемерное царство стало неимовѣрно быстро клониться къ упадку. Въ императорской семьѣ возникли распри. Муюны поспѣшили ими воспользоваться и отняли у дисцевъ сѣверный Китай; а затѣмъ началось и быстрое разложеніе огромной монархіи. Въ 385 году нѣкто Ло-чанъ объявилъ себя независимымъ царемъ въ Бэй-ди, затѣмъ плѣнилъ и умертвилъ Фу-цзяня II. Преемники послѣдняго продержались еще до 394 года; наконецъ, послѣдній изъ нихъ вынужденъ былъ бѣжать въ Ву-ду, къ царю Янъ-нань-дану, вмѣстѣ съ которымъ и погибъ въ томъ же году въ войнѣ съ Ци-фу-цянь-гуемъ.

Такимъ образомъ, дисское царство просуществовало въ сѣверномъ Китаѣ ровно 60 лѣтъ, съ 334 по 394 г. (см. *Іакинѳъ* - „Исторія Тибета и Хухунора“, I, стр. 113—119).

Terrien de Lacouperie высказываетъ предположеніе (см. „Les langues de la Chine avant les chinois“ въ „Le Muséon“, 1888, стр. 35), что одинъ отдѣлъ „красныхъ ди“, а именно родъ „лу-ши“, откочевалъ въ 592 году на югъ и поселился въ долинѣ Лу-цзи-цзяна (на границѣ Бирмы, Ассама, Тибета и Юнь-нани; см. карту, приложенную къ *Desgodins*—„Le Thibet d'après la correspondance des missionnaires“, 1885, 2 édition), гдѣ и удержалъ свое древнее наименованіе „лу“ (лу-цзи). Онъ основываетъ это предположеніе на сходствѣ начертанія іероглифовъ (écrit d'une manière analogue) древнихъ и современныхъ „лу“. Въ бывшихъ намъ доступныхъ трудахъ по исторіи этого періода мы не нашли подтверждающихъ это предположеніе данныхъ, но въ его пользу говоритъ слѣдующая китайская характеристика Дунъ-чуань'скихъ „лу-цзи“: „Ихъ предки принадлежали къ поколѣнію восточныхъ цонь (?); они изъявили покорность при Юаняхъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ странную наружность, всѣ же, вообще, очень некрасивы; женщины ихъ и дѣвушки еще болѣе гадки (подобнымъ же образомъ китайцы отзывались и о другихъ западныхъ инородцахъ кавказскаго типа). Характеръ ихъ жестокій и дурной: когда разсердятся, то убиваютъ другъ друга. При первоначальномъ поселеніи въ области Дунь-чуань они имѣли три фамиліи: Чжао, Ли и Янъ (фамилія Янъ была самой значительной и у „бо-ма“); теперь же поколѣнія

Именно, у Іакинфа мы читаемъ [1]):

„Въ продолженіи великихъ перемѣнъ, послѣдовавшихъ въ Китаѣ въ послѣдней половинѣ III вѣка предъ Р. Хр. красные кочевые вытѣснены были въ степь, гдѣ они уже подъ названіемъ „ди-ли" заняли пространство отъ Ордоса къ западу. Въ 338 году по Р. Хр. они поддались дому Тоба; но въ самомъ концѣ IV вѣка ушли на сѣверную сторону песчаной степи, и тамъ, вмѣсто прежняго названія „дили" получили наименованіе „гаогюйскихъ (?) динлиновъ". Далѣе у Іакинфа сказано, что „гаогюйцы суть потомки древняго поколѣнія чи-ди". Но это очевидная ошибка, такъ какъ гаогюйцы или чилэ были предками уйгуровъ. Эту путаницу, противорѣчащую какъ вышеприведеннымъ фактамъ, такъ и дошедшимъ до насъ преданіямъ уйгуровъ [2]), произвелъ авторъ „Бэй-ши" (исторіи сѣверныхъ дворовъ), и такъ какъ онъ одинъ только и выводитъ гаогюйцевъ изъ Заордосскихъ степей, то мы и вправѣ игнорировать это указаніе; справедливымъ же остается лишь фактъ переселенія динлиновъ [3]) на

ихъ многочислены" (см. *Ивановскій*, op. cit., I, 2, стр. 44—45). Судя по небольшому словарю, языкъ этихъ „лу" заимствованный, такъ какъ изъ 111 словъ 39 взяты изъ тибетскаго языка, остальные же частью изъ китайскаго, частью изъ языковъ сосѣднихъ инородцевъ—„лоло", „мосо" и др. Слѣдуетъ также замѣтить, что одно изъ вымершихъ нынѣ племенъ (инбатскіе остяки), о коихъ будетъ говорено ниже, удержало въ своемъ языкѣ слово „лу-цзи" для обозначенія демона, то-есть, своего предка.

Сказанное относится, главнымъ образомъ, къ краснымъ ди; о бѣлыхъ же ди читаемъ у *Plath*'а: „Die weissen „Ti" erhielten sich bis über die Periode des Tschhün-tshieu (479) hinaus und einer ihrer Stämme nahm zur Zeit der streidenden Reiche den Königs-Titel an und kämpfte mit den andern Prätendenten um den Besiz der ganzen Herrschaft der Tscheu" (l. c., стр. 463).

Наконецъ, мы имѣемъ еще одно извѣстіе, относящееся къ переселенію „ди": „Часть инородцевъ ди, пишетъ *Георгіевскій* („Первый періодъ китайской исторіи", стр. 247), выступила изъ Китая, вслѣдствіе начавшихся съ 463 года нападеній со стороны князей Ханьскаго, Вэйскаго и Чжаоскаго". Въ другомъ своемъ сочиненіи—„О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ", стр. 68 и 79, *Георгіевскій* прибавляетъ, что эти ди выселялись на сѣверъ. Къ сожалѣнію, онъ, однако, и тутъ не сообщаетъ, къ какому отдѣлу ди принадлежали эти переселенцы.

[1]) „Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи", I, 2, стр. 247—248.

[2]) См. выше, стр. 28.

[3]) Что ди-ли тождественны съ динлинами, видно, между прочимъ, и изъ словъ китайской надписи на орхонскомъ памятникѣ Кюль-тегину, воздвигнутомъ въ 733 году. Эта надпись гласитъ, что песчаная страна, граничащая съ Китайской имперіей (очевидно—Заордосъ, вообще южная окраина Гобійской пустыни), была родиной динлиновъ (она же была родиной и „ди-ли").

сѣверъ и ихъ смѣшенія тамъ съ тюркскими элементами [1]).

О древнихъ хагясахъ, отличавшихся высокимъ ростомъ, рыжими волосами, румянымъ лицомъ и голубыми (зелеными) глазами, китайцы такъ и пишутъ, что они произошли отъ смѣшенія первобытныхъ жителей этой страны (Гянь-гунь) съ динлинами [2]).

Хагясы въ Танскія времена говорили уже на одномъ изъ тюркскихъ діалектовъ [3]). По сосѣдству, однако, съ ними жили племена, которыя, обликомъ походили на хагясовъ, но говорили другимъ языкомъ [4]). Эти племена носили разныя наименованія, изъ коихъ для насъ имѣютъ значеніе: „бо-ма" [5]), одинъ изъ отдѣловъ котораго,

---

Im sandigen *Nachbarreiche*,
Im Vaterlande (des Volkes) Ting-ling,
Haben zahlreiche Helden sich erhoben.

(*Васильевъ* въ „Die alttürkischen Inschriften der Mongolei", *Радлова*, 1895, стр. 168).

Schlegel переводитъ это мѣсто китайской надписи нѣсколько иначе:

Dans la région de Cha-sai, dans le pays de Ting-ling,
Des guerriers valeureux se sont élevés en masse contre vos anciens rois.

(„La stèle funéraire du Teghin Giogh", отд. оттискъ изъ „Mémoires de la Société Finno-Ougrienne de Helsingfors", 1892, III, стр. 42).

Что главная масса динлиновъ перешла пустыню задолго до начала нашей эры (не въ VI ли вѣкѣ до Р. Хр.?), видно изъ слѣдующихъ словъ китайской исторіи: „впослѣдствіи (примѣрно за 200 лѣтъ до Р. Хр.) на сѣверѣ они (хунны) покоряли владѣніе Динлинъ" (*Іакинфъ*—„Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи", I, 1, стр. 17). Конечно, могло быть и такъ, что динлины исконии жили какъ на южныхъ, такъ и на сѣверныхъ окраинахъ Гобійской пустыни; но такому предположенію противорѣчили бы нѣкоторые факты, на которые я укажу ниже.

Ниже же будетъ указано, что китайцы считаютъ динлиновъ вѣтвью дунъ-ху; дунъ-ху же тѣ же дисцы, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Наконецъ, въ „Юань-ши" мы находимъ темное преданіе, что тѣ сорокъ дѣвушекъ (кырк-кыз), которыя дали начало народу киргизскому, пришли въ эту страну (въ долину Кема) съ юга (изъ Китая) (см. *Schott*—„Ueber die ächten Kirgisen", стр. 432).

[1]) Къ вопросу о происхожденіи уйгуровъ мы будемъ имѣть еще случай вернуться ниже.

[2]) *Іакинфъ*—Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи", I, 2, стр. 443; *Schott*—„Ueber die ächten Kirgisen", стр. 432; *Schlegel*, op. cit., стр. 48.

[3]) *Іакинфъ*, ib., стр. 446.

[4]) *Іакинфъ*, ib., стр. 442.

[5]) „Po-ma у *Deguignes* — „Histoire générale des Huns, des Mogols et des autres Tartares occidentaux", I, 2, стр. LXII, § 3, и у *Klaproth*'a—„Mémoires relatifs à l'Asie", I, стр. 180.

какъ мы это уже знаемъ, успѣлъ образовать по южную сторону хребта Цзунъ-линъ царство Ву-ду, и „ма-нао" [1]), въ которомъ нельзя не признать южный родъ „мао-ню".

Какъ далеко динлины распространились на сѣверъ, востокъ и западъ, намъ въ точности неизвѣстно; однако, несомнѣнно, что остатки ихъ и понынѣ еще находятся среди черноволосыхъ тюрко-монгольскихъ племенъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ Сибири и сопредѣльнаго Китая. Такъ, Барроу, напримѣръ, говоритъ: „Мы видѣли маньчжуровъ, сопровождавшихъ посольство Макартнея, въ Пекинѣ; какъ мужчины, такъ и женщины ихъ чрезвычайно красивы (fair) и отличаются превосходнымъ сложеніемъ (florid); нѣкоторые изъ нихъ имѣли свѣтло-голубые глаза, прямой или орлиный носъ, темно-русые (brown) волосы и довольно большую, густую бороду" [2]). Шоттъ заимствуетъ изъ „Исторіи Киданьскаго царства", написанной въ XII столѣтіи, интересное указаніе на существованіе среди киданей бѣлокураго племени, имѣвшаго зеленые, желтые и свѣтло-сѣрые глаза [3]). Спафарій, посланный въ Китай въ 1675 году, упоминаетъ о „пѣгой ордѣ", нѣкогда жившей по Оби, ниже Кети [4]). Къ этой же

---

[1]) „Ма-нао у *Deguignes*, op. cit., I, 2, стр. LXII, § 2; *Schlegel*, op. cit., стр. 43, полагаетъ, что историкъ Ма-дуань-линь пишетъ неправильно „ма-нао"— „лошадиный мозгъ" вмѣсто „ма-гинъ", что значило бы „ноги лошади". Но мнѣ кажется, что эти соображенія должны потерять всякій интересъ послѣ того, какъ обнаружилось, что роды „бо-ма" и „ма-нао" или „мао-ню" жили нѣкогда на обоихъ полюсахъ географическаго распредѣленія динлиновъ; этотъ фактъ доказываетъ, что въ приведенныхъ названіяхъ слѣдуетъ видѣть не китайскія прозвища, а истинныя народныя прозванія, которыя, въ качествѣ таковыхъ, могли передаваться іероглифами, означающими и „косматыхъ буйволовъ", и „мозгъ лошади", и др. Согласно „Вэнь-сянь-тунъ-као", мѣстность „Мао-ню" находилась къ западу отъ Чэнъ-ду-фу (ср., однако, d'Hervey de Saint-Denys, op. cit., II, стр. 153); съ другой стороны мы знаемъ, что въ Енисей впадаетъ р. Мана со своимъ правымъ притокомъ Маню. Впрочемъ, могъ бы быть правъ и *Schlegel*, такъ какъ въ южной Сибири нѣкогда, дѣйствительно, жило дикое племя „ма-чинъ" или „ма-джа", о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Среди енисейскихъ „татаръ" еще въ прошломъ столѣтіи существовалъ родъ „мади", представлявшій, по словамъ *Müller*'а („Sammlung Russischer Geschichte", 1761, VI, стр. 553), осколокъ какого-то, *не татарскаго*, народа.

[2]) Цитировано по *Топинару*—„Антропологія", стр. 441. См. также *Klaproth*— „Tableaux historiques de l'Asie", стр. 162.

[3]) *Schott*—„Ueber die ächten Kirgisen", стр. 444.

[4]) Примѣчаніе *Арсеньева* къ „Путешествію чрезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая русскаго посланника Н. Спафарія въ 1675 году", стр. 184 (*Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи*, X, 1).

„пѣгой ордѣ" русскіе XVII столѣтія относили и вымершихъ теперь уже коттовъ, ариновъ и ассановъ и такъ называемыхъ енисейскихъ остяковъ [1]). Радловъ. въ 1861 году посѣтившій Алтай, передаетъ, что среди приграничныхъ („черныхъ") сойоновъ попадаются русые съ удлиненными лицами, тогда какъ дальше вглубь страны сойоны являются уже на половину бѣлокурымъ, рослымъ народомъ, извѣстнымъ у окрестнаго населенія подъ именемъ „желтыхъ" сойоновъ [2]). Наконецъ, и по настоящее время среди казаковъ (Средней, Большой и Малой ордъ) можно встрѣтить не мало бѣлокурыхъ [3]). Антропологическія изслѣдованія Зеланда показываютъ, что казаки представляютъ смѣшанное населеніе, такъ какъ къ основному типу, сравнительно низкорослому, безбородому, съ широкимъ лицомъ и съ приплюснутымъ носомъ, съ темными глазами, присоединился другой — рослый, бородатый съ горбатымъ носомъ, съ длиннымъ лицомъ и свѣтлыми глазами [4]). Конечно, эту примѣсь могли дать и усуни, но вѣдь и на усуней нельзя смотрѣть иначе, какъ на отдѣлъ динлиновъ, уже въ очень раннюю эпоху оттѣсненный юэчжисцами въ южные отроги Алтая.

Что динлины были народомъ пришлымъ въ южную Сибирь и Саяно-Алтайскій горный районъ, видно, между прочимъ, также и изъ того, что ихъ потомки—котты и енисейскіе остяки говорятъ языкомъ, имѣющимъ, по мнѣнію Terrien de Lacouperie [5]), сродство съ древне-китайскимъ діалектомъ [6]). Этотъ фактъ остался бы безъ всякаго

---

[1]) *Аристовъ*—„Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей", отд. оттискъ, стр. 49.

[2]) „Reise durch Altai" въ „Ermans Archiv f. wiss. Kunde v. Russland" XXIII, стр. 297. См. также *Семеновъ* и *Потанинъ*—„Алтайско-Саянская горная система", etc., стр. 680, прим. 150 (Дополненія (т. IV) къ Риттера—„Землевѣдѣніе Азіи", III). *Клеменцъ* („Древности Минусинскаго музея, стр. 67) пишетъ о бѣлокурыхъ сагайцахъ, *Адріановъ* („Путешествіе на Алтай и за Саяны" въ *Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, XI, 1888, стр. 293) о черневыхъ татарахъ.

[3]) *Штраленбергъ* („Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, in soweit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet", etc., Stockholm, 1730, стр. 165) утверждаетъ даже, что въ его время казаки были по преимуществу рыжеволосымъ народомъ.

[4]) Цитировано по *Кржисицкому*—„Антропологія", стр. 346.

[5]) „Le Muséon", 1888, VI, стр. 836; „Journal of the Royal Asiatic Society", 1889, стр. 401 (цит. по Аристову, op. cit., стр. 50).

[6]) Ту же мысль еще раньше высказалъ и составитель грамматики коттскаго языка—Кастренъ. Именно, онъ писалъ, что признаетъ этотъ языкъ „отрывкомъ

объясненія, еслибы мы не знали, что динлины пришли въ Енисейскую тайгу изъ сѣвернаго Китая, гдѣ они свыше тысячелѣтія жили подъ вліяніемъ китайской цивилизаціи.

Остатки дисцевъ въ чистомъ видѣ сохранились, повидимому, только среди дикарей „ѣ-жень"; можетъ быть, эти дикари и донынѣ удержали элементы своего первобытнаго языка [1]); всѣ же остальныя племена, въ которыхъ можно видѣть потомковъ дисцевъ, вѣроятно, уже свыше 25 вѣковъ говорятъ на чуждыхъ имъ нарѣчіяхъ сосѣднихъ племенъ. Это жаргонъ, въ которомъ, какъ мы видѣли выше, тибетскія слова перемѣшаны съ китайскими, бирманскими и другими. И что эта рѣчь сложилась уже съ незапамятныхъ временъ, видно изъ того, напримѣръ, факта, что родственное „лу" племя „меламъ" говоритъ не на современномъ, а на первобытномъ тибетскомъ языкѣ, когда слова писались такъ, какъ выговаривались [2]). Засимъ въ языкѣ „лу" замѣтно вліяніе индокитайскаго языка, что, по мнѣнію Terrien de Lacouperie, можетъ быть объяснено лишь въ томъ случаѣ, если

особаго семейства, сродство котораго съ финско-самоѣдскими языками весьма дальнее. Енисейско-остяцкій (и коттскій) языкъ нѣчто въ родѣ китайскаго, не имѣющее полной флексіи; онъ любитъ переносить корневой слогъ въ конецъ слова" и т. д. („Путешествіе Кестрена" въ „Магазинѣ землевѣдѣнія и путешествій" *Фролова*, VI, 1860, стр. 361; цит. по Аристову, op. cit., стр. 50).

[1]) Я не берусь утверждать, что „ди" говорили на одномъ изъ арійскихъ діалектовъ; но думаю, что только черезъ ихъ посредство китайцы и могли принять въ свой языкъ арійскіе корни, которыхъ тамъ не мало. Мы знаемъ только одно несомнѣнно диское слово: *as*—для обозначенія вождя, царя; это слово до сихъ поръ сохранилось въ группѣ енисейскихъ языковъ и обозначаетъ:

	Нарѣчія.			
	Инбатское.	Ассанское.	Коттское.	Аринское.
бога	es	ös, ösch	esch	es
небо	es	ösch, etsch	esch	es
а также демона		asa	ascha	

Это слово находится и въ древне-германскихъ языкахъ для обозначенія первоначально вождя, короля, а затѣмъ и бога (ass изъ болѣе древняго ansus и Äser).

Засимъ, можетъ быть, впослѣдствіи намъ удастся доказать, что и *ma*—лошадь—диское, а не китайское слово (вѣроятно, въ прежнее время оно произносилось mar, у китайцевъ—mal), такъ какъ все, что мы теперь знаемъ о лошади, сводится къ тому, что ея прародиной должна считаться не Азія, а Западная Европа и частью Россія, откуда она уже и распространилась, вмѣстѣ съ длинноголовыми блондинами, на востокъ.

[2]) *„Le Muséon"*, 1888, стр. 36.

мы допустимъ, что „лу" пришли изъ сѣвернаго Китая, гдѣ они жили по сосѣдству съ до-китайскимъ, нынѣ исчезнувшимъ, народомъ, „mon-taï", уже въ историческое время вытѣсненнымъ изъ Шань-дуна сначала въ Ху-бэй, а затѣмъ (уже при Танахъ) въ Гуй-чжоу. Эта легкость, съ какой дисцы воспринимали чуждые языки, сказалась и на сѣверѣ. Въ Танскую эпоху хагясы говорили уже на уйгурскомъ языкѣ, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что въ ту отдаленную эпоху примѣсь тюркской крови у хагясовъ должна была быть еще весьма незначительной [1]).

Эта особенность тѣмъ болѣе замѣчательна, что динлины среди прочихъ алтайскихъ племенъ отличались наиболѣе высокою культурой, безъ сомнѣнія, частью заимствованною ими у своихъ прежнихъ сосѣдей—китайцевъ. Объ этой культурѣ говорятъ намъ какъ китайскіе историки [2]), такъ и сохранившіеся до настоящаго времени

---

[1]) „Черные волосы считались у нихъ нехорошимъ признакомъ, а съ карими глазами почитались потомками Ли-лина" (*Іакинфъ*—„Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи", I, 2, стр. 443). Ли-линъ, родомъ китаецъ, былъ знаменитымъ полководцемъ; вслѣдствіе интригъ при китайскомъ дворѣ, онъ былъ оставленъ безъ обѣщанной помощи и воинскихъ припасовъ, что и вынудило его передаться хуннамъ. Послѣдніе поставили его ханомъ надъ хагясами.

[2]) Древніе ди имѣли города (см. *Plath*, op. cit., стр. 468).

О хагясахъ читаемъ: „Man baute nur einige Getreide-Arten, nicht aber Obst und Gemüse. Im dritten Monat wurde gesät, im neunten geerndtet. Aus zermalenem Getreide baken sie Brod und brauten ein geistiges Getränk. Von Mineralien gab es Gold, Eisen und Zinn. So oft es geregnet hatte, sammelte man Eisen, das sie kja-s'a nannten und aus welchem sie vortreffliche Waffen schmiedeten; diese wurden als Schatzung den Tu-kju abgeliefert. Ihre reitenden Krieger schützten die Beine mit Schienen aus gespaltenem Holze nnd befestigten einen runden Schild wider Pfeilschüsse und Schwerthiebe an die eine Schulter. Ihren König betitelten sie A-s'e. Vor seinem Zelte war stets ein Tuk (Standarte mit Rossschweifen) angepflanzt. Im Gürtel führten sie gern Messer und Schleifsteine. Im Winter bewohnten sie Häuser, die sie mit Baumrinde deckten. Ihre Sitten sind von denen anderer Länder verschieden. Ihre Sprache war der des Volkes Hui-ku ganz gleich, auch besassen sie dieselbe Schrift" (*Schott*, op. cit., стр. 433—435. Ср. *Іакинфъ*, ib., стр. 443—446).

Вообще, принято думать, что хагясы заимствовали у уйгуровъ не только тюркскій языкъ, но и древне-тюркское письмо. Въ послѣднемъ мы вправѣ, однако, усомниться, такъ какъ дисцы уже въ Ханьскія времена имѣли свое письмо (впрочемъ, имѣются основанія думать, что первоначально уйгуры были такимъ же смѣшаннымъ племенемъ, какъ и хагясы; о чемъ см. ниже). Вотъ, что по этому поводу говорятъ намъ китайцы: Цоньскія письмена изобрѣтены при Ханьской династіи старшиной А-кэ (А-цю? титулъ?), прозваннымъ родоначальникомъ письменности; всѣхъ знаковъ 1840, которые пишутся поперекъ (*Ивановскій*—

въ сѣверной Монголіи и южной Сибири остатки цивилизаціи, при-

„Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая", I, 2, стр. 4, 6 и 35). Съ цоньскими письменами сходны были и бэскія (*Ивановскій*, ib., стр. 35), которыми, кромѣ бэсцевъ, пользовались также и инородцы „минь-цзя" (ib., стр. 2). У „хэй-лоло" письмена были похожи на древне-китайскія кэ-доу (*Devéria*, op. cit., стр. 127), но знаки писались у нихъ связно (*Ивановскій*, ib., стр. 13); наоборотъ, у „мяо-цзы" письмена, цифры и 60 циклическихъ знаковъ были сходны съ китайскими, но только по основной идеѣ, а не по начертанію (ib. стр. 73). „Мосѣ" имѣли письмо еще болѣе идеографическое; когда хотѣли сказать—„человѣкъ", то рисовали человѣка и т. д. (ib., стр. 47). Но всего замѣчательнѣе письмена у „голо": ихъ знаки совершенно напоминаютъ монгольскіе (?) (ib., стр. 107). Наконецъ, по словамъ китайцевъ, письменность существовала и у бѣлыхъ „лоло" (ib., стр. 8). Образчики письма Ра-у, лоло и мосѣ (mosso) даны у *Devéria*, op. cit., стр. 105, 152—153, 166. Изъ этихъ данныхъ усматривается, что у дисцевъ, задолго до ихъ знакомства съ уйгурами, существовало уже частью идеографическое, частью фонетическое (см. анализъ письменныхъ знаковъ лоло у *Terrien de Lacouperie* „On a Lolo manuscript written on satin" въ „Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland", XIV, 1) письмо, а такъ какъ тюркскій алфавитъ на памятникѣ Кюль-тегину (а также такъ называемыя енисейскія письмена) представляетъ нѣчто весьма совершенное и является вѣроятнымъ результатомъ цѣлаго ряда измѣненій и упрощеній, то естественно рождается вопросъ: не есть ли этотъ алфавитъ дискское, а не тюркское изобрѣтеніе?

Проводя параллель между хагясами и южными „ди", мы не можемъ не замѣтить, что послѣдніе были уже съ самой глубокой древности знакомы съ земледѣліемъ, любили вино (они умѣли „весело пить", по выраженію китайцевъ; вино, музыка и пляски сопровождали каждое ихъ празднество; см. *Ивановскій*, ib., стр. 13, 14, 22, 23, 39, 41, 68, 79 и т. д.), а стало быть умѣли его и выдѣлывать; сами себѣ изготовляли оружіе, а слѣдовательно умѣли добывать и металлъ (желѣзо, серебро и золото). Дисцы „бо-ма" изготовляли себѣ латы изъ кожи носорога (*Іакинфъ*—„Исторія Тибета и Хухунора", I. стр. 104); даже послѣ изобрѣтенія пороха свирѣпые „цзю-гу мяо" продолжали еще носить тяжелый, но не закрывавшій затылка желѣзный шлемъ съ наушниками, кольчугу, вѣсомъ болѣе пуда, и на ногахъ наборныя латы изъ желѣзныхъ пластинъ, прикрывавшіе только голени; не смотря на столь тяжелое вооруженіе, „цзю-гу", съ деревяннымъ щитомъ въ одной рукѣ, копьемъ въ другой и мечомъ въ зубахъ могли такъ быстро ходить по горамъ, „точно летѣли" (*Ивановскій*, ib., стр. 97; см. также *Du Halde*—„Description géographique, historique, etc., de l'empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise", стр. 69). О „голо" говорится, что они умѣли выдѣлывать крѣпкія латы, острые мечи и копья; латы употребляли даже такіе дикари, какъ бѣлые „лоло" и „пужени". О маняхъ „ю" читаемъ у *marquis d'Hervey de Saint-Denys*—„Ethnographie des peuples étrangers", II, стр. 37: „Au moment de sa naissance l'enfant mâle est pesé avec un morceau de fer et, quand il devient adulte, il prend soin de bien tremper ce fer et d'en fabriquer lui-même un glaive ou coutelas qui ne le quitte plus. Pour essayer cette arme et prouver

писываемые миѳическому народу чудь [1]).

---

sa bonne qualité il doit décapiter un boeuf d'un seul mouvement du bras et de l'épaule". Они имѣли также обыкновеніе носить у пояса ножъ (*Ивановскій*, ib., стр. 12, 25, 46 и т. д.); съ самой глубокой древности строили себѣ дома (срубы), употребляя для настилки крышъ древесную кору, камышъ, бамбукъ и проч. Интересно также, что у янь-чжоускихъ инородцевъ государи носили тотъ же титулъ, что и у хагясовъ,—а-сы (a-s'e у Шотта, a-je у Клапрота, ажо у Іакинфа); среди „лоло" и до сего времени существуетъ родъ „аже", подобно тому, какъ на сѣверѣ, среди такъ называемыхъ енисейскихъ остяковъ, удержалось родовое наименованіе „асанъ"; замѣтимъ также, что у древнихъ германцевъ (готовъ) ассами (ass) называли вообще вождей, героевъ, впослѣдствіи же боговъ. У южныхъ „ди" былъ также обычай носить передъ своими старѣйшинами знамена. Хагяскій а-сы и его свита носили красныя одежды; мы, однако, знаемъ, что „чи-ди" имѣли также красное одѣяніе (*Plath*, op. cit., стр. 464). Наконецъ, еще нѣсколько сближеній. Хагясы носили въ ушахъ кольца. Это же украшеніе было самымъ излюбленнымъ и у южныхъ диндевъ. Хагясы татуировались; то же дѣлали и дисцы. О хагясахъ китайцы писали: оба пола живутъ нераздѣльно и по сему среди нихъ много распутства; то же писали они и о дисцахъ (остатки гетеризма). Языкъ диндиновъ „бо-ма" китайцы называли птичьимъ. „Птичьимъ" же называли они и языкъ „мо-сѣ" (*Ивановскій*, ib., стр. 45), „пу-женей" (ib., стр. 61) и другихъ. Можетъ быть къ этой характеристикѣ можетъ имѣть отношеніе замѣчаніе *Desgodins* (op. cit., стр. 374) о языкѣ племени „мэламъ": „Il n'est pas monosyllabique, surtout dans les mots qui sont indigènes, ou du moins qui n'ont pas une origine thibétaine. La prononciation n'est pas douce et uniforme comme celle du thibétain, mais, sans être, rude, elle est extrêmement saccadée; chaque syllade est accentuée séparément, de sorte que parfois et surtout quand on parle vite et avec animation, on croirait entendre parler des bègues".

[1]) Къ этимъ остаткамъ должны быть отнесены, кромѣ надмогильныхъ сооруженій,—городища, остатки земляныхъ валовъ и оросительныхъ канавъ (о послѣднихъ см. *Клеменцъ*—„Древности Минусинскаго Музея", стр. 45), руническія надписи на скалахъ, каменныя статуи и прочее. Попытки приписать „чудскія могилы", то-есть могильные курганы и такъ называемые „сланцы" и „маяки", встрѣчающіеся на всемъ обширномъ пространствѣ южной Сибири отъ береговъ Волги и южнаго Урала до верховій Амура (то-есть въ предѣлахъ распространенія сѣверныхъ дисцевъ, намѣченныхъ китайскими историками), равно какъ и различнаго рода каменныя сооруженія, остатки ирригаціонной системы, рисунки и надписи на скалахъ—динлинамъ дѣлались неоднократно (см. *Риттеръ*—„Землевѣдѣніе Азіи", III и V; въ самое послѣднее время—*Аристовъ*, op. cit., стр. 51), но гипотеза эта высказывалась вскользь и, насколько мнѣ извѣстно, не подкрѣплялась безспорными данными. Впрочемъ, *Kollmann* по поводу череповъ, взятыхъ изъ „чудскихъ" могилъ, уже замѣтилъ, что хотя они долихоцефальны, но тѣмъ не менѣе отличаются отъ череповъ европейскихъ, имѣя спеціально азіатскую форму (см. „Congrés international d'Archéologie et d'Anthropologie préhistoriques à Moscou du 1—8 août, 1892", II, „procès verbaux des séances", стр. 29). Но развѣ могло быть иначе, когда даже исторія намъ говоритъ, что дисцы

Но если все происходило такъ, какъ мною здѣсь разказано, то невольно возникаетъ вопросъ, какъ могъ исчезнуть совершенно безслѣдно народъ, обладавшій такимъ огромнымъ распространеніемъ и въ то же время настолько многочисленный, что, напримѣръ, одни хагясы могли выставить около 80 тысячъ войска.

потерявъ первобытную чистоту своей расы уже по южную сторону Гобійской пустыни? Засимъ, *Клеменцъ* на стр. 28—29 „Древностей Минусинскаго Музея" (1886) говоритъ, что въ числѣ масокъ, добытыхъ около Минусинска и снятыхъ съ лицевой стороны черепа, „попалась одна женская замѣчательной красоты, съ чертами лица чисто европейскими" (см. также табл. XX атласа). *Нефедовъ*, производившій раскопку кургановъ въ Киргизской степи, также говоритъ, что по сохранившимся остаткамъ костяковъ можно придти къ заключенію, что курганные люди были высокаго роста и длинноголовы („Les kourganes de la steppe des Kirghizes" въ „Congrès international d'Archéologie et d'Anthropologie préhistoriques à Moscou", 1892, II, стр. 349). Даже оставляя въ сторонѣ указанія прежнихъ изслѣдователей, однихъ этихъ фактовъ было бы достаточно для того, чтобы дать прочное основаніе приведенной гипотезѣ. Но я предчувствую и возможный вопросъ: „почему чудскія могилы должны принадлежать именно динлинамъ, а не другому какому либо длинноголовому племени?" Въ отвѣтъ я могъ бы сослаться на исторію, но предпочитаю дать нижеслѣдующее сравненіе остатковъ, сохраненныхъ намъ могилами „чудей" съ тѣмъ, что сохранила намъ исторія въ китайскихъ описаніяхъ южныхъ дисцевъ и ихъ быта.

Какъ ни скудны сами по себѣ китайскія извѣстія о надгробныхъ сооруженіяхъ южныхъ дисцевъ, тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что, напримѣръ, бэ-жени, хоронившіе своихъ покойниковъ въ гробахъ, *ставили надъ могилою высѣченное изъ камня изображеніе покойнаго* (*Ивановскій*, op. cit., II, стр. 31; подобныя же статуи вѣнчали и многія изъ чудскихъ могилъ; это такъ называемыя „каменныя бабы", о которыхъ имѣется большая литература; этотъ обычай переняли у дисцевъ и тукіэ); тотъ же обычай господствовалъ у цоньскихъ маней (*Ивановскій*, ib., стр. 5 — 6 и „майча" (ib., стр. 77), которые, впрочемъ вырѣзали изображенія своихъ предковъ изъ дерева; „хэй-лоло" же и донынѣ имѣютъ изображенія своихъ предковъ, высѣченныя въ скалѣ (*Devéria*, op. cit., стр. 150). „Мяо" хоронили „при помощи неимѣющаго дна гроба (то-есть обставляли стѣнки ямы каменными плитами или досками?); вынувъ землю, помѣщали трупъ внутри" (*Ивановскій*, ib., стр. 96). Нѣкоторые „мяо" оставляли покойника въ гробу безъ погребенія иногда нѣсколько лѣтъ (до 12 лѣтъ) и когда въ общинѣ такихъ гробовъ накапливалось около сотни, то всею же общиной строили „зало демоновъ", то-есть предковъ, куда ихъ и сносили. Такія общія помѣщенія украшались рѣзьбой, изображавшею „мужчинъ съ голымъ тѣломъ". Это очень любопытное указаніе, такъ какъ и въ юго-западной Сибири были находимы *курганы обширныхъ размѣровъ* (маяки), *заключавшіе общую гробницу съ множествомъ труповъ* (см., напримѣръ, *Адріановъ*, op. cit., стр. 388). Вообще же, южные дисцы или сжигали трупы (точнѣе было бы сказать—обжигали ихъ, такъ какъ кости затѣмъ собирались и хоронились отдѣльно) или хоронили ихъ, предварительно завернувъ въ кожи или ткани, или, наконецъ, заключали

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы, кажется, найдемъ въ психическомъ различіи характеровъ длинноголовыхъ блондиновъ и черноволосыхъ короткоголовыхъ. Постараемся съ этой точки зрѣнія сгрупировать все то, что знаемъ о бѣлокурыхъ народахъ Средней Азіи и Южнаго Китая.

Характеръ дисцевъ намъ мало извѣстенъ. Они имѣли сердца тигровъ и волковъ, говорятъ намъ китайцы, обращавшіе плѣнныхъ ди въ своихъ тѣлохранителей и полицейскихъ. Что „ди" были свободолюбивымъ и подвижнымъ народомъ, что они распадались на множество, повидимому, очень мелкихъ родовъ и сплачивались въ

ихъ въ гробы, которые или зарывались, или оставлялись на поверхности земли (подъ навѣсомъ?). Мосѣ (мозо) дѣлали въ гробахъ дно изъ бамбуковыхъ циновокъ (то-есть устилали полъ гробницы цыновками? Ср. *Нефедовъ*, op. cit., стр. 349: „Le mode de sépulture dans les kourganes de la première catégorie à été différent: ordinairement l'inhumation, quelquefois—l'incinération. Les cadavres ont été déposés sur le sol, ou plus bas, dans une fosse... Le corps a été posé ou directement sur la terre ou on a préparé auparavant un lit de pierres ou de bois..."); развѣшивали (клали?) всѣ платья покойнаго съ одной стороны (не съ лѣвой ли? см. *Риттеръ*—„Землевѣдѣніе Азіи", V, стр. 886) и тутъ же разставляли сосуды (у *Ивановскаю*, ib., стр. 48, переведено: „разставляютъ имѣющихся (сою) пипа (образныхъ) свиней", что непонятно). „Чунъ-цзя" въ теченіе года сохраняли гробъ подъ навѣсомъ, а затѣмъ сжигали (что? навѣсъ или гробъ?). Сунъ-вайскіе „мани" зарывали гробъ, предварительно вымазанный (не замазывали-ли только щели?) воскомъ, по лѣвую сторону дома (вообще, повидимому, лѣвой сторонѣ придавалось особое значеніе у дисцевъ; въ разрытыхъ „маякахъ" всѣ почти положенные въ могилу предметы находились по лѣвую рука костяка); изъ этого временного помѣщенія они черезъ три года его вынимали и уже тогда окончательно „хоронили покойника" (ib., I, стр. 90). О похоронныхъ обычаяхъ у хагясовъ говорится: Die Knochen wurden eingesammelt und nach einem Jahre das Grab gemacht" (Schott, op. cit., стр. 435). „Лунъ-цзя" хоронили на скалахъ, при чемъ пеклись о покойникѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, три раза за этотъ періодъ времени „соскабливая съ костей мясо" (ib., II, стр. 92). Этотъ обычай ясно указываетъ съ одной стороны на то, что цѣлью обжиганія трупа было упрощеніе тягостной обязанности—три раза вынимать покойнаго изъ могилы и соскабливать съ его костей отгнившія части (не находится ли въ связи съ этимъ обычаемъ—обычай господствовавшій нѣкогда у чуди окрашивать кости покойника въ красный цвѣтъ?), съ другой, что могилы устраивались такъ, чтобы покойниковъ въ теченіе извѣстнаго періода времени можно было навѣщать; только уже по прошествіи этого періода могилы задѣлывались окончательно (ср. съ описаніемъ харгойской могилы, сдѣланнымъ Агапитовымъ въ „Извѣстіяхъ Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.", XII, №№ 4 и 5). Покойника одѣвали во все лучшее, даже въ томъ случаѣ, если его затѣмъ сжигали. Надо при этомъ замѣтить, что южные дисцы имѣли особенную склонность украшать себя. При описаніи „вони" въ Юнь-нань-тунъ-чжи" мы находимъ слѣдующее характерное мѣсто: „Я всю

одно цѣлое лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и притомъ ненадолго—это говоритъ намъ вся ихъ исторія. Китайцы удивлялись ихъ мужеству, но побѣждали ихъ часто, такъ какъ имѣли дѣло не съ массой народа, а съ отдѣльными ихъ поколѣніями; къ тому же они пользовались ихъ взаимными счетами и искусно направляли ихъ другъ противъ друга.

Что „ди" не были склонны къ подчиненію, выше всего ставя индивидуальную свободу, видно изъ того, что они безъ колебанія бросали свою порабощенную родину и расходились—одни на сѣверъ, другіе на югъ, туда, гдѣ еще былъ просторъ, куда не доби-

---

свою жизнь собиралъ раковины, говоритъ умирающій отецъ своему сыну. Если встрѣтится нужда—возьми часть ихъ; часть же оставь въ наслѣдіе будущему поколѣнію" (ib., стр. 89). Въ поясненіе этого слѣдуетъ замѣтить, что раковины даже во времена Марко Поло продолжали еще играть въ Юнь-нани роль денегъ. Эту же роль, по словамъ графа Сечени („Die wissenschaftlichen Ergebnisse der Reise des Grafen Béla Széchenyi in Ostasien", стр. CCIX), онѣ продолжаютъ еще играть въ странѣ качиновъ. Раковины принадлежатъ преимущественно къ виду Cypraea moneta, L. Въ неменьшей степени, чѣмъ раковины, цѣнились у нихъ самоцвѣтные камни и украшенія изъ мѣди, серебра, въ особенности же—золота. Я буду имѣть еще случай говорить, что всѣ безъ исключенія дисцы (мужчины и женщины) носили въ ушахъ серьги и кольца (мужчины „хэй-лоло" только въ лѣвомъ ухѣ; ср. съ находкой въ одной изъ „чудскихъ" могилъ кольца съ лѣвой стороны черепа. *Аганитовъ*, op. cit.) изъ мѣди, серебра, золота и самоцвѣтныхъ камней. Къ этому мнѣ остается добавить, что они носили также браслеты изъ золота, серебра и слоновой кости, ожерелья изъ самоцвѣтныхъ камней, замѣнявшіяся иногда у женщинъ серебряными обручами, разогнутыми на груди (именно, у „хэй-мяо"), особые изъ желтой мѣди обручи на лбу („Un autre... avait sur la tête une espèce de diadème"... *Нефедовъ*, op. cit., стр. 350) или вѣнки изъ серебрянныхъ цвѣтовъ (женщины). Женщины вплетали себѣ въ волосы раковины, бусы (иногда золотыя), цвѣты, колосья и проч. Сверхъ того, женщины носили на головѣ, изъ затканной золотомъ тафты, особаго рода покрывала. Жены богатыхъ дисцевъ всегда одѣвались въ парчу, бархатъ, атласъ и другія шелковыя ткани, которыя отдѣлывали вышивками, раковинами, золотыми блестками, серебряными пуговками; мужчины носили шляпы и пояса, украшенные золотомъ, серебромъ и самоцвѣтными камнями и украшенные золотомъ и серебромъ воротники. Слѣдуетъ также замѣтить, что дисцы украшали не только себя, но любили украшать и своихъ лошадей: уздечки и другія части конскаго прибора, а также сѣдла и чепраки они отдѣлывали золотомъ, серебромъ и самоцвѣтными камнями. Въ „маякахъ" близъ костяка находятъ иногда кожаные мѣшки съ остатками зеленаго бархата; именно такіе кожаные мѣшки были въ употребленіи у „цоньскихъ маней" и „бѣлыхъ лоло". Эти мѣшки украшались иногда вышивками и носились черезъ плечо, служа дорожными сумками. Подобныя сумки и до сихъ поръ еще въ употребленіи у сойотовъ (*Шварцъ*—„Труды

рались китайцы со своимъ государственнымъ строемъ, чиновниками и правилами общежитія. Такъ они, съ теченіемъ вѣковъ, добрались съ одной стороны до бассейна Брамапутры, Иравадди и Салуэна, съ другой до Алтая и южной Сибири.

Но и тутъ и тамъ они сохранили психическія особенности своего характера. Вотъ, что говорятъ намъ, напримѣръ, китайцы о южныхъ инородцахъ Серединной имперіи, сохранившихъ еще въ своихъ жилахъ кровь древнихъ дисцевъ.

Бань-шунь'скихъ маней („ба-ди") китайцы описываютъ въ такихъ выраженіяхъ. Родоначальникомъ ихъ былъ инородецъ изъ уѣзда

Сибирской экспедиціи", Матем. отд., стр. 109. См. у *Devéria* рисунокъ, изображающій бѣлаго лоло) и качиновъ (*Széchenyi*, ib.).

Врожденное чувство къ изящному заставляло дисцевъ украшать не только себя, но и свою утварь; такъ напримѣръ, „че-су" имѣли обыкновеніе украшать сосуды инкрустаціей изъ олова по дереву. Сунъ-вайскіе „мани" вытачивали мелкіе сосуды (чарки) изъ слоновой кости и украшали ихъ рѣзьбою съ изображеніемъ птицъ (ib., I, стр. 90). „Лао" выливали изъ мѣди легкіе сосуды, пригодные для варки пищи, и т. д.

Изъ вышеизложеннаго не можетъ не явствовать, что дисцы были искусными литейщиками. О современныхъ восточныхъ тибетцахъ (то-есть метисахъ „ди" и „цяновъ") *Desgodins*, между прочимъ, пишетъ: „Il y a un art dans lequel les Thibétains réussissent très bien, c'est celui du fondeur en métaux. Leurs statuettes sont d'un fini peu commun. Ce sont eux aussi qui fondent les clochettes et les autres instruments employés dans les cérémonies du culte, ordinairement couverts de petits dessins et de bas-reliefs, le plus souvent bien exécutés. Comme en Europe on a trouvé le moyen de faire des combinaisons de métaux imitant l'argent... Le fer thibétain est de bien meilleure qualité et mieux fabriqué que le fer chinois" (стр. 387). То же китайцы пишутъ и объ ухуаньцахъ: мужчины умѣютъ плавить желѣзо и золото для оружія, женщины—вышивать шелками по кожѣ. Кстати замѣтимъ, что женщины ухуань носили головные уборы изъ золота и нефрита изумруднаго цвѣта, „подобные древней повязкѣ китайской съ трясульками и привѣсками". Хоронили ухуаньцы своихъ мертвыхъ такъ: „Покойниковъ клали въ гробъ... Брали одну откормленную собаку и вели ее на цвѣтномъ шнуркѣ (культъ „Пань-ху", о чемъ ниже), также брали лошадь, на которой покойникъ ѣздилъ, его одѣяніе и вещи и все это сжигали и несли за гробомъ для препорученія собакѣ, чтобы она охраняла душу умершаго... Въ жертву приносили быковъ и барановъ" (*Іакинфъ*—„Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи", I, 1, стр. 153—154). Конечно, для того, чтобы вышеприведенныя сравненія имѣли вполнѣ научное значеніе, требовалось бы доказать, путемъ сличенія, что чудскія находки и предметы искусства южныхъ дисцевъ принадлежатъ къ одному и тому же типу. Къ сожалѣнію, я лишенъ возможности сейчасъ это сдѣлать; я приведу, однако, нижеслѣдующее замѣчаніе *Chantre*'а о курганныхъ находкахъ: „Les splendides épées que vient de nous montrer M. Anoutchine présentent un très grand intérêt... Quant à leur ressemblance avec les kindjals

Ланъ-чжунъ, прославившійся убійствомъ бѣлаго тигра. Его потомки жили по обоимъ берегамъ рѣки Юй-шуй и отличались силой и храбростью. *Они всегда шли въ авангардѣ войскъ Ханьской династіи и побѣждали.* Они любили пляски и пѣсни. Когда Гао-цзу услышалъ одну изъ нихъ, то воскликнулъ: „съ этой именно пѣснью Ву-ванъ одержалъ побѣду!" и велѣлъ обучить ей музыкантовъ. Когда впослѣдствіи они возстали и императоръ хотѣлъ двинуть противъ нихъ войска, то хань-чжун'скій Шанъ-цзи замѣтилъ: „Ба-ди" семи родовъ имѣютъ заслугу въ томъ, что убили бѣлаго тигра. Эти люди храбры, воинственны и хорошо умѣютъ сражаться. Нѣкогда, въ года прав-

---

caucasiens... je ne puis y souscrire. Il n'y a pas non plus de rapport entre ces épées et celles des nécropoles protohistoriques du Caucase. On peut assurément trouver dans ces pièces un air général de famille, mais on est ici en présence de formes nouvelles. C'est plutôt vers l'Est que vers le Sud, c'est-à-dire vers la Chine qu'il faudrait chercher des rapports entre le type de ces épées et *ceux de beaucoup d'autres objets sibériens*" („Congrés international d'Archéologie et d'Anthropologie préhistoriques", II, proc.-verb., стр. 29)—выводъ, къ которому приходили многократно и раньше.

Вообще, дисцы издревле заявили себя искусными мастерами, и хотя, вѣроятно, многое и многое заимствовали у китайцевъ, но, съ другой стороны, они и опередили во многихъ статьяхъ своихъ учителей: такъ, напримѣръ, по собственному признанію китайцевъ, „хей-ну" были искусными мастерами: они неподражаемо изготовляли изъ бамбука сосуды, столы, кровати и проч. и умѣли строить дома и дворцы. Тѣмъ же искусствомъ отличались и дикари „ну-цзы", о которыхъ китайцы одновременно писали, что они „ѣдятъ шерсть и пьютъ кровь"—выраженіе, употреблявшееся для обозначенія крайней дикости. Равнымъ образомъ, дикарей „ша-жень" китайцы описываютъ какъ отличныхъ рѣзчиковъ изъ самаго твердаго дерева (лао-шань).

Наконецъ, намъ остается присовокупить, что дисцы были мастера возводить двуэтажныя постройки, башни и проч.; они окружали свои селенія или стѣнами, или рвомъ (ср. находки Агапитова и Черскаго); строили (напримѣръ, цоньскіе мани) жертвенники съ тремя ступенями (см. дополненія къ Риттера „Землевѣдѣніе Азіи", V, часть вторая, стр. 507) и т. д.

Къ этому я могу добавить еще нижеслѣдующее соображеніе. Кто, какъ не дисцы вывели изъ Тибета яковъ, оставивъ ихъ въ наслѣдіе сойотамъ, въ которыхъ нельзя не признать захудалыхъ потомковъ рослыхъ динлиновъ? Сойотскія лошади и рослый ихъ скотъ считаются лучшими въ краѣ (ср. *Іакинфъ*, ib., I, 2, стр. 442 и слѣд., и *Шварцъ*, ib., а также *Латкинъ*—„Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее", стр. 166); сойоты и до сихъ поръ удержали обычай не ѣздить на жеребцахъ (можетъ быть такъ слѣдуетъ понимать китайское замѣчаніе, относящееся къ „бо-ма": имѣютъ лошадей, но не ѣздятъ на нихъ? *Klaproth*—„Mémoires relatifs à l'Asie", I, стр. 180; *Іакинфъ*, ib., стр. 442). Сойоты сохранили и нѣкоторые слѣды диской цивилизаціи; такъ, напримѣръ, они орошаютъ свои поля, они хорошіе литейщики, головной уборъ ихъ женщинъ, повидимому,

ленія Юнъ-чу (107 — 113 по Р. Хр.), цяны, вступивъ въ округа и уѣзды Хань-чуань, разрушили ихъ. Тогда къ намъ на помощь явились „ба-ди", и цяны были разбиты на голову и истреблены. Поэтому бань-шунь'скіе мани и были прозваны *„божественнымъ войскомъ"*. Цяны почувствовали страхъ и передали другимъ родамъ, чтобы они не двигались на югъ. Когда же во 2-мъ году правленія Цзянь-хо (въ 148 году) цяны вновь вторглись съ большими силами, то мы только при помощи тѣхъ же „ба-ди" нѣсколько разъ разбили (отразили) ихъ. Цзянъ-цзюнь Фынь-гунъ, отправляясь въ походъ на югъ противъ ву-ли, хотя и получилъ самыя отборныя войска но могъ совершить свой подвигъ лишь при помощи тѣхъ же „ба-ди". Наконецъ, когда недавно произошло возстаніе въ округахъ области И-чжоу (Юнь-нань), то усмирить бунтовщиковъ помогли намъ опять-таки „ба-ди". Эти подвиги... и т. д. [1]).

тотъ же, что и у женщинъ южныхъ дисцевъ. Наконецъ, припомнимъ, что среди нихъ часто попадаются бѣлокурые, что женщины ихъ отличаются красивыми формами тѣла и чертами лица, что у нихъ въ высшей степени развито чувство взаимопомощи, удержалось выборное право, и т. д. (см. также *Клеменцъ*—„Древности Минусинскаго музея", стр. 61—62).

Hirth въ „Verhandlungen der Berliner anthropologischen Gesellschaft", 1890, стр. 52—55 („Die Kaiser-Gräber in Centralasien"), дѣлаетъ нижеслѣдующее интересное сообщеніе.

Въ „Вэй-шу" упоминается, говоритъ онъ, о посольствѣ (въ 443 г.) изъ страны Ву-ло-ху (по Кэрулану) къ Тоба. Послы объявили императору, что къ сѣверо-западу отъ ихъ родины сохранилась гробница его предка, представляющая каменное сооруженіе, имѣющее 70 фут. выс., 70 шаговъ отъ сѣвера къ югу и 40 отъ запада къ востоку.

Въ поясненіе этого сообщенія я замѣчу, что поколѣніе „тоба", къ которому принадлежала императорская династія Юань-вэй, составляло одинъ изъ отдѣловъ „дунъ-ху" (см. ниже) и въ прежнее время жило по Онону, куда оно прикочевало, повидимому, до Р. Хр. Къ востоку ихъ земли граничили съ ухуань (см. ниже). Къ серединѣ III вѣка по Р. Хр. оно усилилось и объединило до ста родовъ, къ числу коихъ могли принадлежать какъ ухуаньскіе роды, такъ и вышеупомянутые „ву-ло-ху". „Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что племя „тоба" было смѣшаннаго происхожденія, при чемъ кровь „ди" могла и преобладать. Тоба считали своимъ предкомъ Мао (что напоминаетъ дискій родъ „мао-ню"), подобно тому, какъ черные „лоло" царя Ма („бо-ма"). Засимъ изъ описанія „ву-ло-ху" видно, что бытъ ихъ былъ не пастушескій, а охотничій, что они имѣли не наслѣдственныхъ, а выборныхъ старшинъ, были храбры, носили дискую прическу, украшали свои одежды жемчугомъ (бусами) и имѣли множество музыкальныхъ инструментовъ—все черты, напоминающія дисцевъ.

[1]) *Ивановскій*, op. cit., I, стр. 19; *d'Hervey de Saint-Denys*, op. cit., II, стр. 57—58.

Лао живутъ въ южной Сы-чуани (въ области Нинъ-юань-фу), куда еще при Цзиняхъ [1]) переселились изъ южной Шэнь-си (Хань-чжунъ-фу). Въ эту эпоху они распадались на множество поколѣній, подчинявшихся выборнымъ старшинамъ [2]). Они были весьма многочисленны; такъ, однихъ только сѣверныхъ лао насчитывалось до 200 тысячъ семействъ. Ихъ грабежи и разбои побудили туземцевъ выселиться на востокъ, послѣ чего роды „лао" заняли всѣ горныя долины отъ Лянь-чжоу на югъ; при этомъ часть ихъ смѣшалась съ туземцами (ся-жень) и обратилась въ землепашцевъ, часть же, укрѣпившись въ горахъ, продолжала вести разбойничій образъ жизни. *Эти „лао" вели безконечныя войны съ китайцами, но не сомкнутою массой, а каждая община, каждое селеніе отдѣльно*, за свой рискъ и страхъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ нѣсколько ихъ родовъ соединялось вмѣстѣ; напримѣръ, это имѣло мѣсто въ 639 году, когда китайцы одержали надъ ними рѣшительную побѣду, захвативъ предварительно въ плѣнъ до 10.000 мужчинъ и женщинъ. Послѣднее извѣстіе китайцевъ о южныхъ поколѣніяхъ „лао" относится къ началу IX вѣка („лао" съ этихъ поръ не безпокоили границъ), о Нань-пин'скихъ же „лао" (Чунъ-цинъ-фу) къ началу XII столѣтія. Этихъ „лао" китайцы характеризуютъ въ такихъ выраженіяхъ: Среди всѣхъ инородцевъ „лао" отличаются тѣмъ, что ихъ трудно подчинить какимъ-либо законамъ и общежитію. По своему характеру они сходны съ птицами и звѣрьми, *такъ какъ въ гнѣвѣ отецъ и сынъ убиваютъ другъ друга*. Мстя за обиду, они *непремѣнно убиваютъ своего противника и, убивъ, — съѣдаютъ* [3]). Они нападаютъ другъ на друга

---

[1]) *Ивановскій*, op. cit., I, стр. 11, 38 и 40.

[2]) Ibid., стр. 38.

[3]) Пожираніе враговъ и до сихъ поръ сохранилось у „батаковъ" Суматры (этого рода каннибализмъ объясняется страстностью натуры батаковъ). Вообще, въ настоящемъ очеркѣ я избѣгаю говорить о представителяхъ бѣлой расы, сохранившихся еще въ Индокитаѣ, на Зондскихъ островахъ и въ Полинезіи. Долженъ, однако, замѣтить, что въ характерѣ, обычаяхъ и культурѣ такъ называемыхъ индонезійцевъ и населенія юго-западнаго Китая столько общихъ чертъ, что уже давно и неоднократно выражалось мнѣніе, что и тѣ и другіе принадлежатъ къ одной этнической группѣ. Зная характеръ лисцевъ (о немъ ниже), мы ничего невозможнаго въ этомъ не усматриваемъ.

Малайская область явилась какъ бы исходнымъ пунктомъ, откуда индонезійская волна далеко распространилась. Но эта область отнюдь не можетъ считаться колыбелью индонезійцевъ. Ближайшее изученіе индокитайскихъ племенъ показало, что тѣ же индонезійцы занимаютъ нынѣ долину Меконга и, какъ мы

также ради грабежа и захваченныхъ въ плѣнъ продаютъ какъ свиней или собакъ; печальной участи быть проданными въ рабство не избѣгаютъ даже родственники! *Лао, проданный въ неволю, громко рыдаетъ, не покорятся своей участи и при первой возможности убѣгаетъ. Но если его вновь ловятъ и связываютъ, то онъ смиряется, считая, что потерялъ честь и пересталъ быть благороднымъ.* Со-

---

только что замѣтили, юго-западный Китай, гдѣ они жили (и это несомнѣнно) до заселенія Китая и Индо-Китая монголоподобными расами. Монголы, нахлынувъ въ эти страны, отбросили индонезійцевъ въ горы и на острова, гдѣ, въ свою очередь, эти послѣдніе потѣснили негритосовъ (то же, можетъ быть, имѣло мѣсто кое-гдѣ и въ южномъ Китаѣ). Волны желтолицыхъ набѣгали въ продолженіе тысячелѣтій; столь же длинный періодъ захватывала и миграція индонезійцевъ. На основаніи эпическихъ произведеній индонезійцевъ (миѳовъ, передаваемыхъ изустно; у индонезійцевъ хотя и существуетъ письменность, но они ею не пользуются для столь отвлеченныхъ цѣлей, какъ записываніе легендъ) опредѣляютъ, что они заняли Маркизскіе острова въ V вѣкѣ по Р. Хр., Сандвичевы въ VIII вѣкѣ и Новую Зеландію даже въ XV вѣкѣ; но въ другихъ частяхъ Полинезіи они должны были появиться несомнѣнно раньше, что доказывается тѣмъ, что въ полинезійскихъ языкахъ не попадается индусскихъ словъ; а такъ какъ „воздѣйствіе индусскихъ элементовъ можетъ быть констатировано уже за тысячу лѣтъ до нашей эры, то переселеніе индонезійцевъ въ Полинезію должно было послѣдовать уже раньше. Эти хронологическія указанія, обстоятельно провѣренныя, могли бы служить для опредѣленія времени послѣднихъ великихъ переселеній монголовъ, которыя въ свою очередь обусловили передвиженія индонезійцевъ въ Полинезію“ (*Кржисицкій*, op. cit., стр. 169—170).

Я считаю излишнимъ проводить параллель между индонезійцами и дисцами; я упомяну только, что индонезійцы, подобно дисцамъ, прекрасные литейщики (они выдѣлываютъ превосходные клинки и даже винтовки) и что въ нихъ въ высшей степени развито чувство къ изящному. Далѣе я приведу образчикъ ихъ пѣсенъ, полагая, что подобныя же пѣсни должны были существовать и у дисцевъ (припомнимъ хотя бы военный гимнъ племени „ба-ди“, которому когда-то обучались даже китайцы; къ сожалѣнію, китайцы не сохранили намъ словъ этого гимна). Вотъ отрывокъ военнаго гимна индонезійца:

„... Поднимается попутный вѣтеръ, я его слышу и чувствую. Бѣшенный сѣверный вѣтеръ охватываетъ меня всего. Мои враги въ страхѣ скрываются. Охвати меня, о пространство, пространство, воздухъ и небо! Меня уже покрываетъ военное знамя, и я стою неподвижно, какъ радуга“...

„... Если Тангароа (богъ) спроситъ, кто этотъ молодой воинъ, который такъ гордо потрясаетъ знаменемъ,—я отвѣчу: это я, это Вакатанъ, человѣкъ никому невѣдомый, бѣдный молодой товарищъ стяга! Но когда онъ спроситъ о моемъ знамени, о моемъ знамени, которое приводитъ всѣхъ въ ужасъ, о! тогда — вотъ оно!—закричу я“...

„... Вы видите эту молнію, это зарево? О, я ужасно боюсь этого знамени! Слава его обращаетъ всѣхъ въ бѣгство, а названіе его у всѣхъ на устахъ. Вы

баки у нихъ чрезвычайно цѣнятся. За большую собаку даютъ раба. Равнымъ образомъ *за убитаго отца сынъ приводитъ матери собаку*. Ихъ *старѣйшины выбираются* изъ самыхъ сильныхъ и храбрыхъ; они называются лаохо, тогда какъ остальные только хо. *При ею выходѣ впереди и позади несутъ знамена*, трубятъ въ рогъ и бьютъ въ барабаны. Лао ходятъ по горамъ съ такою же легкостью и быстротой, какъ по ровному мѣсту; они прекрасно владѣютъ короткимъ оружіемъ, а также умѣютъ „лежа на днѣ рѣки, бить ножомъ рыбу". „Они движеніе считаютъ признакомъ жизни". Вообще, они самые непостоянные, самые сумасбродные изъ маней и *ихъ невозможно вполнѣ усмирить*; даже лао, смѣшавшіеся съ китайцами, не потеряли своей природной дикости [1]).

О *яньчжоускихъ маняхъ* китайцы говорятъ, что стрѣльба, охота, месть и убійства составляютъ всѣ ихъ занятія. Они сходны съ „лао". Мужчины ихъ очень храбры (тверды), женщины цѣломудренны [2]). Среди нихъ „*сяо мани*" отличаются наибольшею свирѣпостью и коварствомъ: *если хоть нѣсколько поперечатъ ихъ желанію, они тотчасъ выхватываютъ ножи* [3]).

Цонъ-мани, по словамъ тѣхъ же китайцевъ, любятъ драться и пренебрегаютъ смертью. Характеръ ихъ злой и смѣлый; изъ за *устнаго оскорбленія они съ оружіемъ въ рукахъ бросаются другъ на друга. Мстятъ и убиваютъ, не стѣсняясь родствомъ*. Грабежи и разбой ихъ излюбленныя занятія. У тѣхъ, однако, которые поселились среди китайцевъ, нравъ замѣтно смягчился. Они выщипываютъ

спросите еще, что это за знамя? О! это знамя гнѣва! Знамя необузданнаго бѣшенства, сокрушающаго и побѣждающаго враговъ! Теперь знаете ли вы меня?! Урра!"...

Кржижицкій, у котораго мы заимствовали этотъ отрывокъ, говоритъ, что онъ не въ состояніи въ нѣсколькихъ словахъ передать всей прелести и богатства поэтическихъ произведеній индонезійцевъ.

Что касается до самаго факта каннибализма, то я его объясняю такъ: у лискихъ племенъ существовало вѣрованіе, что духъ покойнаго можетъ вредить живущимъ; съ другой стороны, у многихъ дикарей коренилось убѣжденіе, что если съѣсть или сжечь тѣло врага, то вмѣстѣ съ послѣднимъ истребляется и его „духъ". Выводъ отсюда ясенъ: для того, чтобы оградить себя отъ духа врага, слѣдовало съѣсть его тѣло.

[1]) *Ивановскій*, ibid., стр. 38 — 57; *d'Hervey de Saint-Denys*, op. cit., II, стр. 106—121.

[2]) Ibid., стр. 61 и слѣд.

[3]) Ibid, стр. 65.

бороду и усы [1]). Въ подобныхъ же выраженіяхъ характеризуются и „*гань*" — и „*хэй-лоло*", при чемъ добавляется, что „хэй-лоло" „*боятся быть битыми, но не боятся смерти*" [2]); то же подтверждается и для „мяо-лоло" [3]).

Мяо-лоло.
Съ китайскаго рисунка прошлаго вѣка.

„*Ло-у*" никогда не разстаются съ мечомъ и копьемъ. Любятъ спиртные напитки. Характеръ ихъ надменный и злой: убиваютъ другъ друга при ссорахъ. Брѣютъ бороду. *Управлять ими очень трудно* [4]).

[1]) *Ивановскій*, op. cit., II, стр. 3—7.

[2]) Ibid., стр. 12.

[3]) Ibid., стр. 15.

[4]) Ibid., стр. 23—24.

„Хэй-лису“ — самые смѣлые изъ южныхъ инородцевъ. Никогда не разстаются съ оружіемъ. Въ ссорѣ иногда изъ за одного лишь неосторожнаго слова *убиваютъ другъ друга, не смотря на родство.* Вообще, имѣютъ буйный характеръ. Если ранены отравленною стрѣлой, то немедленно вырѣзаютъ себѣ сами пораненную часть тѣла. Ходятъ по отвѣснымъ, совершенно недоступнымъ скаламъ съ такимъ же проворствомъ, какъ собаки цзяо (?) [1]).

У *„лу-цзи“* характеръ также дурной: *когда отецъ и сынъ, старшій и младшій братья разсердятся, то убиваютъ другъ друга* [2]).

„Мосъ“ храбры и свирѣпы. Хорошо ѣздятъ верхомъ и владѣютъ оружіемъ. При малѣйшемъ противорѣчіи бросаются съ ножомъ на противника, но *прекращаютъ ссору, если вмѣшается женщина* [3]).

„Ѣ-жени“ имѣютъ характеръ весьма свирѣпый и дерзкій. „Встрѣтивши человѣка — тотчасъ убиваютъ“ (?) [4]). Всходятъ на высоты и проходятъ самыя недоступныя мѣста, точно передвигаются при помощи крыльевъ [5]).

„Голо-мани“, имѣющіе глубокіе глаза и горбатые носы, брѣютъ усы, но оставляютъ бакенбарды. Они имѣютъ превосходныхъ лошадей. Проводятъ жизнь на охотѣ, и отлично владѣютъ оружіемъ. Набранные изъ нихъ отряды всегда шли въ авангардѣ. Пословица говоритъ: „шуй-си'скіе голо, разсѣкая голову, цѣлятъ въ хвостъ“, то-есть, съ одного удара разсѣкаютъ пополамъ. Они высокаго роста [6]).

Сунъ-пинъ-и дерзки и насильственны; сами приготовляютъ оружіе; бороду и усы брѣютъ [7]).

Эти особенности характера ди наблюдаются и у сѣверныхъ динлиновъ и родственныхъ имъ племенъ.

Бо-ма, говоритъ намъ китайскій историкъ, распадались на роды,

---

[1]) Ibid., стр. 49—51.

[2]) Ibid., стр. 43.

[3]) Ibid., стр. 44.

[4]) Не слѣдуетъ-ли понимать это такъ, что Ѣ-жени подвержены „амоку“, то-есть, такому психическому возбужденію, когда человѣкъ бросается въ почти безсознательномъ состояніи на всѣхъ людей, попадающихся ему на глаза и убиваетъ ихъ, не разбирая ни пола, ни возраста. Среди индонезійцевъ случаи такого переходящаго бѣшенства (mania transitoria) явленіе не рѣдкое и вызывается обыкновенно неудовлетворенною местью и ревностью.

[5]) Ibid., стр. 84.

[6]) Ibid., стр. 107—108.

[7]) Ibid., стр. 119.

независимые другъ отъ друга. Они часто воевали съ хагясами, на которыхъ походили лицомъ [1]).

Хагясы были сильны, горды и стойки; татуировка служила у нихъ отличіемъ храбрыхъ [2]).

Ухуань, по словамъ китайцевъ — прямыхъ потомковъ дунъ-ху [3]), Георгіевскій считаетъ за дисцевъ, вытѣсненныхъ въ V вѣкѣ до

Бѣлый-лоло.
Съ китайскаго рисунка прошлаго вѣка.

Р. Хр. на сѣверъ [4]). Истина, однако, заключается въ томъ, что дисцы, уйдя на сѣверъ и сѣверо-востокъ, образовали тамъ нѣсколько смѣшанныхъ племенъ съ преобладаніемъ то дискаго, то тунгусскаго

[1]) *Klaproth*—„Mémoires relatifs à l'Asie", I, стр. 129; *Іакинфъ*, — „Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи", I, 2, стр. 442.

[2]) *Klaproth*, ibid., стр 88; *Іакинфъ*, ibid., стр. 442—452.

[3]) *Іакинфъ*, op., cit., I, стр. 151.

[4]) „О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ", стр. 79.

или тюркскаго элемента. Къ числу такихъ смѣшанныхъ племенъ и должны быть отнесены ухуаньцы, которые отличались мужествомъ и запальчивостью; въ гнѣвѣ убивали другъ друга, но, подобно дисцамъ, никогда не посягали на мать. „Женщины, пишетъ Colborne Baber [1]), пользуются чрезвычайнымъ уваженіемъ у черныхъ лоло; на нихъ возлагаются иногда даже обязанности родовыхъ старшинъ. Лучшею гарантіей безопасности для иностранца, желающаго проникнуть въ земли „лоло", было бы имѣть въ качествѣ проводника лоло-женщину; тогда онъ могъ бы быть увѣренъ, что личность его была бы для всѣхъ священной". О нѣкоторыхъ дискихъ родахъ китайцы также пишутъ, что драка между мужчинами прекращалась, какъ только на сцену выступали женщины [2]). У ухуаньцевъ „въ каждомъ дѣлѣ слѣдовали мнѣнію женъ; они военныя дѣла сами рѣшали". Подобно дисцамъ, ухуаньцы имѣли выборныхъ старшинъ, избиравшихся изъ числа сильнѣйшихъ и храбрѣйшихъ, при чемъ званіе старшины не выдѣляло избраннаго изъ числа остальныхъ соплеменниковъ; среди ухуаньцевъ господствовало полное равенство: не было ни слугъ, ни господъ, а потому старшинѣ предоставлялось самому пасти свой скотъ. Войну ухуаньцы считали серьезнымъ дѣломъ. Женщины пользовались у нихъ свободой выбора мужа, и въ ихъ брачныхъ обычаяхъ легко усмотрѣть полную аналогію съ брачными обычаями южныхъ дисцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ, что читаемъ мы на этотъ счетъ у Іакинфа [3]): „Кто хочетъ жениться, старается сойдтись съ дѣвушкою за три мѣсяца и даже за полгода до брака". У дисцевъ „чжунъ-цзя" „всѣ свадьбы начинаются съ непозволительной связи: каждый годъ въ началѣ весны пляшутъ при лунѣ и, высмотрѣвъ того, кто любъ, уходятъ съ нимъ и не сдерживаются" [4]). У „хуа-мяо" ежедневно въ началѣ весны, молодые люди и дѣвушки, одѣвшись во все лучшее, уходятъ въ поле и тамъ пляшутъ подъ звуки флейтъ; затѣмъ, съ заходомъ солнца, расходятся попарно и домой возвращаются лишь передъ разсвѣтомъ [5]). Подобный же обычай существовалъ и у племени „бай". У дисцевъ „лунъ-

---

[1]) „Travels and Researches in the interior of China" въ „Royal Geographical Society". Suppl. pap., 1882, I, 1, гл. 4.

[2]) Напримѣръ, объ этомъ фактѣ упоминается при описаніи племени „мосѣ" (mosso). См. выше.

[3]) Op. cit., I, стр. 152.

[4]) *Ивановскій*, op. cit., II, стр. 89.

[5]) Ibid., стр. 93.

цзя" вступали въ бракъ при нѣсколько иной обстановкѣ: весною лунъ-цзя вбивали на ровной площадкѣ колъ, называвшійся „чортовымъ шестомъ" (гуй-гань; безъ сомнѣнія, грубое изображеніе предка), и, взявшись за руки, плясали вокругъ; наплясавшись же, разбѣгались парами. Послѣ этого родители уже теряли право на дѣвушку, пока не представляли за нее выкупа; бракъ же заключался послѣ возвращенія дѣвушки подъ родной кровъ [1]). У „хэй-мяо" возводилась особая временная постройка, куда собиралась молодежь изъ окрестныхъ селеній; здѣсь они знакомились между собою и вступали въ любовную связь. Дѣвушки возвращались домой иногда послѣ 3-хъ дневной отлучки, иногда же 6-ти мѣсячной, послѣ чего родители требовали у жениха „тоу-цянь", то-есть, буквально, денегъ за ея голову; если требованіе не исполнялось, то бракъ считался несостоявшимся [2]). У „мяо-лоло" и донынѣ женщина выбираетъ себѣ мужа [3]). У „голо" шести родовъ браку предшествовала пляска; „понравившійся взаимно" уносилъ дѣвушку на спинѣ [4]) — обычай, удержавшійся у нихъ съ доистори-

Я о.
Съ китайскаго рисунка прошлаго вѣка.

---

[1]) Ibid., стр. 92.
[2]) Ibid., стр. 96.
[3]) Ibid., стр. 16; *Devéria*—„La Frontière Sino-Annamite", стр. 128.
[4]) *Ивановскій*, ibid., стр. 109.

ческихъ временъ [1]). У „лао" не мужчины, а женщины ухаживали передъ бракомъ [2]). У „жань-маней" родство считалось только съ материнской стороны [3]). У „хэй-лоло" братья передавали другъ другу женъ, „не находя въ этомъ ничего страннаго" [4]). Это уже переходъ къ поліандріи.

Возвращаемся къ ухуаньцамъ, о которыхъ Іакинфъ далѣе пишетъ: „потомъ (вступившій въ бракъ) посылаетъ сговорные дары и переселяется въ женинъ домъ", гдѣ работаетъ годъ или два, послѣ чего тесть щедро награждаетъ его и, отпуская, отдаетъ ему всѣ вещи, находившіяся въ жилищѣ дочери... „въ обычаѣ также брать женъ послѣ братьевъ". У инородцевъ „бэ" было также принято, чтобы бѣдный, не могущій представить сговорныхъ даровъ, отслуживалъ въ домѣ тестя три года [5]). Тотъ же обычай существовалъ и у „во-ни". У „мяо-цзы" зять въ теченіе нѣкотораго времени проживалъ въ домѣ тестя, независимо отъ того, были или нѣтъ представлены сговорные дары, долженствовавшіе, впрочемъ, только возмѣстить расходы послѣдняго на свадьбу [6]).

Весьма интересна также та роль, которая ухуаньцами отводилась собакѣ: ей поручалась охрана души умершаго въ пути до мѣста успокоенія послѣдней на горѣ Чи-шань. Среди всѣхъ народовъ восточной половины Средней Азіи культъ собаки господствовалъ только у дисцевъ [7]). Ужъ одно это обстоятельство въ связи съ преданіемъ

---

[1]) Такимъ образомъ варваръ Пань-ху унесъ свою невѣсту—дочь императора Дику (см. ниже). *Devéria*, op. cit., стр. 92.

[2]) *Ивановскій*, op. cit., I. стр. 54.

[3]) Ibid., стр. 130.

[4]) *Ивановскій*, op. cit., II, стр. 12.

[5]) Ib., стр. 31.

[6]) Ib., стр. 73.

[7]) Китайцы нѣкоторые роды дисцевъ (напримѣръ, „ба-ди" и „голо" родовъ: „шуй", „янъ" („бо-ма"?), „линъ", „яо" и „тунъ") считаютъ потомками „Пань-ху"—пѣгой (пятицвѣтной) собаки, и одной изъ дочерей миѳическаго китайскаго императора Дику, царствовавшаго съ 2437 по 2375 годъ до Р. Хр. (*Ивановскій*, op. cit., I, стр. 1—3 и 37). *Ма-дуань-линь* (см. *Marquis d'Hervey de Saint-Denys* — „Ethnographie des peuples étrangers de Ma-touan-lin" II, стр. 1) пишетъ однако: „Если вѣрить преданію, императоръ Ди-ку, огорченный постоянными набѣгами западныхъ жуновъ, объявилъ, что выдастъ свою младшую дочь за убійцу вождя этихъ жуновъ. Среди слугъ императора въ то время былъ варваръ Пань-ху. Онъ убилъ вождя западныхъ жуновъ и получилъ въ жены младшую принцессу, которую и унесъ на своихъ плечахъ въ горы нынѣшней провинціи Хунань". Его потомство размножилось и впослѣдствіи распалось на многіе роды (*Ивановскій*,

о выходѣ ухуаньцевъ изъ Приамуркаго края, могло бы служить доказательствомъ высказанной мною гипотезы о смѣшанномъ происхожденіи ухуаньцевъ, если бы не имѣлось китайскихъ свидѣтельствъ въ томъ, во-первыхъ, что *динлины составляли лишь одинъ изъ отдѣловъ „дунъ-ху“* [1]) и, во-вторыхъ, въ томъ, что *среди тунгусовъ много вѣковъ спустя существовали еще бѣлокурые люди. Они выдѣлялись своей бѣшенною храбростью* (grimmigen Tapferkeit) и обыкновенно составляли *авангардъ* киданьской арміи [2]).

---

ib., стр. 37). Это, конечно,—миѳъ, но миѳъ, который, можетъ быть, имѣетъ историческую подкладку.

Существуетъ не мало указаній на то, что дисцы не дѣлились на роды въ общепринятомъ значеніи этого слова. У тунгусовъ (о нихъ см. ниже) еще недавно существовалъ обычай группироваться вокругъ какого-нибудь витязя, героя, имя котораго впослѣдствіи и служило наименованіемъ общинѣ. Такимъ героемъ могъ быть и Пань-ху, союзникъ китайцевъ, прославившійся своей побѣдою надъ жунами и убившій ихъ главаря; а такъ какъ у дисцевъ искони существовалъ обычай поклоненія предкамъ, то происхожденіе культа Пань-ху какъ нельзя болѣе очевидно. Что же касается до той части миѳа, въ которой говорится, что Пань-ху былъ пѣгой собакой императора Ди-ку, то происхожденіе ея можетъ быть объяснено смѣшеніемъ культовъ. Съ одной стороны, дисцы нѣкоторыхъ родовъ вели свое происхожденіе отъ Пань-ху (подобно „хэй-лоло“, ведущимъ свое происхожденіе отъ (Бо)-Ма, „бѣлой лошади“), съ другой—тѣ же дисцы съ особеннымъ почтеніемъ относились къ собакѣ, что имѣетъ или тотемическое происхожденіе или указываетъ на то, что нѣкогда собака въ ихъ жизни играла видную роль.

Но когда же это было? Безъ сомнѣнія тогда, когда дисцы жили еще въ своей прародинѣ, о которой преданіе (Авеста) гласитъ, что тамъ десять мѣсяцевъ въ году была зима. Отсюда, изъ этой субъ-полярной области (а не съ Памира), дисцы, подобно древнимъ иранцамъ, вынесли и ту привязанность къ собакѣ, которая впослѣдствіи обратилась въ культъ. Замѣчательно также, что дисцы приносили въ жертву Пань-ху рыбу.

О значеніи собаки въ обиходѣ древняго иранца легко заключить изъ нижеслѣдующихъ словъ Авесты: „вселенная держится разумомъ собаки“. У дисцевъ собака цѣнилась настолько высоко, что сынъ, убившій въ ссорѣ отца, получалъ отъ матери прощеніе, если приводилъ ей собаку.

Собаки, цѣнившіяся дисцами столь высоко, были большіе псы (*Ивановскій*, op. cit., I, стр. 89), очевидно, предки знаменитыхъ тибетскихъ густошерстыхъ бульдоговъ, краткія описанія коихъ можно найдти у Брэма, графа Сечени (op. cit., стр. CLI), Потанина („Тангутско-Тибетская окраина Китая и центральная Монголія“, стр. 241) и другихъ путешественниковъ. Эти бульдоги подходятъ ближе всего, по сложенію и росту, къ неменѣе знаменитымъ с.-бернадскимъ собакамъ и ирландскимъ меделянамъ. Не представляется поэтому невѣроятнымъ, что ихъ привели въ провинцію Камъ и Сычуань (на плоскогоріи Тибета ихъ нѣтъ) дисцы.

[1]) *Klaproth*—„Mémoires relatifs à l'Asie“, I, стр. 111.

[2]) *Schott*, op. cit., стр. 444.

Да и по нынѣ еще тунгузы [1]) въ своемъ характерѣ сохранили много дикихъ чертъ. Кастренъ выразился однажды, что тунгусовъ можно назвать „дворянами среди инородцевъ Сибири“ [2]), и Миддендорфъ вполнѣ согласился съ вѣрностью подобнаго заключенія. Онъ не можетъ достаточно нахвалиться ихъ ловкостью и увѣренностью въ движеніяхъ, ихъ стройностью, ихъ, наконецъ, рыцарскими особенностями характера. Впрочемъ, подобное же впечатлѣніе производили они на всѣхъ путешественниковъ безъ исключенія. „*Мужествомъ* и человѣчествомъ и смысломъ, писалъ 175 лѣтъ тому назадъ Ганстенъ [3]), тунгусы всѣхъ кочующихъ и въ юртахъ живущихъ превосходятъ“. Штраленбергъ отзывался о нихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Изъ всѣхъ народовъ Сибири тунгусы выдѣляются своей силой, ловкостью и наиболѣе *высокимъ ростомъ*: *они очень напоминаютъ италіанцевъ;* вмѣстѣ съ симъ это единственный въ Сибири народъ, который и въ наши дни (писалось въ 1730 году) *удержалъ у себя обычай татуировки* [4]). Тунгусы пишетъ Миддендорфъ [5]), это положительно горный народъ, пробуждающій въ насъ воспоминанія объ особенностяхъ обитателей нашихъ европейскихъ

Чэ-су.
Съ китайскаго рисунка прошлаго вѣка.

---

[1]) Сами себя тунгусы называютъ или „бо-ѣ“, „бо-я“, что значитъ „человѣкъ“, или „донки“ (дунъ-хо)—люди. Близкое къ тунгусамъ племя—орочоны называютъ себя öwön, öwönki (аваньки у русскихъ); это, безъ сомнѣнія, „увань“ танскихъ временъ (*Іакинфъ* — „Собр. свѣд. о народ. Ср. Азіи“, I, 2, стр. 441).

[2]) *Castren*—„Reiseberichte und Briefe aus den Jarhen 1845—1819“, стр. 250 (цит. по *Миддендорфу*—„Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири“, стр. 702).

[3]) „Записки Гидрографическаго Департамента“, IX, стр. 56 (цит. по *Миддендорфу*—op. cit., стр. 702).

[4]) „Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet“, etc., стр. 185.

[5]) „Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири“, стр. 704.

альповъ. Они обладаютъ извѣстною выправкой, исполнены приличія, ловки, *предпріимчивы до отваги*, живы, откровенны, *самолюбивы*, *охотники наряжаться*, но вмѣстѣ съ тѣмъ закалены физически. Если мы хотимъ продолжать свое сравненіе съ европейскимъ населеніемъ горъ, то мы должны будемъ передвинуться дальше на западъ; только тамъ, пожалуй, можно еще встрѣтиться съ *беззаботною удалью* тунгуса, который, въ своей первобытности, главнымъ образомъ, хлѣбосолъ, любитель удовольствій и вѣтреникъ. *Тунгусъ очень подвиженъ*: не повезетъ ему въ одномъ мѣстѣ, онъ отправляется въ другое и подвигается все дальше и дальше, такъ что постепенно забирается иногда весьма далеко, сходясь съ самыми различными племенами. *Жизнь тунгуса представляетъ вообще поразительную смѣсь кочеванья съ осѣдлостью*... [1]). Нерѣдко онъ строитъ себѣ небольшой постоянный срубъ изъ *отвѣсно поставленныхъ бревенъ*; но онъ никогда не привязывается къ этому дому и, если нужно, тотчасъ же покидаетъ его на нѣсколько лѣтъ, а иногда—навсегда.

Вотъ, какъ описываетъ Миддендорфъ свое прибытіе въ становище тунгусовъ.

Караванъ нашъ былъ встрѣченъ пальбой изъ винтовокъ. Собравшіеся тунгусы салютовали, не смотря на дороговизну и рѣдкость пороха... За стрѣльбой послѣдовалъ балъ, при чемъ въ средѣ тунгусовъ *разразилось какое-то плясовое бѣшенство энтузіастовъ*. Сначала образовался маленькій *кружокъ, въ перемежку мужчинъ и женщинъ*, въ томъ числѣ и совершенныхъ старухъ. *Схватившись за руки*, они начали довольно хитрую пляску, заключавшуюся въ передвиженіи ногъ въ стороны. Вскорѣ, однако, круговая пляска оживилась, движенія обратились въ скачки и припрыгиванья, все тѣло заходило ходуномъ, лица разгорѣлись, восклицанія стали шумнѣе, восторженнѣе. Вскорѣ сбросили сначала полушубки, а потомъ и мѣховые штаны. Въ заключеніе всѣхъ обуяло бѣшенство. Зрители то и дѣло срывались съ мѣста и исчезали въ вихрѣ пляшущихъ. „Хурья, хурья! хюгой, хюгой! хогюй, хогюй! хумгой, хумгой! хакэ, хакэ! эханьдо, эханьдо! хэрга, хэрга!“ и т. п. восклицанія становились все громче... И пляска кончилась только тогда, когда голоса у танцоровъ осипли, а члены перестали двигаться отъ изнеможенія. За этою демонскою пляскою послѣдовалъ чай съ *пуншемъ*. Къ стыду нашего общества я долженъ замѣтить, что тѣ же самые тунгусы

[1]) Тоже можно сказать вообще про всѣхъ дисцевъ.

какъ бы преобразились и соблюдали самое сдержанное приличіе... Затѣмъ настала очередь и рѣчамъ, напомнившимъ мнѣ опять наши европейскія краснорѣчивыя націи... Рѣчи приняли высокій полетъ... [1]).

Тунгусы, вообще, *большіе любители кутежей* и заработанныя деньги спускаютъ самымъ легкомысленнымъ образомъ. На сборища женщины, въ особенности же дѣвушки, являются всегда *сильно разряженными*. Но мужчины ни въ чемъ имъ *не уступаютъ*... Въ сравненіи съ суммами, растрачиваемыми тунгусами на пирушки, цѣны, платимыя ими за женъ, очень умѣренны. При этомъ надо имѣть также въ виду, что *жена входитъ въ домъ мужа не безприданницей*. Нерѣдко даже приданое жены служитъ основнымъ фондомъ, на которомъ строится благосостояніе будущихъ супруговъ, такъ какъ у тунгусовъ не въ обычаяхъ надѣлять сыновей послѣ женитьбы.

У тунгусовъ, пишетъ князь Дадешкаліани [2]), отецъ — глава и полный господинъ семьи. „Но въ отношеніяхъ его къ дѣтямъ и жены *совсѣмъ не наблюдается рабской зависимости послѣднихъ*, какъ это мы находимъ у гольдовъ и ороченовъ. Напротивъ, отношенія отца къ членамъ семьи самыя гуманныя, любовныя. Многоженство или сожитіе, кромѣ жены, съ наложницами совершенно неизвѣстны тунгусамъ... [3]). Уплата калыма, вслѣдствіе бѣдности, производится по частямъ и совершается такъ: *женихъ переселяется къ родителямъ невѣсты и половину заработка вноситъ въ ихъ домъ*. Какъ скоро условленная сумма выплачена, молодые отправляются на житье въ домъ родителей мужа... *Отецъ давленія на выборъ дочери никакого не оказываетъ. Она вольна принимать или не принимать предложенія*".

Вообще, у тунгуса замѣчается такая же любовь къ индивидуаль-

---

[1]) Подобный же характеръ танцевъ наблюдается и у южныхъ дисцевъ. Такъ, у хэй-лоло молодые люди и дѣвушки, взявшись за руки, образуютъ кругъ и танцуютъ подъ звуки свирѣли (*Ивановскій*, op. cit., II, стр. 13); у голо родовъ жуй, янъ, линъ, яо и тунъ „мужчины и женщины образуютъ кругъ и, взявшись за рукава, пляшутъ" (ib., стр. 109); у бѣлыхъ лоло „парни и дѣвушки, смѣшанно собравшись, берутся за руки, образуютъ кругъ... и пляшутъ (ib., стр 9); у племени „ѣ-лавъ" танцоры становились въ кругъ, брались за руки и отбивали ногами тактъ (*d'Hervey de Saint-Denys*, op. cit., II, стр. 143), и т. д.

[2]) „Часть Амурской области между рѣками Буреею и Амгунью" въ „Сборникѣ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи", XXXII, стр. 278.

[3]) Среди черныхъ лоло господствуетъ моногамія; только глава племени имѣетъ трехъ женъ, а его замѣститель (помощникъ) двухъ (См. Colborne Baber — „Trav. a. Res. in the int. of. Ch.", глава IV).

ной свободѣ, какъ и у южнаго дисца. *Всѣ ихъ старшины* какъ родовые, такъ и вѣдомственные, *выборныя лица* [1]). „До покоренія тунгусовъ русскими, пишетъ Латкинъ, *между ихъ племенами постоянно происходили раздоры и побоища*. У нихъ и теперь еше сохранились преданія о славныхъ бойцахъ и воителяхъ, къ которымъ обыкновенно примыкали болѣе малочисленныя и небогатыя семьи, и *такимъ образомъ образовались ихъ роды* [2]), такъ что подобный боецъ или воитель составлялъ *ядро*, около котораго *группировались его сородичи и соратники*, тѣмъ болѣе, что такой богатырь почти со всѣми былъ еще и въ кровномъ родствѣ, вступая въ супружество съ дочерьми примкнувшихъ къ нему семьянъ, которые считали за великую для себя честь породниться съ богатыремъ... *Въ старые годы между тунгусами существовала вендета или наслѣдственная месть за кровныя обиды*... Прежде тунгусы отличались мужествомъ, отвагою, ловкостью, добросердечіемъ и правдивостью... Характеръ у нихъ, вообще, *пылкій и легко возбуждающійся;* вмѣстѣ съ тѣмъ тунгусъ безусловно ловкій и неустрашимый охотникъ. Тунгусы *хорошо владѣютъ кузнечнымъ инструментомъ*, даже сами выдѣлываютъ охотничьи винтовки... Лѣтомъ, при рыбной ловлѣ, плаваютъ въ легкихъ берестяныхъ лодкахъ съ плоскимъ дномъ, удобнымъ для переноски на головѣ и весьма неустойчивыхъ для непривычнаго, но тунгусъ не боится въ ней плыть черезъ стремнины и пороги, бойко гребя весломъ. Противъ воды они въ этихъ лодкахъ настолько быстро идутъ, что обгоняютъ тихоходные енисейскіе пароходы... Въ тайгахъ тунгусу всюду дорога... Тунгусы не боятся и медвѣдя; нѣкоторые бьютъ его одинъ на одинъ изъ своихъ небольшихъ винтовокъ; подчасъ же выходятъ на него, имѣя въ рукахъ только пальму (ножъ, прикрѣпленный къ палкѣ)"... У Латкина мы находимъ еще одно интересное указаніе, которое заслуживаетъ быть приведеннымъ; „*Тунгусы*, говоритъ онъ, *при круговомъ танцѣ, вокругъ воткнутой въ землю палки, припѣваютъ въ тактъ, переступая съ ноги на ногу, — и такъ проводятъ иногда всю ночь*" [3]).

---

[1]) *Кн. Дадешкаліани*, ib., стр. 270.

[2]) То-же существовало и у ухуаньцевъ. Китайцы пишутъ: „Постоянныхъ прозваній не имѣютъ, а имя сильнаго старшины обращаютъ въ прозваніе" (*Іакинфъ*, op. cit., I, стр. 152).

[3]) „Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее", стр. 123 и слѣд. О тунгусахъ подробнѣе см. *Грумъ-Гржимайло* — „Описаніе Амурской области", стр. 361—373.

Мы знаемъ уже, что усуни первоначально жили въ южномъ Алтаѣ [1]); въ южную же Сибирь удалились впослѣдствіи и нѣкоторые роды дисцевъ (дили, диллины). Такимъ образомъ уже a priori слѣдуетъ допустить, что черноволосые аборигены этой страны [2]) (главнымъ образомъ уйгурскія поколѣнія) должны были имѣть значительную примѣсь крови бѣлой расы. Подкрѣпить это предположеніе какими-либо историческими свидѣтельствами мы, къ сожалѣнію, не можемъ; но за то мы располагаемъ данными, которыя, въ виду вышеизложеннаго, могутъ считаться весьма цѣнными. Уйгуры, говоритъ намъ исторія, подраздѣлялись на множество независимыхъ другъ отъ друга родовъ [3]), имѣли выборныхъ старшинъ, отличались, по крайней мѣрѣ въ первый періодъ своей исторической жизни, свободолюбіемъ (что и служило имъ главною помѣхой къ сплоченію въ одно политическое цѣлое) и чрезвычайною храбростью; на ихъ долю выпало играть на сѣверѣ Средней Азіи ту же роль, которую искони играли дисцы на югѣ, съ тою лишь разницей, что силами дисцевъ распоряжались черноволосые и короткоголовые китайцы, а ихъ силами „геройствовали" черноволосые и короткоголовые тукіесцы [4]), въ обоихъ случаяхъ представители одной расы—болѣе пассивной и консервативной, съ менѣе развитымъ чувствомъ индивидуальной свободы, но въ то же время проявляющей большую любовь къ родинѣ, а потому и болѣе способной образовать прочный государственный организмъ.

Замѣтимъ еще, что въ свадебныхъ обрядахъ уйгуровъ сохранилось дисское вліяніе: сторона жениха отбирала изъ табуна, принад-

---

[1]) См. выше.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что китайскій посолъ Чжанъ-кянь указывалъ на окрестности Дунь-хуана, какъ на первоначальную родину усуньцевъ, гдѣ они жили по сосѣдству съ юэчжи (*Іакинѳъ* — „Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи", III, стр. 65). То же извѣстіе находимъ мы и у *Успенскаго*, который пишетъ: „Въ Ши-цзи (историческіе записки) замѣчено весьма коротко и осторожно, что въ области Гуа-чжоу, въ періодъ между Циньской и Ханьской династіями, обиталъ народъ усунь, потомъ юэчжи и, наконецъ, прогнавшіе ихъ гунны..." („Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай" въ „Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ.", по отд. этнографіи, VI, стр. 107).

[2]) Неолитическій человѣкъ южной Сибири былъ короткоголовымъ.

[3]) Это говорятъ не только китайскіе, но и мусульманскіе историки, а именно: Рашидъ-эд-Динъ, Абуль-Гази и Джувейни (см. *Радловъ*—„Къ вопросу объ уйгурахъ", стр. 41, 54, 56).

[4]) *Іакинѳъ*—„Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи", I, 2, стр. 373.

лежавшаго родителямъ невѣсты, лучшихъ лошадей, самъ же женихъ, какъ кажется, нѣкоторое время проводилъ въ домѣ тестя [1]).

---

[1]) *Іакинфъ*, ib., стр. 250.

Среди уйгуровъ было одно поколѣніе, которое носило названіе „сары-уйгуръ", то-есть желтыхъ (а Ремюза пишетъ — желтоголовыхъ,—„Hist. de la ville de Khotan", стр. 95). Сопоставляя имѣющіяся у насъ свѣдѣнія объ этихъ желтыхъ уйгурахъ, я прихожу къ тому заключенію, что нѣкогда они жили между Хотаномъ и урочищемъ Гасъ, то-есть въ мѣстности, которую и до настоящаго времени населяетъ племя блондиновъ, извѣстныхъ подъ названіемъ мачинцевъ. Нужно полагать, что магометанство введено было у нихъ насильно, такъ какъ при этомъ часть народа, пожелавшая сохранить свою древнюю религію, должна была выселиться на востокъ „неизвѣстно куда" (*Пржевальскій*—„Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи", стр. 430). Если бы намъ удалось доказать, что нынѣшніе мачинцы потомки сарыуйгуровъ, то не представлялось бы затрудненій отыскать и ихъ восточную вѣтвь въ лицѣ шира-ёгуровъ, населяющихъ нынѣ Нань-шань.

Откуда явилось это названіе „мачинъ"? Сами мачинцы того мнѣнія, что коренное названіе ихъ племени было „ма", что явились они въ Керійскія горы изъ Индіи (?) и только по смѣшеніи съ китайцами (чинъ) получили названіе мачинъ.

Не отрицая былаго вліянія Индіи на восточно-туркестанскую культуру, а также возможность и даже вѣроятность такихъ переселеній, я все же не думаю, чтобы „ма" были выходцами изъ Индіи. И это потому, что до своего обращенія въ мусульманство „ма" были не буддистами, а шаманистами. Это видно изъ обрядовъ и суевѣрій, подмѣченныхъ у нихъ Пржевальскимъ: болѣзнь они приписываютъ злому духу; изгоняя его, они... громко кричатъ, бьютъ въ бубенъ и, вообще, стараются производить какъ можно болѣе шума... Послѣ чьей-либо смерти, близкіе родственники покойнаго живутъ 40 дней на могилѣ... Они молятся ему (то-есть духу покойнаго) и приносятъ на могилу лепешки (то-есть приносятъ этому духу жертвы)... Они до сихъ поръ еще не перестали вѣрить въ колдовство и помнятъ, что нѣкогда поклонялись огню и имѣли идоловъ...

Что касается до племеннаго названія „ма", то намъ извѣстно, что оно принадлежало многимъ дикимъ родамъ (бо-ма, ма, ма-нао и т. д.); нѣтъ ничего поэтому невозможнаго и въ томъ, что одинъ изъ такихъ родовъ оказался включеннымъ въ составъ уйгурскаго племени.

Что мачинцы сохранили еще и до сихъ поръ много чертъ дикаго характера, видно изъ слѣдующаго: пѣсни, музыка и танцы, говоритъ Пржевальскій, составляютъ любимѣйшія утѣхи мачинцевъ. Казаки Пржевальскаго характеризовали ихъ такъ: „счастіе, что этотъ народъ не знаетъ водки, а то бы совсѣмъ съ пути сбился". При своей склонности къ разгульной жизни, мачинцы весьма любятъ ходить другъ къ другу въ гости и устраивать общія веселья. Даже на работу они не забываютъ брать музыкальные инструменты... Ихъ характерную черту составляетъ любовь какъ къ дѣтямъ, такъ и, вообще, родственниковъ между собою. При нуждѣ они всегда готовы помочь другъ другу. Разводъ у нихъ совершенно свободенъ; рѣдкая женщина не мѣняла нѣсколько разъ мужей. Вступаютъ въ бракъ даже съ близкими родственниками, но многоженства у нихъ, за рѣдкими исключеніями, не существуетъ. Пржевальскій далѣе пишетъ, что мачинцы

О вымершихъ аринахъ Messerschmidt передаетъ намъ, со словъ

трусливы, лживы, развратны (въ чемъ, однако, могъ бы выражаться этотъ развратъ?) и, вообще, надѣлены всевозможными пороками... Но это указывало бы лишь на то, что народъ этотъ, смѣшавшись со всевозможными тюркскими и монгольскими элементами, регрессировалъ и потерялъ самыя привлекательныя черты своего характера... Что касается наружнаго типа мачинцевъ, то въ немъ ясно видна смѣсь монгольской расы съ кавказскою (у Пржевальскаго — съ арійскою), съ преобладаніемъ, однако, послѣдней надъ первою. По словесному заявленію Роборовскаго, ему доводилось видѣть среди мачинцевъ субъектовъ (дѣтей), имѣвшихъ совершенно бѣлокурые волосы и голубые глаза.

Достойно вниманія, что шира-ёгуры подраздѣляются на роды: па-га-*ма-джа*, у-га-*ма-джа*, сы-га-*ма-джа*, ши-и-га-*ма-джа*, ши-у-га-*ма-джа*; если отбросить китайскія числовыя приставки—па-га, у-га, сы-га, ши-и-га и ши-у-га, то останется для всего народа наименованіе *ма-джа*, весьма близкое къ *ма-чинъ*. Потанинъ, у котораго мы заимствовали эти свѣдѣнія о подраздѣленіи шира-ёгуровъ, говоритъ, что хотя ёгуры и помнятъ, что они въ Нанъ-шанѣ пришлый народъ, но уже забыли откуда („Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголія", I, стр. 442). Среди хара-ёгуровъ удержалось наименованіе костей „(р)конджюкъ" (Кемчикъ?), „кырхысъ", „уйратъ", что указываетъ на Алтай, какъ на ихъ прародину. О сары-уйгурахъ къ востоку отъ Хотана исторія упоминаетъ впервые въ исходѣ XI вѣка.

Къ книгѣ Потанина приложена фототипія, изображающая хара-ёгура. Черты лица этого хара-ёгура носятъ ясные слѣды кавказскаго типа (глаза, носъ, губы. отчасти—лобъ).

О племени „ма-чинъ" мы читаемъ у *Herbelot* („Bibliothèque Orientale", стр. 677): „Les Muselmans disent, que tous les biens nous sont venus par les descendans de Sém et tous les maux par ceux de Japhet, du quel sont venus les Jagiouges et Magiouges, qui sont Gog et Magog, *Tchin* et *Matchin*..., peuples qui habitent les vastes campagnes, nommées Kipchak". Абульгази также пишетъ о „чинахъ": „Ежегодно Огузъ-ханъ воевалъ съ народами, жившими въ Монголіи, побѣждалъ ихъ и впослѣдствіи покорилъ ихъ всѣхъ. Спасшіеся бѣгствомъ нашли защиту у хана татарскаго, а татары обитали тогда близъ Чюрчита, большой страны, гдѣ было много городовъ и деревень и которая лежала къ сѣверу отъ Китая. Эту страну индійцы и таджики называютъ *Чинъ*" (*Радловъ*—„Къ вопросу объ уйгурахъ", стр. 47).

Еще раньше, а именно до Р. Хр., индусы (законы Ману) и самый Китай называли Чинъ и Маха (большой) Чинъ, названіе, которое могло возникнуть въ ту эпоху, когда страна эта находилась подъ Чжоу'ской династіей. Монголы же подъ именемъ Чинъ и Мачинъ разумѣли южный (маньскій) Китай. (См. *Березинъ*—„Исторія монголовъ Рашидъ-эд-Дина" въ „Зап. Имп. Археол. Общ.", XIV, стр. 31, 51, 102, 114, 146 и 236). Наконецъ, горныя племена (бѣлой расы), населяющія верхнюю Бирму и до нашихъ дней, удержали наименованіе „чинъ" и „качинъ". Однимъ словомъ, мы видимъ, что племенныя названія чинъ и ма-чинъ охватываютъ огромное пространство, которое нѣкогда занимали народы несом-

туземцевъ, что они отличались необыкновенною отвагой. Въ ихъ

нѣнно дискаго происхожденія. (О наименованіяхъ чинъ Ма-чинъ см. также *Richthofen*—„China", I).

Если мы, однако, признаемъ, что между сибирскими мачинцами и мачинцами Кэрійскихъ горъ существуетъ не только сходство племенныхъ прозваній, но и племенное сродство, то неминуемо должны будемъ придти и къ другому, чрезвычайно важному заключенію, а именно, что древніе уйгуры были народомъ смѣшаннаго происхожденія, притомъ съ преобладаніемъ дискаго элемента, и что сами себя они называли не уйгурами, а мачинцами или ма-джа.

Принимая эту гипотезу, мы не затруднимся разъяснить себѣ и свидѣтельства европейскихъ историковъ о существованіи σαράγουροι, ὀνόγουροι, κοτρίγουροι, οὐτίγουροι, наконецъ, οὔγουροι и другихъ одноименныхъ племенъ на тѣхъ именно мѣстахъ, которыя впослѣдствіи стали извѣстны подъ названіемъ Onogoria, Угорской Руси, Югры. Припомнимъ, что еще въ прошломъ вѣкѣ башкиры, вотяки, пермяки, зыряне и обскіе остяки были по преимуществу рыжеволосыми и голубоглазыми (*Strahlenberg* — „Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet", etc., стр. 165; *Müller*—„Sammlung Russischer Geschichte", III, стр. 315). *Дисци смѣшались здѣсь съ черноволосыми финнами* (многіе, и въ ихъ числѣ Кастренъ, высказывали мнѣніе, что рыжій цвѣтъ волосъ присущъ преимущественно финнамъ. Это невѣрно. Предки финновъ были, повидимому, черноволосою, короткоголовою расой (лопаря, вогулы, черемисы, пермскіе и уфимскіе мещеряки, то-есть наименѣе смѣшанныя финскія племена — черноволосые), смѣшавшейся съ дисцами на юго-востокѣ и бѣлокурыми скандинавами на сѣверо-западѣ. Вѣроятно, первоначальный цвѣтъ волосъ у длинноголовой расы былъ золотистый, который впослѣдствіи далъ разности: бѣлобрысую (albicomus) и рыжую. Ausonius пишетъ, что шведская дѣвушка имѣетъ голубые глаза и золотистые волосы; Lucanus также пишетъ—„flavi suevi"; далѣе мы имѣемъ нижеслѣдующія свидѣтельства: Claudianus—„flavi sicambri"; Martialis — „flavorum genus Usipiorum", etc., древніе бритты имѣли также золотистые волосы (Lucanus); но германцы были рыжеволосыми. Tacitus пишетъ: „truces et caerulei oculi, rutilae comae, magna corpora"; Calpurnus Flaccus: „rutili sunt Germanorum voltus et flavi proceritas". Рыжеволосыми же были кельты (Dio Cassius), галлы (Ammianus Marcellinus), каледонцы (Tacitus); нѣкоторые изъ перечисленныхъ рыжеволосыхъ племенъ имѣли сѣрые глаза и прямые волосы—доказательство метисаціи; послѣднее Vitruvius подмѣтилъ и у бриттовъ. Среди бельгійцевъ попадались индивидуумы какъ съ золотистыми, такъ и рыжими волосами. Къ совершенно бѣлокурой расѣ принадлежали, какъ кажется, готы) *подобно тому, какъ восточнѣе они смѣшались съ тюрками, въ обоихъ случаяхъ образовавъ различныя этническія группы, бывшія, однако, извѣстными подъ общимъ племеннымъ ихъ прозваніемъ.*

Эта гипотеза съ достаточною полнотой разъясняетъ также, почему венгры (угры, Ungarn) называютъ себя мадьярами (маджарами, Magyar), подобно тому, какъ и наньшанскіе шира-ёгуры—маджа: ма-чинъ, ма-джа(р) — ихъ собственное

обычаяхъ сохранилось еще кое-что общее съ ухуаньцами; такъ, напримѣръ, ссылка преступниковъ [1]). Извѣстно также, что арины и котты оказали наиболѣе энергичное сопротивленіе русскимъ и въ союзѣ съ киргизами нападали даже на Красноярскій острогъ.

Обскіе остяки передавали Messerschmidt'у, что ихъ страну нѣкогда населялъ воинственный народъ, управлявшійся старшинами и имѣвшій особое письмо [2]). Здѣсь идетъ рѣчь, конечно, о пѣгой ордѣ, остатки которой въ ту эпоху (1721 г.) еще сохранялись кое-гдѣ въ Нарымскомъ краѣ [3]).

Изъ вышеизложеннаго видно, что какъ сѣверные, такъ и южные дисцы отличались одними и тѣми же чертами своего племеннаго характера: горячимъ темпераментомъ, презрѣніемъ къ смерти, рѣшительностью и необыкновенною отвагой; это были воины по натурѣ, по призванію: они вступали въ борьбу ради самой борьбы и, дорожа своею индивидуальною свободой, не выносили подчиненія, въ какой бы формѣ послѣднее не проявлялось. Будучи подвижными, энергичными, дѣятельными и въ то же время не отличаясь большою привязанностью къ родинѣ, они покидали послѣднюю, когда условія жизни

прозваніе; уйгурами же ихъ называли тюрки и монголы. У послѣднихъ и донынѣ существуетъ слово „уйгуръ" для обозначенія „чужестранца" (*Schmidt*—„Forschungen auf dem Gebiete der Völker Mittelasiens", стр. 95).

Среди камасинцевъ имѣется поколѣніе „мадоръ"; можетъ быть это наименованіе должно быть поставлено въ связь съ „ма-джа"; *Klaproth* („Asia Polyglotta", стр. 153) приводитъ для него еще и другое названіе — мади (mati = ма-ди); но *Müller* („Sammlung Russischer Geschichte", VI, стр. 553) утверждаетъ, что „мади" былъ отдѣльный родъ среди енисейскихъ татаръ; о нихъ онъ выражается такъ: „Sie müssen ein besonderes Geschlecht eines anderen Volks gewesen sein". Поколѣніе же маттаръ имѣется и у сойотовъ (*Klaproth*, op. cit., стр. 148—149).

[1]) *Klaproth* — „Asia polyglotta", стр. 167—168. См. также *Strahlenberg* — „Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia in so weit solches das gantze Russiche Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet", etc., 1730, стр. 86.

[2]) *Klaproth* — Mémoires relatifs à l'Asie, I, стр. 170; „Asia Polyglotta", стр. 193.

Они сообщали также Штраленбергу, что и литые изъ металла идолы остались имъ въ наслѣдіе отъ этого народа (op. cit., стр. 313). Ср. *Müller* — „Sammlung Russsicher Geschichte", VI, стр. 161, 162.

[3]) *Klaproth*—Mémoires relatifs à l'Asie", I, стр. 126. То, что Шраленбергъ (op. cit., стр. 166) пишетъ о встрѣченныхъ изъ индивидуумахъ этого племени, свидѣтельствуетъ только, что у русскихъ подъ именемъ „пестрыхъ" былъ извѣстенъ не отдѣльный народъ, а метисы рыжеволосыхъ, съ тонкой бѣлой кожей, и смуглыхъ черноволосыхъ.

въ ней измѣнялись, и расходились все дальше въ поискахъ странъ, гдѣ ихъ соціальная жизнь, въ формѣ мелкой общины, управляемой выборными старшинами, могла имѣть еще мѣсто. Гдѣ бы, однако, дисцы ни жили, ихъ главными и излюбленными промыслами всегда были охота и рыбная ловля, которыя вполнѣ удовлетворяли ихъ бродячимъ наклонностямъ, ихъ предпріимчивой натурѣ, въ высшей степени самостоятельной и рыцарской; они не выносили деспотизма, но и сами никогда не были деспотами ни въ семьѣ, ни въ кругу своихъ рабовъ [1]) и подчиненныхъ. Въ силу этихъ расовыхъ особенностей характера, а также отсутствію въ ихъ натурѣ похотливости, дисцы являются въ Азіи единственнымъ народомъ, у котораго моногамія составляла первичную и основную форму брака. Но будучи бродячимъ народомъ, дисцы легко воспринимали и элементы культуры: китайцы даютъ намъ на этотъ счетъ множество доказательствъ. Воспріимчивые, легко возбуждающіеся, дисцы искали общества. Ихъ собранія, отличавшіяся рѣдкимъ весельемъ, сопровождались музыкой и пляской. Про нихъ китайцы писали, что „они умѣли весело пить вино", не дѣлаясь мрачными пьяницами, подобно сосѣдямъ—чернымъ короткоголовымъ. Ихъ любовь къ дѣтямъ и родственникамъ поражала китайцевъ. Они всегда были готовы помочь своимъ одноаульцамъ или односельчанамъ, и эта характерная ихъ черта всецѣло удержалась и у ихъ потомковъ: про сойтовъ, напримѣръ пишутъ [2]), что нѣкоторыя ихъ работы имѣютъ общественный характеръ. Вообще, на дисцахъ вполнѣ оправдывается та общая характеристика бѣлокурой расы, которую даетъ намъ Лапужъ.

Длинноголовые блондины, говоритъ онъ [3]), не были способны къ систематическому труду и бережливости; поэтому, не смотря на то, что имъ нельзя отказать въ извѣстной инициативѣ, ихъ техническое развитіе все же стояло бы у нихъ всегда на низкой ступени, такъ какъ для новыхъ открытій необходимъ прежде всего запасъ знаній, орудій и матеріаловъ, могущихъ послужить исходною точкой для новыхъ идей, а ихъ-то они и не въ состояніи были бы накопить; вотъ почему также у нихъ не могло бы возникнуть и болѣе сложныхъ общественныхъ установленій. Они жили бы исключительно

---

[1]) *Colb. Baber*—„Trav. a. Res in the int. of China", глава IV.

[2]) *Веселковъ*. См. Семеновъ и Потанинъ—„Дополненія" къ III тому „Землевѣдѣнія Азіи" Риттера, стр. 667.

[3]) Цит. по *Кржисицкому* „Антропологія", стр. 820 и слѣд.

грабежомъ и охотой и вели бы бродячій образъ жизни, столь, впрочемъ, свойственный ихъ натурѣ. Для нихъ отечествомъ была вся вселенная. Будучи предпріимчивыми, они рѣшались на все и вступали въ борьбу изъ любви къ ней, а не изъ расчета на прибыль. Умственный ихъ кругозоръ былъ очень широкъ, ихъ пожеланія и помыслы—смѣлы, поступки же соотвѣтсвовали послѣднимъ. Прогрессъ—у нихъ врожденная страсть (оттого то они такъ и переимчивы). Они требовали уваженія къ индивидуальной свободѣ и скорѣе старались сами возвыситься, чѣмъ унизить другихъ. Вообще же, въ смѣшанномъ обществѣ они были активнымъ началомъ. Во время феодализма свѣтловолосые длинноголовые составляли дворянство, а художественные памятники Египта, Ассиріи и Халдеи доказываютъ, что высокорослый блондинъ и тамъ выступалъ въ качествѣ героя; типъ Ахиллесовъ и Агамемноновъ сохранился еще среди блондиновъ Скандинавскаго полуострова, да и римскіе патриціи имѣли то же происхожденіе... До завоеванія Галліи римлянами, говоритъ Лапужъ далѣе, въ ней насчитывалось около 5—6 милліоновъ населенія, короткоголовыхъ и блондиновъ. Чуть ли не милліонъ погибъ въ войнахъ съ Цезаремъ и столько же продано было въ рабство. Мертвыми въ этой борьбѣ пали преимущественно энергичные блондины, поэтому послѣ пораженія Верцингеторикса Галлія становится самою трудолюбивой, за то и самою раболѣпною римскою провинціей. Искра возстанія вспыхнула лишь на сѣверѣ, гдѣ свѣтловолосые элементы были болѣе многочисленны. Такое положеніе вещей продолжалось нѣсколько столѣтій; возрастало богатство, но не слава. Постепенно, однако, сначала въ качествѣ союзниковъ, затѣмъ въ качествѣ побѣдителей, длинноголовые проникаютъ въ страну въ V и въ послѣдующихъ столѣтіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ страна оживаетъ. Нѣсколько сотъ тысячъ новыхъ пришельцевъ были вполнѣ достаточно для того, чтобы раболѣпствующее населеніе въ нѣсколько милліоновъ человѣкъ настроилось на воинственный ладъ. Засимъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ свѣтловолосые великаны разсѣивались отсюда по сосѣднимъ странамъ (крестовые походы, экспедиціи и войны феодаловъ). Въ позднѣйшемъ періодѣ эти элементы основывали колоніи, принимали участіе въ движеніяхъ реформаціи. Но всѣ эти походы, борьба за идею, движенія крестоносцевъ, инквизиція, отмѣна нантскаго эдикта уничтожили самые энергичные длинноголовые элементы, и когда они гибли, короткоголовый берегъ свои силы и побѣждалъ при помощи пассивнаго выжиданія. Великая французская революція, во главѣ которой по преимуществу стояли

блондины, лишь узаконила антропологическій фактъ — побѣды болѣе многочисленныхъ короткоголовыхъ надъ длинноголовыми блондинами. Наконецъ, современное политическое ничтожество Франціи является послѣдствіемъ господства короткоголовыхъ.

Къ этимъ выводамъ Лапужа большинство относится съ сомнѣніемъ. Дѣйствительно, они основаны на непровѣренномъ матеріалѣ. Но въ главныхъ чертахъ они безусловно вѣрны, и вся исторія дисцевъ служитъ тому доказательствомъ.

Въ силу вышеизложенныхъ причинъ численность бѣлокурыхъ можетъ возрастать лишь весьма медленно. Въ случаѣ же ихъ смѣшенія съ короткоголовыми идти даже быстро на убыль, такъ какъ метисы даютъ большой процентъ въ пользу послѣдняго типа. Именно, такая судьба постигла какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ дисцевъ.

Уже китайцы замѣтили, что у хагясовъ мужчинъ меньше, нежели женщинъ [1]), и что тоже явленіе обнаруживается и у южныхъ дисцевъ, напримѣръ, у лао [2]), ло-маней [3]) и рыжеволосыхъ ѣ-женей [4]); а позднѣе о тѣхъ же хагясахъ Абульгази писалъ, что *настоящихъ киргизовъ* [5]) *осталось уже немного, но что ихъ имя въ его время* [6]) *стали принимать тѣ монголы (тюрки), которые переселились въ бывшія киргизскія земли* [7]). Нынѣ же къ сѣверу отъ Гобійской пустыни нѣтъ уже ни одного рыжеволосаго племени: дисцы частью погибли здѣсь во взаимной борьбѣ, частью въ войнахъ съ короткоголовымя, частью же слились съ этими послѣдними, образовавъ нѣсколько смѣшанныхъ народностей, отличающихся болѣе высокимъ ростомъ, чѣмъ остальныя монголоподобныя племена; таковы казаки, сойоты, кость мэркытъ у торгоутовъ и т. д.

Насколько возможно судить теперь по дошедшимъ до насъ отрывочнымъ извѣстіямъ о религіи дисцевъ, мы должны думать, что у нихъ одновременно существовали всѣ три стадіи религіознаго мышле-

---

[1]) *Іакинфъ* — „Собр. свѣд. о народн. Средней Азіи“, I, 2, стр. 448; *Klaproth* — „Mémoires relatifs à l'Asie“, I, стр. 88.

[2]) *Ивановскій*, op. cit., I, стр. 54.

[3]) *Marquis d'Hervey de Saint-Denys*, op. cit., II, стр. 202.

[4]) *Ивановскій*, op. cit., II, стр. 84.

[5]) Что Альбугази не считалъ киргизовъ тюрками, видно также и изъ слѣдующаго мѣста его исторіи: „Положительно неизвѣстно ни происхожденіе этого народа, ни его сродство съ другими народами“ (*Klaproth* — „Mémoires relatifs à l'Asie“, I, стр. 161).

[6]) Абульгази родился въ 1605 г.

[7]) *Klaproth*, op. cit., стр. 161.

нія, а именно—поклоненіе природѣ (тотемизмъ), шаманизмъ и, наконецъ, поклоненіе предкамъ, не развившееся въ антропоморфизмъ, можетъ быть, благодаря лишь тому обстоятельству, что дискoй общинѣ были въ то время чужды монархическіе принципы. Припомнимъ, что у однихъ дисцевъ существовалъ культъ Пань-ху, въ которомъ болѣе древній тотемизмъ (культъ собаки) слился съ культомъ предка, у другихъ культъ лошади, который слился съ культомъ предка (Ма), что цоньскіе мани [1]), „ло-у“ [2]) и „мосѣ“ (mosso) [3]) поклонялись небу, „хейлоло“ [4])—звѣздамъ, „бэ“ [5])—духамъ горъ и деревьевъ, ухуаньцы [6])—небу, землѣ, солнцу, лунѣ и звѣздамъ, и т. д. Шаманы (даси, банма) играли у нихъ видную роль и обыкновенно призывались къ больному для изгнанія изъ его тѣла злаго духа. Но уже въ ту эпоху, въ которую застаетъ дисцевъ исторія, основой ихъ религіозныхъ воззрѣній былъ культъ предковъ и героевъ [7]), культъ, который за время господства въ Китаѣ Чжоу'ской династіи получилъ полныя права гражданства и въ этой странѣ (даосизмъ, конфуціанство). Насколько у дисцевъ всѣ общественныя установленія были связаны съ поклоненіемъ предкамъ, видно хотя бы изъ того, что новобрачная, вступая въ домъ своего мужа, приносила жертву его предкамъ [8]) — обычай, который и до сихъ поръ удержался въ Китаѣ.

У дисцевъ не было настоящаго идолопоклонства; но они приносили жертвы изображеніямъ своихъ предковъ. Мысль ставить на могилахъ статуи явилась, конечно, у дисцевъ въ позднѣйшее время. Она возникла изъ предположенія, что духъ умершаго нѣкоторое время витаетъ надъ трупомъ. Для того, чтобы дать ему пріютъ, первоначально втыкались въ могилу сосновыя (?) вѣтви [9]), замѣнившіяся затѣмъ деревомъ и камнемъ, которымъ стали придавать человѣческую форму. Можетъ быть, однако, этой второй стадіи въ развитіи идолопоклонства предшествовалъ обычай ставить надъ могилой чучело по-

---

[1]) *Ивановскій*, op. cit., II, стр. 4.

[2]) *Ивановскій*, ib., стр. 24.

[3]) *Ивановскій*, ib., стр. 44.

[4]) *Ивановскій*, ib., стр. 11.

[5]) *Ивановскій*, ib., стр. 31.

[6]) *Іакинфъ*, op. cit., I, стр. 154.

[7]) Такъ, напримѣръ, про ухуаньцевъ говорится, что они поклонялись духамъ умершихъ старшинъ, прославившихся своими подвигами (*Іакинфъ*, ib.).

[8]) *Ивановскій*, op. cit., II, стр. 13.

[9]) Этотъ обычай еще сохранился у мяо-лоло (*Ивановскій*, op. cit., II, стр. 16).

койнаго. Китайцы сообщаютъ, что у „лао" сохранился обычай сдирать у убитаго (умершаго?) человѣка, обладающаго густою бородой и бакенбардами, кожу съ лица, натягивать ее на бамбукъ и поклоняться такому чучелѣ какъ своему предку (демону, гую). Ему приносятся жертвы съ барабаннымъ боемъ и плясками, при чемъ ничто не жалѣется; неимущіе продаютъ себя даже въ рабство, чтобы только участвовать въ общемъ жертвоприношеніи [1]).

Вѣроятно, позднѣе статуи замѣнены были писанными изображеніями предковъ; такъ, мы знаемъ, что мяо, имѣвшіе общія могилы, покрывали стѣны „зала предковъ" ихъ изображеніями [2]). Въ этой стадіи культъ предковъ или гуевъ перешелъ и къ китайцамъ, которые *стали по традиціи изображать ихъ рыжеволосыми*, при чемъ, однако, въ ихъ представленіи гуи перестали уже быть предками, а явились лишь духами — демонами. Это единственно возможное объясненіе того факта, что китайцы рисуютъ гуевъ рыжеволосыми.

И такъ, мы теперь можемъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ: кто служилъ оригиналомъ портрету, нарисованному на стѣнѣ нань-гучэнской кумирни и долженствовавшему изображать князя ада—Янъ-вана? Это былъ „ди", но „ди"—метисъ, въ крови котораго уже текла кровь монгола.

Сохранились указанія, что уже во времена Чжоу'ской династіи китайцы имѣли обыкновеніе рисовать портреты чужеземныхъ пословъ и что тотъ же обычай удержался и въ послѣдующія времена; такъ, китайцы, напримѣръ, пишутъ: „Министръ Дэ-юй представилъ... такъ какъ хагясы открыли свободное сообщеніе съ Серединнымъ государствомъ, то надобно написать портретъ ихъ государя для показа будущимъ вѣкамъ" [3]). „Янь-ши-гу представилъ докладъ, въ которомъ просилъ дозволеніе по примѣру Чжоу'скихъ исторіографовъ, во времена Ву-вана составившихъ Ванъ-хуй-бянь, составить Ванъ-хуй-ту, гдѣ были бы нарисованы и описаны одежда и убранство инородцевъ (маней)..." [4]) и т. д. [5]). Болѣе систематическую работу въ этомъ направленіи предпринялъ императоръ Цянь-лунъ, по приказанію кото-

---

[1]) *Ивановскій*, op. cit., I, стр. 39; *d'Hervey de Saint-Denys*, op. cit., II, стр. 108.

[2]) *Ивановскій*, op. cit., II, стр. 97.

[3]) *Іакинфъ*—„Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи", I, 2. стр. 451.

[4]) *Ивановскій*, op. cit.. I, стр. 59.

[5]) См. напримѣръ, *marquis d'Hervey de Saint-Denys*, op. cit., II, стр. 282 и 343.

раго былъ составленъ замѣчательный трудъ, озаглавленный Хуанъ-цзинъ-чжэ-гунъ-ту и представлявшій иллюстрированное описаніе инородцевъ Китая. Такіе альбомы могли, безъ сомнѣнія, служить прекраснымъ источникомъ для заимствованія и, надо думать, что и нань-гучэнскій художникъ имѣлъ одинъ изъ нихъ подъ руками, когда писалъ Янъ-вана и гуевъ.

Несравненно труднѣе опредѣлить, къ какому изъ дискихъ племенъ принадлежали оригиналы, съ которыхъ рисовали эти портреты.

Если сравнить одѣяніе гуевъ и какого-нибудь „мяо-лоло“ прошлаго столѣтія, то оно окажется почти тождественнымъ. Но того же нельзя сказать про прическу, которая у гуевъ весьма своеобразна: волоса съ висковъ зачесаны у нихъ кверху, темя же, сплющенное въ гребень, выбрито.

Обычай придавать черепамъ особую форму среди дисцевъ, повидимому, не былъ распространенъ; онъ практиковался лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ Восточнаго Туркестана, первоначально населеннаго также одними лишь племенами бѣлой расы. Такъ, Сюань-цзанъ говоритъ, напримѣръ, о жителяхъ владѣнія Цзѣ-ша: они имѣютъ „наружность пошлую и неблагородную. Зрачки у нихъ зеленые. Тѣло раскрашиваютъ. Новорожденнымъ въ обычаѣ приплющивать голову“ [1]). О Кучѣ онъ пишетъ также, что тамъ, „когда родится ребенокъ, ему сплющиваютъ голову, придавливая дощечками“, взрослые же стригутъ волосы въ плотную [2]). Обычай брить голову распространенъ былъ и у уханьцевъ [3]). Но, вообще, этотъ обычай дисцы могли заимствовать и у того народа, съ которымъ смѣшались, такъ какъ въ шоу-гуяхъ, ясно замѣтна значительная примѣсь чуждой крови: отсутствіе растительности на лицѣ, широкій подбородокъ у одного изъ гуевъ, выдающіяся скулы—все это свидѣтельствуетъ, что передъ нами метисы, удержавшіе весьма мало дискихъ чертъ. Въ той же нань-гучэнской кумирнѣ я замѣтилъ черноволосаго пигмея іо-чжэна, одѣтаго точь въ точь, какъ шоу-гуи. но представляющаго каррикатуру на человѣка: широкое, плоское, безволосое лицо, вмѣсто носа — двѣ дырки, выдающіяся надбровныя дуги, огромный ротъ и необыкновенной ширины подбородокъ, все это такія черты, которыя должны были

[1]) „Mémoires sur les Contrées Occidentales“ par Hiouen-Thsang, trad. du Chinois par St. Julien, II, стр. 219—220; *Григорьевъ*—„Восточный Туркестанъ“, стр. 144.

[2]) Ib., I, стр. 3—4.

[3]) *Іакинфъ*, op. cit., I, стр. 153.

измѣнить дискій типъ именно въ томъ направленіи, которое обнаруживается у нань-гучэнскихъ рыжеволосыхъ шоу-гуевъ. Но что же это была за человѣческая раса? Вѣроятнѣе всего, что это каррикатурное изображеніе негритоса, подобно тому какъ шоу-гуи—каррикатура на представителей какого-либо смѣшаннаго племени.

Тогда какъ шау-гуи—портреты людей, выхваченныхъ изъ народа, оригиналъ Янъ-вана, былъ вѣроятно, дѣйствительно старшиной племени; вотъ почему онъ и удержалъ болѣе дискихъ чертъ: большой ростъ, рыжіе густые усы и бороду, крупный носъ и т. д. Выбритое темя онъ покрывалъ оригинальною шапочкой, украшенной ушами (не была-ли эта шапочка изъ шкуры, снятой съ головы какой либо кошки?) и (вѣроятно) глазками павлиныхъ перьевъ; его верхнее платье—длинный халатъ съ воротникомъ, собранный на груди и подпоясанный кушакомъ съ металлическими бляхами, сдѣланное изъ шелковой матеріи, не носило никакихъ украшеній, наконецъ, на рисункѣ видны штаны и высокіе съ узкими и загнутыми носками сапоги, какіе были въ употребленіи только у горцевъ. Сходное одѣяніе, можетъ быть, мы и теперь могли бы найдти у инородцевъ южнаго Китая.

Іо-чжэнъ.

На этомъ я считаю возможнымъ закончить изслѣдованіе вопроса о томъ, въ силу какихъ причинъ китайцы рисуютъ своихъ гуевъ рыжеволосыми.

Г. Грумъ-Гржимайло.

СИНТАКТИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ [1]).

III.

Составное сказуемое съ причастіями перфекта и аористовъ.

Составныя сказуемыя съ причастіями, непосредственно пріуроченными къ глагольнымъ системамъ перфекта и аористовъ, должны быть изучаемы преимущественно въ языкахъ древне-индійскомъ и греческомъ, въ которыхъ еще сохранялся строй индо-европейскаго (проэтническаго) глагола съ его дѣленіемъ на рядъ системъ (настоящаго, перфекта, несигматическихъ и сигматическихъ аористовъ), съ еще явственнымъ *видовымъ* значеніемъ этихъ системъ, съ послѣдовательнымъ пріуроченіемъ къ нимъ именныхъ образованій (причастій и инфинитивовъ). Въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ этотъ строй во многомъ уже нарушенъ, или, лучше сказать, радикально преобразованъ. Кромѣ различныхъ новообразованій, мы видимъ здѣсь смѣшеніе и исчезновеніе старыхъ глагольныхъ формъ (исчезновеніе перфекта въ славянскомъ, аористовъ—въ германскомъ, смѣшеніе аористовъ съ перфектомъ въ латинскомъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ былое обиліе и разнообразіе причастныхъ формъ сведено къ извѣстному минимуму. Лучше другихъ сохранились причастія на — nt, попрежнему тѣсно связанныя съ темою настоящаго. Причастія аористовъ повсюду исчезли; причастія, по своему суффиксу возводящіяся къ проэтническому причастію перфекта (на—u̯es), существуютъ въ славянскомъ и литовскомъ, но, конечно, не могутъ разсматриваться, какъ причастія перфекта въ собственномъ смыслѣ, на подобіе санскритскихъ и греческихъ.

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898 г., май.

При всемъ томъ, составныя сказуемыя съ причастіями прошедшаго дѣйствительнаго въ этихъ языкахъ, характеризующихся преобразованіемъ глагольнаго строя, напримѣръ, составныя сказуемыя съ причастіями на—*ъ*,—*въ* въ славянскомъ, представляютъ любопытную аналогію съ тѣми санскритскими и греческими сочетаніями, въ составъ которыхъ входили причастія перфекта и аористовъ. Мы имѣемъ возможность наблюдать здѣсь процессъ обновленія или оживленія архаическаго оборота при новыхъ условіяхъ, при преобразованномъ строѣ глагола. Въ языкахъ славянскихъ и литовско-латышскомъ этотъ оборотъ былъ изслѣдованъ Потебнею на стр. 151—163 и 181—197 „Изъ записокъ по русской грамматикѣ".

Въ настоящемъ этюдѣ мы ограничиваемся разсмотрѣніемъ даннаго оборота въ томъ видѣ, какъ онъ является въ санскритѣ и греческомъ [1]).

I. Причастія перфекта въ составномъ сказуемомъ.

Причастіе перфекта обладало въ языкѣ ведійской эпохи значительною предикативностью, такъ что могло замѣнять формы verbi fio.

Ṛv. I, 117, 15; ójohavīd açvinā taugryó vām próḷhaḥ samudrám ávyathír *jaganvā́n*—„взывалъ къ вамъ, о Ашвины, сынъ Тугры, брошенный въ море,—(онъ) *пошелъ* (по водѣ) не оступаясь".—Здѣсь составное сказуемое—*avyathír jaganvā́n*, въ которомъ причастіе перфекта jaganvā́n („пошедшій") стоитъ вмѣсто личной формы *jagāma* и играетъ роль связки; прилагательное *avyathis* (нешатающійся, неоступающійся, стойкій) есть предикативный аттрибутъ, а цѣлое образуетъ составное сказуемое типа „въста простъ", στῆ δ' ὀρθός.—*Baunack* („Bhujyu, ein Schützling der Açvin", Zeitschr. f. vergl. Sprachforsch. 1898 г., B. XXXV, Heft 4, стр. 507), объясняя это мѣсто въ цѣляхъ установленія самой фабулы легенды о Bhujyu, говоритъ между прочимъ: Wir haben hier meines erachtens einen sicheren beleg dafür, dass in vedischer sprache das partic. perf. auf—vāṃs *mit supplierung des hilfsverbums* für das verbum finitum in einem tempus der erzählung steht: „es rief euch der sohn des Tugra, Açvin: (und siehe) fortgeführt ins meer ging er ohne straucheln sein weg".—Я расхожусь съ мнѣніемъ Баунака только въ томъ, что не вижу на-

[1]) Мы ограничиваемъ пока кругъ нашихъ наблюденій въ области санскрита языкомъ гимновъ Ригъ-Веды, а въ области греческаго—языкомъ Гомера.

добности (то-есть, грамматической необходимости) подразумѣвать „вспомогательный глаголъ“: причастіе само по себѣ могло исполнять роль verbi finiti, какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ это дѣлаютъ въ классическомъ санскритѣ причастія на—tavān (kṛtavān, gatavān—сдѣлалъ, пошелъ). Да и *Саяна*, въ комментаріи къ нашему стиху, говоритъ: jaganvān gamerliṭaḥ kvasuḥ, то-есть „форма jaganvān—отъ корня gam—причастіе перфекта вмѣсто личной формы перфекта“ [1]).

Излишне пояснять, что въ нашемъ стихѣ причастье jaganvān не можетъ примыкать къ глаголу ajohavīt, что дало бы смыслъ („пойдя, онъ взывалъ; пошелъ и взывалъ“), противорѣчащій самой фабулѣ легенды.

X, 10, 1; ó cit sákhāyaṃ sakhyā́ vavṛtyām tiráḥ purú cid arṇaváṃ *jaganvān*—„я хочу вернуть (говоритъ yamī) друга къ дружбѣ, хотя бы онъ *ушелъ* даже за цѣлый океанъ...“. Здѣсь причастіе перфекта jaganvān никоимъ образомъ не можетъ составлять сочетанія съ ā—vavṛtyāṃ: въ такомъ случаѣ оно относилось бы къ подлежащему женскаго рода Yamī и, конечно, не могло бы стоять въ мужескомъ родѣ (было бы jagmuṣī). Перифразъ Саяны gatavatī Yamī (пошла Ями), показывающій, что онъ относитъ наше причастіе именно къ подлежащему женскаго рода Yamī, есть очевидная ошибка (а можетъ быть, и сознательная натяжка—не хуже другихъ, какими вообще изобилуетъ комментарій Саяны къ этому стиху, ср., напримѣръ, странное объясненіе *tiras*). Къ послѣдующему (ко второй половинѣ стиха) также очень трудно отнести это jaganvān (не столько, впрочемъ, съ формальной стороны, сколько по смыслу) [2]).

V, 29, 14: etā́ víçvā *cakṛvā́n* indra bhūry áparīto janúṣā vīryèṇa—„всѣ эти (подвиги) *ты совершилъ*, о Индра, въ большомъ количествѣ (bhūri), неодолимый отъ рожденія, своимъ богатырствомъ (богатыр-

---

[1]) Въ самомъ переводѣ я предпочитаю (не настаивая впрочемъ) соединять: „брошенный (или попавшій, по Грассману) въ море, онъ взывалъ къ вамъ“ вмѣсто, какъ у Баунака, „увезенный въ море, онъ пошелъ“.

[2]) Что, впрочемъ, дѣлаетъ Людвигъ.—Выраженіе tiráḥ purú cid arṇavám, аналогичное выраженію стиха III, 58, 5: tiráḥ purú cid... rájāṃsi „хотя бы (даже) черезъ большія пространства“, должно быть, съ формальной стороны, понимаемо, какъ соединеніе параллельныхъ терминовъ purú и arṇavám, родъ ἓν διὰ δυοῖν; arnavám есть „приложеніе“ къ purú (какъ бы: „многое—океанъ“), такъ же какъ въ III, 58, 5 такимъ „приложеніемъ“ служитъ rájāṃsi. Форма же purú, можетъ быть, и не есть им.—вин. мн. ср. (=purūṇi), ср. *purū*—ravas, *purū*—vasu.

скою мощью)“. Во второй половинѣ стиха другое подлежащее. Саяна передаетъ причастіе перфекта cakṛvān черезъ kṛtavān, причастіе, которое въ классическомъ санскритѣ употребляется вмѣсто verb. fin.— Подразумѣвать „вспомогательный глаголъ“ и здѣсь нѣтъ нужды.— Вообще я думаю, что наличность (а не только подразумѣваніе) „вспомогательнаго“ глагола, то-есть, связки, при такихъ причастіяхъ была нужна лишь въ тѣхъ, весьма рѣдкихъ, случаяхъ, когда иначе нельзя было бы знать, къ какому лицу относится причастіе. Въ данномъ случаѣ лицо, именно второе, указано звательнымъ падежомъ *indra*, и, если что либо тутъ подразумѣвается, то это—не „вспомогательный“ глаголъ, а мѣстоименіе 2-го лица *tvam*.

I, 174, 6: *jaghanvā́n* índra mitrérūn... „ты *убилъ*, о Индра, Митреру....“ (вин. мн., можетъ быть—„сторонниковъ Митры“). Здѣсь причастіе перфекта jaghanvān стоитъ совершенно самостоятельно, не относясь къ послѣдующему, *Ludwig*: du hast getötet.... *Саяна*: hatavānasi—убилъ (сложная форма изъ причастія hatavān и, на сей разъ, asi—вспомогательный глаголъ).

IX, 67, 2: tvám sutó nṛmā́dano *dadhanvā́n* matsaríntamaḥ | índrāya sūrír ándhasā — „ты (Сома) выжатый усладитель людей *потекъ* въ высокой степени опьяняющій для Индры щедрый цвѣткомъ“. Здѣсь причастіе перфекта *dadhanvān* играетъ роль сказуемаго — связки (псевдовязки) и стоитъ вмѣсто личной формы; вторые именительные *nṛmādanas*, *mastarintamas* и *sūris* (съ примыкающимъ къ нему, какъ я думаю, инструментальнымъ падежемъ andhasā) суть предикативные аттрибуты („потекъ — какой? какимъ?“); причастіе страд. *suta-s* скорѣе аппозиція („выжатый“,—послѣ того какъ былъ выжатъ сокъ Сомы).

I, 117, 18:.... jārā́ḥ kanína iva *cakṣadānā́* ṛjrā́çvaḥ çatám ékam ca meṣā́n—„словно молодой любовникъ, Ṛjrāçva *закололь* сто одного барана“. *Саяна* перифразируетъ причастіе перф. *cakṣadānā́-ṣ* выраженіемъ çakalīkurvan prādāt—„разрѣзавъ на куски, далъ“, откуда между прочимъ видно, что онъ смотритъ на причастіе cakṣadāna-s, какъ на замѣну личной формы глагола. *Ludwig*: wie ein junger bule hat Ṛjrāçva hundert widder und einen uns geschlachtet.

V, 2, 3: híraṇyadantam çúcivarṇam ārā́t kṣétrād apaçyam ā́yudhā mímānam | *dadānó* asmā amṛ́taṃ vipṛ́kvat kím mā́m anindrā́ḥ kṛṇavann anukthā́ḥ—„я видѣлъ издали (ārāt-kṣetrād) златозубаго, свѣтлоцвѣтнаго (Агни) изготовляющаго себѣ оружія; я *далъ* ему изобильный (? vipṛkvat; въ С.-Петербургскомъ словарѣ: etwa unvermischt,

lauter; Ludwig: in verschiedenem enthaltenes) напитокъ безсмертія (амброзію Сомы). Чтò могутъ мнѣ сдѣлать непризнающіе Индру, незнающіе гимновъ?". Здѣсь причастіе перф. *dadānā-s* едва ли можетъ быть отнесено къ предыдущему (къ глаголу apaçyam—я видѣлъ, такъ чтобы вышло: „я видѣлъ, давши..."): человѣкъ видѣлъ яркое пламя Агни *издали* (изъ сосѣдней мѣстности, Саяна поясняетъ ārāt kṣetrād перифразомъ samīpe deçe) и пришелъ поклониться ему; явившись, онъ преподнесъ ему возліяніе изъ священнаго напитка Сомы. Переводъ „видѣлъ, давши" противорѣчилъ бы этому ходу вещей, которому скорѣе отвѣчалъ бы оборотъ: „увидѣвъ, далъ". Саяна передаетъ dadānás черезъ будущее перифрастическое dādāsmi—дамъ. Какъ замѣну глагола, понимаетъ, очевидно, это причастіе и *Hillebrandt* (Zeitschr. d. d. Morgenl. Gesellsch. XXXIII, стр. 248), переводя: Ich sah von fern (arād) den goldgezahnten, glänzenden an Farbe, vom Mutterchoss (?kṣetrād) her sein Waffen rüsten. Wenn Amṛta ich ihm in mannigfachem Labtrunk *spende* (dadānás), was werden mir thun die Indralosen, Liederlosen? [1]).

„Вспомогательный глаголъ", или, точнѣе, отвлеченная глагольная связка (*as-*) встрѣчается въ сочетаніи съ причастіемъ перфекта крайне рѣдко, если не ошибаюсь, всего 5 разъ въ Ригъ-Ведѣ, и, чему, кажется слѣдуетъ придать нѣкоторое значеніе, во всѣхъ 5 случаяхъ глаголъ-связка *модальна*: это либо конъюнктивъ, либо оптативъ.—Вотъ эти случаи:

VI, 36, 5:.... *áso* (conj.) yáthā naḥ çávasā *cakānó* yugé—yuge vayasā cekitānaḥ—„дабы (чтобы) ты былъ намъ дружелюбенъ (cakāna-s—причастіе перф. medii отъ глагола *kā*—любить, желать, быть дружественнымъ, быть расположеннымъ) [своею] мощью, (чтобы ты) изъ поколѣнія въ поколѣніе отличался жизненною силою" (cekitāna-s—прич. наст. интензива отъ *cit*—усматривать, обращать вниманіе, знать,—въ медіумѣ являться, проявляться, отличаться).—Здѣсь мы имѣемъ составное сказуемое изъ 1) отвлеченной связки въ conj. *asas* и 2) двухъ предикативныхъ аттрибутовъ: а) прич. перф. *cakāna-s* и б) прич. наст. *cekitāna-s*.

---

[1]) Переводъ Людвига — den *von ferne goldzanigen*, von reiner farbe sah ich *schleudern von seinem wonorte* (kṣetrād) die geschosze, *als* ich in verschiedenem enthaltenes amṛta ihm gab (denkend, oder: der dachte), was sollen leute ohne Indra, ohne ukthalieder mir anhaben—на этотъ разъ долженъ быть признанъ неудачнымъ—почти по всѣмъ пунктамъ.

V, 62, 9:....... sísāsanto *jigívā́ṃsaḥ syā́ma*—„стремясь одолѣвать (побѣждать и пріобрѣтать добычу,—въ нашемъ стремленіи къ побѣдѣ и добычѣ) да будемъ мы (мы хотимъ быть) побѣдившими (побѣдителями)". Здѣсь—составное сказуемое изъ отвлеченной связки въ оптативѣ (syā́ma), предикативнаго аттрибута, выраженнаго причастіемъ перфекта *jigívā́ṃsas* (онъ *ji*—побѣждать), и аппозиціи, представленной причастіемъ наст. дезидератива *sísāsantas* (отъ *sā*—одолѣвать (въ сраженіи), завоевывать добычу).

VII, 92, 4:...... ghnánto vṛtrā́ṇi sūríbhiḥ *ṣyā́ma sāsahvā́ṃso* yudhā́ nṛ́bhir amítrān—„да будемъ мы убивающими вражескія силы (или демоновъ) (вмѣстѣ съ) (нашими) благодѣтелями (sūríbhis), (да будемъ мы) одолѣвающими (вмѣстѣ съ) героями сраженіемъ недруговъ". При такомъ пониманіи фразы [1]), мы имѣемъ здѣсь составное сказуемое изъ 1) отвлеченной связки въ оптативѣ (syā́ma) и 2) двухъ параллельныхъ предикативныхъ аттрибутовъ, изъ коихъ одинъ (ghnantas) выраженъ причастіемъ наст., а другой (sāsahvā́ṃsas) — причастіемъ перфекта (отъ sah—одолѣвать, овладѣвать).

X, 29, 2:....... ráthо yó *ásat sasavā́n*—„...... колесница, которая будетъ (была бы, должна быть) побѣдоносна". Здѣсь—состав. сказуемое изъ отвлеченной связки въ conj. *asat* и прич. перфекта *sasavā́n* (отъ san—побѣждать, завоевывать, стяжать).

IV, 29, 5: tvótāso maghavan índra víprā vayā́m te *syā́ma* sūráyo gṛṇántaḥ | *bhejānā́so* bṛhā́ddivasya rayā́ ākāyyā̀sya dāváne purukṣóḥ—„подъ твоей охраной (tvótāsas—тобою охраненные, тобою вспомоществуемые), о щедрый даритель Индра, мы, вдохновенные жрецы, (и также) тебѣ поющіе sūri [2]) (благодѣтели, заказчики требъ) да будемъ *получившими свою долю* (bhejānāsas—partic. perf. med.) при дарованіи небеснаго (съ высоты неба исходящаго?), вожделѣннаго (?ā-kāy-

---

[1]) Можно понимать еще и такъ, что связка *syā́ma* относится спеціально либо къ *ghnantas*, либо къ *sāsahvā́ṃsas*. Въ первомъ случаѣ будетъ: „да будемъ убивающими....., одолѣвъ"..... Во второмъ: „убивая...., да будемъ одолѣвшими......"— Но въ виду полнаго параллелизма двухъ частей фразы (vṛtrā́ṇi—amitrān; sūribhis-nṛbhis) лучше принять, что причастія параллельны, а связка у нихъ общая.

[2]) Саяна передаетъ здѣсь *sūrayas* черезъ *stotāras*—пѣвцы-хвалители (жрецы, поющіе хвалебные гимны, словословія) и относитъ къ *viprās*. Едва ли онъ правъ (въ виду постояннаго противопоставленія sūrayas жрецамъ, какъ (богатыхъ и щедрыхъ) прихожанъ—священникамъ), и въ данномъ случаѣ сочетаніе viprās..... vayam..... sūrayas значитъ „мы (обѣ стороны), жрецы и sūri". Такъ понимаетъ и Ludwig. Пропускъ союза вполнѣ возможенъ.

yasya), обильнаго богатства". Здѣсь составное сказуемое слагается (не считая tvotāsas, которое скорѣе—простое опредѣленіе подлежащаго) изъ отвлеченной связки въ оптативѣ *syāma* (хотимъ быть, да будемъ) и предикат. аттрибута—прич. перфекта *bhejānāsas* (отъ bhaj—дѣлить, надѣлять, въ медіумѣ—получать свою долю). Что касается gṛṇantas (причастіе наст. — поющіе, воспѣвающіе), то оно, несомнѣнно, здѣсь простое опредѣленіе къ sūrayas или къ viprās и sūrayas вмѣстѣ, а не предикат. аттрибутъ, не часть сказуемаго. Это явствуетъ изъ общаго смысла стиха и подтверждается 1) тѣмъ, что въ предыдущемъ стихѣ то же причастіе употреблено, какъ простое опредѣленіе слова vipra-s (vípram hávamānam gṛṇántam — жреца (вин. ед.) взывающаго-поющаго), 2) тѣмъ, что и Саяна такъ именно и понимаетъ фразу, относя gṛṇantas къ viprās въ качествѣ простого опредѣленія и такимъ образомъ отдѣляя его отъ прич. перфекта bhejānāsas, которое вмѣстѣ со связкою syāma онъ перифразируетъ выраженіемъ *bhajamānāḥ... bhavema*.

Во всѣхъ этихъ пяти примѣрахъ причастіе перфекта болѣе или менѣе подходитъ по значенію къ причастію наст.; это—причастія perfecti praesentis. Эта черта, а также и модальность связки, заставляетъ насъ вспомнить здѣсь уже извѣстный намъ оборотъ съ отвлеченною связкою и причастіемъ настоящаго, который въ Ригъ-Ведѣ также очень рѣдокъ и въ извѣстныхъ намъ образцахъ котораго связка также—модальна, напримѣръ, X, 31, 1: *táranto* víçvā duritā́ *syāma* (оптативъ, VIII, 43 30—оптативъ, VIII, 56, 5—императ.). Эти факты (при всей малочисленности образцовъ), мнѣ кажется, указываютъ на то, что эти два оборота (съ прич. наст. и причастіемъ перфекта) были аналогичны, близки другъ къ другу по синтактическому значенію, и что ихъ положеніе въ общей экономіи языка было одинаково. И тамъ, и здѣсь связка могла отсутствовать, не подразумѣваясь, потому что причастіе само по себѣ было достаточно предикативно; но когда нужно было выразить модальное отношеніе, къ чему причастіе не способно, то связка по необходимости должна была присутствовать во фразѣ [1]). Рѣдкость разсматриваемыхъ оборотовъ легко объясняется

[1]) Этому нашему соображенію, *повидимому*, противорѣчитъ вышеразобранный стихъ X, 10, 1: ó cit sákhāyam sakhyā́ vavṛtyām tiráḥ purū́ cid arṇavám jaganvā́n—„я хочу вернуть друга къ дружбѣ, *хотя бы* онъ *ушелъ* даже за цѣлый океанъ". Но это только кажущееся противорѣчіе, внушаемое не самимъ текстомъ, а нашимъ, можетъ быть, не совсѣмъ удачнымъ, русскимъ переводомъ. Оттѣнокъ, представленный въ переводѣ черезъ „*хотя бы*" (условность), не имѣетъ ничего

стремленіемъ замѣнять отвлеченную связку болѣе конкретными, а также (имѣя въ виду собственно причастіе перфекта), тѣмъ, что по самой природѣ своей причастіе перфекта гораздо болѣе пригодно для сочетанія со связками фиктивными, съ псевдосвязками, чѣмъ съ тѣми, которыя, при всей знаменательности, проявляются въ сознаніи, какъ синтактическій моментъ, который предицируетъ не столько свое собственное лексическое содержаніе, сколько то, которое дано въ формѣ причастія.

Какъ образчики сочетанія причастія перфекта съ полузнаменательною и знаменательною *связкою*, приведу слѣдующія фразы:

X, 95, 16:.... tātṛpāṇā́ carāmi—„шествую (хожу) насытившаяся (сытая)", гдѣ имѣемъ причастіе perfecti praesentis и связки *carāmi* (отъ *car*—ходить) вмѣсто отвлеченной *asmi*,—ту самую, которая нерѣдко встрѣчается въ соединеніи съ причастіемъ наст.

I, 138, 4: asyā́ ū ṣú ṇa *úpa* sātáye *bhuvó* 'heḷamāno *rarivā́n*... „этому нашему стяжанію „пособи" [знаменательная связка въ значеніи, колеблющемся между „явиться", „находиться при, около" и „помогать", „содѣйствовать"] негнѣвающійся [предикативный аттрибутъ], *дарующій* [причастіе perf. praes. — отъ rā — дарить, надѣлять, — въ роли предикативнаго аттрибута [1]).

VI, 19, 7...... yéna (mádena) tokásya tánayasya sātau *maṃsīmahi jigīvā́ṃsas* tvótāḥ — [приноси намъ, о Индра, тотъ боевой экстазъ] „при которомъ (въ силу котораго), въ стяжаніи потомства, мы хотѣли бы считаться побѣдителями (побѣдившими) съ твоею помощью".— Здѣсь составное сказуемое изъ 1) субъективной связки, выраженной оптативомъ сигмат. аориста отъ глагола *man*—думать, считать—въ

общаго съ тою модальностью, которая присуща ведійскимъ оптативамъ, конъюнктивамъ и импéративамъ, выражающимъ субъективныя настроенія лица дѣйствующаго или говорящаго. Въ нашей фразѣ модальность дана въ vavṛtyām (оптативъ перфекта), во второй же части ея, при jaganvān, ея нѣтъ, и здѣсь—ясно выраженное—оптативное или конъюнктивное отношеніе было бы неумѣстно: Ями хочетъ вернуть къ себѣ друга, который (не фактически, а пока предположительно), *ушелъ*, а не только *хочетъ уйти*. Наше „хотя бы" введено для передачи оттѣнка предположительности, обусловленности („если даже....., то и въ такомъ случаѣ..."), представленнаго въ текстѣ двумя *cid* (въ первой части фразы при ā-vavṛtyām и во второй при purū arṇavam съ отраженіемъ на прич. jaganvān).

[1]) Саяна перифразируетъ причастіе перф. rarivān выраженіемъ dātā san (будучи дарителемъ, подателемъ, въ качествѣ дарителя) и, хотя во фразѣ есть verbum fin., приводитъ и здѣсь правило Панини „liṭaḥ kvasuḥ", то-есть, отъ корня rā (rātes) взято здѣсь причастіе perf. act. вмѣсто личной формы perf.

медіумѣ, и 2) двухъ предикативныхъ аттрибутовъ: jigīvāṃsas—причастіе перф. praes. (отъ ji—побѣждать) и tvotās—„тобою вспомоществуемые", „тобой охраненные".

VIII, 53, 7:..... vayám hótrābhir utá deváhūtibhiḥ *sasavā́ṃso manāmahe*—„мы думаемъ, что завоевали (стяжали) (или завоевываемъ—perf. praes.) жертвенными приношеніями и воззваніями къ богамъ",—какъ и предыдущее, это составное сказуемое типа мьняахѫ духъ видяще (Остр. Ев., Лук. XXIV, 37), ...ничьто же *ся мьни сътворьши* безъчиньна (Изб. Свят.) = думаетъ, что не сдѣлала, — см. *Потебня*, „Изъ записокъ по русской грамматикѣ", 151—152. Причастіемъ перфекта sasavāṃsas выраженъ, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ причастіемъ перфекта jigīvāṃsas, предикативный аттрибутъ (считаемъ себя—какими?).

IV, 42, 7:....... tvám vṛtrā́ṇi *çṛṇviṣe jaghanvā́n* — „ты слывешь (или славенъ) *убившій* демоновъ", то-есть, ты извѣстенъ, славенъ тѣмъ, что убилъ демоновъ. Связка выражена формою *çṛṇviṣe* (отъ *çru* — слышать, медіо-пассивъ, отъ темы настоящаго по V классу, но съ окончаніями (1-е л. çṛṇve, 2-е çṛṇviṣe, 3-е çṛṇve, 3-е мн. çṛṇvire), принадлежащими перфекту)—въ значеніи слыть за, быть извѣстнымъ, считаться; это довольно—употребительная связка, также какъ и причастіе стр. çru—ta—съ вспомогательнымъ глаголомъ (отвлеченною связкою), въ сочетаніи съ именами и причастіями. Причастіе перфекта jaghanvān (отъ han—убивать) служитъ предикативнымъ аттрибутомъ.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію образчиковъ гораздо болѣе распространеннаго оборота, — сочетанія причастія перфекта въ роли аппозиціи и предикативнаго аттрибута съ *фиктивными* связками, то-есть, такими, которыя, будучи, если можно такъ выразиться, заняты предицированіемъ своего собственнаго лексическаго содержанія, предоставляютъ причастію самому предицировать свое, но при этомъ продолжаютъ нести *формальную обязанность* связки. Эта *формальность* и вмѣстѣ *фиктивность* связки можетъ быть больше или меньше,—она колеблется въ извѣстныхъ границахъ: если взять крайніе пункты, то на одномъ мы получимъ связку *полуфиктивную*, то-есть, такую, въ которой моментъ фиктивности выраженъ не слишкомъ ярко, а на другомъ, противоположномъ, найдемъ связку, въ которой фиктивность доведена до того предѣла, гдѣ связка становится уже *отрицательною* синтактическою величиною и можетъ быть понимаема, какъ *ирраціональная*, *мнимая* или какъ *псевдосвязка*.

Въ этихъ именно сочетаніяхъ причастіе перфекта явственнѣе, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ выше, выступаетъ въ своемъ подлинномъ *перфектномъ* значеніи, что̀ наблюдается какъ тогда, когда оно служитъ аппозиціею, такъ и тогда, когда оно является въ роли предикативнаго аттрибута.

Сперва разсмотримъ сочетаніе *аппозитивное*, при чемъ будемъ указывать на соотвѣтственные обороты съ „дѣепричастіемъ" (абсолютивомъ). Здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ явленіемъ, которое—въ исторіи русскаго языка—было съ такою глубиною и обстоятельностью изслѣдовано Потебней. Въ санскритѣ это движеніе „отъ причастія къ дѣепричастію", то-есть, стремленіе къ замѣнѣ второго именительнаго несогласуемой частью предложенія, что̀ привело къ превращенію составнаго сказуемаго въ простое, началось весьма рано,—уже въ языкѣ ведійскомъ мы находимъ большое развитіе конструкціи съ абсолютивами на -tvā, -tvī, -tvāya, -ya, -tya. Замѣтимъ, что при всемъ сходствѣ, по смыслу и также по синтактической постановкѣ этихъ формъ. съ нашими дѣепричастіями, между ними усматривается существенное различіе въ отношеніи къ ихъ происхожденію: санскритскія формы на -tvā и пр. не могутъ быть названы *дѣепричастіями* въ собственномъ смыслѣ, потому что не восходятъ къ причастіямъ, а возникли изъ *косвеннаго* падежа (инструментальнаго) отглагольныхъ или, лучше, приглагольныхъ именъ (существительныхъ). Въ основѣ оборотовъ съ абсолютивами лежатъ не сочетанія со вторымъ именительнымъ причастія (какъ у насъ), а простыя сказуемыя съ инструментальнымъ орудія или образа дѣйствія, такъ что съ этой стороны исторія санскритскихъ абсолютивовъ напоминаетъ скорѣе исторію нашихъ такъ называемыхъ творительныхъ „предикативныхъ" (изслѣдованіе которыхъ составляетъ одну изъ многихъ заслугъ Потебни, „Изъ записокъ по русской грамматикѣ", стр. 493 и сл.).

I, 161, 4: *cakr̥vā̇ṃsa* r̥bhavas tád apr̥chata.... „сдѣлавши (букв. сдѣлавшіе) это, вы, о Рибгу, спрашивали....". Соотвѣтственный оборотъ съ абсолютивомъ находимъ въ стихѣ, непосредственно предшествующемъ I, 161, 3: ......tā́ni bhrātar ánu vaḥ kr̥tvy émasi—....„эти (подвиги, чудесныя дѣянія) *сдѣлавъ*, о братъ, мы (Rbhavas, Рибгу) слѣдуемъ (идемъ) за вами (богами, то-есть, удостоиваемся возведенія въ рангъ боговъ)". Любопытно, что Саяна въ своемъ комментаріи поясняетъ ведійскую форму абсолютива kr̥tvī (классическая форма kr̥tvā) инструментальнымъ падежемъ существительнаго *karmaṇā*—дѣяніемъ,—какъ бы указывая этимъ (конечно, не преднамѣ-

ренно) на происхожденіе оборота [1]). Первоначальный смыслъ его еще сквозитъ въ данномъ мѣстѣ: „мы слѣдуемъ за вами (силою чего? благодаря чему? чѣмъ?) *совершеніемъ* этихъ дѣяній (или чудесъ, о коихъ говорится въ томъ же стихѣ).

IV, 18, 7: .....mámaitán putró mahatá vadhéna vr̥trám *jaghanván* asr̥jad ví síndhūn—„мой сынъ, *убивъ* (букв. *убившій*) Вртру сильнымъ ударомъ, пролилъ (освободилъ) эти потоки (рѣки)". — Съ абсолютивомъ: I, 103, 2: .....vájreṇa *hatvá* nír apáḥ sasarja—„*убивъ* палицей, пролилъ (освободилъ) вóды". Такія формы (съ абсолютивомъ), присутствуя въ языкѣ одновременно съ оборотами, заключающими въ себѣ причастія въ роли аппозиціи, яснѣе оттѣняютъ аппозитивный характеръ послѣднихъ. Въ данномъ примѣрѣ съ причастіемъ перфекта jaghanvān санскритская фраза не значитъ: „мой сынъ, *убившій*.....",— она отвѣчаетъ нашему: „мой сынъ, *послѣ того какъ онъ убилъ*....", и для ея передачи нельзя пользоваться нашимъ причастіемъ, потому что оно, въ силу избытка въ немъ оттѣнка *аттрибутивности*, не годится уже для выраженія *аппозиціи*, для которой у насъ приспособлено дѣепричастіе. Послѣднее въ современномъ русскомъ заняло мѣсто аппозитивныхъ причастій. Въ санскритѣ обороты съ абсолютивомъ существовали и развивались одновременно съ причастными, только оттѣняя аппозитивный характеръ причастій и въ большей или меньшей мѣрѣ ограничивая ихъ употребленіе (районъ распространенія составнаго сказуемаго).

I, 32, 11: apám bílam ápihitam yád ásīd vr̥trám *jaghanván* ápa tád vavāra—„ту пещеру водъ, которая была замкнута, онъ отверзъ, *убивъ* (букв. убившій) Вртру". Обороты съ абсолютивами отъ того же глагола *han*—убивать, кромѣ вышеприведеннаго I, 103, 2, находимъ въ I, 100, 18, — II. 12, 3, — II, 17, 6, — II, 30, 10 и нѣкоторыхъ другихъ.

IV, 33, 6: .....vibhrájamānāmç camasán áhevávenat tváṣṭā catúro *dadr̥çván*—„*увидѣвъ* (букв. увидѣвшій) 4 блестящіе, какъ день, кубка, Тваштаръ былъ доволенъ (или, лучше, пожелалъ—ихъ имѣть).—Съ абсолютивомъ: X, 34, 11: stríyam dr̥çṭvāya kitavám tatāpa—(безсубъектный оборотъ)—„*увидѣвъ* жену, игрокъ мучился (испыталъ скорбь, раскаяніе)", букв. „игрока мучило (или мучитъ)". Здѣсь абсолютивъ не служитъ

[1]) tāni sarvāṇi sampādya ge bhrātaragne kr̥tvyā karmaṇaimasi.... Въ комментаріи же къ ст. I, 161, 4, по поводу причастія перфекта cakr̥vāṃsas, онъ опять вспоминаетъ правило liṭaḥ kvasuḥ.

орудіемъ превращенія составнаго сказуемаго въ простое, — онъ не является замѣною второго именительнаго,—и тѣмъ яснѣе обнаруживается тутъ его происхожденіе изъ инструментальнаго „обстоятельства“,—орудія или средства (можно перевести: „при видѣ жены“)[1]). Какъ замѣна причастія въ роли аппозиціи, абсолютивъ отъ того же глагола *darç* (съ частицей *anu*) является въ стихѣ X, 130, 7: ....pū́rveṣām pánthām *anudṛ́çyā* dhīrā anvā́lebhire rathyó ná raçmín— „обозрѣвъ (устремивъ взоръ на) путь древнихъ, мудрые (7 мудрецовъ), словно возницы, воспріяли бразды (возжи)“.

I, 91, 10: imā́ṃ yajñā́m idā́ṃ vā́co *jujuṣāṇā́* upāgahi... „прійди (о Сома) къ этой жертвѣ, *вкусивъ* (*вкусившій*) эту рѣчь (пѣснь, гимнъ)“, или: „прійди сюда (upatā), *вкусивъ* эту жертву, эту пѣснь“. Абсолютивъ *juṣṭvī*, какъ замѣна причастія, находится (но только не въ значеніи „вкусивъ“, а въ значеніи „возлюбя“, „найдя удовольствіе въ“) въ ст. IX, 97, 16,—I, 118, 5 и нѣк. др.

IV, 2, 2: ihá tvám.... agne dūtá īyase *yuyujānā́*.... vṛ́ṣaṇaḥ.... „Здѣсь ты...., о Агни, мчишься вѣстникомъ, *запрягши* (*запрягшій*).... жеребцовъ“... Состав. сказуемое изъ 1) знамен. псевдосвязки (можетъ быть, не вполнѣ псевдо—, а только фиктивной, съ еще замѣтнымъ харак-ромъ связки) *īyase*—мчишься (интензивъ отъ *i*—идти, двигаться). 2) предикативнаго аттрибута, выраженнаго существительнымъ dūta-s—вѣстникъ, и 3) *аппозиціи*—причастіе перфекта *yuyujāna-s* отъ *yuj*—запрягать, связывать, соединять. Что это — аппозиція (и не относится къ dūta-s, въ смыслѣ „мчишься вѣстникомъ, запрягшимъ“...), видно: 1) изъ аналогіи, напримѣръ, стиха IV, 45, 6 (гдѣ нѣтъ dūta-s)... sū́raç cid ā́çvān *yuyujānā́* īyate—„солнце несется, запрягши коней“... 2) изъ случаевъ, гдѣ стоитъ абсолютивъ вмѣсто причастія, напримѣръ, I, 177, 1: .... *yuktvā́* hárī vṛ́ṣaṇā yāhy arvā́ñ—*запрягши* двухъ гнѣдыхъ жеребцовъ, прійди сюда“... 3) изъ комментарія Саяны, гдѣ находимъ вопросъ kiṃ kurvan—„что дѣлая“.

V, 78, 9: dáça mā́sāñ *chaçayānā́ḥ* kumārό ádhi mātári | niraítu jīvó.... „10 мѣсяцевъ *пролежавъ* у матери, ребенокъ да выйдетъ живымъ.....“. Здѣсь составное сказуемое изъ 1) знаменательной псевдосвязки niraitu (повел. да выйдетъ), 2) предикативнаго аттрибута—

---

[1]) Пожалуй, можно бы сказать, что абсолютивъ стоитъ здѣсь вмѣсто *винительнаго падежа* (dadṛçvā́ṃsaṃ kitavam tatāpa—игрока, *увидѣвшаго* (жену), мучило.—Мы будемъ еще имѣть дѣло съ этимъ оборотомъ въ этюдѣ, посвященномъ безсубъектнымъ предложеніямъ.

прилаг. jīva-s — живой и 3) *аппозиціи*—причастіе перфекта çaçayāna-s (отъ çī—лежать)—„пролежавшій". Абсолютива отъ çī въ Р. В. нѣтъ. Саяна перифразируетъ абсолютивомъ *uṣitvā* (отъ vas — пребывать, жить): „10 мѣсяцевъ пробывъ во чревѣ родильницы".....

VII, 103, 1: saṃvatsarám *çaçayānā́* brāhmaṇā́ vratacāríṇaḥ | vā́cam parjányajinvitām prá maṇḍū́kā avādiṣuḥ — „годъ *пролежавъ* (букв. *пролежавтіе*), [словно] брамины, наложившіе на себя обѣтъ (молчанія?),—рѣчью, возбужденною (богомъ) Parjanya (грозою и дождемъ), лягушки заголосили".

Эти примѣры, число которыхъ можно было бы увеличить, достаточно ясно обрисовываютъ намъ синтактическую роль причастія перфекта въ разсматриваемомъ сочетаніи и между прочимъ показываютъ, что это причастіе имѣло опредѣленное видовое (лучше „видовое—временное") значеніе, отличное отъ значенія причастія наст. Оно сходно съ употребленіемъ нашего (стариннаго) и церковно-славянскаго причастія прош. на—ъ,—*ъши* и—*въ,*—*въши* (которое и этимологически восходитъ къ индо-европейскому причастію перфекта); въ греческомъ ему соотвѣтствуютъ въ синтактическомъ отношеніи также (въ извѣстныхъ предѣлахъ) причастія перфекта, но еще болѣе причастія аористовъ. Имѣя это въ виду, мы и въ слѣдующихъ образчикахъ, гдѣ стоитъ причастіе перфекта *jajñāna*—(отъ *jan*—рождать), рекомендовали бы соблюдать въ переводѣ его перфектное значеніе, передавая его дѣепричастіемъ прошедшаго времени.

I, 63, 1: tvám mahā́n índro yó ha çúṣmair dyā́vā *jajñānáḥ* pṛthivī áme dhāḥ..... „великъ ты—Индра (им.), который, (едва) *родившись*, мощью повергъ въ страхъ небо и землю". Здѣсь причастіе перфекта jajñāna-s—*аппозиція*,—оно значитъ: „лишь только ты родился". Въ качествѣ аппозитивнаго, то-есть, такого, въ которомъ аттрибутивность есть фикція, оно ближе стоитъ къ личной формѣ глагола, чѣмъ причастіе предикативно-аттрибутивное,—и Саяна, чувствуя это, вспомнилъ въ комментаріи къ нашему стиху правило Панини „liṭaḥ kānac"—вмѣсто личныхъ окончаній перфекта употребляется окончаніе причастія перфекта—āna—(медіальное).

VII, 98, 3: *jajñānáḥ* sómaṃ sáhase papātha... „*родившись*, ты (Индра) выпилъ Сому для мощи"....

VIII, 77, 1: *jajñānó* nú çatákratur ví pṛchad íti mātáram.... „*родившись*, стосильный (Индра) такъ спросилъ мать (задалъ матери слѣдующій вопросъ)"...

VIII, 96, 21: sá vṛtrahéndra..... sadyó *jajñānó* hávyo babhū́va....

„этотъ убійца Вртры, Индра, только-что *родившись*, сталъ предметомъ поклоненія (сталъ достойнымъ моленія).

X, 120, 1: .... sadyó *jajñānó* ní riṇāti çátrūn... „только-что *родившись*, онъ ниспровергаетъ враговъ“...

Нарѣчіе *sadyás* въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ (въ значеніи лишь только, едва), если только оно непосредственно относится къ *jajñāna-s*, усиливаетъ или оттѣняетъ перфектно-видовое значеніе этого причастія; въ VIII, 77, 1, если не ошибаюсь, такой же оттѣнокъ представленъ частицею *nú*.

Для лучшаго оттѣненія перфектнаго значенія этого причастія въ приведенныхъ фразахъ, противопоставимъ имъ нѣсколько примѣровъ съ причастіемъ наст. *jāyamāna*—(passivi, отъ того же корня *jan*):

I, 96, 1: sá pratnáthā sáhasā *jāyamānaḥ* sadyáḥ kávyāni bál adhatta viçvā... „онъ (Агни) по исконному обряду мощно *рождаемый* быстро пріобрѣталъ всѣ премудрости“... Здѣсь *sadyas* относится не къ *jāyamāna-s*, а къ *adhatta*. Рожденіе (добываніе) священнаго огня непрерывно повторяется издревле по исконному обычаю (или обряду). Причастіе наст. jāyamāna-s здѣсь также *аппозиція*, и фраза значитъ: Агни пріобрѣталъ всѣ премудрости (являлся во всеоружіи своей мудрости) всякій разъ, когда его рождали (добывали изъ двухъ araṇī).

I, 143, 2: sá *jāyamānaḥ* paramé vyómany āvír agnír abhavan mātaríçvane... „этотъ Агни, *рождаемый* на высочайшемъ небѣ, открывался Матаришвану“. Если причастіе здѣсь аппозиція, то фраза значитъ: Агни открывался (обнаруживался, являлся) Матаришвану въ то время, когда онъ, Агни, рождался на небѣ. Если это—предикативный аттрибутъ, то получимъ смыслъ: Матаришвану открывался тотъ самый Агни, который рождается на высочайшемъ небѣ.

III, 6, 2: ā ródasī apṛṇā *jāyamānaḥ*.... ты (Агни) наполнилъ два міра *рождаемый* (когда ты рождался)... Также въ стихахъ: III, 6, 5,—IV, 18, 5;—IV, 50, 4.

Перейдемъ теперь къ сочетанію *предикативно-аттрибутивному*.

V, 29, 14: .... yā́ cin nú vajrin kṛṇavo *dadhṛṣvā́n* ná te vartā́ táviṣyā asti tásyāḥ—„какія бы (геройскія дѣянія) ты ни совершалъ, о перунодержецъ, *проявляя* (или *проявивъ*) *свое мужество* (dadhṛṣvā́n),—нѣтъ тебѣ супротивника этого геройскаго подвига“. Здѣсь *kṛṇavo dadhṛṣvān* образуетъ составное сказуемое, въ которомъ глаголъ *kṛṇavas* (conj.) есть знаменательная псевдосвязка, а причастіе перфекта *dadhṛṣvān* (отъ dharṣ—быть храбрымъ, „геройствовать“) есть предикативный аттрибутъ; оно сбивается на значеніе причастія наст.

и даже становится почти равносильнымъ прилагательному (напримѣръ, *dhṛṣṇu-s*—отъ того же корня—мужественный, смѣлый), и его можно было бы замѣнить этимъ прилагательнымъ или также соотвѣтственнымъ нарѣчіемъ *dhṛṣat*, *dhṛṣatā* (отъ того же корня); въ послѣднемъ случаѣ составное сказуемое превратилось бы въ простое. Такой характеръ (именно предикативно-аттрибутивный, а не аппозитивный) нашего причастія въ разсматриваемомъ стихѣ подтверждается или оттѣняется слѣдующимъ выраженіемъ стиха IV, 22, 5, гдѣ при dadhṛṣvān стоятъ еще (плеонастически) зват. пад. прилаг. *dhṛṣṇo* и нарѣчіе *dhṛṣatā*: .... yác chūra *dhṛṣṇo dhṛṣatā́ dadhṛṣvā́n* áhim vájreṇa çávasā́viveṣīḥ... „[достойны прославленія твои, о Индра, подвиги, именно то], что ты, о *смѣлый* герой, *смѣло проявляя свою смѣлость* (dadhṛṣvān), змѣю перуномъ мощно сразилъ". Здѣсь составное сказуемое—dadhṛṣvān aviveṣīs, гдѣ dadhṛṣvān—предикативный аттрибутъ (а не аппозиція), который тутъ же, такъ сказать, истолкованъ или обнаруженъ, какъ таковой, прилагательнымъ dhṛṣṇo и нарѣчіемъ dhṛṣatā.

Такое же сочетаніе (какъ въ ст. V, 29, 14) находимъ и въ I, 165, 10: .....yā́ nú *dadhṛṣvā́n* kṛṇávai (conj.) manīṣā.... „(все) чтó я ни совершу мудростью *проявляя* (или *проявивъ*) *свое мужество*...".

Въ этихъ и подобныхъ мѣстахъ, думаю я, ничто не мѣшаетъ намъ понимать причастіе перфекта въ его перфектно-видовомъ значеніи, въ то же время удерживая его предикативно-аттрибутивную роль (не превращая въ аппозицію). При этомъ мы можемъ мыслить въ немъ оттѣнокъ perfecti praes., но можемъ также видѣть въ немъ просто перфектъ—безъ отношенія къ настоящему,—ни то, ни другое, само по себѣ, не противорѣчитъ *аттрибутивному* характеру этой части предиката. Съ этой точки зрѣнія можно перевести, напримѣръ, послѣднюю фразу (I, 165, 10) такъ: „все, чтó ни совершу я, *проявившій* свое мужество", то-есть, *не*: „послѣ того какъ я проявилъ (или проявлю) свое мужество", *а*: „я—такой, который уже проявилъ, доказалъ свое мужество". При этомъ нужно только (чтобы удержать нерушимо составное сказуемое) представить себѣ эту квалификацію субъекта, какъ составляющую часть предиката, какъ участвующую въ актѣ предицированія.

Весьма часто находимъ въ роли предикативнаго аттрибута причастіе перфекта *vidvān* (отъ *vid*—знать), повидимому, искони имѣвшее значеніе perfecti praesentis, какъ и самый глаголъ въ перфектѣ *veda* (οἶδα). I, 70, 6:.... etā́ cikitvo bhūma ní pāhi devā́nāṃ janma

mártāmç ca *vidván*—„охраняй, о прозорливый (мудрый—Агни), эти существа, *знающій* (ты, который позналь) племя боговъ (и) смертныхъ (вин. мн.)". Ludwig: schütze, wolmerkender, diese wesen, [der du] der götter—wie der menschengeschlechter *kundig*. Такіе перифразы („ты, который позналъ, знаешь,—der du kundig) служатъ лишь способомъ обозначенія, что въ подлинникѣ причастіе *vidvān* есть предикативный аттрибутъ, а не аппозиція. *Аттрибутивность* этого предикативнаго причастія (здѣсь и въ другихъ аналогичныхъ мѣстахъ, относящихся къ Агни) явствуетъ, помимо прочаго, уже изъ того, что выраженіе devānām jánma martāmç ca vidvān есть лишь перифразъ одного изъ самыхъ главныхъ и частыхъ *эпитетовъ* Агни—*jātavedās*—„знающій существа". Имѣя это въ виду, мы объяснимъ себѣ слова Саяны въ комментаріи къ данному стиху: „такъ какъ ты знаешь всѣхъ,—боговъ, людей и прочихъ, то потому и говорится vidvān"—не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ усматривалъ тутъ аппозицію, а только—тѣмъ, что онъ, какъ и мы, вспомнилъ эпитетъ Агни *jātavedās* и всю ту сторону концепціи этого бога, которая связана съ этимъ эпитетомъ. Въ словахъ Саяны (vidvān jānan.... yatas tvam devamanuṣyādīn sarvān jānāsi ata evam ucyata ityarthaḥ) мы видимъ только напоминаніе объ этой сторонѣ миѳологической природы Агни. Комментаторъ не ставитъ вопроса kim kurvan—„что дѣлая?", а только поясняетъ, почему и въ какомъ смыслѣ Агни величается „vidvān", а чаще jātavedās".

Есть много случаевъ, гдѣ *vidvān* стоитъ безъ дополненія, почти переходя въ прилагательное, какъ, напримѣръ, I, 24, 13... ávainam rájā váruṇaḥ sasṛjyād *vidvān*—„да его царь Варуна благоволитъ освободить *знающій*". Съ нашей (современной) точки зрѣнія это причастіе здѣсь—просто аттрибутъ субъекта (непредикативный); но для всякаго, кто знакомъ съ духомъ старыхъ языковъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что оно, въ подобныхъ фразахъ, все еще находится въ предѣлахъ сказуемаго, что оно предикативно. Другіе примѣры этого рода: II, 5, 8,—III, 44, 2,—III, 35, 4,—VI, 47, 8 и мн. др.

Аттрибутивность причастія *vidvān* обнаруживается также въ томъ обстоятельствѣ, что оно встрѣчается въ *сравнительной степени* (съ обычнымъ суффиксомъ *tara*—), что не препятствуетъ ему имѣть при себѣ прямое дополненіе. Такъ въ стихѣ IV, 7, 8, гдѣ кстати найдемъ, кромѣ этой формы въ сравнительной степени viduṣṭara-s, еще просто vidvān и другое причастіе перфекта — saṃcikitvān: vér adhvarásya dūtyāni vidvān ubhé antá (то-есть, antar) ródasī saṃcikitvān | dūtá

īyase pradiva urānó *vidúṣṭaro* divá aródhanāni—„птица жертвы (культа), *знающій* (vidvān) обязанности вѣстника, оба міра (небо и землю) посрединѣ (между ними) *созерцающій* (saṃcikitvān), вѣстникомъ ты (Агни) несешься, издревле избранный, *хорошо-знающій* (сравнительная степень прич.) затворы неба".

Причастіе перфекта находимъ также въ роли *причастной связки* при предикативномъ аттрибутѣ, выраженномъ существительнымъ или прилагательнымъ (или ихъ замѣною—мѣстоименіемъ), въ составномъ сказуемомъ съ личнымъ глаголомъ, служащимъ связкою, какъ настоящею, такъ и фиктивною. Напримѣръ:

I, 165, 8: vádhim (говоритъ Индра) vṛtrám maruta indriyéṇa svéna bhámena *taviṣó babhūván*—„я убилъ Вртру, о Маруты, своею мощью, своею яростью, *явившись* (*будучи*) *мощнымъ*". Сочетаніе *taviṣó babhūván* буквально значитъ „ставшій мощный (мощнымъ)", и когда, по примѣру другихъ случаевъ, мы переводимъ его при помощи дѣепричастія („ставъ, сдѣлавшись, явившись мощнымъ"), то мы рискуемъ придать ему характеръ аппозиціи („послѣ того какъ,—такъ какъ я сталъ, сдѣлался мощнымъ"). Въ подлинникѣ же, какъ я думаю, причастіе перфекта babhūván играетъ ту же роль, какую въ аналогичныхъ оборотахъ исполняетъ, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, причастіе настоящее sant—(отъ as—быть). Въ нашемъ примѣрѣ могло бы стоять taviṣaḥ *san* („мощный сущій"). Разница только—въ видовомъ оттѣнкѣ (да еще въ томъ, что *bhū* далеко не такъ отвлеченно, какъ *as*). Видовое различіе, однако же, сведено здѣсь къ извѣстному минимуму, ибо, очевидно, babhūvān является здѣсь причастьемъ perfecti praesentis. Формально-синтактическій характеръ оборота можно бы передать выраженіемъ: „я, который являюсь столь мощнымъ".

IV, 17, 17: *trātá* no bodhi *dádṛçāna* āpir *abhikhyātá marditá* somyánām... „будь нашъ хранитель *явившійся*, родичъ (или близкій другъ — āpis), блюститель, милостивецъ (для насъ) поклонниковъ Сомы".—Здѣсь имѣемъ составное сказуемое изъ: 1) полуотвлеченной связки *bodhi*—будь, стань, 2) предикативныхъ аттрибутовъ, выраженныхъ существительными trātā, āpis, abhikhyātā и marḍita и 3) причастной связки въ формѣ причастія перфекта въ медіумѣ *dadṛçāna-s*, отъ *darç*—смотрѣть, въ значеніи „явившійся, обнаружившійся" вмѣсто „сущій" или „ставшій". Отношеніе этой причастной связки къ остальнымъ частямъ сказуемаго можно понимать двояко: 1) причастіе dadṛçāna-s, ближайшимъ образомъ относясь къ первому

изъ предикативныхъ аттрибутовъ (trātā), въ то же время, такъ сказать, распространяется и на остальные: „будь явившійся намъ хранитель, родичъ" и т. д.; 2) оно можетъ относиться къ одному только āpis: „будь намъ хранителемъ ты, который являешься (представляешься близкимъ родичемъ нашимъ,—(будь) блюститель и т. д. Такъ, повидимому, понимаетъ Людвигъ, переводя: sei unser retter, *geschaut* als unser nächster (freund), aufseher, tröster der somawürdigen, и также Грассманнъ (Wörterb. z. Rgv. s. v. *darç*). Въ такомъ случаѣ сочетаніе dadrçāna āpis образуетъ особую единицу, вошедшую въ составное сказуемое и не стоящую на одномъ уровнѣ съ остальными предикативными аттрибутами (trātā и пр.), то-есть, сочетаніе dadrçāna āpis относится не прямо къ bodhi, какъ trātā и др., а къ цѣлому bodhi trātā, abhikhyātā, mardità. При такомъ пониманіи открывается возможность взглянуть на это сочетаніе (dadrçāna āpis) не только, какъ на предикативно-аттрибутивное, но и какъ на аппозицію, напримѣръ, въ смыслѣ: „послѣ того какъ (такъ какъ) ты явился нашимъ близкимъ родичемъ (другомъ)", „послѣ того какъ ты обнаружился въ качествѣ самаго близкаго намъ существа".

I, 127, 11: *sá* no nediṣṭham *dádrcāna* á bharágne devébhiḥ sácanāḥ sucetúnā mahó rāyáḥ... „явившійся намъ, какъ таковой, столь близко (ставшій, сдѣлавшійся для насъ таковымъ столь близко,—nediṣṭham—превосх. ст. нарѣчія), — приноси, о Агни, одинаково—благой съ (другими) богами, съ благоволеніемъ великія богатства". Здѣсь имѣемъ составное сказуемое изъ 1) знаменат. псевдосвязки ā-*bhara*—приноси, 2) предикативнаго аттрибута, указаннаго или замѣщеннаго мѣстоименіемъ *sa*, при которомъ стоитъ причастная знаменательная связка dadrçāna-s (причастіе перфекта) и 3) другаго предикативнаго аттрибута—прилагаемаго sacanās. Сочетаніе *sa dadrçānas* съ примыкающимъ къ нему нарѣчіемъ *nediṣṭham* значитъ: „явившійся намъ столь близко, *какъ таковой*", а *какой* именно, то-есть, какія черты при этомъ имѣются въ виду,—это, смотря по обстоятельствамъ, при которыхъ стихъ произносился, могло быть подсказано, напримѣръ, предыдущими стихами, или же могло почерпаться изъ запаса общеизвѣстныхъ аттрибутовъ Агни [1]).

---

[1]) Объясненіе Саяны представляется мнѣ искусственнымъ: онъ вставляетъ *vedyām*—на алтарѣ и, понимая dadrçana-s въ страдат. значеніи (что возможно, но отнюдь не обязательно), комментируетъ: atyantasamīpe dīptatvena drçyamānas—„чрезвычайно близко видимый по причинѣ свѣтозарности (или яркости пыланія)".

Теперь обратимся къ соотвѣтственнымъ греческимъ формамъ у Гомера.

Сочетаніе причастій перфекта съ *отвлеченною* связкою, если не ошибаюсь, приблизительно такъ же рѣдко у Гомера, какъ и въ Ригъ-Ведѣ,—въ особенности если исключимъ тѣ случаи, гдѣ причастіе перфекта имѣетъ *страдательное* значеніе (что́ мы дѣлали выше—въ отношеніи санскритскихъ формъ: изученіе пассивной конструкціи будетъ предметомъ одного изъ дальнѣйшихъ этюдовъ). Насъ интересуетъ здѣсь причастіе перфекта въ его активномъ и медіальномъ значеніи. Сюда относятся:

Il. V, 873: αἰεί τοι ῥίγιστα θεοὶ τετληότες εἶμεν ἀλλήλων ἰότητι...

Il. VI, 488: конструкція Acc.c.inf, изъ которой, какъ извѣстно, можно постулировать сказуемое съ личною формой глагола, при чемъ причастіе превратится во второй именительный: μοῖραν δ' οὔ τινά φημι πεφυγμένον ἔμμεναι ἀνδρῶν.

Il. XIII, 269 (тоже): οὐδ' ἐμέ φημι λελασμένον ἔμμεναι ἀλκῆς...

Il. XXIII, 343 (съ императивнымъ инфинитивомъ): ἀλλὰ φίλος φρονέων πεφυλαγμένος εἶναι.

Со связками болѣе или менѣе знаменательными:

Il. XXIII, 69:... αὐτὰρ ἐμεῖο λελασμένος ἔπλευ 'Αχιλλεῦ.

Il. XXIII, 273: ἱππῆας τάδ' ἄεθλα δεδεγμένα κεῖτ' ἐν ἀγῶνι — „лежатъ ожидающіе" вмѣсто „суть ожидающіе".

Возможность замѣнять отвлеченную связку болѣе или менѣе знаменательною показываетъ, между прочимъ, что сочетаніе причастія перфекта съ отвлеченною связкою не было такъ называемымъ „описательнымъ временемъ" въ собственномъ смыслѣ, то-есть, формою, образующею только одинъ моментъ въ сознаніи, но было именно составнымъ сказуемымъ—изъ двухъ моментовъ. Принявъ это, мы отказываемся съ тѣмъ вмѣстѣ считать „описательнымъ временемъ" и перифрастическое будущее (изъ причастія перфекта и отвл. связки ἔσομαι) и должны признать его такимъ же составнымъ сказуемымъ, какъ и только что приведенныя сочетанія причастія перфекта съ другими временами связки εἰμί.

Образчиками сочетанія причастія перфекта въ роли аппозиціи съ псевдосвязкою могутъ служить:

Il. II, 263—264:... αὐτὸν δὲ κλαίοντα θοὰς ἐπὶ νῆας ἀφήσω πεπληγὼς ἀγορῆθεν ἀεικέσσι πληγῇσιν—прогоню, *побивъ*...

Il. XV, 81: ὡς δ' ὅτ' ἂν ἀΐξῃ νόος ἀνέρος, ὅς τ' ἐπὶ πολλὴν γαῖαν ἐληλουθὼς φρεσὶ πευκαλίμῃσι νοήσῃ „ἔνθ' εἴην, ἢ ἔνθα"......, ὣς κραιπνῶς

μεμαυῖα διέπτατο πότνια Ἥρη. Въ этой фразѣ насъ интересуетъ составное сказуемое изъ знамен. псевдосвязки νοήσῃ и аппозиція — причастія перфекта ἐληλουθώς: „(человѣкъ) который, *исходивъ* большое пространство земли, соображаетъ (перебираетъ) въ умѣ....".

Il. XIV, 476—477: ἔνθ' Ἀχάμας Πρόμαχον Βοιώτιον οὔτασε δουρὶ ἀμφὶ κασιγνήτῳ βεβαώς.... ранилъ... копьемъ, *вступившись* за брата".

Il. XXII, 1—2: ὣς οἱ μὲν κατὰ ἄστυ πεφυζότες ἠύτε νεβροὶ ἱδρῶ ἀπεψύχοντο πίον τ' ἀκέοντό τε δίψαν — спасшись (прибѣжавъ) въ городъ, прохлаждали потъ, пили и утоляли жажду.

Od. XIV, 30: οἱ μὲν (κύνες) κεκληγῶτες ἐπέδραμον—залаявъ' бросились.

Аппозитивный характеръ причастій перфекта въ этихъ фразахъ легко обнаруживается между прочимъ въ томъ, что въ переводѣ они легко поддаются замѣнѣ личною формой глагола: побью и прогоню,— исходилъ большое пространство и думаетъ...., вступился за брата и ранилъ...,—прибѣжали въ городъ и охлаждали потъ...,—залаяли и бросились... Это собственно другое сказуемое, только выраженное не личною формой перфекта, а его причастіемъ, въ чемъ еще чувствуется тѣнь былой предикативной самостоятельности этого причастія.

Сочетаніе предикативно-аттрибутивное можетъ быть представлено слѣдующими примѣрами:

Il. XXIII, 231—232: Πηλείδης δ' ἀπὸ πυρκαϊῆς ἑτέρωσε λιασθεὶς κλίνθη κεκμηώς.... прислонился (легъ) *усталый*.

Il. XXII, 138: Πηλείδης δ'ἐπόρουσε ποσὶ κραιπνοῖσι πεποιθώς— бросился (устремился), *полагаясь* на быстроту своихъ ногъ.—„Быстрота ногъ", какъ извѣстно, одна изъ главныхъ „доблестей" или характерныхъ чертъ Ахилла.

Il. XXI, 254: τῷ εἰκὼς ἤϊξεν—ему (соколу) *подобный* онъ (Ахиллъ) устремился...

Il. X, 339: Βῆ ῥ' ἀν 'όδὸν μεμαώς—пошелъ стремительно (стремительный, но не прилагательное, а причастіе perfecti praes., близкое по значенію къ прилагательному).

Il. XIII, 182: Τεῦκρος δ' ὡρμήθη μεμαὼς ἀπὸ τεύχεα δῦσαι. Здѣсь μεμαῶς остается предикативнымъ аттрибутомъ даже и въ томъ случаѣ, если отъ него зависитъ инфинитивъ ἀπὸ-δῦσαι (который можно, и, кажется, лучше, отнести къ ὡρμήθη, какъ ἀφαρπάξαι въ ст. 189 той же пѣсни): бросился движимый желаніемъ снять доспѣхи (съ убитаго). Аппозитивное пониманіе („страстно пожелалъ снять доспѣхи и бросился...") не шло бы къ характеру изображенія сцены: этотъ ха-

рактеръ (художественный) требуетъ образа, въ основѣ котораго лежало бы синтактическое сочетаніе, предполагающее вопросъ: бросился—какой, въ какомъ видѣ, какъ? (отвѣтъ: движимый желаніемъ,—съ страстнымъ желаніемъ; наконецъ можно и здѣсь перевести μεμαώς—стремительный, стремительно, какъ въ предшествующемъ примѣрѣ). Вопросъ же: что̀ сдѣлалъ или почувствовалъ, прежде чѣмъ бросился?—не идетъ къ дѣлу.

Il. XIII, 297: Βῆ δὲ (Μηριόνης) μετ' Ἰδομενῆα μέγα πτολέμοιο μεμηλῶς—пошелъ вслѣдъ за Идоменеемъ, сильно озабоченный войною.—Конечно, нельзя разложить: озаботился и пошелъ. Вопросъ здѣсь не—что̀ сдѣлалъ, а—какой? въ какомъ состояніи?

Il. XIII, 392—393: ὣς δ.... κεῖτο τανυσθεὶς βεβρυχώς, κόνιος δεδραγμένος αἱματοέσσης—лежалъ—какой?—какъ?—въ какомъ видѣ?—крича, схвативъ прахъ руками.

Od. XIX, 323—324: οὐδέ τι ἔργον ἐνθάδ'ἔτι πρήξει μάλα περ κεχολωμένος αἰνῶς—ничего не подѣлаетъ, даже будучи въ сильномъ гнѣвѣ. Вопросъ опять:—какой?

Od. XIX, 445—447: ὃ (σῦς) δ'ἀντίος ἐκ ξυλόχοιο, φρίξας εὖ λοφιήν, πῦρ δ' ὀφθαλμοῖσι δεδορκώς στῆ ῥ'αὐτῶν σχεδόθεν.

Особливою аттрибутивностью отличается причастіе εἰδώς (подобно санскритскому vidvān); оно, мнѣ кажется, стоитъ уже на границѣ предикативной аттрибутивности и непредикативной, какъ, напримѣръ, Il. II, 718: τῶν δὲ Φιλοκτήτης ἦρχεν, τόξων εὖ εἰδώς. Il. II,720: ἐρέται... ἐμβέβασαν, τόξων εὖ εἰδότες....

Санскритскимъ оборотамъ съ причастною связкою, выраженною причастьемъ перфекта babhūvā́n (см. выше, напримѣръ, vàdhīm... taviṣó babhūvā́n), отвѣчаетъ, хотя и не вполнѣ, фраза Il. XIV, 287—288: ἣ (ἐλάτη) τότ' ἐν Ἴδῃ μακροτάτη πεφυυῖα δι' ἠέρος αἰθέρ' ἵκανεν, гдѣ имѣемъ составное сказуемое изъ 1) знаменат. псевдо-связки (ἵκανεν, взошла, поднялась), 2) предикат. аттрибута, выраженнаго прилагательнымъ (μακροτάτη), и 3) причастной связки, выраженной причастьемъ перфекта (πεφυυῖα—выросшая). Разница между санскритскими и греческими сочетаніями этого рода—въ томъ, что греческій глаголъ φύω гораздо знаменательнѣе санскритскаго bhū, о чемъ въ своемъ мѣстѣ у насъ уже была рѣчь. Выраженная по-санскритски (съ причастіемъ babhūvuṣī), наша фраза значила бы: „ель, *ставшая* очень высокою, поднялась....“, между тѣмъ какъ по-гречески она значитъ: „ель, *выросшая* очень высокою....“. Къ чему сводится это различіе? Къ способу проявленія въ мысли момента причастной связки·

Выраженная санскритскимъ babhūvuṣī, она полузнаменательна; выраженная греческимъ πεφοοῖα, она вполнѣ знаменательна, не переставая, однако, быть связкою, то-есть, она, при участіи своего—конкретнаго—лексическаго значенія („рости"), предицируетъ лексическое значеніе второго именительнаго (прилаг. μακροτάτη), которое могло быть предицировано и другою связкою, съ другимъ лексическимъ значеніемъ.

Изъ сличенія разсмотрѣнныхъ здѣсь сочетаній въ Ригъ-Ведѣ и у Гомера можно заключить о существованіи такого оборота съ его разновидностями въ эпоху проэтническую.

II. Сочетанія съ причастьями аористовъ.

Въ противоположность греческому, санскритъ далеко не богатъ причастьями аористовъ. Они встрѣчаются въ сравнительно-небольшомъ числѣ только въ ведійскомъ санскритѣ. На нижеслѣдующихъ страницахъ мы дадимъ обзоръ почти всѣхъ причастій аористовъ въ Ригъ-Ведѣ. Любопытно, что подавляющее большинство этихъ формъ составляютъ причастья несигматическаго аориста *medii* (ātmanepadam) которыхъ можно насчитать 20-ть съ лишнимъ, между тѣмъ какъ активныхъ (parasmaipadam) причастій несигматическаго аориста найдется всего 4 или 5, сигматическихъ же только три.—Въ нашемъ обзорѣ мы будемъ стараться между прочимъ уяснить себѣ, были ли это причастія *аориста* не только формально (морфологически), но и семазіологически, то-есть, имѣли ли они значеніе „совершеннаго" вида того или другаго оттѣнка въ согласіи съ видовымъ значеніемъ личныхъ формъ аористовъ (недавно изслѣдованнымъ Дельбрюкомъ, Grundriss der vergleich. Gramm. Brugmann'a, B. IV, Syntax, II, 74—109).

Причастья несигматическаго аориста medii.

1, 2, *sam-arāṇa*—отъ *ar* съ част. *sam*—въ значеніи *встрѣчаться* (аор. arta, ārta, ārat и др.; наст. iyarmi, ṛṇomi, ṛṇvati) и *çubhāná*—отъ *çubh*—сіять, блистать (аор. удвоен. açūçubhan; наст. çumbhati)—въ ст. I, 165, 3 имѣютъ, какъ мнѣ кажется, замѣтное „аористическое" (то-есть, „совершеннаго" вида) значеніе, первое (samarāṇa—) значитъ *встрѣтившійся съ, столкнувшійся* (на пути) *съ, сошедшійся съ*, а второе (çubhāna—) можно перевести прилагательнымъ „свѣтлый" въ смыслѣ „ставшій свѣтлымъ", „возсіявшій", то-есть, это аористическое причастье, употребленное такъ, что его можно перевести

прилагательнымъ *свѣтлый*. Стихъ гласитъ: kútas tvám indra máhinaḥ sánn éko yāsi...... | sám pr̥chase *samarāṇáḥ çubhānair* vocés tán no.... yát te asmé—„откуда ты, о Индра, будучи столь великимъ, шествуешь одинъ?.... Ты собесѣдуешь *сошедшись* (встрѣтившись) со *свѣтлыми*, —скажи намъ, чтó тебѣ (нужно) у (отъ) насъ". Это говорятъ Маруты, которыхъ встрѣчу и бесѣду съ Индрою воспроизводитъ гимнъ I, 165. Фраза съ нашими причастіями аориста образуетъ составное сказуемое, гдѣ глаголъ sam-pr̥chase (собесѣдуешь) есть знаменательная *псевдосвязка*, а причастіе аор. *sam-arāṇa-s* (встрѣтившійся, сошедшійся) есть *аппозиція*, при чемъ это причастье ясно выступаетъ въ значеніи „совершеннаго" вида. Другое причастье аориста, *çubhānais* (со свѣтлыми), служитъ дополненіемъ (если оно замѣна имени Марутовъ) или опредѣленіемъ къ подразумѣваемому marudbhis (съ Марутами), и относится (прямо или черезъ посредство marudbhis) къ обѣимъ частямъ сказуемаго, глаголу и причастію. Это послѣднее обстоятельство (явленіе весьма обычное въ языкѣ ведійскихъ гимновъ) служитъ между прочимъ указаніемъ на компактность составнаго сказуемаго, еще очень далекаго отъ того состоянія, когда обнаруживаются первые признаки его распаденія. Обратимъ вниманіе на то, что глаголъ и причастье одинаково снабжены частицею *sam*, отъ которой и зависитъ инструментальный падежъ дополненія çubhānais. Эта частица и дополненіе, относящееся къ цѣлому „sam-pr̥chase sam-arāṇa-s", яснѣе, отчетливѣе выдѣляютъ это сочетаніе, какъ синтактическую единицу, только не простую, не однородную, а сложную—изъ двухъ моментовъ, изъ которыхъ одинъ, глаголъ, именно въ силу этой компактности, этой цѣльности сочетанія, и проявляется въ сознаніи въ роли *формальной связки*,—при всей фиктивности этой роли, при всей своей знаменательности, какъ самостоятельной части сказуемаго, предицирующей прежде всего свое собственное лексическое значеніе.—Аппозитивный характеръ и также „аористическое" значеніе причастья, образующаго второй моментъ составнаго сказуемаго, достаточно ясны изъ контекста (фразу можно разложить на „встрѣтился и собесѣдуешь"). Что касается „аористическаго" значенія другаго причастія—*çubhānais*, то оно, какъ мнѣ кажется, можетъ быть установлено справкою со стихомъ первымъ того же гимна, гдѣ читаемъ: *káyā çubhā*.... marútaḥ *sám mimikṣuḥ* (вопрошаетъ Индра)—„*какимъ блескомъ* Маруты *возсіяли*?"—Здѣсь имѣемъ: 1) существительное *çubh*—блескъ, сіяніе—отъ того же корня, чтó и въ глаголѣ *çubh*, отъ коего въ ст. 3-мъ наше причастіе аор. *çubhānais*,

и 2) *перфектъ* sam-mimikṣur (отъ myakṣ—сіять). Итакъ, Индра вопрошаетъ: какимъ блескомъ Маруты возсіяли? И вотъ, въ стихѣ 3-мъ, эти Маруты, въ свою очередь, величаютъ себя *cubhānā-s*—возсіявшими, пріобрѣтшими блескъ,—„свѣтлыми".

3) *juṣāṇa*—отъ *juṣ*—вкушать, пробовать, находить вкусъ, удовольствіе въ чемъ, любить (аор. ajuṣran; настоящее conj. juṣāte, imperat. joṣa)—часто встрѣчается въ соединеніи съ дополненіями, обозначающими жертвенные дары, напитокъ Сомы, молитвы, гимны, и легко переводится „вкусивъ (вкусившій)", „найдя удовольствіе въ ....", напримѣръ, III, 32, 5: manuṣvád indra sávanam juṣāṇáḥ píbā sómam... „по примѣру людей, о Индра, *вкусивъ* возліяніе (или: найдя вкусъ въ (нашемъ) возліяніи), пей Сому". Фразу эту можно понимать двояко: 1) причастіе аор. juṣāṇa-s есть аппозиція и значитъ „если ты (такъ какъ ты) нашелъ удовольствіе въ ...", то-есть, „если тебѣ понравилось (наше возліяніе, — собственное изготовленіе, выжиманіе напитка Сомы)"; 2) причастье juṣāṇa-s есть предикат. аттрибутъ и значитъ: „ты, который возлюбилъ (которому понравилось) возліяніе.— IV, 58, 8 ..... ghṛtásya dhā́rāḥ samídho nasanta tā́ *juṣāṇó* haryati jātávedāḥ—„струи ghṛta (растопленнаго масла, которое лили на священный огонь) сочетались съ дровами (лучинами); *вкусивъ* ихъ, радуется (доволенъ) Джатаведасъ (Агни)"; очень возможно, что здѣсь сочетаніе juṣāṇó haryati („вкусившій радуется") значитъ: „радуется, что вкусилъ"—по образчику „сожалиси отславъ"—пожалѣлъ, что отослалъ (Потебня, „Изъ записокъ по русской грамматикѣ", 152).— VII, 24, 4: ā́ no víçvābhir ūtíbhiḥ sajóṣā bráhma *juṣāṇó*..... yāhi... „пріидн къ намъ, вмѣстѣ со всѣми вспомоществованіями, *вкусивъ* (нашу) молитву". Индра (къ которому обращенъ стихъ) сперва долженъ „вкусить" молитву людей,—а потомъ ужъ онъ пріидетъ: „молитва" заставитъ его пріидти. — Причастіе juṣāṇá—употребляется и безъ дополненія, напримѣръ, I, 135, 2: yāhy asmayúr *juṣāṇó* yāhy asmayúḥ—„пріиди преданный намъ, *возлюбившій*, пріиди преданный намъ". Здѣсь термины asmayu-s и juṣāṇa-s суть вторые именительные и служатъ предикативными аттрибутами (пріиди — какой, какимъ?) при знаменательной связкѣ yāhi („пріиди" вмѣсто „будь"). Нелишне отмѣтить слѣдующую подробность. Собственно говоря, глаголъ yāhi (если взять нашу фразу не отдѣльно, а въ контекстѣ съ предшествующими и послѣдующими стихами гимна) долженъ быть понимаемъ здѣсь, какъ *псевдосвязка*: онъ предицируетъ свое собственное лексическое значеніе, — подобно глаголу upa-yāhi въ первомъ и

третьемъ стихахъ; да и весь гимнъ, можно сказать, построенъ на обращеніи къ Vāyu (отдѣльно) и къ Индрѣ и Vāyu (вмѣстѣ) съ воззваніемъ: пріиди (пріидите) къ нашему жертвенному пиршеству. Но въ нашемъ стихѣ, гдѣ, въ силу наличности второго именительнаго (причастія), глаголъ yāhi принимаетъ на себя обязанность формальной связки, онъ, при всемъ своемъ самопредицированіи, невольно и незамѣтно превращается изъ псевдосвязки въ настоящую знаменательную связку—по той простой причинѣ, что онъ, по своему лексическому значенію, принадлежитъ къ тѣмъ глаголамъ, которые искони служили связками (car, i, yā и др. — „ходить, идти, шествовать" и пр.). Здѣсь можно усматривать дѣйствіе безсознательнаго сужденія, которое, еслибы дошло до сознанія, разложилось бы такъ: yāhi предицируетъ свое собственное лексическое значеніе и есть псевдосвязка; но это лексическое значеніе сплошь и рядомъ утилизируется для выраженія настоящей знаменательной связки („пріиди" вмѣсто „будь"); а потому и здѣсь глаголъ yāhi ощущается, какъ подлинная, а не только формальная, связка.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ контекстъ позволяетъ (а иногда и требуетъ) понимать причастіе juṣāṇa—въ значеніи совершеннаго вида.

4, 5) dṛçāná-, dṛ́çāna — отъ darç — смотрѣть, видѣть (аор. darçam; темы настоящаго нѣтъ) и *rucāná* — отъ *ruc* — сіять, свѣтить (аор. удвоенный arūrucat; настоящее rocate) въ ст. X, 45, 8: *dṛçānó* rukmá urviyā́ vy àdyaud durmarṣam ā́yuḥ çriyé *rucānáḥ—усмотрѣнный* (явившійся, выглядящій) какъ золото, (Агни) широко свѣтилъ, *возсіявшій* непреходящею (?) жизненною силой къ (вящшему) величію" [1]. — Здѣсь составное сказуемое изъ 1) знамен. псевдосвязки vy adyaut—свѣтилъ, 2) предикативнаго аттрибута, выраженнаго сочетаніемъ существительнаго rukma-s (золото) съ знаменательной причастной связкою dṛçāna-s (совершенно аналогичною той, которая въ вышеразсмотрѣнныхъ стихахъ IV, 17, 17 и I, 127, 11 выражена причастіемъ перфекта отъ того же глагола — dadṛçāna-), и 3) другаго предикативнаго аттрибута, представленнаго причастіемъ аор. rucāna-s съ двумя дополненіями.—I, 92, 12.... (uṣās) áminati daívyāni vratáni sū́ryasya ceti raçmíbhir *dṛçānā́*—„не нарушая (прич. наст.—аппозиція: Саяна — kiṃ kurvatī — что дѣлая?) божественныхъ законовъ, Ушасъ (Зоря) стала видна *явившаяся* (обнаружившаяся) (вмѣстѣ) съ

---

[1]) По Саянѣ, durmarṣam здѣсь нарѣчіе въ значеніи „неодолимо" (durabhibhavam).

лучами солнца“. — Можно перевести и такъ (ближе къ толкованію Саяны); „..... была узнана (объявилась, ceti) *усмотрѣнная* (вмѣстѣ) съ лучами солнца“. Саяна [1]) передаетъ медіальное причастіе аор. dṛçānā черезъ причастіе *страдательное* настоящаго съ присоединеніемъ къ нему причастія настоящаго отвлеченной связки (as,—„усматриваемая сущая“). Пассивное значеніе, конечно, возможно въ данномъ случаѣ (но далеко не обязательно). Что же касается передачи этого причастія аориста причастіемъ (страдательнаго) *настоящаго времени*, то это отнюдь не уполномочиваетъ насъ въ самомъ дѣлѣ отожествлять по значенію форму dṛçāna—съ причастіемъ настоящаго, ибо извѣстно, съ какимъ произволомъ замѣняетъ Саяна одни времена другими, и не только въ причастіяхъ, но и въ формахъ verbi finiti. Въ нашемъ стихѣ вполнѣ возможно понимать dṛçānā, какъ причастіе совершеннаго вида.

6) *piçānā́*—отъ *piç* — 1) нарѣзывать, дѣлать рѣзьбу; 2) украшать вообще (настоящее piṃçati). Не вижу надобности отказывать этой формѣ въ аористическомъ значеніи—потому только, что въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ ее находимъ, контекстъ позволяетъ переводить ее и причастіемъ настоящаго. VII, 57, 3: ā́ ródasī viçvapíçaḥ *piçānā́ḥ* samānám añjy àñjate (marutaḥ) çubhé kám — *разукрасивъ* (причастіе) два міра (небо и землю), обладатели всѣхъ украшеній, Маруты умащаются общимъ (одинаковымъ) умащеніемъ (или наряжаются въ одинаковый блескъ) для (вящшаго) сіянія (или: для красы)“. Ludwig: die beiden welten schmückend, sie die allen schmuck haben, machen sie gemeinsam sich glänzend zur schönheit. Саяна, который, какъ сказано, не соблюдаетъ различія временъ, комментируетъ (ā́)piçānāḥ причастіемъ *настоящаго* prakāçayantaḥ—„озаряющіе“. Смыслъ стиха таковъ (принимая въ соображеніе и первую его половину): „не такъ (блещутъ) другіе (боги), какъ вотъ эти Маруты блещутъ золотыми украшеніями, оружіемъ и сами собою (своими тѣлами): вѣдь это они *разукрасили* оба міра и сами, обладатели всѣхъ украшеній, умащаютъ себя и т. д.“. Въ подлинникѣ имѣемъ составное сказуемое изъ псевдосвязки (añjate) и сочетанія viçvapíçaḥ ā́—piçānā́ḥ, образующаго, какъ бы особое цѣлое, составленное изъ предикативнаго аттрибута viçvapiças (имя, существительное и прилагательное, съ причастнымъ характеромъ и собственною предикативностью) и аппозиціи—

---

[1]) Saivosāḥ sūryasya raçmibhiḥ kiraṇaiḥ dṛçānā dṛçyamānā satī ceti (prajñātāsīt).

причастіе аор. â-piçânâs.—Моментомъ, связующимъ эти два термина въ одно цѣлое, служитъ то, что они произведены отъ одного и того же корня (piç) и реторически-преднамѣренно сопоставлены во фразѣ [1]).

7) *pṛçâná*—отъ *parc*—наполнять, смѣшивать съ (о жидкостяхъ), надѣлять, одарять (тема настоящаго pṛṇakti; причастіе настоящаго pṛñcâna-). Въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ находимъ эту форму, контекстъ позволяетъ переводить ее и какъ причастье аориста, и какъ причастье настоящаго. Не вижу надобности предпочитать послѣднее (для котораго имѣется форма pṛncâna-) и переведу IX, 97, 11: ádha dhárayâ mádhvâ *pṛçânás* tiró róma pavate ádridugdhaḥ.... „вотъ *наполнившійся* (налившійся, въ смыслѣ изобилующій жидкостью, сочный) струею—медомъ [2]), черезъ волосъ (собирательно, въ смыслѣ „черезъ волосы" (изъ хвоста овцы), изъ которыхъ дѣлали цѣдилку для процѣживанія жидкости Сомы; но принимается и форма множественнаго средняго рода—roma) течетъ выдоенный камнями (Сома,—растеніе, изъ стеблей коего выдавливался сокъ посредствомъ каменныхъ прессовъ)". Кстати замѣтимъ, что во второй половинѣ стиха (продолженіе той же фразы) стоитъ другое причастье аориста, уже знакомое намъ *juṣâṇa-s*: índur índrasya sakhyám juṣâṇó.... „Инду (Сома) *вкусившій* (возлюбившій) дружбу Индры...". Первое причастье, pṛçâna-s, можно принять за аппозицію: наполнившись (налившись) сокомъ, то-есть, превратившись въ жидкость (послѣ прессовки), онъ течетъ... Второе, juṣâṇa-s, скорѣе предикативный аттрибутъ. Напитокъ Сомы приготовляютъ главнымъ образомъ для Индры, Сома—другъ и союзникъ Индры, и квалификація „возлюбившій дружбу Индры" характеризуетъ Сому вообще, не имѣя отношенія къ самой процедурѣ выжиманія и процѣживанія, о которой идетъ рѣчь въ стихѣ. Можно перифразировать, оттѣняя предикативную аттрибутивность втораго причастія, такъ: „налившись (пожалуй, излившись) жидкостью, онъ течетъ, выдоенный камнями, черезъ волосъ, — онъ, который (какъ извѣстно) возлюбилъ дружбу Индры...." — Аористическое значеніе причастья pṛçâna — можно еще оттѣнить противопоставленіемъ ему

---

[1]) Я перевелъ viçvapíçaḥ, согласно Саянѣ и Людвигу, какъ bahuvrîhi. Но весьма возможно, слѣдуя Грассману (Wörterb. s. v.), принять это сложное за tatpurusa и перевести „всеукрашающіе". Въ такомъ случаѣ наше сочетаніе viçvapiça â-piçânâḥ будетъ родъ ἓν-διὰ-δυοῖν: „всеукрашающіе—украсившіе".

[2]) Мадху-медъ и опьяняющій напитокъ — обозначаетъ священный напитокъ Сомы, его „амброзію", или „эссенцію", въ немъ заключенную. Конструкція паратактичная: струею-медомъ вмѣсто струею меда.

причастія настоящаго (отъ того же глагола) sam-pṛ̆ñcānā-, которое находимъ въ ст. I, 95, 8, гдѣ оно значитъ „соединяющійся съ" („когда онъ, Агни, соединяется съ молокомъ и водою",—причастье настоящаго вмѣсто verb. fin.), и здѣсь контекстъ прямо указываетъ на настоящее время (или *несовершенный* видъ) причастія, чего не дѣлаетъ контекстъ только-что разобраннаго стиха IX, 97, 11. На основаніи этихъ данныхъ, я думаю, что напрасно Дельбрюкъ отказывается различать эти двѣ формы (pṛcāna-и pṛncāna-) съ точки зрѣнія времени и вида (Altind. Synt., 381, § 214).

8) *budhānā* — отъ *budh* — знать; бодрствовать (соотвѣтственныя формы verbi finiti—budhanta, abudhran и др. могутъ считаться аористами; обычная тема наст. bodha-ti). IV, 51, 8: .....ṛtásya devíḥ sádaso *budhānā́ḥ* ....uṣáso jarante—„......*пробудившись* (аппозиція, причастье аориста въ значеніи совершеннаго вида) изъ обители ṛta (міропорядка, космоса) богини.... Зори поютъ".—Въ ст. VII, 68, 7 budhānā́-s еще яснѣе выступаетъ въ аористическомъ значеніи: „этотъ пѣвецъ поетъ гимны, *проснувшись* (аппозиція, причастье аориста) въ началѣ Зорь.....".

9) *bhiyānā́*—отъ *bhi*—бояться, страшиться. Самъ Дельбрюкъ отмѣчаетъ (Altind. Synt. § 214) ясное семасіологическое отличіе этого причастія отъ прич. *наст.* bháyamāna-, сопоставляя стихи VI, 9, 7 — víçve devā́ anamasyan *bhiyānā́s* tvām agne támasi tasthivā́ṃsam — alle Götter verehrten dich, o Agni, *in Furcht gesetzt*, als du im Dunkel dastandest— и II. 29, 6:—ā́ vo hārdi *bhάyamāno* vyayeyam—an euer Herz möchte ich mich schmiegen *voll Furcht* (in furchtsamer Stimmung). Bhiyānā-s стиха VI, 9, 7 можетъ быть понято, какъ аппозиція (разлагаемая на: послѣ того какъ они испугались, потому что испугались); bháyamāna-s стиха II, 29, 6 есть предикативный аттрибутъ, который можно сжать въ обстоятельство: „въ страхѣ" (стихъ уже былъ цитированъ нами въ гл. II).

10) *idhānā́*—отъ *idh*—зажигать (тема наст. по VII классу inadh-, indh-; причастье наст. indhānā́-),—съ частицею *sam* весьма употребительная форма (болѣе 30 разъ) въ выраженіяхъ, относящихся къ возжиганію священнаго огня. Дельбрюкъ рѣшительно настаиваетъ на аористическомъ значеніи этой формы:—Dieses Participium (говоритъ онъ, Altind. Synt., стр. 381) wird (mit Ausnahme von I, 143, 7, IV, 12, 2, V, 14, 1) neutral oder passivisch gebraucht und heisst: zum Flammen gekommen (соверш. видъ), z. B. VII, 67, 2: áçocy agníḥ *samidhānó* asmé—„Agni ist erschienen, von (bei) uns zum Flammen

gebracht", so dass samidhāna von sámiddha — kaum verschieden ist.— Для насъ интереснѣе *медіальное* употребленіе этой формы въ составномъ сказуемомъ, которое и находимъ въ указанныхъ Дельбрюкомъ стихахъ IV, 12, 2 и V, 14, 1.—IV, 12, 2: idhmám yás te jabhárac chaçramāṇo mahó agne ánīkam á saparyán, sá *idhānáḥ* práti doṣam uṣásam púṣyan rayím sacate ghnánn amítrān—„(всякій) кто (только) принесъ тебѣ потрудившійся (потрудившись, причастье перфекта) лучину, поклоняющійся (поклоняясь, почитая, причастье наст.) лику великаго, о Агни,—тотъ, *возжегши* (причастье аориста) себѣ вечеромъ (и)на-зорѣ, слѣдуетъ (по своему пути, живетъ) развивая (причастье наст.) богатство, убивая (причастье наст.) враговъ". Здѣсь, въ первой половинѣ стиха, въ придаточномъ предложеніи, имѣемъ составное сказуемое—изъ знаменательной псевдосвязки jabharat (conj. perf.)—„принесъ" и двухъ аппозицій: çaçramāna-s (причастіе перфект, „послѣ того какъ онъ потрудился", приложилъ трудъ) и ā-saparyan (причастіе наст., „почитая"); во второй половинѣ, въ главномъ предложеніи, находимъ составное сказуемое изъ знаменательной или полузнаменательной *связки* (не фиктивной) *sacate*—слѣдуетъ, шествуетъ впередъ (вмѣсто отвлеченной *asti*) и а) аппозиціи, выраженной интересующимъ насъ причастьемъ аориста *idhāna-s* въ значеніи „послѣ того какъ онъ возжегъ себѣ", и б) двухъ предикативныхъ аттрибутовъ — puṣyan (причастіе наст., съ дополненіемъ rayim) и ghnan (причастіе наст., съ дополненіемъ amitrān). Вся фраза представляетъ собою образецъ стройной конструкціи сложнаго предложенія архаическаго типа съ причастіями разныхъ *качествъ* дѣйствія (видовъ) и въ различной—аппозитивной и предикативно-аттрибутивной—роли,—съ полузнаменательною связкою и съ псевдосвязкою. Все это собрано въ одной фразѣ, прекрасно расчленено, удачно размѣщено и производитъ эффектъ своеобразной „красоты" выраженія, которая для насъ, на разстояніи вѣковъ, осложняется еще дѣйствіемъ того мотива, который заставляетъ, напримѣръ, зоолога любоваться хорошо-сохранившимся экземпляромъ исчезнувшей разновидности, представляющимъ ея типичныя черты. — V, 14, 1: agním stómena bodhaya *samidhānó* ámartyam—„Агни (вин. ед.) гимномъ пробуждай. *возжегши* себѣ безсмертнаго" (псевдосвязка — bodhaya; причастье аориста samidhāna-s въ роли, вѣроятно, аппозиціи: зажги, воспламени—и пробуждай....).

11) *manāná*—отъ *man*—думать, чувствовать — (причастье наст. *manvāná* — отъ темы VIII класса *manu-*; другая форма, отъ темы

mana- 1-го класса, *mánamāna-*, въ Ригъ-Ведѣ не встрѣчается). VI, 67, 10: vi yád vácam kistáso bhárante çámsanti ké cin nivído *manānā́h*—„когда пѣвцы раздѣляютъ рѣчь (пѣснь, поютъ не цѣлые гимны а только ихъ части, напримѣръ, начальные стихи или отдѣльныя изреченія, обращенія къ тому или другому божеству, чтò и называлось *nivid*), нѣкоторые (пѣвцы) декламируютъ (изрекаютъ, поютъ) „нивиды" (отдѣльныя изреченія), *затвердивъ* (ихъ)..". — Причастіе manānās, переданное мною дѣепричастіемъ *затвердивъ* (запомнивъ, выучивъ), принадлежитъ къ числу тѣхъ, весьма нерѣдкихъ, выраженій въ Ригъ-Ведѣ, которыя допускаютъ различныя толкованія, и точный смыслъ которыхъ весьма трудно установить. Саяна передаетъ его черезъ agnyādīn stuvantas — „прославляющіе (гимнами) Агни и прочихъ (боговъ)". Грассманнъ (Wörterb., s. v. man) переводитъ *andächtig* [1]) или *betend*; Людвигъ — *beabsichtigend*: wenn die Sänger die Stimme erheben, irgend welche sprechen eine nivid beabsichtigend. Мнѣ казалось бы, что въ данномъ случаѣ нужно обратить вниманіе на вторую половину стиха, а засимъ привлечь къ дѣлу стихъ X, 68, 7, гдѣ находимъ verbum fin. того же аориста (отъ man). Вторая половина стиха VI, 67, 10 явно противопоставлена первой. Весь стихъ гласитъ: „когда пѣвцы раздѣляютъ пѣснь, то иныя произносятъ нивиды, которые они заучили, — *но мы будемъ пѣть* (произносить) вамъ (Митрѣ и Варунѣ) *подлинные* (настоящіе, истинные) *гимны* (а не однѣ только выдержки оттуда, нивиды)...." (ád vām bravāma satyány ukthá....). Очевидно, manānās, при такомъ противопоставленіи, должно заключать въ себѣ оттѣнокъ нѣкотораго осужденія, порицанія или пренебрежительности. Мнѣ кажется, этотъ оттѣнокъ сводится къ мысли, что „нѣкоторые" думаютъ угодить Митрѣ и Варунѣ одними нивидами, — думаютъ отдѣлаться тѣмъ, что затвердили краткія обращенія, отрывочныя фразы изъ гимновъ и преподносятъ ихъ этимъ великимъ богамъ вмѣсто цѣлаго гимна. Обращаясь теперь къ стиху X, 68, 7, мы находимъ тамъ аористъ *á-ma-ta* (тотъ самый и притомъ въ *медіумѣ*, отъ коего наше *медіальное* причастіе manāna-) въ значеніи *узналъ, позналъ*: bŕhaspatir *ámata* hi tyád āsām náma svarīnām.... „Бргаспати узналъ (Людвигъ: erriet) то имя тѣхъ звучащихъ...." — Въ стихѣ, нами разсмотрѣнномъ, причастіе manānās можетъ быть понято, смотря по намѣреніямъ говорящаго, и какъ аппозиція, и какъ предикативный аттрибутъ.

[1]) Такъ и въ С.-Петербургскомъ Словарѣ, гдѣ цитируется нашъ стихъ.

12) *yátāna-*, *yatāná*—отъ *yat*—1) соединять, 2) устремлять, побуждать (причастіе наст. yátamāna). III, 8, 9: haṃsā́ iva çreṇiço *yátānāḥ* çukrā́ vásānāḥ sváravo na ā́guḥ—словно птицы—haṃsa,—соединившіяся рядами, облекшіяся въ свѣтлыя (одѣянія, цвѣта) „свару" (жертвенные столбы, представлявшіеся одушевленными и даже обоготворявшіеся) явились къ намъ". Здѣсь составное сказуемое изъ знаменательной псевдосвязки (āgur — пришли, явились) и двухъ предикативныхъ аттрибутовъ: yátānās—соединившіеся и vásānās—облекшіеся. Это не аппозиціи, потому что въ нихъ дано описаніе „svaravas", дана ихъ характеристика (какіе они?), подчеркнутая сравненіемъ съ haṃsa. Изъ двухъ причастій, первое (yátāna-) безспорно принадлежитъ аористу, второе же (vásāna-) можетъ принадлежать и темѣ настоящаго vas—(3 sg. vaste, 3 pl. vas-ate). Но весьма вѣроятно, что и оно здѣсь относится къ аористу: оно параллельно первому, и оба удобнѣе всего переводятся совершеннымъ видомъ.

13) *yodhāná*—отъ *yudh*—сражаться (тема наст. *yudhya-*; аористъ yudh-, yodh-: yotsi, yodhi и др.). I, 121, 8: aṣṭā́ mahó divá ādo hárī ihá dyumnāsā́ham abhí *yodhāná* utsam—„ты стяжалъ съ великаго неба 8 гнѣдыхъ (коней), *завоевавъ* здѣсь источникъ, обладающій величіемъ (или мощью)". Какъ видно, изъ второй половины стиха, этотъ источникъ, обладающій мощью, есть напитокъ Сомы. Смыслъ стиха: Индра стяжалъ (пріобрѣлъ) своихъ гнѣдыхъ коней, послѣ того какъ онъ овладѣлъ напиткомъ Сомы (abhi-yudh—завоевывать). Здѣсь составное сказуемое изъ псевдосвязки (ādas—взялъ, стяжалъ) и аппозиціи—причастіе аориста abhi-yodhānas въ значеніи совершеннаго вида.

14) Rúhāṇa—отъ *ruh*—подыматься, рости, восходить (тема наст. roha-ti, откуда причастіе наст. актив. róhan, медіальн. róhamāṇa—(не встрѣчающееся въ Р. В.); тема аор. *ruha*—). I, 32, 8: nadám ná bhinnám amuyā́ çáyānam máno *ruhāṇā́* ati yanty ā́paḥ. — Тутъ есть одна неясность, въ силу которой можно даже отвергнуть здѣсь причастіе отъ *ruh* и принять таковое отъ *vah*, какъ это предложилъ Пишель. Сперва послушаемъ Саяну: amuyāmuṣyām pṛthivyām çayānam patitam mṛtam vṛtram āpo jalāny atiyanti atikramya gacchanti [tatra dṛṣṭāntaḥ] bhinnam bahudhā bhinnakūlam nadam na sindhum na..... *воды протекаютъ* перешагнувъ *чрезъ* Вртру *лежащаго*, упавшаго, мертваго, тамъ, на той землѣ. Тутъ сравненіе: *словно разорванную*, имѣющую разорванные берега *рѣку* [1]).... kīdṛçya āpaḥ *mano*

[1]) Курсивомъ отмѣчены подлинныя выраженія текста стиха; остальное — объясненія Саяны.

ruhāṇāḥ | nṛṇām cittam ārohantyaḥ—„какія воды?—въ чувство (душу) людей вступающія". Это послѣднее выраженіе Саяна поясняетъ тѣмъ, что, когда нѣтъ дождя (плѣненнаго въ тучахъ Вртрою), то люди страдаютъ; когда же дождь проливается,—они довольны, радуются, удовлетворены. Слѣдовательно, по Саянѣ, мы имѣемъ здѣсь существенное ср. р. *manas* (чувство, душа) и причастіе *ruhāṇāḥ*, какъ раздѣлено и въ текстѣ pada-pātha. Такъ же читаетъ и Людвигъ, но понимаетъ иначе: ihn, der wie ein zerriszen fluszbett dalag, — *ein herz sich faszend* überschreiten die wasser. Наконецъ, Пишель предлагаетъ читать *manor uhāṇāḥ* и (принимая *nada*=naḍa—тростникъ, какъ въ ст. I, 179, 4) переводитъ: über ihn, der so dalag, zermalmt wie ein Schilfrohr, gehn hinweg die Gewässer *zu den Menschen fliessend* (manor — gen. sg. отъ manu — человѣкъ и uhāṇās — причастье аор. отъ vah — везти, въ мед. двигаться, течь (Zeitschr. d. D. Morgenl. Gesellsch. XXXV, 717 и слѣд.). — Но возможна и еще одна комбинація. Можно читать *mano(r) ruhāṇāḥ*, то-есть, принимая, по Пишелю, *manor* за родит. е. отъ *manu* — человѣкъ, удержать причастіе *ruhāṇāḥ* и перевести: для человѣка взошедшія". Весь стихъ я бы перевелъ такъ: „черезъ лежащаго тамъ, словно разломанный тростникъ, (Вртру) протекаютъ воды для человѣка (для людей собирател.) взошедшія" (на небо, въ тучи, откуда онѣ дождемъ изливаются на землю). Причастіе аор. ruhāṇāḥ, при такомъ переводѣ, имѣетъ ясно-выраженное аористическое значеніе. Оно здѣсь предикат. аттрибутъ (какія вóды? —Тѣ, чтó въ тучахъ, воды небесныя—divyā āpaḥ).

15) *úhāna* — отъ vah — везти (то самое, которое въ только что разсмотрѣнномъ стихѣ предположено Пишелемъ; тема аориста a-vah—, vah —, uh —; тема настоящаго vaha—, причастіе настоящее váhamāna—). VIII, 40, 8: indrāgnyór ánu vratám *úhānā* yanti sindhavaḥ..... „по закону (завѣту) Индры и Агни *потекшія* движутся рѣки....". Такъ (то-есть, uhānās отъ vah) Грассманнъ (Wörterb. s. v. *vah*) и Саяна, который впрочемъ даетъ искусственное и неправдоподобное толкованіе: uhānā havirvahantaḥ — „uhānāḥ (значитъ) привозящіе жертвенную пищу". Иначе Людвигъ: auf Indra's und Agni's weg (gebot) *achtend* wandeln die ströme...., то-есть, онъ читаетъ ūhānās (вмѣсто uhānās)—отъ *ūh*—внимать, принимать за, считать, полагать, и эту форму прійдется принять за причастіе перфекта. Я предпочитаю uhānās, такъ какъ эта форма даетъ вполнѣ удовлетворительный смыслъ. Составное сказуемое úhānā yanti можно пони-

мать двояко: 1) причастіе úhānās есть предикативный аттрибутъ (а, можетъ быть, и аппозиція) съ дополненіемъ anu vratam („потекшія по завѣту"); глаголъ yanti (движутся) есть знаменательная связка (не псевдосвязка); сочетаніе близкое къ тавтологичности; 2) сочетаніе ánu... úhānā yanti — „потекшія шествуютъ (идутъ, текутъ) вслѣдъ за...., слѣдуютъ за.... „образуетъ форму, въ которой глаголъ anu-yanti есть *псевдосвязка*, а úhānās—предикативный аттрибутъ, сбивающійся на прилагательное въ значеніи „быстрые", „стремительные"; въ переводѣ онъ можетъ быть замѣненъ нарѣчіемъ (быстро, стремительно, неукоснительно). Дополненіе vratam относится къ цѣлому anu... uhānā yanti. Смыслъ стиха, при такомъ пониманіи, сводится къ слѣдующему: „рѣки (то-есть, страна семи рѣкъ, или живущіе по этимъ рѣкамъ арійцы) неукоснительно слѣдуютъ за режимомъ (культомъ и властью) Индры и Агни".

16) *vipānā*—отъ *vip*—дрожать (тема настоящаго *vepa*—). VIII, 6, 29: átaḥ samudrám udvátaç cikitvā́n áva paçyati | yáto *vipānā́* ējati— „оттуда, съ высоты, мудрый (зоркій) онъ (Агни—Vaiçvānara) созерцаетъ море, откуда [относится не къ „морю", а къ „высотѣ", отвѣчая „оттуда"] *вспыхнувъ* (воспылавъ) движется онъ". Я цитировалъ это мѣсто въ „Ведійскихъ этюдахъ" („*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*" 1891, № 3, стр. 9); здѣсь, воспроизводя переводъ, предложенный въ указанной статьѣ, я только замѣняю выраженіе „клубясь", которымъ я тогда перевелъ vipāna-s, выраженіемъ „вспыхнувъ". (воспылавъ). И то, и другое, собственно говоря, условно: vipāna-s (отъ *vip*—дрожать, трепетать, вибрировать) значитъ (принимая аористическое значеніе) „начавшій дрожать или вибрировать", „дрогнувшій". Дѣло идетъ (по моему взгляду) объ особомъ священномъ Огнѣ (Vaiçvānara) [1]), возженномъ для культа Индры—Viçvacarṣaṇi на какой-то горѣ, откуда видно море. Въ причастіи vipāna-s схваченъ тотъ моментъ, когда этотъ огонь впервые воспылалъ. Образъ, взятый отъ представленія трепетанія, дрожанія, вибрированія, вполнѣ пригоденъ для воспроизведенія картины возженнаго огня, пламя котораго именно въ началѣ процедуры, вспыхивая, трепещетъ и колеблется.

17) urāṇá—отъ *var*—избирать, желать себѣ, стяжать (тема наст. vṛṇā—, vṛṇi——по IX классу, причастье настоящее vṛṇāná—). IX, 109, 9: induḥ punānáḥ prajā́m *urāṇaḥ* kárad viçvāni drávināni naḥ—

---

1) А не объ Индрѣ, или Индрѣ—Солнцѣ, какъ хочетъ Саяна.

„Инду (Сома) очищающійся (процѣживающійся), *избравъ себѣ* (насъ своими?) чадами, да сдѣлаетъ (даруетъ, доставитъ) намъ всякія (всѣ) богатства“ [1]). Здѣсь (при такомъ переводѣ) имѣемъ составленное сказуемое изъ псевдосвязки (karat—да сдѣлаетъ) и двухъ причастій *punānā́-s* (причастіе настоящее) въ роли предикативнаго аттрибута и *urāṇa-s* (причастіе аор.) въ роли аппозиціи (хотя можно понимать его и какъ предик. аттрибута) и въ значеніи совершеннаго вида.

18) *sṛjānā́*—отъ *sarj*—изливать, выпускать, освобождать (тема настоящаго sṛja—ti, откуда причастіе наст. sṛjamāna—, въ Р. В. не встрѣчающееся). VII, 38, 2: úd u tiṣṭha savitaḥ çrudhi..... vy ùrvī́m pṛthvī́m amátim *sṛjānā́* ā́ nṛ́bhyo martabhójanam suvānáḥ—„восходи (подымайся), о Савитаръ, услышь....., широкій, пространный блескъ (свѣтъ) *изливцій,* людямъ воздвигающій (творящій, — относится къ подлежащему, Савитару) человѣческое пропитаніе“.—Савитаръ созидаетъ (даруетъ) людямъ ихъ пропитаніе тѣмъ (въ силу того), что онъ *излилъ* свой свѣтъ, свое животворящее тепло на землю. Здѣсь составное сказуемое изъ двухъ псевдосвязокъ (восходи и услышь) и двухъ причастій, не стоящихъ, однако, какъ я думаю, на одномъ уровнѣ: одно, причастіе наст. ā — suvāna-s, является въ роли предикатнаго аттрибута (эпитеты и дѣянія Савитара обыкновенно выражаются именными и глагольными образованіями отъ корня *sū*—возбуждать, оживлять, животворить, откуда и самое имя Savitar—возбудитель); другое причастіе аор. *sṛjāna-s,* служитъ аппозиціею и ближайшимъ образомъ подчинено первому причастію: оживляющій (дарующій) пропитаніе людямъ, *изливъ* свой (животворный) свѣтъ, то-есть, потому что (послѣ того какъ) онъ излилъ свой свѣтъ.

Въ большинствѣ другихъ случаевъ причастія urāṇa и sṛjāna — употреблены въ пассивномъ значеніи (первое—избранный, второе—пролитый, излитый, созданный).

Ограничусь приведенными образчиками сочетаній съ причастьями несигматическаго аориста medii (ātmanepadam).

Мы насчитали 18 формъ этого причастія, но это число могло бы быть нѣсколько увеличено, въ особенности если отнести къ аористу нѣкоторыя пограничныя формы, колеблющіяся между темою настоя-

---

[1]) Ludwig переводитъ prajā́m urāṇa-s иначе: nachwuchs verlangend. Саяна ставитъ prajā́m параллельно viçvāni draviṇāni (это возможно). Но за то urāṇa-s онъ объясняетъ, цитируя Яску, совсѣмъ неправдоподобно: uru kurvāṇaḥ=bahu kurvāṇaḥ — дѣлающій многочисленнымъ.

щаго и темою аориста. Но во всякомъ случаѣ, сравнительно съ весьма большимъ количествомъ и разнообразіемъ формъ verbi finiti аориста, это число причастій, при всемъ возможномъ увеличеніи его, представляется незначительнымъ. Еще незначительнѣе окажется оно при сопоставленіи съ обиліемъ причастій аориста въ греческомъ.

Что же касается *активныхъ* (parasmaipadam) причастій аориста простаго и причастій *сигматическаго*, то ихъ число ужъ совсѣмъ ничтожно. Первыхъ можно насчитать всего какихъ нибудь четыре примѣра: *çucant*—(отъ *çuc*—возжигать, свѣтить), *vavr̥dhant* — (отъ *vardh*—рости, въ каузальномъ значеніи — усиливать, возвеличивать, давать ростъ и силу), *çiṣant*—(отъ *çās*—наставлять, поучать), *sthānt*—(отъ *sthā*—стоять, находиться). IV. 2, 17: ..... *çucánto* agnim̐ *vavr̥dhánta* índram ūrvám̐ gávyam parisadanto agman—„..... возжегши Агни, укрѣпивъ (или возвеличивъ) Индру, пришли (благочестивые предки—учредители культа, о коихъ говорится въ первой половинѣ стиха), окружая (осаждая?) стойло коровъ". При такомъ переводѣ, это будетъ составное сказуемое изъ псевдосвязки (agman—пришли) и трехъ причастій, ихъ коихъ два, причастія аориста çucantas и vavr̥dhantas, суть аппозиціи, а третье, причастіе наст. pariṣadantas,—предикативный аттрибутъ (можно перифразировать: зажгли священный огонь, укрѣпили (или возвеличили) Индру и пришли „осаждающіе"…. Это причастіе того сорта, которое въ новыхъ языкахъ передается инфинитивомъ: пришли осаждать. Но возможно и другое пониманіе стиха: примемъ *agman* за знаменательную *связку* (не псевдо-) въ смыслѣ „пришли" вмѣсто „стали, сдѣлались, явились" (какими?),—тогда причастье наст. pariṣadantas будетъ предикативнымъ аттрибутомъ, непосредственно относящимся къ этой связкѣ, и его можно перевести „сидящіе вокругъ" („они стали сидящими вокругъ стойла", расположились вокругъ него), причастія же аористовъ, çucantas и vavr̥dhantas, будутъ уже стоять на второмъ планѣ, примыкая не къ связкѣ agman отдѣльно, а къ цѣлому agman pariṣadantas, и могутъ быть поняты, либо какъ аппозиціи (что̀ сдѣлавъ? послѣ того какъ они зажгли и т. д.), либо какъ предикативные аттрибуты (какіе? зажегшіе и пр.).

Въ ст. 15-мъ того же гимна (IV, 2): .... ádrim̐ rujema dhanínam̐ *çucántaḥ*—„да расколемъ (разобьемъ) мы обильную сокровищами скалу, *воспламенивъ* (ее? или огонь?)",—составное сказуемое съ псевдосвязкою и аппозиціею—причаст. аориста.

X, 115, 4: te ..... á raṇvāso yúyudhayo ná satvānám̐ tritám̐ na-

çanta *pra çiṣánta* iṣṭáye—„твои (о Агни) свѣтло-радостные (raṇvās, подразумѣвается огни, лучи, можетъ быть, искры) достигали (доходили до, стремились къ) Тритѣ, словно войнолюбивые (воины)—къ герою (ихъ вождю), *научивъ* (его, Триту) жертвоприношенію (?) [1]).

Причастій *сигматическаго* аориста, по Дельбрюку, всего два: *dhakṣat* (отъ *dah*—жечь, горѣть) и *sakṣat* (отъ *sah*—одолѣвать, побѣждать, овладѣвать). Но можно еще указать, вслѣдъ за Грассманномъ, на форму *hāsamāna*—отъ *hā*—идти, шагать. VI, 3, 4 ....dravír ná drāvayati dáru *dhákṣat*—„словно плавильщикъ, онъ (Агни) плавитъ (Саяна: bhasmasāt karoti—обращаетъ въ пепелъ) дерево *сжегши* (его). IV, 12, 1 ..... sá sú dyumnaír abhy àstu *prasákṣat*.... „.... тотъ да побѣждаетъ (беретъ верхъ) величіемъ (властью), *преодолѣвъ* (соперниковъ, или, безъ дополненія, „ставъ сильнымъ, укрѣпившись"). Причастіе *dhakṣat* находимъ еще въ II, 4, 7 (abhí—dákṣat), I, 130, 8 (dákṣat) и въ родит. ед. (dhákṣataḥ) X, 91, 7. Дельбрюкъ (Altind. Synt., § 214), приводя эти два причастія сигматическаго аориста, говоритъ: bei beiden finde ich eine besondere aoristische Bedeutung nicht. Мнѣ казалось бы, что, если не во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ они встрѣчаются, то, по крайней мѣрѣ, въ двухъ вышеприведенныхъ стихахъ (VI, 3, 4 и IV, 12, 1) вполнѣ возможно понимать ихъ именно въ „аористическомъ" значеніи. Форма имен. муж. р. на -at (по образцу причастій наст. глаголовъ III кл., какъ juhvat, bibhrat) представляется странною, если только это причастіе аориста на -sa. Слѣдуетъ принять, какъ это и дѣлаетъ Brugmann (Grundriss, § 1099, 6 и 1100, 9), въ данномъ случаѣ образованіе отъ темы аориста на -s, раздѣляя dhakṣ—at [2]),

Форма hāsamānā—находится въ I, 169, 2, гдѣ, повидимому, она образуетъ самостоятельное сказуемое (verb. fin.): .... marútām pṛtsutír *hāsamānā*.... „воинство Марутовъ двинулось"....

При современномъ состояніи научнаго синтаксиса было бы преждевременно углубляться въ изысканіе причинъ, остановившихъ развитіе причастій аориста въ санскритѣ ведійскомъ и приведшихъ къ

[1]) Слѣдую Саянѣ, который поясняетъ iṣṭáye перифразомъ yāgāya, между тѣмъ какъ Людвигъ, Ротъ (С.-Пб. сл.) и Грассманнъ видятъ здѣсь iṣṭis—(отъ iṣ)—Antrieb, Aufsuchen, Wunsch и пр.

[2]) Не принявъ этого во вниманіе, а также упустивъ изъ виду форму dhákṣat, я, въ статьѣ „Къ вопросу объ индикативѣ" (Сборн. Χαριστήρια, стр. 208, прим. 2), ошибочно квалифицирую форму prasákṣat стиха IV, 12, 1 какъ неясную, и предлагаю ненужную конъектуру.

ихъ исчезновенію въ санскритѣ классическомъ. Замѣчу только, что вопросъ о судьбѣ причастій не долженъ быть отдѣляемъ отъ вопроса о тѣхъ формахъ verbi finiti, къ которымъ данныя причастія принадлежатъ. Verbum fin. разныхъ аористовъ въ ведійскомъ санскритѣ встрѣчается весьма часто; но въ санскритѣ классическомъ употребленіе аористовъ уже значительно ограничено, и тамъ, для огромнаго большинства глаголовъ, аористъ, какъ простой, такъ и сигматическій, составляетъ въ своемъ родѣ рѣдкость. Весьма вѣроятно, что въ этомъ отношеніи классическій санскритъ являетъ намъ картину дальнѣйшаго развитія того самаго процесса, который начался въ эпоху ведійскую. Этотъ процессъ впервые обнаружился въ томъ, что *причастія* аористовъ стали употребляться сравнительно рѣдко, между тѣмъ какъ личныя формы тѣхъ же аористовъ продолжали быть въ большомъ ходу. Въ послѣдующія эпохи той же участи подверглись уже и личныя формы аористовъ. Какъ на явленіе, благопріятствовавшее этому процессу (а, можетъ быть, только ему сопутствовавшее), можно указать на противоположную участь перфекта и его причастія. Дѣло представляется такъ, какъ будто причастья аориста вытѣснялись причастіями перфекта, а въ послѣдующія эпохи употребленіе личныхъ формъ аориста было ограничено употребленіемъ личныхъ формъ перфекта, а также и другими способами выраженія прошедшихъ временъ. Указать на замѣтное различіе *въ значеніи* между причастьями аориста и перфекта мы не можемъ. При незначительности или, можетъ быть, отсутствіи этого различія, замѣна одного причастья, напримѣръ, аориста, другимъ—перфектнымъ была дѣломъ весьма простымъ и обычнымъ. Но мы не знаемъ, почему не произошло обратнаго явленія,—замѣны причастій перфекта причастьями аориста. Весьма возможно, что дальнѣйшія изслѣдованія приведутъ къ мысли, что распространеніе причастій и личныхъ формъ перфекта насчетъ аористовъ было не причиною, а слѣдствіемъ убыли послѣднихъ: формы. причастныя и личныя, перфекта вступали на мѣсто, уже освобожденное аористами, убывавшими по другой, намъ неизвѣстной, причинѣ.

Греческій языкъ, въ отношеніи аористовъ, въ особенности ихъ причастій, являетъ намъ картину, діаметрально-противоположную тому, что̀ мы видимъ въ санскритѣ. Аористы въ греческомъ, какъ извѣстно, принадлежатъ къ числу наиболѣе употребительныхъ формъ глагола, и въ частности составныя сказуемыя съ причастіями аористовъ являются излюбленнымъ, характернымъ для языка оборотомъ, приспособленнымъ для выраженія весьма разнообразныхъ оттѣнковъ.

Мы распредѣлимъ наши примѣры между двумя главными рубриками, съ точки зрѣнія отношенія причастной части составнаго сказуемаго къ подлежащему: I) *причастіе—аппозиція* и II) *причастіе—предикативный аттрибутъ*; первую же разобьемъ на подрубрики, съ точки зрѣнія отношенія причастной части составнаго сказуемаго къ глагольной.

I. Причастіе аориста—аппозиція.

1. Причастіе аориста выражаетъ дѣйствіе, непосредственно предшествующее по времени тому, которое обозначено глаголомъ.

Il. XIII, 184: ἀλλ' ὃ μὲν ἄντα ἰδὼν ἠλεύατο χάλκεον ἔγχος... увидѣлъ и уклонился.

Il. XIII, 235: ἀλλ' ἄγε τεύχεα δεῦρο λαβὼν ἴθι — возьми и иди сюда; взявъ, иди....

Il. XIII, 351: Ἀργείους δὲ Ποσιδάων ὀρόθυνε μετελθών—подошелъ и поощрялъ.

Il. XV, 44: τειρομένους δ' ἐπὶ νηυσὶν ἰδὼν ἐλέησεν Ἀχαιούς—увидѣлъ и пожалѣлъ.

Il. XV, 100: ἡ μὲν ἄρ' ὣς εἰποῦσα καθέζετο πότνια Ἥρη—такъ сказала (сказавъ) и сѣла.

Od. XX, 30—31: σχεδόθεν δέ οἱ ἦλθεν Ἀθήνη οὐρανόθεν καταβᾶσα—спустилась съ неба и подошла.

Od. XX, 224—225: εἴ ποθεν ἐλθὼν ἀνδρῶν μνηστήρων σκέδασιν κατὰ δώματα θείη....... прійдетъ и учинитъ разгромъ...

Od. XX, 299—300: ὣς εἰπὼν ἔρριψε βοὸς πόδα χειρὶ παχείῃ κείμενον ἐκ κανέοιο λαβών—такъ сказавъ, бросилъ ногу вола, взявъ ее изъ корзины (сказалъ... взялъ... и бросилъ).

Il. II, 35: ὣς ἄρα φωνήσας ἀπεβήσετο... такъ проговоривъ, ушелъ; сказалъ и ушелъ.

Il. III, 271—273: Ἀτρεΐδης δὲ ἐρυσσάμενος χείρεσσι μάχαιραν.... ἀρνῶν ἐκ κεφαλέων τάμνε τρίχας—извлекъ ножъ... и отрѣзалъ волосы...

Il. VIII, 268—272: αὐτὰρ ὅ γ' ἥρως παπτήνας, ἐπεὶ ἄρ' τιν' οἰστεύσας ἐν ὁμίλῳ βεβλήκοι, ὁ μὲν αὖθι πεσὼν ἀπὸ θυμὸν ὄλεσσεν, αὐτὰρ ὁ αὖτις ἰών....... δύσκεν εἰς Αἴανθα... *высмотрѣлъ* (цѣль), и лишь только попалъ въ кого нибудь, *выпустивъ* стрѣлу, а тотъ, *упавъ*, испустилъ душу, снова шелъ (ἰών) и прислонялся къ Аяксу....

Il. IX, 657 .... σπείσαντες παρὰ νῆας ἴσαν πάλιν—совершили возліяніе и пошли.....

Il. IX, 712: καὶ τότε δὴ σπείσαντες ἔβαν κλισίηνδε ἕκαστος....

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ глаголъ есть *псевдосвязка*, а причастье

аориста—*аппозиція* и можетъ быть разсматриваемо, какъ второе сказуемое, присоединенное къ первому, глагольному, для выраженія дѣйствія, непосредственно предшествующаго тому, которое выражено глагольнымъ сказуемымъ. Послѣднее исполняетъ роль связки совершенно фиктивно и формально: въ сознаніи не проявляется его функція — какъ связки, и только, въ силу присутствія во фразѣ второго именительнаго (причастья), какъ бы мелькаетъ въ сознаніи глухой намекъ на эту функцію; можно сказать, что сознается одна лишь форма, безъ соотвѣтственнаго содержанія синтактическихъ отношеній. Глаголъ ограничивается предицированіемъ своего собственнаго лексическаго содержанія, предоставляя причастію предицировать свое.

2) Дѣйствіе, выраженное причастіемъ, одновременно или совмѣстно съ дѣйствіемъ, обозначеннымъ глаголомъ.

Можно различать оттѣнки:

а) Одно дѣйствіе есть моментальное послѣдствіе другаго, напримѣръ, Од. XIX, 452: τὸν δ'Ὀδυσσεὺς οὔτησε τυχὼν κατα δεξιὸν ὦμον.... ранилъ, попавъ („угодивъ") въ плечо. Аппозиція τυχὼν могла бы и отсутствовать безъ нарушенія смысла: глагольный предикатъ самъ по себѣ достаточенъ, и сочетаніе οὔτησε τυχὼν есть родъ ἓν-διὰ-δυοῖν плеонастическаго характера. Но здѣсь мы все-таки имѣемъ два дѣйствія (попасть и ранить), и глаголъ по праву долженъ быть разсматриваемъ, какъ псевдосвязка.

б) Настоящее ἓν-διὰ-δυοῖν, гдѣ обѣ части предиката, глагольная и причастная, выражаютъ не два дѣйствія, а одно и то же дѣйствіе и поэтому могутъ мѣняться мѣстами, напримѣръ, Il. XIII, 371: ....καὶ βάλεν ὕψι βιβάντα τυχὼν и Il. XV, 580—581: ...τὸν (νεβρόν) τ' ἐξ εὐνῆφι θορόντα θηρητὴρ ἐτύχησε βαλών..... Выраженіе βάλεν τυχὼν перваго изъ этихъ стиховъ, по смыслу равносильно, выраженію ἐτύχησε βαλὼν второго, оба значатъ „*попалъ, угодилъ*",—„ударилъ, попавъ",—„ловко попалъ, ударивъ". Здѣсь одно дѣйствіе разложено на два, представлено состоящимъ изъ двухъ моментовъ, которые почти одинаковы (хотя и не тождественны). Глаголъ (въ первомъ случаѣ βάλεν, во второмъ ἐτύχησε) здѣсь уже отнюдь не *псевдосвязка* а то, что мы называемъ *фиктивною связкою*: знаменательность глагола настолько велика, что мѣшаетъ ему быть настоящею связкою,— его предицирующая сила лишь въ слабой степени распространяется на причастье; то при всемъ томъ тутъ нѣтъ того безраздѣльнаго самопредицированія глагола, которое необходимо для псевдосвязки. Что касается причастья, то оно (въ первомъ случаѣ τυχὼν, во вто-

ромъ βαλών), какъ мнѣ кажется, удобнѣе всего опредѣляется, какъ *фиктивная аппозиція*. Это понятіе фиктивности аппозиціи яснѣе обнаруживается въ слѣдующей разновидности оборота.

в) Одно квалифицированное дѣйствіе представлено въ видѣ двухъ актовъ: одинъ—само дѣйствіе, другой—его квалификація, фиктивно изображенная, какъ особое дѣйствіе. Сюда относится извѣстное сочетаніе съ φθάνω. Il. XIII, 388: ὁ δέ μιν φθάμενος βάλε δουρί.... ударилъ, предваривъ (предупредивъ; ударилъ раньше). Какъ извѣстно, здѣсь также возможна перемѣна мѣстъ: Од. XXII, 91: ἀλλ' ἄρα μιν φθῆ Τηλέμαχος κατόπισθε βαλὼν χαλκήρεϊ δουρί... предупредилъ, ударивъ (предупредилъ и ударилъ). Постараемся выяснить заключенный въ этихъ оборотахъ элементъ фиктивности. Прежде всего,—гдѣ его источникъ? Мы имѣемъ здѣсь въ сущности одно, но только *квалифицированное* дѣйствіе—„быстро ударить", „поспѣшно ударить". Это единое, но квалифицированное дѣйствіе разбито на два акта: *поспѣшить* и *ударить*; иначе говоря, субъектъ представленъ совершающимъ не одно, а два дѣйствія: вотъ тутъ-то и нужно искать источника фикціи, то-есть, именно—въ пониманіи лексическаго содержанія предиката и его отношенія къ субъекту. Къ этому пункту мы сейчасъ вернемся, а теперь пойдемъ дальше. Ограничивается ли этимъ пунктомъ районъ фиктивности въ нашемъ оборотѣ? Нѣтъ, потому что въ сочетаніи φθάμενος βάλε мы ясно чувствуемъ, что причастіе φθάμενος запечатлѣно нѣкоторою фиктивностью, не только со стороны своего лексическаго содержанія, но также или еще болѣе—въ своей роли, какъ части предложенія. Это проявляется въ слѣдующихъ, если можно такъ выразиться, синтактическихъ ощущеніяхъ: φθάμενος прежде всего производитъ впечатлѣніе предикативнаго аттрибута изъ числа тѣхъ, которые въ новыхъ языкахъ замѣняются нарѣчіями: ударилъ *поспѣшно*. Но это впечатлѣніе обманчиво и, такъ сказать, несеріозно, непрочно: одна возможность перемѣны мѣста (φθῆ βαλών) уже ослабляетъ силу этого впечатлѣнія (предикативный аттрибутъ, по существу дѣла, не способенъ къ такому перемѣщенію), и сознаніе схватываетъ синтактическую постановку этого причастія, какъ особый сортъ аппозиціи, именно какъ *аппозицію фиктивную*. Въ сочетаніи φθῆ βαλών фиктивность сосредоточена въ глаголѣ и проявляется не только въ самомъ лексическомъ его содержаніи, но и въ синтактической роли. Первое впечатлѣніе здѣсь такое, какъ будто это псевдосвязка; но оно сейчасъ же падаетъ подъ ощущеніемъ того, что между φθῆ и βαλών есть предицирующая связь. Въ результатѣ глаголъ φθῆ

отражается въ сознаніи, какъ связка, но только *фиктивная*. Il. XXIII, 444: φθήσονται τούτοισι πόδες καὶ γοῦνα καμόντα [1]), ἢ ὑμῖν—успѣютъ утомиться у нихъ раньше, чѣмъ у васъ. Здѣсь проявленіе фиктивности нѣсколько иное: она вызываетъ *иллюзію*, будто φθήσονται—связка, а καμόντα—предикативный аттрибутъ; но эта иллюзія мгновенна и сейчасъ же падаетъ, какъ только въ сознаніи проясняется значеніе глагола, какъ псевдосвязки, а причастія—какъ фиктивной аппозиціи.

Причастіе *настоящаго* при φθάνω не менѣе аппозитивно, чѣмъ причастіе аориста [2]). *Кажущееся* исключеніе представляетъ слѣдующій случай, который я беру изъ статьи *La Roche* „Das prädicative Particip" (въ его „Beiträge zur griech. Grammatik", erstes Heft, стр. 119—120): Od. XI, 58: ἔφθης πεζὸς ἰὼν ἢ ἐγὼ σὺν νηῒ μελαίνῃ. Здѣсь безспорно имѣемъ сочетаніе не аппозитивное, а предикативно-аттрибутивное (ты пришелъ раньше меня, опередилъ меня—какой?—*пѣшій)*. Но дѣло въ томъ, что вѣдь это, строго говоря, сочетаніе не съ причастіемъ, а съ *прилагательнымъ* πεζός, которое естественно и образуетъ предикативный аттрибутъ,—причастіе же ἰών играетъ лишь роль причастной знаменательной связки. Вмѣсто ἰών могло бы стоять ἐών—причастная отвлеченная связка,—да она и въ самомъ дѣлѣ стоитъ въ указанномъ мѣстѣ (Homers Odyssee, изд.[2] Ameis, 1861 г., XI, 58: ἔφθης πεζὸς ἐών...).

Оборотъ съ φθάνω и причастіемъ принадлежитъ къ числу наиболѣе архаическихъ или, согласно принятой нами терминологіи, *архаизирующихъ*, то-есть, возстановляющихъ въ извѣстной мѣрѣ какую либо черту первобытной грамматической мысли. Первобытная черта, которая здѣсь подновлена, состоитъ въ томъ, что лексическое содержаніе, легко разлагающееся въ новыхъ языкахъ на глагольный пре-

[1]) Καμόντα согласуется съ γοῦνα, но относится и къ πόδες; такому согласованію способствовало, кромѣ положенія причастія непосредственно послѣ γοῦνα, также и то, что πόδες καὶ γοῦνα есть родъ ἓν-διὰ-δυοῖν, образуя какъ бы цѣлое (не два подлежащихъ, а одно).

[2]) Il. IX, 505—507: ἡ δ' ἄτη......... φθάνει δέ τε πᾶσαν ἐπ' αἶαν βλάπτους, ἀνθρώπους—Ate bringt vorher (ehe die Λιταί kommen) den Menschen über die ganze Erde hin Schaden (*Seiler*, Wörterb., s. v. φθάνω). Сочетаніе φθάνει βλάπτουσα (успѣваетъ вредить) производитъ иллюзію предикативно аттрибутивнаго. Но эта иллюзія сейчасъ же падаетъ передъ сознаніемъ („синтактическимъ ощущеніемъ"), что тутъ въ самомъ дѣлѣ два дѣйствія, два предикта (φθάνειν и βλάπτειν), при чемъ второй *фиктивно* представленъ, благодаря формѣ причастія, какъ *аппозиція* перваго.

дикатъ и его „опредѣленіе“, то-есть, обстоятельственное слово (напримѣръ, для φθάνω съ причастіемъ—„раньше“, „скорѣе“), разложено здѣсь на два предиката (φθάνω и причастіе), въ силу чего является „лишняя“ трата предикативной энергіи. Въ основѣ своей явленіе это примыкаетъ къ обширному классу архаическихъ ἓν-διὰ-δυοῖν, то-есть, служитъ однимъ изъ проявленій (или отголосковъ) того состоянія мысли, при которомъ требовалось два акта предицированія (двойная трата энергіи, обусловленная двукратнымъ проявленіемъ въ сознаніи предицирующаго акта) для того, чтобы грамматически апперцепировать то, что, при болѣе развитомъ состояніи грамматической мысли, требуетъ только одного акта затраты предикативной энергіи. Лучшую иллюстрацію или параллель этому явленію представляютъ древне-еврейскіе обороты съ יָסַף (jāsaf)—прибавлять, увеличивать, יָכֹל (jāxol)—мочь, быть въ состояніи, שׁוּב (šūβ)—возвращаться, оборачиваться, напримѣръ, Esth. VIII, 3: וַתּוֹסֶף אֶסְתֵּר וַתְּדַבֵּר — буквально „и прибавила Есфирь и сказала“, то-есть, „продолжала говорить“. LXX: καὶ προσθεῖσα ἐλάλησε,—Esth. VIII, 6: כִּי אֵיכָכָה אוּכַל וְרָאִיתִי — буквально „какъ буду я въ состояніи *и* буду смотрѣть“, то-есть, какъ буду я въ состояніи (въ силахъ) смотрѣть, LXX: πῶς γὰρ δυνήσομαι ἰδεῖν, — Ps. VII, 13: אִם־לֹא יָשׁוּב חַרְבּוֹ יִלְטוֹשׁ — буквально „да! Онъ возвратится (повернется), мечъ свой наточитъ“, то-есть, онъ *снова* наточитъ мечъ свой (*Ewald*, Die Psalmen[2], стр. 11: wohl wird er *wieder* wetzen sein Schwert), — II, Reg. I, 13: וַיָּשָׁב וַיִּשְׁלַח — буквально „и повернулся (обратился) и послалъ“, то-есть, *снова* (*вторично*) послалъ, LXX: καὶ προσέθετο.... ἔτι ἀποστεῖλαι. Различіе между этими еврейскими оборотами и греческимъ (съ φθάνω) въ томъ, что въ еврейскомъ—не составное сказуемое, а соединеніе двухъ простыхъ, при чемъ здѣсь еще ярче обнаруживается архаическая склонность разбивать одно представленіе квалифицированнаго [1]) дѣйствія (снова послать, продолжать говорить, быть въ силахъ смотрѣть) на два представленія—двухъ дѣйствій, изъ коихъ одно есть само дѣйствіе, а другое—его квалификація, представленная, какъ особое дѣйствіе: продолжать и говорить, быть въ силахъ и смотрѣть. Квалификація дѣйствія въ тѣсномъ смыслѣ (быстрота, спѣшность, учащеніе и пр.) и отношеніе субъекта къ нему (быть въ силахъ) ставятся на одну

[1]) Въ обширномъ смыслѣ, то-есть: 1) квалификація самого дѣйствія, и 2) квалификація отношенія къ нему субъекта.

доску, совершенно параллельно собственному дѣйствію, какъ будто это два равносильные акта, два послѣдовательные момента („рисунокъ на одномъ планѣ, безъ перспективы“, по удачному выраженію Миклошича). Исходною точкою греческаго оборота съ φθάνω должно было быть именно подобное сочетаніе двухъ предикатовъ (ἔφθη καὶ ἔβαλε, предупредилъ и ударилъ), поставленныхъ на одномъ планѣ (ср. Esth, VI, 10: מַהֵר קַח — поспѣши — возьми). Переходъ къ составному сказуемому есть уже шагъ впередъ—въ направленіи къ устраненію „одного плана“, къ созданію нѣкоторой „перспективы“, къ формальному дифференцированію, въ силу коего одинъ актъ выступаетъ въ роли псевдосвязки, а другой въ роли причастной аппозиціи. Замѣна причастія инфинитивомъ есть еще болѣе рѣшительный шагъ въ эту сторону. Онъ былъ сдѣланъ уже въ еврейскомъ (оборотъ יסף съ частицею ל и инфинитивомъ), — а въ индоевропейскихъ языкахъ является характерною чертою ихъ прогрессивнаго развитія.

II. Причастіе аориста въ роли *предикативнаго аттрибута* встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ въ роли аппозиціи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, смотря по намѣреніямъ говорящаго, оно могло въ одной и той же фразѣ поочередно принимать различную постановку,—то тяготѣя къ глаголу (и тогда оно являлось аппозиціей), то ближайшимъ образомъ примыкая къ подлежащему въ качествѣ его характеристики, его квалификаціи,—и тогда оно по необходимости отражалось въ сознаніи, какъ предикативный аттрибутъ. Такъ различно можно понимать причастіе аориста, напримѣръ, въ стихахъ Il. XXIII, 482: τὸν δὲ χολωσάμενος Κρητῶν ἀγός ἀντίον ηὔδα (если аппозиція: „разсердившись, говорилъ...“, „разсердился и говорилъ“; если предикативный аттрибутъ: „разсердившійся вождь Critянъ говорилъ“; послѣднему благопріятствуетъ положеніе причастія передъ подлежащимъ); Il, I, 517: τὴν δὲ μέγ'ὀχθήσας προσέφη νεφεληγερέτα Ζεύς. Il. II, 22: τῷ μιν ἐεισάμενος προσεφώνεε [аппозиція: уподобившись ему, говорилъ; предикативный аттрибутъ: (Сонъ), который принялъ его (Нестора) видъ, говорилъ ему Агамемнону)]. Но вотъ случаи, гдѣ, по моему разумѣнію, причастіе аориста не можетъ быть понимаемо иначе, какъ въ смыслѣ предикативнаго аттрибута: Od. XIX, 407: πολλοῖσι γὰρ ἐγώ γε ὀδυσσάμενος τόδ'ἱκάνω..... ib., 410: ὁππότ'ἂν ἡβήσας μητρώιον ἐς μέγα δῶμα ἔλθῃ.... Нельзя перевести: „возненавидѣлъ многихъ и прихожу“; текстъ значитъ: „являюсь (прихожу) возненавидѣвшій многихъ“, и здѣсь ἱκάνω—знаменательная связка, а причастіе (на вопросъ: какой?)—предикативный аттрибутъ. Также и ἡβήσας—предикативный аттрибутъ:

придетъ (какой? какимъ?) возмужавшимъ, юношей. Il. VII, 351 — 352: νῦν δ' ὅρκια πιστά ψευσάμενοι μαχόμεσθα—сражаемся (какъ) нарушившіе клятву,—мы, ставшіе нарушителями клятвы, сражаемся...

Иногда, какъ въ послѣднемъ примѣрѣ, можно для передачи греческихъ причастій аориста, въ ихъ предикативно-аттрибутивномъ употребленіи, пользоваться нашими общерусскими причастіями прош. дѣйст. Но для передачи тѣхъ же греческихъ причастій въ роли аппозиціи наши причастія прош. дѣйств. совсѣмъ не пригодны, — въ чемъ наглядно обнаруживается значительное „разстояніе", пройденное, въ эволюціонномъ порядкѣ, русскимъ языкомъ съ того времени, когда наши причастія были такъ-же аппозитивны, какъ и греческія. Нельзя, напримѣръ, ὣς ἄρα φωνήσας ἀπεβήσετο перевести „такъ проговорившій (сказавшій) ушелъ", или: „онъ, такъ сказавшій, ушелъ". Но еще нагляднѣе можно „демонстрировать" это различіе между нашими причастьями и древне-греческими слѣдующимъ „опытомъ". Возьмемъ двѣ фразы изъ Anabas. II. 1 — 2:.... ἐπὶ τὸ στρατόπεδον ἐλθόντες (аппозиція: „прійдя") οἱ Ἕλληνες ἐκοιμήθησαν.... ἅμα δὲ τῇ ἡμέρᾳ συνελθόντες (аппозиція: „собравшись") οἱ στρατηγοὶ ἐθαύμαζον.... и попробуемъ передать ихъ современными русскими причастьями прош. дѣств.: *пришедшіе* въ лагерь эллины легли спать" (или: „эллины, *пришедшіе* въ лагерь, легли спать"), — „*собравшіеся* вожди удивлялись". *Вышло совсѣмъ не то, что въ подлинникѣ*: при такомъ переводѣ получается тотъ смыслъ, что не всѣ эллины легли спать, а только тѣ изъ нихъ, которые пришли въ лагерь, и что не всѣ вожди удивлялись, а только тѣ, которые сошлись (были въ сборѣ), — чего, конечно, подлинникъ не допускаетъ (для такого смысла взятъ былъ бы оборотъ τῶν ἑλλήνων οἱ μέν....). Почему же это такъ вышло въ русскомъ переводѣ? Потому именно, что наши современныя причастья гораздо *аттрибутивнѣе* греческихъ, и этотъ избытокъ въ нихъ аттрибутивности мѣшаетъ имъ служить *аппозиціей*. Въ роли аппозиціи (только не образующей вмѣстѣ съ глаголомъ составнаго сказуемаго) у насъ выступаютъ *дѣепричастья*, которыми въ данномъ случаѣ и должны быть переведены греческія причастья, чтобы сохранить смыслъ подлинника: „Эллины, *прійдя* въ лагерь, легли спать", „вожди, *собравшись*, удивлялись...." — Къ чему же сводится этотъ избытокъ аттрибутивности нашихъ причастій? Къ усиленію тяготѣнія причастія къ подлежащему и къ устраненію тѣхъ узъ, которыми нѣкогда связывались причастья (древнерусскія) съ глагольною частью предиката. Усиленіе аттрибутивности совершалось насчетъ предика-

тивности, отъ которой въ нашихъ современныхъ (общерусскихъ) причастьяхъ осталась только сравнительно—небольшая доля, позволяющая имъ образовывать такъ называемыя „сокращенныя придаточныя предложенія".

Большая или даже преимущественная аттрибутивность нашихъ современныхъ (общерусскихъ) причастій, конечно, находится въ тѣсной связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что эти причастья сохранились только въ *членной* формѣ (безчленныя перешли въ дѣепричастья). Но при всемъ томъ нельзя смотрѣть на эту черту (членное окончаніе), какъ на главную причину развитія аттрибутивности нашихъ причастій, какъ на ея источникъ. Это былъ только сопутствующій и благопріятствующій моментъ, ускорившій процессъ усиленія аттрибутивности причастій насчетъ ихъ предикативности. Значительная доля аттрибутивности всегда была свойственна причастью (независимо отъ членной формы), и безъ аттрибутивности причастье перестаетъ быть таковымъ, переходя въ другую часть рѣчи (наши дѣепричастья, а также формы на—*лъ*,—*былъ, далъ, взялъ*). Съ другой стороны, оно немыслимо и безъ предикативности; лишенное этой послѣдней оно превращается въ прилагательное (что̀ и случилось съ русскими народными причастьями настоящаго, напримѣръ, *горячій*, *летучій*, *сыпучій*, *могучій* и т. д.). Причастье, по существу своему, есть такая часть рѣчи, въ которой совмѣщены оба момента (предикативность и аттрибутивность); можно бы сказать, что въ немъ искони эти два момента находились въ состояніи *неустойчиваго* равновѣсія, и достаточно было небольшаго толчка, чтобы одинъ изъ нихъ взялъ перевѣсъ надъ другимъ. Когда въ составномъ сказуемомъ вниманіе говорящаго сосредоточивается въ извѣстной мѣрѣ на отношеніи причастія къ подлежащему, тогда въ причастіи перевѣшиваетъ моментъ аттрибутивности, и оно становится предикативнымъ аттрибутомъ; когда вниманіе привлечено къ отношенію причастія къ глагольной части предиката, тогда перевѣшиваетъ моментъ предикативности, и причастіе превращается въ аппозицію.

Изучая составныя сказуемыя съ причастіями, мы естественно и обращали особенное вниманіе на эти два момента, совмѣщеніе которыхъ въ одномъ актѣ грамматической мысли и образуетъ то, что̀ мы называемъ причастьемъ.

Мы находимся еще въ самомъ началѣ нашихъ посильныхъ изысканій, и поэтому было бы преждевременно дѣлать теперь же какіе нибудь выводы изъ нихъ въ интересахъ вопроса объ отношеніи грамматическаго мышленія къ надъ-грамматическому,—логическому.

Но я позволю себѣ высказать здѣсь одно соображеніе, которое, быть можетъ, пригодится намъ въ нашихъ дальнѣйшихъ изысканіяхъ.

Согласно усвоенной нами основной психологической точкѣ зрѣнія, процессы мысли, извѣстные подъ именемъ *логическихъ*, возникаютъ и развиваются на счетъ умственной энергіи, сбереженной въ мышленіи грамматическомъ. Поэтому, при изученіи различныхъ формъ грамматическаго мышленія, представляется весьма важнымъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, насколько та или другая форма приспособлена къ экономизированію умственной энергіи. Вотъ именно мы и попытались (гл. II) приложить эту точку зрѣнія къ разсмотрѣннымъ нами оборотамъ съ причастьями. Здѣсь, въ дополненіе къ сказанному въ главѣ II-й, я обращу вниманіе на слѣдующіе пункты.

Причастья перфекта и аористовъ, равно какъ и слав. причастья прош. дѣйствительныя, преимущественно приспособлены къ роли *аппозиціи*, и въ сочетаніи съ ними глагольная часть предиката чаще всего является въ роли *псевдосвязки*. На этомъ пунктѣ получается большое сбереженіе умственной силы. Она сберегается, во-первыхъ, постольку, поскольку здѣсь устраняется затрата на мышленіе аттрибутивныхъ отношеній причастья къ подлежащему; эти отношенія тутъ не только *фиктивны* (какъ, повидимому, въ оборотѣ съ причастьемъ настоящаго въ роли аппозиціи),—они уже совершенно *формальны*, то-есть не проникаютъ въ свѣтлую точку сознанія. Во-вторыхъ, сберегается та часть силы, которая въ сочетаніяхъ съ настоящею связкою тратилась на мышленіе предикативнаго момента связки. Появленіе *псевдосвязки* есть важный фактъ въ развитіи грамматическаго мышленія; это также уже не *фикція связки*, а чистая *форма*, не проникающая въ свѣтлую точку сознанія и, стало быть, не требующая никакой траты энергіи. Глаголъ въ роли псевдосвязки могъ бы быть разсматриваемъ даже какъ простое сказуемое, то-есть, сказуемое, предицирующее свое собственное лексическое значеніе; но присутствіе причастья, хотя бы также предицирующаго себя самого, сообщаетъ глаголу какъ бы подобіе связки, создаетъ ея форму. Дальнѣйшій шагъ есть устраненіе самой формы. *Это—процессъ развитія, ведущій къ устраненію момента связки изъ сферы грамматическаго мышленія.*

Вотъ тутъ-то и открывается нѣкоторая перспектива въ сторону логическаго мышленія,—намѣчается вопросъ: какой результатъ могъ воспослѣдовать отсюда для созданія и развитія акта *логическаго предицированія*?

Теперь вспомнимъ *отвлеченную связку*: процесъ ея созданія и развитія представляется діаметрально-противоположнымъ тому, о которомъ мы только что говорили. Въ оборотахъ съ отвлеченною связкою сбереженіе силы совершается на счетъ мышленія лексическаго значенія: verbum substantivum въ качествѣ связки предицируетъ не свое собственное лексическое значеніе, а то, которое принадлежитъ предикативному аттрибуту. Итакъ, въ противоположность оборотамъ съ псевдосвязкою, *здѣсь устраняется изъ сферы сознанія не предикативный моментъ связки, а ея лексическое значеніе*. Но на ступени развитія, характеризуемой оборотами, съ которыми до сихъ поръ мы имѣли дѣло, это устраненіе лексическаго значенія не доведено до конца, что̀ явствуетъ изъ многочисленныхъ случаевъ созданія архаизирующихъ формъ, гдѣ отвлеченная связка замѣняется знаменательною или полузнаменательною. Только тамъ, гдѣ эта замѣна невозможна, устраненіе лексическаго значенія связки можетъ считаться окончательнымъ, абсолютнымъ, а не только относительнымъ. И вотъ оказывается, что такое абсолютное устраненіе лексическаго содержанія связки неминуемо влечетъ за собою вмѣстѣ съ тѣмъ и *устраненіе самого предикативнаго момента связки*, что̀ совершенно ясно изъ такъ называемыхъ описательныхъ временъ глагола, какъ, напримѣръ, je suis venu, ich bin gekommen, есмь взялъ и т. д., гдѣ *suis*, *bin*, *есмь* лишены своего лексическаго значенія *и не являются связками*. Итакъ, конечный результатъ движенія въ этомъ направленіи, то-есть, въ направленіи отвлеченной связки, неожиданно оказывается тѣмъ же самымъ, къ которому приводитъ и развитіе псевдосвязки. Это именно—*устраненіе изъ сферы грамматической мысли самого момента связки*.

Если теперь вдумаемся въ смыслъ такъ называемой *логической связки*, то придемъ къ заключенію, что это такой умственный актъ, который, по своему строю или типу, ближе всего подходитъ къ только что указанному результату развитія грамматическаго момента связки. Логическая „связка“ есть *связка мнимая* (не даромъ нѣкоторые ученые, въ томъ числѣ и Потебня, отрицаютъ самое ея существованіе), она не образуетъ особаго момента въ сознаніи,—она есть только актъ

установленія или апперцепціи предикативнаго отношенія,—актъ столь же нераздѣльно слитый съ самимъ предицируемымъ содержаніемъ, какъ въ языкѣ, простое глагольное сказуемое нераздѣльно совмѣщаетъ въ себѣ моментъ своего лексическаго значенія и моментъ предицированія. Я не буду отрицать самаго существованія „логической связки“, но я думаю, что въ тѣхъ формахъ логическаго сужденія, гдѣ она появляется, она есть родъ *логической фикціи*, родъ *мнимой величины*. Логическое мышленіе, не менѣе грамматическаго, характеризуется присутствіемъ элементовъ фиктивныхъ и чисто-формальныхъ.

Д. Овсянико-Куликовскій.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О ПОЭЗІИ ТЮТЧЕВА.

I.

15-го іюля 1898 года исполнилось двадцатипятилѣтіе со дня кончины Ѳ. И. Тютчева, и наступленіе этого перваго юбилейнаго срока, какъ водится, подало поводъ къ появленію на страницахъ повременныхъ изданій болѣе или менѣе бѣглыхъ замѣтокъ, посвященныхъ памяти поэта. Старинное изреченіе „habent sua fata libelli“ справедливо по отношенію не только къ отдѣльнымъ литературнымъ произведеніямъ: оно приложимо нерѣдко и къ дѣятельности писателя, взятой въ цѣломъ. На долю Тютчева выпала жизнь болѣе долгая, чѣмъ какая является среднимъ удѣломъ большинства русскихъ литераторовъ; если онъ въ теченіе семидесятилѣтняго жизненнаго пути написалъ очень немного по количеству и еще менѣе по объему, то это еще, конечно, не должно удивлять насъ: русскіе поэты вообще рѣдко отличаются значительною продуктивностью, да и самый характеръ исключительно лирическаго таланта Тютчева ограничилъ сферу его дѣятельности одними мелкими стихотвореніями. Но именно своеобразный рокъ тяготѣлъ и, пожалуй, продолжаетъ тяготѣть и теперь надъ этою поэтическою дѣятельностью, продолжавшеюся съ перерывами въ теченіе почти полустолѣтія, начиная съ двадцатыхъ годовъ доживающаго свои послѣдніе дни вѣка. Появляясь разбросанно въ разныхъ альманахахъ и журналахъ, первые опыты Тютчева проходили почти незамѣченными; затѣмъ, послѣ шестилѣтней паузы, съ 1836 года онъ начинаетъ вновь печатать свои стихотворенія на страницахъ основаннаго Пушкинымъ *Современника*, но и эта серія произведеній Тютчева, скрывавшаго свое имя подъ инициалами *Ѳ. Т.* (или, самое большее, *Ѳ. Т—въ.*), обратила на себя, повидимому, не болѣе внима-

нія со стороны публики, по крайней мѣрѣ, не удостоилась ни одного критическаго отзыва, и уже послѣ 1840 года печатаніе этихъ стихотвореній, „присланныхъ изъ Германіи“,—какъ гласилъ ихъ общій заголовокъ,—прекращается вторично и надолго. И однако эти самыя стихотворенія, спустя еще десятилѣтіе, были оцѣнены Некрасовымъ въ его статьѣ *Русскіе второстепенные поэты* (*Современникъ*, 1850, № 1, отд. VI, стр. 56), при чемъ критикъ призналъ въ произведеніяхъ анонимнаго автора столько „оригинальности мысли и прелести изложенія“, что, казалось, написать ихъ могъ только самъ основатель журнала, въ которомъ они помѣщались. Такимъ образомъ поэтъ, писавшій и печатавшій уже почти четверть вѣка, дождался, наконецъ, лестной оцѣнки; за нимъ былъ признанъ „истинный и прекрасный талантъ, нерѣдко самобытный, всегда граціозный, исполненный мысли и неподдѣльнаго чувства“, талантъ, который могъ бы доставить своему обладателю,—если бы онъ писалъ болѣе,—„одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ русской поэзіи“ (ibid.). И все-таки, несмотря на этотъ компетентный отзывъ, понадобились еще четыре года для того, чтобы критика слилась въ общемъ хорѣ похвалъ *тѣмъ самымъ* стихотвореніямъ, на которыя раньше не обращала вниманія. Только теперь, въ 1854 году, публика получила возможность познакомиться съ Тютчевымъ въ цѣломъ видѣ,—когда его стихотворенія (всего 96 пьесъ) были отпечатаны въ видѣ прибавленія къ третьей книжкѣ *Современника* и затѣмъ въ томъ же году появились отдѣльною книжкою, въ которую вошли всѣ пьесы Тютчева, собранныя редакціею того же журнала изъ изданій болѣе раннихъ годовъ. Какъ за четыре года передъ тѣмъ Некрасовъ оцѣнилъ талантъ уже не новаго, но малоизвѣстнаго поэта, какъ теперь Тургеневъ посвятилъ ему цѣлую статью (*Нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ Ѳ. И. Тютчева*, четвертая книжка *Современника* за 1854 годъ), въ которой назвалъ его „однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, завѣщанныхъ намъ привѣтомъ и одобреніемъ Пушкина“, даже болѣе,—заявилъ, что Тютчевъ, „принадлежащій къ поколѣнію предыдущему, стоитъ рѣшительно выше всѣхъ своихъ (новѣйшихъ) собратовъ по Аполлону“, что на немъ одномъ „лежитъ печать той великой эпохи, къ которой онъ относится, и которая такъ ярко и сильно выразилась въ Пушкинѣ: въ немъ одномъ замѣчается та соразмѣрность таланта съ самимъ собою, та соотвѣтственность его съ жизнью автора,—словомъ, хоть часть того, что въ полномъ развитіи своемъ составляетъ отличительные признаки великихъ дарованій“. Признавая, что кругъ Тютчева не обширенъ,

что въ его талантѣ нѣтъ другихъ элементовъ, кромѣ чисто лирическихъ, Тургеневъ указываетъ, что за то въ своемъ кругу Тютчевъ находится дома, что его стихи (самые короткіе—почти всегда самые удачные) не сочинены, не придуманы, а всѣ кажутся написанными на извѣстный случай, какъ того хотѣлъ Гете, и въ этомъ „драгоцѣнномъ качествѣ“ критикъ еще разъ видитъ вліяніе Пушкина, отблескъ его времени.

Такимъ образомъ было увѣнчано лаврами почти тридцатилѣтнее поэтическое служеніе Тютчева и съ этого времени уже не прерывалось, хотя и не сдѣлалось болѣе интенсивнымъ, чѣмъ прежде. Имя поэта пріобрѣло извѣстность, но прежній фатумъ сказался вновь: имя поэта извѣстно русскому обществу болѣе, чѣмъ его поэзія. Позднѣйшія произведенія Тютчева, если и не раздѣлили участи прежнихъ его опытовъ, то во всякомъ случаѣ не привлекли къ себѣ того вниманія, какого можно было бы ожидать послѣ приведенныхъ выше лестныхъ отзывовъ. Интересъ, возбужденный въ 1854 году, затѣмъ вновь остылъ и отвлекся въ сторону другихъ литературныхъ явленій, чему содѣйствовалъ и самый характеръ наступившей новой эпохи въ жизни русскаго общества со второй половины пятидесятыхъ годовъ. Самая кончина престарѣлаго поэта не прошла, конечно, неотмѣченною въ текущей журналистикѣ (напоминаемъ прежде всего подробную біографію и оцѣнку Тютчева, написанную И. С. Аксаковымъ, помѣщенную въ *Русскомъ Архивѣ* 1874 года), но и не произвела сильнаго впечатлѣнія, и по прошествіи цѣлаго двадцатилѣтія В. С. Соловьевъ нашелъ своевременнымъ вновь познакомить русскую читающую публику съ Тютчевымъ (статья въ *Вѣстникѣ Европы* 1895 года), при чемъ вполнѣ справедливо замѣтилъ, что у громаднаго большинства этой публики съ именемъ Тютчева не связывается почти никакого опредѣленнаго представленія, и что наиболѣе памятливые читатели обыкновенно оказываются въ состояніи припомнить какія-нибудь два-три его стихотворенія, помѣщаемыя по традиціи въ любой хрестоматіи,—чаще всего, пожалуй, *Весеннія Воды* („*Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ*“) и *Весеннюю Грозу* („*Люблю грозу въ началѣ мая*“). И наступившее двадцатипятилѣтіе со дня смерти поэта прошло бы совершенно незамѣченнымъ, если бы о немъ не напомнили газеты, по обязанности отмѣчающія всякіе юбилейные сроки и въ силу этого помѣстившія на своихъ столбцахъ болѣе или менѣе бѣглыя замѣтки, посвященныя памяти Тютчева. Попытаемся же остановить хоть на короткое время вниманіе мыслящихъ людей на литературномъ фактѣ,

несомнѣнно заслуживающемъ вниманія, и сдѣлаемъ, что въ нашихъ силахъ, для освѣщенія, хотя бы частичнаго, личности поэта, уже далеко отстоящаго отъ современныхъ поколѣній.

II.

Если задаться вопросомъ о причинахъ малой популярности Тютчевской поэзіи, то отвѣтъ на этотъ вопросъ распадается на нѣсколько частей. Прежде всего объясненія указаннаго факта приходится искать въ самомъ характерѣ этой поэзіи: коротенькія лирическія стихотворенія въ массѣ случаевъ быстро улетучиваются изъ памяти читателя, знакомящагося съ ними порознь, и лишь сравнительно рѣдко оставляютъ по себѣ прочное впечатлѣніе; для прочтенія же подъ рядъ многихъ, собранныхъ въ одну книгу исключительно лирическихъ изліяній обыкновенно не хватаетъ терпѣнія у средняго читателя, мало расположеннаго вникать и изучать творчество поэта, взятое въ цѣломъ. Если такое чтеніе однообразныхъ по формѣ произведеній вызоветъ въ душѣ человѣка впечатлѣніе монотонности также и по содержанію, такой выводъ,—нерѣдко поспѣшный и несправедливый, являющійся результатомъ лишь поверхностнаго просмотра,—будетъ столь же мало благопріятенъ для писателя, какъ и противоположный случай: разнообразіе, пестрота содержанія затрудняетъ на первый разъ ознакомленіе съ личностью поэта, мѣшаетъ цѣльности впечатлѣнія, дробитъ вниманіе и способствуетъ быстрѣйшему смѣшенію и забвенію прочитаннаго. Отъ такого исхода весьма часто не спасаетъ и восхищеніе, ощущаемое при первомъ мимолетномъ чтеніи поэтическаго произведенія, и едва ли кто станетъ оспаривать, что даже слава Пушкина или Лермонтова была бы сравнительно мало обезпечена, если бы ей было суждено основываться на одной лирикѣ, если бы не было на лицо болѣе крупныхъ произведеній эпическихъ или драматическихъ, воздѣйствующихъ съ большею силою, врѣзывающихся гораздо прочнѣе въ память читателя. Самое распредѣленіе лирическаго матеріала въ печатномъ изданіи представляетъ извѣстныя затрудненія: строго хронологическій распорядокъ, дающій болѣе возможности прослѣдить постепенное развитіе таланта и настроенія поэта, нерѣдко въ то же время подавляетъ разнообразіемъ мотивовъ, тогда какъ расположеніе по отдѣламъ можетъ повлечь за собою другую указанную выше опасность, то-есть утомить однообразіемъ тона и содержанія,— не говоря уже о томъ, съ какимъ трудомъ лирика поддается такой

систематизаціи, сколько послѣдняя можетъ заключать въ себѣ произвольнаго и натянутаго.

Далѣе, популярность лирической поэзіи обратно пропорціональна той степени вниманія, углубленія, какая требуется отъ читателя для вполнѣ сознательнаго отношенія къ поэтическому произведенію и, слѣдовательно, для оцѣнки его по достоинству. Лирическое стихотвореніе усвоивается тѣмъ легче, чѣмъ общедоступнѣе выражаемое имъ субъективное настроеніе, и чѣмъ ярче прелесть его художественной отдѣлки. Смотря съ этой точки зрѣнія на поэзію Тютчева, мы отчасти поймемъ причину ея малой распространенности въ обществѣ: передъ нами, несомнѣнно, поэтъ-художникъ, но въ то же время и еще болѣе поэтъ-мыслитель, съ пантеистическимъ оттѣнкомъ въ міросозерцаніи, выразитель тонкихъ, трудно уловимыхъ ощущеній, воспринимаемыхъ человѣческою душею отъ живой природы, поэтъ-психологъ, могущій быть оцѣненнымъ лишь подъ условіемъ очень вдумчиваго чтенія и даже неоднократнаго перечитыванія. Художественность формы отступаетъ на второй планъ передъ глубиною содержанія; слово порою оказывается даже безсильнымъ для выраженія того, что смутно волнуетъ и наполняетъ душу, что поддается уловленію даже самого ощущающаго субъекта лишь при наличности особой чуткости къ психическимъ движеніямъ и почти не поддается словесной формулировкѣ, понятной для внѣшняго міра. Кристальная ясность содержанія и пластичность образовъ не могутъ быть постояннымъ удѣломъ такой поэзіи, зрѣющей *въ душевной глубинѣ*, для которой наиболѣе краснорѣчивымъ выраженіемъ является *молчаніе*:

„Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ, и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи!
Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!
Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй:
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушитъ наружный шумъ,

Дневные ослѣпятъ лучи:
Внимай ихъ пѣнью и молчи!" (*Silentium*).

Такова характерная поэтическая исповѣдь Тютчева. Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ внѣшняя форма стихотворенія часто не въ состояніи выразить его содержанія, является иногда блѣдною, туманною, порою даже отчасти небрежною или прибѣгаетъ къ нѣсколько рискованнымъ поэтическимъ оборотамъ. Такая поэзія много говоритъ уму и сердцу вдумчиваго, чуткаго цѣнителя, но она на половину нѣма для средняго, разсѣяннаго, не любящаго сосредоточиваться читателя.

Однако эта поэзія тонкихъ, часто неуловимыхъ душевныхъ ощущеній далеко не чужда общественныхъ, говоря еще точнѣе,—національно-политическихъ мотивовъ, болѣе доступныхъ пониманію большой публики и способныхъ волновать и даже раздражать въ зависимости отъ тяготѣнія человѣка къ тому или иному общественному настроенію. Въ изданіи стихотвореній Тютчева (1886 г.) отдѣлъ, озаглавленный *Исторія-Политика*, занимаетъ приблизительно третью часть всей книжки и, какъ мы еще увидимъ, можетъ быть, пожалуй, нѣсколько пополненъ изъ другихъ отдѣловъ того же изданія.

Стихотворенія этого отдѣла, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ (по отношенію къ историческимъ эпохамъ, не пережитымъ самимъ поэтомъ,—въ порядкѣ самихъ эпохъ, но не времени написанія того или другаго произведенія), охватываютъ событія цѣлаго ряда десятилѣтій, начиная отъ середины 20-хъ годовъ (восходя даже къ болѣе раннему времени, къ вѣку Наполеона) и продолжаясь непрерывною цѣпью до конца 60-хъ годовъ. Получается такимъ образомъ довольно послѣдовательная поэтическая лѣтопись, очень интересная и поучительная въ смыслѣ ознакомленія съ постепеннымъ развитіемъ одной важной стороны міросозерцанія поэта, его общественно-политическихъ идеаловъ и симпатій. Нужно, однако, сознаться, что затрогиваемые Тютчевымъ въ его политическихъ стихотвореніяхъ мотивы не отличаются особымъ разнообразіемъ и, нося достаточно яркую окраску въ духѣ опредѣленной политической доктрины, этою именно односторонностью осуждаютъ себя на болѣе или менѣе равнодушное отношеніе къ нимъ со стороны приверженцевъ иныхъ лагерей. Это въ большинствѣ случаевъ стихотворенія партійныя, написанныя подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ текущихъ событій, проникнутыя духомъ борьбы и въ то же время сравнительно мало задѣвающія—въ иныхъ случахъ — непосредственные интересы рус-

ской народной массы. Этою стороною своей поэтической дѣятельности Тютчевъ, слѣдовательно, также принадлежитъ скорѣе извѣстному кругу,—на этотъ разъ кругу сочувствующихъ единомышленниковъ,—чѣмъ обширнымъ слоямъ читающаго люда. Чистый художникъ-мыслитель и политическій борецъ, Тютчевъ одинаково можетъ быть излюбленнымъ поэтомъ лишь для немногихъ.

III.

На только что указанной второй сторонѣ поэзіи Тютчева мы и намѣрены сосредоточить наше вниманіе, — разсмотрѣть, въ какую форму отлились общественные взгляды поэта, почти сверстника Пушкина, воспитавшагося подъ вліяніемъ традицій его чистаго художества и дожившаго до треволненій позднѣйшихъ эпохъ.

Центральнымъ пунктомъ въ политической поэзіи Тютчева является идея славянскаго единенія; въ виду этого факта прежде всего интересно прослѣдить отношеніе поэта къ западно-европейскому міру и уяснить его взглядъ на міровую роль его отечества, на взаимное отношеніе между Русью и Западомъ. Послѣдній, былъ достаточно хорошо извѣстенъ Тютчеву по непосредственному знакомству и оставилъ весьма осязательные слѣды въ его произведеніяхъ, давъ немалую пищу для его поэтическихъ вдохновеній. Но здѣсь намъ приходится отмѣтить то же явленіе, на какое мы указывали, говоря о поэзіи Майкова: поэтъ въ данномъ случаѣ раздвояется на художника и мыслителя и упивается, именно какъ поклонникъ красоты, роскошью чудной природы, ея тепломъ и свѣтомъ (у Майкова сюда присоединяется еще характерное для его музы тяготѣніе къ античному міру, въ гораздо слабѣйшей степени замѣтное у Тютчева), не перенося въ то же время своихъ симпатій на формы общественной жизни и складъ идей, направляющихъ ходъ послѣдней.

Если имѣть въ виду одни только стихотворенія Тютчева, лишенныя политической окраски, онъ намъ представится космополитомъ, котораго отнюдь не тянетъ къ родной почвѣ, который ощущаетъ себя дома повсюду, находясь лицомъ къ лицу съ природою, — даже болѣе того: передъ нами страстный обожатель „блаженнаго“ Юга, рвущійся туда съ холоднаго Сѣвера, какъ на родину съ чужбины, куда его случайно занесла судьба.

„Глядѣлъ я, стоя надъ Невой,
Какъ Исаака великана

Во мглѣ морознаго тумана
Свѣтился куполъ золотой.
Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное;
Бѣлѣла въ мертвенномъ покоѣ
Оледенѣлая рѣка.
Я вспомнилъ, грустно молчаливъ,
Какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ солнце грѣетъ,
Теперь на солнцѣ пламенѣетъ
Роскошный Генуи заливъ...
О Сѣверъ, Сѣверъ-чародѣй!
Иль я тобою околдованъ?
Иль въ самомъ дѣлѣ я прикованъ
Къ гранитной полосѣ твоей?
О, еслибъ мимолетный духъ,
Во мглѣ вечерней тихо вѣя,
Меня унесъ скорѣй, скорѣе
Туда, туда, на теплый Югъ!"

Какъ „растворенный Эдемъ", представляется этотъ „золотой, свѣтлый" Югъ очамъ поэта въ сравненіи съ роднымъ „царствомъ вьюги", со „свинцовымъ небосклономъ" Сѣвера, гдѣ —

„... воздухъ колетъ, снѣгъ обильный
На высотахъ и въ глубинѣ,
И холодъ, чародѣй всесильный,
Одинъ господствуетъ вполнѣ"
(*„Давно ль, давно ль, о Югъ блаженный"*).

„Сонный хладъ Киммерійской грустной ночи",—такъ характеризуетъ Тютчевъ родную, но чуждую его сердцу природу, перенося силою воображенія въ иной, *родимый* край, — родимый для всякой поэтической души,—представляющійся ему потеряннымъ раемъ:

„Лавровъ стройныхъ колыханье
Зыблетъ воздухъ голубой;
Моря тихое дыханье
Провѣваетъ лѣтній зной.
Цѣлый день тамъ солнце грѣетъ
Золотистый виноградъ;
Баснословной пылью вѣетъ
Изъ подъ мраморныхъ аркадъ.
Сновидѣньемъ безобразнымъ
Скрылся Сѣверъ роковой;
Сводомъ легкимъ и прекраснымъ
Свѣтитъ небо надо мной.
Снова жадными очами

Свѣтъ живительный я пью
И подъ чистыми лучами
Край волшебный узнаю".

(*"Вновь твои я вижу очи"*).

Не желая утомлять читателей дальнѣйшими длинными цитатами, отмѣтимъ для полноты иллюстрація еще такія стихотворенія, какъ *Дорога изъ Кенигсберга въ Петербургъ*, — рисующее картину роднаго ландшафта „подъ дымчатымъ навѣсомъ огромной тучи снѣговой", — *„Грустный видъ и грустный часъ!"*, *„Въ дорогѣ"*, *„И такъ опять увидѣлся я съ вами, мѣста не милыя, хоть и родныя"*: во всѣхъ этихъ пьесахъ родина поэта представляется въ видѣ безлюднаго края, „не бывшаго родимымъ для его души", гдѣ нѣтъ ни звуковъ, ни красокъ, ни движенья, гдѣ небесный сводъ вяло глядитъ на тощую землю, усталая природа спитъ, погрузившись въ желѣзный сонъ, и только блѣдныя березы, мелкій кустарникъ, сѣдой мохъ кое-гдѣ смущаютъ мертвенный покой, подобно лихорадочнымъ грезамъ, гдѣ мѣсяцъ свѣтитъ какъ гробовой призракъ изъ тумана,—словомъ, гдѣ нѣтъ жизни,— и воображеніе то и дѣло уноситъ поэта изъ этого царства тѣней въ „чудные" края, гдѣ „радужныя горы въ лазурныя глядятся озера", гдѣ „тотъ же мѣсяцъ, но живой, дышетъ въ зеркалѣ Лемана", въ тотъ край, гдѣ „нѣтъ теперь ужъ насъ", вслѣдствіе чего лучше и не вспоминать о немъ, чтобы не усиливать и безъ того гнетущей тоски.

Разумѣется, указанными заявленіями еще не рѣшается всецѣло вопросъ объ отношеніи Тютчева къ родной русской природѣ: какъ натура истинно поэтическая, онъ умѣлъ вездѣ подмѣчать красоту и воплощать ее въ образы, Прочтемъ на выдержку такія его пьесы, какъ, напримѣръ *„Какое лѣто, что за лѣто!"*, *„Тихо въ озерѣ струится"*, *„Гроза дорогой"*, *„Тихой ночью позднимъ лѣтомъ"*, *„Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь"*, *„Листья"*, *„Есть въ осени первоначальной"*, *„Небо блѣдно-голубое"*, *„Осенній вечеръ"*, *„Обвѣянъ вѣщею дремотой"*, *„Осенней позднею порою"*, *„Зима не даромъ злится"*, *„Еще земли печаленъ видъ"*, *„Весеннія воды"*, *„Первый листъ"* и пр. и пр.,— и мы убѣдимся въ томъ многообразіи вдохновеній, какимъ дарила поэта не только вѣчно юная весна, но и осеннее увяданіе блѣдной сѣверной природы,—менѣе всего, однако, русская зима, въ чемъ Тютчевъ довольно рѣзко расходится съ Пушкинымъ, сходясь съ нимъ въ любви къ осени, особенно „первоначальной". Восторженное упоеніе природою юга свойственно каждому поэту и, конечно, не можетъ

удивлять никого: вспомнимъ аналогичные факты изъ поэзіи хотя бы Некрасова, — и все-таки именно при этомъ сопоставленіи намъ всего рѣзче бросится въ глаза отмѣченный нами космополитическій характеръ *чистой* лирики Тютчева: эта поэзія во всякомъ случаѣ не проникнута насквозь колоритомъ русской природы, не находитъ, что „дома лучше", и сѣверная вьюга не звучитъ для нея слаще, чѣмъ ласковый шумъ южнаго моря. Извѣстныя слова Некрасова о хандрѣ и нѣмотѣ, овладѣвающими имъ на прекрасной чужбинѣ, его заявленіе, что только на родной сторонѣ онъ можетъ быть поэтомъ,—непримѣнимы къ служителямъ чистаго искусства, какимъ является и Тютчевъ внѣ обособленной сферы своей тенденціозной поэзіи. Поэтъ-народникъ и поэтъ-художникъ сходятся, повидимому, въ одномъ пунктѣ, — въ отрицательномъ отношеніи къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ протекли ихъ дѣтскіе годы,—но только повидимому. Достаточно извѣстно, почему родныя мѣста не будили въ душѣ Некрасова отрадныхъ воспоминаній; Тютчевъ не научился въ дѣтствѣ „терпѣть и ненавидѣть", но при свиданіи съ тѣми мѣстами, гдѣ онъ мыслилъ и чувствовалъ впервые, онъ смотритъ безъ участія, какъ на нѣчто чуждое, давно умершее, на свой дѣтскій возрастъ, „смутный призракъ забытаго, загадочнаго счастья", и у него вырывается восклицаніе:

„Ахъ, нѣтъ! Не здѣсь, не этотъ *край безлюдный*
Былъ для души моей родимымъ краемъ;
Не здѣсь расцвѣлъ, не здѣсь былъ величаемъ
Великій праздникъ молодости чудной!
Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ
То, чѣмъ я жилъ и чѣмъ я дорожилъ!"
(„*И такъ, опять увидѣлся я съ вами*"...).

IV.

Совершенно иное отношеніе къ родной земли вскроется передъ нами, если мы перейдемъ къ тѣмъ стихотвореніямъ Тютчева, въ которыхъ выражается его взглядъ на русскій народъ, какъ на коллективную личность, и на его историческое предназначеніе. Обстановка, среди которой живетъ этотъ народъ, не дѣлается наряднѣе въ глазахъ поэта, но тѣмъ поразительнѣе выступаетъ контрастъ между этою неприглядною внѣшностью и внутреннимъ величіемъ народнаго духа:

„Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа,—
Край родной *долготерпѣнья*,

Край ты русскаго народа!
Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей *смиренной*.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя".

Этихъ немногихъ, но выразительныхъ строкъ уже достаточно, чтобы уяснить себѣ основу воззрѣнія Тютчева на иноплеменный Западъ съ характерною для него гордостью и на Русь, какъ на страну, излюбленную и благословенную свыше за ея долготерпѣніе и смиреніе. Построенное на такомъ базисѣ противоположеніе двухъ міровъ есть одинъ изъ краеугольныхъ догматовъ славянофильскаго ученія. Мы не намѣрены вдаваться въ анализъ этого взгляда, хотя не можемъ не повторить высказаннаго нами же по другому поводу замѣчанія, что въ указанной формулѣ трудно не усмотрѣть того самаго смертнаго грѣха, который приписывается Западу, какъ его коренное свойство,—другими словами, трудно не усмотрѣть внутренняго противорѣчія. Приведенные стихи Тютчева буквально повторяютъ терминологію Хомякова, предрекавшаго гибель Англіи за то, что она лукава и *горда*, и предвидѣвшаго, что „другой странѣ *смиренной*, полной вѣры и чудесъ, Богъ отдастъ судьбу вселенной, громъ земли и гласъ небесъ". Извѣстно, что тотъ же поэтъ, теоретикъ славянофильства, предостерегалъ свое отечество отъ „слѣпой гордости", убѣждая его не склоняться на льстивые голоса, приглашающіе кичиться силой, славой, вообще земнымъ прахомъ, и, вспоминая горделивое самосознаніе „избраннаго рода", древняго Израиля, заявлялъ, что Богъ не терпитъ людской гордыни и отвергаетъ мнящихъ себя солью земли. И тѣмъ не менѣе, по его же глубокому вѣрованію, святая Русь есть именно избранница Божія, и самъ народъ обязательно долженъ проникнуться тѣмъ же взглядомъ на себя самого, разъ только онъ доростетъ и разовьется до сознательнаго отношенія къ своимъ судьбамъ и задачамъ: иначе говоря, его — принимаемое за безспорный фактъ—смиреніе есть явленіе временное, зависящее отъ степени пониманія своей міровой роли. Хомяковъ понималъ, что смиреніе можетъ быть и „рабскимъ", — и этого вида смиренія онъ такъ же мало желалъ для своей родины, какъ и слѣпаго самообожанія, но не задавался вопросомъ о томъ, дѣйствительно ли выдвигаемое имъ качество

присуще русскому народу, какъ нѣчто сознательное и неизмѣнное при какихъ бы то ни было условіяхъ исторической обстановки.

То же самое отношеніе къ вопросу въ общемъ мы находимъ и у Тютчева. Русскій народъ есть исполнитель „небесныхъ путей", чующій надъ своею главою „звѣзду въ незримой высотѣ" и неуклонно идущій за нею къ таинственной цѣли (*На взятіе Варшавы*); Русь— „лучшихъ будущихъ временъ глаголъ и жизнь и просвѣщенье" („*Теперь тебѣ не до стиховъ*"...), носительница Божіей правды, которую дерзко зоветъ на бой людская кривда (*Польскій мятежъ*), противъ которой ополчились всѣ „богомерзкіе народы", поднявшіеся со дна царства тьмы. На европейской почвѣ фарисейская наука создала двойную правду (*Славянамъ, пріѣхавшимъ въ Москву*); цѣлый міръ сталъ воплощенною ложью („*Хотя бъ она сошла съ лица земнаго*"...), и только одна Русь является пріютомъ для гонимой истины. Къ Россіи, по убѣжденію Тютчева, неприложима общая мѣрка: она представляетъ собою нѣчто особенное, непостижимое для узкаго и сухаго человѣческаго разсудка:

„Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить;
У ней особенная стать:
Въ Россію можно только вѣрить".

Эти четыре строчки уже престарѣлаго поэта, написанныя въ концѣ 1866 г., какъ бы резюмируютъ вкратцѣ содержаніе длинной тирады Б. Н. Алмазова въ его извѣстномъ стихотвореніи *Русь и Западъ*, относящемся къ болѣе раннему времени (начала Крымской войны),— тирады, обращенной къ народамъ Запада съ заявленіемъ, что имъ не понять русскаго народа, не постигнуть высокаго смысла его судебъ, хотя бы они силою научнаго анализа и возстановили даже всѣ черты жизни давно отжившихъ націй. Мы еще увидимъ, какъ формулируется Тютчевымъ его общая точка зрѣнія на призваніе Россіи, какъ понимается имъ та „таинственная мета", къ которой ведетъ ее Провидѣніе; но сперва наше вниманіе обращается на другой пунктъ,— именно на отношеніе поэта къ текущимъ событіямъ русской жизни въ зависимости отъ его основныхъ взглядовъ на исключительное положеніе Руси среди государствъ и народовъ міра.

V.

Здѣсь мы должны отмѣтить одну характерную черту, наблюдаемую въ поэзіи не одного Тютчева, но и большинства писателей род-

ственнаго ему образа мыслей. Поэзія, вдохновляющаяся идеаломъ мессіанскаго значенія роднаго народа, легко, даже неизбѣжно переходитъ въ поэтическую публицистику, но при этомъ не менѣе фатально обрекается на односторонность и тенденціозное освѣщеніе,—перспектива, которая, конечно, угрожаетъ всякой вообще публицистикѣ, но едва ли не наиболѣе тому ея виду, который смотритъ на вещи сквозь призму предвзятаго идеализма. Какою бы узкостью ни отличалась порою пессимистическая поэзія гражданской или міровой скорби, она все же обыкновенно остается болѣе привязанною къ почвѣ дѣйствительности, строитъ свои, нерѣдко поспѣшныя обобщенія на отдѣльныхъ, но реальныхъ фактахъ, хотя бы и невѣрно понятыхъ или преувеличенныхъ. Національный идеализмъ, напротивъ, слишкомъ охотно витаетъ въ облакахъ будущаго и мало считается съ настоящимъ, нерѣдко даже прямо закрываетъ глаза на трезвую, неприкрашенную и потому часто печальную правду жизни; вѣруя непоколебимо въ свои догматы, онъ не можетъ устоять передъ искушеніемъ окрасить въ цвѣтъ своей теоріи какіе угодно факты, даже болѣе того,—иногда замѣнить факты гипотезами, выдаваемыми за несомнѣнныя истины. Насущныя нужды народа, какъ бы онѣ ни были жгучи, представляются мелкими, будничными злобами дня передъ великими задачами міроваго предназначенія, — и потому излюбленною областью національно-политической поэзіи является такъ называемая внѣшняя, международная политика, міровая арена, обозрѣваемая съ высоты орлиннаго полета, тогда какъ своя, домашняя жизнь остается совершенно въ тѣни. Не всегда, конечно, бываетъ такъ: стихотворенія И. С. Аксакова, какъ и вся его литературная дѣятельность, наглядно доказываютъ, что идеалистъ, послѣдователь рѣзко опредѣленной національной доктрины, можетъ быть и реалистомъ, *не игнорирующимъ* живой дѣйствительности съ ея запросами (не говоримъ: *не окрашивающимъ* ея); но въ общемъ національзмъ въ поэзіи не представляетъ благопріятной почвы для развитія гражданскихъ мотивовъ, — какъ и наоборотъ.

Сказанное вполнѣ приложимо къ интересующимъ насъ стихотвореніямъ Тютчева. Если не считать пяти пьесъ, посвященныхъ памяти Наполеона (изъ нихъ одна—переводъ изъ Манцони), эти стихотворенія представляютъ собою отклики поэта на длинный рядъ событій, начиная съ 1825 года и завершаясь самымъ концомъ шестидесятыхъ годовъ. При послѣдовательномъ прочтеніи ихъ нетрудно убѣдиться, что собственно внутренняя жизнь русскаго народа нашла себѣ лишь

слабый отголосокъ въ этой націоналистической поэзіи: даже на пережитую его отечествомъ великую эпоху освобожденія Тютчевъ откликнулся лишь однимъ,—разумѣется, прочувствованнымъ,—четверостишіемъ (*Императору Александру Второму*) да еще небольшимъ стихотвореніемъ, относящимся къ началу этой эпохи (1857 году),—стихотвореніемъ, на которое мы еще укажемъ ниже. За то вопросъ о славянскомъ братствѣ, о русско-славянскихъ и въ частности о русско-польскихъ отношеніяхъ, событія 1848 и слѣдующихъ годовъ, Крымская война и печальной памяти борьба 1863 года—собрали обильную дань съ лиры Тютчева. Наряду съ этимъ предпочтеніемъ темъ извѣстнаго порядка бросается въ глаза нѣсколько близорукое отношеніе къ затрогиваемымъ фактамъ, сказывающееся въ увлеченіи внѣшнимъ могуществомъ. Это въ особенности относится къ стихотвореніямъ, непосредственно предшествующимъ по времени тому печальному разочарованію, какое принесла съ собою героическая эпопея Севастополя. Въ своемъ взглядѣ на европейскія событія того времени Тютчевъ вполнѣ согласенъ съ Жуковскимъ и княземъ Вяземскимъ, видя въ нихъ безумное „бѣснованіе языковъ", неистовый прибой разъяренныхъ морскихъ волнъ, дѣйствіе адскихъ силъ, и не вдумываясь въ смыслъ этого историческаго явленія; подобно обоимъ названнымъ писателямъ, Тютчевъ противопоставляетъ этому зрѣлищу разрушенія русскаго великана съ его „полнымъ гордаго довѣрія покоемъ", по выраженію Лермонтова; сравнимъ стихотворенія „*Море и Утесъ*" и „*Ужъ третій годъ бѣснуются языки*" со „*Святою Русью*" князя Вяземскаго и особенно первую изъ указанныхъ пьесъ съ обращеніемъ Жуковскаго „*Къ Русскому Великану*"—и увидимъ, насколько близокъ Тютчевъ къ послѣднему даже въ самой терминологіи, въ самомъ выборѣ поэтическихъ образовъ: оба стихотворенія написаны не только на одну тему, но даже какъ будто подъ непосредственнымъ вліяніемъ одного на другое. Внутреннія условія русской жизни за тѣ же самые годы остаются одинаково незатронутыми у всѣхъ названныхъ писателей. Но проходитъ нѣсколько лѣтъ,—и два столь противоположные міра приходятъ въ прямое столкновеніе; наступаетъ пора тяжкаго испытанія, провѣрки своихъ дѣйствительныхъ силъ. Восторженное отношеніе къ открывающейся съ 1853 года борьбѣ религіозно-національнаго характера, конечно, вполнѣ понятно, особенно въ человѣкѣ съ симпатіями и идеалами Тютчева; но и здѣсь нельзя не отмѣтить односторонности его взгляда даже по сравненію съ самимъ главою славянофильства, Хомя-

ковымъ. Послѣдній, вполнѣ вѣря, что Русь призвана на святую брань свыше, какъ орудіе Божіей воли, не забываетъ поставить ей на видъ, что такая миссія тяжела для земныхъ созданій, обремененныхъ грѣхами, и, перечисливъ безъ утайки „черную неправду въ судахъ", „иго рабства" и другіе „ужасные" грѣхи, налегшіе на его родину, призываетъ „недостойную избранья", но тѣмъ не менѣе избранную къ покаянію, къ уврачеванію язвъ „елеемъ плача". Правда, исцѣленіе представляется нѣсколько легкимъ, и въ другомъ стихотвореніи Хомякова, непосредственно примыкающемъ къ приведенному, та же Русь является уже покаявшеюся и уподобляется разумному мужу, „сурово допросившему совѣсть" и съ чистымъ сердцемъ идущему на Божескій призывъ. Но у Тютчева мы не найдемъ и такихъ, во всякомъ случаѣ характерныхъ признаній: даже въ стихотвореніи, проникнутомъ уже скорбью по поводу неожиданнаго оборота событій, онъ увѣщеваетъ свою страну не измѣнить себѣ и оправдаться передъ Богомъ; смотря впередъ, онъ, какъ мы уже видѣли, вѣруетъ, что Русь есть живой залогъ лучшихъ *будущихъ* временъ, но совершенно обходитъ вопросъ о томъ, насколько она въ настоящемъ подготовлена къ такому высокому призванію, и почему она оказалась не на высотѣ предлежащей ей задачи („*Теперь тебѣ не до стиховъ...*"). Испытанное разочарованіе не вызываетъ на трезвое раздумье, не возвращаетъ къ дѣйствительности, и все случившееся объясняется только „какимъ-то Божьимъ попущеньемъ" (ibid.); прежняя точка зрѣнія въ сущности остается въ полной силѣ.

Еще большая идеализація, еще большее удаленіе отъ реальной почвы вполнѣ естественно наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда поэтъ прямо приписываетъ свой собственный образъ мыслей цѣлой народной массѣ, то-есть, не довольствуясь вѣрою въ будущее, переноситъ свои идеалы въ настоящее и видитъ не то, что есть на самомъ дѣлѣ, но то, что ему хочется видѣть. Говоря о взятіи Варшавы (26-го августа 1831 года), Тютчевъ утверждаетъ, что *русскій народъ* вело въ этомъ случаѣ „высшее сознанье", почему онъ и беретъ на себя смѣло „оправданіе небесныхъ путей". Если бы это сознаніе выражалось только въ мысли о томъ, чтобы „грозой спасительной примѣра державы цѣлость соблюсти", то еще можно было бы принять такое утвержденіе; но мысль поэта на томъ не останавливается, и онъ развиваетъ ее въ томъ смыслѣ, что, принося въ жертву „одноплеменнаго орла", русскій народъ имѣлъ въ виду

„Славянъ родныя поколѣнья

Подъ знамя русское собрать
И весть на подвигъ просвѣщенья
Единомысленную рать". (*На взятіе Варшавы*).

Едва ли нужно много говорить о томъ, какая смѣлая натяжка заключается въ этихъ словахъ, если даже мы согласимся разумѣть подъ именемъ *народа* только тѣ слои современнаго событію *общества*, которые могли болѣе сознательно къ нему отнестись: гдѣ, спрашивается, данныя, позволяющія объявлять тенденціи панславизма (въ какой бы то ни было формѣ) *сознательнымъ*, завѣтнымъ идеаломъ этого столь еще юнаго въ политическомъ смыслѣ общества, взятаго въ цѣломъ?

Однако въ этомъ отношеніи жизнь сдѣлала свое дѣло и внесла нѣсколько иную ноту въ общее настроеніе поэзіи Тютчева. Мы уже сказали, насколько слабо въ ней отразилась послѣдовавшая за Крымскою войною эпоха внутренняго обновленія русской жизни; но пройдти вполнѣ безслѣдно для творчества поэта она не могла,—и къ этому времени, когда русскому обществу пришлось сводить счеты со своимъ прошлымъ, когда вниманіе всѣхъ усиленно обратилось на свои насущныя домашнія нужды, относится единственное въ своемъ родѣ стихотвореніе Тютчева, говорящее о „старыхъ, гнилыхъ ранахъ", о „рубцахъ насилій и обидъ", о живительномъ золотомъ лучѣ свободы, который разгонитъ сонъ и туманы (писано въ 1857 году). Здѣсь передъ нами является „*темная* толпа *непробужденнаго* народа",—того самаго, которому поэтъ преждевременно приписалъ *высшее сознанье*. Несомнѣнно, что въ такомъ признаніи грустнаго, но неоспоримаго факта болѣе истиннаго смиренія, чѣмъ во многихъ заявленіяхъ о смиреніи, какъ залогѣ будущаго владычества надъ судьбами вселенной: приближеніе, хотя временное, къ дѣйствительности не замедлило оказать отрезвляющее воздѣйствіе на поэта („*Надъ этой темною толпой*..."). Спѣшимъ оговориться, что такому истинному смиренію, выражающемуся въ искреннемъ признаніи своихъ язвъ, отнюдь не противорѣчитъ вѣра въ великія душевныя качества народа и въ его великое міровое призваніе, лишь бы съ этою вѣрою не связывалось высокомѣрнаго отношенія къ другимъ, не проявлялось исключительности, сказывающейся въ противоположеніи себя другимъ, своего смиренія чужой гордости. Если бы смиренный мытарь въ своей молитвѣ сталъ благодарить Бога за то, что онъ не таковъ, какъ стоящій тутъ же гордый фарисей, онъ самъ вполнѣ уподобился бы послѣднему. Сошлемся на поэзію хотя бы Полонскаго для подтвержденія мысли о

совмѣстимости гражданской скорби съ вѣрою въ свой народъ, равно какъ послѣдней съ братскимъ отношеніемъ къ другимъ народностямъ.

VI.

Теперь обратимся къ вопросу о томъ, какъ именно формулируетъ Тютчевъ историческое призваніе своего отечества. Въ своемъ рѣзкомъ по тону стихотвореніи „*На графа Нессельроде*" поэтъ такими словами выражаетъ „святыя упованія" и „убѣжденія" Руси:

„То, что обѣщано судьбами
Ужъ въ колыбели было ей,
Что ей завѣщано вѣками
И вѣрой всѣхъ ея царей;
То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечемъ,
То, что орелъ Екатерины
Ужъ прикрывалъ своимъ крыломъ,—
Вѣнца и скиптра Византіи
Вамъ не удастся насъ лишить!
Всемірную судьбу Россіи,
Нѣтъ, вамъ ея не запрудить"!...

Итакъ, вѣнецъ и скипетръ Византіи суждены святой Руси, другими словами, не только сокрушеніе царства Магомета и освобожденіе единоплеменниковъ и единовѣрцевъ составляетъ великую задачу русскаго народа, но и болѣе того,—прямое преемство того международнаго положенія, какое принадлежало, хотя бы въ идеѣ, носителямъ вѣнца Византіи, какъ наслѣдникамъ міродержавныхъ римскихъ цезарей. Древній щитъ Олега на вратахъ Царьграда, по заявленію Пушкина, остановившій нашу рать передъ Стамбуломъ 1829 г., въ изображеніи Тютчева является символомъ исполненія вѣковаго завѣта въ 1854 г. (*Олеговъ Щитъ*), когда истекъ уже четвертый вѣкъ господства невѣрныхъ, и роковой часъ готовъ пробить:

И своды древніе Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтары!..
(„*Не гулъ молвы прошелъ въ народъ*")

Безконечная ночь уступаетъ мѣсто свѣтлому дню, и поэтъ призываетъ Русь, „перекрестясь, ударить въ колоколъ въ Царьградѣ" и огласить весь Востокъ благовѣстнымъ звономъ: (*Разсвѣтъ*). Возобновленная Византія будетъ царствомъ славянъ: русскій Монархъ

падетъ ницъ передъ алтаремъ св. Софіи и встанетъ, какъ всеславянскій Царь („*Не гулъ молвы*“...); въ Кіевѣ, колыбели русскаго православія, и въ Царьградѣ, столицѣ всего православнаго міра, совершится примиреніе Руси и Польши, вслѣдствіе чего водворится вожделѣнный строй „въ славянской міровой громадѣ“. („*Тогда лишь въ полномъ торжествѣ*“...). Слѣдовательно, возстановленіе втораго Рима и сліяніе его во-едино съ третьимъ является предпосылкою для осуществленія истиннаго историческаго предназначенія Россіи, заключающагося въ собраніи подъ русское знамя славянскихъ племенъ; всѣ противорѣчія исчезнутъ, и „единомысленная рать“ пойдетъ вслѣдъ за своимъ вождемъ „на подвигъ просвѣщенья“.

Эта панславистская идея проходитъ красною нитью не только чрезъ всю спеціально политическую поэзію Тютчева, но иногда проглядываетъ довольно явственно и въ его стихотвореніяхъ, повидимому, чисто художественнаго характера, по крайней мѣрѣ, относимыхъ къ таковымъ въ печатныхъ изданіяхъ произведеній поэта. Мы едва ли ошибемся или допустимъ натяжку, если усмотримъ аллегорическій смыслъ въ стихотвореніи *Альпы*, которое позволимъ себѣ привести цѣликомъ, чтобы читатели сами могли судить о справедливости нашей догадки:

„Сквозь лазурный сумракъ ночи
Альпы снѣжные глядятъ;
Помертвѣлыя ихъ очи
Льдистымъ ужасомъ разятъ.
Властью нѣкой обаяны,
До вошествія зари
Дремлютъ грозны и туманны,
Словно падшіе цари!
Но Востокъ лишь заалѣетъ,
Чарамъ гибельнымъ конецъ:
Первый въ небѣ просвѣтлѣетъ
Брата старшаго вѣнецъ.
И съ главы *большаго брата*
На *меньшихъ* бѣжитъ струя,
И блеститъ въ вѣнцахъ изъ злата.
Вся воскресшая семья“...

Укажемъ еще на пьесу „*Восходъ Солнца*“ („*Молчитъ сомнительно Востокъ*“), про которую,—правда, съ меньшею долею вѣроятности,—также позволительно предполагать, что она навѣяна не только созерцаніемъ природы, но и идущею параллельно съ нимъ національно-политическою думою.

VII.

„Сліяніе славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ" при своей образности представляетъ собою формулу весьма растяжимую и неопредѣленную: подъ нимъ можно разумѣть какъ соединеніе политическаго характера, притомъ весьма неодинаковое по формѣ, такъ и сліяніе родственныхъ, но все же отдѣльныхъ народностей въ одинъ народъ, точнѣе говоря, въ данномъ случаѣ обрусѣніе. Трудности какъ перваго, такъ еще болѣе втораго способа рѣшенія славянскаго вопроса, достаточно очевидны, такъ что нѣтъ нужды о нихъ распространяться. Въ какомъ же именно видѣ представляется Тютчеву будущее всеславянство? Въ своемъ стихотворномъ привѣтствіи „*Славянамъ*", пріѣхавшимъ въ Москву въ 1867 г., онъ прежде всего заявляетъ о неоспоримомъ фактѣ кровнаго братства всѣхъ славянскихъ народностей:

„Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы *народъ единый*,
Единой матери сыны"...

Подчеркнутая нами поэтическая неточность исправляется въ дальнѣйшихъ строкахъ того же стихотворенія, гдѣ мы читаемъ:

„Опально-міровое *племя*!
Когда же будешь ты *народъ*?
Когда же упразднится время
Твоей и *розни*, и невзгодъ,
И грянетъ крикъ къ объединенью,
И рухнетъ то, что *дѣлитъ* насъ?...
Мы ждемъ и вѣримъ Провидѣнью:
Ему извѣстны день и часъ...
И эта вѣра въ правду Бога
Ужъ въ нашей не умретъ груди,
Хоть много *жертвъ* и *горя* много
Еще мы видимъ впереди...
Онъ живъ, Верховный Промыслитель,
И судъ Его не оскудѣлъ...
И слово „Царь-Освободитель"
За русскій выступитъ предѣлъ!"...

Приходится, повидимому, понимать дѣло такъ, что славяне въ этнографическомъ смыслѣ являются достаточно единымъ народомъ, но это единство должно еще привести къ политическому сліянію, къ созданію изъ единаго *племени* единаго *народа* именно въ смыслѣ го-

сударственнаго союза. Для достиженія такого результата, несомнѣнно, необходимы *жертвы*, необходима вооруженная борьба; поэтъ не ошибся въ предвидѣніи того, что имя Царя-Освободителя получитъ еще новое значеніе внѣ русскихъ предѣловъ, но былъ бы, вѣроятно, мало удовлетворенъ результатами освободительнаго подвига 1877—1878 гг. съ точки зрѣнія своихъ чаяній. Не проглядѣлъ также Тютчевъ и того факта, что есть на лицо условія, *дѣлящія* славянъ, поселяющія между ними *рознь*. Эта печальная истина отмѣчена и въ гораздо болѣе раннемъ посланіи „*Къ Ганкѣ*" (1837 г.), изъ котораго явствуетъ, что кровные братья цѣлые вѣка блуждали въ слѣнотѣ и разбрелись во всѣ концы:

„А случалось ли порою
Намъ столкнуться какъ-нибудь,—
Кровь не разъ лилась рѣкою,
Мечъ терзалъ родную грудь.
И вражды безумной сѣмя
Плодъ сторичный принесло:
Не одно погибло племя,
Иль въ чужбину отошло".

Къ сожалѣнію, и событія позднѣйшихъ десятилѣтій, какъ пережитыя Тютчевымъ, такъ и тѣ, до которыхъ онъ не дожилъ, не обратили этихъ стиховъ въ устарѣлый анахронизмъ и показали, какъ еще далеко „славянской громадѣ" до „вожделѣннаго строя": даже примиреніе Польши съ Русью отнюдь еще не означало бы прекращенія всѣхъ не братскихъ счетовъ между братьями, вовсе не расположенными къ ассимиляціи и стойко держащимися каждой за свою особность, какъ бы мала она ни была; сознаніе кровнаго родства не устраняетъ сталкивающихся интересовъ, противоположныхъ стремленій, и нерѣдко вмѣсто полюбовнаго размежеванія и взаимнаго тяготѣнія создается вражда.

Тютчевъ не касается вопроса о причинахъ отмѣченной имъ славянской розни; однако, вчитываясь въ его стихотворенія и читая между строками, мы можемъ усмотрѣть, что въ качествѣ разъединяющаго элемента онъ выдвигаетъ, хотя не единственный, но весьма существенный, — именно вопросъ вѣроисповѣдный. Недаромъ же, въ самомъ дѣлѣ, проронено замѣчаніе о возможности русско-польскаго примиренія въ *Кіевѣ* и *Царьградѣ*. Этотъ намекъ даетъ намъ право заключить, что примиреніе обусловливается весьма утопичнымъ предположеніемъ о возможности отреченія Польши отъ „отступническаго" Рима, столицы „лже-намѣстника Христа" (*Encyclica*). То же

обращеніе отъ Запада къ Востоку, конечно, предполагается само собою для всѣхъ вообще славянъ-католиковъ, когда утверждается, что осуществленіе всеславянской идеи зависитъ отъ возстановленія православнаго богослуженія въ храмѣ св. Софіи.

„О Русь, великъ грядущій день,
Вселенскій день и *православный!*" (*Разсвѣтъ*).

Здѣсь мы подходимъ къ центральному пункту славянофильскаго ученія, полагающаго въ православіи основу обще-славянской народности и отрицающаго всякую будущность одинаково у католицизма, какъ и у отщепившагося отъ него протестантизма. Событія 60-хъ годовъ приводятъ Тютчева къ заключенію, что надъ Римомъ совершается казнь,—заслуженная кара Божіей правды за тяжкій, *тысячелѣтній* грѣхъ, то-есть, за отпаденіе единства вселенской Церкви (писано въ 1867 г.); роковое слово: „*Свобода совѣсти есть бредъ*" погубитъ самый принципъ папизма (*Encyclica*). Не менѣе характерно для настроенія поэзіи Тютчева другое стихотвореніе, относящееся къ протестантизму: послѣдній уподобляется дому, готовому опустѣть, храму, въ которомъ вѣра въ послѣдній разъ предстоитъ вѣрующимъ, собираясь навсегда покинуть ихъ („*Я лютеранъ люблю богослуженье*").

И такъ, первымъ условіемъ славянскаго единомыслія является единомысліе церковное. Осуществимо ли это условіе? Это вопросъ, на который, разумѣется, никакой опредѣленный отвѣтъ не можетъ быть данъ à priori, и мы видимъ только, какъ мало залетающая впередъ теорія считается съ фактами исторической дѣйствительности, и насколько она своею исключительностью въ сущности противодѣйствуетъ той самой цѣли, къ которой искреннѣйшимъ образомъ стремится. Другихъ пунктовъ розни Тютчевъ не касается вовсе: славянамъ, пріѣхавшимъ въ Москву, онъ говоритъ (въ цитированномъ выше стихотвореніи), что здѣсь они больше дома, чѣмъ у себя на родинѣ,— „здѣсь, гдѣ господство незнакомо иноязыческихъ властей",—какъ бы упуская изъ вида, что при всей ихъ близости другъ къ другу живые славянскіе *языки* все-таки не равняются одному *языку* и для взаимнаго пониманія требуютъ предварительнаго взаимнаго, хотя бы и нетруднаго, изученія. Отношеніе меньшихъ братьевъ, съѣхавшихся „со всѣхъ славянщины концовъ", къ старѣйшему брату немедленно измѣнилось бы, еслибы имъ пришлось принять языкъ послѣдняго именно какъ языкъ власти. И съ этой стороны вопросъ о всеславянствѣ оказывается гораздо болѣе сложнымъ и запутаннымъ, чѣмъ какимъ онъ представляется въ стихахъ и вообще въ теоріи.

VIII.

Есть, однако, глава въ исторіи славянскаго міра, свидѣтельствующая о прискорбной братской розни, которая никакъ не могла быть обойдена Тютчевымъ и въ значительной степени обусловила содержаніе его политической поэзіи. Мы разумѣемъ, конечно, вопросъ о русско-польскихъ отношеніяхъ, входящій, какъ составная часть, въ вопросъ о славянскихъ отношеніяхъ вообще.

Тютчеву выпало на долю касаться этого вопроса на протяженіи значительнаго періода времени, и, если нельзя сказать, чтобы его отношеніе къ вопросу измѣнялось въ своей основѣ сообразно съ различными его стадіями, то невозможно утверждать того же самаго относительно тона, въ какомъ поэтъ говорилъ на эту жгучую для всякаго русскаго человѣка тему.

Интересно прежде всего сопоставить отношеніе Тютчева къ событіямъ 1830—1831 годовъ съ отзывами на нихъ другихъ представителей русской поэзіи. Жуковскій и Пушкинъ, выражая свое отношеніе къ совершившейся катастрофѣ, видятъ въ ней рѣшеніе стародавняго спора, давно уже взвѣшеннаго судьбою, и, мало заглядывая или и вовсе не заглядывая въ будущее, приводятъ на память прошедшее, тѣ взаимные счеты, которые должны были привести къ роковому концу. Правда, Пушкинъ ставитъ двойной вопросъ, могущій быть рѣшеннымъ только въ будущемъ,—вопросъ о сліяніи славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ или объ изсяканіи послѣдняго; но очевидно, что, разъ поставлена такая дилемма, отвѣтъ на нее готовъ уже заранѣе. Другое отношеніе къ дѣлу мы находимъ у Хомякова: „споръ славянъ между собою“ съ его точки зрѣнія является, конечно, самымъ прискорбнымъ фактомъ, и онъ, не вдаваясь въ архивныя изысканія, отъ всего сердца предаетъ проклятію „позоръ безсмысленной вражды, перешедшей въ поколѣнья“, и тѣ самыя преданія, на которыя указываетъ Пушкинъ, какъ безмолвныя для постороннихъ и слишкомъ краснорѣчивыя для заинтересованныхъ сторонъ:

„Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья,
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!“.

Выражающееся въ этихъ восклицаніяхъ чувство, конечно, не рѣшаетъ заколдованнаго вопроса, но во всякомъ случаѣ обѣщаетъ бо-

лѣе для будущаго, чѣмъ неизбѣжно растравляющія язву воспоминанія о старыхъ обидахъ.

Тютчевъ, подобно Хомякову, также скорбитъ по поводу „роковаго удара", свершеннаго надъ „горестной" Варшавой, и его стихотвореніе на эту тему, уже извѣстное намъ, проникнуто состраданіемъ къ „одноплеменному орлу, пронзенному братскою стрѣлой", но въ то же время возвышающимъ душу сознаніемъ неизбѣжности совершившагося „приговора судебъ". Во имя своего высшаго призванія русскій народъ долженъ былъ принести очистительную жертву, подобно тому, какъ нѣкогда Агамемнонъ принесъ богамъ на закланье родную дочь. Въ этомъ случаѣ Тютчевъ является, несомнѣнно, болѣе славянофиломъ, чѣмъ Хомяковъ, — именно какъ выразитель мистическаго взгляда на предназначеніе своего народа, исполнителя тайныхъ путей Провидѣнія. Въ чемъ заключается это предназначеніе, мы уже видѣли, равно какъ отмѣтили и рискованный пріемъ поэта, отождествляющаго себя съ народомъ болѣе, чѣмъ это возможно; этотъ же пріемъ внушилъ Тютчеву заключительную строфу разбираемаго стихотворенія (*На взятіе Варшавы*):

„*Вѣрь слову русскаго народа*:
Твой пепелъ мы свято бережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ фениксъ, возродится въ немъ!"

Изъ всего этого ясно слѣдуетъ, что поэтъ считаетъ борьбу уже на вѣки конченною: отъ павшаго народа остается одинъ прахъ. Очевидно также, что достиженіе славянскаго единомыслія возможно лишь подъ условіемъ смерти одного изъ членовъ семьи; тяжелая операція совершена и желанный идеалъ является осуществимымъ. Однако, спустя нѣкоторое время, оказывается не то, и Тютчевъ, какъ мы уже знаемъ, вновь поднимаетъ вопросъ о примиреніи Польши съ Русью, хотя, казалось бы, о примиреніи не могло бы быть и рѣчи, разъ оно замѣнено смертью одной изъ враждовавшихъ сторонъ. Стало быть, осталось на лицо нѣчто большее, чѣмъ пепелъ отъ жертвы всесожженія, и роковой вопросъ еще не можетъ считаться отошедшимъ въ область преданій (условій предполагаемаго примиренія мы уже выше коснулись).Вскорѣ затѣмъ поэту приходится еще разъ созерцать грустное зрѣлище братоубійственной борьбы: „мертвецы" воскресли вновь „для новыхъ похоронъ" (*Польскій мятежъ*). Когда страсти разгараются до крайней степени, требовать спокойнаго, безпристрастнаго отношенія къ себѣ и къ противнику становится не-

возможнымъ,—и мысль о примиреніи исчезаетъ сама собою. Тѣмъ большимъ диссонансомъ звучитъ задушевный привѣтъ *всѣмъ, безъ изъятья*, братьямъ, прибывшимъ „на праздникъ мира и любви" „со *всѣхъ* концовъ славянщины", рядомъ съ упоминаніемъ объ Іудѣ, „кто для своихъ всегда и всюду злодѣемъ былъ передовымъ" (*Славянамъ*); конечно, изъ пѣсни, какъ говорится, слова не выкинешь, но непоправимый ущербъ, наносимый идеалу славянскаго братства вѣковымъ раздоромъ, сомнѣнію не подлежитъ. Поучительно сопоставить этотъ рѣзкій отзывъ съ другимъ, отдѣленнымъ отъ него ровно тридцатилѣтнимъ промежуткомъ: въ посланіи къ Ганкѣ (1837 г.), говоря о славянскомъ возрожденіи, Тютчевъ поминаетъ и Варшаву наряду съ Кіевомъ, Москвою и Вышеградомъ; братья начинаютъ обмѣниваться понятными другъ для друга рѣчами, и

„На яву увидятъ внуки
То, что снилося отцамъ".

Выше мы сказали, что, несмотря на различія въ тонѣ, сущность отношенія Тютчева къ русско-польскому вопросу едва ли измѣнялась. Этому взгляду не противорѣчитъ, по нашему мнѣнію, то обстоятельство, что Тютчевъ, какъ мы сейчасъ видѣли, то считаетъ самый вопросъ поконченнымъ, то вновь говоритъ о примиреніи и затѣмъ, повидимому, теряетъ на него надежду. Въ этомъ отношеніи самый ходъ событій оказывалъ на поэта свое воздѣйствіе, но основа его воззрѣнія оставалась всегда та же: Польша должна или примириться съ Россіею *на почвѣ традицій Кіева и Царьграда*, — иначе говоря, переродиться,—или навсегда погибнуть для славянства; какимъ изъ этихъ двухъ путей будетъ достигнуто единомысліе въ рядахъ послѣдняго, — покажетъ будущее. Примиреніе во всякомъ случаѣ является весьма проблематичнымъ, будучи поставлено въ зависимость отъ вѣроисповѣднаго принципа.

IX.

Такова въ общихъ чертахъ національно-политическая поэзія Тютчева. Независимо отъ проникающей ее идеи, несомнѣнно, что сама современная исторія вліяла на ея содержаніе, пробуждая и поддерживая живой интересъ къ тѣмъ именно темамъ, къ которымъ влекли поэта его симпатіи. Жизнь Тютчева захватила безъ малаго три четверти того вѣка, который поставилъ ребромъ такъ много національ-

ныхъ и политическихъ вопросовъ, и поэтъ отразилъ въ своихъ произведеніяхъ тѣ изъ нихъ, которые имѣли ближайшее отношеніе къ его отечеству. Роль Россіи въ мірѣ, Востокъ и Западъ, православіе и папизмъ, панславизмъ и русско-польскій вопросъ, — все это такія темы, которыя еще не скоро утратятъ своей остроты и которыя въ теченіе XIX столѣтія неоднократно принимали характеръ очередныхъ вопросовъ дня и волновали всѣ умы. Отзывчивость Тютчева была далеко неодинакова по отношенію къ общественнымъ проблемамъ различныхъ порядковъ; но въ той сферѣ, которая сосредоточила на себѣ его особенное вниманіе, онъ является одностороннимъ, страстнымъ, но искреннимъ, убѣжденнымъ бойцомъ, не страшащимся никогда выговаривать свое мнѣніе, и, насколько его чисто художественная поэзія можетъ доставить наслажденія развитому эстетическому вкусу, настолько же его боевая, тенденціозная поэзія цѣнна, какъ матеріалъ для ознакомленія съ умственными теченіями и общественными настроеніями русскихъ людей нашего вѣка, имѣющаго въ самомъ скоромъ времени сдѣлаться всецѣло достояніемъ нелицепріятной исторіи.

Н. Аммонъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Византійскій Временникъ за пять лѣтъ существованія [1]).

(1894—1898).

Посвящается памяти А. А. Куника.

II.

Обращаясь къ другимъ группамъ сотрудниковъ, прежде всего даемъ дорогу дорогимъ гостямъ земли греческой, пищущимъ хотя и на близкомъ для византинистовъ языкѣ, но все-таки не родномъ для большинства нашихъ читателей въ Россіи. Эти читатели, какъ сказано, не многочисленны, но мы имѣемъ основанія опасаться, что въ числѣ ихъ найдутся такіе, которые будутъ затрудняться по непривычкѣ или предразсудку новогреческимъ литературнымъ языкомъ. Отчасти ради ихъ мы останавливаемся нѣсколько подробнѣе на изложеніи содержанія писанныхъ по гречески изслѣдованій. Но есть при этомъ у насъ и другая цѣль. Редакціи *Византійскаго Временника* не было бы пріятно, если бы въ нѣдрахъ журнала водворился рѣшительный дуализмъ, то есть такого рода, чтобы пищущіе по гречески не читали напечатаннаго по русски, когда это они могутъ дѣлать, соотвѣтственно съ опасеніемъ, высказаннымъ сейчасъ относительно *нѣко-*

[1]) *Окончаніе.* См. мартовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.—Окончаніе статьи печатается здѣсь въ томъ видѣ, какъ оно было получено отъ В. Г. Васильевскаго за нѣсколько дней до его кончины, хотя онъ намѣревался еще сдѣлать въ ней нѣсколько дополненій и измѣненій.

торыхъ русскихъ. Своими критическими замѣчаніями на одну изъ статей о Продромахъ, принадлежащую очень нами уважаемому автору, мы хотѣли бы убѣдить его, что не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія написаннаго по русски въ томъ-же самомъ изданіи.

Въ византійской литературѣ давно извѣстенъ писатель и поэтъ *Ѳеодоръ Продромъ*, при большой плодовитости и трудолюбіи около пятидесяти лѣтъ подвизавшійся въ своемъ ремеслѣ, которое главнымъ образомъ заключалось въ составленіи торжественныхъ одъ на разныя счастливыя и печальныя событія въ царскомъ домѣ двухъ Комниновъ *Іоанна* (1118—1143) и *Мануила* (1143—1180), на рожденія, браки и смерти, а также на побѣды и тріумфы, на счастливые походы, и лучше сказать на всѣ походы, изъ которыхъ цари возвращались живыми, ибо и неудачныя экспедиціи считались за счастливыя и т. д. Многое изъ написаннаго имъ изучено или издано во французскихъ Notices et extraits des manuscrits, издаваемыхъ издавна Институтомъ, кардиналомъ Mai въ Patrum Nova Collectio, въ патрологіи Миня (t. 133), Леграномъ (Legrand) въ Revue archéologique и въ Bibliothèque grecque vulgaire, особенно же *Миллеромъ* (Miller) большею частью не цѣльными пьесами, а выдержками изъ нихъ въ томѣ примѣчаній къ греческимъ историкамъ крестовыхъ походовъ (Recueil des historiens des croisades. Historiens grecs t. II); масса стихотвореній остается еще неизданною, или по частямъ извлекаются новѣйшими изслѣдователями ради ихъ особенныхъ цѣлей; большимъ запасомъ копій съ неизданнаго, сдѣланныхъ собственноручно, владѣетъ В. Э. Регель. Во всемъ этомъ множествѣ дѣйствительно драгоцѣннаго матеріала, напримѣръ для царствованія Іоанна Комнина, такъ обиженнаго въ греческой исторіографіи, мы найдемъ здѣсь несравненно больше подробностей военныхъ и политическихъ, чѣмъ у двухъ историковъ, Киннама и Никиты Хоніата, оставившихъ только довольно бѣглый обзоръ весьма интереснаго періода. Да и для правленія Мануила въ сочиненіяхъ, носящихъ имя Продрома, находится неистощимый рудникъ новыхъ свѣдѣній—по генеалогіи и фамильнымъ отношеніямъ, по исторіи внѣшней и внутренней политики, по исторіи нравовъ и обычаевъ... Теперь, впрочемъ, начинаютъ говорить не объ одномъ Продромѣ, а о двухъ или даже трехъ, жившихъ въ первой половинѣ XII столѣтія и отчасти во второй. Это лучше отвѣчало бы количеству того, что идетъ подъ этимъ флагомъ.

Въ *четвертомъ* томѣ (1897 г.) *Византійскаго Временника* (стр. 100—127) напечатана статья греческаго ученаго Хаджидаки „Περὶ τῶν

Προδρόμων Θεοδώρου καὶ Ἱλαρίωνος"—„О Продромахъ Θеодорѣ и Иларіонѣ". Точкою отправленія для Хаджидаки, первостепеннаго всѣми признаннаго филолога, автора руководящихъ трудовъ по исторіи новогреческаго языка, служатъ шесть вульгарно-греческихъ стихотвореній, изданныхъ Леграномъ (Bibliothèque grecque vulgaire, tome I, Paris, 1888) съ именемъ Продрома, но уже ранѣе возбуждавшихъ нѣсколько разъ сомнѣнія относительно принадлежности одному и тому же автору, тѣмъ болѣе что одинъ Продромъ называется двумя именами, Θеодоромъ и Иларіономъ, при чемъ тождество лица сохраняется только при предположеніи, что второе имя монашеское. Хаджидаки сразу приводитъ рядъ *историческихъ* наблюденій, которыя дѣлаютъ почти невозможнымъ представленіе о тождествѣ. 1) Авторъ первыхъ двухъ стихотвореній обращается къ императору Іоанну Комнину (1118—1143) и даетъ о себѣ понять, что онъ женатъ, имѣетъ четырехъ дѣтей и *старъ*, а поэтъ двухъ слѣдующихъ произведеній обращается къ императору Мануилу [1143—1180) и называетъ себя *монахомъ* и *молодымъ*. 2) Изъ бранныхъ насмѣшекъ, которыми Иларіона Продрома осыпаютъ въ монастырѣ Филоθея живущіе тамъ монахи, ясно, что, эти насмѣшки относятся не къ Θеодору Продрому, покинувшему мірскую жизнь и вступившему въ монашество, ибо Иларіонъ называется *безграмотнымъ невѣжою*, на какого Θеодоръ никогда не могъ сдѣлаться похожимъ. 3) Да и самъ *Иларіонъ* называетъ себя *неученымъ*, тогда какъ Θеодоръ при дворѣ Іоанна выдавался своимъ литературнымъ талантомъ и широкимъ образованіемъ и безъ дурнаго лицемѣрія не могъ себя такъ унижать. 4) У Продрома есть стихотворенія, относящіяся къ 1168-му году, а съ другой стороны за 50 лѣтъ ранѣе того Θеодоръ уже въ 1118 году сочинилъ „*монодію*—похоронную пѣснь или оду—на порфиророднаго и севастократора Андроника Комнина, ибо въ этомъ году палъ Андроникъ, сражаясь противъ турокъ (ср. однако, ниже у Пападимитріу); если положимъ, что тогда ему было 20 лѣтъ, то въ 1168 году онъ, будучи 70-лѣтнимъ, не могъ бы дѣлать того, что сбирается и считаетъ возможнымъ сдѣлать. 5) Θеодоръ Продромъ былъ *лысъ*, а Иларіонъ могъ похвалиться хорошими волосами, которые начинали выпадать, когда онъ долго не мылся мыломъ. 6) Одинъ называетъ самъ себя Θеодоромъ, другой Иларіономъ, и такъ какъ Иларіонъ монахъ и еще молодъ, то не можетъ уже превратиться въ Θеодора (принимая другое имя съ постриженіемъ) и сдѣлаться отцемъ семейства, какимъ является Θеодоръ. 7) Иларіонъ гораздо бѣднѣе средствами къ жизни, чѣмъ

Θеодоръ. 8) Θеодоръ хвалится изяществомъ своихъ стиховъ, Иларіонъ—нигдѣ на это не рѣшается, напротивъ признаетъ свое убожество. 9) Θеодоръ льститъ съ нѣкоторымъ чувствомъ мѣры, Иларіонъ доходитъ до нелѣпости и богохульства 10) и фразеологія при обращеніи къ царю отлична у обоихъ и т. д. и сверхъ того у Иларіона можно найдти уже явныя подражанія Θеодору.

Каждое свое положеніе Хаджидаки сопровождаетъ обширными выписками и сопоставленіями изъ поэмъ Леграна; доводы его представляются на первый взглядъ неотразимыми, но онъ самъ подсказываетъ одно возраженіе, которое, впрочемъ, безъ большаго труда устраняетъ. Оба писателя имѣютъ притязаніе быть поэтами, то-есть, предъявляютъ право на творчество, на фикцію, на перевоплощеніе въ другія личности; ужели-же они никогда не могли подняться подъ непосредственнымъ грубымъ реализмомъ и рисовали только себя самихъ, такъ что плѣшивый не въ состояніи былъ вообразить себя кудрявымъ? Хаджидаки не допускаетъ никакого полета фантазіи у такихъ стихослогателей, какъ наши Продромы, и приводитъ на это доказательства, въ которыхъ, пожалуй, и нѣтъ большой нужды. Довольно общаго знакомства со стилемъ и тономъ писателей этого рода. Но остается вопросъ о рукописномъ преданіи, который совсѣмъ не затронутъ, а сколько тутъ бываетъ всегда возможностей, совершенно непредвидимыхъ, но объясняющихъ и различія и сходства то плагіатомъ, то мудрованіемъ копіистовъ... За то Хаджидаки, какъ опытный языковѣдъ и филологъ, выдвигаетъ далѣе свою тяжелую артиллерію—наблюденія надъ употребленіемъ различныхъ формъ и разныхъ флексій языка; здѣсь мы не можемъ за нимъ послѣдовать;—можемъ только признать, что дѣйствительно существуютъ большія отличія въ разныхъ пьесахъ—особенно двѣ первыя отличаются отъ послѣдующихъ, но опять таки, можетъ быть это когда-нибудь объяснится инымъ способомъ. Итакъ, по Хаджидаки, только два первыя вульгарныя стихотворенія Леграна принадлежатъ извѣстному Θеодору Продрому, который назывался также Птохопродромомъ и жилъ въ первой половинѣ XII вѣка, остальныя принадлежатъ гораздо младшему по времени *Иларіону* Продрому—пожалуй тоже Птохопродрому, который монахомъ вступилъ въ монастырь Филоθея; можетъ быть Иларіонъ находился въ родствѣ съ Θеодоромъ, но въ образованіи ему значительно уступалъ. Въ заключеніе Хаджидаки обращается къ извѣстному сочиненію Карла *Неймана* „Neumann, Griechische Geschichtschreiber und Geschichtsquellen im XII Jahrhundert, Leipzig,

1882), съ которымъ успѣлъ ознакомиться только послѣ завершенія своего изслѣдованія, когда написано было все; прочитавъ тамъ относящіяся къ Продрому страницы, Хаджидаки еще болѣе укрѣпился въ моемъ взглядѣ, а сверхъ того усмотрѣлъ возможность существованія еще третьяго Продрома, такъ какъ ранѣе ему извѣстный Ѳеодоръ Продромъ прибавляетъ прежде умершаго своего тезку (Ѳеодора Продрома тожъ), какъ великаго ритора; *Е. Курцъ* въ рецензіи въ *Byzant. Zeitschrift* указалъ еще четвертаго—правда, гораздо позднѣйшаго.

По тому же самому вопросу одесскій ученый грекъ Спиридонъ Пападимитріу помѣстилъ въ *Византійскомъ Временникѣ* 1892 года (т. V, стр. 91—120) статью подъ заглавіемъ „Οἱ Πρόδρομοι“ (Продромы). Она написана и напечатана тоже по гречески.

Пападимитріу сначала исправляетъ рядъ неточностей, какія онъ замѣтилъ у Хаджидаки, и дѣлаетъ при случаѣ свои маленькія дополненія. Неправильно Хаджидаки говоритъ, что оба первыя стихотворенія Продрома адресованы Іоанну II (Калояну) императору (1112 — 1143), второе изъ нихъ обращено къ *севастократору* Андронику, а это есть второй сынъ Іоанна; много другихъ позднѣйшихъ произведеній поэта посвящены уже не самому Андронику, а членамъ его семьи. Отождествляется оставленный Хаджидаки безъ объясненія, въ которомъ, впрочемъ, и не было особенной надобности, какой-то Δαντούνης, поставленный у Продрома рядомъ съ армянскимъ Меліемъ-Малихомъ и сербскимъ Нѣманею; это—одинъ изъ зятьевъ иконійскаго султана Масута, получившій отъ умирающаго тестя г. Кесарію, именуемый у историковъ Δαδούνης (Choniat. p. 152, 153) и лишенный власти Килиджъ-Арсланомъ въ 1159—1160 году. Неправильно отнесеніе начала литературной дѣятельности Ѳеодора Продрома къ 1118 году—на томъ основаніи, что онъ написалъ „монодію“ на смерть севастократора Андроника, сына царя Алексѣя будто бы убитаго въ сраженіи съ турками въ этомъ самомъ году (Anna Comn. II, 282). Слова Анны, на которыхъ основывается представленіе о такомъ концѣ ея брата, неясны, а изъ самой *монодіи* Продрома видно, что Андроникъ скончался и не на полѣ битвы и позднѣе—уже въ царствованіе своего брата, Іоанна. Упоминовеніе рядомъ объ Исаакѣ, его другомъ братѣ, ушедшемъ къ туркамъ (и возвратившемся послѣ 1128 года), а затѣмъ соображеніе, что смерть Андроника случилась еще при жизни его матери Ирины, которой въ стихотвореніи выражается соболѣзнованіе, приводитъ къ заключенію,

что смерть Андроника послѣдовала нѣсколько ранѣе 1126 года. Это было замѣчено и другими (разумѣемъ Дютейля). Мимоходомъ исправляется и еще чужая ошибка, въ которой Хаджидаки совсѣмъ не провинился. *Никифоръ*, котораго тоже пришлось оплакать Иринѣ Дукэнѣ, супругѣ Алексѣя I Комнина, не былъ Никифоръ Вріенній, мужъ Анны,—этотъ сопровождалъ императора Іоанна въ походѣ 1137 года, болѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ по смерти Ирины, а другой ея зять, женатый на другой дочери, Маріи, Никифоръ *Катакалонъ*.

Приведенъ еще одинъ стихъ третьяго стихотворенія въ дополненіе къ тѣмъ, что у Хаджидаки, гдѣ авторъ называетъ себя *Иларіономъ*. Важнѣе всего то, что Хаджидаки упустилъ изъ вниманія заглавіе одного кодекса (Coislin. 382), гдѣ прямо стоитъ имя Иларіона: ἕτερος στίχος Ἱλαρίωνος μοναχοῦ πτωχοπροδρόμου. Съ большою настоятельностью и подробностью опровергается различеніе, какое Хаджидаки дѣлаетъ въ характеристикѣ Ѳеодора Продрома сравнительно съ Иларіономъ въ томъ смыслѣ, что первый былъ будто бы менѣе способенъ къ грубой лести царю, чѣмъ второй—Иларіонъ Птохопродромъ. Изъ первыхъ двухъ стихотвореній, принадлежащихъ Ѳеодору, приводятся примѣры, гдѣ царь называется земнымъ Богомъ или сравнивается съ Богомъ и т. д. Много выписокъ. Но вопросъ объективнаго рѣшенія не получаетъ, потому что выраженія „земной Богъ" и подобныя—ходячія, а затѣмъ многое дѣло вкуса.

Переходя къ собственному изслѣдованію, Пападимитріу напоминаетъ отзывъ Евстаѳія Солунскаго о Продромѣ, какъ о толкователѣ церковныхъ каноновъ, *незабвенномъ среди мудрыхъ* (ὁ ἀοίδιμος ἐν σοφοῖς: *Mai*. Spicil. Rom. къ V, 174), и за тѣмъ обращается къ отрывку стихотворенія Продрома, приведенному у *Неймана*, въ которомъ указывается существованіе тезки и сотоварища по ремеслу—очевидно, другаго *старшаго* Продрома (даже третьяго, если взять въ расчетъ Иларіона): „устрашаетъ меня Продромъ *предварившій* меня знаменитый риторъ, препрославленная музыкальная ласточка, говорливый языкъ" и т. д. (*Neumann*, Griech. Geschichtschreiber und Geschischtsquellen im XII Jahrh., Leipzig, 1888, S. 46). Нейманнъ заключаетъ отсюда о наличности старшаго другаго Продрома, но его оспаривалъ Бруно *Кейль* (*Wiener Studien*, II, 1889, S. 106), доказывая, что все стихотвореніе, изъ котораго Нейманномъ приведенъ отрывокъ, совсѣмъ не принадлежитъ какому бы то ни было Продрому, ложно подписывается этимъ именемъ и попало въ рядъ продромовскихъ

случайно, какъ это будто бы обличается самимъ просодическимъ размѣромъ—онъ совсѣмъ другой, чѣмъ въ остальныхъ, рядомъ стоящихъ. Послѣднее возраженіе Кейля очень легко отклоняется Пападимитріу при помощи простаго замѣчанія, что размѣръ въ пьесѣ не просодическій, а тоническій, при которомъ совсѣмъ не принимается въ расчетъ долгота или краткость слоговъ. Но и другіе, если не высказываются такъ рѣшительно, то колеблются; напримѣръ, *К. Крумбахеръ* требуетъ и ожидаетъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Пападимитріу беретъ на себя эту обязанность, онъ пускается въ довольно сложныя справки и соображенія, отчасти прибѣгая къ неизданному матеріалу.

Полное заглавіе пьесы, изъ которой отрывокъ приведенъ Нейманномъ, есть такое: εἰς τὸν *αὐτοκράτορα*, μὴ πειθομένου τοῦ Μ. οἰκονόμου τῶν Μαγγάνων, τοῦ ἁγίου Κασσιανοῦ, τάξαι με εἰς τὸ δωρηθὲν ἀδέλφατον *παρὰ* τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου βασιλέως ἡμῶν. — „Самодержцу, когда великій экономъ Манганъ, св. Кассіана, не хотѣлъ ввести меня въ *аделфатъ*, пожалованный мнѣ державнымъ и святымъ царемъ". Изъ этой пьесы — она заимствована изъ венеціанскаго сборника стихотвореній Продрома — Нейманнъ обпародовалъ въ сущности только первые стихи. Для цѣлей дальнѣйшаго изслѣдованія нужно было имѣть подъ рукою всю пьесу, а такъ какъ оказалось, что есть цѣлый рядъ пьесъ родственнаго содержанія, касающихся все того же манганскаго *аделфата*, то Пападимитріу чрезъ посредство одного ученаго грека досталъ себѣ копіи со всѣхъ — ихъ оказалось числомъ *пять*, пять *манганій*, какъ ради краткости и удобства порѣшилъ называть пьесы изслѣдователь.

1) Просьба императору объ адельфатѣ въ Манганахъ (ср. Historiens grecs des croisades II p. 623 приведено *Миллеромъ* (Miller) два отрывка),—Neumann, S. 49.

2) Жалоба на эконома — ср. Neumann, S. 46 εἰς τὸν *αὐτοκράτορα* μὴ πειθομένου Μ. οἰκονόμου и т. д.

3) Опять просьба объ адельфатѣ, уже ранѣе пожалованномъ съ граммотою (μετὰ συγγράμματος). Ср. Neumann, S. 50 второй отрывокъ (δῶνρον μοι λόγου δέδωκας, ἀλλ'ὀυχ ὁρῶ τὴν χάριν).

4) Благодарственное посланіе въ стихахъ царю за дарованіе адельфата въ Манганахъ.

5) То же къ тому же самодержцу объ адельфатѣ въ Манганахъ. Ср. Neumann, S. 63 Miller въ Recueil des histor. des croisad. II, 754.

6) Сюда же можно отнести хотя и стоящее внѣ ряда стихотво-

реніе, обнародованное Миллеромъ (Recueil des histor. grecs II, 531), о *живой лисицѣ*, гдѣ въ одной фразѣ (S. 533 v. 72): (τὸν ἄρτον, ὃν μοι δέδωκας, τὸν μεμαγγανευμένον) есть намекъ на полученіе адельфата. Живая лисица, которой поэтъ просилъ у императора Мануила, должна была служить врачебнымъ средствомъ отъ подагры.

Въ каждомъ изъ этихъ стихотвореній, разсуждаетъ Пападимитріу, могутъ находиться указанія на то, что прежде всего требуется изслѣдователю въ данномъ случаѣ, именно указаніе на время, и на обстоятельства при какихъ написано произведеніе и слѣдовательно когда жилъ авторъ (предполается, что и его личность, означенная въ надписаніи сборника, тогда подтвердится). Это и дѣлаетъ далѣе Пападимитріу, приводя изъ каждой пьесы по нѣскольку стиховъ такого характера или значенія; но при этомъ онъ, къ сожалѣнію, впадаетъ въ ошибки, равно какъ съ самаго начала погрѣшилъ даже въ опредѣленіи того, что такое *аделфатъ*. Хронологическихъ ошибокъ—по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ — онъ могъ бы избѣгнуть, еслибы ближе ознакомился со статьей, помѣщенною въ первомъ томѣ того же *Византійскаго Временника*, въ которомъ напечатано его греческое изслѣдованіе, то-есть, со введеніемъ въ изданное В. Васильевскимъ надгробное слово Иринѣ-Бертѣ, супругѣ царя Мануила, — а ошибка въ опредѣленіи слова аделфатъ, хотя и странная, извинительна для не юриста и собственно большаго зла не принесла. Аделфатъ, по Пападимитрію, значитъ нѣчто похожее на монастырь, всего скорѣе сиротскій домъ или богадѣльню для престарѣлыхъ и это потому, что у Анны Комнины лица въ орфанотрофіи св. Павла названы братіею (ἀδελφοί). На самомъ дѣлѣ подъ аделфатомъ первоначально и по идеѣ понимается содержаніе, необходимое для одного монашествующаго или совокупность доходовъ изъ монастырскихъ средствъ, предоставляемыхъ одному монашествующему; на практикѣ аделфатъ утратилъ твердую связь съ монашествомъ, такъ что это былъ доходъ, который могъ пріобрѣтать всякій, сдѣлавъ заранѣе вкладъ въ монастырь, въ монастыряхъ *царскихъ* — раздача такого рода *пребендъ* могла зависѣть отъ царя — или же отъ богатаго вкладчика, оставшагося міряниномъ... (См. *См. Соколовъ*, Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи, Новгородъ, 1896 стр. 289 и сл.).

Незнакомство съ рѣчью Василія Охридскаго и съ комментаріями къ ней во-первыхъ, повело къ долгимъ и совершенно напраснымъ препирательствамъ съ *Бруно Кейлемъ* о такомъ хронологическомъ пунктѣ, относительно котораго теперь нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія,

о довольно значительномъ промежуткѣ времени между бракомъ Ирины-Берты съ царемъ Мануиломъ Комниномъ и рожденіемъ у нихъ дочери; при ясномъ показаніи современниковъ не нужно и словъ было здѣсь тратить, тѣмъ менѣе истощаться въ догадкахъ и длинныхъ разсужденіяхъ; а во-вторыхъ, это сдѣлало возможнымъ повтореніе старыхъ уже исправленныхъ ошибокъ. Вотъ примѣръ, разъясняющій въ чемъ тутъ можетъ заключаться важность дѣла. Изъ первой пьесы приведены стихи, показывающіе, что она написана вскорѣ послѣ рожденія первой дочери у императора Мануила отъ Ирины-Берты; она еще сосетъ грудь, хотя и коронована δεσποτικῶς — съ титуломъ *деспины*. При разысканіяхъ о годѣ рожденія Маріи Мануиловны—повторяемъ очень сложныхъ и напрасно сложныхъ — привлекается къ дѣлу даже *Фабро* (Фабротъ), старинный издатель и комментаторъ Никиты Хоніата, давно признанный именно въ хронологіи совершенно несостоятельнымъ. Мало того, привлекается къ разсмотрѣнію отрывокъ изъ другаго неизданнаго цѣликомъ, но указаннаго Нейманномъ и Миллеромъ, другаго стихотворенія Продрома, въ которомъ сообщается, что „пальма изъ сада Комниновъ *процвѣла* (то-есть родила) въ *десятый* циклъ, а это составляетъ благопріятное предзнаменованіе, ибо *декада* совершенное число“. Предполагается, что тутъ идетъ рѣчь о рожденіи все той же первой дочери Мануила и отсюда возникаютъ разсужденія о томъ, что значитъ въ данномъ случаѣ *циклъ* — число ли индикта или кругъ лѣтъ протекшихъ между замужествомъ Ирины и рожденіемъ у нея дочери—и все это совершенно напрасно,—ибо давно показано, что не о Маріи, первой дочери царя Мануила, тутъ идетъ рѣчь, даже не о дочери вообще, — см. первое замѣчаніе сдѣланное нами на страницѣ 98-й перваго тома *Византійскаго Временника*: „Есть одно большое стихотвореніе Θеодора Подрома съ надписаніемъ, какъ пѣснопѣніе на рожденіе порфирородной царицы (ἐπᾴσματα ἐπὶ τῷ γενεθλίῳ τῆς πορφυρογεννήτου καὶ βασιλίδος), которое издателемъ (въ отрывкахъ *Miller*, Historiens grecs des croisades II, 351), отнесено поэтому къ рожденію Маріи, но надписаніе ложно и нужно удивляться, какъ издатель этого не замѣтилъ, потому что мать представляется дочерью короля, чѣмъ не была Ирина-Берта и, что еще важнѣе, новорожденный — младенцемъ мужскаго пола (ἀπόγονε, ἔγγονον), явившимися на свѣтъ въ *десятый* годъ брака: дѣло идетъ объ Алексѣѣ сына Мануила отъ второй жены, Маріи Антіохійской. Мануилъ женился на ней въ 1161 году, а сынъ Алексѣй родился въ сентябрѣ 1169 года.

Въ отысканіи признаковъ времени въ послѣдующихъ пьесахъ Пападимитріу былъ нѣсколько счастливѣе.

2) Вторая пьеса писана въ праздникъ Рождества Христова, но годъ трудно указать; видно только, что послѣ перваго похода Мануила противъ турокъ въ 1146 году. Важно отмѣтить, что уже теперь—тотъ старшій *Продромъ*, о которомъ поэтъ говоритъ какъ о своемъ другѣ и о союзникѣ по занятіямъ словесностью (ὁμότεχνος), не находится въ живыхъ, а недавно умеръ.

3) Писано, какъ и предыдущее произведеніе, до вступленія въ адельфатъ, но годъ пока опредѣлить нельзя; приведенный отрывокъ очень интересенъ, разсужденіе о причинахъ замедленія ввода во владѣніе адельфатомъ хотя и страдаетъ неясностью отъ неточно установленнаго понятія объ институтѣ, однако близко къ правдоподобію: въ царской грамотѣ на адельфатъ, вѣроятно, не былъ означенъ срокъ ввода во владѣніе.

4) *Благодарственное посланіе*—носитъ много признаковъ опредѣленнаго времени: сербскій походъ Мануила, полученная при этомъ царемъ рана въ схваткѣ съ однимъ изъ *сатраповъ*, которыхъ было такъ много, что Мануилъ явился въ борьбѣ съ ними какъ бы *сторукимъ*—все это даже выраженіями напоминаетъ обстоятельства похода 1150 года. (См. *Я. К. Гротъ*, Угрія, стр. 166: Пападимитріу не безъ вреда для себя игнорируетъ и этотъ трудъ). Намека на отношенія къ Андронику на самомъ дѣлѣ въ стихотвореніи, пожалуй, и нѣтъ; если усматривать въ словахъ объ укрощеніи морской бури, морскаго властителя указаніе на отраженіе сицилійскаго флота, то нужно разумѣть болѣе раннее нашествіе 1149 года. Итакъ, писано разсматриваемое произведеніе всего скорѣе въ 1151 году.

5) Въ пятой *мангапіи*, которая появилась на свѣтъ черезъ три года послѣ вступленія автора въ адельфатъ, послѣ предыдущаго благодарственнаго посланія, заключается прославленіе царской щедрости и вообще добродѣтелей царя Мануила. Пападимитріу не поскупился здѣсь на выписки изъ венеціанской рукописи и превзошелъ ихъ количествомъ Миллера (Miller), который тоже сообщилъ нѣсколько отрывковъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ греческимъ историкамъ Крестовыхъ походовъ (Recueil des historiens des croisades. Historiens grecs II, 754 и сл.). Для насъ нѣсколько странно, что изслѣдователь, г. Пападимитріу, всю почти важность признаковъ, опредѣляющихъ время, когда написано стихотвореніе, опять сводитъ къ возможности точно узнать годъ, когда родилась Марія, первая дочь

Мануила; на счетъ этого пункта г. Пападимитріу продолжаетъ безпокоиться какъ и выше, дѣлая замѣченія противъ Кейля, но мы проходимъ это молчаніемъ.

Описывая щедрость Мануила, поэтъ указываетъ прежде всего на иконійскаго султана, осыпаннаго подарками—пышными одеждами, золотомъ, коврами, тканями, драгоцѣнными перстнями. Явнымъ образомъ рѣчь идетъ о посѣщеніи Константинополя султаномъ Килиджъ-Арсланомъ въ 1161 году, описанномъ у византійскихъ (*Nicet.*, p. 164 Bonn; *Cinnam*, 204, а также Eustathii opusc. ed. Tafel pag. 201), и армянскихъ (см. особенно *пресвитера Григорія*, продолжателя Матвѣя Эдесскаго—*Dulaurier*, Bibliothèque histor. arménienne p. 364) историковъ и писателей. Впрочемъ, нашъ изслѣдователь, г. Пападимитріу, думаетъ вмѣсто 1161 о 1159 годѣ, когда Мануилъ во время Киликійскаго похода только что вступилъ въ дружбу съ иконійскимъ султаномъ. Несомнѣнно, что лучше идутъ сюда получившія легендарный характеръ празднества и щедрости на берегахъ Босфора, въ 1161 г., прославленныя и въ восточныхъ арабскихъ сказаніяхъ и въ современныхъ западно-латинскихъ. Далѣе византійскій поэтъ говоритъ о Мануилѣ, что его *лихниты* (драгоцѣнные камни) достигли Галліи и освѣтили Рейнъ; Франція и Рейны (οἱ Ῥῆνες) увидѣли горы золотыхъ цареградскихъ монетъ и понизили свою гордость; онъ (Мануилъ) озолотилъ весь *градъ Елуровъ* (τῶν Ἐλούρων), искусныхъ въ мореплаваніи, то-есть, Венецію. Наиболѣе спеціальный характеръ имѣетъ дальнѣйшее сообщеніе о королѣ (ὁ ῥήξ) Аламаніи (Германіи). Этотъ король — слѣдуетъ разумѣть Фридриха Барбароссу — былъ пораженъ страхомъ, когда ему возвѣстили о прибытіи знатнаго своимъ родомъ, а еще болѣе своимъ искусствомъ рѣчи, *севаста* изъ севастовъ. „Изъ тренія и сложенія въ груды развѣ не позналъ молній золотыхъ твоихъ облаковъ высоковыйный, надменный воитель?" (разумѣются груды золота, разсыпаннаго предъ Барбароссою византійскимъ посланникомъ, который, предполагается, перетиралъ золотыя монеты въ доказательство ихъ неподдѣльности и затѣмъ складывалъ въ кучки). „Знаменитый отпрыскъ севаста и тагматорха, собравъ изъ твоихъ кошельковъ (сумокъ, βαλαντίων) облака, щедро одождилъ ихъ (аламанновъ) золотымъ дождемъ и всѣхъ привелъ подъ ярмо твоей державы, прекрасно устроивъ все дѣло, какъ надлежало *причастному къ царской крови*, красующемуся славою, разумомъ и вѣрой". Явнымъ образомъ рѣчь идетъ о Михаилѣ Палеологѣ и Дукѣ Іоаннѣ (послѣдній былъ царскимъ родственникомъ), посланныхъ Мануиломъ съ громадными сум-

мами денегъ сначала къ Фридриху Барбароссѣ, а потомъ къ италіанскимъ мелкимъ и болѣе крупнымъ династамъ для интригъ и подкуповъ съ цѣлью осуществленія плановъ о возстановленіи византійскаго господства въ Италіи; вербовка вооруженныхъ людей производилась тогда въ усиленныхъ предѣлахъ и внѣ Италіи; только пріемъ, оказанный Барбароссою посланцамъ Мануила, былъ, конечно, не совсѣмъ такой, какимъ представляетъ византійскій стихослагатель. Эти факты, относящіеся къ 1155 году, хорошо извѣстны (см. мою статью въ „Славянскомъ Сборникѣ" — „Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ.—Союзъ двухъ имперій"; *Giesebrecht*, Geschichte der deutschen Kaiserzeit V, 68, 89). Историческое значеніе имѣютъ и другіе стихи той же пьесы, приведенные въ отрывкѣ у Миллера (Recueil, II, 755—756), гдѣ рѣчь идетъ о закрытіи Дарданеллъ (πορθμὸς 'Αβυδηνός) посредствомъ желѣзнаго моста, чтобы преградить врагамъ доступъ къ столицѣ съ моря и доставить спокойствіе гражданамъ, которые недавно испытали большой страхъ и обнаружили большое малодушіе и трусость при нашествіи южно-италіанскихъ норманновъ, разбудившихъ ихъ ночью своимъ шумомъ. *Нейманнъ* (S. 64) думаетъ, что это относится къ 1149 году, къ событію описанному у Киннама (pag. 101. Cp. Nicet. 130); но г. Пападимитріу замѣчаетъ, что по Никитѣ Хоніату (pag. 130) это событіе приходится на болѣе позднее время, такъ какъ нападеніе подъ начальствомъ адмирала Майо у него помѣщается уже послѣ мира, заключеннаго между королемъ сицилійскимъ и Мануиломъ въ 1156 (по Муральту) или въ 1158 (по Гельцеру). Если желательно было быть точнымъ, то слѣдовало бы знать и сказать, что Киннамъ и Никита говорятъ о двухъ разныхъ фактахъ. Киннамъ отмѣчаетъ нашествіе 1149 года, а Никита, наоборотъ, описываетъ только сицилійскую экспедицію 1158 года. Наиболѣе подробный и достовѣрный разказъ о нашествіи 1158 года (этотъ именно годъ и значится) находится въ *Annales Pisani* (Pertz, XIX, 55, 243=Marangone). Въ нашей статьѣ „Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ (Слав. Сборн., т. III (1876), стр. 399) было объ этомъ написано слѣдующее: „Въ іюнѣ 1158 года норманскія галеры, въ числѣ 140, и 24 быстроходныхъ судна явились въ водахъ византійскихъ, взяли Негропонтъ, въ заливѣ Воло раззорили городъ Алмиръ; нѣсколько другихъ приморскихъ городовъ тоже пострадали; говорятъ, что сорокъ наиболѣе быстрыхъ судовъ проникли до Босфора, хотя не могли сдѣлать ничего серьезнаго, а только дали возможность пустить нѣсколько серебряныхъ и позолоченныхъ стрѣлъ во Влахернскую церковь въ честь

и отъ имени короля Вильгельма; но все-таки это нашествіе навело большой страхъ на жителей столицы". Постройка преграды въ Дарданеллахъ результатъ этого страха (ср. теперь Recueil des historiens grecs des croisades II t. Appendix, p. 754—755). Самый поздній фактъ упоминаемый въ пьесѣ тотъ, который поставленъ въ началѣ, посѣщеніе Цареграда иконійскимъ султаномъ въ 1161 году.

Стихотворная статья о живой лисицѣ, имѣющая отношеніе къ „мангаріямъ", и стоящая внѣ ихъ, упоминаетъ о *зятѣ* Мануила, сынѣ короля венгерскаго Гейзы, Белѣ-Алексѣѣ; значитъ, она писана въ 1163 году, когда Бела повѣнчанъ былъ съ Маріею Мануиловною, или нѣсколько позднѣе.

Ближайшіе результаты своего разслѣдованія о *манганіяхъ* г. Пападимитріу сводитъ въ такихъ пунктахъ, отправляясь отъ послѣдней— назадъ къ первой: 1) пятая манганія написана въ 1159 году (скорѣе въ 1161 или 1162), 2) четвертая на три или четыре года ранѣе (ибо въ пятой замѣчено ἤνυσται νῦν τρίτον ἔτος), такъ что вступленіе во владѣніе аделфатомъ нужно отнести на 1156 или 1155 годъ (скорѣе 1158 или 1159 годъ), 3) вторая написана на день Рождества годомъ ранѣе, то-есть, въ 1155 или въ 1154, ибо здѣсь говорится о рожденіи дочери, еще питающейся молокомъ матери. Но о времени рожденія Маріи намъ извѣстно только то, что оно послѣдовало не скоро послѣ брака (январь 1146 года), и не ранѣе 1152 года. Если Никита Хоніатъ сообщаетъ, что при второмъ своемъ бракѣ съ Монферратисомъ (1179—1180 годъ) она переступила тридцатилѣтній возрастъ, то нѣтъ необходимости толковать эти слова совсѣмъ буквально.

Но что же отсюда слѣдуетъ для главнаго тезиса, къ которому долженъ былъ клонить свою рѣчь г. Пападимитріу, то есть для двойственности Ѳеодоровъ Продромовъ, для существованія помимо похороненнаго во второй манганіи Ѳеодора Продрома другаго съ тѣмъ же именемъ писателя, автора самихъ манганій и другихъ произведеній? Въ сущности ничего; остается только надписаніе венеціанскаго сборника, да близости времени, къ которому вообще могутъ пріурочиваться Продромы; но посмотримъ, какъ разсуждаетъ г. Пападимитріу.

Изъ предыдущаго всякій можетъ убѣдиться, что *манганіи* не принадлежатъ перу Ѳеодора Продрома (то-есть того, который представляется умершимъ во второй изъ нихъ), но какому то *анониму*. Однако, будетъ предпочтительнѣе, если мы не успокоимся на признаніи автора анонимомъ, а будемъ искать чего-нибудь болѣе положительнаго. Рождается вопросъ, почему всѣ *манганіи* шесть, числомъ

въ манускриптахъ приписываются все-таки Θеодору Продрому, хотя онѣ въ рукописяхъ даже не слѣдуютъ по порядку одна за другою. Сверхъ того Θеодору Продрому приписывается масса стихотвореній, написанныхъ послѣ 1154 года *политическимъ* стихомъ, между ними нѣсколько и ямбическихъ: всѣ они не принадлежатъ (засвидѣтельствованному во второй манганіи) Θеодору Продрому, но какому-нибудь другому анониму,—но и здѣсь опять невольно возникаетъ и напрашивается вопросъ: почему такое множество стихотвореній, не принадлежащихъ Θеодору Продрому, приписывается автору, носящему такое имя: думаемъ, что никакъ мы не укроемся отъ необходимости отвѣчать: потому что и позднѣйшій поэтъ равнымъ образомъ именовался Θеодоромъ Продромомъ; только одноименность можетъ объяснить то явленіе, что произведенія двухъ различныхъ лицъ относятся на счетъ одного и того же лица и что эти два лица слились въ одно. Впрочемъ, можетъ быть современники дѣлали различеніе между двумя *омонимами*, называя одного просто Θеодоромъ Продромомъ, а другаго Θеодоромъ *Птохопродромомъ* (бѣднягою—продромомъ, Бѣднопродромомъ), при чемъ второе прозвище доставалось тому, кто менѣе имѣлъ заслугъ и достоинствъ. Такое объясненіе кажется болѣе естественнымъ, чѣмъ то, по которому прозваніе Птохопродрома дано за постоянныя жалобы на свою жалкую судьбу и бѣдноту. Попрошайничество свойственно многимъ византійскимъ ученымъ, можетъ быть — бóльшей ихъ части; однако, они не получали соотвѣтственной прибавки въ составѣ своей фамиліи или прозвища хотя позднѣйшій изъ нихъ *Филй* (Φιλῆς) отлично могъ бы прозваться Птохофилею. Кромѣ того, различая два лица — Продрома и Птохопродрома, мы бы затруднились дать второй титулъ тому Θеодору Продрому, которому воздалъ такую честь знаменитый Евстаѳій Солунскій.

Въ сущности всѣ эти разсужденія не имѣли бы ни малѣйшаго значенія, если бы не надписанія въ кодексѣ венеціанскомъ и въ другихъ, гдѣ съ именемъ Продрома являются стихотворенія явно позднѣйшаго времени, чѣмъ *манганіи* и въ частности вторая изъ нихъ. Но въ надписаніяхъ нерѣдко встрѣчаются ошибочныя, невѣрныя, очень часто онѣ принадлежатъ рукѣ позднѣйшей и догадкѣ не особенно внимательныхъ и проницательныхъ переписчиковъ. Собственно для укрѣпленія своей теоріи о двойственности Θедоровъ Продромовъ г. Пападимитріу прежде всего долженъ былъ бы представить палеографическое изслѣдованіе о рукописяхъ и о той обстановкѣ, въ какой проявляются въ нихъ оглавленія и надписанія именъ автора. Вмѣсто

того, изслѣдователь спрашиваетъ себя сейчасъ же, чѣмъ объяснить повторяемость этихъ именъ—родствомъ лицъ? но на это нигдѣ нѣтъ никакого намека. Ключъ къ разгадкѣ г. Пападимитріу находитъ въ выраженіи *птохопродроматъ*, употребленномъ въ одномъ стихотвореніи: „пусть тебя не обманываетъ, всеавгустѣйшій, названіе *птохопродроматъ*; не ожидай, что я въ самомъ дѣлѣ питаюсь растеніями и акридами; я совсѣмъ не люблю травы“ и т. д. Окончаніе такого рода, то-есть суффиксъ ατον, по Пападимитріу, употребляется не для обозначенія принадлежности къ какому-либо роду или племени, а скорѣе для обозначенія званія, чина или должности, какъ въ выраженіяхъ друнгаріатъ, доместикатъ. Итакъ Продромъ есть должность или прозваніе (officium).

Продромъ есть собственно придворный чиновникъ низшаго разряда, изъ болѣе незначительныхъ. Предположеніе можетъ показаться заманчивымъ, но основанія, на которыхъ оно построено, пока очень шатки. Можно сказать и такъ, что авторъ отрывка самъ сковалъ полукомическое словцо по образцу или по аналогіи съ выраженіями обозначающими званіе; при томъ приравненіе къ Предтечѣ (Продрому), какъ видно изъ вышеприведеннаго, заключается собственно не въ какой-либо должности, а, хотя и отрицательно, въ родѣ питанія: не питаюсь акридами, какъ предтеча. По Пападимитріу, Птохопродромъ не даромъ пишетъ о своемъ *многомъ хожденіи* отъ царскагό дворца къ церкви (въ подлинникѣ, однако, πρὸς παλάτιον); рѣчь тутъ идетъ, де, не о простыхъ прогулкахъ для развлеченія, но о должностной обязанности; поэтъ ходилъ пѣшкомъ, потому что въ этомъ была его служба; однимъ словомъ—*продроматъ* состоялъ въ томъ, что при царскихъ выходахъ въ городѣ—для посѣщенія.

Перечисляемъ важнѣйшія помѣщенныя въ *Византійскомъ Временникѣ* статьи другихъ ученыхъ, чтобы закончить группою ученыхъ, вышедшихъ изъ школы Н. П. Кондакова.

Академикъ Л. Н. Майковъ для первой книжки изданія, сообщилъ статью: „Когда посѣтилъ Константинополь русскій паломникъ, разсказы котораго включены въ „Бесѣду о святыняхъ Цареграда“, то-есть, въ недавно передъ тѣмъ изданный имъ памятникъ старинной русской литературы, византійскій интересъ котораго виденъ изъ его заглавія. Къ статьѣ присоединено письмо члена-корреспондента Академіи И. Е. Троицкаго къ академику Л. Н. Майкову по этому вопросу, который былъ потомъ предметомъ обсужденія другаго нашего члена-корреспондента Д. Ѳ. Кобеко въ иномъ академическомъ изданіи.

Нынѣшнему директору Археологическаго института въ Константинополѣ Ѳ. И. Успенскому принадлежитъ статья, поставленная, какъ слѣдовало, во главѣ изданія (томъ первый стр. 1—17),—„Партіи цирка и димы въ Константинополѣ". Авторъ задается цѣлью доказать, что общепринятое мнѣніе, будто терминъ οἱ δῆμοι обозначаетъ партіи цирка (factiones), много вредитъ постановкѣ вопроса о внутреннемъ устройствѣ Константинополя. По его мнѣнію, τὰ μέρη или factiones обозначаютъ церковныя партіи, а οἱ δῆμοι—городское населеніе или народъ, организованный по димамъ. Слѣдя за употребленіемъ термина οἱ δῆμοι у писателей и въ Обрядникѣ Константина Багрянороднаго, авторъ бросаетъ новый свѣтъ на исторію городскаго населенія Константинополя, на отношенія правительства къ городскимъ учрежденіямъ и на систему обороны столицы отъ враговъ обывательскими силами.

Профессоръ Харьковскаго университета, высокоуважаемый славистъ М. С. Дриновъ подарилъ журналъ статьями „О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана, какъ историческомъ матеріалѣ" (въ первомъ (стр. 319 — 340) и второмъ (стр. 1 — 24) томахъ). Труды Хоматіана, „архіепископа всей Болгаріи" (Охридскаго), приготовлены были къ изданію кардиналомъ Питрою и обнародованы послѣ его смерти безъ особенной исправности; по времени они относятся къ тому же періоду, какъ и письма Іоанна Навпактскаго и во многомъ по содержанію соприкасаются съ послѣдними, разъясняя Епирскія отношенія и сосѣдне-славянскія. Съ точки зрѣнія юридической изданіе было оцѣнено во *Временникѣ* же аѳинскимъ ученымъ законовѣдомъ Монферратомъ (на греческомъ языкѣ, томъ III, стр. 406—438). М. С. Дриновъ отнесся къ сборнику какъ историкъ и въ своемъ изслѣдованіи, къ сожалѣнію, незаконченномъ, прежде всего устанавливаетъ важнѣйшія хронологическія даты, разбирая ряды однородныхъ по содержанію документовъ, нѣкоторыя тяжебныя дѣла, попутно касаясь самого существа историческихъ фактовъ и такимъ образомъ вводитъ въ уразумѣніе документальнаго сборника, имѣющаго первостепенное значеніе для исторіи Балканскаго полуострова въ началѣ XIII столѣтія. Димитрій Хоматіанъ былъ въ перепискѣ и съ Іоанномъ Апокавкомъ, рекомендаціи котораго даже былъ обязанъ своимъ избраніемъ на Охридскую каѳедру.

Украшеніемъ нашего изданія должно считать „Этюды по византійской эпиграфикѣ" академика В. В. Латышева, потому что всякій разъ они представляли новинку, прекрасно обставленную объясне-

ніями и, конечно, безукоризненную по точности и правильности сообщаемаго и возстановляемаго текста надписей. Въ первомъ томѣ (стр. 657—672) мы имѣемъ статьи: 1) „Надпись времени Юстиніана, найденная на Таманскомъ полуостровѣ“, касающаяся исторіи Воспорскаго Царства и заставляющая предполагать о какой-то постройкѣ, исполненной императорскимъ сановникомъ на Таманскомъ полуостровѣ, находившемся, слѣдовательно, наравнѣ съ Воспоромъ (Керчью) подъ непосредственною властью императора; 2) Вопросъ о времени извѣстной и ранѣе надписи Евпатерія, которую одни относили ко времени династіи Ангеловъ (Исаака Ангела) конца XII вѣка, другіе — императора Маврикія конца VI вѣка; имя Маврикія или же Исаакія угадывалось въ сохранившемся окончаніи слова—κις, обозначающаго явно лицо или владыку, повелѣвшаго Херсонскому (Корсунскому) дуксу возобновить кесарское зданіе. Изслѣдованіе В. В. Латышева рѣшаетъ вопросъ въ пользу Маврикія согласно съ высказаннымъ ранѣе мнѣніемъ А. Л. Бертье-Делагарда. Во второмъ томѣ (стр. 184—188) находится его же статья: „Надпись времени Исаака Комнина, найденная въ Херсонисѣ“: совершенная новинка, проливающая свѣтъ на положеніе вещей въ Корсунской области около 1059 года.

Рядомъ съ В. В. Латышевымъ мы должны упомянуть о Ю. А. Кулаковскомъ, профессорѣ Кіевскаго университета, такъ какъ въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *Византійскомъ Временникѣ*, онъ нѣсколько разъ касался тѣхъ же самыхъ эпиграфическихъ памятниковъ, предлагая въ исправленіе свои собственныя объясненія ихъ. Кромѣ того, онъ занимался въ *Временникѣ* исторической географіей и этнографіей средневѣковаго русско-византійскаго юга. Такъ, 1) во второмъ томѣ (стр. 189—198) напечатана его статья: „Къ объясненію надписи съ именемъ императора Юстиніана, найденной на Таманскомъ полуостровѣ“: разногласіе съ В. В. Латышевымъ въ толкованіи содержанія надписи заключается въ томъ, что Ю. А. Кулаковскій доказываетъ, что она должна принадлежать Фанагоріи и относится не къ 533 году, какъ предполагалъ г. Латышевъ, а къ 548. В. В. Латышевъ впослѣдствіи разсмотрѣлъ соображенія г. Кулаковскаго при новомъ изданіи надписи Юстиніана въ своемъ „Сборникѣ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи. (С.-Пб., 1896 № 98) и нашелъ, что „къ остроумной, во всякомъ случаѣ, комбинаціи Ю. А. Кулаковскаго слѣдуетъ отнестись очень сдержанно“.—2) Статья „Къ исторіи Босфора Киммерійскаго въ VI концѣ вѣка“ (томъ III стр. въ началѣ) написана по поводу объясне-

нія надписи Евпаторія А. Л. Бертье-Делагардомъ и акад. В. В. Латышевымъ; авторъ послѣ подробнаго изученія исторіи города Воспора за означенный періодъ приходитъ къ заключенію, что надпись не можетъ принадлежать собственно византійскому сановнику императора Маврикія, а развѣ только мѣстному князьку варварскаго народца, уже освободившагося отъ римско-византійской власти; князь и его уполномоченный могли подражать византійской титулатурѣ. Главнымъ аргументомъ служатъ историческія свидѣтельства, изъ коихъ выходитъ, что Воспоръ въ данное время не былъ подъ державою императора; но при этомъ отъ вниманія г. Кулаковскаго, какъ, впрочемъ, и его предшественниковъ, ускользнуло чрезвычайно важное указаніе въ новеллѣ императора Тиверія, ближайшаго предшественника Маврикія; отсюда видно, что еще въ 575 г. Византія взимала повинности какъ въ Корсунѣ, такъ и въ Воспорѣ. Впрочемъ впослѣдствіи, въ статьѣ „Къ исторіи Готской эпархіи (въ Крыму) въ VIII вѣкѣ" (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898, февраль, стр. 173 сл.) г. Кулаковскій самъ призналъ, хотя и условно, возможность читать имя императора Маврикія въ надписи Евпаторія; возбуждавшій его сомнѣнія вопросъ о томъ, могъ ли византійскій сановникъ VI вѣка въ офиціальномъ документѣ назвать себя „истиннымъ рабомъ" своего императора, разъясненъ въ положительномъ смыслѣ В. В. Латышевымъ въ „Запискахъ Одесскаго общества ист. и древн." т. 21 (1898), стр. 244 сл. 3) и 4) Въ четвертомъ томѣ *Временника* (стр. 315—336) г. Кулаковскій ставитъ вопросъ: гдѣ находилась Вичинская эпархія Константинопольскаго патріархата"? Посредствомъ испытаннаго пріема изученія географическихъ показаній — косвенныхъ и прямыхъ, въ италіанскихъ средневѣковыхъ картахъ, итинераріяхъ и у авторовъ-повѣствователей и т. д.—въ связи съ исторіей мѣстности въ которой являются на сцену печенѣги, русскіе бродники, татары, аланы, византійцы съ императоромъ Алексѣемъ Комниномъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что Вичинская эпархія имѣла свою территорію на югъ отъ нижняго Дуная, то-есть находилась въ нынѣшней Добруджѣ, и что Вичинъ соотвѣтствуетъ Дичину извѣстнаго списка „градомъ русскимъ". Въ пятомъ томѣ *Временника* (стр. 323—397) находимъ дополнительную замѣтку „Еще къ вопросу о Вичинѣ", гдѣ точнѣе пріурочивается Дичинъ къ нынѣшнему Мачину, и гдѣ авторъ вѣдается съ упущенною ранѣе изъ вниманія статьею проф. Томашка „Zur Kunde der Hämus-Halbinsel", настаивая на отличеніи Дичина отъ Вичины, приморскаго города той самой пристани, южнѣе

Варны, въ которой, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, останавливались русскіе въ походахъ на Царьградъ (а Вичинъ есть *Дичинъ* Ипатьевской лѣтописи). 5) Въ пятомъ томѣ *Временника* находится статья „Христіанство у аланъ“ — разумѣются кавказскіе аланы, предки нынѣшнихъ осетинъ. 6) Въ замѣткѣ, помѣщенной въ томъ же пятомъ томѣ (стр. 398): „Левъ Мудрый, или Левъ Исавръ былъ авторомъ „Тактики“? — исправляется ошибка послѣдней предсмертной статьи знаменитаго Цахаріэ-фонъ-Лингенталь (въ журналѣ Крумбахера за 1894 г.) ошибка, которую замѣчали и другіе, потому что несообразность пріуроченія „Тактики“ къ авторству Льва Исавра съ нынѣшнимъ ея текстомъ, гдѣ говорится о печенѣгахъ и мадьярахъ, бросалась въ глаза; можетъ быть, только чувство піэтета заставляло пока умалчивать о неожиданномъ промахѣ со стороны такого осторожнаго изслѣдователя и столь великаго ученаго. Самъ Ю. А. Кулаковскій объясняетъ явленіе преклонными лѣтами Цахаріэ, скончавшагося на 82-мъ году жизни.

Изъ юристовъ, кромѣ незабвеннаго А. С. Павлова, принималъ участіе въ *Временникѣ* профессоръ Новороссійскаго университета, Вл. Викт. Сокольскій, помѣстившій въ первомъ томѣ (стр. 17—54) статью: „О характерѣ и значеніи Эпанагоги: опытъ по исторіи византійскаго права“. Памятникъ важенъ и любопытенъ тѣмъ, что въ немъ отчетливо излагается ученіе, опредѣлявшее позднѣйшія византійскія воззрѣнія на отношенія духовной и свѣтской власти между собою, на царство и патріаршество — въ смыслѣ дуализма и равноправности. Полагаютъ, что въ составленіи этого юридическаго руководства принималъ участіе патріархъ Фотій, и проф. Сокольскій съ своей стороны подкрѣпляетъ такое предположеніе своими аргументами. Онъ внимательно и съ большою ученостью слѣдитъ за позднѣйшими отраженіями означенныхъ воззрѣній въ литературѣ и жизни, и особенно останавливается на значеніи церковно-политическихъ идей, заключающихся въ Эпанагогѣ для Московской Руси, гдѣ ихъ держался и патріархъ Никонъ.

Профессоръ С.-Петербургскаго университета и членъ-корреспондентъ нашей Академіи И. В. Помяловскій въ статьѣ „Надгробіе Аверкія и древне-христіанскій символизмъ“, (Том. III стр. 317 — 336) разбираетъ старый вопросъ объ эпитафіи поименованнаго святаго (начала III вѣка), извѣстной въ передачѣ Метафраста и давно заподозрѣнной въ ея подлинности; но вотъ американецъ Рамзей во время своихъ путешествій по Малой Азіи дѣлаетъ одна за другою

въ разныхъ, хотя и близкихъ мѣстахъ двѣ счастливыя находки — сначала (1881) открываетъ надгробную стелу нѣкоего Александра съ надписью, въ начальныхъ фразахъ имѣющею буквальное сходство съ надгробіемъ Аверкія, а затѣмъ (въ 1883 году) обломокъ эпитафіи самого Аверкія въ метрической и, очевидно, первоначальнѣйшей формѣ. Сомнѣнія въ подлинности стали неумѣстными, но за то съ новою силою возгорѣлся споръ о смыслѣ эпитафіи съ ея нѣсколько темною и загадочной терминологіею, имѣющею, нужно думать, символическое происхожденіе. Одни продолжали защищать христіанское толкованіе надписи, другіе стали утверждать, что Аверкій говоритъ о себѣ какъ совершенный язычникъ; близко къ послѣднимъ оказался Ад. Гарнакъ, современное свѣтило протестантской учености, доказывавшій (въ статьѣ 1895 года), что Аверкій былъ либо чистымъ язычникомъ, либо—вѣроятнѣе—приверженцемъ языческогностическаго религіознаго общества, въ которомъ христіанская тайна была соединена съ языческими мистеріями, слѣдовательно, особаго рода синкретизмомъ. И. В. Помяловскій, самъ будучи большимъ знатокомъ христіанской эпиграфики, присоединился къ мнѣнію тѣхъ, тоже знаменитыхъ ученыхъ, которые, не отступая отъ Метафраста и церковнаго преданія, считаютъ Аверкія христіаниномъ и въ соотвѣтственномъ смыслѣ объясняютъ всѣ выраженія символическаго харкктера; при этомъ нашъ ученый уличаетъ Гарнака въ маломъ знакомствѣ съ греческою христіанскою эпиграфикою. Въ Германіи споръ еще не кончился. И. В. Помяловскому принадлежитъ еще критическая статья (томъ I стр. 407—412) на трудъ Н. В. Покровскаго „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи“.

Профессоръ Кіевской духовной академіи А. А. Дмитріевскій помѣстилъ въ I томѣ (стр. 553—600) статью „Чинъ пещнаго дѣйства“— пространное изслѣдованіе, основной тезисъ котораго есть византійское происхожденіе стариннаго обряда или драматизированнаго дѣйствія, представляющаго трехъ отроковъ въ огненной пещи Навуходоносора,— обряда, считавшагося чисто русскимъ продуктомъ; теперь оказывается, что слѣды его обрѣтаются въ греческихъ рукописныхъ служебникахъ, отысканныхъ авторомъ на Аѳонѣ, но Дмитріевскому еще не была извѣстна рукопись Аѳонской лавры, содержанная полный чинъ пещнаго дѣйствія и обнародованная Александромъ Лавріотомъ Врем. IV, 729.

Профессоръ Московскаго университета, членъ-корреспондентъ Академіи Ѳ. Е. Коршъ помѣстилъ „Критическія замѣчанія къ синаксарю

почтеннаго осла", памятнику византійскаго животнаго эпоса (томъ III, стр. 528—559).

Статья профессора Юрьевскаго университета Мих. Ник. Крашенинникова по Прокопію глубоко захватываетъ вопросъ о нынѣшнемъ состояніи текста и рукописномъ преданіи „Войнъ" и Тайной исторіи, очевидно имѣя значеніе подготовительныхъ работъ къ самостоятельному (русскому) изданію твореній знаменитаго историка Юстиніанова.

Доцентъ турецкой словесности въ здѣшнемъ университетѣ П. М. Меліоранскій далъ цѣнныя извлеченія (томъ I, стр. 613—641) изъ доступнаго только оріенталистамъ, писаннаго по-персидски, но сохранившагося не въ подлинникѣ, а въ турецкомъ переводѣ, источника для исторіи Византіи подъ заглавіемъ „Сельджукъ-намэ, какъ источникъ для исторіи Византіи въ XII и XIII вѣкахъ".

Въ двухъ критическихъ статьяхъ по вопросу объ источникахъ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго *Н. Я. Марръ* старался показать, что новѣйшее отрицательное теченіе въ критикѣ армянскаго писателя справедливо лишь въ части своихъ наблюденій относительно его историческаго труда, но оно напрасно спѣшитъ дать окончательную оцѣнку путемъ односторонняго освѣщенія и „суперкритическихъ" замѣчаній, такъ какъ послѣ подобныхъ изслѣдованій любопытный памятникъ армянской литературы попрежнему остается загадкою. Въ статьѣ „о начальной исторіи Арменіи Анонима, помѣщенной въ I томѣ *Византійскаго Временника* (стр. 263—306), помимо попутныхъ замѣчаній о двухъ крайнихъ направленіяхъ въ критикѣ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго, выдвинуто то положеніе, что ни по филологической разработкѣ вообще памятниковъ древнеармянской литературы, ни по изученію текста самой критикуемой Исторіи пока нѣтъ ни одной серьезной работы; это явствуетъ какъ изъ отсутствія въ печати подобныхъ работъ, такъ еще болѣе изъ игнорированія этой стороны дѣла лицами, выставляющими свое сужденіе о спорномъ памятникѣ въ качествѣ научнаго вывода.

Доказательствомъ такой торопливости можетъ служить невѣрность господствующаго взгляда на Начальную Исторію Арменіи, дошедшую до насъ случайно въ одномъ спискѣ съ Исторіею Себэоса, будто въ ней предлежитъ, по мнѣнію сторонниковъ традиціоннаго взгляда на Исторію Хоренскаго, позднѣйшая компиляція, а по мнѣнію представителей отрицательной критики, предварительный набросокъ самого Хоренскаго. Изъ изученія самого памятника вытекаетъ, что Начальная Исторія Арменіи не есть произведеніе, скомпилированное на осно-

ваніи М. Хоренскаго. Напротивъ, въ ней мы находимъ первоначальныя формы ряда главъ Исторіи М. Хоренскаго.

Считать ее предварительнымъ наброскомъ того же историка также нѣтъ возможности, такъ какъ анонимный ея авторъ и М. Хоренскій діаметрально расходятся во взглядахъ, въ пріемахъ и даже въ слогѣ: въ историкахъ, очевидно, имѣемъ писателей двухъ разныхъ эпохъ. Другая статья (*Византійскаго Временника* 1898 №№ 1—2), разборъ изслѣдованія Г. Халатьянца „Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго" даетъ характеристику несостоятельныхъ пріемовъ, къ которымъ принужденъ былъ прибѣгнуть изслѣдователь, задавшійся мыслью во что бы то ни стало разрѣшить такой крупный историко-литературный вопросъ, какъ вопросъ объ историкѣ Моисея Хоренскомъ, при современномъ состояніи дисциплинъ, образующихъ арменистику, когда помимо общей неизученности древнеармянской литературы текстъ самой исторіи Моисея Хоренскаго не установленъ и критика его находится лишь въ зачаткѣ. Кромѣ того, изслѣдователь, являясь судьею строгимъ къ Моисею Хоренскому, награждаетъ полнымъ довѣріемъ другихъ армянскихъ историковъ, и безпрекословно раздѣляетъ традиціонныя о нихъ мнѣнія, а самый литературный памятникъ старается характеризовать не по положительнымъ признакамъ, соединяющимъ его съ извѣстною эпохой, а по отрицательнымъ чертамъ, которыя нарочно сгущены и несправедливо выдаются за нѣчто, присущее исключительно Моисею Хоренскому. Въ результатѣ труда, стоившаго изслѣдователю большой кропотливой работы и обнаруживающаго прекрасную освѣдомленность его въ памятникахъ древнеармянской литературы, получилось то, что не только не понята доля вліянія армянскаго эпоса на историка, но и самое существованіе армянскаго эпоса подвергнуто неосновательному сомнѣнію.

С. Д. Пападимитріу (въ Одессѣ), пишущій то по русски, то по гречески, далъ намъ „Критическіе этюды къ средневѣковымъ греческимъ текстамъ" (по-русски) и статью о писателяхъ Продромахъ (по-гречески), о которой мы уже выше говорили. Не лишена значенія статья одесскаго преподавателя А. С. Димитріу „Къ вопросу о договорахъ Русскихъ съ Греками" (томъ II, стр. 531—551), касающаяся собственно процедуры при заключеніи мирныхъ условій и формы договорныхъ грамотъ; не будучи вполнѣ самостоятельною и не исчерпывая вполнѣ предмета, она содержитъ нѣсколько полезныхъ указаній. Изъ грековъ, живущихъ внѣ русскихъ предѣловъ, удостоили журналъ своими вкладами такіе перво-

степенные ученые, какъ г. Хаджидакисъ „О Продромахъ", г. Политисъ „Поправки къ Anecdota А. А. Васильева" (IV, 84); о г. Параникѣ было упомянуто. Всѣ трое писали по-гречески. По-русски была напечатана статья г. Папаіоанну: „Акты такъ называемаго послѣдняго Софійскаго собора 1450 года" (томъ III, стр. 394—416). Она появилась послѣ и въ греческомъ переводѣ, который вызвалъ такое замѣчаніе со стороны рецензента въ журналѣ Крумбахера, что критическіе пріемы автора-грека ясно указываютъ на его занятія въ нѣмецкихъ университетскихъ семинаріяхъ, между тѣмъ какъ г. Папаіоанну получилъ высшее образованіе въ С.-Петербургской Духовной Академіи и отсюда воротился на родину.

Что касается области искусства, то здѣсь съ самаго начала и до сихъ поръ усердно работаетъ группа молодыхъ ученыхъ, вышедшихъ изъ школы профессора, нынѣ академика Кондакова—гг. Айналовъ и Рѣдинъ, и Я. И. Смирновъ, младшій между ними. Самъ Н. П. Кондаковъ выступилъ во *Временникѣ* только однажды въ первомъ томѣ (стр. 173—180) съ оцѣнкою капитальнаго труда Д. Ѳ. Бѣляева „Byzantina" [1]), въ которомъ, вмѣстѣ съ полнымъ признаніемъ высокихъ достоинствъ сочиненія, высказывается поучительное пожеланіе помимо изученія текстовъ, болѣе пристальнаго вниманія къ самымъ вещамъ, чтобы авторъ, не останавливаясь на полдорогѣ, отъ филологическаго комментарія прямо и открыто перешелъ къ археологическому изслѣдованію вопросовъ, какъ это съ большимъ успѣхомъ онъ дѣлаетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и нѣсколько прикровенно въ примѣчаніяхъ. Оцѣнку трудовъ гг. Айналова, Рѣдина и Смирнова, появившихся во *Временникѣ*, недавно сдѣлалъ наиболѣе авторитетный изъ западныхъ археологовъ-византистовъ І. Стшиговскій (J. Strzygowski), въ ученомъ нѣмецкомъ библіографическомъ журналѣ *Deutsche Litteraturzeitung* (15 October 1898, № 41) — въ рефератѣ о русскомъ *Ви-*

---

[1]) Полное заглавіе двухъ книгъ сочиненія слѣдующее: Д. Ѳ. Бѣляевъ „Byzantina". Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ. Книга I. Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца византійскихъ царей. Приложеніе: Матеріалы и замѣтки по исторіи византійскихъ чиновъ. Съ планомъ (Лабарта) Большаго Дворца. 1891. VIII + 200 стр. Цѣна 2 р.—Книга II. Ежедневные и воскресные пріемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ Св. Софіи въ IX—X вѣка. Съ таблицами и планами. 1893. XLVII + 309 стр. Цѣна 4 р.—Съ отзывомъ Н. П. Кондакова нужно сравнить, что пишетъ Ѳ. И. Успенскій въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1893, декабрь, стр. 372—373.

зантійскомъ Временникѣ за пять лѣтъ, гдѣ онъ спеціально останавливается на статьяхъ по искусству. Мы не будемъ повторять всѣхъ его замѣчаній; выше всего онъ цѣнитъ работу г. Смирнова о христіанскихъ мозаикахъ острова Кипра, лично изученныхъ имъ на мѣстѣ, (она была напечатана въ *Византійскомъ Временникѣ* томъ IV, стр. 1—19). Рѣчь о кипрскихъ мозаикахъ заканчивается заявленіемъ, что работа Смирнова настоятельно требуетъ перевода на нѣмецкій языкъ ради ея далеко идущаго значенія. Общее заключеніе г. Стшиговскаго о *Византійскомъ Временникѣ* такое: *Византійскій Временникъ* есть спеціальное повременное изданіе первостепеннаго достоинства. Издаваемое Академіей, вспомоществуемое (матеріально) правительствомъ, оно объединяетъ русскія изслѣдованія въ византійской и южно-славянской области, и болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ почетное положеніе предъ лицемъ западно-европейской науки".

„Временникъ" можетъ похвалиться своимъ критическимъ отдѣломъ, а также полнотою библіографическихъ обзоровъ книгъ и статей, имѣющихъ отношеніе къ Византіи, при томъ не только русскихъ, но и греческихъ, появляющихся какъ въ свободномъ королевствѣ, такъ и въ Константинополѣ, Смирнѣ, на островахъ. Относительно греческой литературы онъ обязанъ въ особенности сотрудничеству г. Пападопуло-Керамевса, сохранившаго ученыя связи на родинѣ и обладающаго недоступною даже нашему германскому собрату возможностью слѣдить за всѣми новыми явленіями. Б. М. Меліоранскій завѣдуетъ нѣмецкою литературою, А. А. Васильевъ—французскаго, англійскою и италіанскою, И. И. Соколовъ — русскою. П. А. Сырку, доцентъ Петербургскаго университета, дѣятельно помогаетъ въ области славянской и румынской литературъ.

В. Васильевскій.

А. Алферовъ. Очерки изъ жизни языка. (Введеніе въ методику роднаго языка). Москва. 1899. IV+81 стр. Цѣна 40 коп.

Вышедшая недавно въ свѣтъ книга г. Алферова содержитъ краткій очеркъ общихъ условій жизни и развитія языка въ связи съ нѣкоторыми свѣдѣніями по исторіи языка отечественнаго. „Предлагаемая книга", говоритъ авторъ въ введеніи (стр. III), „составляющая первую главу учебника методики роднаго языка для VIII класса женскихъ гимназій,—учебника, задуманнаго и уже начатаго авторомъ, имѣетъ цѣлью

познакомить будущихъ учительницъ русскаго языка съ нѣкоторыми свѣдѣніями, которыя могутъ быть руководящими въ ихъ преподаваніи. Эта первая глава выпускается отдѣльнымъ изданіемъ, такъ какъ общія свѣдѣнія о родномъ языкѣ необходимы всякому". Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что общія свѣдѣнія о родномъ языкѣ дѣйствительно необходимы какъ будущимъ учительницамъ этого предмета, такъ и вообще всякому образованному человѣку, и съ этой точки зрѣнія предпріятіе г. Алферова заслуживаетъ полнаго одобренія и сочувствія. Къ сожалѣнію, однако, ему не удалось разрѣшить удовлетворительнымъ образомъ поставленной задачи. Для того, чтобы подтвердить справедливость высказаннаго сужденія, я остановлюсь подробно, насколько это вообще возможно въ журнальной рецензіи, на тѣхъ недостаткахъ разбираемой книги, которые носятъ общій, принципіальный характеръ.

Основная ошибка автора „Очерковъ изъ жизни языка" заключается въ томъ, что онъ не отрѣшился вполнѣ отъ традиціоннаго взгляда на языкъ и его явленія, господствующаго въ нашей школьной грамматикѣ, и не воспользовался въ полной мѣрѣ тѣми выводами, къ которымъ пришла наука о языкѣ въ ея современномъ состояніи. Какъ извѣстно, наша школьная грамматика основана въ результатѣ на тѣхъ общихъ схемахъ и построеніяхъ, которыя были выработаны въ александрійскую эпоху въ примѣненіи къ греческому языку. Въ мою задачу здѣсь не можетъ входить указаніе отдѣльныхъ моментовъ того длиннаго пути, который ведетъ отъ грамматическихъ теорій александрійцевъ къ нашимъ современнымъ учебникамъ, для меня достаточно отмѣтить фактъ зависимости послѣднихъ отъ первыхъ. Само собою понятно, насколько могутъ соотвѣтствовать истинному положенію дѣла схемы и опредѣленія школьныхъ грамматикъ русскаго языка, основанныя на томъ, что было выработано въ эпоху, когда не было и не могло быть научнаго отношенія къ языку, и при томъ въ примѣненіи къ чужому, хотя и родственному, языку. Научное языковѣдѣніе, называемое обыкновенно сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, несмотря на свое недавнее существованіе, сдѣлало очень большіе успѣхи и далеко шагнуло впередъ въ дѣлѣ изслѣдованія человѣческаго языка, но то, что добыто совокупными трудами нѣсколькихъ поколѣній лингвистовъ, до сихъ поръ почти не нашло себѣ доступа въ среднюю школу, гдѣ преподаваніе идетъ своею дорогою. Правда, отъ времени до времени кое-какіе отголоски того, что сдѣлано въ наукѣ, доходили, доходятъ и теперь, до школьной грамматики, частію, конечно, въ

искаженномъ видѣ, при чемъ здѣсь почему-то посчастливилось нѣкоторымъ взглядамъ, уже давно отжившимъ свой вѣкъ; сюда относится, напримѣръ, ученіе объ усиленіи и ослабленіи гласныхъ, вошедшее даже въ извѣстные учебники для народныхъ школъ и излагаемое обыкновенно далеко не въ томъ видѣ, въ которомъ оно когда-то господствовало среди лингвистовъ, занимавшихся изученіемъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ. Однако отдѣльные экскурсы этого рода въ общемъ нисколько не вліяютъ на весь строй пособій по русской грамматикѣ и являются въ немъ какимъ-то придаткомъ. Что касается тѣхъ вопросовъ, которые выходятъ изъ предѣловъ элементарнаго преподаванія, и которые не разсматриваются поэтому вовсе въ большинствѣ учебниковъ, то по отношенію къ нимъ наблюдается то же безотрадное положеніе. Если учащимся и предлагаются свѣдѣнія о родственныхъ отношеніяхъ русскаго языка къ другимъ языкамъ, о его прошломъ, о происхожденіи языка, объ основныхъ вопросахъ, касающихся его жизни, о происхожденіи грамматическихъ формъ, свѣдѣнія, предназначенныя для старшихъ классовъ, то все это дѣлается обыкновенно въ такой формѣ, которая мало соотвѣтствуетъ современному уровню знанія. Мнѣ могутъ возразить, что нельзя въ школѣ гоняться за всѣми новѣйшими теоріями, но вѣдь по отношенію къ указаннымъ пунктамъ основныя точки зрѣнія установлены уже очень давно, и вопросъ идетъ о подробностяхъ и частностяхъ, которыя и не могутъ быть предметомъ преподаванія въ средней школѣ. Во всякомъ случаѣ непозволительно предлагать учащимся пеструю смѣсь того, что никогда не было достояніемъ науки, и того, что уже давно оставлено, съ тѣмъ, что составляетъ прочное пріобрѣтеніе. Не входя въ дальнѣйшія подробности и не подвергая критикѣ тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ грамматикъ отечественнаго языка, замѣчу, что я позволилъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи школьнаго преподаванія этого предмета къ научному языковѣдѣнію исключительно въ виду ближайшей цѣли настоящей рецензіи, такъ какъ иначе мое отношеніе къ книгѣ г. Алферова могло бы представиться въ неправильномъ освѣщеніи. Именно, я далекъ отъ мысли ставить ему лично въ вину тотъ или другой промахъ въ частности: разъ онъ съ самаго начала допустилъ ошибку, выше мною указанную, естественно, что онъ повторяетъ много несообразностей, которыя можно найдти въ нашихъ школьныхъ грамматикахъ. Постараюсь теперь подтвердить сказанное

мною объ основной ошибкѣ автора „Очерковъ изъ жизни языка“ примѣрами, взятыми изъ различныхъ отдѣловъ этой книги.

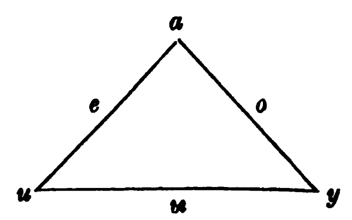
Особенно неудачна вторая глава, озаглавленная „Звуковой составъ слова“, гдѣ отдѣльныя вѣрныя положенiя теряются среди цѣлаго ряда ошибокъ и недоразумѣнiй. Автору осталось, къ сожалѣнiю, неизвѣстнымъ то, что сдѣлано въ наукѣ по отношенiю къ физiологiи звуковъ рѣчи. Правда, кое-что онъ могъ почерпнуть изъ извѣстной книги Whitney'а, которою авторъ пользовался въ французскомъ переводѣ, но какъ разъ отдѣлъ, посвященный физiологiи звуковъ рѣчи, здѣсь устарѣлъ очень значительно: англiйскiй оригиналъ вышелъ, какъ извѣстно, въ 1875 году, то-есть, почти четверть столѣтiя тому назадъ, а относительно „Лекцiй“ Макса Мюллера я долженъ замѣтить, что онѣ и въ моментъ своего появленiя по многимъ причинамъ не соотвѣтствовали современному уровню знанiй. Съ другой стороны, г. Алферовъ повторяетъ многое изъ того, что издавна стало, такъ сказать, общимъ мѣстомъ въ нашихъ грамматикахъ, а въ результатѣ получился нѣсколько странный очеркъ физiологiи звуковъ рѣчи, отличающiйся и отъ обычнаго изложенiя этого отдѣла въ грамматикахъ, которыя, замѣчу кстати, обыкновенно смѣшиваютъ звуки рѣчи съ буквами, ихъ письменными знаками, и отъ того, что говоритъ объ этомъ наука. На стр. 25 мы находимъ въ видѣ таблицы „дѣленiе гласныхъ церковно-славянскихъ звуковъ“:

Гортанный а	є, ѣ, ѧ — гортанно-нёбные.	о, ъ, ѫ — горт.-губные.
Нёбные и, ь	ы — нёбно-губной.	
Губной ȣ		

Таблицѣ предшествуетъ замѣчанiе: „Для того, чтобы легче усвоить прилагаемую ниже таблицу дѣленiя звуковъ, слѣдуетъ произнести каждый изъ помѣщенныхъ въ ней звуковъ и отдать себѣ хотя нѣкоторый отчетъ, съ помощью какихъ органовъ можно воспроизвести тотъ или другой звукъ“. На предшествующихъ страницахъ сообщается, что звуки дѣлятся на гласные, полугласные и согласные безъ дальнѣйшаго поясненiя этихъ терминовъ, а изъ замѣчанiй о звукахъ ь, ъ на стр. 26 видно, что полугласными авторъ называетъ „гласные, произносимые сокращенно“. На стр. 24 сообщается, что „кромѣ дѣленiя на гласные, полугласные и согласные, всѣ звуки могутъ быть раздѣлены по органамъ произношенiя и по характеру самого звука“,— и далѣе: „напримѣръ, *о* можно произнести, заставивъ звучать голосовыя связки гортани и придавъ такое положенiе губамъ, чтобы

между ними образовалось круглое отверстіе; поэтому *о* называется гортанно-губнымъ звукомъ". На той же страницѣ говорится: „Между гласными есть... такъ называемые *твердые* (а, у) и *мягкіе*, напримѣръ, такіе, передъ которыми слышится полугласный звукъ *и*, напримѣръ, я (йа), ю (йу)". Наконецъ, приведенная мною таблица, сопровождается указаніемъ на то, какія гласныя въ „церковно-славянскомъ языкѣ" относятся къ твердымъ, и какія къ мягкимъ, а на стр. 26 находятся замѣчанія о произношеніи нѣкоторыхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ. Вотъ и все, что авторъ счелъ нужнымъ сказать о природѣ и условіяхъ образованія гласныхъ звуковъ. Помимо тѣхъ существенныхъ пробѣловъ, которые мы находимъ въ его изложеніи (напримѣръ, здѣсь не дается даже никакого опредѣленія того, что слѣдуетъ понимать подъ терминомъ гласный звукъ), многія его утвержденія являются фактически невѣрными, а путь, который онъ избираетъ для того, чтобы демонстрировать различные оттѣнки гласныхъ звуковъ, возбуждаетъ сильнѣйшее недоумѣніе. Мы видѣли, что г. Алферовъ рекомендуетъ читателю произнести гласные звуки, выражаемые буквами, помѣщенными въ его таблицѣ, то-есть, гласные „церковно-славянскаго" языка и при этомъ „отдать себѣ хотя нѣкоторый отчетъ, съ помощью какихъ органовъ можно воспроизвести тотъ или другой звукъ". Мнѣ кажется, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ этомъ пунктѣ авторъ положительно неправъ. Таблица содержитъ звуки „церковно-славянскаго" языка, а подъ „церковно-славянскимъ языкомъ" онъ понимаетъ тотъ древній южно-славянскій языкъ (ср. стр. 24), на который въ IX вѣкѣ былъ сдѣланъ переводъ священнаго писанія, и который удобнѣе называть старославянскимъ въ отличіе отъ позднѣйшаго церковно-славянскаго языка, употребляемаго въ богослуженіи православной церкви. Старославянскій языкъ для насъ является мертвымъ языкомъ, и природу его звуковъ мы можемъ опредѣлить съ извѣстною точностью лишь путемъ сложныхъ соображеній, современное же церковное произношеніе имѣетъ къ нему лишь отдаленное отношеніе, да и самъ авторъ не имѣлъ его въ виду, иначе онъ бы это оговорилъ; впрочемъ, сама таблица показываетъ, что дѣло идетъ именно о звукахъ старославянскаго языка. Такимъ образомъ г. Алферовъ заставляетъ читателя знакомиться съ условіями образованія гласныхъ путемъ произнесенія звуковъ языка мертваго, природу которыхъ мы можемъ опредѣлить вообще лишь приблизительно. Было бы гораздо естественнѣе принять за точку отправленія звуки того языка, который у насъ въ живомъ употребленіи, то-есть,

звуки русскаго языка, конечно, въ нарѣчіи образованныхъ людей. Помимо этого таблица, представленная г. Алферовымъ, даетъ поводъ къ замѣчаніямъ и по существу. Если и придерживаться стараго взгляда на классификацію гласныхъ, какъ это дѣлаетъ авторъ, таблица котораго сводится къ классическому треугольнику:

то во всякомъ случаѣ нельзя ставить рядомъ безъ всякихъ оговорокъ звуки, обозначаемые буквами є и ѧ, и звуки, обозначаемые буквами о и ѫ. Какъ извѣстно, гласные старо-славянскаго языка, обозначаемые написаніями ѧ и ѫ, являются, по условіямъ образованія, гласными носовыми, о чемъ упоминается на стр. 26, а гласные носовые составляютъ въ отличіе отъ гласныхъ неносовыхъ особый классъ гласныхъ и не могутъ быть смѣшиваемы съ послѣдними. Вообще мы ждали бы, что авторъ пояснитъ, хотя въ краткихъ словахъ, какъ именно образуются носовые гласные, отличающіеся, какъ извѣстно, отъ соотвѣтственныхъ гласныхъ неносовыхъ тѣмъ, что выдыхаемый воздухъ проходитъ при этомъ не только въ полость рта, но и въ полость носа, остающуюся закрытою при образованіи неносовыхъ гласныхъ. Далѣе, не ясно, почему звукъ, обозначаемый буквою ь, является въ таблицѣ рядомъ съ звукомъ, обозначаемымъ буквою и, а звукъ, обозначаемый буквою ъ, является рядомъ съ звукомъ, обозначаемымъ буквою о. О природѣ ъ и ь авторъ замѣчаетъ на стр. 26 слѣдующее: „ъ, ь, уже въ позднѣйшемъ церковно-славянскомъ произносившіеся сокращенно и потому ставшіе полугласными, въ современномъ русскомъ языкѣ имѣютъ иное значеніе: ъ оттѣняетъ предшествующій согласный звукъ только передъ мягкими гласными, напримѣръ, *объявить, подъѣздъ*, а въ другихъ случаяхъ совсѣмъ не вліяетъ на произношеніе, а ь заставляетъ согласные звучать мягко, напримѣръ, *конь* (*конъ*)". Здѣсь прежде всего нельзя не замѣтить путаницы въ терминахъ: сначала имѣются въ виду звуки, обозначаемые буквами ъ и ь, такъ какъ *буквы* вѣдь не могутъ стать *полугласными*, далѣе же дѣло идетъ именно о буквахъ ъ и ь въ русскомъ языкѣ; какимъ, однако, образомъ *буква* ъ можетъ оттѣнять предшествующій

согласный звукъ только передъ мягкими гласными, и какимъ образомъ *буква ь* заставляетъ согласныя звучать мягко? Такую неправильность и неточность въ языкѣ нельзя допускать въ учебной и популярной книжкѣ. Относительно опредѣленія природы звуковъ, обозначаемыхъ буквами ъ и ь въ старо-славянскомъ языкѣ, замѣчу, что выраженіе, „произносившіеся сокращенно", неточно передаетъ сущность дѣла: разсматриваемые звуки были ирраціональными гласными *у* и *и* извѣстнаго вида, а ирраціональными мы можемъ называть гласные, являющіеся по отношенію къ длительности болѣе краткими сравнительно съ нормальными краткими гласными. Терминъ „полугласный звукъ" г. Алферовъ, согласно употребленію, установившемуся у насъ еще со временъ Востокова, прилагаетъ не только къ старо-славянскимъ ъ и ь, но и къ русскому *й*, которое у него является также сокращеннымъ гласнымъ звукомъ. Въ сущности, однако, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя различными категоріями звуковъ: старо-славянскіе ъ и ь (но не русскіе ъ и ь, являющіеся у насъ только буквами, письменными знаками) были ирраціональными гласными, а русскимъ написаніемъ *й* передается *и* неслоговое во второй части дифтонга, являющееся по отношенію къ степени длительности во всякомъ случаѣ неирраціональнымъ. На стр. 24 авторъ отождествляетъ съ этимъ *й* первую часть сочетанія звуковъ, выражаемыхъ написаніями *я*, *ю*, гдѣ въ дѣйствительности мы находимъ согласный звукъ j+соотвѣтственные гласные (см. статью проф. Ѳ. Е. Корша „Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen", помѣщенную въ журналѣ *Archiv für slavische Philologie*, т. III, стр. 668, 1879 г.). Невѣрно утвержденіе г. Алферова, что въ противоположность твердымъ гласнымъ мягкими гласными являются „такіе, передъ которыми слышится полугласный звукъ *и*, напримѣръ *я* (*йа*), *ю* (*йу*)". Мягкими, небными гласными (Palatalvocale) называются гласные передняго, небнаго нелабіолизованнаго ряда, то-есть, звуки „e" и „i" различныхъ видовъ, между тѣмъ какъ написаніями *я*, *ю* не послѣ буквъ, обозначающихъ согласныя, у насъ обозначаются сочетанія звуковъ „ja" и „ju", а послѣ буквъ, обозначающихъ согласныя,—звуки „a" и „u" въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ. На стр. 26 самъ авторъ, противорѣча первому своему опредѣленію, говоритъ, что „нѣкоторыя наши буквы, изображающія мягкіе звуки, *я*, *ю*, *е*, *ѣ*, передаютъ сразу два звука *йа*, *йу*, *йэ*". Помимо указаннаго мною выше недоразумѣнія по отношенію къ *й*, нельзя не обратить вниманія на небрежное употребленіе терминовъ,

являющееся въ приведенныхъ словахъ: мягкіе звуки, изображаемые буквами *я, ю, е, ѣ*, являются, какъ оказывается далѣе, не простыми звуками, а сочетаніями двухъ звуковъ. Затѣмъ, ошибочно мнѣніе автора, что написанія *я, ю, е, ѣ* передаютъ у насъ только извѣстныя сочетанія звуковъ; вѣдь, на самомъ дѣлѣ буквы *я, ю, е* и *ѣ* въ положеніи послѣ буквъ, обозначающихъ согласныя, передаютъ гласныя „а", „и", „е", передъ которыми являются мягкими предшествующія согласныя, за извѣстными, впрочемъ исключеніями (см. „Лекціи по исторіи русскаго языка" проф. Соболевскаго, стр. 118 сл.). Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя болѣе мелкія замѣчанія, я упомяну еще лишь о томъ, что автору слѣдовало бы обратить вниманіе на то, въ какомъ видѣ является теперь въ наукѣ ученіе о физіологіи звуковъ рѣчи, въ частности ученіе о гласныхъ. Хорошимъ пособіемъ является въ данномъ случаѣ книга проф. Сиверса „Grundzüge der Phonetik" въ ея 4-мъ изданіи, вышедшемъ въ Лейпцигѣ въ 1893 году. На отдѣлѣ, посвященномъ согласнымъ, я не останавливаюсь, такъ какъ и къ нему примѣняются тѣ общія возраженія, которыя я сдѣлалъ, а на всѣхъ частностяхъ я, понятно, не могу останавливаться. Что касается очерка общихъ условій образованія звуковъ человѣческой рѣчи, помѣщеннаго въ самомъ началѣ разсматриваемой главы, то онъ, помимо нѣкоторыхъ неточностей, отличается такою неопредѣленностью и расплывчатостью, что врядъ ли можетъ дать что либо читателямъ, для которыхъ предназначены „Очерки".

Ученіе о природѣ и условіяхъ образованія звуковъ рѣчи составляетъ собственно часть физіологіи, а по отношенію къ извѣстнымъ пунктамъ и часть физики, но тѣмъ не менѣе эти вопросы должны быть хорошо знакомы лингвисту, приступающему къ изученію какого бы то ни было языка, наука же о языкѣ вступаетъ въ свои права съ того момента, когда мы, вооруженные этими общими свѣдѣніями, приступаемъ къ опредѣленію природы звуковъ даннаго языка. Такимъ образомъ до сихъ поръ рѣчь шла лишь частью о вопросахъ, входящихъ непосредственно въ область лингвистики, теперь я приведу примѣры, подтверждающіе мое общее сужденіе объ „Очеркахъ изъ жизни языка", изъ другихъ частей этой книги, гдѣ говорится непосредственно о фактахъ самаго языка.

Въ первой главѣ своей книги г. Алферовъ говоритъ о значеніи словъ, а во второй разсматриваетъ нѣкоторые вопросы, касающіеся звуковой стороны словъ, въ связи съ очеркомъ условій образованія звуковъ рѣчи, о которомъ я уже сказалъ выше. Факты языка съ те-

ченіемъ времени подвергаются измѣненіямъ и со стороны внѣшней, то-есть, по отношенію къ звукамъ, и со стороны внутренней, то-есть, со стороны значенія. Это обстоятельство дѣлаетъ необходимымъ изученіе фактовъ языка въ ихъ исторіи, а такъ какъ при этомъ оказывается, что нѣкоторые языки имѣли въ прошломъ общую исторію, то-есть, связаны между собою общностью происхожденія отъ одного праязыка, то историческое ихъ изслѣдованіе приводитъ насъ необходимо къ сравнительному изученію, понятно, тамъ, гдѣ есть для этого данныя. Этотъ сравнительно исторической методъ, составляющій достояніе новѣйшаго языковѣдѣнія, рѣзко отличаетъ его отъ прежнихъ попытокъ выйдти изъ предѣловъ элементарнаго собиранія и классификаціи фактовъ. Г. Алферовъ недостаточно опредѣленно освѣтилъ пріемы и методы научнаго изслѣдованія языка, недостаточно ярко и выпукло выдвинулъ впередъ понятіе объ исторіи языка, и слѣдствіемъ этого является то, что онъ нерѣдко иллюстрируетъ свои положенія такими примѣрами и такими указаніями, которымъ не мѣсто въ книгѣ, посвященной очеркамъ изъ жизни языка, вышедшей въ самомъ концѣ прошлаго года.

По отношенію къ содержанію первой главы, гдѣ говорится о значеніи словъ, надо замѣтить, что здѣсь авторъ былъ связанъ господствующими въ школьныхъ грамматикахъ взглядами въ значительно меньшей степени, чѣмъ это имѣло мѣсто въ другихъ случаяхъ, и, благодаря этому, эта часть его книги гораздо удачнѣе прочихъ, хотя и здѣсь можно замѣтить вліяніе указаннаго мною нѣсколько выше недостатка. На стр. 2 и 3 мы находимъ разсужденіе о случаяхъ такъ называемаго переноса значенія. Авторъ, пользуясь извѣстнымъ трудомъ проф. Потебни „Изъ записокъ по русской грамматикѣ", говоритъ о значеніяхъ слова „верста" и вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ проф. Потебни, что, разъ слово употреблено въ нашей рѣчи въ видоизмѣненномъ его значеніи, мы имѣемъ уже дѣло съ новымъ словомъ, тождественнымъ по звукамъ съ прежнимъ. Мнѣ кажется, въ этомъ неправы и проф. Потебня, и г. Алферовъ. Весь вопросъ о томъ, имѣемъ ли мы дѣло, въ случаѣ существованія употребленія извѣстнаго слова не въ одномъ только значеніи, дѣйствительно съ однимъ словомъ или съ нѣсколькими словами, тождественными по звуковой сторонѣ, сводится, понятно, къ тому, сознаемъ ли мы при этомъ различіе въ значеніи, какъ видоизмѣненіе извѣстнаго основнаго значенія. При наличности такого сознанія мы имѣемъ дѣло съ однимъ словомъ, при отсутствіи его—съ двумя или нѣсколькими словами,

сходными по звукамъ, но отличающимися по значенію. Другое дѣло, если мы взглянемъ на это явленіе съ исторической точки зрѣнія: въ этомъ случаѣ мы въ правѣ говорить о видоизмѣненіяхъ значенія одного и того же слова, хотя бы говорящими уже и не сознавалась какая либо связь между различными значеніями, разъ эти различныя значенія въ исторіи языка оказываются видоизмѣненіями значенія одного и того же слова. Отъ случаевъ этого рода, понятно, слѣдуетъ отличать такіе случаи, когда между словами, тождественными по звукамъ, нѣтъ никакой связи по значенію ни въ настоящемъ, ни въ прошломъ, частью такое совпаденіе по звукамъ словъ съ различнымъ значеніемъ является результатомъ видоизмѣненія звуковой стороны словъ въ языкѣ; сюда относится, напримѣръ, совпаденіе по звукамъ въ произношеніи, не утрированномъ искусственно, нашихъ словъ „безъ" и „бѣсъ", различающимися по традиціи въ написаніи (а нѣкогда они отличались и по звукамъ). Кстати замѣчу о словѣ „верста", что г. Алферовъ напрасно даетъ его основное значеніе въ такой формѣ: „борозда плуга", на самомъ дѣлѣ, конечно, „верста" въ этомъ значеніи есть „поворотъ плуга", „борозда", какъ это и даетъ проф. Потебня. Непонятными мнѣ кажутся разсужденія автора о томъ, какъ слова: „варваръ", „еретикъ", „мѣщанство", вліяютъ на чувства людей (стр. 19 сл.). Само собою разумѣется, что здѣсь дѣло не въ словахъ, а въ тѣхъ понятіяхъ, знаками которыхъ являются эти слова. Не останавливаясь на нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ, подающихъ поводъ къ замѣчаніямъ, я перехожу теперь къ тому, что г. Алферовъ сообщаетъ объ измѣненіяхъ звуковой стороны словъ.

На стр. 30 авторъ говоритъ слѣдующее: „Для опредѣленія исторіи звуковой формы словъ не достаточно сближать между собою созвучія слоговъ въ словахъ, какъ это дѣлали, напримѣръ, въ XVIII вѣкѣ Сумароковъ и Тредьяковскій и какъ нерѣдко дѣлаютъ это и теперь въ обыденномъ разговорѣ. Для того, чтобы объяснить происхожденіе звуковаго состава слова, нужно быть основательно знакомымъ съ условіями измѣненій звуковъ въ языкѣ и установить цѣлый рядъ предшествующихъ и постепенно другъ за другомъ слѣдующихъ формъ этого слова въ прежнія времена. Подобныя опредѣленія возможны въ большинствѣ случаевъ только для ученыхъ спеціалистовъ". Хотя выраженія „условія измѣненій звуковъ въ языкѣ", „прежнія времена", а также „происхожденіе звуковаго состава слова" и являются неточными по самому существу, тѣмъ не менѣе авторъ въ общемъ высказалъ вполнѣ вѣрную мысль: исторія звуковой сто-

роны слова можетъ быть раскрыта только при посредствѣ сравнительно исторического метода. Однако, лишь только авторъ приступаетъ къ конкретнымъ случаямъ (и здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ книги), то сейчасъ же начинается цѣлый рядъ соображеній крайне произвольныхъ: выпаденія, вставки, переходы звуковъ одинаково являются къ услугамъ для оправданія различныхъ этимологій безъ всякаго отношенія къ тому, согласуется ли все это въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ тѣмъ, что говоритъ намъ наука объ исторіи звуковъ русскаго языка. Авторъ повторяетъ при этомъ то, что до сихъ поръ продолжаетъ фигурировать на страницахъ нѣкоторыхъ нашихъ учебниковъ, забывая мысль, самимъ имъ высказанную и выше мною приведенную. Напримѣръ, на стр. 29 — 30 дается слѣдующая этимологія слова „языкъ“: „Слово *языкъ* обозначало прежде племя, *союзъ* людей, связанныхъ узами родства; а такъ какъ у каждаго племени бываетъ своя рѣчь, отличающая его отъ другихъ, то впослѣдствіи названіе союза людей было перенесено на ихъ говоръ и стало обозначать языкъ въ современномъ значеніи этого слова, которое произошло такъ: извѣстно, что звуки большаго и малаго юсовъ могли замѣнять другъ друга; слово *узы* прежде читалось черезъ ѫ; этотъ слогъ *ѫз* (съ переходомъ *з* въ *ж*) встрѣчался тогда въ словѣ *ѫжика*, что означало родственникъ; впослѣдствіи большой юсъ (ѫ) замѣнился малымъ (ѧ) и образовалъ йотированный слогъ *ѩз*, откуда—языкъ, въ смыслѣ собранія родственныхъ другъ другу людей. Отсюда и современное слово: *языкъ*“. Въ дѣйствительности слово „языкъ“, которому соотвѣтствуетъ старославянское *ѩзыкъ*, получилось изъ общеславянскаго **jęзукъ* и родственно по происхожденію съ прусскимъ *insuwis*—„языкъ“, латинскимъ *lingua* изъ болѣе древняго *dingua*, нововерхненѣмецкимъ *zunge*, гдѣ *z* изъ общенѣмецкаго *t*, а индоевропейское *d* еще въ общенѣмецкомъ языкѣ обратилось въ *t*; какъ показываетъ сопоставленіе съ родственными словами, общеславянское **jęзукъ* имѣетъ *ę* изъ ьn̥, которое въ свою очередь изъ индоевропейскаго ǝn̥, то-есть, изъ сочетанія неслоговой ирраціональной гласной съ слоговою носовою, вмѣсто котораго нѣкоторые ученые принимаютъ для индоевропейскаго языка только одну слоговую носовую; утрата начальнаго *д* произошла въ разсматриваемомъ словѣ еще въ литовскославянскомъ языкѣ. Что касается русскаго слова „узы“, которое въ сущности является у насъ книжнымъ заимствованіемъ изъ церковнославянскаго, старославянскаго *ѫза*, то они родственны по корню съ греческимъ ἄγχω, лат. *ango*; общеславянское *ǫ*, откуда старославянское ѫ, русское *у*, по-

-лучилось здѣсь изъ индоевропейскаго сочетанія *ån*; тотъ же корень съ другимъ звуковымъ видомъ мы находимъ въ русскомъ „вязать“, старославянскомъ *вѫзати*, гдѣ общеславянское ę изъ индоевропейскаго $a^{e}n$. Такимъ образомъ русскія „языкъ“ и „узы“ не находятся между собою ни въ какой связи по происхожденію. Кстати замѣчу еще, что напрасно г. Алферовъ категорически говоритъ, будто „звуки большаго и малаго юсовъ могли замѣнять другъ друга“. На самомъ дѣлѣ мы ничего подобнаго не знаемъ, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ, мы находимъ чередованіе въ корнѣ общеславянскихъ ǫ и ę, мы имѣемъ чередованіе, унаслѣдованное изъ праязыка. Приведу еще одинъ примѣръ этимологическихъ соображеній автора.

На стр. 30 — 31 говорится: „Такъ, напримѣръ, наукой установлено, что въ словѣ „изба“ основной звукъ *б*. Полная форма этого слова, встрѣчающаяся, напримѣръ, въ лѣтописи — *истопъка* или *истъпъка*, то-есть, жилье, которое можно топить. Губной звукъ *п* перешелъ въ *б*, суффиксъ *к* также (?) выпалъ, и получилось позднѣйшее слово *истъба*; *ъ* впослѣдствіи выпало, и нѣмое *с* въ приставкѣ подъ вліяніемъ звучнаго *б* перешло по закону уподобленія въ звучное *з*, и тогда сложилось современное слово *изба*“. Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о фонетическихъ явленіяхъ самого русскаго языка, и автору слѣдовало бы познакомиться съ относящимися сюда вопросами хотя бы по книгѣ профессора Соболевскаго „Лекціи по исторіи русскаго языка“, вышедшей вторымъ изданіемъ въ С.-Пб. въ 1891 году [1]). Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что русское „изба“ получилось непосредственно изъ *издба*, которое въ свою очередь изъ *истъба*, общеславянское *istъba*, между тѣмъ какъ *истопка* въ лѣтописи, пишется и *істобка*, *істобъка* (см. *Срезневскій*, „Матеріалы для словаря древне-русскаго языка“, т. I, стр. 1147) восходитъ къ общеславянскому *istъbъka*, представляющему другой суффиксъ. Само это слово заимствовано славянскими языками изъ германскихъ языковъ, которые въ свою очередь получили это слово изъ романскихъ языковъ (ср. *Miklosich*, „Etymologisches Wörterbuch der slavischen Spra-

---

[1]) Кстати считаю долгомъ предостеречь читателей отъ пользованія „Сравнительнымъ этимологическимъ словаремъ русскаго языка“ Н. В. Горяева, такъ какъ этотъ трудъ и во второмъ изданіи (1896 г.) представляетъ сводъ источниковъ далеко неравнаго достоинства, къ которымъ авторъ не отнесся съ надлежащею критикою. О первомъ изданіи см. замѣтку въ *Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ*, т. XXIX, стр. 181.

chen" s. v. *istūba*; *Kluge*, „Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache" s. v. Stube; *Körting*, „Lateinisch-Romanisches Wörterbuch" s. v. **extūfo*; профессоръ *Соболевскій*, „Лекціи по исторіи русскаго языка" [3], стр. 102), и не имѣетъ никакого отношенія по происхожденію къ глаголу „топить". Приведу еще одинъ примѣръ этимологій, являющихся въ книгѣ г. Алферова. На стр. 52 говорится: „...можно указать родство даже между такими словами, которыя на первый взглядъ ничего общаго между собою не имѣютъ", и далѣе въ подтвержденіе этого приводится нѣсколько примѣровъ, между прочимъ и слѣдующій: „слово мужъ, писавшееся тоже черезъ ѫ (*мѫжь* = *монжъ*) или *mensch* (нѣм.)". Здѣсь прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе выраженіе: „слово мужъ, писавшееся тоже черезъ ѫ". Въ данномъ случаѣ слѣдовало, понятно, сказать, что русское слово „мужъ" имѣетъ „у" изъ общеславянскаго ǫ, ср. старославянское мѫжь. Само сопоставленіе *мужъ* и *mensch* заимствовано авторомъ, надо думать, непосредственно изъ книги Стоюнина „Высшій курсъ русской грамматики", 3-е изданіе, гдѣ на стр. 37 сказано: „мужъ (мѫжь, нѣм. Mensch и Mann отъ одного корня man—думать) мыслитель". Дѣйствительно, въ прежнее время, а частію еще и теперь, общеславянское mǫžь вмѣстѣ съ нѣмецкими mann и mensch возводили къ тому индоевропейскому корню, который является, напримѣръ, въ древнеиндійскомъ глагольномъ корнѣ man—„думать", въ славянскомъ мьнѭ (гдѣ индоевропейскій корень является въ слабомъ звуковомъ видѣ), но никто изъ лингвистовъ, понятно, не думалъ сопоставлять общеславянское mǫžь съ нѣмецкимъ, то-есть, нововерхненѣмецкимъ, mensch и по отношенію къ суффиксу: нововерхненѣмецкое mensch получилось изъ древневерхненѣмецкаго mennisco, которое изъ болѣе древняго mannisco по закону такъ называемаго Umlaut'а, и представляетъ собою субстантивированное прилагательное, произведенное отъ mann съ помощью суффикса -isco, между тѣмъ какъ общеславянское mǫžь имѣетъ žь изъ болѣе древняго сочетанія zjъ. Г. Алферовъ оставилъ все это безъ вниманія и далъ этимологію слова „мужъ" въ такой формѣ, что неопытный читатель легко можетъ отождествить русское ж, которое въ данномъ положеніи выражаетъ собственно звукъ „*ш*", съ нѣмецкимъ sch. По поводу сопоставленія слова „мужъ" съ mann и mensch замѣчу еще, что общеславянское mǫžь не находится, повидимому, въ родствѣ съ нѣмецкими словами, да и происхожденіе этихъ послѣднихъ отъ индоевропейскаго корня съ значеніемъ „думать" болѣе, чѣмъ сомнительно.

Въ третьей главѣ, озаглавленной „Мѣсто русскаго языка среди другихъ" (то-есть, языковъ), г. Алферовъ говоритъ между прочимъ о различныхъ типахъ языковъ (въ морфологическомъ отношеніи) и указываетъ главныя семейства языковъ. Весь этотъ отдѣлъ производитъ очень невыгодное впечатлѣніе, благодаря массѣ ошибокъ и недоразумѣній, происшедшихъ отъ недостаточно внимательнаго отношенія автора къ указаннымъ вопросамъ. Мы не находимъ здѣсь прежде всего правильной точки зрѣнія на классификацію языковъ вообще. Дѣло въ томъ, что мы можемъ классифицировать языки: 1) по отношенію къ наличности между ними связи по происхожденію, соединяя въ одну группу языки, происходящіе отъ одного общаго для нихъ праязыка, при чемъ нѣсколько группъ могутъ составлять одну общую группу и т. д.—это генеалогическая классификація, и 2) по общимъ сходствамъ и различіямъ по отношенію къ образованію простыхъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ — это морфологическая классификація; понятно, что обѣ точки зрѣнія на классификацію языковъ независимы другъ отъ друга, такъ какъ и языки неродственные по происхожденію могутъ составлять одинъ классъ въ морфологической классификаціи языковъ. Далѣе, для того, чтобы не сбиться съ истиннаго пути по отношенію къ этой послѣдней, необходимо отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такое форма въ языкѣ, какія здѣсь бываютъ формы, и какъ онѣ образуются. Ничего этого авторъ не сдѣлалъ, и въ результатѣ явились такія странныя и крайне ошибочныя по существу опредѣленія, какъ, напримѣръ, опредѣленіе агглютинативныхъ и флективныхъ языковъ (стр. 43 сл.). Кстати замѣчу, что терминъ „агглютинативные языки" въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „склеивающіе (а не склеенные) языки". Въ описаніи отдѣльныхъ семействъ языковъ, опредѣленныхъ въ сущности по генеалогическимъ отношеніямъ, чего авторъ какъ будто не понимаетъ, является цѣлый рядъ неточностей и ошибокъ, которыхъ было бы нетрудно избѣжать; на стр. 50, напримѣръ, говорится: „Индо-европейскіе языки дробятся на различныя семейства, какъ, напримѣръ, семейство *индусскихъ*, *романскихъ*, *германскихъ*, *славянскихъ* языковъ и другія". „Семейство романскихъ языковъ" величина далеко не однородная съ указываемыми г. Алферовымъ тремя другими семействами, точнѣе вѣтвями индоевропейской семьи языковъ. Вѣдь, романскіе языки, потомки языка латинскаго, принадлежатъ къ италійской вѣтви, которую вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ (съ его потомками) составляютъ языки осковъ и умбровъ, и только италійская вѣтвь въ ея цѣломъ, а не

группа языковъ, происшедшая отъ одного изъ языковъ этой вѣтви, является величиною, однородною съ индійскою, германскою и славянскою и прочими вѣтвями нашей семьи языковъ, которыя не мѣшало бы указать.

Я полагаю, что приведенныхъ мною примѣровъ достаточно для того, чтобы подтвердить высказанное мною въ самомъ началѣ настоящей рецензіи общее сужденіе о книгѣ г. Алферова.

Въ заключеніе я позволю себѣ одно замѣчаніе по поводу извѣстнаго труда Лескина по старославянской грамматикѣ. Г. Алферовъ, перечисляя источники, которыми онъ пользовался, упоминаетъ о книгѣ Лескина „Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache" въ 1-мъ ея изданіи 1871 г.; тутъ же онъ прибавляетъ, что это сочиненіе имѣется и въ русскомъ переводѣ Шахматова и Щепкина (стр. III); изъ ссылки на стр. 27 прямо видно, что авторъ отождествляетъ этотъ переводъ съ 1-мъ изданіемъ оригинала. На самомъ дѣлѣ русскій переводъ сдѣланъ съ 2-го изданія 1886 г., какъ это и указано въ предисловіи, а различіе между 1-мъ и 2-мъ изданіями оригинала очень существенное: въ первомъ изданіи Лескинъ держался того взгляда, что старославянскій языкъ лучше всего переданъ намъ въ Остромировомъ Евангеліи, а въ второмъ изданіи онъ основывается исключительно на такъ называемыхъ паннонскихъ памятникахъ, исключивъ совершенно Остромирово Евангеліе; русскій переводъ имѣетъ большое значеніе именно потому, что переводчики дополнили (въ приложеніи) грамматику Лескина фактами языка Остромирова Евангелія, посвятивъ особый отдѣлъ обозрѣнію руссизмовъ этого текста. Въ прошломъ (1898) году вышло въ свѣтъ 3-е изданіе нѣмецкаго оригинала учебника Лескина, представляющее лишь незначительныя измѣненія сравнительно съ вторымъ изданіемъ.

В. К. Поржезинскій.

Benno Erdmann und Raymond Dodge. Psychologische Untersuchungen über das Lesen, auf experimenteller Grundlage. Halle. 1898. 360 S.

Эта книга заключаетъ въ себѣ описаніе и обработку результатовъ многочисленныхъ опытовъ надъ процессомъ чтенія, произведенныхъ авторами три года тому назадъ въ психологической лабораторіи Галльскаго университета. Излагая результаты своихъ собственныхъ опытовъ, авторы въ то же время подвергаютъ обстоятельной

критикѣ работы своихъ предшественниковъ. Въ книгѣ собрано очень много матеріала, и она, вслѣдствіе этого, несомнѣнно должна возбудить интересъ всѣхъ психологовъ, какими бы спеціальными вопросами они не занимались. Авторы дѣлаютъ много общихъ методическихъ указаній, анализируютъ разнообразныя психическія явленія, связанныя съ процессомъ чтенія и особенно подробно останавливаются на вопросахъ о движеніи глаза при чтеніи, времени простой и сложной реакціи и разницы въ воспріятіи отдѣльныхъ буквъ и словъ. Сложность содержанія книги не позволяетъ дать всестороннюю оцѣнку ея въ размѣрахъ журнальной статьи. Поэтому я ограничусь здѣсь передачей только тѣхъ сторонъ этой книги, которыя могутъ имѣть не одинъ лишь психологическій, но и педагогическій интересъ.

Анализируя процессъ осмысленнаго чтенія, авторы указываютъ въ немъ три слѣдующія ступени: 1) зрительное воспріятіе матеріальныхъ письменныхъ знаковъ, 2) воспроизведеніе матеріальныхъ слуховыхъ знаковъ, находящихся въ ассоціаціи (въ смыслѣ символическаго отношенія) съ воспринимаемыми письменными знаками и 3) воспроизведеніе тѣхъ значеній, которыя аналогичнымъ образомъ связаны съ только что указанными слуховыми знаками. Авторы подвергли тщательному экспериментальному изслѣдованію всѣ эти ступени чтенія и пришли къ довольно опредѣленнымъ результатамъ. Чтобы лучше оцѣнить главнѣйшіе изъ этихъ результатовъ, я постараюсь вкратцѣ очертить отношеніе новой книги Эрдмана и Доджа къ другимъ сочиненіямъ о томъ же предметѣ.

Наиболѣе интереснымъ вопросомъ, около котораго группируются многія работы по психологіи чтенія, является вопросъ объ отношеніи процесса воспріятія буквъ къ процессамъ воспроизведенія звуковаго образа слова и его смысла. Какъ мы читаемъ? Насколько ясно и отчетливо воспринимаются нами буквы? Насколько близость смысла читаемаго нашему кругу представленій вліяетъ на скорость процесса чтенія? Складываемъ ли мы при чтеніи отдѣльныя буквы, воспринимая ихъ одну за другой, или воспринимаемъ нѣсколько буквъ разомъ, какъ одну цѣлую группу? Всѣ эти вопросы, конечно, имѣютъ не только спеціальный психологическій, но и общій педагогическій интересъ.—При первой попыткѣ экспериментально изслѣдовать процесса чтенія (*G. Valentin*, Lehrbuch der Physiologie des Menschen, Braunschweig, 1844) былъ установленъ любопытный фактъ, что воспріятіе 3—4 буквъ, при чтеніи, требуетъ почти такой же продолжи-

тельности времени, какая требуется для *одного* впечатлѣнія на сѣтчаткѣ. Изъ этого тотчасъ былъ сдѣланъ выводъ, что мы можемъ въ одно и то же время отчетливо воспринимать нѣсколько буквъ. Развитіемъ этой способности объяснялось ускореніе процесса чтенія, при чемъ все-таки высказывалось предположеніе, что даже при самомъ скоромъ чтеніи всѣ отдѣльныя буквы *точно воспринимаются*. Однако, въ противовѣсъ такому предположенію, былъ выставленъ очень извѣстный фактъ трудности исправленія корректурныхъ ошибокъ. Основываясь на этомъ, начали утверждать (*H. Aubert*, Physiologie der Netzhaut, Breslau, 1865), что многія буквы при чтеніи воспринимаются нами далеко не отчетливо, при чемъ эта неотчетливость восполняется воспроизводимыми представленіями. Окончательное рѣшеніе этого вопроса могло быть произведено только путемъ хорошо обставленныхъ экспериментовъ. Такіе эксперименты впервые были продѣланы Гельмгольцемъ. Послѣ него былъ сдѣланъ цѣлый рядъ аналогичныхъ опытовъ, изъ которыхъ наиболѣе важное значеніе въ исторіи даннаго вопроса имѣютъ опыты Кэттеля, такъ какъ въ описаніи этихъ опытовъ подводится итогъ предшествующимъ работамъ (*J. Cättel*, Über die Zeit der Erkennung und Benennung von Schriftzeichen, Bildern und Farben. Philos. Studien, II, 1885). Въ сочиненіи Кэттеля устанавливается положеніе, что, при чтеніи, мы воспринимаемъ слова и буквы не по одиночкѣ, другъ за другомъ, а сразу цѣлой группой „въ одномъ духовномъ процессѣ". Это доказывается прежде всего тѣмъ, что время, потребное для того, чтобы узнать и произнести отдѣльную букву, оказывается лишь немногимъ короче времени, нужнаго для прочтенія отдѣльнаго слова. Къ этому присоединяются другія наблюденія, которыя особенно выдвигаютъ впередъ значеніе ассоціацій при чтеніи, то-есть, тѣхъ именно процессовъ, которые способствуютъ группировкѣ въ нашемъ сознаніи отдѣльныхъ буквъ и словъ. Такъ, напримѣръ, оказывается, что упражненіе въ механическомъ процессѣ чтенія (то-есть, повтореніе буквъ и словъ) очень мало вліяетъ на ускореніе этого процесса, между тѣмъ всякое измѣненіе условій опыта, при которыхъ ослабляется или усиливается помощь ассоціацій, сейчасъ же замѣтно отражается на скорости чтенія: отдѣльныя слова, не образующія никакихъ предложеній, и буквы, не образующія словъ, требуютъ, при чтеніи, почти двойнаго времени сравнительно со словами и буквами, поставленными въ опредѣленную взаимную связь; при

чтенія на разныхъ языкахъ, болѣе короткое время требуется для чтенія на языкѣ болѣе знакомомъ, а кратчайшее—на родномъ.

Сравнивая новую книгу Эрдмана съ работой Кэттеля [1]), ее надо признать, въ главныхъ чертахъ, подтвержденіемъ и дополненіемъ послѣдней. Существенную часть содержанія новой книги составляетъ подробное описаніе и анализъ условій произведенныхъ экспериментовъ. Что же касается результатовъ, то наиболѣе интересными изъ нихъ, сравнительно съ работой Кэттеля, являются слѣдующіе. Фактъ воспріятія буквъ, при чтеніи, заразъ цѣлыми группами устанавливается, во-первыхъ, чисто внѣшнимъ наблюденіемъ за движеніемъ глазъ и головы читающаго, при чемъ надо признать правильное чередованіе движеній и покоя глазнаго яблока во время непрерывнаго процесса чтенія. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ наблюденій, показывающихъ, на сколько велика роль ассоціацій при воспріятіи текста. Все, что облегчаетъ воспріятіе ряда буквъ и словъ, какъ цѣлой *группы*, облегчаетъ и процессъ чтенія. Поэтому, напримѣръ (какъ это ни странно съ перваго взгляда) слова съ большимъ числомъ буквъ легче узнаются, чѣмъ слова болѣе короткія (стр. 157). Воспріятіе буквъ и словъ при чтеніи не какъ отдѣльныхъ составныхъ частей цѣлаго, а прямо какъ цѣльныхъ группъ имѣетъ, по мнѣнію авторовъ разбираемой книги, глубокое психологическое основаніе. „Слово, какъ звуковой образъ, является чѣмъ то цѣлымъ только вслѣдствіе свойственной ему комбинаціи акустическихъ и соотвѣтствующихъ имъ моторныхъ ощущеній. Такъ какъ буквы написаннаго слова символизируютъ только отдѣльныя части, входящія въ составъ этихъ комбинацій (а именно только тѣ составныя части, которыя фиксированы въ алфавитѣ) и такъ какъ эти части, взятыя сами по себѣ, могутъ имѣть много звуковыхъ значеній [2]), — то изъ этихъ буквъ совсѣмъ нельзя получить звуковаго образа слова, если только мы будемъ воспринимать ихъ послѣдовательно (а не группами). Написанное слово лишь настолько символизируетъ звуковой образъ слова, насколько оно само является чѣмъ то цѣлымъ, — и только познавая это цѣлое, возможно воспроизвести по нему звуко-

[1]) Сочиненіе J. O. Quantz'a (Problems in the Psychology of Reading. „The Psychological Revieu". Series of Monograph. Supplements. № 5, 1897). Совсѣмъ не отразилось на разбираемой книгѣ.

[2]) Надо помнить, что авторы имѣютъ въ виду главнымъ образомъ нѣмецкій и англійскій алфавитъ.

вой образъ слова" (стр. 195). Анализируя всестороннимъ образомъ процессъ чтенія, авторы, въ концѣ концовъ, приходятъ къ рѣшительному выводу, что „вообще чтеніе словъ не можетъ заключаться въ послѣдовательномъ воспріятіи буквы за буквой" (стр. 306).

А. Нечаевъ.

Книжныя новости.

П. Филевскій. Исторія города Таганрога. М. 1898. Стр. VI + 376. Цѣна 2 р. 75 к.—Названная книга издана въ память двухсотлѣтняго юбилея города, на средства, отпущенныя городскимъ управленіемъ. Авторъ ея пользовался печатной литературой (впрочемъ не вполнѣ) и архивными матеріалами и составилъ настолько пространную „исторію" Таганрога, что можетъ вызвать справедливые упреки въ сообщеніи мало относящихся къ этой „исторіи„ и даже вовсе ненужныхъ свѣдѣній. Несмотря на то, что Таганрогъ впервые упоминается только въ самомъ концѣ XVII вѣка, г. Филевскій начинаетъ его „исторію" съ „скиескаго періода"; затѣмъ трактуетъ объ „эпохѣ великаго переселенія народовъ", о „періодѣ удѣльномъ" (при чемъ цѣлыхъ двѣ страницы заполняетъ стихами изъ „Слова о Полку Игоревѣ"), о „періодѣ италіанскихъ колоній", о „первомъ азовскомъ походѣ", о „взятіи Азова" и только на 39 стр. касается впервые своей темы. Погоня за излишнею полнотой и многословіе являются характерными чертами изложенія г. Филевскаго и далѣе, особенно при разказѣ о пребываніи въ Таганрогѣ Императора Александра I. Мѣстами онъ даже поэтизируетъ, изрекая сентенціи, въ родѣ слѣдующей: „Коротки были дни Таганрога подъ властью Петра Великаго, но они положили на чело его печать историческаго величія, они создали ему имя въ исторіи и освѣтили его блескомъ славы геніальнаго человѣка" (стр. 72); или „Въ боевомъ порядкѣ вступили русскіе солдаты; торжественные звуки боевой музыки далеко неслись по степямъ и по зыбкой поверхности водъ; пушечный салютъ нѣсколько разъ повторяли зеленѣющія апрѣльскія степи, а послѣдніе отвѣты эха гдѣ-то далеко слились съ плескомъ морской волны. Гдѣ же восторженный привѣтъ освобожденной земли? Гдѣ хлѣбъ-соль землякамъ-освободителямъ? Гдѣ радостные возгласы при видѣ русскихъ штандартовъ, весело хлопавшихъ подъ степнымъ вѣтеркомъ о свои древка?... „Аминь!" ему грянули петровскіе камни въ отвѣтъ" (стр. 92). Весь интересъ, по нашему мнѣнію, книги г. Филевскаго сосредоточивается на тѣхъ немногихъ страницахъ, гдѣ онъ на основаніи архивныхъ данныхъ говоритъ о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ мѣстной администраціи, клонившихся къ устройству города, о торговлѣ его, объ учебныхъ заведеніяхъ и о „благотворительныхъ учрежденіяхъ", хотя и тутъ вмѣсто риторическихъ фразъ можно было бы ввести не мало другихъ необходимыхъ свѣдѣній.

А. Степовичъ. О древнерусской беллетристикѣ. Кіевъ. 1898. 50 стр. — Авторъ задался цѣлью собрать всѣ чисто-литературные элементы древнерусской письменности, чтобы доказать, что „изящная словесность“ была уже и въ древней Руси, что умственный уровень древне-русскаго грамотнаго люда былъ гораздо выше, чѣмъ это принято думать, такъ какъ жажда художественнаго наслажденія уже жила въ русскомъ обществѣ до Петра. Начинаетъ авторъ свое маленькое изслѣдованіе съ опредѣленія количественной стороны древне-русской беллетристики и находитъ, что число дошедшихъ до насъ „литературныхъ произведеній“ убѣждаетъ насъ въ богатствѣ этой литературы въ количественномъ отношеніи; затѣмъ онъ указываетъ на четыре источника ея происхожденія: a) Византія и славянскій югъ, b) западная Европа, c) востокъ и d) сама Россія. Отмѣтивъ затѣмъ „обычную форму“ распространенія беллетристики среди читающей публики („сборники“), авторъ переходитъ къ разбору типичныхъ образцовъ всѣхъ четырехъ группъ, имъ указанныхъ; попутно говоритъ онъ о „хронографахъ“, „азбуковникахъ“, „апокрифахъ“. Особенно долго останавливается онъ на повѣсти: „о князѣ Петрѣ и женѣ его Февроніи“, подчеркивая ея художественное, психологическое и историческое значеніе; затѣмъ довольно много говорится о „Петрѣ, царевичѣ Ордынскомъ“. Послѣ этого анализа произведеній, принадлежащихъ сѣверной Руси, авторъ указываетъ на сравнительную бѣдность художественнаго творчества южной Руси, занятой въ средніе вѣка церковно-политической борьбой. Затѣмъ г. Степовичъ характеризуетъ „реальную“ русскую повѣсть (о „Шемякиномъ судѣ“, о „Ершѣ Ершовичѣ“, о „Фролѣ Скабѣевѣ“). Выводы, къ которымъ пришелъ авторъ, слѣдующіе: a) до-петровская беллетристика въ количественномъ отношеніи вполнѣ удовлетворяла запросамъ общества; кругъ вліянія ея былъ болѣе широкъ, чѣмъ беллетристики теперешней, такъ какъ тогда интеллегенція не откололась еще отъ народа; b) спеціально духовнаго характера до-петровская литература отнюдь не имѣла; c) она обнаружила такіе задатки дальнѣйшаго развитія, что ей предстояла „блестящая будущность могучей самородной литературы“. Изъ всего сказаннаго видно, что работа г. Степовича имѣетъ несомнѣнный интересъ,—жаль только, что умѣло поставленный вопросъ разработанъ не съ достаточнымъ вниманіемъ: библіографическія неточности встрѣчаются довольно часто, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ не могутъ быть сочтены опечатками; планъ работы не выдержанъ. Пожелаемъ, чтобы авторъ изъ своего спѣшнаго эскиза сдѣлалъ болѣе обстоятельную работу,—этимъ онъ принесетъ несомнѣнную пользу.

В. Н. Перетцъ. „Filar Wiary“ и „Księga Smerci“, архіепископа *Лазаря Барановича.* Кіевъ. 1898. 35 стр.—Авторъ начинаетъ свою работу съ полнаго списка сочиненій Лазаря Барановича; списокъ этотъ составленъ г. Перетцомъ на основаніи библіографическаго труда Галятовскаго, дополненнаго данными, добытыми проф. Сумцовымъ („Къ исторіи южно-русской литературы семнадцатаго столѣтія“, I, Лазарь Барановичъ. Харьковъ. 1895), Эстрейхера, (Estreicher. Bibliografia polska. Część II, t. I, Ogólnego Zbioru, t. VIII, Kraków. 1882), Строева и Филарета. Списокъ составленъ очень старательно: приведено подробное заглавіе, съ сохраненіемъ характерныхъ особенностей его внѣшняго вида; описаны нѣкоторыя наиболѣе интересныя изображенія,

аллегоріи, эмблемы и символы. Къ этому довольно длинному списку г. Перетцъ прибавилъ еще одинъ номеръ (29-й)—еще одно сочиненіе Барановича, ускользнувшее отъ вниманія библіографовъ—„Filar Wiary“. Содержаніе его распадается на 3 части и заключаетъ въ себѣ 17 стихотвореній: первыя 9 и 14-е трактуютъ объ исхожденіи Св. Духа. Вторая группа стихотвореній посвящена Божьей Матери. Третью группу образуютъ разныя стихотворенія на темы богословскаго характера, похвальныя и полемическія, въ которыхъ отстаивается православіе. Свое описаніе „Filar Wiary“ г. Перетцъ заключаетъ такимъ же подробнымъ описаніемъ рѣдкаго сочиненія Барановича „Księga Smierci“, принадлежность котораго Барановичу нѣкоторыми учеными отвергается (проф. Сумцовъ).

И. А. Шляпкинъ. 1799—1899. Къ біографіи А. С. Пушкина. (Малоизвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя). С.-Пб. 1899. 30 стр. Цѣна 50 к.— Въ брошюрѣ г. Шляпкина напечатаны нѣкоторыя документы, которые имѣютъ отношеніе къ жизни нашего великаго поэта; правда, одни изъ этихъ документовъ слишкомъ слабо связаны съ Пушкинымъ, но за то другіе, дѣйствительно, представляютъ интересъ. Такъ, мы думаемъ, что всѣ документы о Ганнибалахъ, документы, старательно собранные авторомъ и хорошо обставленные съ библіографической стороны, для объясненія личности Пушкина имѣютъ немного интереса,—за то матеріалы изъ лицейской жизни А. С. Пушкина, правда, въ значительной части своей уже проникшія въ печать, вводятъ насъ въ интимную жизнь пушкинскаго лицея, и потому представляютъ дѣйствительную цѣну; эти матеріалы представляютъ отзывы объ успѣхахъ и поведеніи Пушкина и его товарищей. Третья группа матеріаловъ носитъ названіе у г. Шляпкина: „Изъ бумагъ Пушкинскаго музея“; здѣсь мы встрѣчаемъ данныя изъ литературной судьбы извѣстнаго произведенія Пушкина: „Андрей Шенье“ и два письма Пушкина (къ Н. Н. Гончаровой и А. О. Ишимовой).

Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. I. Переписка князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ (1812—1819), томъ первый. Изданіе графа *С. Д. Шереметева*, подъ редакціей и съ примѣчаніями *В. И. Саитова*. С.-Пб. 1899. 728 стр. Цѣна 5 р.—Съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ выходъ въ свѣтъ перваго тома „переписки“ князя Вяземскаго съ А. Тургеневымъ. Это изданіе, образцовое во всѣхъ отношеніяхъ, представляетъ крупный вкладъ въ русскую историческую науку. Вотъ почему всякій, кто интересуется прошлымъ русскаго общества, съ искреннѣйшимъ чувствомъ принесетъ свою благодарность почтенному издателю „Остафьевскаго архива“, графу С. Д. Шереметеву, не пожалѣвшему издержекъ на изданіе и сумѣвшему привлечь къ сотрудничеству такого опытнаго редактора, какъ В. И. Саитовъ. Все изданіе будетъ состоять изъ четырехъ томовъ и охватитъ періодъ времени отъ 1819 до 1845 года. Судя по первому тому, въ содержаніе котораго вошли не только факты изъ интимной жизни корреспондентовъ, но и любопытнѣйшія соображенія по поводу различныхъ событій изъ жизни русскаго общества,—можно заключить, что слѣдующіе томы переписки будутъ еще интереснѣе и содержательнѣе, такъ какъ въ нихъ будутъ помѣщены письма, принадлежащія лицамъ, уже болѣе зрѣлымъ по возрасту, а, стало

быть, судьямъ, болѣе внимательнымъ и осторожнымъ. Не входя въ подробное перечисленіе тѣхъ вопросовъ, о которыхъ касались князь Вяземскій и Тургеневъ въ своихъ раннихъ письмахъ, укажемъ, хотя бы, на рядъ фактовъ изъ русской литературы (факты изъ жизни Жуковскаго, Пушкина, Карамзина), изъ исторіи русской журналистики, русскаго театра,—какъ такіе, о которыхъ не мало свѣдѣній, болѣе или менѣе, крупныхъ можно найдти въ этой перепискѣ. Кромѣ того, можно встрѣтить кое-что, напримѣръ, и изъ исторіи русскаго образованія, изъ исторіи Библейскаго общества, изъ исторіи отношеній русскаго правительства къ Польшѣ и др. Замѣчательныя примѣчанія къ этимъ письмамъ, составленныя В. И. Саитовымъ, занимаютъ чуть не половину тома („письма“ — 384 стр.; примѣчанія (мельче печать) — 252 стр.) вдвое увеличиваютъ значеніе этихъ любопытныхъ документовъ, такъ какъ они, не менѣе интересны, чѣмъ самыя письма. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ перечесть эти комментаріи, — и мы встрѣтимъ цѣлый рядъ маленькихъ монографій, написанныхъ ясно, толково и въ высшей степени содержательно. Перечислимъ наиболѣе видныя имена, которымъ посвящены отдѣльныя примѣчанія: А. Я. Булгаковъ (394—396 стр.), Н. Тургеневъ (397 — 398 стр.), Ѳ. Кокошкинъ (403 стр.), Новосильцовъ (404 — 405 стр.), С. Тончи (415—416 стр.), С. Свѣчина (420—421 стр.), С. Уваровъ (437 стр.), А. Плещеевъ (439—440 стр.), П. Молчановъ (448—449 стр.), М. Орловъ (456—459 стр.), А. Стурдза (498—499 стр.), П. Катенинъ (507—508), П. Свиньинъ (508—511 стр.), А. Прокоповичъ-Антонскій (525—526 стр.), Д. Руничъ (579 стр.), М. Вьельгорскій (594 стр.), А. Востоковъ (607 стр.) и др. Богатство содержанія и писемъ, и примѣчаній видно, хотя бы, изъ того, что одинъ указатель (именной и предметный) занимаетъ *45 стр.*! Все это, вмѣстѣ взятое, сдѣлаетъ вышедшій томъ настольной, справочной книгой для всякаго, занимающагося изученіемъ первой половины XIX столѣтія. Остановимся, въ заключеніе, на предисловіи графа С. Д. Шереметева, который напутствовалъ свое новое изданіе очень симпатичнымъ пожеланіемъ, чтобы „грядущія поколѣнія“ его семьи не оставляли добрыхъ традицій дорожить „свѣтлыми преданіями“ прошедшаго. Пожелаемъ, чтобы не только графамъ Шереметевымъ этотъ завѣтъ былъ дорогъ, но и всѣмъ другимъ просвѣщеннымъ русскимъ людямъ, у которыхъ есть возможность сдѣлать эти „свѣтлыя преданія“ достояніемъ всѣхъ.

Н. М. Соколовъ. Лирика Я. П. Полонскаго. С.-Пб. 99 стр. Цѣна 60 к.— Жалкая книжка, съ самыми старательными и, увы, безплодными потугами сказать что-то новое, оригинальное! Многословіе автора и темнота изложенія положительно приведутъ въ изнеможеніе читателя, который рѣшится прочесть до конца всю книжку г. Соколова. Своеобразность стиля этого критическаго этюда приводитъ въ сплошное изумленіе. Приведемъ нѣсколько коротенькихъ примѣровъ: въ „Собакахъ“ муза Полонскаго, оказывается, „не поетъ, а *воетъ*—не пишетъ, а *царапаетъ*“ (стр. 48). Современные молодые поэты возмущаютъ г. Соколова, надѣленнаго „классическими вкусами“, — и онъ, сломя голову, пускается по тернистому пути остроумія, называя ихъ то „тренированными“ (?), то „женоподобными евнухами поэзіи“ (48 стр.) и другими подобными кличками... „Первая особенность фантастичности По-

лонскаго—это, по мнѣнію г. Соколова, почти полное *отсутствіе фантастичности*" (44 стр.). Странная особенность!.. Вся оцѣнка поэзіи Полонскаго сводится къ пересказу его стихотвореній, съ большими цитатами въ перемежку. Постоянныя отступленія въ разные концы русской и всемірной поэзіи, часто совсѣмъ ненужныя, еще больше сбиваютъ съ толку того читателя, который изъ любопытства пожелалъ бы добиться, по какой системѣ расположилъ авторъ свое обозрѣніе лирики Полонскаго. Въ результатѣ, отъ чтенія работы г. Соколова ничего въ головѣ кромѣ тумана не останется.

Въ теченіе апрѣля и мая мѣсяцевъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— *Майковъ, Л.* Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. Съ приложеніемъ портрета Пушкина. С.-Пб. 1899. Изданіе *Пантелѣева.*

— *Сиповскій, В. В.* Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ. (Изъ литературной жизни Пушкина на югѣ Россіи). Цѣна 50 к. Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. С.-Пб. 1899.

— Цѣнная находка. Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина. Изданіе редакціи журнала „Русское Обозрѣніе". Сообщено членомъ Симбирской архивной коммиссіи. *Д. Сапожниковымъ.* С.-Пб. 1899.

— *Зелинскій, В.* Русская критическая литература о сочиненіяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Часть вторая. Изданіе 2-е. М. 1899.—Часть седьмая. М. 1899.

— *Петровъ, Н. П.* Образовательныя задачи Россіи въ виду предстоящаго переворота политико-экономическихъ отношеній ея съ народами Запада и Востока, вызываемаго распространеніемъ нашихъ желѣзныхъ путей. Рѣчь. С.-Пб. 1899.

— Труды Я. К. Грота. II. Филологическія разысканія. (1852—1892). Изданы подъ редакціей проф. *К. Я. Грота.* С.-Пб. 1899.

— *Пергаментъ, М. Я.* Договорная неустойка и интересъ въ римскомъ и современномъ гражданскомъ правѣ. Одесса. 1899.

— *Розановъ, В. В.* Литературные очерки. Сборникъ статей. Изданіе *П. Перцова.* С.-Пб. 1899.

— *Розановъ В. В.* Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Изданіе *П. Перцова.* С.-Пб. 1899.

— *Пташицкій, С. Л.* Письмо перваго самозванца къ папѣ Клименту VIII отъ 24-го апрѣля 1604 года. Съ восемью автотипическими снимками. С.-Пб. 1899.

— *Пятницкій, М.* Греческая капелла въ катакомбахъ Прискиллы въ Римѣ. С.-Пб. 1899.

— *Бриллiантовъ, А.* Къ вопросу о философіи Эригены. Отвѣтъ г. проф. В. С. Серебренникову. С.-Пб. 1899.

— *Венгеровъ, С. А.* Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы.

Вступительная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 27-го сентября 1897 г. С.-Пб. 1899.

— *Фризъ, Вильгельмъ, D-r.* Подготовка учителей. Съ приложеніемъ статьи того же автора и подъ тѣмъ же заглавіемъ изъ журнала „Lehrproben und Lehrgänge". Переводъ съ нѣмецкаго *I. Линдемана*, преподавателя Коломенской гимназіи. Приложеніе къ циркулярамъ по Московскому учебному округу, издаваемымъ подъ редакціей *Вл. Исаенкова.* М. 1898.

— *Гроссъ, Карлъ.* Введеніе въ эстетику. Переводъ съ нѣмецкаго *А. Гуревича*, подъ редакціей *Л. А. Сева.* Кіевъ—Харьковъ. 1899.

— *Юстусъ, А. Ф.* Курсъ бухгалтеріи. Двойная италіанская система. Полное практическое руководство для изучающихъ систему. Саратовъ. 1899.

— Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга восьмая, изданная княземъ *Ѳ. А. Куракинымъ*, подъ редакціею *В. Н. Смольянинова.* Саратовъ. 1899.

— Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга одиннадцатая. М. 1899.

— Отчетъ о тридцать девятомъ присужденіи наградъ графа Уварова. (Читано 25-го сентября 1897 г.). (Записки Императорской Академіи Наукъ. Mémoires. По историко-филологическому отдѣленію, т. VII, № 5). С.-Пб. 1899.

— Отчетъ объ экспедиціи Императорской Академіи Наукъ на Новую Землю лѣтомъ 1896 г. Съ 8-ю фототипическими снимками и 6-ю картами. (Тоже, по физико-математическому отдѣленію. Т. VIII, № 1). С.-Пб. 1898.

Опредѣленія географическихъ широтъ и долготъ, произведенныя въ 1893 г. лейтенантомъ *Е. И. Шилейко*, во время экспедиціи на Ново-Сибирскіе острова и вдоль береговъ Ледовитаго океана. Обработалъ *В. Фусъ.* (Тоже, т. VIII, № 5). С.-Пб. 1899.

— Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1899. Тома IV книжка 1. С.-Пб. 1899. (Содержаніе: *Коршъ, Ѳ. Е.* Разборъ вопроса о подлинности окончанія „Русалки" (продолженіе). *Архангельскій, А. С.* Къ исторіи апокрифической литературы. *Щеголевъ, П. Е.* Очерки исторіи отреченной литературы. *Шахматовъ, А. А.* Путешествіе Г. М. Мисюря Мунехина на Востокъ и Хронографъ редакціи 1512 г. *Яцимірскій, А. И.* Новыя данныя о Хожденіи архіепископа Антонія въ Царьградъ. *Халанскій, М. Г.* Изъ замѣтокъ по исторіи русскаго литературнаго языка. *Шейнъ, П. В.* Къ вопросу объ условныхъ языкахъ. *Яцимірскій, А. И.* Пѣсни Замфиры въ „Цыганахъ" Пушкина и цыганскаго хора. *Щепкинъ, В. Н.* Разсужденія о языкѣ Саввиной книги (продолженіе). Библіографія. Приложенія.

— *Radloff, W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. С.-Пб. 1899.

— Памятники древней письменности и искусства: CXXX: Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго общества любителей древней письменности въ 1897—1898 г. съ приложеніями. С.-Пб. 1898. CXXXI. Изъ исторіи отреченной литературы II. Трепетники. Тексты трепетниковъ и матеріалъ для ихъ

объясненія, собралъ и приготовилъ къ изданію *М. Сперанскій*, С.-Пб. 1899. CXXXII. 1. *Н. П. Кондаковъ*. О научныхъ задачахъ исторіи древнерусскаго искусства. 2. *Н. В. Покровскій*. Некрологъ Г. Д. Филимонова. 3. Гр. *С. Д. Шереметевъ*. Памяти Ѳ. И. Буслаева и Г. Д. Филимонова. С.-Пб. 1899. CXXXIII. Отчетъ о засѣданіи 5-го марта 1899 г. съ приложеніями: 1: *А. И. Соболевскій*. „Логика" Жидовствующихъ и „Тайная Тайныхъ". 2. *С. О. Долговъ*. „Вѣдомость о Китайской землѣ и о глубокой Индѣи". С.-Пб. 1899. CXXXIV. Лицевой иконописный подлинникъ и его значеніе для современнаго церковнаго искусства. Сообщеніе *Н. В. Покровскаго*. С.-Пб. 1899.

— Статистика Россійской Имперіи. XLVI. Урожай 1898 г. II. Яровые хлѣба, картофель, ленъ и конопля. Изданіе Центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Годъ 16-й. С.-Пб. 1899.

— *Клоссовскій, А.* Матеріалы для климатологіи юго-запада Россіи. I. Текстъ. II. Карты. Одесса. 1899.

— *Елпатьевскій, С.* Разказы и очерки. С.-Пб. 1899.

— Гекуба. Трагедія Эврипида, въ 5 дѣйствіяхъ, переводъ съ греческаго *М. В. Гуревича*. Отдѣльный оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ". Воронежъ. 1898.

— Басни Крылова на сценѣ дѣтскаго театра. Сост. *А. А.* Одесса. 1899.

— Описаніе русскихъ монетъ музея Ярославской ученой архивной комиссіи, пожертвованныхъ И. А. Вахрамѣевымъ, составилъ *Эдуардъ Берендтсъ*, ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лицея, предсѣдатель губернской ученой архивной комиссіи. Ярославль. 1898.

— *Пантюховъ, И. И., д-ръ*. О народномъ врачеваніи въ Закавказскомъ краѣ. Тифлисъ. 1899.

— *Пантюховъ, И. И., д-ръ*. Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа. (Съ картою). Тифлисъ. 1899.

— *Лоначевскій, А. И.* Новый способъ обученія чтенію и критика такъ-называемаго звуковаго метода. Вильна. 1899.

— *Лоначевскій, А. И.* Отрывная азбука. Новый упрощенный способъ обученія правильному и сознательному чтенію. Вильна. 1896.

— Памятная книжка Кіевскаго учебнаго округа на 1899 г. Кіевъ. 1899.

— Отчетъ о дѣятельности Ярославской ученой архивной комиссіи за 1896—1898 годъ. Ярославль. 1899.

— Отчетъ Воронежской комиссіи народныхъ чтеній за 1897—1898 годъ. Воронежъ. 1899.

— Отчетъ комиссіи по народному образованію за 1898 г. Начальныя народныя училища. Двадцать второй годъ: 1877—1899. С.-Пб. 1899.

— Историческій очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности общества вспомоществованія студентамъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. С.-Пб. 1898.

— *Баженовъ. Николай.* Двадцатипятилѣтіе Кронштадтскаго реальнаго училища (1873—1898 гг.). Историческая записка. Кронштадтъ. 1899.

— Адресъ-календарь и справочная книжка Уфимской губерніи за 1899 г. Уфа. 1899.

— Народныя библіотеки общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. С.-Пб. 1899.

— Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки за 1898 г. 68-й годъ существованія. Одесса. 1899.

— Отчетъ о состояніи Саратовской городской публичной библіотеки въ 1898 г. 67-й годъ существованія. Саратовъ. 1899.

— Отчетъ Ярославскаго благотворительнаго общества въ С.-Петербургѣ за 1898 г. Годъ первый. С.-Пб. 1899.

— *Э. Тома.* Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры, перевелъ съ французскаго *Я. И. Рудневъ.* Изданіе *Пантелѣева.* С.-Пб. 1899.

— *В. В. Розановъ.* Религія и культура. Сборникъ статей. Изданіе *П. Перцова.* С.-Пб. 1899.

— Элегіи Тибулла, переводъ *А. Фета.* 2-е изданіе *Маркса.*

— Элегіи Секста Проперція, переводъ *А. Фета.* 2-е изданіе *Маркса.*

— *Тимошенко, И. Е.* Біографіи знаменитыхъ полководцевъ. (Корнелій Непотъ). Кіевъ. 1883.

— Vie des hommes illustres. Nouvelle édition classique, publiée avec une notice, une table des nomes géographiques et des notes en français, par *M. Roques.* 1884. 1 fr.

— Cornelius Nepos avec une traduction nouvelle par M. Amédée Pommier. *Eutrope* abrége de l'histoire romaine traduit par *N. Dubois.* Paris Garnier. 3 fr.

— Cornelius Nepos. Vie des grands Capitaines. Caton, Atticus. Nouvelle édition, collationnée sur les meilleurs textes, avec une notice, des notes, des cartes et un lexique par *C. Rousé.* 1890. 1 р. 50 к.

— *Нарбековъ, Василій.* Номоканонъ константинопольскаго патріарха Фотія съ толкованіемъ Вальсамона. Историко-каноническое изслѣдованіе. Часть I и II. Казань. 1899.

— Таблицы и приложенія къ обзору свѣдѣній о пріемѣ воспитанниковъ въ высшія техническія учебныя заведенія въ 1898 г. (Приложеніе ко II выпуску „Сборника матеріаловъ по техническому и профессіональному образованію". Изданіе министерства народнаго просвѣщенія). С.-Пб. 1899.

— Къ вопросу о современномъ положеніи высшаго техническаго образованія въ Россіи. (Тоже). С.-Пб. 1899.

— *Рождественъ, А.* Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, первый русскій народный поэтъ. Казань. 1899.

— Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1898 г. представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. М. 1899.

— Искусство и художественная промышленность. Ежемѣсячное изданіе. № 6. Мартъ 1899. Содержаніе: Художественная экспедиція по тундрѣ и на Вайгачъ, *А. А. Борисова*; О Бахчисарайскомъ дворцѣ и его реставраціи, *Н. П. Кондакова*; Къ 25-тилѣтію Тифлисскаго художественнаго общества, *Д. А. Пахомова*; Образъ смерти, *Е. К. Рѣдина*; хроника, особыя изложенія на 3 листахъ. — № 7, апрѣль, 1899. Содержаніе: Историческій музей въ Москвѣ, *В. И. Сизова*; Изъ записной книжки художника, *В. В. Верещагина*; Къ исторіи народнаго орнамента, *Е. М. Маковскаго*; Антонинъ ванъ Дэйкъ *Н. Ѳ. Селиванова*; Мысли живописца, *Бенжамена Констана*; хроника; особыя приложенія на 4 листахъ.

— *Карѣевъ, Н.* Исторія западной Европы въ новое время. Томъ III. Исторія XVIII вѣка. Ч. I. Старый порядокъ и новыя идеи. Вып. V. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1899.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Теорія поэзіи. *П. Житецкаго.* Кіевъ 1898. Стр. II + 292. Ц. 1 р.

Г. П. Житецкій—извѣстный преподаватель русской словесности, рѣдкій по талантамъ и любви къ дѣлу и, кромѣ того, знатокъ малорусскаго нарѣчія. За послѣдніе годы онъ издалъ для школы три книги, тѣсно между собою связанныя: въ 1895 году „Теорію сочиненія", а въ 1898 г., кромѣ названной въ заголовкѣ, еще „Очерки изъ исторіи поэзіи". Если кто захочетъ изучить, по г. Житецкому, теорію поэзіи, тому разбираемой книги мало: для поэтической рѣчи онъ долженъ ознакомиться съ частью „Теорія сочиненія", а для генезиса отдѣльныхъ поэтическихъ формъ и полнаго подбора художественныхъ образцовъ надо прочитать и даже изучить „Очерки". Это показываетъ широту и разносторонность въ трактованіи у г. Житецкаго теоріи поэзіи. Форму онъ никогда не даетъ какъ нѣчто оголенное и рѣдко преподноситъ ее въ кристализованномъ видѣ, но рисуя обстановку, въ которой сложилась та или другая художественная пьеса и анализируя ее, сравнивая съ подобными онъ даетъ матеріалы для настоящей и живой теоріи поэзіи: меньше догмы, формы, больше исторіи, жизни, содержанія — такъ понимаю я его задачу. Конечно онъ не могъ дать строгой систематичности своему изложенію, но за то онъ никогда не забывалъ о генезисѣ формъ и объ исторіи, съ которою литература связана и которой она подчинена. Если русская культурная жизнь начала съ сатиры, отчего-же не начать и теорію лирики съ ея омеги, тѣмъ болѣе что общее понятіе объ этомъ видѣ

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

поэзіи, дано было раньше, во введеніи. Въ принципѣ этомъ есть плодотворныя зерна, только историческая часть при этомъ должна быть гораздо богаче: рядомъ съ сатирой надо упомянуть и учебникъ, и проповѣдь, и дидактическую басню. Если г. Житецкій въ курсѣ теоріи поэзіи не могъ, конечно, вездѣ слѣдовать хронологическому и даже вообще историческому порядку, то во всякомъ случаѣ важно, что онъ нигдѣ не упускалъ изъ виду существованіе исторіи. Съ точки же зрѣнія методической очень интересны у г. Житецкаго искусные переходы отъ одной темы къ другой или живая связь, которую онъ устанавливаетъ между частями своего сочиненія, и которая иногда замѣняетъ строгость системы: таково начало третьяго отдѣла книги (стр. 95 ст.) или переходъ отъ „Недоросля“ къ „Горю отъ ума“ (стр. 209).

Но что является безусловно неудобнымъ въ его книгѣ, это одни русскія сочиненія, какъ матеріалы. Посмотрите, куда это ведетъ. Г. Житецкій не отрицаетъ въ предисловіи нѣкотораго присущаго ему субъективизма. И вотъ „Россіада“, „Хоревъ“, пѣсни Дмитріева, повѣсти Карамзина — всѣ эти творенія должны служить ему образцами; немудрено, что не видя въ нихъ художественной цѣнности, авторъ не можетъ и стать на ту точку зрѣнія, чтобы они заинтересовали ученика, чтобъ ученикъ понялъ, что все это было въ свое время цѣнно, что надъ этимъ люди думали, даже плакали... И вотъ получается какое то недоразумѣніе, а между тѣмъ „Энеида“, „Федра“, „Сентиментальное путешествіе“ вѣдь все это, въ отрывкахъ, могло бы дать настоящіе художественные образцы. Или для драмѣ— г. Житецкій беретъ „Бориса Годунова“. Да развѣ это драма? Развѣ этотъ Борисъ, умирающій отъ аневризма въ тотъ моментъ, когда ему только что предстояло вступить въ борьбу, развѣ это трагическій герой? Теоріи трагическаго и теоріи драматическаго творчества рѣшительно нечего дѣлать съ этою хроникой, которая имѣетъ слишкомъ много капитальныхъ художественныхъ достоинствъ, чтобы отвѣчать еще піитическимъ требованіямъ, возросшимъ на почвѣ „Прометеевъ“.

Лучшею главой въ книгѣ слѣдуетъ безусловно признать самую оригинальную и богатую по содержанію, а именно главу о былинахъ и историческихъ пѣсняхъ. Здѣсь очень осторожно, безъ цитатъ и ссылокъ, г. Житецкій указываетъ на связь нашихъ былинъ съ византійскою литературой: Святогоръ у него уже не безсоновскій богатырь: за нимъ и Аника, и Дигенисъ. А этотъ подборъ типичнѣйшихъ мѣстъ нашего богатырскаго эпоса! А историческая пѣсня изъ сборника 1619 года! все это заслуги г. Житецкаго—онъ не напол-

нилъ учебную книгу научными выводами, но что гораздо важнѣе, онъ ввелъ ихъ въ учебный обиходъ. По поводу пѣсень объ Иванѣ Грозномъ позволю себѣ, впрочемъ, не согласиться съ романтическимъ взглядомъ, на Грознаго, который г. Житецкій видитъ въ пѣсняхъ: „Неутолимая жажда человѣческой крови—пишетъ онъ (71 стр.)—мучитъ его и чѣмъ болѣе онъ проливаетъ ее, тѣмъ болѣе самъ страдаетъ, поэтому онъ не только мучитель, но и жертва. Эту тонкую психологическую черту подмѣтила пѣсня о покушеніи на жизнь сына". Въ лучшихъ варіантахъ народъ нигдѣ не допускаетъ царя Ивана Васильевича до несправедливости (вспомните Өедора и пушкарей подъ Казанью). Что-же касается до крови, то въ богатырской обстановкѣ кровь вообще льется довольно щедро: мнѣ же кажется, что для народной памяти Грозный вездѣ былъ не мучителемъ, и не жертвой, а законнымъ и справедливымъ карателемъ боярской измѣны, гдѣ-бы ни свила она себѣ гнѣздо. Рапсоды наши не читали ни Аксакова, ни Костомарова.

Менѣе удачна у г. Житецкаго глава II, особенно устарѣлая классификація индо-европейцевъ, гдѣ нѣтъ ни албанцевъ, ни армянъ, ни западныхъ германцевъ, а есть греко-италійская группа, которой уже давно наука не признаетъ.

Нельзя согласиться также съ устарѣлыми терминами *дикости* и *варварства*, и неправильно *анимизмъ* называть фетишизмомъ. Но самая неудачная часть книги, по моему, характеристики *эмоцій возвышеннаго* и *смѣха*, почерпнутыя изъ народной словесности. Если въ нашихъ гимнахъ (гдѣ они?) и были когда нибудь чувства благоговѣнія и ужаса передъ невѣдомыми силами, то они исчезли безслѣдно, и какъ то странно объяснять теперь юношамъ, что́ такое *возвышенное* (le sublime, das Erhabene), на какой нибудь „горемычной—пташечкѣ кукушечкѣ", прилетѣвшей тайкомъ отъ тиранна мужа на материнскій огородъ, поклевать рябины. А вѣдь г. Житецкій именно это дѣлаетъ, ссылаясь на метемпсихозъ, какъ на отзвукъ *возвышеннаго*. На что *отзвукъ*, когда надо объяснить *эмоцію*, которую испытываете вы, испытываю я. Неудаченъ также *хмѣль* въ качествѣ пѣсеннаго представителя *юмора*. Г. Житецкій прекрасно знаетъ, что юморъ есть вовсе не эмоція, и не изображеніе, а цѣлое міросозерцаніе, которое, по мѣткому выраженію Лазаруса, доступно только „орламъ въ области духа." Нѣсколько замѣчаній по языку: дурно *аоды* (вм. аэды); Инды и Ираны вм. Индусы и Иранцы (23); Хорсъ отъ корня *крос*. Переводъ τόπος и ἰδέα надо исправить слѣдующ.

обр. 1) *ударъ*, *отпечатокъ*, *характеръ*, *примѣръ*; 2) *видъ*, *качество*, *способъ*, *идея*, *въ смыслѣ первообраза*, *идеалъ*; искусства *образовательныя* — надо *изобразительныя*; διαλóγος, μονολóγος надо proparoxytona; χομωδία, χóμος (172) такихъ словъ нѣтъ, надо χωμωδία. Надо уничтожить также провинціализмы вродѣ *курей*, *тосковать за кѣмъ* (124). Слово *аффектъ* неточно передано *вспышка*: аффектомъ принято называть, кажется, такое душевное состояніе, которое неизбѣжно проявляется наружными признаками (мнѣнія въ книгѣ Jodl'я). Словомъ *эмоція* нашъ авторъ нѣсколько злоупотребляетъ. У нѣмцевъ его нѣтъ вовсе. Проф. Гротъ въ „Психологіи чувствованій" не употребилъ его ни разу. Французы употребляютъ это слово очень осторожно въ научномъ языкѣ.

Очерки изъ исторіи поэзіи. (Пособіе для изученія теоріи поэтическихъ произведеній). *П. Житецкаго.* Кіевъ. 1898. 5+273.

Книга г. Житецкаго состоитъ изъ 16 главъ и посвящена изложенію и разбору выдающихся произведеній западно-европейской литературы, отъ поэмъ Гомера до комедій Мольера включительно. Разсмотрѣны и освѣщены исторически: Иліада, третья Олимпійская ода Пиндара, Царь Эдипъ Софокла, одна изъ идиллій Ѳеокрита, съ указаніями на исторію греческаго романа; потомъ Эдда, Нибелунги, пѣснь о Роландѣ, Божественная Комедія, Донъ-Кихотъ, Освобожденный Іерусалимъ, Макбетъ, Король Лиръ, Сидъ, Федра Расина и Мизантропъ. Кромѣ того, три главы (7-ая, 11-ая и 12-ая) посвящены историко-литературнымъ очеркамъ, не имѣющимъ въ центрѣ какого-нибудь крупнаго произведенія: въ одной говорится о расцвѣтѣ рыцарской поэзіи во Франціи, въ другой—о средне-вѣковой драмѣ и въ третьей—о предшественникахъ Шекспира. Подборъ произведеній, а равно и предметы для общаго обзора слѣдуетъ признать удачнымъ, но нельзя не пожалѣть, что авторъ пособія остановился на Мольерѣ и что, указавъ на двѣ первыхъ стадіи въ развитіи романа, онъ не освѣтилъ намъ и третьей—романа Диккенса, Бальзака и Тургенева.

Способъ изложенія у г. Житецкаго весьма педагогиченъ: мало афоризмовъ, мало ненужныхъ подробностей и, взамѣнъ этого, одушевленный пересказъ произведенія и много выписокъ, которыя позволяютъ молодому читателю составлять и свое посильное сужденіе о томъ литературномъ фактѣ, который предлагается его вниманію: нѣкоторымъ неудобствомъ оказывается, при этомъ развѣ увеличеніе объема книги, впрочемъ авторъ предназначаетъ ее, повидимому, не для

изученія а для чтенія.—Языкъ въ книгѣ правильный, и мѣстами слогъ очень хорошъ; главное же достоинство заключается въ безусловной ясности, съ которою г. Житецкій умѣетъ трактовать вопросы иногда весьма сложные и трудные. Въ смыслѣ научномъ книга представляетъ изъ себя трудъ не во всѣхъ частяхъ своихъ равноцѣнный. Такъ первая глава „Иліада" написана нѣсколько элементарно: я думаю, что разрубать гордіевъ узелъ гомеровскаго вопроса, какъ это дѣлаетъ г. Житецкій, для старшихъ классовъ гимназіи даже неполезно.

Жалко также, что вмѣсто *„аэды"*, авторъ пишетъ *„аоды"* (по неточной аналогіи съ *„рапсоды"*) и *„Пизистраты"* (дважды на 4 стр.) вмѣсто *„Пизистратиды"*. При историческомъ освѣщеніи Пиндаровской лирики слѣдовало бы, мнѣ кажется, нѣсколько подробнѣе сказать о вліяніи *номовъ* на творчество. Стезихору напрасно приписываетъ г. Житецкій изобрѣтеніе эпода: невѣрность этого устарѣлаго толкованія давно уже доказана Крузіусомъ. При передачѣ третьей Олимпійской оды невѣрно поставлено въ скобкахъ (на 21 стр.) при *богъ плющеносный—Аполлонъ* надо *„Діонисъ"* (тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ о Семелѣ). При описаніи греческаго театра, въ книгѣ изданной въ 1898 году, желательно бы было, чтобы ея авторъ заглянулъ предварительно въ книгу Дерпфельдта Das griechische Theater (вышла два года назадъ)—это избавило бы его отъ многихъ ошибокъ.

Говоря о драматической поэзіи, г. Житецкій ничего не говоритъ ни о трилогіяхъ, ни объ агонахъ. Трагедія „Прометей" у г. Житецкаго крайне обезличена. Угадайте по слѣдующимъ строкамъ о комъ идетъ рѣчь: объ Эсхилѣ, Гете или Шелли. „Не могъ, конечно, великій поэтъ не уважать личной свободы человѣка, могучихъ порывовъ его духа къ свѣту, знанью и добру, поэтому онъ воспользовался мифомъ (sic) о Прометеѣ и создалъ свою геніальную трагедію, (27) или на 28 „Зевса, который (въ трагедіи Эсхила) является представителемъ безсердечнаго и грубаго насилія". Относительно поэтики Аристотеля, г. Житецкій напрасно не принялъ во вниманіе, что отъ нея сохранилась лишь 1-я книга, и что, можетъ быть, комедія подробнѣе разсматривалась во второй. Вообще желательно бы было, чтобы авторъ далъ въ слѣдующемъ изданіи болѣе точный переводъ 6-ой главы поэтики, изъ которой онъ дѣлаетъ выписки. Въ сужденіи о греческомъ романѣ у автора, повидимому, подъ ногами не совсѣмъ твердая фактическая почва. Схема греческаго романа слишкомъ обща: можно-бы было посовѣтовать ему познакомиться съ извѣстною книгой Роде о романѣ и хотя бы съ русскимъ переводомъ романа Лонга.

„Нибелунги", „Роландъ" изложены и освѣщены хорошо по переводамъ „Кудряшева и гр. Де-ла-Бартъ: это главы очень полезныя для нашихъ учениковъ. Въ главѣ VII „Расцвѣтъ рыцарской поэзіи во Франціи" есть въ началѣ мѣста довольно безсодержательныя, напримѣръ, на стр. 89 читается о Роландѣ и Оливьерѣ (sic): „Ничѣмъ они не увлекались, кромѣ военныхъ предпріятій. *Чужды имъ были личныя мечты и страсти*, которыя накладываютъ печать индивидуальности на человѣка". Въ развитіи лирики не указано на роль женскаго творчества (въ chansons de toile или chansons à danser). Нельзя согласиться также съ ороографіей *кансона* и *пасторелла*: эти слова никакому языку не принадлежатъ. Вмѣсто „Исторія Бриттовъ" на стр. 98 надо „Исторія британскихъ царей" (regum Britanniae). Г. Житецкій поступаетъ очень осторожно, отказываясь входить въ разъясненіе вопроса о томъ, какъ возникла легенда о св. Гралѣ, хотя едва-ли какой пибудь серьезный ученый защищаетъ теперь точку зрѣнія кельтологовъ. Съ точки зрѣнія литературной, интересно бы найти при изложеніи романовъ этого цикла параллель между Ланселотомъ и Персевалемъ. Говоря объ Амадисахъ, Донъ-Кихотѣ, да и вообще объ исторіи романа, г. Житецкій не пользовался, повидимому, лекціями и изслѣдованіями академика Веселовскаго и объ этомъ слѣдуетъ пожалѣть.

Я. А. Гуляшкинъ и *К. Н. Успенскій*. Курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. Москва, 1898. Стр. II + 218 + II. Цѣна 95 коп.

Составители указываютъ на устраненіе дробности въ ихъ курсѣ: дробность на самомъ дѣлѣ не устранена, а только замаскирована. Замаскированность эта обнаруживается при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи руководства и проявится, къ невыгодѣ учащихся, при прохожденіи его. Впрочемъ, многое бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ ознакомленіи съ руководствомъ. Такъ напримѣръ, объ Юстиніанѣ говорится на стр. 26—30, а объ его ближайшихъ преемникахъ гораздо дальше—130 и болѣе страницъ спустя: на стр. 165—объ Ираклiѣ, на стр. 174—о Львѣ Исавріанинѣ; при этомъ статья объ Ираклiѣ разорвана на двѣ части: о немъ говорится и въ отдѣлѣ „Имперія при ближайшихъ преемникахъ Юстиніана" (стр. 165), и въ отдѣлѣ „Византія въ эпоху арабскихъ и славянскихъ войнъ" (стр. 174). Очень страннымъ кажется помѣщеніе статьи объ одномъ изъ основныхъ явленій средневѣковой исторіи — о крестовыхъ походахъ — въ концѣ руководства (стр. 179 и слѣд.). Эпизодъ этотъ изложенъ по-

верхностно, и въ изложеніе его вплетена исторія болгаръ (стр. 185, 188—189). Съ другой стороны, о тѣхъ же болгарахъ говорится на 59—60 страницахъ учебника. Выдержаны и производятъ цѣльное впечатлѣніе отдѣлы, посвященные Германіи, Франціи и Англіи. Правда, изложеніе исторіи Германіи прерывается двумя обширными эпизодами, прямо къ этой исторіи не относящимися, но они отпечатаны мелкимъ шрифтомъ, вѣроятно, съ цѣлью сохраненія непрерывности разказа. Къ сожалѣнію, мелкій шрифтъ въ данныхъ случаяхъ не оправдывается содержаніемъ его, такъ какъ имъ отпечатаны такіе крупные вопросы, какъ вопросъ о развитіи средневѣковой теократіи и коммунъ. Если же вопросы эти, какъ и слѣдуетъ, отпечатать крупнымъ шрифтомъ, то нарушится и кажущаяся непрерывность въ изложеніи исторіи Германіи. Наконецъ, лучше было бы помѣстить статью объ арабахъ и исламѣ въ первой части руководства, а не въ концѣ его, какъ это сдѣлано гг. Галяшкинымъ и Успенскимъ. Арабы-мусульмане появляются, по необходимости, уже на стр. 35, 36 и 45, а для ознакомленія съ ними учащихся отведены 166 и слѣдующія страницы. Намъ кажется, что отмѣченныхъ нами фактовъ достаточно, чтобы установить выводъ о несоотвѣтствіи категорическаго заявленія гг. составителей съ наличною дѣйствительностью. Разумѣется, этого и слѣдовало ожидать: такъ называемый средневѣковой періодъ всемірной исторіи отличается своею сложностью и многообразіемъ матеріала, что неизбѣжно и всегда будетъ отражаться и на его изложенія, къ какимъ бы искусственнымъ мѣрамъ ни прибѣгали составители руководствъ, относящихся къ этому періоду. Такою искусственною и въ то же время неискусною мѣрою должно счесть отнесеніе отдѣловъ объ арабахъ, о крестовыхъ походахъ въ конецъ руководства. Вотъ что мы имѣли въ виду высказать о *планѣ* разбираемаго руководства.

Что касается *матеріала*, вошедшаго въ учебный курсъ гг. Галяшкина и Успенскаго, не касаясь пока его научности, мы ограничимся однимъ общимъ замѣчаніемъ: онъ слишкомъ теоретиченъ для средней школы, въ особенности для учениковъ 5-го класса, гдѣ проходится курсъ средней исторіи. Можетъ быть, мы ошибаемся, но намъ кажется, что гг. составители не въ достаточной степени знакомы съ уровнемъ развитія учениковъ этого возраста, даже при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Съ другой стороны, только тѣ обобщенія бываютъ обыкновенно цѣлесообразны, которыя созидаются на фактической основѣ. При иномъ отношеніи къ дѣлу въ учащихся легко можетъ развиться всегда вредное резонерство, совершенно неоправды-

ваемое сущностью дѣла самомнѣніе и полная неподготовленность къ самостоятельной работѣ. Подобный учебникъ былъ бы мыслимъ при наличности въ средней школѣ двухъ концентрическихъ курсовъ — эпизодическаго и систематическаго, чего въ настоящее время нѣтъ. Въ учебникѣ гг. Галяшкина и Успенскаго замѣтно мало развита фактическая сторона: учебникомъ этимъ еще можно было бы пользоваться только при болѣе близкомъ знакомствѣ съ фактическою стороной—при домашнемъ повтореніи въ 8 классѣ. Правда, въ разбираемомъ учебникѣ замѣчается какъ бы нѣкоторый дуализмъ, и рядомъ со страницами обобщающаго содержанія проявляется погоня за мелкими и ничтожными по существу фактами (такъ напримѣръ отмѣчается *день* помазанія Оттона Великаго папою, *день* подписанія Великой хартіи вольностей, называются битвы при Льюисѣ—Генриха III съ англійскими баронами—и при Ившемѣ, гдѣ совершилось пораженіе „кучки" приверженцевъ Симона де-Монфора войскомъ короля Эдуарда, названъ вестготскій король Реккаредъ и т. п.), но все же преобладающею является выше отмѣченная черта. Во всякомъ случаѣ, курсъ гг. Галяшкина и Успенскаго—довольно безцвѣтная книга: мы не встрѣтили на страницахъ ея ни одного рельефно описаннаго факта, ни одной ясно очерченной личности, тогда какъ исторія среднихъ вѣковъ представляетъ въ этомъ отношеніи необыкновенно благодарный матеріалъ.

Слогъ разбираемой книги въ общемъ гладокъ, но страдаетъ своею высокопарностью. Приведемъ два образца, выхваченные на удачу. „*Дикимъ вихремъ* перенесясь черезъ Донъ, гуннская *туча* обратилась на готовъ. Остготы были разбиты и сдвинуты со своихъ мѣстъ. Германарихъ палъ въ одномъ изъ кровавыхъ сраженій, а все его племя потонуло въ бурномъ гуннскомъ *потокѣ*, стремившемся на западъ" (стр. 14). Одинъ и тотъ же фактъ въ этихъ немногихъ строкахъ является одновременно и „дикимъ вихремъ", и „тучей" и даже „бурнымъ потокомъ", что на самомъ дѣлѣ едва ли кѣмъ-нибудь наблюдалось. Это мѣсто напоминаетъ слишкомъ смѣлыя и, къ сожалѣнію, слишкомъ извѣстныя выраженія г. Иловайскаго о томъ напримѣръ, какъ кимвры и тевтоны скатились прямо въ Италію съ Альпійскихъ горъ на своихъ щитахъ, какъ Людовикъ Святой запутался въ рукавахъ Нила, какъ Дарій Кодоманъ плавалъ въ собственной крови и много другихъ. На стр. 78-й разбираемаго учебника мы встрѣчаемъ слѣдующую тираду: „Феодалы Италіи *на-перебой* стремились къ папскому престолу, *разжигавшему ихъ алчные аппетиты*, безъ угрызе-

нія совѣсти *порочили* его священныя ступени грѣхомъ и кровью, превращая высокое намѣстничество апостола Петра (!) въ игрушку своихъ разнузданныхъ страстей". Вмѣстѣ съ высокопарностью, примѣровъ которой мы могли бы привести не мало, встрѣчаются выраженія тривіальныя и небрежныя, для учебника совершенно неподходящія. Приведемъ для примѣра нѣсколько такихъ выраженій.

„Избалованный богатый римскій *баринъ*"... (11).

„Императорское правительство *не успѣвало растворять германскую кровь въ римской*"... (13).

„Такой *порядокъ или вѣрнѣе безпорядокъ*"... (18).

„Съ *запада или вѣрнѣе съ юго-запада*"... (35).

„Его власть *свѣтила мало и уже не грѣла вовсе*"... (46).

„*Крушеніе* національной славянской церкви"... (59).

„Въ Германіи слишкомъ презирали *вѣчно пьянаго короля*"... (117).

„Во главѣ правительства стали опекуны-дяди *короля-идіота*"... (139).

„*Рыжій* умеръ отъ стрѣлы не найденнаго убійцы" (150). Разумѣется Вильгельмъ II Рыжій, король англійскій.

„Между небомъ и землей, между богомъ и людьми продолжали носиться *ангелы, сдѣланные изъ огня*"... (168).

Есть выраженія, отзывающія какимъ-то пессимизмомъ, напримѣръ:

„Но, соприкасаясь такъ тѣсно съ *міромъ полнымъ соблазна и грѣха*, монастырь шелъ на встрѣчу большой и грозной опасности" (195).

„Но *міръ полонъ грѣха*, и, проповѣдуя отреченіе отъ земныхъ страстей, церковь сама заражалась ими"... (207).

Есть и несовсѣмъ понятныя выраженія. Въ двухъ примѣрахъ, которые мы приведемъ сейчасъ, и которые взяты нами на одной и той же страницѣ (10-й), рѣчь идетъ о германцахъ.

„Они любили пѣсни пѣть, хотя и пѣли ихъ *по своему по варварски*" (?).

„Ихъ легко можно было обмануть и безъ риска для себя эксплуатировать ихъ полное незнаніе жизни. Римскія дамы были въ восторгѣ отъ ихъ высокаго роста, бѣлокурыхъ волосъ, голубыхъ глазъ".

Переходя къ вопросу о научности разбираемой книги, мы должны сказать, что не замѣтили въ ней какихъ-либо особенно крупныхъ ошибокъ. Изъ замѣченныхъ промаховъ и ошибокъ мы отмѣтимъ нижеслѣдующія.

Восточной границей владѣній готовъ показанъ Днѣпръ (13).

Показана произвольная хронологическая дата утвержденія христіанства среди готовъ (14).

Неправильно отмѣчается мѣсто Каталаунской битвы около Шалона на-Марнѣ вмѣсто Мери на Сенѣ (17).

Дана невѣрная хронологическая дата появленія Теодориха въ Италіи (19).

Франкскіе епископы и вообще духовенство безъ всякой оговорки называются *православными* (31).

Несогласно съ извѣстными намъ фактами, иниціатива въ вопросѣ о коронованіи Карла Великаго императорскою короною приписывается папѣ, очевидно, подъ вліяніемъ какого-либо историческаго труда съ клерикальнымъ направленіемъ (46—47). А, можетъ быть, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ повторяющеюся ошибкою старыхъ учебниковъ.

Помѣстный соборъ 869 года неправильно сочтенъ вселенскимъ; авторы забыли, что православная церковь признаетъ только семь вселенскихъ соборовъ, послѣдній изъ которыхъ происходилъ въ 787 г. (84).

Предлагается новое, но все же не соотвѣтствующее нѣмецкому произношенію правописаніе—„Гоэнштауфены“ (passim).

Фридрихъ I зовется то Барбаруссой (94), то Барбароссой (184).

Національная борьба Оттокара II съ Рудольфомъ Габсбургскимъ объясняется заносчивостью Оттокара (110).

Имя Гуса и гуситовъ неправильно пишется черезъ два *с* (passim).

Приводится уже устарѣлое мнѣніе относительно Керсійскаго капитулярія (121).

Данъ невѣрный годъ окончанія Столѣтней войны (141).

Ошибочно оба крестовые похода Людовика Св. показаны направлявшимися въ Египетъ (190).

На той же страницѣ приведено мнѣніе о крестовыхъ походахъ и Византіи, съ которымъ трудно согласиться, а именно: „Византія вынесла изъ крестовыхъ походовъ одни печальныя разочарованія. Ничего не выигравъ отъ нихъ, она лежала теперь разбитая и обезсиленная“. Впрочемъ, черезъ страницу Византія называется „могущественной и славной“ (192).

Тампліеры неправильно помѣщаются только во Франціи (190).

Слишкомъ смѣло альбигойское вѣроученіе выводится непосредственно изъ персидскаго поклоненія Ормузду и Ариману (209). Въ этомъ сказалось незнакомство автора даннаго мѣста учебника съ вопросомъ объ альбигойцахъ.

Совершенно неправильно говорится, что Гусъ дѣйствовалъ „по примѣру и подъ вліяніемъ Уиклефа“ (216). На самомъ дѣлѣ, дѣя-

тельность Гуса была завершеніемъ самостоятельно происходившей въ Чехіи эволюціи антипапскаго и вообще антикатолическаго направленія.

Мы могли бы увеличить приводимый списокъ промаховъ и ошибокъ, но ограничимся сказаннымъ.

Встрѣчаются и повторенія. Такъ напримѣръ два раза объясняется выраженіе „легисты" (стр. 131 и 214), два раза говорится одно и то же о Гусѣ (стр. 116—118 и 211). Какъ подобныя явленія, такъ равно характеръ матеріала и изложенія ясно показываютъ неудобство авторскаго дуализма въ дѣлѣ составленія учебнаго руководства.

Вычисленіе формулъ по данному приближенію (?). Опытъ пособія для учащихся: Составилъ *П. С. Соколовъ*, преподаватель математики Муромскаго реальнаго училища. Муромъ 1898. Цѣна 30 коп. Стр. III+18.

Изъ „Предисловія" автора видно, что онъ предназначаетъ названную брошюру въ руководство ученикамъ VI и VII классовъ реальныхъ училищъ и представляетъ „на благосклонный судъ и усмотрѣніе товарищей по преподаванію математики въ реальныхъ училищахъ".

Можно надѣяться, однако, что преподаватели математики не посовѣтуютъ ученикамъ руководствоваться брошюрой Н. С. Соколова, а предложатъ имъ слѣдовать при производствѣ вычисленій по приближенію тѣмъ указаніямъ, которыя даны во многихъ хорошихъ учебникахъ ариѳметики, напримѣръ, въ „Теоретической ариѳметикѣ Ж. Бертрана, переводъ съ 7-го изданія съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями Н. Билибина" (стр. 263—272).

Чтобы убѣдиться въ непригодности этой брошюры служить руководствомъ для приближенныхъ вычисленій, достаточно обратить вниманіе, напримѣръ, на стр. 6, а именно на слѣдующее:

1) Для умноженія съ даннымъ приближеніемъ авторъ предлагаетъ такой способъ, по которому оказывается, что *если въ одномъ изъ сомножителей перенести запятую на нѣсколько цыфръ влѣво, а въ другомъ на столько же цыфръ вправо, то, хотя величина произведенія не измѣнится, но измѣнится число значущихъ цифръ, которыя должно удержать въ сомножителяхъ для полученія произведенія съ тою же степенью точности.* Онъ приводитъ такой примѣръ; „Для вычисленія $0{,}0003567\ldots \times 6783{,}25473\ldots$ съ приближеніемъ до $\frac{1}{10^2}$", ...„множителей пришлось бы брать съ 6 десятичными знаками. Увеличивъ же множимое въ 1000 разъ и во столько же разъ уменьшивъ множителя", ...„съ искомою точностью получимъ: $0{,}356 \times 6{,}783 = 2{,}41$".

2) Что касается самаго производства дѣйствій съ даннымъ приближеніемъ, то авторъ не указываетъ никакихъ сокращеній. Напримѣръ, для вычисленія $\pi\sqrt{3}$ съ точностью до $\frac{1}{100}$, поступаетъ такъ: „$\pi\sqrt{3} = 3{,}141 \times 1{,}732 = 5{,}440212$ или 5,44“.

А. Ѳ. Фортунатовъ, профессоръ Ново-александрійскаго института. Населеніе и хозяйство Австраліи. Изъ журнала „Русская Мысль“ 1898 г. Отдѣльное изданіе въ пользу недостаточныхъ студентовъ Ново-александрійскаго института. Москва. 1898. Стр. 46. Цѣна 25 коп.

Рѣдко встрѣчаются брошюры въ небольшое число страницъ, но съ такимъ обильнымъ содержаніемъ, какъ разсматриваемая. Въ частности еще рѣже встрѣчаются брошюры географическія, которыя, трактуя о странахъ отдаленныхъ отъ насъ и о предметахъ сухихъ, обыденныхъ, такъ бы заинтересовывали читателя сопоставленіемъ данныхъ и освѣщеніемъ ихъ, какъ разсматриваемая брошюра.

Начинается она досадною опечаткою, что будто бы Бассъ, врачъ и мореплаватель, доказалъ, что Тасманія *не* островъ. Но затѣмъ всѣ страницы и даже можно сказать строки увлекаютъ читателя интересомъ и поучительностью. Данныя, относящіяся собственно къ населенію, судя по тексту, а равно по источникамъ и пособіямъ, приложеннымъ къ концу брошюры, касаются текущаго 10-ти-лѣтія. Въ первой главѣ, коротенько коснувшись рельефа страны, авторъ исключительно останавливается на населеніи, разсматривая его со стороны расы, пола, мѣсторожденія, религіи, политическихъ правъ и образованія, при чемъ, при обозрѣніи каждаго отдѣла авторъ затрогиваетъ разнообразные оттѣнки, составляющіе предметъ физіологіи общества. Напримѣръ, въ отдѣлѣ о расѣ профессоръ не останавливается на однихъ только европейцахъ, но и сообщаетъ много интереснаго о нравахъ туземцевъ и особенно о способности къ культурѣ ново-зеландскаго племени маори; или въ отдѣлѣ объ образованіи даетъ мелкія подробности о нѣкоторыхъ университетахъ, о числѣ учащихся въ нихъ, о жалованьѣ профессоровъ и т. д. и т. д. Въ отдѣлѣ о религіи все населеніе подводится подъ многочисленныя группы и отмѣчается количество людей безъ религіи, свободомыслящихъ, внѣ сектъ, сколько лицъ показали себя принадлежащими къ арміи спасенія, къ ученикамъ Христа, атеистамъ, агностикамъ, деистамъ, теистамъ, пантеистамъ, нигилистамъ, эгоистамъ, фаталистамъ, вольтеріанцамъ и толстовцамъ.

Вторая глава брошюры посвящается добывающей и обработывающей промышленности, и здѣсь, какъ и въ первой главѣ, авторъ вдается въ подробности и тонкости, представляющія большой интересъ. Такъ, въ очеркѣ о сельскомъ хозяйствѣ очерчиваются факторы, способствующіе процвѣтанію или задерживающіе успѣхи земледѣлія, скотоводства, птицеводства и лѣсоводства, какъ-то: климатъ, системы землевладѣнія, способы обработки полей, классъ рабочихъ, естественные враги сельскаго хозяйства, общественныя и правительственныя мѣры для борьбы съ ними, сбытъ произведеній сельскаго хозяйства и т. д. и т. д. Также разносторонен обзоръ промышленности обработывающей и торговли.

Сообщая факты, касающіеся спеціально Австраліи, авторъ въ обѣихъ главахъ весьма часто дѣлаетъ назидательныя сближенія съ Россіею и разъясняетъ, между прочимъ, въ какихъ случаяхъ на поприщѣ труда мы превосходимъ Австралію и въ какихъ случаяхъ она можетъ опередить насъ или быть опасною конкуренткою на всемірномъ рынкѣ.

Изложена книжка сжато, но ясно, и факты группируются искусно. Она имѣетъ даже одно педагогическое достоинство, именно въ концѣ каждой главы, вкратцѣ разъясняется все предшествующее содержаніе. Для примѣра выписываемъ заключеніе 1-ой главы: „Населеніе Австраліи настолько-же мало сравнительно съ населеніемъ земной поверхности, какъ сутки малы сравнительно съ годомъ ($^1/_{365}$). Это населеніе еще очень рѣдко, распредѣленіе его по странѣ очень неравномѣрно; хотя меньше, чѣмъ прежде, но еще замѣчается недостатокъ женщинъ. Однородность англо-саксонскаго происхожденія и громадное преобладаніе христіанства не исключаютъ значительнаго разнообразія въ деталяхъ религіозныхъ убѣжденій. Участіе населенія въ жизни государственной съ теченіемъ времени растетъ и теперь начинаетъ захватывать оба пола. Начальное образованіе сдѣлало большіе успѣхи и сейчасъ распространено весьма широко, не забыты и интересы научнаго образованія. Условія жизненности населенія благопріятнѣе чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ и съ теченіемъ времени улучшаются...“.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ 1895 ГОДУ[1]).

Въ ряду учрежденій, призванныхъ содѣйствовать народному просвѣщенію, Императорская Публичная Библіотека въ С.-Петербургѣ занимаетъ, конечно, одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Всѣ лица, желающія дополнить свое образованіе, обогатить себя новыми познаніями, всѣ тѣ, кто живетъ ученымъ и литературнымъ трудомъ и нуждается въ данныхъ разнаго рода, имѣетъ свободный и безплатный доступъ въ читальную залу Библіотеки и въ разныя ея отдѣленія. Бо̀льшая часть ученыхъ, предпринимающихъ научныя изслѣдованія, прибѣгаетъ къ пособіямъ ея книжныхъ и рукописныхъ богатствъ; правительственныя учрежденія весьма часто при своихъ работахъ обращаются къ содѣйствію отечественнаго книгохранилища, въ которомъ и находятъ необходимыя имъ свѣдѣнія; наконецъ, нерѣдко Библіотека даетъ и иностраннымъ ученымъ матеріалы для ихъ трудовъ.

Открытая на общую пользу въ 1810 году, Императорская Публичная Библіотека считается нынѣ по числу рукописей и томовъ печатныхъ книгъ третьею между знаменитѣйшими изъ европейскихъ библіотекъ, существующихъ по нѣскольку вѣковъ, и первою среди библіотекъ Россіи. Въ теченіе долголѣтняго своего существованія Библіотека, по мѣрѣ возможности, служила дѣлу просвѣщенія, но за послѣдніе годы, при тѣхъ недостаточныхъ, можно даже сказать, скудныхъ

[1]) Это обозрѣніе состоянія Императорской Публичной Библіотеки въ 1895 году извлечено изъ „Отчета“ ея, изданнаго въ началѣ текущаго года.

средствахъ, которыя опредѣлялись ея штатомъ, она не была въ состояніи держаться на подобающей высотѣ и удовлетворять цѣлямъ своего назначенія. Развитіе научной и литературной дѣятельности за послѣднее время, выражающееся значительнымъ увеличеніемъ числа произведеній печати, естественно должно было вліять на постоянный ростъ Библіотеки, который нельзя остановить безъ существеннаго вреда для самого учрежденія. При ежегодномъ приращеніи Библіотеки и возрастающемъ числѣ въ ней читателей, а вслѣдствіе того увеличивающемся количествѣ требуемыхъ ими книгъ, число служащихъ въ ней, опредѣленное штатомъ 1874 года, являлось весьма недостаточнымъ какъ для каталогизаціи и разстановки поступающихъ въ нее книгъ, такъ и для правильнаго удовлетворенія читателей. Скудные оклады, назначенные по этому штату служащимъ въ Библіотекѣ, отъ большинства которыхъ требуются спеціальныя познанія по разнымъ отраслямъ наукъ и знакомство съ однимъ изъ классическихъ и главными иностранными языками, не соотвѣтствовали той массѣ труда, которая на нихъ лежитъ, и при возрастающей дороговизнѣ жизни, заставляли многихъ искать посторонныхъ занятій, что̀ не могло не отражаться вредно на ходѣ библіотечнаго дѣла. Наконецъ, сумма, назначенная по упомянутому штату на содержаніе зданій и хозяйственные расходы Библіотеки, являлась весьма недостаточною, чтобы поддерживать въ должномъ благообразіи какъ внутреннія помѣщенія Библіотеки, такъ и чистоту зданій и прилегающихъ къ нимъ тротуаровъ и мостовыхъ. Вслѣдствіе того совѣтъ Библіотекъ уже давно пришелъ къ убѣжденію, что ея штатъ, Высочайше утвержденный 25-го мая 1874 года, не удовлетворяетъ болѣе ея насущнымъ потребностямъ, и управленіе Библіотеки неоднократно заявляло о томъ высшемъ начальству. Наконецъ, 1-го іюня 1895 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе новаго штата Библіотеки, съ тѣмъ чтобъ онъ былъ введенъ въ дѣйствіе съ 1-го января 1896 года.

Измѣненія, введенныя новымъ штатомъ Библіотеки, касаются увеличенія: 1) суммы, отпускаемой на пріобрѣтеніе книгъ и рукописей, на ихъ переплетъ, на каталогизацію и на печатаніе каталоговъ и изданій; 2) числа служащихъ въ Библіотекѣ лицъ; 3) получаемаго ими содержанія, и 4) суммы на хозяйственные и другіе расходы Библіотеки.

По штату 1874 года на пріобрѣтеніе книгъ и рукописей и на доставку ихъ изъ-за границы, а также на переплетъ рукописей и книгъ,

ежегодно было ассигнуемо 26.000 р. Изъ этой суммы 6.000 руб. расходовалось на переплетъ, и отъ 2.000 до 3.000 руб. на пополненіе отдѣленій книгъ на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ и на пріобрѣтеніе отдѣльныхъ рукописей, случайно предлагаемыхъ къ покупкѣ; остальные же 17.000—18.000 руб. расходовались на выписку изъ-за границы книгъ и повременныхъ изданій и на ихъ доставку. Эта послѣдняя сумма оказывалась крайне недостаточною, чтобы можно было на нее пріобрѣтать обязательныя для Публичной Библіотеки выдающіяся сочиненія и періодическія изданія по всѣмъ наукамъ, а между тѣмъ число тѣхъ и другихъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается. Кромѣ того, за послѣднее время возникло много новыхъ отраслей знанія, а нѣкоторыя науки до того развились, что появившіяся по нимъ сочиненія образовали цѣлыя библіотеки, между тѣмъ какъ Публичная Библіотека, по недостатку средствъ, едва имѣла возможность пріобрѣтать только немногіе изъ наиболѣе выдающихся трудовъ по этимъ частямъ. Съ усовершенствованіемъ фотографическихъ и фототипическихъ способовъ воспроизведенія предметовъ возрастаетъ также постоянно число сочиненій и изданій археологическихъ, художественныхъ, естественно-историческихъ и медицинскихъ, снабженныхъ обширными и дорого стоющими атласами, и опять Библіотекѣ приходилось отказываться отъ покупки многихъ подобнаго рода изданій, которымъ всего приличнѣе находиться именно въ ней. Ко всему этому слѣдуетъ еще присоединить два обстоятельства, отозвавшіяся неблагопріятно на пополненіи Библіотеки, именно возвышеніе цѣны на выходящія въ Германіи и Англіи печатныя книги, и низкій курсъ нашего бумажнаго рубля, который въ нѣкоторые годы цѣнился немного болѣе 50 к. с. За двадцатилѣтній періодъ времени, съ 1874 по 1893 годъ, Библіотека понесла убытка на курсѣ болѣе 135.000 р., что̀ въ среднемъ составляетъ въ годъ около 6.800 р.; слѣдовательно, на покупку заграничныхъ книгъ и журналовъ Библіотека могла ежегодно расходовать вмѣсто 18.000 р. только отъ 8.000 до 9.000 р. Очевидно, что при такомъ положеніи было немыслимо пріобрѣтеніе всѣхъ обязательныхъ для нея замѣчательныхъ сочиненій, и потому въ ней ежегодно образовывались нежелательные пробѣлы, остававшіеся и впослѣдствіи безъ пополненія. Только нѣкоторые отдѣлы Библіотеки, которыми по ихъ полнотѣ она справедливо гордится не только въ Россіи, но и въ Европѣ, и на устройство которыхъ затрачены десятки лѣтъ упорнаго труда и немалыя денежныя средства, а именно: иноязычныхъ сочиненій о Россіи, путешествій въ Палестину и вообще сочиненій о

ней, изданій сочиненій римскаго поэта Горація со всѣми ихъ объясненіями, изслѣдованіями и переводами на всѣ языки, портретовъ Императора Петра Великаго, пополнялись всѣми вновь появлявшимися гдѣ бы то ни было книгами и гравюрами, а также еще въ ней не имѣвшимися, при чемъ иногда для отдѣленія иноязычныхъ сочиненій о Россіи книги и брошюры, составляющія библіографическую рѣдкость, приходилось покупать за большія деньги. Нагляднымъ доказательствомъ тому, на сколько Библіотека принуждена была отказываться отъ пріобрѣтенія новыхъ сочиненій, могутъ служить слѣдующія цифры по отдѣленію юридическихъ и политическихъ наукъ. Въ то время, какъ число вышедшихъ въ теченіе 1884—1890 гг. сочиненій по этимъ наукамъ на нѣмецкомъ языкѣ достигло цифры 12.520, для отдѣленія было пріобрѣтено лишь 1.044 сочиненія на этомъ языкѣ; изъ 4.937 сочиненій, вышедшихъ за это время на французскомъ языкѣ, куплено было Библіотекою 523 сочиненія, а изъ 4.348 сочиненій на англійскомъ языкѣ только 110 сочиненій.

Въ историческомъ отдѣленіи, въ которомъ не имѣется многихъ замѣчательныхъ сочиненій по исторіи европейскихъ государствъ, этнографіи, нумизматикѣ, геральдикѣ и археологіи, за послѣднее время изъ каждыхъ трехъ требованій на одно приходилось отвѣчать отказомъ за неимѣніемъ сочиненій; въ теченіе 1874—1878 гг. число не удовлетворенныхъ по этой причинѣ требованій составляло ежегодно среднимъ числомъ 217, а пятнадцать лѣтъ спустя, въ 1889—1893 гг., оно достигло уже 548, то-есть, увеличилось въ два съ половиною раза. То же можно сказать и относительно отдѣленій: богословія, философіи, технологіи, медицины, военныхъ и морскихъ наукъ, восточной филологіи и друг. Количество появляющихся сочиненій по этимъ предметамъ въ Европѣ постоянно возрастаетъ, а вмѣстѣ съ этимъ увеличивалось число требованій нашихъ читателей и получаемыхъ ими отказовъ, за неимѣніемъ книгъ въ Библіотекѣ. Наконецъ, въ Библіотекѣ ощутителенъ недостатокъ очень многихъ журналовъ, газетъ и изданій различныхъ академій и ученыхъ обществъ, а въ нихъ нерѣдко помѣщаются цѣлыя монографіи по той или иной отрасли знанія, невсегда потомъ выходящія въ свѣтъ отдѣльными книгами.

Если Библіотека не имѣла достаточныхъ средствъ на пріобрѣтеніе всѣхъ новыхъ замѣчательныхъ сочиненій, то ей о покупкѣ какого-либо собранія рукописей, лишь только за него просили нѣсколько тысячъ рублей, или спеціальной библіотеки по извѣстному предмету, всегда отличающейся особенною полнотой и богатствомъ дорогихъ и

рѣдко находимыхъ въ продажѣ сочиненій, нечего было и думать. Каждый разъ, когда предлагались къ пріобрѣтенію замѣчательная коллекція рукописей или выдающееся собраніе печатныхъ книгъ, начальству Библіотеки приходилось или ходатайствовать объ отпускѣ на ихъ покупку особыхъ суммъ изъ государственнаго казначейства, а въ большинствѣ случаевъ отклонять съ сожалѣніемъ подобныя предложенія. Располагая на пріобрѣтеніе книгъ и рукописей по штату самою скромною суммою, сравнительно съ другими первенствующими библіотеками за границею [1]), Императорская Публичная Библіотека ежегодно расходовала на этотъ предметъ гораздо болѣе ассигнованной ей суммы, употребляя на то свои спеціальныя средства, вынужденныя сбереженія изъ суммы, отпускаемой на хозяйственную часть, изрѣдка поступавшія пожертвованія и случайные остатки отъ суммы, назначенной на содержаніе личнаго состава. Среднимъ числомъ Библіотека съ 1874 по 1893 г. включительно ежегодно расходовала на пріобрѣтеніе книгъ и рукописей 23.095 р., а съ присоединеніемъ къ общей израсходованной суммѣ испрошенныхъ особыхъ суммъ—28.195 р.

На переплетъ книгъ и рукописей ежегодно назначалось на всѣ отдѣленія 6.000 р. Сумма эта расходовалась сполна, а въ нѣкоторые годы расходъ на переплетъ и превышалъ эту цифру. Среднимъ числомъ въ теченіе двадцати лѣтъ ежегодно расходовалось на переплетъ 6.122 р.; но эту сумму нельзя считать достаточною. Повременныя изданія, особенно ежедневныя, выходящія въ предѣлахъ Имперіи, обыкновенно большаго листового формата, поглощали изъ назначаемой суммы весьма значительную ея часть, такъ что на переплетъ книгъ шла лишь меньшая ея часть, а потому весьма много вновь поступавшихъ книгъ не переплеталось. Въ большихъ библіотекахъ западной Европы положено, по возможности, переплетать всѣ вновь пріобрѣтаемыя книги и рукописи, и посему на этотъ предметъ опредѣляются довольно большія суммы [2]). Въ Публичной Библіотекѣ, вслѣдствіе огра-

[1]) Такъ, Британскому музею назначено было по бюджету 1895 г. на пріобрѣтеніе книгъ 9.250 фунт. стерлинговъ и на пріобрѣтеніе рукописей 1.700 фунт. стерлинговъ; Парижской національной библіотекѣ назначено было въ 1895 г. на покупку книгъ и рукописей 181.200 франковъ; Королевской библіотекѣ въ Берлинѣ по бюджету 1895 — 1896 гг. ассигновано было на пріобрѣтенія и на переплетъ 150.000 марокъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что всѣмъ этимъ тремъ библіотекамъ на экстраординарныя пріобрѣтенія всегда отпускаются особыя суммы.

[2]) Въ Британскомъ музеѣ по смѣтѣ 1895 года на переплетъ книгъ и рукописей назначено 9 000 фунт. стерлинговъ, а Національной библіотекѣ въ Парижѣ въ 1895 г. было отпущено на этотъ предметъ 48.000 франковъ.

ниченнаго размѣра назначаемой суммы, условіе это не могло быть соблюдаемо, а между тѣмъ выдача не переплетенныхъ книгъ въ читальную залу, изъ опасенія ихъ порчи, воспрещена правилами. Устранить этотъ существенный недостатокъ нашей Библіотеки можно было только опредѣленіемъ суммы на переплетъ, болѣе значительной, чѣмъ какая расходовалась доселѣ.

Одна изъ главныхъ задачъ каждой публичной библіотеки заключается, съ одной стороны, въ приготовленіи матеріаловъ для каталогизаціи, то-есть, въ написаніи карточекъ съ заглавіями книгъ, а съ другой—въ обнародованіи библіотечныхъ каталоговъ, библіографическихъ и другихъ трудовъ. На все это Императорская Публичная Библіотека располагала по штату 1874 года суммою всего только въ 1.750 р. Не смотря на ограниченность этой суммы, съ пособіемъ пожертвованій, Библіотекою съ 1873 г. были напечатаны: каталогъ отдѣленія „Rossica“ или иноязычныхъ сочиненій о Россіи, получившій почетную извѣстность и познакомившій ученыхъ съ богатствами этого отдѣленія; каталогъ библейскихъ еврейскихъ рукописей; каталогъ небольшой части церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ изъ древлехранилища Погодина, указавшій изслѣдователямъ на многое важное и дотолѣ неизвѣстное; письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и др. Сверхъ того, Библіотека ежегодно печатаетъ отчетъ о своей дѣятельности, въ которомъ помѣщаются въ текстѣ свѣдѣнія о наиболѣе выдающихся печатныхъ изданіяхъ, ею пріобрѣтенныхъ, и описаніе поступившихъ въ теченіе года рукописей, а въ приложеніи иногда каталоги цѣлыхъ коллекцій или же матеріалы для исторіи новой русской литературы, извлеченные изъ собранія автографовъ Библіотеки, при чемъ печатаніе каждаго такого отчета обходится отъ 600 до 900 р. Очевидно, назначавшаяся на эти предметы по штату 1874 г. сумма въ 1.750 р. была крайне недостаточна, и дѣйствительно расходъ по этой статьѣ достигалъ до 2.847 р. [1]).

Такимъ образомъ сумма въ 27.750 р., назначенная Библіотекѣ по штату 1874 г. на пріобрѣтенія, переплетныя работы, каталогизацію и печатаніе отчета и каталоговъ, не могла удовлетворять насущнымъ потребностямъ учрежденія.

---

[1]) Въ Британскомъ музеѣ по смѣтѣ 1895 года на печатаніе каталоговъ назначено 7.864 фунт. стерлинговъ, а въ Парижской національной библіотекѣ — 80.000 франковъ.

По новому штату Библіотекѣ назначено: съ 1-го января 1896 г. на пріобрѣтеніе книгъ и рукописей и доставку ихъ изъ-за границы 34.000 руб., на переплетъ ихъ 7.000 р. и на каталогизацію, печатаніе каталоговъ, отчета и пр. 4.000 руб.; начиная же съ 1899 года—на пріобрѣтеніе книгъ и рукописей и доставку ихъ изъ-за границы 40.000 руб. [1]), на переплетъ ихъ 9.000 р. и на каталогизацію, печатаніе каталоговъ и проч. 5.000 р.

Личный составъ Библіотеки также былъ увеличенъ по новому штату. Необходимость прибавки нѣсколькихъ новыхъ лицъ въ помощь библіотекарямъ вызывалась, съ одной стороны, увеличеніемъ какъ числа новыхъ пріобрѣтеній, такъ и количества выдаваемыхъ книгъ для занятій въ читальную залу, а съ другой стороны—большимъ объемомъ нѣкоторыхъ отдѣленій или соединеніемъ въ завѣдываніи одного лица нѣсколькихъ отдѣленій, нисколько не близкихъ по своему содержанію. при чемъ не возможно было отъ него требовать одинаковаго къ нимъ вниманія. До введенія новаго штата библіотекари несли, можно сказать, непосильные, въ значительной степени механическіе труды. Бо́льшая часть служебныхъ часовъ библіотекаря уходила на ежедневныя пріисканіе и выдачу требуемыхъ сочиненій въ читальную залу и на обратный пріемъ и разстановку по мѣстамъ книгъ, возвращенныхъ читателями, — трудъ, ни въ одной большой библіотекѣ не исполняемый лично библіотекаремъ, а также на отдачу книгъ въ переплетъ, полученіе ихъ отъ переплетчика и установку на мѣста и на пріемъ новыхъ книгъ изъ регистратуры. Свѣрка каталога отдѣленія съ каталогами антикварныхъ книгопродавцевъ съ цѣлью пополненія находящихся въ немъ пробѣловъ; сличеніе даримыхъ книгъ съ библіотечными экземплярами, а иногда и цѣлыхъ собраній, и выдѣленіе дублетовъ, наконецъ веденіе инвентаря и алфавитнаго каталога поглощали остальное время у библіотекаря и нерѣдко заставляли его оставаться въ Библіотекѣ послѣ обязательнаго по закону служебнаго времени. Всѣ эти занятія не давали большинству библіотекарей возможности слѣдить, при пособіи библіографическихъ изданій, за появляющимися новыми сочиненіями по предметамъ, входящимъ въ составъ порученныхъ имъ отдѣленій, и такимъ образомъ

[1]) Назначеніе 40.000 р. на покупку книгъ и рукописей слѣдуетъ считать суммою все-таки очень умѣренною. На эту сумму можно лишь покупать нѣсколько болѣе, чѣмъ нынѣ, замѣчательныхъ сочиненій по наукамъ и искусствамъ, но трудно пополнять пробѣлы въ книгахъ прежнихъ лѣтъ.

правильно ихъ пополнять, и не оставляли времени на веденіе систематическаго каталога, необходимаго для отвѣта на запросъ, какія сочиненія по извѣстному предмету имѣются въ Библіотекѣ.

Особенно нуждались въ увеличеніи числа штатныхъ служащихъ отдѣленія: рукописей, при которомъ состоитъ отдѣленіе книгъ церковно-славянской печати, отдѣленіе книгъ гражданской печати, вышедшихъ при Петрѣ Великомъ, секретное отдѣленіе книгъ на русскомъ языкѣ и отдѣленіе книгъ, напечатанныхъ кириллицей и русскимъ гражданскимъ шрифтомъ на языкахъ галицко-русскомъ, сербскомъ и болгарскомъ; отдѣленіе книгъ на русскомъ языкѣ, отдѣленія историческое, естественныхъ наукъ и медицины, искусствъ и технологіи и богословское. Драгоцѣнное рукописное отдѣленіе ежегодно обогащается весьма значительнымъ числомъ рукописей, актовъ и автографовъ, преимущественно на языкахъ церковно-славянскомъ и русскомъ; число ихъ въ нѣкоторые годы доходило до нѣсколькихъ тысячъ. Разсмотрѣніе и изученіе вновь поступающихъ рукописей, автографовъ и актовъ и ихъ описаніе требуетъ много труда и спеціальныхъ познаній; на это служебныхъ часовъ бываетъ недостаточно, и библіотекарю приходилось весьма часто употреблять значительную часть внѣслужебнаго времени на собираніе справокъ, необходимыхъ для описанія рукописей, а также заниматься и по вечерамъ, чтобъ успѣвать описывать всѣ новыя поступленія въ отдѣленіе. На составленіе же и печатаніе ученаго подробнаго описанія или по крайней мѣрѣ перечня всѣхъ хранящихся въ Библіотекѣ церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей и актовъ—у библіотекаря рѣшительно не оставалось свободнаго времени. Точно также крайне обременительна работа въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ. Служба въ этомъ отдѣленіи, по количеству томовъ не уступающемъ цѣлымъ большимъ библіотекамъ, исполнялась до введенія новаго штата однимъ библіотекаремъ и двумя вольнонаемными лицами. Между тѣмъ въ двадцатилѣтній періодъ времени количество поступающихъ ежегодно въ русское отдѣленіе сочиненій (не считая изданій періодическихъ) увеличилось болѣе, чѣмъ въ два съ половиною раза, а количество выдаваемыхъ изъ отдѣленія сочиненій—болѣе, чѣмъ въ два раза. Изъ отдѣленія ежедневно, среднимъ числомъ, въ тѣ дни, когда оно открыто для пользованія (считая въ году, за исключеніемъ праздниковъ, 273 дня), выдается болѣе 120 сочиненій, иногда многотомныхъ, и столько же должно быть постановлено на мѣсто по возвращеніи изъ читальной залы. Если на выдачу каждаго сочиненія считать только

три минуты, то одному лицу приходится употреблять ежедневно 6 часовъ непрерывнаго труда только для выдачи книгъ въ читальную залу. Каталогизація книгъ, которыхъ поступаетъ въ отдѣленіе ежедневно около 60 названій, поглощала почти все служебное время другого лица. Къ этому слѣдуетъ еще присоединить составленіе ежедневной статистической таблицы по выдачѣ книгъ изъ отдѣленія и неоднократную, вслѣдствіе недостатка мѣста, перестановку книгъ, влекущую за собою передѣлку инвентарнаго и алфавитнаго каталоговъ, отдачу книгъ въ переплетъ и обратный пріемъ ихъ отъ переплетчика. Веденіе систематическаго каталога, столь настоятельно нужнаго именно въ этомъ отдѣленіи, было пріостановлено. Изъ всего этого очевидно, что личный составъ отдѣленія книгъ на русскомъ языкѣ былъ слишкомъ недостаточенъ. Что касается историческаго отдѣленія, одного изъ самыхъ обширныхъ въ Библіотекѣ по числу сочиненій и томовъ, ибо въ составъ его, кромѣ сочиненій собственно по исторіи, входятъ сочиненія по вспомогательнымъ ея наукамъ, по географіи, этнографіи и статистикѣ, занимающаго двѣ громадныя залы, изъ котораго требуется читателями очень много книгъ и, въ которое поступаетъ сравнительно съ другими отдѣленіями на иностранныхъ языкахъ значительное количество новыхъ пріобрѣтеній, то ужъ именно эти обстоятельства указываютъ на необходимость увеличенія состава служащихъ въ немъ лицъ. То же можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ отдѣленіяхъ Библіотеки. Вслѣдствіе того по новому штату учреждено десять новыхъ должностей помощниковъ библіотекаря, изъ нихъ три старшихъ и семь младшихъ. Кромѣ того, вслѣдствіе усиленія поступленій и переписки по дѣламъ Библіотеки оказалось необходимымъ увеличить личный составъ библіотечной регистратуры и установить особую должность секретаря Библіотеки. Равнымъ образомъ, вслѣдствіе усиленія дѣятельности читальной залы за послѣдніе годы пришлось увеличить и число служащихъ въ ней.

Вмѣстѣ съ численнымъ увеличеніемъ личнаго состава Библіотеки послѣдовало и повышеніе его содержанія. По штату 1874 года въ особенности недостаточнымъ представлялось содержаніе библіотекарей, а между тѣмъ отъ этихъ лицъ требовалось и основательное образованіе, обусловленное характеромъ ихъ библіотечныхъ занятій, и въ зависимости отъ количества послѣднихъ чрезвычайная затрата времени, такъ что какія-либо другія занятія оказывались для служащихъ затруднительными. При томъ, если сравнить дѣятельность библіотекарей Публичной Библіотеки хотя бы по количеству ежедневно

выдаваемыхъ ими въ чтеніе книгъ съ таковою же дѣятельностью библіотекарей другихъ учрежденій, напримѣръ, Академіи наукъ, университета, Военно-медицинской академіи и т. п., то всѣ выгоды оказывались на сторонѣ послѣднихъ, а содержаніе ихъ представлялось болѣе значительнымъ, чѣмъ содержаніе библіотекарей Публичной Библіотеки. Эти и другія подобныя соображенія привели къ сознанію необходимости существеннымъ образомъ увеличить содержаніе служащихъ въ Библіотекѣ; по новому штату оно доведено въ общей суммѣ до 63.222 р., то-есть, увеличено на 30.170 р. болѣе противъ суммы, отпускавшейся по прежнему штату.

Наконецъ, согласно новому штату послѣдовало увеличеніе ассигнованія на содержаніе зданій, отопленіе, освѣщеніе и другіе хозяйственные расходы, а также на содержаніе и обмундированіе служителей. На эти предметы по штату 1874 года назначалось 19.700 р., но эта сумма уже давно оказывалась недостаточною вслѣдствіе вздорожанія цѣнъ на всѣ хозяйственныя и ремонтныя работы, а равно вслѣдствіе того, что еще десять лѣтъ тому назадъ Библіотека пріобрѣла отъ театральнаго вѣдомства значительный участокъ земли, на содержаніе котораго также потребовался новый расходъ. Вслѣдствіе того, по новому штату Библіотеки ассигнованіе по означенной статьѣ доведено до 25.250 р., то-есть, увеличено на 5.500 р. болѣе суммы, назначавшейся на эти предметы по штату 1874 года.

Въ общемъ итогѣ на содержаніе Библіотеки по новому штату должно быть отпускаемо, начиная съ 1896 года, по 133.470 р., а съ 1899—по 142.470 рублей. Эта цифра, конечно, не можетъ идти въ сравненіе съ суммами, отпускаемыми въ Англіи, Франціи и Пруссіи на содержаніе Британскаго музея, Парижской національной библіотеки и Королевской Берлинской библіотеки, имѣющихъ такое же значеніе, какъ Императорская Публичная Библіотека. Но надобно надѣяться, что со временемъ и въ Россіи будетъ всѣми признано важное государственное значеніе такого учрежденія, какъ Библіотека, и тогда будетъ найдена возможность обезпечивать его существованіе такими же суммами, какія столь щедро даются англійскимъ, французскимъ и прусскимъ правительствами своимъ первостепеннымъ государственнымъ книгохранилищамъ, благодаря чему эти учрежденія могутъ стоять на подобающей высотѣ.

Отъ очерка потребностей Императорской Публичной Библіотеки, посильному удовлетворенію которыхъ долженъ служить новый штатъ

ея, обращаемся собственно къ обзору состоянія и развитія ея въ теченіе 1895 года.

Въ этомъ году Библіотека лишилась своего почетнаго члена, сенатора Д. А. Ровинскаго, скончавшагося 11-го іюня за границею, въ Вильдунгенѣ, близъ Касселя. Съ молодыхъ лѣтъ Д. А. Ровинскій находилъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ богатые матеріалы и пособія для своихъ трудовъ и изданій по исторіи русскаго искусства. Въ то же время онъ былъ ревностнымъ сотрудникомъ Библіотеки по пополненію находящагося въ ней собранія гравированныхъ портретовъ Петра Великаго и, между прочимъ, самъ пожертвовалъ изъ своего собранія три весьма рѣдкіе портрета преобразователя Россіи. Хлопотамъ и стараніямъ Ровинскаго, длившимся много лѣтъ, Библіотека обязана пріобрѣтеніемъ драгоцѣнной гравюры, извѣстной только въ одномъ экземплярѣ, изображающей посольство князя Сугорскаго отъ царя Ивана Васильевича Грознаго къ Германскому императору Максимиліану II на Регенсбургскій сеймъ въ 1576 году. Гравюра эта, являющаяся важнымъ и достовѣрнымъ документомъ для исторіи русскихъ одеждъ, принадлежала Висбаденскому музею, который рѣшился уступить ее Ровинскому въ обмѣнъ на полную серію его изданій, а онъ пожертвовалъ эту гравюру нашей Библіотекѣ. Свои дорого стоившія изданія, какъ-то: „Русскія народныя картинки“, „Достовѣрные портреты Московскихъ государей Ивана III, Василія Ивановича и Ивана IV Грознаго и посольства ихъ времени“, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, „Полное собраніе гравюръ Рембрандта со всѣми разницами въ отпечаткахъ, 1.000 фототипій безъ ретушей“ и другія, Ровинскій дарилъ Библіотекѣ всегда въ лучшихъ оттискахъ и въ самыхъ избранныхъ экземплярахъ. Наконецъ, по духовному завѣщанію онъ оставилъ Библіотекѣ принадлежавшее ему собраніе портретовъ, гравированныхъ иностранными мастерами, заключающее въ себѣ, по его счету, около 50.000 листовъ.

По предмету внутренняго устройства Библіотеки слѣдуетъ упомянуть, что въ началѣ 1895 года въ овальной залѣ бель-этажа была помѣщена большая высокая витрина, назначенная для храненія трехъ экземпляровъ роскошнаго изданія А. В. Звенигородскаго о византійскихъ и русскихъ эмаляхъ. Текстъ этой книги, написанный извѣстнымъ знатокомъ византійскаго искусства Н. П. Кондаковымъ на русскомъ языкѣ, былъ переведенъ на языки французскій и нѣмецкій. Сообразно этому и витрина имѣетъ, въ своемъ планѣ, форму треуголь-

ника и представляетъ три зеркальныхъ фасада, заключенныхъ въ деревянную (изъ дуба) основу, украшенную византійскимъ орнаментомъ въ краскахъ, съ золотомъ и серебромъ. Витрина увѣнчана рѣзнымъ византійскимъ куполомъ, съ цвѣткомъ вверху. Она можетъ вращаться во всѣ стороны на горизонтальномъ кругломъ колесѣ, вдѣланномъ внутри базы витрины. Въ витринѣ помѣщены какъ полные экземпляры русскаго оригинала книги и французскаго и нѣмецкаго ея переводовъ, въ богатыхъ переплетахъ византійскаго стиля, такъ и находящіеся въ книгѣ отдѣльные рисунки, выполненные въ краскахъ. На одной изъ сторонъ витрины помѣщена, на особомъ рѣзномъ пьедесталѣ, статуетка А. В. Звенигородскаго, вылѣпленная скульпторомъ И. Я. Гинцбургомъ и отлитая изъ бронзы въ Парижѣ. Витрина, сочиненная по заказу А. В. Звенигородскаго архитекторомъ И. П. Ропетомъ, выполнена столярныхъ дѣлъ мастеромъ Шутовымъ и стоила около 2.000 руб.

Пріобрѣтенія Библіотеки въ 1895 году были весьма значительны и состояли, какъ всегда, частію изъ цѣлыхъ коллекцій, частью изъ розничныхъ поступленій.

1) У болгарина г. Сарафова купленно собраніе южно-славянскихъ и греческихъ рукописей. Значительная ихъ часть принадлежала прежде извѣстному С. Верковичу, отъ котораго Библіотека еще въ 1891 году пріобрѣла покупкою собраніе южно-славянскихъ рукописей. Рукописи, пріобрѣтенныя отъ г. Сарафова, служатъ дополненіемъ къ сему послѣднему. Среди пріобрѣтенныхъ у г. Сарафова рукописей оказалось, между прочимъ, нѣсколько листовъ изъ извѣстнаго Слѣпченскаго Апостола XII вѣка, рукописи, поступившей въ свое время отъ г. Верковича. Изъ прочихъ славянскихъ рукописей настоящаго собранія можно указать, какъ на особенно важную, на Паримійникъ XII вѣка, сербскаго письма, но скопированную со средне-болгарскаго оригинала. Всѣхъ рукописей славянскихъ въ этомъ собраніи 37, и изъ нихъ 16 писаны на пергаменѣ, а остальныя — на бумагѣ; по содержанію онѣ относятся или къ Священному Писанію, или же къ пѣснопѣніямъ богослужебнымъ. Между греческими рукописями находится семь пергаменныхъ, въ томъ числѣ пять Евангелій XI—XIII вѣковъ и Поучительныя слова св. Іоанна Златоустаго XI вѣка. Въ числѣ 20 греческихъ рукописей, писанныхъ на бумагѣ, пріобрѣтено нѣсколько Тріодей Постныхъ и Цвѣтныхъ и Служебныхъ Миней XIV—XV вѣковъ, пополнившихъ собою имѣвшійся въ Библіотекѣ

незначительный отдѣлъ греческихъ рукописей, содержащихъ въ себѣ богослужебныя пѣснопѣнія. Для пріобрѣтенія этого собранія Библіотека не располагала средствами, но министерство народнаго просвѣщенія нашло возможнымъ отпустить Библіотекѣ заимообразно сумму, необходимую для такой покупки.

2) Вдовою профессора С.-Петербургскаго университета Г. С. Деступиса Луизою Ивановною Деступисъ, согласно волѣ покойнаго ея мужа, принесено въ даръ собраніе бумагъ его отца, извѣстнаго переводчика Плутарха и византійскихъ историковъ, Спиридона Юрьевича Деступиса († 1848). Между бумагами этого собранія болѣе важными являются дневники С. Ю. Деступиса (1826—1846 гг.), его черновыя письма и донесенія, въ особенности за время пребыванія его въ Смирнѣ, гдѣ онъ состоялъ россійскимъ генеральнымъ консуломъ въ 1818—1821 гг., письма къ нему разныхъ лицъ, въ томъ числѣ графа И. А. Каподистріи, а также собранные С. Ю. Деступисомъ матеріалы по новой исторіи Греціи. Кромѣ того, здѣсь же находятся разные переводы С. Ю. Деступиса, преимущественно историческаго содержанія, и офиціальныя его бумаги, а также матеріалы для его біографіи, собранные его сыномъ, и наконецъ, неизданные литературные труды первой жены послѣдняго Надежды Александровны, рожденной Крыловой.

3) Библіотекаремъ В. В. Стасовымъ принесено въ даръ обширное собраніе собственноручныхъ писемъ извѣстнаго нашего музыкальнаго композитора А. Н. Сѣрова (р. 1820 † 1871). Всѣхъ писемъ въ этомъ собраніи имѣется 242. Самая значительная ихъ часть писана къ В. В. Стасову, съ которымъ Сѣровъ былъ товарищемъ по Училищу правовѣдѣнія и находился въ тѣсной дружбѣ. Къ письмамъ къ В. В. Стасову приложены: черновыя письма Сѣрова къ Листу и В. Р. Зотову и три письма В. Р. Зотова къ Сѣрову; далѣе въ собраніи находятся: 39 писемъ и записокъ Сѣрова къ М. П. Анастасьевой, рожденной Мавромихали, 1 письмо къ ея сыну В. К. Анастасьеву, 12 писемъ къ Д. В. Стасову и 1 къ К. И. Званцеву. Большія выдержки изъ этого собранія были напечатаны В. В. Стасовымъ въ *Русской Старинѣ* за 1875—1878 годы, и тамъ же имъ весьма вѣрно опредѣлено ихъ значеніе. „Передъ читателемъ", говоритъ онъ,—„является исповѣдь души, записанная почти день за днемъ, исповѣдь юноши, полнаго блестящимъ дарованій, силъ, лучшихъ стремленій, борющагося съ трудною дѣйствительностью, то полнаго

унынія, недовѣрія къ самому себѣ, иногда даже отчаянія, то снова одушевленнаго, бодро и смѣло идущаго къ своей цѣли... Письма Сѣрова представляютъ, впрочемъ, не одну только картину его собственной, внутренней жизни. Въ нихъ нарисованъ также цѣлый уголокъ русской жизни сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, а также заключается отчетъ о всемъ, что тогда совершалось музыкальнаго въ русскомъ и даже вообще въ европейскомъ мірѣ".

4) Причисленный къ французскому министерству общественныхъ работъ г. А. Гиллуа (Antoine Guillois) принесъ въ даръ Библіотекѣ 49 собственноручныхъ писемъ знаменитаго воспитателя императора Александра I, Фридриха-Цезаря Лагарпа и его жены Доротеи Лагарпъ (рожденной Бётлингкъ) къ извѣстному французскому писателю Женгенѐ (Pierre-Louis Ginguené, р. 1748 † 1816) и его женѣ. Изъ числа этихъ писемъ шестнадцать писаны самимъ Лагарпомъ, пять Лагарпомъ и его женою, а двадцать-восемь одною г-жею Лагарпъ. Письма эти, относящіяся къ 1813—1825 и 1829 годамъ, представляютъ весьма интересный матеріалъ для біографіи Лагарпа за послѣднюю треть его жизни.

Кромѣ этихъ большихъ коллекцій, въ Библіотеку въ 1895 году поступили: а) продолженіе собранія писемъ разныхъ лицъ къ дѣйствительному тайному совѣтнику И. П. Корнилову въ количествѣ 62 писемъ отъ 38 лицъ; по времени письма эти относятся къ послѣднему десятилѣтію и касаются, главнымъ образомъ, учебнаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ; б) продолженіе доставляемой Германскимъ правительствомъ въ даръ Библіотекѣ коллекціи выдаваемыхъ имъ привилегій на разные изобрѣтенія, въ количествѣ 5.633 томовъ; в) принесенное въ даръ Библіотекѣ правительствомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ собраніе офиціальныхъ изданій, напечатанныхъ во второй половинѣ 1894 года и въ первой половинѣ 1895 года, въ количествѣ 264 томовъ; г) продолженіе доставляемой Великобританскимъ правительствомъ въ даръ Библіотекѣ коллекціи выдаваемыхъ имъ привилегій на разныя изобрѣтенія, въ количествѣ 224 томовъ.

Отдѣльныя пріобрѣтенія Библіотеки въ 1895 году состояли изъ произведеній печати и изъ рукописей.

По примѣру прежнихъ лѣтъ Библіотека продолжала, согласно по закону, получать издаваемыя въ предѣлахъ Имперіи книги, брошюры, повременныя изданія, ноты, географическія карты, гравюры и пр. изъ цензурныхъ учрежденій, а также отъ разныхъ вѣдомствъ, имѣю-

щихъ право безцензурнаго печатанія. Частныя лица и учрежденія, какъ отечественныя, такъ и заграничныя, своими пожертвованіями продолжали обогащать Библіотеку. Изъ числа приношеній со стороны частныхъ лицъ и заграничныхъ учрежденій значительнѣйшія по количеству томовъ, кромѣ упомянутыхъ выше цѣлыхъ коллекцій, были: отъ мѣщанина С. С. Носкова (281 тт.), отъ почетнаго члена Библіотеки графа И. Д. Делянова (210 тт.), отъ почетнаго корреспондента Библіотеки А. Н. Неустроева (200 тт.), отъ почетнаго члена Г. К. Рѣпинскаго (173 тт.), отъ почетнаго корреспондента Библіотеки Креля, въ Лейпцигѣ (140 тт.). отъ сенатора, тайнаго совѣтника А. Г. Вишнякова (136 тт.), отъ университетовъ: Гейдельбергскаго (86 тт.), Фрейбургскаго (86 тт.), Эрлангенскаго (85 тт.) и Іенскаго (84 тт.).

Изъ значительнаго количества печатныхъ изданій, какъ полученныхъ въ даръ, такъ и пріобрѣтенныхъ Библіотекой путемъ покупки, нѣкоторыя заслуживаютъ вниманія по рѣдкости, важности содержанія или цѣнности. Таковы: не имѣвшіяся доселѣ въ Библіотекѣ 5 старопечатныхъ изданій и 20 книгъ церковной печати XVIII вѣка; буддійскій палійскій канонъ, напечатанный въ 35 тт. въ Бангкокѣ въ 1893 — 1894 гг. по повелѣнію Сіамскаго короля и имъ присланный въ даръ; цѣнныя изданія по части исторіи искусства, по археологіи и по естественнымъ наукамъ, со множествомъ иллюстрацій; вновь изданные за границей обширные сборники историческихъ документовъ; старинныя иноязычныя сочиненія о Россіи и о Палестинѣ, пріобрѣтенныя въ дополненіе существующихъ въ Библіотекѣ спеціальныхъ отдѣловъ по этимъ частямъ, и т. д.

Въ числѣ отдѣльныхъ пріобрѣтеній рукописнаго отдѣленія, полученныхъ либо въ даръ, либо чрезъ покупку, многія также представляютъ значительный интересъ. Таковы: Литовскій статутъ и трибуналъ, переведенные съ польскаго языка на русскій въ комиссіи по составленію свода малороссійскихъ правъ, рукопись 1738 г.; нѣсколько сборниковъ, разнообразнаго содержанія, XVII—XIX вѣковъ; собраніе бумагъ придворнаго архитектора В. П. Стасова, любопытное для исторіи строительнаго дѣла въ Петербургѣ и его окрестностяхъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія; нѣсколько бумагъ Я. Я. Штелина; автографы Іосафата Кунцевича, К. Н. Батюшкова, Ѳ. И. Буслаева, князя П. А. Вяземскаго, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго, А. В. Кольцова, М. А. Корфа, А. С. Пушкина, А. Н. Сѣрова, И. С. Тургенева и многихъ другихъ извѣстныхъ лицъ.

Въ общемъ выводѣ, въ теченіе 1895 года въ Библіотеку поступило:

а) печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листовъ 33.325 сочиненій, въ 36.584 томахъ, въ томъ числѣ:

по закону цензурнымъ вѣдомствомъ доставлено, большею частію въ двухъ экземплярахъ	17.859	соч.	въ	18.365	тт.
по распоряженіямъ разныхъ учрежденій	3.285	„	„	3.652	„
истребовано Библіотекою своевременно въ нее не доставленныхъ отъ разныхъ учрежденій, мѣстъ и лицъ	540	„	„	610	„
частныхъ приношеній отъ 333 лицъ и учрежденій въ Россіи и за границей . . .	8.487	„	„	9.170	„
куплено самою Библіотекою	3.154	„	„	4.787	„

б) рукописей, автографовъ и актовъ .	1.098,	въ томъ числѣ:
частныхъ приношеній отъ 1 учрежденія и 23 лицъ	949	
куплено самою Библіотекою	149;	
в) эстамповъ и фотографій	1.895;	въ томъ числѣ:
изъ цензурныхъ установленій	1.336	
подаренныхъ отъ 8 лицъ	19	
купленныхъ самою Библіотекою . . .	540	
г) географическихъ картъ и плановъ .	59	
д) нотъ	932;	въ томъ числѣ:
изъ цензурныхъ учрежденій	904	
купленныхъ самою Библіотекою . . .	28	

Обычныя библіографическія работы продолжались въ Библіотекѣ безпрерывно. Всѣ вновь поступившія книги заносились въ каталоги инвентарный и алфавитный; въ систематическій же каталогъ онѣ вносились въ тѣхъ отдѣленіяхъ, въ которыхъ таковой каталогъ былъ заведенъ. Въ богословскомъ отдѣленіи продолжалось описаніе старыхъ, остававшихся не каталогизованными книгъ. Въ отдѣленіи филологіи приступлено къ составленію систематическаго каталога. Въ историческомъ отдѣленіи приступлено къ составленію общаго алфавитнаго каталога всѣхъ сочиненій о Палестинѣ. Этотъ отдѣлъ, основаніемъ

котораго послужила извѣстная библіотека Тоблера, постоянно пополняемый, можно считать единственнымъ въ Россіи.

Всѣ вновь поступавшія рукописи были описываемы и заносимы въ инвентарный каталогъ; наконецъ, былъ продолжаемъ разборъ еврейско-арабскихъ рукописей втораго собранія Фирковича, поступившаго въ Библіотеку въ 1876 году, при чемъ въ 1895 г. описано 318 рукописей и отрывковъ.

Издано подъ наблюденіемъ и съ примѣчаніями библіотекаря рукописнаго отдѣленія И. А. Бычкова хранящееся въ Библіотекѣ обширное и любопытное собраніе писемъ В. А. Жуковскаго къ Александру Ивановичу Тургеневу (съ 1805 по 1844 годъ).

О пользованіи Библіотекой въ теченіе 1895 года можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

Выдано было билетовъ для занятій въ Библіотекѣ 14.284 (въ 1894 году 13.267), въ томъ числѣ особамъ женскаго пола 2.539 (въ 1894 году 2.289). Читателей было въ общей читальной залѣ 134.956 (въ 1894 году 125.924). Потребовано книгъ изъ отдѣленій: старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ и книгъ на славянскихъ языкахъ, печатанныхъ кириллицей и гражданскимъ шрифтомъ, 160 томовъ (въ 1894 году 192 тома), на русскомъ языкѣ 59.071 томъ (въ 1894 году 53.893 тома) и на иностранныхъ языкахъ 17.171 томъ (въ 1894 году 15.752 тома); изъ библіотеки при читальной залѣ 186.888 томовъ (въ 1894 году 173.128 томовъ), въ томъ числѣ на русскомъ языкѣ 175.746 томовъ (въ 1894 году 162.475 томовъ) и на иностранныхъ языкахъ 11.142 тома (въ 1894 году 10.653 тома); повременныхъ изданій 55.788 нумеровъ (въ 1894 году 51.546 нумеровъ), въ томъ числѣ на русскомъ языкѣ 50.282 нумера (въ 1894 году 45.993 нумера) и на иностранныхъ языкахъ 5,506 нумеровъ (въ 1894 году 5.553 нумера). Общее количество томовъ книгъ и нумеровъ повременныхъ изданій, бывшихъ въ обращеніи въ читальной залѣ, составляетъ 354.131 томъ и нумеръ (въ 1894 году 326.926 томовъ и нумеровъ).

Въ теченіе 1895 года было отказано въ отдѣленіяхъ по 9.867 требованіямъ (въ 1894 году по 9.004 требованіямъ), въ томъ числѣ: въ отдѣленіи старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ и книгъ на славянскихъ языкахъ, печатанныхъ кириллицей и гражданскимъ шрифтомъ, по 54 требованіямъ (въ 1894 году по 66 требованіямъ); въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 3.799 требова-

ніямъ (въ 1894 году по 3.840 требованіямъ); въ отдѣленіяхъ книгъ на иностранныхъ языкахъ по 6.014 требованіямъ (въ 1894 году по 5.098 требованіямъ); изъ библіотеки при читальной залѣ по 12.937 требованіямъ (въ 1894 году по 11.432 требованіямъ), въ томъ числѣ по 4.879 требованіямъ повременныхъ изданій (въ 1894 году по 4.190 требованіямъ). Причинами значительнаго количества отказовъ по выдачѣ повременныхъ изданій является, съ одной стороны, не смотря на принимаемыя мѣры, позднее ихъ поступленіе въ Библіотеку, а другой—одновременное заявленіе нѣсколькими лицами требованій на одинъ и тотъ же нумеръ изданія.

Изъ отдѣленій было отказано за неимѣніемъ сочиненій въ Библіотекѣ и за неполученіемъ книгъ въ моментъ ихъ требованія изъ цензурныхъ установленій по 4.340 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 150 требованіямъ (въ 1894 году по 3.746 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 106 требованіямъ); по случаю требованія одной и той же книги по 575 требованіямъ, въ томъ числѣ по отдѣленію книгъ на русскомъ языкѣ по 336 требованіямъ (въ 1894 году по 477 требованіямъ, въ томъ числѣ по отдѣленію книгъ на русскомъ языкѣ по 293 требованіямъ); за выдачею потребованныхъ сочиненій въ чтеніе другимъ посѣтителямъ Библіотеки по 3.041 требованію, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 2.423 требованіямъ (въ 1894 году по 2.879 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 2.453 требованіямъ); за отдачею книгъ въ переплетъ по 392 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 212 требованіямъ (въ 1894 году по 488 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 334 требованіямъ); по случаю требованія книгъ запрещенныхъ и особенно рѣдкихъ по 348 требованіямъ (въ 1894 году по 378 требованіямъ); за неполученіемъ сочиненій, заказанныхъ за границею, по 151 требованію (въ 1894 году по 138 требованіямъ); по разнымъ причинамъ, какъ напримѣръ: требованіе сочиненій, никогда не появлявшихся въ печати, романовъ, не выдаваемыхъ въ чтеніе по уставу Библіотеки, требованія неопредѣленныя, неточныя, неразборчиво написанныя, за нахожденіемъ книгъ въ библіотекѣ при читальной залѣ и т. п., по 1.002 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 603 требованіямъ (въ 1894 году по 841 требованію, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 498 требованіямъ).

Въ отдѣленіе рукописей было допущено къ занятіямъ 121 лицо, и ими вытребовано въ чтеніе 1.504 рукописи (въ 1894 году получили разрѣшеніе заниматься 108 лицъ, и ими вытребовано въ чтеніе 1.535 рукописей). Въ отдѣленіи старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ занималось 33 лица, вслѣдствіе требованія ими рѣдкихъ изданій; этимъ лицамъ было выдано въ чтеніе 235 томовъ (въ 1894 году 40 лицамъ было выдано въ чтеніе 313 томовъ).

Въ 1895 году, съ Высочайшаго разрѣшенія, было выслано 36 принадлежащихъ Библіотекѣ рукописей въ разные ученые учрежденія въ Россіи и за границей. Равнымъ образомъ, нѣсколько учрежденій пользовались внѣ Библіотеки ея печатными книгами.

Обозрѣвали Библіотеку въ назначенные для того дни 3.100 человѣкъ (въ 1894 году 1.818 человѣкъ).

Западный фронтонъ Пароенона. Реконструкція Шверцека.

дѣйствительно въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ между фигурами A и V и слѣдующими (къ центру) затѣмъ группами обоихъ крыльевъ фронтона въ рисункѣ Каррея замѣчаются одинаковые пробѣлы. Если у Каррея и нарисованы какъ отлогій, такъ и горизонтальный гисонъ лѣвой половины западнаго фронтона, то врядъ ли мало-мальски опытный наблюдатель подумаетъ, что въ этомъ отношеніи рисунокъ соотвѣтствуетъ тогдашнему реальному состоянію—Каррей въ данномъ случаѣ не слѣдовалъ дѣйствительности, какъ онъ это сдѣлалъ, рисуя восточный фронтонъ, а только намѣтилъ гисоны, каковыми они должны были быть въ свое время. Что онъ не придавалъ значенія точному воспроизведенію этихъ частей въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ находились предъ нимъ, ясно видно изъ того, что гисоны правой половины, нарисованной на другомъ листѣ, совершенно опущены (часть отлогаго гисона, поскольку онъ виденъ на рисункѣ съ лѣвой половины фронтона, намѣченъ лишь нѣсколькими параллельными штрихами) [1]), а равно изъ того, что горизонтальный гисонъ, считая отъ внѣшняго края первой метопы до середины, у него состоитъ изъ $15^1/_2$ плитъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ было $14^1/_2$ [2]). Винить Каррея въ такой неточности нельзя — то, что важно для археолога исходящаго XIX вѣка, художнику XVII вѣка могло казаться совершенно не важнымъ, да врядъ ли и нынѣ рисовальщикъ отнесся бы къ такой побочной детали педантично, если абсолютная точность не была бы ему поставлена въ непремѣнное условіе.

Невольное, хотя и не вполнѣ соотвѣтствующее дѣйствительности дополненіе французскаго художника тѣмъ не менѣе можетъ косвенно сослужить намъ службу: разумѣется, всякому археологу извѣстно, что отношеніе между высотою фронтона и его длиною у Каррея не соотвѣтствуетъ дѣйствительному отношенію (у Каррея фронтонъ круче), а это зависитъ отъ того, что художникъ нарисовалъ сохранившіяся до него фигуры, какъ онѣ представлялись глазу зрителя, находящемуся приблизительно противъ середины фасада зданія. Въ справедливости этого можно убѣдиться по фотографіямъ Пареенона даже въ теперешнемъ его видѣ; однако, рисунокъ Каррея, помѣщенный въ многочисленныхъ изданіяхъ, можетъ подтвердить высказанное и тому,

---

шая въ горизонтальномъ; см. таблицу, приложенную къ тексту „Der Parthenon“ Михаэлиса.

[1]) См. факсимиле съ рисунковъ Каррея въ Antike Denkmäler табл. 6 и 6 A.

[2]) Въ данномъ случаѣ приняты во вниманіе всѣ плиты, изъ которыхъ состоялъ гисонъ.

кто не имѣетъ теоретическихъ свѣдѣній о размѣрахъ храма и не располагаетъ соотвѣтствующими фотографіями: косо поставленныя на нижней сторонѣ гисона черты, намѣченныя Карреемъ и обозначающія границы между отдѣльными плитами, а равно уменьшеніе послѣднихъ отъ центра къ углу наглядно показываютъ, что художникъ представилъ фронтонъ въ своемъ рисункѣ перспективно [1]), а изъ этого слѣдуетъ, что промежутки между фигурами A и B съ одной стороны, U и V съ другой были на самомъ дѣлѣ довольно значительны, если они замѣтны были Каррею даже при его положеніи.

Слѣдовательно, показаніе Каррея приводитъ къ заключенію, что уже и въ его время кромѣ коней Посидона не доставало еще двухъ фигуръ въ западномъ фронтонѣ.

Противъ вѣрности рисунка, Каррея, по видимому, свидѣтельствуетъ помѣченный уже 1678 годомъ рисунокъ „анонима", который раньше на ряду съ французскимъ художникомъ пользовался довѣріемъ (эскизы прочихъ рисовальщиковъ для установленія числа фигуръ никогда не имѣли значенія). Однако, послѣ того какъ Фуртвенглеръ убѣдительно, по моему мнѣнію, выяснилъ, что эскизъ анонима—набросокъ не съ натуры, а представляетъ лишь неумѣлую и тенденціозную копію съ Каррея [2]), я не считаю нужнымъ останавливаться на критикѣ этого рисунка, тѣмъ болѣе, что надѣюсь съ помощью сохранившихся на горизонтальномъ гисонѣ слѣдовъ доказать справедливость заключенія, выведеннаго на основаніи рисунка Каррея. Оставляю также въ сторонѣ мнѣнія различныхъ авторовъ, отвѣтившихъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ на спорный вопросъ въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ [3]), и буду имѣть въ виду лишь такихъ, которые высказали свой взглядъ послѣ тщательнаго изслѣдованія слѣдовъ фигуръ на гисонѣ, произведеннаго Зауэромъ—изслѣдованія, давшаго болѣе реальную почву для опредѣленія числа фигуръ, украшавшихъ нѣкогда тимпаны Пароенона [4]).

---

[1]) См. Antike Denkmäler табл. 6, 2.

[2]) Meisterwerke der griech. Plastik стр. 223: „...die des sog. Nointel'schen Anonymus ist wertlos, da sie nur eine alte, aber höchst ungeschickte, steife und fehlerhafte Kopie nach Carrey ist, welche versucht das in Carrey's zwei getrennten Originalblättern Gegebene zu einem Gesammtbilde der Tempelfassade zu vereinigen. Dies hatte schon Petersen richtig erkannt (Fleckeisens Jahrbücher 1872, 296. 307)". На слѣдующихъ страницахъ идетъ доказательство этого положенія.

[3]) См. у Фуртвенглера Meisterwerke стр. 225 прим. 1.

[4]) См. Antike Denkmäler табл. 58 A, 58 B и 58 C и текстъ стр. 48—51, а также Ath. Mittheilungen 1891 стр. 59 и слѣд.

Самъ Зауэръ отрицаетъ, что между фигурами, обозначаемыми для простоты U и V, когда либо помѣщалась еще одна [1]). Къ нему примкнули Шверцекъ и Вицеманъ. Подробная статья послѣдняго, напечатанная въ школьной программѣ [2]), не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія и можетъ быть рекомендована только какъ сжатое, но вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстное изложеніе предшествующей литературы вопроса (Meisterwerke Фуртвенглера, правда, онъ не знаетъ), а потому ограничусь лишь упоминаніемъ о ней [3]). Аргументы Шверцека носятъ слишкомъ субъективный, а въ то же время и аподиктическій характеръ, такъ что и на нихъ не придется долго останавливаться. „Что между фиг. T и фиг. V не было какой либо еще статуи", замѣчаетъ онъ на стр. 31, „въ томъ я достаточно убѣдился при помощи опытовъ; даже дѣтская фигура рядомъ съ фуг. U въ силу переполненія пространства производила бы непріятное впечатлѣніе, вмѣстѣ съ тѣмъ съ другой стороны слѣды гисона не позволяютъ сблизить статуи". Второго аргумента онъ далѣе не касается, полагая, повидимому, что Зауэръ уже доказалъ справедливость такого мнѣнія; что же касается перваго довода, то нѣсколько ниже у него сказано: „Еслибъ это пространство [то-есть послѣ U], а также соотвѣтствующее между фиг. A* и B, было совершенно заполнено, то образовалось бы довольно безстильное накопленіе статуй, который gewiss keinem künstlerisch geübten Auge angenehm erscheinen würde". Промежутокъ между A* и B, какъ выше было уже упомянуто, созданъ самимъ Шверцекомъ, притомъ совершенно произвольно; вмѣстѣ съ тѣмъ авторитетъ скульптора оказался недостаточнымъ, чтобы послѣднимъ замѣчаніемъ заставить молчать критиковъ—Фуртвенглеръ въ своей рецензіи (столб. 1594) не стѣсняется сказать: „Die beiden Lücken,

---

[1]) Фуртвенглеръ, Meisterwerke стр. 226 замѣчаетъ: „Zwar ist Bruno Sauer in dem Kommentar zu seinen überaus verdienstlichen Aufnahmen der in den Giebelfeldern noch vorhandenen Spuren (Antike Denkm. I 58. Ath. Mitth. XVI Taf. 3, S. 59 ff.) von der herrschenden Meinung ausgegangen, welche in der rechten Giebelhälfte glaubt dem Anonymus folgen und die Lücke läugnen zu dürfen. Allein diese Spuren helfen uns eben jene Meinung zu widerlegen".

[2]) Die Giebelgruppen des Parthenon. Programm des Königl. Realgymnasiums in Stuttgart am Schlusse des Schuljahres 1894/5, Stuttgart 1895, 54 стр. 4°.

[3]) Зауэръ въ Wochenschr. f. klass. Philol. за 1897 г. столб. 89 и слѣд. заканчиваетъ разборъ упомянутыхъ двухъ работъ слѣдующимъ образомъ: „...vergleichen lassen sie sich kaum, denkt man aber ans Ganze, an die Bedürfnisse der Forschung, so muss man sagen: lieber jenen Dilettantismus (З. имѣетъ здѣсь въ виду отзывъ Фуртвенглера о Шверцекѣ) als diese Gelehrsamkeit".

besonders die rechts, wirken natürlich abscheulich..." и далѣе: „allein zwischen A* und B hat nur er eine künstliche Lücke geschaffen; zwischen U und V aber klafft ein Loch". Полагаю, что при безпристрастномъ разсмотрѣніи реконструкціи Шверцека нельзя не согласиться съ Фуртвенглеромъ.

Серьезно считаться приходится только съ Зауэромъ, такъ какъ онъ свое опредѣленіе числа фигуръ полагаетъ обоснованнымъ слѣдами гисона. Въ томъ мѣстѣ лѣваго крыла, гдѣ послѣ угловой фигуры у Каррея замѣтенъ пробѣлъ, и онъ подобно другимъ изслѣдователямъ предполагаетъ утраченную статую A*. Послѣ нея вправо передъ B онъ, конечно, не оставляетъ свободнаго мѣста какъ Шверцекъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что между U и V не было достаточно мѣста еще для одной статуи [1]). Но у Каррея и здѣсь замѣчается пробѣлъ; стало быть, если Зауэръ правъ, то рисунокъ Каррея не точенъ. Надѣюсь, однако, что сказанное выше въ достаточной степени выяснило, что мы a priori имѣемъ основаніе относиться къ французскому художнику съ довѣріемъ [2]), а потому ничего больше не остается какъ тщательно прослѣдить аргументацію нѣмецкаго археолога, не кроется ли ошибка у него.

Обратимся сперва къ мужской фигурѣ V. У Зауэра она дорисована такъ, что захватываетъ часть плиты 21, правда очень небольшую; однако слѣдъ ея лѣвой руки на поверхности гисона позади женщины W, который служитъ наиболѣе точнымъ опредѣленіемъ фиг. V во фронтонѣ, доказываетъ, что Зауэръ слишкомъ далеко отодвинулъ ее отъ W: слѣдъ лѣвой руки ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что такъ называемый Илиссъ всею ладонью опирался на гисонъ; если же попробовать соединить его лѣвое плечо съ этимъ слѣдомъ, то обнаружится, что рука будетъ слишкомъ длинна. Итакъ необходимо фиг. V придвинуть ближе къ W, какъ это мы видимъ у Каррея, но въ

---

[1]) См. описаніе соотвѣтствующихъ плитъ гисона въ Antike Denkmäler и Ath. Mitth.

[2]) Напомнимъ, что точность рисунковъ Каррея признана была уже Михаэлисомъ, Parthenon стр. 102: „Dass Carrey als echtes Kind seiner Zeit und als Zögling einer manierirten Schule für die stilistische Beurtheilung im einzelnen werthlos ist, lehrt ein flüchtiger Blick auf seine Blätter.... Sonst ist seine *Correctheit in der Disposition der Figuren, in der Beobachtung der gehörigen Entfernungen derselben von einander*, bei der Kürze der ihm zu Gebote stehenden Zeit höchst anerkennenswerth".

такомъ случаѣ она уже не захватитъ правымъ колѣномъ 21-й плиты, какъ это допускаетъ еще Фуртвенглеръ [1]).

Вправо отъ центра граница сидящей женщины T опредѣляется двумя отверстіями наиболѣе близкими къ внѣшнему краю плиты 20. Такимъ образомъ для фигуры U, не дошедшей до насъ, но виденной еще Карреемъ, остается не менѣе $1^{2}/_{3}$ плиты, что, очевидно, слишкомъ много.

Судя по рисунку Каррея, фиг. U соотвѣтствовала фигурѣ D лѣваго крыла того же фронтона, къ сожалѣнію тоже не дошедшей до насъ; но помѣщаясь на плитѣ 7, она была ближе къ центру (фиг. U стояла на 20 и 21, то-есть на 5 и 6 плитѣ, считая справа), должна была размѣрами превосходить фигуру U, все же не занимала всей плиты; стало быть для U было бы, пожалуй, достаточно и $^{3}/_{4}$ плиты, а въ такомъ случаѣ между ней и фигурой W остается болѣе $^{3}/_{4}$— почти вся плита 21, внѣшняя половина которой отколота. На этомъ мѣстѣ, несомнѣнно, стояла когда-то еще одна фигура, которую уже до Каррея постигла подобная же судьба, какъ фиг. A* западнаго и N, то-есть Селину восточнаго фронтона.

Фуртвенглеръ свой выводъ (Meisterwerke, стр. 226) формулируетъ такъ: „Здѣсь [то-есть между фиг. T и U] слѣдуетъ необходимо предположить группу изъ двухъ фигуръ, тѣсно связанныхъ между собою. На это, вѣдь, указываетъ уже положеніе [die Haltung] U у Каррея, которое было бы совершенно непонятно, еслибъ эта фигура не прислонялась верхнею частью туловища къ другой, которую въ пробѣлѣ слѣдуетъ дополнить; мы ее называемъ U[1]". При дальнѣйшемъ ходѣ своего изслѣдованія Фуртвенглеръ, занимаясь толкованіемъ фронтонныхъ статуй, называетъ утраченную фигуру U[1] царемъ Эрехѳеемъ. Я иду еще дальше и надѣюсь доказать, что отъ этой фигуры дошли до насъ даже фрагменты. Но оставляю этотъ вопросъ пока въ сторонѣ, такъ какъ онъ связанъ съ другими, о которыхъ рѣчь еще впереди.

Вл. Мальмбергъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Meisterwerke стр. 226.

О НѢКОТОРЫХЪ ТИПАХЪ РИМСКИХЪ МЕТРИЧЕСКИХЪ НАДГРОБІЙ [1]).

III.

Elogium autobiographum.

По количеству случаевъ своего примѣненія, особенно въ первые три вѣка имперіи, и этотъ типъ занимаетъ среди прочихъ далеко не послѣднее мѣсто [2]).

Въ греческихъ метрическихъ надгробіяхъ древнѣйшаго періода, до V вѣка до Р. Х. включительно, форма „біо"-и "автобіографіи" употребительна какъ сама по себѣ [3]), такъ и особенно въ соединеніи съ „обращеніемъ къ путнику" [4]); но рядомъ съ нею, и чаще [5]) въ не-аттическихъ эпитафіяхъ, уже въ помянутый архаическій періодъ примѣняется форма „повѣсти отъ лица *надгробнаго камня*": στήλη (σῆμα, μνήμη) εἰμὶ τοῦ δεῖνα, etc., типъ *совершенно почти незнакомый* римскимъ надгробіямъ [6]).

---

[1]) *Окончаніе*. См. іюльскую кн. *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1898 годъ.

[2]) Въ сборникѣ нашемъ на общее количество находится около 820 примѣровъ elog. autobiographum, то-есть около 23°|о, процентъ довольно близкій къ предыдущему, вышеразобранному типу „обращенія къ путнику".

[3]) *Hoffmann*, Syll. n. 7. *59; *Preger*, Inscr. gr. metr. n. 5. 8.

[4]) *Koch*, de tit. gr. p. 5; *Hoffmann*, Syll. nn. 2. 13. 22. 42. 55. 66; *Preger*, Inscr. gr. metr. nn. 6*a*. 21.

[5]) *Loch*, op. c. p. 2. 3. 7. 8; *Preger*, Inscr. gr. metr. proll. p. XV.

[6]) Ср. выше стр. 42. Въ n. 268 (христ.) ст. 1: hic *mihi* cara pio *tegitur* coniux ecce *sepulcro* конечно едва ли кто рѣшится соединять mihi sepulcro tegitur; въ n. 343 (христ.) ст. 1 sq.: *iste* tuum *loquitur*, Petronia, nomen iam *titulus*—ничего общаго съ греческимъ шаблономъ не имѣетъ; въ n. 853 оригинальна повѣсть отъ лица „праха" усопшаго: Thetidis componimur ossa, при чемъ „прахъ" обращается къ надгробному камню: tibe, dure lapis; въ n. 879 *a me* и *voci nostrae*

Это обстоятельство тѣмъ болѣе любопытно, что типъ „повѣсти отъ лица предмета, носящаго надпись"—*чрезвычайно древній* среди латинскихъ надписей, даваемый уже древнѣйшими образцами эпиграфической письменности, напримѣръ фибулой Манія-Нумасія: Manios med fhefhaked Numasioi [1]) и сосудомъ Дуэна: Duenos med feced en manom [2]), памятниками первыхъ двухъ столѣтій республики, затѣмъ

относится къ покойному, а не къ памятнику; пп. 1158*a*: *tumulus* iste *docet*, 1197: *hic tumulus*... nec nimium *iactat* и под.—той же категоріи, что и п. 848.

[1]) C. XIV, 4123; *Egbert*, Introduction to the study of Latin inscr., p. 265; *Lindsay*, Handbook of Lat. inscr. Lond. 1897, p. 18.

[2]) *Egbert*, op. c. p. 16. 346; *Lindsay*, op. c. p. 19; неумѣстный скептицизмъ Кобета нашелъ себѣ въ нашей литературѣ защитника въ лицѣ *Нетушила*, *Филол. Обозр.* 1896, XI, p. 121—126. По мнѣнію почтеннаго знатока римской древности, въ надписи Дуэна *все* уличаетъ фальсификатора: и *письмо*, и *языкъ*.—Уже прежде всего то обстоятельство, что Кобетъ-эллинистъ въ своемъ сомнѣніи никѣмъ изъ наиболѣе крупныхъ авторитетовъ-латинистовъ не былъ поддержанъ, должно-бы заставить всякаго скептика вооружиться солидными доказательствами подделки; но этой-то солидности мы у скептиковъ и не находимъ.

Въ письмѣ надписи И. В. Нетушилъ указываетъ 1) на очень рѣдкую форму P = R, составляющую, по его мнѣнію, намѣренный гиперархаизмъ фальсификатора; но въ виду присутствія въ халкидскомъ алфавитѣ *обоихъ* начертаній (*Hübner*, röm. Epigr. Iw. Müll. I p. 646) — врядъ-ли можно утверждать, что латинское R имѣло всегда *только* эту форму; ср. еще *Egbert*, op. c. p. 24; 2) въ словѣ DIENOINE теперь уже видятъ I, а не Z (dzenoine), какъ еще читаетъ И. В. Нетушилъ, видя и здѣсь гиперархаизмъ; такое I, похожее то на Z, то на S, встрѣчается хотя рѣдко и впослѣдствіи, даже на мраморѣ, гдѣ стилизація буквъ гораздо строже: VSTA = vita, Bücheler C. Ep. n. 1285; нашего сборника n. 221 и др.; да уже если фальсификаторъ и хотѣлъ бы непремѣнно архаизировать надпись этимъ раритетомъ, то у него Z было бы болѣе похоже на z, а не на I, какъ въ надписи; 3) въ словѣ PAKARI нельзя ручаться за вѣрное чтеніе 3-й буквы: это можетъ быть C, можетъ быть K, а можетъ быть еще и нѣчто другое; въ словѣ FEKED имѣемъ довольно опредѣленное K; что фальсификаторъ сначала написалъ *pacari* а потомъ „спохватился и исправилъ" себя въ *pakari*—мало вѣроятно; такъ поступилъ, правда, писавшій Дуиліеву надпись въ словѣ navebos(bus), но то была мраморная доска; а фальсификаторъ глинянаго горшка, замѣтивъ, что „выдаетъ", себя бросилъ бы этотъ горшокъ и сдѣлалъ бы другой; для такой „работы", каковъ Дуэновъ сосудъ—это очень не трудно; зато формы другихъ буквъ, особенно A, D, M, P, производятъ впечатлѣніе подлинной древности

Въ языкѣ надписи, думается намъ, еще меньше причинъ видѣть поддѣлку. Въ сущности говоря, только послѣдняя фраза: Duenos med feked-statod производитъ впечатлѣніе писанной по латыни, а остальная часть текста очень можетъ принадлежать одному изъ мало извѣстныхъ намъ діалектовъ (pakari = pakrem, *Lindsay*, op. cit. p. 20), въ родѣ извѣстной Марсійской бронзы Каво Кантовія; гдѣ только приписка pro legionibus martses сдѣлана по латыни. А въ такомъ слу-

извѣстною цистой Фикорони: Novios Plautios med Romai fecid [1]), нѣкоторыми изъ пренестійскихъ *sortes* [2]), и др.

Но всѣ эти примѣры не выходятъ за предѣлы такъ называемаго *instrumentum*; да и въ этомъ классѣ они очень рѣдки; греческое вліяніе (ὁ δεῖνα μ' ἐποίησε) [3]), прямое или косвенное (мастера-ученики), предполагать въ нихъ хотя и не необходимо, но очень возможно.

Переходя на почву собственно латинской эпиграфики, отмѣтимъ прежде всего, что какъ и вышеразобранный типъ „обращенія къ путнику", появившійся въ видѣ надгробной эпиграммы, по всей вѣроятности, не ранѣе періода возникновенія въ Римѣ подражательной литературы [4]), такъ и этотъ „elogium autobiographum" есть сравнительно позднее явленіе, хотя, какъ мы уже отмѣтили выше [5]), до-Пакувіевской эпохи. Повѣсть отъ лица „надгробнаго камня"—не въ духѣ латинской эпиграфики; повѣсть отъ лица „предмета носящаго надпись"—въ виду своей принадлежности только „instrumentum"—врядъ-ли могла подготовить въ сильной степени почву для нашего типа; его естественный предшественникъ поэтому скорѣе всего поэтическій элогій *повѣствовательнаго* типа [6]), только реторизированный 1-мъ лицомъ, подъ вліяніемъ соотвѣтствующаго греческаго типа.

чаѣ *нельзя* ручаться, что *noisi* и *vois* непремѣнно = nisi и vis, и видѣть въ нихъ дѣйствительно нелѣпые гиперархаизмы. И „во время открытія надписи", вѣроятно, знали, что напримѣръ *vis* вовсе не = volis, vols, а = 2 л. ед. чис. изъяв. накл. отъ темы *vi* (in-vi-tus). *Asted* и *ast* едва-ли могутъ быть сопоставлены. И такимъ образомъ „непонятный языкъ" надписи объясняется просто недостаточностью еще нашего діалектическаго глоссарнаго и морфологическаго запаса, и никакой „порчи языка" тутъ нѣтъ; зачѣмъ понадобился почтенному ученому такой саркастическій *ребусъ*, какой извлекаетъ онъ изъ нашего текста на стр. 124—не понимаемъ. А переходность формы *statod* развѣ не доказывается, помимо dies status, еще и Juppiter *Stator*?

[1]) *Egbert*, op. c. p. 264; *Lindsay*, op. c. p. 30; *Ricci*, Epigrafia lat. Mil. 1898, post p. 280, tav. LII.

[2]) *Schneider*, diall. Itt. exx. p. 100, n. n. 378. 380—383; *Ritschl*, Die lat. sortes, Opusc. IV, p. 395—426.

[3]) Ср. любопытные тексты n. 831, 4 и B 935, 13; *Larfeld*, Griech. Epigraph. w. Müll. I² p. 597, § 212; *Loch*, op. cit. p. 5; *Hoffmann*, Syll. n. n. 1. 6. 7. 8. 9, all.

[4]) См. выше, стр. 40; *Schanz*, Röm. Litt. I² (1898) p. 119, § 63.

[5]) См. выше, стр. 18.

[6]) Насъ удивляетъ, что и въ новѣйшее время (напримѣръ у *Шанца*, op. cit. p. 20 not. „die nenia")—дѣлается сопоставленіе этого *повѣствовательнаго элогія* съ *неніей*, гдѣ, какъ видно хотя-бы изъ поздняго образца въ „Apocolocyntosis",

Нельзя, думается намъ, не придавать нѣкотораго значенія тому обстоятельству, что *первый* по времени примѣръ нашего типа мы находимъ опять таки связаннымъ преданіемъ съ именемъ *поэта-филэллина*, то-есть Эннія, въ его вышеразобранной [1]) надгробной эпиграммѣ, и притомъ именно въ ея второй части, за которой имя Эннія закрѣпляется преданіемъ особенно настойчиво: nemo me lacrumis decoret, etc. Мы также указывали выше на смѣшанность композиціи эпиграммы Эннія (повѣствовательно-указательный типъ + „автобіографія“) и приводили примѣры [2]) такой композиціи изъ послѣдующихъ періодовъ; принимая во вниманіе prius сравнительно съ Энніемъ существованія надгробнаго элогія *нарративнаго* типа, выйдетъ, что его собственная эпиграмма шагнула впередъ даже и не особенно много, конечно не считая совершенно новой формы—дистиха: aspicite o cives = *apud vos*; hic panxit = *hic fuit*; nemo me l. decoret = *ne quairatis* [3]); остается такимъ образомъ только реторизація *3-го лица въ 1-е*, не безъ вліянія вышеприведенной соотвѣтственной эпиграммы Солона: μηδέ μοι ἄκλαυστος etc.

Читатель, вѣроятно, уже догадывается, что мы бы не прочь счесть Эннія и *эпонимомъ* даннаго типа, пока конечно не найдется примѣръ elogii autobiographi изъ болѣе древняго періода; но тутъ необходимо обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое на первый взглядъ можетъ уменьшить вѣроятность такого предположенія. Мы разумѣемъ

θρῆνος былъ органической частью, тогда какъ elogium древнѣйшаго типа ничего почти, кромѣ собственныхъ именъ и сухаго перечня „honores“, съ самой шаблонной „laus“, не представляетъ; связь надгробнаго элогія съ „indices imaginum“ гораздо вѣроятнѣе (*Teuffel*, R. L. I[5] p. 124 § 81, *Hübner*, Röm. Epigr. p. 686 § 46): здѣсь уже по меньшей мѣрѣ три общихъ элемента: *nomina*, *филіація* и *honores*. А въ такомъ случаѣ надгробный элогій повѣствовательнаго типа, въ родѣ обѣихъ древнѣйшихъ Сципіоновыхъ эпитафій, не столько плодъ „hellenisirende Richtung der Scipionen“ (*Teuffel*, op. cit. I p. 127, 7), сколько естественная эволюція древнѣйшаго типа латинскаго надгробія, состоящаго изъ „nomina“ въ Nom. и краткой квалификаціи покойнаго (*Cagnat*, Cours d'épigr. p. 252); слѣдующая ступень будетъ „laudatio funebris“, гдѣ новѣйшіе изслѣдователи рѣшительно отрицаютъ греческое происхожденіе (*Vollmer*, laud. fun. Lips. 1891 p. 451 ex. seors. expr.). Что „man zweifelt jetzt nicht mehr daran, dass *die metrischen Grabschriften* ein auf römischen Boden verpflanztes *griechisches* Gewächs sind“ (*Jordan*, Krit. Beitr. p. 187)—можно сказать *не о всѣхъ* типахъ римскихъ метрическихъ надписей.

[1]) См. выше, стр. 31 сля.

[2]) См. выше, стр. 36.

[3]) Хотя по времени она и позже Энніевой, но „обращеніе“ зато древнѣе.

фрагментъ C. I, 37 (n. 1087; B n. 10), представляющій изъ себя доселѣ совершенную загадку.

Такъ какъ при всемъ своемъ незначительномъ объемѣ онъ признается принадлежащимъ къ сатурнову метру, то намъ приходится теперь сказать нѣсколько словъ о вышеприведенномъ мнѣніи Вёльфлина [1]), приписывающаго нѣкоторыя „elogia Scipionum" Эннію. Въ своей вышеупомянутой статьѣ „de Scipionum elogiis" (Rev. de Philol. 1890, XIV, p. 113—122) Вёльфлинъ даетъ краткій критико-филологическій анализъ текста элогіевъ Барбата и его сына, указываетъ на довольно общепризнанное палеографическое posterius элогіевъ сравнительно съ красными tituli, ссылается на сдѣланное ему указаніе Гюльзена, что начертанія обоихъ элогіевъ „multum distant a temporibus belli Punici primi", сопоставляетъ элогій „honc oino" съ элогіемъ Атилія Калатина, который и считаетъ оригиналомъ для перваго, отмѣчаетъ нѣсколько „грецизмовъ" въ текстѣ элогіевъ—и приходитъ къ выводу, что элогій „honc oino" написанъ около 200 года до Р. Хр.; за нимъ послѣдовалъ элогій Барбата—отца, и что авторомъ ихъ „ille Scipionum laudator", то-есть Энній. Гораздо подробнѣе и доказательнѣе развита та же мысль Вёльфлиномъ въ обширной статьѣ „die Dichter der Scipionenelogien" (Sitzungsber. der bayerisch. Akad. 1892, p. 188—219), и уже опредѣленно установленъ выводъ, что Эннію принадлежатъ, вѣроятно, даже *три* элогія: Барбата, его сына, и „quei apice", а „magna sapientia"—его племяннику и „ученику" Пакувію.

Въ этой живо написанной и талантливой (какъ и все выходящее изъ подъ пера Вёльфлина) статьѣ есть однако и слабая сторона, на которую мы и указали выше,—*метръ элогіевъ*. Но и помимо этого, думается намъ, и въ формулировкѣ самой причины появленія элогіевъ авторъ допустилъ не мало натяжекъ. Битва при Замѣ, говоритъ онъ, доставила Сципіонамъ „den Höhepunkt des Ruhmes". Ослѣпленные ею, они задумали довольно непочтенное дѣло: „den Stammbaum möglichst aufzuputzen, und die Familienchronik mit neuen Illustrationen zu verzieren", то-есть задумали, проще говоря, „фальсификацію", хотя и дозволенную („das war ja nichts Unerlaubtes"): заказали Эннію элогій для „дѣда" („honc oino"), а „прадѣду"—Барбату вырѣзали на его саркофагѣ [2]) $1^1/_2$ строки, вѣроятно, прозаическаго устройства—

[1]) Выше, стр. 12.

[2]) О нарушеніи святости гробницы съ прахомъ умершаго (sacri violatio въ надгробіяхъ, ср. *Bruns*, Fontes iuris R. a. p. 308 sqq.) мы говорили въ своей статьѣ „Elogia Scipionum"; ср. однако *Mommsen* C. I, p. 16, col. 2 ad tit.

съ cursus honorum, гдѣ Гюльзенъ прочелъ еще C]ESO[R]; впослѣдствіи по неизвѣстной причинѣ, а можетъ быть въ качествѣ „einer kleineren Gegendemonstration" за добровольное или недобровольное удаленіе изъ Рима Сципіона-Аннибаловца, Сципіоны добавили тоже заказной элогій и прадѣду его—Барбату, при чемъ вырубили прежнія $1^1/_2$ строчки на его саркофагѣ. Потомъ по смерти Сципіона—„quei apice" [1]), тому же Эннію заказали элогій и для него, *все въ томъ же сатурновомъ метрѣ*, уже около 170 года до Р. Хр. Въ 169 году умеръ Энній. Для Сципіона 20-лѣтняго юноши—„magna sapientia" потребовался опять элогій;—его заказали уже Пакувію, около 160 году и опять таки *въ сатурновомъ размѣрѣ*.

Натяжекъ во всемъ этомъ построеніи очень не мало, и самъ авторъ называетъ (стр. 219) свое мнѣніе „etwas ketzerische Ansicht" [2]).

Допустимъ даже, что Энній согласился „поддѣлать" два древнѣйшихъ элогія въ сатурновомъ метрѣ (довольно плохомъ, не лучше Андроника), и изъ нихъ—„honc oino" въ замѣтно гиперархаизированномъ видѣ (oino, ploirume, duonoro, hec, tempestatebus), а элогій Барбата—поколѣніемъ *раньше*—болѣе *новымъ* языкомъ и шрифтомъ, непослѣдовательность въ фальсификаторѣ-архаизаторѣ совершенно непонятная, все же остается необъяснимымъ, зачѣмъ ему было mordicus держаться сатурнова метра для элогія Сципіона, сына Аннибаловца, поколѣніемъ *позже*, и еще непонятнѣе, зачѣмъ Пакувій уже около 160 года все еще сочиняетъ надгробную эпиграмму сатурніемъ, имѣя собственную (что очень вѣроятно) въ видѣ сенара?

Трудность со стороны метра сознаетъ впрочемъ и самъ Вёльфллинъ (стр. 208), но онъ старается обойдти ее предположеніемъ, что Энній около 200 года, еще новичекъ въ Римѣ, еще плохо знакомый съ его языкомъ, не рѣшился сразу дебютировать гекзаметромъ или дистихомъ,—предположеніе конечно не особенно вѣроятное. Энній не Андроникъ: такихъ ошибокъ противъ латинскаго языка у него нѣтъ, и чтобы „pangere" такіе versus heroici, какими писаны его эпиграммы—его знаній было бы вообще достаточно. „Консерватизмъ" Сципіоновъ въ ритуалѣ погребенія (стр. 209) здѣсь конечно не при чемъ. Энній, несомнѣнно, филэллинъ, какъ и его патроны; въ сферѣ греческой надгробной эпиграммы гекзаметръ и дистихъ—можно сказать, исконное явленіе; самъ Энній сочиняетъ такія эпиграммы для

---

[1]) Что это былъ сынъ Сципіона-Аннибаловца—довольно вѣроятно.

[2]) Особеннаго сочувствія гипотеза Вёльфллина не вызвала, ср. *Schanz*, R. L. I² p. 20 „die nenia"; *Bücheler* ad titt.

себя и для Сципіона-Аннибаловца — въ дистихахъ [1]); очень похожа на elogium autobiographum, хотя и не назначалась для гробницы, эпиграмма Эннія n. 511 Baehr. (p. 85 n. IV Luc. Müll.): a sole exoriente—для того же Сципіона. Навязывать сатурній Пакувію—конечно еще меньше основаній.

Намъ лично было бы конечно очень кстати, въ виду указаннаго фрагмента, если бы Вёльффлину удалось доказать прикосновенность Эннія къ элогіямъ Сципіоновъ, но мы полагаемъ, что относительно элогіевъ сатурнова метра доказать этого ему не удалось: оба древнѣйшихъ элогія, Барбата и его сына, *не принадлежатъ* Эннію, а архетипъ „honc oino" даже *древнѣе* Эннія.

Возвращаемся къ нашему фрагменту. Это—туфовый обломокъ довольно большаго саркофага [2]) (не меньше Барбатова), вдѣланный теперь подъ № 16 въ стѣну справа сзади саркофага Барбата въ Atrio Quadrato Ватиканскаго Музея [3]); лучшій снимокъ обломка—у Ричля, P. L. M. Ep. tab. XL, J, буквы въ $^1/_2$ натур. величины:

S
PIONEM
O·ADVEIXEI [4])

Ричль, заявившій сначала (P. L. M. Ep. Enarr. tabb. col. 31), что „de J fragmento non licet quicquam definire", добавилъ потомъ къ этому (ib. col. 34): „ceterum in *Sci*]*piónem* et *qu*]*ó. ad veixei* exitus videor Saturniorum versuum auribus percipere", осторожность дѣлающая только честь чутью великаго латиниста.

Обломокъ слишкомъ не великъ, чтобы опредѣлить его общій color palaeographicus; съуженное внизу A, выпуклое D, почти перпенди-

---

[1]) Конечно не потому, что „оскорбленному вельможѣ хотѣлось порвать съ Римомъ и презрѣть его обычаи" (стр. 209),—на это у насъ никакихъ данныхъ нѣтъ.

[2]) Ср. C. I, p. 11, col. 2.

[3]) Ср. *Baumeister*, Denkm. p. 1557, fig. 1621; у насъ подъ руками кромѣ того очень хорошая фотографія Андерсона; снять кальку оказалось невозможнымъ.

[4]) Послѣ XEI на обломкѣ нѣтъ ничего: было несомнѣнно 1-е лицо (ср. *Ritschl*, Op. IV, p. 589); камень кромѣ того даетъ *adveixei*, а не *ad veixei*, какъ обыкновенно издается; *advixi* absol. pos. ср. напримѣръ C. X, 2503; ср. VI, 10215, 12735, 28005; VIII, 500. X, 2496 и др. Краткую замѣтку о „das ziemlich seltene Compositum *advivere*" см. у *Ричля*, Op. IV p. 255, гдѣ онъ, по видимому, тоже склоняется въ пользу чтенія *adveixei*, при возможности соединенія *cum qu*]*o adveixei*, какъ въ приведенной имъ надписи (Grut. 1145, 8), или подобнаго. Сатурновъ метръ Ричль видитъ впрочемъ (l. c.) и въ adveixei.

кулярныя hastae буквы N, значительно округленная петля P—признаки уже—сравнительно съ прочими элогіями—болѣе поздней поры; но круглое O, неправильное E, расширенное M—признаки все еще архаическаго типа письма; изъ другихъ элогіевъ всего ближе письмо нашего фрагмента напоминаетъ письмо элогія *magna sapientia*, то-есть, письмо конца 1-й и начала 2-й половины II вѣка до Р. Хр. Къ тому же приводитъ и вокализмъ формы *adveixei*, именно 1) *ei* въ коренномъ созвучіи вмѣсто болѣе древняго i: vita—въ элогіи *quei apice* (Сципіона, сына Аннибаловца), *vita* въ элогіи *magna sapientia*; что ороографія въ родѣ veita, veivere, meilia, peila и т. п. принадлежитъ въ значительной мѣрѣ именно періоду Люцилія и Гракховъ и держится до Августа (спорадически и позже), давно замѣчено [1]) 2) написаніе *ei* вмѣсто I примѣты перфекта, свойственное предпочтительно тому же періоду [2]); такимъ образомъ нашъ фрагментъ можно отнести къ началу 2-й половины II вѣка, то-есть цѣлымъ поколѣніемъ позже Эннія. При незначительности объема отрывка очень трудно говорить опредѣленно о его *метрѣ*; за *метръ* говоритъ въ немъ, по нашему мнѣнію, только форма 1-го лица, очень рѣдкая въ прозаическихъ *надгробіяхъ*; неровность концовъ строкъ не есть доводъ въ пользу какого-либо опредѣленнаго размѣра, потому что и вообще, и въ этой группѣ въ частности не вездѣ концы *строкъ* совпадаютъ съ концами *стиховъ;* такое совпаденіе есть въ элогіи сына Барбата и въ дистихической эпиграммѣ Сципіона Испанскаго (n. 1088); но его нѣтъ 1) въ элогіи самого Барбата, 2) въ элогіи Сципіона, сына Аннибаловца, 3) въ элогіи 20-лѣтняго юноши Сципіона, при чемъ особенно во 2-мъ и 3-мъ неровность *концовъ строкъ* очень бросается въ глаза сравнительно съ *началомъ ихъ*, гдѣ первыя литеры поставлены почти στοιχηδόν [3]). Мы не видимъ поэтому надобности считать нашъ фрагментъ принадлежащимъ непремѣнно къ сатурнову метру [4]); хотя конечно скандовка Scīpiōnem и говоритъ нѣсколько противъ дактилей, но примѣры превращенія подобныхъ не дактилическихъ стопъ

---

[1]) *Corssen*, Ausspr. I² p. 719; *Seelmann*, Ausspr. d. Lat. p. 166; *Stolz*, Hist. Gr. I, 1, p. 212 § 205; дифтонгъ *корня* сталъ переходить въ простой долгій e-i звукъ очень рано, *Stolz*, l. c.; *Corssen* op. cit. I² p. 389, и ороографія veixei, veita только, вѣроятно, случайный намекъ на первоначальный дифтонгъ.

[2]) *Corssen* op. c. I² p. 725; *Stolz* op. c. p. 213 § 205 fin.

[3]) Во 2-мъ 1-я строка, какъ давно замѣчено, есть сравнительно позднѣйшая прибавка, cf. *Buecheler* Carm. Ep. ad. n. 8.

[4]) Въ нашемъ index metrorum это сдѣлано по традиціи.

per synizesin въ спондей у самого Эннія встрѣчаются, напримѣръ, avjum praepetibus sese pulcrisque locis dant (Ann. I, 91 (p. 13 Müll.); Nerjenem Mavortis et Herem (ib. 112, p. 16 M.); hic insidjantes vigilant, partim requiescunt (XVI, 443 p. 52 M.). Возможно поэтому, что и нашъ фрагментъ дактилическаго метра, хотя отъ возстановленія его благоразумнѣе будетъ пока удержаться. Итакъ— нашъ отрывокъ не есть препятствіе къ закрѣпленію за Энніемъ разбираемаго типа.

I. Elogium autobiographum въ чистомъ видѣ.

Слѣдующій послѣ Эннія примѣръ дается все въ той же группѣ Сципіоновскихъ надробій—эпиграммой Сципіона-Испанскаго, умершаго вскорѣ послѣ претуры 139 г. до Р. Хр. [1]), n. 1088. Надгробіе по композиціи еще очень просто и чисто: оно состоитъ: 1) изъ прозаическаго *cursus honorum* ordine inverso [2]), то-есть, изъ той части элогіевъ, которая у Барбата и его сына дана *рубрикой*, и признается вообще наиболѣе древней составной частью такихъ элогіевъ [3]), и 2) изъ двухъ дистиховъ довольно шероховатаго метра, помѣщенныхъ на *среднемъ* изъ 3-хъ камней, составлявшихъ нѣкогда плиту (первый теперь утраченъ: письменъ на немъ, вѣроятно, не было). Эпиграмма вырѣзана письмомъ болѣе мелкимъ и *небрежнымъ*, чѣмъ honores,— но, мы думаемъ вмѣстѣ съ Висконти и Брунномъ,—тою же рукой, что и титулатура.

Если исключить реторизацію 3-го лица элогія нарративнаго типа въ 1-е, то нашъ текстъ почти совершенно совпадетъ съ этимъ типомъ, напоминая притомъ своимъ тономъ небольшую *laudatio funebris*, гдѣ „gens et origo mortui" конечно для такого аристократа должны быть на первомъ планѣ, а на второмъ—его собственные „mos et ingenium" [4]); вмѣсто „эпилога" дается выводъ: stirpem nobilitavit honor.

Не случайность, конечно, что это первая послѣ Эннія дошедшая до насъ надробная эпиграмма члена той же *gens*—писана *дистихомъ*, и именно *двумя* дистихами, подобно собственной эпиграммѣ Эннія, и

---

[1]) *Mommsen*, C. I ad. n. 38; *Buecheler* ad. n. 958.

[2]) *Cagnat*, Cours d'ép. p. 87 sq.

[3]) *Wölfflin* Rev. de philol. 1890, XIV, p. 113.

[4]) *Vollmer*, laud. fun. p. 476 sq.; реторизація 2-мъ лицомъ, встрѣчающаяся въ laudationes funebres довольно нерѣдко въ императорскій періодъ, роднитъ ихъ съ надгробіями въ типѣ „adloquia".

вышеупомянутому имъ сочиненному elogium „a sole exoriente“ Сципіону Старшему: *два дистиха* и впослѣдствіи остаются довольно любимой формой такихъ надгробій [1]).

Затѣмъ слѣдуетъ поставить довольно любопытное надгробіе отпущенницы Филематіи, жены Аврелія Герміи, „мясника съ Виминала“, n. 80, дающее, какъ извѣстно, одинъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ римскаго надгробнаго рельефа въ соединеніи съ elogium. По матеріалу (lapis Tiburtinus), работѣ, а главное по письму и формамъ языка [2]) надгробіе это можно отнести къ концу II вѣка до Р. Хр. Богатый либертъ-мясникъ слѣдуетъ, очевидно, примѣру вельможъ: украшаетъ свою „семейную“ гробницу портретами—своимъ и жены,—и заказываетъ поэтическое надгробіе неизвѣстному „грамотѣю“, не безъ претензій на нѣкоторыя шаблонныя поэтическія прикрасы: quae me faato praecessit, fido fida viro, necis potior; слѣды rusticitatis, объясняющіеся, быть можетъ, нѣкоторыми личными указаніями „поэту“ [3]) со стороны супруга покойной, довольно замѣтны.

Если считать несомнѣнно утраченный 8-й стихъ надгробія (пентаметръ), то оно распадается на 2 части, по 2 дистиха, слѣд. является количественно *удвоеніемъ* Энніевскаго шаблона, при чемъ вторая пара дистиховъ есть только развитіе главной мысли первой пары: достохвальныя семейныя доблести покойной, замѣна *honores* и *facta* въ мужчинахъ [4]).

Этотъ весьма естественный „женскій“ шаблонъ (nomen+virtutes) и впослѣдствіи остается очень употребительнымъ, напримѣръ nn. 24 33. 35. 38. 40. 60 и дрр.

Эпиграмма Филематіи занимаетъ правую сторону камня; средина занята помянутымъ рельефомъ, а слѣва помѣщено четырехстишіе (2 дистиха), содержащее элогій покойной *отъ лица ея мужа* еще находящагося въ живыхъ, какъ видно изъ отсутствія цифры прожитыхъ лѣтъ жизни (XXXX annos nata въ надгробіи жены).

Хотя этому четырехстишію и предшествуетъ имя и „титулъ“ мужа,

---

[1]) Напримѣръ, n. n. 1077, 1084, 1097, 1107, 1113, 1117, и др. Нерѣдка эта форма и въ греческихъ, напримѣръ, *Hoffmann*, Syll, n. n. 2. 32. 34a b. c. 36, 40, 55, 63 и др.

[2]) Аттіево удвоеніе гласныхъ, ср. *Ritschl*, Syllabus indic. Op. IV p. 765; *Buecheler* C. Ep. ad. tit.; *Lübke*, Grundriss der Kunstgesch. II, p. 236.

[3]) Ср. напримѣръ, n. 910: perlege versus, quos ego dictavi et iussi scribere quendam.

[4]) *Vollmer* laud. fun. p. 477.

но всеже мы не считаемъ возможнымъ счесть эту эпиграмму за elogium autobiographum, такъ какъ *прямое* назначеніе ея прославленіе доблестей *другаго* лица, а не того, кто выставленъ въ данномъ текстѣ говорящимъ, хотя это другое лицо и имѣло бы близкое отношеніе къ повѣствующему. Такія „pseudautobiographa", гдѣ покойный (или составитель заживо) является только *говорящимъ отъ своего лица*, но не прямо и непосредственно о *себѣ*, очень не рѣдки, но анализъ ихъ, понятно, не можетъ входить въ задачу настоящаго этюда. Сюда относятся напримѣръ nn. 8 (сентенція). 14 (мужъ о женѣ). 23 (idem). 25, 31, 39 (жена о мужѣ). 42, 44, 45, 48, 51, 54, 56 (надгробіе Евризака,=14). 57, 59, 66, 71, 73, 77, 78, 84, 86, 91, 92, 99, 101, 104, 108, 110, 111, 115, 117, 120, 123, 129, 130, 133, 142, 144, 148, 153, 160, 162, 164, 165, 169, 172, 176, 186, 187, 188, 198, 199, 201, 204, 208, 214, 215, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 229, 232, 233, 234, 235, 244, 247, 248, 262, 264, 268, 273, 276, 279, 283, 285, 287, 288 [1]), 291, 293, 295, 303, 308, 315, 316, 321 [2]), 326, 329, (cf. n. 321). 342, 344, 350, 353, 354, 356, 357, 360, 362, 363 [3]) 364, 372, 373, 375, 377 [4]), 378, 381, 385, 392, 393, 397, 401, 405, 407, 410, 414, 415, 421, 425, 430, 431, 432, 434, 437, 440, 452, 458, 461, 467, 470, 471, 476, 480, 486, 497 (?). 498, 501, 507, 513, 514, 541, 543, 550, 553, 572, 573, 576, 583, 589, 594, 595, 597, 600 [5]), 607, 616, 622, 634, 651 (?). 654, 661, 671, 673, 675, 679, 680, 682, 683, 685, 687, 688, 692, 693, 701, 706, 712, 714, 715, 717, 719, 723, 733, 738, 739, 746, 758, 758 *a*. 759, 779, 790, 792, 794, 796, 801, 806, 812, 813, 817, 824, 829, 842, 846, 854, 858, 859 [6]). 860, 862, 866, 867, 869, 871, 874, 877, 878,₂. 892, 901, 902, 903, 906, 908, 909, 1.052, 1.128, 1.177, 1.179,₁₉. 1.183, 1.185, 1.243, 1.274, 1.324 simm. 1.327, 1.330, 1.332, 1.379.

Къ началу или вообще къ первой половинѣ I вѣка до Р. Х. [7])

---

[1]) Слова „virum ecxpecto meum" говоритъ скончавшаяся *раньше* мужа Сильвана.

[2]) „Matercula dicit, quoius in hoc tumulo filia parva iacet".

[3]) „Qui (=mortuus) [s]ibi dum staret pater ad torum, sic ait".

[4]) По аналогіи съ извѣстнымъ шаблономъ „noli dolere"—и этотъ дистихъ принадлежитъ покойной.

[5]) Автобіографическій элементъ заключается всего въ словахъ: „*poena fuit vita*".

[6]) *Paravi* исправлено Бюхелеромъ въ *paravit*.

[7]) „Aetas Caesariana"; *Buecheler* ad tit.—Что Юкундъ исправилъ оригинальное *decoraat*, казавшееся ему для praes. ind. основы на *a* въ 3 лицѣ *ошибкой*, не удивительно, и не говоритъ, по нашему мнѣнію, противъ удвоеннаго *a*, которое

слѣдуетъ отнести минтурнское надгробіе Ларціи Гореи (Larcia Horaea), n. 265.

Надгробіе состоитъ изъ 6 ямбическихъ сенаровъ, распадающихся на два трехстишія, композиція и впослѣдствіи довольно употребительная, напримѣръ n. 690, 1.083 [1]), 1.111, 1.075 [2]), 134, 703 [3]), 712, и др. [4]).

Поколѣніемъ позже [5]) находимъ римское надгробіе Канинія Лабеона, n. 690, написанное нѣсколько вычурнымъ языкомъ и архаизированное, подобно предыдущему; какъ мы только что указали, и оно состоитъ изъ 6 сенаровъ, дѣлящихся на 2 трехстишія по содержанію; правда, здѣсь это дѣленіе не такъ наглядно, какъ въ надписи Гореи, но его прослѣдить вполнѣ возможно: 1) „все это—*моя* семья: *сынъ*, его либертъ, и отпущенница либерта, жена его же: жили всѣ вмѣстѣ, *вкупѣ*" [6]); 2) „связь *чувства* и теперь проявилась, когда престарѣлый *сынъ* почтилъ усопшаго отца дорогимъ надгробіемъ" [7]).

и дается вторымъ „exemplum Pontanianum", съ помѣткой „in oscis". Непослѣдовательность въ употребленіи praes. и perf. въ надгробіяхъ отнюдь не особенная рѣдкость, начиная съ subigit - abdoucsit въ элогіи Барбата (ср. *Woelfflin*, Rev. de Phil. 1890, XIV, p, 122); ср. n. 80: recepit—potior; n. 485: rapior—fui, sustulit; n. 690: vixsi praestat; n. 791: surrexit, expulit—preivat, participat и т. п. Что составитель надгробія „rusticanus antiquitatis amator" нѣсколько архаизировалъ свой текстъ, также не говоритъ противъ praes. Ср. *Stolz*, Lat. Gr. (Iw. Müll.) II, 1 p. 252, III; *id.* Hist. Gr. I, 1, p. 90, § 78; *Corssen*, Ausspr. I², 14. 17. Что по смыслу praesens здѣсь подходитъ къ *настоящему* status говорящей отъ своего лица покойной—всякому ясно.

1) Послѣдній изъ 7 стиховъ не относится къ шаблону.

2) 6-й стихъ довольно тѣсно связанъ съ остальными.

3) 7-й стихъ—обычная сентенція.

4) Даже въ очень позднихъ христіанскихъ ямбическихъ надписяхъ, напримѣръ C. VIII, 9.585 (B. 115); въ греческихъ композиція эта, напротивъ, встрѣчается очень рѣдко, и то въ позднѣйшихъ, напримѣръ Kaib. 125, 193 (?). 352 и др.).

5) „Circa Caesaris mortem", B 58 ad tit.

6) Заповѣдь concordes vivere, concordes habitare tecta parentis иногда и дается надгробіями, напримѣръ, n. 457, 471, 870 и др.

7) Къ I вѣку до Р. Хр. относится недавно изданное Гюльзеномъ (Mitth. 1893, VIII. p. 150, n. 9) колумбарное надгробіе нѣкоей Flavia P. l. Amoena:

ut rosa amoena homini est, quom primo tempore floret,
quei me viderunt, seic ego Amoena fui,

имѣющее въ нашемъ сборникѣ хорошую параллель въ n. 117; ср. n. 519. Одинъ дистихъ, какъ у Эннія, Baehr. frgm. p. l. n. 510.

Съ надгробіемъ Икадія, n. 411, мы входимъ уже въ эпоху Августа, въ періодъ разцвѣта подражательной поэзіи; эпиграмма грека Икадія—довольно корректные 3 дистиха [1]), то-есть, довольно употребительная форма *греческихъ* надгробій болѣе поздняго періода, напримѣръ *Hoffmann*, op. cit. n. 83, 90, *b*. 186; *Kaibel*, n. 116, 141, 145 и друг.; собственное имя *въ концѣ* надгробія—тоже вещь нерѣдкая въ греческихъ эпиграммахъ: *Kaibel*, n. 34, 42, 65, 75, 205, 215, 230, 237, 266 и друг. [2]).

Три дистиха и въ римскихъ надгробіяхъ послѣдующаго времени довольно употребительны, напримѣръ, nn. 16, 67, 77, 85, 92, 98, 117 и друг. [3]).

Къ 12 году до Р. Хр. относится довольно большое надгробіе отпущенницы Эгнатулеи Урбаны, n. 791 [4]), съ большими претензіями на „ученость“ и съ очень посредственною метрическою отдѣлкой: 7 дистиховъ, то-есть, норма довольно мало употребительная [5]); впрочемъ, если исключить 1-й дистихъ, составляющій какъ бы „вступленіе“ въ видѣ *сентенціи*, то остальной текстъ довольно ясно распадается на 3 группы по *два* дистиха: 1) шаблонное сѣтованіе на раннюю кончину, 2) прославленіе „pietas“ поставительницы надгробія и 3) обращеніе къ живымъ о прекращеніи плача; къ такую же норму приводится безъ труда и n. 603: (1+2+2+2), n. 730, 1064 и друг. Эти три темы, особенно въ надгробіяхъ императорскаго періода, очень любимы и встрѣчаются и вмѣстѣ, и отдѣльно въ довольно разнообразныхъ варіаціяхъ.

Къ концу правленія Августа относится типичное надгробіе отпущенницы Октавіи Арбускулы, n. 389, представляющее собою уже

---

[1]) *mihī* въ 1-мъ стихѣ, помимо арх. *mihei*, оправдывается цезурой; *bene tuust* и *cura tecum*—совершенно понятные слѣды sermo quotidianus; ореографія *Ikadium*—скорѣе грецизмъ, чѣмъ грамматическая тонкость, *Stolz*, Hist. Gr. I, 1, p. 84.

[2]) „Nominor Ikadium“—ср. *Kaibel*, n. 284: τοὔνομά μοι Τύχη (въ концѣ надписи), n. 815: οὔνομ' 'Ονησίμη ἦν (въ концѣ пентаметра), n. 346: θάψεν 'Επίκτησιν τοὔνομα κληζομένην (послѣдній стихъ), n. 614: ἐνθάδε κεῖμαι | ἐν φθιμένοις ὤν· τοὔνομα Μηνόφιλος (въ самомъ концѣ), n. 704: οὔνομ' 'Ιουλιανός (тоже), и друг.

[3]) Греческія собственныя имена въ этихъ и подобныхъ надгробіяхъ конечно существеннаго значенія не имѣютъ.

[4]) Примѣръ соединенія болѣе древняго шаблона h. s. e. съ болѣе новой эпиграммой.

[5]) Напримѣръ, n. 539 (но стихи 9. 10—вѣроятно, испорченный дистихъ, такъ что и здѣсь будетъ не 7, а 8 дистиховъ), 608. 680 (было больше), 727 (очень поздняя), 730 (плохое и плохо списанное надгробіе), и т. д.

прямо *центонъ*, механически скомбинированный изъ различныхъ шаблоновъ, вѣроятно по выбору поставившаго памятникъ. Стихотвореніе распадается на *двѣ* части, ст. 3—9 (гекзаметры) и ст. 10—17 (дистихи). Первая часть составлена изъ *3-хъ* шаблоновъ по 2 стиха: 1) сѣтованіе на раннюю смерть (метръ нарушенъ вставкой цифры лѣтъ жизни); 2) *laudes*, съ шаблонной оговоркой vixi dum licuit, столь обычной въ надгробіяхъ tenuiores [1]), и 3) обращеніе къ родственникамъ; въ качествѣ добавленія ad hominem, присоединенъ еще 7-й стихъ—спеціальное обращеніе къ *сестрѣ* покойной. Шаблоны взяты, очевидно, изъ формуляровъ, составленныхъ для *сына*, и даже не приноровлены къ *дочери* (nati, exstincto me), погрѣшность въ такихъ центонахъ не особенно рѣдкая [2]). Вторая часть еще яснѣе дѣлится также на 3 шаблона: 1) воззваніе къ „жестокому Плутону" [3]), похитившему молодую жизнь, 2) шаблонное „te, lapis, optestor" [4]) и 3) воззваніе къ живымъ о прекращеніи плача [5]).

Изъ надписей послѣдующаго періода типъ „elog. autobiographum" въ сравнительно *чистомъ* видѣ дается, напримѣръ, nn. *2* (6 дистиховъ = 2+2+2), 26 (могло быть 2 дистиха), 27 (2 гекзаметра), 38 (сокращенное ямбическое надгробіе), *69* (два дистиха), *81* [*nomen* (1 гекзаметръ), *autob.* (2 дистиха), + 2 гекзаметра не входящіе въ типъ], *90* (1 дистихъ), 156 (4 гекзаметра), 162, 2 (2 дистиха?), 170 (ритмическая проза), 179 (cf. ad tit.), 185 (3 стиха), 189 (5 плохихъ гекзаметровъ), 190 *b* (тоже), 195 (1 дистихъ), *197* (3 дистиха) [6]), *207* (3 дистиха?), 237 (2 гекзаметра), 243 (4 сенара?), 261 (2 гекзаметра), *267 2 и 3* (2 и 3 дистиха) [7]), 270 (4 гекзаметра), 289 (1 дистихъ), 349 (3 гекзаметра), 427 (3 гекзаметра), *428* (3 дистиха), *446* (2 дистиха), 520 (4 стиха), *547* (6 дистиховъ = 3+3), 615 (6

[1]) nn. 58, 496, 638, 1067, 1094, 1114, 1165 и др. Въ шаблонѣ чередуются *potui*, *licuit*—и *volui*, но конечно особенно глубокаго смысла въ этомъ чередованіи искать едва ли необходимо, ср. *Zimmermann*, Der kulturgesch. Werth d. röm. Inschr. p. 29 sq.

[2]) *Cagnat*, sur les man. p. 61.

[3]) Чередуется съ Парками, напримѣръ, n. 321: „crudeles Parcae nimium"—matercula dicit.

[4]) *Cagnat*, op. cit. p. 55, 59.

[5]) *Cagnat*, op. cit. p. 57, 60, 61.

[6]) О смѣшанной повѣствовательно—автобіографической формѣ текста смотри ниже.

[7]) Покойная называетъ себя въ надгробіи—„urbis alumna", то-есть, Римлянкой.

дистиховъ?), 682, з (10 стиховъ), 686 (2 сенара), *696* (5 дистиховъ = 1+2+2), 708 (фрагментъ въ 3 стиха), 749 (2 гекзаметра), *760* (4 дистиха = 2+2), 764 (4 стиха), 769 (6 гекзаметровъ?), *770* (3 дистиха), 811 (1 дистихъ), 814 (4 стиха), 818 (3 ямбическихъ сенара), 822 (5 дистиховъ) [1]), *838* (1 дистихъ), *853* (4 дистиха =2+2); 882 (7 гекзаметровъ = 2+4+1), 883 (8 дистиховъ = 2+3+2+1), 884 (1 дистихъ), 890 (3 стиха плохаго метра), 900 (5 ямбическихъ сенаровъ = 4+1), 997 (фрагментъ въ 5 стиховъ), 1013 (ритмическая проза), 1037 (2 ямбическихъ сенара), *1069* (3 дистиха), 1070 (2 гекзаметра), 1074 (2 гекзаметра), 1075a (фрагментъ), 1079 (2 сенара) [2]).

1081 (большое надгробіе въ гекзаметрахъ съ лакунами), 1082 (3 плохихъ стиха), 1085 (4 стиха), 1086 (9 гекзаметровъ sermonis plebei), 1090 (3 стиха), *1093* (3 дистиха), 1096 (5 плохихъ сенаровъ), *1098* (1 дистихъ), 1099 (19 сенаровъ) [3]), 1102 (фрагментъ), *1107* (2 дистиха), 1108 (15 гекзаметровъ) [4]), 1109 (21 гекзаметръ) [5]),

1112 (6 стиховъ, можетъ быть 3 дистиха), 1115 (4 сенара), 1116 (ритмическая проза), *1121* (1 дистихъ), *1122* (5 дистиховъ = 1+2+2), *1125* (6 дистиховъ = 1+2+2+1), *1129* (5 дистиховъ = 1+2+2), 1131 (вѣроятно 3 дистиха), 1132 (6 стиховъ дактил. метра), 1133 (вѣроятно тоже), 1134 (11 сенаровъ—*ad hominem*), 1135 (17 плохихъ

---

[1]) Эта прекрасная ad hoc написанная эпиграмма распадается на: 1) *тему* (1 дистихъ), 2) ея *развитіе* (3 дистиха) и 3) *заключеніе* (1 дистихъ), то-есть, построена по схемѣ 1+3+1 дистиховъ.

[2]) Что 2 стиха могутъ быть названы въ контекстѣ breve elogium, breve carmen и т. п.,—кромѣ указаннаго нами ad tit. мѣста Ovid. Met. XIV, 442, ср. еще Ovid. Heroid. XIV, 127:

> et sepeli lacrimis perfusa fidelibus ossa,
> sculptaque sint titulo nostra sepulcra brevi:
> „Exul Hypermestra—pretium pietatis iniquum—
> quam mortem fratri depulit, ipsa tulit“;

Mart. Epigr. I, 93, 3:

> ara duplex primi testatur munera pili,
> plus tamen est titulo quod breviore legis:
> „Iunctus uterque sacro laudatae foedere vitae,
> famaque quod raro novit, amicus erat“;

ср. впрочемъ id. X, 71, гдѣ brevis titulus=3 дистихамъ.

[3]) Любопытное надгробіе „Ursi togati“, очень цѣльное по содержанію, написанное ad hominem.

[4]) Надгробіе такого же характера.

[5]) Надгробіе ad hominem, хотя и съ заимствованіями изъ шаблоновъ.

стиховъ—*тоже*), 1136 (вѣроятно, 5 стиховъ—*тоже*), 1141 (3 сенара), 1142 (15 дистиховъ съ лакунами) [1],

1143 (1 дистихъ), 1144 (3 гекзаметра), 1146 (4 стиха), 1150 (15 сенаровъ) [2]), 1151 (2 сенара), 1154 (фрагментъ), 1156 a. b. (2 и 3 гекзаметра), 1158 (6 плохихъ стиховъ), 1158a (фрагментъ), 1158 b. c. (тоже), 1164 (фрагментъ), 1256 (ритмическая проза), 1292 (1 дистихъ), *1295* (2 дистиха), *1297* (1 дистихъ), *1317* (2 дистиха), 1340 (3 дистиха?), 1368 (8 стиховъ=4 дистиха?).

Несмотря на неизбѣжную неполноту и нѣкоторую разрозненность этого перечня, внимательный читатель все же, полагаемъ, замѣтилъ, что норма въ *два дистиха* (Энніевская) и нѣсколько болѣе поздняя въ *3 дистиха* для elogium autobiographum въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ—встрѣчается чаще именно въ надгробіяхъ города Рима, рѣже въ провинціальныхъ, *особенно норма въ 2 дистиха*: мы полагаемъ, что это преобладаніе не случайно.

Въ числѣ elogia autobiographa въ чистомъ видѣ есть группа—по сущности композиціи небольшая,—которая не имѣетъ съ нормой уже ничего общаго,—это *акростихи* [3]), число стиховъ которыхъ ограничено прежде всего количествомъ буквъ воспроизводимаго текста; таковы въ нашемъ сборникѣ nn. 506 (4 стиха: могло быть и больше), 847 (тоже), 1138 (13 стиховъ), 1139 (9 стиховъ), 1147 (6 стиховъ), 1153 (16 стиховъ). *Краткостью* отличаются такія elogia autob., которыя сообщаютъ какую либо *деталь* изъ жизни покойнаго, каковы nn. 740 (1 стихъ), 768 (1 стихъ), 797 (1 стихъ), 1068 (1 стихъ), 1092 (неполный гекзаметръ), 1149 (2 сенара).

Точно также обыкновенно довольно кратки elog. autob. *сентенціознаю* характера:

dum vixi quaesivi nec perdere desii—nn. 368 (cf. ad tit.), 1288 (cf. ad tit.), 1308 [4]) обыкновенно 1—2 стиха; ср. n. 162, 1.

non fui, non sum—nn. 180 (cf. ad tit.), 241 (cf. ad tit.), 865 (cf. ad tit.)—тоже 1—2 стиха; ср. n. 1282, 1284, 1287, 1294, 1305.

---

[1]) Этотъ извѣстный „elogium messoris“—очень цѣльное carmen ad hominem; лишь до нѣкоторой степени можно въ немъ выдѣлить группы: 6 (происхожденіе и профессія) + 6 (карьера) + 3 (семья, laudes и сентенція).

[2]) Надгробіе поэта Помпонія Бассула, ad hominem=4+5+5+1.

[3]) Извѣстны уже тому же Эннію: Cic. de divinat, II. §111; *Schanz*, Röm. L. I² p. 72; *Baehrens*, Fragm. p. 1. p. 132 n. 588.

[4]) Сентенція свойственная преимущественно V тому Корпуса, слѣдовательно съ извѣстною мѣстною окраской, *Hübner*, Röm. Epigraph. (Jw. Müll.) I² p. 689.

quod merui, accepi — nn. 53 (= 271); ср. nn. 156, 212, 239.

quod edi, bibi, mecum habeo, quod reliqui perdidi — n. 1301, 1385 [1]).

vixi, quoad volui (*potui*) — nn. 58, 638, 1067, 1114, 1159, 1165; ср. n. 12.

quod debui illi facere, ille mihi fecit — n. 682, 2 и passim.

mortuus quaerar — n. 79.

Нѣкоторая шаблонность и, если можно такъ выразиться, „центонность“ замѣтна и во многихъ изъ приведенныхъ выше въ большомъ перечнѣ elogia autobiographa; но есть не особенно мало и такихъ, которыя, подобно надгробію Октавіи Арбускулы, n. 389, представляютъ такія же механическія комбинаціи нѣсколькихъ шаблоновъ, удобно разложимыя на составныя части; сюда относятся надгробія составленныя—

изъ 2-хъ частей:

n. 271: ст. 4—7 и 8—10.
n. 338: ст. 2, 3 и 4, 5 (cf. ad tit.).
n. 370: ст. 3—6 и ст. 7-й.
n. 646: ст. 4, 5 и 6, 7.
n. 1080: ст. 3, 4 и ст. 5-й.
n. 1084: ст. 5, 6 и 7 [8] [2]).
n. 1097: ст. 1—4 и ст. 5-й [3]).
n. 1106: ст. 2, 3 и ст. 4-й.

---

[1]) Это любопытное надгробіе начала императорскаго періода недавно подробно объяснено *Vollmer*'омъ въ *Rhein. Mus.* 1898, vol. 53, 4, p. 637 sqq.; авторъ устанавливаетъ слѣдующее распредѣленіе текста: *наслѣдники Манамъ*: „parcitis heredi!“—*Маны наслѣдникамъ*: „et vos (qui vivitis heredesque estis) parcite insentibus (scil. in sepulcro), nolite eos laedere (omissis scil. iustis), immo dedite morti (i. e. mortuis), si quid mortui habent. Второй стихъ авторъ относитъ къ тѣмъ же Манамъ: „numero singulari“: „hoc (scil. dona, qualia mortuis conveniunt) meum est, his muneribus contentus ero, cetera (quae iam vos habetis) liqui (ea non iam mihi vindico)“. Толкованіе на нашъ взглядъ слишкомъ искусственное: подобныя сентенціи обыкновенно по мысли и большею частью и по выраженію очень просты.

[2]) Эпиграмма вводится рѣдкимъ *dicit*, ср. n. 399: Tychenianus dicit (производитъ впечатлѣніе не столичной надписи); n. 711: vixit... et dixit (Африка).

[3]) Ст. 5-й приписанъ на камнѣ другой рукой и, вѣроятно, по распоряженію „coniugis et natae“: фонетическая ореографія *optestor*, обычная въ надгробіяхъ низшихъ классовъ, и опущеніе 3-го пентаметра — не подходятъ къ „grammaticus lectorque“.

изъ 3-хъ частей:

n. 312: ст. 2—5, ст. 6, 7 [1]), и ст. 8—11.
n. 332: ст. 4, 5, ст. 6, 7 и ст. 8-й.
n. 459: ст. 4, 5, ст. 6-й и ст. 7, 8 [2]).
n. 1072: ст. 3-й [3]), ст. 4-й и ст. 5-й.

изъ 4-хъ частей:

n. 300: ст. 4, 5 [4]), ст. 6-й, ст. 7-й, и ст. 8-й.

изъ 5-ти частей:

n. 1078: ст. 3, 4, ст. 5—7, ст. 8-й, ст. 9, 10, и ст. 11-й.

изъ 6-ти частей:

n. 87: ст. 6—9 [5]), ст. 10—12, ст. 13-й [6]), ст. 14-й, ст. 15, 16-й [7]), и ст. 17-й.

Среди подобныхъ центоновъ встрѣчаются надгробія составленныя довольно искусно, такъ что „центонность" ихъ замѣтна не сразу, а только при болѣе внимательномъ анализѣ, напримѣръ n. 834, состоящій изъ 3-хъ шаблоновъ, довольно хорошо соединенныхъ въ норму *3-хъ дистиховъ*: ст. 1. 2 (desinite lugere), ст. 3, 4 (mors-requies-debitum naturae), ст. 5, 6 (petitio sepulcri). Иногда составители такихъ искусныхъ центоновъ пользуются для отдѣльныхъ частей только *темами* отдѣльныхъ шаблоновъ, которыя и развиваютъ ad hominem; сюда относится, напримѣръ, велейское надгробіе Атиліи Севериллы, n. 604, II вѣка по Р. Х. [8]), составленное изъ двухъ крупныхъ ча-

[1]) Производятъ впечатлѣніе составленныхъ ad hominem, хотя и въ традиціонномъ тонѣ, ср. n. 1111, 6, 7.

[2]) Два послѣднихъ стиха не относятся къ tenor автобіографія.

[3]) Ср. n. 1286.

[4]) „Сочинены" самимъ Авитомъ, но ст. 4-й производитъ впечатлѣніе шаблонности, въ родѣ *Kaibel*, n. 1101, или нашего сборника n. 831.

[5]) Испорченный шаблонъ въ 2 дистиха.

[6]) „Умирать" = „debitum naturae persolvere", passim, напримѣръ VI, 3580, 11693, 15696; VIII, 16410; IX, 5860; cf. III, 7553, 3989; X, 7149.

[7]) Ср. n. 131, 25—26.

[8]) Сохранилось въ очень поврежденномъ видѣ, но возстановленія Бюхелера довольно вѣроятны.

стей: 4—13 (гекзаметры) и 14—33 (дистихи). Первая часть — *повѣсть* отъ лица поставившаго памятникъ, распадающаяся на 3 отдѣла: ст. 4, 5, ст. 6—11, и ст. 12, 13; вторая часть, акростихъ, распадается на 3 отдѣла: 14—19 и 28—31—elogium autobiographum покойной, со ставкой 20—27 (θρῆνος)—отъ лица матери, и ст. 32, 33—обращеніе къ ранѣе уже умершимъ членамъ семьи — вѣроятно, отъ лица той же матери [1]).

Другія разновидности elogii autobiographi составляютъ въ ряду надписей этого типа замѣтное меньшинство.

Изъ нихъ еще наиболѣе близко стоитъ къ чистому elog. aut. слѣдующій типъ:

II. Elogium autobiographum типа „hic situs sum".

Уже изъ сказаннаго нами выше о вѣроятномъ времени появленія въ сепулькральномъ обиходѣ формы elog. autobiographum съ 1-мъ лицомъ—можно заключить, что, несмотря, на сравнительно глубокую древность шаблона *hic situs est*, его реторизація должна была появиться не *раньше* Эннія, а скорѣе *позже*; и дѣйствительно, однимъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ является римское надгробіе 10-лѣтней Utilis (Vitalis?), n. 1123, съ формой *sueis* — можетъ быть I вѣка по Р. X. [2]).

Эпиграмма эта—типичный центонъ императорскаго періода—изъ двухъ частей: искалѣченной 4-хстишной эпиграммы (2 дистиха) и переводной съ греческаго сентенціи—1 дистихъ. Вторая половина пентаметра: *mortua hic sita sum* предполагаетъ несомнѣнный archetypum *mortuus hic situs est*, ср. nn. 863, 2; 918, и выше, стр. 19.

Вѣроятно, къ I же вѣку относится римское же надгробіе Цецнніи Бассы, n. 390, начинающееся словами: hic sum Bassa sita, то-есть видоизмѣненіемъ древняго Энніевскаго шаблона *hic est ille situs*, который мы встрѣчали выше (стр. 19) арритмически примѣненнымъ къ женщинѣ: *hic est illa sita*: n. 136, 297 [3]). Надпись — тоже центон-

---

[1]) *Matris*, ст. 33, — только реторизація болѣе обыкновеннаго *mei* или *meo*; обращеніе *vivite* къ *animae manesque* не должно удивлять никого; ср. напримѣръ, *Zimmermann* op. c. p. 22 sq., или n. 677.

[2]) Хотя именно эта ороографія держалась довольно долго и въ теченіе слѣдующихъ столѣтій; *Corssen*, I[2], p. 759—762, 787; *Jordan*, Krit. Beitr. p. 237; сравнительная простота выраженій говоритъ также скорѣе въ пользу I вѣка.

[3]) Въ своемъ прекрасномъ сборникѣ „Versus italici antiqui". Lund 1890, *Цандеръ* p. 78 n. 29 считаетъ n. 136 метрическимъ центономъ —изъ гекзаметра

наго характера: 1 дистихъ, 4 гекзаметра и 4-хстишная (2 дистиха) эпиграмма, причемъ 2-я часть—есть шаблонъ одинаково пригодный и для женщины, и для мужчины.

Къ тому же времени можно отнести Эсквилинскую колумбарную надпись n. 945, писанную ритмическою прозой [1]): hic situs sum Lemiso, то-есть съ самою близкою къ архетипу формой реторизаціи, причемъ даже квалификація *quem-finivit* не приноровлена къ 1-му лицу, какъ напримѣръ: hic sita, quae vixi (n. 95), или hic situs ille ego sum-quod vocitatus eram (n. 650) и др., между тѣмъ какъ весьма естественною была бы конструкція *qui-finivi* [2]).

Къ послѣдующему времени относятся n.n. 24 (hic sita sum matrona *g*. n. Veturia), 95 (hic sita (sum) — Matura), 190 *d* (hic sita sum—Caelia Rufa), 267, 1 (Atilia—hic sita sum), 277 (hic sita sum—Myrsina), 456 (—situs sum) [3]), 463 (nata — hic sita sum); женскій евритмическій шаблонъ, какъ и естественно, преобладаетъ.

Греческому ἐνθάδε κεῖμαι [4]) соотвѣтствуетъ ближе всего *hic iaceo*.

и двухъ „versiculi italici", сатурнійскаго типа. Но главный недостатокъ этого весьма цѣннаго сборника, именно то, что авторъ слишкомъ настойчиво ищетъ „versus italici" во всякомъ болѣе или менѣе древнемъ текстѣ сколько нибудь ритмическаго характера, напримѣръ въ n. 122, по поводу котораго Бюхелеръ (ad n. 15), колебательно видѣвшій здѣсь слѣды метра, замѣчаетъ: „talia qui conquiret, sperans priscorum elogiorum se aliquot particulas recuperaturum, non eum quidem stulta spe delectari dixerim, at incertissima tamen", и ниже (ad n. 16): „singulares ex inscriptionibus discernere versus Saturnios periculosa res est"; помимо того, что у насъ нѣтъ *ни одного* вѣрнаго примѣра сочетанія гекзаметра съ сатурніемъ въ надгробіяхъ, и въ n. 136 безъ особенныхъ натяжекъ второй стихъ скандуется гекзаметромъ же: gratia (re) latast, или gratja relatast; sita въ первомъ стихѣ объясняется на нашъ взглядъ не столько цезурой, какъ думаетъ Цандеръ, сколько именно арритмическимъ примѣненіемъ болѣе древняго шаблона situs.

[1]) Quem numquam finivit nisi mors labore(m)—было бы недурнымъ „versus italicus", но конечно утверждать этого мы не будемъ.

[2]) *Labore* здѣсь едва-ли ablat., какъ полагаетъ Бюхелеръ, сравнивающій греческое ἔπαυσε πόνου, а скорѣе accus. labore(m); соединеніе же Lemiso, quem laborem mors finivit—не удивительно, въ виду не особенно рѣдкихъ олицетвореній въ родѣ: forensis ars hic est sita (n. 1186), omnis dulcedo et pietas hic finita est (n. 1196), hic iacet antiqua pietas (n. 1200) и др.; ср. coepto flore iuventae, *quem finiit* annus septimus et decimus (n. 608).

[3]) „hic nunc aeternas situs sum qui raptus in arces" B.; рѣдкій примѣръ арритмической реторизаціи.

[4]) Является нѣсколько позже другихъ шаблоновъ; *Loch*, op. cit. p. 43 sq.; *Hoffmann*, Syll. n. 66, 77, 85, 95 и др.

Хотя „лежать“ довольно древній италійскій терминъ о погребенномъ [1]), но въ римскомъ сепулькральномъ обиходѣ среди надгробій терминъ этотъ появляется сравнительно поздно [2]).

Въ частности—въ метрическихъ надгробіяхъ *iacere* едвали древнѣе начала императорскаго періода: такіе примѣры, какъ Ново-Карѳагенская надпись n. 309, съ древнимъ *hospes*, относимая Гюбнеромъ къ эпохѣ Августа, гдѣ читаемъ „iacent ossa“, должны считаться для этого шаблона одними изъ древнѣйшихъ. Для I вѣка у насъ есть уже нѣсколько примѣровъ: n.n. 415, 688, 753 и др.

Также и реторизацію *hic iaceo* мы находимъ врядъ ли ранѣе того же I вѣка; сюда относятся:

n. 74—римское надгробіе отпущенницы Октавіи Асфалы, состоящее изъ одного дистиха очень простой композиціи [3]): это — шаблонъ *hic iaceo coniux*, неловко дополненный собственными именами, съ перемѣной въ пентаметрѣ *digna puella viro* на *d. p. viris* — ad hominem.

Надобно замѣтить впрочемъ, что *въ началѣ* эпиграммы шаблонъ *hic iaceo* не очень употребителенъ: такіе примѣры, какъ n. 124 (врем. Антониновъ) довольно рѣдки [4]),

n. 294 — Тускуланская надпись Секунды — два дистиха ad hominem съ нѣкоторыми шаблонными выраженіями [5]).

n. 876—римское надгробіе Л. Миндія Зосима—тоже два искалѣченныхъ дистиха: шаблонъ съ неловкою пригонкой ad hominem.

---

[1]) Ср. рисунокъ n. 1 *Цветаева* Inscr. It. inf. dial.; ibid. n. 14 (incubat) 60 (he cupat), 61 (hei cupat), 62 (he cupa), и др. *Schneider*, Exx. p. 106.

[2]) Ср. выше, стр. 3 примѣчаніе 2; къ древнѣйшимъ примѣрамъ принадлежитъ Фалерійская tegula *heic cubat*, C. I, 1311; *Цветаевъ* op. cit. n. 66; *Schneider*, Exx. n. 26 p. 107; heic cubat — писано латинскимъ письмомъ и на латинскомъ нарѣчіи, но несомнѣнно подъ вліяніемъ мѣстнаго шаблона; „latinitas citra controversiam est“, *Ritschl*, Enarr. tabb. p. 96; по письму (ibid. p. 97)—надгробіе поздняго республиканскаго періода; еще позже ея Помпейское прозаическое надгробіе C. I 1253 (*Ritschl*, P. L. M. E. tab. 90 K) съ тѣмъ же шаблономъ (heic cubant); въ чисто-латинскихъ надгробіяхъ шаблонъ этотъ и вообще не особенно употребителенъ, въ частности — въ метрическихъ: такіе примѣры, какъ n. 778—hic cubat ille bonus—или n. 827—hic in flore cubat—рѣдки. Но часто и чисто-латинское *recubo:* n. 442: Maximus hic recubo (изъ Рима).

[3]) Asphale Octavia—порядокъ именъ древній, ср. *Hübner*, Röm. Ep. p. 665.

[4]) *Hic iacet* въ началѣ—употребительно гораздо болѣе, ср. нашъ index principiorum; въ греческихъ надгробіяхъ оба шаблона: ἐνθάδε ἐγὼ κεῖμαι и ἐνθάδε κεῖται въ началѣ—почти одинаково употребительны.

[5]) О весьма рѣдкомъ въ надписяхъ этого типа обозначеніи даты погребенія, см. *И. В. Помяловскій*, Эпигр. эт. стр. 127+примѣч. 283, стр. 263.

n. 1113—тоже римское надгробіе Л. Пакведія Ампліата, колумбарнаго типа: шаблонъ въ 2 дистиха безъ всякой пригонки.

n. 113 — тоже изъ Рима — надпись Флавіи Оптаты [1]) — въ видѣ плохаго дистиха.

Другіе примѣры относятся къ болѣе позднему времени: n.n. 124. 141. 399, 512, 571, [2]) 599, 603, 701, 1100.

Идея о *смерти—отдыхѣ* дала начало термину *quiescere* и *requiescere*, столь излюбленному христіанскою сепулькральною терминологіей [3]); шаблонъ *hic requiescit* въ 3-мъ лицѣ встрѣчается уже въ концѣ республиканскаго періода—въ Нарбоннской надписи С. I, 1489 двухъ супруговъ-отпущенниковъ, Варія (Vaarius) Никифора и Варіи Памфилы; нѣсколько позднѣе—уже начала императорскаго періода—римское надгробіе n. 946 Т. Квинкція Стабиліона, составляющее соединеніе болѣе древняго шаблона *h. s. e.* съ болѣе новымъ и уже *реторизированнымъ* (nunc securus quiesco) 1-мъ лицомъ [4]); еще позднѣе n.n. 231, 365, 1138*a* [5]).

Къ довольно древнимъ шаблонамъ слѣдуетъ отнести и *hic sepultus est*: С. IX, 1721: hic Jucunda sepultast—конца республиканскаго періода [6]), С. I, 1080: Pompeia Asclepias heic sepulta est [7]) (тоже) и друг. Но „autobiographum" этого шаблона—опять не раньше императорскаго періода: n. 220 — надгробіе Планцины изъ Сикки Африканской [8]), n. 802—Беневентская надпись нѣкоего Маго—нѣсколько древнѣе предыдущей.

Ближе другихъ къ шаблону *hic sepultus sum* стоитъ *hic conditus* [9])

---

[1]) Собственныя имена отодвигаютъ надпись къ концу I вѣка.

[2]) Передъ penthemimeris—дополненіе вполнѣ возможное: ср. n. 599. 707. 1100.

[3]) Въ греческихъ надгробіяхъ эта терминологія сравнительно поздняя: *Hoffmann*, Syll. n. 109; *Kaibel*, n. 244, 10 и др.

[4]) Надпись составляетъ два шаблонныхъ гекзаметра, сильно покалѣченные въ примѣненіи ad hominem; напрасно поэтому, думается намъ, придаетъ такое значеніе метрикѣ этой надписи Цандеръ, р. ХС, считая ее однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ ритмическаго стихосложенія, въ частности въ ней анапесты „ad rhythmum".

[5]) *quiesco* замѣнено болѣе рѣдкимъ *quietus* (*sum*), но слѣдуетъ принять во вниманіе, что надпись эта африканская; еще болѣе осложнена Веронская надпись n. 1078: *hic* mea composito *requiescunt* o[*ssa* sepulcro], замѣчательная и вообще по своей композиціи, см. выше, и ср. n. 1104, 3.

[6]) *Zander*, ор. с. р. СС—причисляетъ надгробіе это еще къ сатурніямъ.

[7]) Ibid. р. ССІ.

[8]) Бюхелеръ ad tit. 1554 гадательно относитъ надпись къ III вѣка по Р. Хр.

[9]) Довольно древній ритуальный терминъ, ср. *conditivom*, *conditorium*.

sum, для котораго мы находимъ наиболѣе распространенную разновидность въ африканскомъ надгробіи Юпія Викторія, n. 184: hoc in loco suo conditum est corpus meum (императ. пер.); проще римская колумбарная надпись n. 427: condita sum Nice, съ опущеннымъ *hic*, неудобнымъ для начала гекзаметра; наиболѣе древній реторизированный примѣръ этого шаблона даетъ Патавійское надгробіе 19-лѣтней Клавдіи Торевмы, отпущенницы имп. Тиберія, n. 1077: hac ego — *condor* humo, съ очень рѣдкою формой praesentis [1]).

Въ эту же группу слѣдуетъ поставить и шаблонъ *hic positus* (*compositus*) *sum* [2]), всѣ примѣры котораго относятся къ императорскому періоду [3]): n. 602 [4]), 1161 [5]); 449 (*hic sum compositus* разнесено по двумъ стихамъ [6]).

Дальше стоятъ рѣдкіе шаблоны: *hic ego sum opertus*, n. 1118 [7]), и *hic ego sum inlatus*, n. 969—тоже императорскаго періода.

Къ рѣдкостямъ принадлежатъ также шаблоны съ простыми глагольными формами: n. 447: hic me combussere parentes (начала императ. періода); n. 789: hic mihi erus sacravit sepulcrum; n. 330: hic premor; n. 804: hoc titulo legor; n. 1105: hoc carmine memorantur mei manes; n. 85: hic meos cineres mater terra tegit; n. 1119: hoc titulo contegor (вм. ожидаемаго *hoc tumulo*).

Наконецъ отмѣтимъ нѣсколько шаблоновъ, обусловленныхъ пред-

---

[1]) Очень рѣдки подобныя repraesentationes и въ греческихъ надгробіяхъ, даже и въ болѣе позднихъ, IV — III вѣковъ; любопытно θνήσκω и θνήσκει, *Hoffmann*, Syll. n. 184. 185; ἄπειμι, ib. n. 148; θνήσκεις, ib. n. 189; ср. *dicat*, n. 15; *conditur*, n. 16; *redditur*, n. 53; *necis potior*, n. 80, и др.

[2]) *Depositus*, *depositio*—термины христіанской эпиграфики.

[3]) Хотя терминъ *positus* самъ по себѣ и можетъ быть древнимъ, и дѣйствительно встрѣчается еще въ республиканскій періодъ, напримѣръ на нѣкоторыхъ оллахъ изъ S. Cesario, C. I, 888; ср. hic posit(us), C. I, 1067.

[4]) Мужской archetypum: *hic ego sum positus*, для котораго конечно только случайно пока не оказывается примѣра, равно какъ и для 3-го лица *hic ille est positus*.

[5]) *hic sum positus qui* съ легкою перестановкой даетъ *h. p. s. qui*; менѣе вѣроятно дополненіе *hic*(*ego*) *sum positus*, уничтожающее метръ въ довольно цѣльномъ и—что главное—въ довольно шаблонномъ гекзаметрѣ.

[6]) Случайно и для этого шаблона въ такомъ видѣ намъ неизвѣстно примѣра; мы не рѣшаемся соединять въ этомъ надгробіи *hic sum compositus matris ab ubere raptus* особенно въ виду указаннаго Бюхелеромъ ad tit. заимствованія клаузулы изъ Вергилія.

[7]) Скорѣе всего разновидность очень распространеннаго *tegi*, *contegi*, чѣмъ синонимъ *raptus*.

ставленіемъ о гробницѣ, какъ *жилищѣ*, *мѣстопребываніи* усопшаго; самый простой *hic ego sum*, n. 417 [1]), или съ опущеннымъ sum: *hic ego*, n. 830; болѣе опредѣленно *hoc ego sum tumulo*, n. 388 [2]). 1163; ossa sub hoc tumulo sunt, n. 648; *hic mihi sunt sedes*, n. 88, всѣ императ. періода; смѣшанной указательно-повѣствовательной формы вычурное elog. autob. нѣкоей Марцеллины n. 15 — слѣдуетъ поставить особо.

Слѣдуетъ однакоже отмѣтить, что помимо своего самостоятельнаго употребленія въ приведенныхъ примѣрахъ, нѣкоторыя формулы „указательнаго" типа встрѣчаются и въ надгробіяхъ предшествующаго, болѣе или менѣе „чистаго" типа, какъ бы вплетенными въ общій автобіографическій tenor ихъ текста; сюда относятся:

n. 56 (надгробіе Евризака): corporis reliquiae sunt in hoc panario;
n. 185: placuit hic locus [3]);
n. 197: tenet hunc tumulum;
n. 370: hoc titulo debuit legi;
n. 615: (hic) requiesco sepultus;
n. 760: sub instanti sum positus lapide;
n. 814: ut huc venirem;
n. 822: carmina haec in tumulo conspicienda meo;
n. 847: hoc titulo fixerunt nomen aeternum;
n. 890: hanc sedem peti;
n. 900: perfeci hanc domum;
n. 1078: hic mea conposito requiescunt o[ssa sepulcro] [4]);
n. 1081: hoc mih]i Claudia v[ovit] [5]);
n. 1086: iaceo sedibus istis;
n. 1096: fata (me) tradiderunt hoc loco;

---

[1]) 3-е лицо: *hic est* и просто *hic* встрѣчается еще въ республиканскій періодъ: C. I, 1010, 1012, 1071 и др.; не относится къ этому шаблону C. I, 1065 (вр. Августа): *ego sum* L. Lutatius Paccius etc., формула въ чисто-латинскихъ надгробіяхъ очень рѣдкая, ср. n. 330; въ греческихъ—въ древнѣйшихъ, напримѣръ *Hoffmann*, Syll. n. 178 (VII—IV вѣка до Рожд. Хр.).

[2]) Соедини *redditus aevo*, ср. n. 87: otio sum perpetuo tradita.

[3]) Указательное *hic* при *locus* опускается рѣдко: n. 105 (112): ossa sepulta (hoc) loco; n. 312: (hoc) tumulo ossa sepulta latent; виной здѣсь иногда метръ, какъ, напримѣръ, въ 427.

[4]) Центоннаго типа.

[5]) Возстановленія Бюхелера и наше сводятся къ вѣроятности присутствія „указанія" въ концѣ.

n. 1097: hoc contegor a tumulo;
n. 1122: (h)oc tumulo nunc sum;
n. 1129: membra texi[t corporis iste lapis] [1]);
n. 1158a: tumulus iste docet;

Явленіе это конечно нисколько не удивительно въ виду общей сепулькральнымъ текстамъ шаблонности съ одной стороны, а съ другой при *древности* и большомъ употребленіи *въ императорскій періодъ* „указательнаго" типа надгробія, весьма удобнаго для одновременной квалификаціи покойнаго и памятника.

Непосредственно примыкаетъ къ обѣимъ разновидностямъ:

III. Elogium autobiographum съ обращеніемъ къ путнику.

Мы уже отчасти касались этой разновидности во второмъ этюдѣ passim; но ея устройство и примѣненіе въ сепулькральномъ обиходѣ вполнѣ заслуживаетъ отдѣльнаго болѣе обстоятельнаго обозрѣнія.

Выше [2]) было показано, что самъ по себѣ типъ „обращенія къ путнику", какъ несамостоятельный, недостаточенъ для составленія надгробія и, за вычетомъ нѣкоторыхъ особыхъ случаевъ, употребляется въ соединеніи съ другими, между прочимъ весьма нерѣдко именно съ elogium autobiographum [3]).

Разъ самый памятникъ помѣщенъ ἐγγὺς ὁδοῦ, то конечно самое естественное мѣсто „обращенія къ путнику"—*въ началѣ* надгробія, какъ это и бываетъ обыкновенно въ греческихъ надгробіяхъ этого типа [4]); въ латинскихъ такой пріемъ наблюдается также въ большинствѣ текстовъ, сюда относящихся, и притомъ, какъ увидимъ, въ наиболѣе древнихъ образцахъ.

Уже въ самой эпиграммѣ Пакувія, древнѣйшемъ образцѣ „обращенія къ путнику", есть нѣчто презюмирующее разбираемую комбинацію. Какъ мы выше видѣли изъ анализа ея композиціи [5]), оно состоитъ изъ „обращенія" (2 стиха), потомъ „повѣсти" древнѣйшаго шаблона *hic situs est*, и вторичнаго „обращенія" съ заключительнымъ

---

[1]) Присутствіе несомнѣнной формы *texit* дѣлаетъ дополненіе „указанія" весьма вѣроятнымъ; тоже и въ n. 1135, 12.

[2]) Стр. 45 сл.

[3]) Стр. 47, 48.

[4]) *Hoffmann*, Syll. n. 2, 13, 66, 154, 183, 185 и др.; нѣсколько рѣже въ концѣ, хотя не много рѣже: ib. n. 55, 78, 88, 139, 199 и др.

[5]) Стр. 40—43.

vale, то-есть, композиціи довольно любимой въ императорскій періодъ [1]). Въ этомъ второмъ „обращеніи" нужно однако отмѣтить форму *volebam* (*ego volebam* у Филотима), которую можно конечно принять за реторизацію saxulum rogat [2]), но принимая во вниманіе сказанное нами выше объ употребленіи въ римскихъ надгробіяхъ типа „повѣсти отъ лица надгробнаго камня", вѣроятнѣе отнести это volebam къ самому покойному [3]).

Отъ такого „pseudautobiographum" [4]) уже конечно не особенно далеко и до разбираемой комбинаціи, но конечно мы не въ состояніи отвѣтить на вопросъ, *почему* Пакувій въ своей эпиграммѣ не воспользовался пріемомъ реторизаціи, уже примѣненнымъ его старшимъ родственникомъ; можетъ быть, потому, что не счелъ возможнымъ отступить отъ исконнаго шаблона hic situs est,—но разумѣется такія гипотезы суть не болѣе какъ таковыя.

„Обращеніе къ путнику" *въ началѣ* надгробія комбинируется съ elogia autobiographa *разныхъ* типовъ. Изъ нихъ наиболѣе часто примѣняется:

а) *Elogium autobiographum въ чистомъ видѣ.*

Древнѣйшій примѣръ—вышеупомянутое [5]) Беневентское надгробіе Гельвіи Примы, n. 227, начала I вѣка до Р. Хр., распадающееся на 2 части, *по 2 дистиха* въ каждой; 1-я часть—„обращеніе" и собственное имя покойнаго [6]), вторая собственно „автобіографія".

О древности нормы въ *2 дистиха* для elog. aut. мы уже говорили выше.

Другіе примѣры—императорскаго періода.

Къ 10 г. по Р. Хр. относится точно датированное [7]) римское надгробіе отпущенницы Рустицеліи Цитериды, n. 135, довольно ори-

---

[1]) Стр. 44.

[2]) Стр. 42.

[3]) Къ самому покойному лучше будетъ отнести и *voluit* въ концѣ Граніевой эпиграммы, особенно въ виду первыхъ двухъ стиховъ, мысль которыхъ та, что надгробный камень только, такъ сказать, посредникъ между покойнымъ и путникомъ: lapis ostendit, quod mandavit is, cuius umbram tegit; „воля" слѣдственно и здѣсь относится къ покойному.

[4]) Примѣры приведены выше.

[5]) Стр. 43.

[6]) Ср. *Kaibel*, n. 101.

[7]) X, K. Sept. Maluginense et Blaeso cos.

гинальной композиціи [1]). Какъ и надпись Гельвіи Примы, оно дѣлится *на двѣ* равныхъ половины, но *по 3 дистиха* (позднѣйшаго типа) въ каждой; обѣ части имѣютъ видъ „обращеній", первая—къ путнику, вторая къ живому еще супругу [2]).

На основаніи палеографическихъ соображеній Гюбнеръ относитъ къ эпохѣ Тиберія римскую надпись отпущенницы Dorchas, n. 105, довольно простой композиціи, въ 2 дистиха съ добавочнымъ сенаромъ отъ поставившаго памятникъ. Надгробіе есть шаблонъ, дословно почти повторенный въ римскомъ же надгробіи отпущенницы Гедіи Нардины, n. 112, съ добавочнымъ гекзаметромъ изъ другаго шаблона того же типа, и съ добавленіемъ прозаическаго посвященія. Вторая надпись осложнена еще парой дистиховъ отъ лица посвятившаго съ

---

[1]) См. выше стр. 127.

[2]) Бюхелеръ ad n. 965, p. 445 полагаетъ, что идея такой композиціи кроется въ желаніи представить покойную „говорящей" *до смерти* и *послѣ смерти*; на нашъ взглядъ это соединеніе объясняется просто *центонностью* текста, обычною въ надгробіяхъ людей этого класса. Для „обращенія" составитель взялъ шаблонъ, повторяющійся съ нѣкоторыми варіантами въ африканской надписи тоже отпущенницы Каниніи Руфы, n. 219, приблизительно того же времени или нѣсколько позднѣйшаго: Caninia L. l. Rufa могла быть отпущенницей Л. Канинія Галла, кс. 2-го г. до Р. Хр., ср. C. I, 749, чему не препятствуетъ композиція ея имени: *Hübner*, Epigr., p. 674, 678, 679; форма *sephulcrum* въ африканской надписи не есть признакъ особенно поздней эпохи, равно какъ и долгіе годы (vixit annis XXC) покойной. Формы будущаго времени въ этомъ обращеніи нѣтъ надобности понимать непремѣнно въ смыслѣ желанія составителя надписи представить покойнаго *говорящимъ заживо;* шаблонныя praeterita въ такихъ надгробіяхъ иногда замѣняются формами настоящаго и будущаго и помимо такого желанія: ср. обращеніе усопшаго Веттія Агорія къ живой женѣ n. 55; ср. еще n. 77 (hunc titulum *dedicat* fides); n. 97 (ст. 4—8 слова покойнаго мужа къ покойной женѣ); n. 98 (Iunia castarum hoc *es* in orbe decus); n. 100 (арх.; *linquit*, *locat*); n. 112 (si quis forte *leget* titulum); n. 117 (subito *desinis* esse mea); n. 300 (*volo vixi*); n. 364 (hunc qui *leges* titulum); n. 428 (*deprimor*); n. 432 (*eripitur*); n. 465 (*linquo*); n. 581 (si nomen *queres* qui *leges*): n. 711a (quisquis — *legeris*); n. 779 (*optarit*), и др. Конечно „vivorum monumenta" здѣсь въ счетъ не идутъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ нашей надписи непремѣнно лучше было бы contexit, fuit и др., мы только не видимъ надобности признавать упомянутую идею *антитезы* въ обѣихъ частяхъ надгробія. Къ тому же, въ n. 219 этотъ же шаблонъ употребленъ совершенно самостоятельно отъ лица несомнѣнно покойнаго. Вторая часть надгробія—несомнѣнный центонъ, гдѣ ст. 11-й есть довольно шаблонный пентаметръ, взятый сюда вмѣсто гекзаметра; ст. 13-й взятъ даже изъ не реторизированнаго шаблона; по мысли ст. 9, 10 противорѣчатъ стихамъ 7, 8, такъ что намѣренной реторической связи между обѣими половинами, на нашъ взглядъ, нѣтъ.

шаблонной жалобой на скромность средствъ, препятствующихъ поставленію болѣе богатаго памятника.

Къ эпохѣ Клавдія [1]) Гюбнеръ относитъ римскую надпись Тиберія Клавдія Тиберина, n. 396,—напыщенное, ученое, ad hominem составленное надгробіе изъ 10 дистиховъ: „обращеніе"—2 дистиха., и „elog. aut."8 дистиховъ (=3+4+1). «Aetatis Flavianae", по тому же Гюбнеру, Путеоланское надгробіе отпущенницы Кокцеи Θаллусы, n. 253, составленное тоже ad hominem довольно посредственными гекзаметрами, съ довольно любопытнымъ „обращеніемъ", по составу *двойнымъ*: ст. 1—4—обычное обращеніе къ „любознательному" путнику, ст. 5—10 „обращеніе" сентенціозное, на обычную тему „omnia cum vita pereunt"; связующей мыслью служитъ „ergo ne sit dolor", ст. 4; самый elogium autob. состоитъ изъ 12 гекзаметровъ (8+4).

Затѣмъ слѣдуютъ: n. 240: простое „обращеніе" въ видѣ шаблоннаго дистиха и краткій (1 дистихъ) elogium съ интерполированною цифрой лѣтъ брака.

Вторая половина надписи—тоже два дистиха—θρῆνος супруга покойной, довольно посредственной композиціи; n. 267 (2)—одна изъ надписей Атилія Помптиллы [2])—два хорошихъ дистиха, гдѣ упоминаніе о путникѣ только введено въ общій tenor надгробія, но не составляетъ „обращенія" per se, что, какъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ, въ надписяхъ этого класса людей обычное явленіе; n. 386—два дистиха—по внѣшности—нарративнаго типа, но изъ формы *ne flete* видно, что это—повѣсть отъ лица погребенныхъ братьевъ; n. 466—центонъ изъ 3-хъ шаблоновъ, съ плохой пригонкой ad hominem; n. 611—тоже центонъ изъ двухъ частей: изъ шаблоннаго обращенія и „elogium autobiographum" ad hominem съ частями шаблоновъ; въ такомъ же родѣ n. 613: какъ и въ предыдущемъ, шаблонное обращеніе (2 стиха) и „elog. aut." ad hominem съ шаблонными вставками; n. 649 [3]) „обращеніе"—2 дистиха, и „elog. aut." 4 дистиха, n. 844—4 дистиха; 1+3; n. 1063: 2 сенара (1+1);

---

[1]) Ti. Claudius Esq. Aug. l. Tiberinus едва-ли отпущенникъ Тиберія (*Cagnat*, p. 173), а скорѣе Клавдія (ib. p. 176); хотя покойный и жилъ всего около 25 лѣтъ, и памятникъ „fecit mater filio", но „ученость" стихотворенія, вычурность выраженій и самый объемъ скорѣе говорятъ за конецъ I вѣка, а такъ какъ оно могло быть поставлено и не немедленно послѣ смерти Тиберина, то мы и вдвинули его въ довольно просторныя рамки.

[2]) См. выше, стр. 26.

[3]) По Гюбнеру, „aetatis Antoninianae".

n. 1126: центонъ изъ 2 шаблоновъ: ст. 1—4 тѣже что n. 466 и passim; 5—6 шаблонное обращеніе къ *lapis* или *terra*, какъ въ n. 466 и passim; n. 1137: „обращеніе" (1 гекз.)+elog. aut. (ритмическая проза); n. 1153—акростихъ; n. 1157—8 стиховъ плохаго метра: 3+5, съ рѣдкой формой „обращенія": *rogantis post obitum*, ср. n. 1162; въ мавзолейной эпиграммѣ n. 879 (II вѣка по Р. Хр.) послѣ „обращенія" слѣдуетъ описаніе памятника; надпись, впрочемъ, въ концѣ не полна.

Нѣсколько рѣже „обращеніе" комбинируется съ

b) *Elogium autobiographum* типа *hic situs sum*.

Уже a priori мы должны ожидать, что комбинація „обращенія" съ шаблономъ hic situs sum будетъ представлена въ довольно древнихъ примѣрахъ, эпохи республики, и это ожиданіе оправдывается.

Мы видѣли выше [1]), что реторизированное *hic situs sum* попадается въ видѣ самостоятельнаго вида надгробія лишь съ начала императорскаго періода, хотя насъ не удивила бы находка такого шаблона и въ I вѣкѣ до Р. Хр.; для „обращенія"+ hic situs sum есть примѣры именно изъ этого времени. Уже сама Пакувіева эпиграмма даетъ комбинацію „обращенія"+hic situs est; болѣе древнихъ примѣровъ мы въ силу вышесказаннаго не ожидаемъ. Первымъ по времени *послѣ Пакувія* примѣромъ комбинаціи „обращенія"+реторизированное hic situs sum служитъ уже упоминавшееся нами [2]) надгробіе Руфріи [3]), n. 721, первой половины I вѣка до Р. Хр.: противъ Пакувіевой эпиграммы здѣсь добавлено обозначеніе поставившаго памятникъ и опущено второе „обращеніе",—композиція еще очень простая.

Къ сожалѣнію, неполна надпись n. 527 нѣкоего Фирма изъ Луцеріи, императорскаго періода: въ „обращеніи" весьма вѣроятно дополненіе ante me[um tumulum]; въ elogium—только то обстоятельство, что собственное имя обыкновенно предшествуетъ *3-му лицу* шаблона hic situs est, а не *первому*, заставляетъ издателей дополнять

[1]) Стр. 26.

[2]) Стр. 15.

[3]) Verna Rufria читаетъ Бюхелеръ; намъ думается, что имя ея дочери—либертинки, Iuventia Hilara, всетаки не даетъ еще непремѣнно основаній считать и мать таковою же; съ другой стороны—что и либертины сохраняли наименованіе „verna", хотя и не въ качествѣ собственнаго имени—видно изъ такихъ примѣровъ, какъ n. 798.

sit[us est hic] [1]), а не sit[us sum hic]; но въ виду такихъ примѣровъ, какъ n. 27: Attica dis data sum; n. 267, 1: Atilia hic sita sum, и др.—до нѣкоторой степени кажется возможнымъ и дополненіе Firmus sit[us sum hic] [2]), то-есть причисленіе этой надписи къ разбираемой немногочисленной группѣ.

Для комбинаціи „обращенія" съ *hic iaceo* примѣровъ нѣсколько больше, но всѣ относятся къ императорскому періоду: n. 182 [3]); 340 (небрежной композиціи, изъ 4-хъ дистиховъ, изъ коихъ 2-й и 3-й слѣдовало бы переставить, такъ какъ „указаніе" обыкновенно слѣдуетъ непосредственно за „обращеніемъ"; но желаніе выдвинуть контрастъ между „жизнью" и „смертью" заставило составителя расположить дистихи наоборотъ; въ концѣ—второе обращеніе къ живущимъ); 422 [4]) (устройства аналогичнаго съ n. 182); 512 (рѣдкій образецъ ритмической прозы съ обозначеніемъ имени автора—ad hominem, но съ шаблонными вставками); 667 („обращеніе"—метрически правильный шаблонъ+„elogium autob." ad hominem очень плохаго метра съ нѣкоторыми слѣдами шаблона); 1065 (3 стиха плохаго метра—1+1+1); 1124 (очень правильной композиціи, изъ 3-хъ дистиховъ: 1 (обращеніе)+2 (elog. aut.).

Къ рѣдкимъ случаямъ принадлежитъ n. 534,—5 дистиховъ, изъ коихъ 2 первыхъ—шаблонное „обращеніе" (ср. n. 1269, гдѣ пропалъ elogium aut.), и 3 дистиха—elog. aut.—съ „указаніемъ" только въ концѣ, такъ что эти 3 дистиха можно было бы почти принять за elog. aut. въ чистомъ видѣ.

Весьма любопытно также римское надгробіе Эліи Сабины, n. 403—императорскаго періода [5]), съ двойнымъ „обращеніемъ къ путнику": ст. 3—5 путникъ приглашается *идти мимо* и *не читать* надгробія, обращеніе въ высшей степени рѣдкое; въ ст. 8 и 9 обращеніе повторено, по видимому, съ обратнымъ смысломъ, но, вѣроятно, состави-

---

[1]) Ср. n. 64: Iulia hic sitast; n. 140: Suetrius Hermes hic situs est; n. 164: Urbanilla hic sita est, и др.

[2]) Плохой метръ надгробія здѣсь конечно не препятствіе; къ [ado]levit можно дополнить aetas mea; въ остальномъ текстѣ помѣхи тоже нѣтъ.

[3]) Хотя „hic Sotira iacet" не реторизировано, но „titulis nostris" и общій тонъ элогія скорѣе подходитъ къ „автобіографіи"; Гюбнеръ относитъ надпись къ II вѣку по Р. Хр.

[4]) „aetatis Commodianae", Hübner.

[5]) Имена собственныя даютъ нѣкоторую возможность отнести его къ II вѣку по Р. Х.

теля ввелъ въ заблужденіе весьма обычный шаблонъ *(iam) siste viator*, который здѣсь однако довольно странно противорѣчитъ мысли перваго обращенія; самый elogium aut. занимаетъ всего 4 стиха. Въ римскихъ метрическихъ надгробіяхъ другой подобной эпитафіи намъ не извѣстно.

Несоразмѣрно кратокъ сравнительно съ „обращеніемъ" elogium aut. въ n. 1225 [1]), гдѣ мы находимъ тоже два обращенія: къ путнику и къ „superi" a elog. autob. всего въ одномъ выраженіи vixsi... dum volui bene. Въ такомъ же родѣ былъ, вѣроятно, n. 9 [2]), гдѣ впрочемъ отъ элогія собственно осталось очень немного.

Къ разбираемой комбинаціи можно отнести съ нѣкоторою вѣроятностью и слѣдующіе неполные тексты: n. 30, 103, 591, 1076, 1348, 1360.

Особнякомъ стоитъ кареагенское надгробіе Северы, n. 216 (B 1606), императорскаго періода: „обращеніе" даетъ въ первыхъ пяти словахъ гендекасиллабъ, остальная часть его и дальнѣйшій текстъ — проза, писанная „sermone rustico" [3])—ad hominem.

Значительно рѣже, какъ мы говорили уже [4]), „обращеніе" является *въ самомъ текстѣ* надгробія, на своемъ наименѣе *естественномъ* мѣстѣ; среди elogia autobiographa—это не только меньшинство, но и тексты не совсѣмъ обычнаго устройства.

Естественнѣе другихъ комбинація въ n. 1127 [5]), римскомъ надгробіи нѣкоего отпущенника T. Atticus, императорскаго періода: 6 гекзаметровъ, которые можно раздѣлить на 3 двустишія [6]); въ первомъ „обращенія", почти навѣрно, не было: его складъ чисто „автобіографическій"; во второмъ—„обращеніе", сколько можно судить, не совсѣмъ шаблонной формы (вопросъ), а третій—варіантъ обычной жалобы на раннюю кончину, такъ что общій тонъ надгробія—скорѣе elogium autobiographum.

Въ такомъ же родѣ композиція n. 853—надгробія отпущенницы

---

[1]) „aetatis Augusteae", Hübner.

[2]) Судя по собственнымъ именамъ—начала императорскаго періода.

[3]) На нашъ взглядъ, текстъ надписи писанъ не туземцемъ или грекомъ, какъ полагаетъ Бюхелеръ, а именно человѣкомъ изъ народа: обороты въ родѣ qua re, dicis; quia etenim; inodiari apud alqm,—скорѣе напоминаютъ собою рустицизмы, чѣмъ варваризмы.

[4]) См. стр. 48.

[5]) Неполнота текста не препятствуетъ возстановленію общаго смысла.

[6]) У Бюхелера это дѣленіе проведено довольно ясно.

Ветрейи Өетиды: 4 дистиха (2 + 2), вторая половина начинается „обращеніемъ", заключающимся всего въ словахъ „ut cernis", мало связанныхъ съ остальнымъ текстомъ; и здѣсь слѣдовательно общій tenor „автобіографическій", хотя и не elogium autobiographum въ собственномъ смыслѣ.

Затѣмъ, за вычетомъ n. 341 (вставка въ срединѣ можетъ относиться и не къ путнику собственно, а къ „живущему"; въ концѣ—вѣроятно, обычная просьба о пожеланіи terrae levis) и n. 1060 (фрагментъ, гдѣ 1-й и 2-й стихи могли быть связаны въ одно „обращеніе"), наше вниманіе останавливаетъ римское надгробіе отпущенника Оптата, n. 447, начала императорскаго періода,—центонъ изъ двухъ эпиграммъ: I = ст. 3—8 и II = ст. 9—16; первая кончается шаблонною просьбой къ путнику или читателю о пожеланіи terrae levis, и такимъ только образомъ „обращеніе" оказалось въ срединѣ всего надгробія.

Гораздо чаще, чѣмъ *въ срединѣ*, хотя нѣсколько рѣже, чѣмъ *въ началѣ*, встрѣчается „обращеніе" *въ концѣ* надгробія, гдѣ оно, какъ и слѣдуетъ ожидать, имѣетъ нѣсколько иной видъ и характеръ, чѣмъ въ началѣ. Въ самой Пакувіевой эпиграммѣ, какъ мы видѣли,—*двойное* „обращеніе": въ началѣ—съ просьбой *о прочтеніи* надгробія, въ концѣ — *подтвержденіе* „прочитаннаго" и „прощаніе" съ путникомъ (vale),—комбинація въ высокой степени простая и естественная.

Очень схожее съ этимъ вторымъ „обращеніемъ" въ концѣ надписи имѣемъ мы только въ одномъ примѣрѣ,—въ Телесійскомъ надгробіи рабыни или отпущенницы [1]) Аполлоніи, n. 231, II или III вѣка по Р. Х.: 10 недурныхъ стиховъ (elog. autob. типа „hic quiesco") заключаются 11-мъ стихомъ: „haec sunt. bene vive, viator!", стоящимъ внѣ метрической системы надгробія (2+2+2+2+2) [2]).

Нѣсколько чаще, какъ и естественнѣе, elogium autobiographum заключается „обращеніемъ" въ видѣ *простаго* прощанія съ путникомъ, на что и послѣдній иногда отвѣчаетъ тѣмъ же: n. 409 (ритмическая проза смѣшанной композиціи: titulus narrativus + elog. autob., заключающаяся словами „vale viator." „et tu vale") [3]); n. 418 [4])

---

[1]) *Одно* имя *въ текстѣ* надписи употребительно и у либертиновъ: n. 66, 74 и др.

[2]) Ср. Бюхелера ad tit.

[3]) См. выше стр, 30 + not.

[4]) Ср. *Zander*, op. c. p. 70.

(„vale." „salve"); n. 677 (ритмическая проза такой же композиціи, какъ и n. 409; въ концѣ „ave." „vale viator").

Но самый обыкновенный типъ „обращенія" въ концѣ надгробія—это просьба покойнаго къ путнику о сожалѣніи, пролитіи слезъ, о пожеланіи ему, покойному, чего либо соотвѣтственнаго его status: вѣчнаго покоя, „легкой земли" [1]) и т. п. Мы не считаемъ случайнымъ того обстоятельства, что за вычетомъ нѣкоторыхъ неполныхъ текстовъ, какъ напримѣръ n. 207 [2]), 763, 1276 (сохранилось только „обращеніе"), и сравнительно рѣдкихъ примѣровъ, въ родѣ n. 304, гдѣ elogium autob. дается въ чистомъ видѣ,—наши остальныя надгробія этого рода даютъ типъ „указательный" [3]).

„Указаніе"—въ простой ли, или въ реторизированной формѣ—уже по самой идеѣ предполагаетъ „зрителя" или „читателя" въ бóльшей степени, чѣмъ типъ „повѣствовательный"; довольно естественно поэтому *въ концѣ* такого текста обращеніе къ лицу, присутствіе котораго уже предполагалось выше.

Сюда относятся [4]) nn. 1145 (типа *hic situs sum*: дополненіе *fui* въ началѣ намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ *fuit*, по метру возможное); 124, 599 (типа *hic iaceo*); 865, 1066 (типа *hic requiesco*), и n. 1119 (hoc titulo contegor).

Нерѣдко въ этомъ конечномъ обращеніи покойный самъ желаетъ путнику или читателю чего либо,—обыкновенно не испытать такого же или подобнаго несчастія: n. 124 (sic similem titulum natis non scribere possis); n. 899 (типа *hic iaceo*; въ концѣ: quicunque leget, nolo experiatur luctum...); n. 1276 (sorte vacere mea), но часто—просто „благополучія": n. 872 [5]) (bene rem geras et valeas, dormias sine qura); n. 1094 (bene valeat is qui—perlegit; n. 1095 (bene sit tibi qui me legeris).

Довольно также обыкновенно въ концѣ надгробій особенно императорскаго періода, „обращеніе" въ видѣ какой либо *сентенціи*; наиболѣе любимы эпикуреизмы въ родѣ n. 242 (конца республики: valebis, hospes: veive tibi: iam mors venit); n. 663 (bonam vitam vive,

---

[1]) γαῖα ἐλαφρά въ греческихъ надгробіяхъ, напримѣръ *Kaibel*, n. 195.

[2]) Очень вѣроятно, elogium autob. здѣсь былъ въ чистомъ видѣ; въ n. 763—скорѣе указательнаго типа.

[3]) Формула указанія можетъ быть и не въ самомъ началѣ текста.

[4]) Всѣ императорскаго періода.

[5]) „Указаніе"—въ словахъ: hoc est factum monumentum.

quare post obitum [nihil]); n. 1110 (fruere, dunc vita data est), или n. 141 (mortalem te esse memento: nam nulli fas est excedere fata); n. 435 (ambula et te esse hominem fac memineris); n. 767 (huc omnis turba ruit); n. 821 (naturae persolvi debitum).

Очень рѣдко, какъ и естественно, „обращеніе" въ концѣ сообщаетъ какую нибудь автобіографическую деталь, въ родѣ n. 1120 (decepit mendacis fama mathematici).

Особнякомъ слѣдуетъ поставить римское надгробіе Геминіи Агаты, n. 1109, съ замѣтными слѣдами sermonis plebei: длинный и довольно нескладный по метру и содержанію elogium autobiographum, заключающійся такою формой „обращенія", какая употребительна только *въ началѣ* надгробія, съ присоединеніемъ еще арритмической сентенціи о неизбѣжности смерти: заключеніе центоннаго устройства.

Вполнѣ естественно конечно *въ концѣ* надгробія „обращеніе" въ акростихѣ, въ родѣ n. 1103 (iunge versuum exordia); но и здѣсь иногда встрѣчаются въ концѣ сентенціи, какъ въ n. 1138. И наконецъ, довольно часто, какъ въ Пакувіевой эпиграммѣ, „обращеніе" дѣлается дважды: *въ началѣ и въ концѣ* надгробія [1]).

Мы конечно не въ правѣ ожидать, чтобы эта комбинація дала какія либо новыя явленія, сравнительно съ предыдущими; и дѣйствительно, ея главнѣйшія разновидности тѣ же, что мы видѣли и раньше.

а) *„обращеніе"*+elog. autob.+*просьба къ путнику.*

Сюда относятся n. 149 [2]), (semper nostri meminisse velitis); n. 376 (длинное и нескладное римское надгробіе сына центуріона: въ концѣ „просьба": mihi terram levem optetis, и „пожеланіе": vobis dii fortunam beatam praestent; n. 395 (извѣстное римское надгробіе отпущенницы Лициніи Евхариды, начала Августова времени; въ концѣ: rogo, ut discedens terram mihi dicas levem); n. 699 (центонъ; въ концѣ: miserete iacentis, et dic: s. t. t. l.); n. 730 (текстъ неполонъ, но въ концѣ было: dic cineri terra sit usque levis;) n. 1064 (dic: s. t. t. l.); n. 1073 (infunde lacrumas); n. 1140 (dicere ne pigeat: molliter ossa cubent). Въ большинствѣ этихъ надгробій (nn. 149, 376, 395, 1064, 1140) „указаніе" болѣе или менѣе ясно.

---

[1]) Ср. *Kaibel*, n. 120, 125, 314, и др.

[2]) Собственно обращеніе къ *iuvenes*, ср. выше, стр. 40+примѣчаніе 6.

b) *„обращеніе“*+elog. autob.+*пожеланіе путнику.*

Примѣрами служатъ: n. 309 (Августова времени; въ концѣ: nil simile aspicias); чаще—пожеланіе „благополучія“ [1]): n. 376 (см. выше); n. 412 (apud superos vivas... felix); n. 1017 (valete et bene facite vobis); n. 1083 (opto ut seis felicior); n. 1148 (hospes, vive vale, *etc.*); n. 1152 (рѣдкая форма *двойнаго* пожеланія: путнику и себѣ самому: sit tibi lux dulcis, et mihi terra levis).

c) *„обращеніе“*+elog. autob.+*сентенція.*

Сюда принадлежатъ: n. 83 (i nunc [2]) et quicquam—opta: absumet—singula sarcophagus); n. 230 (bene vive, propera: huc est veniundum tibi) [3]); n. 587 (huc omnes veniunt); n. 761 (акростихъ; [4]) въ концѣ et vos venietis ibidem, *etc*); n. 840 (vive dum licet); n. 1073 (см. выше; въ концѣ: vive, quoad fieri potest); n. 1075 (bene facito, dum fatum venit); n. 1130 (варіантъ Горацiевскаго pulvis et umbra sumus); n. 1155 (ср. n. 587); n. 1160 B (сравненіе человѣка съ плодомъ). Сюда же мы относимъ и n. 34, гдѣ за обращеніемъ слѣдуетъ „повѣсть“, и „автобіографическій“ элементъ видѣнъ только въ ст. 13 (mihi).

Къ отдѣльнымъ, болѣе рѣдкимъ разновидностямъ этой комбинаціи относятся: n. 539 (въ концѣ просьба къ путнику о передачѣ живущимъ просьбы покойнаго прекратить сѣтованія); n. 910 (въ концѣ обращеніе къ другу); n. 1117 (въ концѣ—отвѣтъ на вопросъ путника).

Сходна съ вышеуказаннымъ n. 1109 форма „обращенія“ въ концѣ n. 1160 A, писаннаго также отчасти sermone plebeio: nomen si quaeris, *etc.*: надпись не акростихъ.

Къ большимъ рѣдкостямъ принадлежитъ также испанское надгробіе 20-тилѣтней Ники, n. 1061, императорскаго періода: почти вся надпись состоитъ только изъ одного „обращенія“, куда вплетена и

---

[1]) Въ этомъ перевѣсѣ многое конечно слѣдуетъ отнести на долю случайности.

[2]) Примѣры этой формулы собраны у *Lease*, Americ. Journ. of philol. XIX, 1, p. 59 sqq.

[3]) О метрѣ этой надписи ср. *Zander*, op. cit. p. CXXIX.

[4]) Въ текстѣ надгробія въ нашемъ сборникѣ по винѣ метранпажа въ концѣ страницы выпалъ стихъ 8-й: Vt miro ingenio sacr(a) cymbal(a) concrepui, на который есть ссылка въ аппаратѣ.

„автобіографія", и просьба о сѣтованіи, и пожеланіе путнику (vivas pluribus, *etc.*), и наконецъ сентенція (qui legis, ipse legeris): надпись, очевидно, ad hominem.

Доселѣ мы знакомили читателя съ тремя наиболѣе обычными и употребительными формами типа elogii autobiographi; намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ менѣе часто встрѣчающихся его разновидностяхъ.

Къ разряду elogia autobiographa въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ слѣдуетъ еще отнести свойственный надгробіямъ императорскаго времени сильно-реторизированный шаблонъ: *ille ego qui*, вводящій собою „автобіографію".

Какъ извѣстно, одна изъ функцій въ сугубой степени указательнаго *ille* [1])—подчеркивать въ видѣ своего рода указательной энклитики *одно* изъ понятій или терминовъ въ предложеніи; это можетъ быть, и бываетъ обыкновенно, *имя*: Medea illa, domus illa, но иногда и другая часть рѣчи, даже нарѣчіе или частица: *multum ille* et terris iactatus et alto; *non ille*—timidus perire [2]), и др.

По видимому, плеонастически, но въ сущности съ той же функціей стоитъ такое *ille* при *мѣстоименіяхъ*: instat *hic* nunc *ille* annus egregius [3]); частностью этого послѣдняго употребленія является *ego ille*: Plin. Epl. I, 6, 1: *ego ille*, quem nosti, apros tres et quidem pulcherrimos cepi [4]).

Весьма удобно дактилизованное *ille ego* (*qui*) встрѣчается уже у поэтовъ Августова вѣка [5]): Ovid. Met. I, 756: ille ego liber, ille

---

[1]) Ср. *Dräger*, H. S. I, p. 85, § 42.

[2]) Hor. Od. IV, 9.

[3]) Cic. Att. I, 18, 4; ср. надпись n. 858, ст. 6: Caecilius Niger est *hic ille* sepultus ad undas.

[4]) Ср. аппаратъ у *Кейля* ad loc.

[5]) Извѣстное: ille ego qui quondam *etc.* по *времени* возможно. Любопытно въ этомъ отношеніи стихотвореніе того же Овидія, Trist. IV, 10, представляющее собою типичный „elogium autobiographum", изъ 3-хъ шаблонныхъ частей: ст. 1, 2—„обращеніе" (ille ego qui fuerim tenerorum lusor amorum; quem *legis*, ut *noris*, accipe *posteritas*); ст. 3—130 извѣстная „автобіографія" поэта, ст. 131, 132 „обращеніе" къ читателю. Что вся пьеса могла бы быть по своему устройству и тону отличнымъ надгробіемъ—всякому понятно; ср. стихи 3, 5, 31, 71, 78, 87, 129 и др., для которыхъ найдется не мало аналогій въ дѣйствительныхъ carmina sepulcralia.

ferox tacui; въ надписяхъ же исключительно въ дактилическомъ метрѣ.

Къ наиболѣе чистымъ образцамъ этого шаблона относятся: n. 625 Остійское надгробіе Т. Элія Деметрія, времени Антонина Пія [1]): ille ego Demetrius, *etc.*, пышный, но нескладный текстъ со слѣдами sermonis plebei; въ концѣ только метръ переходитъ въ плохіе сенары; n. 1071—знаменитое Паннонское надгробіе Батавскаго стрѣлка, времени Адріана: ille ego—quondam—potui qui, *etc.*; только въ концѣ „указаніе": „hic situs" (sum); въ такомъ же родѣ римская надпись „претора" Кассія Агриппина, времени Траяна, n. 1089: ille ego, qui quondam [2]) colui, съ „указаніемъ" въ концѣ: hic sum; n. 1091—тоже римская надпись (почетная) Арадія Прокула Популонія, консула 340 г. по Р. Х.: ille ego sum Proculus, *etc.*; n. 1104: ille ego Alexander—съ „указаніемъ": hic mea ossa requiescunt.

Формула *ille ego* (qui) можетъ и не *начинать* собой надгробія, хотя всетаки обыкновенно она помѣщается болѣе или менѣе *близко* къ началу: n. 650: hic situs ille ego sum, *etc.*; n. 465: C. T. R. nominor ille annos qui vitae linquo, *etc.* [3]); въ n. 548 „ille ego qui" начинаетъ собой 3-й стихъ: надгробіе неважнаго метра, съ сентенціей въ концѣ; въ n. 1101—ille ego qui стоитъ даже въ началѣ 5-го стиха, но первые 4 есть своего рода „обращеніе"; еще яснѣе это видно изъ n. 93 [4]), гдѣ послѣ формальнаго „обращенія къ путнику" въ 2 стиха идетъ собственно elogium aut., начинающійся illa ego quae—fueram, *etc.*, въ 4 дистиха. Такого же, нѣсколько центоннаго устройства n. 272, только въ немъ „обращеніе" (1 дистихъ)—въ концѣ, а elog. aut. *начинается* прямо формулой ille ego qui.

Къ очень рѣдкимъ разновидностямъ этого шаблона нужно отнести сочетаніе *hic ego qui* въ n. 1162: hic ego qui sine voce loquor; въ такомъ же родѣ n. 1138: hic ego qui taceo, но здѣсь *hic* могло быть вызвано и акростихомъ; обѣ надписи довольно поздняго времени [5]).

---

[1]) Ср. *Cagnat*, Ep. p. 190.

[2]) Одинъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ *этого* сочетанія словъ.

[3]) Въ срединѣ—обращеніе къ „зрителю".

[4]) „aetatis Tiberianae" по Гюбнеру: одинъ изъ наиболѣе древнихъ примѣровъ формулы *ille ego qui* въ надписяхъ; собственныя имена: Atimetus, Pamphili, Ti. Caesaris Aug. l(iberti) l(ibertus) указываетъ на то же время.

[5]) Не слѣдуетъ исправлять въ n. 1108, 2 idem ego sum въ ille ego sum; въ n. 628 въ началѣ *ille ego* возможно въ текстѣ, писанномъ отчасти sermone plebeio; смѣшеніе 3-го и 1-го лицъ здѣсь не удивительно.

Изъ соединенія болѣе древней „повѣствовательной" формы элогія съ болѣе новою, реторизированною, возникаетъ довольно рано *смѣшанный* типъ, *повѣствовательно-автобіографическій*, первымъ примѣромъ котораго является надгробіе Эннія [1]).

Въ большинствѣ примѣровъ этого типа „повѣствовательная" часть *предшествуетъ* „автобіографической", явленіе, конечно, далеко не случайное, хотя въ значительномъ количествѣ случаевъ комбинація эта имѣетъ довольно механическій характеръ [2]).

Прекрасное понятіе объ этомъ типѣ даетъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ дѣйствительныхъ надписяхъ его примѣровъ, n. 457—римское надгробіе неизвѣстной [3]) дочери нѣкоего отпущенника Кв. Ранція Прота, первой половины I вѣка до Р. Х. Надпись состоитъ изъ 2-хъ главныхъ частей: ст. 1—11—elogium narrativum съ вѣроятнымъ „указаніемъ" въ началѣ, и съ упоминаніемъ о „luctus parentium" въ концѣ; ст. 12—17 часть „автобіографическая" (ср. ст. 14, 15), въ видѣ обращенія покойной къ „живущимъ" съ просьбой о прекращеніи „плача" и съ завѣтомъ мира (ср. n. 471); связующее понятіе—*плачъ* по усопшемъ; надгробіе заканчивается extra tenorem краткимъ (ст. 18—20) упоминаніемъ о лицѣ, поставившемъ памятникъ.

Но такое все же не вовсе механическое соединеніе обѣихъ частей довольно рѣдко: n. 1029 (*occidit* septem mensibus atplicitis, quos super *atvixsi etc.* [4]); n. 1110 (*fuit hic* vitae nitidus..... *nunc levis iaceo, etc.* [5]). Значительно чаще связь эта ничѣмъ не выражена, и надгробіе носитъ поэтому нѣсколько центонный характеръ: n. 330 (ст. 6: Surilla ego sum—какъ бы въ началѣ „автобіографіи"): n. 832 (ст. 4 и 5 = весьма нерѣдкій самостоятельный шаблонъ); чаще—предшествующій „titulus narrativus" имѣетъ „указательную" форму; къ древнѣйшимъ примѣрамъ—начала императорскаго періода—относятся: n. 1111 [6]) (haec est, quae vixit...); n. 1072 (inclusa hoc tumulo...); n. 946 (ossa hic sita sunt: два стиха двухъ шаблоновъ); n. 64 (femina optima hic sitast); болѣе поздніе примѣры: n. 60 (huc sita est

---

[1]) См. выше стр. 36 и указанные тамъ примѣры; ср. еще стр. 38. Въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы беремъ только наиболѣе рельефные случаи.

[2]) Про Энніеву эпиграмму, какъ мы видѣли (стр. 37) этого сказать нельзя.

[3]) Не смотря на соблазнительность догадки *sepulta*, всетаки отсутствіе имени собственнаго въ началѣ архаическаго надгробія мало вѣроятно.

[4]) *Atvixsit* менѣе вѣроятно и палеографически.

[5]) Оба надгробія—sermonis plebei.

[6]) Матеріалъ—„lapis Tiburtinus".

P.); n. 21 (hoc lapide tegitur A.); n. 409 (Antonius-hic iacet); n. 821 ([his tegitur] tumulis...). Трудность соединенія обоихъ типовъ въ этихъ примѣрахъ не преодолѣна, и, вѣроятно, настоятельной потребности въ томъ и не чувствовалось.

Гораздо рѣже, какъ и естественно, „повѣсть" занимаетъ *второе* мѣсто, какъ въ африканскихъ надгробіяхъ n. 197 (гдѣ метръ пропавшей части допускаетъ и *fuit*, и только *тонъ* первой *пары дистиховъ*, а равно и аналогія [1]), говорятъ въ пользу возстановленія *fui*), n. 182 (вѣроятное возстановленіе *titulis-nostris*, гдѣ *nostris* скорѣе должно быть отнесено къ покойному, чѣмъ къ поставившему памятникъ), и n. 711 (оригинальной композиціи: покойный *самъ* обращается (dixit) *къ себѣ же самому* [2]), какъ *къ человѣку*, а затѣмъ переходитъ въ „повѣсть": hic situs est patriae); изъ этихъ оригинальныхъ и притомъ африканскихъ примѣровъ конечно ничего опредѣленнаго вывести невозможно.

Особнякомъ нужно поставить римскую надпись Бассы, жены нѣкоего поэта Лаберія [3]) n. 97, вычурный центонъ, гдѣ неизвѣстный піита щегольнулъ своими версификаторскими способностями: ст. 1—3 „повѣсть"; ст. 4, 5,—обращеніе мужа къ усопшей женѣ объ „уготованіи" жилища; ст. 6—12 продолженіе въ другомъ метрѣ [4]); ст. 13—16—„повѣсть"+реторизированная „сентенція"; все вмѣстѣ весьма ходульно и натянуто, хотя отдѣльныя части—не безъ аналогій.

Наконецъ продуктомъ соединенія довольно древней формы „adloquium" [5]) съ „автобіографіей" является тоже смѣшанный типъ, имѣющій видъ и устройство *діалога*.

Въ этой группѣ слѣдуетъ отличать прежде всего два вида: 1) *обыкновенныя* надгробія, болѣе или менѣе простыя, мѣстами шаблонныя по композиціи и краткія по объему, и 2) пышныя *мавзолейныя* надписи ad hominem, гдѣ „діалогъ" облекается въ совершенно литературную форму.

---

[1]) Ср. n. 81. 804. 1120, и др.

[2]) „Обращеніе" здѣсь не къ путнику, и *nunc es* не слѣдуетъ исправлять въ *non es*.

[3]) „aetatis Antoninianae", Hübner.

[4]) Ст. 6: соедини: et in spica casiaes (=thymelaeae), et (in) beneodora stacta (et in amomo); вычурность такого соединенія въ подобномъ произведеніи дѣло обыкновенное.

[5]) Ср. надгробіе Сципіона фламина, n. 1171, умершаго около 170 г. до Р. Хр.; пріемъ, свойственный laudationibus funebribus, *Vollmer*, Laud. fun. p. 496 sqq.; за „laudatio funebris" онъ склоненъ признавать и n. 1179 (*Vollmer*, p. 525, n. 19).

Хорошее понятіе о первой разновидности даетъ n. 7, испанское надргобіе, въ два дистиха, весьма простое и симметричное по устройству; почти таково же по объему и симметріи африканское надгробіе Юліи Фортунаты, n. 173; еще проще n. 1328,—разговоръ между покойнымъ и путникомъ [1]).

Иногда такой „діалогъ" имѣетъ форму взаимнаго обмѣна привѣтствій между покойнымъ и живущими: n. 116 (have — have), или двухъ „автобіографій": n. 112. 146. 240 и др., — но подобныя композиціи относятся къ рѣдкостямъ [2]).

Къ менѣе чистымъ разновидностямъ „діалога" относятся: n. 128 („повѣсть" вплетена въ „обращеніе", за которымъ слѣдуютъ слова покойной); n. 361 (вторая часть — въ 3-мъ лицѣ), n. 718 (при всей отрывочности и неполнотѣ текста видно, что вторая часть не есть прямая реплика на первую).

Иное дѣло надписи мавзолейнаго типа, гдѣ „діалогъ" облекается въ гораздо болѣе вычурную форму. Еще проще другихъ римская надпись четы Атимета и Гомонэи, первой половины I вѣка по Р. Х., n. 93,—двойной „діалогъ", но съ множествомъ шаблонныхъ частностей; за то двѣ надписи: n. 875 и n. 55 — представляютъ изъ себя настоящія „carmina docta", которыя могли бы легко быть предметомъ спеціальнаго и довольно обширнаго комментарія, особенно второе.

Кромѣ этихъ образцовъ, гдѣ „діалогъ" составляетъ carmen sepulcrale самъ по себѣ, есть не мало примѣровъ, гдѣ „діалогъ" является лишь *частью* надгробія, въ родѣ извѣстнаго „vale", „et tu" (n. 409 и passim), n. 575 (двойной діалогъ покойной—съ матерью и путникомъ), n. 663 (покойный и путникъ) и др. [3]).

И. Холоднякъ.

---

[1]) Сентенція *veniundum est*, правда, иногда влагается въ уста покойному n. 1290. 1325 и др.; но въ нашей надписи намъ кажется естественнѣе отнести ее къ путнику, иначе діалогъ выйдетъ слишкомъ отрывочнымъ, да и *invitus venio* не совсѣмъ=*abnuo*, *refugio*, *negito* и т. п.: въ устахъ *одного* антитеза выходитъ ярче.

[2]) Послѣдній варіантъ даже строго говоря—и не „діалогъ" въ собственномъ смыслѣ.

[3]) Любопытенъ африканскій образецъ (проза), c. VIII, 9513 — „діалогъ" въ видѣ „корреспонденціи" между покойной и живущими, напоминающій извѣстный діалогъ Тирса и Лабеона.

общество испытателей природы.—1870, ч. 148, мартъ, отд. II, стр. 133—146.

6410. Императорское Московское общество испытателей природы.—1870, ч. 150, августъ, отд. II. стр. 320—327.

6411. Обзоръ дѣятельности Имп. Москов. общества испытателей природы въ 1877 — 1878 году,—1878, ч. 200, декабрь, отд. IV, стр. 212—216.

6412. Императорское Московское общество испытателей природы въ 1884—1885 годахъ. — 1885, ч. 242, декабрь, отд. IV, стр. 132—134.

6413. Годичный отчетъ Императорскаго Московскаго общества испытателей природы за 1889 — 1890 г.—1891, ч. 273, январь, отд. IV, стр. 8—13.

6414. Московское Математическое общество.—1869, ч. 142, мартъ, отд. II, стр. 250—251.

6415. Торжественное собраніе Императорскаго С.-Петербургскаго минералогическаго общества. — 1867, ч. 133, январь, отд. III, стр. 112—115.

6416. Русское химическое общество.—1869, ч. 142, апрѣль, отд. II, стр. 443 — 450; ч. 143, іюнь, стр. 409—414; ч. 146, декабрь, стр. 352—359.

6417. Русское химическое общество.—1870, ч. 148, мартъ, отд. II, стр. 148—154; ч. 149, іюнь, стр. 450—459.

6418. Русское энтомологическое общество.—1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 453—456; ч. 142, апрѣль, стр. 450; ч. 143, іюнь, стр. 414 — 415; ч. 146, декабрь, стр. 359—360.

6419. Русское энтомологическое общество.—1870, ч. 148, мартъ, отд. II, стр. 146—148.

6420. Московская антропологическая выставка 1879 года.—1879, ч. 203, май, отд. IV, стр. 52—65.

6421. Эстонское ученое общество въ Дерптѣ.—1883, ч. 230, декабрь. отд. IV, стр. 63—66.

6422. Съѣзды и собранія ученыхъ и другихъ обществъ за-границею. (Британская ассоціація для развитія наукъ. Засѣданіе Лондонскаго королевскаго института. Съѣздъ по соціальнымъ наукамъ въ Манчестерѣ. Парижская академія наукъ. Парижскія общества: географическое и политико-экономическое. Общество французской исторіи. Берлинская академія наукъ. Берлинское географическое общество. Франкфуртское общее собраніе учителей. Собраніе учителей въ Гильдесгеймѣ. 6 лѣтъ дѣятельности Лейпцигскаго педагогическаго общества. Общество „Народная школа“ въ Вѣнѣ. Общество „Средняя школа“. Швейцарское собраніе учителей).—1867, ч. 135, іюль, отд. III, стр. 98—129.

6423. Изъ отчета Императорской публичной Библіотеки.—1870, ч. 152, декабрь, отд. II, стр. 254—264.

6424. Императорская публичная Библіотека въ 1875 г. 1876, ч. 188, ноябрь, отд. IV, стр. 59—61.

6425. Императорская Публичная Библіотека въ 1876 г.—1878, ч. 198, іюль, отд. IV, стр. 5—16.

6426. Императорская Публичная Библіотека въ 1877 г.—1879, ч. 204, іюль, отд. IV, стр. 46—53.

6427. Императорская Публичная Библіотека въ 1878 г.—1880, ч. 207, январь, отд. IV, стр. 1—11.

6428. Императорская Публичная Библіотека въ 1880 г. — 1883, ч. 225, январь, отд. IV, стр. 24—33.

6429. Императорская Публичная

Библіотека въ 1881 г.—1883, ч. 227, май, отд. IV, стр. 1—10.

6430. Императорская Публичная Библіотека въ 1882 г. — 1884, ч. 232, мартъ, отд. IV, стр. 1—17.

6431. Императорская Публичная Библіотека въ 1883 г. — 1885, ч. 241, октябрь, отд. IV, стр. 19—29; ч. 242, ноябрь, стр. 16—24.

6432. Императорская Публичная Библіотека въ 1884 г.—1887, ч. 252, іюль, отд. IV, стр. 1—15.

6433. Императорская Публичная Библіотека въ 1885 г. — 1888, ч. 259, октябрь, отд. IV, стр. 23—31.

6434. Императорская Публичная Библіотека въ 1886 г.—1889, ч. 261, январь, отд. IV, стр. 1—12.

6435. Императорская Публичная Библіотека въ 1887 г.—1890, ч. 268, апрѣль, отд. IV, стр. 33—53.

6436. Императорская Публичная Библіотека въ 1888 г.—1891, ч 276, іюль, отд. IV, стр. 1—22.

6437. О состояніи Виленской Публичной Библіотеки въ 1871 г.— 1872, ч. 161, май, отд. IV, стр. 1—10.

6438. Виленская Публичная Библіотека въ 1880 г.—1881, ч. 216, августъ, отд. IV, стр. 57—60.

6439. Археологическій съѣздъ въ Москвѣ.—1869, ч. 141, январь, отд. II, стр. 269 — 277; ч. 142, мартъ, стр. 252—256.

6440. Второй Археологич. съѣздъ.— 1872, ч. 159, январь, отд. IV, стр. 1—87.

6441. Четвертый Археологическій съѣздъ въ Казани. — 1878, ч. 195, февраль, отд. IV, стр. 113—134; ч. 196, мартъ, стр. 36—82.

6442. О приготовительныхъ работахъ къ Археологическому съѣзду въ Тифлисѣ въ 1881 г. — 1880, ч. 207, январь, отд. IV, стр. 12—16.

6443. Л. Н. Майковъ. Пятый Археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ. — 1882, ч. 219, февраль, отд. IV, стр. 17—46; ч. 220, мартъ, стр. 30—58.

6444. И. В. Помяловскій. Шестой Археологическій съѣздъ въ Одессѣ, 1884 г.—1885, ч. 237, январь, отд. IV, стр. 1—26; ч. 238, мартъ, стр. 1—56.

6445. Седьмой Археологич. съѣздъ въ Ярославлѣ. — 1888, ч. 255, февраль, отд. IV, стр. 45—70.

6446. Ю. Ф. Шмурло. Восьмой Археологическій съѣздъ въ Москвѣ.— 1890, ч. 269, май, отд. IV, стр. 1—47, іюнь, стр. 83—146.

6447. Первый съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ 1889— 1890 гг.—1891, ч. 278, декабрь, отд. III, стр. 19—39.

6448. Второй съѣздъ русскихъ естествоиспытателей.—1869, ч. 145, сентябрь, отд. II, стр. 124—138.

6449. Евг. Романовскій. Шестой съѣздъ естествоиспытателей и врачей (нѣсколько статистическихъ данныхъ).—1880, ч. 208, мартъ, отд. IV, стр. 24—28.

6450. В. Вельяминовъ-Зерновъ. Четвертый международный съѣздъ оріенталистовъ во Флоренціи. — 1879, январь, ч. 201, отд, IV, стр. 1—13.

6451. Баронъ В. Р. Розенъ. Седьмой международный съѣздъ оріенталистовъ въ Вѣнѣ. — 1887, ч. 249, январь, отд. IV, стр. 1—31.

6452. М. К. Земнецъ. Кельнскій съѣздъ по дѣламъ слѣпыхъ.—1889, ч. 261, февраль, отд. III, стр. 25—40.

6453. Съѣздъ Германскихъ философовъ въ 1868 г.—1869, ч. 144, іюль, отд. II, стр. 227—230.

6454. Н. Калачевъ. Отчетъ г. предсѣдателя перваго съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ.—1875, ч. 181, сентябрь, отд. IV, стр. 1—7.

6455. Л. Л-ръ. Обозрѣніе современ-

ныхъ явленій въ области ученой литературы во Франціи. — 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 363—397.

6456. Л. Л-ръ. Письмо изъ Парижа. (Новости ученыя). — 1875, ч. 178, отд. IV, мартъ, стр. 73—80, апрѣль, стр. 137—144.

6457. Л. Л-ръ. Письмо изъ Парижа. (Новости научныя). — 1875, ч. 180, іюль, отд. IV, стр. 115—121.

6458. Л. Л-ръ. Письмо изъ Парижа. (Новости ученыя). — 1876, ч. 188, ноябрь, отд. IV, стр. 91—98.

6459. Л. Л-ръ. Письмо изъ Парижа. (Литературно-научныя новости).— 1882, ч. 220, мартъ, отд. IV, стр. 59—64.

6460. Л. Л-ръ. Письмо изъ Парижа. ноябрь, 1884 г. (Учено-литературныя новости). — 1884, ч. 236, декабрь, отд. IV, стр. 125—133.

6461. Л. Л-ръ. Письмо изъ Парижа. (Новости научныя). — 1891, ч. 273, январь, отд. IV, стр. 14—21.

6462. Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа (Собраніе провинціальныхъ ученыхъ обществъ въ Парижѣ. Новости ученыя).—1875, ч. 179, май, отд. IV, стр. 38—47.

6463. Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа. Май. (Собранія провинціальныхъ обществъ. Ученыя новости).— 1877, ч. 191, Іюнь, отд. IV, стр. 142—148.

6464. Е. Т. Письма изъ Рима. (Политическое и экономическое положеніе Италіи).—1890, ч. 269, іюнь, отд. IV, стр. 216—225.

6465. Е. Т. Письмо изъ Италіи въ Римъ, іюль, 1890. (Положеніе папы по отношенію къ римскому правительству).—1890, ч. 271, сентябрь, отд. IV, стр. 44—52.

Б. Рецензіи.

6466. Отчетъ Императорской Археологической комиссіи за 1875 годъ. Атласъ, VII таблицъ. Спб. 1878.— Рец. Э. Шульца. 1879, ч. 201, февраль, отд. V, стр. 82—86.

6467. Протоколы засѣданій Археографической комиссіи 1841 — 1849 г. Вып. II. Спб. 1886. — Рец. 1886, ч. 244, мартъ, отд. II, стр. 225. (Кн. новости).

6468. Извѣстія Таврической ученой архивной комиссіи, № 13 (годъ пятый), подъ редакціей *Арсенія Маркевича*. Симферополь. 1891. — Рец. 1891, ч. 277, сентябрь, отд. II, стр. 280. (Кн. новости).

6469. Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1873—1875 года, представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. М. 1877.— Рец. 1877, ч. 192, августъ, отд. II стр. 322—332.

6470. Извѣстія Кавказскаго общества исторіи и археологіи, издаваемыя подъ редакціей *Д. Бакрадзе* и *Е. Вейденбаума*. I. Тифлисъ. 1882. —Рец. въ статьѣ Д. Анучина: Доисторическая археологія Кавказа.

6471. Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Кн. II. Издана подъ редакціей *Н. П. Дашкевича* и *А. И. Соболевскаго*. Кіевъ. 1888.—Рец. 1889, ч. 261, февраль, отд. II, стр. 423. (Кн. новости).

6472. Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Книга третья. Издана подъ редакціей *Н. П. Дашкевича*. Кіевъ.—Рец. 1889, ч. 264, іюль, отд. II, стр. 201—202. (Кн. новости).

6473. Чтенія въ историческомъ обще-

ствѣ Нестора лѣтописца. Книга IV. Издана подъ редакціей *Н. П. Дашкевича.* Кіевъ. 1890.—Рец. **К. Н. Бестужева-Рюмина.** 1890, ч. 271, октябрь, отд. II, стр. 410—412.

6474. **Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца.** Кн. V. Издана подъ редакціей *М. Ф. Владимірскаго-Буданова.* Кіевъ. 1891.— Рец. 1891, ч. 277, сентябрь, отд. II, стр. 278—279. (Кн. новости).

6475. Сборникъ Русскаго **Историческаго общества.** Т. III. Спб. 1868.—Рец. 1869, ч. 143, май, отд. II, стр. 241—250.

6476. Сборникъ Императорскаго Русскаго **Историческаго общества.** Т. XVII. 1876.—Рец. 1876, ч. 188, ноябрь, отд. II, стр. 164—170.

6477. Сборникъ Императорскаго Русскаго **Историческаго общества.** Т. XXIII. (Переписка императрицы *Екатерины II*). Спб. 1878.—Рец. **Н. И.** 1878, ч. 200, ноябрь, отд. II, стр. 220—224.

6478. Сборникъ Императорскаго Русскаго **Историчтскаго общества.** Т. XXXIV. Спб. 1881.—См. статью **А. Брикнера.** Отношенія Россіи и Франціи при Петрѣ Великомъ.

6479. Сборникъ Императорскаго Русскаго **Историческаго общества.** Т. XL. Спб. 1884.—Отзывъ о немъ въ статьѣ **А. Брикнера:** Французскіе дипломаты въ Россіи.

6480. „Историческое Обозрѣніе". Сборникъ **Историческаго общества** при С.-Петербургскомъ университетѣ за 1890 годъ. Т. I. Спб. 1890.—Рец. 1891, ч. 275, май, отд. II, стр. 201—203. (Кн. новости).

6481. Записки Императорскаго Русскаго **Географическаго общества** по общей географіи, т. X. Спб. 1883. — См. статью **Н. Веселовскаго:** Путешествія Г. С. Карелина по Каспійскому морю.

6482. Этнографическое Обозрѣніе. Періодическое изданіе Этнографическаго отдѣла Императорскаго **общества любителей естествознанія,** антропологіи и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Кн. I. Подъ редакціей секретаря этнографическаго отдѣла *Н. А. Янчука.* М.—Рец. 1889, ч. 265, сентябрь, отд. II, стр. 182—183. (Кн. новости).

6483. Этнографическое Обозрѣніе. Изданіе Этнографическаго отдѣла Императорскаго **общества естествознанія,** антропологіи и этнографіи. Кн. II и III. 1889.—Рец. 1890, ч. 269, май, отд. II, стр. 219—220. (Кн. новости).

6484. Отчетъ Императорской **Публичной Библіотеки** за 1873 годъ, представленный г. министру народнаго просвѣщенія директоромъ библіотеки *Деляновымъ.* Спб. 1875. — Рец. 1875, ч. 180, августъ, отд. II, стр. 266—273.

6485. Отчетъ Императорской **Публичной Библіотеки** за 1874 г., представленный г. министру народнаго просвѣщенія директоромъ библіотеки статсъ-секретаремъ *Деляновымъ.* Спб. 1875.—Рец. 1876, ч. 183, январь, отд. II, стр. 235—239.

6486. Труды перваго **археологическаго съѣзда** въ Москвѣ въ 1869 г. (издано подъ редакціей гр. *А. С. Уварова*). М. 1871. 2 т. съ атласомъ. — Рец. **К. Бестужева-Рюмина.** 1872, ч. 160, апрѣль отд. II, стр. 301— 308.

6487. Труды четвертаго **археологическаго съѣзда** въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31-го іюля по 18-е августа 1877 года. Т. II. Казань. 1891 г. — Атласъ къ Трудамъ IV археологическаго съѣзда, XVIII таблицъ съ рисунками, in folio. Казань. 1889.—Рец. **В. К — ва.** 1891,

ч. 277, сентябрь, отд. II, стр. 216—241.

6488. Труды V археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ. 1881. Изданы подъ редакціей гр. *П. С. Уваровой*. М. 1887.—Рец. 1888, ч. 255, февраль, отд. II, стр. 533—535. (Кн. новости).

6489. Труды VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1881 г.). Т. II. Одесса.—Рец. 1888, ч. 258, августъ, отд. II, стр. 512—513. (Кн. нов.).

6490. Труды третьяго международнароднаго съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ 1876 года. Т. I, подъ редакціей *В. В. Григорьева*. Спб. 1879—1880. Т. II, подъ редакціей барона *В. Р. Розена*. Спб. и Лейденъ. 1879.—Рец. Н. Веселовскаго. 1882, ч. 219, январь, отд. II, стр. 197—223; 1883, ч. 225, январь, стр. 195—216.

3) ОТЧЕТЫ О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ И МЕДАЛЕЙ.

6491. Присужденіе наградъ *К. М. Бэра* въ 1879 г. Донесенія коммиссіи изъ гг. академиковъ Ф. В. Овсянникова, Л. И. Шренка, К. И. Максимовича, А. А. Штрауха, О. В. Шмидта и А. С. Фаминцына о трудахъ проф. Ф. Э. Биддера по медицинѣ, проф. Л. С. Ценковскаго по біологіи и естественнымъ наукамъ.—1880, ч. 207, февраль, отд. IV, стр. 33—50.

6492. Присужденіе медалей въ *Императорскомъ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ* за 1881 годъ. (Отзывъ о трудахъ: 1) гр. А. С. Уварова. Археологія Россіи, каменный вѣкъ. М. 1881. Два тома. 2) И. В. Помяловскаго. Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа. Спб. 1881. и 3) Н. В. Султанова. Образцы древне-русскаго зодчества въ миніатюрныхъ изображеніяхъ).—1882, ч. 222, августъ, отд. IV, стр. 50—54.

6493. Отчетъ коммиссіи о присужденіи преміи гр. *Н. А. Кушелева-Безбородка* за біографію канцлера князя А. А. Безбородко (составленную Григоровичемъ).—1878, ч. 197, іюнь, отд. IV, стр. 31—58.

6494. *И. И. Срезневскій*. Десятое присужденіе *Ломоносовской* преміи. (Труды А. А. Потебни).—1876, ч. 184, мартъ, отд. IV, стр. 1—13.

6495. Присужденіе *Ломоносовскихъ* премій въ 1880 году. (Отзывъ о сочиненіяхъ: 1) М. А. Рыкачева. О суточномъ ходѣ барометра въ Россіи и нѣкоторыя замѣчанія объ этомъ явленіи вообще. 1879, изъ „Записокъ Императорской Академіи Наукъ" XXXV, прил. 1. 2) о трудахъ по химіи проф. Н. Н. Бекетова).—1881, ч. 213, февраль, отд. IV, стр. 103—110.

6496. Первое присужденіе премій *Макарія*, митрополита Московскаго. (Отзывъ о трудахъ: 1) А. Петрушевскаго. Генералиссимусъ кн. Суворовъ. Спб. 1884. 2) В. В. Докучаева. Русскій черноземъ. Спб. 1883. 3) А. А. Тилло: а) Опытъ нивеллировки Россійской имперіи отд. I—IV. Спб. 1882. б) Пояснительная записка къ своду нивеллировокъ. в) Опытъ гипсометрической карты рѣкъ Европейской Россіи. г) Карта высотъ Европейской Россіи съ поясненіемъ. д) Сводъ нивеллировокъ желѣзныхъ дорогъ. е) Результаты нивеллирныхъ работъ, произведенныхъ военно-топографич. отд. Главнаго Штаба отъ 1871 по 1877 г. 4) С. А. Давыдовой. Русское кру-

жево, изслѣдов. историч., технич. и статистич. (Рукопись). 5) Ѳ. П. Кеппена. Географич. распространеніе хвойныхъ деревьевъ въ Европейской Россіи и на Кавказѣ. Спб. 1885, — 1885, ч. 241, октябрь, отд. IV, стр. 30—51.

6497. Отчетъ о второмъ присужденіи премій *Макарія*, митрополита Московскаго. (Отзывъ о сочиненіяхъ: 1) Туркестанъ. Геологическое и орографическое описаніе, по даннымъ, собраннымъ во время путешествій съ 1874 по 1880 г. Сочиненіе И. В. Мушкетова. Т. I. въ 2-хъ ч. Спб. 1886. 2) Война Россія съ Турціею 1806—1812 гг. Т. I. Спб. 1885. Т. II и III въ рукописи, съ приложеніемъ атласа картъ. Сочиненіе А. Н. Петрова. 3) Польско-русская война 1831 г. Пузыревскаго. 4) С. О. Макарова. Объ обмѣнѣ водъ Чернаго и Средиземнаго моря. 5) Цвѣтаева. Изъ исторіи иностран. исповѣданій въ Россіи. 6) Г. К. Радде: Орнитологич. фауна Кавказа).—1887, ч. 253, октябрь, отд. IV, стр. 23—37.

6498. Императорская Академія Наукъ. Присужденіе премій митрополита *Макарія* въ 1889 году. (Отзывъ о соч.: 1) Треніе въ машинахъ и вліяніе на него смазывающей жидкости. Проф. ген.-лейт. Н. П. Петрова. Спб. 1888. 2) Описаніе тріангуляціи въ Болгаріи, произвед. въ 1877—1879 гг., составленное ген.-м. М. Н. Лебедевымъ (т. 43 Записокъ Военно-топографич. отд. Главнаго Штаба). 3) Проф. Т. Д. Флоринскій. Памятники законодательн. дѣятельности Душана, царя сербовъ и грековъ. Кіевъ. 1887. 4) Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія. Адм. Шишковъ и канцлеръ Румянцевъ. Соч. проф. А. А. Кочубинскаго. Одесса. 1888. 5) Покореніе Финляндіи. Опытъ историч. описанія. Соч. К. Ф. Ордина (рукопись).—1889, ч. 266, ноябрь, отд. IV, стр. 1—22.

6499. Отчетъ о присужденіи премій митрополита *Макарія* въ 1891 году. (Отзывъ о сочин.: 1) Русская армія въ семилѣтнюю войну. Масловскаго, т. I—III. М. 1886—1890. 2) Н. И. Тавилдарова. Химическая технологія сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, 2 тома, съ атласомъ чертежей. 3) П. П. Семенова. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Т. II. Второй періодъ занятій комиссій по крестьянскому дѣлу. Спб. 1890. 4) А. Л. Дювернуа. Словарь болгарскаго языка. М. 1886 — 1889. 5) Проф. Любовича. Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ. 6) Тилло. Распредѣленіе атмосфернаго давленія на пространствѣ Россійской имперіи и Азіатскаго материка на основаніи наблюденій съ 1836 по 1885 г. Спб. 1890; съ атласомъ изъ 69 картъ. —1891, ч. 278, декабрь, отд. IV, стр. 31—42.

6500. Отзывъ особой комиссіи, разсматривавшей трудъ г. Р. Фохта, удостоенный премія императора *Петра Великаго*, при первомъ присужденіи ея въ 1874 году. (Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій, съ объясненіями Рихарда Фохта). Спб. 1873.—1874, ч. 174, іюль, отд. I, стр. 157—172.

6501. Отзывъ особой комиссіи, разсматривавшей трудъ Э. Кесслера. (Синтаксисъ латинскаго языка, по нѣмецкимъ источникамъ. Спб. 1874), удостоенный премія императора *Петра Великаго*, при второмъ присужденіи ея въ 1875 году. — 1875, ч. 179, іюнь, отд. I, стр. 61—66.

6502. Отзывъ особой комиссіи, раз-

смотрѣвшей сочиненіе *Я. К. Гуревича*, удостоенное премін императора *Петра Великаго*, при третьемъ присужденіи ея въ 1876 году. (Исторія Греціи и Рима, 2 части). - 1876, ч. 185, іюнь, отд. I, стр. 107—123.

6503. Отзывъ особой комиссіи, разсматривавшей сочиненіе Я. К. Герда. (Краткій курсъ естествовѣдѣнія для гимназій, рукопись), удостоенное премін императора *Петра Великаго*, при четвертомъ присужденіи ея.— 1878, ч. 197, іюнь, отд. I, стр. 48—57.

6504. О пятомъ присужденіи премін императора *Петра Великаго*. (В. Лемоніусъ, К. Нейлисовъ и М. Пустонскій о трудѣ Е. Шмида. Одиссея Гомера, съ примѣч. вып. I и II. Спб. 1878.—К. Сентъ-Илеръ, А. Доброславинъ, Ю. Чудновскій, А. Виноградовъ, А. Раевскій и А. Гиршгорнъ о рукописи „Домашняя гигіена, медицина и ветеринарія“ В. Флоринскаго и И. Скворцова).— 1879, ч. 203, іюнь, отд. I, стр. 91—97; ч. 204, іюль, стр. 41—72.

6505. Отзывы особыхъ комиссій, разсматривавшихъ рукописи: 1) „Латинскій синтаксисъ въ объемѣ гимназическаго курса“ (С. Опацкаго). 2) Плоская тригонометрія для гимназій и реальныхъ училищъ, проф. Тиме. Спб. 1881, удостоенныя премін императора *Петра Великаго*, при шестомъ присужденіи ея въ 1882 году.—1882, ч. 221, іюнь, отд. I, стр. 77.

6506. О седьмомъ присужденій премій императора *Петра Великаго*.— 1883, ч. 228, іюль, отд. I, стр. 43—90. (Отзывъ объ изданной Л. Поливановымъ: „Методической русской хрестоматіи съ приложеніемъ а) стилистики и теоріи прозы въ связи съ приготовительнымъ курсомъ логики; б) теоріи поэзіи; в) пояснительныхъ разборовъ и примѣчаній. Пособіе при практической теоріи словесности и логики и при руководствованіи въ сочиненіяхъ учениковъ въ V—VIII классовъ. Часть I и II).

6507. Восьмое присужденіе премій императора *Петра Великаго*. (Отзывы особой комиссіи, разсматривавшей труды по исторіи и географіи, удостоенные премін Петра Велив. 1884 году (разборы трудовъ: 1) М. Кояловича. Чтенія по исторіи Западной Россіи. Изд. 3-е. Спб. 1884. 2) Е. Замысловскаго. Учебный атласъ по русской исторіи. Спб. 1869. 3) Курсъ географіи Европы для старш. классовъ. Ив. Штуцеръ. М. 1884 и 4) С. Рождественскаго. Отечествен. исторія въ картинахъ для школы и семьи. Спб. 1881).—1884, ч 234, іюль, отд. I, стр. 35—71.

6508. О девятомъ присужденіи премій императора *Петра Великаго*. Отзывы комиссій, разсматривавшихъ труды, удостоенные премій въ 1885. (Отзывъ о трудахъ: 1) Греческо-русскій словарь, составлен. проф. А. Д. Вейсманомъ. Изд. 2, доп. и испр. Спб. 1882. 2) Рѣчь Цицерона о назначеніи Кн. Помпея полководцемъ. Объяснилъ Авг. Гофманъ. Изд. 3, испр. Спб. 1885. 3) Рѣчь Цицерона въ защиту Секста Росція Америйскаго. Объяснилъ Авг. Гофманъ. Спб. 1881. 4) Пчеловодство. Самоучитель свящ. А. И. Успенскаго. Изд. 2. Тула. 1882. (Съ дополн.).—1885, ч. 240, іюль, отд. I, стр. 77—107.

6509. О десятомъ присужденіи премій императора *Петра Великаго*. (Отзывъ о книгѣ: Синтаксисъ нѣмецкаго языка, для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній

Э. Цейдлера и М. Прейса. Спб. 1885). — 1886, ч. 245, іюнь, отд. I, стр. 42—52.

6510. Объ одинадцатомъ присужденіи премій императора *Петра Великаго.* (Отзывъ о книгѣ: Жозефъ Бертранъ. Алгебра. Для гимназій и реальныхъ училищъ. Перевелъ и значительно дополнилъ Н. Билибинъ. Спб. 1885). — 1887, ч. 251, іюнь, отд. I, стр. 39—47.

6511. О двѣнадцатомъ присужденіи премій императора *Петра Великаго.* Разборы сочиненій: 1) Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Изданіе Льва Поливанова для семьи и школы 5 т. М. 1887—1888. 2) Проф. М. Н. Петровъ. Лекціи по Всемірной исторіи, издан. подъ редакціей проф. В. К. Надлера. Т. I. Исторія древняго міра, обработанная приватъ-доцентомъ А. Деревицкимъ. Харьковъ. 1888. Т. II. Исторія среднихъ вѣковъ, обработанная и дополненная проф. В. К. Надлеромъ. Харьковъ. 1888. Т. III. Исторія новыхъ вѣковъ (реформаціонная эпоха) въ обработкѣ В. П. Бузескула. Харьковъ. 1888. 3) Учебникъ начальной географіи. Курсъ I. Первоначальныя свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. Изданіе 2-е, исправленное. Кіевъ. 1886.—Курсъ II, Африка, Австралія, Америка и Азія въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Изданіе 3-е. Кіевъ. 1888. — Курсъ III. Страны Западной Европы. Кіевъ. 1886. — 1889, ч. 264, іюль, отд. I, стр. 1—32.

6512. Тринадцатое присужденіе премій императора *Петра Великаго*, учрежденныхъ при мин. народ. просвѣщ. (Отзывъ о трудахъ: 1) Мусселіусъ. Русско-латинскій словарь. Рукопись. 2) Horatii Flacci carmina. Оды и Эподы Горація, съ примѣчаніями Лукіана Миллера. Изданіе 2-е, дополненное и исправленное. Спб. 1889).—1890, стр. 1—21. Отдѣльно прим. 1890, ч. 269, іюнь.

6513. Четырнадцатое присужденіе премій императора *Петра Великаго.* (Отзывъ о сочин.: 1) Курсъ прямолинейной тригонометріи и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Составилъ Н. А. Шапошниковъ. Изданіе 3-е, исправлен. М. 1889. 2) Сборникъ алгебраическихъ задачъ. Составили Н. А. Шапошниковъ и Н. К. Вальцевъ. Ч. I (для 3 и 4 кл.). Изд. 2-е. М. 1889. ч. II (для 5—8 кл.). М. 1890. 3) Учебникъ физики С. Ковалевскаго. Спб. 1890. —1891. ч. 275, іюнь, стр. 1—16(отд.).

6514. Отчетъ о первомъ присужденіи преміи *А. С. Пушкина*, составленный академикомъ Я. К. Гротомъ.— 1882, ч. 224, декабрь, отд. IV. стр. 69—86. (Озтывъ о 1) Поэмѣ А. Н. Майкова „Два міра“ и 2) Сборникѣ стихотвореній Я. П. Полонскаго „На закатѣ“).

6515. Присужденіе *Пушкинской* преміи въ 1884 году. (Отзывъ о переводѣ Горація, сдѣланномъ Фетомъ (А. А. Шеншинымъ).—1884, ч. 236, декабрь, отд. IV, стр. 67—82.

6516. Императорская Академія Наукъ. Шестое присужденіе *Пушкинскихъ премій.* (Отзывъ о трудахъ: 1) Пѣснь о Нибелунгахъ, въ перев. М. И. Кудряшова. 2) Трагедіи Шекспира: „Антоній и Клеопатра“ и „Ричардъ II“, въ переводахъ Д. Л. Михайловскаго. 3) Комедія Мольера „Школа женъ“ въ переводѣ В. С. Лихачева. 4) Полное собраніе сочин. А. С. Грибоѣдова, подъ ред. И. А. Шляпкина. Спб. 1889. Два тома). — 1890, ч. 272, декабрь, отд. IV, стр. 53—70.

6517. Императорская Академія Наукъ. Отчетъ о двѣнадцатомъ присужденіи наградъ гр. *Уварова*. (Отзывъ о сочин.: 1) Свв. Константинъ и Меѳодій, апостолы славянскіе Е. Е. Голубинскаго. 2) О давности по русскому гражданскому праву И. П. Энгельмана. 3) Монастырскій приказъ (1649—1725). Опытъ историко-юридическаго изслѣдованія М. И. Горчакова. 4) О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. Изслѣдованіе А. А. Котляревскаго. 5) Изслѣдованіе объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника В. В. Макушева. 6) Происхожденіе русскихъ былинъ В. В. Стасова. 7) Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преподобнаго игумена Волоцкаго И. П. Хрущова). — 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 328—343.

6518. Отчетъ о тринадцатомъ присужденіи наградъ гр. *Уварова*. (Отзывъ о трудахъ: 1) Обзоръ хронографовъ русской редакціи, Андрея Попова, два выпуска. М. 1866—69. 2) Первоначальный славяно-русскій номоканонъ, А. Павлова. Казань. 1869. 3) Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ, М. Владимірскаго-Буданова. Спб. 1868. 4) Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, И. Забѣлина. М. 1869. 5) Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, А. Аѳанасьева. Т. II и III. М. 1868—70. 6) Россія и Сербія. Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 1856, Н. Попова, 2 ч. М. 1869. 7) Извѣстія о хазарахъ, буртасахъ, булгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и руссахъ Абу-Али-Ахмета Бенъ Омара Ибнъ-Даста, неизвѣстнаго досолѣ арабскаго писателя нач. X вѣка — Д. Хвольсона. С.-Пб. 1869).—1870, ч. 152, ноябрь, отд. II, стр. 72—89.

6519. Четырнадцатое присужденіе наградъ гр. *Уварова*. (Отзывы о сочин.: 1) Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II, А. Скребицкаго, т. 1—4. Боннъ. 1862—68. 2) Іезуиты въ Россіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II, и до нашего врем., свящ. М. Морошкина, ч. 2. Спб. 1870. 3) Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство Кіевское. Соч. Ор. Миллера. Спб. 1870. 4) Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи. I. Изслѣдованіе о Свѣнгельдѣ и Угличахъ, Н. Ламбина. (Рукопись). —1871, ч. 158, ноябрь, отд. II, стр. 134—147.

6520. Отчетъ о семнадцатомъ присужденіи наградъ гр. *Уварова*. (Отзывъ о сочиненіяхъ: 1) Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ, М. О. Кояловича. С.-Пб. 1873. 2) Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи. Вып. I. Текстъ. В. С. Румянцевъ. М. 1872. 3) Очеркъ внутренней исторіи Пскова, А. Никитскаго. С.-Пб. 1873. 4) Очерки русской исторической географіи, геогр. начальной лѣтописи, Н. П. Барсова. Варшава 1873. —1874, ч. 176, декабрь, отд. IV, стр. 175—194.

6521. Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ гр. *Уварова*. (Отзывы о сочиненіяхъ: 1) Веселаго, Очеркъ русской морской исторіи. 2) А. Поповъ, Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полем. сочиненій. 3) Петровскаго, О сенатѣ въ царствованіе Петра Вел. 4) Бодуенъ-де-Куртенэ, Опытъ фонетики Резьянскихъ говоровъ. Его же, Резьянскій катихизисъ. 5) Антоновича и Драгоманова, Истори-

ческія пѣсни Малор. народа. 6) Галахова, Исторія русской словесности).—1876, ч. 188, декабрь, отд. IV, стр. 27—39.

6522. Отчетъ о двадцатомъ присужденіи наградъ гр. *Уварова*. (Отзывы о сочиненіяхъ: 1) Гедеонова, Варяги и Русь. 2) Ю. Толстаго, Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіей и Англіей. 3) А. Н. Попова, Сношенія Россіи съ европ. державами передъ войной 1812 г. Его же, Москва въ 1812 г. Его же, Французы въ Москвѣ въ 1812 г. 4) Богдановича, Восточная война 1853—1856 г. 5) Борзаковскаго, Исторія Тверскаго княжества. 6) Архим. Сергія, Полный мѣсяцесловъ Востока. 7) Архим. Амфилохій, Описаніе Іерусалимской библіотеки. 8) Брикнеръ, Ив. Посошковъ. 9) Житецкаго, Очеркъ звуковой исторіи Малорусскаго нарѣчія). — 1877, ч. 194, декабрь, отд. IV, стр. 65—84.

6523. Отчетъ о двадцать первомъ присужденіи наградъ гр. *Уварова*. (Отзывы о сочиненіяхъ: 1) Шпилевскаго, Древніе города въ Казанской губ. 2) П. Заринскаго, Очерки древней Казани. 3) Огородникова, Мурманскій и Терскій берега по книгѣ Большаго Чертежа. Его же, Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей по книгѣ Большаго Чертежа. 4) Бруна, Черноморы. 5) Трачевскаго, Союзъ князей).— 1878, ч. 200, ноябрь, отд. IV, стр. 1—15.

6524. Отчетъ о двадцать второмъ присужденіи наградъ гр. *Уварова*. (Отзывъ о сочиненіяхъ: 1) Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ, 3 части, въ 4-хъ томахъ. М. 1872. 2) Главнѣйшіе источники для исторіи святыхъ Кирилла и Меѳодія А. Воронова. Кіевъ. 1877. 3) Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Зап.-Русскій край, снаряженной Имп. Русск. Географическимъ обществомъ. Юго-Западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранные П. П. Чубинскимъ. 7 том. С.-Пб. 1872—78. 4) О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка. Соч. М. Бережкова. Спб. 1879. — 1879, ч. 206, ноябрь, отд. IV, стр. 1—12.

6525. Отчетъ о двадцать третьемъ присужденіи наградъ гр. *Уварова*. (Отзывъ о сочиненіяхъ: 1) Семейство Разумовскихъ. Соч. А. А. Васильчикова. Т. I. Спб. 1879. 2) Исторія Московской духовной академіи до ея преобразованія (1814—1870). Соч. протоіерея С. К. Смирнова. М. 1879. 3) Анаѳеметствованіе (отлученіе отъ церкви), совершаемое въ первую недѣлю великаго поста. Историческое изслѣдованіе о чинѣ православія, священника К. Никольскаго. Спб. 1879. 4) О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами. Соч. С. Шафранова. 5) Образованіе второго болгарскаго царства. Соч. Ѳедора Успенскаго. Одесса. 1879. 6) Кандакарій въ греч. подлинникѣ XII — XIII вѣковъ по рук. Московской синод. библіотеки, съ древнѣйшимъ славянскимъ переводомъ. Трудъ архим. Амфилохія. 7) И. Тихомировъ. О составѣ западно-русскихъ, такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей). — 1880, ч. 212, ноябрь, отд. IV, стр. 1—20.

6526. Отчетъ о двадцать четвертомъ присужденіи наградъ гр. *Уварова*. —1881, ч. 218, ноябрь, отд. IV, стр. 1—17. (Отзывъ о трудахъ: 1) Е. Голубинскаго. Исторія русск. церкви, т. I, періодъ 1; 2) А. Н. Петрова. Вторая турецкая война въ царствованіе Имп. Екатерины II; 3) Иверсена. Медали въ честь русскихъ

государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ и 4) Рукописнаго изслѣдованія И. А. Тихомирова о составѣ Западно-русскихъ лѣтописей).

6527. Двадцать пятое присужденіе наградъ гр. *Уварова*. (Отзывъ о трудахъ: 1) Д. Ровинскаго. Русскія народныя картинки. 2) Гр. И. И. Толстаго. Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго. 3) В. Жмакина. Митроп. Даніилъ и его сочиненія. 4) А. Заблоцкаго-Десятовскаго. Гр. Киселевъ и его время и 5) Н. П. Собко. Древнія изображенія русскихъ царей и ихъ посольствъ заграницу въ старинныхъ и новыхъ гравюрахъ).—1882, ч. 224, ноябрь, отд. IV, стр. 1—18.

6528. Отчетъ о двадцать шестомъ присужденіи наградъ гр. *Уварова*. (Отзывъ о трудахъ: 1) Проф. М. Горчакова. О тайнѣ супружества. Историко-юридическое значеніе и каноническое достоинство 50 главы печатной Кормчей книги. 2) Синтаксическія изслѣдованія I.—А. В. Попова. 3) Н. Собко. Древнія изображенія Русскихъ царей и ихъ посольствъ заграницу въ старыхъ и новыхъ гравюрахъ. Вып. I. XVI вѣкъ). — 1883, ч. 230, ноябрь, отд. IV, стр. 1—10.

6529. Отчетъ о двадцать седьмомъ присужденіи наградъ гр. *Уварова*. (Отзывы о трудахъ: 1) Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. Проф. Я. А. Чистовича. Спб. 1883. 2) Кіевскій митроп. Петръ Могила и его сподвижники. С. Голубева. Т. I. Кіевъ. 1883. 3) С. А. Бершадскій. Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридич. и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской упіи. Спб. 1883. 4) Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Дм. Кобеко. Спб. 1882. 5) Иннокентій, митр. Московскій. И. Барсукова. М. 1883. 6) Опытъ исторіи музыки въ Россіи. З. Дурова. 1883 (рукопись).—1884, ч. 236, ноябрь, отд. IV, стр. 1—23.

6530. Двадцать восьмое присужденіе наградъ гр. *Уварова*. (Отзывы о сочиненіяхъ: 1) А. Гезена. Исторія славянскаго перевода символа вѣры. Спб. 1884. 2) О подвигахъ Филарета, митр. Московскаго, въ дѣлѣ перевода Библіи на русскій языкъ. Историко-критическое изслѣдованіе Ив. Корсунскаго. М. 1883. 3) Дарданелы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ. Очерки дипломатической исторіи Восточнаго вопроса. В. А. Уляницкаго. М. 1883. 4) Причитанія Сѣвернаго края, собранныя Е. В. Барсовымъ, ч. II. Плачи завоенные, рекрутскіе и солдатскіе. М. 1882. 5) Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Н. Гиббенета, ч. I и II. Спб. 1882. — 1884). — 1885, ч. 242, ноябрь, отд. IV, стр. 1—15.

6531. Двадцать девятое присужденіе наградъ гр. *Уварова*. (Отзывъ о сочиненіяхъ: 1) П. Голубовскаго. Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія татаръ. Кіевъ. 1884. 2) Н. И. Петрова. Очерки исторіи Украинской литературы XIX вѣка. Кіевъ. 1884. 3) Н. В. Латкина. Земскіе соборы древней Руси. Спб. 1884. 4) А. Загоровскаго. О разводѣ по русскому праву. Харьковъ. 1884). — 1886, ч. 247, октябрь, отд. IV, стр. 19—47.

6532. Отчетъ о тридцатомъ присужденіи наградъ гр. *Уварова*. (Отзывъ о сочиненіяхъ: 1) Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Сочиненіе проф. Н. Ѳ. Каптерева. 1885. 2) Исторія Кіевской духовной академіи. Вып. I. Періодъ до Могилянскій. Соч. С. Т. Голубева.

Кіевъ. 1886. 3) Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Т. I. Исторія колонизаціи. Изслѣд. проф. Д. И. Багалѣя. М. 1887. 4) Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) въ XVI—XVII столѣтіяхъ, собранные и редактированные Д. И. Багалѣемъ. Харьковъ. 1886. 5) Русская православная старина въ Замостьѣ. Сочиненіе священника Александра Будиловича. 1885). — 1888, ч. 260, ноябрь, отд. IV, стр. 1—19.

6533. Тридцать первое присужденіе наградъ гр. *Уварова*. (Отзывъ о сочиненіяхъ: 1) Е. Шмурло. Митроп. Евгеній, какъ ученый. Ранніе годы его жизни (1767-1804). Спб. 1888. 2) Н. В. Губерти. Матеріалы для русской библіографіи. Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ русск. книгъ XVIII ст. (1725—1800). Вып. I, II. М. 1878—81 и рукоп. приб. 3) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и перв. полов. XIX вѣка. Спб. 1888. 4) С. Платоновъ. Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. Спб. 1888. 5) Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. Изслѣдованіе В. Мочульскаго. Варшава. 1887. 1889, ч. 266, ноябрь, отд. IV, стр. 22—35.

6534. Императорская Академія Наукъ. Тридцать второе присужденіе наградъ гр. *Уварова*. (Отзывы о сочиненіяхъ: 1) О житіи Алексѣя человѣка Божія. Проф. П. Владимірова. 2) Докторъ Франсискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. П. Владимірова. Спб. 1888. 3) Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Т. I. Полкъ Стародубскій. Изслѣдованіе Ал. Лазаревскаго. 4) Разрядные дьяки XVI вѣка. Изслѣдованіе Н. П. Лихачова. Спб. 1888. 5) Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вѣкахъ. ч. I. Кіевъ. 1889. П. Житецкаго). — 1890, ч. 272, ноябрь, отд. IV, стр. 3—22.

6535. Отчетъ о тридцать третьемъ присужденіи наградъ гр. *Уварова*. (Отзывъ о сочин.: 1) Организація прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ со времени смуты до эпохи преобразованій, А. С. Лаппо-Данилевскаго. 2) Власть Московскихъ государей, М. Дьяконова. 3) Изъ исторіи Угріи и Славянства въ XII вѣкѣ, К. Я. Грота. 4) Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ, М. И. Соколова. 5) Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. Соч. Н. Д. Чечулина. 6) Статистическія данныя о евреяхъ въ юго-западномъ краѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка (1765—1791) И. Каманина, II т., V ч. Архива Юго-Западной Россіи. 1890. 7) И. А. Чистовича. С.-Петербургская духовная академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858—1888). — 1891, ч. 278, декабрь, отд. IV, стр. 42—59.

6536. Первое присужденіе преміи *Ѳ. Ѳ. Шуберта* въ Императорской Акад. Наукъ. (Отзывъ о сочиненіи Гюльдена: Untersuchungen über die Convergenz der Reihen, welche zur Darstelung der Coordinaten der Planeten angewendet werden. Рѣчь I. И. Стебницкаго о трудахъ Ѳ. Ѳ. Шуберта). — 1889, ч. 262, мартъ, отд. IV, стр. 1—12.

6537. Адресъ Императорскаго Историко-филологическаго института **И. Д. Делянову.** — 1874, ч. 172, мартъ, отд. IV, стр. 24—26.

6538. **В. В.** Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея ученой дѣятельности М. С. Куторги. —1883, ч. 226, апрѣль, отд. IV, стр. 61—63.

6539. Письмо мин. народн. просвѣщ. гр. **Д. А. Толстаго** на имя г. предсѣдателя Славянскаго благотворительнаго комитета въ Москвѣ М. П. Погодина. — 1868, ч. 140, декабрь, отд. III, стр. 297.

6540. Пятидесятилѣтній юбилей академика **А. Ѳ. Бычкова.**—1890, ч. 272, ноябрь, отд. IV, стр. 23-31.

6541. Пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности министра народнаго просвѣщенія, статсъ-секретаря гр. **И. Д. Делянова.**—1888, ч. 260, декабрь, отд. IV, стр. I—IV.

6542. **П. Д. Руничъ.** Возраженіе Г. Никитенкѣ.—1869, ч. 142, мартъ, отд. II, стр. 305—307.

ДОПОЛНЕНІЯ.

6543. Къ вопросу объ алфавитѣ для литовско-жмудскихъ книгъ. — 1888, ч. 259, октябрь, отд. IV, стр. 32—56.

6544. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Соч. *Е. Карновича.* Спб. 1874.— Рец. **А. Г. Брикнера.** 1874, ч. 176, ноябрь, отд. II, стр. 171—182.

6545. **П. Вобровскій.** Отвѣтъ на критику М. О. Кояловича. (Журн. М. Н. Пр., іюнь, 1890 г. и особая брошюра).—1890. ноябрь, ч. 272, отд. II, стр. 217—244.

6546. **Е. А. Вѣловъ.** Отвѣтъ моимъ критикамъ (Д. И. Иловайскому и М. О. Кояловичу. — 1889, ч. 262, мартъ, отд. II, стр. 215—225.

6547. *Gebhard junior.* Het leven von M-r Nicolaus Corneliuz Witsen (1641—1717). Utrecht. 1881—1882.—Рец. **А. Брикнера.** 1883, ч. 226, апрѣль, отд. II, стр. 320—325.

6548. **А. И. Варбашевъ.** Торнскій миръ (1411 г.).—1890, ч. 272, ноябрь, отд. II, стр. 80—104.

6549. *Gelfert.* Der Rastadter Gesandten mord. — Рец. 1875, ч. 177, январь, отд. II, стр. 286—287.

6550. Fasti Censorii quos composuit et commentariis instruxit *Carolus de Boor.* Berolini. 1873.—Рец. **М.** 1875, ч. 180, августъ, отд. V, стр. 99—100.

6551. **А. Кочетовъ.** Арабо-французскія школы въ Алжиріи.—1869, ч. 142, мартъ, отд. IV, стр. 71—91.

6552. Христофоръ—Яковъ Бостремъ. По поводу статьи о немъ Эдуарда Моцнера въ Philolog. Monatshefte. 1870. III. (Въ отд. Нов. иностр. ученой литер.).—1870, ч. 147, февраль, отд. II, стр. 458—465.

6553. Alexandri Secundi vicennalia. DXIX т. Februarii a. MDCCCLXXV.

СПИСОКЪ

собственныхъ личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ „Указателѣ".

Цифры при фамиліяхъ обозначаютъ номера статей „Указателя". Цифры, напечатанныя обыкновеннымъ шрифтомъ, показываютъ, что въ этихъ статьяхъ говорится о томъ лицѣ, при фамиліи котораго онѣ стоятъ, цифры же, напечатанныя жирнымъ шрифтомъ, указываютъ, что данное лицо является авторомъ этихъ статей.

А.

Б.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИСТА-ДВАДЦАТЬ-ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(май и іюнь 1899 года).

Василій Григорьевичъ Васильевскій (Некрологъ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именные Высочайшіе указы, данные Правительствующему Сенату.

Высочайшія повелѣнія.

Высочайшие приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Министерскія распоряженія.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Критика и библіографія.

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Въ приложеніи.

Объявленіе.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакціи „Филологическихъ Записокъ" дѣлаютъ запросы частныя лица, періодическія изданія и книжные магазины относительно того будетъ-ли издаваться этотъ журналъ. Въ отвѣтъ на запросы спѣшимъ сообщить что „Филологическія Записки" продолжаютъ издаваться. Запоздавшая вслѣдстіе смерти Редактора-Издателя А. А. Хованскаго 6-я книга за 1898 г. уже разослана подписчикамъ, а первая за текущій годъ выйдетъ въ маѣ мѣсяцѣ. Завѣдываніе редактированіемъ журнала поручено двумъ преподавателямъ гимназіи и утвержденіе ихъ въ этой должности отъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати нами уже получено.

Наслѣдницы **А. А. Хованскаго.**

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

